

Александра Николаевна Бахметева Полная история Христианской Церкви

*Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Полная история Христианской Церкви /А. Н. Бахметева. – 2-е изд. : Лепта Книга, Эксмо; Москва;
2010
ISBN 978-5-699-45840-0*

Аннотация

Александра Николаевна Бахметева (1825–1901) – известная писательница XIX века, почетный член Общества любителей российской словесности. В своих книгах, выдержавших много изданий, она излагала события библейской и церковной истории и пересказывала их для детей.

Предлагаемая книга повествует о временах появления и укрепления Христианской Церкви на земле. Судьбы империй и правителей, войны, народные движения и трагедии ересей тесно переплетаются с историей христианского учения, которое, собственно, и стало главной движущей силой жизни человеческого общества. Книга охватывает события первого тысячелетия со времени Рождества Христова. Написанная живым и ярким языком, она дает запоминающиеся образы известных людей прошлого и подвижников Церкви.

По благословию архиепископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана.

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Содержание

От издателей	5
Введение	6
Часть I	14
Глава I	14
Глава II	20
Глава III	27
Глава IV	37
Глава V	44
Глава VI	49
Глава VII	60
Глава VIII	67
Глава IX	72
Глава X	85
Глава XI	90
Глава XII	105
Глава XIII	119
Глава XIV	127
Глава XV	136
Глава XVI	146
Глава XVII	151
Глава XVIII	161
Глава XIX	170
Глава XX	182
Глава XXI	195
Глава XXII	210
Глава XXIII	221
Глава XXIV	233
Глава XXV	243
Глава XXVI	260
Часть II	268
Глава I	268
Глава II	278
Глава III	290
Глава IV	304
Глава V	315
Глава VI	333
Глава VII	340
Глава VIII	352
Глава IX	361
Глава X	368
Глава XI	383
Глава XII	389
Глава XIII	397
Глава XIV	409
Глава XV	417
Глава XVI	428

Глава XVII	434
Глава XVIII	439
Глава XIX	447
Глава XX	455
Глава XXI	462
Глава XXII	471
Глава XXIII	486
Глава XXIV	496
Глава XXV	502
Глава XXVI	509
Глава XXVII	520
Именной указатель	547
Список рекомендуемой литературы	559

Александра Николаевна Бахметева Полная история Христианской Церкви

От издателей

Столп и утверждение истины – так называет нашу Церковь святой апостол Павел (1 Тим. 3, 15). Мученики и исповедники, святители и преподобные, благочестивые цари и князья – их великое множество и все они посвятили свои труды, силы, а часто и саму жизнь основанию величественного здания Вселенской Церкви. Ее история – это, по сути, история человеческого общества: его возврата из многовекового периода варварства и одичания на путь духовного возрождения.

Спаситель пришел на землю тогда, когда наш мир стоял на краю гибели. Языческое общество, лишенное морали, уже не испытывало потребности в нравственности, что с горечью признавали его лучшие представители. Но, не имея нравственного вектора, оно было неизбежно обречено на катастрофу и, как следствие, на вырождение. Обширная Римская империя стояла на грани развала, а теснившие ее свирепые варвары с европейских окраин грозили уничтожить последние проблески мысли и духовных надежд. Казалось, древний мир уже перешел ту черту, откуда человеку, не имеющему веры в Бога, возврата нет. Но в этой *духовной немощи* вдруг *совершилась великая сила Божия* (2 Кор. 12, 9). Одно имя Христово – имя великой надежды страждущего человечества – подвигло сотни тысяч людей изменить течение жизни и дать начало новой – жизни во Христе.

История Церкви стала неотделима от истории человеческого общества, и события, описываемые в книге замечательной писательницы Александры Николаевны Бахметевой (1825–1901), вновь показывают, что только нравственная сила, зиждущаяся на Божиих заповедях, способна спасти от деградации и изменить наш мир к лучшему. Кровию Спасителя, Его страданиями и добровольной чистой жертвой Его последователей был утвержден новый закон существования человечества – *за други своя*.

Введение

Состояние мира до явления Спасителя. Краткий очерк

История Церкви, то есть общества верующих в Спасителя и Искупителя мира, разделяется на историю Церкви ветхозаветной и историю Церкви новозаветной. Первая излагает историю сотворения мира и человека, описывает жизнь людей, живших до Потопа, и судьбы народа, которому Господь дал откровение и с которым Он заключил Свой Завет.

Что такое Завет?

Завет (или договор) заключался в милостивом обещании Бога даровать спасение людям, уверовавшим в Него, послать им Спасителя. Первые люди (Адам и Ева) через свое непослушание, доверившись диаволу¹, утратили блаженство; а за ними и все потомство их, зараженное бесовским² превозношением и обессиленное грехом³, сделалось рабом страстей и смерти. Никто уже не мог надеяться собственными силами достигнуть утраченного блаженства и заслужить прощение. Но вслед за грехопадением человека и наказанием его является и беспредельное милосердие Божие. Господь обещает людям Избавителя и неоднократно повторяет Свое обещание через пророков⁴.

Веровавшие в обещание Бога и хранившие закон Его составляли ветхозаветную Церковь. Это были патриархи, пророки, праведники, которые жили до явления Спасителя. Вре-

---

¹ **Диавол** – клеветник, оболститель (греч.). Под этим именем разумеется сила зла – падшие духи, иначе называемые нечистыми или злыми, бесами, духами бесовскими, падшими ангелами. Глава их называется Вельзевулом, Велиаром, князем мира сего, князем бесовским, отцом лжи. Причину падения злых духов учение Церкви находит в гордости и высокомерии, в зависти к Творцу. Падение бесов признается за неизменное и окончательное, без возможности раскаяния и прощения.

² **Бес** – аналог греческого слова «демон» – один из древних духов, ангелов, в начале времен вовлеченных верховным архангелом Сатаниилом (сатаной, диаволом) в мятеж против Бога, и низверженный с Неба за это. Уделом падших ангелов с этих пор становится сопротивление Божественным силам и козни против людей, с намерением заполучить после смерти души их в свою власть. В Библии данный термин употребляется также для обозначения языческих божеств-идолов.

³ **Грех** – в греческом языке этому соответствует понятие отклонения или промаха (следует разуметь, мимо жизненной цели). В наиболее общем значении грех представляет собой уклонение творения от предусмотренного Творцом характера и предназначения, искажение замысла Божия о мире и человечестве, отказ от Божественной благодати с предпочтением своей воли. В Библейском контексте «грех» часто соседствует с понятием «зла» и «смерти». Апостол Павел говорит о грехе, как о жале смерти (1 Кор. 15, 56), а о смерти – как о возмездии за грех (Рим. 6, 23). Грех есть осуществление, воплощение зла – как противоречия Божественной воле. В индивидуальном значении грех – это поступки, мысли и чувства конкретного человека, расходящиеся с голосом совести и заповедями Бога. Кроме того, для ветхозаветного и новозаветного нравственного богословия краеугольным является представление о т. н. «первородном грехе» – повреждении, которое вносится в мир после преступления Адама и Евы. Первородным грехом характеризуется общее несовершенство падшей человеческой природы и обстоятельств человеческой жизни, их склонность ко злу. Разобщение между людьми, болезни и смерть – это следствия первородного греха, которыми охвачены все люди земли. В Таинстве Крещения (возрождения верой и вступления в Церковь) закон первородного греха утрачивает безусловную власть над душой. Крестившись, человек по-прежнему остается несовершенным и смертным, но личная воля его освобождается из-под греховой предопределенности и получает возможности выбора между добром и злом, истиной и ложью. Грехи бывают невольными – когда совершаются по незнанию; вольными – когда человек знает и не предпринимает попыток сопротивляться противозаконному. В Писании, кроме того, упоминается о грехах к смерти (сознательных, тяжких, омертвляющих душу) и грехах не к смерти (совершенных по неосторожности, временной слабости или обычаю). Тяжелейшими из грехов являются хула на Бога, покушение на святую, отчаяние в милосердии Божием, самоубийство, гордыня или беспечность о спасении. Некоторые грехи, состоящие в особенной несправедливости – например, обида, нанесенная сироте или вдовице, – называются грехами ми, вопиющими к Богу об отмщении.

⁴ **Благовещение** – общее значение этого слова – добрая, радостная весть, благовестие. Более узко в новозаветной истории Благовещением называется событие встречи Пресвятой Девы Марии с Архангелом Гавриилом, произошедшее в галилейском городе Назарете. Божественный посланник возвестил Марии о скором рождении от Нее Мессии, Спасителя мира. В память об этом Церковью установлен праздник Благовещения, отмечаемый ежегодно 25 марта (7 апреля по гражданскому календарю) и входящий в число двенадцатых праздников. С днем Благовещения символически совпадает приход весны и пробуждение природы. По народной традиции, в этот праздник принято выпускать птиц на волю, что также понимается как олицетворение жизни, духовного взлета, освобождения.

менами Церковь бывала очень немногочисленна, ибо народ израильский часто забывал Бога и предавался идолопоклонству. Но всегда находились люди, свято хранившие закон, данный Богом, и с непоколебимой верой ожидали явления обещанного Мессии.

Обещание исполнилось. Христос, Единородный Сын Божий, сошел на землю, чтобы страданиями и смертью искупить грехи мира, примирить людей с Богом и даровать уверовавшим в Него жизнь вечную и Царство Небесное. Новозаветная Церковь, основанная Иисусом Христом и распространенная апостолами при содействии Святого Духа, состоит из всех тех, которые веруют в пришедшего Спасителя и принимают Святое Крещение во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, как повелел Христос.

Неразрывная, живая связь соединяет ветхозаветную Церковь с новозаветной. Господь Сам законодатель Своего народа; Он чрез Моисея установил образ служения и правления ветхозаветной Церкви. Но и в законе, и в обрядах виден прообраз будущей Церкви, – точно так же, как и в событиях ветхозаветных прообразуется будущее спасение чрез обещанного Избавителя, или Мессию. Ветхозаветные пророки, вдохновенные свыше, постоянно указывают на будущее явление Спасителя, на новый закон, который впишется в сердца, на великий Свет, который озарит сидящих во тьме неведения, на величие и непоколебимость Церкви Христовой.

Предмет нашего повествования составляет история новозаветной Церкви. Мы расскажем, как слово Божие, проповеданное вначале в Иудее, проникало даже в самые отдаленные страны и возрождало уверовавших во Христа к новой, лучшей жизни. Мы постараемся показать деятельность святых благовестников, чистый образ жизни первых христиан, твердость и терпение христианских исповедников и мучеников.

Каждому члену христианской Церкви необходимо внимательно изучить ее историю. Как в жизни отдельного человека, так и в жизни целого народа непременно проявляется его вера. По мере того как люди принимали учение Христово, жизнь их становилась нравственнее, стремления – чище, законы улучшались; ибо должны были соответствовать образцам нравственного совершенства, которое дано в христианском учении. Для нас, христиан, истинное просвещение страны определяется степенью адекватности ее законов и обычаев учению Христа как единого источника света и истины. Поэтому история распространения Церкви Христовой несравненно важнее, чем описание жизни народов, состоящее, главным образом, из перечисления битв и завоеваний. Она наглядно показывает силу и благодать Бога. Мы видим труды и страдания верных служителей Господа; видим, что Церковь вначале была малочисленна, окружена сильными и многочисленными врагами. Власти и косное общественное сознание восстали на нее, всеми средствами стараясь погубить, употребляя насилие и гонение. По временам ложные толкования омрачают чистоту ее учения, но все тщетно: Церковь, освященная Духом Божиим, хранимая Богом, не может погибнуть. Все усилия врагов ее обращаются на ее же пользу, а гонения служат лишь к ее славе и возвеличению. Исполняется в точности пророчество Исая: «Всякое орудие, сделанное во вред тебе, будет бессильно, и всякий язык, который станет судиться с тобой, ты обличишь» (Ис. 54, 17). Доселе Церковь Кафолическая, или Вселенская, Православная, Апостольская, хранит все, что заповедал Господь ученикам Своим и что впоследствии внушил им Дух Святой. Вера Христова, проникшая в самые отдаленные страны, напоминает ныне могучее дерево, выросшее из малого зерна. Церковь осенила своими ветвями весь мир, даруя верующим силу, отраду, утешение, жизнь духовную со всеми ее благами.

* * *

Прежде чем приступить к изложению событий церковной истории, необходимо сказать вкратце о том состоянии мира, в котором он находился ко времени явления миру Господа нашего Иисуса Христа.

Кроме иудеев, получивших откровение о едином Боге, все народы мира тогда поклонялись многочисленным богам и кумирам (их изображениям), то есть были язычниками. В данном повествовании нет необходимости рассказывать о том подробно. Народы находились на разных ступенях развития. Их культура и религиозные культы были во многом обусловлены природными и климатическими условиями, степенью влияния соседей, сложившимися историческими традициями и т. д.

В разное время народы достигали то своего расцвета, то упадка. В тот исторический период, с которого мы начинаем свое повествование, самым сильным народом были римляне. Силой оружия они покорили себе многие страны, достигнув высшей степени могущества и славы. Но их религиозные представления были в упадке. Самое нелепое идолопоклонство или совершенное безверие, соединенное с грубым суеверием, господствовало в пышной столице мира, Риме. В богопочитании римлян не было ничего, что могло бы возвысить душу и внушить человеку правила нравственности и добра; разврат и жестокость, вместе с изнеженностью и невероятной роскошью, достигли в Риме до крайних пределов. «Хлеба и зрелищ» – вот основной девиз и кредо римлян.

Язычники (по крайней мере, тех стран, что входили в состав Римской империи) в ту пору уже мало верили в могущество своих богов, хотя и продолжали совершать положенные обряды, установленные законом и обычаем. Но человеку свойственно верить в высшую силу и стремиться к познанию истины. Пока эти стремления не заглушены пустой и суетной жизнью, они предохраняют от нравственного падения. В Риме в этот период такие стремления проявлялись уже слабо, хотя в провинциях, особенно в Греции и на Востоке, они пробуждали в умах стремление уразуметь единое Божество. Греция, страна когда-то сильная, в то время уже потеряла гражданскую независимость и вошла в состав Римской империи. Но она стояла выше Рима образованностью; в ней процветали науки и искусства, из других стран приезжали учиться именно в Грецию. Ученые греки не могли верить прежним богам, старались уяснить себе цель и назначение человека⁵. Толкования и заключения их были очень разнообразны; так возникли различные школы или системы философов (философ, собственно, значит «любитель мудрости»). Некоторые из учений философов были довольно возвышенны, прославляли добродетель и сообщали (хотя и смутное) понятие о едином Божестве и бессмертии души. Но без откровения свыше человек не может познать высшей истины – Божества; и мудрые философы, при всех усилиях ума и воли, словно блуждали во мраке и томилась сомнением и неизвестностью.

Единственные слабые лучи истины проникли в их учения чрез иудеев, которые были тогда рассеяны в разных странах мира и знакомили иноплеменные народы с понятием о едином Боге, Творце мира. Многие иноплеменники даже принимали закон Моисеев, чему сильно способствовало то, что лет за 280 до Рождества Христа Священное Писание было переведено на греческий язык, распространенный тогда по всему Востоку⁶. Но и на Востоке

---

⁵ О разочарованности греков в своих богах упоминает и св. апостол Павел, увидевший на одной из площадей Афин жертвенник с надписью «Неведомому Богу» (см.: Деян. 17, 23).

⁶ Это случилось в эпоху Птолемеев, когда царь Египта Птолемей II Филадельф (285–246 гг. до Р.Х.) послал в Иерусалим начальника своей стражи Аристия Александрийца к первосвященнику Елеазару, прося текст Пятикнижия. Иудейский первосвященник вместе с текстом прислал к Птолемею II и 72 мудрых книжников, каждый из которых работал над переводом отдельно. Закончив свой труд, толковники сверили тексты друг с другом, и оказалось, что они совершенно

понятия, заимствованные от иудеев, сливались с разнообразными толкованиями, которыми восточные мудрецы старались объяснить сотворение мира и явления природы.

Римляне подчинили себе страны ойкумены⁷ не только силой оружия, но и веротерпимостью. Они признавали за каждым народом право почитать свои богов, даже построили в Риме Пантеон (Храм всех богов), куда поместили изображения божеств всех подвластных им провинций. Единственное требование, выполнение которого они требовали неукоснительно, – воздавать божеские почести императорам. Иначе говоря, признавая иноплеменных богов, римляне требовали признания божественного происхождения своей власти.

Остальные народы к богопочитанию римскому или греческому примешивали еще более нелепые басни и более грубые суеверия. О странах северных, и в том числе о тех, которые ныне составляют Россию, почти нет достоверных сведений; народы, населявшие их, большею частью поклонялись кумирам.

Земля Обетованная в те времена была очень благодатным уголком планеты, поэтому постоянно подвергалась нападению со стороны более сильных государств и народов. Из-за своего непостоянства и разногласий между коленами (племенами) евреи оказывались под владычеством то вавилонян, то египтян, то греков, то сирийцев⁸. Перед явлением Христа иудеи, сохранившие видимость политической независимости, были под господством римлян. Многие из них ничуть не тяготились их владычеством, а, напротив, активно их поддерживали, их помощью укрепляя и свою власть. В основном это была политическая и духовная элита. Однако народ в подавляющем большинстве своем ненавидел римлян и ждал пришествия Мессии, Который избавил бы их от завоевателей. Задолго до этого сошел с исторической арены и Израиль. Иудеи боялись повторения с ними его трагедии, поэтому считали, что только сохранением своего закона и преданности Сущему смогут устоять перед процессом ассимиляции с соседними народами⁹.

В силу конкретных исторических условий культ единобожия евреев стал все больше приобретать ярко выраженные национальные черты. Можно было сохранить единство нации только сохранением веры. Ощущая свою исключительность среди многобожия язычников, евреи с презрением относились к религии соседних народов. Чтобы ускорить пришествие Мессии, они старались в точности соблюдать положения Закона Моисея. Но дух его по-прежнему оставался для них сокрыт. Они усвоили только букву его, его обряды и пред-

---

идентичны. Среди этих 72-х толковников был и св. Симеон Богоприимец, доживший до Рождества Иисуса Христа. Именно перевод 70 – Септуагинта (так для краткости называют труд 72 толковников) и лег в основу церковнославянского перевода Ветхого Завета.

⁷ Именно это и послужило в дальнейшем основной причиной гонений на христиан, которые отказывались признать иного Бога, кроме Христа.

⁸ Существенным моментом предыдущей истории ветхозаветной Церкви, в значительной мере предопределившей дальнейшее порабощение Земли Обетованной, стало разделение Иудеи в 980 г. до Р.Х., случившееся в царствование Ровоама, сына и преемника царя Соломона. Подданному царя Соломона, Иеровоаму, удалось возмутить десять колен из двенадцати против законной власти. Соломон хотел умертвить Иеровоама, но тот убежал в Египет и был там до смерти законного царя, а затем возвратился в Сихем. Явившись с собранием израильтян к новому царю в качестве народного представителя, Иеровоам потребовал от него облегчения податей. Когда Ровоам отказался это исполнить, десять колен, взбунтовавшись, поставили себе царем Иеровоама. Только Иудино и Вениаминово колена остались верными Ровоаму. Опасаясь, чтобы дом Давидов вновь не воцарился над Израилем, Иеровоам ввел в царстве Израильском идолопоклонство и языческие обряды. Первоначально столицей Израильского царства был Сихем, а затем Самария. Израильское царство имело 18 царей и, просуществовав 254 года, пало в 721 г. до Р.Х. со взятием Самарии Салманассаром. Иудейское царство существовало несколько дольше – около 392 лет – и имело 20 царей. Оно пало около 588 г. до Р.Х. после завоевания Иудеи Навуходоносором и разрушения Иерусалима. К несчастью, цари его в своем большинстве, как и народ, также часто забывали Истинного Бога и уклонялись в идолопоклонство. Потому-то народ иудейский переселение в Вавилон при Навуходоносоре воспринял как наказание от Бога.

⁹ Начавшая еще до Александра Македонского и увеличившаяся в эллинистическую эпоху, еврейская миграция из Палестины привела к тому, что почти в каждом городе империи возникали шумные, но обособленные еврейские кварталы, жители которых сохраняли через синагогу редкое единство. По подсчетам историков, в этом еврейском рассеянии жило не меньше 4 миллионов евреев, при том, что римское население составляло около 50 миллионов

писания, и стремились соблюдать их неукоснительно, убежденные в том, что этого вполне достаточно. Как собственными заслугами, величались они благодеяниями, оказанными им Богом; но не любовь и благодарность внушали им эти милости, а гордое чувство своего превосходства над прочими народами, которых они считали навсегда отлученными от милости Божией и от спасения. Одних себя считали евреи по праву потомками Авраама, предназначенными к славе и спасению. Блага, которые они ожидали от пришествия Мессии, тоже были чисто внешние. Евреи были уверены, что Он будет великим царем, освободит их от владычества римлян и возвеличит над всеми народами мира. Конечно, между ними были души, готовые озариться благодатью Христовой, – пророки, но число их было невелико. Именно они явились предвестниками явления Мессии не в царском величии, а в уничиженном виде, не ревностным исполнителем буквы закона, а его духа. Евреи, однако, не понимали, что в пророчествах о Спасителе говорится о свободе духовной, о благах небесных, о царстве не земном и что надо готовиться к принятию Мессии покаянием, смирением и любовью. Понятно, как тяжело было для них осознавать подданство народу, который они презирали и ненавидели, и с каким нетерпением они ожидали Избавителя. Но иудеи были разделены на множество сект, различно объяснявших смысл Священного Писания и враждовавших между собой.

Внимательный взгляд на состояние древнего мира показывает, что все человеческие средства были исчерпаны и оказались бессильными дать человеку то, что ему больше всего нужно, – даровать его душе покой и отраду. Несмотря на то что языческий мир достиг высокой степени умственного развития и земного величия, в духовном отношении он оказался в тупике: идолопоклонство, грубое суеверие, состояние томительного сомнения, самое тяжкое для души человеческой, разврат и страшная жестокость нравов. Образ жизни иудеев убеждал в том, что недостаточно получить и небесное откровение, если ожесточиться против него своим сердцем. Образ жизни пророков и их вдохновенные речи внушали мысль о том, что небесная истина просияет лучами благодати лишь в тех сердцах, которые принимают ее со смирением, с благодарностью и любовью. Кроме того, для принятия истины нужно содействие и человеческой воли. Мир как бы томился и страдал в ожидании света и спасения¹⁰. Знаменательно, что в ту пору во многих странах распространилась мысль, что в Иудее должен и скором времени явиться вождь, который покорит себе все народы мира.

И это время настало. Близ Вифлеема, маленького города Иудеи, раздается вдруг песнь Ангелов, возвещающая людям мир и радость избавления: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14). Христос, Сын Божий, Спаситель мира¹¹, родился

¹⁰ **Страдание** – тягостное, болезненное состояние человеческой души, возникающее вследствие отказа человека от истинного бытия в Боге, отвержения Божественного мира и благодати. Источником страданий является сам неестественный искаженный земной порядок вещей и взаимоотношений, а также греховные поступки людей. В деле исправления и спасения души страдания имеют промыслительное значение, так как отвлекают человека от мирских дел и утех, убеждают в бренности его существования и обращают к Богу. Библия говорит: *человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх* (Иов 5, 7). Помимо этого, за страданием признается испытующее и очищающее значение. Встречать невзгоды и переносить страдания не есть признаки отвержения Богом, но особой заботы Небесного Отца о благе людей: *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6). В Новом Завете путь страдания освящается образом и примером Спасителя. Терпеливо, с благодарением переносить страдания – сознательный выбор христианина, идущего крестным путем, по стопам Своего Господа. Проблема страданий из плоскости этики (за что страдает праведный Иов?) переносится в плоскость аскетики и домостроительства Божия. *Кратковременное легкое страдание наше, – свидетельствует ап. Павел, – производит в безмерном преизбытке вечную славу* (2 Кор. 4, 17).

¹¹ **Иисус Христос** – Воплощенный Божественный Логос, второе Лицо Святой Троицы, Спаситель мира, Богочеловек. Слово «Христос» значит «помазанник» и представляет собой греческий перевод еврейского «машиах» – обетованный Мессия, Царь и Избавитель. В эпоху, предшествующую Рождеству Христову, евреи ожидали видеть в Мессии человека – посланца Яхве, национального вождя и избавителя от власти римлян, праведного, непобедимого и вечного царя из рода Давида. Пришедший в мир Спаситель Иисус Христос имеет не человеческое, но Божественное достоинство. Сам Сын Божий воплотился в смертного человека и таким образом наделил человеческую природу способностью возвышаться до Богочеловечества. Миссия Христа не укладывалась в земные представления о славе и всемогуществе; она состояла в том, чтобы, пройдя через страдания и смерть, Божественной силой превозмочь эти последствия грехопадения и освободить

в Вифлееме, от бедной Девы царского рода Давидова. Царь мира рождается в пещере, куда загоняли скотину; кладется в ясли; и великое событие возвещается Ангелами небесными смиренным пастухам, которые первые поклоняются Христу. В чудесном повествовании Евангелия о рождестве Спасителя как бы прообразуется весь ход новозаветной истории. Царь мира – и ясли! Бедные пастухи – и Ангелы во славе небесной! Небесное величие рядом с крайней земной нищетой и слабостью! И это сочетание нас удивит не раз. Нам беспрестанно будет являться сила небесная в соприкосновении с человеческою слабостью. Первые последователи Христа – не мудрые, не сильные, не славные мира сего. Господь являет Себя немощным и смиренным; они – свидетели Его чудес, слушатели Его слова; они понесут Его учение до края земли. Он откроет Себя не гордым, надеющимся на собственные силы и уповающим на собственную праведность, но тем, которые смиренным сердцем осознали свою духовную немощь. Тем Он явит небесную славу Свою, укрепит силой Своей, обогатит благами, озарит светом, перед которым скудны и ничтожны все блага мира сего и лучшие проявления человеческого разума и человеческой силы.

Исполнилось то, о чем говорили закон и пророки: Сын Божий сошел с неба¹², чтобы учением Своим просветить и Кровию Своей искупить падшего человека. Он принял на себя плоть человеческую, жил с людьми, учил их, исцелял недуги, прощал грехи, предложил им отраду и утешение: *Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас* (Мф. 11, 28); явил свет истины: *Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме* (Ин. 12, 46). Но ослепленные гордыми мечтами о земном величии, иудеи не признали Христа Господа в смиренном Иисусе и предали Его на смерть, как злодея. Совершается искупление рода человеческого кровию Сына Божия. Он, безвинный, страдает за нас, виновных. Он, как предрекли пророки, язвен за грехи наши, мучим за беззакония наши, причислен к злодеям, на кресте искупает грех Адама, примиряет людей с Богом¹³. Он

дальше человека от предопределенности к адскому плену. Наружно это служение выглядело, как смиренное принятие всех тягот и бедствий человеческого существования, и меньше всего напоминало торжество Божественной справедливости и установление земного Царства Израилева. По этой причине Сын Божий оказался неузнан в Своем настоящем, Небесном достоинстве, в т. ч. и ближайшими учениками. Иудейские же начальники и народ с презрением отвергли и распяли своего Избавителя. И только сверхъестественные события Воскресения, многократные явления Спасителя ученикам, Вознесение и Сошествие Духа Святого заставили иначе принять подвиг и Личность Того, Которого, по словам ап. Иоанна Богослова, *видели очи и осязали руки*, – Слова жизни (1 Ин. 1, 1). С этих пор Евангелие – благая весть о Воплощении и Крестной победе Иисуса Христа становится стержнем земной истории, всех человеческих судеб. Вопрос об Иисусе Христе – веры в Божество и спасительность Его миссии, проникновения в замысел Боговоплощения – является центральным вопросом человеческой совести. Окончание времен, по Писанию, наступит тогда, когда свой выбор перед лицом Евангельской веры в Иисуса Христа совершат все народы земные.

¹² **Рождество Христово.** Главное чудо Рождества, как поясняют отцы Церкви, заключено в самом Боговоплощении или Вочеловечении, когда Бог не просто временно принял внешний вид человека, но подлинно стал человеком, сохраняя за Собой человеческую природу и по Своем отшествии из мира. Далее, в Рождестве раскрывается таинство Богоматеринства – данной от Бога чудесной возможности женщине земли стать Матерью Самого Бога. Наконец, замечательны и сверхъестественны события, предварявшие и сопровождавшие Рождество Спасителя: Благовещение Пресвятой Богородицы (извещение Ее о будущем Рождестве), Непорочное Зачатие Иисуса Христа от Духа Святого, знамения Рождества. Христианская Церковь празднует великое событие Рождества Христова 25 декабря (7 января). К этому дню завершается 40-дневный Рождественский пост. Общим обычаем христиан является Рождественская елка. Вечнозеленое дерево, среди зимы она напоминает о непрекращающейся жизни и наряжается в знак приношений Христу. По своему значению праздник Рождества Христова почитается вторым после Святой Пасхи. Начиная со дня Рождества, вплоть до Крещенского сочельника, продолжают Святки – дни христианского ликования о пришедшем в мир Сыне Божиим

¹³ **Распятие и Искупление.** Последними событиями земной жизни Спасителя, имеющими особенное значение для Искупления (букв. «выкупа», «освобождения от вины») человечества, являются Суд, Распятие и Воскресение Христовы. Не исполнив надежды евреев на избавление от владычества римлян и возвышение царства Израилева, Иисус Назарянин в глазах их стал казаться презренным обманщиком. Фарисеи, священники и начальники иудейские, которых Христос неоднократно обличал в грехе, и вовсе питали к Нему личную ненависть. Они решили избавиться от опасного бунтовщика, для чего применили подложные обвинения и осудили невинного на мучительную и позорную казнь – распятие, – которая и совершилась на третий день на Голгофе, невысоком холме возле Иерусалима. Православное учение исходит из нескольких значений Распятия и Крестной Смерти Спасителя. В целом оно не отвергает того главенствующего в западном богословии понимания, согласно которому Христос отдал Себя на смерть вместо людей. Однако Православие решительно не соглашается с трактовкой Божественно го замысла как юридического принципа, поставляющего Самого Бога в зависимость от

умирает смертью обычного земного человека, но на третий день воскресает, победив смерть и тем самым даруя воскресение и жизнь всем, верующим в Него; через сорок дней по воскресении Он со славою возносится на небо.

Господь устроил и упрочил Церковь Свою на земле, обещал ученикам Свое постоянное присутствие между верующими и ниспослание им благодати и помощи свыше. Апостолам, которые следовали за Ним и слышали учение Его, Он повелевает распространять это учение по всей земле. Он дает им власть вязать и разрешать, прощать грехи и силу, чтобы творить чудеса, сказав в предсмертной беседе: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас... По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 34–35). Любовь к Богу и ближнему – вот что должно одушевлять верующих, возбуждать их деятельность, внушать им бодрость и терпение. Господь знает, что ученики Его – люди слабые и немощные и что дело, которое Он поручил им, трудное; но Он обещает послать им Утешителя, Духа Истины, Который наставит их на всякую правду, напомнит им все, что Он говорил, и даст им премудрость и силу. Господь знает, что Его ученикам предстоят гонения: *Будут гнать вас, предавая в синагоги и темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое... Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам премудрость... которой не возмогут противиться* (Лк. 21, 12, 14–15).

В продолжение сорока дней Господь являлся ученикам, беседовал с ними о Царстве Небесном и, конечно, в это время дал им все наставления, нужные для предстоявшего благовествования, но обещал, что постоянным их наставником будет Дух Святой, Которого, по молитве Сына, пошлет им Отец Небесный. *Идите по всему миру, – говорит Господь ученикам, – и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16,15–18). *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 19–20).

Господь в последний раз собрал учеников Своих на гору Елеонскую (или Масличную) и повторил им повеление возвещать Евангелие и проповедовать во имя Его покаяние и оставление грехов. Он сказал им: *Я пошлю обетование Отца Моего на вас: вы же оставайтесь в... Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше* (Лк. 24, 49). *Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней... будете крещены Духом Святым* (Деян. 1, 5).

справедливого воздаяния и требующего, чтобы безмерная жертва Христова, взамен человечества, приносилась в умиловление Небесного Отца и Судии. Евангелие свидетельствует о великой любви Бога Отца к людям как о первопричине Пришествия Христова: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). В соответствии с этим Пресвятая Троица должна представляться Предвечным Советом Любви, в Котором согласно совершается жертва для исполнения замысла о человечестве. Каков этот замысел? Отцы Церкви связывают его с намерением Бога не просто вернуть человека к райскому состоянию, но, приобщив к Себе, привести к Богочеловеческому достоинству. Любое другое дело не требовало бы Воплощения Сына Божия в земного человека. Даже победа над адом могла быть достигнута по одному изъявлению Божией воли, без всякого человеческого участия. Но Бог становится человеком, дабы Своей силой исцелить большое грехом человеческое естество, проведя его через искушения земной жизни, смерть, адский плен к Воскресению и Вознесению на Божественную высоту. В плане космическом Распятие и Воскресение в корне меняют вселенную. Ад, бывший прежде закрытой, обособленной частью космоса, оплотом демонических сил, после Сошествия Христа утрачивает свою прежнюю власть над душой человека. Для объяснения происшедшего святые отцы используют образ ловушки или удочки, на которую по злости и гордости попадает диавол. Взглянув на Сына Божия, ходящего по земле в образе слабого, уязвимо го человека, он не может удержаться от соблазна умертвить Его и заполучить к себе в ад. Однако добыча оказывается не по нутру преисподней: смерть не имеет власти над Тем, Кто Сам есть Вечная Жизнь. Ад принужден вместе со Христом изрыгнуть из своей утробы души праведных. Подробному воспоминанию событий Распятия и Крестной Смерти Спасителя в Церкви посвящены богослужения Страстной Пятницы. Это – кульминация дней Великого поста и Страстной седмицы, переход к ожиданию Великой Субботы и следующей за ней Пасхальной Воскресной ночи.

Сами ученики в то время еще не вполне понимали все значение пришествия Спасителя на землю. Это понимание должно было раскрыться в них постепенно, при помощи Святого Духа; теперь же, и по воскресении Христовом, они ожидали от Спасителя, что Он возвратит Израилю величие и свободу. *Господи, – спросили они, – не в сие ли время Ты восстановишь царство Израилю? Господь отвечал им: Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец представил Себе; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии даже до последнего края земли* (Деян. 1, 6–8).

Затем Он благословил их и вознесся на небо¹⁴. Долго изумленные ученики следили за Ним, пока светлое облако не скрыло Его от очей их; вдруг предстали им два Ангела и сказали: *Галилеяне, что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1, 11). Тогда ученики возвратились в Иерусалим с великой радостью. Причиной их радости было, конечно, милостивое обещание Господа быть всегда с ними и послать им всемогущего Утешителя.

Первые известия о распространении Церкви Христовой сообщены святым евангелистом Лукой в Книге Деяний апостолов. Великое благодеяние Божие, что для изучения первого времени мы имеем боговдохновенные Писания, не допускающие и тени сомнения в их достоверности: Деяния Апостольские и Послания Апостольские. Обыкновенно начало гражданского быта народов скрывается во мраке неизвестности; первые известия о них смутны и недостоверны. Это обстоятельство не представляет великой важности в гражданской истории; но не так в истории церковной: в ней начало – самое важное, ибо этому началу, положенному ее Божественным Основателем, должна она оставаться верной в постепенном своем развитии. Потому особенно важно и необходимо изучение апостольских времен. Прибавим, что оно и весьма отрадно для нас; ибо мы можем убедиться, что Православная Восточная Церковь, к которой мы принадлежим, сохранила верно все, завещанное Христом; что она действительно утверждена *на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем* (Еф. 2, 20).

Несомненно, однако же, что не все постановления и наставления апостолов содержатся в Посланиях и Деяниях. Из самих посланий мы знаем, что кроме письменных апостолы давали и устные наставления. Поэтому необходимо знать, как поступала Церковь в первые времена своего существования, при апостолах и их ближайших преемниках; как понимала она и объясняла святое учение.

Это мы знаем через Священное Предание. Предание есть известие об устройстве Церкви, обрядах богослужения, обычаях, учении и управлении, принятых Церковью в первые века ее существования. Оно сохранилось в описаниях святых мужей, живших в первые века христианства, в образе действий Церкви; сложилось из учреждений апостольских и их устного учения, которым свято руководствовалась Апостольская Церковь.

---

¹⁴ **Вознесение Господне** – событие, описанное в книге Деяний (1, 4–12), когда Воскресший Спаситель собрал учеников на горе Елеонской, дал им последние наставления и поднялся от земли на Небо. Чтобы апостолы не печалились о разлучении с Господом, им было обещано, что вскоре с Неба на них снизойдет Утешитель, Дух истины, а Иисус Христос, вознесшийся к Богу Отцу, вернется на землю во Втором Пришествии. В честь этого события Церковью принято отмечать праздник Вознесения. Он совершается на 40-й день после Пасхи и имеет древнюю историю. Известно, в частности, что уже в IV и V веках праздник Вознесения Господня был общим для всей Церкви. В настоящее время он принадлежит к числу самых главных, двенадцатых праздников. С праздником Вознесения завершается сорокадневное пасхальное торжество.

Часть I

Глава I

Сошествие Духа Святого. Церковь апостольская в Иерусалиме

Деяния апостолов, гл. 1–5

По Вознесении Господа апостолы возвратились с горы Елеонской в Иерусалим, с верою ожидая обещанного им Утешителя и Наставника, Духа Святого. Они пребывали в постоянной молитве в горнице на горе Сион. Некоторые полагают, что это была та самая горница, в которой Господь совершил Тайную Вечерю. У иудеев был издревле обычай отделять вверху дома комнату для молитвы; горница и есть та верхняя комната. Тут были Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иаковлев. С апостолами были в постоянной молитве Пресвятая Дева Богородица, некоторые женщины, служившие Господу, и другие из уверовавших – всех около ста двадцати человек. Так малочисленна была тогда Церковь Христова, которая должна была распространиться *«до последнего края земли»*.

Одним из первых действий учеников было избрание на место Иуды Искаротского другого апостола, дабы восстановилось число двенадцати первоначально избранных Господом. Иуда не мог стерпеть угрызений совести и в отчаянии лишил себя жизни. Петр, став посреди учеников, предложил избрать одного из тех, которые находились с ними при Господе, от Крещения Его до Вознесения. Все согласились; поставили двух учеников: Иосифа, прозванного Иустом, или Праведным, и Матфия, и в молитве просили Господа Сердцеведца указать, кого из двух Ему угодно избрать на апостольское служение. По молитве бросили жребий, он пал на Матфия, и его причислили к одиннадцати апостолам.

Прошло десять дней после Вознесения, настал день Пятидесятницы¹⁵. Этот праздник издревле совершался торжественно на пятидесятый день после Пасхи, в воспоминание дарования закона Моисею на горе Синайской. Господу приносили в знак благодарности первые плоды жатвы, синагоги и дома украшались ветвями, последователи закона Моисеева собирались в Иерусалиме из всех стран мира. В то время уже не одни иудеи признавали закон Моисеев, но и множество иноплеменников приняли его: одни со всеми его обрядами, другие же, не исполняя всех обрядов, признавали учение и поклонялись единому Богу. Иудеи называли прозелитами (пришельцами) иноплеменников, обращенных в их веру. Итак, в Иерусалиме находилось множество народа из разных стран. Этот торжественный день, уже прославленный дарованием закона на горе Синае, был избран Господом, чтобы излить на учеников силу свыше для распространения нового закона.

Верующие молились единодушно в горнице на горе Сионе, как вдруг, в третьем¹⁶ часу дня (что по-нашему значит в девять часов утра), сделался шум как бы от сильного ветра; и Дух Святой в виде огненных языков ниспустился на каждого из них. И внезапно все, исполнившись Духа Святого, получили дар говорить разными языками. На шум сбегалось множество народа; и все дивились, слыша, что ученики Христовы говорят с каждым на его соб-

---

¹⁵ Древние иудеи праздновали Пятидесятницу, которая иначе называлась праздником седмиц, или праздником жатвы, в память дарования закона на пятидесятый день после исхода их из Египта (Ветхозаветной Пасхи). В этот день в жертву приносились первые земные плоды.

¹⁶ Иудеи считали часы от восхождения солнца. Третий час был часом молитвы, и до него не принимали пищи.

ственном наречии. «Что это значит? – говорили они. – Ведь эти люди все галилеяне, как же они говорят на разных наречиях? Здесь собраны и парфеяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и стран Ливийских, пришедшие из Рима иудеи, обращенные из язычников, критяне и аравитяне; и все мы слышим, что они на наших наречиях проповедуют великие дела Божий!»

Сошествие Святого Духа на апостолов. Икона. Середина XV в.

Но если некоторые изумлялись, другие, не понимавшие речи апостолов к иноплеменникам, смеялись и говорили: «Они, должно быть, пьяны». Апостолы встали, и Петр сказал собравшемуся народу: «Иудеи и все жители Иерусалима! Знайте это и внимайте словам моим; они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь еще третий час дня; но это есть то, что предсказано пророком Иоилем: *«И будет по сих, – говорит Господь, – излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши... и юноши ваши будут видеть видения... и старцам вашим будут сниться сны... И на рабов Моих, и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать. И покажу явления на небесах вверху, и знамения на земле внизу, кровь, огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный... И всякий, кто призовет имя Господне, спасется»* (см.: Иоил. 2, 28–32). Долго еще говорил Петр. Вместе со знанием языков Господь даровал ученикам премудрость, силу, твердость духа. Он сказал им заранее: «Не беспокойтесь о том, как и что вы говорить будете; дастся вам, что говорить; ибо не вы говорить будете, а Дух Отца вашего». Дух Святой и внушил Петру слова его. Напомнив слушателям пророчества о Спасителе, он сказал, что Тот Самый Иисус Назорей, Которого они распяли, пригвоздив к кресту руками беззаконных, воскрес из мертвых, вознесся на небо и, приняв от Отца обещанного Духа, излил Его на учеников Своих. Он бесстрашно свидетельствовал, что Сей Иисус есть Христос и Господь.

Эта речь, первое свидетельство об Иисусе Христе народу после воскресения Его, произвела сильное действие. Слушатели умилились сердцем и, признав прегрешения свои и свою немощь, воскликнули: «Братья, что нам делать?»

«Покайтесь, – сказал им Петр, – и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа. Ибо обещание дано вам и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (Деян. 2, 38–39). И многими другими словами убеждал и увещевал их Петр, говоря: «Спасайтесь от рода сего развращенного». Многие уверовали и просили крещения; и присоединилось в этот день к Церкви около трех тысяч человек.

Так приступили апостолы к проповедованию слова Господня в Иерусалиме; они проповедовали покаяние и возвещали прощение грехов и спасение именем Христа распятого. Крещением присоединялись верующие к Церкви, как повелел Господь. Как мы видим из повествования евангелиста, первые обратившиеся сделались воистину последователями Христа. Полные смирения, любви к Богу и ближним, они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитве. Для молитвы они собирались в храме, а преломление хлеба совершали по домам. Так называлось Таинство Евхаристии, или Причащение, установленное Господом на последней Его Вечери с учениками; оно же называлось и Вечерею Господней. Этого великого священнодействия они не могли совершать в Иерусалимском храме, а только между собой, между верующими во Христа Спасителя... И принимали пищу в веселии и простоте сердца, восхваляя Бога, как говорит святой евангелист Лука, и были любимы всем народом. Господь же ежедневно присоединял спасаемых к Церкви.

Распространению Церкви помогал дар чудотворения, который Господь дал ученикам Своим. Однажды Петр и Иоанн шли вместе в храм на молитву в девятом часу дня. У дверей храма сидел человек, хромой от рождения, и попросил у них милостыню. Петр, уверенный, что Господь услышит его, сказал хромому: *Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи* (Деян. 3, 6). И затем он взял хромого за руку; тот встал и вошел за апостолами в храм, хваля Бога. Тут было множество народа; все знали, что человек был хром от самого рождения; все дивились и, окружив апостолов, прославляли их. Но Петр сказал народу: *«Израильяне, чему дивитесь, и что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием совершили это чудо? Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог отцов наших прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его. Вы от Святого и Праведного отреклись и просили даровать вам... убийцу, а Начальника жизни убили. Но Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели. Ради веры во имя Его этот хромой получил исцеление. Впрочем, я знаю, братья, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению... Итак покайтесь и обратитесь к Богу, чтобы загладить грехи ваши»* (Деян. 3, 12–19).

Петр указывал на пророчества, призывая народ к спасению верою во Христа, о Котором предрекли и пророки, и Моисей. Слова его, полные силы и благодати Духа Святого, были так убедительны, что пять тысяч человек уверовало.

Но пока он говорил, подошли священники и саддукеи, и слыша, что апостолы говорят о воскресении мертвых и воскресшем Христе, велели схватить их и держать под стражею до следующего утра.

До сих пор начальники иудейские не преследовали апостолов. Неужели они смотрели равнодушно на распространение учения Иисуса Христа, Которого так жестоко ненавидели? Вероятно, вначале они не предполагали, чтобы ученики Иисуса могли успешно проповедовать Его учение. Самого Иисуса они предали смерти и надеялись, что вместе с Ним погибло и Его учение. Его последователи были люди простые, необразованные. Казалось, нечего было опасаться их. Но вот эти простые, неученые рыбаки привлекают к себе множество

народа; они на разных наречиях проповедают Воскресение Христово, говорят, что распятый Иисус есть Сын Божий, обещанный Мессия. Начальники встревожились и ждали удобного случая, чтобы наложить руки на апостолов. Случай этот представился: апостолы в самом храме проповедовали Воскресение Христово.

В то время было несколько религиозных сект в Иудее. Главными из них были секта фарисеев и секта саддукеев. Фарисеи отличались наружной набожностью и точным исполнением внешних обрядов закона. Господь часто укорял их за лицемерие и гордость, за то, что, соблюдая внешние обряды, они не сохранили главного в законе – правосудия, милости и веры. Они, однако же, верили в будущую жизнь. Саддукеи в учении своем отрицали будущие награды и наказания, воскресение мертвых, бытие Ангелов и духов. Обе секты ненавидели Иисуса и не признавали Его за Христа, обещанного Мессию.

Поутру начальники, первосвященники и старейшины собрались и потребовали к себе апостолов. Они спросили у них, какой силой и каким именем они сотворили чудо? Давно ли Петр из боязни и малодушия отрекся от своего Божественного Учителя, когда Его повели на смерть? Но теперь сила Божия укрепила его. Дух Святой, обновив его сердце, внушал ему твердость и мужество. Он бесстрашно отвечал начальникам: *«Если вы от нас требуете отчета в благодеянии, оказанном нами человеку немощному, то да будет известно всем вам... что это сделано именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, но Которого Бог воскресил из мертвых... Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»* (Деян. 4, 9—12).

Начальники дивились смелости апостолов и недоумевали, что им делать; ибо они не могли ни скрыть, ни опровергнуть чуда, которое было совершено на глазах народа. Они с угрозами запретили апостолам говорить об Иисусе, но Петр и Иоанн сказали им: «Судите сами, справедливо ли слушаться вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить о том, что видели и слышали». Старейшины вновь пригрозили им, однако ж отпустили их, боясь раздражить народ, который славил Бога за чудесное исцеление хромого.

Петр и Иоанн возвратились к верующим и рассказали обо всем, что было с ними. Все единодушно стали славить Бога и молить Его, чтобы Он дал Своим рабам смело проповедать Его слово, не страшась угроз и гонений. *«Господи, – говорили они, – воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое. Простирай руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса!»* (Деян. 4, 29–30). Едва они окончили молитву свою, как место, где они стояли, поколебалось, и все верующие исполнились Духа Святого, и с великою смелостью продолжали возвещать слово Божие.

Число верующих умножалось ежедневно, и все они жили в единодушии и любви. Вера в Христа внушала обращенным и горячую любовь друг к другу; они продавали свои богатства, а деньги приносили апостолам, которые раздавали каждому, сколько было нужно. Великая благодать была на всех них, говорит апостол. Между продавшими свое имущество упоминается кипрянин Иосиф, прозванный апостолами Варнавою, что значит «сын утешения».

Но между обратившимися одна чета прогневала Бога неправдой своей. Анания и его жена, Сапфира, по примеру других, продали имение свое и принесли деньги апостолам; но, желая удержать что-нибудь для себя, они утаили часть цены. Отдавать же имущество свое не было законом между верующими, но свободным выражением взаимной любви. Неправда эта не могла утаиться от апостолов, просвещенных Духом Божиим. Петр сказал Анании: *«Анания, для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить часть из цены проданного? Имение не тебе ли принадлежало? Как пришло тебе на мысль такое дело? Ты солгал не человекам, а Богу»* (Деян. 4, 3–5). Едва апостол произнес эти слова, как Анания пал мертвый. Вынесли тело его; через три часа пришла жена Анании, Сапфира, не знавшая о случившемся. На вопрос Петра о цене проданного имения

она отвечала, как условилась с мужем. *«Что это вы согласились искусить Духа Господня? – сказал Петр. – Вот входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут»* (Деян. 4, 9). И тотчас Сапфира пала на землю и испустила дух. Такой пример правосудия Божия устроил всех. Сила Божия постоянно проявлялась в знамениях и чудесах, совершаемых руками апостолов. Больных выносили на улицу и клали на постелях, чтобы хоть тень проходящего Петра осенила их; и больные получали исцеление. Народ славил апостолов, и множество людей присоединялось к Церкви.

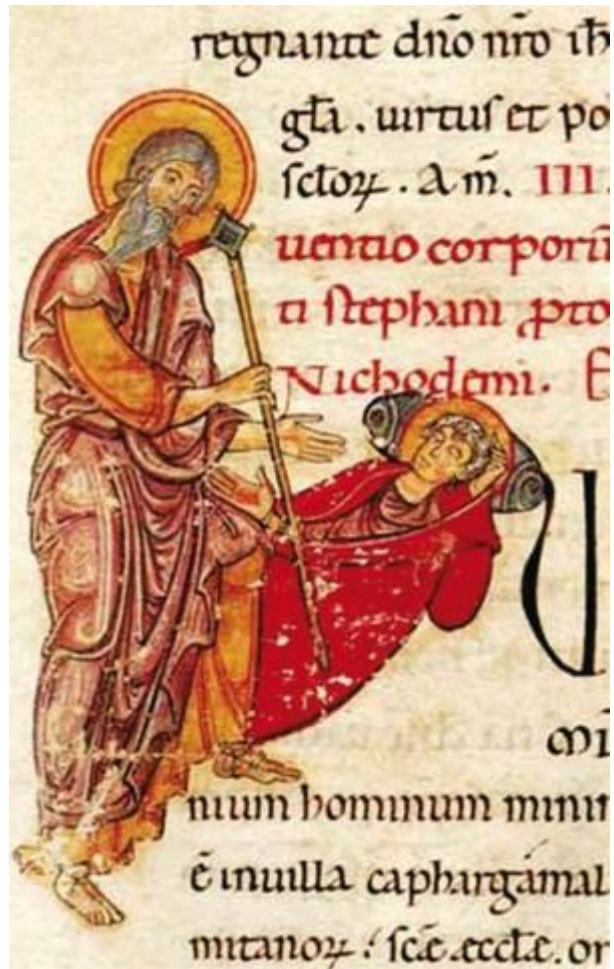
Это все сильнее раздражало первосвященников и всех принадлежавших к секте саддукеев. Они вновь велели схватить апостолов и заключить их в темницу. Но что могут сделать человеческие усилия против воли Божией? Ночью Ангел отворил двери темницы и сказал апостолам: *«Подите и в храме говорите народу слова жизни»*. Они повиновались и пошли в храм учить народ.

Поутру собрался синедрион (верховный совет, или главное судилище), состоявший из семидесяти членов, которые избирались из священников и именнейших людей в Иерусалиме. Послали в темницу за апостолами, но посланные, возвратившись, объявили, что темница пуста, хотя двери заперты и стражи стоят на местах. В это время кто-то пришел и сказал: *«Те, которых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ»* (Деян. 5, 25). Первосвященники послали за апостолами.

«Не запретили ли мы вам учить об Иисусе? – сказали первосвященники. – А вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека?» (Деян. 5, 28).

Апостолы бесстрашно отвечали: *«Надо более повиноваться Богу, нежели людям. Бог воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов. Свидетели Ему в сем мы и Святой Дух, Которого Бог дал служителям Своим»* (Деян. 5, 32–32). Разгневанные первосвященники хотели умертвить апостолов. Но случайно нашелся им защитник, мудрый и ученый законоучитель, по имени Гамалиил, принадлежавший к секте фарисеев. Приказав на короткое время вывести апостолов, он обратился к членам синедриона и напомнил им, что в разные времена являлись в Иудее люди, которые выдавали себя за кого-то великого и старались привлечь к себе народ, но что обманы их всегда обнаруживались и дело их не имело успеха. Потому он советовал не предпринимать ничего против апостолов. *«Ибо, – говорил он, – если это дело от человеков, то оно разрушится, а если оно от Бога, то вы не можете помешать ему; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками»* (Деян. 5, 38–39).

Члены синедриона отчасти приняли этот совет; они боялись раздражить народ, если умертвят апостолов, которых народ тогда любил. Потому, отложив намерение предать их казни, они велели их жестоко бить и потом отпустили, повторив им запрещение говорить о Христе. Но апостолы радовались, что удостоились страдать за имя возлюбленного Учителя и продолжали дело свое. Вскоре один из верующих сподобился положить жизнь за свою веру и быть первым мучеником Христовой Церкви.

Прав. Гамалиил, иудейский законоучитель

Глава II

Гонения на Церковь Христову. Обращение Савла

Деяния апостолов, гл. 6–9

Мы уже сказали, что верующие продавали имущество свое и цену приносили апостолам, которые из этой общей суммы выдавали каждому, что ему было нужно. Конечно, они в этом соблюдали всевозможную справедливость; но дело становилось труднее и сложнее по мере того, как возрастало число братии. Возник ропот между эллино-евреями, которые находили, что их вдовицам дается мало пособия. Эллино-евреями назывались те, которые, хотя иудеи по происхождению и вере, родились и жили в других странах и употребляли греческий или эллинский язык. Настоящие иудеи смотрели на них с некоторым пренебрежением, особенно потому, что при чтении Священного Писания эллино-евреи пользовались греческим переводом, а не читали Писание в еврейском подлиннике. От этого между иудеями и эллино-евреями было издавна чувство неприязни.

Апостолы, узнав о ропоте эллино-евреев, созвали учеников и всему собранию предложили избрать из себя семь человек, достойных доверия, которым бы поручить раздавание пособий, дабы сами апостолы могли заниматься исключительно благовествованием слова Божия. Все согласились и избрали из числа верующих семь человек, имена которых указывают, что они были эллинского¹⁷ происхождения. То были: Стефан, Филипп, Прохор, Никанор, Тимон, Пармен и Николай. Их поставили перед апостолами, которые, помолвившись, возложили на них руки. Избранные *стали* называться диаконами¹⁸. Им поручили раздавать пособия. Они имели также власть проповедовать слово Божие и совершать крещение над уверовавшими. Все они были люди праведные и твердые в вере.

Стефан, муж, исполненный веры и силы, делал великие знамения и чудеса в народе, что служило к распространению святого учения, так что к нему обратились даже многие священники иудейские. Это раздражало других, в синагогах возникали горячие споры о новом учении. Синагогами назывались молитвенные дома, куда собирались для молитвы и для слушания Священного Писания; они вместе с тем были как бы училищами, где объяснялся закон. Синагоги существовали даже в самых незначительных городах, а в Иерусалиме их было около пятисот; в том числе и для иудеев из других стран: для кириинцев, александрийцев, иудеев Малой Азии, либертинцев¹⁹.

В одной из этих синагог вступили в спор с Стефаном, который с такою силою защищал учение Христово, что враги не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил. Не будучи в силах победить его, они решились его оклеветать и нашли лжесвидетелей, которые объявили, будто они слышали от него хульные слова на Моисея и на Бога. Вознегодовали старейшины, книжники и народ, сильно привязанный к своему закону. Схватили Стефана и повели его в синагогу. *Мы слышали*, – сказали лжесвидетели, – *как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей* (Деян. 6, 14).

---

¹⁷ Эллины значит собственно греки; но иудеи называли этим именем всех вообще язычников.

¹⁸ **Диакон** (служитель – *греч.*) – так называли церковных служителей низшей степени священства. Впоследствии, при возникновении собственно христианских церквей, они наблюдали за церковным благочинием, указывали каждому его место в храме, наблюдали за поведением и нравами верующих, организовывали распоряжение церковным имуществом для благотворительных целей. По мнению некоторых исследователей, первые диаконы были из числа еврейской диаспоры (иудеев рассеяния), и их пламенная проповедь в эллинской среде подготовила выступление христианства в языческий мир.

¹⁹ Так назывались, как полагают, римские иудеи, освобожденные от рабства.

Взоры всех обратились на Стефана, но он был спокоен. Дух Господень укреплял его и озарял сиянием Своим; сами члены синедриона, смотря на него, видели в лице его лицо ангельское.

– Так ли это было? – спросил у Стефана первосвященник.

Вместо того чтобы защищать себя, Стефан в ответе своем рассказал о Божественном домостроительстве спасения иудеев. Он напомнил о благодеяниях, явленных Израилю, об обетовании Бога Аврааму, о чудесном избавлении избранного народа из Египта, о законе, данном на Синае, и о непокорности израильтян, забывших Бога и побивавших Его пророков. Сердце Стефана разгоралось негодованием, и в заключение речи своей он воскликнул: «Люди жестоковыйные! *Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, – вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили его!*» (Деян. 7, 51–53).

Эти последние речи возбудили ярость слушателей, но Стефан стоял спокоен, укрепляемый Духом. Он взглянул на небо, и чудное видение открылось его взору, так что он радостно воскликнул: *Вижу небеса отверстые, и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога!* (Деян. 7, 56).

Тут уже присутствующие не сдержали своей ярости. Они заткнули себе уши и, с криком бросившись на Стефана, вытащили его за город, чтобы побить камнями как хулителя Бога.

Между самыми ожесточенными противниками Стефана был юноша по имени Савл, уроженец Тарса, римский гражданин, воспитанный при Гамалииле в строгих правилах фарисеев. Он всеми силами своей горячей души ненавидел учение Христа и думал угодить Богу, преследуя верующих. Слова Стефана казались ему страшным богохульством, и он открыто одобрял его убийство. По закону свидетели должны были первыми бросить камни на обвиненного. Сняв верхнюю свою одежду, они положили ее к ногам Савла, который стерег ее, пока они совершали свое жестокое дело. Стефан же молился, восклицая: *Господи Иисусе, прими дух мой!* Потом, преклонив колени, прибавил: *Господи, не вмени им греха сего!* (Деян. 7, 59–60). И с этими словами первомученик почил. Верующие, похоронив его, горько плакали по нему²⁰.

Смерть Стефана не удовлетворила иудейских начальников. Ни его мужество среди страданий, ни его предсмертная молитва о врагах не тронули их сердец. Гонение усиливалось с каждым днем. Но ошиблись те, которые надеялись, что гонение остановит распространение слова Божия. Воля Господня исполняется вопреки всем человеческим усилиям, ибо Господь направляет события, как Ему угодно, и заставляет их служить к исполнению Его благих предначертаний. Поэтому гонение, напротив, способствовало укреплению веры. До сих пор благовестие распространялось только в Иерусалиме. Когда же стали преследовать верующих, то они все, кроме апостолов, оставили Иерусалим и, рассеявшись по разным городам, стали везде благовествовать. Филипп, один из семи диаконов, прибыл в Самарию.

Давнишняя вражда существовала между иудеями и самаритянами. При разрушении царства Израильского царем ассирийским Самария была заселена язычниками из Вавилона и из других мест. Они смешались с оставшимися в стране евреями, и тогда много понятий и обрядов языческих вошло в закон, признаваемый народом. В то же время, считая священным только Пятикнижие Моисея, самаритяне не принимали других книг Св. Писания. По возвращении из плена, когда иудеи принялись за возобновление храма, самаритяне стали им препятствовать, а потом построили себе храм на горе Гаризим. Этот храм был разрушен иудейским правителем и первосвященником Иоанном Гирканом. Все эти причины возбу-

---

²⁰ Правая рука (десница) первомученика Стефана находится в Троице-Сергиевой Лавре, в церкви преподобного Никона.

дили непримиримую вражду. Иудей считал самаритянина хуже язычника, не хотел ни есть, ни пить с ним; самаритянину же было неприятно, когда иудей проходил через его селение. Но Господь повелел ученикам Своим проповедовать и в Самарии.

Благовествование Филиппа сопровождалось чудесами. Самаритяне с радостью услышали весть о спасении, и многие из них крестились. В числе их был человек по имени Симон, который обладал какою-то странной силой и удивлял самаритян волхвованиями. Он выдавал себя за кого-то великого, и многие называли его великою силой Господней. Чудеса, которые совершал Филипп, убедили его принять крещение, но из последующих событий видно, что учение Христа не проникло в сердце его.

Когда в Иерусалиме узнали, что самаритяне уверовали, то апостолы послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, чтобы они получили Духа Святого, ибо Дух еще не сходил ни на одного из них, а они были только крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили на них руки, и они получили Святого Духа. Симон-волхв, видя, что благодать Духа сообщает чудотворную силу, задумал купить у апостолов этот дар. Он предложил им денег, говоря: *Дайте и мне власть сию, чтобы— тот, на которого я возложу руки, получал Духа Святого* (Деян. 8, 19).

Но Петр сказал ему: *«Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил за деньги купить дар Божий. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо перед Богом. Покайся и молись Богу, чтобы Он простил тебе грех твой»* (Деян. 8, 20–21). Симон изъяснил раскаяние и просил апостолов помолиться о нем. Но раскаяние его не было искренним, и он не с верой принял крещение. Впоследствии он распространял учение о силах, сотворивших мир, и выдавал себя за Бога²¹. По имени Симона продажа за деньги священных должностей стала называться симонией.

Петр и Иоанн возвратились в Иерусалим, по пути проповедуя Евангелие в самарийских селениях, а Филиппу было через Ангела Господня повеление идти по дороге, ведущей к Газе. Этот город находился близ моря, южнее Самарии. Филипп повиновался и сделался орудием спасения одного эфиопского вельможи, который по этой дороге ехал из Иерусалима. Многие из иноплеменников в это время исповедовали закон Моисеев. Эфиопский вельможа, хранитель казны царицы Кандакии, был одним из них. Сидя в своей колеснице, он читал Священное Писание. Дух Божий внушил Филиппу подойти к нему и спросить: понимает ли он, что читает? Вельможа отвечал, что нет, и попросил Филиппа сесть с ним и объяснить слова пророка Исайи, не понятые им: *«Как овца веден Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих* (Ис. 53, 7). Суд Его совершился в уничижении Его. Но род Его кто изъяснит, ибо вземлетя от земли жизнь Его» (Деян. 8, 33).

– О ком говорит тут пророк? – спросил вельможа. – О себе или о ком-нибудь другом?

Филипп от слов сего пророчества стал благовествовать о Христе. Слова его, внушенные Духом Святым, были убедительны; сердце вельможи было, как видно, готово принять истину. Он изучал Писание, со смирением прося помощи и объяснения, и Господь присоединил его к Церкви. Подъехав к реке, вельможа сказал Филиппу: *Вот вода; что мешает мне креститься?* (Деян. 8, 36).

– Можно, – отвечал Филипп, – если ты веруешь от всего сердца.

– Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий, – сказал вельможа.

Он велел остановить колесницу. Оба сошли в воду, и Филипп крестил его. Когда же они вышли из воды, Филипп был взят или восхищен Ангелом, а вельможа продолжал путь. Вероятно, возвратившись в отечество свое, он сообщил согражданам благовестие о спасе-

²¹ «Учение» Симона-волхва стало основой ереси гностицизма и вообще большинства всех последующих христианских ересей. Объявив свою спутницу Елену (выкупленную им из блудлища за деньги, отвергнутые апостолами) «творческой мыслью», самого себя Симон-волхв назвал «верховным богом», явившимся в трех лицах.

нии через веру во Христа. Таким образом, вопреки гонениям и усилиям врагов Христовых, слово Божие проникло до отдаленной страны и принесло туда мир и радость.

Филипп же очутился в городе Азоте и оттуда пошел в Кесарию, ревностно благовествуя по дороге. Он стал жить в Кесарии с семейством. В книге Деяний упоминается о его четырех дочерях, которые имели дар пророчества.

Другие из верующих, рассеянных гонением, прошли до Финикии и Антиохии, благовествуя иудеям.

Обратим внимание на чудную перемену, которую благодать Духа Святого произвела в сердцах верующих. Из людей простых и робких она сделала их мудрыми и неустрашимыми проповедниками и свидетелями истины. Перед судом, под угрозой смерти они смело свидетельствуют о Христе, как повелел им Господь. Их сердца полны любви, милосердия, святой радости; и чувства эти постоянно выражаются молитвой, благодарением, делами милосердия. Дух Святой сообщал верующим чудотворную силу. Это было нужно для того, чтобы удостоверить язычников в истине свидетельства о Христе. Теперь, когда истина всемирно признана, такие сверхъестественные проявления силы Божией не столь необходимы, но присутствие Духа Святого в сердце верующего и ныне проявляется во всей его жизни. Он внушает ему горячую любовь к Богу и ближнему, кротость, терпение, твердость, неутомимую деятельность во славу Божию. Мы все ежедневно молим Отца Небесного даровать нам Духа Святого, Которого Он обещал дать всем просящим с верою. Но, молясь устами, молимся ли мы сердцем? Созаем ли от души, что Дух Святой есть самый необходимый, самый драгоценный дар, что без Него мы не можем приблизиться к Богу? Господь Сердцеведец все знает, видит, как равнодушно и холодно мы просим Его об этом даре и как горячо мы желаем земных благ.

Между тем в Иерусалиме продолжалось сильнейшее гонение на верующих. Особенно ревностно действовал молодой Савл. Он принадлежал к секте фарисеев, которые ненавидели учение Христово, считая Христа разорителем Закона Моисеева. Савл был искренно убежден, что ему следует всеми силами действовать против имени Иисуса Назорея. Одаренный умом, непоколебимой силой воли, духом пылким и отважным, он употреблял все эти дары против учения Христова и был одним из главных гонителей Христовой Церкви. Он входил в дома, брал верующих, предавал их суду, заключал в темницы. Он принуждал их хулить имя Христово, то святое имя, которое скоро должно было сделаться его единственной надеждой. Когда убивали верующих, он подавал на то свой голос.

Мало того, Савл испросил еще у первосвященника письмо к синагогам в Дамаске, в Сирии, чтобы и там иметь право брать верующих и приводить их в Иерусалим. Он знал, конечно, что верующие, рассеявшись по разным городам, везде распространяли учение Христово. Первосвященник, вполне доверяя Савлу, дал ему письмо к синагогам в Дамаск; и Савл, дыша злобой и ненавистью к последователям Христа, отправился в путь. Но не успел он дойти до Дамаска, как, по милости Божией, произошла в нем чудесная перемена.

Он подходил уже к Дамаску, как вдруг, около полудня, яркий свет с неба осиял его и бывших с ним, так что все в страхе пали ниц. Затем голос с неба сказал: *Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: Кто Ты, Господи? – «Я Иисус, Которого ты гонишь», –* сказал тот же голос. *Он в трепете и ужасе сказал: Господи, что повелишь мне делать? Господь сказал: Встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать* (Деян. 9, 4–6).

Густав Доре. Обращение Савла. Середина XIX в.

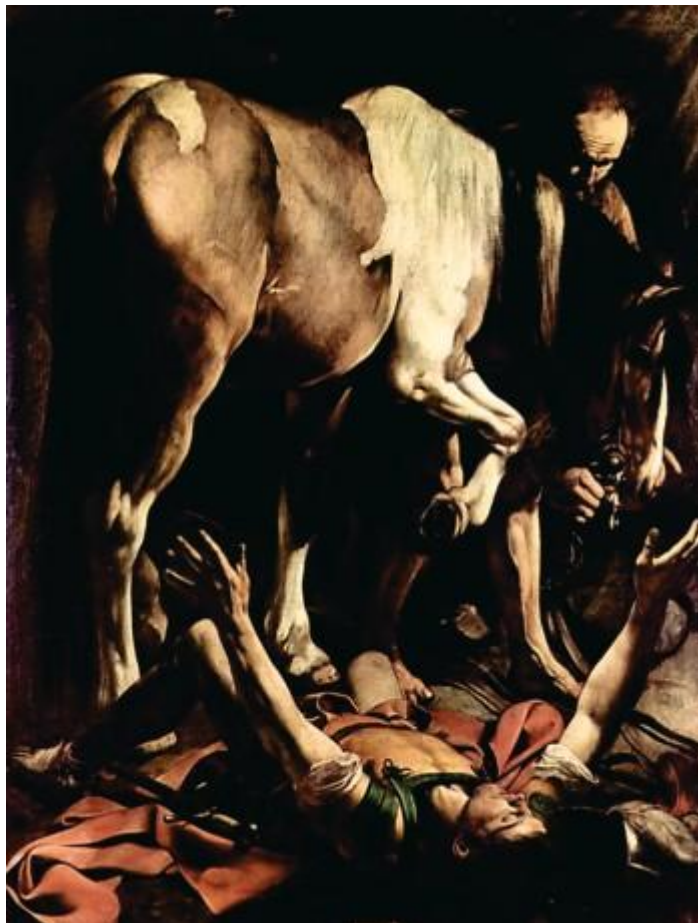
Все спутники Савла были в оцепенении, не понимая, что делается, ибо слышали голос, но никого не видели. Он же встал, но от света лишился зрения, хотя глаза его были открыты; его за руку повели в Дамаск. Три дня он пробыл в постоянной молитве, не вкушая пищи.

В Дамаске жил человек, верующий во Христа, по имени Анания. Господь в видении сказал ему: «Иди на улицу, называемую Прямой, и отыщи в Иудином доме тарсянина, по имени Савла. Он теперь молится и видит в видении, что человек, которого зовут Ананиею, возложив на него руку, возвратит ему зрение».

Анания отвечал: Господи, я слышал от многих об этом человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме; и здесь имеет от первосвященника власть вязать всех, призывающих имя Твое (Деян. 9, 13–14).

– Иди, – сказал Господь, – ибо сей человек есть Мой сосуд избранный, и понесет имя Мое к народам и царям и сынам Израилевым. *И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое.*

Тогда Анания пошел и, найдя Савла, возложил на него руки и сказал: *Брат Савл, Господь Иисус, явившийся тебе на пути... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Духа Святого (Деян. 9, 17).*

Караваджо. Обращение Савла. 1600. Рим

При этих словах как будто пелена спала с глаз Савла; он принял крещение и стал проповедовать в синагогах, что Иисус есть Сын Божий. Удивились все знавшие, ибо он был самый ревностный гонитель учения Христа. Иудеи в ярости на него решились его убить; но верующие, узнав о том, помогли ему удалиться из города Дамаска. Они спустили его ночью в корзинке из дома его. Савл некоторое время пробыл в Аравии и через три года после своего обращения пришел в Иерусалим. Он захотел пристать к ученикам, но они чуждались его, помня, как он гнал Церковь Христову. Наконец, один из учеников, Варнава, давно знавший Савла, потому что, как полагают, учился вместе с ним у Гамалиила, рассказал всем о чудесном обращении Савла и о том, как он проповедовал в Дамаске. Тогда ученики приняли его с любовью. Он везде безбоязненно говорил о Христе и много состязался с эллино-евреями. Понятно, что иудеи возненавидели его, теряя в нем сильного и ревностного союзника; они и тут покушались убить его. Тогда ученики препроводили его в Таре. Сам Господь повелел Савлу удалиться из Иерусалима. Он явился ему и сказал, что здешние не примут его свидетельства. «Поди, – прибавил Господь, – Я пошлю тебя далеко, к язычникам».

Впрочем, в это время Церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа, умножались. Со времени чудного явления Савл совершенно изменился. Самый ревностный гонитель Христовой Церкви сделался самым ревностным служителем ее. Под именем апостола Павла он понес имя Божие в отдаленные страны. Более всех других апостолов трудился, более всех страдал и во вдохновенных Богом посланиях изложил для нас правила христианской жизни. Апостол Павел представляет нам образец того, чем, по мере сил, должен быть каждый христианин. Познав Господа Иисуса Христа, узнав Его волю, он весь отдается Ему; он отдает Ему сердце, способности ума, силы горячей души. Время свое и свои труды – все он посвящает

Богу. Он уже не принадлежит себе; он принадлежит Христу, искупившему его, призвавшему его, служит Ему, как любящий сын и верный служитель, а не как наемник, работающий холодно и вяло, лишь из страха наказания или желания награды. Он всю свою жизнь посвящает делу, которое поручил ему Бог. Чувства благодарности и любви, которыми преисполнено его сердце, возбуждают в нем деятельность, какую не могут возбудить никакие земные цели, никакие личные выгоды, ибо все земное проходит, но любовь к Богу, озаренная благодатью, не слабеет, не гаснет, а возгорается все светлее, озаряя путь земной жизни небесной славой и небесным сиянием. Нет дела маловажного для того, кто искренно служит Богу. Все, что он предпринимает, предпринимает он, испросив благословение Божие, – и затем работает усердно, пламенно, радостно, во славу Бога, а не для людей. Апостол Павел весь отдался своему служению, терпеливо перенося труды и гонения, работая неутомимо, всей душой. Постараемся изучить жизнь великого апостола, и его пример научит нас, ибо как бы и куда бы ни были мы поставлены, много ли, мало ли дано нам, но обязанность каждого из нас – служить Богу и ближнему теми средствами, которыми снабдил нас Господь. И если мы искренно принимаемся за это дело, как чада и служители Бога, Он, добрый Отец и Господь наш, благословит каждое усилие наше, примет милостиво каждый наш труд.

Глава III

Труды апостола Петра. Первое апостольское путешествие Павла. Апостольский Собор в Иерусалиме

Деяния апостолов, гл. 9—15

После обращения Савла Церковь Христова *была* некоторое время в покое. Это происходило частью оттого, что общее внимание от последователей нового учения отвлекали волнения в Иудее. Пилат внес в Иерусалим знамена с изображением кесаря, употребил на построение водопроводов деньги из сокровищницы храма. Это возбудило негодование иудеев; произошли бунты и восстания. Пилат, обвиненный перед императором, был сослан в Галлию. Малодушный правитель, допустивший казнь Христа, хотя был убежден в Его невинности, кончил жизнь свою в изгнании и нищете и даже, как полагают некоторые, – самоубийством. Но волнения в Иудее не прекратились. Калигула, римский император, потребовал, чтобы в Иерусалимский храм поставили его изображение. Взволновалась вся Иудея. Знаменитый иудейский ученый, Филон из Александрии, был послан к императору с прошением отменить повеление. Это удалось, но раздраженный Калигула погубил огромное число иудеев.

В это время Церковь Христова росла и множилась. Апостолы благовествовали в Галилее и Самарии, но главным местом их деятельности в продолжение двенадцати лет после воскресения Христа был Иерусалим. Пастырем и епископом Иерусалимской Церкви был ими избран Иаков, брат Господень, сын Иосифа, обручника Святой Богородицы. Спустя восемь лет по вознесении Христа Матфей, один из двенадцати апостолов, написал по-еврейски первое благовествование о земной жизни Спасителя. Это Евангелие было вскоре переведено на греческий язык одним из апостолов, а затем перевод распространился между эллино-евреями, жившими в областях Малой Азии. Апостолы заботились о новообращенных и силою Божией творили великие знамения и чудеса.

Святой апостол Петр, обходя разные города, пришел однажды в город Лидду. Там находился Эней, человек, который уже восемь лет лежал расслабленным. Петр сказал ему: «Эней, Иисус Христос исцеляет тебя», – и тотчас же Эней встал, совершенно выздоровев. В приморском городе Иоппии умерла женщина по имени Тавифа, которую все любили за ее благотворительность. Все, знавшие ее, оплакивали ее и послали просить Петра, чтобы он посетил их. Петр пришел. Со слезами рассказывали ему о смерти добродетельной женщины, ввели его в горницу, где лежало тело умершей, показывали ему платья и рубашки, которые она шила для бедных. Петр, выслав всех из комнаты, встал на колени, помолился и воскликнул: *Тавифа, встань!* – и по его молитве Господь воскресил умершую (Деян. 9, 40). Это чудо стало известным, и множество людей уверовало во Христа. Петр остался в Иоппии, чтобы наставлять новообращенных. Он жил у кожевника по имени Симон.

До сих пор апостолы еще строго держались постановлений закона Моисеева, запрещавшего иудеям близкие отношения с иноплеменниками. В то время, когда закон был дан Израилю, ни один из остальных народов не знал истинного Бога, все поклонялись идолам. Потому все постановления Моисеева закона, даже малейшие подробности, касающиеся пищи, одежды и т. п., должны были как можно больше оградить израильтян от прочих народов, чтобы сохранить в чистоте знание о едином Боге. Сами апостолы еще полагали, что в Церковь Христову должны войти только те, которые вначале примут закон Моисея. Но теперь Господь в чудном видении дал уразуметь Петру, что не одни последователи закона

Моисеева достойны Его благодати, а что милостивое обещание, данное потомкам Авраама, простирается и на всех тех, которые по вере становятся членами Церкви Христовой.

В городе Кесарии жил римский сотник по имени Корнилий. Он почитал единого Бога и был очень добр и сострадателен к бедным. Но так как он не принадлежал к закону Моисееву, то иудеи не могли иметь близких отношений с ним. Господу угодно было открыть добродетельному Корнилию единственный путь к спасению и жизни вечной чрез веру в Иисуса Христа. Он послал к нему в видении Ангела, который сказал ему: *«Молитвы и милостыни твои угодны Богу. Пошли людей в Иоппию, в дом Симона кожевника, и призови Симона, называемого Петром... он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой»* (Деян. 10, 5–6). Корнилий послушался повеления Ангела и немедленно послал двух слуг и воина в Иоппию.

Священномученик Корнилий Сотник

Петр, находившийся в Иоппии, в шестом часу дня молился наверху дома. Он почувствовал сильный голод, пришел в исступление и вдруг увидел, что с неба спускается к нему сосуд в виде скатерти, завязанной по углам, и в нем находятся разные звери, гады и птицы, не употребляемые в пищу иудеями, потому что считались нечистыми, услышал слова: *Встань, Петр, заколи и ешь. – Нет, Господи, –* сказал Петр, *– я никогда не ел ничего скверного или нечистого* (Деян. 10, 13–14). *– «Что Бог признал чистым, того ты не почитай скверным», –* сказал тот же голос. Это явление повторилось до трех раз. Вдруг, в это самое время, Петр услышал, что кто-то внизу спрашивает о нем, и Дух сказал ему: *Вот три человека ищут тебя... сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь, ибо Я послал их* (Деян. 10, 19–20). Это были люди, присланные из Кесарии. Они рассказали Петру о видении, бывшем Корнилию, и на следующий день Петр пошел с ними. Корнилий, встретив его, пал к его ногам. *«Встань, –*

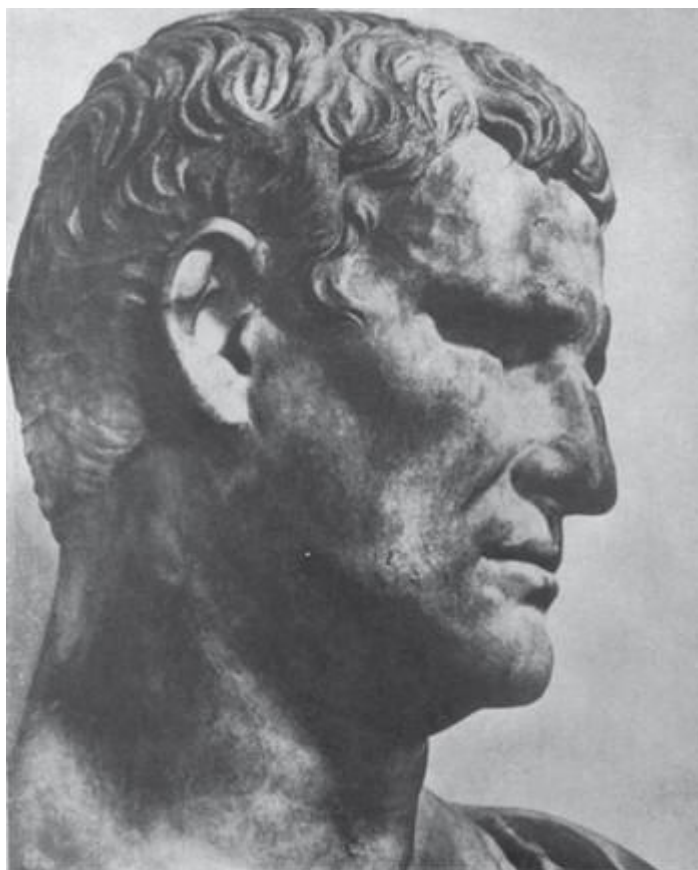
сказал ему Петр, – я такой же человек, как и ты». В доме у Корнилия были собраны родственники и друзья его. Петр, вошедши, сказал им: «Вы знаете, что иудеям запрещено входить в сношения с иноплемениками; но Бог открыл мне, чтобы я никого не считал скверным. Скажите, для какого дела вы призвали меня?»

Корнилий рассказал подробно о случившемся с ним, и Петр воскликнул: «Поистине я познаю, что Бог нелицеприятен, и что во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». Затем Петр стал благовествовать об Иисусе, умершем для спасения людей; объяснил слушателям, что только верующий в Него получит от Бога спасение и прощение грехов. Пока он еще говорил, Дух Святой сошел на слушателей: они получили дар знания языков и стали славить и хвалить Господа. Находившиеся тут иудеи удивлялись, что Дух Святой сошел и на язычников. Петр тогда совершил над всеми Святое Крещение и пробыл несколько дней в Кесарии, чтобы наставить новообращенных.

Верующие в Иерусалиме из обрезанных услышали об обращении язычников, и когда Петр возвратился, то стали укорять его за то, что посещал язычников и ел с ними. Петр рассказал о бывшем ему видении и о сошествии Святого Духа на уверовавших язычников. Тогда они стали славить Бога и говорили: Так, *видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь!* (Деян. 11, 18).

И в другом месте язычники услышали святое благовест – вование. Некоторые верующие из киприан и киринейцев проповедовали эллинам в Антиохии, и великое число уверовало. Иерусалимская Церковь тогда послала туда Варнаву, который очень обрадовался, увидев благодатное действие слова Божия в Антиохии. Он убеждал уверовавших держаться Господа всем сердцем, и так как дела ему было много, то он пошел в Таре за другом своим, Савлом. Варнава и Савл провели целый год в Антиохии, наставляя новообращенных, и уверовавшие в Антиохии первыми стали называться христианами. Мы видим из священной книги, что антиохийские христиане старались жить достойно этого великого звания; они с большим вниманием научались слову Божию и с любовью помогали нуждавшимся братьям. Пророк по имени Агав предвестил на следующий год великий голод, что действительно и сбылось. Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, и они послали собранное через Варнаву и Савла к пресвитерам в Иерусалим.

В первый раз здесь упоминается о пресвитерах, или священниках. Пресвитер, собственно, значит, «старейшина».

Ирод Агриппа. Мрамор. Начало I в. Париж, Лувр

Неверующие иудеи с гневом смотрели на быстрое распространение учения Христа. Царь иудейский Ирод Агриппа, внук того, который избил вифлеемских младенцев, желая угодить народу, велел схватить одного из апостолов – Иакова Зеведеева, брата Иоанна. Нашелся против него лжесвидетель, и апостола осудили на смертную казнь. Святой апостол со спокойствием выслушал приговор и продолжал свидетельствовать о Христе. Его сила и мужественное спокойствие так поразили лжесвидетеля, который привел его на суд, что сам он обратился ко Христу. Когда апостола повели на казнь, то обвинитель пал к его ногам, каясь в прегрешении своем и моля о прощении. Святой апостол, обняв его, сказал: «Мир тебе, сын мой; мир тебе и прощение». Обвинитель исповедал всенародно веру свою в Господа Иисуса Христа и был казнен вместе со святым апостолом. Смерть последовала так скоро за обращением его, что он не успел получить Святого Крещения. Но Церковь считала мученическую смерть за имя Христово равносильной крещению, именуя мученичество крещением кровью.

Ирод, видя, что иудеи одобряли казнь Иакова, вскоре после этого взял и Петра и заключил его в темницу. Так как приближалась Пасха, то он отложил казнь и велел строго его стеречь. Верующие глубоко скорбели и, собираясь вместе, молили Бога о спасении Петра.

Уже подходил день, назначенный для казни. В ночь перед этим днем Петр, окованный цепями, спокойно спал в темнице между двумя воинами; два других воина стерегли двери темницы. Верующие, собравшись в доме одной христианки, Марии, матери ученика, называемого Иоанном Марком, пламенно молились о Петре. Вдруг среди ночи чудный свет озарил темницу, и Ангел Господень, разбудив Петра, велел ему встать и идти за ним. Тотчас же цепи спали с рук и ног апостола, и он встал и пошел за Ангелом, не зная сам, наяву ли это происходит или во сне. Они прошли мимо часовых, железные ворота, ведущие в город, отворились сами собой; они вышли на улицу. Петр увидел, что Ангела уже нет с ним, и тут только понял, что Господь избавляет его чудесным образом. Петр поспешил в дом Марии, зная, что там верующие часто собирались на молитву. Действительно, они еще молились,

хотя был поздний час ночи. Петр постучался в дверь; служанка, слыша голос его, обрадовалась и побежала к госпоже своей объявить, что Петр стоит у дверей. Ей не поверили и сказали: «Не может быть; это, верно, Ангел его». Между тем Петр все стучался у двери. Наконец его впустили, и все верующие, услышав о его чудесном освобождении, возблагодарили Господа. Тотчас дали знать об этом Иакову и всем братьям; Петр же, оставив Иерусалим, ушел в другую страну, по пути проповедуя слово Божие и призывая людей к покаянию и крещению.

Когда на следующее утро не нашли Петра в темнице, то сделалась большая тревога. Ирод в гневе казнил сторожей. Но близка была его собственная смерть. Вскоре он отправился в Кесарию, чтобы там совершить празднество в честь императора. Туда прибыли послы из городов Тира и Сидона. Желая удивить послов роскошью, Ирод принял их торжественно: он сидел на богатом престоле, в великолепном одеянии из серебряной ткани, которая ослепляла присутствовавших своим блеском. Когда Ирод стал говорить послам, то народ и окружавшие его придворные прервали речь его восклицаниями: «Это Бог говорит, а не человек». Ирод с удовольствием внимал этим льстивым словам. Но вдруг Ангел Божий поразил его болезнью за то, что он возгордился и не воздал славы Господу. Приближенные Ирода вынесли его из собрания, и чрез пять дней после этого он умер в ужасных страданиях, будучи изъеден червями.

Каким чудесным образом являются в этих двух событиях сила и могущество Господа в отраду верным рабам Его, в страх восстающим против Него! Апостол Петр, верный слугитель Христа, заключен в темницу, окован цепями, осужден на смерть. Кажется, нет ему надежды на избавление, негде ему искать помощи. Но Господь всегда близок, и рука Его сильна. Он чудесно освобождает Петра и, сверх чаяния, возвращает его сетующим, молящимся друзьям. Мы видим Ирода в блеске земного величия, он окружен богатством, славой, его величают и превозносят. Но он возгордился, преследует верных слугителей Христа, и внезапно рука Господня поражает его ужасной карой. Какой разительный урок для каждого из нас – не унывать и не отчаиваться во время бедствия и не гордиться среди величия и благоденствия! Нет такого бедственного состояния, из которого не могла бы нас извлечь рука Господа, если такова будет Его воля; и нет той высоты, на которой бы не могла нас поразить всемогущая десница Его. Судьба наша всегда в руке Господней; везде и всегда постараемся сохранить радость упования и угодное Богу смирение.

По освобождении своем Петр предпринял новые труды, о которых сообщает уже не книга Деяний, а предание.

Савл и Варнава, пробыв некоторое время в Иерусалиме, возвратились в Антиохию. Благодать Божия была на Церкви Антиохийской: она быстро умножалась и имела много людей святых и угодных Богу. Писание называет пророками и учителями Варнаву, Савла, Симона, называемого Нигером, Луция Киринейянина, Манаила. Когда они служили Господу и постились, Дух Святой повелел им отделить от себя Варнаву и Савла на дело, предназначенное исключительно для них, – то есть для благовествования в языческих странах. Тогда братия, совершив молитву и попостившись, возложили на них руки и отпустили.

Обратим здесь внимание на порядок правления, соблюдаемый в древней Церкви. Варнава и Савл, избранные Самим Духом Святым, принимают, однако, рукоположение от Церкви. Возложение рук есть вместе благословение и посвящение. Они готовятся к делу своему молитвою и постом. В память как этого поста, так и других подобных установлен у нас Апостольский пост, более известный под названием Петровского.

Следуя внушению Духа Святого, Варнава и Савл отправились в путь. С ними был Иоанн Марк, который служил им. Прежде всего, они посетили остров Кипр, родину Варнавы. Жители этого острова были ревностными язычниками, однако же правитель острова Сергей Павел пожелал услышать новое учение и призвал к себе апостолов. Но один иудея-

нин по имени Вариисус, выдававший себя за волшебника, старался отвратить его от этого. Вероятно, он приобрел влияние на народ и правителя и опасался, что потеряет его, когда людям станет известна сила Божия. Савл строго укорил лжеца за то, что он совращает людей с прямых путей Господних. «И ныне, – прибавил он, – се рука Господня на тебе: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». И внезапно лжеучитель ослеп и стал ощупью искать провожатого. Это чудо поразило всех, и правитель уверовал в Господа Иисуса.

Неизвестно, почему именно с этих пор Савл постоянно именуется в Священном Писании Павлом. Так и мы дальше будем называть его²².

Из Кипра апостолы отправились в Малую Азию²³.

В каждом городе они вначале проповедовали в иудейских синагогах. А когда иудеи не принимали свидетельства о Христе, обращались к язычникам. В Антиохии Писидийской много язычников слушало и уверовало, но иудеи выгнали апостолов из области. Вообще, при начале своего благовествования, апостолы постоянно терпели гонение от иудеев, которые видели в них разорителей закона Моисеева и не хотели признать себя виновными в убиении Спасителя. Более того, гордость иудеев не позволяла, чтобы язычники были наравне с ними призваны к спасению и вечной жизни, и из-за этого они удалялись от истины. Многие же язычники, понявшие суету своего богопочитания, принимали с радостью слово о спасении через Иисуса Христа. Правительство еще не опасалось успехов христианской веры: оно не понимало важности событий, совершившихся в Иудее, привычно видя, как в Иудее секты беспрестанно спорят между собой, и долго смотрело на христианское учение как на одну из иудейских сект, не заслуживающую особого внимания.

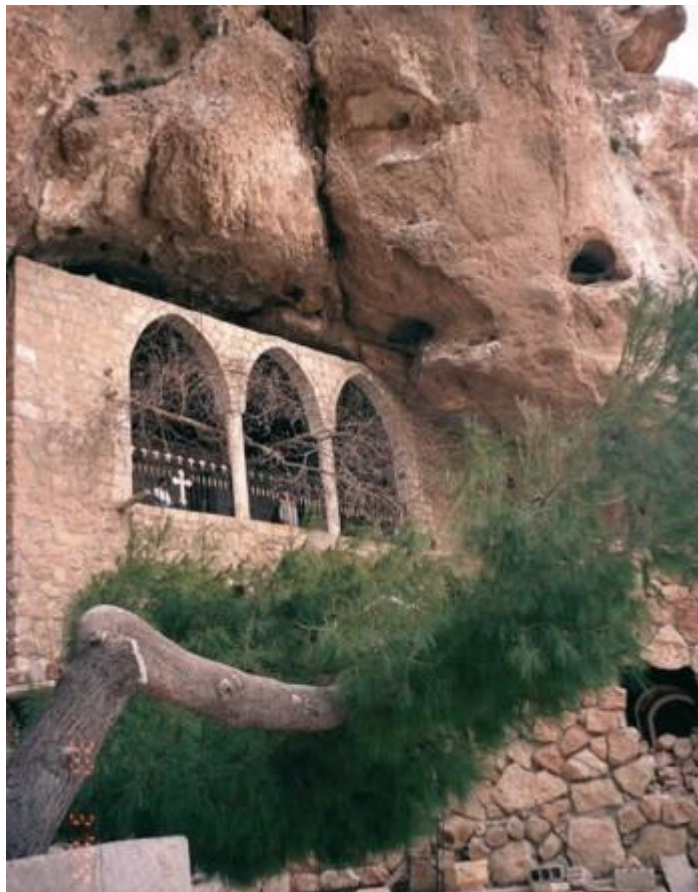
²² По обычаю того времени, Сергей Павел, в знак душевного расположения, просил Савла принять его родовое имя. К тому же евреи – иудеи рассеяния – часто брали языческие имена. Савл, проповедуя среди язычников и иудеев рассеяния, вероятно, еще и по этой причине уступил просьбе проконсула.

²³ Малой Азией называлась страна, простирающаяся к югу от Черного моря до моря Средиземного. Она находилась под властью римлян, но господствующий в ней язык был греческий, ибо часть народонаселения была греческого происхождения. Малая Азия состояла из пятнадцати областей, названия которых часто встречаются в истории христианской Церкви, ибо тут совершались с первых времен важнейшие события церковной истории. Поэтому мы считаем нужным перечислить области и главные города Малой Азии. Вифиния: главные города – Никея, Халкидон и Никодимия; Понт – Амасия; Пафлагония – Синоп; Мисия – Троада и Пергам; Лидия – Фиатра, Сардика и Филадельфия; Иония – Смирна, Ефес и Милет; Кария – Книд; Ликия – Патара и Мирь; Памфилия – Атталия и Пергия; Писидия – Антиохия Писидийская; Киликия – Тарс; Каппадокия – Кесария; Ликаония – Икония, Листра и Дервия; Фригия – Колосс, Лаодикия, Иерополь; Галатия – Анкира; Лидия и Тония вместе назывались иногда Асией. Это название встречается в Деяниях (гл. 19, 26–27).

Святая первомученица равноапостольная Фекла

Выгнанные из Антиохии Писидийской апостолы прибыли в Иконию, где обратили многих иудеев и эллинов и жили довольно долго, усердно проповедуя слово и силой Божией творя знамения и чудеса. И здесь неверовавшие иудеи, возмутив весь город, хотели побить апостолов камнями. Тогда апостолы ушли в ликаонские города Листру и Дервию.

Скала святой Феклы. Мосфилоти, Кипр

Есть предание, что во время пребывания своего в Иконии святой апостол Павел обратился к Христу молодую язычницу Феклу. Уверовав всем сердцем, девица отказалась от брака с язычником, которому она *была* обручена, и подверглась гонениям от своей семьи. Даже мать обвиняла ее перед начальством, и девицу осудили на смерть. Она должна была погибнуть в огне, но Господь чудесным образом спас ее, и Фекла посвятила всю свою жизнь служению Богу, ревностно проповедовала Евангелие, не страшась никаких угроз и гонений, была вторично осуждена на смерть в Антиохии и вновь спасена силой Господа. Она скончалась в глубокой старости близ Селевкии, благовествованием и примером святой жизни обратив ко Христу множество язычников²⁴. Святая Церковь называет ее первомученицей и равноапостольной и чтит ее память 24 сентября (ст. ст.).

В Листре Павел именем Христовым исцелил человека, хромого от рождения. Это чудо так поразило язычников, что они стали восклицать: «Боги в человеческом образе сошли к нам» – и, называя апостолов именами своих языческих богов, захотели совершить в их честь жертвоприношение. С трудом остановили их апостолы, объяснив им, что они подобные им люди и для того именно пришли, чтобы отклонить их от почитания ложных богов и указать им Бога истинного, Который сотворил небо и землю, Который посылает с неба дождь и времена плодоносные, подает пищу людям и исполняет сердца их веселием. Апостолы оставались некоторое время в Листре, уча народ. Но из Антиохии и Иконии пришли ненавидевшие их иудеи, стали злословить, говорить, что они проповедуют ложное учение. И тот самый народ, который недавно боготворил апостолов, стал бросать в них камнями. Павла замертво вытащили за город, но Господь возвратил ему здоровье, и он с Варнавой пошел в Дервию.

---

²⁴ По преданию, спасаясь от язычников, Фекла молила Господа спасти ее. И в горах, куда она бежала от преследований, скала неожиданно расступилась пред ней и приняла ее в свои недра.

Там святые апостолы приобрели довольно много учеников. Не страшась злобы врагов своих, они оттуда опять возвратились в Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую, чтобы своими наставлениями утвердить в вере новообращенных. Они убеждали их оставаться твердыми и не падать духом, если подвергнутся бедствиям и гонениям, ибо многими страданиями должны верующие достигать Царствия Божия. В каждой Церкви апостолы рукополагали пресвитеров, чтобы они заботились о верующих, наставляли их и совершали богослужение. Потом, совершив пост и в молитве поручив Господу новых чад Его, апостолы шли в другие города. Они не щадили сил и, следуя примеру и наставлению своего Божественного Учителя, ходили по городам и селам, благовествуя слово жизни, помогая больным и страждущим. Они всецело отдались святому делу своему: жили уже не для себя, а для славы Божией и пользы ближних.

Посетив города Пергию и Атталию, апостолы возвратились в Антиохию Сирскую, откуда были посланы, и обрадовали сердца всех братьев рассказом о том, как Господь благоволил труды их. Путешествие их продолжалось около года.

Павел и Варнава жили долго в Антиохии. Они радовались, что Господь открыл двери спасения язычникам, но по поводу язычников между верующими возник спор. Некоторые братья, пришедшие из Иудеи, утверждали, что язычники не могут спастись, если не примут вначале всего обрядового закона Моисеева. Павел и Варнава отвергали это мнение, понимая, что обряды закона Моисеева, будучи преобразованием и приготовлением к новому закону Христову, теперь потеряли значение свое. Обрядовый закон, отчуждая иудеев от прочих народов, имел целью предохранить их от идолопоклонства. Но теперь, когда Господь призвал и язычников к спасению, отчуждение уже не было нужно. Церковь Антиохийская послала в Иерусалим Павла и Варнаву для совещания по этому поводу с прочими апостолами и братьями, дабы сохранились в Церкви мир и единство веры. С Павлом пошел молодой ученик его, Тит, обращенный из эллинов. По пути они рассказывали верующим об обращении язычников.

В Иерусалиме много спорили по этому вопросу. Уверовавшие из фарисеев утверждали, что обращенные язычники должны непременно соблюдать весь обрядовый закон Моисеев. Этим как будто подчеркивалось преимущество иудеев над прочими народами. Спасение через веру в Христа должно было, по их мнению, быть доступно лишь тем, которые вначале примут иудейский закон. Собрались апостолы и пресвитеры. Иаков, епископ Иерусалимский, председательствовал на Соборе. После долгих рассуждений Петр, встав, напомнил, что когда Бог ему первому повелел проповедовать язычникам, то Он не положил никакого различия между иудеями и ими, даровав и язычникам Духа Святого и очистив верой их сердца. В заключение сказал, что мы все равно спасаемся лишь благодатью Господа Иисуса Христа.

Павел и Варнава рассказали о знамениях и чудесах, которые Господь через них совершал у язычников. Иаков, хотя сам строго соблюдал весь закон, был того же мнения, что не следует отягощать обращенных из язычников иудейскими обрядами, которые для них не могли иметь значения. Но надо требовать от них, чтобы они исполняли закон Господень, хранили веру, жили в чистоте и праведности и не делали другим того, чего себе не желают. Все, наконец, согласилось, и в этом духе от Церкви Иерусалимской было написано письмо к верующим в Сирии, Антиохии и Киликии. Верующих из язычников в этом письме называли братьями, сообщая решение, говорили так: «Благоугодно было Духу Святому и нам. И то, и другое достойно внимания». Признавалось, что нет различия между иудеями и язычниками уверовавшими, сделавшимися чадами Божиими. Для иудеев, так долго считавших себя единственным избранным народом Божиим, было нелегко признать равенство с ними язычников, что впоследствии часто возбуждало негодование тех из них, сердца которых не были озарены благодатью Духа Святого, внушающего любовь и мир. Слова «благоугодно Духу

Святому и нам» приняты были в решениях последующих Соборов, которые, по примеру Собора Иерусалимского, созывались для разрешения спорных вопросов, в разные времена возникавших в Церкви. Решение Собора было принято с радостью обществом верующих в Антиохии. Этот Апостольский Собор происходил в 50 году после Рождества Христова.

Церковь Иерусалимская послала в Антиохию, с Павлом и Варнавою, Иуду и Силу, которые, будучи пророками, помогали им в деле благовествования.

Но и после решения Собора христиане из иудеев долго не могли победить в себе прежних предубеждений против язычников. Даже святой апостол Петр поставлен был в некоторое затруднение в общении с верующими. Из Послания к Галатам мы видим, что, прибыв в Антиохию, он не хотел есть с обращенными из язычников, как бы боясь нареканий от иудеев. Варнава тоже увлекся его примером. Павел стал против них обоих, доказывая, что все равно оправдываются только верою в Иисуса Христа. Но это разногласие, не нарушая между апостолами чувства взаимной братской любви, вызвав объяснение от Павла, послужило к утверждению единства между верующими.

Глава IV

Путешествие святого апостола Павла в Грецию

Деяния апостолов, гл. 16–18

Пробыв некоторое время в Антиохии, Павел пожелал опять посетить братьев по всем городам, где проповедовал, и посмотреть, как они живут. Варнава и Марк отплыли на Кипр, а Павел, взяв с собою Силу, предпринял свое второе апостольское путешествие.

Он посетил Церкви в Сирии, Киликии, в Дервии и Листре. В этом последнем городе он вновь встретил своего прежнего молодого ученика, по имени Тимофей, который сделался его верным спутником и другом. Обходя разные города и области, святые проповедники везде благовествовали слово и сообщали постановление Собора Иерусалимского. Предавшись вполне воле Божией, Павел не сам избирал путь свой, а следовал внушениям Духа Святого, Который чудесным образом указывал ему, куда идти. Во сне было ему указание отправиться в Македонию, в Грецию. Павел со своими спутниками сел на корабль и отплыл в Грецию. Кроме Силы и Тимофея, с ним был еще Лука, писатель Евангелия и книги Деяний. Он был эллином из Антиохии и с этих пор почти постоянно находился при апостоле Павле.

Греция (или Ахайя) в то время принадлежала Римской империи. Ее жители поклонялись идолам, но почти во всех городах были синагоги для иудеев, которых было очень много в Греции. Греки позволяли всем беспрепятственно соблюдать свой закон и излагать свое учение.

В македонском городе Филиппах Павел и его спутники пошли к молитвенному дому и стали говорить с некоторыми женщинами. Одна из них, по имени Лидия, торговавшая багрянницей²⁵, слушала его с особенным вниманием, и Господь отверз ее сердце к уразумению истины. Она приняла крещение со всем своим семейством, и апостолы жили в ее доме во время пребывания их в Филиппах. Но и в этом городе пришлось апостолам претерпеть страдания и гонения. Одна служанка, одержимая прорицательным духом (бесовским), гаданиями приносила значительный доход своим господам. Встречая апостолов, она шла за ними и кричала: «Эти люди – рабы Бога Всевышнего! Они возвещают нам путь спасения!» Павел именем Господним изгнал из нее духа, который был не от Бога, и девица перестала гадать и предсказывать будущее. Господа ее, лишившись дохода, вознегодовали на апостолов и обвинили их перед начальством: «Эти люди проповедуют учение, которое нам, римским подданным, не следует слушать». Народ взволновался, и начальники без всякого суда велели жестоко бить Павла и Силу и потом заключить их в темницу. Их сковали цепями, *забили им ноги в колодки и строго стерегли.*

Твердо уповая на благость и силу Господа, апостолы не упали духом, а терпеливо переносили свое заточение. Ночью они молились и воспевали хвалы Богу. Вдруг около полуночи сделалось землетрясение, двери темницы открылись, и оковы узников упали. Спавший сторож проснулся, увидел, что двери отперты, и подумал, что узники разбежались. В испуге он хотел умертвить себя, но Павел успокоил его: *Не делай себе никакого зла, мы здесь* (Деян. 16, 28). Тогда сторож, осознав силу Господню, пал к ногам апостолов и воскликнул: *Государь мой, что мне делать, чтобы спастись? – Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой,* – сказали они ему (Деян. 16, 30–31).

Сторож повел апостолов к себе, омыл их раны и, услышав от них слово Божие, крестился со всем своим домом. Между тем начальники, испугавшись землетрясения, поутру прислали сказать, чтобы отпустили узников, но Павел отвечал: *«Нас, Римских*

---

²⁵ Одежда, крашенная в ярко-красный цвет, которая пользовалась спросом у римлян.

граждан, без суда всенародно били, заключили в темницу, а теперь хотят тайно отпустить! Пусть придут сами начальники освободить нас» (Деян. 16, 37). Начальники испугались того, что сделали, ибо римские граждане пользовались особыми преимуществами: могли всегда требовать суда у кесаря или императора, и без суда нельзя было наказывать их. Оттого семейства и целые города часто за дорогую цену покупали право на римское гражданство. Павел по рождению был римским гражданином. Начальники сами пришли в темницу, извинились перед апостолами и, боясь впасть из-за них в беду, упросили их удалиться из города, что они и сделали, повидавшись вначале с верующими.

В других городах Греции, Фессалониках²⁶ и Верии, апостолы обратили много иудеев, эллинов и некоторых знатных жен. Но неуверовавшие иудеи, как и прежде, возбуждали против них начальство. Не будучи в силах опровергнуть их учение, они клеветали на них и старались возбудить против них подозрение правительства, говоря: «Эти люди поступают против повеления кесаря, почитая другого царем – Иисуса». Они, конечно, знали, что апостолы, проповедуя веру во Христа, никогда не думали возмущать народ против царя, но обвинения эти смущали начальников и народ, и апостолы были принуждены удалиться. Однако они везде оставляли после себя благое семя. Слово Божие, проповеданное ими, укоренилось в сердцах и приносило обильные плоды, просвещая сердца и изменяя жизнь уверовавших по образу нового учения. Из посланий видно, что краткое пребывание Павла в Филиппах и Фессалониках было не бесплодно и что многие люди в этих городах стали ходить в свете учения Христова, живя добродетельно и свято. Апостол, удаляясь из города, в котором благовествовал, продолжал с любовью и заботливостью следить за новообращенными и письменно дополнять свое устное благовествование. Все его послания дышат горячей отеческой любовью к ученикам. Он мог сказать: *Мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны* (1 Фес. 2, 8).

Видя возрастающую ярость иудеев против Павла, верующие убедили его ехать в Афины. Лука был в Филиппах, Сила и Тимофей остались еще в Верии, где многие приняли благовествование с охотой, изучая ежедневно Писания, оставленные Моисеем и пророками, и удостоверяясь в истине нового учения. Павел оставил Верию и поехал в Афины.

Афины были значительнейшим городом в Греции. В это время Греция славилась своим образованием на весь мир, столица стала средоточием науки, мудрости и искусства. Афинские школы пользовались славой повсюду. Из многих стран приходили сюда слушать мудрецов, и жители гордились тем, что с самого основания город их был посвящен богине мудрости – Афине, или Минерве.

Здесь необходимо сказать несколько слов о состоянии Греции в ту пору. Греки, как известно, в то время были язычники, то есть поклонялись многим богам. От них и римляне заимствовали богопочитание. Это богопочитание представляло собой смесь древних преданий с поздними вымыслами. Вначале древние греки боготворили людей, которые оказали важные услуги своему отечеству или отличились доблестными подвигами. К этим историческим преданиям, отчасти искаженным временем, присоединялись впоследствии разные аллегорические (иносказательные) вымыслы, и из всего этого составилось учение (мифы), которое олицетворяло силы природы, явления мира, движения и страсти человеческой души. По греческой мифологии, двенадцать великих богов управляли миром. Главный из них назывался Зевсом; были боги моря, ада, солнца или света, войны, искусства, торговли, богини земли, мудрости, красоты и любви, огня и пр. Кроме двенадцати главных, существовало еще множество второстепенных богов и полубогов; всем им воздвигались храмы, приносились жертвы, в честь каждого из них совершались различные обряды и празднества. Неко-

---

²⁶ Фессалоники – то же, что Солунь. Свое название город получил от имени сестры Александра Македонского – Фессалоники.

торые города посвящались тому или иному богу, и жители считали его своим покровителем. Вымыслы о богах отличались занимательностью, но в них не было высокого понятия о нравственности и добродетели. Боги представлялись коварными, безнравственными, несправедливыми. Почитание их не могло вызвать у язычников возвышенных чувств. Хотя греческая мифология и указывала на воздаяние за гробом, на казнь злым и награду добрым, но сами понятия о добре и зле оставались смутными и неопределенными.

Такое богопочитание не могло удовлетворить духовные потребности лучших из язычников. Но в Греции, более чем где-нибудь, идолопоклонство держалось силой внешней красоты, которую придавало ему искусство. Певцы воспевали богов в звучных стихах, которые передавались из поколения в поколение, богам посвящались великолепные храмы – чистейшие образцы архитектурного искусства. Мраморные изваяния этих идов поражали нас и теперь своей неповторимой красотой.

Но лучшие и образованнейшие из язычников давно уже не верили в своих богов и усердно искали иной истины. Они изучали природу, желая постигнуть тайну мироздания, старались разгадать, для чего создан человек, какому нравственному закону он должен покоряться, к чему должен стремиться, чего искать. Людей, которые искали ответы на эти вопросы, называли философами, или любителями мудрости. В Афинах они пользовались большим уважением. Их толкования и умозаключения были очень разнообразны, поэтому существовали разные школы или системы философии. Но эти вопросы занимали умы не только греков. На Востоке, особенно в Египте и Сирии, философы тоже старались объяснить тайну сотворения мира, движения человеческой души, борьбу добра и зла. Но нигде эти вопросы не возбуждали такого всеобщего, живого сочувствия, как в Афинах. Все философские системы, возникавшие в других странах, здесь обсуждались на улицах, на площадях, под портиками публичных зданий. Философы открыто объясняли свои учения толпам внимательных слушателей. Почти все население следило за толкованиями самых отвлеченных предметов, увлекаясь красноречием мудрецов. Одни утверждали, что мир создан из соединения самобытных сил, другие признавали высшее существо, разумно создавшее мир. Самыми известными философами были Зенон, Эпикур и Платон, и жили они лет за 300 или даже 380 до Рождества Христова.

Последователи Зенона назывались стоиками. Они учили, что высшая мудрость состоит в добродетели, в твердости и независимости духа, равнодушно встречающего и удары судьбы, и благополучие. Стоики не признавали божества, почитая выше всего достоинство человека и непоколебимую твердость его духа, и таким образом считали, что человек не нуждается в помощи свыше. Эпикур, отвергавший божество, будущую жизнь и бессмертие души, учил, что земное счастье есть цель жизни. Это счастье, по его мнению, достигается добродетелью. Но его последователи, искажая учение, искали лишь радости и наслаждений и не признавали никаких обязанностей. Платон признавал, что существует высшая сила, сотворившая мир, что душа человека бессмертна и должна стремиться к совершенству. Его понятия о добродетели, стремление к уразумению божества, указание на бессмертие души дают повод предполагать, что в Египте, где он жил некоторое время, Платон мог узнать о содержании Священного Писания. Учение Платона имело меньше последователей, чем учение стоиков и эпикурейцев, которое льстило человеческой гордости и слабости. Учение эпикурейцев нравилось многим потому, что оправдывало естественные стремления человека к счастью и наслаждению. Когда Павел прибыл в Афины, большинство образованных греков считали себя стоиками или эпикурейцами. Но при всей мудрости своей, философы ничего не могли сказать достоверного. Все их заключения и толкования были всего лишь мнениями, вызывавшими споры и возражения. Вопросы, которые волновали многие умы, оставались неразрешенными, а самые добросовестные ученые приходили к заключению, что все в мире подлежит сомнению. Таким образом, вековые усилия человеческого ума служили

только доказательством, что мир «мудростью своей не может познать Бога», что истину нельзя понять без откровения свыше и нельзя обрести покой и отраду без помощи и милости Божией.

И вот Павел (около 52 г.) пришел в Афины, чтобы проповедовать слово истины и указать мудрым афинянам на Христа, Который есть истина, и жизнь, и свет. Казалось, они должны были бы с радостью принять его благовествование.

Святой апостол скорбел, видя, что в городе много идолов. Одно обстоятельство все же показалось ему утешительным: обзревая город, он увидел на одной из площадей жертвенник с надписью: «Неведомому Богу». – «Стало быть, – думал он, – афиняне поняли тщету язычества и осознают, что существует Бог, не известный им». Павел ежедневно излагал учение Христа то в иудейской синагоге, то на площади. Его охотно слушали, ибо для любознательных афинян и для иностранцев, живших у них, было высшим наслаждением слушать что-нибудь новое. Философы вступали в спор с Павлом и, наконец, привели его в Ареопаг, чтобы он в присутствии значительнейших граждан изложил свое учение. Ареопагом называлось в Афинах верховное судилище, состоявшее из высших сановников и людей, известных своей мудростью. Оно собиралось под открытым небом, на склоне горы, называемой Марсовой. Кроме прочих обязанностей, Ареопаг должен был наблюдать за исполнением обрядов установленного богопочитания. Всякое нарушение оно подлежало его суду. Павел, вероятно, и был приведен в Ареопаг как проповедник нового богопочитания. Встав на так называемый камень бесстыдства²⁷, он начал излагать учение.

Рафаэль. Проповедь апостола Павла в Афинах. Картон для ковра. 1515. Лондон, Музей Виктории и Альберта

Упомянул о том, что, обзревая город, он видел жертвенник, посвященный неизвестному Богу. «Сего-то Бога, – сказал он, – Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян.17, 23). Он сказал, что Господь, создавший вселенную и дающий всему дыхание и жизнь, желает, чтобы все искали и познали Его, что Он не далек от каждого из нас, ибо мы Им живем и движемся, и что Он теперь всем людям проповедует покаяние. Наконец, Павел упомянул и о Страшном Суде, и о воскресении. Слыша эти слова, некоторые засмеялись, другие сказали, что послушают Павла как-нибудь после. Павел вышел из Ареопага, но краткие слова его, при помощи Божией, однако же обратили ко Христу одного из членов этого

²⁷ Сам апостол вряд ли об этом подозревал. Обычно, стоя на этом камне, оправдывались обвиняемые в богохульстве.

судилища, по имени Дионисий²⁸. Уверовала в Афинах и женщина по имени Дамарь и еще некоторые. Но проповедь Павла в Афинах имела мало успеха. Афиняне были слишком горды своей мудростью, чтобы смирить умы в послушание Христу. Христианская мудрость казалась безумием и эпикурейцам, и стоикам. Первые, сильно привязанные к земным благам и наслаждениям, не могли внимать охотно слову о кресте, о суетности земных благ, о радости духовной. Учение стоиков было не менее противоположно христианской истине, ибо основывалось лишь на силе и достоинстве человека и не признавало, чтобы человек нуждался в помощи свыше. Как же было стоикам принять слово о смирении и покаянии, о спасении не собственной праведностью, а смиренным упованием на Христа Искупителя?

Коринф. Общий вид

Павел вскоре оставил Афины и прибыл в другой богатый греческий город – Коринф²⁹. Там он жил у благочестивых иудеев, Акилы и жены его Прискиллы. Они только недавно прибыли из Рима, откуда император Клавдий выгнал всех иудеев³⁰. Павел, чтобы не отяготить Акилу и Прискиллу своим пребыванием у них, работал вместе с ними. Они делали палатки. Каждую субботу Павел проповедовал в синагоге, увещевая и иудеев, и эллинов уверовать во

²⁸ Дионисий происходил из знатного греческого рода и, получив прекрасное философское образование, некоторое время жил в Египте, где занимался астрономией. В тот день, когда распяли Христа, он в течение трех часов наблюдал затмение солнца, которое не вписывалось в законы. Невольно у Дионисия вырвалось восклицание: «Или Бог, Создатель мира, страждет, или этот видимый мир погибает». Однако тогда ученый ничего не слышал о Христе. Вернувшись в Афины, он на время забыл о том наблюдении. Будучи затем выбран в члены Ареопага, Дионисий услышал апостола Павла, вспомнил о виденном им затмении и тотчас уверовал во Христа. Крестившись вместе со всей семьей, Дионисий, прозванный Ареопагитом, три года следовал за апостолом Павлом. Когда же апостол увидел духовную зрелость Дионисия, он рукоположил его во епископа и отправил назад в Афины.

²⁹ Коринф был главным городом Ахайи и располагался на перешейке между Эгейским и Ионическим морями, имея на каждом побережье порт. Между собой порты соединялись безводным каналом, по которому корабли перетаскивались из моря в море посуху. Город был очень богат и многонационален, отличаясь к тому же особой распущенностью нравов. Коринф славился культом Венеры – при храме, посвященном этой богине, обитало до тысячи куртизанок. Учитывая выгодное торговое положение города и значительные финансовые средства, тут обращавшиеся, нетрудно понять, что в Коринфе была также и довольно большая еврейская община.

³⁰ Это случилось в 49 г. по Р.Х. Поводом к этому послужил конфликт в иудейской общине, где евреи-христиане подверглись гонениям со стороны иудеев-фанатиков. За христиан вступились их собратья из числа верующих римлян. К тому же в иудейство была обращена и шестая жена Клавдия – Агриппина, поэтому Клавдий принял сторону римлян, хотя они и исповедовали Христа. В итоге император издал указ об изгнании иудеев со всего Апеннинского полуострова.

Христа. Многие по слову его обратились, как Иуст, Крисп и другие. Но очень многие противились святому учению и злословили на апостола. Павел скорбел, видя упорство их, но Господь поддерживал его унывающим духом. В ночном видении Господь явился ему и сказал: *Не бойся, по говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе* (Деян. 18, 9–10).

Коринф. Развалины

Павел трудился в Коринфе год и шесть месяцев, но не переставал заботливо следить и за всеми теми, которым он благовествовал прежде. Из Коринфа он написал к фессалоникийцам два послания. Сила и Тимофей, которые, по его поручению, ходили проведать их, принесли ему радостные вести об их успехах в христианской жизни. Павел благодарил Бога, памятуя их дело веры и труд любви, и постоянное упование на Господа Иисуса Христа. Он в посланиях своих убеждает фессалоникийцев пребывать в вере, если даже за то придется и пострадать, и молить Бога, чтобы умножил Он в них взаимную любовь. Он наставляет их, как угождать Богу чистотой и праведностью, любовью к братьям, милосердием, убеждает находить удовольствие в тихой жизни, делая свое дело, трудиться. Апостол и сам подавал пример того, чему поучал других. В бытность свою в Фессалониках он трудился день и ночь, чтобы не отяготить кого-то из братьев. В Коринфе тоже. Павел наставляет солунян о воскресении мертвых, дабы они при смерти близких не скорбели, как те, которые не имеют надежды. Он напоминает им, что день Господень придет неожиданно, и чтобы они были всегда готовы, не предавались лени, но бодрствовали и трезвились, облекшись броней веры и любви и шлемом надежды спасения. Он убеждает их уважать трудящихся и начальствующих и друг другу служить с любовью: *вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь* (1 Фес. 5, 14–21).

Чтобы предохранить уверовавших от влияния ложных учений, Павел повелевает им удаляться от всякого брата, который поступает непорядочно и не по принятому от апостолов преданию, но не почитать его за врага, а исправлять как брата.

Мы только вкратце говорим о содержании некоторых посланий Павла. Но хотели бы, чтобы наши читатели внимательно перечитывали его послания по мере того, как мы станем указывать на них. Это лучше всего познакомит их с великим апостолом язычников.

И в Коринфе иудеи схватили Павла и привели к римскому правителю, или проконсулу, Галлиону³¹, говоря, что он проповедует учение, не согласное с законом. Но Галлион не обратил внимания на это обвинение и прогнал обвинителей. «Если бы дело шло об обиде или преступлении, – сказал он, – то я выслушал бы вас; но когда идет спор об учении и о законе вашем, то разбирайтесь сами». Римское правительство еще не страшилось распространения учения Христа, не отделяя христиан от иудеев. Но иудеи везде преследовали проповедников слова Божия.

Из Коринфа Павел с Акилою и Прискиллою поехал в Ефес. Спутники его остались там, он же поспешил на праздник Пасхи в Иерусалим, куда понес собранное для бедных братии подаяние, а потом возвратился в Антиохию Сирскую.

---

³¹ «Милый Галлион», как друзья называли проконсула, был братом философа Сенеки и отличался утонченностью натуры и любовью к изящному. Однако к иудеям относился с легким презрением, считая их варварами, и потому не стал вникать в тонкости их веры и отличия иудейства от христианства.

Глава V

Третье апостольское путешествие Павла. Мятеж в Ефесе. Прибытие Павла в Иерусалим

Деяния апостолов, гл. 18–21

В 54 или 55 году Павел предпринял свое третье апостольское путешествие. Спутниками его были Лука, Тит и Тимофей, а главным местом пребывания – Ефес, один из значительных городов Малой Азии. Но прежде он посетил Фригию и Галатию, в которых уже благовествовал. Слово Божие везде быстро распространилось, и святой апостол находил себе ревностных и деятельных сотрудников. Один ученый человек из Александрии, по имени Аполлос, усердно распространял святое учение в Ефесе, Коринфе и в других городах. Но Аполлос сам не слышал апостолов, а знал только Иоанново крещение. Видя его усердие, Акила и Прискилла сблизились с Аполлосом и подробно изложили ему учение Христа. Верующие дали ему письма в Грецию, чтобы тамошние христиане приняли его с любовью как верного брата и сотрудника, и Аполлос открыто и безбоязненно стал проповедовать в Греции о Христе Спасителе. Отраднo видеть взаимную любовь, которая соединяла верующих, и горячее усердие их к общему святому делу благовествования.

В Ефесе Павел нашел многих учеников, которые, приняв благовествование от Аполлоса, знали только об Иоанновом крещении. На вопрос Павла: «Получили ли вы Духа Святого, уверовав?» – они отвечали: *Мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святой* (Деян. 19, 2). Павел окрестил их и возложил на них руки, после чего они все получили Духа Святого и стали говорить иными языками и пророчествовать. В Ефесе, как и в других городах, Павел, прежде всего, проповедовал в синагоге, но из иудеев многие не принимали истины и злословили святое учение. Тогда Павел стал благовествовать в училище некоего Тиранна, где его преимущественно слушали эллины. Это продолжалось целых два года, и трудами Павла и учеников его вся область услышала слово Божие. Господь руками апостола творил великие чудеса, так что больные от платков апостола и полотенца, бывших на его теле, получали исцеление, и духи злые выходили из них. Некоторые иудеи, видя эту сверхъестественную силу, стали тоже употреблять имя Господа Иисуса для заклинаний. Но так как они это делали без веры и молитвы, то однажды злые духи, бросившись на них, измучили их. Тогда великий страх напал на всех тех, которые занимались гаданиями и волшебством. Они принесли свои книги и сожгли их. Уверовавшие, каясь в грехах, громко исповедовали дела свои. И имя Господне и сила Его славились по всей стране.

Занимаясь благовествованием, Павел ревностно и с любовью следил за всеми прежде уверовавшими. Из Ефеса он написал Послание к Галатам, у которых два раза был перед этим. Галаты, видимо, внимали некоторым лжеучителям, утверждавшим, что соблюдение обрядового закона Моисеева необходимо для спасения. Павел в своем Послании опровергает это мнение, напоминая, что он получил знание истины не от людей, а от Самого Бога. Он объясняет галатам, что они не могут спастись внешним соблюдением закона, но что силу имеет только вера, действующая любовью. Вера, а не преимущество плотского происхождения, как думали иудеи, соделывает чадами Авраама и наследниками обетования: *Вы все сыны Божий по вере во Христа Иисуса, все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3, 26–27). Напоминая, что Христос умер, чтобы искупить нас и усыновить Богу, апостол говорит: *Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа* (Гал. 4, 7). На этом основании Павел убеждает галатов оставаться верными духу учения Христова – иметь любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздер-

жание, плоды духа; увещевать падших в духе кротости, носить бремена один другого, быть смиренными и бдительными, не унывать в добре.

Состояние Коринфской Церкви тревожило апостола Павла: там происходили споры и раздоры. Верующие разделялись: одни говорили: *я Павлов*, другие – *я Аполлосов*. Павел из Ефеса написал к коринфянам длинное послание, в котором с самого же начала касается этого. *Разве разделился Христос?* – говорит он (1 Кор. 1, 13). – *Разве Павел распялся за вас, или в Павлово имя вы крестились? Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3, 6–7).

Не одни эти споры в Коринфской Церкви опечалили Павла. Дары благодатные, сверхъестественные, которые Господь изливал на уверовавших, возбудили в коринфянах духовную гордость, за которую Павел укорял их, доказывая, что всякое знание ничто, если при этом нет любви, что дары Божий должны возбуждать в человеке не гордость, а желание употребить их на служение Господу, ибо все должны служить Богу и ближнему теми дарами и силами, которые кто получил; и, как члены одного тела, каждый должен ревностно исполнять свое дело, в одном духе. В своих тяжбах коринфяне прибегали к суду язычников. Павел запрещает это и убеждает верующих лучше уступать, чем иметь тяжбы с братьями. Чаще всего он упоминает о любви, мире и согласии, которые должны соединять в братстве. Как видно, различные ложные учения уже проникли в Коринф; некоторые утверждали, что нет воскресения мертвых. По этому поводу Павел торжественно излагает учение о воскресении мертвых, изъясняет в утешение всем нам, что тленному надлежит облечься в нетление и смертному облечься в бессмертие, ибо смерть поглощена победой. *Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех чело веко в'*, – говорит апостол (1 Кор. 15, 19). В первом Послании к Коринфянам апостол излагает подробно христианское учение о воскресении мертвых, о Таинстве Причащения, о браке, касается разных обычаев первенствующей Церкви: молитвенных собраний, сборов для вспомоществования неимущим и пр.

Святой апостол уже готовился оставить Ефес, чтобы посетить Грецию, Иерусалим и потом Рим, как вдруг в Ефесе произошло сильное волнение. Здесь находился великолепный храм, посвященный богине Артемиде, которую ефесяне особенно чтили. Храм этот считался одним из чудес света и привлекал в город множество иностранцев³². Многие художники жили тем, что делали и продавали небольшие серебряные подобию этого храма. Но с тех пор как большая часть язычников уверовала в Господа, это ремесло перестало приносить прежние выгоды, и художники сильно вознегодовали на Павла. Один из них, именем Димитрий, собрал товарищей своих и сказал им: «Вы знаете, что от этой работы зависит все содержание наше, а между тем Павел не только в Эфесе, но и во всей Азии уверил многих людей, что боги, сделанные руками человеческими, не суть боги. Надо нам опасаться, что не только ремесло наше придет в презрение, но что перестанут почитать и великую богиню Артемиду и храм ее опустеет».

Последовало сильное волнение. Товарищи Димитрия, восклицая: *Великая Артемида Эфесская!* (Деян. 19, 28), – старались возбудить народ против проповедников нового учения. Это удалось; народ схватил Гаия и Аристарха, сотрудников Павла; самому апостолу угрожала опасность лишиться жизни. Городские начальники с трудом усмирили волнение и освободили захваченных народом христиан. Павел решился удалиться из Ефеса, где оставил ученика своего Тимофея, которому поручил управлять Ефесской Церковью и дал власть

---

³² Первый храм в честь Артемиды Эфесской сгорел в ночь, когда родился Александр Македонский. Современное апостолу Павлу здание храма было построено Александром в пору расцвета его могущества. Храм по проекту архитектора Динократа из Александрии имел в длину почти 103 м, в ширину 49 м, а его крышу поддерживало 100 колонн высотой 18 м, он был отделан белым, голубым, желтым и красным мрамором и обильно украшен золотом. В храме было отдельное помещение для сокровищ, и он имел репутацию самого надежного банка.

через рукоположение посвящать пресвитеров. В посланиях, впоследствии писанных к Тимофею, апостол излагает подробно все пастырские обязанности.

Артемида Эфесская. Бронза

Павел снова поехал в Грецию, проповедовал в Филиппах и коринфянам, примерно тогда же написал Второе Послание. Упомянув об опасности, которой подвергался в Ефесе, он благодарит Бога за спасение, говорит о своих апостольских трудах, воздавая одному Господу хвалу и честь и со смирением отзываясь о самом себе: *мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы сия превосходная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем (2 Кор. 4, 5–9). Мы не унываем, но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4, 16–18).*

Он убеждает уверовавших жить для Господа. *Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего (2 Кор. 5, 15).*

Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собой и давшего нам служение примирения, потому что Бог во Христе примирил с Собой мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христа просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом (2 Кор. 5, 17–21).

Посреди скорбей и трудов Павел имел немало утешений. Его радовало и усердие его сотрудников, и успехи верующих; он хвалит македонские Церкви за их щедрые подаяния

нуждающимся: «Среди испытаний многими бедствиями они преизобилуют радостью, – говорит он, – и глубокая бедность их изливается в богатстве их щедрости». Первые христиане считали долгом своим уделять часть имущества на пособие братьям. Эти приношения, собираемые в день воскресный по богослужению, вручались апостолам или, где их лично не было, епископам и пресвитерам для раздачи по усмотрению их. Павел радовался известиям, которые Тит, ученик его, принес ему из Коринфа. Сам Павел тоже опять посетил Коринф и оттуда написал Послание к Римлянам. В Риме было уже в то время довольно много христиан, и Павел говорит им, что вера их славится по всему миру. Христианское общество в Риме состояло частью из обращенных иудеев, частью из уверовавших язычников. Из Послания Павла можно заключить, что иудеи, храня исключительность древнего закона, гордились преимуществом своим – избранного народа Божия, семени Авраамова – и смотрели на язычников как на неравных себе. Те же, недовольные иудеями, укоряли их за их неверность закону. Апостол доказывает, что все люди грешны перед Богом и не могут надеяться спастись своими делами, а спасаются лишь благодатью Божьей, верой во Христа, умершего за них. *Все согрешили, – говорит он, – и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе* (Рим. 3, 23–24). Эта милость Божия должна возбудить в нас усердие к служению Богу, благодарность и любовь; мы должны стараться ходить в обновленной жизни, жить духом, угождать Богу своими делами. В этом Послании апостол излагает подробно (Рим., гл. 12–14) правила христианской жизни, увещевает к смирению, покорности властям, деятельности, взаимной братской любви, терпению и снисходительности.

Павел желал сам посетить Рим и оттуда идти в Испанию. Но ему встречались препятствия; он был так занят, что не мог располагать своим временем. Теперь он намеревался идти в Иерусалим на праздник Пятидесятницы – с тем, чтобы доставить туда приношения, собранные во всех Церквах для нуждающихся, а оттуда ехать в Рим. Но Господь устроил дело иначе, и путешествие Павла в Рим должно было совершиться совсем при других условиях, чем какие он предполагал.

Послание к Римлянам было вручено Фиве, служительнице Кенхрейской Церкви, которая ехала в Рим. В первый раз приходится нам упомянуть о служительницах Церкви. Их называли диаконисами. Обязанности их были несколько сходны с обязанностями первых диаконов, которым поручалось преимущественно служение больным и бедным. Диаконисы, избираемые в основном из вдовиц, не имевших семейных обязанностей и известных благочестивой жизнью, ходили за больными, служили тем, кто нуждался в помощи и утешении, приготовляли женщин к Святому Крещению.

В посланиях к Тимофею и Титу Павел подробно говорит об обязанностях этих служительниц Церкви.

Павел опять посетил Грецию и оттуда хотел ближайшим путем, через Сирию, возвратиться в Иерусалим, но, узнав, что есть злоумышление против него, переменил намерение и через Македонию прибыл в Малую Азию. В городе Троаде (древней Трое), в воскресный день, верующие собрались для совершения Таинства Евхаристии, и апостол Павел до полуночи беседовал с ними. Это происходило в горнице наверху дома. Один юноша, по имени Евтих, сидевший на окне, заснул и упал с третьего жилья (этажа). Его подняли без признаков жизни. Павел успокоил братию, помолился и, действительно, юноша ожил.

Павел решил миновать Ефес, чтобы не замедлить на пути. Он со своими спутниками прибыл в город Милит (недалеко от Ефеса), призвал туда пресвитеров Ефесской Церкви, дабы проститься с ними и дать им последние наставления. Он знал, что после этого более не увидит их, ибо, по внушению Духа Святого, ожидал себе в Иерусалиме узы и бедствия. Нельзя без сердечного умиления читать повествование об этом прощании Павла с учениками.

Когда собрались в Милите пресвитеры, Павел сказал им: *Вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренным умудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлению иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам ни проповедовал бы, и чему ни учил бы вас всенародно и по домам, возвещая иудеям и еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию. Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показывал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 18–35).*

Кончив речь, он преклонил колени и помолился со всеми. Со слезами обнимали и целовали его ученики, скорбя о том, что более не увидят лица его. И они проводили до корабля Павла и его спутников.

Святые благовестники по пути в Иерусалим приставали к разным островам и городам, везде проповедуя слово и наставляя верующих. Христиане с любовью встречали их. Из Тира, где путники провели семь дней, все верующие с женами и детьми провожали их до корабля, и на берегу, преклонив колени, все молились. Верующие скорбели, ибо многим, по внушению Духа, было известно, что в Иерусалиме Павла ожидают бедствия. Так, в Кесарии, где Павел останавливался у диакона Филиппа, к нему пришел пророк по имени Агав, взял пояс Павла, и, связав им себе руки и ноги, сказал: *«так что говорит Дух Святой... так свяжут в Иерусалиме иудеи того человека, чей этот пояс, и отдадут в руки язычников»* (Деян. 20, 11). Верующие со слезами умоляли Павла не ходить в Иерусалим, но он говорил им: *«Зачем плачете и сокрушаете сердце мое? Я готов не только быть связан, но... умереть в Иерусалиме за имя Господне»* (Деян. 21, 13). Видя твердость его, ученики успокоились, говоря: *«Да будет воля Господня!»* (Деян. 21, 14). Через некоторое время Павел со спутниками прибыл в Иерусалим и остановился у одного старца по имени Мнасон. Недолго, всего двенадцать дней, продолжилось это последнее пребывание Павла в Иерусалиме.

Глава VI

Павел в узах. Путешествие святого апостола в Рим и первое его пребывание в нем. Кончина святого апостола Иакова

На следующий день по прибытии своем в Иерусалим Павел пошел к Иакову, епископу Иерусалимскому; туда прибыли и пресвитеры. Святой апостол рассказал подробно обо всем, что Бог через него совершил у язычников. Слушатели радовались и славили Бога, но не скрыли от Павла, что против него в Иерусалиме сильное ожесточение. Все ревностные иудеи, не уверовавшие во Христа, ненавидели его, и даже между уверовавшими очень многие негодовали на него, считая его разорителем древнего Закона. В Иерусалиме, более чем в других городах, христиане из иудеев были привержены к обрядам и обычаям Закона Моисеева и, вопреки постановлению Собора, не могли примириться с мыслью, что язычники делаются равными с ними, что они могут получить спасение, не приняв вначале иудейского закона. Это глубоко оскорбляло гордость иудеев. Надо было им много христианской любви, чтобы преодолеть это глубоко вкоренившееся предубеждение и признать за братьев тех, которых они до сих пор ненавидели и презирали. На такой подвиг душевный немногие были способны. И большинство иерусалимских христиан были недовольны тем, что Павел не требовал от обращенных язычников исполнения иудейских обрядов. Они считали это знаком презрения к отеческому закону. Иаков и пресвитеры посоветовали Павлу принять участие в исполнении обета, лежавшего на некоторых иудеях, – присоединиться к ним и заплатить расходы за жертву, приносимую ими³³.

Это должно было доказать иудействующей партии, что Павел сам для себя не пренебрегает обрядами закона. Павел охотно согласился на совет братии, ибо в этом не было ничего противного христианскому учению. Он сам был готов соблюдать отеческие обычаи, но считал несправедливым возлагать их на иноплеменников, для которых они не могли иметь того смысла, какой имели для иудеев.

Павел присоединился к людям, наложившим на себя обет, и объявил о том священникам, соблюдая строго все, что требовалось обычаем. Но негодование на него было так сильно, что до окончания семи дней обета некоторые иудеи, увидев его в храме, взволновали народ и наложили на него руки, говоря: «Вот человек, который всех повсюду учит против народа и закона, и места сего, который оскверняет храм, вводя в него еллинов» (Деян. 21, 28). Павлу не дали защищаться. Весь город пришел в волнение, его схватили, выволокли из храма, хотели убить, но тысяченачальник пришел с воинами и освободил апостола из рук разъяренной толпы. Напрасно старался и тысяченачальник узнать, за что негодуют на Павла. Среди шума и смятения невозможно было разобраться, в чем дело. Тысяченачальник велел сковать Павла и вести его в крепость, толпа следовала за ним, восклицая: «Казни его!» Народ так теснился и волновался, что тысяченачальник велел воинам нести Павла по лестнице в крепость.

У самого входа в крепость Павел попросил позволения сказать несколько слов и с лестницы обратился к собранному народу. Он рассказал, как в молодости своей он был одним

---

³³ Это требует некоторого пояснения. У иудеев был обычай налагать на себя обеты, исполнение которых считалось священным долгом. Обет, о котором идет речь, – обет назореев. Он состоял в том, что налагающий его на себя отращивал волосы, соблюдал пост, отказывался от вина и исполнял некоторые обряды в продолжение назначенного срока, после чего он приносил в храм очистительную жертву за себя. Можно было также участвовать в обетах других, принимая на себя расходы, требуемые ими, что и советовали сделать Павлу. Некоторые люди всю жизнь соблюдали обеты, данные за них родителями; таковы в Ветхом Завете Самсон, Самуил.

из самых усердных ревнителей отеческого закона, как он ненавидел и гнал последователей Христа и как на пути в Дамаск Господь Сам явился ему и открыл ему истину. Он рассказал, как он ослеп, как Анания, по повелению Бога, исцелил его и как он однажды, молясь в храме Иерусалимском, увидел Господа, Который сказал ему, что иудеи не примут его свидетельства о Христе, и повелел ему идти к язычникам.

До сих пор слушали его молча, но как только он произнес слово «язычники», то вновь толпа заволновалась и с негодованием и гневом стала требовать, чтобы его казнили. Тысяченачальник, видя смятение и все-таки не понимая, в чем дело, ибо он не был иудеем, велел отвести Павла в крепость, бить его и допросить, чем он навлек на себя такое негодование. Воины отвели Павла и готовились исполнить повеление начальника, но Павел сказал: «Разве можно бить *римского гражданина, да и без суда?*» (Деян. 22, 25). Начальник испугался, боясь попасть в беду даже за то, что связал его. Он велел на следующий день собраться первосвященникам и привел Павла на суд синедриона.

Но и тут были столь же раздражены против него. Едва Павел произнес несколько слов, как первосвященник Анания велел его бить по устам. Когда же он потом сказал: «Я фарисей, сын фарисея, меня судят за чаяние воскресения мертвых», – то все собрание заволновалось, ибо из членов синедриона некоторые были фарисеями, признававшими воскресение мертвых и будущую жизнь, а другие были саддукеями, отвергавшими и то, и другое. Поднялись споры. Фарисеи стали защищать Павла, и начался такой шум, что тысяченачальник, боясь, как бы не растерзали Павла, велел снова отвести его в крепость.

Но Павел не упал духом среди всех этих волнений и опасностей: у него был сильный заступник и утешитель. Господь явился ему ночью и сказал: *Дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме* (Деян. 23, 11).

Между тем более сорока человек из иудеев поклялись не есть и не пить, пока не убьют Павла. Они сообщили о намерении своем первосвященникам, которые, принадлежа к секте саддукеев, были очень ожесточены против святого апостола. Решили призвать его вновь в синедрион, будто бы для дальнейшего обсуждения его дела, и по пути убить его. Но один родственник Павла, узнав об этом, открыл заговор тысяченачальнику, и тот, боясь ответственности, решился в ту же ночь с многочисленной стражей отправить Павла в Кесарию, к римскому правителю области Феликсу. Клавдий Лисий, тысяченачальник, написал к правителю, что посылает к нему человека, обвиняемого иудеями в каких-то спорных мнениях, но, не считая его заслуживающим смерти или заточения, он решился передать все дело на обсуждение правителя и на днях пришлет в Кесарию и обвинителей. Феликс, прочитав письмо, велел держать Павла под стражей.

Вскоре прибыли в Кесарию и обвинители Павла, между которыми находился и первосвященник Анания. Они в обвинении своем называли Павла *язвою общества*, начальником назорейской ереси, *возбудителем мятежа* (Деян. 24, 5). Павел безбоязненно отвечал, что он служит Богу именно тем образом богопочитания, которое его обвинители называют ересью, что он верует всему, написанному в Законе и пророках, имея твердую надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, и потому старается иметь непорочную совесть перед Богом и людьми. Конечно, Феликс, римский правитель, язычник, не мог понять, в чем именно дело. Как и иерусалимский тысяченачальник, он счел это дело пустым разногласием во мнениях, относящихся к иудейскому закону. Он отложил суд и, не считая Павла виновным, велел стеречь, не стесняя его, так что Павел мог видаться со знакомыми своими и, вероятно, пользовался этим для проповедования слова Божия.

Сам Феликс пожелал узнать, в чем состоит учение, проповедуемое Павлом. Он призвал его и со своей женой Друзиллой, иудеянкой, слушал его. Павел с такой убедительной силой говорил о правде, о воздержании и о будущем Суде, что Феликс смутился, ибо он вел

жизнь порочную, но он отослал Павла, сказав, что выслушает его в другой раз. И действительно, он призывал его, но Господь не отверз сердца правителя к уразумению спасительной истины. Феликс был корыстолюбив. Зная невиновность Павла, он продолжал держать его под стражей в надежде получить от него деньги. Так прошло целых два года. Феликс был сменен, и другой правитель, Фест, держал Павла в узах, желая тем угодить иудеям.

Враги Павловы в Иерусалиме просили Феста прислать Павла к ним на суд. Они втайне замыслили умертвить его по пути. Но Фест потребовал их самих в Кесарию. Они пришли, но ничего не могли доказать против Павла, который, пользуясь своим правом римского гражданина, сказал, что желает быть судим кесарем. Этим был положен конец проискам врагов его.

Фест должен был согласиться на требование Павла, совершенно законное, но, вероятно, затруднялся послать к кесарю обвиняемого, не будучи в состоянии объяснить, в чем его вина. К этому времени прибыл в Кесарию царь Агриппа, сын Ирода Агриппы, скончавшегося в Кесарии. Фест рассказал ему, что у него находится под стражей один человек, на которого иудеи очень озлоблены, но что он никак не поймет, в чем состоит обвинение против него. «Они противоплавали ему, – говорит Фест, – только некоторые споры относительно их богопочитания и какого-то Иисуса умершего, о Котором Павел утверждал, что Он жив». Так мало еще римляне знали о новом учении, которое должно было скоро преобразовать весь мир.

Агриппа мог лучше Феста знать, в чем состоят мнения иудеев, и пожелал видеть Павла. И апостол, перед Агриппой и его сестрой Вереникой, изложил главные события своей жизни, рассказал о прежней ненависти своей к закону Христову, о чудном явлении, обратившем его, о твердом уповании своем на воскресение мертвых. Он сказал, что Господь послал его к язычникам открыть им глаза, дабы они обратились от тьмы к свету и из-под власти сатаны – к Богу и верою во Христа получили прощение в грехах. «Я не говорю ничего более, – так заключил он, – как то, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос должен был пострадать и, восстав, первый из мертвых, возвестить свет народу (иудейскому) и язычникам» (Деян. 26, 22–23).

Слова о воскресении мертвых показались безумием язычнику Фесту. Он перебил Павла, воскликнув, что он сошел с ума. «Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, я не думаю, чтобы это было от него сокрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли пророкам, царь Агриппа? Знаю, что веришь» (Деян. 26, 25–27).

«Немного не убедил ты меня сделаться христианином», – сказал царь. *Молил бы я Бога, – отвечал Павел, – чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушавшие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз* (Деян. 26, 29).

Тут все встали. Царь по совещании с присутствовавшими сказал Фесту, что не находит в Павле ничего достойного смерти или уз и что можно бы освободить его, если бы он сам не потребовал суда у кесаря. Посему и решили отправить его в Рим.

Рим. Общий вид

Путешествие Павла в Рим было продолжительно и трудно. Но сотник, которому он был поручен, обращался с ним человеколюбиво и, когда корабль приставал к разным островам и городам, позволял ему видеться с верующими, которые везде с любовью встречали святого апостола. На корабле было 276 человек, между ними находились и друзья Павла: македонянин по имени Аристарх и святой апостол Лука, писатель Деяний апостолов, который подробно описывает это путешествие, страшную бурю, которая застигла пловцов, и крушение корабля близ берега Мелиты, нынешней Мальты. Рука Господня среди опасностей видимо охраняла святых проповедников Его слова. Во время бури, когда уже бывшие на корабле предались отчаянию, потеряв надежду на спасение, Ангел Божий явился Павлу и обещал ему жизнь всех бывших с ним. Четырнадцать дней неслись они по морю, не зная сами, куда плывут. Павел ободрял пловцов с ним, обещая всем им жизнь. Наконец, корабль сел на мель. Воины хотели было убить узников, боясь, как бы они не разбежались, но сотник удержал их, желая спасти Павла. Он позволил спасаться всем, кто как мог. И тогда одни вплавь, другие на обломках и досках корабля благополучно достигли Мелиты. Жители, приняв их радушно, разложили на берегу огонь, и путники грелись около него. Когда Павел подкладывал хворост, ехидна, или ядовитая змея, выползла из-под хвороста и повисла на его руке. Тогда островитяне стали говорить: «Верно этот человек великий злодей, что, спасшись от кораблекрушения, он все-таки не останется жив». Но Павел, спокойно стряхнув ехидну в огонь, остался невредим, к великому удивлению островитян, которые стали почитать его за Бога. На этом же острове Павел исцелил отца правителя и совершил много других чудес, что внушило жителям великое уважение к нему.

После трехмесячного пребывания в Мелите путники вновь сели на корабль, приплыли в Сицилию, потом в Путеол, близ Неаполя. Оттуда, повидавшись с верующими, Павел и его товарищи пошли в Рим. Жившие в Риме христиане, услышав о них, вышли к ним навстречу. Это очень обрадовало Павла. В Риме сотник сдал его военачальнику, который позволил ему жить в особом доме с воином, стерегущим его, и видеть кого захочет.

Вид Рима

Таким образом, исполнилось давнее желание святого апостола посетить Рим. Еще в 58 году он писал римлянам: *«Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что я непрестанно воспоминаю о вас и всегда молюсь, чтобы воля Божия устроила мне путь к вам»* (Рим. 1, 9). В 61 году Бог исполнил эту молитву. Павел прибыл в Рим узником, но слово Божие через него должно было свободно проникнуть во все слои римского народонаселения и озарить светом и радостной надеждой языческий Рим.

Вид Рима

Дня через три Павел созвал к себе знатнейших римских иудеев и рассказал им о гонении против него в Иерусалиме и о том, что он требовал суда у кесаря. Римские иудеи изъявили желание узнать о христианском учении. «Ибо, – говорили они, – о сем учении везде спорят». Назначив день, они пришли к Павлу, и он *от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их об Иисусе из закона Моисеева и из пророков*. Но трудно было убедить иудеев, что распятый ими Иисус есть действительно Тот Самый Мессия, от Которого они ожидали столько благ. Немногие уверовали, и Павел, скорбя об ослеплении остальных, вспоминал слова пророка Исая: *«Пойди и скажи народу этому: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих... и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их»* (Ис. 6, 9—10). Видя упорство иудеев, Павел обратился с благоговением к язычникам.

И жил Павел целых два года на своем изживении и принимал всех, приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно (Деян. 28, 30–31).

* * *

Этими словами кончается повествование святого апостола Луки о деяниях апостольских. Последующие известия о них известны частью из посланий, частью из исторических преданий.

По благоговению апостола Павла многие в Риме уверовали. Правительство римское, не отделяя христиан от иудеев, не старалось узнать, в чем именно состоит их учение и не тревожило их за веру.

Вообще римское правительство в эту пору было довольно равнодушно к вероисповеданию подвластных ему народов. В Риме стояли идолы богов египетских, сирских и других рядом с идолами греческих и римских богов. Римляне имели обычай, овладев страной, принимать чужих богов в число своих. Этим правительство думало скрепить свое владычество над покоренными народами.

При этой общей веротерпимости и при равнодушии к истине различные языческие богопочитания сливались и смешивались в Риме, заимствуя одно от другого обряды, понятия, названия богов. Но один из подвластных Риму народов держался обособленно, строго охраняя свое богопочитание от вторжения чужих обрядов и не скрывая своего презрения к языческому многобожию. Это были иудеи. Их было много в Риме. Ненавидя и презирая своих языческих властителей, они строго держались того постановления Моисеева Закона, которое запрещало им близкие отношения с язычниками. От этого закон их был мало известен римлянам. Язычники не могли понять, какому богу поклоняются иудеи, не находя в их молитвенных домах видимого изображения божества, и были склонны считать их безбожниками. Суровый вид иудеев, их строгое отчуждение от язычников, уклонение от участия в языческих обрядах внушали некоторое недоверие римскому правительству, которое довольно строго надзидало за ними, как за недовольными и беспокойными гражданами. Действительно, тяготясь зависимостью своей и ожидая со дня на день пришествия Избавителя, иудеи волновались беспрестанно и раз уже по этому поводу были изгнаны из Рима, но по смерти императора Клавдия снова возвратились. Римляне подозрительно смотрели на них, как на беспокойных граждан, но вовсе не преследовали их за их закон.

Среди этого-то кружка иудеев началось, вероятно, благоговение учения Христа. Когда именно и как – об этом нет подробных сведений. В Деяниях упоминается, что в тот великий день Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на учеников, в Иерусалиме находи-

лись иудеи и из Рима, поэтому можно предполагать, что они первыми принесли в Рим благую весть о Воскресении Иисуса Христа и о спасении через Него. В Священном Писании мы не находим указания на путешествие в Рим апостола Петра, но древнейшие исторические предания утверждают, что он посетил этот город в 45 году и что вместе с ним был ученик его Марк, который под его руководством написал в Риме свое Евангелие. В эту же пору и другие итальянские города услышали святое благовествование. Марк проповедовал в Венеции и в Аквилее, богатом городе близ Адриатического моря, Варнава в Милане. И вера Христова распространялась, не привлекая сначала враждебного внимания языческого правительства.

Когда в 61 году Павел прибыл в Рим как обвиненный на суд кесаря, с ним обращались довольно снисходительно. Вероятно, Фест и Агриппа сообщили в Рим, что не нашли в нем вины, достойной наказания, и что он только обвинен в спорных мнениях, касающихся иудейского закона. Это не могло составить важной вины в глазах римского правительства, которому не было дела до иудейского закона, и потому Павла содержали не строго. Он усердно проповедовал слово Божие, и его двухгодичное пребывание в Риме послужило к душевному спасению и просвещению многих. *Обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования, – писал он к филиппийцам, – так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие* (Флп. 1, 12–14). Святое благовествование дошло до самого дома кесаря.

Успехи святого дела были для Павла великой радостью. Сверх того, он имел утешение видеть при себе своих друзей: Луку, Иоанна, Марка, Аристарха, Тимофея и других, которые ревностно помогали ему. Он получал отрадные доказательства любви и усердия от всех обращенных им на путь истины. Филиппинцы и колоссяне присылали ему своих епископов Епафродита и Епафраса (Флп. 2, 25; Кол. 1, 7), чтобы проведать его и предложить ему пособие. Они всячески выражали ему свою любовь и благодарность. Павел не падал духом. Он пламенным сердцем работал во славу Господа, трудясь с той святой радостью, с той полной готовностью, которые удваивают силы и средства, посвященные Богу. Это состояние духа раскрывается в посланиях, которые он в эту пору писал к ефесянам, колоссянам, филиппийцам. В узах, в ожидании суда, Павел непрестанно благодарит Бога, обогатившего верующих преизобильным богатством Своей благодати, напоминает верующим о высоком звании, в которое они призваны, соделавшись из чуждых и пришельцев сонаследниками Христа и Своими Богу, умоляет их, чтобы они жили достойно этого великого звания, поступали, как чада света, члены Церкви, которое есть тело Христа.

Из Рима Павел написал и Послание к Евреям, в котором объясняет смысл ветхозаветного Закона в отношении к Христу, и Послание к Филимону. Это последнее послание было написано вот по какому случаю.

Филимон, благочестивый колоссянин, имел раба по имени Онисим, который, провинившись в чем-то, убежал от господина своего и прибыл в Рим, где ему было легко скрыться от поисков. Тут, по милости Божией, он услышал благовествование Павла. Слова апостола пробудили в нем раскаяние, он уверовал, принял крещение и стал служить Павлу. Павел, полюбив его, желал оставить при себе, но не считал себя вправе удержать его без позволения господина его. Потому он послал Онисима обратно к Филимону с письмом, в котором просил его простить раба своего и принять его как брата во Христе. Филимон так и сделал. Он освободил раба, который впоследствии сделался епископом и сподобился много пострадать за имя Христа. В Риме св. апостол Лука написал книгу Деяний Апостольских. Евангелие было написано им ранее, в Коринфе.

Мы нигде не находим сведений о том, каким образом Павел оправдался перед кесарем. Им в то время был жестокий Нерон. Тогда еще вера Христова не возбуждала опасений в язычниках. Вероятно, Нерон не счел нужным обратить внимание на спорные мнения, каса-

ющиеся закона, поэтому он и отпустил Павла. Господу Богу угодно было продлить еще на время жизнь, столь полезную для Церкви. Освобожденный от уз, Павел снова предпринял далекие странствования для благовествования. Он опять посетил те места, где уже прежде проповедовал, в Крите поставил епископом своего ученика Тита и проник до отдаленных стран Запада. Полагают, что он посетил Британию, Испанию и огласил благовествованием берега Дуная, где жили славянские племена. Обо всех этих странствованиях не сохранилось подробностей, но самые древние писатели³⁴ упоминают о том, что апостол Павел огласил Восток и Запад своим благовествованием. В это время он написал Послание к Титу и Первое послание к Тимофею. Оба эти послания содержат драгоценные наставления и много указаний на правление и состояние Церкви.

Что между тем происходило в Иерусалиме? Мы видели, как враждебно иудеи смотрели на христиан, и эта вражда все усиливалась по мере распространения веры Христовой. Злые умыслы иудеев против Павла не удались. Потребовав суда от кесаря, он ушел от врагов, покушавшихся на его жизнь. Обманутые в своей надежде, иудеи обратили всю злобу на верующих в Иерусалиме и стали жестоко преследовать их. Конечно, более всех они ненавидели апостолов, но апостолы мало пребывали в Иерусалиме. Занятые святым делом благовествования, они посещали дальние страны и только изредка, на самое короткое время, возвращались в Иерусалим, чтобы провести тут праздник, увидеться с верующими, сообщить друг другу об успехах общего, святого дела. Святая Церковь сохранила предание о чудесном прибытии апостолов в Иерусалим ко дню успения Пречистой Девы Марии – когда они сделались свидетелями Ее небесной славы.

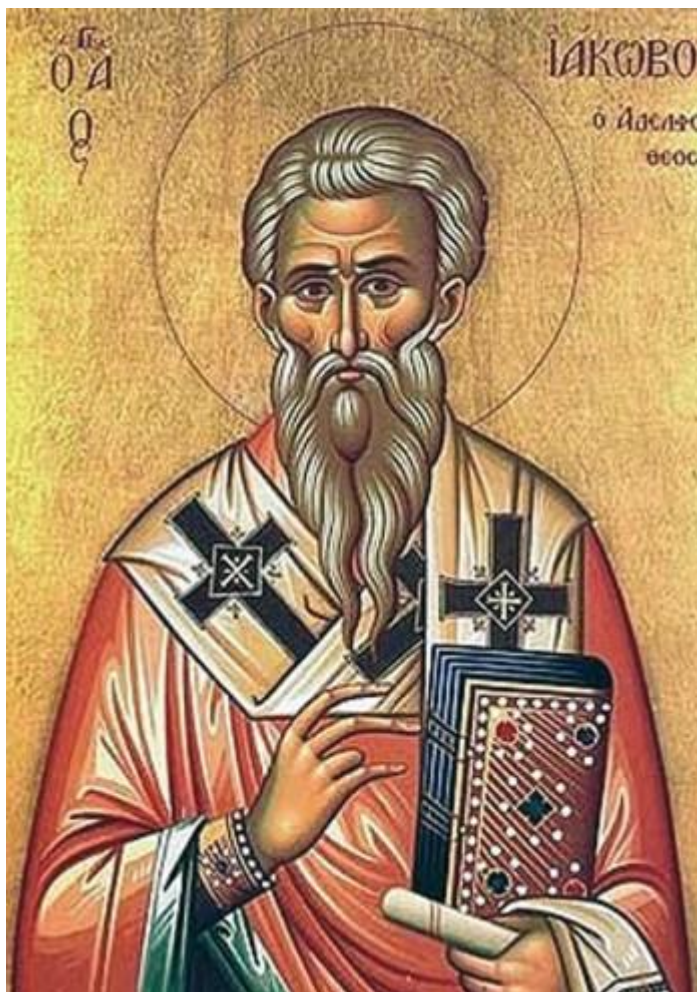
Постоянно жил в Иерусалиме святой апостол Иаков, брат Господень. Он был епископом Иерусалимской Церкви и праведной, строгой жизнью приобрел уважение даже неувещавших иудеев. Мы видели, что на Апостольском Соборе в 50 году он высказал мнение, что обряды Закона Моисеева не обязательны для обращенных из язычников, сам же он их строго соблюдал, что очень располагало к нему весь народ. Знали, что он хранил строжайший пост; беспрестанно видели его во храме, где, коленапреклоненный, он умолял Господа об отпущении грехов народу. Все звали его «праведным» и «защитой народа», ему одному дозволялось в любое время входить в ту часть храма, куда даже первосвященники входили только один раз в году.

Святой апостол с ревностью и усердием заботился о распространении веры Христовой. В 59 году он написал к рассеянным христианам из иудеев соборное Послание, в котором увещевал их к терпению и покорности среди бедствий, призывал к миру, кротости, взаимной любви. Он умолял их добрыми делами доказывать свою веру в Христа, искупившего их, ибо вера без дел мертва. Святой апостол Иаков, первый, по вдохновению свыше, составил чин богослужения, или литургию. Эта литургия и доныне совершается в Иерусалиме в день его памяти³⁵.

---

³⁴ В том числе св. Климент.

³⁵ 23 октября/5 ноября, а также в день празднования собора 70 апостолов – 4/17 января.

Святой апостол Иаков. Икона

Вера Христова быстро распространялась в Иерусалиме, даже некоторые из старейшин уверовали. Это очень встревожило архиереев, фарисеев и книжников. «Таким образом скоро и весь народ признает Иисуса за ожидаемого Христа, – рассуждали они, – надо положить этому конец». И что же они придумали? Просить самого Иакова содействовать им, а если он откажется, то убить его.

Наступил праздник Пасхи, когда обыкновенно было в Иерусалиме огромное стечение народа. Книжники и фарисеи пришли к Иакову и сказали ему: «Просим тебя, праведный, скажи поучение народу. Он признает Иисуса распятого за Христа, выведи народ из этого заблуждения, он тебе поверит, ибо всем известно, что ты свят и беспристрастен. Стань на кровлю храма, чтобы все могли видеть и слышать тебя, и оттуда обрати речь к народу».

Вслед за этим они возвели Иакова на кровлю храма и, собрав вокруг него множество народа, закричали ему: «Праведный! Тебе все должны верить, скажи же этому заблуждающемуся народу, какое понятие он должен иметь об Иисусе распятом».

Иаков громко отвечал: «Что вопрошаете меня об Иисусе, Сыне Человеческом, Который добровольно пострадал, и умер, и был погребен, и воскрес в третий день? Он ныне восседает на небесах одесную Бога и опять придет на облаках небесных судить живых и мертвых».

Святой апостол Иаков

Тогда верующие, находившиеся между народом, воскликнули радостно: «Слава Богу! Осанна Сыну Давидову!» Но фарисеи и книжники, раздраженные тем, что дали Иакову случай благовествовать о Христе, стали кричать: «Праведный заблуждается» – и, взбежав наверх, столкнули святого апостола с кровли храма. Упав с такой высоты, он расшибся, но собрал последние силы, стал на колени, поднял руки к небу и громогласно молился, говоря: «Господи Боже, прости им! Они не ведают, что творят!» Пока он молился, некоторые из народа, подстрекаемые фарисеями, стали бросать в него камнями. Человек из племени Рихава поднял голос в защиту святого страдальца. «Перестаньте, – воскликнул он, – что вы делаете? Праведный молится за вас, а вы его побиваете!»³⁶ В это время один суконщик ударил Иакова тяжелым навоем и разбил ему голову. Это случилось в 63 или 64 году.

Сами враги Иакова утрастились потом злодеяния своего. Когда вскоре за тем возгорелась война и страшные бедствия постигли иудеев, то многие из них смотрели на эти бедствия как на заслуженное наказание за убиение праведника. Иосиф Флавий, иудейский историк, который описал ужасы войны, прибавляет: «Все это случилось с ними за смерть Иакова праведника, брата Иисуса, называемого Христом. Иудеи убили его, хотя он был человек святой».

³⁶ Упомянем здесь о том, что говорится в Библии о рихавитах. Один из родоначальников их, Иегодав (Ионодав), заповедал потомкам своим некоторые правила, как, например, не пить вина, не иметь земель и домов, а жить в палатках. Во время войны с Навуходоносором было от Бога повеление пророку Иеремии убедить рихавитов нарушить данный им устав, но они не согласились на это и продолжали свято соблюдать отеческие правила. Тогда Господь, сравнив их послушание с непокорностью народа израильского, который так часто уклонялся от закона, благословил их и обещал, что между ними всегда будет человек угодный Ему (Иер. гл. 35).

По смерти Иакова, христиане в Иерусалиме избрали себе в епископы Симеона, сына Клеопы, сродника Господня. Но иудеи продолжали жестоко преследовать христиан. Около этого же времени пострадал за веру в Иерусалиме святой апостол Матфий. Он много и ревностно трудился для распространения слова Божия, проповедовал в Иудее, Малой Азии и даже в очень далекой стране Ефиопии. Прибыв потом в Иерусалим, он продолжал благовествовать о Христе. Первосвященник Анан обвинил его в богохульстве, и святой апостол был выведен за город и побит камнями.

Погребальная урна апостола Иакова

Но, невзирая на все опасности, апостолы продолжали бесстрашно распространять святое учение. Исполнились пророческие слова Псалмопевца: *Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 8, 5). Слово Божие, проникая в сердца, просвещая разум светом истины, везде приносило *благие* плоды, возбуждало верующих к новой жизни, внушало им добродетели, не известные языческому миру. Но весь языческий мир восстал против нового учения, обличавшего его пороки.

Глава VII

Рим. Первое гонение на христиан от язычников. Кончина святых апостолов Петра и Павла

Рим в ту пору достиг высшей степени могущества. Быть римским гражданином считалось везде великой честью. Однако, говоря о блеске, величии Рима, историки подчеркивают присущие римлянам жестокость, утрату нравственности.

Рим в первые века существования прославлял мужество, твердость духа, простоту нравов, любовь к отечеству. Эти качества легли в основу римской гражданственности, основанной на самопожертвовании. Ко времени описываемых нами событий все это было в значительной степени утрачено. Римляне уже мало верили своим богам, но стали очень суеверны. Явления природы, удары судьбы они приписывали действию таинственных, враждебных сил, стремились умилостивить их. Жизнь римлян была наполнена обрядами, совершаемыми из суеверного страха. Они старались узнать будущее по полету птицы, по внутренностям жертвенных животных, некоторые дни считали несчастливыми, другие – благоприятными. Жрецы, конечно, *искали* выгоду в этих страхах. С Востока стали проникать гадания волхвов, учения персидских и халдейских мудрецов, якобы помогающих узнавать будущее по движению и расположению звезд, причем все обряды совершались свободно.

В Риме вошло в обычай воздавать божеские почести императорам. В их честь воздвигали алтари и совершали жертвоприношения, перед их статуями курился фимиам. Совершить установленный обряд в честь императора, почти обязательный для подданных, считалось доказательством верности и преданности. Философы и ученые, которые в своих сочинениях высмеивали веру в богов, не смели отказаться от участия в обрядах в честь императоров, ибо тогда навлекли бы на себя негодование суеверного народа и строгость гражданских законов.

Богатые римляне гнушались труда, жили в полной праздности, не признавая никаких обязанностей. Они любили щеголять богатыми, изысканными нарядами, предавались пьянству и обжорству. Преступления не вызывали в них негодования, гражданская служба была средством обогащения, места и должности продавались.

Любимыми забавами римлян стали публичные зрелища: театральные представления, конские бега, бои гладиаторов. У богатых римлян вся жизнь посвящалась увеселениям. К высокому и прекрасному они были равнодушны, только наблюдение за человеческими страданиями могло расшевелить их души. Они наслаждались, видя, как борцы бились насмерть или как звери терзали людей, брошенных им на съедение. А в жертвах не случалось недостатка: будь то пленные, взятые на войне, или преступники, осужденные на казнь. Вскоре и христиане стали считаться достойными этой страшной казни.

Низы общества были не лучше. Крайняя нищета со времен империи устранялась раздачей денег и хлеба, поэтому римский народ жил безбедно, в разврате и праздности. Он не знал полезного труда, и дворцы богачей постоянно наполнялись толпой просителей и прислужников, которые старались лестью и угодливостью получить подавание. В Риме строились великолепные дворцы, театры, цирки, но не было ни больниц, ни приютов для стариков, увечных, детей. Сочувствие и сострадание к несчастным проходили мимо сознания римлян.

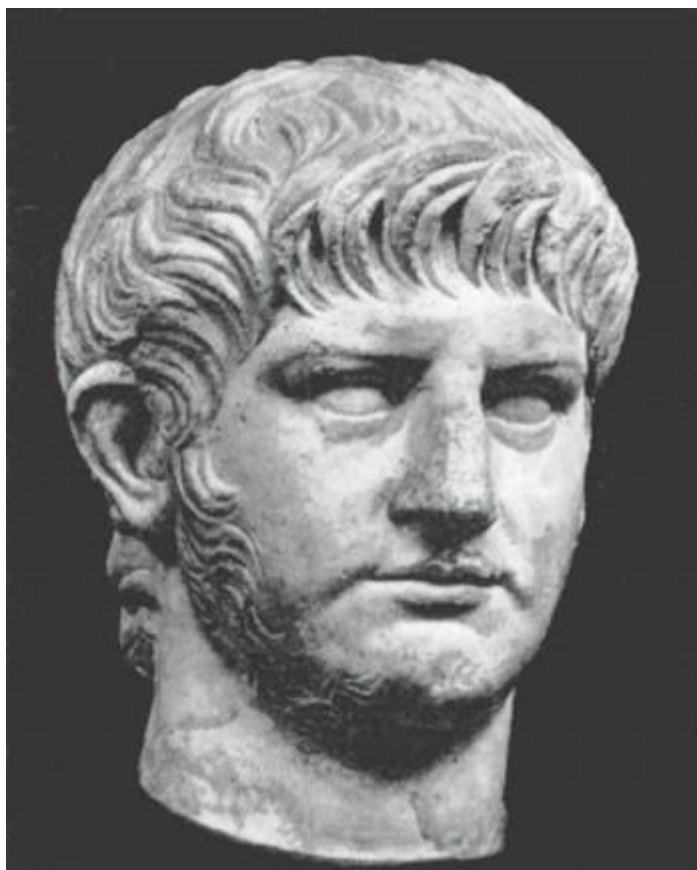
Положение рабов было печальным. Они не имели гражданских прав, считались собственностью своего господина. Римляне сполна пользовались своими неограниченными правами. Им казались странными слова о любви к ближним, о прощении обид, о молитве за врагов, о милосердии, смирении, самоотверженности: *Придите ко Мне все труждающиеся*

и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим! (Мф. 11, 28–29).

Христианская вера вначале получила распространение в кругу бедных людей и долго не привлекала внимания правительства и общества. Римляне никак не понимали, что христианское учение будет иметь несравненно больше силы и влияния, чем закон иудейский. Господу угодно было охранить от враждебного внимания язычников начала Своей Церкви в Риме, пока она усиливалась и крепла, изменяя жизнь и сердца уверовавших, внушая им твердость. Во дворцах еще совершались возлияния в честь языческих кумиров, а вера Христова уже тайно распространялась в низших слоях общества. Христиане собирались для молитвы в подземельях, новая жизнь зарождалась в них, когда языческий Рим стоял на краю гибели. И лишь когда последователей нового учения в Риме стало много, тогда язычники обратили на них внимание и начали преследовать.

Отчего же возникла такая вражда против учения, которое внушало добродетели, призывало не отвечать злом на зло, а побеждать зло добром? Почему римляне стали жестоко преследовать христиан, относясь равнодушно к другим верованиям? Может быть, потому что сами добродетели казались укором языческому обществу. Язычники терпели всякое богопочитание, пока оно не мешало им жить так, как они жили, а вера Христова меняла во всем образ жизни христианина. Он должен был удаляться от язычников, не мог разделять их занятий, потому что они сопровождались языческими обрядами и почти всегда были противны христианской нравственности. Из-за этого язычники стали обвинять христиан в ненависти к роду человеческому. Христиане не приносили жертв, и язычники считали их безбожниками. Христиане не совершали обрядов в честь императора, и римляне стали смотреть на них как на непокорных граждан. Вскоре стали распространять о них ужасную клевету: говорили, например, что на ночных своих собраниях они предаются страшному бесчинству и совершают ужасные преступления, что убивают младенца и вкушают тело его. Языческое общество говорило с ужасом о разврате галилеян (так называли христиан), поклонявшихся распятому Богу и ожидавших воскресения мертвых, ученые смеялись над их безумием. Правительство стало преследовать их как мятежников. Христиане спокойно переносили все, твердо уповая на Господа, с верой в будущую жизнь. Они жалели врагов своих и молились за них.

Император Нерон

Царствовал тогда жестокий Нерон. Он отпустил Павла, когда вера Христова еще не возбуждала вражды; теперь же он поступил иначе. Около 64 года случился в Риме страшный пожар, который истребил большую часть города. Историки предполагают, что виновником пожара был сам Нерон, желавший перестроить город с большим великолепием. Рассказывают, что император с высокой Меценатовой башни в одеянии актера с наслаждением смотрел на пылающий город, воспевая пожар Трои. Пожар продолжался шесть дней. Когда же потом стали доискиваться причины бедствия, Нерон обвинил христиан. Начались преследования и казни. Гонение распространилось по всем областям империи и продолжалось около четырех лет, до самой смерти Нерона. Это стало первым гонением на христиан от язычников. В Риме оно было особенно жестоким. Нерон тешился страданиями христиан и придумывал самые ужасные истязания. Язычники, привыкшие к кровавым зрелищам, содрогались от ужаса при виде страданий христиан. Приведем слова Тацита, знаменитого историка. Он подтверждал, что даже лучшие и образованнейшие язычники видели в христианах преступников. Поведав, что после пожара общее подозрение пало на Нерона и что он тогда обвинил христиан, Тацит говорит: «И потому он стал страшным образом мучить этих людей, которые, известные под общим именем христиан, были и без того покрыты позором. Они ведут начало и имя свое от какого-то Христа, Который в царствование Тиверия был казнен по повелению игемона Поптия Пилата. На время это ужасное суеверие было остановлено; но оно потом опять усилилось и распространилось не только в Иудее, где эта вредная секта первоначально возникла, но достигло Рима, общего приюта всего, что нечисто и преступно. Признания некоторых из них открыли великое множество виновных; и они были все осуждены не столько за пожар города, сколько вообще за их ненависть к роду человеческому. Они умерли среди ужасных истязаний; к истязаниям присоединились ругательства и насмешки. Некоторые из них были пригвождены к крестам, другие зашты в звериные шкуры и брошены на растерзание псам; иные, вымазанные смолянистым составом, вместо

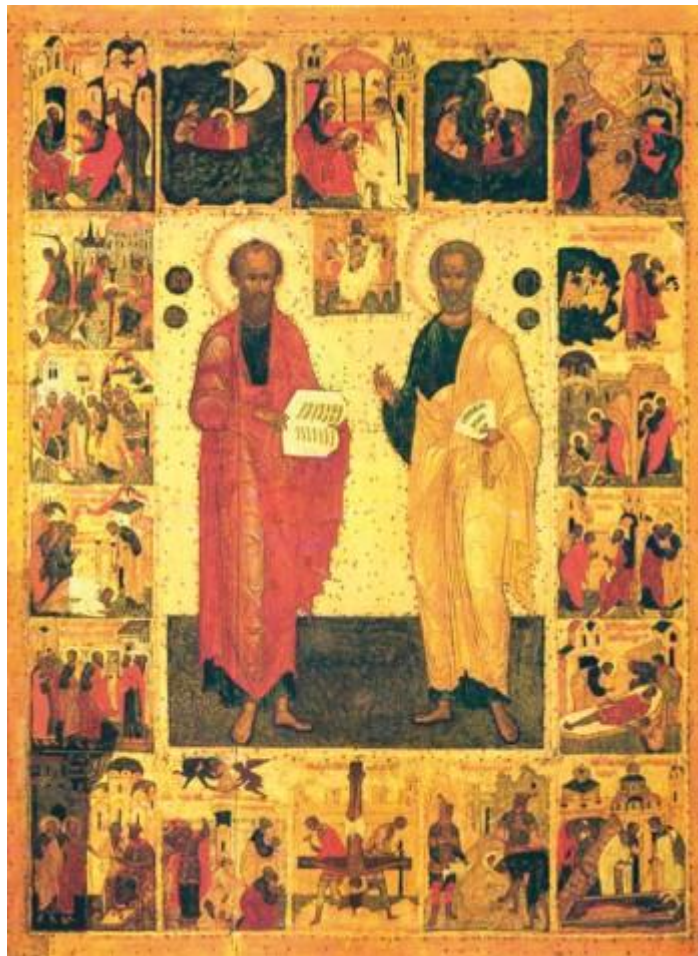
факелов освещали ночную темноту. Сады Нерона были местом сего ужасного зрелища. В это время происходил конский бег, на котором, при огромном стечении народа, присутствовал и император, одетый кучером. Преступления христиан, конечно, заслуживали примерного наказания, но общая ненависть заменилась сожалением, потому что эти несчастные казнились не столько ради общей пользы, сколько для удовлетворения жестокости Нерона».

Г. Семирадский. Светочи христианства (Факелы Нерона). 1882. Краковский музей

Во время этого жестокого гонения святые апостолы Петр и Павел прибыли в Рим. Невзирая на опасность, они бесстрашно проповедовали Евангелие и вскоре вызвали к себе враждебность со стороны язычников. Святой апостол Павел обратил в христианство одну из любимых жен Нерона и тем возбудил его гнев³⁷. В это же самое время, как говорит Предание, в Риме находился Симон-волхв, о котором мы уже упоминали. Уличенный Петром в Самарии, он как будто раскаялся, но это раскаяние было показным: он ненавидел христиан и действовал против них, выдавая себя то за Самого Бога, то за великую силу Божию, сотворившую мир. В Риме он мнимыми чудесами соблазнял римлян, склонных ко всяким суевериям, и приобрел сильное влияние на Нерона. Древние писатели много рассказывают о прениях Симона с апостолом Петром: он оспаривал учение Христово и уверял, что сам есть бог, нисшедший с неба, чтобы спасти мир от власти тьмы. Стараясь убедить римлян в своем всемогуществе, он обещал, что поднимется на небо на виду у всего народа. Все собрались в назначенный день. Среди толпы были и святые апостолы, которые молили Бога, чтобы Он рассеял заблуждения язычников и низложил бы вражью силу, помогавшую Симону. Волхв, как рассказывает Предание, действительно поднялся на некоторую высоту, но вдруг упал и при падении переломил себе ногу. Затем, считая себя опозоренным неудачей, сам лишил себя жизни. Суеверные язычники, приписывая неудачу присутствию апостолов, стали еще сильнее преследовать христиан.

³⁷ Кроме того, известно, что одна из наиболее развращенных наложниц Нерона, Поппея Сабина, была обращена в иудейство и стала прозелиткой; именно она и подтолкнула императора к жестоким гонениям на христиан.

Святые апостолы Петр и Павел в житии. Икона. XVI в. Новгородский музей

Раздраженный и смертью Симона, и вообще распространением учения Христова, Нерон искал святых апостолов, чтобы предать их казни. Рассказывают, что тогда христиане убедили Петра удалиться на ночь из города для большей безопасности. Петр согласился на их просьбы, но Господь в чудном видении показал ему Свою волю. Выходя из Рима, он увидел Самого Христа, входящего в город. «Господи, куда идешь?» – спросил изумленный Петр. «Иду в Рим на проклятие», – отвечал Господь. Из этого Петр понял, что ему следует возвратиться в Рим и прославить Христа мученической смертью. Он пошел обратно в город и вскоре был, как и Павел, заключен в Мамертинскую темницу. Тут, как говорит предание, святые апостолы пробыли около десяти месяцев, обратили в христианство сорок семь узников и сторожей темничных и совершили много чудес. Укрепленные упованием на Господа, они без боязни ожидали казни. В последнем Послании к Тимофею апостол Павел написал: *Я уже становлюсь жертвой, и время моего отшествия наступило. Подвигом я добрым подвижился, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его* (2 Тим. 4, 6–8). С такой радостной надеждой святой апостол мог спокойно переносить и заточение, и последние земные скорби. Некоторые из его друзей из малодушного страха оставили его, но ничто не могло отлучить его от любви Господней. А этого довольно, чтобы жить и умереть с радостью.

Святой апостол Петр с той же спокойной твердостью ожидал кончины, будучи заранее извещен о ней Господом. Апостолов осудили на смертную казнь. Петр вначале был свидетелем казни своей жены Конкордии и напутствовал ее словами: «Жена, помни Господа!» Он был осужден на крестную смерть, считавшуюся у римлян самой позорной. Но казнь, позор-

ная в глазах людей, показалась слишком почетной смиренному апостолу. Он не считал себя достойным умереть, как умер Божественный Учитель, и попросил, чтобы его распяли вниз головой.

Святой апостол Павел, огражденный, как римский гражданин, от позорной казни, был обезглавлен мечом. Некоторые писатели полагают, что оба апостола были казнены в один и тот же день, в 67 году по Рождестве Христовом, другие думают, что апостол Павел умер ровно через год после Петра. Полагают также, что христиане похоронили тела своих святых учителей в катакомбах или подземельях, которых в Риме было много. Верующие потом часто собирались для молитвы над гробницами великих апостолов и благоговейно чтили их память³⁸.

Об апостоле Павле сохранилось больше подробностей, чем о Петре, ибо в Деяниях не упоминается о Петре после Иерусалимского Собора. Но из преданий мы знаем, что он несколько лет управлял Церковью Антиохийской и ревностно проповедовал иудеям, рассеянным в Малой Азии, в Сирии, в Вавилонской области. Мы имеем от него два послания. Он в них увещевает уверовавших угождать Христу, искупившему их Своей драгоценной Кровию; терпеливо переносить земные страдания, твердо уповая на благодать, предлагаемую в явлении Христа; любить друг друга от чистого сердца, жизнью своей представлять язычникам добрый пример во славу Божию, вообще жить праведно и свято, во всем поступать, как верные служители Бога: святить Его в сердцах своих. Он увещевает всех верующих изучать слово Божие, убеждает пастырей Церкви с любовью надзирать над вверенным им стадом, не господствуя над ним, но являя ему пример всего доброго. Жен он увещевает повиноваться своим мужьям, хранить кроткий и спокойный дух, а не заботиться о внешних нарядах и украшениях; мужей – любить и уважать своих жен, как сонаследниц животворной благодати; всех вообще – быть единомысленными, милосердными, смиренномудрыми, покорными властям как от Бога поставленным. Второе послание апостола Петра было написано незадолго до его мученической кончины.

---

³⁸ Ныне мощи святого апостола Петра находятся в соборе Святого Петра в Риме; десница апостола Петра – на о. Мальта.

Святые апостолы Петр и Павел. Икона. Первая треть XIII в. ГРМ

Святая Церковь чтит память святых апостолов Петра и Павла 29 июня и называет их первоверховными, как более всех потрудившихся для распространения Церкви Христовой. Некоторые полагают, что Петр был епископом в Риме, но достоверного свидетельства этого нет. Апостол Петр проповедовал преимущественно иудеям, между тем как апостол Павел – преимущественно язычникам, почему часто и называется апостолом язычников.

Глава VIII

Труды прочих апостолов. Кончина святого Симеона и святого Игнатия. Письмо Плиния к Траяну. Святые мученики

Древнее предание говорит, что после сошествия Святого Духа апостолы несколько лет жили преимущественно в Иерусалиме, предпринимая только не очень отдаленные странствования для благовествования. Когда же вся Иудея уже огласилась словом евангельским, они пошли дальше. Помолвившись, бросили жребий: куда кому идти. Некоторые древние писатели сообщают также, что перед разлукой они, по вдохновению свыше, сложили Символ будущей проповеди, то есть все вместе составили краткое исповедание веры, содержащее в немногих словах основы учения, которое они должны были проповедовать. Вот этот Символ веры, известный под именем Символа Апостольского³⁹, состоящий из двенадцати членов: «1) Верую в Бога Отца Всемогущего, 2) Творца неба и земли. 3) Верую во Иисуса Христа, Сына Его Единородного, Господа нашего, 4) Который зачат был от Духа Святого, рожден от Марии Девы; 5) пострадал при Понтии Пилате, распят, умер и погребен; 6) сошел во ад, в третий день воскрес из мертвых; 7) взошел на небеса, сидит одесную Бога Отца всемогущего; 8) оттоле придет судить живых и мертвых. 9) Верую и в Духа Святого, Святую Церковь Соборную; 10) общение святых; 11) воскресение плоти; 12) жизнь вечную». Иисус, когда повелел апостолам проповедовать Евангелие, не скрыл от них, что они за то подвергнутся бедствиям и гонениям, что их станут ненавидеть из-за Его имени и обвинять перед правителями и царями. Но предрекая труды и бедствия, Господь обещал и всемогущую помощь. Он обещал быть всегда с Церковью Своей, обещал, что Дух Святой внушит верующим мудрость и твердость, что именем Христа они будут творить знамения и чудеса. Апостолы, исполненные Духа Святого, бодро предприняли заповеданное им дело, и ни один не ослабел среди трудов и бедствий. Одушевленные верой и горячей любовью к Богу и ближнему, они терпеливо переносили гонения и страдания и ревностно работали во славу Господа. Окруженные опасностями, они не знали страха и жили лишь для своего святого дела. Временами они возвращались в Иерусалим, чтобы видаться с прочими братьями и сообщать друг другу об успехах проповеди, после чего вновь продолжали свои труды.

Мы рассказали о мученической кончине святых Иакова Зеведеева, Иакова, епископа Иерусалимского, апостола Матфия; расскажем и о других апостолах.

---

³⁹ **Апостол.** Русское слово «апостол» образовано от греческого «посланник». В Библии этим словом называется всякий, кто получает от Бога весть или знание для дальнейшего провозглашения людям. В этом смысле апостолом называется в том числе и ветхо-заветный пророк Моисей (Чис. 16, 28). В Новом Завете Апостолом именуется Себя Господь Иисус Христос (Евр. 3, 1). Чаще всего в церковной традиции апостолами называют непосредственных учеников Христа – ближайший круг из 12 друзей и последователей и 70 других верных учеников (Лк. 10, 1). По Писанию, Сын Божий Сам дал силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней, и послал их проповедывать Царствие Божие и исцелять больных (Лк. 9, 1–2). Апостол Павел обратился в христианство несколько позже, не будучи свидетелем событий Распятия, Воскресения и Сошествия Святого Духа. Однако и он входит в число апостолов, как созерцавший и беседовавший с Господом в сокровенных видениях и откровениях. Апостольская миссия в церковной истории на этом не завершается. Следующие поколения благовестников, принявшие эстафету учения, именуется «мужами апостольскими». Звания «равноапостольных» в православной традиции удостоиваются те из святых, которые больше других потрудились для распространения Евангелия в новых землях. Таковы Мария Магдалина, благоверный царь Константин и царица Елена, Кирилл и Мефодий, св. Нина, просветительница Грузии, св. князь Владимир Киевский и св. княгиня Ольга. В современном церковном обиходе иногда указывается на необходимость несения «апостольской миссии». Под этим подразумевается обязанность Церкви Христовой благовествовать Евангелие человечеству до скончания века.

Собор двенадцати апостолов. Икона. Константинополь, начало XIV в. Москва. ГМИИ
Святой Андрей Первозванный благовествовал в Иудее, Греции, в малоазиатских областях, лежавших близ берега Черного моря, в Грузии, Абхазии, был даже на территории нынешней России, которую тогда называли Скифией, но мало знали о ней. Ее жителей считали грубыми и суровыми, поэтому иностранцы неохотно посещали Скифию. Но слухи о суровости страны и ее жителей не устроили апостола, которому святое дело было дороже жизни. Древние летописи сообщают, что святой Андрей проповедовал в Херсонесе Таврическом (на Крымском полуострове), потом по Днепру доплыл до того места, где ныне стоит Киев. Здесь на горе он водрузил крест и сказал своим спутникам: «На этом месте воссияет благодать Божия, воздвигнутся храмы Богу, и свет истинный изыдет отсюда на всю страну». Святой апостол дошел и до того места, где стоит Новгород. Не говорится о том, чтобы скифы преследовали святого благовестника, но неизвестно также, многие ли уверовали.

Святой Андрей много пострадал от язычников в городе Синопе, близ Черного моря. Затем он основал Церковь в Византии (Стамбул), где поставил епископом Стахия, о котором упоминает в послании св. апостол Павел. В греческом городе Патрах первозванный ученик Христа сподобился положить жизнь за веру свою. Здесь его благовествования и чудеса обратили ко Христу много язычников, и в том числе брата и жену начальника области. Начальник, узнав об этом, велел заключить в тюрьму святого апостола, но в темницу и вокруг нее собирались верующие для молитвы и слушания слова, и число христиан все увеличивалось. Начальник призвал к себе Андрея и долго увещевал его отречься от Христа. «Как можно, – говорил он, – верить в человека, который, как злодей, был распят на кресте?» Тщетно святой апостол объяснял ему, что Господь добровольно, из любви к людям, принял страдание, что Он смертью Своей примирил людей с Богом и даровал им вечную жизнь. Начальник не уверовал в спасительную истину и осудил святого Андрея на крестную смерть. С радостью приветствовал апостол крест, считавшийся у язычников орудием самой позорной казни, но освященный для христианина смертью Христа. «О, крест давно любимый! – воскликнул

он. – Возьми меня от людей и отдай меня Учителю моему; пусть тобою примет меня Тот, Кто тобою меня спас!»

Чтобы продлить мучения святого апостола, начальник велел привязать его к кресту, а не пригвоздить. Народ вознегодовал, ибо успел полюбить апостола за его святую жизнь и спасительное учение. «За что страдает этот святой муж, этот друг Господень?» – восклицала толпа, негодуя и волнуясь. Андрей же с креста своего поучал народ и увещевал его, говорил о любви к ближним, о прощении обид, о вечной жизни. «Не страшна смерть для тех, которые подвергаются ей за правду, – говорил он, – они ею достигают блаженного покоя; она страшна лишь для тех, которые в сей жизни – рабы греха, ибо те идут на вечную казнь. Братья, не забывайте учения моего, любите веру истинную, храните заповеди Господа Иисуса Христа». Два дня и две ночи уже висел на кресте ученик Господень и, следуя примеру Божественного Учителя, произносил лишь слова любви и прощения. На третий день народ, наконец, с угрозами и криком потребовал от начальника, чтобы его сняли с креста. Начальник, испугавшись волнения, сам пришел на место казни и велел воинам своим снять святого мученика, но Андрей с молитвой предал душу Богу. Это было около 70 года⁴⁰. Память святого Андрея совершается Православной Церковью 30 ноября. Святые останки его находятся теперь в Италии⁴¹.

Святой апостол Филипп (его не должно смешивать с Филиппом-диаконом, проповедовавшим ефиопскому вельможе) благовествовал вначале в Галилее, потом в Греции, где творил много чудес и обратил к Господу много язычников. Иудеи, жившие в Греции, возбудили против него гонение, но Господь помогал Филиппу. Восставшие против него вдруг ослепли, и лишь по молитве святого апостола возвратилось им зрение. Это событие сильно способствовало распространению христианской веры. Оставив Грецию, Филипп посетил отдаленные страны: Аравию, Эфиопию, Парфию, потом вместе со своей сестрой, девицей Мариамной, обошел Малую Азию, где встретился со св. Иоанном Богословом и апостолом Варфоломеем. С Варфоломеем он пришел во фригийский город Иераполь. Здесь чудесами и благовествованием отвратили они много язычников от поклонения идолам, но это возбудило против них ярость идольских жрецов, боявшихся потерять свои доходы и влияние на жителей. Жрецы принесли начальнику города жалобу на Филиппа, Варфоломея и Мариамну, говоря, что они обманывают народ вредными баснями и прельщают его мнимыми чудесами. Начальник велел жестоко бить святых проповедников и потом осудил на казнь Филиппа и Варфоломея. Их распяли близ идольского капища, Филиппа – вниз головой, просверлив ему пяточные кости и продев веревки; но внезапно сделалось страшное землетрясение, и много людей погибло.

Испуганные граждане, приписывая это гневу богов за казнь праведников, умолили начальника снять святых апостолов и отпустить их. Но Филипп уже почил, молясь за своих мучителей⁴².

Варфоломей был еще жив. Его сняли с древа, он окрестил уверовавших, поставил им епископа и, предав земле тело св. Филиппа, продолжал странствования, проник в очень отдаленную страну, Индию, где впоследствии нашли оставленное им Евангелие от Матфея. В Армении он силой Божией исцелил дочь царя. Тот, в знак благодарности, прислал ему много даров, но Варфоломей возвратил их со словами: «Даров мне не нужно; я ишу души, чтобы приобрести их Христу». Царь и многие из жителей страны уверовали, но в армянском городе Альбанополе жрецы возбудили против него народ. Апостола Варфоломея распяли и потом с

---

⁴⁰ По другим данным – около 62 г

⁴¹ Стопа находится на Святой Горе, в Русском Пантелеимоновом монастыре.

⁴² Память св. Филиппа – 14 ноября, святого Варфоломея – 11 июня, в один день с апостолом Варнавой. Мы здесь вкратце описываем жизнь и труды апостолов. Более подробно об этом можно узнать из житий святых.

живого содрали кожу и отсекли мечом голову. Святой апостол Фома благовествовал в Индии, Персии, Мидии и Парфии, претерпел много страданий и гонений, скончался мученической смертью в Индии⁴³.

Святой Матфей проповедовал сначала в Иудее и первый написал Евангелие на еврейском языке. Некоторые полагают, что это было спустя лет восемь по Вознесении Христа, другие – несколько позднее. Оно было почти тотчас же переведено на греческий язык⁴⁴, как полагают, святым Иоанном Богословом или Иаковом, епископом Иерусалимским. Матфей посетил Сирию, некоторые области Малой Азии, потом Персию, Индию, Эфиопию и принял мученическую смерть около 60 года.

Святой Иаков Алфеев проповедовал в Иудее, Сирии, Месопотамии и Египте, где был распят на кресте.

Святой Иуда Иаковлев⁴⁵, в отличие от брата Иакова, – всегда называл себя «Иудой Иаковлевым» – проповедовал в Иудее, Самарии, Идумее; с апостолами Павлом и Силой пробыл некоторое время в Антиохии, посетил Персию и Армению, где, как полагают некоторые историки, был распят и пронзен стрелами около 80 года. От него мы имеем краткое соборное послание, написанное около 67 года. Он в нем увещевает верующих подвизаться за веру и не увлекаться лжеучениями, которые начали появляться и соблазняли многих. Память его 19 июня.

Святой Симон Зилот (Кананит)⁴⁶ проповедовал в Месопотамии и, Египте, Мавритании. Некоторые полагают, что вместе с Аристовулом (одним из 70 апостолов) он благовествовал в Британии, где скончался мученической смертью. Память его 10 мая.

Из двенадцати апостолов Господних дольше всех оставался в живых святой Иоанн Богослов. О нем будет речь далее, а пока упомянем о судьбе некоторых апостолов из числа 70.

Святой Лука был верным спутником апостола Павла и в Риме не оставлял его до самой его кончины. Лет через 15 после Вознесения Господня он написал на греческом языке Евангелие. Он же передал нам в книге Деяний святых апостолов драгоценные сведения о распространении Церкви Христовой, проповедовал в разных странах и был епископом в греческом городе Солуни; сподобился мученической смерти, по мнению одних, в Ефесе, а по словам других – в Патрах. Святой Лука был врачом и живописцем.

Святой Марк сопутствовал апостолу Петру при первом его путешествии в Рим и под его руководством написал там Евангелие на греческом языке. Он проповедовал в итальянских городах близ Адриатического моря: Венеции, Аквилее; потом посетил Египет, Ливию, Киренаику, был первым епископом Александрийской Церкви и в Александрии положил начало училищу, которое впоследствии сделалось чрезвычайно значительным. В этом же городе святой Марк был замучен язычниками, которых отвращал от поклонения идолу Серапису. Перед кончиной он сподобился явления Христа и радостно перешел в лучшую жизнь около 68 года. Мощи его находятся в Венеции.

Святой Варнава, друг и спутник Павла, с которым положил основание Церкви в Антиохии, благовествовал на Кипре, в Милане и скончался мученической смертью в Саламине. Мы знаем, что он одним из первых продал свое имущество для того, чтобы раздать деньги нуждающимся, и был прозван апостолами «сыном утешения», потому что имел осо-

---

⁴³ Память его 6 октября; св. Матфея – 16 ноября; св. Иакова Алфеева – 9 октября.

⁴⁴ Сейчас еврейский оригинал утрачен, остался лишь греческий.

⁴⁵ Он был, как и апостол Иаков Праведный, братом Господним. Однако, памятуя свой грех, – не захотел принять Младенца Иисуса после Его рождения в свой земельный надел (а к моменту Его появления у Девы Марии все наследие Иосифа Обручника было уже распределено) – именовал себя «Иудой Иаковлевым».

⁴⁶ По преданию, Симон Кананит был тем женихом с брака в Канне Галилейской, где Иисус Христос сотворил Свое первое чудо превращения воды в вино.

бый дар утешать скорбящих. Святой апостол Варнава написал послание, которое хотя не принято в состав Нового Завета, но было очень уважаемо в первые века христианства.

Святой Фаддей проповедовал в Месопотамии. Он исцелил и крестил едесского князя Авгаря, о котором древние церковные писатели сообщают нам следующее предание.

Авгарь княжил в Едессе во времена Христа, и до него дошел слух о чудесах, которые Господь творил в Иудее. Заболев проказой, он написал Христу, прося Его всесильной помощи, и при этом предлагал Ему в городе Едессе убежище от врагов и гонителей. Это письмо было вручено живописцу, которому Авгарь повелел написать образ Христа. Но как ни старался живописец, никак не мог изобразить Божественного лика. Иисус Христос призвал его, потребовал воды и полотенце, умылся и отер лицо полотенцем, которое потом подал живописцу. На полотне осталось Его изображение. Вместе с этим драгоценным даром Господь послал Авгарю письмо, в котором обещал ему полное исцеление, но по пришествии одного из Его учеников. После сошествия Святого Духа, когда апостолы рассеялись для благовествования, Фаддей отправился к Авгарю, который принял Святое Крещение и тотчас же получил полное исцеление от своего недуга. Православная Церковь в память этого события совершает празднество в честь Нерукотворного образа Спасителя (16/29 августа). Святой Фаддей после многих апостольских трудов скончался в городе Верите.

Все апостолы с великой ревностью старались распространять Церковь Христову, и почти все запечатлели веру своей мученической кончиной. Они не щадили себя, ходили в самые отдаленные страны, проповедуя Евангелие, и без страха подвергались опасностям, страданиям, лишениям. Многие из них были епископами: Тит, как мы уже сказали, был поставлен Павлом на Крите; Тимофей – в Ефесе; Анания, крестивший Павла, был потом епископом в Дамаске; Филимон – в Газе; Сила – в Коринфе; Лин, Анаклит и Климент, один после другого, были епископами в Риме; Дионисий Ареопагит – в Афинах.

Глава IX

Иудейская война. Падение Иерусалима⁴⁷

Приближалось время, когда страшная кара должна *была* постигнуть иудеев, которые с таким безумным упорством отвергали истину и спасение. Подданство Риму становилось для них все тяжелее, и они беспрестанно волновались, ожидая со дня на день появления Мессии, который бы освободил их от ненавистного ига и возвеличил над всеми народами. Римское правительство вынуждено было силой усмирять эти волнения, но ожесточение иудеев возрастало. Все служило для них предлогом к восстанию, всякая мера римского правительства возбуждала негодование. Волновалась вся страна. Беспрестанно являлись лжепророки, которые приобретали влияние на народ, обещая ему от имени Господа знамения и чудеса. Иудеи находились в таком напряженном состоянии духа, что готовы были верить всякому, кто льстил их надежде на независимость, и бросались в самые отчаянные предприятия. Волхвы и чародеи прельщали народ мнимыми чудесами, предвещавшими будто бы скорое избавление; лжепророки уводили огромные толпы народа в пустыню для того, чтобы там ожидать явления Мессии. Какому-то египтянину удалось собрать вокруг себя на гору Масличную до тридцати тысяч человек. Он звал их идти на Иерусалим, чтобы освободить святой город от позора чуждого владычества, и обещал им, что стены города падут от одного его слова. Только силой оружия успели разогнать это сборище.

Зилоты (или ревнители) старались всеми силами возбуждать и поддерживать ненависть иудеев к римлянам.

Секта зилотов возникла около Рождества Христова, когда Квириний, губернатор Сирии, по повелению Августа, приступил к народной переписи для собирания податей. Тогда один галилеянин, по имени Иуда, собрал около себя множество приверженцев, проповедуя им, что грешно народу Божию платить дань языческому императору. Он произвел возмущение и погиб во время смут, но учение его распространилось. Двое из его сыновей предводительствовали шайками мятежников и были распяты на крестах, третий, как мы увидим ниже, принимал большое участие в Иудейской войне. Эти зилоты привлекли к себе множество народа и под предлогом горячей ревности к закону производили разбои и возмущения. Огромными шайками бродили они по областям, собирали вокруг себя воров и разбойников и опустошали страну; толпы убийц совершали страшные злодеяния в самом Иерусалиме. Если при всем этом вспомнить постоянную вражду между иудеями и самаритянами, междоусобия и споры враждующих религиозных сект, общее раздражение против римлян и неприязнь иудеев и иноплеменников, то можно себе составить приблизительное понятие о том тревожном состоянии, в котором находилась вся Иудея.

В то же время странные предзнаменования немало волновали и смущали умы, как бы указывая на приближение великих событий. Иудеи с ужасом рассказывали, что дверь храма, которая была до того тяжела, что двадцать человек с трудом могли двинуть ее, однажды отворилась сама собою; что во время Пасхи необычайный свет ночью озарил жертвенник; что однажды вечером весь народ видел в воздухе над Иерусалимом сражающихся всадников, которые, несясь над городом, наконец, окружили его огненными полками. В день Пятидесятницы священники слышали в храме звуки удаляющихся шагов и голос, говоривший: «Уйдем отсюда». Наконец, еще за четыре года до начала войны, явился в Иерусалим на праздник какой-то поселянин, по имени Иисус, сын Анании, и стал ходить по улицам и площадям города, восклицая громогласно: «Горе! Горе! Горе храму! Горе Иерусалиму! Голос от

---

⁴⁷ Подробности об Иудейской войне (66–70 гг.) извлечены из книг Иосифа Флавия.

востока! Голос от запада! Голос от четырех ветров против Иерусалима!» Его взяли и строго наказали, но на все допросы и угрозы он отвечал теми же зловещими словами. Его отвели к правителю, который повелел его жестоко бить, но, не прося пощады, он только после каждого удара восклицал жалобным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» Наконец оставили его в покое, считая безумцем, и он продолжал обходить город, не говоря ни с кем, но только повторяя и днем и ночью зловещие слова свои. В праздничные дни он произносил их громче и более жалобным голосом. Это продолжалось целых семь лет. Когда впоследствии началась уже осада города, он обходил стены, восклицая: «Горе храму! Горе Иерусалиму!», и, наконец, прибавив: «Горе мне», – в ту самую минуту был убит огромным камнем, брошенным осаждающими.

Понятно, что римские правители трудом ладили с беспокойными иудеями. Исповедуя не одну с ними веру, они иногда даже без умысла нарушали священные для народа обычаи, и это всякий раз приводило иудеев в крайнее раздражение. Римское знамя в святом городе, языческая стража у дверей храма – все казалось иудеям умышленным поруганием над их святыней и производило кровавые смуты. Некоторые из римских правителей щадили эту раздражительность покоренного народа и избегали всего, что могло бы показаться ему нарушением священных законов и обычаев. Но два последних правителя, Альбин и Гессий Флор, довели иудеев до отчаяния своим корыстолюбием и всевозможными притеснениями. Гессий Флор вместо того, чтобы унимать разбойничьи шайки, опустошавшие целые области, тайно благоприятствовал им, деля с ними добычу. Он жестоко угнетал несчастных иудеев, для которых при нем не было ни правосудия, ни закона. Они было принесли на него жалобу, но на нее не обратили внимания, и Гессий Флор, прибыв затем в Иерусалим, ограбил сокровищницу храма, а его воины перебили до трех тысяч иудеев. Тогда иудеи, потеряв терпение, решились взяться за оружие; вскоре восстание, как пламя, охватило всю страну.

Под предводительством смелых и отчаянных вождей, преимущественно из зилотов, иудеи овладели крепостью Массادا и перерезали в ней весь римский гарнизон. Умеренная партия еще хотела удержать народ от решительного разрыва с римлянами, но советов и убеждений уже не слушались. Зилоты с приверженцами умертвили первосвященника Ананию, который советовал им покориться, сожгли царский дворец и затем предали огню архив, в котором хранились долговые записи, чтобы тем привлечь к себе больше народа. Затем они овладели главной римской крепостью в Иерусалиме.

Это восстание вспыхнуло в 66 году. Вероятно, успехи иудеев были бы значительнее, если бы при самом начале войны не возникли между ними раздоры, которые сделались главной причиной их бедствий. Начальником мятежников был Манагим, сын того Иуды Галилеянина, который основал секту зилотов. Представляя себя горячим ревнителем Закона и подталкивая к восстанию против римлян, Манагим приобрел огромное влияние на народ. Первые успехи еще больше усилили его влияние, и он стал в Иерусалиме править с властью почти царской. Но это возбудило против него другого искателя власти, Елеазара, сына убитого первосвященника Анании, и тот стал вербовать себе приверженцев для того, чтобы свергнуть власть Манагима. Это удалось; неожиданно напав на Манагима, он предал его казни и сам принял начальство. Затем он осадил крепость, в которой еще держались остатки римского гарнизона, и, наконец, убедил римлян сдаться, обещая даровать им свободу и жизнь. Римские воины, долго терпевшие голод, поверили обещанию, сдались и были все до одного перерезаны иудеями.

Это ужасное вероломство совершилось в день субботний. Сами виновники устрашились своего злодеяния, уныние и страх наполнили все сердца. Кто ожидал страшного возмездия от римлян; кто страшился проявления гнева Господня за злодеяние и нарушение священного дня. Дело зашло уже так далеко, что война была неизбежна.

Вскоре ужасное известие достигло Иерусалима. В тот самый день, когда вероломно был перерезан римский гарнизон, иудеи, жившие в Кесарии, сделались, в свою очередь, жертвой страшного злодеяния. Они давно ссорились с жителями Кесарии, греческими поселенцами, и между враждующими дело доходило часто до кровавых схваток. Теперь, когда уже вспыхнуло восстание, кесарийцы, уверенные в покровительстве Гессия Флора, неожиданно напали на иудеев и перерезали до двадцати тысяч человек. Действительно, правитель, вместо того чтобы наказать виновных, обратил свой гнев на немногих, еще оставшихся в живых иудеев и сослал их на тяжелые работы в отдаленные города.

Как скоро эта весть дошла до Иудеи, то началась беспощадная резня во всех соседних областях, где и так иудеи находились в постоянной вражде с иноплеменниками, большей частью греческого происхождения. Исполненные ярости, они *стали* опустошать страну, убивая везде иноплеменников, грабя и сжигая имущество их. Огромные шайки разбойников обходили города и вези с огнем и мечом, и вскоре Сирия, Палестина и Малая Азия облились кровью. Туземные жители тоже не щадили иудеев. В Птолемаиде и в Аскалоне было убито до 5 000 иудеев; в Скифополе предательски перерезано до 13 000; в Дамаске – 10 000. Все города Сирии и Палестины представляли собой страшное зрелище. Две враждующие партии дрались беспощадно на улицах городов, наполняя их трупами и обливая потоками крови.

В Александрии, в Египте также жило много иудеев. Еще Александр Великий даровал им разные гражданские права, но александрийцы ненавидели их. И теперь весь народ, соединившись против евреев, умертвил до 50 000 человек. Эти обоюдные злодеяния довели до крайности общее раздражение.

Наконец римский правитель Сирии Кестий Галлий, видя повсюду возмущение и беспорядки, двинул сильное войско в Иудею. Он легко овладел некоторыми городами галилейскими: Лиддою, Завулоном – и остановился в нескольких стадиях⁴⁸ от Иерусалима. В Иерусалиме было в это время огромное стечение народа по случаю праздника Кушей⁴⁹. Но, несмотря на святость праздника, иудеи собрали значительные силы и с яростью напали на римлян, которые вынуждены были отступить, потерпев сильный урон. Однако же через несколько дней Кестий подошел еще ближе к Иерусалиму, сжег предместье и осадил город. Решись он на приступ, вероятно, легко овладел бы Иерусалимом, который в ту пору еще не был готов к обороне. К тому же жители были разделены на партии: некоторые хотели обороняться до крайности, но большая партия, ожесточенная притеснениями зилотов, была готова покориться римлянам и даже тайно предлагала Кестию впустить его в город. Но Кестий, обманутый ложными известиями, не поверил этому предложению и вдруг, к величайшему удивлению иудеев, снял осаду и удалился. Это так ободрило иудеев, что они бросились преследовать удалявшиеся легионы, овладели всеми осадными орудиями и перерезали огромную часть римской армии. Кестий едва спасся с малым остатком своих значительных полков.

Внезапное и неожиданное удаление римлян было великой милостью Божией для христиан, находившихся в Иерусалиме: оно дало им возможность оставить город. Увидев вокруг святого города римские знамена с изображениями языческих богов, они вспомнили слова Спасителя: *Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него* (Лк. 21, 20–21). Они оставили Иерусалим со своим епископом и удалились

---

⁴⁸ Стадия – путевая мера, заимствованная от греков, около 185 метров.

⁴⁹ Один из трех великих иудейских праздников; начинался в 15-й день месяца тирей (вторая половина сентября – начало октября) и продолжался семь дней. Праздник Кушей, или палаток, был установлен в память 40-летнего странствования евреев по Аравийской пустыне. Люди выходили из своих домов и почти неделю жили в палатках, сделанных из зеленеющих ветвей, *веселясь пред Господом* (Лев. 23, 39–43). После сбора урожая, в продолжение праздника, приносилось много жертв. На восьмой день, с пальмовыми ветвями, люди наполняли храм, где торжественно пели хвалебные песни пред Богом.

в маленький город Пеллу, находившийся в горах, по той стороне Иордана. Знаменательно, что ни один христианин не погиб в этой ужасной, кровопролитной войне.

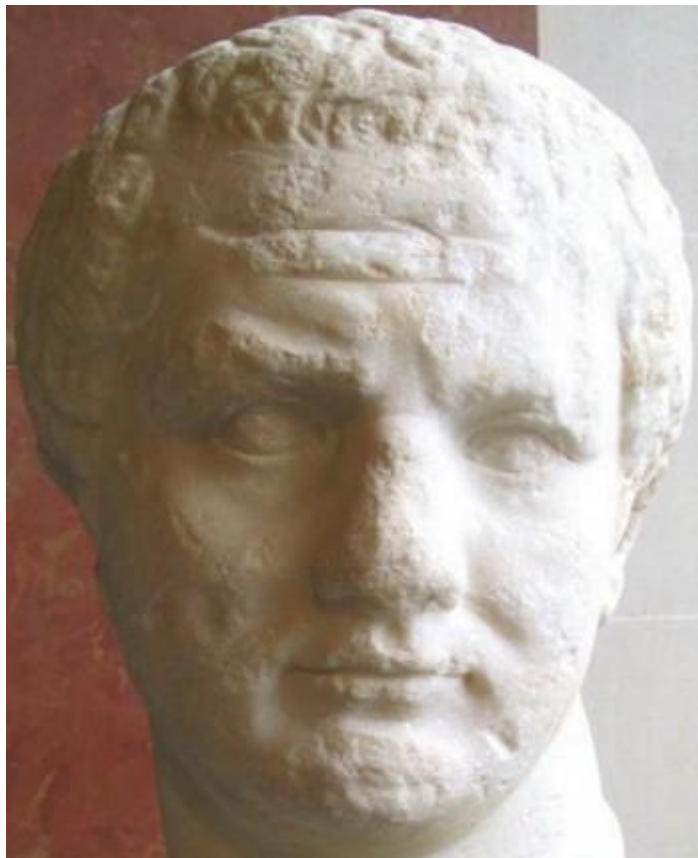
Ободренные успехом, но ожидая нового нападения, иудеи стали активно готовиться к обороне. На некоторое время они даже отложили междоусобные брани и дружно занялись общим делом. Избрав себе начальников, они стали усердно поправлять поврежденные стены и башни, возводить новые укрепления, ковать оружие, готовить запасы, вербовать солдат; во все области были разосланы опытные вожди, которым поручили укреплять города и снабжать их всем нужным для оборонительной войны. Галилея, между прочим, была вверена Иосифу Флавию, который потом, как очевидец, описал военные действия. Из его достоверного повествования, дошедшего до нас, и заимствуем мы подробности об Иудейской войне.

Весть о поражении Кестия Галлия ужасно раздражила императора Нерона. Он тотчас же послал против иудеев огромное войско под начальством храброго и опытного полководца Веспасиана⁵⁰. Веспасиан открыл военные действия в Галилее и вскоре овладел многими городами, хотя эти города были сильно укреплены и иудеи защищались с отчаянным мужеством. Они дрались до последней крайности, предпочитая смерть рабству римлянам. Война была жестокая, беспощадная; погибло огромное число людей. Одна крепость, Иотапат, под начальством Иосифа Флавия держалась около двух месяцев; во время осады погибло до 40 000 иудеев. И когда наконец город был взят, то жители, укрывшись в пещеру, сами умертвили себя, чтобы не попасть в руки римлян. Один только начальник, Иосиф Флавий, сдался Веспасиану и приобрел его расположение, предсказав ему, что он будет императором. Но этот поступок заклеил его позором в глазах соотечественников. В городе Гамале, который был взят после долгой осады, раздраженные римляне не пощадили даже жен и детей, и 5 000 иудеев сами лишили себя жизни. В Тарихее, близ Геннисаретского озера, погибло много людей, и до 30 000 иудеев были проданы в рабство; остальные попытались спастись на лодках, но неприятели настигли их. На Геннисаретском озере произошел кровопролитный бой. Число убитых и потопленных было так велико, что долго после этого окрестности озера были необитаемы от смрада гниющих трупов.

---

⁵⁰ Тит Флавий Веспасиан имел к тому времени славу талантливый полководец. Ему было 58 лет, и он успел побывать военным трибуном во Фракии, управлял Критом, затем Киреной, участвовал в боях в Германии, особенно отличился в Британии, за что был удостоен триумфа в Риме. Был наместником в Африке. Однако вызвал недовольство императора Нерона тем, что во время «гастролей» последнего в Греции засыпал или уходил из театра при выступлениях Нерона.

Голова императора Тита Флавия Веспасиана. Париж, Лувр

Покорив таким образом Галилею, Веспасиан перезимовал в Кесарии и весной опять открыл военные действия. Он *брал* один за другим все укрепленные города, занимал их своими войсками и приближался к Иерусалиму. Но он не торопился начать осаду города, ибо знал все, что происходило в Иерусалиме; а это более благоприятствовало ему, нежели самые успешные военные действия. Иудеи в Иерусалиме враждовали между собой, истощали в междоусобных бранях силы и средства, которые должны были бы соединить против общего врага. Зилоты, которые приобрели огромную власть, представляя себя горячими защитниками отчизны и закона, теперь пользовались этой властью только для личных и корыстных выгод. Они беспощадно грабили и угнетали народ, заключали в темницы самых богатых и значительных граждан, чтобы брать с них деньги, или, обвинив их в намерении сдать город римлянам, предавали их истязаниям и смертной казни. Партия их еще усилилась шайками разбойников, вытесненных из соседних областей, и беглецами из разных городов Галилеи, которые все стремились в Иерусалим, надеясь найти там безопасное убежище. Свирепство зилотов возрастало с каждым днем; они овладели храмом, ругались над священными законами и обычаями и безнаказанно совершали преступления. Наконец, угнетенный ими народ восстал против них под предводительством первосвященника Анана. У самого храма произошел жестокий бой. Зилоты, теснимые отовсюду, закрылись в храме, куда последовала разъяренная толпа, но Анан удержал народ, боясь осквернить храм кровопролитием. Он довольствовался тем, что окружил храм вооруженной стражей, надеясь, что, наконец, зилоты принуждены будут сдаться. Это, вероятно, бы и случилось, если бы не нашелся предатель, который тайно вызвал на помощь соседнее племя идумеев⁵¹, уверив их, что Анан хочет сдать город римлянам и что зилоты – единственные защитники закона и свободы. При

---

⁵¹ Идумеи сперва враждовали с иудеями; но незадолго до Рождества Христова приняли Закон Моисеев и отчаянно противились римскому владычеству.

этом известии иудеи вооружились и в числе 20 000 человек прибыли к стенам Иерусалима. Анан, который в это время правил городом, не захотел пустить их вооруженными в Иерусалим, боясь новых беспорядков.

Иудеи, раздраженные отказом и обманутые ложными слухами, не согласились удалиться, а расположились станом около городских стен, ожидая удобной минуты, чтобы войти. В ту же ночь страшная буря с землетрясением разразилась над Иерусалимом. Пользуясь общим смятением и ночной темнотой, зилоты тихо вышли из храма и отворили ворота иудеям. Двадцать тысяч иудеев ворвались в город, и началась страшная резня. Зилоты и иудеи, перебив стражу, рассыпались по городу, и целую ночь, при блеске молнии, при завывании бури, продолжалось ужасное кровопролитие. Разъяренные, они рубили направо и налево, не щадя никого, и к утру только в окрестностях храма насчитывалось до 8 500 трупов. Но этим все не кончилось. На следующий день иудеи предали казни первосвященника, считая его изменником, в самом храме умертвили одного из почетнейших граждан, наполнили узниками все темницы города. Этих несчастных потом предавали мучительной смерти, а темницы наполнялись другими. Таким образом, в продолжение нескольких дней иудеями и зилотами было убито до 20 000 человек.

Через некоторое время иудеи, узнав, что их обманули, рассорились с союзниками своими и, утомленные казнями, удалились. Но несчастному городу от этого не стало легче. Зилоты, усиленные тем, что погубили значительнейших врагов своих, стали свирепствовать пуще прежнего. Никому не было от них пощады. Грабежи и казни совершались беспрепятственно. Страх и уныние наполняли все сердца. Не смели оплакивать убитых родственников и друзей, не смели хоронить тела казненных: и то и другое считалось зилотами преступлением, достойным смерти. Наконец, сами зилоты рассорились и разделились на две партии. Одна, под начальством Елеазара, держалась в ограде храма, другая, под предводительством смелого разбойника Иоанна Гискалы, осаждала ее, и обе партии, воюя между собою, не переставали терзать и угнетать бедный народ. Между тем, как эти партии свирепствовали в городе, третья опустошала окрестности. Ее предводителем был некто Симон, который, привлекая к себе воров и разбойников, сумел набрать под свое начальство до 40 000 человек. Он овладел некоторыми крепостями и оттуда производил набеги на города и селения. Не было никому пощады от кровожадных злодеев. Опустошив Иудею, Симон расположился у самых стен Иерусалима, чтобы овладеть городом. Вот каково было положение Иерусалима, когда Веспасиан подошел к нему! Терзаемый внутри враждующими партиями, несчастный город был извне осаждаем своими же разбойниками. Одни римляне как будто еще щадили его, но уже многие из жителей Иерусалима, доведенные до отчаяния злодействами зилотов, ожидали римлян почти как избавителей. Некоторые нашли средство убежать из Иерусалима и дойти до Веспасиана, которого умоляли положить конец их бедствиям.

Веспасиан, считая, что теперь все благоприятствует ему, подошел совсем близко к Иерусалиму и готовился начать осаду, как вдруг получил известие о смерти императора Нерона. Тогда он прекратил всякие наступательные действия, ожидая распоряжений из Рима. Там после Нерона три императора, провозглашенные один за другим, царствовали каждый лишь по несколько месяцев; и года через полтора армия избрала на царство самого Веспасиана. Принужденный ехать в Рим, он поспешно оставил Иудею, поручив начальство над войском своему сыну Титу.

Между тем раздоры и беспорядки в Иерусалиме усилились. Измученный притеснителями, зилотами, народ вздумал призвать на помощь Симона с его разбойничьими войсками, надеясь, что он будет ему защитником от варварства зилотов. Симон обещал все, чего хотели, вошел в город как освободитель и с помощью народа начал осаждать зилотов в храме. Но ему не удалось их вытеснить. Между тем, достигнув власти, он тоже стал угнетать народ.

Несчастный Иерусалим, терзаемый партиями, которые вели между собою непрерывную войну, терпел невообразимые бедствия.

Пьер Куртейс. Медальон с изображением римского императора Тита. 3-я четв. XVI в. Санкт-Петербург, Эрмитаж

Весной 70 года, незадолго до праздника Пасхи, Тит подошел к Иерусалиму с огромным войском. Иудеям удалась вылазка против него: перебив у него много солдат, они едва не захватили его самого, но на следующий же день Тит, собрав все полки свои, расположился станом на горе Елеонской, по ту сторону потока Кедронского. Произнося эти священные для нас имена, как не вспомнить скорбных и пророческих слов Спасителя, когда, глядя с Елеонской горы на Иерусалим, Он заплакал о несчастном городе и воскликнул: *о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это скрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего* (Лк. 19, 42–44). Эти дни теперь настали.

Тит приступил к земляным работам вокруг городских стен и начал окружать город со всех сторон. Но и теперь, в виду такой близкой опасности, иудеи не прекращали своих раздоров. Правда, они иногда соединялись, чтобы разорять осадные работы неприятеля или делать вылазки против римлян, которых изумляли своей отчаянной храбростью, но потом вновь принимались за междоусобные брани. По случаю праздника Елеазар, который занимал храм, открыл его для богомольцев. Иоанн воспользовался этим, чтобы ввести туда вооруженных воинов, которые перебили приверженцев Елеазара и завладели храмом и окрестностями его. Симон между тем имел в своей власти верхнюю часть города. Все пространство, разделявшее противников, подвергаясь беспрестанно пламени, скоро превратилось в поле битвы, на котором день и ночь велась непрерывная, беспощадная война. Крики раненых, стоны умирающих не умолкали в Иерусалиме.

Забывая об общей опасности и стараясь только нанести друг другу как можно более вреда, злодеи в безумной ярости истребляли хлебные запасы, приготовленные на случай осады, разрушали орудия, жгли дома и превращали огромные части города в груды пылающих развалин.

Но Иерусалим был так хорошо укреплен, что, конечно, мог надеяться устоять против врага. Город, построенный на двух горах, окружала тройная каменная стена, вдоль которой

стояло почти девяносто сильно укрепленных башен. Со времени построения храма иудеи непрестанно заботились о том, чтобы как можно лучше укрепить город, в котором находилось их святилище, и в продолжение веков не щадили на то ни трудов, ни издержек. Даже позднейшие правители-иудеи много сделали в этом отношении: они значительно возвысили стены, и один из Иродов построил три башни, которые считались неприступными крепостями. Храм стоял почти в середине города на высокой горе и был со всех сторон обнесен стенами и соединен галереей с крепким замком, называвшимся Антонией; самое святилище находилось за тройной оградой. Таким образом, само здание храма с его оградами, галереями и стенами могло тоже служить крепостью, имевшей все средства к обороне, ибо в прилежавших к храму замках находилось все нужное для этого. Великолепием и богатством храм Иерусалимский превышал все, что только можно себе вообразить. На украшение его были потрачены несметные сокровища, иудеи, в какой бы стране они ни жили, платили ежегодно поголовную подать в пользу храма; и храм этот, богатый золотом и серебром, мрамором, дорогими сосудами, являлся предметом удивления для всех посетителей. Даже иноплеменники, не веровавшие в Бога, смотрели на него с благоговением. И этот священный храм, в который по Закону воспрещено было войти без предварительного обряда очищения, теперь ежедневно осквернялся кровопролитием, святотатством и самыми ужасными преступлениями. Богомольцы и даже священники, совершавшие жертвоприношение, часто умерщвлялись в самом храме. Кровь лилась в нем потоками, и злодеяния совершали иудеи, ревнители Закона! Ругаясь ежечасно над святыней и над Законом, они между тем не переставали надеяться на чудесную помощь свыше и ожидать явления Мессии, Избавителя. Лжепророки не переставали обещать, что из Иудеи изыдет вождь, который не только освободит их от подданства, но и покорит им все народы мира. Так превратно толковали пророчества о Спасителе, Который, действительно, силою любви и истины должен был покорить владычеству Своему все народы. Одушевленные такими надеждами, иудеи отвечали гордым отказом на все предложения Тита, который не раз, а почти после каждой успешной вылазки убеждал их сдаться, обещая им прощение мятежников и сохранение города и храма.

Работы осаждающих быстро подвигались. Тит возвел высокие башни, с которых беспрерывно метались в город стрелы и камни. Осадные орудия безостановочно действовали против первой стены. После невероятных усилий Титу удалось пробить первую стену, затем вторую и овладеть новой частью города. Надеясь, что иудеи поймут безнадежность своего положения, он предложил им сдаться, но они отказались и, бросившись с отчаянным мужеством на римлян, разрушили часть их работ, сожгли множество осадных орудий и преследовали неприятеля до самого его стана. Но готовился для них новый страшный враг – голод. Тит, узнав через перебежчиков, что в Иерусалиме начинается голод, решил обнести весь город стеной для того, чтобы прекратить подвоз припасов и таким образом довести жителей до последней крайности.

С самого начала осады оказался в городе недостаток в съестных припасах. Осада началась около самой Пасхи, и по случаю праздника население, всегда огромное в Иерусалиме, возросло до невероятного числа⁵², что сильно способствовало к скорому истреблению заготовленных припасов. Кроме того, великое множество припасов уничтожили враждовавшие между собою партии, большинство несчастных жителей были ограблены и разорены хищными злодеями, и вскоре начались бедствия, беспримерные в истории. Имевшие кое-какие запасы тщательно прятали их, чтобы не умереть голодной смертью со своими семействами. Богатые зарывали деньги, боясь грабежа, а потом на вес золота покупали меру пшеницы или ржи. На рынках перестали показываться съестные припасы: кто имел что-нибудь у себя, тот

---

⁵² Иосиф Флавий пишет, что во время праздника бывало в Иерусалиме до 2 700 000 человек одного только мужского пола.

ел тайно. Ели немолотые зерна, о жареной или вареной пище и не думали. Достаточно было развести огонь, чтобы привлечь толпу грабителей, которые, как хищные звери, рыскали по городу, ища добычи. С оружием в руках отнимали они у несчастных последний кусок хлеба, последнюю горсть муки и часто их самих предавали истязаниям и смерти. Стали питаться травой, кореньями, гнилым сеном, ремнями, ели мышей, лошадой, всякую падаль. Наконец, дошло до того, что трупы умерших стали служить пищей. Развились страшные болезни, целые семьи, целые дома вымирали, у живых недоставало сил хоронить мертвецов. Улицы и площади города были завалены трупами, которые зловонием заражали воздух, усиливая болезни. Правители велели выносить трупы за город и в продолжение двух месяцев их вынесли до 600 000. Позднее, когда Тит обнес город стеной, трупы бросали через стену или сваливали в опустевшие дома, которые запирали, когда они наполнялись. Иногда по ночам несчастные, терзаемые голодом, находили средство, обманув часовых, выйти за город, чтобы нарвать травы или найти чего-нибудь съестного. Но часто они попадали в руки римлян, которые распинали их на крестах. Впрочем, уже и эта опасность не удерживала, и число их было так велико, что иногда в один день до 500 человек погибало крестной смертью. Вокруг городских стен стояли кресты с распятыми на них иудеями. Ужасное возмездие за Крестную смерть Христа! Затем Тит, видя, что эти жестокие меры только еще более ожесточают иудеев и заставляют их упорствовать в обороне, велел переменить образ действия. Он приказал принимать и кормить всех беглецов. Число их чрезвычайно возросло, но несчастные большей частью умирали в стане римлян, чрезмерно наедаясь после продолжительного голода.

А между тем в городе нужда все возрастала и наконец достигла такой крайности, что едва верится повествованию Иосифа Флавия. Голод заглушил все чувства жалости, все чувства любви и приязни. Мужья вырывали пищу из рук жен, родители из рук детей, все человеческие чувства заглохли, люди стали хуже хищных зверей. Наконец, сбылось самое ужасное из предсказаний Моисея, предвещавшего в книге Второзакония бедствия иудеев. Одна богатая молодая женщина по имени Мария, прибывшая в Иерусалим на праздник, была в нем застигнута бедствиями войны. Лишившись имущества, доведенная до отчаяния нуждой и голодом, она зарезала и сварила новорожденного младенца своего. Часть этой ужасной пищи она съела тайно и спрятала оставшееся. Злодеи, привлеченные запахом или дымом, ворвались в дом и стали с угрозами требовать, чтобы она дала им есть. «Возьмите, ешьте, – сказала она, – вы, вероятно, не прихотливее женщины и не сострадательнее матери». Сами злодеи отшатнулись; и это страшное событие поразило ужасом весь город и римский стан. Несчастные жители Иерусалима ожидали смерти как избавления и, умирая, устремляли взоры на храм.

Но и при такой ужасной крайности не хотели и слышать о сдаче. Симон и Иоанн не прекращали ни раздоров, ни злодеяний своих, но в обороне города являли деятельность и настойчивость, достойные удивления. Вместо разоренных укреплений они возводили новые, строили стены, разрушали по ночам работы неприятеля. Но все труднее становилась борьба против римлян. Укрепленные башни одна за другой штурмом брались римлянами, а иудеи, одушевленные опасностью, собрали все свои силы и после упорного рукопашного боя, продолжавшегося десять часов у дверей храма, оттеснили римлян и сами зажгли галерею для того, чтобы отрезать храм от взятой неприятелем крепости. Тит овладел уже почти всем городом и, желая спасти храм от разрушения, вновь предложил сдачу. Иоанн отвечал, что Господь не допустит взятия Своего храма. Тогда Тит решился брать храм приступом. Иудеи с кровли храма бросали камни и стрелы в римских воинов, опрокидывали лестницы, по которым они взбирались. Римские воины зажгли ворота и портик храма и ворвались во внутреннюю ограду. В самой ограде, среди дыма и пламени, завязался отчаянный бой. Наконец римский воин бросил горевшее полено в окно храма, и храм запылал. Напрасно сам

Тит делал всевозможные усилия, чтобы спасти храм. Римские воины, раздраженные долгим сопротивлением, уже не слушались его. Некоторые пользовались смятением, чтобы расхищать сокровища и драгоценности, и, наконец, весь храм сделался жертвой пламени. Это случилось 10 августа 70 года – в тот же самый день, когда сгорел и первый храм, взятый Навуходоносором.

В отчаянии иудеи упорно дрались среди пылавших развалин, многие повергались в пламя, чтобы погибнуть вместе со святыней. Шесть тысяч человек бросились в пылавшие галереи храма, поверив какому-то лжепророку, который обещал им, что именно теперь явится Мессия и спасет святилище. Все до одного погибли! Таково было в ту страшную минуту слепое, пагубное легковерие этого несчастного народа, который во время пришествия Спасителя не хотел верить очевидному исполнению пророчеств и слову Самого Бога.

Рассеявшись по городу, римские воины предали все мечу и огню. Приведенные в ярость упорным сопротивлением иудеев, они не щадили никого: убивали жен, детей, стариков, сжигали дома, рылись в подземельях, где несчастные думали укрыться от злобы врагов. Со всех сторон поднималось пламя, везде лились потоки крови. Воины римские довершили полное разрушение храма, переверотив даже камни и изрыв землю под основанием и вокруг него, в надежде найти скрытые несметные сокровища. Таким образом, сбылись в точности слова Спасителя, предвозвестившего, что от великолепного храма не останется *камня на камне*.

После взятия храма начальники двух враждовавших партий, Симон и Иоанн, с мечами в руках пробившись через римское войско и достигли верхней части города, которая не была еще во власти неприятеля. Там они держались несколько дней, мужественно защищаясь против римлян, но наконец и эта часть города была взята. И когда пламя объяло весь город, они попали в руки римлян. Одного казнили, другого заключили в темницу.

Рельеф триумфальной арки Тита с изображением трофеев из иерусалимского храма

Иерусалим был совершенно разрушен, за исключением трех укрепленных башен, которые Тит повелел сохранить как памятник своей победы и мужества римлян. Впрочем, не мужеству воинов своих приписывал он взятие Иерусалима, и сам удивлялся победе своей. Обозревая укрепления, он воскликнул: «Верно, Сам Бог, разгневанный злодеяниями иудеев, помог мне; ибо никакие человеческие усилия не могли бы одолеть такой твердыни!»

Считают, что во время осады Иерусалима погибло от меча, голода и болезней до миллиона ста тысяч иудеев, а в продолжение всей войны около миллиона четырехсот тысяч. Около ста тысяч взяли в плен. Из них большая часть была отправлена в Рим, где строили Колизей – огромное здание для потешных игр. Много иудеев погибло на потешных играх в Риме, Кесарии и других городах, многих отправили в Египет на земляные работы и продали в рабство. Их продавали за самую низкую цену, потому что число было так велико, что едва находились покупатели.

Колизей

Оставалось еще во власти зилотов несколько укрепленных городов; но в продолжение года римляне овладели ими и всей страной. Везде иудеи оборонялись с необыкновенным мужеством, предпочитая смерть рабству; и везде шло страшное кровопролитие. Земли иудеев были проданы, и жалкие остатки этого многочисленного народа расселены по разным городам и областям и обложены Веспасианом данью. Их принудили вносить в Капитолий ту поголовную подать, которую до сих пор ежегодно платили в пользу Иерусалимского храма. Капитолий вместе являлся и главной крепостью Рима, и храмом языческого бога Юпитера. Вносить подать в языческий храм было особенно оскорбительно для иудеев.

В областях и городах, где расселились иудеи, их жизнь стала самая печальная: их ненавидели и презирали язычники, а они, в свою очередь, ненавидели язычников, но еще более христиан. Не покидая той гордой мысли, что они одни избранники Божий, иудеи всеми силами души ненавидели тех, которые тоже считали себя призванными к наследию Царствия Божия. Они подстрекали язычников к гонениям против христиан и являлись их злейшими врагами. Бедствия не вразумили их, и, несмотря на падение Иерусалима и храма, иудеи продолжали ожидать Мессию и надеяться на независимость. От этого они в бессилии своем беспрестанно волновались и производили возмущения и беспорядки, которые принуждали римлян прибегать к самым строгим мерам против них. В Александрии они старались взбунтовать город против римлян, и огромное число иудеев было предано смертной казни. Великое множество иудеев погибло в пустынях Киренейских, куда пошли вслед за лжепророком, обещавшим им знамения и чудеса. Особенно волновались те, которые жили в иудейских областях и в окрестностях Иерусалима.

Мы сочли нужным рассказать довольно подробно об Иудейской войне, хотя это, может быть, и не является, собственно, частью истории Церкви, ибо иудеи, составлявшие так долго Церковь Божию на земле, были теперь вне ее. Но христианский читатель не может быть равнодушен к судьбе народа, который в продолжение стольких веков был хранителем откровения Божия и над которым, за ожесточение и неверие его, с такой точностью исполнились предсказания пророков и Самого Господа. Сбылись те страшные бедствия, которые Моисей предрекал израильтянам, если они не станут исполнять воли Божией и не послушаются Того Пророка, Которого Господь восставит из среды их. Вот некоторые из пророчеств: *«И за то,*

что ты (Израиль) не послужил Господу Богу твоему с веселием и радостью сердца за великое множество благодеяний Его, ты будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь... в голоде и жажде, и оскудением всего; и возложу на шею твою железное ярмо, пока не сокрушат тебя совсем. И от далекого края земли, с быстротою полета орлиного, наведет на тебя Господь народ, речи которого... ты не разумеешь; народ суровый с виду, который не почитит старцев твоих, и не пощадит юношей твоих; и будет он есть плод скота твоего и плод земли твоей; и не оставит тебе ни пшеницы, ни вина, ни елеса, ни плода волов твоих, ни плода овец твоих, а погубит все. И окружит он тебя во всех городах твоих, пока не разрушит он высоких и крепких стен, на которые ты уповаешь; и сокрушит он тебя во всех городах, которые дал тебе Господь Бог твой. И от скорби и нужды, которые наведет на тебя враг твой, станешь поедать чад своих, питаться плотию сынов твоих и дочерей твоих, которых дал тебе Господь Бог твой... Юноша станет безжалостным оком... смотреть на брата своего, и на жену свою, и на детей, оставшихся у него. И не захочет поделиться с ними плотию чад своих, потому что лишен всего среди скудости и скорби, которыми удручат тебя враги твои во всех городах твоих. И между вами жена юная и нежная, не привыкшая от изнеженности ступать ногою по земле, позавидует оком мужу своему, и сыну, и дочери, и съест тайно новорожденного младенца своего... И останется вас немного, вы, которые были многочисленны, как звезды небесные, потому что ты не слушал гласа Бога твоего. И как... Господь благоволил о вас, благодворя вам и размножая вас, так точно Он станет истреблять вас; и возьметесь вы из земли, которая теперь дается в наследие вам. И рассеет тебя Господь Бог по всем народам, от края земли до края ее; и послужишь там иным богам, древу и камню, которых не знал ни ты и не знали ни отцы твои. Но и среди народов чуждых не упокоит тебя Господь, и не будет твердого стояния ноге твоей; и Господь даст тебе там... сердце печальное, и очи, изнывающие от тоски, и трепетную душу. И будет самая жизнь твоя сомнительна пред тобою; и не будешь уверен в жизни твоей. Поутру скажешь: каков-то будет вечер? а вечером: каково будет утро? Таким страхом наполнится сердце твое от того, что видели очи твои. И возвратит тебя Господь Бог в Египет на кораблях тем путем, о котором я говорил тебе; и уже более не увидишь пути сего, а проданы... там будете врагами вашими в рабов и в рабынь, и не будет покупающего!» (См. Втор. 28; 47–57, 62–68).

Заметим, что падение Иерусалима со всеми бедствиями, которые сопровождали эту ужасную войну, совершилось менее чем через сорок лет после Крестной смерти Спасителя, когда еще, конечно, были живы многие из тех, которые, требуя казни Христа, восклицали: «Кровь Его на нас и на детях наших!»

Глава X

Святой Иоанн Богослов. Второе гонение на христиан

Пока происходили страшные события, описанные в предыдущей главе, Церковь Христова продолжала расти и множиться. Благодать Божия была над апостолами и преемниками их. Долее других апостолов оставался в живых святой Иоанн Богослов, и благовествовал в областях Малой Азии. Ему помогал его ученик Прохор, один из семидесяти апостолов. Не щадя сил, святой апостол обходил города Малой Азии, но главным его местопребыванием был Ефес. Благовествование его сопровождалось великими чудесами. Святая жизнь Иоанна Богослова, кротость, ревность к службе Божией и милосердие к ближним – все привлекало к нему любовь и уважение. Слово Божие распространялось быстро, вытесняя языческие суеверия.

После смерти Нерона гонения на христиан временно прекратились. Нельзя сказать, чтобы апостолы и их ученики пользовались полной безопасностью, ибо когда язычники не могли открыто преследовать их за веру, то старались обвинить их в каких-нибудь преступлениях, чтобы предать казни. Но, по крайней мере, не было явного гонения за христианскую веру при наследниках Нерона: Гальбе, Отгоне, Вителлин, Веспасиане и его сыне Тите. Но около 81 года вступил на престол брат Тита, Домициан, и вскоре началось второе гонение на христиан.

Мы уже говорили о том, что и после разрушения Иерусалима иудеи продолжали волноваться, производить смуты и беспорядки. До Домициана дошло, что они ожидают себе избавителя из племени царя Давида. Это показалось ему опасным, и он велел отыскать всех потомков Давида и привезти их в Рим. Привели к царю двух внуков Иуды, брата Господня. На вопросы Домициана они отвечали, что действительно происходят от царского рода Давида, рассказали о своей бедности, показали руки свои, очерстневшие от трудной земляной работы. Домициан расспрашивал об их вере и надеждах. Они стали говорить ему о будущей жизни, о Царе, Которого Царство не от мира сего и Который явится, чтобы судить живых и мертвых. Этот ответ, а более всего бедность и смирение Давидовых потомков успокоили Домициана насчет их притязаний на престол иудейский, и он отпустил их. Но вскоре за тем он обратил ярость свою на христиан, которых представляли ему безбожниками, ибо они не поклонялись идолам, и мятежниками, ибо не соглашались воздавать царю тех почестей, которые принадлежат одному Богу. Около 94 года Домициан начал жестокое гонение на христиан и не пощадил даже ближайших своих родственников, ибо христианская вера проникла в царское семейство. Он предал смертной казни своего двоюродного брата Флавия Климента, христианина, а его жену Домитиллу сослал на отдаленный пустынный остров. Гонение свирепствовало во всех областях империи. В Афинах казнили Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла; св. Антипа, епископ Пергамский, был замучен в Пергаме, а из Ефеса вызвали в Рим святого Иоанна Богослова⁵³. Долго убеждали святого старца отречься

---

⁵³ Апостол и евангелист Иоанн Богослов был сыном Зеведея из Вифсаиды. Первоначально его привлекла проповедь Иоанна Крестителя, но, когда тот исповедал Мессию в лице Иисуса Назарянина, Иоанн Зеведей вместе с Андреем Первозванным без колебаний последовали за новым Божественным Учителем. Глубокий и острый ум, настойчивое искание смысла происходящих событий, любовь к истине, живое братское чувство сделали Иоанна самым благодарным восприимчиком Христова учения и примера. Неслучайно Спаситель выделял его среди всех как Своего любимого ученика и наперсника (по еврейским обычаям того времени, выражением наибольшей близости служило то, когда кто-либо из возлежащих за трапезой клал голову на грудь другому). Иоанну было дано присутствовать при всех важнейших событиях земной жизни Христа: Крещении, Преображении, Тайной вечери, Распятии, явлениях по Воскресении. Вместе с Петром, когда остальные апостолы в страхе разбежались, он находился во дворе у первосвященника и видел начало суда над Иисусом.

от христианской веры, жестоко били, думая истязаниями вынудить отречение, но Иоанн среди мучений остался верен своему Божественному Учителю. Заставили его выпить отравленное ядом питье, но отравы не подействовала на него. Сбылись слова Спасителя, обещавшего ученикам, что *если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16; 18). После этого повергли святого апостола в котел с кипящим маслом, но и тут он остался здоров и невредим. Присутствующие, изумленные чудом, стали восклицать: «Велик Бог христианский!» Тогда Домициан, убедившись, что истязания бессильны над человеком, которого так чудесно охраняет невидимая сила, велел отвезти Иоанна в заточение на остров Патмос, близ берегов Малой Азии.

Но что значило изгнание для святого апостола, которого ничто в мире не могло отлучить от любви Господней? Богатый, многолюдный город или бедный, пустынный остров – все для него было равно озарено постоянным присутствием Спасителя, Которого он так любил! И на дальнем, пустынном Патмосе Господь сподобил любимого ученика Своего чудного явления. В один воскресный день Он дал ему узреть в небесном видении славу Свою и отдаленную судьбу Церкви. По повелению Божию Иоанн описал это чудное откровение. Оно дошло до нас в священной книге, называемой Апокалипсис⁵⁴, или Откровение святого Иоанна Богослова. Тут Господь Бог через Иоанна дает наставление семи главным малоазийским Церквам: Ефесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардийской, Филадельфийской и Лаодикийской. Наставления эти обращены к Ангелу, или епископу, каждой Церкви. Описание внутреннего состояния Церквей и увещания, относящиеся к упомянутым Церквам, вместе с тем относятся и ко всему христианскому миру, и к состоянию Церкви во все времена. Затем следуют величественные картины славы Господа, Его постоянного попечения о Церкви, Его благодати и любви, казни, ожидающей грешников, и блаженства праведных. В таинственных, пророческих видениях указаны различные бедствия, которые претерпит Церковь Божия на земле. Борьба врага человека с Агнцем Божиим, торжество Агнца⁵⁵, искупившего верующих Кровию Своей, общее Воскресение и Суд⁵⁶, и, наконец, красота Иерусалима Нового, то есть Царствия Небесного.

В продолжение всей Голгофской казни он безотлучно стоял у Креста Спасителя и принял от Распятого Учителя завет о Его Матери. Ему одному из первых дано было воочию убедиться в реальности Воскресения Христова. О жизни ап. Иоанна по Вознесении Иисуса известно немного. Он вместе с Петром проповедовал в Иерусалиме, не раз подвергался гонениям, претерпел бичевание. Из Иерусалима он отправился в Рим, где перенес Нероново гонение. Впоследствии был отправлен в ссылку на удаленный остров Патмос. После ссылки Иоанн поселился в Ефесе. В доме его пребывала и Божия Матерь, Которую Господь передал на поруки любимому ученику. Из Ефеса Иоанн предпринял несколько путешествий для проповеди в Церквах и ограждения христианства от ложных учений. Для наставления в вере им были составлены три Послания, вошедшие в состав Нового Завета. Здесь же, в Ефесе, он написал свое Евангелие. Апостол достиг глубокой старости, пережив всех собратьев. Новые поколения христиан, имея с собой человека, сохранившего живую память Евангельского времени, желали узнать дополнительные подробности о земной жизни и учении Спасителя. Старец Иоанн, не будучи в силах говорить много, со слезами отвечал только одно: «Братья, любите друг друга!» Святой Иоанн скончался в начале II века. По преданию, могилу его спустя некоторое время обнаружили пустой – тело возлюбленного ученика Господь взял на Небо. Тем не менее гробница св. апостола Иоанна стала местом паломничества верующих. Память его Православная Церковь чтит 26 сентября (9 октября по гражданскому календарю).

⁵⁴ **Апокалипсис** – с греческого это слово переводится как «откровение». Таково название последней из книг Нового Завета – Апокалипсиса Иоанна Богослова. В ней описаны многочисленные бедствия перед концом времен, поэтому понятия «Апокалипсис» и «апокалиптический» часто используются как синонимы космической катастрофы, небесной кары человечеству за его грехи.

⁵⁵ **Агнец** (ягненок) – у древних евреев – животное, которое при носилось в богослужебную жертву удар, в подтверждение верности и благодарности человека Всевышнему. Ветхозаветный праздник Пасхи также включал в себя обязательные обряды заклания, приготовления и вкушения агнца, в воспоминание об Исходе – освобождении от египетского плена, во время которого кровью ягнят отмечались и избавлялись от бедствий жилища евреев. В Евангелии и новозаветной истории имя Агнца Божия усваивается Иисусу Христу, Спасителю мира. Незлобиво и кротко, подобно ягненку, Сын Божий отдает Себя в жертву ради спасения человечества. Как Агнца, сидящего на Небесном престоле, созерцает Христа в Апокалипсисе св. апостол Иоанн Богослов. В первые века образ смиренного Агнца выступает символом мученичества, на которое добровольно идет Церковь, желая быть ближе к Иисусу Христу. На ранних иконах вместо человеческого облика Спасителя часто изображается Агнец, на Которого указывает Иоанн Предтеча. С древних времен православное богослужение содержит чин т. н. «проскомидии» (принесения жертвы), во время которой священник вырезает из просфоры (хлеба, означющего

После чудесного небесного видения чем *была* для Иоанна земная жизнь с ее трудами и радостями? Кончая описание чудесного видения своего, он восклицает: *Ей, гряди скоро, Господи Иисусе* (Откр. 22, 20). Эти слова, конечно, выражали пламенное его желание соединиться с Тем, Которого так любил на земле! Но ему предстояли еще годы трудов и забот, он еще много должен был сделать для славы Божией и пользы ближних.

Страшный Суд. Икона. Новгород, вторая половина XVI в. ГТГ

«приношение») первую большую частицу, осеняет ее крестом и говорит: «Приносится в жертву Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира».

⁵⁶ **Страшный Суд** – в христианской эсхатологии (учении о конце времен) это событие, предшествующее переходу к новому веку и новой вселенной, освобожденной от зла и греха. Суд Божий есть точное и окончательное решение, согласно которому *творившие добро изыдут в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5, 29). Этот Суд именуется Страшным, ибо в его день огнем правды Божией будут испытаны каждая человеческая мысль и каждый поступок. *Каждого дело обнаружится, – пишет ап. Павел, – ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть* (1 Кор. 3, 13). Вопрос о том, возможны ли вечные муки и согласуется ли осуждение к смерти с милосердием Божиим, решался богословами, начиная с первых веков. Некоторые, как Ориген и Григорий Нисский, полагали, что грешники будут вынуждены претерпеть муку, но в конечном итоге окажутся оправданы и допущены в вечность. Церковь не поддержала этого мнения, сославшись на определенность, с которой Апокалипсис утверждает: *не войдет в него* (в Царство Божие) *ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи* (Откр. 21, 27). Милосердие Божие есть постоянная готовность Бога любовью и благодагие содействовать человеческому покаянию и исправлению в течение жизни. Переход же к Вечности – это момент подведения итогов, а не предъявления счетов. Хотя он и называется Божиим Судом, он не похож на земной суд. Это притягивание сродного и отталкивание противоречащего. Святые отцы говорят, что грешники, как и падшие духи, сами выберут небытие, так как не смогут выносить Божественного сияния и нахождения со святыми душами. Окончание времен и Страшный Суд принадлежат к числу тех событий, которые в нынешнее время не могут представляться во всей полноте, но только аллегорически и отчасти. *Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят* (2 Пет. 3, 10). При таком вселенском масштабе перемен нельзя мыслить жизнь нового века в человеческих категориях. Откровение о Страшном Суде должно выступать основанием ревностной жизни по вере, в строгом соответствии с христианской совестью. Как и заключает ап. Петр: *Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии?.. Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире* (2 Пет. 3, 11, 14).

Изгнание его на Патмос было непродолжительно. Домициана убили, а его наследник, Нерва, вызвал из ссылки всех изгнанных христиан. В 97 году Иоанн возвратился в Ефес, где христиане приняли его с живейшей радостью. Тимофей, ученик Павла, был епископом Ефесской Церкви, но Иоанн обозревал и назидал все Малоазийские Церкви вообще и неусыпно заботился о том, чтобы сохранилось в чистоте учение Христово. В это время страшные ереси, или ложные толкования священной истины, начали вкрадываться в общества христиан, и эти лжеучения имели особенно много последователей в Малой Азии. Недалеко апостол Павел, прощаясь с пресвитерами Ефесской Церкви, предостерегал их против лютых волков, не щадящих стада, и предвещал, что между ними самими явятся люди, которые будут говорить ложно, дабы увлечь за собой учеников. Действительно, появилось множество лжеучителей, которые стали извращать слово Божие и примешивать к нему нелепые басни, заимствованные от восточных учений, превратно толкуя то, что в Священном Писании было непонятно им. Главным предметом споров еретиков I века была личность Иисуса Христа: одни отвергали Его Божественность, другие – Его человечность. Один лжеучитель в Ефесе, по имени Коринф, утверждал, что Иисус был простым человеком, на Которого, за Его святую жизнь, сошел Дух Святой во время Крещения, но оставил Его, когда Он был распят, так что на Кресте пострадал уже простой человек. Это лжеучение, отвергавшее саму сущность христианства, искупление человека смертью Самого Сына Божия, возбуждало сильнейшее негодование в Иоанне. Он всеми силами старался оградить христиан от его вредного влияния. Другие лжеучители, отвергая, что Иисус Христос принял действительно плоть человеческую, считали Его за духа, имевшего только внешний образ человека и, стало быть, не страдавшего за людей.

Эти лжеучения сильно смущали верующих. Пресвитеры Ефесской Церкви и многие из христиан убедили тогда Иоанна изложить им учение о Христе, как он принял его от Божественного Учителя. Предание говорит, что он наложил на христиан пост, и сам с учеником своим Прохором удалился на гору, на которой пробыл три дня в посте и непрерывной молитве. Наконец, вдохновленный свыше, он велел Прохору записывать со слов его, что внушал ему Дух Святой. Так было написано Евангелие⁵⁷, начинавшееся таким величественным исповеданием Божества Христа, Бога Слова, единосущного с Богом Отцом, и, как Он, Творца мира. *И Слово стало плотью, – утверждал, в опровержение всем еретикам, вдохновленный евангелист, – и обитало с нами... и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца* (Ин. 1, 14).

Иоанн написал и три послания. В них указывается не раз на тогдашние ереси. Кто лжец, – говорит он, – если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? (1 Ин. 4, 3). Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога (1 Ин. 4, 3). При всей кротости своей Иоанн был строг к лжеучителям и в одном послании запрещает христианам принимать их в дом и приветствовать их, ибо они противники Христа.

Иоанн и в самых преклонных летах не переставал усердно трудиться над распространением слова Божия. Он обходил области, благовествуя Евангелие Царствия Христова: старость и слабость телесная не уменьшили в нем горячей ревности к службе Божией и пламенной любви к ближним. Древние отцы Церкви⁵⁸ передали нам трогательное повествование,

⁵⁷ Существует и иная точка зрения. Верующие Патмоса, узнав о приближающемся отъезде апостола Иоанна, слезно умоляли его оставить вместо своего отеческого наставления хотя бы какие-то письменные свидетельства. Апостол, по преданию, после трех дневного поста и усиленной молитвы, затворившись вместе с учеником Прохором в пещере, стал диктовать ему Евангелие, которое в громовых раскатах и молниях вешалось св. Иоанну Ангелом. Затем, выйдя из пещеры, апостол велел местным христианам сделать копии с Евангелия.

⁵⁸ Климент Александрийский (Тит Флавий Климент) – знаменитый александрийский мыслитель конца II – начала III века, пресвитер. Вместе с учителем Пантенем он привел к расцвету богословскую школу в Александрии, основанную, по преданию, самим евангелистом Марком. Время и место рождения Климента неизвестны. Тем не менее его широкая эрудиция по различным отраслям античного знания, свободное владение риторскими и литературными приемами и лексикой

из которого видна вся возвышенная душа любимого ученика Христова. Однажды, когда он обозревал Церкви, ему в одном городе особенно понравился некий юноша, которого он и поручил заботам тамошнего епископа. Епископ сначала усердно занялся юношей, учил его и, наконец, сподобил Святого Крещения, но затем перестал иметь над ним надлежащий надзор. Юноша попал в общество порочных людей, которые увлекли его дурным примером, и несчастный развратился до того, что, наконец, сделался начальником над шайкой разбойников и жестокостью превзошел всех своих товарищей. Спустя некоторое время Иоанну случилось быть опять в том городе, и он тотчас же осведомился о юноше. Со слезами рассказал ему епископ о случившемся. «Юноша погиб, – говорил он, – он умер для Бога и жизни вечной». Эта весть глубоко огорчила святого апостола. «Так ли, – сказал он епископу, – следовало тебе заботиться о вверенной тебе душе брата? Дайте мне лошадь и проводника, я поеду за ним». И действительно, Иоанн отправился в горы, где свирепствовали разбойники. Они схватили святого старца и повели к своему начальнику. Этого-то и хотел Иоанн. Юноша взял было оружие, но, взглянув на старца и узнав его, до того смутился, что не мог выдержать его присутствия и убежал. Иоанн последовал за ним, восклицая: «Сын мой, зачем бежишь от отца? Сжался надо мною, дитя мое; не бойся, есть еще надежда жизни. Я буду ответчиком за тебя Христу, я готов отдать жизнь мою за тебя. Остановись и послушай меня, верь мне: я послан Самим Христом!» Наконец разбойник, побежденный любовью святого апостола, остановился; не смея взглянуть на Иоанна, он бросил оружие, спрятал правую руку, совершившую столько преступлений, весь дрожал и заливался слезами. Иоанн подошел к нему, обнял его и, обнадеживая милостью Божией, наконец увел с собой. Он стал с любовью наставлять его, молился и постился с ним, читал с ним Священное Писание и только уже тогда оставил его, когда раскаявшийся юноша опять был принят в общество христиан.

Когда по старости и слабости Иоанн не мог предпринимать дальнего пути, он все продолжал посещать христианские собрания и наставлять христиан. Под конец жизни ученики на руках вносили его в собрания верующих. Слабость голоса уже не позволяла ему произносить продолжительных поучений, и он только повторял: «Дети, любите друг друга!» Однажды ученики спросили у него: «Учитель, почему ты так часто повторяешь одно и то же наставление?» – «Это – заповедь Господа, – отвечал он, – в ней заключается все Его учение».

Святой Иоанн почил уже в первых годах второго столетия. В продолжение своей долгой жизни он имел много учеников, которые активно проповедовали благовест и всей жизнью своей являли пример христианской добродетели. Самые известные из учеников Иоанна были: святой Игнатий Богоносец, поставленный епископом в Антиохии после Еводия, святой Папий Иерапольский и святой Поликарп, епископ Смирнский.

заставляют думать, что будущий философ и учитель Церкви родился в богатой и знатной семье, которая дала ему хорошее воспитание и образование. Имя Тит Флавий Климент может, кроме того, указывать на родство с внуком императора Веспасиана, тоже Титом Флавием Климентом. Мотивы интеллектуального поиска, попытки понять и объяснить мир приводят Климента к христианству. Откровение о Спасителе мира, Воскресении и будущем веке повергает его в глубочайшее изумление и благоговение перед величием творения, любовью к людям и жертвой Всевышнего. Выражению этих идей и посвящено в целом мировоззрение Климента. В Александрию Климент прибыл около 180 года. Здесь он познакомился с трудами местных историков и философов, в том числе Филона Александрийского, первого выразителя учения о Логосе (Слове), вошедшего в основу христианской богословской доктрины. Под влиянием Филона в молодом мыслителе сформировался, кроме того, богооткровенный и символический образ библейской истории. Церковью Климент Александрийский не был причислен к святым, хотя хроники византийского времени и отзываются о нем как о «преподобнейшем пресвитере Александрийском». Не все исследования его в строгом смысле церковны, ибо труд писателя был направлен на наведение мостов между Евангельским знанием и имевшейся интеллектуальной традицией. Вместе с тем, имя и наследие Климента Александрийского всегда уважались в Церкви. Многие из святых отцов ссылаются на его мнения как на образец положительного христианского мышления. Климент входит в число наиболее выдающихся учителей христианства, давших церковной традиции «разум» – навыки развивать впоследствии свое богословское знание.

Глава XI

Общий взгляд на век апостольский. Мужья апостольские. Богослужение, таинства. Образ жизни первых христиан. Ереси

С Иоанном Богословом кончился первый век христианства – век апостольский. Все очевидцы Слова Жизни почил о Господе, но оставили учеников, которым сообщили власть, данную им Иисусом Христом: благовествовать слово, совершать Таинства, вязать и разрешать грехи, учить все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Они оставили писания⁵⁹, источник отрады, утешения и наставления для человечества до скончания века. Церкви Своей Христос обещал постоянное Свое присутствие в ней, и потому она могла без страха встречать все усилия врагов. При всевозможных препятствиях и гонениях она росла и множилась. Отдаленные страны уже просветились светом истины; везде ревностные служители Господа со всею смелостью возвещали имя и учение Его, везде Господь простирал руку Свою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Сына Своего Иисуса Христа, и везде общество верующих своей жизнью свидетельствовало о чистоте учения, которому оно следовало. Язычники, ненавидевшие христиан, удивлялись их твердости и терпению. Многочисленные ученики апостолов продолжали ревностное дело благовествования. Святых мужей, получивших наставление непосредственно от апостолов, церковная история именует «мужьями апостольскими». Некоторые из них известны своей деятельностью, другие посланиями, которые сообщают нам сведения о древней Церкви. Таковыми считаются Варнава, Игнатий Богоносец, Поликарп Смирнский⁶⁰, Папий Иерапольский, Климент, Ерм, Дионисий Ареопагит, Кодрат Афинский. О некоторых мы скажем ниже, деятельность других относится еще к первому веку. Мы уже говорили о Варнаве. О святом Клименте сохранились довольно подробные предания.

Он родился в Риме, в богатом и знатном языческом доме, бывшем в родстве с самим императором. Климент был еще ребенком, когда его мать предприняла далекое путешествие, взяв с собою двух старших сыновей-близнецов. Застигнутый бурей корабль, в котором они плыли, разбился о подводные скалы, путники же были спасены Божиим Промыслом, но рассеяны, так что мать не знала, живы ли дети, ни дети – о своей матери. Мать оплакивала их гибель, они, со своей стороны, были уверены, что их мать утонула. Между тем Господь сохранил их всех. Какая-то добрая бедная женщина призрела мать, сыновья же, взятые в ладью разбойниками, были проданы в Кесарию Стратонийскую в рабство женщине Иусте,

---

⁵⁹ **Евангелие.** Слово «Евангелие» в переводе с греческого означает «благая весть», «благовествование». Это общее название первых четырех книг Нового Завета, передающих весть о жизни и учении Христа, Воплотившегося для спасения человечества. В совокупности ими образуется свод, называемый Четвероевангелием. Первые три Евангелия от Матфея, от Марка и от Луки близки между собой по плану и содержанию и называются синоптическими, повествовательными. Четвертое Евангелие от Иоанна, наиболее позднее по времени написания, отличается более философским характером. Первостепенную важность в нем получает сущность таких событий, как Воплощение, земная жизнь, страдания, Крестная смерть и Воскресение Сына Божия. Этим закладываются основания будущего христианского богословия. Иногда Евангелие от Иоанна называют также Евангелием Логоса, ибо Христос раскрывается в нем в Своем Божестве как изначальное Слово, Предвечный Логос, через Который произошло все существующее. Время происхождения Евангелий определяется второй половиной I века.

⁶⁰ Святой Поликарп родился около 80 г. Получив достаточное образование и будучи епископом Смирнской Церкви, он стал христианским «вождем всей Азии» (по выражению блаженного Иеронима). Имел много учеников, среди которых был особенно славен священномученик Иринея Лионский. Из многих сочинений святого Поликарпа, мученически скончавшегося в 169 г. во время гонений Луция Вера (по другим источникам – между 154 и 165 гг.), большая часть до нас дошла благодаря «Церковной истории» Евсевия. Известно его послание к Филиппийцам, «Ответы», изъясняющие изречение Иисуса Христа.

но госпожа оказалась доброй покровительницей, полюбившей их, как своих детей. В Кесарии они услышали благовествования святого апостола Петра, стали его учениками и приняли от него Святое Крещение. Между тем отец их, не получая известия о своем семействе, решил сам проведать о нем. Оставив в Риме младшего сына, Климента, он отправился в путь. Поиски его были напрасны. Он узнал только о крушении корабля, на котором плыло его семейство. Удрученный скорбью, он уже не захотел возвратиться в Рим, а скитался по разным странам, добровольно терпя нищету.

Святой Климент Папа Римский. Икона

Климент жил в Риме под надзором языческих воспитателей. Роскошь окружала его. Но одинокий, лишенный с детства родительских ласк, он вырос грустным и задумчивым. Это настроение с годами усилилось. Его поражала суетность всех земных радостей, богатства, языческой мудрости, которую он изучил, но в которой не находил ни опоры, ни утешения. Случилось ему познакомиться с одним христианином, который открыл перед ним новый мир, рассказал ему о Христе и о жизни вечной. Климент решил ехать в те страны, где тогда еще проповедовали апостолы, для того чтобы еще больше услышать о таком утешительном учении. Он слушал Варнаву и Петра, уверовал, принял от Петра Святое Крещение и присоединился к его ученикам. Неожиданно встретился он с матерью, с братьями и, наконец, со своим несчастным отцом, которого бедствия довели до глубокого отчаяния. Апостол Петр благовествовал несчастному старцу и указал ему на те утешения, которые верующая душа находит в Боге. Таким образом, все семейство, испытанное бедствием и дивно хранимое рукою Божией, соединилось и нашло истинный покой и истинное счастье, уверовав во Христа. Все они возвратились в Рим, где жили благочестиво и ревностно старались распространять христианскую веру. Климент присоединился к апостолам Петру и Павлу в Риме. Апостол Павел в Послании к Филиппинцам упоминает о Клименте, причисляя его к тем, коих имена в книге жизни. Полагают, что перед своей кончиной апостол Петр посвятил его

во епископы, но эту должность он занял уже после Лина и Анаклита, около 94 года. Климент был очень уважаем христианами за добродетельную жизнь и горячую ревность о вере. Когда в Коринфской Церкви возникли раздоры и беспорядки, то тамошние христиане обратились за советом к Клименту, который написал к ним два послания, достойные ученика апостольского. Он убеждает коринфян убежать духа гордости, проповедует смирение и любовь, с пламенной любовью говорит о Господе Иисусе Христе, «Заступнике и Помощнике в немощах наших, посредством Которого мы возводим очи на высоту небесную, через Которого отверзлись очи сердца нашего». Первое из этих посланий было особенно уважаемо древними христианами и читалось при богослужении; оно содержит очень много указаний на состояние и обычаи Церкви. Святой Климент пережил гонение, бывшее при Домициане. В конце первого века язычники, раздраженные успехом его благовествования, обвинили его перед императором Траяном, который сослал его в Херсонес Таврический (в нынешнем Крыму). Туда часто ссылались преступники, осужденные на тяжелые работы в каменоломнях. Эта мера послужила к распространению Евангелия. Климент принес несчастным изгнанникам утешение веры. Он благовествовал им о спасении через Христа, о вечной жизни, и многие приняли Святое Крещение. Тогда языческий правитель страны осудил Климента на смертную казнь. Его бросили в море, привязав на шею якорь. Спустя много веков его святые останки были обретены просветителями славян, Константином (Кириллом) и Мефодием⁶¹. Не забудем, что после апостола Андрея святой Климент был первым проповедником христианской веры в отдаленном крае нашего отечества. Кончина святого Климента относится к 100 году. В Риме существует древняя церковь, построенная над развалинами его дома.

---

⁶¹ По другим, более достоверным источникам, святой Климент, скончавшись в третий год правления Траяна, умер, однако, естественной смертью. (Во всяком случае, св. Ириней решительно умалчивает о его мученической кончине.) Мощи св. Климента в IX в. были принесены в Рим равноапостольными Кириллом и Мефодием и положены в Риме, в храме его имени. Часть мошей – глава св. Климента – принесена в Россию при равноапостольном князе Владимире. Приводимое автором сказание о чудесном путешествии, потере, а затем обретении семьи св. Климентом взято, вероятно, из «Климентин» – памятника древнехристианской письменности, соединяющего подлинные события с легендарными вымыслами.

Святой Климент Папа Римский. Икона

О жизни Ерма, Кодрата и Папия сохранилось мало известий, но их писания пользовались большим уважением. Ерм, тот самый, как полагают, которого апостол Павел приветствовал в Послании к Римлянам, написал книгу под названием «Пастырь». В ней изображено, как Ангел Хранитель под видом пастыря подает ему наставления.

Кодрат был епископом в Афинах и подал императору «Апологию» в пользу христиан, то есть рассуждение в защиту христианской веры. Это сочинение не дошло до нас, но о его содержании упоминают древние церковные писатели.

Из книг Папия Иерапольского: «Изъяснения Господних изречений» – до нас дошли только отрывки. Папий дожил до глубокой старости и скончался около 166 г.⁶²

Святому Дионисию Ареопаги – ту, первому епископу Афинскому, приписывают сочинение о Небесной иерархии и некоторые послания. Он скончался во время гонения при Домициане.

---

⁶² Есть основания полагать, что он мученически скончался около 156–165 гг. Из «Пяти книг изъяснений Господних изречений» сохранились небольшие отрывки. Папий упоминает там и о Евангелии от Матфея, написанном по-еврейски.

* * *

Каждому из нас необходимо знать порядки и обычаи христианской Церкви в первые века ее существования. Известие о них мы находим в Священном Писании, то есть в посланиях и Деяниях, и в писаниях мужей апостольских, которым были, конечно, известны все предания апостольских времен. Апостолы обыкновенно предлагали свои наставления в устной проповеди, преемники их – тоже. Все правила, ими данные, благоговейно соблюдались Церковью⁶³. В продолжение трех первых веков были собраны Правила и Постановления Апостольские, которые весьма важны для изучения древнего церковного благочиния и читались древними христианами. Рассмотрим, как Церковь совершала Таинства и богослужение.

---

⁶³ Церковь – соответствует греческому «эклесия» – «собрание» (праведных). В простейшем, нравственно-социальном значении Церковь – это собрание верующих во Христа и соблюдающих Его заповеди. В этом собрании проявляет себя присутствие Самого Спасителя, по слову Писания: где двое или трое собираются во имя Мое, там Я посреди них (Мф. 18, 20). В универсальном смысле Церковь есть духовная реальность и единый организм, пронизывающий вселенную, видимую и невидимую, и обеспечивающий согласие и взаимопроникновение в любви Творца и творения. Церковность или соборность это первоначальное и естественное состояние сотворенного мира, нарушенное восстанием и отпадением Денницы и грехопадением человечества. Подвиг Христа, помимо задачи личного спасения человека, включает в себя и иную цель: рассеянных чад Божиих собрать воедино (Ин. 11, 52), – т. е. возродить в людях способность к церковному образу бытия. Новозаветная Церковь, основанная Христом, представляет явление нового духовного порядка и смысла. В отличие от Ветхого Завета, залогом единства Бога и человечества в ней служит не слабая воля людей, но тесное соединение в Спасителе Божественной и человеческой природ. По родству с Богочеловеком Иисусом Христом собрание верующих, Церковь, становится Его Телом, новым Израилем. В деле спасения церковность играет громадную роль: в ней, как в некоей питательной среде, защищаемой от стихий мира, действием Духа Святого совершается духовное возрождение и совершенствование человеческих душ. Церковь Христова различается на Небесную и земную. Первую иначе называют Церковью торжествующей, поскольку ведет постоянную битву со злом и грехом. Одна из сложнейших проблем церковности возникает в связи с наличием в современных условиях целого ряда христианских конфессий, не соглашающихся друг с другом по основным пунктам вероучения. По самому смыслу понятий о Церкви вполне очевидно, что Церковь в мире существует только одна: Святая, Соборная и Апостольская Церковь Христова, исповедуемая в Символе веры. Единству и святости Церкви никак не препятствуют земные аспекты ее организации – в частности, различие юрисдикции и национальных культурных традиций. Составными частями единого вселенского Православия в равной мере являются Русская, Греческая, Иерусалимская, Сербская, Румынская, Американская, Грузинская и другие Поместные Православные Церкви. В то же время отступления от единого исповедания веры, которые были допущены монофизитским, католическим и протестантскими ответвлениями христианства, оставляют их вне благодатной церковности, хотя и не лишают возможности индивидуального проявления веры и ревности о Христе.

Собор Климента Папы Римского в Москве. Фотография конца XIX в.

Мы видели, что по Вознесении Христовом апостолы пребывали вместе в единокорной молитве. Сошел на них Дух Святой – и простые и неученые рыбаки исполнились необыкновенной мудростью, знанием и несокрушимой твердостью духа. Дух Святой просветил их умы, укрепил сердца, напомнил им все, что говорил Господь, наставил на всякую правду. Господь щедро изливал Свою силу на всех уверовавших и по обещанию Своему сообщил им и власть творить чудеса, и знание языков. Эта помощь Божия много способствовала быстрому распространению христианской веры. Апостолы совершали над уверовавшими Таинство Крещения во имя Отца и Сына и Святого Духа для оставления грехов, как повелел им Спаситель. Это таинство, возрождая верующих в новую жизнь, было знаком вступления в общество чад Христовых, искупленных Кровию Христа. Перед крещением новообращенному объяснялось учение Христово, что называлось оглашением. Потом новообращенный исповедовал свою веру. Для этого не было сначала определенной формы: верующий говорил по внушению сердца. Так, например, эфиопский вельможа, обращенный апостолом Филиппом, исповедался следующими словами: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий». Крещение совершалось обыкновенно через трехкратное погружение в воду во имя Отца и Сына и Святого Духа. Этим погружением прообразовалось как бы погребение ветхого человека, смерть его для греха и возрождение к новой жизни. В Деяниях часто упоминается о крещении целых семейств; следовательно, с самого начала крещение совершали и над младенцами. Новокрещенные были облакаемы в белые одежды, в знак чистоты душевной, сообщаемой Святым Крещением; им в некоторых Церквях давали вкушать мед и молоко, – как младенцам, возрожденным к новой жизни.

После крещения апостолы через возложение рук сообщали уверовавшим дары Духа Святого. Мы видим из Деяний, что самаритяне уверовали во Христа и крестились, но Духа Святого получили не прежде того, как Петр и Иоанн, помолившись, возложили на них руки. Также и ученики Аполлоса в Ефесе по возложении рук Павла получили Духа Святого и зна-

ние языков. Это было всегда отдельным от крещения Таинством. Впоследствии преемники апостолов стали употреблять при этом помазание освященным миром. Это Таинство с первого века называлось Таинством мира; у нас оно называется Миропомазанием.

Таинство Причащения Тела и Крови Христовой, или Евхаристия⁶⁴, было самым важным действием богослужения во время апостолов. Оно называлось тоже преломлением хлеба и совершалось в частных домах, ибо в I веке не было еще христианских церквей. По многим указаниям, встречающимся в Деяниях, надо думать, что для молитвы отделялась в известном доме особая комната, которая уже затем оставалась посвященной для этой цели и называлась церковью⁶⁵. В начале II века уже упоминается о престоле.

Преломление хлебов, или Таинство Евхаристии, конечно, совершалось по образу, данному Самим Господом: *прими хлеб, хвалу воздав, преломи, и даде им, глаголя: сие есть тело Мое. Такожде и чашу...* В этих немногих словах заключается вся сущность литургии. Но к хвале, совершенной Господом, присоединяли ученики Его моление о ниспослании Святого Духа на хлеб и вино, да явится хлеб Телом, а вино – Кровью Христа.

Богослужение⁶⁶ состояло из чтения священных книг, пения псалмов и других духовных песен, поучения, молитв, в которых испрашивалось благословение Божие на прине-

---

⁶⁴ Евхаристия (греч. «благодарение»), или Причащение, – центральная часть литургических священнодействий Православной Церкви, Таинство соединения с Господом Иисусом Христом, совершаемое через вкушение христианами Его Плоти и Крови. На литургии (греч. «общее дело», «общее служение») хлеб и вино Евхаристии претворяются в Божественные Дары, вещественно оставаясь хлебом и вином. Каждая Евхаристия есть повторение Тайной Вечери, на которой Спаситель впервые дал вкусить ученикам Своих Крови и Тела под видом вина и хлеба. Первые христиане причащались всей общиной за каждой литургией, почти ежедневно. Позже нормой стало считаться Причащение в каждый из четырех многодневных постов и в именины. Для настоящего времени, изобилующего соблазнами и неблагоприятными влияниями, признается необходимым причащаться не реже одного раза в месяц. Таинство Евхаристии также называют «принесением Бескровной Жертвы». Через приобщение к Жертве Христа, принесенной на Голгофе, верующие становятся причастниками Его подвига, спасающего мир. По учению святых отцов, Причащение сжигает грехи, примиряет человека с Богом, исцеляет душу и тело. Вместе с тем возможно и Причащение в осуждение – совершенное в неблагоговении и нечистоте, в оскорбление святости. Положительным условием участия в Евхаристии является крещение в Православии, вера в Божество Спасителя и Его Святых Даров, совесть, очищенная от смертных грехов, примирение с ближними. Причащение принимается натощак; в традиции Русской Православной Церкви также входит обязательное для всех взрослых и детей с 7 лет исповедание согрешений перед священником.

⁶⁵ В I веке, еще до начала гонений, литургию совершали даже в отдельных строениях. Так, в частности, в Риме, у зажиточных горожан имелось отдельное помещение для приема гостей – базилика: вытянутое, окруженное колоннами строение, на одном торце которого был вход, а на противоположном – небольшой полукруглый балкон для бесед гостей на свежем воздухе. Именно отсюда христианские церкви и получили свое первоначальное архитектурное оформление, а полукруглый балкончик, отделенный в базиликах от остального помещения низкой оградой, превратился в крытую апсиду, внутри которой помещался алтарь.

⁶⁶ Богослужением вообще называется богопочитание или угождение Богу добрыми мыслями, словами и делами – исполнение воли Божией. Адам и Ева в раю совершали служение тем, что свободно прославляли Бога, Его премудрость, благодать, всемогущество. После грехопадения возникает нужда в молитве, в которой бы выражались сокрушение людей о грехе и просьба о помощи. Также Господь устанавливает жертвоприношения – в знак того, что все земное принадлежит Ему как Творцу и что приносящий жертву готов поступиться материальным ради приобретения духовного. Первоначально богослужение совершалось свободно, на открытых местах. Не существовало ни храмовых зданий, ни священных лиц. Во времена пророка Моисея впервые была устроена скиния (переносной храм Единому Богу), избраны священные лица (первосвященник, священники и левиты), определены жертвы на разные случаи, установлены праздники (Пасха, Пятидесятница, Новый год, день очищения и др.). С течением времени порядок богослужения и правила благочестия между евреями все более усложнялись. Единственным местом общественного поклонения и принесения жертв был признан Иерусалимский храм. От Авраамовой веры и искания воли Божией еврейский народ перешел к формальному исполнению правил. В Евангелии Сын Божий, Пришедший на землю, сурово обличает иудеев за то, что они, соблюдая до мелочей подробности ритуалов, утратили самый дух Завета и превозносятся своим благочестием. На место этого Спаситель поставил прежний идеал поклонения Небесному Отцу «в духе и истине», во всякое время и на всяком месте. Тем не менее Он не отверг и общественного богослужения, часто посещая Иерусалимский храм и проповедуя в нем, проявляя ревность о должном порядке в его стенах. Также и апостолы, пока не открылось гонение со стороны иудеев, любили собираться в одном из притворов храма. Вскоре у христианских общин появились свои места для собраний и своя богослужебная практика. Литургия и главная часть ее – Таинство Евхаристии – совершались епископами, пресвитерами и диаконами. Помимо священнодействий, в собрании произносились молитвы, псалмы, читалось Слово Божие, пелись гимны. Ход богослужения подчинялся общему распорядку, по заповеди апостолов: все должно быть благопристойно и чинно (1 Кор. 14, 40). Видоизменяясь в отдельных чертах, этот порядок в главном был сохранен Православной Церковью до сего дня. Помимо богослужения обще-

сенные для совершения Таинства хлеб и вино, освящения даров словами Спасителя, призыванием Духа Святого и благословением и раздаванием даров присутствующим. Дიაконы разносили дары больным и тем, которые не могли быть при богослужении. Перед совершением Таинства все присутствовавшие приветствовали друг друга лобзанием в знак любви взаимной, связывающей воедино всех чад Христовых. Этот обычай был отменен впоследствии, вероятно, когда собрания верующих сделались многочисленными, но доселе у нас сохранилось напоминание о нем в словах, произносимых в торжественную минуту богослужения, перед совершением Таинства: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы. Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Священнослужители в алтаре и до сих пор в это время целуют друг друга. Для совершения Таинства верные приносили в собрание все нужное.

Первые христиане причащались ежедневно Тела и Крови Христа. Когда по причине гонений ежедневные общественные богослужения стали невозможны, то богослужение совершалось в день, посвященный Господу, – в день воскресный. Вначале, когда апостолы были еще все вместе в Иерусалиме, они ходили молиться в храм. Но там, конечно, не могли совершать Таинства Евхаристии. Часами молитвы были, преимущественно, третий, шестой и девятый: третий – как час, в который был ниспослан Дух Святой; шестой – час, когда Господь был пригвожден к Кресту; а девятый – час смерти Спасителя. В посланиях апостол убеждает верующих молиться непрестанно и вразумлять друг друга псалмами и песнями духовными. Любовь и ревность ко Господу, горевшие в сердцах первых христиан, конечно, побуждали их непрестанно воздавать хвалу и благодарение Спасителю. Но какими молитвами, какими песнями выражали они эти чувства? Немногое известно нам, но верно то, что был установленный чин и порядок служения, изменяющийся в частности. Так, по преданию, известны со времен апостольских чин литургии св. Иакова и чин литургии св. Марка, одинаковые в существенных чертах, но различающиеся в подробностях⁶⁷. Апостол Павел убеждал коринфян совершать богослужение по чину. Некоторые молитвы повторялись везде всеми верующими: например, та молитва, которую Сам Господь преподавал ученикам Своим – *Отче наш*; другие составлялись постепенно, и не во всех местах верующие употребляли одни и те же молитвы.

Есть основание думать, что со времен апостолов были обычными молитвенное пение «Господи помилуй», песнь ангельская «Свят, Свят, Свят еси Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя», песнь херувимская «Аллилуйя» и, наконец, ангельская песнь «Слава

ственного, важной задачей христианской жизни остается частное богослужение. Оно состоит в совершении верующим домашней молитвы, несении постов и обетов, помощи ближним, смиренном принятии болезней и неудач, распространении Евангелия, согласовании практических обстоятельств и повседневных дел с общей задачей исполнения воли Божией.

⁶⁷ Литургия – с греческого это слово переводится как «общее дело», «общее служение». Божественная литургия – это главное богослужение Православной Церкви, совершаемое утром или перед полуднем, отчего в народном обиходе имеет второе название – обедня. Современный чин литургии составлен из трех частей. Первая носит название проскомидия (греч. «принесение»). В древности христиане приносили с собой в церковное собрание хлеб и вино для совершения Евхаристии. Этот хлеб так и назывался – «приношение», «просфора». Сейчас – это специально испеченные хлебы. Из просфор особым предметом – копием, напоминающим о копье, которым римский воин пронзил тело Иисуса Христа на Кресте, – вынимаются частицы и располагаются на дискове – круглом блюде, символе неба. Вторая часть литургии – литургия оглашенных (оглашаемых, научаемых вере). Она включает в себя ектений (от греч. «усердный», «усиленное моление»), песнопения, чтение апостольских книг Писания и Евангелия. После возгласа: «Оглашенные, изыдите!» – начинается литургия верных. В алтаре священнослужители приготавливают необходимое для совершения Евхаристии, собравшиеся поют Символ веры – исповедание важнейших христианских догматов. Во время Евхаристического Канона – важнейшей части службы – происходит претворение вина и хлеба в Святыне Дары: Кровь и Тело Господни. Священнослужители в алтаре причащаются Святынь Тайн Христовых. Затем Чаша со Святынями Дарами выносится к собравшимся людям и те приступают к ней. О совершении в христианских общинах Евхаристии имеются очень ранние свидетельства. Древнейший из известных обрядов литургии связывается с именем св. апостола Иакова, первого Иерусалимского епископа. Состав Евхаристического богослужения, напоминающий современный, складывается приблизительно к III в. Существующий литургический чин предложен к общему употреблению св. Василием Великим. Святитель Иоанн Златоуст несколько переработал молитвы и сократил этот чин.

в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Если не при самих апостолах, то очень скоро после них эта песнь была распространена и читалась за утренним богослужением почти в том виде, в каком она читается теперь у нас, с прибавлением воззваний «Агнче Божий, вземляй грехи мира, помилуй нас; вземляй грехи мира, прими молитву нашу» и пр. Обычным при апостолах было также славословие «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Письменные памятники начала II века уже кончаются этими словами. Песнь Богородицы «Величит душа Моя Господа» и песнь св. прав. Симеона Богоприимца тоже очень рано вошли в состав богослужения. Кроме псалмов, первые христиане пели и некоторые ветхозаветные песни, которые уже входили в состав еврейского богослужения, как то: песнь Израиля после перехода через Чермное море, песнь Анны, матери Самуила, песнь отроков Вавилонских. Теперь, с исполнением заключавшихся в них пророчеств и преобразований, они получили еще более высокое и понятное значение. Апостолы, получившие от Бога знание языков, везде, где проповедовали Евангелие, молились и поучали на известном народу языке, ибо старались, чтобы всем было понятно то святое учение, которое они проповедовали. *Стану молиться духом, – говорит апостол Павел, – стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом* (1 Кор. 14, 15). *Ревнуй о дарах духовных, – пишет он еще, – старайтесь обогатиться ими к назиданию Церкви* (1 Кор. 14, 12). Он подробно излагает необходимость молитвы на понятном языке в 14-й главе Первого Послания к Коринфянам. Послания апостолов читались во всеуслышание в молитвенных собраниях.

Кроме установленных часов молитв (третьего, шестого и девятого), собирались и на ночную молитву, как мы видим из книги Деяний. Когда начались гонения, Таинство Евхаристии стало совершаться в ночное время или перед рассветом. Подземелья и пещеры часто служили местом молитвенных собраний⁶⁸; при богослужении употреблялись свечи⁶⁹ и лампы. Впрочем, это делалось не из одной только необходимости разгонять мрак. Возжжение елея или светильников выражало духовное торжество и радость и изображало свет, принесенный Господом в мир.

Причащение Тела и Крови Христа считалось таким великим действием, что к нему нельзя было приступить, не приготовившись и не очистив совесть Таинством Покаяния, или исповеданием грехов своих. Апостол Павел повелевает перед Причастием испытать совесть свою. Тяжко согрешившие отлучались на время от участия в Таинствах⁷⁰.

⁶⁸ Престолом часто служили гробы мучеников, которых после смерти хоронили в катакомбах. Отсюда и происходит обычай Православной Церкви совершать Таинство Евхаристии на престоле, покрытом антиминсом с зашитыми в него частицами мощей святых.

⁶⁹ Свечи являются неотъемлемой частью христианского богослужения, особенно всенощного, совершаемого вечером. Это один из древнейших символов души христианина, предстоящей и горящей пред Богом чистой и светлой верой. Образ свечи восходит к Евангельским притчам, в одной из которых Христос говорит о светильниках, которые нужно держать зажженными, имея в запасе достаточно масла (веры и добрых дел), дабы достойно встретить Жениха – Сына Божия во Втором Славном Пришествии. Этот символ, кроме всего, имеет и конкретное историческое значение: христиане первых веков, совершавшие богослужение в катакомбах, не могли обходиться без свечей. С тех пор свечи выступают как обязательный атрибут христианского богослужения.

⁷⁰ Таинства Церкви – наиболее важные моменты православного богослужения; священнодействия, совершаемые Самим Духом Святым и приводящие к благодатным переменам в человеческом естестве. Таинств в практике Православной Церкви насчитывается семь. Они имеют твердые основания в Священном Писании и берут свое начало с евангельского и апостольского времени. Лишь обряд бракосочетания причисляется к Таинствам несколько позже, приблизительно к IX веку. Наиболее богато по своему внутреннему содержанию Крещение, Таинство вступления в Церковь. В Крещении человеческая природа освобождается из-под всецелой зависимости от первородного греха и закономерностей падшего мира и выходит к свободе жизни по вере и истине. В Крещении христианин получает святое имя, в честь одного из святых, который отныне становится его небесным покровителем; он трижды погружается в купель, что является тем самым загадочным рождением от воды и Духа (Ин. 3, 5), о котором упоминал Христос в беседе с Никодимом. Наконец, с крещением соединяется Таинство Миропомазания, в котором запечатлевается и просвещается Духом Святым телесный состав человека. Второе по значимости церковное Таинство – Евхаристия, или Причащение, совершаемое за литургией. В нем человеческая природа, посредством вкушения Плоти и Крови Иисуса Христа, прикровенно соединяется с Господом. Каждая Евхаристия – это повторение Тайной вечери, на которой Христос впервые подал ученикам Свои Святые Тайны под видом вина и хлеба.

Священство апостолы совершали по молитве через возложение рук. Это было великим делом, ибо избранным они сообщали ту власть, которую получили от Самого Господа, когда Он сказал им: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 21–23). Апостолы, сообщая ученикам свою власть, действовали по указанию Духа Святого. Павел при прощании с пресвитерами Ефесской Церкви говорил им: *внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровию Своею* (Деян. 20, 28). Он же убеждал своего ученика, Тимофея, которого поставил епископом, ни на кого не возлагать рук поспешно, но вначале убедиться, достоин ли избираемый священства. Апостолы, хотя и получили от Господа полную власть вязать и разрешать грехи, охотно действовали по совещанию с верующими, так что с I века управление Церковью является соборным. Они призывали всех братий к участию и совещанию во всяком важном деле и молитвою испрашивали на него помощь Божию.

Так они собрались для избрания двенадцатого апостола на место Иуды, для назначения диаконов, для решения вопроса о соблюдении обрядового закона. Взаимная любовь, исполнявшая сердца верующих, и общая ревность к службе Божией вносили в эти собрания дух мира, согласия и удаляли из них споры и пустые разноречия.

* * *

Мы видим, что священство имело три степени: епископство, священство и дьяконство. Апостолы, получившие власть от Самого Христа, сообщали ее тем, которых считали достойными пасти Церковь Божию, и ставили епископов, которые получали право рукополагать священников и диаконов. Мы видели, по какому случаю они были избраны: стать помощниками при священниках, и, не имея права самим совершать Таинства (кроме Таинства Крещения), служили при совершении их, проповедовали слово Божие, заботились о бедных и больных, призреваемых Церковью. О должностях и обязанностях епископов Павел дает подробные наставления своим ученикам – Тимофею и Титу. В первые времена епископы могли быть женаты. Христианский закон застал уже женатыми многих лиц, достойных носить звание епископов, и потому это не считалось препятствием. Но впоследствии стали предпочитать, чтобы епископы были безбрачными, для того чтобы, не занятые домашними заботами, они могли всецело посвятить себя Церкви. При своей жизни апостолы имели

Христианская жизнь, как жизнь в единении со Спасителем и Церковью, невозможна без Евхаристии. Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, – говорит Писание, – то не будете иметь в себе жизни (Ин. 6, 53). Покаяние, или исповедь, – это Таинство, в котором верующий исповедует (открывает устно) свои грехи Богу в присутствии священника. Сам Иисус Христос дал святым апостолам, а через них и всем священникам, право Его именем разрешать (прощать) грехи (Ин. 20, 22–23). Естество человека в Таинстве Исповеди сбрасывает с себя груз греха; отсекаются и прекращают свое пагубное действие в душе последствия проклятий, анафем и нарушений обетов. Брак также есть Таинство, в котором при свободном (перед священником и Церковью) обещании женихом и невестой взаимной верности друг другу благословляется их супружеский союз, в образ духовного союза Христа с Церковью, испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия, для благословения рождения и христианского воспитания детей. Таинственным образом естество мужчины и женщины в браке соединяется в «одну плоть» – с общими чувствованиями, общей ответственностью и общей судьбой. Елеосвящение есть таинство, в котором при помазании больного освященным елеем (маслом) на больного изливается благодать Божия для исцеления его от телесных и духовных болезней. Таинство Елеосвящения иначе называется соборованием, потому что для совершения его собираются несколько священников, хотя по необходимости его может совершить и один священник. Соборованием отпускаются и врачуются грехи человека, совершенные им по неведению или забытые на исповеди. Наконец, в Таинстве Священства поставляются новые священники и диаконы. Им передается благодать совершать Таинства и предстоять пред алтарем за народ. Самое важное действие при посвящении – это возложение рук епископа с призыванием на посвящаемого благодати Святого Духа, и потому Таинство Священства иначе называется Рукоположением. В Православной Церкви строго соблюдается принцип преемства рукоположения, идущий еще от апостолов.

постоянный надзор над поставленными ими епископами и над всеми Церквами, как видим из примера Иоанна и Павла, надзиравших за всеми Малоазийскими Церквами. После них епископы главных городов имели надзор над остальными, хотя и считались все равными во власти. Так устроились постепенно епархии. Таково начало первенства патриархов, митрополитов, как они были названы впоследствии. Обязанности епископа были чрезвычайно важными и сложными. Он, кроме священнодействий слова и Таинств, должен был выступать и в роли судьи во всех спорах, возникавших между христианами, ибо христианам, по многим причинам, было невозможно обращаться к гражданскому суду, потому что, во-первых, законы, проникнутые духом язычества, не могли быть согласны с заповедями Христовыми, а во-вторых, от христианина потребовалась бы языческая присяга или исполнение языческого обряда, на что он согласиться не мог. Епископ же судил в духе Евангелия и по совести. Мы видим, что апостол Павел в одном из посланий укоряет коринфян за то, что они в тяжбах своих прибегали к суду язычников. Вообще же он убеждает их избегать сколько можно ссор и тяжб как несогласных с духом христианской любви и лучше уступать свое, чем тягаться с братом.

Брак между христианами совершался не иначе как при благословении епископа⁷¹. Слова апостолов об обязанностях мужа и жены показывают, как высоко первые христиане чтили это Таинство. Чистая нравственность резко отличала их от язычников, между которыми брак мало уважался и развод был делом обыденным. У христиан союз, благословленный Церковью, стал образом вечного союза Христа с Церковью. Муж и жена, соединенные на всю жизнь, должны вместе служить Богу, помогая друг другу в исполнении Его святых заповедей. Вообще все семейные отношения и обязанности получали новое, высшее значение от убеждения, что земная жизнь есть начало вечности и приготовление к ней.

О Таинстве Елеосвящения ясно говорит апостол Иаков: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви и пусть они помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры— исцелит болящего, и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 14–15). О помазании елеем во исцеление упоминается и в Евангелии. Апостолы, посылаемые Господом для благовествования, мазали маслом недужных, и они получали исцеление (Мк. 6, 13).

Из сказанного мы видим, что все Таинства, совершаемые ныне Православной Церковью, и важнейшие обряды ее богослужения имеют начало во временах и преданиях апостольских. Это не значит, что с той поры богослужение оставалось совершенно неизменяемым. Неизменяемой осталась только сущность Божественной службы. Хотя сама служба несколько сократилась, с другой стороны, она обогатилась иными молитвами и песнопениями. Новые бедствия и опасности, грозившие верующим, новые милости, явленные им Господом, внушали христианам и новые молитвенные обращения, в которых выражались то просьба о помощи и защите, то горячая благодарность за явленные Богом милости. Постараемся, чтобы сердца наши были согреты той же горячей любовью к Богу и ближнему, которая одушевляла первых христиан и выражалась во всей их жизни, в каждом их действии. Уверовавшие жили уже не для себя, а всецело принадлежали Господу, посвящали Ему все силы, все способности, всю свою жизнь. Тщанием не ленивы, духом горяще, работали они Господу, служили Ему радостно, бодро, усердно, — не как строгому господину, а как доброму, любимому и любящему Отцу. На свое служение и на свое дело они смотрели как на дело Господне и исполняли его от души, каждый по мере своих сил. Вот к чему мы должны стремиться, моля Господа согреть и наши сердца и озарить, и укрепить их Духом Своим, чтобы и мы могли служить Ему, каждый среди тех условий, в которые поставила нас Его святая воля.

⁷¹ Послания свщмч. Игнатия Богоносца.

В жизни первых христиан выражалась и горячая любовь к ближним. Господь сказал уверовавшим: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас... По тому узнают, что вы – Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 34–35). Они, действительно, явились достойными учениками Спасителя, ибо *любили друг друга, как братья*. Богатые делились своим имуществом с бедными. Случалось ли где общественное бедствие, как, например, голод, – тотчас христиане в разных городах собирали деньги и спешили помочь страждущим братьям. Эта взаимная любовь была мало знакома язычникам. Они, думая о своих выгодах и удовольствиях, строили великолепные дворцы, цирки, тратили огромные деньги на пиры и увеселения, а христиане помогали больным, немощным и нуждающимся. Первые больницы, первые приюты для бедных были устроены христианской Церковью. Помощь ее простиралась и на язычников. Христиане не участвовали в увеселениях язычников, но всегда готовы были помочь им в бедствиях.

У христиан был обычай в первый день недели откладывать, сколько каждому позволяло состояние, для помощи нуждающимся и для содержания Церкви. Апостол Павел упоминает об этом в посланиях. Он считал справедливым, чтобы проповедники слова и служители Церкви были содержимы обществом христиан, хотя сам и не пользовался этими приношениями, а предпочитал содержать себя собственными трудами. Приношения вручались епископам или пресвитерам, которые употребляли их по благоусмотрению. Верующие приносили и все, нужное для совершения богослужения: хлеб, вино, елей, мед и молоко. После богослужения все вместе вкушали общую трапезу (агапу⁷², или вечерю любви). Обычай этот был впоследствии отменен, потому что давал повод к беспорядкам. Но вечера любви продолжали совершаться при поминовении усопших, когда собирались на могилы в годовщину их кончины.

Книга Деяний упоминает о постах. Апостолы постились перед тем, как предпринимали путешествие для проповедания. Утвердив Церковь, опять молились и постились с братьями. Иисус Христос Сам говорил о посте⁷³ как о деле, угодном Богу, и потому первые христиане постились часто.

Пост Четыредесятницы⁷⁴ перед Пасхой и посты среды и пятницы существуют со времен апостольских.

⁷² Агапа (от греч. «любовь») – собрание, трапеза любви. В первые века христиане по завершении богослужения не расходились по домам тотчас, но, в подражание Тайной вечери Иисуса Христа, совершали общую вечерю (ужин). Соединившись с Господом в Таинстве Евхаристии, они предлагали пищу на общий стол и проводили время в братском общении. Агапа не напоминала современных застолий, на которых каждый увлечен чем-то своим и говорит, о чем придется. Вечеря Господня с апостольских времен подчинялась строгому распорядку и представляла собой продолжение богослужебного ритуала. Во время ее из рук в руки передавали чашу с вином и по очереди возносили благодарения и прошения Богу. Из-за гонений агапы было принято проводить глубоко ночью, в обстановке строжайшей тайны. В круг избранных допускались лишь те, кто подтвердил свою преданность вере Христовой. Мечтой каждого из присутствовавших было в собрании братьев по вере встретить Пришествие Господа Иисуса, которое, как верили, произойдет посреди ночи. Прошли века и гонения завершились. Ожидания скорого конца света стали слабее. Агапа постепенно приобретала характер благотворительного действия, во время которого церковная община совершала служение нуждающимся. Лаодикийский (363 г.) и Трульский (кон. VII в.) соборы отменяют агапы. В современной церковной практике остаются лишь отдельные напоминания о них – молитва «о плодоносящих», благословение хлебов, обычаи освящения и раздачи пасхального артоса, поминальных трапез и др.

⁷³ Обязательная составляющая христианского благочестия, без которой, как и без молитвы, невозможна полноценная духовная жизнь верующих. Аскетический смысл поста состоит в том, чтобы избежать пресыщения, от которого, как говорят отцы, происходит забвение Неба и усиливаются телесные страсти. В индивидуальном нравственном отношении пост представляет собой обет, сознательно приносимый христианином Богу. Обет этот обычно предполагает воздержание от пищи животного происхождения и отказ от угождения чреву. В общецерковном употреблении пост – это способ согласного выражения христианами ревности и соборного чувства. С его помощью желают привлечь милосердие Божие в общественных бедствиях, он приобщает верующих к переживанию Страстей Христовых, готовит к восприятию радости главных церковных праздников. В практике Православной Церкви различают многодневные и однодневные посты.

⁷⁴ Великий пост, или Великая Четыредесятница, является важнейшим из многодневных постов, древнейшим из принятых Церковью и напоминает о сорокадневном посте Иисуса Христа в пустыне. Великий пост – это время приготовления к воспоминанию христианами событий Страстной седмицы и к пасхальному торжеству Светлого Воскресения Христова.

Главные праздники ветхозаветной Церкви соблюдались и христианами, но имели для них особенное, более высокое значение. Пасха, существовавшая прежде как воспоминание об освобождении от египетского рабства, теперь означала освобождение верующего от плена греха и смерти Кровию Христа⁷⁵. День Воскресения Христа из мертвых праздновался как воспоминание самого радостного события и заменил для христиан еврейскую субботу. День Пятидесятницы⁷⁶, когда вспоминалось дарование Синайского закона, получил более высокое значение после сошествия Святого Духа на верующих.

Можно предполагать, что с первых времен вошло в обычай Церкви воспоминать молитвой и богослужением важнейшие события земной жизни Спасителя. О крестном знамении есть указание у древнейших писателей. Христиане употребляли его при начале и окончании каждого дела. Испрашивая благословение Божие на нашу жизнь и наши дела, как не вспомнить, что Крестной смертью Спасителя мы получили доступ к Господу? Знаменуясь крестным знаменем, мы как бы выражаем, что во имя Спасителя и Его Крестной смерти прибегаем к милости Божией.

Уже упоминалось о женщинах, служивших при Церкви, диаконисах. Они избирались преимущественно из вдовиц, известных честным поведением и усердием к добрым делам и имевших не менее шестидесяти лет от роду. Впоследствии стали допускаться к этому служению и девы, отказавшиеся от брака, и даже замужние женщины, лишь бы они не были связаны семейными обязанностями. Тем которые имели семейство, апостол вменяет в первую обязанность заботиться о воспитании детей и управлять разумно своим домом. Диаконисы заботились о больных, наставляли новообращенных жен и служили при совершении над ними крещения.

С I века христианства известны аскеты. Так назывались люди, которые, из любви к Господу, вели самую строгую жизнь: отказывались от брака, хранили воздержание. В Египте ученики святого апостола Марка славились своей строгой жизнью. Они удалялись в уединенные места, хранили пост и проводили дни и ночи в молитве, псалмопении и чтении Священного Писания, отказавшись от всех выгод и радостей мирских. Древние писатели называли их ферапевтами. Один древний ученый, подробно описав их образ жизни, говорит, что они составляли песни и гимны во славу Божию, упоминает об их молитвенных собраниях перед великими праздниками.

Вот почти все, что известно об обычаях Церкви в I веке. О II и III веках есть больше известий в писаниях того времени. Конечно, христиане старались во всем сообразоваться с

---

⁷⁵ Слово «Пасха» в переводе с еврейского означает «перехождение», «избавление». Евреи, празднуя ветхозаветную Пасху, вспоминали об освобождении своих предков от египетского рабства. Христиане отмечают Пасху новозаветную – избавление через Христа человечества от рабства греху и предопределенности к адскому плену, возвращение человеку небесного достоинства. Пасха, или Светлое Христово Воскресение, празднуется Церковью как величайший из дней – Праздник праздников и Торжество из торжеств. Он наступает с окончанием субботнего дня, в полночь, и продолжается целую неделю, называемую Светлой седмицей. Воскресение Христово не стало однократным событием; оно переменяло весь мир и все человеческое существование. Поэтому в течение года на каждой неделе ему посвящается последний, седьмой день – воскресенье – малая Пасха.

⁷⁶ Пятидесятница событие, которое подробно описывается в Книге Деяний святых апостолов, и которое при Вознесении предсказывал Сам Спаситель, говоря: примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой (Деян. 1,8). На пятидесятый день по Воскресении Христа на апостолов сошел Святой Дух. Так человечеству явилась Третья Ипостась Божества, поэтому праздник, установленный в честь этого события, имеет название дня Святой Троицы. До сих пор ученики Христовы, хотя и были свидетелями земной жизни, Распятия, Воскресения и Вознесения Сына Божия, смотрели и удивлялись им внешне. Святой Дух просвещает их и делает причастниками Христового подвига и благодати. Люди земли, они ощущают присутствие и действие Всевышнего Бога в себе. Новая мудрость и новые духовные возможности открываются им. Апостолы говорят на незнакомых им языках, пророчествуют; по молитве их выздоравливают больные и воскресают умершие. День Сошествия Святого Духа становится также днем основания христианской Церкви нового братства и новой реальности, приобщаясь к которой человечество получает возможность на земле жить ценностями духовного мира и приходить ко спасению. Празднование Пятидесятницы обычно совпадает с наступлением летнего времени. По народному обычаю, храм в этот день украшают ветвями берез и цветами, как символами расцвета и полноты жизни.

правилами, составленными святыми апостолами. Теперь нам надо сказать несколько слов о ересях, или ложных учениях, появившихся в I веке.

* * *

Некоторых лжеучений мы уже коснулись. Мы видели, что уже апостолу Павлу пришлось бороться с предубеждениями иудействующих, и что к концу века усилились восточные лжеучения. Из этих двух начал и возникли все ереси I века. Иудействующие и по крещении не хотели отказаться от прав и преимуществ, которые, как они считали, имели за собою. Они утверждали, что спасение доступно язычникам, только если они вначале примут Закон Моисея и станут строго соблюдать все обряды. Вообще они считали соблюдение обрядового закона необходимым для спасения и негодовали на апостола Павла как на разорителя священных отеческих преданий. Одна из главных сект, строго державшихся этих предубеждений, была секта назореев. После падения Иерусалима иудействующие, взирая на свои бедствия как на наказание за отступление от Моисеева закона, еще более удалились от христианского учения. Тогда возникла секта эбионитов, которая, держась с чрезвычайной точностью обрядового закона, отвергала все Священное Писание, кроме Пятикнижия, и признавала только поврежденное Евангелие от Матфея, называя его «Евангелием евреев». Эбиониты отвергали Божественность Иисуса Христа и считали Его простым человеком, получившим Божественную силу при крещении.

Восточные учения распространяли разные ложные толкования о сотворении мира, о борьбе добра и зла. Восточным ученым были известны книги Ветхого Завета. Но, не удовлетворяясь изложением Моисея о сотворении мира всемогущей волей Бога, они пришли к тому заключению, что все творение – дело двух начал: доброго и злого, находящихся в постоянной борьбе между собой. Видимый мир почитали они творением духа тьмы и зла.

Эти восточные учения, распространяясь в Палестине и Сирии, встретились с учениями иудейским и христианским. Некоторые слились с учением иудействующих, другие приняли некоторые христианские истины, но искажали их, стараясь слить со своими толкованиями. Один из известнейших лжеучителей был Симон-волхв. Еще его учитель, Досифей, выдавал себя в Самарии за ожидаемого Мессию, а его ученики, Менандр и другие, развили учение. Оно стало впоследствии называться гностицизмом, и христианам пришлось много бороться с ним.

Гностики – то есть «знающие» – имели притязание на высшее знание и разделялись на множество самых разнообразных сект. Главное основание их системы – это то, что видимый мир есть творение духа зла и тьмы и что начало доброе, душа человека, должно постоянно бороться с материей или плотью. Некоторые ученики Симона утверждали, что от Бога, источника или полноты бытия, исходят, как солнечные лучи, второстепенные силы, одаренные творчеством, которые слабеют по мере того, как они удаляются от источника. Эти силы они называли зонами и говорили, что самый слабый из них сотворил видимый мир, в котором постоянная борьба добра и зла, света и тьмы. Наконец (так они учили), божество решилось послать для спасения мира лучшего и высшего зона, который один мог освободить мир от зла и тьмы. Таковым зоном некоторые считали Иисуса Христа. Симон называл себя то самим Богом, то великой силой, посланной для того, чтобы освободить мир, то Духом Святым. Его ученик, Менандр, выдавал себя за Духа Святого и обещал бессмертие верующим в него. Гностики, называвшие себя христианами, отвергали воскресение тела и много спорили о существовании Иисуса Христа. Одни отвергали Его человечность, другие – Его божественность на том основании, что Сын Божий не мог принять плоти человеческой, которая есть зло. Так, Коринф и его последователи утверждали, что Иисус был простой человек, что Дух Божий сошел на Него при Его крещении и отлетел перед страданиями. Другие, докеты, говорили,

что Иисус Христос, Сын Божий, имел только внешний, обманчивый вид человека и потому не страдал на Кресте.

Эти различные учения отзывались и на образе жизни их последователей. Некоторые, на том основании, что духу, или невидимому миру, началу добра, надо постоянно бороться с плотью, или видимой материей, считали строгое воздержание высшей, почти единственной добродетелью, хранили пост, отказывались от брака. Другие считали, что все позволено человеку, ибо, уступая злу, он уступает силе, которую не может победить. Была секта николаитов, которая учила, что так как спасение уже даровано Христом, то люди освобождены от закона и не грешат, что бы они ни делали; на этом убеждении николаиты строили свою развратную жизнь. О них упоминает святой Иоанн Богослов. Апостол Павел упоминает о лжеучителях Имене и Филите, которые утверждали, что воскресение мертвых уже было.

Лжеучения сильно распространились в конце I века и увлекли очень многих христиан. Истинно верующие глубоко скорбели о заблуждавшихся. Но Церковь Христова, укрепленная помощью Господней и просвещенная Духом Святым, всегда хранит в чистоте спасительные истины веры. Испытания посылаются ей Господом для общего блага. Возражения и превратные толкования лжеучителей заставляют пастырей и истинных чад с большим вниманием и с большим усердием изучать слово Божие, побуждают их излагать и объяснять для общего назидания истинное учение и поддерживать друг друга взаимной любовью, сердцем, согретым любовью и верой. Господь дает понимание истины. В Священном Писании многое недоступно для самых высоких умов, но кто приступает к чтению священных книг с молитвой и смирением, с искренним желанием узнать волю Божию, чтобы, узнав, исполнять ее, — тому Господь помогает понять то, что нужно для него. Много испытаний перенесла Святая Церковь, много пережила бурь и волнений, много чад ее увлеклось превратными мнениями и уклонилось от святой истины, но Церковь Православная, Кафолическая, Апостольская стоит незыблемо, храня в чистоте истину, данную ей Самим Христом, и непрестанно моля Господа, чтобы все просветились светом ее и пришли к спасению.

Глава XII

Век второй. Третье гонение на христиан

В начале II столетия по Р.Х. римским императором стал Траян⁷⁷. Язычники считали его государем добрым и справедливым, но не таковым оказался он в отношении к христианам. Имея возможность убедиться, что они – честные люди и покорные граждане, он, однако, преследовал их как бунтовщиков и издал против них строжайшие указы. Язычники и иудеи, ненавидевшие христиан, старались настроить против них царя. Судьи требовали от них, чтобы они совершили языческий обряд перед изображением императора, поклонились гению императора⁷⁸ или присягнули гением императора. Обряд состоял в воскурении фимиама на жертвеннике или в совершении жертвоприношения в честь царя. Христиане, конечно, не могли на это согласиться, а их отказ представлялся как доказательство их неуважения к государю.

Император Траян. II в. Париж, Лувр

В начале своего царствования Траян издал указ, запрещающий все тайные собрания. Этим указом легко было воспользоваться против христиан, которые не разрешали некрещеным присутствовать при совершении Таинств и часто собирались для молитвы по ночам. Христиан стали преследовать и приводить на суд. Тогда-то св. Климент был сослан в Херсонес Таврический, св. Симеон, епископ Иерусалимский, замучен. После разрушения Иерусалима Титом иудеям было дозволено селиться на развалинах святого города; возвратились и христиане с епископом Симеоном, сыном Клеопы, сродника Господня. Симеон пережил гонение, бывшее при Домициане, но когда появился указ Траяна, то на него донесли как на христианина и на потомка Давида. Это последнее обстоятельство внушало опасение римскому правительству, знавшему, что иудеи ожидают себе избавителя из рода Давида. Симеону было уже 120 лет, но старость не охранила его от подозрений и истязаний. Его

⁷⁷ Траян Марк Ульпиций (18.IX.53–07.VIII. 117) римский император с 28 января 98 г., родом из Испании, из семьи аристократа, был консулом, наместником в Германии. Еще в 97 г. император Нерва усыновил любимого солдатами сенатора, и после Нервы Траян стал первым императором – выходцем из провинции. Вел агрессивную внешнюю политику, значительно расширяя владения Рима в Европе, Малой Азии и на Кавказе (в частности, присоединил Армению, Месопотамию, дойдя до Персидского залива). Вел активное строительство дорог, мостов, новых сооружений в Риме, значительно укрепив власть Сената. Во время правления Траяна империя максимально расширила свои владения и пережила период наибольшего расцвета.

⁷⁸ Т.е. божеству, охраняющему, по мнению язычников, императора.

привели к проконсулу Аттику, который потребовал, чтобы он совершил языческий обряд и отрекся от Христа. Симеон отказался. Его предали истязаниям и мучили несколько дней, но ничто не поколебало твердости и веры святого старца. Его распяли на кресте⁷⁹. Христиане избрали на его место Иуста.

Другой мученик, пострадавший при Траяне, – св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский.

Св. Игнатий слышал благовествование самих апостолов, будучи в молодости учеником Иоанна Богослова. Есть в нашей Церкви предание, что он был тот самый отрок, которого Господь Иисус обнял, сказав ученикам Своим: *Кто умалится, как это дитя, тот и больше в царстве небесном* (Мф. 18, 4). Советом апостолов Игнатий был поставлен епископом в Антиохии после Еводия. Эта столица Сирии являлась одним из значительнейших городов в Римской империи и славилась богатством, роскошью. Языческое население Антиохии до страсти любило публичные игры и увеселения. Здесь трудились великие благовестники: Павел, Варнава, Петр; здесь верующие впервые стали называться христианами, и общество их было многочисленным. Св. Игнатий исполнял ревностно обязанности епископа, старался ограждать паству от влияния лжеучений, поучал ее и наставлениями, и примером собственной жизни. Он был епископом в течение сорока бурных и трудных лет. В то время настало гонение Домициана. Много еретиков старалось отклонить верующих от истинного учения, но Игнатий «молитвою и постом, неутомимостью в учении, ревностью духа противодействовал волнению, чтобы не потонул кто-либо из малодушных или неопытных». Достигнув уже глубокой старости, он имел одно пламенное желание – положить жизнь за возлюбленное имя Господа Иисуса Христа. Игнатий был славен во всем христианском мире; все почитали его за святую жизнь и называли Богоносцем, что отражало его пламенную любовь к Богу и уважение со стороны людей.

---

⁷⁹ Православная Церковь совершает память священномученика Симеона, сродника Господня, 27 апреля.

Избранные святые: свщмч. Иаков Иерусалимский (брат Господень), свт. Николай и свщмч. Игнатий Богоносец. Новгород. Вторая половина – конец XV в. ГРМ

В 106 году император Траян прибыл в Антиохию⁸⁰. Он только что одержал победу над даками и готовился к новой войне. Антиохийцы приняли его с радостью и ярко выраженной преданностью; жертвоприношения в честь богов и царя сопровождали его торжественный въезд в город. Христиане, конечно, не принимали участия в подобных празднествах, и язычники донесли на них Траяну как на врагов государства. Им удалось настроить царя против них. Игнатий, узнав о том и заботясь о Церкви Антиохийской, добровольно явился к императору, чтобы, если возможно, отклонить его от гонения на христиан или умереть за имя Христово. Траян принял его сурово.

– Ты ли, – сказал он, – тот злой дух, который противится моей воле и другим внушает непокорность нашим законам?

– Никто еще не называл богоносца духом злым, – отвечал Игнатий, – злые духи бегут от рабов Божиих. Именем Христа, Небесного Царя, я охранен от них.

– Кто это богоносец? – спросил царь.

– Это тот, кто носит Христа в сердце своем, – отвечал Игнатий.

– Так ты думаешь, что мы не имеем в душе богов, которые помогают нам против врага?

– Ты заблуждаешься, величая языческих демонов богами, – отвечал епископ. – Един есть Бог, сотворивший небо и землю, един есть Христос, Сын Божий Единородный, в Царство Которого я желаю быть принятым.

⁸⁰ Антиохия (ныне Антакия) некогда крупный город на р. Оронт. Город основан Селевком I в 300 г. до Р.Х. в честь отца – Антиоха. В римскую эпоху Антиохия стала сначала резиденцией наместников, затем императоров. В период расцвета город насчитывал до полумиллиона жителей. Именно там последователей учения Иисуса Христа стали впервые называть христианами. В 538 г. город был разрушен персидским царем Хосровом I.

– О Том ли ты говоришь, Который был распят при Понтии Пилате? – спросил царь.

– Да, о Том, Который распял на Кресте мой грех вместе с виновником его и дал рабам Своим силу устоять против власти бесовской.

– И Этого Христа распятого ты носишь в сердце твоём? – спросил Траян.

– Да, – твердо отвечал Игнатий, – ибо написано: *Вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16).

Траян осудил епископа на смертную казнь и велел отвести его в оковах в Рим, дабы там предать его на съедение зверям. Услышав смертный приговор, Игнатий в пламенной молитве поблагодарил Господа и сам наложил на себя оковы. Простившись со своей паствой, он отправился в путь.

Десять воинов сопровождали святого старца. Путь был труден, и воины обращались с ним сурово. Но было много и отрадного для св. Игнатия в этом путешествии. По всей Малой Азии разнеслась весть, что великого архиерея Антиохийского ведут в Рим на казнь, и во всех городах, куда приставал корабль, христиане с любовью и слезами встречали старца. В городе Смирне он провел несколько дней у епископа Смирнского, Поликарпа, ученика Иоанна Богослова, и туда малоазийские Церкви прислали епископов, пресвитеров и диаконов, чтобы принять от него благословение и наставление. Христиане скорбели о нем, но Игнатий утешал их, говорил, что мученическая смерть за имя Христа есть самый радостный, самый желанный жребий. Он молился с братьями, беседовал с ними, но одно тревожило его. Видя их глубокую скорбь, он стал опасаться, как бы римские христиане из любви к нему не попытались спасти его от смерти. Потому он из Смирны написал к ним письмо, в котором умолял их не мешать идти к Христу путем мученичества.

«Исполняя молитву мою, – пишет он между прочим, – Господь дарует мне счастье увидеть вас. Я узник за имя Христа, и молю Бога, чтобы Он помог мне воспринять до конца жребий мой; но боюсь любви вашей... Мне хорошо прейти к Господу... не мешайте мне любовью вашей... Только просите мне у Бога внешней и внутренней силы, чтобы я не только говорил, но и желал; чтобы не только назывался христианином, но и на самом деле был таким. Я пишу всем Церквам, что добровольно умираю за Бога, если только не воспрепятствуете мне. Умоляю вас, не удерживайте меня безвременной любовью. Оставьте меня быть снедью зверей. Я пшеница Божия; пусть измельют меня зубы зверей, чтобы мне сделаться чистым хлебом Божиим... Я еще раб; во Христе воскресну свободным... Ныне только начинаю быть учеником, когда не желаю ничего ни из видимого, ни из невидимого, а чтобы только достигнуть мне Христа... Господа желаю. Сына истинного Бога и Отца; Того ищу, Кто за нас умер и воскрес!.. Простите мне, братие! Не мешайте мне получить жизнь, не желайте мне смерти!.. Дайте мне увидеть чистый свет, дайте мне быть подражателем страданий Бога моего!.. Кто сам имеет Его в себе, тот поймет меня... Не слушайте меня, если бы я, при свидании с вами, стал просить об ином; а верьте тому, что я пишу к вам теперь. Теперь пишу я, полный жизни, объятый желанием умереть за Христа. Моя любовь распята, и нет во мне огня любви к миру; но вода живая течет во мне, и вызывает меня: иди к Отцу. Сам Бог Отец и Господь Иисус Христос да явит вам, что я говорю правду. Молитесь обо мне, чтобы я достиг».

Гюбер Робер. Колизей. Конец XVIII в.

Игнатий написал еще из Смирны и из Троады шесть других писем к малоазийским Церквам и к Поликарпу. Долго медлить на пути ему было нельзя. Воины спешили в Рим, им было велено привезти туда Игнатия к декабрю, ко времени празднования так называемых сатурналий. У римлян праздновались публичными играми дни, посвященные богам или какому-нибудь славному воспоминанию. В декабре они вспоминали золотой век, бывший, по их мнению, при Сатурне, родоначальнике их богов, и по этому случаю готовились потешные игры. Римляне страстно любили эти кровавые зрелища, и императоры не жалели ничего, чтобы потешить народ. Из далеких африканских степей приводили в Рим диких зверей, огромное количество пленных и преступников было ежегодно жертвой жестоких забав Рима. Незадолго до того было построено обширное и великолепное здание для этих игр, развалины которого сохранились до сих пор. Это здание, начатое при Веспасиане и законченное при Тите, называлось цирком Веспасиана, или Колизеем. 30 000 пленных иудеев довершили его постройку. Оно было настолько огромным, что вмещало до 100 000 человек. Посредине был обнесенный низкой стеной круг, или арена, внутри которого происходили игры. Один древний писатель, Дион Кассий, сообщает, что при торжественном открытии Колизея, в день рождения Домициана, на арене было до девяти тысяч зверей и огромное количество несчастных, осужденных на смерть. После боя арену наполнили водой и тешили народ подобием морского сражения. Это может дать некоторое понятие о громадности здания. С некоторых пор вошло в обычай отдавать христиан на растерзание зверями в Колизее.

Колизей

Когда корабль, на котором плыл Игнатий, достиг Путеола близ Неаполя, святой епископ пожелал сойти на берег и идти тем путем, каким шел в Рим другой славный узник за имя Господне, апостол Павел, но сильный ветер помешал кораблю пристать. Высадились на берег в Порто, древнем городе, бывшем близ Остии, и Игнатий со спутниками продолжал путь в Рим. Множество христиан слезами выражали свою любовь к нему и скорбь. Игнатий не ошибся в предположениях своих. Римские христиане действительно искали средство избавить его от смерти. Но Игнатий повторил им то, что уже писал, и убедил их ничем не препятствовать его казни. Все вместе, на коленях, в пламенной молитве просили Бога даровать мир Церкви и укрепить сердца братьев взаимной любовью. Потом христиане со слезами обняли Игнатия, и воины отвели его на казнь. Огромный цирк был полон нетерпеливых зрителей; праздничные игры уже подходили к концу, нельзя было медлить. Во время пути к цирку Игнатий молился, призывая Христа. «Что ты все повторяешь это имя?» – спросили у него воины. «Оно у меня в сердце, потому и повторяют его уста», – отвечал епископ.

Мучения святого старца были непродолжительны. Едва он успел выговорить несколько слов, исповедуя веру свою, как два льва бросились на него и вмиг растерзали. Это было 20 декабря 107 года. Христиане с благоговением собрали оставшиеся кости мученика и доставили их в Антиохию вместе с повествованием о его кончине, написанным очевидцами, Филоном и Агафоподом. Они следующими словами заключают свой рассказ: «Мы, видевшие это собственными глазами, всю ночь потом провели дома в слезах, и с коленопреклонением и молитвою просили Бога утешить нас о случившемся. Когда потом мы немного заснули, некоторые из нас увидели блаженного Игнатия, стоявшего близ нас и нас обнимающего; другие видели его молящимся за нас; иные же – облитым потом, как после великого труда, и предстоящим Господу. С радостью увидев это и сравнив сонные видения, мы воспели хвалу Богу, Подателю благ, ублажали святого мужа, и записали для вас день и год его кончины, чтобы, собираясь в день его мученичества, иметь нам общение с подвижником и доблестным мучеником Христовым. Мы станем воспоминать жизнь и страдания его, и при воспоминании о нем прославлять Господа нашего Иисуса Христа».

Это послание было сообщено Антиохийской Церковью другим Церквам. Сохранилось также послание Поликарпа, епископа Смирнского, в котором он просит филиппийцев сообщить, что знают, об Игнатии. Взаимная любовь связывала воедино всю христианскую Цер-

ковь; радости, скорби были общие. Из послания о кончине Игнатия мы видим, что христиане имели обыкновение собираться в годовщину смерти мучеников, чтобы вместе молиться о них и совершать поминовение, причем, излагались повествования об их жизни и кончине. В посланиях своих Игнатий просил христиан молиться за него, будучи убежден, что общая братская молитва поддержит его силы; он упоминает и о молитве за умерших. «Очищайте дух мой, – писал он траллийцам, – не только теперь, но и тогда, когда я приду к Богу». День поминовения умершего за Христа не был для верующих днем скорби и сетования⁸¹. Они радовались святой радостью за брата, достигнувшего цели земной жизни и возродившегося в вечную жизнь. Поэтому день его кончины они называли днем его рождения. После молитвы на могиле усопшего совершалась обыкновенно вечеря любви; в этой трапезе участвовали все поминавшие усопшего, и нуждающимся раздавалось пособие.

Семь писем, или посланий, написанных Игнатием, дошли до нас и содержат драгоценные указания на тогдашнее состояние Церкви и церковного учения. Они очень уважались древней Церковью, как написанные учеником апостолов, близким им по времени и по духу. Содержание послания к римлянам мы уже отчасти знаем. В других посланиях: к Ефесянам, магнезийцам, траллийцам, филладельфийцам, к Церкви Смирнской и к Поликарпу, – Игнатий благодарит за оказанную ему любовь, отзывается с великой похвалой о присланных к нему епископах и дает христианам наставления и советы в духе любви и глубокого смирения. «Не приказываю вам, как что-либо значащий, – пишет он между прочим, – ибо хотя я и в узах за имя Христово, но еще не совершен во Христе: теперь только начинаю учиться... Я желаю страдать! Но не знаю, достоин ли я... любовь не позволяет мне молчать». Более всего Игнатий настаивает на необходимости единства веры, на покорности епископам как избранным Христом пастырям Церкви, на соблюдении мира, любви и согласия. В это время широкое распространение получили некоторые ереси. Игнатий старается оградить от них христиан, убедительно опровергает ложное учение докетов, утверждавших, что Христос имел только внешний образ человека, умоляет верующих удаляться еретиков и питаться только чистой пищей евангельского учения. Вместе с тем Игнатий напоминает об обязанности молиться о заблуждающихся. «Непрестанно молитесь о них, – пишет он Ефесянам, – ибо им есть надежда покаяния, чтобы прийти к Богу. Дайте им научиться из дел ваших. Против гнева их будьте кротки; против их велевечия смиренномудры; их злословию противопоставляйте молитву; их заблуждению – твердость в вере; против их грубости будьте тихи». «Все совершенство, – пишет он в другом послании (к смирнянам), – в вере и любви, коих нет ничего выше. Посмотрите же на тех, которые иначе учат о пришедшей к нам благодати Иисуса Христа, – как они противны воле Божией! У них нет попечения о любви, о вдовице, ни о сироте, ни о притесняемом, ни об узнике или освобожденном от уз, ни об алчущем или жаждущем». Эти слова доказывают, как дела милосердия считались обязательными для истинно христианского общества.

---

⁸¹ Согласно православному учению, всякий человек получает за гробом то воздаяние, какого заслуживает по вере и делам своей жизни. Однако Церковь может приносить Богу молитвы о помиловании отошедших от жизни христиан и облегчать их посмертную участь. Этим, как и почитанием памяти предков, обусловлено широкое употребление в Православной Церкви обычая поминовения усопших. В ближайший после Пасхальной недели вторник, Радоницу, Церковь обращает молитвы и воспоминания к предкам – к тем, кто совершил свой земной путь и почил в ожидании воскресения мертвых. После литургии совершается вселенская панихида, христиане посещают могилы родных и знакомых. Богослужебный Устав отводит еще несколько дней для общецерковного поминовения. Обычно это субботы, называемые родительскими: суббота перед масленицей, накануне второй, третьей и четвертой седмицей Великого Поста, перед праздником Святой Троицы, а также вторник Фоминой седмицы. Кроме этого, установлены особые дни памяти православных воинов, на поле брани убиенных: в субботу перед днем св. Димитрия Солунского (26 октября/8 ноября), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи (19 августа/11 сентября), в день Победы в Великой Отечественной войне, 9 мая. Помимо общецерковного, принято совершать также и частное поминовение умерших на домашней молитве или посредством раздачи милостыни. Датами памяти обычно являются 9-й, 40-й дни и годовщины кончины близкого человека.

Игнатий часто указывает на силу общественной молитвы, совершаемой в духе единства, любви и мира. «Собирайтесь чаще для Евхаристии и славословия Бога. Ибо если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные его дела. Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов» (Письмо к Ефесянам, XIII). О Евхаристии Игнатий учит, что она есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, та плоть, которая страдала за нас и которую Отец воскресил по Своей благодати.

Игнатия тревожило положение Сирской Церкви. Он ее поручал молитвам и любви верующих, но в пути был обрадован вестью, что после его отбытия гонение в Антиохии прекратилось. Он просил Поликарпа и других служителей малоазийских Церквей позаботиться о том, чтобы вновь собралась рассеянная гонением Антиохийская Церковь и были избраны священнослужители. В то время избрание делалось с общего согласия нескольких епископов и других членов Церкви. Св. Игнатий первый ввел в Церковь антифонное пение на два хора; это было вследствие небесного видения.

Но вопреки гонению число верующих возрастало, особенно в Малой Азии. В Вифинии языческие храмы почти опустели, в городах и весях исповедовали Христа. Это сообщает язычник, Плиний Младший, который был губернатором Вифинии. Ему ежедневно доносили на христиан и требовали их казни, но он не знал за ними преступлений. Тогда он решился написать императору и спросить, как поступать: подвергать ли казни христиан за то только, что они христиане, или лишь в том случае, если они окажутся преступниками?

Плиний описывает царю, как он действует, когда приводят к нему христиан: «Я спрашиваю у них, христиане ли они? Если они отвечают утвердительно, то я до трех раз повторяю вопрос свой, стараясь утратить их угрозами; если они упорствуют, то я осуждаю их на казнь, ибо каковы бы ни были их убеждения, их упорство уже достойно казни».

Плинию сделали анонимный донос на несколько человек, обвиняя их в исповедании христианской веры. Он призвал их, но все они сказали, что обвинение ложно, согласились совершить языческий обряд и даже хулить Христа. Плиний отпустил их, убедившись, что они, действительно, не христиане, «ибо, – пишет он, – нет возможности склонить к этому тех, которые воистину христиане». Драгоценное свидетельство язычника о твердости христиан!

Далее Плиний излагает то, что ему удалось узнать о христианах: что они собираются в известный день перед рассветом и поют Христу как Богу, что в тайных собраниях их не замечено никакого преступного замысла, но что они клятвенно обязуются жить честно, не красть, не обманывать, никакими мерами не присваивать себе чужого добра, свято хранить обещания свои.

Траян в ответе своем повелевает Плинию не стараться отыскивать христиан и не обращать внимания на анонимные доносы, но если будет формально доказано, что кто-то является христианином, то подвергать того казни, в случае если он не согласится отречься от веры. Это решение весьма мало облегчило участь христиан. Очень многие подверглись казни. В Вифинии, в числе многих, – две диаконисы, в Афинах – епископ Публий.

В последние годы царствования Траяна гонение почти прекратилось. Это происходило частью оттого, что внимание императора было обращено на иудеев, которые производили волнения в разных областях.

Траяну наследовал его племянник, Элий Адриан⁸². Он был очень предан язычеству и, хотя был человеком ученым, верил волшебству, заклинаниям и оракулам. Языческие

---

⁸² Адриан Элий (24.1.76–10.VII.138) – римский император с 11 августа 117 г., родом из Испании, как и его родственник и опекун император Траян. Был консулом и наместником в Паннонии и Сирии. Отказавшись от завоевательной политики, окончил Парфянскую войну. Много путешествовал по римским провинциям. Он значительно облегчил положение рабов и возвысил роль солдат в армии, дав им возможность подняться до сословия всадников. Адриан с особой жестокостью

жрецы имели на него сильное влияние, которое и употребляли против христиан, ненавидя их потому, что с распространением новой веры потеряли много выгод; языческие храмы пустели, и жертвоприношения становились редкими и скудными.

До нас дошло очень древнее повествование⁸³ о мученической кончине христианки Симфорозы и ее семи сыновей, вследствие происков жрецов. Вот как это случилось. На втором году своего царствования Адриан выстроил себе великолепный дворец в Тивуре⁸⁴ недалеко от Рима. В Тивуре жила христианка по имени Симфороза, мать семерых сыновей. Муж ее незадолго до того скончался мучеником за веру, но оставил ей большое богатство. Жрецы давно искали случая погубить Симфорозу, ненавидя ее как христианку и желая воспользоваться ее имуществом.

Когда дворец был готов, Адриан совершил все языческие обряды, обычные в таком случае, и через жрецов спросил у богов, долго ли простоит новый дворец? Хитрые жрецы отвечали как бы от лица богов: «Государь, мы не дадим тебе ответа, пока ты не положишь конец оскорблениям, которые наносит нам христианка Симфороза, призывая ежедневно Бога своего. Заставь ее принести нам жертву, и мы тогда дадим тебе ответ».

Адриан призвал Симфорозу и стал убеждать ее совершить обряды в честь богов, но христианка отвечала: «Государь, муж мой и брат его, оба служившие в войске твоём, предпочли смерть отречению от веры. Они перенесли страшные истязания, но не согласились воскурить фимиам в честь богов, которым ты поклоняешься. Может быть, людям смерть их показалась позорной; но она славна пред Ангелами небесными; теперь они наслаждаются нескончаемым блаженством и видят лице бессмертного Царя Небесного».

Разгневанный Адриан сказал Симфорозе: «Или сейчас же соверши жертвоприношение, или ты сама с сыновьями будешь принесена в жертву богам».

– Какое для меня счастье, если я удостоюсь восемь раз умереть за Бога моего! – воскликнула она.

– Не Богу твоему, а моим богам я принесу тебя в жертву, – сказал царь.

– Не они примут меня, – возразила Симфороза, – а Господь Бог, за имя Которого умираю.

Адриан продолжал убеждать ее, угрожать ей, но христианка была непреклонна. «Угрозы твои не устрашают меня, – говорила она, – я буду рада соединиться с мужем моим. Он умер за исповедание Иисуса Христа; я поклонюсь Тому же Богу, чего же ты ждешь?»

Адриан предал ее истязаниям и в конце концов приказал утопить. Брат ее, один из знатнейших граждан города, вынул тело из реки и предал земле.

На другой день Адриан призвал сыновей Симфорозы, тоже убеждал их отречься от Христа и совершить языческий обряд. Но они последовали доброму примеру родителей и удивили язычников своей непреклонной твердостью: все до одного скончались, претерпев страшные истязания близ храма идольского. Адриан велел бросить их тела в ров, и долго потом это место называлось гробницей семи казненных. Когда гонение прекратилось, христиане с почетом похоронили тела мучеников.

В Риме в это же время скончались св. София и три ее дочери: Вера, Надежда и Любовь. Призванные к царю, они молитвой готовились к священному мученичеству. Мать сама убеждала своих юных дочерей с радостью отдать жизнь за Христа. «Милые дети мои, – говорила она им, – не жалейте отдать за Бога временную жизнь; не сетуйте о молодости своей. Господь

подавил последнее крупное восстание иудеев под руководством Бар-Кохбы (132–135 гг.). В Риме Адриан вел интенсивное строительство (перестроил Пантеон, соорудил мавзолей – ныне замок святого Ангела), равно как и в Афинах, искусство которых он очень любил. Незадолго до смерти усыновил своего наследника Антонина Пия.

⁸³ Actes des martyrs de Ruimart.

⁸⁴ Тивур (около нынешнего Тиволи, близ Рима). И теперь там видны развалины древнего здания, называющегося Вилла Адриана.

наш Иисус Христос облечет вас в нетление, дарует вам жизнь вечную. Не прельщайтесь обещаниями царя, если он станет сулить вам богатые дары; все земное исчезнет, как дым; вечны одни дары небесные. Не страшитесь мучений; Господь подаст вам помощь Свою; Он укрепит и поддержит вас. Дети мои, вспомните, что я в страданиях родила вас, с большим трудом воспитала, и утешьте старость вашей матери твердым исповеданием имени Христа». Укрепленные молитвой и увещеваниями матери, девицы бесстрашно исповедали перед царем свою веру. Ничто не могло склонить их к отречению от Христа – ни обещания, ни угрозы. И все перед глазами матери скончались мученической смертью. Старшей было только двенадцать лет. Софию царь не предал мучениям, поняв, конечно, что все мучения бессильны над той, которая перенесла истязания своих детей. Ей даже позволили похоронить дочерей, и на третий день после их погребения она сама предала душу Богу.

Великомученик Евстафий Плакида тоже в это время удостоился мученической кончины. Он еще при Траяне был славным военачальником. Став христианином, отказался от почестей и богатства и пожелал удалиться со своей семьей в страну, где бы мог свободно служить Богу. Разными несчастными обстоятельствами он был разлучен с семейством, лишился имущества, должен был жить трудами рук своих. Но все это переносил терпеливо, ибо нашел высшее сокровище – веру истинную; утешения веры заменяли ему все земные блага. Но обстоятельства опять переменились. Евстафий Плакида нашел свое семейство и вновь стал важным сановником при царском дворе. Однажды, после великой победы, которую он одержал над врагами, царь позвал его в идольский храм. Плакида не пошел. «Как, – сказал Адриан, – тебе ли не благодарить богов, которые дали тебе столько благ, возвратили тебе семью, богатство и даровали победу над врагами?» – «Я христианин, – отвечал Плакида, – и благодарю Бога истинного. Не могу служить и поклоняться бездушным идолам». Разгневанный Адриан велел мучить его. Предали истязаниям также его жену и сыновей, которые показали такую же твердость, как он, и все скончались мученической смертью⁸⁵.

Упомянем еще Еспера и Зою, которые были рабами у одного богача-римлянина. Много утешений принесла христианская вера несчастным рабам, положение которых было крайне тяжким в языческом обществе. Раб жил всегда под страхом; вся его жизнь была полна трудов, лишений и страданий, не озарялась ни одним лучом надежды и радости. Что он мог ожидать в этой скорбной жизни? Смерти – уничтожения! Но явилась христианская вера и озарила светом вечности жизнь несчастного. Правда, христианская вера не изменила внешнего положения рабов; она не переделывала гражданских законов и отношений, но излагала правила, которые должны были вести к изменению их, внушая верующим взаимную братскую любовь. Она обращалась к господам словами апостола Павла: *Оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах* (Кол. 4, 1). А рабов учила: *Во все повинуйтесь господам вашим... не в глазах только служба им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу* (Кол. 3, 22–24). Христианская вера, не изменяя внешнего положения раба, придавала его жизни новый смысл. Она превращала в дело любви к Богу все то, что до сих пор было лишь принуждением. Тяжелая служба на земле превращалась в служение Христу; и как все, что делается для Господа, становилось делом всей души, выражением любви к Богу. Рабское чувство страха заменялось свободным чувством добровольного, горячего усердия к службе Божией. Раб уже смотрел на страдания свои как на испытание, посланное ему Богом, Отцом его. Ему указывалось на лучшую, вечную жизнь, где ему готовится наследие как возлюблен-

⁸⁵ Память великомученика Евстафия Плакиды, его жены Феопистии и чад их Агапия и Феописта (ок. 118 г.) празднуется Церковью 20 сентября/3 октября.

ному чаду Бога, сонаследнику Христа и наследнику Небесного Царствия. Самую низкую и несчастную долю вера озаряла небесным светом.

Еспер и его жена Зоя, будучи рабами в языческом доме, служили господам своим, как истинные христиане, от души, и своим сыновьям Кириаку и Феодулу внушали христианские правила. Но юноши тяготились своим рабством и в порыве неразумного усердия к Богу жаждали мученичества. Мать удерживала их, стараясь внушить покорность и терпение, объяснила, что они могут и среди язычников исполнить заповеди Христа и что никто не вправе подвергаться самовольно опасности. Но господин однажды потребовал от христианского семейства исполнения языческого обряда. До сих пор покорные во всем, благочестивые рабы отказались исполнить это повеление. Господин велел замучить Кириака и Феодула на глазах родителей, а потом всех бросить в огонь. Все они скончались, славя Господа⁸⁶.

Подобные примеры должны были очень удивлять язычников, преданных только земным наслаждениям и не ожидавших ничего после земной жизни. Они видели на конкретных примерах силу христианской веры, не понятную языческому обществу, внушающую слабым непоколебимую твердость, скорбящим – утешение, последователям своим – добродетели. Твердо веруя в будущую, лучшую жизнь, христиане бестрепетно и даже радостно шли на смерть. Их непоколебимое упование на Бога изумляло язычников, уже не веровавших ничему, и часто привлекало к христианскому учению. Таким образом вера укреплялась среди гонений. Но зато с каждым днем росла ненависть ее врагов: иудеев и жрецов, которые действовали всеми мерами против верных слугителей Христа: то распространяя о них ложные слухи, то возбуждая суеверный народ и представляя христиан виновниками всех общественных бедствий. Случались ли где голод, землетрясение, болезни, жрецы уверяли народ, что эти бедствия посланы богами в наказание за то, что христиане не почитают их. Они научали народ требовать их казни, как дела, удобного богам, и по их наущению часто все языческое население города приступало к начальникам, с криком требуя казни безбожников (так называли язычники христиан). Это чаще всего случалось во время потешных игр, которые во всех городах были любимой забавой. Весь собранный в цирке народ восклицал: «Христиан львам!» – и власти уступали этим требованиям, боясь волнения и мало дорожа жизнью людей, которых и сами ненавидели. Таким образом погибло огромное число христиан.

Не менее зла делали христианам и другие враги – лжеучители, которых к этому времени появилось очень много. Они большей частью принадлежали к так называемым гностикам. Учения их были разнообразными, но все они отвергали божественность Христа, приписывали сотворение мира зонам, или силам, и признавали два начала: добро и зло или свет и тьму. Сатурнин, Василид, Карпократ усердно распространяли свои лжеучения в Сирии и Египте; в Александрии эти ереси имели много приверженцев и сливались то с понятиями восточной и греческой философии, то с предубеждениями иудействующих сект. Удивительнее всего было то, что многие из еретиков, проповедовавших учение, совершенно противоположное христианству, называли себя христианами и даже выдавали себя за знающих все тайны христианского учения.

Чтобы успешнее распространять свои мнения, они написали много книг, которые выдавали за писания апостолов и древних патриархов; сочиняли ложные евангелия, в которых рассказывали разные басни о детстве Иисуса Христа, о сошествии Его в ад и тому подобное. Большая часть этих еретиков вела жизнь, не согласную с Евангельским учением. Одни, проповедуя, что надо побеждать плоть духом, не знали другой добродетели, кроме воздержания, другие, считавшие, что все действия человека безразличны, вели жизнь самую беспечную и развратную и учили, что можно отречься от веры во время гонений. Их раз-

---

⁸⁶ Их память Святая Церковь чтит 2/15 мая.

вратная жизнь подавала повод к несправедливым нареканиям на христиан, ибо язычники не могли понять разницу между их учением и учением Евангельским и, судя об этом по их образу жизни, обвиняли всех христиан в безнравственности. Более чем когда-либо стали распространяться самые нелепые слухи о христианах. Рассказывали, будто они потому не допускают посторонних присутствовать при совершении их таинств, что в собраниях своих предаются ужаснейшему бесчинству и совершают страшные преступления, что новоприсвященному обыкновенно подают, под видом хлеба, живого младенца, посыпанного мукой, которого он должен резать, после чего все пьют кровь младенца и едят его тело. Так извращалось в понятиях язычников приношение Бескровной Жертвы и вкушение во время Евхаристии Тела и Крови Спасителя. Эти ложные обвинения и гонения тогда побудили некоторых христиан защищать письменно свою веру. Не силой отражали христиане удары, направленные против них, но изложением истины доказывали безукоризненность учения и свою нравственность – образом жизни.

Кодрат, епископ Афинский, ученик апостолов, написал апологию, или рассуждение в защиту христиан, и подал ее Адриану, когда тот посетил Афины⁸⁷. То же самое сделал и другой афинский христианин, Аристид. В этих апологиях опровергалась клевета, возводимая на христиан. Адриан был человеком любознательным. Он изучал философские системы, внимательно слушал прения ученых. До сих пор христианская вера была известна ему лишь из отзывов язычников или александрийских гностиков. Правдивое изложение святого учения сильно подействовало на него, и он запретил осуждать христиан без улики в вине.

Вскоре после этого другое обстоятельство послужило на пользу христианам. Один честный язычник, Серений Граниан, проконсул в Малой Азии, написал императору письмо, в котором сообщал, что несправедливо уступать воплям народа и предавать смертной казни людей, не уличенных ни в каком преступлении, а лишь потому, что они христиане. Адриан повелел проконсулу обратить на это должное внимание. «Если могут доказать свои обвинения на христиан, то пусть обращаются к суду, а изветы и вопли оставят, – писал Адриан. – Если обвинитель докажет, что христиане нарушили закон, то решай дело по мере преступления. Но кто вздумает только клеветать на них, того принимай за злодея и заботься, чтобы он был наказан».

Этот указ положил конец третьему гонению, и Адриан в последние годы своего царствования смотрел на христиан довольно благосклонно. Один древний писатель, Лампридий, уверяет даже, что он хотел причислить Иисуса Христа к богам. В некоторых указах, изданных в эту пору, видно влияние христианства. Адриан запретил приносить в жертву богам людей, отнял у господ право предавать смерти рабов и вообще сделал некоторые распоряжения, чтобы смягчить их участь.

Общее внимание было, впрочем, в это время отвлечено восстанием, вспыхнувшим в Иудее. Иудеи уже давно волновались, стараясь свергнуть ненавистное иго. В конце царствования Траяна они восстали и во многих странах совершили ужасные злодеяния. В Александрии они врасплох напали на жителей и умертвили до 200 000 человек, замучив их. Исступление доходило до того, что они пили кровь убиенных. В Кипре иудеи тоже перебили до 240 000 человек. Эти злодеяния вызывали и страшные возмездия со стороны язычников, и Траян сильным войском усмирил волновавшихся иудеев. Адриан в начале своего царствования посетил Иерусалим и возбудил сильное негодование иудеев, поставив идольское капище на том месте, где стоял Соломонов храм. Но иудеи были бессильны. Скрыв свою злобу, они в продолжение многих лет тайно готовились к восстанию, совещались, устраивали потаенные

---

⁸⁷ Сведения об «апостольском муже» Кодрате скудны. Кратко о нем упоминают Евсевий Кесарийский и блаженный Иероним. Когда император Адриан приехал в Афины для посвящения в Элевсинские мистерии, в 124–126 гг., Кодрат лично передал ему свою апологию «В защиту нашей веры».

подземные ходы для снабжения городов оружием и припасами. Явился между ними человек смелый и предприимчивый, по имени Варкохеба (Варкохба), что значит «сын звезды», и стал во главе недовольных. К нему пристало множество народа. Он выдавал себя за Мессию, применяя к себе ветхозаветные пророчества, и одушевлял своих приверженцев надеждой на освобождение. Варкохеба старался привлечь к себе и иудейских христиан; но так как он требовал от них, чтобы они признали в нем Мессию и отреклись от Христа, то христиане не поддержали его, и он замучил и умертвил многих из них. Между тем шайка Варкохебы росла с каждым днем, и в 135 году вспыхнуло восстание. Адриан послал сильное войско против мятежников; Иерусалим, лишенный своих твердых укреплений, был скоро взят. Но другой город, Вифара, держался долго. Иудеи, одушевленные твердой верой в своего предводителя и надеждой на независимость, защищались так упорно, что война продолжалась около четырех лет. Наконец римляне одержали верх. Около 600 000 иудеев погибло, много было продано в рабство. Иерусалим был вновь разрушен, и плуг прошел по тому месту, где прежде стоял храм⁸⁸.

На развалинах города возник новый город, с другим названием и иными жителями. Иерусалим стал называться Елией Капитолиной, и иудеям было запрещено, под страхом смертной казни, селиться вокруг древнего Сиона и входить в город. Только раз в год, в годовщину разрушения Иерусалима Титом, им дозволялось, да и то за деньги, взглянуть издали на место, где была их святыня, для воспоминания бывшего поражения и всегдашнего изгнания.

Это запрещение не касалось иудейских христиан, не принимавших участия в войне. Они сохранили свое место жительства, и епископ Елийской Церкви всегда пользовался почетом у прочих епископов. Но Адриан захотел стереть и память о тех местах, которые были дороги христианам. Языческие капища и изображения были поставлены на Голгофе, над вертепом Вифлеемским, над пещерой гроба. Между тем иудейские христиане все более и более удалялись от иудеев и после падения Иерусалима в первый раз избрали себе епископа из обращенных язычников, Марка. Секты же иудействующие, эбиониты и назореи, еще ближе слились с гностиками, строго сохраняя, притом, обряды Моисеева закона.

Иудеи, приписывая свои бедствия отклонению от закона, вдалились в самые мелкие исследования и изучение его, и для этого устроилась в Тивериаде школа раввинизма. Объясняя каждое слово Священного Писания и в буквальном смысле, и в иносказательном, толкователи дошли до того, что совершенно изменили и извратили смысл слова Божия. Эти толкования положили начало новой законодательной книге – Талмуду. Иудеи были рассеяны по разным областям. Двум верховным главам их давалось название патриархов. Один жил в Тивериаде, а другой в Вавилоне.

Из христианских писаний того времени, дошедших до нас, замечательно послание епископа Кодрата к Диогнету. «Христиане, – говорит он, – не отличаются от других людей ни местом происхождения и жительства, ни языком, ни жизнью гражданской... Они живут в городах своих, как странники, принимают во всем участие, как граждане, и все терпят, как путники... Живут по плоти, но не для плоти; повинуются законам, но своею жизнью стоят выше законов. Их не знают, но обвиняют; убивают их, но они живы; бедны они, но обогащают других; ничего не имеют, а всегда довольны... Душа находится во всех членах тела, и христиане – во всей земле. Откуда все это? Это – не дело человека, это – сила Божия. Кто основатель веры христианской? Сам все-могущий Бог, Творец мира, ниспослал с неба истину, святое и непостижимое Свое Слово... Пришедший к нам Строитель вселенной, Тот, чрез Которого советы сохраняются стихиями, по манию Которого солнце совершает течение свое, Которому покорено небо и все, что на небе, – земля и все, что на ней. Прежде прише-

⁸⁸ По римским законам, на том месте, где прошел плуг, нельзя уже было воздвигать зданий без особого дозволения сената.

ствия Его на землю никто не видел Бога, никто не мог знать Его. Он Сам явился и теперь являет миру; вере дано преимущество видеть Его».

Кодрат замечает, что в христианстве знание и жизнь в тесной связи, что верного знания не может быть без чистой жизни, ни жизни правильной без знания. Он излагает самое точное учение об искуплении людей через Сына Божия, Царя и Судию мира, Бога и Господа. «Когда пришло время, которое назначил Бог для явления Своей благодати... тогда принял Он на Себя наши грехи. Он отдал собственного Сына в искупительную цену за нас – Святого за нечестивых, Безгрешного за грешников, Праведного за неправедных, Бессмертного за смертных... Какое неизреченное мудрое дело Творца!.. Неправда многих покрыта правдой Единого!.. Так мы узнаем здесь и полную неспособность, совершенное бессилие нашей природы участвовать в жизни, и Спасителя нашего, Которым невозможное стало возможным».

Такое высокое, чистое учение о Сыне Божиим и искуплении грехов было очень противоположно учению гностиков, которые отвергали Божественность Христа и, следовательно, искупление. Основываясь на том, что человек не в силах победить злого начала, они вели самую развратную жизнь. Настоящий же христианин, сознавая слабость своей греховной природы, побеждает зло силой и любовью Христа, искупившего его.

В царствование Адриана жил замечательный христианский писатель, Егезипп, обращенный из иудеев, первый повествователь церковной истории. Его история не дошла до нас, но некоторые отрывки из нее сообщает позднейший историк Евсевий.

Глава XIII

Святой Иустинн-мученик. Четвертое гонение

Указ Адриана в пользу христиан потерял свою силу при его наследнике, Антонине Пин. Вновь начались доносы и казни. Тут Господь даровал служителям Своим смелого защитника в лице Иустина Философа, которого Церковь ублажает под именем Иустина-мученика⁸⁹.

Иустин родился в начале II века в самарийском городе Сихеме, называемом также Флавием Неаполем. Родители его, богатые язычники, дали ему хорошее образование, и он с ранних лет пристрастился к науке, но не нашел в ней, чего искал. Он не мог верить языческим богам, и его томило желание узнать истину, которая бы успокоила его душу, указав ему, к чему он должен стремиться и что именно есть цель и назначение человека. Он смутно чувствовал, что человеку необходимо познание Божества. В то время философы имели школы, и каждая утверждала, что только в ней одной можно найти истину. Иустин решил изучать философию. Первый философ, к которому он обратился, принадлежал к школе стоиков. Стоики учили, что человек должен жить для добродетели и в себе одном находить силу побеждать страсти и равнодушно переносить все невзгоды; они не искали Бога и не считали это нужным. Это учение не удовлетворило Иустина. Он обратился к другому философу, который, спустя некоторое время, потребовал от него платы. Это неприятно поразило Иустина. Он считал, что преподавание мудрости есть дело высокое и святое, а не ремесло, приносящее доход. Третий учитель, скрывая от него тайны своего знания, потребовал, чтобы он изучал музыку, геометрию и астрономию. Наконец Иустин обратился к философу Платоновой школы. Учение Платона очень понравилось Иустину.

«Мне нравились, – писал он, – размышления о предметах мира невещественного; созерцание идей окрыляло мой ум; в короткое время я успел столько, что начал считать себя мудрым и надеялся вскоре созерцать Самого Бога, ибо Сей есть конец Платоновой философии».

Иустин часто искал уединения, чтобы беспрепятственно предаваться своим размышлениям. В одну из своих прогулок по морскому берегу он встретил старца и вступил с ним в беседу. Иустин сам в своей книге «Разговор с Трифоном-иудеянином» рассказывает об этой встрече и передает свою беседу со старцем. Беседа вскоре коснулась самых высоких

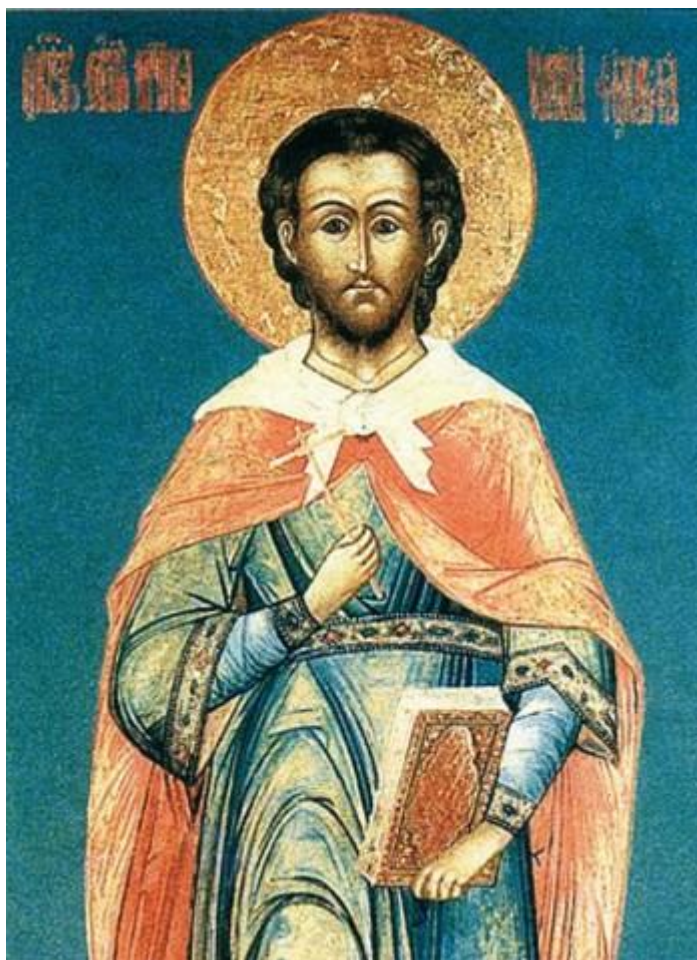
---

⁸⁹ Мученик – по-гречески «мартирос» – свидетель или свидетельствующий (о Христе). Мученичество есть одна из форм проявления христианской ревности и благочестия, необходимая в условиях открытых гонений на веру и Церковь. Угрозы и требования отречения от Христа побуждают уверовавшего следовать по пути решительного отказа от мира и компромиссов с ним, претерпевать муки и жертвовать самой жизнью своей для сохранения доброй совести и во имя свидетельства истинности Евангелия. В первые века гонения на христиан иудеев и римских властей имели массовый характер и были крайне жестокими. Подвиг мученичества, как и подвиг апостольского благовестия, часто оканчивавшийся заточением, пыткой и смертью, являлся главным для древней Церкви. Помимо сохранения обетов верности Христу, мученичество понималось как способ уподобиться Ему, духовно усовершенствоваться, достичь святости. Именно поэтому многие, желая полнее разделить со Спасителем чашу его страданий, ненависть мира и дьявола, выходили на мученический подвиг без принуждения, добровольно. Мученичество послужило умножению славы Церкви и способствовало быстрому распространению христианства, ибо показывало нравственное превосходство христиан над противниками. Уже во II веке мучениками восхищаются, их почитают как совершенных христиан, перешедших от земли в Небесную Церковь. Церковные общины отмечают дни памяти их; на месте страданий появляются храмы и жертвенники; мощи страдальцев сохраняются как святыни. В последующие времена подвиг мученичества уступает главное место в Церкви другому похожему подвигу – аскетическому. Очищающую и возвышающую роль, подобную страданиям от мучителей, в аскезе имеет добровольное перенесение христианином лишений и тягот аскезы как подражание смирению Сына Божия, добровольно сошедшему в земной мир греха и страдания. На этом, однако, подвиги мученичества не прекращаются; они совершаются на протяжении всей христианской истории. Гонения на веру еретиков и нечестивых правителей пополняют церковные мартирологи (списки мучеников) новыми именами. В новейшей истории множеством мучеников отмечены годы коммунистических преследований Церкви в России. Память новомучеников и исповедников Российских отмечается в воскресенье 25 января или ближайшее после 25 января (по церковному стилю).

предметов: Бога, бессмертия души, познания истины. Иустин превозносил учение Платона, говоря, что философия есть высшая наука, ибо она есть познание истины. «Счастье же, – говорил он, – есть награда за такое знание и мудрость». Старец опровергал, что философия может дать полное понятие о Боге, и доказывал, что для познания Бога недостаточно ни ума, ни науки, а нужно откровение свыше; что ум человеческий, не просвещенный Духом Святым, не может уразуметь Божества.

«Где же мне найти истину, – спросил Иустин, – если ее нет и в учении Платона?»

Старец указал Иустину на пророков. «Во времена, отдаленные от нас, – говорил он, – ранее всех философов, жили мужи святые, праведные и угодные Богу, которых звали пророками. Они говорили, будучи научены Духом Святым, и предсказали то, что ныне и сбылось. Они возвестили людям истину; не зная страха, не ища себе славы, они говорили то, что слышали и видели, когда были исполнены Святого Духа. Писания их существуют поныне и содержат то, что должно знать истинному философу... Они прославляли Творца всего, Бога и Отца, и возвещали о посланном от Него Христе, Сыне Его... Но прежде всего, молись, чтобы отверзлись для тебя двери света; ибо писания могут понять только те, которым Бог и Христос Его дадут уразуметь их».

Святой мученик Иустин Философ. Икона

Старец удалился, и Иустин уже более никогда не встречал его, но его слова возбудили в нем сильное желание изучать писания пророков. «В сердце моем, – говорит он, – возгорелся огонь, и меня объяла любовь к пророкам, которые суть друзья Христовы». Он начал изучать Священное Писание и, с помощью Божией, вскоре убедился в истине христианской веры; он всей душой возлюбил Христа и нашел свет, покой и отраду в Евангельской истине.

Прежде чем принять Святое Крещение, Иустин пожелал ближе узнать христиан, увидеть, исполняют ли они точно, что повелел им Спаситель. Христиан обвиняли в разврате, в преступлениях, все их ненавидели и преследовали, но Иустин видел, что они встречают смерть без страха, и уже одно это почел он доказательством их праведной жизни. «Человек, преданный страстям и находящий блаженство в земных наслаждениях, не может охотно встретить смерть», – думал он. Чем ближе Иустин знакомился с христианами, тем более он убеждался в ложности обвинений, возводимых на них, тем более он любил их за кротость, терпение, милосердие, твердость духа. На тридцатом году от роду он принял Святое Крещение, и отселе вся деятельность его была посвящена Богу и ближним. Он обходил разные страны, проповедуя слово Божие, ибо считал своей священной обязанностью сообщать другим истину, которую узнал. «Кто может возвещать истину и не возвещает, тот будет осужден Богом», – писал он. Он сильно убеждал язычников отстать от ложного богочитания и искать истину в святом учении, которое одно дает отраду и покой, очищая душу от всего дурного⁹⁰.

Иустин прибыл и в Рим, где открыл училище. Он носил мантию философов, но преподавал уже не языческую, а христианскую философию, возвещал слово Божие и спасение через веру в Христа. В Риме в ту пору было много лжеучителей. Из Египта и Сирии прибыли еретики из секты гностиков, Валентин и Кердон, которые активно распространяли свои лжеучения, выдавая их за христианскую мудрость⁹¹.

К ним присоединился и третий ересеначальник, Маркион, который за развратную жизнь был отлучен от Церкви своим отцом, епископом в Понтийской области. Маркион прибыл в Рим, надеясь тут найти больше снисхождения, но Римская Церковь не согласилась принять его без разрешения его отца. Рассерженный отказом, Маркион сказал римским пресвитерам: «В таком случае я поселю вечный раздор в Церкви вашей», – и, пристав к Кердону, начал распространять нелепое учение о сотворении мира злым духом. Иустин в Риме много спорил с еретиками и с языческими философами, его школа посещалась большим числом учеников, которые с удовольствием слушали его слова, исполненные мудрости и живого, увлекательного красноречия.

В это время не было явного гонения, но ненависть язычников к христианам всегда находила средства вредить им, так что христиане нигде и никогда не могли считать себя в полной безопасности. К этому времени Церковь относит мученическую смерть святой Филицитаты и семи ее сыновей, казненных в Риме за то, что отказались совершить жертвоприношение богам. Язычники только и выжидали удобного случая, чтобы возбудить новое гонение и вынудить императора на строгие меры против ненавистных им христиан. Случай скоро представился. В Малой Азии были часты сильные землетрясения, и язычники стали требовать казни христиан как виновников бедствия. Вновь начались пытки и казни, опять стали распространять ложные обвинения на христиан, называть их безбожниками, преступниками, злодеями, заговорщиками. Тогда Иустин написал апологию, в которой, требуя от царя суда и справедливости, ясно и подробно излагает учение христиан, обряды их богослужения, их образ жизни. Эту апологию он сам подал императору Антонину в 150 году. Она дошла до нас и содержит драгоценные указания на образ жизни христиан и на состояние церковного учения в то время.

В этой апологии Иустин просит государя рассмотреть, в чем заключается вина христиан, а не осуждать их за одно только название. Речь его тверда и смела, она обращена к императору, к сыну его, к сенату и к римскому народу. «К вам, – говорит он, – я обраща-

---

⁹⁰ Слова из увещания Иустина к эллинам.

⁹¹ Может показаться странным, что еретики так тщательно старались выдавать свои учения за христианские, когда христиане были гонимы. Но они не считали грехом отречься от веры в случае опасности.

юсь с моим словом и прошением за людей из всех народов, несправедливо ненавидимых и гонимых... Вы называетесь благочестивыми и философами, блюстителями правды... теперь окажется, таковы ли вы на самом деле. Мы предстали пред вами, не с тем, чтобы льстить вам, но требовать, чтобы вы судили нас по строгому и тщательному исследованию, а не руководствовались предубеждением или угодливостью людям суеверным, не увлекаясь неразумным порывом или давней, утвердившейся в вас, худой о нас молвой... Чрез это вы произнесли бы только приговор против самих себя. Что касается нас, мы убеждены, что ни от кого не можем потерпеть вреда, если не обличат нас в худом деле... Вы можете умерщвлять нас, но вреда сделать нам не можете».

«Нас называют безбожниками, – говорит он далее. – Сознаемся, что мы безбожники в отношении к мнимым богам, но не в отношении к Богу истиннейшему, Отцу правды и всех добродетелей и чистому от всякого зла... Мы чтим благоговейным поклонением Его и Его Сына, а равно и Дух Пророчественный, воздаем сию почесть словом и истиной, открыто преподавая всякому желающему поучиться тому, чему сами научены...»

Мы не приносим жертв; нам передано, что Бог не нуждается в вещественных приношениях от людей. Он, Который, как мы видим, Сам подает все нам. Мы научены, убеждены и веруем, что Ему приятны только те, которые подражают Ему в Его совершенствах... Он не требует крови, возлияний и курений; мы славим Его, по мере сил, словом молитвы и благодарения во всех приношениях наших... Данное Им для нашего пропитания мы не истребляем огнем, но употребляем для себя и для нуждающихся, а Ему возносим благодарность за то, что мы сотворены, за все средства к благосостоянию нашему, за перемены времен; Ему мы воссылаем прошения о том, чтобы нам воскреснуть для нетления по вере в Него...

В нашей воле отречься при допросах, только мы не хотим жить обманом. Мы желаем вечной и чистой жизни, мы стремимся к пребыванию с Богом.

Когда вы слышите, что мы ожидаем Царства, то напрасно полагаете, что мы говорим о каком-либо царстве земном, между тем как мы говорим о царствовании с Богом; это ясно из того, что при допросе мы признаемся, что мы христиане, хотя знаем, что нам за то предлежит смертная казнь...

Что касается до общественного спокойствия, то мы содействуем и способствуем к тому более всех людей, ибо мы веруем, что никто не может сокрыться от взора Господа: ни злодей, ни корыстолюбец, ни злоумышленник, ни праведник, и что Господь воздаст нам по делам нашим вечное мучение или спасение; между тем как язычники знают, что от вас как от людей можно скрыть преступления... Мы везде стараемся прежде всего платить подати и повинности постановленным от вас сборщикам, ибо такова заповедь Христа... Мы поклоняемся единому Богу; но в других отношениях и вам охотно служим, признавая вас царями и правителями людей и молясь о том, чтобы вы, при царской власти, были одарены и мудростью».

«Впрочем, – прибавляет он, – знайте, что истинно только то, что говорим мы, узнавши от Христа, от предшествовавших Ему пророков, которые древнее всех писателей ваших. И надо верить словам нашим не потому, что мы говорим сходное с ними, но потому, что говорим истину, как научил нас Иисус Христос, единый собственно Сын Божий, первенец и сила, по воле Бога сделавшийся человеком».

Апология Иустина описывает подробно, как совершались Таинства Крещения, Евхаристии, как происходило богослужение. Желавший принять Крещение готовился к этому молитвою и постом; все братья молились о вновь уверовавшем, прося Господа простить ему грехи и помочь исполнять закон христианский; затем погружали крещаемого в воду во имя Бога Отца, Творца и Вседержителя мира, во имя Иисуса Христа Спасителя и во имя Духа Святого. Некоторые древние историки упоминают о книге Иустина, известной под названием «Певец». Очень жаль, что она не дошла до нас; вероятно, она сообщила бы нам, какие гимны и священные песни употреблялись в то время при богослужении.

О Евхаристии Иустин сообщает, что к этому таинству могли приступать только те, которые омыты водой Крещения во оставление грехов и в возрождение к жизни. «Мы не принимаем пищу сию, – говорит он, – как простой хлеб и вино; но мы научены и веруем, что пища сия, над которой произнесено благодарение при посредстве молитвы слова Христа, по предложении питающая нашу кровь и плоть, есть Кровь и Плоть Самого воплотившегося Иисуса...

В день воскресный, называемый днем солнца, все живущие в городах и весях сходятся в одно место. Тут читают писания апостолов и пророков, пресвитеры убеждают верных следовать правилам, изложенным им. Потом мы все молимся; приносят хлеб и вино, над которыми совершаются молитвы и благодарения; сии Святые Дары раздаются присутствующим, и диаконы разносят их отсутствующим⁹². После богослужения братья делают приношения по силам: эти деньги употребляются на содержание вдов, сирот, больных, узников, и вообще всех нуждающихся. Мы собираемся в день воскресный в воспоминание того, что Бог сотворил мир, и что в этот день Иисус Христос воскрес из мертвых».

Апологию свою Иустин заключает следующими словами: «Если все сказанное мною кажется вам согласно с разумом и истиною, то уважьте; если же кажется вам пустословием, то оставьте это как пустословие; но не подвергайте смертной казни невинных ни в чем людей. Мы наперед говорим вам, что не избежите будущего Суда Божия, если не отстанете от неправды; мы же во всяком случае воскликнем: что Богу угодно, то пусть будет».

Эта апология подействовала на Антонина. Он запретил предавать христиан суду и казни за веру, велел строго взysкивать за ложные обвинения и вообще поступать по указу Адриана. В одном письме азийскому обществу император даже указывает язычникам на твердость духа христиан, сравнивает их покорность Богу во времена бедствий с отчаянием, которому в подобных случаях предавались язычники. «У них, – говорит он, – является вследствие обвинения готовность умереть за своего Бога; полагая жизнь свою, но не соглашаясь делать то, что вы от них требуете, они выходят победителями».

Иустин в ревности к вере опять посетил далекие страны, обходил области Малой Азии, опровергая еретические учения и изъясняя слово Божие. Его звание философа внушало уважение язычникам, и множество слушателей собиралось вокруг него. До сих пор язычники, между прочими своими возражениями, говорили, что христианскую веру принимают только люди необразованные. Но вот они видели и философа, который, изучив всю эллинскую премудрость, дошел до убеждения, что истинная мудрость только в учении Христовом. Теперь уже часто встречались такие примеры. Например, Аристид, подавший апологию императору Адриану, был греческим философом, обратившимся к Христу. Глубокое изучение философских систем приводило к убеждению, что они не раскрывают истины, но надо искать иного. И добросовестные усердные искатели, с помощью Божией, приходили к единой истине. В это время христиане очень заботились о распространении науки и образованности, заводили училища, в которых занимались и эллинской премудростью, чтобы успешнее опровергать

---

⁹² Просфора квасной (поднявшийся), чистый, пшеничный хлеб, используемый при совершении Литургии. Название «просфора» означает по-гречески «приношение». В обычае древних христиан было приносить хлеб, вино и все нужное для богослужения, поэтому и самый хлеб назывался просфорой. Просфора печется круглой и состоит из двух частей – по образу двух естеств Иисуса Христа: Божественного и человеческого. На верхней части просфоры имеется печать с изображением креста и по углам его – начальные буквы Христа Спасителя IC XC – и греческого слова: NI-KA; это означает: Иисус Христос побеждает. Всего для первой части литургии, называемой проскомидия, употребляется пять просфор в воспоминание чудесного насыщения Христом пятью хлебами более пяти тысяч человек. Первая просфора называется Агничной, вторая – Богородичной, третья – девятичинной (в честь святых). Из четвертой вынимаются частицы за живых, из пятой – за умерших. Для причащения употребляется одна просфора (Агнец), по слову апостола: Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемы от одного хлеба (1 Кор. 10, 17), а потому по своему размеру эта просфора бывает довольно большой, по числу причастников.

возражения философов. Все это было тем необходимее, что лжеучители везде распространяли свои толкования.

После довольно долгих странствований Иустин снова прибыл в Рим, около 162 года. Там уже царствовал сын Антонина, Марк Аврелий, прозванный Философом⁹³. Он был приверженцем языческих обрядов и следовал учению стоиков, учивших, что Бога нет и что одно достоинство человека должно внушать ему добродетель и твердость духа. Марку Аврелию, искреннему последователю этого учения, могла, конечно, казаться презрительной вера, которая признавала слабость человека и необходимость прощения и спасения через Искупителя. Языческие философы имели на него сильное влияние и пользовались этим, чтобы усилить его предубеждения против христиан. Вскоре после его воцарения гонение, на время прекращенное, вспыхнуло с новой силой.

Впрочем, не мешает здесь заметить, что, хотя церковные историки насчитывают десять гонений на христиан, трудно точно определить, когда именно кончалось одно и начиналось другое. Христиане, ненавидимые властями и народом, везде и всегда подвергались строгим мерам. Когда вследствие какого-нибудь царского указа или человеколюбия правителя гонение несколько утихало в одной области, оно часто продолжало свирепствовать в другой. Строгие указы против христиан не отменялись, но исполнялись с большей или меньшей точностью по произволу правителей, и в продолжение первых веков христиане нигде не пользовались полной безопасностью. Но те времена, когда появлялись вновь строгие указы против них, и называются, собственно, временем гонений. Первое гонение было при Нероне, второе при Домициане, третье при Траяне и, после краткого промежутка, при Адриане, четвертое, начатое при Антонине, было на время прекращено вследствие апологии Иустина, но вновь разгорелось при Марке Аврелии.

Невзирая на опасность, Иустин продолжал открыто учить и проповедовать, часто спорил с философами, покровительствуемыми императором, и, между прочим, с одним философом по имени Кресцент, который вел очень развратную жизнь. Кресцент возненавидел Иустина и искал возможность погубить его. Иустин знал, что его жизнь в опасности, но свидетельство об истине было для него дороже жизни.

Случилось, что в эту пору одна женщина очень развратного поведения *была* обращена в христианскую веру. Она совершенно изменила свою жизнь и старалась отвлечь и своего мужа от порока и разврата. Это ей не удалось, и ее муж принес жалобу начальству на обратившего ее христианина. Его взяли, и на вопрос – христианин ли он? – получили утвердительный ответ и заключили его в темницу, а через некоторое время повели на казнь. Когда его вели, ему встретился другой христианин, по имени Люций. Узнав о причине его осуждения, Люций отправился к префекту (или губернатору) и сказал ему: «Как можно предавать казни человека, не виновного ни в каком преступлении, а только потому, что он христианин и признает себя таковым?»

– Видно, и ты принадлежишь к этой секте? – сказал префект.

Люций отвечал утвердительно, и префект велел тотчас же и его вести на казнь. Третий христианин был затем осужден таким же образом.

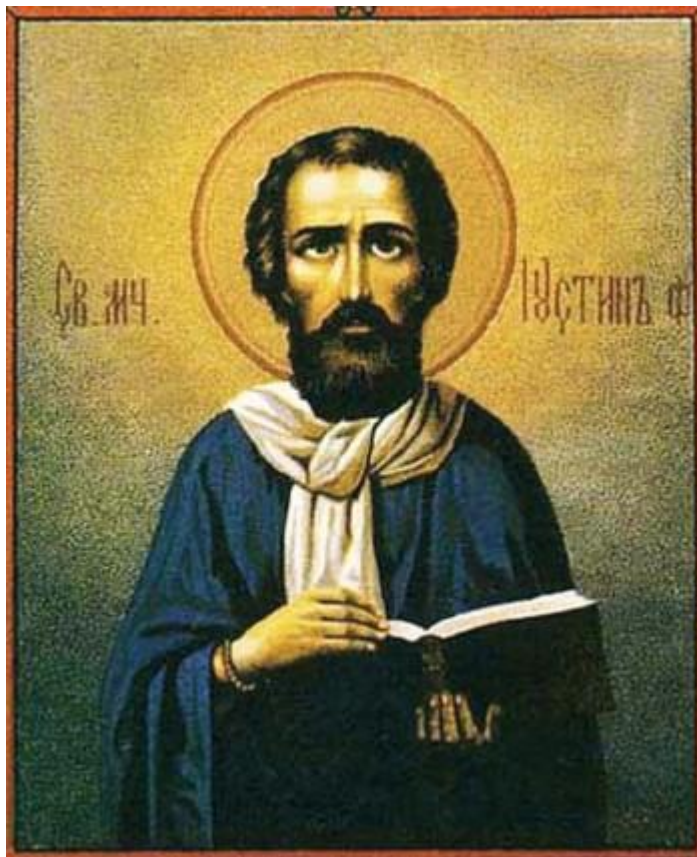
Эти незаконные поступки побудили Иустина вновь обратиться к правосудию императора, он написал вторую апологию, в которой, защищая христиан, опять старался убедить

---

⁹³ Марк Аврелий Антонин (26.IV.12117.III.180) римский император с марта 161 г. Из senatorской семьи, был усыновлен по желанию императора Адриана своим дядей Антонином Пием. С 161 по 169 гг. правил вместе со своим сводным братом Луцием Вером. Вел ожесточенные оборонительные сражения на окраинах империи. Во внутренней политике стремился к согласию с сенатом, законодательному облечению положения рабов и развитию системы колоната. По своим внутренним убеждениям Марк Аврелий был убежденным сторонником философии стоиков и сам являлся видным представителем этого учения. Обращая много внимания на необходимость внутреннего самоусовершенствования, помощи ближним и признавая божественность происхождения разума, он, однако, критически относился к христианству.

императора, что несправедливо преследовать за веру. Из нее мы видим, между прочим, что язычники подвергали пытке рабов, женщин, детей, чтобы вынудить от них обвинения против христиан. Иустин подал эту апологию императору Марку Аврелию, но она не произвела желаемого действия. Иустин предвидел, что скоро сам будет призван к ответу за свою веру. «Я знаю, – писал он, – что философы уловят меня своими ковами; ожидаю этого от Кресцента».

Святой мученик Иустин Философ. Икона

Действительно, вскоре Иустин и с ним еще пять человек были приведены к префекту Рустiku как обвиненные в исповедании христианской веры. Рустик был прежде наставником императора.

На вопрос Рустика, христианин ли он, Иустин отвечал твердым исповеданием своей веры и прибавил: «Я старался познакомиться со всеми системами философии, но, наконец, склонился к истинному учению христиан, хотя оно и не пользуется уважением людей, зараженных ложными мнениями».

– Несчастный! – воскликнул префект. – Так и ты увлечен этим учением?!

– Я христианин, – отвечал Иустин, – и убежден, что следую пути истины.

– В чем состоит учение христиан? – спросил Рустик. Иустин отвечал: «Мы веруем во единого Бога, Творца и Зиждителя творения видимого и невидимого; и исповедуем Господа Иисуса Христа, Сына Божия, предвозвещенного пророками. Вестника спасения и Учителя истины, Который будет судить мир... Но я, как простой человек, не могу удовлетворительно говорить о Его бесконечном Божестве; о нем говорили вдохновенные Богом пророки».

Префект спросил, где христиане собираются для богослужения. Иустин отвечал, что для этого не имеется определенного места. «Бог христиан, – сказал он, – везде принимает от верующих поклонение и прославление».

– Где учишь ты учеников своих?

Иустин указал место жительства своего, прибавив, что он никогда ни от кого не скрывал истины и охотно поучал всех, кто приходил к нему.

– Итак, ты признаешь себя христианином? – повторил префект.

– Да, – отвечал Иустин.

Затем префект сделал тот же вопрос каждому из христиан, взятых вместе с Иустином. Все объявили, что веруют в Бога истинного.

Рустик опять обратился к Иустину: «Послушай, ты, который называешься ученым и думаешь, что обрел истинную мудрость; если по всему телу будут бить тебя бичами, а потом отсекут тебе голову, уверен ли ты, что взойдешь на небо?»

– Да, я надеюсь получить обещанное Христом, – отвечал Иустин, – ибо я знаю, что Он милостив ко всем до конца хранящим заповеди Его.

– Итак, ты думаешь, что на небе получишь награду?

– Не только думаю, а вполне уверен в этом, – твердо отвечал Иустин, – и вера моя не допускает сомнения.

– Довольно, – сказал Рустик. – Совершите жертвоприношение богам, иначе будете все замучены жесточайшим образом.

– Никакой разумный человек не отвергает истины ради заблуждения, – отвечал за всех Иустин. – Наше пламенное желание – пострадать за Господа Иисуса Христа.

– Мы все христиане и жертв идолам не приносим, – сказали товарищи Иустина.

Тогда Рустик произнес смертный приговор. Перед казнью всех христиан жестоко били, а потом отсекали им головы мечом. Верующие похоронили тела святых мучеников. Это было в 166 году.

Допрос Иустина дает достаточное понятие о том, как происходили допросы христиан в то время. Христиане могли легко спасти свою жизнь отречением или хотя исполнением языческого обряда, но они предпочитали смерть обману. В то же время Церковь не одобряла тех, которые в слепой и безрассудной ревности сами искали мученической смерти. Жизнь считает она драгоценным даром Божиим, данным на то, чтобы человек употреблял его с пользой, как и все дары Божий. Подвергать ее добровольно опасности – грешно, равно как и стараться сохранить ее посредством неправды.

Глава XIV

Священномученик Поликарп Смирнский и мученики Галлии

Через год после Иустина пострадал в Малой Азии другой святой муж, имя которого было славно во всем христианском мире, – Поликарп, епископ Смирнский.

Имя св. Поликарпа уже знакомо нашим читателям. У него останавливался св. мученик Игнатий на пути в Рим, о нем он упоминал в своих посланиях как о муже добродетельном и достойном великого уважения. Поликарп был еще молод, когда удостоился такой похвалы. Шестнадцать лет прошло с этих пор, и св. Поликарп, достигнув преклонных лет, был самым уважаемым епископом во всей Малой Азии. В ранней молодости он слушал апостолов и был одним из любимых учеников св. Иоанна Богослова. По назначению апостолов он принял священство от епископа Смирнского, св. Вукола. Во время его посвящения чудное явление указало народу, что он – избранник Божий. Предание говорит, что необыкновенный свет вдруг озарил его, что белая голубица летала над его головой, что многие из верных увидели его озаренным славой; другие же – в воинственном вооружении, как бы готовым на брань. Немало трудов и опасностей предстояло святому мужу в продолжение его долголетнего служения Богу. В гонениях при Домициане, при Траяне, Адриане, Антонине он являлся твердым и неустрашимым пастырем Церкви, готовым жертвовать жизнью за имя Христа. Но гонения миновали его, по милости Божией, он долго служил верующим живым образцом всех христианских добродетелей, и все с благоговением слушали наставления ученика апостольского. Поликарп бесстрашно проповедовал слово Божие, оспаривал еретиков, ревностно заботился о распространении Евангелия не только в области, вверенной его попечению, но и в отдаленных странах. Он послал несколько учеников проповедовать в *Таллин*, нынешней Франции. Уже в преклонных годах Поликарп ездил в Рим для совещания с Римским епископом Аникитой о времени празднования Пасхи. Церковь Смирнская и некоторые другие Малоазийские Церкви праздновали Пасху в четырнадцатый день первого месяца после весеннего равноденствия. Церковь же Римская – в первое воскресенье после полнолуния того месяца. Каждая Церковь основывала обычай свой на апостольском предании. Совещание привело не к соглашению, а к решению спора в истинно христианском духе любви и мира. Так как вопрос касался не сущности догмата, а лишь местного обычая, то решили, что каждая Церковь сохранит свое обыкновение, и мир не был нарушен из-за этого.

В Риме Поликарп успешно опровергал лжеучения еретиков, особенно Маркиона, и ревностно старался оградить верующих от заблуждений. Вскоре после возвращения его в Смирну вспыхнуло страшное гонение.

Достоверные подробности об этом сохранились в послании, написанном в то время Смирнской Церковью к Церкви Филомелийской и приведенном Евсевием в своей «Истории». Гонение было жестоким. В Смирне жило много иудеев, которые еще больше, чем язычники, ненавидели христиан. Много христиан было замучено: кто был забит до смерти, кто после различных пыток отдан на съедение зверям. Один молодой мученик, по имени Герман, отданный на съедение зверям, своей молодостью вызвал жалость у губернатора, который стал увещевать его, чтобы он отрекся. Герман с улыбкой отвечал, что лучше умереть тысячу раз, нежели спасти жизнь отречением от Христа, и сам пошел навстречу льву. Другой христианин, по имени Квинт, не будучи призван на суд, сам выдал себя, но устранился, когда увидел зверей, и отрекся от веры, доказав тем, что Богу не угодно, чтобы опрометчиво и безрассудно искали опасности. Язычники и иудеи каждый день требовали новых казней, и, наконец, в цирке стали требовать казни Поликарпа.

Святого епископа не было в городе. Он не страшился мученической смерти, напротив, считал счастьем умереть за имя Христа, но друзья убедили его удалиться на время, и Поликарп счел обязанностью своей не подвергаться добровольно опасности. Он удалился в загородный дом, где день и ночь молил Господа о мире Церкви. Однажды во время молитвы видение предвзоветило ему близкое мученичество. Он увидел, что изголовье его пылает огнем, и спокойно сказал бывшим при нем: «Я буду сожжен за имя Господа Иисуса». Действительно, вскоре воины были присланы за ним. Друзья Поликарпа убедили его скрыться в другую деревню, но воины прибыли и туда. Поликарп мог бы выйти из дома, но сказал: «Да будет воля Господня», – и сам пошел навстречу искавшим его. Их поразили величавый и спокойный вид святого старца. Поликарп велел дать им поесть, а сам встал на молитву. Пока воины обедали, Поликарп молил Бога, чтобы дал ему силу исполнить Его волю до конца и даровал мир Церкви, гонимой всей вселенной. После этого воины, уже желавшие спасти святого вопреки своему внутреннему убеждению, посадили Поликарпа на осла и повезли его в Смирну⁹⁴.

Дорогой к Поликарпу подъехали два смирнских сановника, которые, хотя и были язычниками, уважали епископа и желали его спасти. Они уговорили Поликарпа пересечь к ним и начали убеждать его спасти жизнь, стремясь, подтолкнуть к согласию на требования судей. «Что за беда, – говорили они, – присягнуть гением кесаря?» Поликарп отвечал решительно: «Не стану делать того, что вы мне советуете». Тогда они рассердились и столкнули его. Поликарп упал и повредил себе ногу, но однако бодро продолжал путь.

Город Смирна. Византия

Когда привели его на место общественных зрелищ, то Поликарп и некоторые бывшие тут христиане ясно услышали с неба слова: «Мужайся, Поликарп!» Язычники же и иудеи, бывшие в цирке, подняли страшный шум, восклицая радостно: «Взят Поликарп нечестивый!» Поликарп, приведенный к судье, твердо исповедал, что он христианин. Судья стал, по обычаю, требовать от него, чтобы он присягнул гением императора, чтобы он раскаялся и, наконец, чтобы он произнес хулу на Христа.

– Я восемьдесят шесть лет служу Христу, и Он не сделал мне никакого зла, – отвечал Поликарп. – Как же могу я хулить Царя и Спасителя моего?

---

⁹⁴ Греческая колония Смирна (ныне Измир в Турции) была основана примерно за 1000 лет до Р.Х. севернее Ефеса в глубине залива. Легендарной основательницей города считалась амазонка Смирна. Город имел теснейшие связи с Римом, а его жители, главным образом, моряки, считали его «первым в Азии». Большая часть населения в это время исповедовала язычество, особо почитая богиню Кибелу, которую они изображали в «смирнском венке» – длинной цветочной гирлянде.

Долго проконсул еще убеждал Поликарпа, но святой епископ остался тверд и непоколебим.

– Если не образумишься, брошу тебя зверям, – сказал проконсул.

– Как хочешь, – отвечал Поликарп, – я все-таки не променяю лучшее на худшее. Хорошо менять только зло на добро.

– Ты не страшишься зверей? – сказал проконсул. – Я предам тебя огню, если не повинешься.

– Ты грозишь мне огнем угасающим, но не знаешь о вечном огне, уготованном нечестивым. Впрочем, для чего медлить? Делай, что хочешь.

Поликарп говорил спокойно и с лицом, сияющим неземной радостью; в эту трудную минуту Господь силой и благодатью Своей укреплял верного служителя. Проконсул, потеряв надежду склонить его к отречению, велел провозгласить, что Поликарп исповедал себя христианином. Тогда яростные крики поднялись из толпы: «Он отец христиан! он учитель Азии! истребитель наших богов; он научил многих не приносить жертвы и не поклоняться богам!» И весь народ приступил к азиарху⁹⁵ Филиппу с требованием выпустить льва на Поликарпа, но азиарх возразил, что это будет противозаконно, потому что потешные игры уже кончились. Тогда люди завопили: «Сжечь Поликарпа живым!» Проконсул согласился.

Тотчас же народ стал собирать дрова и хворост по окрестным баням и лавкам, и в один миг костер был готов. Усерднее всех работали иудеи. Поликарп сам снял с себя верхнюю одежду. Его хотели приковать к костру железными цепями, но он попросил, чтобы этого не делали. «Этого не нужно, – сказал он. – Тот, Кто дал мне волю страдать за Него, даст и силу оставаться недвижимым на костре». Исполнили желание старца, связали только руки за спиной, и он сам взошел на костер. Взглянув на небо, он громогласно воскликнул: «Отец возлюбленного и благословенного Сына Твоего Иисуса Христа, через Которого Ты открылся нам, благодарю Тебя, что Ты причислил меня к мученикам Твоим и сподобил меня чаши страданий Христа Твоего, да с Ним буду и причастником жизни вечной. Прими меня ныне, как жертву благоугодную. За все восхваляю Тебя! благословляю Тебя, прославляю Тебя чрез Господа Иисуса Христа, первосвященника вечного! Чрез Него, Тебе с Ним в Духе Святом слава ныне и в грядущие века. Аминь».

⁹⁵ Азиархами назывались председатели совещательных собраний азийских областей. На них лежала обязанность распоряжаться общественными зрелищами.

Город Смирна. Современный вид

Едва он произнес эти слова, как зажгли костер. Пламя окружило святого старца, сходясь над ним наподобие свода, но не касаясь его тела, которое оставалось невредимо и изливало благоухание. Тогда начальники велели его пронзить длинным копьём; из раны истекло столько крови, что костер погас. Это очень удивило язычников. Иудеи, заметив, что христиане желают взять тело Поликарпа, попросили консула, чтобы он велел сжечь его. Они говорили, что христиане станут поклоняться ему, как Христу.

Город Смирна. Современный вид

Очевидцы страданий святого мученика в письме своем, в частности, сообщают: «Они (иудеи) не знают, что мы не можем отступить от Христа, пострадавшего за спасение всех, и поклониться кому-либо другому. Ему мы поклоняемся как Сыну Божию; а мучеников достойно любим как учеников и подражателей Господа; любим за их неизменную приверженность к своему Царю и Учителю. Да сподобимся и мы быть их общниками и соучениками! Сотник, видя настойчивость иудеев, положил тело на огонь. А мы потом собрали его кости, сокровище драгоценнее дорогих камней и чистого золота, – и положили их, где следовало. Туда, как только можно будет, мы станем собираться с веселием и радостью; и Господь соизволил нам праздновать день его мученического рождения, – как в память уже совершивших свой подвиг, так в научение и утверждение будущих подвижников. Сие посылаем вам через брата Марка; а когда прочтете, то доставьте сие послание прочим братьям, дабы и они прославили Бога, показавшего нам такого верного избранника и могущего и нас исполнить Своею благодатью, и ввести в Вечное Царство Сыном Своим Единородным Иисусом Христом, Ему же честь и царство и величество во веки. Аминь!»

Со II века вошло в обычай тщательно записывать допросы мучеников и образ их кончины. Эти повествования Церкви сообщали одна другой, и везде совершали память мученика. На том же месте, где лежали его останки, все верующие собирались в годовщину кончины или, как говорили древние христиане, в день его рождения для жизни вечной, и торжественно отмечали это в память о нем. При совершении богослужения читалось повествование о его кончине, и все со святой радостью благодарили Господа, давшего усопшему брату силу совершить свой земной подвиг. Богослужение оканчивалось общественной трапезой (агапой или вечерей) любви. От обычая совершать богослужение над гробницами

мучеников возникло впоследствии обыкновение строить храмы⁹⁶ на местах, где они были погребены, а еще позднее – включать в антиминс частицы святых мощей. Это основывалось и на том, что в откровении св. Иоанн видел под алтарем души убиенных за веру.

Во всех обычаях христиане резко отличались от язычников и иудеев. Язычники сжигали тела умерших, иудеи считали осквернением прикосновение к трупу, христиане же благоговейно предавали земле тела усопших братьев, с молитвой и пением псалмов и духовных песен. Так как похороны большей частью совершались по ночам, то верующие несли свечи или факелы; отсюда у нас традиция сопровождать усопшего, держа в руках свечи. Места, где хоронили умерших, христиане называли усыпальницами, выражая тем, что смерть только сон, за которым следует пробуждение – воскресение. В Риме хоронили умерших в катакомбах или подземных галереях. Надписи и живопись над гробницами выражали твердое упование на жизнь загробную и радостную надежду воскресения во Христе.

Ни твердость мучеников, ни добродетельная жизнь христиан не могли убедить Марка Аврелия в истине христианской веры и склонить его в пользу христиан, но одно чудесное событие сильно поразило его, и на короткое время он велел прекратить жестокие меры против христиан. В 174 году Марк Аврелий вел войну с маркоманами и квадами, германскими племенами. Окруженные со всех сторон неприятелями в Богемских горах, его войска томились жаром и жаждой, и положение их было уже безнадежным. Один легион (полк) состоял весь из христиан. Христиане пали на колени и молили Бога помочь им. Внезапно небо покрылось тучами, и обильный дождь освежил римских воинов, между тем как страшная буря с молнией и громом разразилась над неприятелем, который искал спасения в бегстве. Все единодушно признали это событие сверхъестественным. Некоторые из язычников, конечно, приписали чудо богам своим, но сам Марк Аврелий признал, что войска его обязаны своим спасением молитве христиан, и велел прекратить гонение.

Самая жизнь христиан могла бы убедить Марка Аврелия в превосходстве их учения над прочими учениями. В некоторых областях Италии и в самом Риме появилась заразная язва⁹⁷, до того сильная, что боялись прикоснуться к страдающим. Одни христиане с самоотвержением и мужеством посвящали себя служению ближним. Они ходили за больными и хоронили умерших, подавая помощь и язычникам, и единоверцам своим.

Но и это не произвело сильного действия на Марка Аврелия, ибо он вскоре возобновил гонения. Некоторые христиане подавали ему апологии в защиту христиан. Самые извест-

⁹⁶ **Храм** церковное строение, предназначенное для совершения Таинств, общественного богослужения и проповеди. Наиболее часто его строят в виде базилики, крестообразной или несколько вытянутой в направлении притвора — входа в храм. В последнем случае храм в плане своем бывает похож на корабль и образно именуется «ковчегом спасения». Средняя, после притвора, часть предназначена для молящихся, алтарь — для священнодействий. В ветхозаветное время устройство храма также было трехчастным: святое святых, святилище и двор. Святое святых являлось запретной частью, за завесу которой лишь один раз в год полагалось входить первосвященнику для жертвенного кропления. Молитвы и жертвы совершались священниками и левитами в святилище; собравшийся же народ оставался во дворе храма. Новый Завет предполагает новую близость к Богу и новое участие верующих в богослужении. Христианская жизнь, по словам ап. Павла, проникает *во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6, 19); верующие же становятся *царственным священством, народом святым* (ср.: 1 Пет. 2, 9). В соответствии с этим, святое святых в христианском храме заменяется на алтарь, открытый для ежедневно совершаемых клиром таинств; средняя часть храма святилище — отдается церковному люду. В притворе, по древним обычаям, полагается стоять кающимся и тем, кто готовится принять крещение. На возвышенном месте, называемом солеей, посреди алтаря расположен престол — духовное средоточие храмовой жизни, место совершения Евхаристии. Согласно церковным канонам, православная литургия совершается на частицах мощей святых, вкладываемых в престол или вшитых в особый плат под названием антиминс (греч. «вместопрестоліе»), полагаемый на престол. Этот обычай берет начало еще с первых веков, когда местом богослужений выступали надгробия на могилах святых мучеников. После постройки православного храма престол первоначально освящается епископом в память какого-либо святого или события, празднуемого Церковью, отчего получает название целый храм. Во многих православных церквях также имеются пристроенные с боков меньших размеров приделы (придельные храмы) со своими алтарями. Престольный праздник храма является весь малочитаемым и отмечается в церковной общине наравне с великими христианскими праздниками.

⁹⁷ Возвращаясь домой после войны с Парфией (162—166 гг.), римляне занесли в империю чуму, которая свирепствовала до 189 г. Считается, что сам Марк Аврелий умер в Виндобоне от чумы.

ные среди них были: Мелитон, епископ Сардийский, Аполлинарий Иера польский, который упоминает в своей апологии о громоносном легионе⁹⁸, и Афинагор, ученый философ, обратившийся из язычества к христианству. Но предубеждения императора мешали ему добросовестно вникнуть в этот вопрос. Язычники считали его одним из самых лучших и добрых римских государей, и он сам в своих сочинениях излагал правила нравственности и добродетели, основанные на изучении философии. Между тем не хотел видеть, что христиане во всех своих действиях являли гораздо более высокую и чистую нравственность, чем та, которую проповедовали философы. В его царствование пострадало огромное количество христиан, и гонение свирепствовало во всех областях обширной Римской империи.

Франция в древности называлась Галлией и тоже входила в состав Римской империи. Некоторые древние писатели⁹⁹ утверждают, что Крискентий, ученик апостола Павла, проповедовал там христианскую веру, другие – что апостол Лука посещал Галлию, но вообще знают очень мало об успехах евангельского учения в этой стране в I столетии и в начале II. Около половины второго века св. Поликарп Смирнский послал в Галлию проповедников. Среди них наиболее известны Пофин и ученик Поликарпа Иринея. С Божией помощью святые проповедники вскоре обратили многих язычников, и Пофин стал первым епископом в Лионе, одном из значительнейших городов Галлии. Во Вьенне, недалеко от Лиона, многие тоже приняли христианскую веру. Вначале язычники относились довольно равнодушно к новому учению. Но когда христианство стало быстро распространяться, то поняли, что оно скоро совсем вытеснит языческое идолопоклонство, и с яростью встали на защиту своих богов. Однако вера Христова к этому времени уже глубоко укоренилась в сердцах, и сотни христиан, укрепленные непоколебимым упованием на Бога, были готовы встретить гонение с твердостью.

Враги истинной веры стали распространять о христианах ужасную клевету, обвиняли их в преступлениях, в развратном поведении, рассказывали, что они едят человеческую плоть и тому подобное. Этими слухами удалось до такой степени возбудить негодование и ненависть народа, что христианам стали везде наносить всевозможные оскорбления: избегали их, не принимали в дома, запрещали входить в народные бани, в присутственные места, гнали даже с площадей, всеми средствами старались обидеть и оскорбить. Сбывались слова Спасителя: *Придут дни, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2). Христиане все переносили с терпением и кротостью, устремив все надежды и помыслы к будущей, лучшей жизни. Они без страха слушали крики и угрозы разъяренной толпы, терпеливо переносили оскорбления, ругательства, побои и все, что дух вражды внушал язычникам.

Возбудив таким образом ненависть народа против христиан, враги Христовы наконец формально обвинили их перед судом. В 177 году начались допросы, пытки и казни. Подробности об этом гонении содержатся в послании, написанном, как полагают, Иринеем от имени христиан Лиона и Вьенны и обращенном к Церквам Малоазийским. Из этого послания, сообщенного историком Евсевием¹⁰⁰, мы извлекаем наш рассказ. Гонение, как видно, было

---

⁹⁸ Так назывался легион, состоявший из христиан, о котором мы уже говорили.

⁹⁹ Евсений, Епифаний и Феодорит.

¹⁰⁰ Евсевий, епископ Кесарийский (Памфил) (ок. 260—340 гг.) считается отцом церковной истории. Он родился в Палестине, но учился в Кесарии, был учеником Оригена и, видимо, всю жизнь сохранял уважение к его взглядам. Наиболее известен как биограф Константина Великого и автор первых серьезных и полных трудов по истории Церкви. Обладая умением угрожать власти, но будучи не всегда последовательным, Евсевий то голосует за Никейский Символ веры, то участвует в соборе, осуждающем Афанасия Великого, тайно сочувствуя арианам. Тем не менее его исторические труды заслуживают самой высокой оценки, т.к. он обильно насыщает их выписками из документов и источников, впоследствии утраченных, а также рисует портреты людей, пусть и не всегда объективные, но свидетельства о которых являются единственными. Исторический метод Евсевия оставался далеким от беспристрастности. Автор восхвалял своих покровителей и замалчивал их ложные шаги, в угоду властям он всегда был готов изменить свои взгляды и в выгодном свете истолковывать

жестоким. «Нельзя словами пересказать, нельзя пером описать всех ужасов, которые слепая вражда внушала язычникам, ни всех страданий блаженных мучеников», – говорит повествователь.

После того как зачинщики гонения представили обвинение на некоторых христиан, их повели на площадь; судья при огромном стечении народа стал их допрашивать. Они все с твердостью исповедали свою веру, и их заключили в темницу до приезда главного начальника (или проконсула) области. Через несколько дней он прибыл и призвал их. При допросе он обращался с ними грубо и сурово. Один молодой христианин, по имени Ветгий Епагат, не бывший в числе обвиненных, а стоявший между народом, не мог сдерживать негодования. Он выступил вперед и попросил позволения сказать несколько слов в защиту обвиненных, обещаясь доказать, что они ни в чем не виновны. Епагата уважали во всем городе за честную и праведную жизнь. Услышав его слова, проконсул спросил: уж не христианин ли он сам, что защищает христиан? Он отвечал утвердительно, и проконсул приказал тотчас же присоединить его к числу обвиненных, назвав его ходатаем христиан. Пример Епагата одушевил и других верующих, находившихся в толпе народа, они объявили, что веруют в Иисуса Христа. К сожалению, из них оказалось человек десять, которые впоследствии, устрасшись мучений, отреклись от веры. Всех заключили в темницу и в продолжение десяти дней присоединяли к ним еще других христиан, так что все городские темницы наполнились узниками. Между ними находились все те, которые благовествованием основали Церкви в Лионе и Вьенне.

Начались пытки. Судьи старались вынудить от христиан сознание в преступлениях, захватили некоторых рабов, служивших у христиан, и пытали их, допрашивая о преступлениях господ. Устрасшись мучений, они дали ложные показания, которых добивались судьи, и язычники с торжеством и радостью стали везде повторять эту клевету. Ненависть язычников росла с каждым днем. Не было истязаний, которых бы они не применили, чтобы заставить христиан отречься от веры или сознаться в преступлениях, но ничто не могло победить твердости истинных служителей Христовых. Они не боялись ни пыток, ни смерти. Среди истязаний славил и благодарил Господа. Одного только они страшились пуще смерти: как бы кто из них не отрекся от Христа. Не доверяя собственным силам, они в темнице беспрестанно молились, да дарует им всем Господь помощь Свою и силу совершить до конца начатый подвиг.

В числе узников была молодая девушка, Бландина, рабыня одной из обвиненных христианок. Все боялись, что она не вынесет истязания, ибо была молода и слаба. Но Господь помог девице; среди самых страшных истязаний она только повторяла: «Я христианка, и никаких преступлений не совершается между нами». «Казалось, – замечает повествователь, – что исповедание имени Христова придавало ей всякий раз новую, сверхъестественную силу». Но такая удивительная твердость только больше воспламеняла ярость мучителей, и они придумывали новые пытки. Все христиане претерпели истязания, в особенности же Бландина, Матур, диакон по имени Санкт и Аттал, уроженец Малой Азии. Но пытки не вынудили у них ни отречения, ни сознания в преступлениях. Они только молились, славил Бога и повторяли: «Мы христиане!» Видя такую твердость, некоторые из тех, которые отреклись было от Христа, снова признали себя христианами и объявили мучителям, что скорее вынесут всевозможные истязания, чем отступят от Спасителя. Между ними была женщина

те или иные исторические свидетельства. По существу, это был один из византийских придворных историков, и только характер эпохи — эпохи Константина Великого — побуждал его уделять преимущественное внимание церковной тематике. Тем не менее, нельзя отрицать важности проведенной Евсевием Кесарийским описательной и обобщительной работы. Его «История» — это самый ранний свод исторических документов и устных свидетельств о древней Церкви, на который так или иначе были вынуждены опираться все авторы. Евсевий был хорошо образован и умел придать соответствующий научный вид результатам своих исследований. Книги Евсевия заполнены выписками из документов; его церковная история представляет собой почти хрестоматию. Ввиду этого имя и наследие Евсевия Кесарийского, церковного писателя и ученого, высоко оцениваются христианской традицией.

по имени Вивла. Ее пытками вынуждали дать ложное показание на христиан, и она, отрекаясь было от Христа, среди истязаний вновь исповедала Его и громко свидетельствовала о честной жизни христиан. Некоторые из осужденных скончались во время истязаний, другие предали душу Богу в сырой и смрадной темнице еще до казни.

Потребовали к допросу Лионского епископа Пофина. На руках внесли в судилище святого старца, которому было за 90 лет, он уже не мог ходить. Но он не утратился ни яростных криков, ни угроз. На вопрос проконсула: «Кто Бог христиан?» Он спокойно отвечал: «Узнаешь, если будешь достоин». Тогда народ с яростью бросился на него, осыпая его ругательствами и побоями. Били его кулаками и палками, бросали в него камнями. Наконец его отнесли едва живого в темницу, где он через два дня предал Богу душу.

Бландину, Матура и Санкта вывели в цирк на съедение зверям, но вначале опять подвергли их пыткам. Бландину привязали крестообразно к столбу и выпустили на нее зверей, но звери не коснулись ее, и ее вновь отвели в темницу. Матура и Санкта закололи после борьбы. Народ с яростными криками требовал, чтобы предали зверям Атгала, который был человеком значительным по сану и состоянию. Но так как он был римским гражданином, то надо было ждать разрешения высшего начальства. Его только провели вокруг арены, неся перед ним доску с надписью: «Атгал – христианин». И это название, надежда и слава верующих, было осыпано ругательствами и насмешками. Затем его вновь отвели в темницу, где и прочие осужденные ждали распоряжений из Рима.

Все это дело длилось долго. Христиане в темницах молились Богу и примером и молитвой одушевляли тех, которые отреклись было от веры. Их заключили вместе с исповедниками, потому что они тоже считались виновными в преступлениях. Их положение было жалким. К оскорблениям от язычников присоединялись упреки совести за отступничество, но мученики поддерживали их любовью своей и при помощи Божией возвратили к жизни многих из этих отпавших членов Церкви, так что, раскаявшись в прежнем малодушии, они вновь исповедали имя Иисуса Христа.

Автор послания говорит с удивлением о кротости и смирении святых исповедников и об их снисходительности к падшим. «Они столь ревностно подражали Христу, – пишет он, – что хотя достигли великой славы, исповедав неоднократно Иисуса Христа, хотя носили на теле славные следы страданий за веру, но они не считали себя заслужившими названия мучеников, и негодовали, когда мы, в речи или письме, называли их мучениками. "Иисусу Христу, – говорили они, – принадлежит это название: Первенцу из мертвых и Начальнику жизни. Мученики – те, которые сподобились скончаться в исповедании и которых мученичество Христос запечатлел смертью, а мы только слабые и смиренные исповедники". И, обливая слезами наши руки, они просили нас молиться, да поможет им Бог довершить подвиг их. Но они на деле доказывали, что вполне достойны славного названия; доказывали это терпением, кротостью и непоколебимостью духа... Они смирили себя под крепкую руку Всевышнего; и эта рука возвеличила их над всяким земным величием... Любовь была в их сердцах вместе со смиренномудрием. Любовь побуждала их защищать угнетенных, внушала им снисходительность к согрешившим. Они всех защищали и никого не обвиняли, всех разрешали и никого не вязали; они прощали врагам, молились за мучивших их, говоря, как первомученик Стефан: Господи, не поставь им сего во грех... Они не превозносились над падшими; подавая им руку помощи, подымали их; восполняли их скудность своим изобилием, любили их, как любит детей своих нежная и жалостливая мать, и молились о них Отцу Небесному, чтобы Он вновь оживил их. Всегда любя мир и предлагая мир, в мире и отошли они к Отцу, не произвели ни скорби в сердце матери Церкви, ни нестроения и вражды между братьями; но оставили радость, мир, единокровие и любовь».

Через некоторое время был получен ответ из Рима. Марк Аврелий повелел казнить всех тех, которые не отрекутся от христианской веры, а кто отречется, тех отпустить. Для

казни было назначено время какого-то празднества в честь императора Августа; множество народа со всех окрестностей прибыло в Лион. Проконсул призвал всех узников, допросил их и, получив от всех один ответ, исповедание веры во Христа, произнес им смертный приговор. Он надеялся, что те, которые вначале отреклись от Христа, теперь повторят свое отречение, но почти все объявили, что они христиане и готовы умереть за веру свою. Один врач, по имени Александр, присутствовавший при допросе, исповедал себя христианином и был причислен к мученикам.

На следующий день начались истязания христиан. Проконсул в угождение народу превзошел повеление царя: перед смертью он мучил христиан и заставлял их присутствовать при казни братьев. Так, Бландина и пятнадцатилетний Понтик присутствовали несколько дней подряд при истязаниях прочих христиан. Аттала, вытерпевшего страшные мучения, в конце концов положили на железную скамью, раскаленную в огне. Когда от его горевшего тела начал подниматься смрад, он сказал народу: «Вот о вас можно поистине сказать, что вы питаетесь человеческими телами; а мы, христиане, не знаем сих кровавых трапез». После всех вывели на казнь Бландину и юного Понтика. По требованию народа их вначале истязали, требуя, чтобы они присягнули идолам. Бландина не переставала увещевать Понтика, забывая собственные страдания, она страшилась только за него, но пятнадцатилетний мальчик все перенес с твердостью и, молясь, предал душу Богу. Бландину мучили еще долго, бросили зверям, которые волочили ее по окровавленной арене, наконец, закололи ножом. Сами язычники удивлялись ее необыкновенной твердости духа и не понимали, откуда такая сила терпения в юной и слабой девице.

Сама смерть христиан не утолила ярости мучителей. Они издевались над телами убиенных, некоторые бросали собакам, другие, собрав в груды, стерегли и днем и ночью, чтобы братья не могли предать их земле. Язычники, смеясь над христианами, говорили: «Где теперь Бог их, и к чему послужила им их вера, ради которой они пожертвовали жизнью?» Через шесть дней сожгли все останки убиенных и бросили пепел в реку Рону, думая этим отнять у христиан надежду на воскресение убиенных мучеников. «Ибо, – говорили они, – надеясь на будущую жизнь, христиане проповедуют странную веру, презирают самые жестокие мучения и умирают с радостью. А теперь увидим, восстанут ли они опять, и силен ли Бог их избавить их из рук наших».

Не понимали язычники, что ни мучения, ни смерть не могли отлучить христиан от любви Христовой и что христиане, умирая, оставались победителями и получали венец жизни, обещанный Богом тем, которые пребудут в вере до конца. Сорок восемь мучеников положили жизнь за веру во время этого гонения. Когда оно утихло, лионские христиане избрали себе в епископы Иринея.

Глава XV

Состояние Церкви в конце II века. Ереси. Церковные писатели. Христианское просвещение

Около этого времени возникло в Малой Азии новое лжеучение, основателем коего был Монтан, уроженец Фригии. Увлекаемый гордостью, Монтан утверждал, что он получил от Бога особенное откровение и что он тот самый утешитель (или параклит), которого Господь обещал ученикам Своим и который должен наставить их на всякую правду. Монтан увлек своим учением двух богатых женщин, Прискиллу и Максимиλλу, и выдавал их за пророчиц, получивших откровение свыше. На них находили по временам порывы какого-то дикого исступления, которое они выдавали за действие духа, сообщавшего им дар пророчества и ведения. Монтан излагал самые строгие правила жизни, предписывал пост, запрещал второй брак, был неумолимо строг к падшим и утверждал, что Церковь никак не может вновь принять тех, которые однажды отлучены, как совершившие тяжкий грех. Монтанисты имели притязания на особенную святость, называли себя духовными, а прочих людей душевными. Какая разница между этими надменными лжеучителями и смиренными лионскими мучениками, которые, жертвуя всем ради Христа, не признавали за собой никакой заслуги и были так снисходительны к согрешившим, слабым братьям! Этим подтверждается то, что лишь чистое Евангельское учение – источник чистой, святой жизни, а удаляющиеся от истины легко впадают в грехи гордости и самообольщения. Монтан и последователи его, имевшие притязание на особенную святость, были обвиняемы в корыстолюбии и безнравственности. Однако же их строгость к ближним обманывала легковверных людей, которые, считая их пророками и святыми, во множестве присоединялись к ним. Лжеучение сильно распространилось, особенно в Африке. В самом разгаре гонения Лионская Церковь писала о нем в Рим, осуждая лжеучения, но полагают, что сам Римский епископ был склонен к монтанизму.

Марк Аврелий умер в 180 году. Сын его, Коммод, а за ним и Пертинакс, не преследовали христиан. Но если на короткое время Церковь и отдохнула от суровых гонений, то не прекращалась ее борьба с еретиками, которые старались своими ложными толкованиями омрачить чистоту ее учения. Гностики также везде распространяли свои учения, до того разнообразные, что трудно уследить за всеми их видоизменениями. Каждый произвольно изменял систему, принятую от своего учителя, и потому возникло бесчисленное количество разных гностических лжеучений, которые напоминали то учение иудеев, то философские системы Востока, то эллинскую мудрость. Кердон и Маркион оставили в Риме много учеников, Вардесан и Татиан распространяли свои учения в Сирии и Египте. Татиан вначале был учеником св. Иустина, написал апологию, но впоследствии совратился с пути истины. Вардесан излагал свое учение в форме песен или стихов, которые легко запоминались и быстро распространялись в Сирии. Два римских пресвитера, Флорин и Власт, присоединились к лжеучителям. В Рим же прибыл в конце II века еретик по имени Феодот, кожевник, отвергавший божественность Христа. Прибыв в Рим, он не привез письма от епископа своего города, хотя в это время был обычай, чтобы христианин, переезжая из одного города в другой, брал от своего епископа письмо, удостоверяющее, что он христианин и мог быть допущен к участию в Таинствах. Такие письма (или свидетельства) назывались общительными грамотами. Эта предосторожность была необходима при гонениях и усилившихся ересях. У Феодота такого письма не оказалось. Римская Церковь не допустила его к общению с верующими, а навела о нем справки. Оказалось, что при гонениях в маленьком городке Византии, Феодот отрекся от Господа. Укоряемый христианами, он отвечал, что он отрекся не от Бога, ибо Иисус – простой человек. Его отлучили от Церкви. Другой еретик, по имени Праксей, учил,

что нет различия между Лицами Святой Троицы и что Сам Отец вочеловечился. Последователей его звали патрипассианами.

Философы и языческие писатели тоже сильно нападали на христианское учение, представляя его в превратном виде и высмеивая его. Так делали в своих сочинениях Цельс,

Лукиан и другие. Лукиан рассказывает историю какого-то Перегринна, человека превратного, приставшего к христианам из корыстных соображений, чтобы получать от них пособие. И по этому поводу Лукиан высмеивает христиан вообще. Но как ни старались языческие писатели вредить христианам, искажая их учение, сами они невольно, описывая обычаи христиан, свидетельствуют об их добродетелях, об их терпении, благотворительности, мужестве. Все эти враждебные для христиан сочинения содержат весьма важные указания на обычаи того времени и на степень распространения христианской веры.

Можно сказать, что все эти невзгоды и гонения на Церковь не только не вредили ей, но даже, волей всемогущего Бога, обращались на пользу и во благо Церкви: укреплялись и развивались ее внутренние силы. Весь мир ополчился против нее, но за нее был Тот, Кто сильнее мира. Он был для Церкви Всеблагим Утешителем, на Нем, как на незыблемом основании, утверждала она все надежды свои. Его словом и соблюдением Его закона отражала она все нападения многочисленных врагов. Гонениям христиане противопоставляли терпение и непоколебимое мужество, которое, удивляя гонителей, часто убеждало их в истине и силе христианской веры, так что, по словам одного апологета, мученичество делалось семенем христианства. На клевету врагов христиане возражали изложением истины и самой своей жизнью, сияющей добрыми делами; на разнообразные лжеучения христиане отвечали объяснением единого истинного учения, в назидание и укрепление верующих и в опровержение еретиков. И Господь видимо помогал Своей Святой Церкви: не оскудевали в ней дары чудотворения, пастыри ее сияли мудростью и святостью, как светила в мире. Св. Иринея писал в конце II века: «Истинные ученики Господа, получив от Него благодать, для блага прочих людей, преподают Его именем те дары, какие принял каждый из них. Они действительно и истинно изгоняют демонов, так что освобожденные от злых духов нередко обращаются к вере и пребывают в Церкви; другие имеют дар предвидения, прозрения и пророческого предсказания; иные исцеляют больных через возложение рук и делают их здоровыми, а иногда, как мы говорили, воскрешаемы были мертвые и жили с нами много лет. Нельзя исчислить даров, которые Вселенская Церковь получает от Бога во имя Иисуса Христа, распятого при Понтийском Пилате, и каждодневно расточает в пользу язычников, никого не обольщая и не требуя никакой платы. Даром получает она от Бога, даром и раздает». Сами язычники не могли опровергать явно совершавшихся чудес. Многие языческие писатели упоминают о них, приписывая их, конечно, волшебству и силе бесовской, но нам нельзя не признать в них исполнения молитвы, которую гонимая Церковь воссылала к Господу еще устами святых апостолов: *И ныне, Господи, воззри на угрозы их (врагов) и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое... простирай руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса* (Деян. 4, 29–30).

Историк Евсевий воздает великую хвалу епископам, жившим в то время. «Так как в это время, – пишет он, – еретики готовы были погубить стадо Божие и, подобно плевелам, засоряли чистую ниву апостольского учения, то пастыри Церкви по всему миру напрягали силы свои, чтобы истребить их. Они утверждали братию частью увещаниями и предостережениями, частью наставлениями еретикам, то устными, то письменными». Между этими пастырями особенно славились Мелитон Сардийский, Феофил Антиохийский, Аполлинарий Иерапольский и Иринея Лионский.

Священномученик Ириней Лионский

Мелитон, епископ Сардийский, тщательно изучал книги Ветхого Завета и составил первый дошедший до нас список книг, признанных каноническими. Он был уважаем, как пророк и муж, исполненный Духа Святого, написал (между прочими сочинениями) апологию в пользу христиан, скончался около 177 года.

Феофил Антиохийский, обращенный из язычников, сделался ревностным пастырем Церкви. Он написал несколько прекрасных огласительных поучений и книгу «О вере», которая считается одним из лучших сочинений древности.

Дионисий Коринфский оставил семь замечательных посланий, объясняющих истинное учение Церкви и содержащих опровержение еретиков.

Аполлинарий подал Марку Аврелию полную убедительнейших доказательств апологию, много писал против монтанистов.

Ириней, ученик Поликарпа, поставленный епископом в Лионе после Порина, создал прекрасное сочинение против ересей. Из его пяти книг заимствовано почти все, что известно о древних еreseх. Обличая разнообразные лжеучения, он противопоставляет им единую истину Христову, проповедуемую Церковью по всему миру. «Церковь, – говорит он, – рассеяна по всей вселенной, но соблюдает веру, как будто она занимает один дом. Она одинаково

верует, как будто имела одно сердце, одну душу, проповедует единогласно, как будто одни у нее уста. Как солнце, творение Божие, – одно и то же во всем мире, так одна и та же проповедуемая вера сияет повсюду, всех просвещает, приводя к познанию истины... Основываться на Божественном Писании, которое есть известная и несомненная истина, – значит созидать дом свой на твердом камне, основываться на каких-нибудь мнениях – значит готовить себе гибель». Ириной тщательно заботился о чистоте и единстве учения и о сохранении мира и любви между христианами.

Все эти сочинения написаны на греческом языке, тогда распространенном по всему Востоку. Вообще греческий язык был языком ученых, латинский же считался «языком варварским».

* * *

Необходимость оспаривать ученых философов и отражать всякого рода нападения побуждала христиан заниматься и языческими науками. Во II веке они старались везде устраивать училища и тщательно заботились о распространении просвещения. Многие города славились своими школами, но замечательнее всех было Александрийское училище¹⁰¹. Полагают, что его основал еще апостол Марк. Первым его предметом была подготовка к крещению, преподавание главных истин христианской веры. Это называлось оглашением, поэтому училище известно под названием огласительного. В нем готовились и наставники (или огласители). Во II веке Александрийское училище значительно расширило круг своей деятельности. Во главе его стояли мужи, славные благочестием и ученостью, которые успешно отражали нападения еретиков и языческих философов. Такое училище было особенно необходимо в Александрии, уважаемой на всем Востоке за свою образованность, ибо тут же находились известные языческие училища, огромная библиотека, собранная Птолемеем. Александрийские иудеи тоже тщательно занимались науками. Гностические лжеучители активно распространяли свои системы – сочетание восточных, иудейских и языческих учений. Василид, Карпократ, Валентин, Вардесан и другие лжеучители нигде не находили столько слушателей, как в Александрии. Каждый из этих лжеучителей искал пособия науки и красноречия, и все сильно ополчались против учения Христова.

Необходим был и отпор этим лжеучениям. Христиане отражали их силой Евангельского слова, и немало ученых философов обращались ко Христу, становились верными служителями святой истины. Наставники Огласительного училища тщательно заботились о том, чтобы дать верующим все орудия для опровержения лжеучений и беспрестанно расширяли круг преподавания. Первым известным наставником училища был Афинагор, афинский философ. Будучи язычником, он вначале изучил Священное Писание для того, чтобы опровергать его, но сила истины победила его: он принял христианство и подал Марку Аврелию красноречивую апологию за христиан.

Пантен тоже в ранней молодости был приверженцем стоической философии, но благовествование учеников апостольских обратило его. Он принял крещение и стал усердно распространять христианское учение, став наставником в Огласительном училище. Господь призвал его еще и на более трудное дело. Александрия вела значительную торго-

---

¹⁰¹ Александрийская школа богословов (или катехизическое училище) возникла, по понятным причинам, несколькими веками позднее широко известной языческой Александрийской школы. Особый расцвет Александрийская богословская школа приобрела во время чтения там лекций Оригеном, но это же послужило и к ее упадку. Александрийскую школу последовательно или совместно возглавляли Пантен, Климент, Ориген, Иракл, Дионисий, Феогност (Серрапион), Петр Мученик (Макарий), Дидим Слепец, Родон. Александрийская школа дала миру множество ученых и исповедников веры, священников, среди которых особо известны святитель Григорий Неокесарийский, Евсевий Кесарийский, свт. Афанасий Великий. Однако с IV в. слава школы стала постепенно увядать, что стало следствием споров по поводу учения Оригена.

влю и потому состояла в сношениях с самыми отдаленными странами. Однажды прибыли несколько человек из Индии и просили Александрийского епископа Димитрия прислать им наставников. Вера Христова была проповедана в Индии апостолами Фомой, Варфоломеем и Матфеем, но с тех пор святое учение там почти забыли, ибо мало кто из христиан посещал далекую страну. Димитрий предложил Пантену ехать проповедовать в Индию. Путь был труден, и дело небезопасно, но Пантен не утратился. Поручив училище своему ученику, Клименту, он отправился в Индию. Не сохранилось известий о его деятельности там; знают только, что в Индии он нашел написанное по-еврейски Евангелие от Матфея, оставленное там апостолом Варфоломеем. По возвращении Пантен опять стал во главе училища.

Климент, один из ученейших мужей своего времени, вначале тоже был язычником и последователем эллинской философии, но, по милости Божией, узнав истину, он полюбил ее всей душой и стал ей ревностно служить. Он тщательно изучал Писание и посетил Грецию, Италию и Палестину для того, чтобы увидиться со знаменитейшими отцами Церкви и получить от них наставления. Он был посвящен в пресвитеры и после Пантена сделался главой Александрийского училища, которое при нем и при ученике его, Оригене, достигло высшей степени славы. Климент Александрийский написал много замечательных сочинений, хотя его немного упрекают в пристрастии к греческой философии.

Распространению веры много способствовали переводы Священного Писания, явившиеся во II веке: латинский (или италийский) перевод Ветхого и Нового Завета и сирский перевод Нового Завета, очень верный. Появилось и три греческих перевода всего Писания, но они были сделаны иудеями¹⁰², которые не благоприятствовали христианам, поэтому значительно изменили текст.

Христианская вера распространялась все больше. В Риме богатые и знатные граждане целыми семействами и фамилиями обращались к истине. Явного гонения не было, но исповедание христианской веры не являлось безопасным, потому что прежние указы могли привести в действие в любое время по воле властей. Вот что случилось при Коммодe. Один раб донес начальству, что его господин, сенатор Аполлоний, исповедует христианскую веру. Раба казнили, потому что указом Марка Аврелия запрещались подобные доносы, но существовал указ и против тех, которые, будучи уличены в исповедании христианской веры, не согласятся отречься. Судья призвал Аполлония, убеждал его отречься, но тот отказался. Тогда судья велел ему изложить письменно свою веру. Аполлоний, в присутствии всего сената, изложил веру и был казнен (186 г.).

Некоторые писатели сообщают, что примерно в это время британский король Люций присылал в Рим просьбу направить к нему наставников и что Тимский епископ Елевферий будто отправил в Британию проповедников, которые с успехом благовествовали¹⁰³.

Но это известие сомнительно. Достовернее, что Британская Церковь была основана проповедниками с Востока. Это подтверждается тем, что длительное время древние шотландцы праздновали Пасху по календарю восточных Церквей.

Спор о времени празднования Пасхи, миролюбиво разрешенный между Римским епископом Аникитой и Смирнским Поликарпом, опять возник в конце II века. Виктор, преемник Елевферия, созвал по этому поводу в Риме Собор и написал к Азийским Церквам письмо, в котором требовал, чтобы они праздновали Пасху в одно время с Церквами Запада и некоторыми восточными: Иерусалимской, Антиохийской и др. Он был, бесспорно, прав относительно времени празднования, но не имел права требовать послушания от других епископов. Поликрат, епископ Ефесский, посоветовавшись, отвечал, что Азийские Церкви не отступят от древнего предания. Виктор, раздраженный ответом, объявил отлученными от

---

¹⁰² Акилой, Феодотионом и Симмахом.

¹⁰³ Полагают, что первые проповедники Евангелия в Британии, или Англии, были апостолы Аристовул и Симон Зилот.

Церкви не соглашавшихся с ним. Этот поступок возбудил общее негодование. Многие епископы писали Виктору послания, в которых порицали его образ действия, хотя и соглашались с ним по вопросу о времени праздника. Ириной в послании порицал Виктора за поступок, несовместимый с христианской любовью, и напоминал о миролюбивом его решении Аникитой и Поликарпом. Он писал и о разногласиях между Церквями относительно поста. «Тем не менее все они сохранили мир, и мы живем между собою в мире, и разногласием касательно поста утверждается согласие веры». Виктор отменил свое действие. Мир был восстановлен, и каждая Церковь продолжала держаться своего обычая.

Надо заметить, что в первые века не видно ни малейшего следа той власти над Церковью, которую Римские епископы присвоили себе впоследствии, выдавая за свое древнее право. Имя папы, которое встречается во II и в III столетиях, не принадлежало исключительно Римскому епископу и не означало особой степени иерархии. Епископы крупных городов, в которых Церкви были основаны апостолами, имели право пастырства над прочими епископами страны. Епископ Елийской (Иерусалимской) Церкви пользовался огромным уважением. Епископ Александрийской Церкви присматривал за Церквями в Египте, Ливии и Пентаполе. Таким же образом и Римский епископ имел смотрение над Церквями этой страны и уважался, как первый епископ, потому что был епископом первого города или столицы; но это первенство не давало ему власти. Мы видим, что попытка Виктора присвоить себе некоторую власть была встречена всеобщим негодованием. Церкви различных стран совещались между собой в духе мира и взаимной любви, как члены одного целого. Степень уважения, оказываемого епископам, определялась не столько местом их пастырства, сколько личными достоинствами. Каждый служил Богу теми дарами и средствами, какие получил от Него. Наставления и советы давались со смирением и принимались с любовью. Если возникал какой-либо важный вопрос, Церкви сообщались письменно или епископы страны собирались, чтобы обсудить его. Так Церковь в Галлии писала к Римской по поводу монтанистов; так созывались в Риме,

Кесарии, Ефесе и в других местах Соборы по случаю спора о времени празднования Пасхи и о ересях Кердона, Маркиона, Монтана.

В конце II века в Карфагене (Северная Африка) жил писатель, успешно защищавший христиан от ложных обвинений, – Тертуллиан¹⁰⁴. Его отец, язычник, дал ему прекрасное

¹⁰⁴ Тертуллиан (полное имя Квинтсептим Флорент Тертуллиан) – апологет и учитель ранней Церкви. О биографии Тертуллиана сохранились самые скудные сведения. Он родился около 160 года в североафриканском городе Карфаген, в семье центуриона. Семья его была языческой, поэтому в молодости он относился к христианству враждебно. Позже, около 195 года, Тертуллиан воспринял христианство. К этому времени относятся основные произведения его: трактаты «О свидетельстве души», «О Плоти Христа», «Против Гермогена». В своем творчестве Тертуллиан исходил из той мысли, что вера Христова имеет сверхразумный, парадоксальный характер. Тертуллиан решительно отвергает попытки упростить, разъяснить, сделать доступными обыденному сознанию земной путь Христа и Его спасительную миссию. Наоборот – только посредством веры человек может прояснить их значение для себя. Ему принадлежит известное изречение о том, что душа христианка по своей природе. На этом основании Тертуллиан безоговорочно отвергает философию и вообще всякую мудрость мира – по его мнению, вредную и ненужную для христианина. Как религиозный прагматик, он спорит с гностиками – распространенным во II—III веках еретическим течением платонического толка – и обосновывает телесность Христа, подлинность, а не призрачность Его Воплощения, земных Страданий и Воскресения, ибо, как говорил апостол Павел, *если Христос не воскрес, то тщетна и вера наша*. Другим важным аспектом его творчества является апологетика – защита христианства перед лицом гонений и разъяснение его смысла для общества. Как апологет, Тертуллиан и известен больше всего в истории христианства. Окончание жизни его складывается трагически. Ригоризм, свойственный в целом для его взглядов, предпочтение индивидуального разума и благочестия, отрицание рациональных начал и возможности каких-либо компромиссов, выразившееся в знаменитом тезисе: «Верую, потому что абсурдно», – приводят мыслителя к разрыву с Церковью. Тертуллиан принимает сторону еретика Монтана, учившего, что христианство отказалось от истины и пошло на уступки миру. Монтанисты пытались воспроизвести у себя образ жизни первых христианских общин, состоявший, как они думали, в суровости быта, общности имущества и отрицании иерархии. Перед смертью Тертуллиан разочаровался и в них и пробовал основать собственное движение тертуллианистов. Умер он около 220 года в безвестности и осуждении. Труды его были впоследствии расценены как не вполне канонические, хотя и не были запрещены совсем. Позиция неприятия мира и суетной мирской мудрости по-прежнему останется сильна в Церкви, однако она получит необходимое дополнение в традициях соборного общежития и учительства, общественной добродетели, осознании исторической ответственности

образование. Тертуллиан изучил все науки, особенно полюбив историю и философию, знал греческий язык и законоведение. Но при всей своей учености и блестящих дарованиях, он (в молодости) вел порочную жизнь и, как сам говорит, смеялся над христианской верой. Впоследствии, по милости Божией, он открыл в ней истину и возлюбил ее. Оценив добродетельную жизнь христиан, их твердость при допросах и истязаниях, он захотел понять источник их праведности и твердости духа. Тогда он стал изучать Священное Писание и убедился в истине пророчеств и в чистоте христианского учения. Он принял веру, над которой вначале смеялся, стал вести строгую и добродетельную жизнь и смело защищать гонимых христиан. Его посвятили в пресвитеры. Он посещал осужденных христиан, писал к ним увещательные письма, оспаривал лжеучителей и в 199 или в 200 году подал сенату замечательную апологию, в которой доказывал ложность и нелепость языческого богопочитания. Эта апология написана на латыни (как и все сочинения Тертуллиана) и отличается убедительностью и живым, увлекающим красноречием. Кроме апологии, Тертуллиан написал еще много сочинений: о свидетельстве души, о крещении, о зрелищах, против Праксея, две книги к супруге своей.

Доказывая истину христианской веры, Тертуллиан приводит ветхозаветные пророчества, указывает на внутреннее сознание всякого человека и на творение, из которого можно познать Творца. «Мы, – пишет он, – поклоняемся единому Богу, Творцу мира и всего, что в нем. Бог невидим, хотя во всем являет Себя; неосязаем, хотя благодатью открывает нам Себя...»

Он говорит, что Господь открывает Себя людям делами Своими, всем творением и голосом совести, которая, несмотря на страсти, заблуждения и суеверия, омрачающие ее, как скоро пробуждается, именует Бога своего. Чтобы открыть Себя нам и указать нам Свою волю, Господь дал нам Священное Писание и предрек о Себе через пророков. О Господе Иисусе Тертуллиан говорит словами, сходными с теми, которые приняты в Символе веры: «Слово есть Дух от Духа, Бог от Бога, как бы свет от света. Он Сын Божий, и оба суть едино».

Христиан обыкновенно представляли непокорными царю. Тертуллиан отражает это обвинение. «Мы не обращаемся с молитвой за царя к богам, которые не существуют, – говорит он, – к идолам, которые сами нуждаются в защите его; мы молимся о нем Богу вечному, живому. Мы чтим государя, ибо знаем, что он Богом поставлен, но я не назову его богом, потому что не умею лгать и слишком уважаю его, чтобы смеяться над ним. Мы молим о нем Бога истинного, Который дал ему и царство, и жизнь. Возводя очи на небо, с распростертыми руками, с обнаженной головой, от сердца молим Его, да даст Господь царю долгую жизнь, царство безмятежное, во дворце безопасность; молим о храбрости воинств, о верности сената, о благонравии народа, о мире во всем мире. Мы молим всемогущего Того, Кто один силен исполнить моление наше. Мы служим Ему, мы поклоняемся Ему и готовы жертвовать жизнью за Него... Пусть нас терзают, пусть на крестах распинают, вооружаются против нас: молящийся христианин в состоянии вытерпеть все».

«Если бы мы хотели воздать злом за зло, – замечает далее Тертуллиан, – не легко ли было бы нам отмстить за обиды и притеснения, которые мы переносим? Но сохрани Бог, чтобы божественная вера прибегла из мести и к человеческим орудиям... Если бы мы были расположены действовать против вас как открытые враги, разве нам бы не достало силы и числа? Смотрите, мы существуем только со вчерашнего дня и уже наполняем все: ваши города, острова, крепости, дворцы, сенаты, лагеря, судилища; оставляем вам только ваши капища... На какую войну не были бы мы способны, мы, которые всегда охотно умираем? Но вера наша повелевает нам лучше принять смерть, чем причинять ее... Если бы мы даже

не хотели восставать против вас с оружием в руках, то имеем возможность и иначе вредить вам. Стоит нам удалиться от вас, и вы изумитесь безлюдности областей ваших!»¹⁰⁵

Тертуллиан довольно подробно описывает общественное богослужение христиан и образ их жизни, упоминает об их взаимной любви, побуждающей каждого из них не тратить свои доходы на собственные забавы и на самоугождение, как это делали язычники, но употреблять их на вспомоществование бедным, больным, вдовицам и сиротам, изгнанным за истину, и всем страждущим и нуждающимся. Он говорит о доброй нравственности христиан, о честности, с которой они выполняют все обязанности, лежащие на них, никогда не прибегая к обманам и неправде, как это делали язычники.

«Пусть о том свидетельствуют собственные списки ваши, – говорит он. – Между преступниками, осуждаемыми на наказание и заточение за убийство, воровство и другие преступления, есть ли хоть один христианин? Вами, язычниками, полны темницы; а если в них заключены христиане, то уж разве только за то, что они христиане, если же христианин виновен в преступлении, то это уже доказывает, что он перестал быть христианином...

А между тем вы преследуете христиан. Народ и не ожидая приговора судей побивает нас камнями, сжигает наши жилища. В ярости своей он не щадит даже умерших и из гробниц вырывает тела христиан, чтобы терзать их. Все служит предлогом для ненависти вашей: разольется ли Тибр, или разольется Нил, случится ли засуха или землетрясение, голод или болезнь, тотчас поднимаются крики: «Христиан львам!» – как будто до пришествия Иисуса Христа никогда не испытывалось подобных бедствий...

---

¹⁰⁵ Несмотря на пережитые гонения, христиане к началу IV в. составляли, по подсчетам историков, около 10% населения империи; но много было и тайно сочувствовавших им.

Тертуллиан

Но терзайте нас, сколько хотите! вы этим ничего не выиграете: мы размножаемся по мере того, как вы нас пожинаете, и кровь мучеников делается семенем христианства... Многие философы ваши убеждали к терпению; но дела и примеры христиан красноречивее, чем поучения философов... Мы благодарим вас за ваши приговоры против нас. Вами мы осуждаемся, а от Бога получим прощение!..»

К сожалению, впоследствии Тертуллиан впал в некоторые заблуждения и был увлечен монтанистами; но все сочинения, написанные им до этого, весьма замечательны и заслуживают внимательного изучения. Как и где умер Тертуллиан неизвестно; полагают, что он дожил до глубокой старости.

* * *

На некоторые обряды и обычаи христиан II века мы уже указывали. Тертуллиан упоминает о восприемниках при крещении малолетних. При крещении давалось имя. Взрослые готовились к крещению оглашением, срок которого был от сорока дней до двух лет. Оглашенные не могли присутствовать при совершении Таинств и удалялись, когда диакон возглашал: «Оглашенные, изыдите!» Молитва Господня могла быть произнесена лишь теми, которые уже приняли Святое Крещение. При литургии верных, последней и важнейшей части

литургии, не могли присутствовать и кающиеся. Впавшие в тяжкие грехи отлучались на время от Церкви и допускались к общению с верующими только после покаяния. Время покаяния определялось Церковью сообразно со степенью вины.

Крещение совершалось преимущественно в навечерие Пасхи и Пятидесятницы. Имена крещаемых вносились в список для возношения о них духовной жертвы Богу. Крещение совершалось через троекратное погружение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Перед крещением крещаемый, если он был взрослый, и восприемник его, если младенец, обращаясь вначале к западу, отрекался от дьявола и всех дел его; потом, обращаясь к востоку, обещал служить Богу. Обращение к востоку знаменовало обращение к Солнцу Правды, воссиявшему на востоке. Вслед за крещением совершалось Таинство Миропомзания, вначале всегда самим епископом, а впоследствии и пресвитером, но миро благословлялось епископом. Крещаемому вручали восковый светильник в знак духовного просвещения. Во II веке упоминается о молитве и приношениях за умерших. Как живые приносили дары свои в Церковь, так вошло в обычай приносить их и от имени умерших как всегда живых во Христе членов Святой Церкви. Приношения состояли из предметов, потребных для богослужения, которые ставились перед алтарем; другие приношения делались для содержания церковнослужителей и нуждающихся. Ничего не принималось от людей порочного поведения, от кающихся и Церковью отлученных. Сохранился еще обычай общественных трапез, агап, но иногда этот обычай давал повод к злоупотреблениям, отчего начал в иных местах ослабевать. Со II века стала известна новая церковная должность – чтеца. Для богослужения собирались, кроме воскресных дней, по субботам, средам и пятницам, когда это было возможно. Тертуллиан упоминает и о ночной молитве. Ночь на Святую Пасху проводилась в молитвах и пении духовных песен. День Пятидесятницы праздновался очень торжественно. Для Таинства Причащения употреблялись квасной хлеб и вино, растворенное водой. Христиане очень часто причащались Тела и Крови Христовой. Многие брали на дом часть освященных даров и каждый день причащались дома; то же делали и отправившиеся в путь.

Глава XVI

Пятое гонение

Из апологии Тертулиана мы знаем, что в начале III века число христиан уже было огромным. Язычники жаловались, что храмы богов опустели, что города и деревни полны христиан и что число их умножается с каждым днем. В своей ярости язычники употребляли все средства против них, но ни заточение, ни истязания, ни смертная казнь, ни клевета не останавливали быстрого распространения учения Христова.

Септимий Север, вступивший на римский престол в последние годы II века¹⁰⁶, сначала как будто благоприятствовал христианам. Это приписывают влиянию одного христианина, по имени Прокул, излечившего его от тяжелой болезни. Достоверно не известно, что именно изменило расположение царя, но полагают, что причиной тому были новые волнения иудеев и отказ некоторых христианских воинов произнести языческую присягу. Септимий Север вдруг стал чрезвычайно строг к христианам и в 202 году издал указ, которым запрещалось, под страхом смертной казни, исповедовать иудейство и христианство. Язычники обрадовались, и по всей империи началось сильное (пятое) гонение.

---

¹⁰⁶ Септимий Север (11.IV. 146—04. II. 211) — римский император с 9 апреля 193 г., выдвинутый легионами после убийств Коммода и Пертинакса. Происходил из пунической семьи и стал первым так называемым солдатским императором. Вел активную оборонительную политику, одновременно подчиняя сенат императорской власти и выдвигая на муниципальные должности провинциалов. Вел большое строительство как в Риме, так и в провинции, особенно в Африке.

Бюст императора Септимия Севера. Мрамор. I–III вв. Париж, Лувр

В некоторых областях, например в Африке, вражда язычников против христиан была настолько сильной, что преследования начались еще до получения указа императора. В городе Карфагене привели к проконсулу двенадцать человек, обвиненных в исповедании христианской веры. Среди них – Сперата и трех женщин: Донаты, Секунды и Веститы.

– Вы получите прощение, – сказал проконсул, – если образумитесь и воздадите богам подобающую им честь. Присягните гением императора, и я отпущу вас.

– Мы не знаем, что такое гений императора, – отвечал Сперат. – Мы служим Богу невидимому и ни в чем не виновны против законов страны. Чужого мы не берем, платим подати, потому что так повелел император. Его мы чтим как господина, данного нам Богом, но поклоняемся Богу, Царю царей и Вседержителю.

Проконсул обратился к другим обвиненным и сказал им:

– Не слушайтесь этого безумца, а убийте государя и не преступайте его велений.

– Мы боимся Бога Небесного, – отвечали христиане. Их заковали и отвели в темницу.

На следующий день проконсул снова призвал их и стал вначале увещевать женщин.

– Воздайте государю должную честь, – сказал он им, – и принесите жертву богам.

– Мы почитаем кесаря как кесаря, – отвечала Доната, – но Богу одному воздаем моление и поклонение.

То же объявили и другие женщины.

– Упорствуешь ли ты в исповедании христианской веры? – спросил проконсул у Сперата.

– Да, – отвечал Сперат. – Услышьте все, здесь присутствующие, я христианин!

Остальные тоже объявили, что они христиане и готовы с радостью умереть за Христа.

– Какие книги вы читаете? – спросил проконсул.

– Четыре Евангелия Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, послания апостола Павла и все Писание, вдохновенное Богом, – отвечал Сперат.

– Я вам даю три дня на размышление, – сказал правитель, – образумьтесь.

– Я христианин, – сказал Сперат, – и все товарищи мои тоже христиане. Мы никогда не отступим от веры во Христа. Делай с нами, что хочешь.

Тогда проконсул осудил их на смертную казнь за исповедание христианской веры и за отказ воздать должную честь государю. Все они воскликнули:

– Благодарим Господа за то, что благоволил принять нас как мучеников за имя Свое.

Перед казнью христиане встали на колени и, помолившись, сложили головы под секиру.

Когда до Карфагена дошел царский указ, то гонение усилилось еще больше. Множество мучеников прославило Господа, мужественно умирая за Его имя. До нас дошло подробное повествование о страданиях некоторых из них: Перпетуи, Филицитаты, Ревоката, Сатурнина, Секунда, Сатура. Все они готовились принять Святое Крещение, когда их схватили и привели на суд. Вивия Перпетуя была знатной и богатой молодой женщиной, Филицитата – ее служанкой. Перпетуя сама описала допросы и свое заточение в темнице. Ее отец был язычником и вместе с судьями умолял ее отречься от Христа, но его мольба, как и угрозы судей, была тщетна.

Допросы продолжались несколько дней. В течение этого времени все обвиненные нашли средство принять Святое Крещение. Это наполнило их еще большей ревностью, и они только молили Бога, чтобы Он даровал им силу все перенести за имя Его. Вскоре их заключили в мрачную темницу, до того тесную, что в ней едва можно было дышать. Филицитата должна была вскоре родить. Перпетуя с детства жила в богатстве и роскоши, но ее не огорчало лишение удобств, к которым она привыкла. Она тревожилась только о единственном своем ребенке, младенце, которого она еще кормила грудью и которого у нее отняли. Наконец, два диакона выхлопотали для узников более просторное помещение, и родные и друзья могли посещать их. Перпетуе принесли ее младенца. Она поручила его родителям, ибо знала, что сама будет осуждена на смерть, и твердо решила остаться верной Христу до конца.

Тяжело было ей видеть скорбь родителей. Отец со слезами умолял сжалиться над ним и над младенцем. «Дочь моя, – говорил он, – пожалей меня. Вспомни, что я всегда любил тебя более всего на свете; сжался над невинным младенцем: как будет он жить без тебя? Не бесчести рода твоего. Посмеем ли мы показаться куда-нибудь, если ты умрешь позорной смертью от руки палача?» И старик становился на колени, целовал руки своей дочери. И мать плакала, но молчала, ибо сама была втайне христианкой.

Сердце Перпетуи разрывалось при виде скорби родителей, но веры своей она не могла оставить и для них. Она только говорила отцу: «Не скорби, отец, будет то, что угодно Богу: мы зависим не от себя, а от воли Его».

Господь в милости Своей укреплял Перпетую чудными видениями и указывал ей блаженство тех, которые остались верны Христу. Она с радостью переносила заточение, и мрачная темница казалась ей местом покоя и отрады, земные скорби становились ничтожными в ожидании небесной славы.

Узников опять повели к публичному допросу. Все они твердо исповедали свою веру в Христа. Отец Перпетуи явился на судилище с ее ребенком; он все еще надеялся, что любовь к младенцу склонит ее к отречению. Он снова начал ее умолять. Председатель суда, Иларий, присоединился к нему. «Неужели, – говорил он, – ты решишься опечалить старика-отца и покинуть невинного младенца? Согласись совершить жертвоприношение».

– Не могу, – отвечала решительно молодая женщина, – я христианка.

Отец продолжал увещевать, хотя судья, после решительного отказа Перпетуи, приказал ему удалиться. Это опечалило Перпетую больше, чем все, что она терпела до того. Иларий произнес смертный приговор. Все христиане осуждались на растерзание зверями. Выслушав приговор, они возвратились в темницу.

Филицитате наступило время родить; она стонала, мучаясь родами. Кто-то сказал ей: «Если ты стонешь теперь, что же будет, когда тебя бросят зверям?»

– Я теперь мучаюсь одна, – отвечала она, – а тогда Господь понесет страдания мои, потому что буду мучима за Него.

Кротость и твердая вера христиан так поразили одного из сторожей, что тот сам обратился ко Христу и после старался облегчить их участь. Накануне дня, назначенного для казни, множество народа из любопытства пришло посмотреть на узников во время их обеда. Христиане, обратясь к язычникам, стали говорить им о Суде, о будущей жизни, о духовной радости, которая наполняет их сердца. «Всмотритесь хорошенько в наши лица, – говорил Сатурнин, – чтобы узнать их в день Суда».

Для казни был выбран день рождения сына императора, ибо такие торжественные дни отмечали потешными играми. Все христиане с радостью пошли на смерть. Перпетуя пела победную песнь, Сатурнин смело говорил Иларию и народу о Суде Господнем. Перед казнью их всех жестоко били, потом выпустили на них зверей. Копьями добивали тех, которых звери не загрызали до смерти. Господь дал слабым женщинам силу бесстрашно встретить ужасную смерть. Перпетуя, уже раненная, не чувствовала боли, и удивилась, увидя на своем теле следы звериных когтей. Она подала руку Филицитате, подняла ее и сказала двум молодым христианам: «Пребудьте тверды в вере и не страшитесь страданий». Народ вызвал мучениц на середину амфитеатра, чтобы видеть их смерть. Они поцеловались, вышли на середину арены, и тут гладиаторы закололи их.

Сильным гонение было и в Галлии. О нем не сохранилось подробностей, но известно, что святой Ириней скончался в Лионе мученической смертью. Так увенчалась жизнь, вся посвященная трудам во славу Божию и на пользу ближних. Это было около 203 года.

В Египте гонение свирепствовало с такой силой, что многие христиане ожидали пришествия антихриста и конца века. И тут верующие показали изумительное мужество. Даже слабые женщины, укрепленные верой, переносили с радостью ужасные истязания.

Одна молодая рабыня редкой красоты по имени Потамиена, была предана на казнь своим господином, который донес на нее. Ее мучили, потом медленно опустили в котел с кипящей смолой. Во время допроса и истязаний присутствовавший народ осыпал девицу ругательствами. Но один воин, именем Василид, тронутый ее терпением и кротостью, старался, сколько мог, ограждать ее от оскорблений разъяренной толпы. Потамиена поблагодарила его и обещала, что по смерти станет молить Господа о спасении его. Прошло время. Однажды товарищи Василида по какому-то случаю требовали от него клятвы. Он сказал, что клясться не может, потому что он христианин. Ему не поверили, подумали, что он шутит, но он повторил исповедание свое, и его отвели к судье. И тут Василид продолжал утверждать, что он христианин, и судья велел заключить его в темницу. Некоторые христиане, услышав об этом, посетили его и расспрашивали о причине такого внезапного обращения. Василид рассказал им, что через три дня после казни Потамиены девица явилась ему и, возложив на голову венец, сказала, что она исполнила свое обещание и что он скоро умрет за имя Христа. Василид в темнице принял Святое Крещение и вскоре был казнен как христианин.

Схватили христианина по имени Леонид и заключили в темницу. У Леонида было большое семейство: жена и семеро детей, из которых старшему шел только семнадцатый год. Все семейство, по смерти его, должно было остаться в крайней нищете, потому что, по царскому указу, имущество осужденных за веру отбиралось в казну. Но и это не поколебало

твердости Леонида и не заставило его отречься от Христа. Старший сын Леонида, Ориген, писал к отцу в темницу: «Отец, не беспокойся о нас и не уклоняйся от мученичества ради нас». Леонид умер мученической смертью. Заботы о семье не поколебали его твердой веры и совершенного упования на Господа.

Глава XVII

Ориген. Шестое гонение. Писатели и отцы Церкви

Ориген, сын мученика Леонида, родился в Александрии и был воспитан в христианской вере¹⁰⁷. С раннего детства отец заставлял его заучивать наизусть уроки из священных книг. Одаренный замечательными способностями, Ориген быстро успевал во всех науках. Священное Писание особенно привлекало его, и он часто задавал отцу такие глубокомысленные вопросы, что тот вынужден был сдерживать его любознательность. В сердце же своем Леонид удивлялся ему и благодарил Бога, что удостоился быть отцом такого сына. Рассказывают, что ночью он иногда подходил к кроватке ребенка и с благоговением целовал его в грудь. «В этой груди, – говорил он, – Дух Святой готовит Себе обитель».

Достигнув юношеского возраста, Ориген стал посещать знаменитую Александрийскую огласительную школу, в которой Климент был тогда главным наставником. В это время началось страшное гонение. Юноша, пламенно любивший Господа, жаждал мученичества за имя Его. Он сам искал опасности, желая умереть за свою веру. Когда взяли отца, его ревность еще больше воспламенилась; он хотел сам выдать себя судьям и умереть с отцом. Мать умоляла его побереечь себя и даже спрятала одежды его, чтобы помешать ему выходить из дома. Боясь, как бы мысль о семье не поколебала твердости отца, Ориген написал к нему в темницу увещательное письмо. Леониду отсекали голову мечом, и семья осталась в крайней нищете. Одна богатая женщина взяла Оригена к себе в дом. Но эта женщина была склонна к заблуждениям гностиков и имела у себя в доме, как сына, одного из знаменитых лжеучителей. Она пожелала, чтобы Ориген присутствовал при молитвенных собраниях, которые происходили у нее под председательством лжеучителя. Ориген отказался молиться с человеком, распространявшим превратное учение о Христе, и оставил дом своей покровительницы. Он открыл у себя школу и уроками содержал себя и свое семейство. Вскоре стал известен, и знатные люди Александрии приходили слушать его. Ориген учил, а в свободное время сам учился, слушал знаменитых александрийских философов, изучал системы еретиков. Своим

---

¹⁰⁷ Ориген — один из учителей ранней Церкви. Творчество Оригена занимает видное место в истории становления христианского богословия. Ориген родился в Александрии около 185 года. Его отец Леонид состоял преподавателем грамматики в христианском училище. В 202 году, во время очередного гонения на христиан, Леонида казнили, и молодой Ориген стал давать уроки вместо отца, желая доставить необходимое пропитание осиротевшей семье. С течением времени раскрылись богатые умственные дарования Оригена. Он получил широкую известность как толкователь библейских текстов, написал множество трудов, главный из которых озаглавлен «О началах». Мыслитель обладал развитой интуицией, он верно почувствовал основной недостаток и причины тупика эллинской философии – недостаток знания о происхождении и назначении человека. На это место Ориген поставил бого-откровенное христианское знание. Одним из важнейших достижений христианской мысли Ориген считал учение о свободе воли. В рамках античной философии было принято думать, что человек свободен тогда, когда отсутствуют препятствия для его желаний. Ориген, напротив, держался той мысли, что свобода заключена в добровольной решимости человека следовать Божественным заповедям. Если античная мудрость учила не желать слишком многого, то Ориген полагал, что человеку доступно все, если он следует по пути, указанному Христом. Метод, которым пользовался Ориген, впрочем, оставался довольно умозрительным и формальным. Философ скорее интеллектуально додумывал и достраивал возможные положения христианской доктрины и ответы ее на основные вопросы античной мысли, нежели выводил их из реального духовного опыта, церковного или собственного. Так в результате формально-логического рассуждения в его учении появляется ряд сомнительных и даже противоречащих христианскому убеждению богословских идей: о невозможности вечных мучений и всеобщем, включая бесов и дьявола, прощении в конце времен; о «предсуществовании» души до рождения, об освобождении души от телесности как условии духовного восхождения и т. д. Во всех этих пунктах Церковь осудила писания Оригена. В 231 году Александрийский епископ Димитрий лишил его пресвитерского сана и даже изгнал из Александрии. Однако Палестинская, Финикийская, Аравийская и Ахайская Церкви не поддержали епископа. Ориген не сопротивлялся, но и не отказывался от своих мнений. Представления о личной строгости в исповедании веры, аскетизме в частной жизни соединялись в нем с желанием пользоваться неограниченной свободой философского творчества. Тем не менее Ориген высоко ценил подвиг мученичества и открыто стремился к нему. Господь сподобил его пострадать за веру уже в старости. Философ скончался около 254 года, в возрасте 70 лет, претерпев пытки за веру во время очередного гонения (по другим сведениям – после тяжелого тюремного заключения, разурившего его здоровье).

слушателям Ориген смело объяснял христианское учение, говоря о нем как о единой, вечной истине, которая одна может просветить ум; и много язычников, слушая его, принимало христианскую веру, хотя гонение все еще продолжалось. Климент, начальник огласительной школы, вынужден был удалиться. Тогда Димитрий, Александрийский епископ, предложил Оригену занять его место. Оригену шел в это время девятнадцатый год.

Ориген

К нему стали приходить язычники, чтобы слушать его. Ориген занимался преподаванием не только в училище, но и дома беседовал со всеми, приходившими к нему, глубоко изучал учения философов и еретиков, чтобы успешнее действовать против них. Ночи он проводил в молитве и чтении. Гонение между тем все усиливалось. Ориген посещал заключенных в темницах, сопровождал мучеников на место казни, защищая христиан и славя их подвиг. Иногда разъяренная толпа бросала в него камнями, осыпала его ругательствами и угрозами. Однако он не попал в число мучеников: Господь хранил его. Можно также предположить, что городские власти старались оградить человека, прославившегося своей ученостью, ибо ученость была уважаема в Александрии. Некоторые из учеников Оригена, обращенных им из язычества, сподобились мученической кончины: Плутарх, Серен, Ираклид, Ирон и другие. Иногда чернь с оружием в руках преследовала Оригена, окружала его дом, желая предать смерти. Однажды народ насильно возвел его на ступени храма египетского идола Сераписа, одел в одеяние жрецов и потребовал, чтобы он раздавал пальмовые ветки всем приходившим в храм на поклонение идолу. Таков был языческий обычай. Ориген взял ветви и, раздавая их приходящим, говорил: «Возьмите их не как пальмы идолов, но во имя Христа!»

Александрийское училище, известное уже при Пантене и Клименте, при Оригене достигло высшей степени славы. Но Ориген продолжал жить в величайшей бедности, имел одну одежду, ходил без обуви, довольствовался лишь самой необходимой пищей.

В 211 году Септимий Север умер, и гонение прекратилось. Сын его, Каракалла, хотя и был одним из самых жестоких римских императоров, христиан не преследовал. Так же

действовали и его преемники: Макрин Гелиогабал и Александр Север. Поэтому до 235 года Церковь Христова жила довольно спокойно, хотя, конечно, было несколько отдельных случаев мученичества. Александр Север благоприятствовал христианам, считая их честными и добродетельными людьми. Полагают, что его мать, Маммея, была христианкой. Он сам, как видно, не верил языческим богам. В своем дворце он имел молельню, в которой велел поставить изображения всех тех, которых уважал за добродетели, и всякое утро он поклонялся им, как богам. Тут были изображения Авраама, Иисуса Христа и – Аполлония Тианского, который при Нероне выдавал себя за чародея, имевшего чудотворную силу, и Орфея, певца, о котором упоминается в греческой мифологии. Александр часто повторял христианское правило: не делай другим того, чего себе не желаешь, и велел написать это изречение на стенах своего дворца и в присутственных местах. В христианской Церкви был обычай: при избрании епископа провозглашать всенародно его имя, чтобы всякий мог высказать о нем свое мнение, возражать против избрания, если не одобрял оное. Этот обычай так понравился Александру, что он повелел поступать точно так же при назначении гражданских чиновников: губернаторов и судей.

Однажды содержатель трактира или питейного дома принес императору жалобу на христиан, которые для совершения богослужения заняли место, ему принадлежавшее. Александр повелел оставить это место христианам, говоря, что лучше употребить это место для совершения богослужения, чем для трактира. Из этого ответа можно сделать вывод, что Александр признавал за христианами право открыто собираться для совершения богослужения. Полагают, что в его царствование были воздвигнуты первые христианские церкви: с этих пор о них часто упоминается, но в последовавшем затем гонении многие из них были сожжены.

Александру наследовал Максимин, родом гот, человек зверской жестокости. Его вскоре возненавидели и составили против него заговор. Он был открыт, и Максимин заподозрил, что участниками в этом заговоре были христиане, которые, конечно, оплакивали Александра. Он велел казнить до 4 000 человек, среди которых были все приближенные умершего императора, в том числе и много христиан. Примерно в это же время случились в Малой Азии страшные землетрясения, и снова, как бывало прежде, указывали на христиан как на виновников бедствий, считая убиение христиан очистительным жертвоприношением богам. В 235 году началось шестое гонение. Оно было направлено преимущественно против епископов и пресвитеров, но было много мучеников и из людей простого звания. Гонение было жестоким, но непродолжительным. Максимин царствовал только три года, а наследники его, до Декия (в 249 году), не были враждебными к христианам. Таким образом, за исключением трехлетнего гонения при Максимиане, Церковь была довольно спокойна в течение почти сорока лет. В это время много святых мужей прославились своими подвигами и неутомимым усердием на службе Божией. Этот же период, после смерти Септимия Севера, отмечен активной деятельностью Оригена.

Ориген посетил Рим, а по возвращении снова занялся училищем. Большое число учеников и разнообразие преподаваемых наук заставили его найти себе помощника, которому он поручил первоначальное обучение, а сам он сосредоточился на преподавании словесности, геометрии, физики, астрономии, знакомя слушателей с писаниями древних поэтов и философов и постепенно подводя их к уразумению высшей истины – Священного Писания. С утра до вечера толпились слушатели вокруг знаменитого учителя. И много язычников и еретиков, побеждаемых истиной, становились ревностными христианами.

Слава Оригена распространилась далеко. Правитель Аравии пожелал его слышать, и Ориген посетил Аравию, конечно, с надеждой обратить неверующих к Христу. О его пребывании там, впрочем, нет известий. По возвращении он вскоре был вынужден удалиться из Александрии по причине смут, посетил Палестину, Грецию и поселился в Кесарии Пале-

стинской. Епископ поручил ему пояснять Священное Писание всенародно в церкви. Когда об этом узнал епископ Димитрий, то выразил недовольство, писал, что неприлично мирянину проповедовать в церкви в присутствии епископов. Привели примеры, которые оправдывали этот образ действий, но Александрийский епископ отозвал Оригена обратно и с этих пор смотрел на него не совсем благосклонно. Неудовольствие его еще больше усилилось, когда при вторичном путешествии в Палестину Ориген был там рукоположен в пресвитеры.

Юлия Маммея, мать Александра Севера, тоже призывала к себе в Антиохию Оригена и слушала его внимательно.

Главным и любимым делом всей жизни Оригена было изучение Писания. Имея около тридцати лет от роду, он стал учить еврейский язык, собирал все известные тогда переводы священных книг и тщательно сличал их. В Александрии Ориген обратил к истине богатого человека по имени Амвросий, который прежде был склонен к гностическим заблуждениям. Амвросий сделался искренним христианином и беспрестанно умолял Оригена писать толкование на Священное Писание. Ориген, при своей огромной учености, из христианского смирения долго не решался приступить к такому труду. Но наконец мысль о пользе ближних победила: Ориген с молитвой принялся за великое дело. В то время, когда не было еще книгопечатания, ученые труды требовали значительных издержек, а Ориген был в крайней бедности. Но Амвросий радостно предлагал денежные средства. Ориген принимал то, что необходимо было для его трудов, но сам продолжал жить в бедности. Деятельность его была просто невероятна: семь нотариев (или писцов) едва успевали писать под его диктовку, и столько же переписывали набело его труды.

Гонение от епископа Димитрия побудило Оригена снова оставить Александрию. Он передал училище своему ученику Ираклу и поселился в Кесарии. Много учеников приходило его слушать, в их числе были Григорий и Афинодор Неокесарийские, Памфил и другие, прославившиеся впоследствии в христианской Церкви. Но Ориген не мог жить постоянно в Кесарии: со всех сторон обращались к нему, прося его совета или содействия. То призывали его на соборы, бывшие в Иконии и Аравии по поводу ложных мнений Берилла и других; то друг его, Фирмилиан Каппадокийский, звал его к себе. Максиминово гонение тоже заставило его удалиться на время из Кесарии. Но в продолжение долгих лет в Кесарии, в изгнании и в странствованиях, он тщательно занимался предпринятым трудом – исследованием и сравнением всех известных тогда переводов Священного Писания. Этот труд, самый огромный, который когда-либо был предпринят по этому предмету, стоил Оригену 28 лет постоянных усилий. Все издание было разделено на восемь столбцов. В первом вписывался еврейский текст Библии еврейскими буквами; во втором тот же текст – греческими; в третьем и четвертом были переводы Акилы и Симмаха; затем греческий перевод 70 толковников, сделанный в III в. до Иисуса Христа; в шестом, седьмом и восьмом – позднейшие переводы. Ориген отмечал знаками всякое изменение против текста Библии. Кроме того, сделал ко всему изданию пояснительные примечания. В некоторых переводах текст был очень искажен: либо по незнанию, либо преднамеренно, потому что переводчики были враждебны христианству. Исследования и пояснения Оригена были тем драгоценнее, что в ту пору много лжеучителей превратно толковали Священное Писание. Вообще весь его труд, известный под названием «Гекзаплы», служил пособием для позднейших исследователей Писания. К сожалению, подлинник сгорел в Кесарии в 653 году, и до нас «Гекзаплы» дошли только в отрывках (частях). Они были переведены на восточные языки.

К трудам своим Ориген приступал с чувством глубокого смирения и с сознанием, что один Бог может просветить его ум к уразумению Писания. Вот что писал он к Амвросию, побуждавшему его беспрестанно заниматься толкованием Библии: «Ты меня довел до сего, тогда как я, сознавая опасность, долго отказывался рассуждать о Священном Писании. Итак, ты будешь свидетелем моим перед Богом, когда Он будет испытывать жизнь мою и писа-

ния, с каким расположением принял я это на себя... Так как без Бога ничего не может быть доброго, особенно же разумения Святого Писания, то еще и еще прошу тебя молиться о мне и просить Бога, Отца всех, чрез Спасителя нашего и Первосвященника Бога рожденного, дабы мог я верно исследовать».

Ориген написал еще много сочинений. Древние писатели насчитывают их до шести тысяч, причисляя к ним краткие слова (или проповеди) и письма. Он оставил сведения о каноне Священного Писания, толкования почти на все книги Ветхого Завета; и из Нового – на Евангелие Иоанна и 1-е Послание к Коринфянам, книгу о молитве, о началах, увещание к мученичеству, обращенное к Амвросию, который пострадал при Максимиане. Одно из замечательнейших сочинений Оригена – его возражение против Цельса, языческого писателя, который еще во времена Марка Аврелия опровергал и осмеивал христианское учение в книге под названием «Истинное учение». Сочинение Цельса, по уму и глубокомыслию, было одним из самых замечательных, когда-либо написанных против христианства, и около ста лет оставалось без опровержения. Ориген убедительно возражает Цельсу.

Во время гонения, бывшего при Декии, Ориген был заключен в темницу. Его морили голодом, терзали огнем и железом в надежде вынудить от него отречение. Но Ориген, явивший еще в ранней молодости такую горячую ревность к Христу, в старости не утратил истязаний за Его имя. Он перенес все с твердостью и писал увещательные письма к христианам. Его освободили из темницы, но, изнуренный страданиями, он вскоре умер в Тире, в 254 году, семидесяти лет от роду. Он известен в церковной истории под славным прозвищем «Адамантов», что значит «непобедимый».

Отцы Церкви всегда с благодарностью и уважением относились к трудам Оригена, хотя в некоторых из них и усматривали заблуждения. Его обвиняли в пристрастии к Платоновой философии и в склонности к аллегорическому объяснению Священного Писания. Некоторые его мнения впоследствии возбудили споры. Неясностью их пользовались лжеучители, чтобы превратно толковать истину. Эти мнения были даже осуждены на Поместном Соборе. Но некоторые предполагают, что заблуждения, приписываемые Оригену, принадлежат не ему, а недобросовестным людям, которые, переписывая его сочинения, преднамеренно искажали их для того, чтобы потом поддержать свои ложные мнения знаменитым именем великого писателя. Сам Ориген, в письме к друзьям, жаловался на искажения и вставки, которые вносили в его сочинения¹⁰⁸.

В пристрастии к Платоновой философии обвинялись до Оригена и другие наставники Александрийского огласительного училища: Пантен и Климент. Климент считал, что философия, как искание истинной мудрости, как учение, направлявшее ум человека к изучению и решению самых возвышенных вопросов, должна готовить ум к уразумению Божественной истины. «Закон воспитал евреев, а философия эллинов ведет к уразумению христианства» – такую мысль выражал он в одном из своих сочинений. Действительно, в Александрии, где были так распространены философские учения, христианские наставники неизбежно знакомили с ними своих учеников, чтобы приготовить их ко всяким возражениям против истины. К тому же христианская истина не могла и не должна была опасаться учений языческих философов. Заблуждения философов вместе с их стремлением к уразумению истины служили только ясным доказательством, что все усилия человеческой мудрости недостаточны и что только свет Божественного откровения может рассеять мрак сомнений, озарив ум и сердце человека, указав ему цель, к которой он должен идти.

---

¹⁰⁸ После смерти Оригена, в силу разных причин, началась его травля, подавляющее число его произведений было уничтожено. Осуждение Оригена закончилось только после специального эдикта Юстиниана; этим же вопросом специально занимались на V, VI и VII Вселенских Соборах.

Нельзя не обратить внимания и на то влияние, которое имело христианское учение на языческих ученых в Александрии. Многие из них обращались искренно и становились усердными служителями Христа. Другие, если и не признавали божественности христианской веры, не могли, однако же, не признать превосходства христианского учения и пытались соединить нравственный закон христиан с философией Платона. Этому направления держался один из знаменитейших ученых Александрии, Аммоний Сакка. Впрочем, некоторые утверждают, что он был христианином. С другой стороны, в Александрии распространялись гностические учения и понятия восточных мудрецов о таинственных творческих силах, о борьбе добра и зла в природе и в душе человека. Из слияния всех этих воззрений составила постепенно система, известная под именем неоплатонизм. Ученики Аммония Сакка – Плотин, а за ним и Порфирий стали во главе этого направления, которое впоследствии в Александрии стало популярным.

Много святых мужей в это время показывали примеры добродетели и с успехом отражали нападения на христианство. Их называют отцами Церкви.

Святой Ипполит, ученик Ириней Лионского, был епископом в одном городе близ Рима (некоторые называют Остию, другие Порто). Он аргументированно опровергал учение Ноевтия, который неверно трактовал Святую Троицу. Под его влияние попали и два римских епископа, Зеферин и Каллист. До нас дошло много сочинений Ипполита против ересей, толкований на Священное Писание, бесед на праздники, правил апостольского благочиния; он же составил пасхальный круг. Год кончины Ипполита неизвестен, но достоверно то, что он скончался мученической смертью. Его последние слова: «Пусть они растерзают члены мои, а Ты, Христе, приими дух мой!»

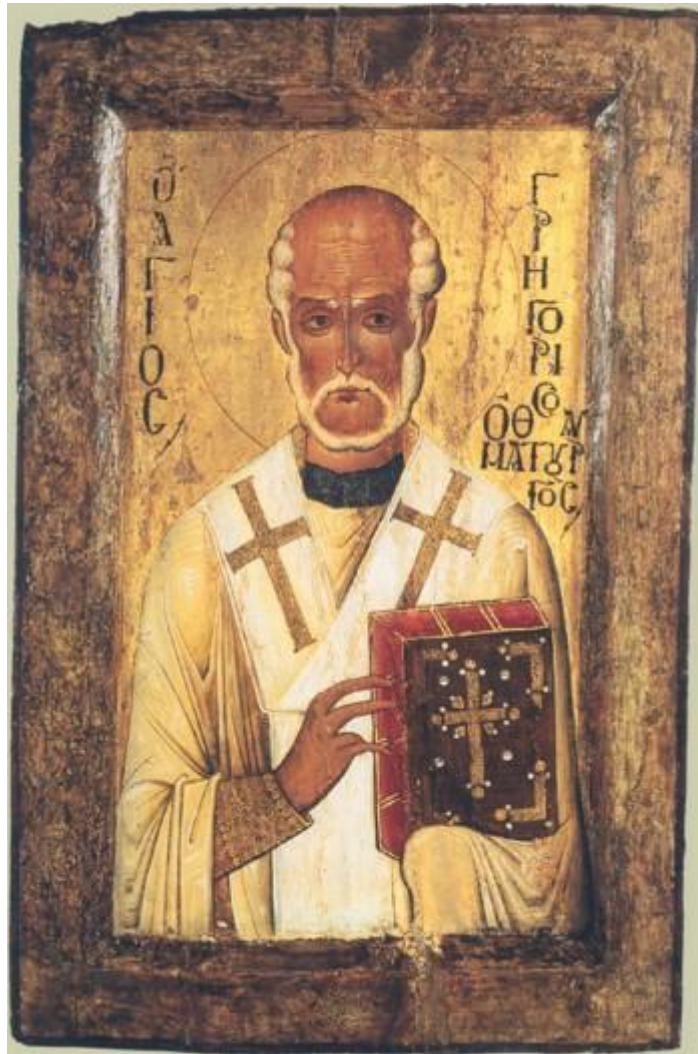
Святой Серапион Антиохийский активно выступал против монтанистов, Асклипаид Антиохийский прославился святой жизнью и мученической кончиной. Святой Дионисий Александрийский, ученик Оригена, был одним из самых замечательных пастырей Церкви; о нем мы еще скажем. Иерусалимский престол в то время занимали Наркисс, а после него Александр. О первом сохранилось замечательное повествование. Он был широко известен святостью жизни; но нашлись злые люди, которые оклеветали его. Свою клевету они подтверждали клятвой: один говорил, что готов погибнуть от огня, если лжет; другой призывал на себя тяжкую болезнь; третий сказал, что ослепнет в случае неправоты. Наркисс злобно перенес обвинения, но правосудие Божие постигло лжесвидетелей, и каждый из них претерпел то, что сам призывал на себя. Наркисс дожил до глубокой старости. Когда он стал слишком слаб, чтобы заниматься делами паствы, Сам Бог указал ему преемника. В одном из городков Каппадокийской области епископом был Александр, человек благочестивый, ученик Пантена и Климента, жестоко пострадавший при Септимии Севере. Он во сне получил от Бога повеление идти в Иерусалим. В то время как он подходил к городу, Наркиссу и некоторым священнослужителям таинственный голос повелел выйти за ворота и избрать в епископы того, которого Господь посылает им. Они вышли и, встретив Александра, убедили его остаться в Иерусалиме. Он уже был епископом в другом городе, но явное указание Божие устранило это препятствие, и его единодушно избрали епископом в Иерусалиме. Это был первый случай, чтобы епископ был переведен из одной Церкви в другую. Святой Александр сорок лет правил Церковью Иерусалима, собрал в этом городе большую библиотеку, преимущественно из книг, относящихся к вере Христовой. Впоследствии ей пользовался Евсевий при составлении «Церковной истории». Александр был ревностным защитником Оригена, во время гонений при Декии мужественно пострадал за веру и скончался в узах.

Самым знаменитым из святых мужей, живших в то время, был свт. Григорий Неокесарийский (или Григорий Чудотворец). Он родился в Неокесарии¹⁰⁹ от языческих родителей,

---

¹⁰⁹ Неокесария – город в области Понт, части Каппадокии; Понт располагался на северо-восточном побережье Малой

но рано понял суету идолопоклонства. Получив хорошее образование и достигнув определенного возраста, он должен был ехать в финикийский город Вирит, чтобы закончить там образование в знаменитом училище, а после поступить на службу. Но перед этим ему пришлось со своим братом Афинодором посетить Кесарию, где в это время учил Ориген. Фирмилиан, епископ Каппадокийский, познакомил двух юношей со знаменитым наставником, и вскоре оба брата, услышав его поучения, решили остаться при Оригене. Григорий (тогда еще Феодор, потому что имя Григорий ему было дано при крещении) стал внимательно слушать Оригена. Впоследствии, в благодарственном слове Оригену, он описал, какими путями знаменитый наставник вел своих учеников. Он наставлял их во всех отраслях знания, развивал способности и любознательность, изучением природы обращал внимание на могущество и благость Творца, знакомил с философскими учениями, которые объясняли явления природы и движения человеческой души. Убедив учеников в суетности человеческих усилий постигнуть Божество, Ориген начинал объяснять им Божественное откровение и христианский закон. Ориген озарил душу молодого ученика, рассеяв все недоумения, которые не могли разрешить языческие системы знаний. Уверовав, Григорий посвятил себя изучению Божественного Писания и всю жизнь ревностно служил Господу. Когда Ориген оставил Кесарию, молодой ученик последовал за ним в Александрию, где слушал других учителей, и снова возвратился в Кесарию, когда Ориген обосновался в этом городе. Здесь он принял Святое Крещение и возвратился в свое отечество, поблагодарив любимого учителя. Родители Григория были богатыми и знатными. Он мог бы занять высокое положение в обществе, но, озаренный светом истины, уже не дорожил земным величием, а желал уединения, чтобы полностью предаться молитве и изучению Божественного Писания. Но вскоре слава о его добродетелях распространилась, и новая сфера деятельности открылась ему.

Святитель Григорий Неокесарийский. Икона. Константинополь, первая половина XII в. ГЭ

В Неокесарии христиан тогда было всего семнадцать человек. Желая избрать себе епископа, они советовались по этому вопросу с Амасийским епископом Федимом. Все желали Григория, но Григорий удалился в пустыню. Неокесарийские христиане и Федим молили Бога, чтобы Он склонил Григория к принятию епископского сана: «Ты, Всеведующий и Всеблагий Господь! Призри в час сей на меня и на Григория и освяти посвящение благодатью Твоей!» Отсутствующего Григория провозгласили епископом. Григорий убедился, что на это служение призывает его Сам Господь, возвратился в Неокесарию, принял рукоположение и усердно взялся за свои новые обязанности.

Господь не оставлял его Своей милостью, и вся жизнь Григория в дальнейшем стала представлять собой ряд чудотворений, которые показывали язычникам силу Божию. Он исцелял больных, изгонял бесов, повелевал стихиям. На всю страну он имел самое благотворное влияние. Его благовествование, пример святой жизни и чудотворения обращали к Христу много язычников. Храмы их богов пустели, и нечистые духи уступали силе служителя Божия. К нему обращались все несчастные, больные, нуждающиеся или в совете или в помощи, и Григорий всех принимал, всех выслушивал и силой Божией помогал всем. Древние писатели, в особенности свт. Григорий Нисский, много говорят о чудесах, совершенных им. Его звали вторым Моисеем.

В это время, как мы уже говорили, многие еретики распространяли ложные учения относительно лиц Пресвятой Троицы¹¹⁰. Святитель Григорий часто молил Господа дать ему силу уразуметь истину, чтобы он мог правильно наставлять свою паству. И вот однажды ночью ему было чудное видение: Пресвятая Богородица и св. Иоанн Богослов и изложили ему в кратких словах главные истины христианского учения. Григорий записал этот краткий Символ веры, содержащий высокое учение о Святой Троице. Он известен под именем Символа Неокесарийской Церкви и звучит так: «Един Бог Отец Слова живого, премудрости и силы самосущей, и образа Вечного; совершенный Родитель Совершенного, Отец Сына Единородного; Един Господь, единый от единого, Бог от Бога, образ и выражение Божества. Слово действительное мудрость, содержащая состав всего, и сила, зиждущая все творение: истинный Сын истинного Отца, Невидимый Невидимого, Нетленный Нетленного, Бессмертный Бессмертного, Вечный Вечного. И един Дух Святой, от Бога исходящий, посредством Сына явившийся людям; жизнь, в которой причина живущих; святой источник, святыня, подающая освящение. Им является Бог Отец, Который над всем и во всем, и Бог Сын, Который чрез все. Троица совершенная, славою и вечностью и Царством нераздельная и неразлучная. Потому нет в Троице ни сотворенного, ни служебного, ни приводящего, чего бы прежде не было и что вошло бы после. Ни Отец никогда не был без Сына, ни Сын без Духа; но Троица непреложна, неизменна и всегда Одна и Та же».

Григорий обратил в веру Христову много язычников. Но когда вспыхнуло гонение, опасаясь, как бы новообращенные не проявили слабость при истязаниях, убедил их скрыться, ибо считал обязанностью не подвергать опасности жизнь, пока ее можно сохранить без нарушения долга. Он и сам вместе с диаконом удалился из города на гору и непрестанно молился и старался утвердить веру бывших с ним. Язычники искали его; воины, присланные за ним,

¹¹⁰ Сошествие на землю Богочеловека Иисуса Христа принесло человечеству новое откровение о Божестве. Будучи Единым по существу, Бог содержит в Себе и проявляет Себя Тремя Лицами: Отца, Сына и Святого Духа. Учение о Троице представляет наиболее сложную часть новозаветного богословия. Над выработкой и прояснением его напряженно работало церковное сознание III и IV веков; I и II Вселенский Соборы почти целиком были посвящены рассмотрению тринитарной темы. В результате Церковью принимается догмат о Триипостасном и Единосущном Божестве, создается целый ряд богословских исследований и объяснений его. Тем не менее человеческий ум не сумел до конца понять и раскрыть тайны Троицы. Отцы Церкви признают, что исповедание Пресвятой Троицы есть дело веры, не доказуемой рациональными методами. Святителю Спиридону Тримифунтскому удалось убедить в нем Никейский собор, лишь предъявив чудо: однородный материал плинфы (кирпича) после молитвы святого разделился на составляющие – огонь, воду и глину. Блаженному Августину, много размышлявшему о тайне Святой Троицы, было дано другое чудесное откровение: разрешить вопрос настолько же непосильно для человеческого сознания, как неподъемен труд вычерпать море и перелить его в песчаную лунку, ибо вода тотчас уходит в песок и возвращается на свое прежнее место. Все существующие богословские сравнения и параллели – с солнцем, которое одновременно проявляет себя светом, теплом и видом небесного тела; с произнесенным словом, которое имеет источником голос, производит движение воздуха и несет в себе смысл, – все эти и другие теоретические абстракции только поверхностно затрагивают тему Троичности Божества. Неудивительно, что при такой величине проблемы исповедание Святой Троицы вызывало вокруг себя множество споров и несогласий. Ереси, отрицавшие Троичность и Божество Иисуса Христа, преследовали христианство на протяжении всей истории – от первых веков (арианство) до современности («Свидетели Иеговы» и др.). Появление и усиление мусульманства до масштабов мировой религии также обусловлено нежеланием осваивать сложности тринитарной темы. Тем не менее конкретные Евангельские положения, свидетельствующие о Троичности Божества: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного (т. е. одного рода с Отцом), дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16); *Я и Отец одно* (Ин. 10, 30); *Не оставлю вас сиротами. Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины...* (Ин. 14; 18, 16–17) — легко сознаются и принимаются религиозной интуицией и совестным чувством верующих. Даже протестантская Реформация, рациональное и секулярное движение Нового времени, предпочла сохранить недоказуемую веру в Троичность, а не отступить от нее к более упрощенной логической схеме. Все наиболее важные положения христианства – догматы о Троице, о Евхаристии, о Рождении Сына Божия от Девы – носят парадоксальный характер и этим еще раз подтверждают сверхразумный, Богооткровенный источник христианской веры и знания, в то время как прочие религиозные системы возможно разложить в несложный культурно-психологический ряд. Тайна Пресвятой Троицы не укладывается в земные представления, но она объемлется и отчетливо выражается, например, художественным и поэтическим даром. Следы Троичного откровения отчетливо заметны на эпическом полотне библейской истории. Классическая параллель здесь — явление ветхозаветному Аврааму трех Ангелов. Теоремами Троичности, вместо богословских аргументов прибегающими к словесным формам и краскам, называют богооткровенные образцы искусств, такие как «Божественные гимны» прп. Симеона Нового Богослова, «Троица» прп. Андрея Рублева.

однажды даже дошли до самого того места, где он находился. Но, волей Божией, св. Григорий вместе с диаконом показались им деревьями, они остались невидимыми.

В древней Церкви избрание епископа совершалось не иначе как с участием двух или более епископов соседних городов или областей. Миряне тоже принимали участие в избрании: провозглашалось имя избираемого, и тогда все присутствовавшие имели право высказать о нем свое мнение. Иногда народ предлагал, иногда епископы предлагали. Случилось однажды, что пригласили св. Григория в город Команы¹¹¹ (или Кумы) для избрания епископа. Собрание было многочисленное и шумное, и долго не могли выбрать. Многие желали себе в епископы человека ученого, красноречивого, который был бы к тому же знатного происхождения. Григорий в краткой речи напомнил, что следует смотреть на внутренние достоинства человека, а не на его внешние преимущества, прибавив, что часто самая скромная наружность прикрывает великие качества и добродетели. Некоторые из слушателей, смеясь, сказали: «Если не обращать внимания на внешние достоинства, то уж не избрать ли нам Александра-угольщика?» Так звали одного бедного человека, который торговал в городе углем. «Кто же этот Александр-угольщик? – спросил Григорий. – Приведите его». В сердце же своем он помышлял: не без воли Божией произнесли это имя. Привели из толпы Александра: он был в бедной, изорванной одежде, покрыт угольной пылью, но Григорий и под этим смиренным видом узнал в нем избранника Божия. Он отвел Александра в сторону и из краткой беседы с ним узнал, что тот человек благочестивый и глубоко верующий, получил хорошее образование и лишь из смирения избрал труд и нищету. Александра умыли, одели в чистое платье, и когда он вновь явился к народу, то его едва узнали. Григорий завел с ним беседу о Священном Писании, и Александр поразил всех своим знанием, своей мудростью и величавым спокойствием. Все единодушно возгласили, что он достоин быть епископом. Он прошел первые церковные степени, а потом принял епископство. Благословение Божие пребывало на смиренном Александре, который с мудростью и простотой научал свою паству, подавал ей пример своей святой жизнью и скончался впоследствии мученической смертью.

Святой Григорий дожил до глубокой старости. После его смерти в Неокесарии осталось только семнадцать язычников, между тем как при вступлении в звание епископа было только семнадцать христиан.

Брат Григория, Афинодор, стал епископом в Понте и тоже славился святой жизнью.

Мы дошли в своем повествовании до 268 года, времени кончины свт. Григория¹¹². Возвратимся немного назад и посмотрим на состояние Церкви после гонения Максимиана.

---

¹¹¹ В начале IV в. близ этого же города мученически скончался свт. Иоанн Златоуст, сосланный туда в изгнание из Константинополя, а еще ранее Златоуста – мч. Василиск.

¹¹² Около 266-270 гг. Глава святителя находится в храме в Барселоне (Испания). В Москве существует единственный храм его имени, построенный Василием II в благодарность за избавление от татарского плена (перестроен при царе Алексее Михайловиче), где находится частица мощей святителя.

Глава XVIII

Седьмое гонение. Мученики в Александрии, в Малой Азии и в других областях

Наследники Максимиана не преследовали христиан; им было не до них. Опасности со всех сторон грозили Римской империи, которая видимо слабела: возникли беспорядки, при полном бессилии гражданских властей законы не соблюдались, воины за деньги продавали престол. Варварские народы пользовались неурядицей, чтобы опустошать области. Они видели жалкое состояние Римской империи и перестали ее бояться. На Востоке (с 230 года) образовалось новое, сильное государство персов, которое часто тревожило римские области в Азии. Все это отвлекло от христиан общее внимание. Один римский император, Филипп¹¹³, был к ним до того благосклонен, что некоторые писатели считали его христианином. Но это предположение опровергается тем, что он языческим торжеством отпраздновал тысячелетие Рима, чего христианин не сделал бы.

Как же пользовались христиане этим временем спокойствия? Как мы уже видели, отцы и писатели Церкви отражали лжеучения, назидали свои паствы словом истины, заботились о распространении веры в далеких странах. В это время проповедники обходили Галлию. Дионисий основал Церковь в незначительном тогда городе Париже. Много языческих ученых и философов осознавали истину Евангелия и становились ревностными христианами.

Но надо сказать, что при всех этих отрадных явлениях большая часть христианского общества отпала от прежнего благочестия. Долгая безопасность вызвала равнодушие к вере. Когда за веру ежедневно грозила опасность, и христиане постоянно ожидали смерти, они считали себя странниками на земле, не привязывались к земным благам и, стремясь всей душой к Небесному Отечеству, только в нем ожидали себе покоя и радости. В этой жизни, полной испытаний, вера была их единственной отрадой, и они охотно шли на смерть, храня ее до конца как единственное сокровище. Но теперь сердца христиан принадлежали не одному Богу. Они приобрели имущества и земли, торговали, сближались с язычниками, перенимали у них некоторые обычаи. С прискорбием говорит великий святитель Киприан, что христианские жены заботились о нарядах, румянились, участвовали в увеселениях язычников, что любовь к ближним остыла и что даже церковнослужители, пренебрегая своими обязанностями, хлопотали об умножении своего имущества. Ориген тоже жаловался на равнодушие христиан. «Иные приходят в церковь только в самые торжественные праздники, — писал он, — и даже тогда не столько для молитвы и назидания, сколько для развлечения. Иные уходят после чтения, не стараясь понять читанное и не слушая объяснения; многие вовсе не слушают чтения, а разговаривают где-нибудь в углу».

Но готовилось суровое испытание, которое опять пробудило ревность христиан. Еще за год до смерти императора Филиппа в Александрии какой-то языческий ученый возбудил народ, утверждая, что убийство христиан есть очистительная жертва, угодная богам. Народ вновь стал с яростью преследовать их: побивать камнями, грабить их имущество. Христианин не мог показаться на улице, чтобы его не осыпали ругательствами и побоями. Язычники хотели заставить христиан богохульствовать против Христа, но многие из них предпочли смерть. Пресвитер Метра и две женщины, Квинта и Аполлония, а также старец Серапион вытерпели истязания и сподобились мученической смерти. Затем междоусобная война отвратила внимание жителей Александрии от христиан; но это спокойствие стало кратким. Император Филипп был убит в сражении с Декием, который вступил на престол

---

¹¹³ Марк Юлий Павел Филипп (200—249 гг.) — император с 244 г., араб по происхождению.

в 249 году. Вскоре во всех областях появился указ царя, повелевавший предавать смертной казни всех христиан, которые не согласятся отречься от своей веры. Декий думал этим умиловать богов и отвратить бедствия, грозившие империи. Началось седьмое гонение.

Указ царя вызвал смятение и ужас у христиан. Большинство, полюбившие земные блага более Бога, не были готовы пожертвовать ими и, страшась смерти, оказались малодушными. Грустно было истинно верующим видеть толпы христиан, спешивших в судилище и языческие капища, чтобы отречься от Христа и принести жертву идолам. Многие являлись туда прежде, нежели были призваны, судьи даже принуждены были отсылать их до другого дня, не успевая выслушивать их отречения. Некоторые христиане, не совершив языческого обряда, покупали себе письменные свидетельства, подтверждающие отречение, и этим малодушным обманом спасали свою жизнь.

В Александрии тогда епископствовал Дионисий, человек высокого благочестия. Он был некоторое время начальником Александрийского училища, когда Иракла, ученика Оригена, избрали в епископы. Иракл умер, и Дионисий заступил на его место. Он известен в церковной истории под именем Дионисия Великого. В письме к Антиохийскому епископу он описал, какое действие произвел в Александрии указ Декия. «Все были поражены страхом, многие из людей знатнейших из страха сами спешили в судилище, чтобы принести отречение. Приходившие называемы были по именам и подходили к нечестивому алтарю; иные из них, бледные и трепещущие, точно самих себя приносили в жертву; толпа, стоявшая кругом, осмеивала их, ибо видно было, что они страшались и смерти, и совершения жертвоприношения; другие подходили к жертвенникам с поспешностью, стараясь тем доказать, что никогда и прежде не были христианами; иные убежали; некоторые из взятых оставались тверды до темницы, а потом отреклись; другие даже вытерпели некоторые истязания, но не устояли до конца. Но оказалось и много таких, которые, подкрепляемые Самим Богом и получившие силу, сообразную с их верою, остались дивными свидетелями Христа».

Одним из них был старец Юлиан, больной подагрой. Он не мог ни стоять, ни ходить; его принесли двое христиан, из которых один тотчас же отрекся. Другой, которого звали Кронионом Благодетельным, вместе с Юлианом, остался твердым в вере. Их двоих посадили на верблюдов и возили по всему городу, после чего, жестоко избив, сожгли на костре перед огромной толпой народа.

Один солдат старался оградить их от толпы, но разъяренный народ убил его. Африканец по имени Мекар, был сожжен; Епимаха и Александра после долговременного заточения и страшных истязаний тоже сожгли, и с ними нескольких женщин. Пятнадцатилетний отрок Диоскор изумил всех своей мудростью и мужеством. Множество воинов смело исповедовали Христа и были казнены мечом. Несколько христиан ушли в горы и пустынные места. Там они терпели всевозможные лишения, голод, холод и нищету. Многие из них были схвачены разбойниками и проданы в рабство; впоследствии их выкупали христиане. Сам Дионисий был спасен от смерти странным образом. Вышло повеление взять его, и он спокойно в своем доме ожидал, чтобы пришли за ним. Воины же искали его везде, только не заходили к нему в дом, ибо были убеждены, что он куда-нибудь скрылся. Наконец, через несколько дней он вышел с некоторыми христианами из города и тут был взят воинами. Он готовился идти на смерть, как вдруг, среди ночи, толпа незнакомых ему людей напала на воинов, обратила их в бегство, а Дионисия насильно увезли в отдаленное место.

В своем письме Дионисий говорит, что святые исповедники принимали с любовью и снисходительностью тех из отрекшихся, которые потом калялись в своем поступке. Они поддерживали их молитвами и любовью, угождая Тому, Кто не хочет смерти грешника, а покаяния и исправления.

Во время этого гонения пострадал и Ориген. Святитель Григорий Неокесарийский удался в пустынное место, где воины, посланные за ним, не нашли его. Престарелый епископ

Иерусалимский Александр претерпел истязания и заточение и скончался в узах. Епископ Римский Фабиан умер мученической смертью. Гонение в Риме было таким сильным, что долго не могли избрать ему преемника. Вавилу, епископа Антиохийского, славного святой жизнью, в оковах заключили в темницу. Там он обратился к Христу трех отроков и вместе с ними претерпел казнь.

Наступило страшное время: города пустели, христиане скрывались в лесах, темницы были переполнены, мучители придумывали истязания, язычники выдавали своих родственников, христиан. Один богатый молодой человек, по имени Павел, жил в Египте со своей сестрой, бывшей замужем за язычником. Муж его сестры, желая воспользоваться его богатством, решил донести на него. Павел узнал об этом и скрылся. Он ушел в горы, а оттуда в песчаную и безлюдную Фиваидскую пустыню. Углубляясь все дальше и дальше в пустыню, он нашел в скале пещеру. Близ нее журчал ручей и росла пальма. Павел стал жить в пещере. Гонение утихло, но Павлу уже понравилась безмолвная, пустынная жизнь, и он не захотел возвращаться в город. Святой беспрестанно молился и трудился; питался он плодами пальмы, а из листьев ее делал себе одежду. Так прожил он 91 год, наедине с Богом в безлюдной пустыне. Павел Фиваидский (Фивейский) считается первым пустынножителем.

Особенно много христиан находилось в областях Малой Азии, где большинство Церквей основали апостолы и ближайшие их преемники. Там гонение было особенно сильным. К язычникам присоединялись и иудеи. Мы помним, какое участие принимали смирские иудеи в осуждении св. Поликарпа. С тех пор прошло более семидесяти лет, но их ненависть к христианам не ослабела. С теми же яростными криками они требовали их отречения или казни. Некоторые христиане отрекались, – даже Смирнский епископ Евдемон согласился совершить жертвоприношение. В то время жил в Смирне пресвитер, по имени Пионий, всеми уважаемый за добродетели и кротость. Однажды, в тот самый день, когда совершалась память священномученика Поликарпа, Пионий получил извещение, что будет взят на суд. Помолившись, Пионий твердо решил не отступать от Господа и заранее надел себе на шею веревку, чтобы этим доказать свою готовность идти в тюрьму или на казнь. То же сделали христианин Асклепиад и женщина по имени Савина. Все они вместе спокойно ожидали своей участи. К ним подошел один из главных служителей языческого храма, Полемон, и говорит им:

– Разве вы не слышали, что царь повелел всем христианам поклониться богам?

– Мы знаем закон Бога, – отвечал Пионий. – Он повелевает нам поклоняться Ему одному.

– Ну, так ступайте на площадь, – сказал Полемон, – сами увидите. Там вас заставят покориться.

– Мы покорны Богу истинному, – сказали Асклепиад и Савина.

Христиане встали и молча пошли за Полемоном. На площади ждала большая толпа. Язычники и иудеи с яростными криками требовали, чтобы христиан предали казни или заставили отречься от Христа. Многие приступили к Пионию и уговаривали его спастись отречением; даже из язычников и иудеев многие любили его за его кротость.

Пионий не обратил внимания на увещания, а стал говорить всему народу:

– Вы, жители Смирны, вы, которые гордитесь красотой города вашего и славою певца вашего Гомера¹¹⁴, и вы, иудеи,

дайте мне сказать вам несколько слов. Когда кто из наших отрекается от веры и из страха смерти соглашается совершить жертвоприношение, то вы радуетесь и осмеиваете его. А разве смеха достоин тот, кто совершил такой тяжкий грех? Вам, эллинам, следовало бы вспомнить слова вашего певца, который говорит, что не хорошо радоваться гибели человека.

---

¹¹⁴ Смирна считала себя родиной Гомера.

А вы, иудеи, вспомните слова Моисея: *Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развьючь вместе с ним* (Исх. 23, 5) и слова Соломона: *Не радуйся, когда упадет твой враг* (Притч. 24, 17). Что до меня, то, скорее, согласен вытерпеть всякие страдания и смерть, чем преступить закон Бога моего. И за что ненавидите вы нас, иудеи? Если бы мы были и враги ваши, то разве мы не люди! Но скажите, какое зло сделали мы? кого преследовали? кого обидели? кого злословили? Разве вы думаете, что когда вы угрозами заставили кого из наших поклониться идолам, то только несчастный этот и грешен? А вы разве не грешны, когда склоняете его на грех?

Затем Пионий стал укорять иудеев за их неверность Богу. Напомнив им частый ропот, их нарушения закона, он сказал, что близок день, когда каждый будет судим по делам своим. Он упомянул и о тех справедливых карах, которые они уже навлекли на себя непокорностью Богу. Иудеи были пристыжены его строгими словами. В некоторых из них пробудилось раскаяние. «Поверь, Пионий, – сказали они, – мы любим тебя за твою кротость и мудрость и желали бы спасти тебя от смерти, ибо воистину прекрасна жизнь».

– Да, – сказал Пионий, – жизнь прекрасна, но жизнь вечная несравненно прекраснее земной жизни, и свет незримый светлее солнца. Никто из нас не осуждает Божия творения: но есть мир невидимый, который несравненно прекраснее всего видимого.

Язычники тоже стали убеждать Пиония, но он остался тверд.

– Итак, ты решительно отказываешься? – спросил Полемон.

– Я только бы желал убедить вас сделаться христианами, – отвечал Пионий. Некоторые засмеялись и сказали: «Нам вовсе не хочется умереть в огне».

– Это, однако же, лучше, чем по смерти гореть в огне неугасаемом, – сказал Пионий.

Затем судья начал допрашивать христиан, записал их имена и ответы и велел отвести их в темницу. Толпа шла за ними. Одни бранили их, другие высмеивали. Кто-то, указав на Асклепиада, сказал: «Вот этот принесет жертву».

– Неправда, – отвечал Пионий, – никто из нас не принесет жертвы идолам.

– А многие из ваших, однако же, принесли, – сказал один язычник и начал называть имена отрекшихся.

– У каждого своя воля, – отвечал спокойно Пионий, – мы не отречемся.

Толпа была в такой ярости, что воины с трудом оградили от нее узников и довели их до темницы. Там было еще несколько христиан, оставшихся верными Богу; они спокойно ожидали смерти. Некоторые язычники приходили навестить узников и удивлялись их спокойному и даже радостному расположению духа. Пришли тоже некоторые из тех несчастных, которые из страха отреклись от веры. Жаль было на них смотреть: они плакали, мучимые совестью. Пионий плакал вместе с ними об их преступлении и старался пробудить в них раскаяние и внушить им твердость. Сердце его разрывалось при мысли, что христиане, за которых умер Христос, которым Он обещал блага небесные и жизнь вечную, отреклись от Него из страха смерти и из любви к земным благам. Он увещевал их, напоминая им и благость, и силу Господа. «Вы тяжко согрешили, – говорил он им, – но покайтесь искренно, обратитесь к Богу всем сердцем; Он милостив и прощает искренно кающимся. Он примет вас радостно, как детей Своих».

Слова и слезы Пиония глубоко тронули несчастных. В них пробудилось раскаяние, и все отрекшиеся опять обратились к Богу.

Между тем язычники употребляли все усилия, чтобы заставить христиан отречься. Они часто приходили в темницу, убеждали христиан примером их епископа Евдемона, грозили им судом, мучениями. Раз они велели воинам вести их насильно в идольское капище. Христиане сопротивлялись и говорили: «Зачем нам идти, когда мы не хотим приносить жертвы?» Надели им на шею веревки и потащили их силой. Около капища Пионий бросился на

землю, чтобы не идти дальше; воины взяли его на руки и внесли в капище. Здесь отрекшийся епископ совершал языческий обряд.

– Почему не хотите принести жертвы? – спросил идольский жрец.

– Потому что мы христиане.

Язычники стали смеяться над христианами, поклоняющимися распятому Богу, поносить Христа, насильно надели на головы христианам венки, какими язычники имели обычаем украшаться во время жертвоприношения. Христиане сбросили их с себя, и язычники стали их бить. Кто-то из толпы сказал: «Надо их непременно принудить».

– Устыдитесь, поклонники ложных богов, – сказал Пионий, – повинуйтесь, по крайней мере, собственным вашим законам. Вы можете предать нас казни, но принуждать нас не имеете права.

Опять христиан отвели в темницу. Через несколько дней приехал анфипат (или главный судья). Он призвал Пиония, убеждал его отречься и велел мучить его. Пионий все перенес с твердостью. «Что ты так спешишь к смерти?» – спросил у него судья. «Не к смерти, – отвечал Пионий, – а к жизни вечной». Судья велел его распять на кресте и сжечь.

Когда привели его на место казни, он снял с себя одежду, лег на крест и протянул руки, чтобы их пригвоздили. Воин это сделал. Но и тут ему опять стали предлагать отречься: «Повинуйся, Пионий, мы вынем гвозди, и ты останешься жив». Пионий кротко взглянул на мучителей и сказал: «Уснуть хочу, чтобы проснуться в жизни вечной».

Крест подняли. К подножию положили дрова и хворост, зажгли огонь. Пламя вспыхнуло. Пионий, закрыв глаза, молился. «Он уже умер», – сказали некоторые. Но через некоторое время Пионий открыл глаза, взглянул на народ и сказал: «Господи, прими дух мой!» И – отдал душу Богу. Лицо его сияло радостью. Неизвестно, как скончались прочие христиане. Память Пиония чтится 11 марта.

В Пергаме престарелый епископ Карп, осужденный на казнь, восклицал среди мучений: «Вижу отверстые небеса и Господа моего во славе Своей!» Вместе с ним пострадали диакон Папила со своей сестрой Агафоникой и Агафопод, служитель Карпа. Память их 13 октября.

К проконсулу Оптиму привели купца, по имени Максим, который отказался отречься от своей веры. На вопрос проконсула о его звании он отвечал: «Я рожден свободным, но раб Иисуса Христа». – «То есть ты христианин?» – спросил проконсул. «Хотя только ученик, я все-таки христианин», – отвечал Максим. Его предали жестоким истязаниям. «Страдать за Христа – не страдание», – сказал мученик. Его добились камнями.

Поучителен рассказ о мученичестве святого Кодрата Никомидийского. В Никомидию привели на суд много христиан. На допросы собрались все жители города, ибо допросы происходили открыто. Некоторые христиане, страшась казни, отвечали робко и дрожали. В толпе находился молодой христианин по имени Кодрат, человек знатный и богатый. Когда он увидел, что христиане отвечают робко, то побоялся, как бы они не отреклись. Вдруг он вышел из толпы, стал посреди обвиненных и начал отвечать за всех голосом твердым и спокойным: «Имя наше – христиане, звание наше – рабы Христовы, отечество наше – небо, куда Господь вселит всех уповающих на Него».

Удивленный судья велел привести его поближе. Кодрат подошел и, перекрестившись, повторил исповедание свое. На все вопросы об имени его и звании он только говорил, что для него все заключается в звании христианина, и славил Бога истинного. Судья велел его жестоко бить. Пока исполняли это приказание, кто-то сказал судье, что Кодрат – один из самых знатных жителей Никомидии. Судья вновь призвал его. «Что ты сделал? – сказал он. – Как решился ты на такой позор? Как мог ты, забыв и звание, и благородство, пристать к этой суетной вере?»

Кодрат отвечал словами Псалмопевца: «Хочу лучше обитать в доме Бога моего, чем жить в селениях грешников».

Тщетны были и увещания, и угрозы судьи. Кодрат повторял, что высшее звание есть звание христианина и что страдать за имя Христа – и счастье, и честь. Судья велел предать его мучениям. Кодрат громко поблагодарил Господа, причислившего его к верным служителям Своим: «Молю Тебя, Господи, исполни меня Святого Твоего Духа, укрепи меня, умудри Твоею премудростью, чтобы я остался верен до конца».

Настал вечер. Кодрата отвели в темницу с прочими христианами. Судья повелел было объехать разные города и области, чтобы везде приводить в исполнение царский указ против христиан. Через несколько дней он отправился в Никею и Кодрата велел везти за собой. Там он велел приготовить все для жертвоприношения и призвал в капище христиан, бывших в городе. Впереди всех шел Кодрат.

– Принеси жертву богам, – сказал ему судья.

– Я раб Христа, – отвечал Кодрат, – и себя самого приношу Ему в жертву; твоим же богам не стану приносить жертвы.

– Ты не уважаешь воли царя, – сказал судья.

– Я почитаю царя и молюсь о нем, чтобы Бог дал ему узнать истину, – отвечал Кодрат.

– Если молишься за царя, то должен исполнять и его закон, – сказал судья, – в вашем же Писании сказано: *воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

– Ты прав, – отвечал мученик, – я воздаю кесарю должное, служу ему и плачу подати. Богу же я обязан хранить верность до конца. Царь повелевает или принести жертву богам, или умереть. Я избираю последнее, и готов отдать жизнь за Христа.

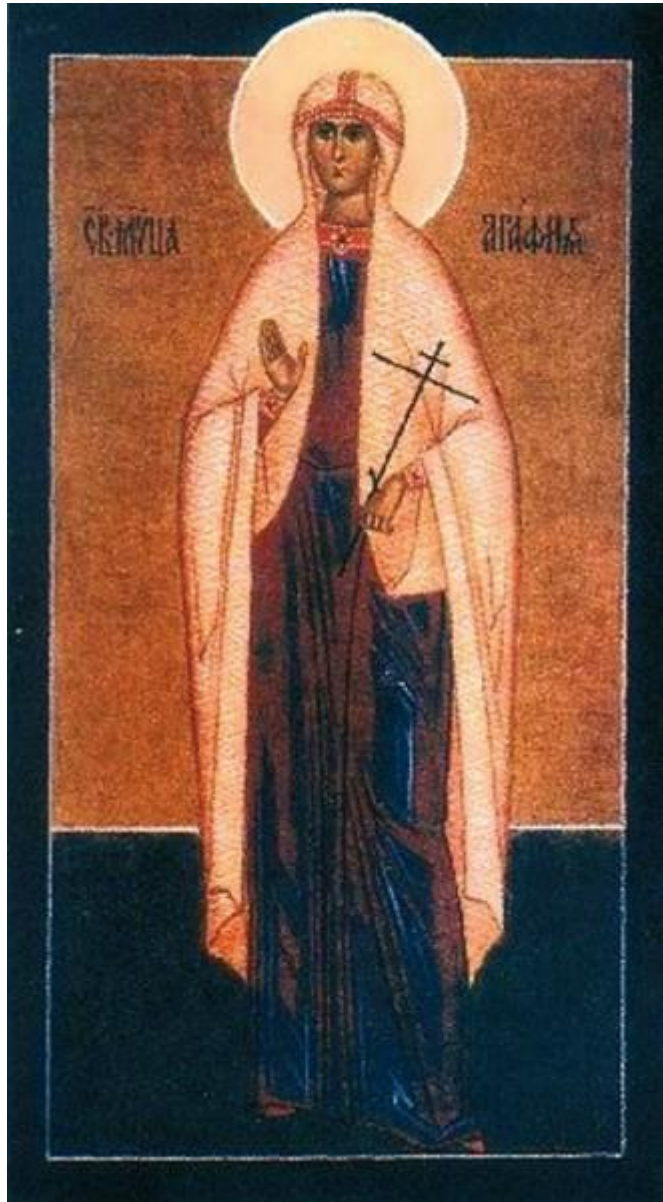
– Однако же многие из христиан согласились принести жертвы богам, – сказал судья. – Разве ты считаешь себя лучше их?

– Конечно, если я останусь верен Богу, то буду лучше тех, которые отреклись от Него, – отвечал Кодрат. – Но нельзя ли мне видеть отрекшихся христиан?

Их было действительно много. Судья велел привести их, надеясь убедить Кодрата последовать их примеру, но ожидания его не оправдались. Напротив, Кодрат стал увещевать этих несчастных. «Что вы сделали? – сказал он им. – Или вы не верите воскресению мертвых и жизни вечной, что отдали Царство Небесное за земную жизнь? Или вы забыли слова Спасителя: не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих погубить, а бойтесь того, кто может и душу и тело погубить в геенне?»

Отрекшиеся христиане пали на колени, рыдая и каясь в малодушии своем. Кодрат молился о них и увещевал их, указывая им на милосердие и благость Господа. Это так раздразнило судью, что он велел предать Кодрата самым ужасным истязаниям, но Кодрат, радуясь покаянию падших, забыл о собственных мучениях. Вся забота его была о них. «Господи! – восклицал он, – возьми мою душу за их души и помилуй их!» Необычайный свет вдруг озарил всех христиан, и мученик услышал голоса Ангелов, молящихся с ним. Все отрекшиеся вновь исповедали Христа и радостно приняли мученическую смерть. Судья еще долго и жестоко мучил Кодрата, возил его за собой в разные города и, в конце концов, в стране Геллеспонтской велел отсечь ему голову мечом. Но твердость и вера его произвели сильное действие на некоторых свидетелей его страданий. Многие обратились к Господу; и двое из них, Саторин и Руфин, сподобились мученической смерти.

Мученица Агафия Панормская (Палермская), Сицилийская. Икона

В Никее пострадал святой мученик Трифон, которого Господь укреплял чудесной силой среди ужасных страданий. В Сицилии (остров Средиземного моря) была взята за веру молодая девушка по имени Агафия, дочь знатных и богатых родителей. Правитель употреблял все старания, чтобы склонить ее к отречению. Он поместил ее на некоторое время к одной богатой женщине, которая вместе с дочерьми вела жизнь роскошную и грешную, надеясь, что ее пример заставит Агафию полюбить земные радости и увеселения и что тогда она уже не захочет пожертвовать своей жизнью. Но ничто не смутило Агафию. Среди искушений она сохраняла твердую веру и горячую любовь к Богу. Ее мучили долго и едва живую заключили в темницу. Ночью ей явился апостол Петр и именем Христа исцелил ее раны; в то же время всю темницу осиял чудный свет и двери сами собой растворились. Но Агафия не воспользовалась возможностью освободиться и до конца довершила свой подвиг, вынесла еще истязания и в молитве отдала душу Богу.

Святой мученик Полиевкт Мелитинский. Икона. Конец XV в. Новгородский музей

Господь дивными путями призывал к Себе избранных к спасению, и жестокое гонение только увеличивало число чад Христовых. В армянском городе Мелитине жили два воина: Неарх и Полиевкт. Они любили друг друга, как родные братья. Неарх был христианином, а Полиевкт – язычником. Неарх часто грустил о том, что его друг упорствует в заблуждениях и всеми силами старался обратить его. Он часто читал ему Священное Писание, рассказывая о Христе. Вот дошел и до Мелитины указ Декия. Повеление предавать казни христиан было прибито к столбам и зданиям. Неарх, прочитав его, очень опечалился; он потерял всякую надежду обратить друга. «Если мне не удалось до сих пор убедить Полиевкта, – думал он, – то не теперь же он обратится, когда исповедание веры христианской наказывается истязаниями и смертью». Полиевкт заметил его печаль и спросил, что тому причиной.

– Грущу о разлуке нашей, – сказал Неарх.

– Как о разлуке нашей? – возразил Полиевкт. – Разве может что-нибудь разлучить нас? Наша дружба неразрывна, и смерть одна разлучит нас.

– То, что разлучает нас, сильнее смерти, – печально отвечал Неарх.

Полиевкт пристал к другу, чтобы он объяснил, что хочет сказать, и Неарх отвечал ему:

– Я христианин, и меня поведут на смерть за мою веру; и тогда ты оставишь меня, потому что ты язычник.

– Друг мой, – отвечал Полиевкт, – ничто не разлучит нас. В эту ночь мне во сне явился Христос, Которому ты служишь. Он снял с меня мою одежду и надел на меня другую, новую, цены и красоты коей описать нельзя; и дал Он мне крылатого коня.

Неарх обрадовался.

– Это значит, – сказал он, – что ты откажешься от языческих заблуждений и облечешься в веру истинную, что ты познаешь Христа.

– А разве я уже не познал Христа? – возразил Полиевкт. – Разве не горело у меня сердце, когда ты мне говорил о Нем, когда ты мне читал Святое Евангелие? Не удивлялся ли я словам и учению Его? Отныне я совсем хочу быть Его рабом и готов исповедать имя Его. Хочу Ему служить, оставив все ложное. Пойду и прочту повеление царское, изданное на христиан и на Господа и Бога моего.

Полиевкт отправился на площадь. Ему повстречалась толпа язычников, которые несли идолов и шли в капище на поклонение. Он громко объявил себя христианином и, в горячей ревности к вере, опрокинул и разбил кумиров языческих богов. Его тесть и знакомые напрасно умоляли его побереечь себя, говорили ему о жене, детях, поносили христианскую веру. Полиевкт говорил им: «Я хочу быть служителем Христовым. Христос Сам призвал меня к познанию истины. Он всесильной рукой Своей привел меня от тьмы к свету, от смерти к жизни; хочу быть Его воином». Полиевкта стали мучить. Пришла его жена, со слезами умоляла пожалеть себя, ее. Он же убеждал и ее стать христианкой и говорил ей о благах небесных. Наконец, когда убедились, что все увещания бесполезны, судья приговорил Полиевкта к смертной казни. Полиевкт с радостью пошел на смерть и говорил народу, что светлый юноша укрепляет его и повелевает ему забыть обо всем земном. Перед казнью он в толпе увидел своего друга и закричал ему: «Спасайся, друг, и не забудь о дружбе нашей!» Ему отсекли голову мечом. Он был первым мучеником в городе Мелитине.

Невозможно описать всех случаев мученичества, как невозможно и назвать имен всех пострадавших в это время. Гонение продолжалось всего только два года, но было чрезвычайно жестоким. Господь дивными знаменами ободрял и укреплял верных служителей Своих. Чудесные исцеления совершались над ними. Иногда истерзанные ранами тела их внезапно оказывались здоровыми и невредимыми. Чудесные видения укрепляли мучеников, и среди истязаний лица их сияли небесной радостью. Все это изумляло язычников, и многие, познавая силу Божию, обращались, так что Церковь росла и множилась, вопреки всем, восстающим на нее.

Глава XIX

Священномученик Киприан Карфагенский. Восьмое гонение

Один из самых уважаемых епископов этого времени – св. Киприан Карфагенский. Воспитанный в язычестве, Фасций Киприан еще в ранней молодости стал преподавателем философии и красноречия в Карфагене. Он был очень богат, любил великолепные пиры, общественные увеселения, одевался пышно, собирал в свое прекрасное загородное поместье толпу друзей и учеников, которые любили и уважали его. Но Киприан был не из тех, которые могли довольствоваться языческим безверием. Его душа жаждала узнать истину. И вот, по милости Божией, он встретился с христианским священником Цецилием, который убедил его, что только христианское учение есть путь к истине и спасению. Киприан уверовал и принял Святое Крещение. С этих пор он стал новым человеком, возрожденным Духом Святым. Он сам впоследствии описал епископу Донату эту чудесную перемену. В нем исчезла привязанность к земным благам и удовольствиям, он стал жить лишь для Бога, для исполнения Его святых заповедей, продал большую часть имущества, а деньги раздал бедным. Жена старалась несколько умерить его щедрость, но Киприан, обогащенный надеждой на блага небесные и святой верой, ценил теперь земные сокровища только как средство помочь своим ближним. Святая радость, спокойствие, любовь к Богу наполнили его сердце. Он с благодарностью и смирением сознавал, что только Дух Божий мог произвести в нем эту чудную перемену.

«Я понял, – писал он, – что рожденное по плоти и поработанное греху было от земли – земное; но что новая жизнь, одушевленная Духом Святым, есть от Бога... В Боге и от Бога вся наша сила; от Него наша жизнь, от Него наша крепость. Через Него мы, живя на земле, имеем предчувствие будущего блаженного состояния».

Киприан до конца жизни сохранил живейшую благодарность к священнику, с помощью которого узнал истину. Он чтил его, как отца, и, в знак признательности, принял его имя. После обращения своего он стал называться Фасцием Цецилием Киприаном.

Вскоре Киприан был посвящен в пресвитеры. Когда через год умер Карфагенский епископ Донат, христиане пожелали, чтобы Киприан занял его место. Пять пресвитеров были против его избрания, да и сам Киприан долго отказывался, не считая себя достойным этого сана. Но христиане настаивали, окружали дом его, восклицая: «Или Киприана, или никого!» Наконец Киприан согласился. Это было в последний год царствования императора Филиппа, когда еще христиане пользовались спокойствием. Киприан ревностно взялся за свои обязанности, поучал паству, старался возбудить в ней ревность к вере, помогал всем нуждающимся. Вскоре вспыхнуло гонение, и в Карфаген пришел указ Декия.

Ничто так не раздражало язычников, как обращение в христианскую веру людей значительных по званию или уму и учености. А подобные обращения стали повторяться все чаще и чаще. Они служили подтверждением истины христианской веры, и потому вражда язычников преследовала этих христиан с удвоенной силой. Как только в Карфагене появился указ Декия, то все языческое население стало требовать казни Киприана. На площадях и в цирках раздавались крики: «Киприана львам! Киприана львам!»

Христиане встревожились за своего епископа. Для них его жизнь была столь же драгоценна и нужна, сколь она была ненавистна язычникам. Христиане умоляли его, чтобы он согласился на время удалиться. Они надеялись, что с его удалением утихнет гонение, которое, как казалось, было направлено именно против него. То же думал и сам Киприан.

Кроме того, он откровением от Бога получил повеление оставить Карфаген и выехал, поручив одному пресвитеру свое имение для раздачи нуждающимся.

Но гонение не утихло, а, напротив, с каждым днем усиливалось. Карфаген не был исключением. Много христиан из-за привязанности к земным благам и страха смерти отреклись от веры и спешили к идольскому жертвеннику, чтобы совершить языческий обряд; другие покупали себе ложные свидетельства. Оставшихся верными Христу заключали в тюрьмы, мучили; многие были сосланы на работы в рудники; многие умирали от огня и меча.

Киприан из своего убежища следил за делами Церкви и не переставал сообщаться с ней письменно. До нас дошло очень много его писем, драгоценных как по высокой христианской мудрости, выражавшейся в них, так и по тому, что они рисуют картину состояния Церкви в ту пору. Киприан писал к христианским узникам, хваля их твердость в вере и умоляя не падать духом. Он заботился о доставлении им всего необходимого из собственного имущества. Церковнослужителям он поручал тщательно заботиться обо всех нуждающихся и доставлять им все необходимое, чтобы нищета не склонила их к отречению. Он просил вникать в душевное состояние христиан, ободрять слабых и немощных, стараться восстановить падших. Всем христианам вообще он напоминал о непрестанной молитве как о едином источнике силы и твердости. Понятно, что в такое скорбное время, когда многие отпадали от веры, сохранившие веру и претерпевшие за нее пользовались великим уважением у христиан. Киприан писал и к исповедникам¹¹⁵, умоляя их хранить должное смирение и не гордиться своим подвигом, а кротостью и послушанием подавать всем добрый пример.

Киприан писал не к одной только Карфагенской Церкви. Все христиане, испытанные гонением, теперь сильнее чувствовали связь, соединившую их, и между Церквями в разных странах происходил живой обмен письмами. Церкви сообщали одна другой обо всем случившемся, называли имена мучеников, поручая их общей братской молитве, подавали и принимали советы и наставления, находя утешение в этом живом чувстве единства веры и любви Христовой.

Римская Церковь была тяжело испытана гонением. Ее епископ Фабиан скончался мученической смертью, и в течение шестнадцати месяцев нельзя было избрать ему преемника по причине гонения. Но церковнослужители и миряне проявляли ревность в делах веры, достойные удивления. Они смело подвергали свою жизнь опасности для спасения братии, подавали руку помощи падшим, доказывали взаимной любовью, что они – верные служители и подражатели Христа. Римская Церковь писала к Карфагенской: «Наша Церковь стоит твердо в вере. Правда, несколько христиан пали, будучи побеждены страхом смерти или любовью к высоким своим преимуществам; но хотя они и отпали от нас, мы не хотим считать их погибшими, но убеждаем их покаяться и указываем им на милосердие Того, Кто силен спасти их. Мы не оставляем их, дабы они не впали в отчаяние... Так действуйте и вы, братья; убеждайте падших исповедовать Христа, если бы им случилось быть призванными ко вторичному допросу; и принимайте в общение ваше тех, которые окажут истинное покаяние. Надо назначить особых лиц для попечения о вдовах, сиротах, узниках, изгнанных; позаботьтесь тоже об оглашенных, чтобы удержать их от отречения; те, которым поручено хоронить умерших, должны тщательно исполнять эту святую обязанность в отношении к мученикам. Мы все с любовью молимся о призывающих имя Господне; и просим вас не забывать и нас в ваших молитвах».

Киприана подробно извещали обо всем, что делалось в Карфагене. Когда началось гонение, то христиан, не совершивших языческого обряда, заключили в темницы до приезда проконсула. После его прибытия начались пытки и казни. Целыми толпами приводили христиан на казни, сжигали их на кострах, побивали камнями. Некоторых, после тяжких истяз-

---

¹¹⁵ Исповедниками называются те, которые потерпели мучения за веру, но не лишились жизни.

заний, снова заключали в темницы или отсылали на рудники. Один исповедник, по имени Нумидик, был спасен неожиданным образом. Он на допросе бесстрашно исповедал свою веру и побуждал к этому и других христиан. Осужденный на смерть, он вначале присутствовал при казни своих товарищей и жены, которая была сожжена. Его мучили, терзали и оставили лежать замертво между телами умерших. Ночью его дочь пришла искать тела родителей, чтобы предать их земле, и долго искала их в груде избитых и сожженных. Найдя отца, она заметила, что в нем есть еще слабые признаки жизни. Она понесла его к себе, с любовью ухаживала за ним. Нумидик оправился и был впоследствии пресвитером.

В Карфагенскую Церковь вкратились большие беспорядки. Опасения Киприана насчет исповедников оправдались. Некоторые из них, гордясь своим подвигом, начали нарушать правила церковного благочиния и вести жизнь предосудительную. Исповедникам, оказавшим твердость при допросе и истязаниях, остальные христиане оказывали великий почет. Если кто-то из отрекшихся хотел быть вновь принятым в общение с верующими, то ходатайство исповедников за него имело большой вес, но от этого постепенно начал утверждаться обычай, не соответствующий церковному благочинию. В Церкви издавна существовало правило, по которому тяжко согрешившие на время отлучались от общения с верующими и опять принимались не иначе как после покаяния. Его срок зависел от состава преступления и от степени раскаяния. Это решал епископ. Отречение от Христа считалось одним из тяжчайших преступлений. Отрекшийся своим отречением сам отказывался от общения с Церковью. Теперь, во время гонения, это явление повторялось повсеместно. Отрекшиеся потом часто искренне раскаивались и даже шли на мученическую смерть. Как нужно было действовать Церкви? Исповедники, оставшиеся верными, подавали падшим руку помощи, ободряли их своей любовью и участием. Так действовали и лионские мученики, и падшие доказали раскаяние своей мученической смертью. Но некоторые карфагенские исповедники стали давать от своего имени разрешительные грамоты отрекшимся, не стараясь даже убедить, искренно ли они каются. Таким образом, нарушалось давнее постановление Церкви. И некоторые малодушные христиане тем легче решались спасти свою жизнь отречением, что знали, что потом, когда минует опасность, они опять будут приняты в Церковь, если только у них будет записка от исповедника.

Это нарушение церковных правил самими исповедниками стало причиной споров и беспорядков, долго волновавших Церковь. В противоположность тем, которые легко принимали падших по записке исповедников, некоторые епископы и пресвитеры стали проповедовать чрезмерную, неумолимую строгость, утверждая, что столь тяжкое прегрешение должно навсегда лишить их общения с Церковью. Вопрос о падших был представлен на обсуждение Киприану. Он оставил его решение до своего возвращения, а в письмах давал советы, полные христианской любви и мудрости, умоляя христиан поддерживать друг друга взаимной любовью и не допускать вражды и споров.

«Раздорам и ссорам не должно быть места между теми, которым Господь оставил мир Свой, – писал он. – Умоляю вас, воздерживайтесь от укоров и брани; ибо тот только, кто говорит миролюбиво, искренно и согласно с учением Христовым, подражает Господу. Мы отреклись от мира при крещении; на деле же доказываем свое отречение от него, когда испытанные Богом, отказываемся от собственной воли, чтобы следовать Христу и хранить веру и страх Божий. Станем укреплять друг друга взаимными увещаниями; будем стараться возрастать во Христе, – дабы тогда, когда Он, в милости Своей, дарует нам мир и спокойствие, возвратиться в Церковь с душою обновленной...»

Киприан беспрестанно напоминает христианам о силе молитвы. «Сам Господь молился о нас, – писал он, – ибо хотя Сам безгрешный, Он нес грехи наши. И если Он страдал и болезновал о грехах наших, то не нам ли быть постоянными в молитве? Братья, будем молиться Господу Иисусу, а чрез Него мы получим милость от Бога Отца. Отец испытывает

нас и сохранит нас, если среди испытаний мы останемся тверды в вере и не отступим от Христа Его. Написано: кто отлучит нас от любви Христовой? мучения, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Ничто не отлучит истинно верующих, тех, которые твердо держатся Его Тела и Крови. Гонение – это испытание нашей веры. Господь пожелал испытать нас и не отказывает верующим в помощи Своей. Обратим к Нему взоры наши, дабы земля не прельстила нас своими соблазнами. Когда Господь увидит нас смиренными и кроткими, связанными взаимною любовью и исправленными бедствиями, Он избавит нас. Сперва наказание, а затем помилование...»

Как только гонение утихло, Киприан поспешил вернуться в Карфаген. Его присутствие там было необходимо. В последнее время вся Церковь была сильно взволнована как вопросом о падших, так и беспорядками, которые вызвали два человека, недовольные Киприаном: Фелициссимус и Фортунат. Они давно были враждебно настроены к Киприану и с этой целью составили общество, которое именовалось «горней церковью». Оно собиралось на горе близ Карфагена для совершения богослужения с какими-то особенными обрядами, привлекая в свою партию всех, кто считал, что Киприан слишком строг к падшим, стараясь противодействовать всем его распоряжениям и угрожая всем его приверженцам. К ним присоединился, между прочим, один пресвитер, по имени Новат, человек самой развратной жизни, который за воровство и другие преступления давно подлежал суду; но гонение остановило следствие над ним. Боясь возвращения Киприана, он старался восстановить всех против него. Киприан, узнав об этом, отлучил от общения с верующими горных (как они именовались) и писал, что вскоре по возвращении созывает Собор. Новат убоился суда и поспешно отправился в Рим.

В Риме происходили такие же смуты, как и в Карфагене. Когда гонение несколько утихло, то римские христиане, остававшиеся так долго без пастыря, решились избрать себе епископа. В Рим прибыло до шестидесяти епископов. Вся Римская Церковь, очень многочисленная в ту пору, приняла участие в избрании, и общий выбор пал на человека, всеми уважаемого, Корнелия. Но против этого избрания восстал римский пресвитер по имени Новациан, который сам желал быть и надеялся стать епископом. Он был человеком строгих правил, и в споре о падших придерживался того мнения, что падшие навсегда должны быть отлучены от Церкви и что их не следует принимать в общение, каким бы искренним ни было их раскаяние. Этого мнения не разделяла большая часть христиан, которые, следуя духу учения Христа, считали, что милосердие Божие может покрыть всякий грех. Новациан, недовольный тем, что его не выбрали в епископы, теперь еще упорнее стал держаться своего мнения и набрал себе последователей, которые провозгласили его епископом и не признали Корнелия. К Новациану пристал и Новат из Карфагена. Там он выступал против Киприана за его строгость, а в Риме он пристал к партии, которая проповедовала чрезмерную строгость. Но Новат желал только смут и беспорядков, до самих убеждений ему было мало дела. Новациан набрал себе довольно много последователей, распространял клевету на Корнелия. За обедней, когда совершал Святые Таины, заставлял причастников клясться в верности себе. Последователи его стали называться новацианами. Сущностью их учения была крайняя строгость к согрешившим. Они считали, что если кто-то после крещения совершил тяжкий грех, тот уже умер для Церкви и потому уже никогда не может быть ею принят. Они мечтали составить Церковь только из людей совершенных, и, ослепленные гордостью, одних себя считали таковыми. В знак своей душевной чистоты они носили белые одеяния. Раскол Новациана существовал очень долго и много волновал Церковь. Мы говорим «раскол», потому что ересью называется лжеучение, которое извращает самые догматы веры. Раскол же – это то, что отделяется от Церкви по вопросу, касающемуся церковного благочиния, сохраняя догматы. Монтанисты и новациане были не еретиками, а раскольниками.

Для обсуждения учения Новациана были созваны Соборы в Риме, Карфагене и Антиохии. Все они осудили лжеучение и постановили принимать падших после покаяния. Срок покаяния соразмерялся со степенью преступления. Соборы постановили различать падших, совершивших жертвоприношение (*sacrificati*), и тех, которые по понуждению бросили фимиам на идольский жертвенник (*thurificati*), а также тех, которые покупали ложные свидетельства о совершении обряда (*libellatici*), и, наконец, тех, которые объявили имена христиан и указывали язычникам места, где хранились священные книги (*traditores*). Падшему из церковнослужителей дозволялось, по совершении покаяния, общение с верующими, но уже никогда не давалось церковной степени. Святой Дионисий во время гонения с любовью принимал кающихся по ходатайству мучеников, негодовал на раскол Новациана и писал ему, что лучше умереть, чем согласиться раздирать единство Церкви.

Это происходило уже после смерти Декия, который в 251 году был убит на войне. Как бы в наказание за его жестокость против христиан кончина императора была ужасной. Тело его осталось без погребения на поле битвы и сделалось пищей для птиц и диких зверей. Ему наследовал Галл со своим сыном Волузианом. Но гонение продолжалось еще некоторое время, хотя и с меньшей силой, чем при Декии. В Риме епископ Корнелий, только недавно избранный, был осужден на заточение и изгнание, и еще несколько христиан скончались мученической смертью. В Карфагене тоже стали ожидать прежних мер строгости. Киприан твердо решил на этот раз не оставлять города, старался поучениями и увещаниями готовить паству к предстоящим опасностям. «Бдение, пост, молитва, – говорил он, – вот наш меч и наша крепость. Будем помнить друг друга в молитвах своих; будем единокорны и дружны. Станем помогать друг другу взаимной любовью; и если кто из нас отыдет отсюда, то да не прекратится и тогда взаимная любовь наша во Христа, и да не перестает он молить Отца Небесного за братьев и сестер». «Неужели христианин побоится мучений, когда Господь наш пострадал первый? Ужели мы не захотим пострадать за собственные грехи, когда Он, будучи безгрешен, пострадал за нас? Сын Божий пострадал, чтобы сделать нас чадами Бога; ужели же сыны человеческие не захотят пострадать, чтобы остаться детьми Божиими?»

Однако же, вопреки ожиданиям, гонение не достигло Африки. Но другое тяжкое испытание было ей послано Богом. Появилась страшная язва, которая в продолжение почти десяти лет свирепствовала в разных областях Римской империи. Болезнь была так заразна, что в сердцах язычников страх заглушил все чувства приязни и любви. Они удалялись от друзей и родных, когда их постигала болезнь, больных оставляли без ухода, умерших без погребения. Тела мертвых выбрасывались на улицу, и это, заражая воздух, еще больше усиливало язву. Во всех городах одни только христиане ходили за больными, хоронили тела усопших. Язычники с иступлением требовали их казни, как виновников бедствия, а они, не боясь ни заразы, ни воплей толпы, совершали неумолимо дела милосердия и любви и для спасения врагов подвергали собственную жизнь ежедневной опасности.

Как только язва появилась в Карфагене, Киприан собрал христиан, напомнил им христианскую заповедь о любви к врагам и увещевал их платить добром за зло, подражая Христу, Который прощал врагам и на Кресте молил за них. «Не смотрите на лица страждущих, – говорил он, – они все ваши братья, дети одного Отца Небесного, и пусть язычники видят, что самая смерть не может угасить в христианине любви к врагам».

Одушевленные словом и примером епископа, христиане приняли на себя попечение о больных и умерших. Всякий трудился по силам и средствам: кто ходил за больными, кто принимал их к себе в дом, кто давал деньги для доставления им всего необходимого. Киприан разделял эти труды и не переставал ободрять паству молитвой и поучениями, направлять мысли христиан на будущую, вечную жизнь.

«Царствие Божие приближается, братья мои, – писал он в эту пору в книге о смерти. – Награда жизни, вечная радость спасения, непреходящее веселие, утраченный рай! –

вот что делается нашим достоянием, когда минует жизнь земная. Небесная, вечная слава заменяет суетные земные радости! время ли унывать и опасаться? Наш прочный мир, наш истинный покой, наша безопасность – будущая жизнь! В здешней жизни мы в постоянной борьбе с духовными врагами; лишь победили мы одно искушение, возникает другое... Среди таких тревог как не радоваться надежде отойти к Господу? Не говорит ли вам Сам Христос: вы восплачете и возрыдаете... вы будете скорбны, но скорбь ваша превратится в радость? – Кому не хочется освободиться от скорби? Кто не желает радости? Если же мы знаем, что видеть Христа есть радость и что никакая радость наша не может быть совершенна, пока не увидим Его, то не безумие ли любить скорби и тесноту мира сего и не желать поскорее насладиться тою радостью, которой не будет конца?»

«Пусть тот страшится смерти, – писал он также, – кому предстоит смерть вторая, кто не возрожден водою и духом, кто не участник в Кресте и страданиях Христа и кому предстоит вечное огненное мучение. Таковому, конечно, жизнь дорога, потому что она отдаляет его осуждение... Великая польза в наступлении поры усиленной смертности. Она пробуждает ленивого, возвращает отступника, обращает язычника. Даруя покой многим заслуженным рабам Христовым, она набирает новых, свежих воинов для предстоящих битв».

Действительно, высокие подвиги христиан не могли оставаться без влияния на язычников. Видя, что те самые, которые претерпели от них ругательства, оскорбления, жертвуют всем из любви к ним, они познавали, что одна вера христианская может внушить такое незлобие и такую силу; и многие обращались к Христу. Страшное бедствие служило новым средством распространения христианской веры, ибо являло изумленным язычникам и высокие добродетели христиан, и необычайную помощь, которую оказывал им Господь Бог.

В то же самое время и другое бедствие испытало веру и твердость христиан. Соседняя с Карфагеном область, Нумидия, была опустошена варварами. Нумидийские епископы тотчас же уведомили о том Киприана, и карфагенские христиане проявили горячее участие в судьбах единоверцев. Они вручили Киприану значительную сумму денег, которую он послал на выкуп пленных с письмом, выражавшим чувства любви и участие всех христиан.

«Кто из нас не сочтет скорби брата своего собственной скорбью? – писал он, в частности. – Апостол Павел говорит: страдает ли один член, страдают с ним и все члены; славится ли один член, радуются с ним и все члены. Итак, плен братьев – наш собственный плен, и скорбь их – наша скорбь, ибо все мы одно тело. Не одно только чувство, но и закон наш убеждает нас выкупить братьев; Христос живет в пленных братьях наших».

Такое сильное и горячее чувство любви связывало тогда воедино всех членов христианской Церкви.

Гонение совсем утихло около 253 года и не возобновлялось до 257-го. В этот период епископы старались разрешить спорные вопросы, возникшие в смутное время, восстановить мир в Церкви. Соборы созывались в разных городах. В Карфагене был обычай созывать ежегодно два Собора: один весной, другой осенью, для обсуждения церковных дел. Киприан ничего не решал без общего совещания и общего согласия. Главные вопросы – о падших, с которым связывался и раскол новациан, о крещении младенцев, о том, следует ли считать действительным крещение, совершенное еретиками.

Само крещение младенцев не вызывало споров; это вошло в обычай с первых времен христианства. Спор состоял только в том, совершать ли крещение в первые же дни после рождения младенца или только в восьмой, как заменяющее обрезание. Решили, что крещение должно быть совершено в первые же дни. Насчет крещения, совершаемого еретиками, осталось между Церквями разногласие, которое, впрочем, не нарушало мира, и каждая Церковь продолжала руководствоваться местным обычаем. Так, Карфаганская повторяла крещение над еретиками, а Римская присоединяла их к Церкви возложением рук. Большинство же считало действительным крещение, совершенное еретиками, лишь бы оно было совер-

шено во имя Отца и Сына и Святого Духа. Возникли тоже споры с Римским епископом Стефаном, человеком гордым и желавшим иметь над прочими епископами власть, на которую не имел никакого права. Два испанских епископа были низложены Церковью, потому что во время гонения участвовали в языческом жертвоприношении. Стефан, без совещания с другими епископами, восстановил низложенных. Карфагенский Собор счел неправильным это действие и утвердил низложение епископов. Кроме того, Собор постановил, что название епископа епископов, которым в письме величал себя Стефан, не принадлежит ни одному из пастырей Церкви. Притязания Стефана только возбуждали негодование прочих епископов и отвергались Церковью.

В 257 году началось восьмое гонение. Император Валериан¹¹⁶, наследник Галла, сначала благоволил к христианам, но уступил влиянию своего любимца, Макрина, и издал указ, чтобы епископов, пресвитеров и диаконов казнить, сенаторов, мужей значительных из христиан, лишать имущества с лишением чинов. Если же и после этого они останутся христианами, то казнить. Благородных жен, лишив имущества, заточить. Прочих, под стражей и в оковах, посылать в рудники. Запрещались также все тайные сборища, особенно в катакомбах и усыпальницах, ибо известно было, что христиане часто собирались для совершения богослужения на могилах усопших братьев; во времена же гонений катакомбы служили и церковью, и убежищем.

Как скоро указ дошел до Карфагена, то проконсул призвал Киприана и объявил ему волю царя. Он потребовал, чтобы Киприан отрекся от Христа и назвал бы имена христианских церковнослужителей. Киприан с твердостью отказался.

– Я христианин и епископ, – сказал он, – верую во единого истинного Бога, Которого молю о здравии императоров¹¹⁷, а сам пребуду тверд в исповедании своем.

Проконсул стал грозить ему изгнанием и продолжал требовать, чтобы он объявил имена пресвитеров.

– Изгнание не существует для того, кто имеет Бога в сердце своем, – отвечал Киприан, – пресвитеров же ты найдешь каждого на своем месте; собственные законы ваши запрещают нам делаться доносчиками; а наши правила не позволяют нам произвольно представлять себя мучениям. Поступай, как тебе велено.

Проконсул сослал Киприана в приморский город Курубит. Оттуда епископ постоянно переписывался с христианами и подавал им советы и наставления. Верный тому правилу, что не следует добровольно подвергаться опасности, он удерживал христиан от излишней ревности, убеждал их не объявлять о себе, но ждать, чтобы их потребовали к допросу. Сами эти предостережения Киприана доказывают вновь пробудившуюся ревность христиан. Суровые испытания не прошли для них даром. Теперь они готовы были встретить гонение как добрые воины Христа, твердо и мужественно. Несколько епископов, пресвитеров и диаконов жестоко пострадали. Даже жен и детей не щадили. Много христиан после истязаний было сослано на работы в рудники. Киприан снабжал их всем необходимым, писал к ним увещательные письма.

«О, счастливы ноги, – писал он, – которые теперь обременены оковами, но скоро довершат славный путь ко Христу! Пусть злоба и ненависть стараются оковать вас, но от земли и скорбей ее вы скоро перейдете к Небесному Царству. В рудниках вы не имеете ложа, где бы

---

¹¹⁶ Валериан Публий Лициний (ок. 193 – после 260 гг.) — римский император с сентября 253-го по осень 259 г. Из италийской сенаторской семьи. Императором его провозгласило войско. Во время правления Валериана кризис империи достиг высшей точки, под угрозой нападения находились все границы империи. Поручив сыну Галлиену охрану рейнско-дунайской границы, сам отправился на восток, где с 257 г. почти безуспешно оборонял Каппадокию и Сирию от персов. Инфляция, узурпация власти в провинции и анархия довершали всеобщий развал государства.

¹¹⁷ Валериан сделал Галлиена, сына своего, соправителем.

упокоить утомленные члены ваши, но Христос – ваш покой; скудную мерою дается вам хлеб, но не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих».

Сам Киприан готовился к смерти и ожидал ее с радостным спокойствием. В день его приезда в Курубит Господь во сне известил его, что ровно чрез год он отдаст жизнь за имя Христа. Не прошло и года, как Киприан был отозван. Ему разрешили жить в загородном доме близ Карфагена. Все ждали, что скоро призовут его на суд. Некоторые языческие сановники, уважавшие его, предлагали ему средства к бегству, но Киприан отказался. С духом твердым и спокойным продолжал он следить за делами Церкви, переписывался с Римом, где гонение усиливалось, и сообщал получаемые вести прочим епископам, «дабы все, – писал он, – помышляли о смерти, а еще более о бессмертии, и с радостью и верою ожидали кончины».

Срок настал и для Киприана. Галерий Максим, проконсул области, послал за ним. Епископа повели в загородный дом проконсула. Как только об этом узнали, то много христиан последовало за епископом. Проконсул был нездоров, и потому отложили допрос до следующего утра, и Киприан провел ночь в доме одного языческого чиновника. Множество народа окружило дом. Друзья Киприана пришли к нему, и он всю ночь беседовал с христианами. Кто не мог войти в дом, старался со двора увидеть и услышать всеми любимого епископа. Когда поутру его повели на допрос, все опять последовали за ним.

– Ты ли Фасций Цецилий Киприан, папа¹¹⁸ сих незаконных? – спросил Галерий.

– Я епископ здешних христиан, – отвечал Киприан.

– Цари наши повелевают тебе поклониться богам.

– Я этого не могу сделать.

– Подумай о своей безопасности.

– Безопасность и крепость моя в Иисусе Христе, Которому я служу. Делай, что тебе велено; я готов.

– Ты жил в беззаконии, – сказал с гневом проконсул, – ты составил общество безбожных возмутителей; ты всегда был врагом богов и послушником царских велений, отцом и предводителем безбожников; итак, твоя смерть да научит других исполнять обязанности свои.

Затем проконсул возгласил: «Фасций Киприан да будет усечен мечом!»

– Слава Богу! – воскликнул епископ.

Народ стал волноваться. «Умрем с епископом нашим!» – слышалось в толпе. Киприан спокойно, радостно пошел на казнь. Его вывели за город. Народ следовал за ним. Придя на место казни, Киприан сам снял с себя верхнюю одежду, встал на колени, помолился, благословил народ и завещал дать 25 монет совершителю казни. Потом, завязав себе глаза, он преклонил голову, и палач исполнил приговор. Христиане с благоговением похоронили его тело.

От обращения Киприана до его смерти прошло всего 12 лет, но и за это короткое время он с помощью Божией успел много сделать для братии. Его поучения и образ жизни действовали благотворно на паству, которая любила его, как отца. Киприан оставил много сочинений и около 70 писем, из которых можно ясно представить себе состояние Церкви того времени.

В Риме гонение было чрезвычайно сильным. Епископ Стефан был умерщвлен во время совершения литургии. В преемники ему был избран Сикст, родом грек, но по указу Валериана и его осудили на смерть. Когда он шел на казнь, ему встретился архидиакон Лаврентий. Увидев Сикста, он воскликнул:

– Куда идешь, отец, без сына, архиерей Божий без архидиакона своего? Когда же ты без меня совершал жертву? Возьми меня с собой!

¹¹⁸ Название «папа» давалось всем епископам. Римская Церковь в письмах именует Киприана святейшим папой.

– Сын мой, я не оставлю тебя, – отвечал епископ, – я, старец, иду на легкую смерть, тебе же предстоят более жестокие страдания. Ты через три дня последуешь за мной, а пока раздай бедным оставшееся имущество.

Лаврентий исполнил повеление епископа. Множество христиан скрывалось в катакомбах или в подземельях. Он посетил их и раздал всем нуждавшимся деньги, хранившиеся для этого при церкви. Это стало известным. Епарху (или римскому губернатору) донесли, что Лаврентий унес из церкви и скрыл золотые драгоценные сосуды.

В это время Римская Церковь была богата, ибо много богатых и знатных римлян приняли христианскую веру. При совершении богослужения употреблялись золотые и серебряные сосуды; около 220 года епископ Урбан велел заменить ими стеклянные. Большую же часть своего богатства Римская Церковь употребляла на содержание бедных, старцев, вдов и сирот. Она издавна славилась своей благотворительностью и в это время содержала на своем попечении более тысячи пятисот бедняков.

Епарх велел схватить Лаврентия и заключить в темницу. Потом, призвав его к себе, спросил, куда он скрыл церковные сокровища.

– Если прикажешь, я соберу их тебе, – отвечал Лаврентий. Его отпустили, и Лаврентий, собрав всех бедных, которых содержала Церковь, привел их на двор губернатора и сказал ему:

– Вот лучшие сокровища христианской Церкви. Губернатор, считая себя осмеянным, разгневался и велел предать Лаврентия истязаниям, которые тот перенес с необыкновенным мужеством. Губернатор убеждал его, чтобы он отрекся от веры и назвал имена христиан, но Лаврентий отказался.

– Уж не надеешься ли ты на сокровища, которые скрыл? – спросил губернатор. – Они не спасут тебя от смерти, если не исполнишь моего повеления.

– Рабов Христовых я не назову тебе, – отвечал Лаврентий, – а на сокровища действительно надеюсь.

– Как ты надеешься серебром и золотом откупить себя от казни?

– Я раб Христа, на Него уповаю и знаю, что Он уготовил небесные сокровища служителям Своим, – сказал Лаврентий.

Епарх велел еще сильнее мучить Лаврентия. Но ни заточение в темнице, ни истязания не поколебали его твердости и веры.

– В том ли состоит закон христианский, чтобы не бояться мучений и не почитать богов? – спрашивал епарх.

– Закон мой научил меня знать и почитать Бога моего, Господа Иисуса Христа, – отвечал Лаврентий. – Уповая на Него, я не боюсь мучений.

– Целую ночь стану мучить тебя, – говорил разгневанный губернатор.

– Эта ночь будет для меня не темна, – спокойно отвечал мученик, – она вся озарена светом.

Исчерпав все возможные пытки, епарх велел положить мученика на железную решетку, раскаленную в огне. Лаврентий с мужеством перенес и это. Пролежав долго на одном боку, он сказал мучителям: «Уже испеклось, пора оборотить». Небесная радость сияла на лице его во время ужасного мучения, и он не переставал славить и благодарить Господа. Он громко молил Его об обращении врагов, и с этой молитвой на устах скончался.

Еще в темнице Лаврентий обратил к Богу язычника, по имени Ипполит. Ночью Ипполит с некоторыми христианами пришел взять тело святого мученика, чтобы похоронить его, но был схвачен и замучен до смерти со всеми своими домашними. Молодой воин, по имени Роман, обратившийся к вере при виде страдания и мужества Лаврентия, тоже был казнен.

Святой Лаврентий был родом испанец. В Испании христианское учение стало уже сильно распространяться, и в гонении при Валериане многие из тамошних христиан были

казнены за веру. Епископ Фруктуоз с двумя диаконами, Авгуром и Евлогием, скончались на костре, обратив в темнице многих язычников. После смерти они явились мучителю и сказали ему: «Ты думал обратить нас в пепел, но смотри, мы живы и озарены славой».

Гонение свирепствовало с великой силой и в Галлии. Близ Парижа мученической смертью скончался епископ Дионисий с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием. Их обезглавленные тела были похоронены христианами на горе, которая стала с этих пор называться горой мучеников – *mont des martyrs*. Из этого впоследствии возникло название *Montmartre*. Но гонение не помешало вере Христовой быстро распространяться в Галлии. В Лимозе, Нарбонне, Клермонте, Арлах, Тулузе и Париже уже были епископские кафедры. Христианство проникло и в Германию. Церкви Кельнская и Трирская были основаны в III веке. При гонении Валериана пострадал в Германии Проват. В итальянском городе Ноле – епископ Максим и его пресвитер Феликс.

Гонение, конечно, не пощадило Востока – колыбели христианской веры. Число мучеников в Малой Азии было очень велико. В Кесарии Каппадокийской шестнадцатилетний мальчик, по имени Кирилл, удивил всех верой и твердостью своей. Отец Кирилла был язычником и, когда узнал, что сын принял христианскую веру, стал обращаться с ним очень жестоко, часто бил его, томил голодом и, наконец, видя, что это все бесполезно, выгнал из дома. Но мальчик только все больше и больше привязывался к Господу. Его товарищи, язычники, смеялись над ним, но эти насмешки не смущали Кирилла; он оставался верен Христу. Наконец, судья призвал его.

– Дитя мое, – сказал он ему ласково, – если ты раскаешься, то я отпущу тебя и упрошу твоего отца, чтобы он тебя простил и опять принял в свой дом. Вспомни, что ты упрямством своим лишаешь себя отцовского богатства.

– Господь примет меня, – отвечал отрок. – Отец выгнал меня из дома, но Господь даст мне жилище вечное. Я смерти не боюсь; она доставит мне лучшую жизнь.

Судья начал грозить ему истязаниями. Но так как это не страшило юношу, то велел связать его и отвести на место казни, думая этим склонить его к отречению. Показали Кириллу костер, приготовленный будто для него. Кирилл по-прежнему остался тверд. Его опять привели к судье, который долго увещевал его, но отрок говорил:

– Я не боюсь смерти – мне даруется лучшая жизнь.

В конце концов судья приговорил его к смерти. Некоторые из присутствовавших плакали.

– О чем вы плачете? – сказал им Кирилл. – За меня надо радоваться, но вы не знаете, какую я имею надежду и куда я иду.

И сам пошел к костру. Все долго с изумлением говорили о твердости отрока, особенно же язычники, которые не знали, какую необычайную силу может дать вера. Этот пример доказал всем, что Господь дает силу и помощь кротким и смиренным, но оставляет тех, которые ослеплены гордостью и нарушают закон любви к ближним.

В Антиохии священник Саприкий и мирянин Никифор долго дружили, как родные братья, но из-за чего-то рассорились и стали друг друга ненавидеть. Никифор первый понял, что чувство ненависти грешно перед Богом, раскаялся и старался помириться с Саприкием, но Саприкий и слышать не хотел о примирении. Когда Никифор подходил к нему и со слезами говорил: «Прости меня, если я чем-нибудь обидел тебя», – то Саприкий отталкивал его или молча удалялся.

Когда началось гонение, Саприкий как священник был взят одним из первых. Он с твердостью заявил, что он, будучи христианином, не отречется. Его жестоко мучили, но он остался тверд в исповедании своем, и тогда его осудили и повели на смертную казнь. Никифор, услышав об этом, вышел к нему навстречу, пал к ногам Саприкия и стал вновь просить его помириться с ним. Саприкий с гневом отвернулся, но Никифор, следуя за ним, именем

Христа умолял его простить ему. Воины, которые вели Саприкия, удивлялись неотступной просьбе Никифора и говорили ему:

– Для чего ты так настаиваешь? Ведь этот человек идет на казнь. Он тебе вредить уже не сможет, зачем тебе его прощение?

Но не для себя, а из христианской любви к другу желал Никифор, чтобы он перед смертью помирился с ним. Он отвечал воинам:

– Бог видит, чего я желаю от исповедника Христова.

Когда пришли на место казни, он вновь пал на колени перед Саприкием:

– Молю тебя, мученик Христов, прости мне, если я, как человек, грешен перед тобой.

Молю тебя именем Христа, Который сказал: *просите и дастся вам*, – я прошу у тебя прощения.

Саприкий и тут отвернулся, не захотел исполнить просьбу брата, умолявшего во имя Христа. И Господь наказал его, внезапно отняв у него силу и твердость духа. Саприкий, увидя орудие казни, устранился и воскликнул:

– Не казните меня, я принесу жертву богам!

– Что ты делаешь, брат возлюбленный? – воскликнул в ужасе Никифор. – Умоляю тебя, опомнись, не губи венца, уготованного тебе на небесах.

Но Саприкий, полный малодушного страха, повторил отречение свое. Напрасны были мольбы и увещания Никифора. Тогда Никифор воскликнул:

– Я христианин, казните меня!

Саприкий был отпущен, как отрекшийся от веры, а Никифор сподобился умереть за Христа.

Епископ Александрийский, св. Дионисий, немало пострадал в это время. Он сам сообщил о себе подробности, которые переданы историком Евсевием. Из его слов видно, что гонение в Александрии было чрезвычайно сильным. Префект, или губернатор области, Эмилиан призвал к себе Дионисия вместе с пресвитером Максимом и тремя диаконами и убеждал их покориться царскому повелению, то есть поклониться языческим богам.

Дионисий отвечал:

– Мы должны более слушаться Бога, нежели человека, и поклоняемся единому Богу, Творцу мира, Который вверил царство императорам. Мы Его почитаем, Ему поклоняемся, Его молим о безмятежном их царствовании.

– Но кто же мешает вам поклониться одновременно и вашему Христу, и нашим богам? – спросил Эмилиан.

– Мы не можем кланяться иному Богу, как Богу истинному, – отвечал Дионисий.

Тогда Эмилиан осудил его и бывших с ним на изгнание. Отправили их в Ливию, в деревню, находившуюся близ пустыни. Дионисий в это время был болен, но на это не обратили внимания. Над христианами был установлен постоянный, строгий надзор. Это, однако, не помешало им благовествовать Евангелие, и их изгнание послужило средством к распространению веры. «Господь открыл нам дверь для проповедания Его слова, – писал Дионисий. – Сначала преследовали нас и били камнями, а потом немало язычников, оставив кумиров своих, обратились к Богу. Как будто для того именно Бог и привел нас к ним; ибо как скоро мы исполнили это служение, нас опять вывели отсюда». Успех проповедания раздражил начальника области, и он перевел изгнанников в другое место, в пустыню Мареотскую, далеко от всякого города. Но, конечно, и тут изгнанники с ревностью исполняли святое дело и служили Богу. Заточение Дионисия продолжалось три года, и он возвратился в Александрию уже после смерти Валериана.

Валериан был взят в плен персидским царем Сапором¹¹⁹, от которого терпел много оскорблений и унижений. Продержав Валериана довольно долго в плену, Сапор умертвил его.

---

¹¹⁹ Или Шапуrom I; это случилось при Едессе.

Глава XX

Девятое гонение. Общий взгляд на церковную жизнь во II и III веках

После того как Валериан был взят в плен, сын его, Галлиен, тотчас же отменил строгие указы против христиан, признал за ними право совершать богослужение и велел возвратить им для усыпальниц или кладбищ отнятые у них места.

Впрочем, это еще не значило, что отныне христиане были совершенно в безопасности. Царские указы не скоро доходили в отдаленные области обширной империи, да и проконсулы, которые правили областями с властью почти царской, всегда имели возможность осудить христиан, которых ненавидели. Они часто требовали от них поступков, не совместимых с христианским законом. И когда христиане этому не покорялись, то предавали их казни. Полководцы продолжали требовать от воинов языческой присяги или совершения обряда в честь императора, на что христиане также не могли согласиться.

Подобный случай был при Галлиене, уже после обнародования его указа в пользу христиан. В Кесарии христианский воин по имени Марин, богатый и знатный, должен был получить одну из высших воинских степеней. Но в качестве доказательства верности государю от него потребовали совершения языческого обряда пред кумиром императора. Марин отказался исполнить обряд, объявив, что он христианин. Начальник области, грозя ему смертью, дал ему три часа на размышление. Как только Марин вышел из судилища, к нему подошел епископ Кесарийский Феотекн, повел его в церковь и, показав ему Евангелие и меч, сказал: «Выбирай из двух одно». Марин взял Евангелие. «Да поможет же тебе Бог», – сказал епископ. Марин отправился к начальнику, повторил свое исповедание и был казнен. Сенатор Астурий взял его окровавленное тело и предал земле.

Между тем на Римскую империю обрушились всевозможные бедствия: голод, язва, землетрясения, междоусобицы и беспорядки во всех областях. Появлялись новые искатели власти, которые производили смуты и волнения. Некоторые области были завоеваны Зиновией, царицей Пальмиры: Вифиния, Каппадокия, Антиохия. В другие области врывались варварские племена, все больше и больше теснявшие слабеющую Римскую империю. Скифы и готы опустошали Фракию, Понт и другие области Малой Азии и Греции; сарматы овладели Паннонией¹²⁰; германские племена делали набеги в Галлию, Испанию и даже в Африку. Римская империя, ослабленная внутренними беспорядками, была не в состоянии отражать внешних врагов. Величие и слава Рима клонились к упадку.

По воле Господа сами бедствия способствовали распространению христианской веры. Варвары уводили за собой немало пленных христиан, которые, служа Господу везде, где могли, проповедовали победителям веру Христову и показывали им христианский образ жизни. Господь помогал святым благовестникам, давая им власть творить чудеса. Таким образом христианство проникло даже в отдаленные страны. Епископы подавали пример мужества, неустрашимости и постоянной заботы о своих чадах. Увещаниями, посланиями ободряли они тех, кто подвергался бедствиям, помогали им всеми средствами, братски обменивались между собой советами и наставлениями. Варвары напали на Понтийскую область. Понтийский епископ Афинодор посоветовался со своим братом Григорием Неокесарийским о том, как поступать с падшими христианами, и Григорий Чудотворец в каноническом послании к папе Понта изложил правила церковного благочиния. Мы видим дух любви, мира и

---

¹²⁰ Римская провинция между Восточными Альпами и Дунаем; примерно соответствует территории прежней Югославии, Австрии и Южной Германии. После нашествия гуннов в V в. Римская империя фактически отказалась от нее.

единодушия, который не нарушался тем, что во многих случаях Церкви следовали местным обычаям. Таким образом, в эту пору неурядицы Церковь Христова являет нам образец благоустройства, основанного на покорности Христу и взаимной братской любви – началах, которые сильнее всяких внешних узаконений.

Между тем заразная язва особенно свирепствовала в Риме, Греции и Египте. Вымирали целые города. В Риме число умерших доходило в иные дни до 5 000; в Александрии не поспевали хоронить мертвых. Но везде христиане не отказывали в помощи страждущим.

Святой Дионисий так описывает события, происходившие в Александрии: «Ныне везде слезы, все плачут; город от множества умерших и ежедневно умирающих оглашается стонами; подобно тому как написано о первенцах египетских, настал вопль великий, ибо нет дома, в котором не было бы покойника. И если бы только это? Много было ужасного и прежде. Нас изгнали; но преследуемые и убиваемые всеми, мы, однако же, праздновали и в то время. Всякое место нашей скорби было для нас местом и торжественного собрания – деревня ли то, пустыня, корабль, гостиница или темница... Затем наступила война и голод; это мы переносили вместе с язычниками... Вдруг появилась эта язва, событие ужаснейшее всякого ужаса, и бедственнейшее всякого бедствия... но для нас оно служило поводом к упражнению и испытанию ничем не меньше других событий. Болезнь не миновала и нас; но она свирепствовала больше между язычниками... Многие из братьев наших, от избытка любви и братолюбия, не щадили самих себя; заботясь друг о друге, они смело посещали больных, неумоимо ходили за ними, служа им ради Христа; вместе с ними они радостно умирают, привлекая к себе болезнь их и охотно стирая с них язвы. Многие из тех, которые так пеклись о больных и возвратили им здоровье, сами умерли... Таким именно образом оставили жизнь лучшие из наших братьев: некоторые пресвитеры и диаконы и многие похваляемые из народа, а сей род смерти – дело великого благочестия и твердой веры, ничем не ниже мученичества. Они брали руками своими на колени тела святых, закрывали им глаза и уста, несли их на своих плечах, обмывали их и одевали... Совершенно иначе поступали язычники: они прогоняли заболевающих, убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения умерших, стараясь только избавиться от передаваемой и сообщающейся смерти»¹²¹.

Некоторые лжеучители волновали в это время мир Церкви. Главные из них, Савеллий и Павел Самосатский, неправильно трактовали учение о Святой Троице, не разделяя лиц Божества. Лжеучение Савеллия мало чем отличалось от мнений Праксея и Ноетия, против которых еще в начале века боролись Ипполит, Ориген и другие отцы Церкви. Последователи этих лжеучителей тоже назывались патрипассианами, потому что, не отделяя лиц Божества, они утверждали, что Бог Отец воплотился, родился от Девы Марии и пострадал на Кресте. Ересь Савеллия получила распространение в Антиохии. Дионисий выступил против него, а также против ставшего популярным тогда мнения, что наступит тысячелетнее царствование Христа и на земле.

Бдительность отцов Церкви оградила христиан от влияния и другого лжеучителя, Павла Самосатского, который был епископом в Антиохии. Он говорил, что Сын и Дух Святой находятся в Отце, как ум и сила – в человеке; и что Христос был простым человеком, потому он и запрещал в своей Церкви петь стихи во славу Иисуса Христа и крестить во имя Его. В это время Антиохия находилась под владычеством Зиновии, царицы пальмирской. Павел, человек умный и хитрый, сумел завоевать ее расположение и под ее покровительством пользовался большой властью в Антиохии. Но как только стала понятной ложь его учения, то епископы других областей съехались в Антиохию. На этом Соборе (в 264 году) присутствовали также Фирмилиан Каппадокийский, Григорий Чудотворец и его брат

---

¹²¹ Из «Церковной истории» Евсевия. Кн. 7, гл. 22.

Афинодор, Дионисий Александрийский. Уличенный в неправомыслии, Павел Самосатский отрекся от своих заблуждений. Но его отречение было притворным. Позже он вновь стал распространять свое лжеучение и вести жизнь предосудительную: угнетал бедных, брал деньги с обвиненных, чтобы оправдать их, жил роскошно, был гордым и тщеславным. В церкви заставлял петь себе похвалы, искал всяких мирских отличий и преимуществ. Его пример пагубно действовал и на других антиохийских священнослужителей, чьи пороки подвергали саму христианскую веру нареканию и насмешкам со стороны неверующих. Наконец епископы разных Церквей сочли нужным принять решительные меры, чтобы прекратить такое зло. Вновь созвали в Антиохии Собор (в 269 году). Дионисий из-за нездоровья и слабости не смог приехать, но в письме изложил свое мнение; Григорий Неокесарийский недавно скончался; престарелый Фирмилиан, несмотря на слабость, предпринял путешествие, но скончался в дороге. Но все же большое число епископов с востока и запада съехалось в Антиохию. Ереси Савеллия и Павла Самосатского были вторично осуждены, Павел был низложен, и на его место избран Домн. Обо всем этом посланием сообщалось епископам Римскому, Александрийскому, а также всем, не бывшим на Соборе. На этом Соборе впервые прозвучало выражение «Единосущный Отцу». Павел Самосатский, опираясь на покровительство Зиновии, не захотел покориться решению Собора, но впоследствии вынужден был уступить место Домну.

В 275 году Аврелиан издал указ против христиан. Но это гонение, которое считается девятым, еще не успело распространиться по всем областям империи, как Аврелиан был убит. Из мучеников, прославившихся при нем, назовем св. Павла и его сестру Иулианию, вытерпевших в Птолемаиде страшные истязания; св. Конона; св. Хрисанфа и Дарию, умерших в Риме. Объем нашей книги не позволяет рассказать подробно обо всех мучениках, известных нам. Читатели могут найти подробные повествования в Четиих-Минеях и в извлечениях, из них сделанных.

В это же самое время стало распространяться в Сирии и Палестине новое лжеучение, несколько сходное с гностицизмом, но еще больше извращающее истины христианского учения, – манихейство. Основателем его был Манес, или Мани, родом из Персии. Он учил, что существуют два начала: тонкая материя (или свет) и материя грубая (или тьма), что владыка света – добрый Бог, а владыка зла – демон; что от борьбы двух начал произошел весь мир; что тело человека и его чувственная душа созданы началом зла; а добрая душа – началом добра. Добрый Бог для того, чтобы освободить души, послал на землю Христа, жилище Которого есть солнце. Когда же Христос возвратился на солнце, то Он обещал послать людям Утешителя (или Параклита), который и есть Манес. Манес учил, что надо изнурять тело, как начало зла, отвергал весь Ветхий Завет, как дело князя тьмы, и написал свое Евангелие. Он утверждал, что души, очищенные после смерти, переселятся в солнце и луну, а души неочищенные перейдут в животных. Поэтому последователи Манеса остерегались употреблять в пищу животных, и вообще держали строгий пост. Но нравственность их была не очень строгой, ибо они легко извиняли свои пороки и прегрешения силой духа зла. В обрядовых действиях Манес старался подражать христианам. Он оставил множество учеников, двенадцать из них назывались апостолами. Несмотря на нелепость этого лжеучения, осужденного христианами и жестоко преследовавшегося язычниками, манихейство просуществовало долго, соединяясь с фрагментами гностических учений, и временами приобретало значительный вес в общественном сознании. Сам Манес был казнен по приказу персидского царя.

В 284 году на римский престол вступил Диоклетиан, уроженец Далмации¹²². В начале своего царствования он не был враждебно расположен к христианской вере; напротив, она казалось признанной правительством. Христиане открыто совершали богослужение, зани-

¹²² Отчасти совпадает с территорией прежней Югославии, Албании.

мали должности при царском дворе, служили в войске и сенате. Есть даже предположение, что жена и дочь Диоклетиана исповедовали христианскую веру. К этому времени установились достаточно твердые церковные обряды. Порядок управления и обычаи были хотя и не всегда одинаковые, но довольно схожие.

Потому, прежде чем приступить к рассказу о новом жестоком гонении, обратим внимание на некоторые обычаи того времени, на быт христиан.

Мы говорили о том, что уже в царствование Александра Севера за христианами признавалось право открыто собираться для богослужения и что тогда же они начали строить церкви. Но это право нарушалось во времена гонений. Тогда христиане собирались, где могли: в подземельях, на кораблях, в темницах. В начале царствования Диоклетиана, пользуясь расположением или снисхождением царя, христиане стали опять строить молитвенные дома или церкви, ибо собрания христиан были везде очень многочисленными. Тогда же был построен обширный христианский храм в Никомидии, месте пребывания императора. Церкви строились преимущественно над гробницами мучеников. Перед ними был открытый вход, где стояли те, которые, будучи уличены в тяжких преступлениях, не имели права войти даже в преддверие, где кающиеся могли умолять верных о вознесении за них молитвы Богу, а оглашенные слушали поучение. Место для верующих разделялось на две части: одна для мужчин, а другая для женщин. С амвона (или возвышенного места) проповедовалось и читалось Евангелие.

Здесь же совершалось возложение рук. Алтарь был обращен к востоку, что знаменовало обращение к Солнцу Правды, воссиявшему на востоке. За ним были сидения для епископов и пресвитеров. Часть храма предназначалась для принятия приношений, а близ церковей устраивались обширные крещальни.

По мере того как богатые люди вступали в общество христиан, в церквях появлялось больше великолепия. Уже в первой половине III века вошло в обычай употреблять для совершения Таинств золотые и серебряные сосуды, иметь дорогие лампы и свечники; пресвитеры (и вообще церковнослужители) имели для богослужения особые одеяния, которые не имели права носить дома.

При литургии чтение из священных книг выбиралось в соответствии со временем. Так, книга Бытия читалась в продолжение Четырдесятницы, книга Иова – на Страстной седмице. Все сведения, сохранившиеся о чине богослужения, доказывают, что образ его совершения был очень сходен с нашим, ибо позднее отцы Церкви, несколько сократившие древнее апостольское богослужение и составившие новые тексты молитв и песнопений, оставили неизменной сущность Божественной службы. Об этом мы впоследствии скажем подробнее. К церковным степеням в III веке прибавились иподиаконы, помощники диакона, аклуфы, служители епископа, парамонарь (или придверник), который наблюдал за тем, чтобы при богослужении верных не присутствовали кающиеся, оглашенные и отлученные от Церкви, чтобы не вошел язычник. Парамонарь иногда исполнял обязанности певца и чтеца. В некоторых церквях были заклинатели, которые читали над больными и страждущими молитвы об изгнании злых духов. К клиру причислялись и гробокопатели. Во времена гонений исполнение этой обязанности было опасным, поэтому их очень чтили. Таким образом, клир временами бывал довольно многочисленным.

Избрание в епископы делалось, как уже было сказано, с общего согласия клира и мирян. Требовалось на избрание данного епископа и согласие окрестных епископов, которые и рукополагали избранного. Церковные дела решались Соборами; в них принимали участие и старейшины из народа. Обычно в каждой области Соборы созывались два раза в год: один осенью, другой – после Пасхи.

Историк Евсевий, живший в конце III – в начале IV века, упоминает об изображениях Спасителя: о медном изваянии Иисуса Христа, воздвигнутом близ Кесарии Филипповой¹²³, об изображениях на досках Спасителя и святых апостолов Петра и Павла. Но по дошедшим до нас сведениям нельзя утверждать, чтобы в то время уже было общим правилом ставить в церквах изображения Спасителя и святых. В понятиях христиан искусство еще было так тесно связано с язычеством, что они могли чуждаться всего, что хоть как-то напоминало близкое и все еще сильное язычество. Это особенно относится к скульптуре, потому что языческие божества изображались более ваянием, чем живописью. Следы живописи, относящейся к первым векам христианства, найдены в римских катакомбах: есть изображения Христа в виде Доброго Пастыря, носящего на раменах овцу, Тайной Вечери и т. д. Древняя христианская живопись была скорее символической¹²⁴, больше указывающей на Христа, чем изображающей Его. Так же представлялись сюжеты из Ветхого Завета, прообразовавшие явление Христа и спасение чрез Него: Моисей, исторгающий воду из камня, Ноев ковчег и т. п.

---

¹²³ По преданию, его заказала сделать та самая кровоточивая жена, которая исцелилась, прикоснувшись к одежде Спасителя.

¹²⁴ «Символ» — слово греческое, происходящий от глагола «соединять» (в данном случае две половины расколотого мира: видимое и невидимое). Крест, звезда, круг, треугольник – это не просто геометрические фигуры. В них раскрывается смысл более общих духовных понятий и явлений. Христианская культура зарождалась как символическая, что было обусловлено самой обстановкой гонений и необходимостью для христианской общины беречь от поругания святыни и истины своей веры. Тем не менее символизм раннего христианства был вызван не только практической необходимостью, но и характером новозаветного восприятия человека и мира. Богословские тексты и толкования Писания первых веков также используют символический метод, как приобщающий к тому, чего нельзя передать рациональными средствами. Первыми произведениями христианского искусства являются настенные изображения II– IV веков в римских катакомбах, где христиане собирались для богослужений. Не словами, но знаками в них передается смысл того или иного вероучительного положения. Символичен, в частности, крест, как соединение горизонтали (земли) с вертикалью (духовным миром). Другой древний образ – это Пастырь Добрый, представляемый в виде юноши-пастуха, несущего на плечах потерянную овцу. Изображение рыбы знаменует Самого Христа, так как греческое слово «рыба» составлено из начальных букв слов: Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель. В древнейшей части катакомб Каллиста присутствует четкое изображение рыбы, несущей на своей спине корзину с хлебами и сосуд с вином. Глубоко символичным, с точки зрения Православия, является не только искусство, но и весь мир как творение Бога, исполненное смысла и красоты. Символом мира, малой вселенной в православном понимании служит храм как образ земли, соединяемой с куполом, олицетворением неба.

Фреска Спасителя в Римских катакомбах

Катакомбы сыграли важную роль в жизни христиан первых веков. Это были длинные подземные галереи, о происхождении которых существуют разные мнения ученых. Одни считают, что они образовались из-за того, что со времени основания Рима в его окрестностях добывали камень, глину и особого рода землю (puzzolane), служившую цементом при постройке. По мере расширения города ямы, из которых добывался этот материал, образовали рвы и подземные галереи, имевшие связь между собой. Другие полагают, что первоначально катакомбы предназначались для погребения иудеев, а потом и христиан: семьи, а затем и целые общины покупали вне города территории, где устраивали кладбища. Впоследствии несколько таких кладбищ, соединенных вместе, составили те самые подземные галереи, которые были расширены христианами во времена гонений. Некоторые ученые склонны признать, что катакомбы созданы трудом только христиан, искавших места для молитвенных собраний, что это кладбища для умерших братьев и просто безопасное убежище. Катакомбы занимают в Риме (или, скорее, под Римом) такое огромное пространство, что если их вытянуть в одну прямую линию, то она равнялась бы примерно 1450 километрам. Тайными ходами, им одним известными, христиане могли переходить из одних катакомб в другие и выйти из города, ибо катакомбы, опоясывая Рим со всех сторон, простирались далеко. Тянулись они узкими, темными коридорами, стены которых заняты гробницами. Узкие коридоры то крестообразно пересекаются другими, то, расширяясь, образуют четырехугольные или круглые пространства, в которых, судя по изображениям, сохранившимся на стенах, легко узнать места молитвенных собраний. Главное в этих подземных церквах – ниша, в которой стоит гроб мученика, покрытый плитой, что служило алтарем.

Христос Добрый пастырь. Фреска. III–IV вв. Катакомбы Присциллы, Рим

Надписи, живопись, различные предметы, найденные в катакомбах, свидетельствуют о вере, надеждах и страданиях христиан первых веков. Огромное число мучеников похоронено в этих подземельях, и до сих пор находят еще новые могилы, новые надписи. Все свидетельствует о великом духовном перевороте, который учение Христово произвело в обычаях и представлениях уверовавших. Если раньше язычники, сжигая тела умерших, пепел сохраняли в сосудах, и при этом богатые ставили сосуды в пышные гробницы (или памятники), напоминавшие о земном величии умершего (не допускалось останки раба или бедняка класть близ останков богатого и знатного), то христианские усыпальницы (или кладбища) указывают на иные понятия и взаимоотношения. Христиане не сжигали тела умершего, но, уважая в нем храм Божественного Духа, благоговейно клали его в гроб с молитвой и псалмопением.

Рыба и хлеб. Фреска. III–IV вв. Катакомбы св. Каллиста, Рим

Гробы вкапывались в стены катакомб. Рядом с именем умершего редко обозначалось, какое место он занимал в мире, был ли он раб или свободный, знатный и богатый человек или бедный труженик. Служитель Христа – вот что считалось его почетным званием, ибо то был залог будущей, вечной жизни, перед которой исчезала ценность земной жизни с ее пониманием величия и страдания. И надписи, и живопись выражали твердое упование на жизнь вечную, загробную, на радость воскресения во Христе. При гробе мученика обычно изображали пальмовую ветвь (или венец), что означало победу. «Победитель в мире и в Иисусе Христе», – гласила надгробная надпись. Иногда в гробницы мучеников помещались склянки с их кровью. В наше время при раскопках часто находят такие склянки. Некоторые гробницы сохранили запах ароматических веществ, которые использовались при погребении. В катакомбах часто встречаются символические изображения: якорь – как надежда христиан; корабль – образ Церкви; голубь – вестник спасения и образ Духа Святого; рыба – образ души, исторгнутой из глубины погибели галилейскими рыбаками или возрожденной в новой жизни водой, то есть крещением. Рыба встречается особенно часто. Кроме символического смысла, это изображение имело и другое значение. В этом слове (по-гречески) находятся начальные буквы имени Спасителя: Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. Есть изображение на жертвеннике рыбы и хлебов, в чем не без основания видят указание на совершение Евхаристии. Рыба изображалась и на разных предметах, употребляемых христианами, на перстнях, служивших печатью. Лампады, найденные в катакомбах, имеют символическую форму корабля. Вообще христиане любили эти символы, смысл которых оставался тайным для язычников, а им, верующим, постоянно напоминал о спасении и возрождении к новой жизни через Иисуса Христа.

Катакомбы Древнего Рима

Мы уже упоминали об аскетах. В истории II и III веков часто говорится и о девственницах, посвятивших свою жизнь Господу. В III веке было положено начало уединенной, пустынной жизни и монашеству. В гонение при Декии много христиан удалилось в пустынные места. О некоторых из них после не было никакого известия, и надо полагать, что они и остальную жизнь провели в пустыне, как св. Павел Фиваидский, упомянутый выше.

Преподобный Антоний Великий. Икона. Вторая половина XVI в.

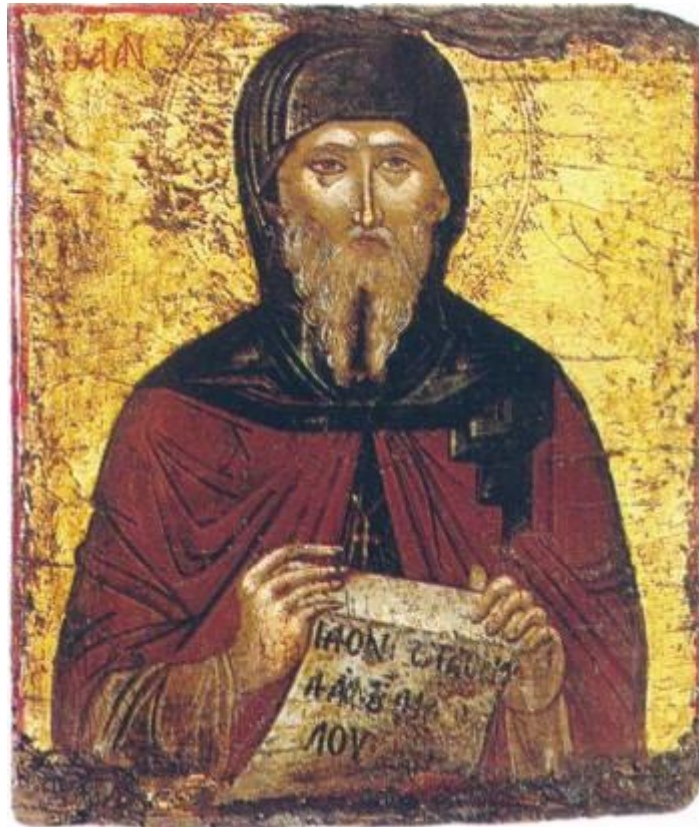
В III веке жил и другой великий пустынный, Антоний, который, собственно, и считается основателем пустынножительства и монашества¹²⁵. Он родился в Египте в 251 году в христианской семье. На двадцатом году жизни лишился родителей, которые оставили ему богатое наследство. Антоний с детства любил Бога и постоянно старался угодить Ему. Однажды, идя в церковь, он думал о трудах апостолов, о первых христианах, которые из любви к Богу и ближним жертвовали всем своим имуществом, и молился, чтобы Бог указал, как угодить Ему. Занятый такими мыслями, он вошел в церковь, и первые слова, которые он услышал, были из Евангелия: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, и следуй за Мною* (Мф. 19–21). Эти слова показали Антонию ответом на его мысли и призывом от Самого Господа. Он

¹²⁵ Преподобный Антоний Великий – основатель монашества. Родился около 250 года в Египте, в богатой семье христиан-коптов. В 20 лет святой раздал имущество и стал вести уединенную подвижническую жизнь. Умер около 355 года, прожив больше ста лет и оставив за собой множество учеников и последователей. На подвиги в пустыню уходили и прежде. Антонию же впервые удалось прояснить смысл «внутренней брани» – сложного и противоречивого душевного состояния, которое захватывает человека, пребывающего в одиночестве и несущего постоянный молитвенный подвиг. В этой борьбе прп. Антоний дошел до предела человеческих сил и пережил ужасы и искушения от демонов. Наконец ему явился Господь, и прп. Антоний спросил, для чего Тот медлил и не подавал руку помощи. Христос ответил: «Я был рядом и желал видеть твой подвиг». Так была открыта воля Господня об иночестве, как добровольном мученичестве и способе усовершенствования души, приятном и особенно высоко ценимом Богом. В другой раз прп. Антонию было дано созерцать в виде сетей все козни диавольские, какими опутан мир. Число и крепость их были такими, что прп. Антоний усомнился, может ли кто-нибудь в мире избежать соблазна и прийти ко спасению? Господь укреплял подвижника, говоря, что вся демонская сила отступает перед смирением; сети соблазна не прикасаются к тем, кто во Христе смиряет себя. С этих пор борьба против тщеславия и превозношения стала стержнем всего аскетического делания, залогом твердого шествования по пути спасения. Преподобный Антоний Великий по праву считается отцом монашеской традиции, так же как родоначальником кинувийного (общинного) монашества называют прп. Пахомия Великого.

продал свое имение и раздал деньги нищим, оставив себе лишь самое необходимое. Через несколько дней, услышав в церкви слова: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), – отдал и остальное, поручил свою малолетнюю сестру благочестивым женщинам и решил посвятить себя Богу.

Он нашел благочестивого старца, который жил один, в строгом посте и молитве, и поселился близ него. Потом, пожелав полного уединения, ушел в пустынное место и стал жить в оставленной гробнице (в Египте гробницы высекались в каменных горах.) Он молился и день, и ночь, стараясь забыть обо всем земном, чтобы всю душу, все мысли, все желания устремить к Богу. Сначала такая жизнь была ему очень тяжела: ему приходили на память земные радости, богатство, которого он лишился, и в душе его возникали сожаления и сомнения, происходила борьба. Только молитва могла успокоить его встревоженную душу и возвратить ей твердость. Антоний посещал старца, своего первого наставника, но на 35 году от роду решил искать полного уединения. Он переплыл реку Нил и ушел далеко в безлюдную, суровую пустыню. Там он терпел всевозможные лишения, часто страдал от голода, зноя, жажды. Но всего труднее была для него борьба с самим собой: часто воображение представляло ему в самых пленительных образах покинутые радости мира, страх и уныние смущали его душу, но молитва всегда укрепляла его. Иногда Господь в милости Своей посылал ему чудную помощь. Так, однажды, измученный томительной внутренней борьбой, он воскликнул: «Господи! Что мне делать? хочу спастись, а помыслы мешают мне». И вдруг он видит перед собой человека, который сидит и работает, потом, встав, начинает молиться, после молитвы снова принимается за работу. Это был Ангел, посланный Богом, чтобы показать Антонию, что лишь трудом и молитвой побеждаются всякие дурные помыслы.

Между тем пустыня начинала заселяться христианами, которые бежали из языческих городов, чтобы в уединении предаваться молитве. Некоторые из них посещали Антония и просили у него совета и наставления. Вначале он беседовал с ними через небольшое отверстие, проделанное в пещере, и неохотно принимал их, потому что полюбил молчание и уединенную жизнь. Но посетителей приходило все больше и больше. Они умоляли Антония руководить ими поучать их. И он понял, что не следует ему удалять от себя это средство служить Богу и ближнему. Он решил оставить затворничество и стал принимать с любовью всех приходивших к нему и наставлял их. Вокруг него собралось много пустынножителей. Иные из них жили вместе, другие отдаленно друг от друга, в каменных пещерах, беспрестанно молились и работали. Они плели из пальмовых ветвей корзинки, которые в ближайшем городе меняли на хлеб. Так постепенно заселялась суровая Фиваидская пустыня, где впоследствии были основаны монастыри. Слава об Антонии распространилась далеко; из дальних стран приходили слушать его наставления, исполненные высокой христианской мудрости.

Преподобный Антоний Великий. Икона. XVI в. Люцерн, Галерея Уи и Компания

Все это время язычники не переставали нападать на христиан и явным гонением, и силой слова. Философы неоплатонической александрийской школы, Плотин и Порфирий, писали против христианской веры. Но уже среди ученых святая истина находила больше защитников, чем врагов. Юлий Африканец, Менуций Феликс, Арновий (вначале защитник язычества) писали в пользу христианского учения; Мефодий, епископ Тирский, опровергал утверждения Порфирия. Истина Христова все больше и больше вытесняла из сознания людей языческие заблуждения. Но христианам предстояло еще одно жестокое испытание.

Непрерывные смуты в империи и частые нападения варваров возбудили Диоклетиана избрать себе помощника или соправителя. Выбор пал на одного из полководцев, Максимиана Геркула. Разделив с ним императорскую власть, Диоклетиан поручил ему западные области, а себе оставил восточные. Он большую часть жил в Никомидии, близ Черного моря, а Максимиан – в Милане, откуда он мог легче, чем из Рима, следить за движениями германских племен, которые теперь стали все чаще тревожить римские территории. Государство к этому времени уже дошло до такого бессилия, что не оружием, а деньгами отражало нападение варваров, платя им дань. Диоклетиан избрал еще двух правителей, которые с меньшей властью, но в звании цесарей должны были начальствовать во вверенных им областях: Констанций Хлор – при Максимиане и Галерий – при Диоклетиане. Последнему Диоклетиан отдал свою дочь-христианку в замужество. Галерий вскоре приобрел сильное влияние на Диоклетиана и употреблял его против христиан, которых ненавидел. Ему, однако, долго не удавалось получить у Диоклетиана общий указ против них, и он должен был довольствоваться сначала частными преследованиями и притеснениями.

Максимиан Геркул тоже не терпел христиан и, будучи полновластным на западе, жестоко их преследовал. Гонения начались в полках. Он стал настоятельно требовать от воинов совершения обряда в честь богов и императора. Тогда многие христиане вынуждены были оставить службу, а многих казнили. В Африке воин по имени Маркелл, сбросив с себя воинский пояс и оружие, воскликнул: «Если звание воина обязывает совершать жер-

твоприношение ложным богам, то я служить не могу». Его приговорили к смерти. Нотарий (или писец) Кассиан отказался написать этот незаконный приговор и был казнен вместе с Маркеллом. Маврикий, христианин, начальник Фивского легиона (на территории нынешней Швейцарии) отказался совершить языческий обряд. Весь его легион, состоявший из 6 500 человек, исповедовал, как и он, христианскую веру. Начальник области велел казнить каждого десятого, думая тем утратить остальных. Но все объявили, что хотят остаться верными служителями Христа, и весь легион умертвили. В Галлии также много христиан предпочли смерть отречению. Сохранилось подробное повествование о мученической смерти в Марселе воина Виктора, который вытерпел страшные истязания и в темнице обратился ко Христу своих сторожей. Распятый на кресте, Виктор молил Господа о помощи, и вдруг явился ему Сам Христос со знаменем победы в руке и сказал: «Мир тебе! Я – Иисус, страждущий во святых Моих». Это чудное видение возвратило силы изнемогающему мученику, который с твердостью завершил свой подвиг.

Примерно к этому же времени относят и первое мученичество в Британии (или Англии). Христианский священник, преследуемый врагами, нашел убежище у воина-язычника по имени Альбан. Тот, видя добродетель и кротость христианина, принял христианскую веру. Вскоре, однако же, стало известно, что он скрывает христианского священника. За ним пришли, и Альбан сам отдал себя в руки врагов, чтобы спасти друга. Великодушный обман был обнаружен. Священника взяли; но так как и Альбан объявил себя христианином, то на казнь повели обоих. Вера и твердость их обратили и самого палача. Бросив орудие казни, он сказал, что верует и готов умереть с осужденными. Казнили всех. Англичане чтут память Альбана, как своего первого мученика, и воздвигли церковь на том месте, где он пострадал¹²⁶.

В то время, когда на западе Римской империи так жестоко преследовали христианскую веру, она покоряла другую страну, Армению. Это государство завоевали персы, а молодой наследник престола, Тиридат, спасенный от смерти верным служителем, воспитывался при дворе Диоклетиана. Когда он вырос, Диоклетиан помог ему вновь овладеть армянским престолом. Одним из самых верных служителей Тиридата был Григорий, воспитанный в христианской вере в Кесарии Каппадокийской и происходивший из царского рода. В то время немногие в Армении знали Бога истинного; сам Тиридат был язычником. Однажды Тиридат, принося торжественную жертву богам, потребовал, чтобы в этом принял участие и Григорий, но Григорий отказался, признав себя христианином. «Я верно служу царю земному, хочу быть верным и Небесному», – говорил он. Тиридат настойчиво требовал отречения, предал Григория страшным истязаниям, и, в конце концов, велел бросить его в ров. Обреченный на голодную смерть Григорий, милостью Божией, остался жив. Когда через несколько лет Тиридат был поражен тяжелой болезнью, Григорий чудесным образом вылечил его, и царь со всем своим двором принял Святое Крещение, а Григорий, рукоположенный в епископы архиепископом Кесарийским, стал беспрепятственно проповедовать Евангелие по всей стране, и даже диким племенам Кавказа и Каспийского побережья. Это было в последних годах III века. Тридцать три года управлял Церковью св. Григорий, известный под именем просветителя Армении. При содействии ученых и благочестивых мужей, вызванных из Греции, он основал много училищ, где дети обучались чтению Священного Писания. Много было основано и монастырей, в частности Эчмиадзинский монастырь – в тогдашней столице великой Армении, Вагаршапате. Здесь же была учреждена и кафедра армянских патриархов. Название «Эчмиадзин», собственно, принадлежало главному храму, построенному во имя Пресвятой Богородицы, и значит «сошел Единородный». Просветитель Армении скончался в 305 году, и в память о нем Церковь Армении стала называться Григорианской.

¹²⁶ Milner – Sewell.

Глава XXI

Век четвертый. Десятое гонение. 302–313 гг

Галерий между тем продолжал настраивать Диоклетиана против христиан¹²⁷. Ему помогали жрецы, уверяя Диоклетиана, что боги отнимут у него свою милость, если он станет и дальше терпеть их врагов, христиан. Жрецы говорили ему, что близость христиан мешает успеху заклинаний, в которые Диоклетиан верил. Раздраженный император стал требовать от своих домашних отречения от христианской веры. Начались пытки и казни. Но Галерий считал недостаточными частные меры строгости и настаивал на необходимости общего, строгого указа против христиан. Диоклетиан долго не решался, предвидя страшное кровопролитие.

Историк Евсевий, живший в то время, повествует, что в это время и христианское общество утратило прежнюю ревность к вере, что раздоры и вражда заменили прежнюю взаимную любовь, а пастыри, равнодушные к своим обязанностям, домогались власти и первенства. Но суровое испытание, посланное Богом, явило много достойных служителей Христа и возбудило везде горячую ревность к вере.

Голова мраморной статуи императора Диоклетиана. Мрамор. 284–305 гг. Стамбул, Археологический музей

Всю зиму 302–303 года в Никомидии шли переговоры и совещания. Диоклетиан хотел ограничиться указом, запрещающим исповедание христианской веры тем, которые служат

¹²⁷ Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245– 3.XII.316) — римский император с 284 по 305 г. Происходил из Далмации, сын вольноотпущенника. Провозглашен императором своими войсками. Для прекращения беспорядков и анархии ввел новое административно-территориальное деление империи, что подготовило дальнейшее расчленение ее. Отделил гражданскую власть от военной, а усиливая власть цезарей, ослаблял сенат. Диоклетиан проводил политику твердых цен на предметы первой необходимости, пытался ввести тарифы оплаты труда для ремесленников, но неудачно. При Диоклетиане в Риме были построены роскошные термы (бани), активно восстанавливался культ Юпитера для идеологического объединения империи. В 305 г. Диоклетиан (и одновременно Максимиан) отрекся от власти и продолжал жить до самой смерти в своем гигантском дворце в Далмации, в Салонах (Сплит в нынешней Хорватии, на берегу Средиземного моря). В старости уже пережил крушение своей религиозной политики и порядка наследования.

при дворе и в его полках. Галерий настаивал на более широкой мере, и, наконец, языческая партия превозмогла. За несколько дней до Пасхи вышел указ, которым предписывалось разрушать христианские храмы, сжигать книги и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Немедленно приступили к разрушению церкви в самой Никомидии. Сожгли и ее, и все найденные при ней книги. Некоторые писатели утверждают, что никомидийская церковь была сожжена в ночь на праздник Пасхи и что в ней погибло до 20 000 христиан. Но Галерию и этого было мало. Он велел поджечь никомидийский дворец и распустил слух, будто христиане – виновники пожара. Множество христиан было казнено. Вскоре вышел и второй указ, повелевающий употреблять все меры, чтобы склонить христиан к отречению, а непокорных казнить.

Этот указ был прибит к столбу в Никомидии. Один христианин схватил его и разорвал; его тотчас казнили. Затем последовал уже непрерывный ряд ужасных пыток и казней. Одним из первых пострадал молодой воин, очень любимый царем, по имени Георгий. Он бесстрашно обличал суетность идолопоклонства, и самые жестокие истязания не могли склонить его отречься от Христа, как того требовал Диоклетиан. Бог помогал молодому христианину, чудесно врачую его раны и даруя власть творить чудеса. Эти дивные проявления силы Божией изумляли язычников, и многие из них обращались. Юный воин претерпел казнь, и славен в нашей Церкви под именем великомученика Георгия Победоносца. Супруга Диоклетиана, царица Александра, пораженная силой Божией, заявила, что и она христианка. Ее осудили на казнь, но Александра предала душу Богу прежде, чем ее коснулся меч.

Многие из придворных царя предпочли смерть отречению. Сановники его двора: Петр, Дорофей, Горгоний и другие, вытерпев истязания, были казнены; старец Анфим, епископ Никомидийский, усечен мечом. Царские указы быстро разослали по всем областям. Галерий требовал строжайшего выполнения их на востоке. На западе тоже нашелся ревностный исполнитель в лице Максимиана, ненавидевшего христиан. В Египте, Сирии, Палестине, Фиваиде, Малой Азии, в Африке и Италии гонение было страшным, число мучеников – огромно. Лишь в областях, находившихся под управлением Констанция Хлора: в Галлии и в Британии, – гонение прошло спокойнее. Но Констанций Хлор не был полновластен, он не мог совсем отказаться исполнять царский указ, а только смягчал, по возможности, меры, предписанные ему, потому что, будучи кротким и добрым, хорошо относился к христианам.

Допрашивая христиан, язычники старались, прежде всего, склонить их к отречению и к совершению языческого обряда: иногда силой приводили к жертвеннику и, вложив им в руки фимиам, провозглашали, что они исполнили требуемое, хотя те до последнего дыхания возражали против этой клеветы. Потом пытали, чтобы выведать, где хранятся священные книги. Некоторые, устрасясь, отрекались от веры, но большая часть предпочитала смерть.

В это же самое время произошли смуты в некоторых областях: взбунтовались два военачальника, добываясь царской власти. Подобные события стали нередкими в ту пору общей неурядицы. Непрерывно появлялись все новые искатели власти, и за небольшой период в разных областях провозгласили почти одновременно до тридцати императоров. Это не имело никакого отношения к христианам, которые никогда не были замешаны в политических смутах, но враги нашли средство оклеветать их, и вскоре вышел еще более строгий указ. Тюрьмы наполнились епископами, пресвитерами, диаконами, чтецами, так что уже не оставалось места для настоящих преступников. Кровь лилась потоками. Нельзя даже вообразить себе тех страшных истязаний, которые придумывались язычниками. Христиан забивали до смерти бичами, иных терзали железными крючьями и копиями, многих жгли, распинали на крестах, морили голодом. В Египте в течение только одного месяца погибло до 17 000 христиан. Один египетский епископ, Филей Тмуитский, заключенный в темницу, в ожидании казни описывал своей пастве, что терпят христиане в Александрии. Оскорблять их было позволено всякому, самые ужасные истязания следовали одно за другим. Святые

мученики переносили все с твердостью. Устремив все мысли к Богу и к жизни вечной, они без страха встречали мучения и казнь, ибо, как замечает епископ, совершенная любовь изгоняет страх¹²⁸.

Даже пустыни Фиваидские не стали верным убежищем для христиан; и туда проникали мучители и предавали казни служителей Христовых. Евсевий пишет, что в Фиваиде гонение было страшное; в некоторых городах умирало ежедневно по несколько десятков человек, иногда до ста. Он сам видел груды тел, казненных в один день. Орудия казни тупились, не хватало палачей для исполнения смертных приговоров. Сам он был заключен в темницу за исповедание веры, но, сообщая много подробностей о других, почти ничего не говорит о себе. Мы ничего не знаем о его допросе и причине освобождения. Впоследствии ходили слухи, что он согласился принести жертву идолам, чтобы спасти жизнь.

Но вместо того чтобы внушать страх истинным христианам, гонение возбуждало в них необычайную, часто даже излишнюю ревность, так что пастыри Церкви удерживали многих и напоминали им, что грешно самовольно искать опасности и смерти. Считая за славу и счастье умереть за имя Господне с верными служителями Христа, многие сами выдавали себя и с радостью входили на костры или склоняли головы под секиры. «Едва произносим был приговор над одними, – пишет историк, – тотчас с разных сторон прибегали другие и исповедовали себя христианами, вовсе не беспокоясь об ужасах пытки. Сохраняя непоколебимую веру в Бога, они с радостью, с улыбкою и благодушием принимали смертный приговор и до последнего издыхания возносили к Богу песнопения и благодарения».

Часто Господь чудесным образом помогал святым мученикам, и истязания, изобретенные мучителями, оставались бессильными, встретив неодолимую силу Божию. Евсевий сам видел в Тире Финикийском казнь мучеников, брошенных на растерзание зверям, до которых звери не дотронулись. Пять христиан были поставлены на арену без оружия, и на них выпущены несколько разъяренных зверей, которых еще старались раздражить раскаленными в огне железными прутами. Звери бросались с яростью на арену, устремляясь на христиан, но вдруг, удерживаемые какой-то невидимой силой, удалялись, не тронув их. Евсевий, между прочим, рассказывает о юноше, не достигшем еще и двадцати лет, который стоял на арене без оков с распростертыми крестообразно руками. «Непоколебимый и бесстрашный духом,

¹²⁸ **Святые** — буквально, со старославянского, «свыше ятые (взятые)» — люди, во Христе духовно возросшие и очистившиеся, при жизни удостоенные обещанных Спасителем блаженств и сверхъестественных дарований. Иначе святые именуются праведными, избранниками или угодниками Божиими (угодившими Богу). Они являются нашими ходатаями перед Богом, имеющими благодать помогать живущим на земле людям. Святые имеют различные чины: пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных, бессребреников, блаженных и праведных. Первые праведники на земле, родоначальники (патриархи) человеческого рода, называются праотцами: Адам, Ной, Авраам и др. Пророками называют, как правило, ветхозаветных святых, которые по внушению Святого Духа предсказывали судьбы Израиля и будущее пришествие Спасителя. Апостолы — это ближайшие ученики Иисуса Христа, которых Он послал проповедовать Царствие Божие. Между ними апостолы Петр и Павел носят звание Первоверховных, как наиболее потрудившиеся в распространении веры Христовой. Апостолы Матфей, Марк, Лука и Иоанн Богослов, написавшие Евангелия, называются евангелистами. Мученики — это те христиане, которые претерпели мучения и смерть за веру в Иисуса Христа. Те же, кто пострадал, но остался в живых, именуется христианскими исповедниками. Первыми отдали жизнь за Христа и почитаются Церковью, как первомученики, архидиакон Стефан и святая Фекла. Звание великомучеников носят святые, которым довелось пережить особенно тяжкие пытки и поношения: св. великомученик Георгий, св. великомученицы Варвара и Екатерина и др. Священномученики — сонм христианских священнослужителей, иереев и епископов, засвидетельствовавших свою веру принятием страданий и мученической кончины. Святителями называют епископов (архиереев), угодивших Богу посредством самоотверженного служения Церкви и людям: свт. Николая Чудотворца, свт. Алексия, митрополита Московского и др. Святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст по величине своего богословского дара называются Вселенскими учителями, то есть учителями всей христианской Церкви. Преподобные — монахи, достигшие святости путем сохранения девства, поста и молитвы: Сергий Радонежский, Серафим Саровский и др. Преподобные, претерпевшие мучения за Христа, имеют звание преподобномучеников. Бессребреники — это целители, которые служили ближним безвозмездным лечением болезней, телесных и душевных: Косма и Дамиан, великомученик и целитель Пантелеимон и др. Праведными именуется святые миряне, пришедшие к высоте семейной или общественной добродетели: праведные Иоаким и Анна, Иулиания Лазаревская, о. Иоанн Кронштадтский. Помимо прославленных Церковью святых, в поколениях христиан существовало также много угодников Божиих, имена и подвиги которых нам неизвестны.

он усердно молился Богу и не двигался, не уклонялся в сторону от того места, где стоял, между тем как медведи и пантеры, дыша яростью и смертью, почти касались его тела, — и только Божественная и неизреченная сила, не знаю как, замыкала пасть их, и они тотчас уходили назад. Пятерых мучеников, которых пощадили звери, казнили мечом, и тела их бросили в море».

Гонение было чрезвычайно сильно и в Риме. Сам Диоклетиан прибыл туда для торжественного празднования двадцатилетия своего царствования, и в то время насчитывают огромное количество мучеников разных званий и возрастов. Епископ Маркеллин скончался мученической смертью. Молодой воин по имени Севастиан, из дворцовой стражи, посещал темницы, где содержались христиане, ободрял узников и славил их подвиг. Два брата, осужденные на казнь за исповедание веры Христовой, склонились было к отречению, видя слезы родителей и жен. Севастиан увещаниями своими возвратил их к долгу и, обратив многих к Христу, сам сподобился мученической смерти; его пронзили стрелами, а потом забили до смерти палками. Юные девы, Кикилия и Агния, пошли мужественно на смерть за имя Христово.

Есть древнее повествование о чудесном обращении комедианта Генеса. Осмеивая христиан, он для забавы царя и народа представлял на сцене Таинства христианского богослужения; все смеялись, дивясь его искусству. Вдруг, по милосердию Господа, луч небесной благодати коснулся души его. Он воскликнул: «Я верую и желаю креститься». Зрители продолжали смеяться, но Генес повторил исповедание свое и, обратившись к товарищам, сказал им, что вовсе не шутит, а желает принять Святое Крещение, потому что познал истину христианской веры. Повели комедианта к царю, и он опять сказал, что верует во Христа, что, пока он осмеивал Таинства веры, ему было чудное видение, что он видел Ангела, омывающего в воде Крещения книгу, в которой были вписаны согрешения его, и что он хочет быть христианином. Ни увещания, ни угрозы, ни мучения не поколебали его твердости, и он был казнен¹²⁹.

---

¹²⁹ Ruinart.

Римский воин

Упомянем и о св. Анастасии Узорешительнице, посвятившей всю жизнь делам милосердия. Дочь знатных и богатых родителей и втайне христианка, ее выдали замуж за язычника, с которым она была очень несчастлива, потому что муж имел нрав жестокий и обращался с ней дурно. Но Анастасия забывала собственные скорби, когда могла помочь ближним, и ее единственным утешением в несчастье была забота о других. Она щедро помогала бедным, ходила за больными, посещала темницы, принося бедным узникам все нужное, утешая их своим участием, укрепляя их сердца словами христианской веры. Овдовев, Анастасия полностью посвятила себя и все свое имущество помощи ближним. Не щадя сил, посещала она далекие страны и везде служила Христу в лице меньших братьев Его. В Греции сблизилась с молодой вдовой, Феодотией, которая стала делить ее труды. Но об этом узнало начальство страны. Схватив Анастасию и Феодотию, потребовали от них отречения от христианской веры и после их отказа предали мучительной смерти.

С именем св. Анастасии связано воспоминание о трех девицах: Хионии, Агапии и Ирины, живших близ Аквилеи, которых она приготовила к мученической смерти.

В Испании особенно известны пострадавшие в эту пору девица Евлалия и диакон Викентий. Осия, епископ Кордовский, был в числе исповедников.

В Карфаген привели однажды 49 христиан, взятых в ближнем городе за участие в общественном богослужении. Среди них случились люди разного звания и возраста, в том числе и священник с четырьмя детьми, сановник, всеми уважаемый за честность и правдивость, юные девы, равно одушевленные пламенной верой и любовью к Богу, и все с твердостью вытерпели мучения, слава и благодаря Бога и молясь за мучителей своих. «Господи, помилуй их! – восклицал один из мучеников. – Благодарю Тебя, Господи! Господи, даруй нам терпение, освободи служителей Твоих от рабства миру! Ты наша надежда. Боже Всевышний, Боже Всесильный!» Судья убеждал христиан открыть место, где хранится у них Священное Писание. «Оно у нас в сердце», – отвечали некоторые. Их предали истязаниям. Судья убеждал христиан отречься и тем спасти свою жизнь, но они все единодушно отвечали: «Мы христиане и до последней капли крови сохраним заповеди Бога нашего».

– Я не спрашиваю у тебя, христианин ли ты, – сказал судья одному из мучеников, – а спрашиваю, присутствовал ли ты при богослужении и праздновал ли день воскресный?

– Да, – отвечал тот, – мы праздновали день воскресный со всевозможным торжеством; мы не пропускали ни одного воскресенья без чтения Священного Писания.

Этот ответ так разозлил судью, что по его повелению отвечавший был замучен.

– Был ли ты при воскресном богослужении? – спросил судья у Ампелия, хранителя священных книг.

– Был вместе с братьями, праздновал воскресенье и имею священные книги; они в сердце моем.

Другой юный христианин, не дождавшись допроса, воскликнул:

– День воскресный – радость христианина! Я присутствовал с братьями при богослужении, ибо я христианин. Да будет это известно!

– Я христианин! – воскликнул третий. – После имени Самого Иисуса Христа это священнейшее из всех названий. Я имею священные книги, – вырви их из сердца моего!

Между мучениками был ребенок, сын священника Сатурнина. И он воскликнул с твердостью:

– И я был при богослужении в воскресенье, был там добровольно.

Всех христиан предали истязаниям, но ни один из них не выдал священных книг, ни один не отказался от святого и дорогого имени христианина; и все скончались мученической смертью, удивив бывших тут язычников своей твердостью.

В Сицилии святой диакон Евпл был взят в то время, когда читал Евангелие; его привели к губернатору с книгой в руках.

– Почему у тебя в руках эта книга? – спросил губернатор.

– Я читал ее, когда меня взяли, – отвечал Евпл.

– Прочитай-ка нам что-нибудь из нее.

Евпл раскрыл книгу и прочел: *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное* (Мф. 16, 24). Потом, открыв книгу в другом месте, он прочел: *кто хочет идти за Мною... возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16, 24).

– Что это такое? – спросил губернатор.

– Это заповедь, данная нам Господом, – отвечал Евпл. Его отвели и предали истязаниям. После пытки призвали ко вторичному допросу.

– Упорствуешь ли в заблуждениях своих? – спросил губернатор.

– Повторяю исповедание свое, – отвечал Евпл. – Я – христианин и читаю Священное Писание.

– Государь запретил хранить у себя эти книги; тебе следует передать их начальству, – сказал губернатор.

– Я читаю Священное Писание, ибо я христианин, и в нем глаголы жизни вечной, – возразил Евпл, – я скорее умру, чем соглашусь быть предателем.

Вновь стали мучить его. Евпл все переносил с твердостью, моля Господа о помощи.

– Согласись поклониться богам, – говорили ему.

– Я поклоняюсь Троице Святой; другого Бога нет.

– Соверши жертвоприношение и спасешь жизнь свою.

– Я скоро совершу жертвоприношение, ибо себя самого отдам Иисусу Христу в жертву.

Ваши усилия тщетны.

Долго еще мучили мужественного Евпла и, в конце концов, отсекали голову.

Из мучеников в Греции особенно известны старец Филипп, епископ Ираклийский, пострадавший с пресвитером и диаконом, и св. Димитрий, юный воин, пострадавший в Солуни, или Фессалониках.

В областях Малой Азии кровь лилась потоками; областные правители старались друг перед другом изобретать самые изощренные пытки. Нельзя без содрогания читать о страданиях Прова, Тарасия и Андроника в Тарсе, об Иулитте, на глазах которой умертвили ее младенца. Некоторые правители, зная, как христиане гнушались идольских жертв, повелевали кропить кровью от жертв съестные припасы, продаваемые на рынках. Среди мучеников упоминается св. Феодот Анкирский, содержатель гостиницы, кормивший и принимавший у себя много христиан. В его же доме тайно совершалось и богослужение. Феодот ревностно исполнял дела любви в отношении к братьям и по смерти мучеников хоронил тела убиенных, что было строго запрещено. Семь дев пострадали за веру в Анкире. Феодот, вынув их тела из озера, где они были утоплены, предал земле и сам сподобился мученической кончины.

Палестинские правители Урбан и Фирмилиан славились своей жестокостью против христиан. Первым мучеником в Палестине был Прокопий, после него много христиан было предано мученической смерти. Но имена многих из них, конечно, остались для нас неизвестны.

Во Фригии был сожжен целый город, в котором жило много христиан; в Египте, Палестине мученики насчитывались тысячами. Правда, со II века велись списки, или так называемые диптихи (помянники), в которых записывались имена страдальцев за веру; но большая часть этих списков была сожжена вместе с другими книгами. Много церковных книг предали огню, хотя христиане тщательно скрывали их с опасностью для жизни. Выдавший язычникам церковные книги считался предателем и подвергался отлучению от Церкви. Один африканский епископ, которого вынуждали выдать священные книги, вместо них дал другие, которые и сожгли. Но христианское общество негодовало за этот поступок, считая, что епископ должен был, скорее, согласиться умереть, чем обманом спасти вверенное сокровище.

Язычники не переставали удивляться необычайной твердости духа, которую являли христиане, ибо их было уже так много, что они легко могли бы силой воспротивиться гонению, подняв восстание, даже довести до гибели Римскую империю, обширную, но ослабленную смутами и междоусобиями. Но такая мысль была далека для христиан, иначе они не были бы достойны этого названия. Источником их непоколебимого мужества явилась полная покорность Богу, побуждавшая их все переносить, до конца сохраняя сокровище, которое было для них дороже жизни, – веру; саму же жизнь они отдавали без сопротивления и ропота. Их сила состояла в нравственном превосходстве, в святой истине, которая должна была наконец восторжествовать. Но, как видно, язычники долго не могли понять той непоборимой силы, которая заключалась в христианской вере, ибо после нескольких лет гонения Диоклетиан уже торжествовал победу над ней, велел выбить медаль в память истребления христиан, а в Испании поставил два столба с надписью: «Диоклетиану, Иовиану и Максимиану Геркуллу за то, что распространили на востоке и западе Римскую империю и истребили имя христиан, врагов государства». Но христианская вера была далеко не побеждена; напротив, она как будто черпала новые силы в самом гонении и все больше и больше распространялась.

Между тем готовилась важная перемена в государстве. Она отозвалась и на участи христиан. В 305 году Диоклетиан и Максимиан отказались от престола. Галерий стал императором на востоке, а Максим Дайя, племянник его, цесарем. На западе Констанций Хлор получил императорскую власть, которую разделил с цесарем Севером. Тогда на западе совсем прекратилось гонение, хотя оно и прежде было слабым в тех областях, которыми правил кроткий Констанций Хлор, ибо он любил и уважал христиан. Рассказывают, что однажды, желая испытать своих придворных, он объявил, что не может держать при себе христиан и что те из них, которые пожелают сохранить свои должности, должны отречься от веры. Некоторые это сделали, предпочитая вере мирские выгоды; но большая часть решила оставить службу. Этих-то последних Констанций и удержал при себе, а тех отпустил, говоря, что царь не может положиться на служителей, которые не верны Богу.

Гонения на короткое время как будто несколько смягчились и на востоке. Правители и судьи провозгласили, что цари, желая оказать милосердие подданным своим, отменяют смертную казнь за исповедание христианской веры. Стали отсылать христиан на работы в рудники, выжигая им вначале правый глаз и подрезывая жилу в ноге: это страшное увечье уже казалось милостью после прежних ужасных гонений.

Но жестокий Галерий и его племянник, который, как и он, ненавидел христиан, не могли долго довольствоваться этим: они вскоре возобновили гонение, и оно свирепствовало несколько лет подряд. Мученической смертью скончались самые уважаемые предстоятели Церквей. В Александрии ей сподобился святой епископ Тмуитский Филей, уже давно содержавшийся в тюрьме. Филей был уважаем всеми за свою мудрость и благотворительность, был богат и употреблял все свое имение на вспоможение бедным. Его долго увещевали совершить жертвоприношение богам.

– Не сделаю этого, – говорил с твердостью святой епископ, – ибо в Писании сказано: истребится тот, кто приносит жертву иному, кроме Бога единого.

– Какие жертвы угодны Богу твоему? – спросил префект.

– Сердце чистое, чувства искренние, слова истины приятны Богу, – отвечал Филей.

Префект не мог понять, как можно почитать Богом Христа распятого.

– Он распялся за наше спасение, – сказал Филей, – притом знал, что должен быть распят, и терпел поношения; и, однако, предал Себя, чтобы все вытерпеть за нас. Священные Писания предсказывали это о Нем, те Писания, которые иудеи имеют и не исполняют. Кто хочет, пусть идет и смотрит, так ли это.

Твердость Филея казалась префекту безумием.

– Если бы ты был беден и дошел до такого безумия, то я не поберег бы тебя, – говорил он. – Но ты так богат, что можешь питать целую область; побереги себя и принеси жертву.

– Не принесу, и тем берегу себя, – отвечал епископ.

– Посмотри, бедная жена твоя здесь; побереги себя для нее.

– Тот, Кто призвал меня в наследие славы Своей, силен призвать и ее, – возразил Филей.

Не только префект, но и множество друзей, знакомых и родных умоляли Филея победить свою жизнь. Он остался непреклонен. При допросе был и его приятель, Филором, один из главных чиновников города. Он говорил присутствующим: «Для чего хотите вы сделать его неверным Богу? Разве вы не видите, что он даже и не слышит слов ваших и весь занят будущей славою?» Филором был тоже осужден и казнен вместе с Филеем.

Святой Петр, епископ Александрийский, укреплял на подвиг не только свою паству, но и верных всего Египта, Фиваиды и Ливии. Там целые семьи гибли вместе, христиан колесовали, распинали, сжигали, морили голодом, топили в реках. Некоторые, устрашась тяжких мучений, отреклись. Петр тогда издал правила покаяния, которыми Церковь долго руководствовалась.

В это тяжелое время произошли смуты и иного рода. Ликепольский епископ Мелетий, отрекшийся во время гонения, прибыл в Александрию и стал там выступать против распоряжения Петра, которого находил слишком снисходительным к падшим. Захватив не принадлежавшую ему власть, он стал рукополагать пресвитеров, чем привлек к себе несколько последователей, между которыми был и знаменитый впоследствии Арий. Филей из темницы обличал действия Мелетия, а Петр созвал Собор, который осудил и низложил его. Но Мелетий и после низложения продолжал волновать Церковь. Петр же скончался мученической смертью вместе с тремя пресвитерами в 311 году.

Огромное количество христиан после истязаний было сослано на рудники. Им вырывали глаз, а это место прижигали раскаленным железом, подрезали жилу на правой ноге. В Палестине правители не щадили никого, призывали всех поголовно в языческие капища, даже детей, а непокорившихся предавали истязаниям. Множество христиан добровольно шло на казнь. Так, однажды в Кесарии Палестинской юноша по имени Апфиан подошел к префекту в то самое время, когда тот совершал возлияние богам, и, остановив его руку, стал говорить ему о суетности идолопоклонства. Юношу тотчас же схватили и, замучив до полу-смерти, бросили в море. Ту же смерть претерпел вслед за тем и брат Апфиана, Едесий. Он был человек ученый, и много пострадал за веру. Долго томился в темнице, работал на рудниках, но никакие страдания не могли Христиан преследовали гораздо строже, чем самых отъявленных злодеев и убийц. Случилось Максимино быть в Кесарии Палестинской. В день своего рождения он устроил для народа великолепное зрелище в цирке. Гладиаторы дрались насмерть для потехи зрителей, а в заключение на арену вывели христианина по имени Агапий и язычника-раба, осужденного на смерть за то, что умертвил своего господина. Оба должны были быть растерзаны зверями. Максимин, желая показать свое милосердие, простил и отпустил убийцу. Затем сказал христианину, что отпустит и его, если он отречется от веры. Христианин отказался от жизни, дарованной на таком условии, и, обратившись ко всему народу, громко сказал, что не за какое-либо преступление, а единственно за исповедание веры в Бога, Творца мира, подвергается смерти. Затем он с мужеством пошел навстречу выпущенному на него медведю, но остался жив, а на следующий день его бросили в море.

Древняя римская дорога

Среди самых жестоких страданий христиане оставались достойными последователями Христа, прощали врагам и молились об их спасении. Палестинский мученик Павел, осужденный на казнь, громко молил Господа о христианах, о даровании мира Церкви, об обращении ко Христу иудеев, самаритян и язычников, молился о всех присутствовавших, о судьбе, осудившем его, и, наконец, о палаче, чтобы Господь не вменил ему в грех его смерти.

Эта молитва тронула даже язычников. Окончив ее, Павел спокойно и радостно склонил голову под меч. Вместе с ним были казнены и две юные девы, отказавшиеся совершить жертвоприношение. Престарелый пресвитер Авксентий был предан на растерзание зверям.

Около этого же времени пострадал св. Памфил, пресвитер Кесарийской Церкви, известный своей добродетелью и ученостью. Получив первоначальное образование в отечественном городе Берите, он учился потом в Александрии. Наконец, поселился в Кесарии, где был посвящен в пресвитеры. Памфил ревностно заботился о распространении христианской веры и истинного образования, собрал в Кесарии большую библиотеку, сам много трудился над толкованием Священного Писания и оставил много сочинений. Главным же трудом его стало исправление текста Священного Писания 70 толковников, поврежденного переписчиками, и исправление текста Нового Завета. Он делился с бедными всем, что имел, покупал и переписывал рукописи Священного Писания, чтобы раздавать их. Историк Евсевий был одним из учеников Памфила. Он с величайшей любовью говорит о нем; и именно из благодарности к своему святому учителю принял его имя и тоже стал называться Евсевием Памфилом. Палестинский префект призвал Памфила, долго убеждал его отречься от веры, а потом велел терзать железными крюками и едва живого заключить в темницу. Памфил два года пробыл в темнице, но не прекращал и там своих полезных трудов. После заточения он пострадал вместе с другими христианами, также находившимися в заключении. К ним присоединили еще пять христиан из Египта, которые только что возвратились из Киликии, куда они сопровождали товарищей, сосланных на рудники. При входе в город их остановили

и, узнав, что они христиане, осудили на казнь. Вначале их мучили, надеясь истязаниями склонить к отречению. Один из мучеников на вопрос: откуда он? – отвечал: из Иерусалима. Это имя было уже тогда так забыто¹³⁰, что губернатор спросил, где этот город и какой народ живет в нем? Мученик, придавая словам своим значение, понятное одним христианам, и разумея Иерусалим Горний, отвечал, что одни христиане имеют право гражданства в этом городе, стоявшем на Востоке и освященном первыми лучами солнца. Губернатор вообразил, что христиане строят себе где-то на востоке город, в котором надеются укрываться от гонителей своих, и долго мучил этого христианина, выпытывая у него сведения о новом городе. В конце концов, велел отсечь ему голову мечом.

Всем остальным узникам прочли смертный приговор. Тогда отрок, служитель Памфила, воспитанный им, стал просить позволения предать земле тела мучеников. Его тотчас же схватили и допросили. Отрок бесстрашно назвал себя христианином, мужественно вытерпел пытки и был сожжен на костре. Звали его Порфирием. Достаточно было выразить соучастие мученикам, чтобы подвергнуться смерти. Воина Селевка казнили за то, что он принес Памфилу весть о кончине Порфирия и поцеловал одного из исповедников. Все осужденные скончались мужественно: кто на костре, кто под ударом меча. Старца Феодула распяли на кресте. Около того же времени скончался мученически святой епископ Севастийский Афиноген. Во время гонения он с учениками жил в пустыне, где ревностно назидал их словом, примером и молитвой. Перед кончиной от меча он воспел ту умиленную молитву, которую мы и доныне слышим на вечернем богослужении: «Свете Тихий святых славы, Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе...»

Христиане, сосланные на рудники, пользовались там некоторой свободой. Сами язычники жалели их и не препятствовали им собираться на богослужение. Почти все исповедники, нося на теле следы тяжких страданий, испытанных при допросах, были изувечены, но они не роптали, а восхваляли Творца и утешались надеждой на будущую жизнь. Кто-то донес Максимино о них. Он повелел усилить над ними надзор, запретив собираться на богослужение и рассеяв по разным странам: кто был сослан на Кипр, кто в страну Ливанскую. Правители получили повеленье отягощать их трудными работами. Двух престарелых епископов, Нила и Пелея, и пресвитеров Илью и Патермуфия сожгли на костре. Некоторые из исповедников были уже так стары, что не имели силы работать в рудниках: Сильван, один из первых исповедников веры в это суровое гонение, пресвитер Иоанн, необыкновенная память которого служила источником утешения для прочих узников: он знал наизусть все Священное Писание. Хотя Иоанн был слеп, это не избавило его от увечья, – наравне с другими ему подрезали жилу на правой ноге и выжгли глаз. И таких старцев находилось довольно много. Уволенные по старости от работы, они жили вместе в пустыне, проводили дни и ночи в молитве, чтении Священного Писания и с радостным спокойствием ждали своего отшествия в лучшую жизнь. Но не мирная кончина готовилась им. Максимин вспомнил о них, и 39 престарелых мучеников сложили головы под секиру палача. То были последние мученики в Палестине. Вскоре вышел указ о прекращении гонений. Между тем страшная казнь готовилась гонителям – на западе возрастал в могуществе будущий покровитель христиан Константин.

Как мы уже говорили, после отречения от престола Диоклетиана и Максимиана императорами стали Галерий на востоке и Констанций Хлор на западе. Помощниками их, созванием цесарей, стали Максимин и Север. Но такое соотношение сил было непродолжительным. Констанций на первом же году царствования занемог, находясь в Британии, и призвал к себе своего сына Константина, который служил в полках Галерия. Галерий не любил Константина и несколько раз покушался на его жизнь, подвергая опасностям. Он видел в нем

¹³⁰ Со времен Адриана Иерусалим назывался Елия и был известен язычникам под этим именем.

соперника, ибо армия любила Константина, и не зря: он отличался скромностью, умом и храбростью, величественной осанкой, статностью и красотой. По росту ему не было равных, а физической силой он превосходил всех своих сверстников. Когда Констанций Хлор заболел, Галерий вновь собирался погубить Константина, но тот спасся бегством и прибыл к отцу, которого нашел уже на смертном одре. После смерти Констанция полки, находившиеся в Британии, провозгласили императором Константина. Ему шел тогда тридцать второй год. Он утвердил все распоряжения отца в пользу христиан, вскоре прославился великими победами над варварами, считался правителем добрым и справедливым.

Галерий, очень недовольный воцарением Константина, не признал его императором, а считал более достойным Севера, который правил Италией и Африкой. В Италии же императором провозгласили Максентия¹³¹, сына Максимиана. Галерий, поддерживая Севера, послал войско против Максентия, который стал просить помощи у отца. Максимиан временно опять принял правление¹³²; Север сдался ему и был убит. Галерий провозгласил тогда императором своего полководца Ликиния; а армия – цесаря Максимиана¹³³. Таким образом, на престоле было сразу шесть императоров: Галерий, Максимиан, Ликиний, Константин, Максентий и Максимиан. Все они вели между собой непрерывную войну. Наслаждались миром только подданные Константина.

¹³¹ Максентий (Максенций) Аврелий (ок. 280 — погиб 28.X.312.) — римский император с 28 октября 306 г. При поддержке преторианской гвардии и плебса сам себя провозгласил императором, добившись поддержки италийских городов, провинций Испании и Африки. Победил Галерия в 307 г., но в 312 г. был разбит Константином I и утонул в Тибре. Максентий — последний из императоров, который стремился возродить величие языческого Рима. При Максентии была воздвигнута колоссальная базилика его имени.

¹³² Максимиан Аврелий Валерий (ок. 250—310) — римский император с 286 по 305 г. По происхождению иллириец, большой друг Диоклетиана, который и провозгласил его цезарем, а в 286 г. получил титул августа и соправителя Диоклетиана. Управлял западной частью империи, имея резиденцию в Медиолане (Милане). С 285 по 298 г. подавил ряд восстаний в империи. Хотя вместе с Диоклетианом в 305 г. оставил престол, в 307 г. по просьбе сына поднял мятеж, пытаясь вмешаться в борьбу преемников императора. В 310 г. пытался захватить Южную Галлию, но был разбит Константином I и покончил самоубийством в Массалии (ныне Марсель).

¹³³ Максимиан Дайя Валерий Галерий — римский император в 309—313 гг. — выходец из Иллирии, племянник Галерия. С 305 г. цезарь восточной части империи, в 309 г. получил титул августа. Так же как и Максимиан и Максентий, жестоко преследовал христиан. В 313 г. потерпел поражение от Ликиния (Лициния).

Фрагменты колоссальной статуи императора Константина. Мрамор. Вторая четверть IV в. н. э. Рим, Латеранский музей

В 310 году Галерия поразила страшная болезнь. Тело его покрылось зловонными ранами, в которых завелись черви. Невыносимо страдая, он наполнил дворец воплями и тщетно прибегал к помощи богов и врачей; ничто не помогало. Так страдал он почти год, когда наконец убедился, что болезнь ему послана в наказание за жестокость к христианам. Он указом прекратил гонение и разрешил им строить церкви и совершать богослужение, прося их молиться о его выздоровлении. Но не раскаяние, а страх и отчаяние внушали ему эту меру. Страдания его не облегчались, и он вскоре умер.

Когда появился указ, христиан освободили из темниц и рудников. С уважением и любовью везде встречали святых исповедников. Даже язычники радовались возвращению мира, и многие осознавали божественную силу веры, которая осталась непобежденной после такого тяжкого и продолжительного испытания.

Но в некоторых областях радость оказалась недолгой. Максимин, правитель Сирии и Египта, оказался недоволен указом. Он не посмел открыто воспротивиться ему, потому что указ подписали Галерий, Ликий и Константин, которые были гораздо сильнее его. Но в своих областях он не обнародовал указ, а только дал устное повеление прекратить гонение. Когда же Галерий умер, то стал открыто действовать против христиан: запретил молитвенные собрания, принуждал всех без исключения к совершению жертвоприношений, а непокорных предавал истязаниям и смерти. Огромное количество христиан было изувечено, много известных епископов, такие как Петр Александрийский, Мефодий Тирский и другие, претерпели смертную казнь. Святой Лукиан, антиохийский пресвитер, славный во всем христианском мире благочестивой жизнью и учеными трудами, скончался мученической смертью. Лукиан еще в начале гонения был в числе исповедников Христовых; теперь, опять приведенный на допрос, он подал правителю апологию в пользу христиан. Но это не подействовало. Его заключили в темницу и морили голодом, думая вынудить отречение. Лукиан остался тверд; на все увещания и терзания отвечал исповеданием имени Христа и сподобился мученического венца.

В это же время прославилась святая дева Екатерина, обратив многих к Христу, в том числе и царицу Августу, супругу Максимиана.

Не только открытыми гонениями действовал Максимин против христиан. Суеверно преданный язычеству, он хотел полностью истребить христианскую веру и для этой цели использовал любые средства. По его приказу написали сочинения, в которых жизнь и учение Спасителя представлялись в извращенном виде. Распространялись подложные писания Пилата об Иисусе Христе, полные хулы и клеветы. Школьные учителя должны были заставлять детей учить эти книги наизусть. Подкупали развратных женщин и заставляли их присягать, что они были некогда христианками и свидетельницами безнравственного поведения христиан. Их ложные показания записывали и распространяли.

Но нашлись и бесстрашные защитники учения Спасителя. Лактанций и Арновий опровергали в своих книгах клевету, возводимую на христиан. В самый разгар гонений великий пустынный Антоний прибыл в Александрию, чтобы разделить участь братьев-христиан. Его не пустили в темницы, но он бесстрашно являлся на судилища, увещевал христиан, молился с ними, громко славя подвиг исповедников и мучеников. Так укреплял он веру в течение года. Господу не было угодно, чтобы Антоний скончался мученической смертью. Потом он снова возвратился в пустыню, где вокруг него собралось много учеников.

Максимин строил в городах храмы идолам, торжественно совершал языческие обряды и внушал областным и городским начальникам просить у него изгнания христиан, как ненавистников богов. Многие делали это, стараясь угодить ему. Максимин принимал такие прошения с особым благоволением и, как будто снисходя к желанию подданных, увеличивал

строгость к христианам. Городам же, обратившимся к нему с прошениями, он посылал рескрипты, в которых хвалил их ревность к отеческому богочитанию. Верным средством завоевать расположение царя было обижать и теснить христиан. Антиохия, наряду с другими городами, ходатайствовала об удалении христиан. То же сделал и город Тир; в нем был прибит на столбцах царский рескрипт, в котором, хваля и благодаря жителей за их усердие к богам, Максимин указывал на благодетельные последствия этого усердия: спокойствие, мир, изобилие. «Обширные равнины покрыты цветущей жатвой и волнующимися колосьями, – говорилось в нем, – луга блестят растительностью и цветами, воздух чист и благорастворен; все радуются, и это все устроено силой могущественного и крепчайшего Арея¹³⁴ за ваше благочестие, за ваши жертвы и за воздаваемое ему почтение; веселитесь, надежно и спокойно наслаждаясь ненарушимым миром... А чтобы вы знали, как приятно было нам ваше прошение, – то мы позволяем вам за такое ваше набожное расположение просить какой угодно великой милости».

В таком же духе были написаны рескрипты и для других городов. Царь уверял, что с изгнанием христиан везде водворились мир и благоденствие. Но Господь на деле показал его ложь. Не успели еще гонцы доехать до пункта назначения, как начался голод, и вслед за ним – заразная язва, которая опустошила все области Максимина. К язве присоединилась и другая болезнь: воспалительный веред (*carbunkulus*) поражал глаза; множество людей ослепло. Голод был таким ужасным, что многие, продав все свое имущество, продавали в рабство и своих детей. На улицах городов горами лежали тела умерших от голода и язвы. Как всегда в подобных случаях, только христиане проявили человеколюбие и милосердие, и язычники невольно признавали превосходство их веры и силу Бога истинного. В то же самое время началась война с Арменией, а вслед за ней – война с Ликийем. Погиб и сам Максимин.

Между тем на Западе великие события предвещали торжество христианства. Максентий, царствовавший в Италии, был до крайней степени жесток и корыстолюбив; его подданные страдали под тяжким игом и звали освободителя. В октябре 312 года Константин с войском подходил к Риму, а Максентий решил обороняться. Силы Максентия были гораздо значительнее, чем те, которыми располагал Константин, но ему помогал Бог. Константин сам чувствовал, что нуждается в помощи свыше: он уже не верил языческим богам, но еще не был и христианином. Полный душевной тревоги, он не знал, кого молить о помощи. Господь в чудном видении открыл ему истину. Солнце клонилось к закату, как вдруг Константин увидел на небе сияющий крест и над ним надпись: «Сим побеждай». Войска тоже видели чудное знамение и встревожились, ибо крест, позорное орудие казни, считали дурным предзнаменованием. Но настала ночь, и Константину во сне явился Сам Христос и повелел сделать знамя наподобие креста и изобразить крест на щитах и на шлемах воинов. Константин велел изготовить такое знамя, в котором поперечная рея вместе с длинным копьём образовала крест. На конце находился венчик из дорогих камней с монограммой имени Христа. Отныне такая хоругвь, названная лабарумом, стала сопровождать его во всех походах. Призвав христиан, он спросил у них, что значит виденное им. Они отвечали, что Иисус Христос – Единородный Сын истинного Бога, сошедший на землю для спасения людей; а крест – символ бессмертия и знак победы над смертью. Константин был очень поражен всем случившимся и с этих пор стал почитать истинного Бога и изучать Священное Писание.

Под спасительным знаменем Константин разбил войско Максентия и подошел к Риму. Здесь произошла битва при Мальвийском мосте. Константин одержал решительную победу. Максентий, спасаясь бегством, утонул в Тибре, а победитель торжественно вошел в Рим.

Сознавая, что победа далась ему с Божественной помощью, он воздвиг в центре города священную хоругвь. Когда после ему поставили статую, то он велел закрепить в ее руке

¹³⁴ Имя одного из богов; по-другому – Арес – бог войны, сын Зевса и Геры; культ Ареса – франкского происхождения.

длинное копьё в виде креста с надписью: «Этим спасительным знаменем я спас и освободил наш город от ига тирана».

Через несколько месяцев после этого Константин, празднуя в Милане свадьбу своей сестры с Ликинием, уговорил его подписать указ, которым за христианами признавалось право исповедовать веру Христову, а также им возвращалось все, отнятое во время гонения. Ликийский неохотно подписал этот указ¹³⁵, но не решился воспротивиться Константину. Послали указ и Максиминому, прося и его подписи, но Максимиан не согласился и продолжал мучить христиан в своих областях. Впрочем, власть его уже подходила к концу. В 313 году разгорелась война между ним и Ликинием, и войско Максимиана было разбито. Максимиан, в гневе на жрецов и гадалщиков, которые предрекали ему победу, предал их казни и велел прекратить гонение на христиан. Но победитель преследовал и теснил его. Максимиан заперся в городе Тарсе и издал в пользу христиан указ, вполне признавший за ними право свободно исповедовать их веру. Теперь казалось, что от христиан зависят временное счастье и успехи правителей. Каждый старался привлечь их благословением, как будто победа зависела от них. Но Господь не оказал Своей милости жестокому гонителю, которому только страх внушал меры справедливости; страшная кара ожидала его. Окруженный со всех сторон неприятелем, он впал в отчаяние. Некоторые считают, что он отравил себя, чтобы не попасть в руки врагов. Яд вызвал мучительную болезнь. Огонь пожирал его внутренности; от невыносимой боли его глаза лопнули и выкатились. Терзаемый и страшной болью, и угрызениями совести, он то воображал себе, что уже стоит перед Судом Господним и мучим за свою жестокость против христиан; то восклицал в ужасе: «Не я, не я это сделал, а другие»; то признавал себя преступником и умолял Бога Высшего простить ему. Он умер в 313 году. Незадолго пред этим прекратилось гонение, продолжавшееся десять лет.

Ликийский после своей победы предал смерти детей Максимиана, Галерия и Севера, опасаясь их притязаний на престол. Диоклетиан умер за год до этих событий. Последние годы его жизни были полны скорби. Жена и дочь бывшего императора оказались во власти Ликийского, который обращался с ними жестоко и впоследствии предал их смерти. Сам он страдал от продолжительной, изнурительной болезни. Торжество Константина окончательно расстроило его. Некоторые писатели утверждают, что он уморил себя голодом.

С 313 года власть осталась в руках Константина и Ликийского. Первый правил западными областями империи; второй – восточной ее частью.

---

¹³⁵ Речь идет о Миланском эдикте, провозглашавшем свободное исповедание христианства. С 320 г. Ликийский, однако, опять стал проводить в подчиненных ему провинциях политику преследования христиан, а в 324 г. был разбит Константином I в битве при Адрианополе, взят в плен и вскоре казнен в Фессалониках.

Глава XXII

Константин Великий и Первый Вселенский Собор

Указ, изданный в Милане, провозглашал полную веротерпимость. Язычники имели право совершать обряды своего богопочитания, а христиане могли свободно поклоняться единому, истинному Богу, строить храмы. Им возвращалось все, отнятое во время гонений, а кто через дарение или куплю приобрел эти имущества, тому компенсацию выплачивали из казны. Константин при всяком удобном случае подчеркивал свое расположение к христианам и за любой успех воздавал Богу славу и благодарение. Частые взаимоотношения с христианами убедили его, что они люди добродетельные и честные, верные и покорные подданные. С другой стороны, страшная участь их гонителей, чудесное видение и его торжество под знаменем креста – все это доказывало ему силу Бога христиан. Он еще не принял крещения, но тщательно изучал Священное Писание, часто беседовал с епископами, воспитание старшего сына поручил христианину Лактанцию. Из указов, изданных в эту пору, видно влияние на него христианского учения. Константин запретил крестную казнь, отменил кровавые игрища в цирке, велел праздновать воскресный день, принял под свое попечительство сирот и детей, брошенных родителями, облегчил участь рабов, проявлял милосердие к бедным и увечным, которых языческое общество всегда оставляло без помощи и призрения. Христиане вздохнули после тяжелых гонений. По всем городам начались праздники обновления и освящения церквей, везде слышались хвалебные песни и благодарственные молитвы Богу; епископы свободно собирались, чтобы толковать о проблемах Церкви. Константин иногда присутствовал на этих собраниях, вникал в вопросы, касающиеся веры, и с готовностью делал многое для пользы христиан. Он освободил священнослужителей от всяких посторонних должностей и от податей (как были свободны от податей и языческие жрецы), чтобы они могли полностью посвятить себя служению Богу. Константин не только возвратил Церкви усыпальницы и все места, отнятые гонителями, но еще даровал для богослужения несколько обширных зданий, называемых базиликами (в них заседали судьи), которые по их внутреннему устройству легко было превратить в церкви. Так, в Риме христиане получили базилику при Латеранском дворце. Кроме того, он щедро помогал христианам при постройке церквей.

Евсевий оставил нам подробное описание храма, воздвигнутого в Тире. Преддверием служил обширный двор, окруженный колоннами, с фонтанами посередине. Храм был украшен высокими столбами и тонкой резной работой, устлан мрамором и покрыт кедром. Резная решетка отделяла алтарь от места, где стояли молящиеся; позади алтаря находились сидища для епископа и пресвитеров; с обеих сторон были устроены крещальни и палаты для церковнослужителей, для кающихся и оглашенных. При освящении этого храма Евсевий, который тогда еще имел сан пресвитера, произнес речь, в которой, указывая на бедствия, перенесенные Церковью, и на теперешнее ее благоденствие, напоминал о пророчествах, где говорилось о величии и непоколебимости Церкви Божией.

Святые Константин и Елена. Фреска. II половина XI в. Фрагмент. Лик Константина. Софийский собор в Новгороде

Но между тем как на западе христиане благоденствовали под покровительством Константина, совсем иначе сложилась ситуация на востоке, где царствовал Ликиний. В Милане Ликиний не решился воспротивиться желанию Константина и подписал указ о свободе вероисповедания, но в душе он ненавидел христиан и, став полновластным государем на востоке, продолжал теснить и угнетать их. С каждым годом положение христиан в его областях становилось тяжелее. Ликиний опять стал требовать языческой присяги от всех служащих при дворе и в войсках, запрещал епископам съезжаться на Соборы, захватывал имущество христиан. Под предлогом, будто бы в церквах молятся о Константине, стал их закрывать, в иных местах – разрушать, а епископов заточать в темницы и казнить. Вновь пустыни и ущелья гор заселились христианами, начались допросы, пытки и казни. Много мучеников прославили Бога твердостью и непоколебимой верой.

В городе Севастии сорок воинов, которые не захотели отречься от Христа по требованию правителя, претерпели истязания и мученическую смерть на льду замерзшего озера¹³⁶. Севастийский епископ, престарелый Власий, которого пощадило гонение при Диоклетиане, был приведен на допрос, вынес истязания и скончался мученической смертью. Тогда же казнили за христианскую веру семь благородных жен и двух отроков.

В Кесарии прославился молодой воин Гордий. Ни уговоры судьи отречься, ни мольбы родственников и друзей не могли убедить его, чтобы он спас жизнь притворным отречением.

---

¹³⁶ Память 40 Севастийских мучеников чтится Церковью 9/22 марта.

«Отвергнем всякую ложь, – говорил он, – и исповедуем истину». Он был казнен мечом после жестоких истязаний.

В Ираклии Феодора Стратилата, воеводу города, замучили и распяли на кресте за исповедание христианской веры. Его покорность Господу, кротость и чудные явления силы Божией, бывшие ради него, послужили к обращению многих язычников. Уверовавшие, окружившие святого мученика, слушали с восторгом: «Даже до смерти подвизайтесь за истину, и Господь Бог поборет по нас!»

Гонение было особенно сильным в Понтийской области. Самых уважаемых епископов казнили. Их тела рассекали на части и бросали в море. Амасийский епископ, св. Василий, исповедовал перед Ликинием свою веру; его жестоко замучили. Но твердое упование на Христа и на жизнь вечную дало ему силу спокойно перенести самые ужасные истязания. «Делайте со мною, что хотите, – говорил он мучителям, – пока есть во мне дыхание, не отрекусь от Создателя моего. Ни скорбь, ни теснота, ни муки, ни огонь, ни смерть не могут отлучить меня от любви Христовой». Радостно предал он душу Богу.

Царствование Ликиния было тяжело для всех его подданных, которых он разорял тяжкими податями. Он часто осуждал невинных людей лишь для того, чтобы присвоить себе их имущество. «Римская империя, – писал Евсевий, – разделенная на две части, кажется всем разделенной на день и ночь: населяющие восток объята мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня». Сношения Ликиния с Константином не могли быть приятными. Ликиний уверял Константина в дружбе, а втайне ненавидел его, старался делать ему всякое зло; козни его не удавались, и не раз между ними начиналась война. Константин оставался победителем, но обманутый лживыми уверениями Ликиния заключал мир. Однако дела между ними шли все хуже и хуже. Угнетенные подданные Ликиния и гонимые христиане страдали под тяжким игом, сам Ликиний уже не скрывал своих замыслов против Константина, и, наконец, в 323 году началась война.

Противники собрали большие силы. Константин готовился к делу молитвой; перед его полками несло спасительное знамя креста. Ликиний же окружил себя гадателями и жрецами, спрашивал у богов про успехи войны, совершал жертвоприношения. Казалось, что война шла между христианством и язычеством. Накануне сражения Ликиний собрал лучших воинов и друзей в тенистую рощу, где стояли идолы богов. Совершив торжественно языческий обряд, он сказал: «Друзья, вот наши отечественные боги, перед которыми нам надо благоговеть, как нас тому учили предки наши. Начальник враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял лживые мнения и прославляет какого-то иностранного, неизвестного Бога. Постыдным знаменем Его он срамит свое войско. Доверившись Ему, он поднимает оружие не столько против нас, сколько против богов. Само дело откроет, кто прав и кто заблуждается; если мы победим, то ясно, что наши боги – боги истинные; если же одержит верх Бог Константина, нами осмеянный, чужестранный Бог, то пусть чтут Его, и нам надо будет Его тогда признать. Если же наши боги победят, что несомненно, тогда устремимся войной на безбожников!»

Между тем страшные предзнаменования волновали и тревожили язычников. Во многих городах Ликиниевых областей, среди бела дня, видели призрак победоносных войск Константиновых. Перед сражением император удалялся в свою палатку, где молитвой и постом готовился к бою. Священное знамя несло среди полков, и в самом жарком сражении оставалось не тронутым вражьиими стрелами. С благоговением смотрели войска на это победное знамя; враги же смотрели на него со страхом. Ликиний убеждал своих воинов не заглядываться на неприятельскую хоругвь, «ибо, – говорил он, – она страшна своею силою, и враждебна нам»¹³⁷.

---

¹³⁷ Евсевий. «Жизнь Константина». Ч. II, гл. 16.

Во всех сражениях победа оставалась за Константином. Ликиний спасался бегством, просил мира, притворялся кающимся, а втайне собирал новые силы, призывал себе на помощь варваров. Наконец, морская победа Криспа, сына Константина, близ Византии и сражение при Адрианополе окончательно решили успех войны. Ликиний покорился и вскоре был казнен в Фессалониках за заговор против Константина. Константин же стал единым самодержавным государем всей Римской империи.

Евсевий упоминает о человеколюбии, которое проявил Константин в этой войне. Во время сражения он заботился о спасении врагов, убеждал своих воинов щадить пленных и часто выкупал их. «Константин, – говорит Евсевий, – поставляя Бога выше всего, старался все делать согласно с Его волею».

Это желание ясно выражается и в первых указах Константина после победы. Он поспешил распространить и на христиан восточных областей те самые права, которыми пользовались христиане на западе. Последняя победа еще больше убедила его, что и земные блага, и успехи даруются лишь поклонникам истинного Бога. Хотя в этой мысли было еще много суеверия, но она побуждала Константина со смирением воздавать одному Богу славу за свои успехи. В одном из указов, описав казнь гонителей христиан, Константин упоминает о своих победах и представляет себя только покорным орудием в руках Бога. «Не будет, конечно, никакой гордости, – пишет он, – хвалиться тому, кто сознает, что благодеяния получил он от Существа Всевышнего.

Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от Британского моря, при помощи какой-то высочайшей силы, я гнал перед собою все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и, под руководством Высочайшего Существа, возрастить блаженнейшую веру». «Я твердо веровал, – говорит он далее, – что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только обращается в глубине моего ума, я обязан принести великому Богу».

После этого исповедания следуют распоряжения об освобождении заключенных за веру, о возвращении должностей и имуществ, об отдаче церквям усыпальниц и мест, где скончались мученики. О мучениках и исповедниках Константин говорит с величайшим уважением: «Кто потерял имущество, проходя неустрашимо и бестрепетно славное и божественное поприще мученичества, или, сделавшись исповедником и стяжав себе вечные надежды, кто утратил их, быв принужден к переселению, потому что не соглашался уступать гонителям, требовавшим предательства веры, – имение всех таковых повелеваем отдать». Где не оказывалось близких родственников, имущество наследовала местная Церковь; а частные лица, которые им владели, получали от казны вознаграждение.

На востоке, как и на западе, Константин заботился о построении и обновлении церквей, избирал преимущественно христиан в начальники областей, запретил приносить от имени императора жертвы идолам¹³⁸.

Христианские чувства Константина выражаются еще полнее в его рескрипте к областным начальникам, посланном в эту же пору, где он старается доказать им истину и силу христианской веры и суещность язычества. Обращаясь мыслью к Господу, он восклицает: «Теперь молю Тебя, великий Боже! будь милостив и благосклонен к восточным Твоим народам; и чрез меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем областным правителям... Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения; преднося везде Твое знамя, я вел победоносное войско; и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за тем же знаменем Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою хорошо испытанную в любви и страхе душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговею

---

¹³⁸ Евсевий пишет, что он запретил вообще жертвы идолам; но это противоречило бы указам, им же приводимым. Другие писатели объясняют это именно тем, что он запретил от имени императора и за его здоровье приносить жертвы.

перед силой, которую являл Ты многими опытами и которой укрепил мою веру... Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью; хочу, чтобы, подобно верующим, приятности мира и тишины вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого... Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почтить под святыми Твоими законами; а отвращающиеся пусть, если угодно, владеют жребием своего лжеучения... Никто да не вредит другому; что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего; а когда это невозможно, надо оставить его, ибо иное дело – добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное – быть вынужденным к ней посредством казни... Удаляя совесть от всего противного, воспользуемся всем благом мира».

Но, к великому огорчению своему, Константин не находил и между христианами того мира и согласия, которые должны были бы господствовать между чадами Единого Отца. Еще до войны с Ликийем он с удивлением и скорбью узнал, что целая область его империи (Африка) взволнована междоусобной бранью христиан. После смерти Карфагенского епископа Менсурия в преемники ему избрали Цецилиана. Семьдесят епископов Нумидийской области возражали против этого избрания, говорили, что оно происходило неправильно, потому что посвятивший Цецилиана оказался предателем во время гонения. Ложь этого обвинения была доказана, но недовольные не уступили, отлучили от Церкви избранного епископа и поставили другого, Мариорина. После смерти Мариорина они избрали Доната, который вместе с другим человеком того же имени был главным зачинщиком всего этого волнения. Церковь не могла признать этого избрания и признавала только законно избранного Цецилиана. Но партия Доната, распространяя клевету на всех приверженцев Цецилиана, волновала всю африканскую область. Два Собора, в Риме и Арлах, осудили донатистов и доказали правильность избрания Цецилиана, но донатисты не покорились решению Соборов, упорно стояли на своем. Они приняли некоторые из правил новациан и совершенно отделились от Церкви. Утверждая, что только они имеют право называться Церковью Христовой, что вся остальная Церковь заражена расколом и ересью, донатисты ревностно стремились приобретать последователей и перекрещивали всех, переходящих к ним. Они ставили себе епископов, силой отнимали церкви и, отняв, мыли и скоблили их, сжигали алтарь, считая его опозоренным нечестивым обрядом. Ничто не могло вразумить донатистов; исступление их только увеличивалось. Они после разделились на секты, и каждая утверждала, что она и есть единая истинная Церковь, ненавидела и проклинала все другие. Раскол донатистов существовал очень долго. В продолжение трех столетий их распри волновали всю африканскую область, исступленный фанатизм доводил их до тяжких преступлений. Кровь лилась между враждующими партиями.

Раскол донатистов был явлением, конечно, очень прискорбным для христиан, но для всей Церкви он не имел такого значения, как спор, возникший около того же времени в Александрии, где один лжеучитель дерзнул отрицать Божественность и вечность Христа. Его звали Арием. В то время, когда еще Мелетий производил беспорядки в Церкви, Арий, будучи диаконом, присоединился к нему и стал противиться всем распоряжениям Александрийского епископа Петра, считая, что тот слишком снисходителен к падшим.

Предание гласит, что святой Петр тогда еще предвидел, кем станет Арий для Церкви Христовой. Он увидел во сне отрока Иисуса в хитоне, разодранном сверху донизу. «Господи, – спросил Петр, – кто дерзнул коснуться одежды Твоей?» – «Арий разодрал ее», – отвечал Господь. Это было задолго до того времени, когда Арий начал разглашать свою ересь. Петр скончался мученической смертью, а преемник его, Ахилл, возвел Ария в сан пресвитера и поручил ему одну из значительнейших церквей Александрии. Арий, человек строгой жизни, умный, ученый, приобрел такое влияние, что надеялся стать епископом после

смерти Ахилла. Однако избрали не его, а Александра. Арий скрыл свое неудовольствие, хотя и виделся часто с епископом.

Однажды в беседе они заговорили о Пресвятой Троице, и Арий начал оспаривать мнения Александра, обвинив его в склонности к ереси. Сам же при этом высказал мысль, что Иисус Христос не есть вечный и безначальный, что было время, когда Его не было; что Он не есть Бог по сущности, а только по имени и что Он – творение Бога Отца. Это богохульство привело в ужас Александра; он старался доказать Арию ложность его понятий, часто призывал его к себе, вместе с другими духовными лицами обсуждал и успешно опровергал его мнения. Все это он делал с кротостью, ибо был человек добрый и миролюбивый. Арий же везде называл Александра еретиком и усердно распространял свое учение. Он был красноречив, увлекателен в беседе, и вскоре очень многие разделяли его мнение. Когда Александр увидел, что зло распространяется, созвал Собор, который единодушно осудил это лжеучение и низложил Ария. Но Арий не смирился с решением Собора, а громко жалуясь на незаконное будто бы осуждение, произвел сильное волнение в Александрии. Он писал ко многим епископам письма, в которых представлял себя невинно осужденным, и приобрел себе влиятельных покровителей. Александр, со своей стороны, тоже писал к епископам, опровергал лжеучение словами Священного Писания и в посланиях просил всех епископов Востока содействовать ему в низложении опасной ереси. Более ста епископов съехались в Александрию, и лжеучение было вторично осуждено Собором. Арий же, оставив Александрию, распространял свою ересь в Палестине, Египте, Ливии. Одних он обманывал неясным изложением своего учения; других увлекал силой красноречия, слагал для народа песни, в которых выражал свои мнения, жаловался везде на несправедливое гонение и в течение шести лет достиг того, что взволновал весь восточный край. Не одни духовные лица приняли участие в споре: народ разделился на партии. Много женщин приняло сторону Ария. В пустынях Фиваидских, в тихих обителях отшельников и на площадях многолюдных городов раздавались горячие споры о Божественности и вечности Христа, возникали непримиримые распри. Язычники торжествовали, видя несогласие христиан, и открыто высмеивали их. Один из самых влиятельных епископов Востока, Евсевий Никомидийский, оказал Арию покровительство и, созвав небольшой Собор в Вифинии, вновь принял его в общение Церкви, несмотря на решение Александрийского Собора. Зло усиливалось, ересь распространялась все больше и больше.

Вскоре после победы над Ликинием Константин прибыл в Никомидию с намерением объехать восточные области. Со скорбью и удивлением услышал он о споре, о котором на западе почти ничего не знали. Вначале он не хотел вмешиваться в это дело, но, наконец, решил написать одновременно Александру и Арию письма, обвиняя их обоих за то, что подняли вопрос, которого не следовало касаться. Он умолял их закончить спор дружелюбно, «возвратить ему отрадные дни и безмятежные ночи». Но Константин, хотя и полный усердия к христианской вере, не был еще достаточно знаком с ней, чтобы понять всю важность спора, который он в своем письме называл маловажной распрей и суетным словопрением. Церковь не могла так смотреть на спор, касающийся сущности веры и надежды христианина. Вечность и Божественность Христа Спасителя не могли остаться для христиан вопросом спорным, и если уже раз кто дерзнул этого коснуться и возбудить спор, то Церковь не могла оставаться равнодушной. Ей необходимо было изложить свое учение. Письмо царя привез в Александрию Осия, Кордовский епископ, один из самых уважаемых пастырей всего Запада. Но оно не произвело ожидаемого действия. Осия, выслушав Ария на новом Соборе в Александрии, вместе с другими епископами осудил его лжеучение, но, как и прежде, Арий не уступал. Лишь одно могло вернуть мир взволнованной Церкви: вся Церковь через своих предстоятелей должна была изложить веру, переданную ей Христом и Его апостолами, и решить, согласно ли с ней или нет новое учение, которое стало поводом таких жарких спо-

ров. Решили применить это средство, и царь разослал всем епископам грамоты, которыми призывал их на Вселенский Собор, в город Никею, столицу Вифинской области.

До сих пор еще не было и не могло быть Вселенского Собора. Он стал возможен только теперь, когда все обширное государство находилось под властью одного царя, признававшего христианскую веру за веру истинную. Епископы со всей вселенной могли теперь беспрепятственно съезжаться и открыто рассуждать о делах Церкви. Они признавались не менее ответственными, чем самые значительные государственные дела. И действительно, обсуждался важнейший для Церкви вопрос. Триста лет она боролась и страдала за имя Христа, ее Божественного Основателя. Благовестники понесли это имя в отдаленные страны, мученики умирали радостно за святое имя – их крепость и упование. И вот теперь, когда настало торжество христианской веры, когда она далеко распространилась и была признаваема за веру истинную, тогда-то дерзают опровергать самую сущность ее, заявляя, что Христос Спаситель не есть предвечный Бог! Подобное событие должно было взволновать Церковь больше, чем любое внешнее гонение.

Первый Вселенский Собор. Икона. Новгородская школа. XV в.

Епископы со всех стран с готовностью поспешили в Никею. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее брал на себя Константин. По дорогам были для них приготовлены переменные лошади. Прибыли епископы из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, Африки, областей Малой Азии, Греции, из Персии, Армении, Мизии и Дакии, от задунайских готв, недавно обращенных в христианство, – всего более 300. Их сопровождали и другие духовные лица, пресвитеры и диаконы. Из западных стран прибыло немного епископов. Римский епископ Сильвестр не мог приехать из-за старости и слабости, а при-

слал вместо себя двух пресвитеров; Галликанский епископ был, как полагают, представителем и Британской Церкви; Осия Кордовский представлял Церковь Испанскую. Он был человек очень уважаемый и пользовался доверием царя. Многие из прибывших епископов были известны всему христианскому миру святостью жизни и высокой мудростью; многие были прославлены Богом чудотворной силой; многие претерпели тяжкие страдания во время недавнего гонения и еще носили следы мучений за имя Христово. Эти твердые и верные служители Христа с радостью готовились вновь исповедовать имя Спасителя и Бога, от Которого не отреклись перед гонителями.

Одним из первых прибыл престарелый Александр, епископ Александрийский, первый обличитель Ария, мужественный защитник апостольского учения. Он привез с собой молодого диакона Афанасия, которому суждено было прославиться своей твердостью и постоянством в борьбе с арианами.

Другой очень уважаемый епископ – Николай, епископ Ликийского города Миры. Он много пострадал во время гонений, но чудесным образом Господь призвал его пасти Ликийскую Церковь; он славился высокой добродетелью, милосердием к страждущим и чудотворной силой. Предание говорит, что, не стерпев богохульных слов Ария, он ударил его на виду у всего Собора, за что св. Николая лишили епископского сана. Однако вследствие небесного видения всем членам Собора сан был ему возвращен. Наша Церковь глубоко чтит память великого Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца.

Святой Иаков Низибийский был родственником армянского царя. С ранних лет он возлюбил Бога более всех мирских почестей и земного величия и посвятил себя Его служению. Он долго вел пустынную жизнь, пострадал в гонение при Максимине, посещал Персию для проповедания слова Божия, и, будучи избран епископом в город Низибию (в Месопотамии), ревностно заботился о чистоте веры. С ним прибыл на Собор его молодой ученик, Ефрем, известный после под именем Ефрема Сирина.

Святые Евстафий Антиохийский, Пафнутий Фиваидский, Павел Неокесарийский, Леонтий Каппадокийский славились как твердые исповедники веры. Они много пострадали во время гонения: Пафнутий лишился правого глаза и хромал; Павел не владел руками – они были уязвлены раскаленным железом по приказанию Ликиния.

Святой Спиридон, смиренный епископ Тримифунта (на Кипре) славился святостью жизни. Он родился в простом звании и, будучи избран в епископы, сохранил привычки простой сельской жизни, трудился вместе со жнецами, работая в поле, пас свои стада, а между тем помогал всем нуждавшимся. Силой Божией он исцелял больных и творил великие чудеса. До торжественного открытия Собора епископы часто собирались для предварительных совещаний, призывали Ария и старались доказать ему, что его мнения ложные. На этих совещаниях могли присутствовать и посторонние. Однажды один языческий философ начал опровергать истину христианского учения. Спиридон встал, чтобы возражать ему. Многие испугались, потому что знали Спиридона человеком простым и неученым. Но смиренный пастырь был силен верой, и с ним был Дух Святой, наставляющий на всякую истину. Он твердым голосом сказал философу: «Во имя Господа Иисуса Христа, выслушай меня. Един есть Бог, Творец неба и земли, видимый же и невидимый, сотворивший все Словом и устроивший все Духом Своим. Слово иначе называется Сын Божий и Бог; Он умилился над людьми, благоволил родиться от Жены, жить с людьми, пострадать и умереть ради нашего спасения. Он воскрес, даровал воскресение роду человеческому, и опять придет судить всех праведно и воздать каждому должное. Сему веруем без пытливости; итак не утруждай себя напрасно, стараясь возражать истинам веры, и допытываясь, могло ли это быть или нет, ибо они превосходят разум; но отвечай просто, веруешь ли этому или нет?» Философ молчал. «Веруешь ли?» – спросил опять епископ. «Верую», – отвечал неожиданно философ и потом говорил, что в словах Спиридона была какая-то непонятная ему, но непо-

бедимая сила, которая открыла ему вдруг истину христианской веры. Это событие обратило многих язычников. На Собор был призван и один новацианский епископ, Акесий. Христианские епископы не чуждались общения с новацианами, которые не искажали догматов веры, но отделились по поводу вопроса о кающихся. Они считали, как мы уже говорили, что тяжко согрешивший тем отлучил себя от Церкви и не должен быть допускаем к участию в таинствах. Эту чрезмерную строгость осуждали христиане, уверенные в собственной немощи и в милосердии Господа. Рассказывают, что Константин, после беседы с Акесиём, который излагал при нем правила новациан, сказал ему: «Поставь лестницу, Акесий, и взойди один на небо».

Константин заблаговременно прибыл в Никею. Некоторые из последователей Ария подали ему жалобы и доносы на православных епископов, но Константин разорвал все эти бумаги, не прочитав их, и сказал, что все личные распри должны быть забыты, а все внимание обращено на вопрос веры.

Собор открылся 19 июля 325 года в одной из обширнейших палат царского дворца под председательством, как полагают некоторые, Осии Кордовского. Всех присутствовавших вместе с пресвитерами и диаконами было более 2 000 человек; епископов – 318. Скамьи стояли вокруг комнаты для епископов; в середине стола лежала книга Священного Писания, как верное свидетельство истины, с которым должно было согласоваться решение Собора. Когда все уже собрались, явился император с некоторыми своими придворными, христианами. Ради торжественного случая он облекся в самые пышные царские одеяния, блиставшие золотом и драгоценными камнями. Он смутился при виде величественного собрания, и молча, с поникшим взором, подошел к приготовленному для него золотому креслу. Епископы дали ему знак сесть и сели после него. Евстафий Антиохийский и за ним историк Евсевий, тогда епископ Кесарийский, произнесли речи, в которых воздавали Богу славу и благодарение за благоденствие Церкви под покровительством благочестивого царя. Затем Константин сказал на латинском языке речь, которая была передана собранию по-гречески через переводчика. Он выражал радость, что видит такое величественное собрание епископов, и умолял их разрешить миролюбиво спорные вопросы. Затем начались прения по поводу мнений Ария.

Святые отцы Первого Никейского Собора, держащие Никейский Символ веры. Икона

Арий упорно защищал свое учение. Его сторону держали семнадцать епископов, среди которых были оба Евсевия, Никомидийский и Кесарийский, но православные с силой оспаривали их. Общее внимание привлек на себя молодой диакон Афанасий, прибывший с Александрийским епископом. Никто не превосходил его силой красноречия; меткость его возражений уничтожила доводы ариан. Споры были жаркие, упорные; тщетно Константин употреблял все влияние, чтобы примирить спорящих и привести их к дружелюбному решению. Чем дольше продолжались прения, тем очевиднее становилось, сколь далеки ариане от истины. Прочитали несколько отрывков из сочинения Ария и арианское исповедание веры. Оно возбудило сильнейшее негодование и было разорвано. Ариане, видя, что открытое изложение их учения возбуждает общее негодование, прибегли к хитрости. Они старались обмануть противников неясностью своих выражений, иногда как будто соглашались с православными, а затем оказывалось, что они придают словам другой, тайный смысл. Наконец, православные решили письменно изложить в исповедании веры сущность учения Церкви о Боге Отце и Господе Иисусе Христе. Был составлен Символ веры, и всем предложено подписать свое согласие с ним. Выражение «Единосущный Отцу» возбудило горячие споры. Долго последователи Ария не соглашались с этим выражением, говоря, что оно не верно и что его нет в Писании. Наконец, из семнадцати арианских епископов большая часть уступила и подписала Символ, но двое, чтобы выйти из затруднения, прибегнули к крайней недобросовестности: в слове «Единосущный» они переделали одну букву, что изменяло смысл выражения¹³⁹, и потом поставили свою подпись, но обман обнаружили. Арий не уступал.

¹³⁹ Слово «единосущный» по-гречески — «омоусиус», а «омиусиус» — значит «подобосущный», что было ближе к мнению ариан, которые таким образом изменили смысл предложенного выражения.

Его лжеучение было осуждено, и он изгнан вместе с некоторыми из приверженцев.

Решив главный предмет спора, Собор занялся обсуждением и других вопросов. Время празднования Пасхи до сих пор оставалось еще неопределенным; и Пасха в некоторых Церквях пока праздновалась в одно время с иудейской. После совещания отцы Собора установили,

что праздновать Пасху нужно везде одновременно, а именно – в первое воскресенье после весеннего полнолуния.

Собор осудил Фивского епископа Мелетия за присвоение себе незаконной власти и нарушения церковных постановлений, издал 20 правил (или канонов), касающихся церковного благочиния. Эти каноны яснее определили права и обязанности церковнослужителей, и образ действия Церкви в отношении к падшим, отлученным, к еретикам. Во всех постановлениях Собора строгость смягчалась духом христианской любви, снисходящей к человеческой слабости. Некоторые епископы предложили безбрачие духовенства, но этому очень сильно воспротивился исповедник и пустынный Пафнутий, епископ Фиваидский. Хотя сам он был безбрачным, он не считал нужным возлагать на клириков непрременную обязанность безбрачия и словами апостола Павла доказывал честность брака. Его мнение превозмогло.

В первый раз в канонах Собора появляется название митрополита, епископа столицы, имеющего первенство над прочими епископами страны. Определялось также значение первенствующих митрополий: Римской, Александрийской и Антиохийской, равных между собой; с ними сравнивался и престол Иерусалимский. Вообще надо заметить, что почти все правила Никейского Собора явились не изложением новых постановлений, а, скорее, признанием и узаконением издревле существовавших обычаев. Так, епископы столицы имели с самого начала смотрение над прочими епископами области и хореепископами (епископами деревень). Во многих Церквях был обычай созывать два Собора в год для рассуждения о церковных делах. Этот обычай узаконил Вселенский Собор. Издревле существовал обычай молиться стоя, не преклоняя колени, в дни воскресные и дни Пятидесятницы, дни особенно радостные и торжественные. Собор внес этот обычай в свои каноны. Таким образом, Вселенский Собор не установил новых законов, а выразил более определенно то, что уже признавалось всей Церковью. Так и главное великое дело Собора – определение Символа веры стало ясным и определенным изложением веры всей Церкви. Мы видели, что с самого начала все еретические учения имели своим предметом преимущественно Лице Господа Иисуса Христа и отношение Его к Богу Отцу. Церковь в продолжение трех веков боролась против всех лжеучений, опровергая их истинным учением, данным ей Господом и апостолами Его. В писаниях и учениях отцов Церкви все яснее и определеннее выражалось ее понятие о Боге Слове. Теперь вера всей Церкви единодушно выразилась в Никейском Символе: «Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу. Им же вся быша, яже на небеси и яже на земли. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго и воплотившегося, и вочеловечшагося, страдавшаго и погребенного и воскресшаго в третий день по Писанием, и возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца; и в Духа Святого».

Учение о Духе Святом было позднее прибавлено, как мы увидим далее.

Глава XXIII

Последние годы царствования Константина. 325–337 гг

После окончания Никейского Собора, продолжавшегося около двух с половиной месяцев, царь пригласил к себе епископов и настоятельно просил их заботиться о сохранении единодушия и мира. Все возвратились в свои епархии, и каноны Никейского Собора возвестили по всем Церквам вселенной.

Базилика Рождества Христова. Вифлеем

Великое дело совершилось в Никее: был составлен Символ веры, который в словах ясных и определенных выразил сущность учения Православной Кафолической Церкви, в щит и ограждение верующих. Но, к сожалению, не все искренне подписали свое согласие. Арианская партия только затаилась до более благоприятных обстоятельств и вскоре стала производить новые смуты.

Храм Гроба Господня. Иерусалим

Один из главных участников Никейского Собора, епископ Александр, скончался месяцев через пять после возвращения из Никеи, перед смертью изъявив желание, чтобы на его место избрали молодого диакона Афанасия, который сопровождал его в Никею. Когда Афанасий был еще ребенком, епископ Александрийский, заметив его дарования, приблизил его к себе и заботился о его воспитании. Афанасий вскоре заслужил его полное доверие. Ему было только двадцать восемь лет, но уже вся Александрия уважала его за благочестие, ученость и твердость духа. На Никейском Соборе он стал сильнейшим противником арианской ереси, и Александрийская Церковь единодушно избрала его епископом. Афанасий отказывался, потому что не считал себя достойным этого священного звания и боялся, что не будет способен исполнять, как следует, трудные обязанности епископа, но, наконец, принужден был уступить общему желанию и вполне оправдал доверие избравших его. Настали для Церкви времена смутные, трудные, но великий епископ Александрийский Афанасий постоянно и с непоколебимой твердостью служил святой истине.

Храм Гроба Господня. Иерусалим

Между тем везде воздвигались великолепные храмы, и Константин продолжал оказывать усердие к вере христианской. Мать его, царица Елена, которая была давно христианкой, ездила в Палестину, чтобы увидеть страну, где жил и страдал Спаситель. По поручению сына, она позаботилась о сооружении церквей на местах, освященных евангельскими событиями. Язычники из-за ненависти к христианам постарались изгладить и память о тех местах. Пещеру гроба Христова они завалили землей и поставили над ней идольское капище. Изображения языческих богов стояли также на Голгофе и над Вифлеемской пещерой. Елена приказала разрушить капища, низвергнуть идолов и разрыть пещеру. Близ нее Константин заложил храм в память Воскресения Христова. Он писал Иерусалимскому епископу Макарию и правителю Палестины, чтобы они украсили храм со всевозможным великолепием. Церкви также соорудили на горе Елеонской, над Вифлеемской пещерой и на месте, называемом дубравой Мамврийской, где Господь явился Аврааму. Особенно желала Елена найти тот самый Крест, на котором был распят Спаситель.

Базилика Рождества Христова. Вифлеемская звезда – место рождения Спасителя

После долгих поисков нашли три креста, зарытые в земле; при них находилась и доска с надписью. Но как можно было узнать, который из трех Крест Спасителя? По совету епископа поднесли кресты один за другим к больной женщине. Она выздоровела, как только ее коснулся Крест Господень. Умерший, которого несли на кладбище, воскрес при прикосновении Животворящего Древа. Эти чудеса разрешили все сомнения; святой Крест был воздвигнут на высоком месте, и христиане, поклоняясь ему, восклицали радостно: «Господи помилуй!» Множество язычников и иудеев уверовали в Христа. Один из обратившихся иудеев стал впоследствии Иерусалимским епископом Кириаком. Воздвижение Честного и Животворящего Креста происходило в 326 году; Православная Церковь празднует ежегодно это событие 14 сентября. Елена увезла с собой в дар сыну часть святого Креста и найденные при нем гвозди. Остальная часть Креста, положенная в серебряный кивот, с благоговением хранилась в Иерусалиме и в Великую Пятницу обыкновенно выносилась на Голгофу для поклонения.

Дуб Маврийский. Современный вид

В это же время совершились и другие события, радостные для Церкви. Свет учения Христова проник в отдаленные страны: в Иверию (нынешнюю Грузию) и в Эфиопию. Для просвещения Иверии Господу угодно было употребить своим орудием слабую женщину. У Иерусалимского епископа была молодая племянница Нина, благочестивая и набожная. Она с самого детства часто слышала об Иверии, где жило много иудейских семейств. Нина, ревностная христианка, от души скорбела о тех, кто не знал Христа, и постоянно молилась об их обращении. Господь иногда во сне возвещал ей, что она будет призвана к участию в этом святом деле. Ряд чудес укрепил ее веру. Однажды она увидела Божию Матерь, Которая, благословляя ее на подвиг проповеди в Иверии, вручила ей крест из виноградных лоз. С этим крестом Нина пошла в путь, сопровождаемая знакомой женщиной. На пути ей явился Господь и укрепил ее унывающий дух. Затем Нина находит в своих руках чудный свиток, исписанный евангельскими изречениями, во главе которых начертано: *Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала* (Мф. 26, 13), и еще: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19). Со своей спутницей Нина достигла Ефеса. Отсюда с царевной Рипсимией и пятьюдесятью ее подругами, бежавшими от гонения Диоклетиана, пришла в Армению, а из Армении – в Иверию. Некоторые предполагают, что из Армении она была отведена в плен иверскими воинами. В Иверии она вскоре стала известна своей праведной жизнью и чудесной помощью, которую оказывала страждущим. Со всех сторон стали приносить к ней больных. Она исцеляла их, но, не принимая благодарности, говорила, что следует благодарить Того, Кому она служит, – Иисуса Христа, Сына Божия. Вслед за тем она рассказывала о Господе и призывала всех к спасению через веру в Христа. Многие обращались, и слух о Нине достиг, наконец, и царского дворца. Царица занемогла, Нина исцелила ее именем Христа, и царица уверовала. Вскоре обратился и царь Мириан и, по совету Нины, послал к царю Константину просить епископов и священников крестить его и его дом. Антиохийский епископ, святой Евстафий, в 326 году прибыл в Иверию, окрестил уверовавших и поставил епископа для новообращенной страны. Вскоре в ней воздвиглись святые церкви. Нина долго продолжала свои апостольские труды, успешно проповедовала в Кахетинской области и скончалась в глубокой старости. Грузия и доныне чтит имя своей святой просветительницы, память которой совершается 14 января.

Эфиопию (или Абиссинию) просветили Фрументий и Едесий. В начале IV века они, будучи еще отроками, поехали в Эфиопию с тирским ученым Меронием и другими путешественниками. Варвары напали на путников и умертвили всех, кроме двух отроков, которых представили царю. Царь полюбил их, а когда через несколько лет умер, то его вдова поручила Фрументию и Едесию воспитание сыновей и управление государственными делами. Были ли они с детства христианами, неизвестно, но тут стали сближаться с местными христианами и благосклонно принимать всех христиан, приезжавших для торговли. Они всеми средствами помогали им распространять святое учение, строили церкви, и христианская вера все больше и больше утверждалась в Абиссинии. Когда новый царь достиг совершеннолетия, они передали ему дела, а сами отпросились на родину. Едесий пошел в Тир, а Фрументий в Александрию, где сообщил епископу Афанасию об успехах веры в Эфиопии и просил назначить туда епископа. В Александрии в то время проходил Собор. Афанасий, выслушав Фрументия, обратился к присутствовавшим епископам словами фараона: «Где нам найти человека, как сего, который был бы исполнен Духа Божия?» – и рукоположил самого Фрументия в епископы Абиссинии. Фрументий основал свою кафедру в городе Аксуме и вскоре просветил всю страну светом Евангельского учения. Церковь отмечает его память 30 ноября. Известно, что в этой далекой стране благовествовали святые апостолы Матфей и Фома, но потом христиане редко посещали ее; и святое учение не распространялось до Фрументия.

Упомянем и о том, что ко времени царствования Константина относят известия о распространении веры на Таврическом полуострове (в Крыму). Мы знаем, что еще в I веке там благовествовал святой апостол Андрей, затем св. Климент. Когда он был изгнан в Херсонес, там уже было 2 000 христиан. Но в Херсонесе Таврическом жило и много иудеев, которые старались остановить распространение веры и возбуждали гонения на христиан. Но ревнители христианства неоднократно отправлялись в Херсонес для благовествования. Они проповедали и чудесами обращали к Христу язычников, часто терпели оскорбления и гонения, а иногда отдавали жизнь за Христа. Церковь чтит 7 марта память этих неустрашимых проповедников: св. Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и Капитона. Последние два жили во время царствования Константина. Предание гласит, что от Капитона язычники потребовали знамения в подтверждение проповеди и что он, в твердом уповании на Бога, вошел бесстрашно в огонь и долго молился среди пламени, оставаясь невредимым. Тогда свидетели этого чуда сказали единодушно: «Один Бог – Бог христиан, великий и сильный!» Вслед за тем многие приняли христианскую веру, и св. Капитон был несколько лет епископом в Херсонесе, главном городе Таврического полуострова (близ Севастополя). Херсонская епархия всегда направляла епископов для участия в Соборах и подписывалась под их определениями.

В Персии было в ту пору было довольно много христиан. Персидский царь Сапор, желая дружбы с Константином, присылал к нему посольство. Константин письменно просил его покровительствовать христианам его империи, признавая, что он и сам почитает и прославляет Бога христиан.

* * *

Успехи нового учения и явное расположение царя Константина к христианам были, конечно, неприятны язычникам. Некоторые из них, правда, принимали веру, чтобы угодить царю и в корыстных целях, но многие не скрывали своего негодования. Оно было особенно сильно в Риме. Там язычники все еще ревностно держались своего богопочитания, не столько из-за веры к богам, сколько потому, что считали славу и величие Рима нераздельно связанными с древним богопочитанием. Теперь становилось очевидным, что Рим клонился к упадку. Он утратил прежнее значение, перестал даже быть местопребыванием императоров: западные жили в Милане, восточные – в Никомидии. Все это раздражало римлян. Они смотрели на распространение христианской веры как на причину бедствий, а Константина, как явного покровителя христиан, не любили в Риме. Он это знал и редко и неохотно посещал древнюю столицу. Наконец, он задумал основать новую столицу, христианский город, который никак не был бы связан с язычеством. Ему понравилось положение Византия, древней крепости на берегах Босфора, и он выбрал ее в качестве новой столицы империи, значительно расширил, построил для себя дворец, великолепную палату для сената, водопроводы, торжища, театры. Новые здания походили на такие же в Риме, так что казались перенесенными из ветхого Рима в новый. Но идольские капища уже не строились в новой столице, а вместо Колизея, где происходили бои гладиаторов и потешные игры, император велел построить цирк для конских бегов. Кровавые игры и бои гладиаторов были запрещены в христианской столице. Идолы богов, вынесенные из разрушенных капищ, служили украшением города. Появились великолепные христианские церкви; первая была посвящена Софии, Премудрости Божией. Новый город также был посвящен Пресвятой Богородице и стал называться Константинополем; называли его еще Царьградом и Новым Римом.

Постоянно заботясь о распространении веры, Константин открывал училища, заказывал списки Священного Писания, щедро помогал постройке церквей, велел разрушить несколько языческих капищ. Во всех указах и распоряжениях Константина все более отчет-

тливо видно влияние христианства. Он оказывал помощь несчастным, облегчал налоги, благоприятствовал освобождению рабов, запрещал суды по воскресным дням, тяжбы, требование долгов и зрелища. Но одно гражданское действие было дозволено и в день Господень: освобождение рабов. Как дело, угодное Богу, оно иногда происходило в церкви, в присутствии и при содействии епископа. В царском дворце собирались для слушания Священного Писания; в походах царь имел при себе походную церковь, любил беседовать о Священном Писании, сам составлял поучения, оказывал уважение епископам, часто советовался с ними.

При такой ревности к христианской вере Константин, однако, не спешил присоединиться к Церкви Святым Крещением и только незадолго до смерти стал участвовать в Святых Таинствах. Что удерживало его? Некоторые историки объясняют это тем, что римскому императору было трудно, почти невозможно, быстро разорвать всякую связь с язычеством, когда еще большая часть его подданных оставалась в язычестве и считала, что слава и величие империи нераздельно связаны с древним богопочитанием. Могли существовать и другие причины. Не только во время Константина, но еще и долго после него был довольно распространенным обычай откладывать крещение на многие годы. Одни поступали так из смиренного сознания своей греховности, из благоговения к великому Таинству, к которому считали необходимым готовиться годами молитвы и покаяния; другие не решались вдруг отказаться от прежней жизни и возродиться в новую, духовную и святую, тем более что Церковь была строга к согрешениям, совершенным после крещения. Многие при этом руководствовались такой логикой: так как крещение омывает от грехов, то лучше всего принять его перед самой смертью, чтобы явиться на Суд Божий в чистоте новопросвещенного. Священники оспаривали эти ложные воззрения и убеждали уверовавших не отлагать своего вступления в Церковь, а в спасительных Таинствах веры искать той внутренней силы, которую через них сообщает Дух Святой. Может ли даже лучший из людей считать себя когда-нибудь достойным приступить к великим и Святым Таинствам Христовым? Но милосердный Господь призывает недостойных и грешных. Он предлагает нам средства приблизиться к Нему; и благодать Святых Таин, общение с Церковью, укрепляет нас на трудном пути жизни, помогая личной слабости каждого силой общей молитвы, общего союза любви и веры.

Вполне вероятно, что желание приготовить к крещению молитвой и покаянием стало главной из причин, действовавших на Константина, особенно же после того, как он имел несчастье предать смерти своего сына Криспа. Это было уже после Никейского Собора. Жена Константина, Фавста, оклеветала молодого Криспа, своего пасынка, и так представила все обстоятельства дела, что осуждение сына могло казаться царю действием справедливого правосудия. Впоследствии он узнал о невинности Криспа и до конца жизни скорбел о своем несчастье, поставил в память сына статую с надписью: «Отец – невинно казненному сыну». Многие считают, что угрызения совести удерживали Константина от принятия Святого Крещения, что, не считая себя достойным носить имя христианина после такого преступления, он желал омыть его долгими годами молитвы и покаяния. С этих пор император стал крайне осторожен в отношении к виновным. Многие укоряли его за излишнюю снисходительность, но он боялся осудить невинного и охотно прощал личные оскорбления. Однажды во время мятежа народ стал метать камнями в статую императора. Константину донесли об этом и требовали казни виновных, но царь, проведя рукой по лицу, отвечал: «Я не чувствую боли», – и простил оскорбивших его.

Константин был прямодушен и доверчив, и, к сожалению, недостойные люди пользовались этим для корыстных целей. Многие притворялись ревностными христианами, чтобы вкрасься в его доверие. Так действовали, между прочим, ариане. Ловко скрывая свои убеждения, они постепенно приобретали влияние при дворе и очень усилились в последние годы царствования Константина. После смерти царицы Елены Константин сблизился со своей сестрой Констанцией, находившейся под влиянием ариан. На смертном одре она уве-

рила царя, что Ария осудили несправедливо и что следует возвратить его из ссылки. Это было исполнено. Возвратились и изгнанные приверженцы Ария, в том числе Евсевий Никомидийский, Евсевий Кесарийский, Феогност Никейский. Они на словах отреклись от лжеучения, но тайно покровительствовали арианам. Евсевий Никомидийский вскоре вкрался в доверие царя. Человек хитрый и лукавый, он всеми средствами старался вредить православным и восстановить против них Константина.

Арий, возвратившись, уверил царя, что отрекся от своих заблуждений. Константин искренне скорбел о распрях между христианами: восстановление единодушия в Церкви было его постоянным, ревностным желанием. Он обрадовался обращению Ария и потребовал от Афанасия, чтобы он принял Ария в Александрийскую Церковь. Но Афанасий, хорошо знавший Ария, имел основания не доверять ему и с твердостью отказался принять в Церковь Христову человека, отвергавшего Божественность Христа. Константин уважал Афанасия и не настаивал, но арианские епископы решили погубить Афанасия, поняв, что его невозможно будет склонить к единомыслию с ними и что он будет постоянно обличать их неправильные мнения и действия.

Они стали действовать и против других православных епископов. Одним из самых твердых ревнителей истины был Евстафий, Антиохийский епископ, человек, уважаемый всеми христианами за благочестивую жизнь. Ариане решили низложить его. Оба Евсевия, Никомидийский и Кесарийский, и некоторые их сторонники из числа других епископов прибыли в Антиохию, где Евстафий принял всех радушно, не подозревая их злых умыслов. Вдруг они созвали собор, обвинили Евстафия в безнравственности, в склонности к ереси и возбудили против него народ, который потребовал низложения Евстафия. Святого епископа лишили сана и сослали во Фракию вместе с другими пресвитерами и диаконами. Он перенес это с благодушием, как испытание, посланное ему волей Божией, много страдал от врагов в изгнании и скончался в Филиппах в 345 году.

Еще несколько достойных епископов были также низложены и изгнаны через происки ариан. Но ариане не могли быть спокойны, пока Афанасий оставался в Александрии. Они считали его своим сильнейшим противником из-за его влияния на весь Египет. В ведении Александрийского епископа находилось более ста епархий, и все Египетское духовенство было горячо предано Афанасию. Потому арианские епископы направили против него все свои усилия. Соединившись с мелетианами, они жаловались на его жестокое обращение с клиром, уверяли, что он взимает в свою пользу незаконные подати. Афанасий при свидании с Константином легко оправдался и был отпущен царем с почетом. «Он человек Божий, – говорил царь, – претерпел обвинения по зависти и явился выше своих обвинителей».

Эта неудача только усилила злобу ариан, и они вскоре представили против Афанасия новые обвинения, которые не касались вопросов веры, поскольку ариане хорошо знали, что Константин держится определений Никейского Собора и что, только скрывая свои убеждения, они могут сохранить на него влияние. Они уверили царя, что Афанасий в стоворе с его врагами, обвинили его в святотатстве, говорили, что он умертвил одного мелетианского епископа Арсения, вначале отрубив у него руку, которую тот употреблял для волхвований. Ариане даже убедили царя созвать для суда над Афанасием соборы, – вначале в Кесарии, затем в Тире. Большинство съехавшихся на соборы были его врагами, но нашлись, однако же, епископы, которые не побоялись стоять за Афанасия. Исповедник Потаммон, жестоко пострадавший во время гонения, не мог сдержать своего негодования, когда увидел Евсевия Кесарийского в числе заседавших на Соборе. «Тебе ли судить безвинного Афанасия? – воскликнул он. – Мы вместе с тобой были в темнице во время гонения: я потерял глаз за истину, а где твои раны? И как вышел ты из темницы?» Ходили слухи, будто Евсевий совершил жертвоприношение, чтобы спасти жизнь. Смущенный, он не нашел ответа, а оставил собрание. Другой исповедник, знаменитый Пафнутий, увидя на соборе Максима Иерусалимского,

сказал ему: «Мы вместе страдали за истину, прилично ли нам участвовать в совете нечестивых?» – и оба вышли.

Усилия врагов Афанасия долго оставались тщетными. Он легко опровергал все несправедливые нарекания. Только одно обвинение дольше других тяготело над ним: в убиении Арсения, которого нигде не могли найти, потому что его тщательно скрывали сами ариане. Только через два года некоторые друзья Афанасия встретили его в Тире: Арсений старался скрыться, боясь гнева ариан, но Тирский епископ знал его, и скрыться ему было невозможно. В это время именно в Тире состоялся новый собор для суда над Афанасием. Его враги с торжеством показывали, как неотразимое свидетельство его виновности, отрубленную иссохшую руку, найденную будто бы у Афанасия, и говорили, что это рука убиенного Арсения. Афанасий спокойно выслушал обвинение, сделал знак одному из бывших при нем. Тот вышел и вскоре возвратился, ведя за собой человека, окутанного мантией с ног до головы. «Кто-нибудь из здесь присутствующих знает ли лично Арсения?» – спросил Афанасий. Многие отвечали утвердительно. Тогда Афанасий открыл лицо пришедшего и спросил: «Это ли тот самый Арсений, которого я умертвил и у которого отсек руку?» Потом, сбросив с него мантию, показал обе руки его и спокойно сказал: «Вот обе руки, которые дал ему Господь; откуда отсечена третья, пусть скажут обвинители мои». Эта явная улика в клевете привела врагов Афанасия в неопишемую ярость; они бросились на него и едва не задушили. Царский сановник извлек его из их рук. Но они еще не потеряли надежды погубить его. Составив комиссию из одних враждебных ему лиц, они послали в Египет собирать свидетельства против Афанасия. Тщетно египетские епископы уличали несправедливые действия комиссии; тщетно александрийское духовенство, ревностно приверженное своему епископу, представляло доказательства его правоты. Все, что могло служить в его пользу, было тщательно удалено, и комиссия пытками и угрозами вынуждала лжесвидетельства. Тогда Афанасий, убедившись, что нельзя ему надеяться на правый суд, тайно оставил Тир и прибыл в Константинополь.

Однажды Константин ехал верхом по улицам своей новой столицы, как вдруг кто-то подошел к нему и остановил его лошадь, взяв ее за узду. Это был Афанасий: «Я требую справедливости, – сказал он. – Бог будет судить между тобой и мной, если ты послушаешься многих клеветников». Вначале царь рассердился и хотел было продолжать путь. «Я прошу только одного, – продолжал Афанасий, – чтобы ты призвал и выслушал обвинителей моих». Царь нашел просьбу справедливой и призвал епископов, которые между тем, на основании добытых им лжесвидетельств, решили низложить Афанасия. Некоторые из арианских епископов, в том числе оба Евсевия, прибыли в Константинополь и, чувствуя несостоятельность первых своих обвинений, уверили Константина, что Афанасий, пользуясь огромной властью в Александрии, грозил остановить подвоз хлеба в новую столицу¹⁴⁰.

Эта клевета удалась, и Афанасия сослали в Галлию, в город Трир. Впрочем, Константин не согласился заменить его кем-либо в Александрии. Полагают, что изгнание стало единственным средством спасти его от врагов, которые были до того раздражены, что готовились отравить его. В Трире Афанасия приняли с почетом, и старший сын царя, Константин, который управлял Галлией, оказывал ему величайшее уважение и всячески старался облегчить для него скорбь изгнания.

Ариане торжествовали. Их опаснейший противник был удален; сила их при дворе казалась огромной. Наконец епископы, съехавшиеся в Иерусалим для освящения храма Воскресения, приняли Ария в общение Церкви. Опираясь на это решение, Арий прибыл в Александрию, но вся Александрийская Церковь выразила сильнейшее негодование, и появление

---

¹⁴⁰ Нужно заметить, что Константинополь снабжался хлебом только из Египта. Незадолго до этого был казнен философ Сосипатр, которого обвиняли в том, что будто он чарами задерживает попутный ветер.

Ария возбудило народное волнение. Царь вызвал Ария из Александрии и в Константинополе, в присутствии епископа Александра, потребовал от него вторичного отречения от лжеучения. Епископ Александр смело и безбоязненно обличал его неправомыслие, но лукавый Арий делал всевозможные уступки. Царь потребовал его подписи под Никейский Символ, Арий согласился и на это. «Поклянись, что ты так веруешь», – требовал царь. «Я клянусь, что верую тому, что написал», – отвечал Арий. Он втайне имел при себе свое исповедание веры. Обманутый Константин велел Александру принять Ария в Церковь. Это глубоко опечалило святого епископа, который не верил клятвенным уверениям Ария и боялся ввести в Церковь врага Христова. Все православные скорбели; но что было делать? Ариане грозили, что введут его сами. У христиан оставалось одно орудие – молитва. Наложив на себя пост, они молились. Святой Иаков Низибийский, бывший в то время в Константинополе, разделял скорбь и моления православных.

Накануне дня, назначенного для принятия Ария в Церковь, его друзья говорили епископу: «Согласен ли ты или нет, только завтра Арий будет в церкви». Целую ночь Александр провел в молитве. «Господи, – говорил он, – не дай мне видеть поругания наследия Твоего, и если Арий должен быть принят в общение верующих, в Святую Церковь Твою, то возьми меня от живых!» Настал воскресный день. Все православные были в глубоком унынии, а ариане радовались и, густой толпой окружив своего вождя, сопровождали его в церковь. Шествие было торжественным. Но вдруг он почувствовал себя нездоровым, отошел в сторону; и тут внутренность его рассеклась, и он внезапно умер. Это всех поразило. Нельзя было не признать в этом действия всемогущей десницы Божией, которая ограждала Церковь от влияния вредного лжеучения, когда уже все человеческие средства оказались тщетными.

Однако же, несмотря на страшную смерть, постигшую Ария, ариане не потеряли своей силы при дворе, и Константин до конца жизни продолжал доверять хитрому и лукавому Евсевию Никомидийскому. Но уже и самому Константину оставалось жить недолго. Он недавно отпраздновал тридцатилетие своего царствования и собирался ехать в Палестину, чтобы принять крещение в священных водах Иордана. Но этому не суждено было случиться. Наступил праздник Пасхи, который обычно совершался с величайшим торжеством. По всем улицам города зажигались высокие восковые столбы, которые превращали темную ночь в самый светлый день. Всю ночь в церквях молились, а когда наступало утро, царь раздавал всему народу дары в память радостного события Воскресения Христова. В последний раз Константин совершил торжественно этот праздник в Константинополе и вскоре занемог. По совету врачей, он поехал к теплым водам, но не получил облегчения. Чувствуя близость смерти, он переехал в предместье Никомидии и тут, созвав епископов, просил их совершить над ним Святое Крещение. Приготовившись молитвой и исповеданием своих грехов, Константин сподобился звания христианина и до самой смерти уже не соглашался променять на царскую порфиру белой одежды новопросвещенного. «Страх смерти исчезал перед радостью, что он принадлежит к чадам Христовым, он ликовал духом, – пишет историк, – душевно радовался и живо порождался действием силы Божией». Все это происходило в течение дней Пятидесятницы. А в торжественный день праздника, в 337 году, Константин скончался, завещав царство трем своим сыновьям.

Народ и войско искренне оплакивали его. С великим торжеством перенесли его тело в Константинополь и положили в церкви Святых Апостолов, в которой Константин заранее приготовил себе гробницу. Церковь, с благодарностью вспоминая его ревность к христианской вере, причислила его к лику святых равноапостольных, равно как и его мать, царицу Елену. Хотя и православные претерпели гонения в последние годы его царствования, но нельзя было обвинить Константина в склонности к арианской ереси. Ариане приобрели и сохранили влияние над ним лишь посредством обмана, скрывая свои истинные мнения и притворно соглашаясь с догматами Никейскими. Историк отмечает в царствова-

ние Константина «владычество двух тяжелых пороков: разрушительную силу ненасытных и лукавых людей, расхищавших чужое имущество, и невыразимое притворство обманщиков, лицемерно носивших имя христиан. Человеколюбие и добролюбие, искренность веры и прямодушные располагали царя доверять людям, бывшим по виду христианами и под маской притворства старавшимся снискать его расположение. Доверяя же им, иногда совершал он недолжное».

Святые равноапостольные Константин и Елена. Средняя Русь. Середина XVI в. Музей-заповедник «Коломенское»

Тяжело нам видеть вражду и неправды среди общества, называвшего себя христианским, в котором должен был бы господствовать мир Христов. Но не забудем, что не все те истинные христиане, которые называют себя этим именем. Прежде, во времена гонения, только истинно верующие имели мужество признавать себя христианами, ибо за это подвергались смерти; поэтому общество христиан сияло чистотой и святостью. Теперь же, когда звание христианина не стало опасным, а, напротив, доставляло некоторые выгоды и милость царя, то множество людей недостойных начали притворяться верующими. Такие люди не могли быть верными служителями Христа; они и не Ему служили, а себе, своим выгодам и страстям. Нося имя христиан и исполняя обряды Церкви, они в сердцах своих оставались идолопоклонниками, ибо сердца их принадлежали не Богу, а миру и мирским выгодам. Эти люди волновали раздорами Церковь Христову. Верные же служители Господа переживали теперь тяжелое испытание. Положение их было даже труднее, чем когда они боролись с явными врагами. Труднее было устоять им на пути правды, когда их со всех сторон окружали лицемерие и обман. Но и через это испытание должна была пройти Святая Церковь, чтобы силы ее окрепли в борьбе, чтобы теснее делался союз мира и единокровия истинных ее чад, точнее уяснились те вечные истины, которые ведут к спасению. И Христос

не оставлял Свою Церковь в это трудное время. Он постоянно посылал ей мужей, озаренных Духом Святым, которые с любовью, мужеством и самоотвержением служили святой истине и готовы были положить жизнь за нее. В царствование Константина и его наследников среди печальных смятений, произведенных лжехристианами, мы постоянно можем следить за проявлениями истинной веры и видеть ее отрадные плоды в жизни и деятельности верных служителей Христа.

Глава XXIV

Святой Афанасий Великий и гонения от ариан

После смерти Константина три его сына были провозглашены императорами; других же родственников убили, за исключением малолетних племянников – Галла и Юлиана. Старший из императоров, Константин, получил Галлию, Испанию и Британию – области, которыми он управлял еще при жизни отца. Вскоре же после смерти отца он убедил братьев вызвать епископа из ссылки, объяснив в письме, что этим исполняется последняя воля покойного императора, который удалил Афанасия только для того, чтобы спасти от умыслов врагов. Известно, что в своей столице, Трире, он с почетом принял изгнанного Афанасия и постоянно оказывал ему величайшее уважение. Константин царствовал очень недолго и был убит на войне.

Второй брат, Констанс, управлял Италией, Африкой и Иллирией, а после смерти брата – всем Западом. Он постоянно держался истинного учения и твердо защищал Афанасия и прочих епископов, гонимых арианами.

Третий, Констанций, правил Востоком. Его имя чаще всех будет встречаться нам, потому что он постоянно входил в дела Церкви, решал богословские споры и этим возбуждал беспрестанные смуты и волнения. Характера слабого и вместе с тем раздражительного и жестокого, он находился под влиянием своих приближенных, которыми, в свою очередь, управляли ариане.

Волнения начались очень скоро. В первом же году царствования Констанция умер Константинопольский епископ, святой Александр. Когда перед его смертью клир просил его указать, кого избрать ему в преемники, епископ отвечал: «Если хотите мужа сановитого и опытного в делах житейских, то изберите Македония; если желаете человека назидательного в учении и образцового в жизни, то изберите Павла». Павел был одним из пресвитеров, пострадавших и изгнанных за истинное учение вместе с Евстафием Антиохийским. Он недавно возвратился из ссылки; Македонию же покровительствовали ариане. Избрали Павла, но царь был этим недоволен: он низложил Павла и перевел в Константинополь Евсевия Никомидийского, нарушая, таким образом, и давнее право Церкви избрать себе епископа, и определение Никейского Собора, запрещавшее перемещать епископов с одной кафедры на другую. Этот противозаконный поступок возбудил много ропота, но Констанций не обращал на это внимания и постоянно действовал таким же образом. Когда года через два Евсевий скончался, православные избрали опять Павла, а ариане – Македония. Констанций снова вмешался и прислал отряд воинов, чтобы низложить и отправить Павла в заточение. Православные вступились за своего епископа. Произошел бой: воинский начальник был убит, и улицы Царьграда обагрились кровью. Македоний остался епископом, а благодетельный Павел был изгнан. Впоследствии эти два епископа еще несколько раз менялись в Константинополе, по мере того как та или другая партия брала верх.

Между тем Афанасий возвратился и был принят с любовью всей паствой, которая уже два года не имела епископа¹⁴¹. Она твердо хранила истинное учение, и гонения, которым

---

¹⁴¹ Святитель Афанасий Великий – архиепископ Александрийский (293–373), выдающийся богослов, вдохновитель борьбы с арианами – еретическим течением, отрицавшим Божество Христа. Многочисленные сочинения Афанасия посвящены защите догмата о двух ипостасях Христа, соединенных между собой неслиянно и нераздельно. I Вселенский собор встал на сторону Афанасия и провозгласил догмат о Троичности Божества в Отце, Сыне и Святом Духе. Другой важной заслугой св. Афанасия стало введение монашества в круг принятой церковной практики и церковных связей. До этого на пустынножительство смотрели как на инициативу отдельных верующих, новую, странную, а по чьему-то мнению, и опасную. Проповедь учителей пустыни отличалась от проповеди, произносимой в городах. В ней содержалась острая критика мира и, в том числе, образа жизни некоторых церковнослужителей, которые с окончанием гонений старались занять наибо-

подвергся ее любимый пастырь, еще крепче привязали к нему сердца всех православных христиан. Но ариане не могли стерпеть возвращение Афанасия: они чувствовали свою силу при новом императоре. Созвав свой Собор, решили, что Афанасий не имел права занять свою кафедру, будучи низложен Собором, и прислали в Александрию избранного ими епископа Писта. В то же время они отправили к императорам и епископам послания, в которых возобновляли некоторые из прежних обвинений против Афанасия, прибавляя к ним новые. Все египетские епископы вознегодовали и, со своей стороны, отправили во все города послания, в которых излагали события так, какими они были на самом деле, и защищали Афанасия.

Святитель Афанасий Александрийский. Икона

Примерно в это время в Антиохии собралось много епископов для освящения храма. Между ними было немало ариан. Они составили Собор (340), на котором отвергли Никейский символ и решили составить другой. Это стоило им немало труда. Желая привлечь на свою сторону православных, ариане старались смягчить несколько выражений или утаить

лее почетные, влиятельные и выгодные места. В ходе борьбы с арианами свт. Афанасию несколько раз пришлось уходить в пустынные области Египта и переживать волнения. Здесь он имел возможность лично убедиться в святости жизни отшельников и положительной роли для Церкви зародившегося монашеского движения. Свт. Афанасий состоял в личной дружбе с обоими отцами монашества – Антонием и Пахомием – и сам был убежденным аскетом. Он всячески покровительствовал иночеству перед властями, утверждал в Церкви идеалы монашеского жительства, первым предпринял рукоположение иноков в священнический и епископский сан. Стараниями свт. Афанасия пустынножительство было принято Церковью как одна из возможных форм благочестия. Само оно при этом усвоило необходимые начала церковности: соборную упорядоченность, иерархичность, преемство учительства и рукоположения, потребность в поддержании единого для всей Церкви богослужебного строя. Последующая история подтвердила правоту святителя Афанасия. Монашеское движение духовно возросло и окрепло, став средоточием ревности, совестью христианства в новых условиях. Оно воспитало множество святых: иерархов, богословов, молитвенников, чудотворцев. Богатые духовные возможности иночества были окончательно признаны, когда Церковь передала в руки монашествующих исключительное право епископского управления.

их настоящий смысл. Закончилось тем, что они составили четыре символа, в которых было исключено слово «единосущный». Но главной своей целью ариане считали окончательное низложение верженцев, решил тайно оставить город и передать свое дело на суд всего христианского мира.

Из своего тайного убежища он послал к епископам всех Церквей воззвание, в котором описывал действия ариан. «Не мне одному нанесено оскорбление, – писал он, – но всем вам. Нарушены правила, отцами преданные; страждет вера, проповеданная Господом и Его апостолами. Если виноват епископ Александрийский, его должны судить православные епископы, а не еретики. Если он будет признан недостойным престола, надо избрать на его место из той же Церкви, а не отвне привести с воинскою силою никому не угодного Григория». Но слова истины и справедливости раздавались тщетно в стране, где ариане были всемогущи и где император был всегда готов их поддержать, что бы они ни делали. Афанасий решил отправиться на Запад.

Там он нашел сильных защитников в лице императора Константина и Римского епископа Юлия. Тот, узнав еще до прибытия Афанасия о незаконных действиях ариан, через послание египетских епископов, созвал Собор. Он послал приглашения во все города, но долго и тщетно ждал арианских епископов, которые только укоряли его за то, что он имеет общение с осужденным Афанасием. Наконец Юлий решил обсудить дело без них, но при участии пятидесяти епископов, между которыми находились изгнанники из Фракии, Иллирии, Палестины и Египта. Афанасий был оправдан вполне. Он стал жить в Риме, где ему оказывали величайшее уважение. Все римское христианское общество удивлялось чистой, строгой жизни свт. Афанасия, через него знакомились с подвигами восточных отшельников, мало известными на Западе. Его назидательное слово пробуждало стремления к самоотверженному служению Богу.

Вполне преданный воле Господней, Афанасий переносил терпеливо свои бедствия, но его очень огорчали вести из Александрии. Положение православных было там крайне тяжелым. Григорий открыл гонение на всех епископов, не соглашавшихся быть в общении с ним. Святой исповедник Потаммон был истерзан до смерти; множество епископов сослано в заточение и замещено арианами. У бедных, призреваемых Церковью, отняли содержание. Особенно страдали все те, которых подозревали в преданности Афанасию. Умерла в Александрии его сестра; Григорий запретил ее хоронить, и христиане должны были втайне и с опасностью для жизни предать ее тело земле. Все эти незаконные действия совершались под защитой военной силы.

Так продолжалось уже целых пять лет. Страдания христиан усиливались с каждым годом, и ересь Ария все больше и больше распространялась на Востоке. Наконец западный император Констанс решил открыто заступиться за Афанасия, зная, как несправедливы гонения, которым тот подвергался. При свидании с братом он убедил его созвать общий Собор для рассмотрения обвинения, чтобы, если Афанасий окажется правым, вернуть его в Александрию. Констанций согласился, и Собор был созван в Сардике, находившемся на границе владений обоих из братьев. Съехалось 170 епископов, среди которых были самые уважаемые на всем Западе. Прибыли и враги Афанасия. Но как только они убедились, что большинство бывших на Соборе склоняется в пользу Афанасия и что представляются неопровержимые доказательства против них самих, то внезапно оставили Сардику под ничтожным предлогом и в другом городе составили свой Собор, на котором и осудили Афанасия. Город Филиппополь, где это происходило, находился во владениях восточного императора. Поэтому ариане чувствовали себя сильными и не стеснялись в средствах. Тех из епископов, которые не соглашались с ними, они отправляли в заточение, многих приверженцев Афанасия предавали смертной казни, в Александрию послали повеление лишать жизни тех из православных епископов, которые бы туда явились. Все это делалось с дозволения

и при содействии Констанция, который из боязни брата не решался открыто объявить себя противником Афанасия, но втайне поддерживал все, что предпринималось ему во вред. Ариане прибегали к самым низким, позорным средствам, чтобы очернить в его глазах православных епископов. И император, вполне веря им, был только послушным орудием их воли.

Между тем Собор в Сардике, тщательно разобрав все обвинения, полностью оправдал Афанасия. Более того, установил не принимать другого Символа веры, кроме Никейского. Император Констанс тогда стал настоятельно требовать от брата, чтобы он возвратил Афанасия из ссылки, грозя, в случае отказа, силой оружия восстановить пастыря, желаемого всей паствой. Констанций устранился угроз брата и написал к Афанасию письмо, в котором приглашал его возвратиться. Но в то же время он не отменил своих прежних указов против православных, и, если бы Афанасий, поверив его письму, поехал в Александрию, его жизнь была бы в опасности. Он медлил ехать; Констанс настаивал, повторяя свои угрозы. И Констанций, боясь войны, написал еще два письма, в которых настоятельно просил Афанасия возвратиться, торжественно уверяя в безопасности и в своем расположении. Тогда он уже и отменил все распоряжения против православных и предписывал гражданским властям в Египте оказывать Афанасию всякое уважение. Пока все это происходило, арианский епископ Григорий Александрийский скончался в 345 г. Только тогда Афанасий поехал в Александрию. Его возвращение было настоящим торжеством: народ с радостными восклицаниями толпился вокруг мужественного страдальца, скитавшегося в изгнании более семи лет, паства ликовала. В Антиохии Афанасий виделся с императором, и благосклонность, оказанная ему Констанцием, устранила даже самых отъявленных его врагов. Они теперь с наглой угодливостью искали примирения с ним, отреклись от своих прежних действий и письменно осуждали то самое учение, за которое стояли. Все это делалось из страха и с затаенной ненавистью, которая должна была опять вспыхнуть при удобном случае.

Афанасий хорошо знал своих противников и не верил им. Но вся его деятельность теперь была посвящена пастве. Он ревностно старался уврачевать зло, которое нанесли ей ариане. Объяснениями истинного учения, силой назидательного слова он старался вернуть заблудившихся и укрепить верных служителей Христа. Много радости доставляла ему любимая паства. Гонения за истину возбудили в ней горячую ревность к вере, Церковь как бы обновилась духом. Пламенной молитвой и усердием ко всякому доброму делу православные выражали свою радость и благодарность Богу. Делались значительные пожертвования на содержание бедных. Каждый дом походил на церковь по благочестию живших в нем и постоянным молитвам, воссылаемым в нем к Богу; везде славилось имя Афанасия. Христианский мир смотрел на него, удерживая за собой только власть приводить в исполнение решение Церкви, но не стесняя свободы обсуждения. «Я епископ внешних дел», – говорил он иногда. Но вовсе не так действовал Констанций. Он оставлял за собой право разрешать самовластно все богословские вопросы и силой поддерживал свои решения. Теперь он велел обнародовать в виде указа исповедание веры, сочиненное им самим под руководством ариан и которое он выдавал за вдохновенное свыше. Это исповедание возбудило в народе сильное негодование¹⁴².

Сам Констанций (за завесой) присутствовал на заседаниях Собора, чтобы направлять их согласно своей воле. Нашлись, однако, некоторые мужественные епископы, которые не побоялись стоять за правое дело. Люцифер, епископ Сардинского города Кальяри, смело обнаруживал недобросовестность обвинителей Афанасия и решительно отказался подпи-

¹⁴² В 353 г. после ряда междоусобных войн Констанций оказался единодержавным хозяином всей империи и сразу показал, что его примирение с Афанасием объяснялось только в прошлом неблагоприятными для императора обстоятельствами. Ариане и полу-ариане оказались послушными любым колебаниям государственной власти, в отличие от никейцев, гонения на которых возобновились с новой силой. В 352 г. умер Римский епископ Юлий, и его сменил Либерий; от него Констанций потребовал созыва нового Собора и осуждения Афанасия, даже вопреки собственному рескрипту.

сать осуждение. Тогда Констанций, в страшном гневе, внезапно явился среди собрания. «Я сам обвинял Афанасия! – воскликнул он. – Для меня поверьте им».

– Противно правилам Церкви осуждать отсутствующих и входить в общение с еретиками, – возразил Люцифер.

– Моя воля – вот для вас правило! – воскликнул гневно Констанций. – Повинуйтесь моему требованию, или я вас всех сошлю в ссылку. – И при этом он вынул меч.

Многие уступили, но Люцифер, Евсевий Верцельский, Дионисий Миланский остались тверды и были сосланы в заточение в далекие страны. С ними обращались чрезвычайно жестоко. В Милане был назначен епископом арианин Авксений, и во все города было послано епископам повеление подписать осуждение Афанасия под угрозой низложения и ссылки.

Римский епископ Либерий не присутствовал на Миланском Соборе и твердо стоял за Афанасия. Констанций, желая склонить его на свою сторону, послал к нему своего любимого внука с дарами. Либерий отверг дары и сказал посланному: «Пусть соберется правильный Собор, без страха мирских судей, с одним только страхом Божиим и канонами апостольскими; пусть примет Символ Никейский, и тогда мы рассмотрим дело Афанасия». Евнух положил привезенные дары на гробницы апостолов, Либерий приказал их выкинуть, как цену крови. Тогда Констанций прибегнул к силе. Чтобы не произошло волнения в Риме, он ночью велел схватить Либерия и привезти его к себе в Милан. Тут он стал с угрозами убеждать его подписать низложение Афанасия.

– Государь, – сказал епископ, – суды церковные должны быть правдивы, а Вселенская Церковь признала Афанасия невинным.

– Дерзаешь ли ты один возноситься против всего мира? – воскликнул Констанций с гневом.

– Если останусь и один, истинная вера не погибнет, – возразил Либерий. – В Вавилоне три отрока ее поддержали.

Царь стал угрожать епископу.

– Соглашайся, – говорил он, – и возвратишься в Рим, иначе пошлю тебя в заточение. Даю тебе три дня, чтобы решиться.

– Я уже простился с братьями в Риме, – отвечал Либерий, – три дня или три месяца не переменят моего решения. Посылай куда хочешь.

Либерия сослали в заточение во Фракию, а вместо него назначили в Рим другого епископа, Феликса, которого, однако же, народ не признал. В Риме произошли смуты и волнения. К сожалению, епископ Либерий не выдержал до конца своего подвига, и через три года заточения согласием на арианское исповедание купил позволение возвратиться в Рим.

Такое же печальное малодушие проявил и Осия Кордовский, который до той поры был твердым защитником Афанасия. Вся Церковь уважала его. Когда Констанций стал увещевать его подписать осуждение, он отвечал: «Государь, я претерпел мучения за веру при Максимине; я готов страдать и теперь; но не подпишу осуждения Афанасия, которого Церковь признала правым».

Констанций сослал и Осию в заточение в Сирмиум, где держал его больше года. Истолченный страданиями и болезнью, столетний старец согласился подписать неправославный символ, но осудить Афанасия не согласился. Уступки Либерия и Осии глубоко опечалили верующих, но, скорбя об их слабости, они все-таки с благодарностью вспоминали их прежние заслуги.

Что же в это время делал Афанасий? Конечно, он знал опасность, грозившую ему, но, твердый и неустрашимый, весь преданный своему служению, он спокойно правил Александрийской Церковью. Он старался приготовить паству к предстоявшему гонению и поучениями внушил ей твердость и непоколебимое упование на Всемогущего Бога. Вскоре после

Миланского Собора в Александрию был прислан царский сановник с требованием, чтобы Афанасий оставил свою Церковь; однако сановник не предъявил письменного повеления от императора. Афанасий же имел несколько писем, в которых Констанций, находясь еще под страхом брата, уверял его, что он до конца жизни останется в Александрии. Афанасий имел полное право опираться на эти уверения и отвечал, что не может оставить паству без письменного на то повеления. Но буря на него уже надвигалась. Начальник войск в Египте получил повеление содействовать мерам, предпринимаемым против Афанасия, но епископу все не было повеления удалиться, и гражданские власти не смели ничего предпринимать без приказа. Они страшились волнения в народе, преданном епископу. Город находился в тревожном ожидании.

Так прошел еще месяц. Наконец, в ночь с 8 на 9 февраля 356 года, когда служил епископ, до пяти тысяч вооруженных воинов окружили церковь, которая была полна народа. Афанасий понял, что пришли за ним и, не желая никого подвергнуть опасности, велел диакону читать псалом 135: «Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость его», а народу, припевая, расходиться по домам. Но народ не захотел оставить его. Воины ворвались в церковь, пустили несколько стрел, которые ранили молящихся, окружили святилище. Посреди шума и смятения епископ спокойно продолжал священнослужение, и народ, толпясь вокруг любимого пастыря, повторял единодушно вдохновенные слова Псалмопевца, выражавшие непоколебимое упование на милость Божию. На виду у торжествующей силы Церковь утешалась воспоминанием о вечной милости Господа, Который сотворил чудеса великие, вывел народ Израиля из Египта, Который помнит униженных и избавляет их от врагов, «ибо милость Его вечна!» Каким всеильным утешением звучали теперь эти слова! Наконец епископ произнес отпустительную молитву, и народ начал расходиться. На своем возвышенном месте Афанасий ждал, пока народ выйдет, но священнослужители увлекли его за собой. Ночная темнота и теснота на улицах помогли ему скрыться от преследовавших воинов, которым велено было захватить Афанасия живым или мертвым. Он некоторое время скрывался в самом городе, в окрестностях и, наконец, при помощи друзей, достиг пустыни.

Его везде усердно искали, входили в дома, обыскивали сады, окрестности города, гробницы. Голова его была оценена, везде были разсланы строжайшие указы против укрывателей, правители областей получили повеление употребить все меры, чтобы его отыскать. Казалось, что поимка Афанасия была самым важным государственным делом. Царь писал даже к правителям Абиссинии, требуя от них выдачи Афанасия на случай, если он стал бы искать убежища у посвященного им епископа Фрументия.

Но Афанасий, исчезнув на целых шесть лет, был безопасен среди суровой пустыни. Его охраняла любовь и преданность отшельников. Огромные египетские пустыни, горы и бесплодные равнины, окрестности самой Александрии, заселялись в ту пору толпами иноков и отшельников. Все они были горячо преданы Афанасию и готовы даже до смерти стоять за твердого защитника истины, слава которого гремела и в пустыне. Воины тщетно обыскивали монастыри и отшельнические келии; все иноки стояли на страже. Едва возникала опасность, Афанасия немедленно извещали о ней и препровождали далее в пустыню. Таким образом, он смог в течение шести лет скрываться от преследователей. Великий епископ любил пустынную жизнь с ее лишениями и трудами, подвигами самоотречения удивлял самых суровых отшельников и внушал им глубокое уважение.

В Александрии между тем православные терпели все ужасы страшнейшего гонения. Народ принес императору жалобу на случившееся в храме и убедительно просил возвратить Афанасия. «Если есть повеление нас преследовать, то мы все готовы сделаться мучениками, – писали христиане, – но просим, чтобы не давали нам другого епископа, ибо мы готовы до смерти стоять за Афанасия, которого Бог даровал нам изначально».

Это прошение было оставлено без внимания, и вскоре получено от императора повеление отдать все церкви арианам. Из них выносили утварь, святой алтарь, завесу, епископский престол и перед вратами храма сжигали все, как нечистое. Вскоре явился в Александрию и новый епископ Георгий, человек грубый, необразованный, заботившийся только о своих денежных выгодах. Народ принял его с громким ропотом, гонение еще усилилось. Самая страшная участь постигла православных, и особенно тех, кого подозревали в преданности Афанасию. Грабили и сжигали их дома, подвергали истязаниям, ссылали в заточение или на тяжкие работы в аравийские рудники. Православные, лишённые церковей, собирались по ночам на кладбищах для богослужения, как во время гонений от язычников. Но и тут Георгий нападал на них с военной силой и предавал пыткам и казни всех, кого мог захватить. Самые священные дни Поста и Пасхи не были уважены: обыски, допросы, пытки и казни не прекращались. Всех египетских епископов, которые не соглашались на общение с арианами, сослали в дальние страны. С ними обращались крайне жестоко, и многие умирали по пути, не достигнув места изгнания. В их епархии назначались ариане. Сам Георгий не входил в вопросы о вере; он был до того необразован, что едва имел какое-нибудь понятие о христианском учении. Он думал только о выгодах и обогащался притеснениями и грабежом. Но при нем были два его приятеля, Аэций и Евномий, которые довели арианское учение до последней крайности нечестия, ревностно распространяя свои мнения. Таким образом, несчастный Египет терпел все бедствия. Года через два народ александрийский, выведенный из терпения притеснениями Георгия, заставил его удалиться, но царь опять восстановил его силой оружия; и положение православных еще больше ухудшилось.

Во всех других областях империи свирепствовало то же страшное гонение на православных, везде нарушалось древнее право избрания. Во многих городах было по два епископа, везде Церковь волновали раздоры. Ариане употребляли против православных все оружие: клевету, подкуп, силу; везде распри, споры, вражда заменили любовь и мир, завещанные Христом. Епископы не могли заниматься своими обязанностями, их то и дело призывали на соборы, которые собирались беспрестанно. На этих соборах голос православных епископов не имел никакого веса, ибо все было решено заранее. Им предстояло или опозорить себя постыдной уступкой, или сделаться исповедниками за истину. Самые достойные пастыри Церкви томились в изгнании и в жестоком заточении. В Иерусалиме, после смерти Максима, был избран Кирилл, муж исполненный веры и благочестия. Вначале ариане надеялись, что он будет на их стороне, но как только увидели, что ошиблись, то стали его преследовать и клеветать на него. Кирилл был очень милосерд к бедным; раздав уже все свое имущество, он во время голода продал некоторые церковные вещи, чтобы прокормить неимущих. Это послужило арианам предлогом к обвинению; Кирилла низложили и изгнали.

Антиохийская Церковь особенно страдала от внутренних раздоров. После изгнания Евстафия его приверженцы составили свое общество, назвались евстафианами, не захотели ни признать арианского епископа, ни молиться с теми, кто признавал его. Наконец, так как Антиохия была некоторое время вовсе без пастыря, потому что арианина Евдокса перевели в Константинополь, православные и ариане совместно избрали Мелетия, бывшего епископа Севастии. Православные знали его как человека благочестивого. Но и при дворе одобрили это избрание, потому что ариане считали Мелетия своим; обе партии с нетерпением ожидали его первой проповеди в церкви. Мелетий произнес ее в присутствии самого императора, и слова его были твердым и ясным исповеданием православного учения. Православные радовались, но ариане очень скоро нашли возможность свергнуть Мелетия, и он получил повеление удалиться в Армению. Эта мера произвела волнение в народе, который успел полюбить пастыря. Когда правитель города повез епископа, то Мелетий должен был приккрыть его своей мантией, чтобы защитить от камней, которые бросал в него народ. Акт об избрании Мелетия хранился у Самосатского епископа Евсевия; царь велел вытребовать у него эту

бумагу. Евсевий отказался ее выдать; ему грозили отсечь руку. «Отсеките обе руки, – отвечал достойный Евсевий, – но общего определения об избрании не выдам, разве когда все избравшие потребуют его». Место Мелетия заступил отъявленный ариан, Евзой, но православные не захотели иметь с ним общение. Впоследствии, уже в следующем царствовании, Люцифер Кальярский посвятил для них третьего епископа, Павлина, но от этого раскол еще больше усилился. Приверженцы Мелетия не хотели признавать Павлина, евстафиане не хотели иметь ничего общего ни с мелетианами, ни с павлинианами. Ариане составляли четвертую сильную партию, лжеучитель Аполлинарий тоже составил свое общество. Куда девался мир, завещанный Христом ученикам Своим? Всего через сорок лет после Константина Великого Церковь лежала раздавленная у ног его сына.

Из страдальцев за истину назовем еще Илария Пуатьевского и Серапиона Тмуитского. Оба с твердостью стояли за Никейское исповедание, оба отстаивали невинность Афанасия, и оба за то претерпели изгнание и заточение. В своем изгнании они много писали в защиту истинного учения. Иларий, в молодости язычник, обращенный чтением Священного Писания, ревностно служил Богу. Он был епископом в городе Пуатье в Галлии и там много заботился о распространении веры: писал, составлял духовные песни. Притеснения и насилия в деле веры сильно возмущали его. Он писал императору: «Если бы и в пользу истинной веры стали употреблять подобное нынешнему насилие, то епископы, следуя евангельскому учению, воспротивились бы и сказали: Бог есть Владыка вселенной. Он не требует невольной Себе покорности. Ему не угодно вынужденное поклонение».

Между тем ариане разделились в своем учении. С самого начала было между ними некоторое разногласие в мнениях, но, занятые борьбой с православными, они соединили против них все свои силы и не поднимали спорных вопросов. Теперь же, когда, как им казалось, враги были побеждены, их разногласия обозначались с большей резкостью. Некоторые из ариан шли дальше самого Ария в богохульных мнениях, как Аэций и Евномий; другие, как Македоний, отвергали Божественность Духа Святого; третьи старались в некоторых мнениях сблизиться с православными и называли себя полуарианами. Все эти партии спорили, враждовали между собой, обвиняли и осуждали одна другую на многочисленных соборах. Епископов возводили и низлагали, в зависимости от того, какая партия брала верх и умела вкратце врасположение Констанция или, скорее, его придворных. В противоположность всем этим разногласиям яснее представляется внутреннее единство учения Святой Апостольской Церкви, гонимой, бедствующей, но постоянно побеждающей силой истины и пребывающего в ней Духа Святого.

Чтобы примирить враждующие партии, Констанций хотел созвать Вселенский Собор, но это не получилось. Были созваны в одно время два собора: один для западных епископов в Римини, другой для восточных в Селевкии. Спорили ариане и полуариане, но оба собора имели печальный итог. Обманутые арианами, которые ловко употребляли двусмысленные выражения, отцы соборов подписали неправославный символ, в котором слово «единосущный» было заменено словом «подобосущный». Те из епископов, которые не соглашались, были отправлены в ссылку.

Во все это время Афанасий не оставался праздным в своем убежище. Он постоянно следил за делами Церкви, о которых через друзей получал известия, и на все возникшие вопросы отзывался из пустыни. Он писал увещания к своей любимой пастве, в письмах к Серапиону излагал истинное учение Церкви о Божестве Святого Духа, в «Четырех словах против ариан» с великой силой обличал и опровергал лжеучение, описывал действия ариан, некоторые соборы¹⁴³. Верующие принимали с радостью каждое его слово как победонос-

---

¹⁴³ В это время свт. Афанасий написал уничтожающую для императора «Апологию Констанцию» и «Историю ариан», где вскрыл всю богословскую сущность посленикейской смуты.

ное оружие против лжеучений. Таким образом, он в глубине пустыни жил и действовал на общую пользу, и меры насилия не вредили истине; она распространялась вопреки всему. «Изгнанные пастыри, – писал Афанасий, – обратили самое заточение в пользу своего служения.

Проходя страны и города, они благовествовали истинную веру, хотя и были в узах; обличали Ариеву ересь. Таким образом, выходило противное тому, чего желали гонители. Чем далее было место заточения, тем более возрастало отвращение к арианам, и самое заточение было проповедью против арианства».

Не одни волнения и раздоры, произведенные арианами, нарушили мир Церкви. В Африке не прекращался раскол донатистов. Раздраженные некоторыми строгими мерами, донатисты дошли до крайнего исступления. Величая себя единой апостольской Церковью, они предавали анафеме православных, не признавали никаких епископов, кроме своих, и силой оружия поддерживали свои притязания. Напрасно Соборы старались вразумить донатистов и вернуть их Церкви. С каждым годом их упорство усиливалось. Разделившись на секты, они враждовали между собой и производили страшные беспорядки; целые селения восставали одно на другое под предлогом борьбы за чистоту веры. Толпы неистовых поселян, называвшихся циркумцеллианами, бродили по всей стране с мечом и огнем: жгли, грабили, резали, восставали против всякой власти, против всякого установленного порядка. То с неистовыми кликами, то с пением гимнов совершали они страшные жестокости и, наконец, в порыве дикого изуверства, просили себе смерти, сами бросались на мечи, считая смерть от руки врага желанным жребием и священным мученичеством, которое доставит им венец славы. Силой оружия волнения, производимые циркумцеллианами, на некоторое время умилили, но раскол в Африке продолжался еще долго.

В Персии Церковь тоже перенесла страшное гонение. Персидский царь Сапор сначала смотрел довольно равнодушно на распространение новой веры в своей империи, и число христиан быстро умножалось. Но персидские волхвы (или маги) и иудеи ненавидели их, и когда между Сапором и Констанцием разгорелась война (343), то они старались представить христиан предателями и уверяли царя, что они сообщают врагам все, что делается в Персии. Тогда Сапор стал жестоко преследовать всех, кто не соглашался отречься от христианской веры. Однажды он призвал к себе Ктезифонского епископа Симеона и стал убеждать его отречься от Христа и поклониться солнцу и огню. Симеон отказался: «Пока я мог исполнить повеления твои, не изменяя Богу, я во всем был тебе покорен; но если ты требуешь, чтобы я поклонился солнцу, то я лучше согласен умереть, ибо это противно заповеди Господней».

Сапор осудил епископа на смертную казнь. Выходя из дворца, Симеон встретил бывшего воспитателя царя, Усфазада. Тот был когда-то христианином, но недавно, из угодливости царю, изменил своей вере; он жил при дворе в великом почете. Увидев Симеона, Усфазад встал и поклонился, Симеон же, отвернувшись, стал укорять его за отступничество. Слова епископа запали в сердце Усфазада и пробудили в нем раскаяние; он заплакал. «Если от меня отвернулся Симеон, – подумал он, – то как взглянет на меня Создатель мой, от Которого я отрекся?» Он тотчас же пошел к царю и сказал ему: «Я вдвойне виноват: перед тобою, которого обманул притворным исповеданием, согласясь из страха поклониться солнцу, и перед Создателем моим, от Которого я отрекся. Каюсь в этом и отселе хочу поклоняться Создателю, а не созданию».

Сапор изумился и стал увещевать старца не печалить его и не идти на верную смерть, но Усфазад спокойно выслушал приговор, не молил о пощаде, а просил только объявить всенародно, что он умирает за исповедание христианской веры. Он хотел этим поправить грех своего отступничества и ободрить христиан своим примером. Царь же охотно согласился, думая, что христиане устроятся, когда увидят, что он не пощадил даже любимого наставника.

Христиане, напротив, обрадовались, когда узнали, что Господь опять призвал к себе отрекшегося Усфазада. Старца казнили, и христиане стали безбоязненно готовиться к смерти. В Великую Пятницу вывели на казнь, вместе с Симеоном, до ста христиан, большей частью из духовенства. Симеон ободрил их, напомнив про вечную жизнь. Один только престарелый пресвитер обнаружил некоторую боязнь. Царский сановник, присутствовавший здесь, сказал ему: «Недолго, старец, тебе страдать, закрой глаза и мужайся, ибо скоро увидишь свет Христов». Из этих слов узнали, что и сановник – христианин. Донесли об этом царю, который повелел казнить сановника и его дочь. Все скончались, славя Господа.

Гонение все усиливалось. Предали казни двух сестер Симеона, обвинив их в волшебстве. А через год после этого, в день Пасхи, до тысячи христиан были казнены за свою веру; в числе их находился любимец царя, евнух Азат. После этого гонение несколько смягчилось, но впоследствии возобновилось опять. Историки считают, что в долголетнее царствование Сапора казнили около 300 лиц духовного звания и до 16 000 мирян.

Сила христиан обнаружилась не только в твердости их среди гонений. Сапор был изумлен их мужеством, когда (в 348 году) стал осаждать сирийской город Низибю, прежде уже не покорившийся его полчищам. Низибийский епископ, св. Иаков, и его ученик Ефрем увещаниями ободряли осажденных. С молитвой и пением псалмов обходили они стены города, и Бог чудесным образом помог верным Своим служителям. Внезапно облако насекомых налетело на вражье войско; лошади и слоны, бросившись в стан, произвели страшное смятение. Персидскому войску представился призрак самого императора, сражавшегося будто на бойницах; оно упало духом. Военачальники были принуждены снять осаду, и персы удалились.

Тяжкое гонение вытерпели христиане и в Армении. Находившаяся среди двух сильных держав, греческой и персидской, волнуемая междоусобиями после смерти Тиридата, Армения должна была искать покровительства соседей. И как только отдавала предпочтение одной из враждующих между собой держав, то подвергалась нападению со стороны другой. Особенно страдала она от персов, которые старались возвратить ее к прежней вере, огнепоклонству. Когда в 340 году Сапор стал жестоко преследовать христиан, то в Армении сжигались христианские книги, и персидские маги обходили всю страну, под страхом смерти принуждая христиан к отречению. В этих трудных обстоятельствах истинным отцом своей паствы и спасителем отечества был армянский патриарх Нерсес, справедливо прозванный Великим. Он умирал междоусобие, внушал бодрость упавшим духом, наставлял, увещевал, однажды своим посредничеством даже помирил с армянским царем греческого императора, который уже собирался послать свои войска в Армению; в другой раз умолил императора подать помощь несчастной стране. Великий патриарх умер от яда, по приговору недостойного царя Папа (384).

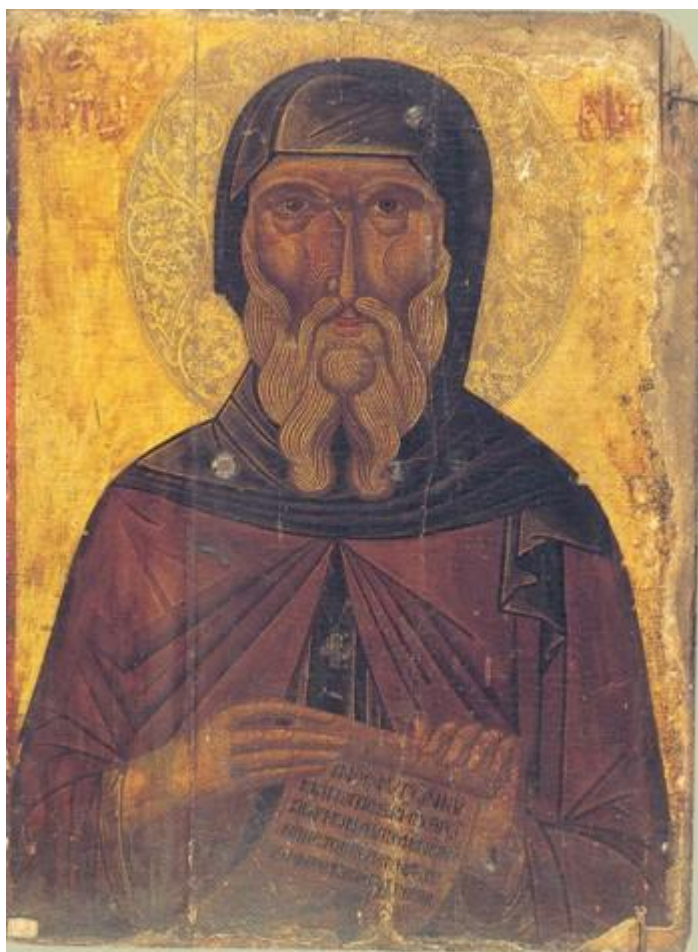
Не забудем упомянуть, что при Констанции же (в 351 году) было в Иерусалиме чудное знамение. Седьмого мая, около третьего часа дня, явился над Голгофой и до горы Елеонской большой сияющий крест. Все христианское население города поспешило в церковь, чтобы воздать хвалу Богу. Святой епископ Кирилл в послании к царю описал это чудное явление, и Церковь положила праздновать ежегодно память об этом событии.

Святой Кирилл Иерусалимский, скончавшийся в 386 году, оставил несколько назидательных сочинений. Особенно замечательны его «Огласительные поучения», содержащие изложение догматов веры, объяснение Таинств и описание церковных обрядов. Эти сочинения весьма важны для Православной Церкви, ибо мы в них можем найти подтверждение того, что и донныне хранятся в чистоте постановления и обычаи древней Церкви.

Глава XXV

Подвижники Египта, Палестины и Сирии

Пустынное подвижничество, начало которому было положено среди гонений, быстро развилось в IV веке. Развилось и иночество; возникло много обителей и пустынных, отшельнических келий. Отрекаясь от мира и всех его радостей, ревностные христиане удалились в пустыни, чтобы в постоянной молитве устремлять к Богу все чувства и помышления свои и всецело покорить Ему свою волю. Этим трудным путем отречения они служили святой истине, ибо примером доказывали суетному миру силу своей веры, для которой жертвовали всем, утверждали превосходство благ духовных над всеми земными благами. Отказавшись от мира, они находили высшую отраду в близости души к Богу. Пример их действовал сильно, и пустыни заселялись все больше и больше.

Преподобный Антоний Великий. Икона. Критская школа. XVII в. ГЭ

Мы уже рассказывали, как Антоний Великий, следуя евангельскому слову о добродетельной нищете ради Христа, отказался от богатства и ушел в пустыню. Он испытал, как трудна избранная им жизнь, и только после многих лет постоянной молитвы и борьбы с самим собой достиг душевного спокойствия, приобрел власть над помыслами. К этому времени пустыня уже заселилась великим множеством подвижников. Они приходили к Антонию и умоляли его быть их постоянным руководителем. Антоний полюбил одиночество и долго не соглашался, но наконец просьбы подвижников превозмогли. Он оставил полуразвалившуюся башню, которая служила ему жилищем и, после 35 лет одиночества, согласился быть руководителем пустынников. Антоний, получив от Бога чудотворную силу, молитвой

исцелял больных, утешал, назидал всех простым, горячим словом, учил любить Бога более всего на свете. Он говорил о величии небесных благ, о милосердии Бога, не пощадившего для спасения людей и Единородного Сына Своего, проповедовал взаимную любовь и сам доказал на деле, что долгое одиночество не погасило в нем чувства любви к ближнему и что участь братьев всегда близка его сердцу. В самом разгаре гонения при Максимиане Антоний посетил Александрию. Там он сопровождал мучеников на место казни, молился с ними, ежедневно подвергаясь опасности. Господь сохранил его, и он возвратился в пустыню. Когда ересь Ария в конце царствования Константина стала быстро распространяться, Антоний опять оставил пустыню, чтобы противодействовать лжеучению, которое возбуждало в нем негодование. «Сама природа содрогается, видя, что Творца равняют с тварью, – говорил он. – Арий Безначальному положил начало; Бесконечного и Неограниченного представляет конечным и ограниченным». Слава Антония была уже тогда очень велика, и появление его в Александрии произвело сильное действие. Народ толпился вокруг великого пустынножителя, с жадностью внимая его поучениям. Он смело обличал ересь, творил много чудес и возвратил многих заблудившихся на путь истины. Святитель Афанасий, описавший жизнь Антония, говорит о появлении его в Александрии как о торжестве Православия. Антоний всегда твердо стоял за Афанасия и письменно защищал его перед императором, но это осталось безуспешным.

Когда вокруг Антония уже собралось великое множество подвижников, то стали образовываться монастыри, в которых вместе жили несколько братьев. Другие подвижники жили в отдельных, пустынных кельях. Они постоянно молились и занимались рукоделием: плели корзинки из пальмовых ветвей, рогожи и циновки. В ближайшем городе их изделия менялись на хлеб и потребное для жизни. Так пустынники получали необходимое, но часть заработанного отдавалась в помощь бедным. Потребности братьев были самые умеренные. Они держали строгий пост, носили самую простую одежду, не имели собственности. Руководя иноками, Антоний не давал им внешних правил для жизни: уставы должны были образоваться впоследствии, по мере надобности. Он же беседовал с братьями, как отец с детьми, старался внушить им смирение, любовь к Богу и ближним. Впоследствии написал несколько поучений, которые дошли до нас.

«Для познания всех правил жизни, – учил Антоний, – достаточно Священного Писания. Но великую пользу принесет и то, если братия будут соутешаться взаимными поучениями. Вы мне, как отцу, говорите, что знаете, а я вам, как детям, поведаю многолетние опыты. Кто желает всем сердцем обратиться к Богу, того Сам Бог научит, как молиться Ему. Дух Святой ниспосылает Свою помощь по мере ревности к благочестию, по мере того как человек сильно чувствует нужду в пособии и желает получить оное. Молитесь как можно чаще, пойте псалмы поутру, повечеру и в полдень и чаще имейте в руках Священное Писание. Вспоминайте о подвигах, совершенных святыми, чтобы воспоминанием об их примере побуждать душу к добродетели и удерживать от пороков. Будьте незлобивы. Незлобие – источник жизни вечной. Будем обуздывать язык, чтобы не произнести худого слова».

Чаще всего Антоний, и вообще все пустынные наставники, напоминали своим ученикам о смирении; и действительно, из всех искушений подвижнику всего опаснее была гордость духовная. Пожертвовав ради Христа всем в мире, он мог легко прийти к убеждению, что сделал очень много, и внутренне величаться подвигом своим, как заслугой.

«Мы не найдем в мире ничего такого, что бы могло сравниться с обитателями небесными, – говорил Антоний, – потому, отказавшись от земных благ, никто не должен превозноситься, как будто многим пожертвовал. Кто, видя в себе некоторые совершенства, гордится ими, старается оправдать себя делами своими, далек от Бога».

Все подвижники любили прп. Антония, как отца. Он был строг к самому себе, но к ученикам полон любви и снисходительности. «Антоний, хотя и жил и состарился в пустыне, –

писал Афанасий, – однако не приобрел никакой грубости либо дикости, но всегда был ласков и обходителен. Самое лицо его имело необыкновенную приятность и привлекательность. Если кто, не выдав его прежде, приходил к нему в пустыню, то, во множестве иноков, прямо подходил к нему. В его лице отражалась чистота души и обитавшая в нем благодать Святого Духа». Нуждался ли кто в совете, он не отказывал; приходил ли бедный, он отдавал последний кусок хлеба, заработанный тяжким трудом.

Посетители приходили беспрестанно то за советом, то за благословением. Пришли однажды некоторые ученые язычники, которым было любопытно видеть великого пустычника. Они отвергали веру Христову и осмеивали Крест Господень. Антоний вначале старался словами убедить их. В это самое время принесли к нему больных; он помолился, сотворил над ними крестное знамение, и больные внезапно исцелились. Тогда Антоний сказал язычникам: «Не удивляйтесь: это не своею силою мы делаем, а Господом нашим Иисусом Христом. Уверуйте, и вы познаете, что сила наша не искусство слов, а вера, действующая любовью».

Прожив много лет с учениками, Антоний стал опять желать уединения. Молва и многолюдство были ему тягостны. Он видел, что из его учеников многие уже достигли такой степени духовной опытности, что не нуждаются в его наставлениях, а могут сами руководить других. Он решил удалиться. Однажды, взяв с собой немного хлеба, он пошел к реке ждать лодку, чтобы отправиться в Фиваиду. Вдруг слышится ему голос: «Куда ты хочешь бежать?» – «В Верхнюю Фиваиду», – отвечал он. «Поплывешь ли вверх, в Фиваиду, или вниз, в Буколию (взморье при впадении Нила), тебе не будет покоя; иди во внутреннюю пустыню». Антоний послушался и пошел в пустыню Фиваидскую, лежавшую недалеко от Черного моря. Шел он три дня и достиг высокой каменной горы; с вершины ее открывался обширный вид на горы Хорив и Синай, на просторную пустыню и на плодоносные равнины Египта. У подошвы горы журчал ручей, осененный пальмами. Антоний поселился на горе, устроив себе тесную келию. Отсюда он довольно часто посещал свой первый монастырь, называемый Писпер, а у себя всегда с радушием и любовью принимал посетителей. Когда он очень состарился, то принял к себе на жительство некоторых учеников. Один из них известен под именем Павла Препростого. Так звали его за смирение и простоту душевную. Он этим угодил Богу и сподобился дара чудотворения. Еще с одним Павлом встретился Антоний в Фиваидской пустыне.

Подвижнику так трудно совершенно уберечься духа гордости, что и сам Великий Антоний однажды подпал этому искушению. Ему пришла мысль, что он первый и совершеннейший пустычник в целом Египте. Но Господь в ту же ночь открыл ему, что в некоем пустынном месте есть подвижник, который долгие годы служит Богу и угодил Ему своей жизнью, хотя Антоний уже семьдесят лет жил в пустыне. Как только настало утро, Антоний взял свой посох и отправился в путь, чтобы найти того, о ком ему открыл Господь. Он шел три дня по песчаной, знойной пустыне, не встретив и следа человеческого. Достиг он края Фиваидской пустыни; вдруг видит быстро бегущую гиену. Он последовал за ней и пришел к пещере.

Услышав его шаги, кто-то поспешно затворил пещеру. Антоний пал на колени и воскликнул: «Умоляю тебя, раб Христов, отвори мне; я знаю, что я недостойн видеть лицо твое; но не отойду, пока не явишь себя мне, ибо Сам Бог известил меня о тебе».

Пещера отворилась, показался отшельник, и два старца, никогда не выдавшиеся, назвали друг друга по имени и обнялись с любовью. Фиваидским отшельником был Павел, бежавший при гонении Декия. Уже 91 год жил он в пустыне и не видал лица человеческого. Он был радостен и спокоен; ему исполнилось уже 113 лет. Он стал спрашивать Антония о том, как теперь живут в мире, есть ли еще идолопоклонство, преследуют ли христиан; потом стал рассказывать о себе. Пока старцы беседовали, прилетел ворон и положил перед ними

хлеб. «Щедр и милостив Господь, – сказал Павел, – Он ежедневно присылает мне полхлеба, а ныне, ради твоего прибытия, прислал целый».

Старцы провели всю ночь в беседе и молитве. Наконец Павел сказал: «Я давно знаю, что ты живешь в пустыне, и желал бы потрудиться с тобою; но теперь время моей кончины близко, и я благодарю Бога, что Он прислал тебя. Молю тебя, сходи к себе и принеси мантию, которую дал тебе епископ Афанасий».

Антоний удивился, что Павлу это известно. Слова старца о близкой кончине огорчили его; ему не хотелось его оставить, не хотелось и отказать в просьбе. Он поспешно отправился к себе и, взяв мантию, поспешил назад к Павлу. Удивленные ученики хотели его удержать, расспрашивали его, но он только сказал им: «Я монах лишь по имени, я видел Илью, я видел Иоанна в пустыне, я видел Павла в раю». Не дав себе времени отдохнуть, шел он быстро по знойной пустыне. На следующий день, во время пути, представилось ему чудное видение. Он увидел между ликами апостолов и пророков радостную душу Павла, которую Ангелы несли на Небеса. Он зарыдал и пал на землю. «Зачем оставил ты меня, отец святой? – восклицал он. – Зачем я так мало знал тебя?» Однако он продолжал путь. Подойдя к пещере, вдруг видит Павла, на коленях молящегося. С радостным трепетом бросился он к нему, коснулся его, но тут только заметил, что в нем уже нет жизни. Антоний облачил его в принесенную мантию и со слезами вынес тело из пещеры, чтобы предать его земле. Не было у него заступа, но вдруг подошли два льва и когтями вырыли могилу. Похоронив тело пустытника, Антоний взял его одежду из пальмовых листьев и пошел домой. Он дорожил ей, как святыней, и надевал в торжественные дни.

Господь сподобил Антония дивных даров чудотворения и пророчества. За два года перед тем, как начались в Александрии гонения от ариан, он, сидя однажды с братьями за рукоделием, вдруг возмущен духом и потом, упав на колени, долго плакал и стонал. «Что с тобою?» – спрашивали ученики. «Дети мои, – сказал старец, – лучше было бы умереть прежде, нежели сбудется то, что я видел. Грядет гнев Божий на Церковь; она предана будет людям, которые подобны бессловесным. Но не унывайте, чада: как Господь прогневался, так Он же и исцелит, и Церковь воспримет свою прежнюю красоту. Увидите изгнанных восстановленными, только не оскверняйте себя общением с арианами».

Святые Антоний Великий и Павел Фивейский. Средиземноморье, Критская школа. XVI в. ГЭ

Святой пустынножитель скончался 105 лет от роду, в 335 году. Последние годы он не мог уже часто посещать устроенные им монастыри, но писал к братьям поучения, которые дошли до нас. Они дышат любовью и высокой мудростью. За несколько дней до смерти, собрав последние силы, он еще раз посетил монастырь Писпер, чтобы проститься с учениками и дать им последние наставления. Все плакали, умоляли его пробыть с ними последние дни, но Антонию хотелось умереть в своей уединенной келии. Он скончался вскоре после возвращения к себе, завещав ученикам никому не говорить о месте его погребения. Пустынники долго оплакивали своего отца. Ученики, жившие с ним, показывали посетителям келию, в которой он жил; деревья, которые посадил; пруд, который выкопал.

Место, где жил святой Антоний, и теперь показывают путешественникам. Оно обнесено глухой каменной стеной, в которой только одно окно; через это окно приходящего поднимают в корзине. Внутри ограды есть две маленькие церкви.

Пещера преподобного Антония

Когда гонимый Афанасий искал убежища в пустыне, он уже не застал Антония в живых, но вся пустыня была полна его памяти и славы. Афанасий посетил монастыри, основанные Антонием, и так описал их: «На горах были монастыри, которые, как храмы, наполненные божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которых проходила в пении псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении; людьми, которые всю надежду полагали в будущих благах, которые жили в уединении и удивительной любви, и трудились своими руками не столько для прокормления себя, сколько для пропитания бедных; это была как бы обширная страна, совершенно отдельная от мира, счастливые обитатели которой не имели другой цели, кроме той, чтобы подвизаться в правде и благочестии. Они не знали ропота и прекословия, они не знали желания делать зла другим, они только соревновались, чтобы предварить друг друга в добродетелях».

Это описание может относиться ко всем монастырям того времени, которые были устроены учениками великого Антония и с его благословения. Все пустыни, все скалистые горы Верхнего и Нижнего Египта скоро заселились целыми толпами подвижников. Недалеко от того места, где жил Антоний, была гора, или пустыня, Нитрийская, называвшаяся так от множества селитры (нитры), которая находилась в озерах. Тут к концу IV века было уже до 6 000 иноков и 50 монастырей. Одним из первых подвижников в этой пустыне стал Аммон, сын богатых и знатных родителей. Он с ранней молодости желал пустынной жизни, но женился по желанию родителей. Его жена имела такую же ревность, как и он, к строгой, подвижнической жизни. Когда их родители скончались, то она устроила у себя в доме общество дев, а он поселился в пустыне Нитрийской. Два раза в год жена посещала его, чтобы принять от него наставления. Вокруг него собралось много подвижников, ибо Аммон славился мудростью. Но, храня глубокое смирение, он сам руководился наставлениями Антония, который посетил его, назначил места для келий братьям, желавших большего уединения. Так устроилась пустыня Келии, в некотором расстоянии от Нитрийской, вскоре заселившаяся иноками. Аммон наставлял их; некоторые его поучения сохранились.

«Помышляй, любезный, – пишет он, – что Господь Иисус Христос, имея неизреченную славу и величие, образ дал нам, да последуем стопам Его. Приняв зрак раба, Он терпел всякие скорби, переносил оскорбления и унижение, *яко овца на заклание ведется, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст Своих* (Ис. 53, 7); со многим бесчестием Он подвергся смерти за нас; все для того, чтобы и мы, если подвергнемся скорбям, мучениям и самой смерти, не унывали, но без ропота переносили бедствия. – Веруй, что весьма полезно для души переносить поношения, бесчестие и унижение, нанесенные ради Христа. Потому охотно и твердо переноси их, помышляя, что ты большего заслуживаешь за свои грехи. Почитай благодеянием, что ты удостоился потерпеть нечто ради Христа и соделаться хотя на минуту участником страданий Господа твоего. И всякий раз, как вспомнишь о нанесших тебе обиду, от всего сердца, искренно молись за них, как за своих благодетелей, и не мысли ничего против них. – Помни, что если Иисус Христос умер за нас и воскрес, и Своею Кровию искупил нас, то и мы должны жить не для себя, но для Господа. – Потому ты не должен следовать своей воле, своему желанию и думать, что от тебя зависит что-либо. Но ты раб Господа и Его только покоряйся воле. – Если ты, оскорбленный кем-либо, чувствуешь, что скорбь и гнев объяли тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока молитвой не умирится твое сердце; и тогда можешь говорить с братом».

Аммон скончался прежде Антония, который, узрев его душу, восходящую на небо, возвестил всем бывшим с ним о мирной его кончине.

В пустыне Нитрийской жили также Макарий Александрийский, Серапион, Пафнутий, Памва, Пиор, Хроний. Вскоре после кончины Аммона возникла необходимость изложить некоторые правила иноческой жизни и поставить начальника над братией. Макарий в кратких словах изложил его обязанности: «Вы, отцы начальники, образцом будьте верным, то кротостью, то строгостью возвышайте души братьев от земного к небесному. От вступающего в монастырь прежде всего должны требовать отречения от богатств земных, и паче всего от гордости, которая бывает достоянием и бедных. Прежде всего, со смирением должны слушать, чтобы никто от вас, братия, не творил своей воли, – это великая и приятная Богу жертва. Будьте готовы на всякое доброе дело; что ни случится с вами, будьте в скорби терпеливы, в делах честны. Никому не платите злом за зло, а старайтесь делать всем добро».

Для удобнейшего надзора иноки разделились на десятки и сотни. Старший инок, называвшийся отцом, аввою, был над ними начальником и отдавал отчет главному авве. Правила жизни были немногочисленны и просты. Определялись часы общей молитвы и занятий иноков. Рукоделие состояло из плетения корзин, рогож и циновок; во время полевых работ иноки могли наниматься у соседних поселян; своего имущества не имел никто. Общим пра-

вилом было то, что до десятого часа (то есть до трех пополудни) иноки в монастырях и отдельных келиях проводили время в молитве, чтении и рукоделии. Потом они собирались на общую молитву, после которой авва давал поучение. Выслушав его, иноки садились за стол, вкушали хлеб, овощи и плоды, а в дни Четырдесятницы – только хлеб и воду. Каждый день они выучивали что-нибудь из Священного Писания. Странноприимство было священной обязанностью. Очень скоро в пустынях устроились обширные странноприимные дома и больницы при монастырях.

Много сведений о подвижниках сообщает Руфин, итальянец из Аквилеи. Он провел шесть лет в Нитрийской пустыне и с удивлением говорит о подвигах тамошних отшельников. Блаженный Иероним, посетивший ее в конце века, называет гору Нитрийскую градом Божиим. Иноки особенно отличались полным отречением от своей воли ради любви к Христу, глубоким смирением, строгостью к себе и горячей, снисходительной любовью к ближним.

Один из знаменитых нитрийских подвижников, Памва, при вступлении в иночество попросил одного отшельника обучить его некоторым псалмам на память, ибо был неграмотен. Тот сказал ему начальные слова 38-го псалма: *Рех, сохранию пути моя, еже не согрешити языком.* «Довольно, – сказал Памва, – я буду изучать этот урок»; и через двадцать лет он говорил другому подвижнику, что едва начинает знать его: настолько он был осмотрителен и осторожен в слове. Кто-то попросил у него наставления, но он сказал: «Будь милосерд ко всем». Сам он охотно готов был терпеть великую нужду, лишь бы успокоить другого. Все уважали Памву, считая его другом Божиим. Иоанн и Паисий Великий, ученики Памвы, прославились святой жизнью.

Макарий Александрийский был одним из замечательнейших начальников в пустынях Нитрийской и Келий. Он в молодости занимался в Александрии торговлей, но и тогда отличался кротостью и чистотой жизни и знал наизусть почти все Писание. Сорока лет он поступил в Нитрийскую пустыню; но прежде заведовал некоторое время Александрийским училищем, что доказывает его высокое образование. Строгий подвижник, но кроткий в обращении с братьями, он славился чудотворной силой и скончался ста лет от роду.

Еще более известен прп. Макарий Египетский, основатель иночества в Скитской пустыне¹⁴⁴.

Он родился простым поселянином и в молодости пас стада. Еще тогда ему хотелось пустынножительства, но, следуя воле родителей, он женился. Вскоре его жена и родители скончались, и он стал жить близ благочестивого старца как его ученик. Келия Макария была недалеко от селения. Господь послал ему трудное испытание: его оклеветали в преступлении. Макарий безропотно перенес незаслуженное обвинение, презрение и укоры поселян, с

---

¹⁴⁴ Макарий Великий, или Египетский, — отец Церкви и учитель монашества. Родился около 301 года в Египте в семье пастуха. После кончины родителей удалился в пустыню, несколько лет состоял учеником и ближайшим сподвижником преподобного Антония Великого. После, по совету святого аввы, отошел в наиболее отдаленные области северо-западной части Египта. К 30-летнему возрасту это был уже многоопытный, преуспевший в духовном подвиге инок, которого именовали «отроком-старцем». Когда святому исполнилось 40 лет, он был посвящен в сан священника и поставлен настоятелем (аввой) иноков, живших в Скитской пустыне. В преподобном Макарии впервые осуществилось практическое преемство от старца к ученику. Преподобный Макарий присутствовал при кончине Антония и получил от того посох – символ монашеского пути, начатого великим учителем. Вместе с этим посохом к Макарию передался и дух Антония, как некогда в Ветхом Завете милость пророка Илии передала благодать его ученику Елисею. След, оставленный Макарием Великим в христианской письменности, также довольно значителен. До нашего времени дошли 50 бесед, семь слов, краткие изречения и другие творения. Они полагают начало традиции аскетических писаний. В последнее время, впрочем, подвергается сомнению его авторство в части некоторых философских представлений о природе человека. Таковые сильнее всего напоминают философию Сократа и Платона и, по-видимому, сложились под влиянием александрийской учености, в среде учеников и последователей Макария. За самим же Макарием признается авторство аскетических наставлений и подвижнических слов, которые замечательны по своей простоте и проникновенности и с удовольствием прочитывались и прочитываются поколениями христиан до сего дня. В общей сложности св. Макарий провел в мертвой для мира пустыне 60 лет. Он дожил до 97 лет и почил в 390 или 391 году. Празднование в честь преподобного совершается 19 января (1 февраля).

верой полагаясь на волю Бога, Который, если Ему будет угодно, может открыть его невинность. Так и случилось. Через некоторое время невинность Макария открылась, и все стали оказывать ему величайшее уважение, дивясь его терпению и кротости. Тогда Макарий решил совсем оставить мир и поселился в Нитрийской пустыне. Оттуда он часто посещал Антония. Впоследствии, пожелав большего уединения, он перешел в другое пустынное место, Скит. Пустыня Скит была гораздо суровее, хотя и находилась только в 24 часах ходьбы от Нитрийской горы. В этой дикой песчаной пустыне, лишенной каких-либо жизненных удобств, не было даже нормальной воды. Но лишения и неудобства не пугали ни Макария, ни подвижников, которые вскоре последовали за ним, желая пользоваться его наставлениями. Он вскоре прославился чудесами, мудростью, строгой жизнью. Образ жизни в Ските был несколько строже, чем в других соседних пустынях. Сюда приходили подвижники в дни Четыредесятницы и Страстной седмицы и налагали на себя более тяжкие труды и лишения, вспоминая Христовы страдания.

О прп. Макарии сохранилось довольно много сказаний. Однажды один из его учеников, встретившись с языческим жрецом, несшим большое бревно на капище, столько наговорил ему оскорбительных слов, что жрец в гневе чуть не убил его. Идя вслед за учеником, но в отдалении, Макарий встретил того же жреца и с любовью спросил его:

«Куда идешь, трудолюбец?» Жрец бросился к его ногам, восклицая: «Я вижу, что ты человек Божий; сделай и меня христианином». Указывая на этот случай, прп. Макарий говорил: «Худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми».

Как-то Господь открыл прп. Макарию, что в ближнем городе живут две женщины, которые совершеннее его в добродетели. Макарий пошел отыскивать их, чтобы научиться от них, как угодить Богу. Он думал, что они, может быть, совершали необыкновенные подвиги, но оказалось, что вели тихую семейную жизнь. Они были уже пятнадцать лет замужем за двумя братьями и все это время жили в любви и согласии, усердно исполняя свои обязанности. Им захотелось, было, в монастырь, но мужья этого не пожелали, и они покорились, старались свято соблюдать заповеди Божии, постоянно следили за собой, чтобы не произнести худого или праздного слова. Прп. Макарий молил Бога помочь ему жить в пустыне так же благочестиво, как эти женщины жили в миру.

Преподобный Макарий оставил много бесед и несколько посланий. В них содержится высокое учение о внутренней, духовной жизни и о благодати Господней, без которой мы не можем делать добро и которая дарует нам силу на все благое.

Из подвижников Скита особенно известны Пимен, Исаия, Пафнутий, Сисой (который потом поселился на Антониевой горе), Моисей и позднее – Иоанн Колов, Арсений. Но как назвать всех этих святых подвижников? Как достойно изобразить их жизнь, всю преданную служению Богу? При всем различии их подвигов, разнообразии их способностей и состояний, угодить Богу было их единственной целью. Кто особенно славился строгим воздержанием, кто мудростью поучений, кто удивительной кротостью. Замечательно повествование о Моисее Ефиопляnine (или Мурине), одном из славных подвижников Скита. Он в молодости был разбойником и отличался необузданной жестокостью нрава, неустрашимостью, суровой мстительностью, наводя страх на всю округу своими злодеяниями. Но вдруг, по милости Божией, его совесть пробудилась, раскаяние коснулось его сердца. Устрашившись, Моисей бежал в пустыню и умолял братьев принять в их число. На него наложили самое строгое послушание; Моисей все исполнил без ропота. Как прежняя его жизнь была вся предана злу, так теперь он всецело, всей душой отдался Богу. Но не без тяжких страданий совершился в нем переворот. Он долго томился, мучился под тяжестью сокрушения душевного и угрызений совести, со слезами молился по ночам. Иногда возникали сожаления о прежней свободной, разгульной жизни. Моисей заглушал эти воспоминания прошлым тяжелым трудом и бдением. Мучительная борьба совершалась в страстной душе разбойника, но

наконец Господь принял его раскаяние и послал ему мир Свой. Молитва, тишина пустыни успокоили внутреннюю бурю, и раскаявшийся разбойник сделался великим подвижником. Он особенно отличался любовью к ближним, снисходительностью и смирением. Но, примирившись с Богом, Моисей ждал кары от людей за прежнюю жизнь. Он говорил иногда: «Приемляй меч, мечом погибнет». И эта кара совершилась над ним. Он был убит варварами, напавшими на его обитель. Память его 28 августа.

Преподобный Макарий Египетский. Конец XV века. Новгородский музей

В то самое время, как подвизался преподобный Антоний, в Верхней Фиваиде Пахомий Великий собрал вокруг себя много иноков и создал первый устав иноческого жития. Пахомий родился в языческой семье, но с ранней молодости не признавал идолопоклонства. Во время войны между Константином и Ликинием его против воли взяли на военную службу. Воины отправились в поход и были приняты с любовью христианами в городе Оксиринхе. Пахомий спросил, что это за люди, которые так добры и милосерды к ним? Ему отвечали, что это христиане и что Сам Бог их повелевает им любить ближних. Пахомий постарался ближе узнать закон христиан. По мере того как он знакомился с ним, все больше и больше любил и христиан, и их закон и, наконец, решил принять христианскую веру, как только

освободится от службы. Во все время похода, среди товарищей, неверующих и развратных, он удерживался от всякого дурного дела из опасения оскорбить Бога христиан.

А когда война окончилась и он стал свободен, то принял Святое Крещение.

Преподобный Моисей Мурин. Фрагмент иконы. Конец XV века. ГТГ

Вскоре Пахомий пожелал пустынножительства. Он пошел в Фиваидскую пустыню и стал просить одного старца, Паламона, принять его в ученики. Паламон вначале отказал, считая его слишком юным для трудной, пустынной жизни (ему было около 22 лет), но Пахомий настаивал, обещая безропотное послушание. Старец принял его и строгим искусом готовил к трудам пустынной жизни. Он налагал на него тяжкие работы, требовал полнейшего отречения от собственной воли. Пахомий исполнял все охотно, все более и более воспламенялся любовью к Богу и жаждал трудов и страданий за Христа, так много пострадавшего за нас.

Подле горы, где жили Паламон и Пахомий, была необитаемая пустыня, поросшая терновником и травой. Пахомий часто ходил туда за дровами. Работая, он обычно молился. Однажды он отошел довольно далеко, достиг места, называемого Тавенной, на берегу Нила. Остановившись для молитвы, вдруг услышал голос: «Поселись здесь и выстрой монастырь»;

к тебе соберется много иноков». Вслед за тем предстал перед ним Ангел, державший в руке доску, на которой был написан устав иноческой жизни.

Паламон, когда узнал о случившемся, благословил Пахомия на отдельное жительство и сам помог ему устроить келию в Тавенне; впрочем, до самой смерти старца Пахомий руководился его наставлениями.

Преподобный Пахомий Великий. Никольский храм, село Якшур-Бодья. Фрагмент росписи ротонды. 2001 г.

К Пахомию вскоре пришел его брат, тоже принявший христианскую веру, и они стали жить вместе и строить келии для принятия иноков, ибо Пахомий твердо верил пророческим словам. Когда брат убеждал его не слишком распространять постройки, Пахомий сначала не мог удержаться от гнева, но тотчас каялся и со слезами молил Бога о прощении и помощи. «Как дерзну я руководить других, – восклицал он, – когда не умею побеждать себя? Господи, помоги мне! только с помощью Твоей могу я сотворить угодное Тебе!»

После смерти брата Пахомий остался один, но продолжал строить. Ему, как и Антонию, надо было узнать трудности уединенного жития, чтобы укрепнуть духом и быть в состоянии наставлять и руководить других. Через несколько лет стали вокруг него собираться подвижники, и число их возрастало с каждым годом. Все вместе работали, молились, и Пахомий трудился больше всех. Недалеко жили поселяне; Пахомий обратил их в христианство и, выстроив для них церковь, предлагал им поучения в простых, доступных для них выражениях.

Когда уже собралось очень много подвижников, Пахомий написал устав, довольно строгий, предписывающий прежде всего полнейшее отречение от собственной воли. Иноки были разделены на разные монастыри; через несколько лет монастырей насчитывалось уже девять, а монахов – более десяти тысяч. В каждом монастыре был начальник, но они состояли под управлением Пахомия, который посещал их поочередно. Все работы, нужные для монастырей, исполнялись иноками, которые обучались различным ремеслам. За трапезой, за работой братья должны были хранить строгое молчание и внутренне творить молитву или размышлять о каком-нибудь изречении из Писания. Священное Писание изучалось тщательно. Никто из иноков не мог быть священником, чтобы не иметь какого-либо преимущества над другими. Прп. Пахомий и сам для себя не терпел никакого отличия, почитал себя великим грешником и смотрел на начальническую власть как на обязанность служить всем.

Господь даровал ему силу творить чудеса, исцелять больных, узнавать тайные помышления, но он не гордился этим, а всю жизнь хранил глубокое смиренномудрие.

Однажды некоторые язычники сказали Пахомию:

– Если ты воистину человек Божий и твердо веруешь в Бога, то пройди по воде, как по суху.

– Я не прошу у Бога силы творить чудес, ибо это не христианский помысл, – отвечал Пахомий. – Надеюсь на милость Божию, а не на свои дела; и желание мое – не по водам ходить и творить чудеса, но всегда сокрушаться о грехах моих и получить помощь Божию, чтобы смиренно достигнуть спасения.

Инок он тоже отклонял от желания совершать необыкновенные подвиги, считая это желание проявлением гордости и тщеславия. Падших и согрешивших увещевал наедине, с великой любовью. В его обителях принимались на воспитание и дети, и о них было особенное попечение. На противоположном берегу Нила сестра Пахомия основала женский монастырь, находившийся тоже под его управлением.

Много в Тавенне считалось благочестивых братий, прославившихся святой жизнью. Но незадолго до кончины прп. Пахомия Господь открыл ему в видении, что впоследствии Тавенна опустеет и в ней оскудеет благочестие. Это очень опечалило подвижника, и он со слезами молил Бога отменить этот приговор. Во время молитвы явился ему Христос и обещал, что его духовное семя не оскудеет вовеки. Действительно, в той стране, где подвизался Пахомий, вера христианская оскудела, иночество исчезло, но правила и наставления его живы, и доныне ими руководствуются подвижники.

Прп. Пахомий скончался 57 лет от роду, в 348 году. Между его учениками особенно славились Феодор Освященный, Орсисий, Петроний. Феодор пришел в монастырь четырнадцати лет. Он помышлял только о жизни загробной, о вечном блаженстве, беспрестанно молился и изучал Священное Писание. Пахомий горячо любил его и называл сосудом избранным, полным Духа Божия. Он часто поручал ему делать поучения инокам. Впоследствии Феодор сделался начальником Тавеннского общества.

Строгая иноческая жизнь привлекала и женщин. Одушевляемые желанием служить Богу, они с радостью оставляли мир, избирали строгую подвижническую жизнь и с терпением и самоотвержением проходили этот трудный путь. Жена Аммона, сестры Антония и Пахомия основали женские обители; множество девственниц трудилось в пустынных келиях. Некоторые женщины-язычницы, проводившие жизнь бесчестную и порочную, обращаясь к Богу, старались загладить свои грехи строгими подвигами покаяния, трудами, лишениями, делами милосердия, – такие, как преподобные Пелагия, Евдокия и другие.

Основательницей женского иночества считается Синклитикия. Она родилась в Александрии, в христианском семействе, богатом и знатном. Она была прекрасна собой и могла ожидать в мире блестящей участи, но с ранних лет полюбила Христа больше всего и постоянно старалась служить Ему. Среди роскошного дома она искала труда и лишений, молилась беспрестанно, хранила строгий пост. После смерти родителей раздала бедным все, что имела, призвала пресвитера, остригла волосы в знак отречения от мира и вместе со своей слепой сестрой поселилась в надгробном памятнике. Тут она вся отдалась молитве. Многие благочестивые вдовы и девы пожелали следовать ее примеру и поселились около нее. Они просили у нее наставления, но подвижница указывала им на Священное Писание как на единственный источник мудрости и благодати. Впоследствии, впрочем, уступив их просьбам, она сделалась их руководительницей. Вот как начинается одно ее поучение: «Дети, все мы знаем, как спастись, но по собственному нерадению оставляем свое спасение. Прежде всего, нужно сохранить сии заповеди: возлюби Господа Бога твоего всей душой и ближнего твоего, как самого себя. В сих заповедях лежит основание закона; и в них же живет полнота благодати. Хотя изречение кратко по словам, но велика и неисследима сила, заключающая»

яся в нем. Все душеполезное есть следствие сих заповедей. И потому вот где спасение – в двоякой любви».

Тяжелая болезнь постигла Синклитикию. Она лишилась слуха и зрения, рак распространился по ее лицу, но она терпеливо переносила свои страдания, не переставая славить и благодарить Бога. За три дня до смерти она имела небесное видение, предсказала свою кончину и мирно почилла в глубокой старости.

Афанасий, Антоний, Пахомий и другие отцы писали послания и наставления девственницам, очень уважая их за святую жизнь. Число девственниц, посвятивших себя Богу, в Египте было огромным. На Западе в это время подвижничество было еще малоизвестно. Но Афанасий, в бытность свою в Риме, возбуждал своими рассказами ревность у тамошних христиан и тем положил начало иночеству и подвижнической жизни на Западе.

Нигде иночество не распространялось так быстро, таким неудержимым потоком, как в Египте. Огромные, знойные пустыни, горы, изрытые древними гробницами, пещеры и каменоломни – всё заселялось подвижниками. Развалины идольских капищ и остатки надгробных памятников превратились в обители. Те самые места, где совершались суеверные обряды идолопоклонства, теперь оглашались псалмами и духовными песнями, освящались молитвенными подвигами отшельников. Ливийские горы и окрестности городов Мемфиса, Арсиноя, Канопа, Ликополя, Александрии были заселены иноками, жившими в монастырях или в отдельных кельях. Руфин считал, что только в городе Оксирихе было до 10 000 иноков и до 20 000 девственниц. Заметим, кстати, что нигде идолопоклонство не достигло такой крайней степени, как в Египте: боготворили животных, растения, реки. Казалось, что подвигами сурового подвижничества Египет теперь хотел искупить тяжкий грех идолопоклонства. Церковь почтила эту ревность, вспоминая о ней в священной песни: «Радуйся, Египет верный; радуйся, Ливия преподобная; радуйся, Фиваида избранная; радуйся, всякое место, град и страна, воспитавшие граждан Небесного Царствия, возродившие их в воздержании и болезнях и показавшие их Богу совершенными мужами желаний! Они явились светилами душ наших, просияв мысленно во все концы зарею чудес и знамениями своих деяний».

* * *

Один из первых и любимейших учеников Антония Великого, Иларион, распространял иночество в Палестине. Он получил образование в Александрии и еще в молодых летах пришел к Антонию, чтобы под его руководством начать подвижническую жизнь. Через некоторое время он вернулся на родину, в Палестину. Своих родителей он уже не застал в живых, имение раздал родным и бедным, а сам поселился в пустынном месте. Местность эта часто подвергалась нападению разбойников. Илариона об этом предупреждали, но он говорил: «Когда ничего нет, нечего бояться; смерти же не боюсь, потому что готов умереть». Скоро молва о его святой жизни привлекла к нему подвижников; устроилась обитель недалеко от Газы. Иларион несколько раз искал полного уединения, тяготясь многолюдством и славой. Но везде толпы подвижников следовали за ним; а по всей Палестине он славился мудростью и чудесами. Наконец Иларион совсем оставил родину. Небесное видение известило его о кончине Антония, и он поспешил посетить гору, где жил его великий наставник, о котором он глубоко скорбел. Последние годы жизни Иларион провел в странствованиях, жил некоторое время в Далматии и скончался на острове Крит.

Еще до Илариона иночество было основано в Палестине Харитоном Исповедником, пострадавшим во время гонения. Харитон шел в Иерусалим, чтобы поклониться святыне, и на пути, недалеко от города, его схватили разбойники. Они связали его и положили в пещеру, сами же пошли искать другой добычи. В их отсутствие приползла ядовитая змея и, напившись из стоявшего здесь сосуда, оставила в нем смертоносный яд. Все разбой-

ники отравились питьем, и таким образом Харитон освободился. В пещере он нашел много денег и сокровищ, награбленных разбойниками. Все это употребил на помощь бедным и на постройку церквей, а сам поселился в пещере, где так чудесно был освобожден, молился и постился. Вскоре к нему присоединились и другие христиане, желавшие жить в молитвенных подвигах. Основались келии, сама пещера превратилась в церковь. Так устроилась обитель, которая впоследствии стала известной под именем Фаранской Лавры. Когда здесь стало очень многолюдно, Харитон удалился в пустынное место недалеко от Иерихона. Но и тут не было ему уединения; он основал обитель и в третьем месте. Из трех обителей, основанных Харитоном, самой значительной осталась Фаранская Лавра, где и был погребен ее благочестивый основатель. Фаранская Лавра сделалась как бы рассадником иночества в Палестине. Иноки, начавшие в ней путь подвижничества, потом устраивали другие обители или же уединялись в пустынные отшельнические келии. Скоро берега Иордана, иссохшее русло Кедронского потока, Иосафатская долина заселились подвижниками. На местах, освященных воспоминаниями о Спасителе, они, взяв свой крест, служили Христу трудами, лишениями, самоотречением, постоянной молитвой. Трудна была их жизнь. Местность не предоставляла никаких удобств, едва можно было найти пищу. В густых тростниках Иорданского побережья таились львы, вепри и другие дикие звери; в окрестностях хозяйничали разбойники. Но ничто не пугало мужественных отшельников, заживо умерших для земной жизни и возложивших все надежды на Бога. И Бог не оставлял их. Бедная жизнь озарялась лучами Его благодати и знаменами Его силы, чудесно охранявшей отшельников. Иногда чудесным образом посылались им пища, встречалась неожиданная помощь, пустынные звери не вредили им, а покорялись их воле. Подвижничество в Палестине развивалось все сильнее, но больше как отшельничество, нежели как общежитие, без определенных правил и уставов. Правила и уставы сложились уже гораздо позднее великими палестинскими подвижниками: Феодосием, Евфимием, Саввой. Подвижничество проникло и в соседние с Палестиной Сирию и Месопотамию.

Истинные христиане всегда готовы служить Богу всеми средствами, какие имеют, и жертвовать Ему своими волей и склонностями; а служение требуется различное, по обстоятельствам. Великий епископ Сирии, Иаков Низибийский, с ранней молодости полюбил пустынную жизнь и ради нее отрекся от богатства и мирских почестей. Но польза ближним потребовала, чтобы он принял деятельное участие в событиях того времени. Мы уже говорили, что он защищал истину на Никейском Соборе, посещал Константинополь во время смут, произведенных Арием, ободрял войска и народ, когда Сапор осаждал Низибю. Знаменитый ученик Иакова, Ефрем Сирийский¹⁴⁵, тоже вынужден был оставить любимую пустыню, чтобы служить Богу иным путем.

Он родился в начале IV века и в ранней молодости вел жизнь не совсем благочестивую. Впоследствии горько упрекал себя за это и считал тем более виновным, что он видел хорошие примеры. Его родители были добрые и честные христиане, среди его родственников были мученики. Он родился в простом звании, удаленном от искушений богатством и величием. Но Господь призвал к Себе юношу. Однажды он запоздал в поле, будучи пасту-

¹⁴⁵ Ефрем Сирийский — великий учитель Церкви IV века. Сам Ефрем Сирийский относил себя к людям «неученым и малосмысленным», но так проявлялось смиренное мнение о себе подвижника, учености которого удивлялся сам Василий Великий. Число сочинений Ефрема Сирийского — около тысячи, если не причислять сюда молитв и стихотворений, многие из которых положены на мотивы народных песен. Ефрем Сирийский был хорошо знаком не только с христианскими произведениями, но и с «эллинской мудростью» — философией и основами естествознания. Сочинения Ефрема Сирийского еще при его жизни переводились на греческий (святой родился и жил в Сирии, поэтому и вошел в историю под именем Сирийца) и даже читались в церквях после Священного Писания. Ефрем Сирийский почитается как один из наиболее выдающихся толкователей Библии, свободно владевший оригинальным еврейским текстом Писания и хорошо знавший обычаи и особенности Палестины. Лучше его толкований могут быть разве только разнообразные проповеди святого, в которых особенно четко прослеживаются мотивы нравственного творчества и ответственности.

хом овец. Ночью волки напали на стадо и унесли несколько овец, но владельцы стада не поверили этому, обвинили Ефрема в воровстве и посадили его в темницу. В той же темнице содержались и другие люди, тоже несправедливо обвиненные. Все они негодовали и досадовали на несправедливость. Ефрем сомневался в Промысле Божиим и начинал думать, что все в мире происходит случайно. Только как-то ночью он слышит во сне слова: «Будь благочестив и уразумеешь Промысл Божий. Перебери и припомни все свои дела и поймешь, что если ты теперь и безвинно наказан, то прежними поступками заслужил наказание». Ефрем, проснувшись, рассказал сон товарищам. Все стали припоминать прежнюю жизнь и нашли, что они, действительно, не безвинно страдают.

Преподобный Ефрем Сирийский. Икона. 2004

Это обстоятельство обратило к Богу мысли Ефрема. Он стал глубже вникать в самого себя; в нем пробудилось раскаяние и сокрушение вместе с упованием на милость Божию. Как только он оправдался на суде, то пошел на гору к подвижникам и сделался учеником св. Иакова Низибийского. С ним он ездил в Никею, с ним участвовал в защите Низибии. После смерти Иакова, когда Низибия перешла в руки персов, Ефрем удалился в Едессу, где поклонился мощам святого апостола Фаддея и нерукотворному образу Спасителя. Так как он не имел средств к жизни, то нанялся работником к содержателю бани, а в свободное время проповедовал язычникам слово Божие. Его сильно влекло в пустыню. Наконец он удалился из города и поселился в уединенной пещере, где беспрестанно молился или изучал Священное Писание. Он сам стал писать толкование на Пятокнижие. Имя его вскоре прославилось,

и многие стали приходить к нему: кто за советом, кто для того, чтобы жить при нем. Тяготясь многолюдством, Ефрем хотел бежать, но ему было чудное видение. Ему явился Ангел и спросил: «Ефрем, куда бежишь?» – «Хочу жить в безмолвии и бегу от славы и обольщений света», – отвечал он. Ангел сказал: «Убойся, чтобы не исполнилось на тебе слово Писания; Ефрем подобен молодой корове, которая хочет освободить шею от ярма». Ефрем, поняв волю Божию, возвратился в Едессу, открыл училище и стал ревностно заниматься образованием юношества и благоуважением. В Сирии было еще много язычников. Кроме того, в городах и весях еще повторялись гностические песни Вардесана, распространялось лжеучение Ария. Ефрем усердно действовал против этого зла. Он проповедовал словом, писал объяснения и поучения, обличал ересь, слагал духовные песни, которые постепенно вытесняли из памяти народа песни Вардесана. Имя Ефрема прославлялось во всех окрестных странах, его поучения читались в церкви, его величали званием сирского пророка; но он продолжал хранить глубочайшее смирение. Сокрушаясь беспрестанно о своих грехах, проводил ночи в молитве, проливал слезы покаяния, считал себя величайшим грешником, страшился Суда Божия. Все эти чувства выразились в его творениях, которые нельзя читать без сердечного сочувствия. Кто из нас не умилился сердцем, когда в дни Великого поста произносится божественная молитва Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему! Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Случился в Едессе сильный голод, а вследствие этого развились болезни. Ефрем усердно помогал страдающим, он убедил богатых поделиться с неимущими, устроил больницу и сам с любовью и заботливостью ходил за больными. Он умер около 380 года.

Заключая наше повествование о подвижниках IV века, скажем несколько слов об их влиянии на общество. Хотя подвижники тщательно старались скрыть свои подвиги и труды, однако их пример действовал сильно и благотворно на весь христианский мир. Их влияние столько же способствовало к распространению христианской веры, сколько в первые века пример мучеников. Мученики самой смертью своей проповедовали истинную веру. Встречая смерть с радостью, они тем доказывали язычникам бессмертие души, величие небесных благ и свое непоколебимое упование на Спасителя. Подвижники, добровольно умирая для мира, отказываясь от всех благ, которых так усердно ищут люди, преданные миру, доказывали тем превосходство благ духовных и жизни духовной. Их пример ясно говорил, что для христианина есть и в сей жизни лучшие радости и высшие утешения, чем все радости земные; что близость души к Богу всего отраднее, а истинно счастлив и свободен тот, кто посвятил свою жизнь Богу. И Господь оправдывал дивным образом доверие служителей Своих. Как некогда Он укреплял мучеников в минуты страданий и смерти, даруя им необычайную силу, твердость духа и небесные утешения, так Он укреплял и подвижников на их трудном пути. Он помогал им в борьбе с искушениями и душевным унынием, чудесным образом наставлял, озаряя их трудный, скорбный путь дивными проявлениями силы и благодати Своей. Кто получал от Него пророческий дух, кто силу творить чудеса именем Его, кто неожиданные утешения в тяжкую минуту скорби и смерти. Эти дивные знамения поддерживали и укрепляли веру всех, доказывая постоянное попечение Господа о верных служителях Своих.

А между тем само уединение, постоянное стремление души к Богу, постоянная борьба с искушениями на пути к совершенству – все это укрепляло внутренние силы подвижника. Молитва очищала его душу, изучения Писания умудряли во спасение, неутомимая бдительность над собой делала способным научать и руководить других. Таким образом, в пустыне готовились опытные христианские наставники, твердые и мудрые пастыри Церкви Христовой.

Подвиги и святая жизнь отшельников внушали всеобщее уважение и возбуждали в других христианах ревность к службе Божией. Мы видели и далее увидим, что в борьбе между Православием и арианским лжеучением огромный сонм подвижников стоял всегда за истину; это имело сильное влияние. Один историк того времени пишет, что, когда возникло лжеучение, народ, удивляясь добродетелям и делам иноков, верил, что они мыслят правильно, и потому от людей, мысливших иначе, отвращался, как от зараженных превратным учением. Так было с египетскими монахами. Следуя своим наставникам, они противостояли арианам.

Глава XXVI

Воспитание и молодость святых Василия Великого и Григория Богослова

От великих подвигов отшельников, которые из любви к Господу жертвовали всеми радостями мира, перенесемся мыслью к тихой семейной жизни, проникнутой духом христианской веры. Бесконечно разнообразны пути, которыми мы можем служить Богу, но одно необходимо – отдать Господу свое сердце и свою волю. Только при этом условии мы можем угодить Ему в тихой домашней жизни точно так же, как и гражданской деятельностью или пустынным подвижничеством. Примером могут послужить благочестивые семейства двух великих святителей: Василия Великого и Григория Назианзского, называемого Богословом. Эти святые мужи жили и действовали в одно время; их связывала нежная дружба, и потому имена их нераздельны в истории.

Оба родились в Каппадокии, и оба получили от родителей христианское воспитание. Семья Василия издавна отличалась горячей преданностью вере. Дед его матери лишился имени и жизни за имя Христа, родители отца во время гонения скитались семь лет в пустынях и лесах и тоже потеряли все имение, которое было отписано в казну. Но они считали все богатства земные за ничто в сравнении с истинной верой, и это драгоценное сокровище свято передали своему потомству. Отец Василия, уроженец Понта, славился красноречием в судах и в училищах. Его семья была многочисленной, и он сам, со своей женой Емилией, занимался воспитанием детей. Родители старались внушить детям горячую любовь к Богу и дать основательное знание христианского закона. Они постоянно помнили, что воспитывают своих детей не для сей жизни, а для вечности, и прежде всего старались сделать из них верных и усердных слугителей Господа. Господь благословил их добрые старания.

Старшей в семье была дочь Макрина. Мать заботливо занималась ее воспитанием, постоянно руководствуясь при этом словом Божиим. Из книг Священного Писания она выбирала все, что могло быть доступно пониманию ребенка: то славословие, то молитву, то доброе поучение, и таким образом Макрина с ранних лет привыкала всегда возноситься мыслью к Богу и во всем руководствоваться словом Божиим. Перед всяким делом она творила молитву и испрашивала благословение Божие. При этом она была постоянно занята: то училась, то работала, то помогала матери в хозяйстве, то давала уроки младшим братьям и сестрам.

Пятнадцатилетняя Макрина славилась красотой, и самые знатные и богатые юноши сватались к ней. Один из них полюбился и ей, и родителям. Их обручили, но отложили свадьбу по молодости ее лет. Господу угодно было испытать девицу тяжелым горем: ее жених внезапно умер. Макрина глубоко скорбела о любимом женихе, но безропотно покорилась воле Господней. Она уже не захотела выйти замуж, и, когда ее уговаривали избрать себе супруга, отвечала: «Желаю хранить верность обрученному мне жениху; ибо в надежде воскресения не считаю его умершим, но живым у Бога и как бы отшедшим в далекую страну, где опять увижусь с ним».

С этих пор Макрина, забыв о себе, стала жить лишь для своей семьи. Она усердно занялась хозяйством и воспитанием детей, для которых сделалась как бы второй матерью: нянчила их, учила читать, занималась образованием до их юношеского возраста. После смерти отца на нее легло еще больше забот. Имение было небольшое, а содержание и воспитание семейства – шести сыновей и четырех дочерей, – требовало значительных издержек. Макрина взяла на себя все хозяйство и подавала всему дому пример деятельности, распорядительности, разумной бережливости. Она трудилась, как служанка, пекла хлеб,

иногда работала за плату, чтобы доставить семье все нужное, не оставляя при этом и забот о воспитании. Когда все подросли, когда все братья избрали себе звание и сестры устроились, Макрина позволила себе отдохнуть и вести жизнь, какую ей давно хотелось. Она убеждала мать удалиться с ней от мира. Емилия раздала имение детям и поселилась с Макриной в уединенном месте близ реки Ирися, в Понтийской области. К ним присоединилось несколько благочестивых жен, и таким образом устроился как бы монастырь, в котором подвижницы вели жизнь тихую, бедную, всю преданную трудам и молитве. Емилия тут скончалась, а Макрина дожила до глубокой старости. Ее брат Григорий, епископ Нисский¹⁴⁶, оставил нам описание ее мирной кончины, озаренной радостным упованием на милосердие Божие и на вечную жизнь.

Приблизившись к тому месту, где жила Макрина, Григорий от встретившегося ему узнал, что она занемогла. Встревоженный, он ускорил свои шаги, но, прежде чем пойти к ней, он вошел в церковь, ибо в это время шла Божественная служба. Макрины в церкви не было; это еще более встревожило Григория. Затем он вошел в тесную келию сестры. Она лежала на полу, покрытая ветхим рубищем. Обрадованная прибытием брата, она воскликнула: «Благодарю Тебя, Владыко Боже мой, что даровал мне эту радость!» Она не могла привстать от сильной слабости, но тихо беседовала с братом, стараясь скрыть от него свои страдания, хранила спокойный и веселый вид, чтобы не опечалить его. Она говорила о дивном Божием Промысле, о мудрости и благодати Господа, о том, для чего создан человек и как он из сей временной, скорбной жизни переходит к жизни нескончаемой. Настроив таким образом брата к спокойному воззрению на смерть, она уговорила его отдохнуть от долгого пути. Через некоторое время она вновь призвала его к себе. Полная духовной радости, она беседовала с ним, припоминала благодеяния, явленные Богом всему ее семейству, славилась и благодарилась Богу. «Как от некоего источника, текла благодать от уст ее, – пишет Григорий, – и весь ум ее был на небесах. Я с наслаждением слушал ее, думая: "О, если бы продлился день сей; чтобы долее насладиться ее беседой". Но уже преклонялся день; вечернее пение призывало в церковь, больная отпустила меня, и сама стала молиться».

На следующее утро, увидев сестру, Григорий понял, что видит ее в последний раз. Она, видя его скорбь, стала его утешать, ибо сама была полна духовной радости. Не было в ней ни страха смерти, ни сомнений, но лишь твердое упование укрепляло ее сердце. Долго беседовала она с братом и с окружающими ее женщинами, потом всецело отдалась молитве. Все хранили молчание, прислушиваясь к ее словам. «Благодарю Тебя, Господи, – говорила она. – Ты отстранил от нас страх смерти, ибо из конца нашей временной жизни сделал начало новой вечной жизни!.. Ты сном смерти успокаиваешь на малое время тела наши и вновь пробуждаешь их последней трубой!.. Как сокровище вверяешь Ты земле бранный наши тела и то, что Ты ей даешь. Ты взыщешь опять, преобразуя смертное и безобразное в бессмертное и благолепие! Ты избавил нас от греха и гибели! Ты сокрушил врата ада и, поправ силу смерти, сотворил нам путь к воскресению!.. Господи Боже вечный, к Которому привязалась я с детства, Которого возлюбила всеми силами души, помяни меня во Царствии Твоем, как помянул разбойника, вверившегося милосердию Твоему, и прости мне, что согрешила перед Тобою словом, или делом, или помышлением!»

---

¹⁴⁶ Святитель Григорий Нисский – младший брат Василия Великого (ок. 335 г. – ок. 394 г.). Образование получил, в основном, под руководством Василия, который сделал его епископом города Ниссы, вопреки желанию самого Григория. В 376 году он был низложен арианами, но в 378 году восстановлен, присутствовал на II Вселенском соборе. Григорий Нисский не был ни администратором, ни активным участником церковной политики, а скорее ученым и литератором, разработавшим теоретические основы православного богословия. В его учении оказались соединены воедино позиции различных, дотоле споривших друг с другом богословских и философских школ; от каждого им были взяты самые ценные и оригинальные положения. Эта работа св. Григория Нисского сыграла огромную роль в последующем становлении христианского мировоззрения и культуры.

Умолкнув, Макрина перекрестилась и спокойно, радостно предала душу Богу. Казалось, что она заснула: так тиха и безмятежна была ее кончина. Лицо ее сияло небесной радостью и красотой неизреченной. Все стоявшие вокруг хранили благоговейное молчание, боясь нарушить тишину ее последних минут, но, когда убедились, что она отошла, громкий плач и рыдания огласили комнату.

Когда надо было одеть тело усопшей для погребения, Григорий спросил у живших с нею, есть ли у нее что новое? «Она себе ничего не приготовила, – сказали они, – ибо все раздавала бедным. Вот острая власяница, вот многошвейная ряса, ветхая мантия; другого она ничего не имела, а стяжала себе великое сокровище на небесах».

В этой благочестивой семье, в Кесарии, родился Василий¹⁴⁷. Он провел раннее детство в деревне, у своей бабки Макрины, той самой, которая претерпела гонение и лишилась имущества за веру. Она еще помнила святого Григория Неокесарийского и хранила в сердце его поучения. Беседы и наставления благочестивой Макрины впервые возбудили в маленьком Василии любовь к Богу и желание служить Ему, домашняя жизнь с ее уроками и живыми примерами укрепила в его сердце все доброе. Родители Василия жили тогда в Неокесарии. Отец вначале сам стал заниматься образованием сына, а потом отправил его в училище в Кесарию. Василий имел отличные способности и быстро успевал в науках. После кесарийских наставников он слушал в Константинополе знаменитого языческого ученого Ливания. Родители не боялись влияния на него языческого наставника, ибо знали, что правила христианского закона в нем твердо укоренились. Василий учился философии, красноречию, правоведению и, уже имея более двадцати лет от роду, отправился довершать свое образование в Афины.

---

¹⁴⁷ Святитель Василий Великий – один из вселенских святителей и учителей Церкви, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Родился в 329 году в богатой и благочестивой семье, семь членов которой причислены к лику святых. Получил блестящее образование, преподавал риторику. После поездки в 357 г. в Египет, Палестину и Месопотамию молодой Василий глубоко проникся идеалом аскетического образа жизни. Несколько лет вместе с ближайшим другом, будущим святителем Григорием Богословом, он подвизался в основанном ими пустынном скиту. В 370 году его рукополагают в епископа Кесарии. С этих пор святитель Василий принимает самое деятельное участие в борьбе с арианами; церковное управление при нем преодолевает раздробленность, состоящую в различии позиций отдельных епархий, и совершается в интересах всей Церкви, ее вселенского единства. Монашеский устав святителя Василия Великого закладывает основы организованного иночества, показывает место и цель существования монастырей в чине Церкви и общества. Важные преобразования происходят в составе церковного богослужения: впервые вводится антифонное пение, Церковь обретает единый чин литургии, известный как литургия св. Василия Великого. Великий светильник христианства святитель Василий Кесарийский скончался 1 января 379 года. В этот день (14 января по гражданскому календарю) празднуется его память. Кроме того, 30 января (12 февраля) установлено особое празднование трем вселенским учителям и святителям, в котором св. Василий Великий воспоминается наряду с другими двумя величайшими христианскими светилами – Григорием Богословом и Иоанном Златоустом.

Святитель Василий Великий. Икона из деисусного чина. Первая половина XVI в. Тотемский краеведческий музей

В то же самое время и при таких же счастливых семейных условиях воспитывался в другом городе Каппадокии молодой Григорий. Он родился в деревне Арианзе, близ города Назианза, и был двумя или тремя годами старше Василия. Его отец, Григорий, был в молодости язычником, но наставления Оригена, а также увещевания и пример жены, благочестивой Нонны, обратили его к Богу; он принял крещение и стал впоследствии епископом города Назианза. Григорий всегда с любовью вспоминал о родителях, особенно же о матери. «Мать моя, – писал он, – наследовав от отцов святую веру, наложила и на детей своих сию золотую цепь. В женском образе нося мужское сердце, она для того только касалась земли и заботилась о мире, чтобы здешнюю жизнь приготовить к жизни небесной».

Домашняя жизнь благочестивой семьи была тиха и счастлива. Родители с любовью занимались воспитанием детей, пользовались довольством и общим уважением. Один из сыновей, Кесарий, стал знаменитым врачом и достиг высоких почестей при царском дворе, но всю жизнь считал высшим счастьем называться христианином. Дочь Горгония представляет нам образец добродетельной христианки. Вот как в надгробном слове говорил о ней брат ее, святой Григорий:

«Она была целомудренна без гордости; обратила к вере мужа своего и имела в нем не строптивного господина, а благого сослуживца; также и детей, и внуков, и все семейство свое, как единую душу, очистила и приобрела Богу. При жизни она служила детям своим образом всего доброго; когда же она скончалась, память о ней осталась для домашних как бы безмолвным наставлением. Какая женщина лучше ее знала между строгости и скромной веселости в обращении? В ней строгость не оказалась угрюмостью, а обходительность – вольностью; в них выражались благоразумие и кротость. Она не украшалась золотом, пышными одеждами, драгоценными камнями; она знала только румянец стыдливости. Чья рука была щедрее для нуждающихся? Она была матерью сирот, дом ее был пристанищем для бедных сродников, и именем ее пользовались нищие».

Только христианская вера, уже глубоко проникшая в жизнь, могла сформировать таких женщин, как Горгония, Макрина, Емилия, Нонна, самоотверженно служащих Богу смиренным исполнением семейных обязанностей.

Еще до рождения Григория Нонна молила Бога даровать ей сына, обещаясь посвятить его Господу¹⁴⁸. Когда ребенок выучился читать, она подарила ему книгу Священного Писания и убедительно просила его исполнить данный ею обет. Григорий исполнил ее желание; с самого раннего возраста душа его стремилась к Богу, и угодить и служить Господу стало постоянной целью всей его жизни.

Желая дать своим сыновьям все средства к образованию, родители отправили их в Кесарийское училище. Там Григорий познакомился с Василием. Потом учился в Александрии и, наконец, отправился в Афины. Во время страшной бури, застигшей его, он повторил обет посвятить себя служению Богу.

В Афинах Григорий и Василий опять сошлись. Их связала нежная дружба, которая уже не прекращалась всю их жизнь. «Мы стали друг для друга все, – писал Григорий, – и товарищи, и сотрапезники, и родные. Имея одну цель, мы непрестанно возрастали в любви друг к другу; казалось, что в обоих нас было одно упражнение – добродетель и одно усилие – стремиться от земного, жить для будущих благ».

Как и в дни апостола Павла, Афины были полны идолов. Язычество держалось еще довольно крепко в этой столице суетной мудрости, и наставники училищ способствовали тому, стараясь представить христианство учением, враждебным умственному образованию. Хотя афинские училища очень славились, но тогда большинство наставников воодушевлялись не столько любовью к науке, сколько корыстолюбием и тщеславием. Они легкомысленно осмеивали истину и, соревнуясь друг перед другом, старались привлечь побольше учеников, прославиться красноречием и остроумием. Василий и Григорий верно оценили все, что нашли в Афинах, и не увлеклись ни ложной мудростью, ни пустым велеречием некоторых наставников, ни светскими удовольствиями. Они заранее уяснили себе цель своей жизни, прямо и неуклонно шли к ней, решившись посвятить Богу все свои силы, усердно служить Ему. Они старались приобрести богатства ума и знания для того, чтобы употребить их на служение Богу. Эта мысль побуждала их заниматься усердно, трудиться с усилием и

---

¹⁴⁸ Святитель Григорий Богослов другое его церковное имя – Григорий Назианзин __ происходит от названия города Назианза, в котором он родился и вырос и которому были отданы многие годы его епископского служения. В семье свт. Григория, помимо него самого, отец и мать, брат и сестра прославлены, как святые. Сподвижник Василия Великого, один из трех вселенских учителей Церкви, святитель Григорий был кроток и мягок по нраву, впечатлителен и легко увлекаем, являя прямую противоположность своему другу, Василию Великому – строгому, суховатому, настойчивому и властному. Тем не менее в силе мысли и поэтического воображения св. Григорию не было равных. Организаторский талант Василия Великого часто претворял в жизнь замыслы и идеи, рождаемые умом Григория Богослова. Заслуга Григория Богослова в истории христианства весьма велика. Учение о Святой Троице, личности Иисуса Христа, переработка учения Оригена о вере и разуме, о существовании в загробном мире очистительного огня – это и многое другое нашло отражение в его многочисленных письмах, словах и стихотворениях. Вторым после ап. Иоанна он удостоивается звания Богослова. Все сочинения его полны яркими автобиографическими подробностями и лирическими отступлениями, прекрасно характеризующими его образ жизни и внутренний склад.

постоянством, ибо любовь к Богу – самое сильное побуждение к деятельности. Воодушевленные такой высокой целью, они не знали усталости и развлечения. Сходились они только с теми из товарищей, которые были их единомышленниками, и знали в городе только две дороги: ту, которая вела в училище, и ту, которая вела в церковь, где они слушали христианские наставления: ибо, еще не приняв крещения, они не могли участвовать в Таинствах, а в то время крещение младенцев не было общим обычаем, и многие принимали это таинство в зрелом возрасте.

Святитель Григорий Богослов. Из деисусного чина. Тверь, первая половина XV в. ГТГ
Господь благословил труды юношей, и они скоро стали лучшими учениками. Не было между ними суетного соперничества; каждый из них радовался успехам друга больше, чем собственным, и всегда с радостью уступал другому первенство. Василий отличался глубиной ума и способностью к философским наукам; Григорий больше всего любил словесные науки, чувствовал в себе дар слова и развивал эту силу, как орудие для служения Христу. «Еще не опушились мои ланиты, – писал он, – как мною овладела пламенная любовь к словесным наукам; я старался обогатить себя внешней ученостью с тем, чтобы употребить ее в пособие истинного просвещения, дабы знающие одно пустое витийство, состоящее в звучных словах, не превозносились и не могли опутать меня своими хитрыми умствованиями».

«Словом владею я, как служитель Слова, – говорил он впоследствии, когда уже стал главным проповедником, – никогда добровольно не хотел бы пренебрегать этим богатством, которым дорожу и утешаюсь более, чем другие утешаются сокровищами мира».

После пятилетнего пребывания в Афинах Василий возвратился на родину; Григорий же занял в Афинах место учителя красноречия. Василий уже не застал в живых своего отца. Ему предложили его место в училище, но Василий отказался. Он еще не определил свой жизненный путь: хотел посетить Палестину и Египет, посмотреть, как живут отшельники, о которых он много слышал. Прежде всего, он желал креститься. В Кесарии принял он от епископа Диания Святое Крещение и степень чтеца, затем проехал в Иерусалим, где благоговейно поклонился гробу Спасителя. Потом посетил подвижников. Их пример сильно подействовал на него. Пустынная жизнь, посвященная молитве и трудам, показалась ему самым благоугодным и счастливым путем. Возвратившись, он поселился в уединенном, прекрасном месте близ реки Ириса, недалеко от той обители, где жили его мать и сестра. В уединении и тишине он предавался молитве и учению. Но скоро вокруг него стали селиться подвижники. Василий не чуждался их, а принимал радушно и с любовью. Он предпочитал общежитие отшельничеству, находя, что в общежитии удобнее соблюдается заповедь о взаимной, братской любви, и эту любовь он проповедовал и словом и делом. Так устроилась обитель под управлением Василия. Он звал к себе своего друга, красноречиво описывая ему прекрасную местность, которая окружала его: «Бог открыл мне жилище по сердцу, такое, о каком мы мечтали на свободе. Это высокая гора, покрытая темным, густым лесом, орошаемая с северной стороны светлым потоком; у подошвы ее прекрасная долина, изобильная ручьями; лес ограждает ее отовсюду, как крепость, и делает из нее почти остров, два глубокие оврага разделяют ее на две части; с одного края низвергается водопадом река, с другой непроходимая гора заграждает путь; один только есть исход, и мы им владеем. Обитель наша на высоте, так что вся долина и река, по ней текущая, перед глазами и отраден вид сей, как вид берега Стримона; я не встречал ничего прекраснее».

Григорий к этому времени уже оставил Афины и принял Святое Крещение. И его привлекала подвижническая жизнь. Ему хотелось поселиться близ друга, но обязанности удерживали его в Назианзе. Престарелые родители были одни. Отец тяготился делами и заботами, лежавшими на нем, и нуждался в помощи сына. Григорий пожертвовал собственными склонностями и старался быть полезен родителям. Он стал управлять имением отца. Ему пришлось надзирать за сельскими работами, заботиться об уплате податей, препираться с судьями. Эти занятия и новый образ жизни не нравились ему, но он был убежден, что угождает Богу, помогая родителям, и потому трудился с усердием. «Услуживая родителям, я думал исполнить угодное Тебе, Царь мой Христос, – писал он, – ибо Ты даруешь смертным детей, дабы они имели за них себе помощь, и ими, как жезлом, подпирали свои дрожащие члены».

Только изредка посещал он Василия в его прекрасной пустыне, и эти посещения были великой отрадой для обоих друзей. Они вместе молились, работали, сажали деревья, изучали Священное Писание, составляли правила иноческой жизни. Дни, проведенные таким образом, вспоминались потом Григорием с восторгом и сожалением. «Кто возвратит мне наши молитвы и бдения, – писал он впоследствии Василию. – Кто возвратит мне мир и единопольные братии, изучение Божественных Писаний и тот свет, который мы обретали в них при руководстве Святого Духа? Кто возвратит мне ежедневные занятия наши – ломание камней, насаждение и поливание деревьев? Будь со мною духом, и помогай мне преуспевать в добродетели. Утверждай меня молитвами своими в добре, которое мы приобрели вместе». Между друзьями установилась переписка, до нас дошло много их писем.

И Василию пришлось скоро оставить любимую пустыню. В то время ариане, сильные покровительством Констанция, всеми мерами распространяли лжеучение и притесняли пра-

вославных. Василий счел своей обязанностью стараться противодействовать их вредному влиянию. Собираясь Собор в Селевкии, и Василий, в звании чтеца, присоединился к православным епископам Понта и Каппадокии, чтобы стоять за истину. Он защищал ее с твердостью и неустранимостью, но усилия его были тщетны. Большинство епископов подписали неправославный символ, будучи частью устрешены угрозами ариан, частью обмануты их хитростью. Так поступили, между прочими, и Дианий, епископ Кесарийский, и епископ Назианзский, отец Григория. Это глубоко опечалило обоих приятелей. Удалившись опять в пустыню, они своими писаниями защищали истину. Василий излагал учение Церкви о Сыне Божием, писал правила для пастырей, старался всеми силами оградить своих иноков от заразы лжеучения. Однако он примирился с Дианием перед его кончиной, убедившись, что епископ действительно был обманут недобросовестностью ариан и каялся в своем поступке. Но несколько лет Василий жил в своей пустыне, не посещая Кесарии.

Григорий же в эту пору был посвящен в пресвитеры. Его престарелому отцу становилось все труднее управлять делами Церкви, тем более что вся паства негодовала на него за его согласие с арианами. Григорий убедил отца открыто исповедать веру и признать свою ошибку, примирил епископа с паствой. Он усердно помогал отцу, противодействуя арианам.

Часть II

Глава I

Бедствия Церкви при Юлиане Отступнике

Со смертью Констанция¹⁴⁹ кончилась на время власть ариан, но Церковь постигло новое испытание – неожиданное гонение от язычников. Оно, впрочем, продолжалось недолго и лишь показало, как крепко утвердилась христианская вера и как тщетны и безумны были бы все попытки оживить язычество.

После Константина Великого сродники царствующего дома были убиты, в живых остались только два малолетних племянника Константина, Галл и Юлиан, спасенные Марком, епископом Арефузским, который скрыл их в церкви. По повелению Констанция молодые князья воспитывались под надзором христианских наставников в замке Каппадокийской области. Им оказывали почтение, но держали почти в неволе. Они приняли Святое Крещение и были впоследствии поставлены чтецами в церкви. Их заставляли строго соблюдать все обряды христианского закона: поститься, посещать гробницы мучеников, делать пожертвования в пользу храмов. Галл и Юлиан даже сами заложили церковь во имя святого мученика Маманта. Но требуя от них исполнения внешних обрядов, арианские наставники не сумели внушить им любви к Господу и к Его закону, потому что сами не отличались христианскими добродетелями. Их недобросовестность, распри и раздоры в Церкви, несправедливые и жестокие поступки Констанция – все это выставляло христиан в очень невыгодном свете в глазах молодых князей. Младший из них, Юлиан, с ранних лет тайно возненавидел христианскую веру.

Когда Галл достиг совершеннолетия, то Констанций поручил ему управлять Сирией. Но Галл, малоспособный к государственному управлению, слабый и жестокий, возбудил общую к себе ненависть и был предательски казнен¹⁵⁰. Юлиан для довершения образования посетил Грецию и некоторые области Малой Азии. Там он сблизился с приверженцами язычества, которых было еще много, и с восторгом изучал языческое богопочитание и неоплатоническую философию. В этой науке древние философские системы Греции смешивались с восточными учениями, суевериями магов и волхвов и некоторыми правилами христианской нравственности. Юлиан окружил себя жрецами, гадателями, и они вскоре стали оказывать на него огромное влияние, возбуждая в нем любопытство, будоражили его воображение, облакая свое учение в таинственность, постепенно раскрывая пред ним значение своих обрядов, льстили его честолюбию, предрекая ему величие и славу. И вот Юлиан отрекается от крещения, совершив языческий обряд очищения через окропление жертвенной кровью, и его торжественно, хотя и тайно, принимают в число слугителей богов. Он не смел открыто

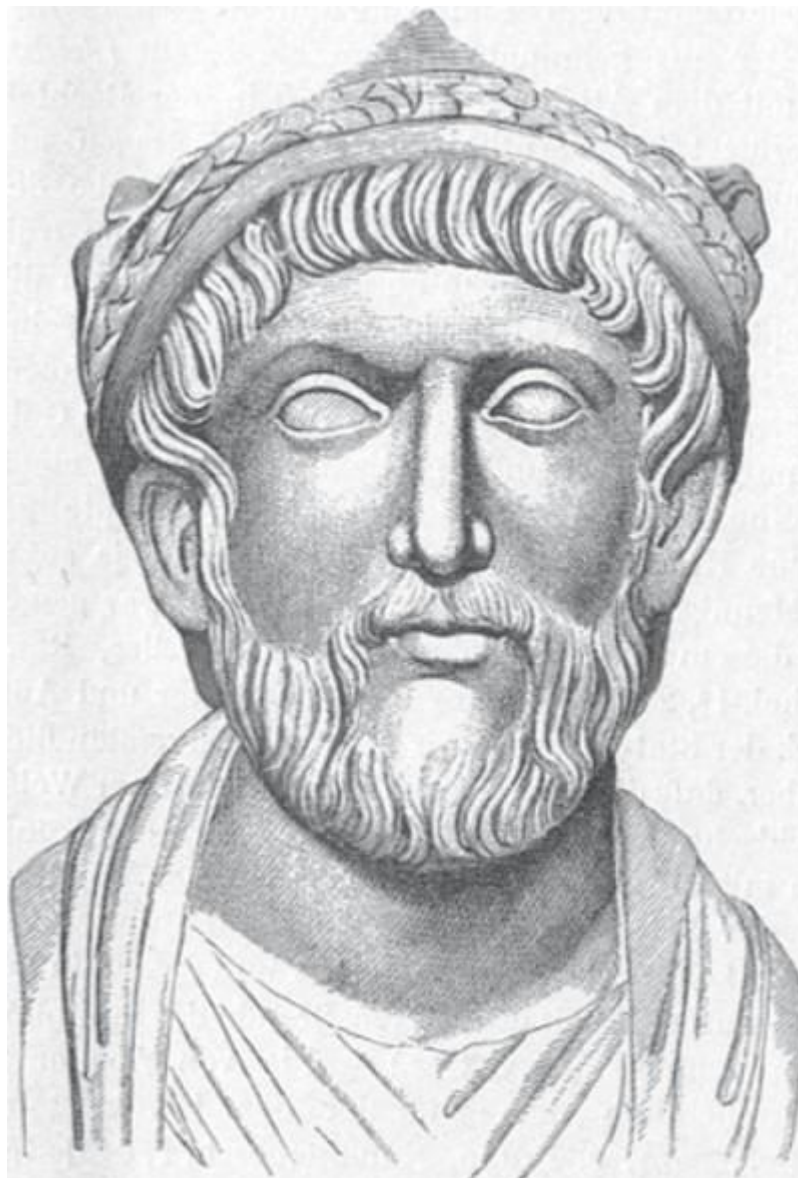
---

¹⁴⁹ Констанций Флавий Юлий (07.08.317– 03.11.361) – римский император с сентября 337 г. Сын императора Константина Великого. С 324 г. Цезарь, а с 335 г. получил в управление азиатские провинции. В 338–350 гг. и в 359– 361 гг. он с успехом вел войны против персидского царя Шапура (Сапора) II. После гибели братьев Константина II (340 г.) и Константа (350 г.), твердо исповедовавших православное христианство и боровшихся против ариан, в 353 г. стал единовластным правителем империи. В 335 г. назначил своего племянника (по другим сведениям, двоюродного брата) Юлиана царем западных провинций. Жестокий и двуличный по отношению ко всем претендентам на власть, Констанций активно поддерживал ариан и постоянно вмешивался в церковные споры.

¹⁵⁰ Галл был старшим сводным братом Юлиана, женатым на родной сестре Констанция, которая вышла замуж за Галла, будучи вдовой, старше его. В угоду супруге и не имея никаких задатков правителя, Галл занимался преследованием своих мнимых врагов, выискивая измену, заговоры и подписывая смертные приговоры. Констанций, заподозрив заговор против себя, приказал спешно двинуться из Сирии в Константинополь. Но по пути, во время одной из остановок в крепости, приказал убить Галла.

объявить себя язычником, а необходимость притворяться, скрывать свои истинные чувства и убеждения еще больше усилила в нем ненависть к христианской вере. Двадцати двух лет его послали в Афины. Там он посещал то самое училище, где в то же время учились Василий и Григорий. И удивительно: пребывание в языческом городе не поколебало твердой веры христианских юношей, а Юлиан стал окончательно язычником!

Через некоторое время императрица Евсевия, покровительствовавшая Юлиану, убедилась Констанция дать ему звание кесаря и послать в Галлию. Юлиан одержал несколько побед над германскими племенами, приобрел любовь войска и вскоре был своими полками провозглашен императором. Констанций не утвердил избрания, но внезапно умер (в 361 году). Юлиан вступил на престол как единственный наследник дома Константина¹⁵¹.

Император Юлиан Отступник

---

¹⁵¹ Юлиан Отступник, Флавий Клавдий Юлий (332—26.06.363) племянник Константина Великого, император с 361 г. По некоторым сведениям, около 355 г. его постригли в монашество, что Юлиан воспринял как обряд, не имеющий к его духовному миру никакого отношения, так как еще ранее, во время обучения в Греции его главными наставниками стали язычники ритор Ливаний и неоплатоник Максим. В 360 г. в Лютетии (ныне Париж) солдаты провозгласили его императором. Встревоженный Констанций выехал в Галлию, но по пути умер. В 363 г. Юлиан предпринял новый поход против персов. В битве под Маренгой был убит.

Языческая партия обрадовалась и ожила. Очень скоро стало ясно, что она приобрела сильного и ревностного покровителя. Ниспровержение христианства и восстановление язычества сделались главной целью Юлиана. Он тотчас же объявил себя почитателем богов Греции и Рима, велел во всех городах открыть языческие капища, а там, где они были разрушены христианами, построить новые за их счет. Сам принимал деятельное участие во всех языческих торжествах и говорил, что звание «верховного жреца»¹⁵² для него почетнее и драгоценнее, чем титул императора. Будучи человеком образованным, ученым, он был тем не менее суеверен до крайности, верил всяким гаданиям и заклинаниям, считал за великую честь принимать любое участие в языческих обрядах. Юлиан вставал ночью, чтобы произнести молитву идолам, начинал день с жертвоприношения в честь солнца, возобновлял древние, почти забытые обряды, оказывая равное уважение богам Греции, Рима и Востока. Царский дворец и сады наполнились кумирами богов, царские палаты стали напоминать языческие капища, везде курился фимиам, воздвигались алтари, совершались жертвоприношения. Языческая партия в Риме с восторгом приветствовала новое царствование. Софисты и витии поспешили к царскому двору, где вскоре заняли почетные места. Все те, которые только из личных выгод исповедовали христианскую веру в прежние царствования, стремились заявить свою приверженность к древнему богочитанию в надежде привлечь этим царскую милость.

Юлиан понимал, однако, что язычество не может иметь силы, если не преобразуется и не очистится. Христианский закон показал миру образец нравственной красоты, которая внушала уважение даже неверующим. После этого безнравственность язычества должна была стать неприятной для лучших из язычников. И Юлиан решил преобразовать язычество по образцу нравственного закона христиан. Он запретил жрецам являться на публичные увеселения, требовал, чтобы они вели жизнь чистую и воздержанную, предлагали народу нравственные поучения, велел устраивать при капищах странноприимные дома и больницы, на содержание которых выдавал деньги. «Стыдно нам, – говорил он, – что галилеяне (так звал он христиан) содержат не только своих бедных, но еще и наших».

Стараясь таким образом очистить и возвысить язычество, Юлиан в то же время действовал против христиан самыми хитрыми мерами. Явного гонения он не возбуждал и даже объявил, что каждый из его подданных свободен поклоняться тому божеству, которое считает истинным. С самого начала своего царствования вызвал из ссылки всех изгнанных, но это было сделано с тайной надеждой, что христиане своими распрями помогут ему. Юлиан старался всячески унижить христиан, ограничить круг их деятельности, лишить средств к образованию. Он запретил им иметь училища, ссылаясь на то, что для христиан достаточно изучать Евангелие¹⁵³, отнимал у христианских церквей возможность помогать бедным и отдавал их богатства в пользу капищ, лишил христиан прав, дарованных им в прежние царствования, запретил занимать гражданские должности. Да и доступ в суды, в присутственные места для христиан затруднился, потому что все публичные здания были вновь поставлены под покровительство богов, а у входа стояли идолы.

Но этим не ограничилось. Достаточно было язычникам узнать о ненависти царя к христианам, чтобы во многих городах начались гонения и насилия. В Газе, Аскалоне, Иераполе христиан предавали истязаниям, грабили и разоряли христианские храмы и кладбища, и все это совершалось безнаказанно. Христианские городские начальники были заменены язычниками, которые потворствовали гонениям, получая от Юлиана открыто легкие выговоры, а тайно – награды. Сами указы царя подавали повод к гонениям. Велено было строить языче-

¹⁵² Интересно, что звание «верховного жреца» (*pontifex maximus*) до конца своих дней носил и Константин Великий, чтобы не раздражать часть своих подданных, однако он не придавал этому никакого значения.

¹⁵³ Делая это, безусловно, не без того успеха, что образованные христиане, хорошо знакомые с «эллинским мудрованием», легко опровергали все философские построения язычников, доказывая тщету их веры.

ские капища за счет христиан. В Арефузе потребовали на это денег от престарелого епископа Марка, того самого, который некогда спас Юлиана от смерти. Епископ отвечал, что у него нет денег, но если бы и были, то не дал бы их на сооружение идольского капища. Было известно, что он действительно беден; и городские власти, постепенно уменьшая свои требования, решили довольствоваться самой малой суммой, которую Марк мог бы заплатить, но для епископа дело было не в деньгах. Он готовился скорее умереть, чем дать что-либо на капище. Язычники с яростью бросились на него, *стали* его бить, волочить по улицам и замучили до полусмерти, но не преодолели его твердости. Двое юношей во Фригии, Амасийский епископ Василий и много церковнослужителей скончались мученической смертью. Гонители проникли даже в пустыни. Жители Кесарии разрушили капища и после смерти епископа Диания избрали себе епископом Евсевия, занимавшего прежде гражданскую должность. Это так рассердило Юлиана, что он лишил город разных преимуществ, наложил тяжкую денежную пенью на жителей, а несколько человек казнил. Отнимая имущества у церквей, он говорил: «Я действую, как лучший друг галилеян; их закон обещает неимущим Царство Небесное; я помогаю им достигнуть оно, отнимая у них временные богатства».

Изыскивая все новые способы оскорбить христиан, Юлиан повелевал даже тайно кропить кровью от идольских жертв припасы, продаваемые на торжищах. Однажды на первой неделе Великого поста Константинопольскому епископу явился ночью святой мученик Феодор Тирон и сказал: «Запрети христианам употреблять в пищу купленное на рынке; а пусть те, которые не имеют других запасов, сварят у себя пшеницу с медом». С этих пор ведется в Церкви обычай употреблять на первой неделе Великого поста *коливо* – в память св. мученика Феодора Тирона¹⁵⁴.

Юлиан обманом заставлял воинов бросать фимиам на идольский жертвенник, когда раздавал им награды. Некоторые из них, узнав потом, что сделали, отказывались от наград. С такими поступали как с ослушниками. Три царских сановника, Иовиан и братья Валент и Валентиниан, которые потом последовательно стали императорами, лишились милости Юлиана и были сосланы за то, что исповедовали христианскую веру и отказались участвовать в языческом обряде. Юлиан велел снять знамение креста с воинской хоругви. Это повеление произвело ропот среди христианских воинов, некоторых казнили. С каждым днем положение христиан становилось труднее, и везде происходили волнения.

---

¹⁵⁴ Феодор Тирон (новобранец) – великомученик, исповедовав себя христианином, сжег капище Кибелы и после бичевания и жестоких мучений сожжен на костре (♣ 306 г.). Его память Церковь чтит 17 февраля и в субботу 1-й недели Великого поста.

Святой мученик Феодор Тирон. Фреска. Монастырь Ставроникита. Св. Гора Афон, Греция, XVI в.

Очень скоро они возникли и в Александрии. Там все были недовольны епископом Георгием. Одни жалели об Афанасии, другие негодовали на Георгия за его корыстолюбие: он забрал в свои руки все городские доходы и обременял народ поборами. Один раз александрийцы уже изгнали его, но Констанций возвратил; и общее неудовольствие возросло до крайности, когда Юлиан вступил на престол. Вскоре в Александрии вспыхнул мятеж. Язычники схватили Георгия, замучили его, а вместе с ним и некоторых христиан. Юлиан легко простил злодеяние, жертвой которого были христиане, и письменно заверил александрийцев в своей неизменной благосклонности. Но одно обстоятельство раздражало его до крайности – возвращение Афанасия. Великий епископ, узнав об указе, вызывающем из ссылки всех изгнанных, и о смерти Георгия, поспешил в Александрию. Паства приняла с радостью любимого пастыря, отсутствовавшего шесть лет. Казалось, весь Египет вышел его встречать. Везде раздавались благодарственные молитвы. Христиане надеялись найти в нем твердого защитника от язычников, везде восстанавливавших капища и старавшихся оживить язычество.

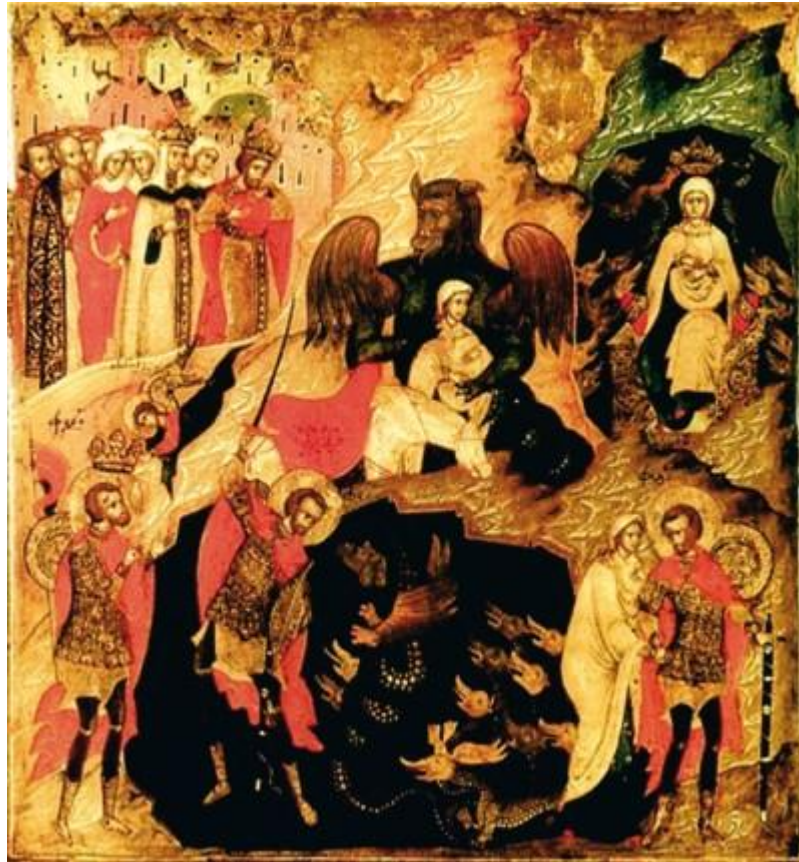

Святой мученик Феодор Тирон. Икона

Но их действия беспокоили Афанасия меньше всего. Он вполне верил силе христианской веры и считал безумными и тщетными все попытки восстановить умирающее язычество. Несравненно больше тревожили его распри христиан и тот внутренний разрыв, который ариане произвели в Церкви Христовой. Те немногие епископы, которые не изменили истине во время господства ариан, не хотели иметь общение с теми, кто подписал арианский символ, хотя многие поступали так по простоте, будучи обмануты хитростью ариан. Они потом каялись, уверяя, что не имели мысли изменить Ни кейскому Символу. Такое состояние было крайне тягостно; и на это Афанасий обратил внимание, прежде всего стараясь восстановить мир, любовь и единодушие. Он созвал в Александрии Собор. Учение Церкви о Пресвятой Троице было вновь ясно изложено, и Афанасий убедил святых исповедников, никогда не изменявших истине, принять с любовью падших кающихся братьев. Он умел соединить мудрую строгость с кротостью и снисходительностью к слабым, не раздражал никого, возбуждал в христианах взаимную любовь. Афанасий заботился о восстановлении мира в Антиохии, разделенной между тремя епископами, писал письма в Рим, Галлию, Испанию, убеждая верующих единодушно служить Богу в духе взаимной любви. Больше других пастырей Афанасий имел право быть строгим, потому что сам неизменно служил истине, много пострадал и остался без укора. Поэтому слова мира и прощения из его уст были везде

принимаемы с живейшей радостью, а его действия, проникнутые горячей любовью и ревностью о Господе, усмиряли вражду и раздоры.

Чудо св. Феодора Тирона. Икона

Это было крайне неприятно Юлиану. Возвращая изгнанных христиан, он хотел воспользоваться их распрями в своих целях, постоянно старался возбуждать раздоры, оказывал благосклонность лжеучителям, покровительствовал донатистам (в Африке) и вновь возбуждал волнения, казавшиеся утихшими. Он возненавидел Афанасия и прислал ему повеление удалиться из Александрии, утверждая, что тот не имел права вновь занять свою кафедру без особенного разрешения, хотя так поступали все епископы. Афанасий повиновался и удалился из города. Православные вознегодовали и обратились к царю с просьбой возвратить епископа. Это еще больше возмутило Юлиана, и он велел изгнать Афанасия вообще из Египта. Затем в Александрию непрерывно шли новые распоряжения, одно другого строже. Велено было сжечь главную церковь в городе и предать Афанасия смерти, если его найдут. Христиане со слезами провожали любимого епископа. Он утешал их и говорил: «Не плачьте, это небольшое облако, оно скоро пройдет». На ладье поплыл великий пастырь по Нилу к Фиваиде. Воины, имевшие повеление убить его, последовали за ним. Они уже почти настигли его, как вдруг Афанасий велел повернуть лодку и плыть им навстречу. Воины, не ожидая этого, не узнали его. «Далеко ли Афанасий?» – спросили они. «Нагоните скоро, если поспешите», – отвечали им спутники епископа. Они продолжали плыть, а Афанасий вышел на берег и вновь нашел убежище у пустынных подвижников.

Стремясь как можно больше оскорбить христиан, Юлиан задумал восстановить Иерусалимский храм. Он надеялся этим нанести христианам чувствительный удар, доказав ложность пророчеств. Конечно, Юлиан, как ревностный язычник, не мог иметь сочувствия к иудеям, которые не скрывали своего презрения к многобожию. Но иудеи ненавидели христиан, и этого было достаточно, чтобы привлечь к ним милость императора. Он написал им

письмо, в котором, выразив свое сочувствие к печальной участи иудеев, угнетенных будто бы христианами, предлагал им восстановить Иерусалимский храм и обещал свою помощь. «Когда же храм будет окончен, – писал он, – я сам с вами принесу в нем жертву Господу Саваофу в благодарность за торжество над христианами». Иудеи приняли это предложение с восторгом. Восстановление храма было любимой мечтой несчастного народа: с восстановлением древней святыни связывали они надежды на величие и славу. Иудеи вновь стали мечтать о независимости и толпами поспешили в Иерусалим. Там они действительно получили от Юлиана щедрое пособие и нашли царского сановника, которому было поручено надзирать за работами и оказывать иудеям всякую помощь. Уверенные в покровительстве царя, иудеи стали везде наносить оскорбления христианам: во многих городах предавали их истязаниям, везде безнаказанно ругались над их верой. В Иерусалиме положение христиан сделалось крайне тяжелым. Святой епископ Кирилл¹⁵⁵ ободрял свою паству, потому что был твердо уверен, что храм не возобновится, а Господь Сам поможет служителям Своим.

Между тем приступили к восстановительным работам. Иудеи с восторгом принялись за священный для них труд; всякий хотел принять в нем участие, всякий жертвовал, чем мог. Орудия для работы отделялись золотом и серебром. Женщины отдавали свои дорогие украшения, в полах богатой одежды носили камни, землю копали серебряными лопатами. Но едва успели расчистить место и приготовить материал для постройки, как страшное землетрясение с бурей и вихрем разметало все заготовленное и множество работников было задавлено обломками и камнями. Работу на время оставили. Когда же опять приступили к делу, случилось новое землетрясение, страшнее первого.

На этот раз остатки еще уцелевшего основания *были* вырваны из земли, орудия разнесены вихрем, пламя, вырываясь клубами из земли, опалило работников и оставило на телах и одеждах изображение креста. Ужас объял иудеев. Они убедились, что Сам Бог против них; многие уверовали и крестились. Юлиана известили о случившемся. Он рассердился, запретил упоминать об этом событии как о чем-то необыкновенном и изгнал епископа Кирилла.

Кирилл, епископ Иерусалимский (315–386), епископ с 351 г. Трижды свергался со своей кафедры арианами. Блаженный Иероним и некоторые другие отцы, однако, считали его арианом, на том основании что посвящение в епископы он получил от арианина Акакия и затем долгое время дружил с полуарианами. Святой Кирилл, действительно, не употреблял в своих сочинениях слово «Единосушный», хотя присутствовал на II Вселенском Соборе в качестве православного епископа, «подвизавшегося против ариан», и принял Никейский Символ. Известен благодаря своим катехизическим трудам: огласительным и тайноводственным поучениям, имеющим большое значение для истории христианских догматов, Таинств и обрядов.

Не удалось действия Юлиана в пользу язычества в Антиохии. В предместьях Антиохии, Дафне, стоял великолепный храм, посвященный Аполлону. Кумир Аполлона славился издавна, и толпы поклонников, бывало, посещали капище, в котором совершались богатые жертвоприношения. Но теперь все изменилось. Капище стояло пустым. В предместье *была* незадолго до того выстроена церковь, в которой покоились тела священномученика Вавилы и трех отроков, пострадавших с ним при Декии. Вокруг церкви возникло христианское кладбище, и христиане приходили молиться на том месте, где прежде совер-

---

¹⁵⁵ Кирилл, епископ Иерусалимский (315–386), епископ с 351 г. Трижды свергался со своей кафедры арианами. Блаженный Иероним и некоторые другие отцы, однако, считали его арианом, на том основании что посвящение в епископы он получил от арианина Акакия и затем долгое время дружил с полуарианами. Святой Кирилл, действительно, не употреблял в своих сочинениях слово «Единосушный», хотя присутствовал на II Вселенском Соборе в качестве православного епископа, «подвизавшегося против ариан», и принял Никейский Символ. Известен благодаря своим катехизическим трудам: огласительным и тайно-водственным поучениям, имеющим большое значение для истории христианских догматов, Таинств и обрядов.

шались языческие обряды. Юлиан, собираясь в поход против персов, прибыл в Антиохию и захотел вопросить идола. Он надеялся найти в капище прежнее великолепие и толпы поклонников с богатыми приношениями, но, к великому своему удивлению, нашел там только одного жреца, который от себя принес гуся в жертву языческому богу. Он стал вопрошать идола, но Аполлон не дал ответа. «Что это значит?» – спросил разгневанный Юлиан. Жрец приписал неудачу соседству мощей святого Вавилы. Юлиан велел удалить их. Все антиохийские христиане прибыли в Дафну и торжественно перенесли мощи в соборный храм, воспевая громогласно: *Велик Господь и достолавен паче всех богов: все идоле народов ничто; Господь же сотворил Небеса... Небеса возвещают правду Его, и все народы – видят славу Его. Да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся ничтожными идолами!* (ср.: Пс. 95, 4–5; 96, 6–7). Это возмутило Юлиана, тут же давшего распоряжение мучить христиан. В то же время он повелел отделать заново и с большим величием капище Аполлона, а сам был намерен торжественно открыть его. Но вдруг, в ночь на тот день, капище сгорело до основания! Обвинили христиан и многих казнили, хотя соседние поселяне утверждали, что огонь с неба упал на капище. Святой епископ Мелетий сопровождал осужденных на место казни, молясь с ними, за что был сразу изгнан. Христианские церкви вновь грабились, язычники ругались над христианами и совершали всякие злодеяния. Но небесное правосудие скоро настигло гонителей. Дядя Юлиана, отступник, как и он, был одним из самых жестоких врагов христиан. Он тешился их страданиями, нагло ругался над святыней храмов. Вдруг страшная, внезапная болезнь поразила его и некоторых его товарищей, и все они скончались в ужасных мучениях. Но и это не вразумило Юлиана. Гонение распространилось по всей Сирии. Юлиан письменно восхвалял усердие язычников, когда они жгли церкви и разоряли христианские кладбища, и в своих сочинениях старался опровергать и высмеивать христианскую веру.

Царь жил в Антиохии довольно долго, но не сумел завоевать расположение даже язычников. Они *любили* увеселения и *были* недовольны тем, что Юлиан чуждался их, но принимал участие в самых нелепых обрядах, которым и язычники перестали верить¹⁵⁶. Они громко высмеивали его суеверие, грубое обхождение, самую наружность его, небрежность, доходившую до неопрятности, хотя этой небрежностью Юлиан думал доказать свое презрение к роскоши.

Недовольный и раздраженный своим пребыванием в Антиохии, Юлиан двинулся в поход со значительными силами. На пути он посещал знаменитые языческие капища, усердно совершал жертвоприношения и вопрошал идолов, давал щедрые пособия на возобновление разрушенных языческих храмов, обещая открыть их с торжественностью на обратном пути. Но Юлиану не суждено было возвратиться. Ободренный первыми успехами против персов, которые его просто заманивали в глубь страны, он зашел далеко за Евфрат, сжег за собой флот, но был смертельно ранен в сражении неприятельской стрелой. Чувствуя, что смерть близка, он в ярости схватил в горсть запекшуюся кровь, текущую из раны, и, бросив ее в воздух, воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!» Так бесславно закончил Юлиан свою жизнь.

Войска, оставшиеся без начальника, поспешили избрать императора. У Юлиана не было детей, и царствующая династия пресеклась. Единодушно избрали Иовиана¹⁵⁷, христиа-

¹⁵⁶ Так известен случай, когда Юлиан в одиночестве приносил жертву богам под проливным дождем, а немногочисленные язычники, уstraшенные ливнем, укрывались в отдалении.

¹⁵⁷ Иовиан Флавий (ок. 331–17.02.364) – римский император с 27 июня 363 г. Он происходил из Сингидунума (ныне Белград) и выдвинулся благодаря личным качествам. По свидетельству историков, «имел великую душу». Будучи начальником личной охраны Юлиана Отступника, тотчас после его смерти был возведен солдатами на императорский трон. Иовиан сразу же заключил мир с персидским царем Шапуром (Сапором) II на 30 лет, отдав ему владения Рима в Месопотамии и Армении. Император, как ревностный христианин, сразу отменил все языческие эдикты Юлиана и возвратил Церкви ее привилегии, однако не стал преследовать язычество, полагая, что оно падет само.

нина, пользовавшегося всеобщим уважением. «Я не хочу начальствовать над язычниками», – сказал Иовиан войскам, избравшим его. «Не язычниками будешь ты предводительствовать, а христианами, – воскликнули воины, – краткое царствование Юлиана не изгладило из наших сердец истинной веры и поучений Великого Константина», – и они тотчас же водрузили крест над воинским знаменем.

Не скоро дошла в Константинополь весть о кончине Юлиана в отдаленной стране. Но это событие было открыто некоторым святым мужам чудесным образом. Отшельник Юлиан Савас известил своих учеников о смерти царя в самый час его кончины. В Александрии знаменитый христианский ученый, Дидим Слепец¹⁵⁸, во время молитвы ночью услышал слова: «Сегодня не стало Юлиана; извести об этом Афанасия».

Афанасий в то время скитался в пустынях Египта, преследуемый воинами, которым было велено убить его. Среди опасности он не знал страха и твердо уповал на Бога. «Я спокоен, как в дни мира, – говорил он отшельникам, – ибо страдаю ради Христа и укреплен Его благодатью, сердце мое готово на все, что пошлет мне Господь». Он советовался с аввою Памвой и с Феодором Освященным¹⁵⁹, куда бы ему направить путь, но Феодор сказал ему: «Тебе нет нужды укрываться в настоящий час, Юлиан пал в Персии».

Два года с небольшим царствовал Юлиан, и в это время он употребил, конечно, самые сильные меры к низложению христианства. Но его попытки только еще больше доказали силу христианства и слабость язычества. Язычество не могло ожить после того, как мир узнал чистый и высокий закон Христа, а гонение послужило благотворным испытанием для христиан, которые познали из опыта силу единодушия и взаимной любви.

Новый император поспешил возвратиться из Персии, где положение армии было крайне трудным. Заведенная Юлианом в глубь неприятельской страны, она не имела достаточно сил, чтобы продолжать войну, и терпела недостаток во всем. Иовиан был вынужден заключить невыгодный мир и уступить Сапору некоторые области и города. Низибия, так долго оборонявшаяся, попала под власть персов. Много пострадали от новых своих властителей и христиане Месопотамии и других областей.

На обратном пути армии крест, предшествовавший войскам, возвещал всем областям, к какой вере принадлежит новый император. Впрочем, он и не замедлил в посланиях ко всем областным правителям исповедать себя христианином, объявляя притом полную свободу вероисповеданий всех своих подданных. Иовиан возвратил из ссылки христиан, изгнанных за веру, и отменил все распоряжения Юлиана против христиан. Прибыв в Антиохию, он призвал Афанасия и принял от него письменное изложение Никейского Символа как единого истинного. Христиане обрадовались, и нигде радость не омрачалась гонением на язычников. Мир водворился как бы сам собой; христиане и не думали мстить за перенесенные обиды, но спокойно радовались торжеству истины; проповедники призывали к кротости и незлобию. Но скоро печаль заменила радость: Иовиан, не успев достигнуть столицы, внезапно умер. Общий выбор пал на Валентиниана, уроженца Паннонии, человека твердого, который при Юлиане потерпел за христианскую веру. Избрание Валентиниана, ревностного христианина, ясно доказало, как бессильна была языческая партия, на миг ожившая под покровительством Юлиана.

---

¹⁵⁸ Дидим Слепец, Дидим Александрийский (310—395 гг.) – величайший ученый и богослов своего времени, более пятидесяти лет управлял Александрийским огласительным училищем. Ученик и преемник по училищу святого Афанасия Великого, Дидим так же боролся против ариан, хотя и был последователем Оригена. Из написанных Дидимом комментариев на все Священное Писание до нас дошла только «Книга о Святом Духе», а также трактаты о Троице и против манихейства. Усердным слушателем Дидима был блаженный Иероним, который и перевел его сочинения на латинский язык.

¹⁵⁹ Феодор Освященный (♣ 368 г.), ученик св. Пахомия Великого, назван так потому, что один из всей братии имел священный сан. Память преподобного Церковь чтит 16 мая.

Глава II

Гонение от ариан при Валенте. Василий Великий, епископ Кесарийский. Святой Григорий Богослов

Миновало гонение от язычников, но опять настало гонение от ариан. Валентиниан¹⁶⁰, по примеру многих своих предшественников, счел нужным избрать себе соправителя, и выбор пал на его младшего брата, Валента¹⁶¹. Он поручил ему Восток, а сам стал управлять западными областями, пребывая то в Медиолане (Милане), то в Трире и Равенне.

Валент принял крещение от арианского епископа Евдокса и клятвенно обещал поддерживать арианское исповедание. Он сдержал слово. С его вступлением на престол возобновились для Церкви тяжелые времена Констанция и господства ариан. Православные епископы заменялись арианами, православные церкви закрывались или отдавались арианам. Вышло повеление, чтобы все епископы, изгнанные Констанцием и возвращенные Юлианом, опять оставили свои кафедры. Прибегали и к более жестоким мерам. Восемьдесят православных епископов, присланных с жалобой на притеснения от ариан, скончались мученической смертью. Подробности их казни просто возмутительны. Валент, опасаясь общего негодования, велел предать их смерти тайно: осудив их будто бы на изгнание, корабль, отплывший довольно далеко от берега, подожгли, и все они погибли.

---

¹⁶⁰ Валентиниан Флавий I (321—17.11.375) – римский император с 25 февраля 364 г. После смерти Иовиана войско, стоявшее в Никее (ныне узник в Турции), провозгласило его императором. С 366 г. начинаются усиленные военные действия Валентиниана: он изгоняет алеманнов из Галлии (Франции), ведет оборонительные войны с франками и саксами по рейнской границе, восстанавливает римскую власть в Британии и подавляет восстание в Африке 372—374 гг. В период правления Валентиниана проводятся значительные административные и судебные реформы. В 367 г. император делает своим соправителем сына Грациана, основывая тем самым новую династию.

¹⁶¹ Валент Флавий (328—9.08.378 гг) – римский император с 28 марта 364 г., соправитель Валентиниана I, правил восточной частью империи. В 367—369 гг. победил готов на нижнем Дунае, а в 370—378 гг. вел войны в восточных провинциях с персидским царем Шапуром (Сапором) II. В 377 г. вестготы, возмущенные произволом римских чиновников, подняли восстание. Валент, не дожидаясь вспомогательной армии Грациана, вступил с ними в бой и был убит. Еще ранее, стремясь умирить варварские племена, Валент предпринял неудачную попытку обратить их в христианство, но поскольку сам был ревностным арианином, то послал туда арианских епископов, вследствие чего почти все вожди варваров исповедовали арианство, а овладев затем Римской империей, облегчили отход от Никейского символа и торжество католицизма. Валент стал последним римским императором-арианином.

Иператор Валентиниан

Указ об удалении епископов произвел сильное волнение в Александрии. Христиане, еще так недавно обрадованные возвращением Афанасия, были готовы стоять за него до смерти. Городские власти даже не решались настаивать на исполнении указа, но сам Афанасий, не желая навлечь на Александрию гнев императора, тайно удалился из города и поселился в гробнице родителей. Александрийские христиане приступили к царю с просьбой вернуть его. Валент уступил, боясь настроить против себя весь Египет, тем более что в эту пору поднял мятеж Прокопий, к которому присоединились многие. Он возвратил Афанасия и больше не преследовал его. Великий епископ был уже стар, но силы духа не изменяли ему. Он по-прежнему был деятелен и тверд: созывал Соборы, излагал учение Церкви, сносился с другими епископами, убеждая их действовать единодушно. Ему усердно помогал Василий, который был пресвитером в Кесарии, а с 371 года – епископом. И Афанасий утешался тем, что в нем святая истина найдет твердого и ревностного защитника. Ему самому уже недолго оставалось жить. Святитель Афанасий Великий скончался в 373 году, 80 лет от роду. Он был епископом сорок шесть лет и все это время провел в постоянной борьбе за святую истину. Порой самые твердые его помощники падали духом и уступали внешней силе. Но ничто не могло поколебать Афанасия. Он переносил изгнание, страдания, никогда не менял убеждения и не уклонялся от своих обязанностей, показывая пример христианского мужества.

Мы помним, что Василий удалился в пустыню. Там, вдали от мирского шума, он служил Церкви, излагая и объясняя письменно ее учение и стараясь оградить иноков от влияния ереси. Через некоторое время епископ Евсевий призвал его в Кесарию и посвятил в пресвитеры. Василий стал деятельно помогать ему. Но слава Василия возбудила в Евсевий чувство зависти, и Василий, заметив это, удалился. Епископ, однако, скоро понял, что он

один не в силах править делами Церкви в такое трудное время, и снова попросил помощи у Василия. Вскоре все дела перешли в руки пресвитера, который отдался своему служению с полным самоотвержением. Главным и любимым его делом, которое он совершал ежедневно, иногда два раза в день, было проповедание слова Божия. Избегая глубоких умозрений, недоступных слушателям, Василий в живом слове излагал им обязанности христианина, объяснял Священное Писание, красноречивым описанием чудотворения возвышал их сердца к Творцу, старался побудить к христианской деятельности. Его слова, изливаясь из горячего, любящего сердца, действовали сильно и убедительно. Он умел подвигнуть своих слушателей на дела любви и милосердия, подавая им личный пример. Живя бедно, отказывая себе даже в необходимом, Василий устраивал в Кесарии и в окрестностях обширные больницы, приюты, странноприимные дома. Все, что имел, отдавал бедным, помогая и христианам, и иноверцам, сам ходил за больными. При этом Василий находил время устраивать в обителях общежитие, писать уставы для иноков и правила для воспитания детей, обличать лжеучения, входить в сношение с защитниками Православия в других городах, заступаться в судах за бедных и угнетенных. И вся эта неутомимая деятельность тем более достойна удивления, что Василий был очень слабого телосложения и почти постоянно болел. Но силы духа побеждали в нем телесную немощь, и Господь укреплял его на полезное служение. По вдохновению свыше Василий изложил письменно чин Божественной литургии¹⁶² и составил много молитв.

После смерти Евсевия (в 371 году) в Кесарии пожелали иметь епископом Василия. Этому сильно противилась партия ариан. Тогда престарелый Назианзский епископ, отец Григория, уже слабый и больной, велел перенести на носилках себя в Кесарию, и его голос способствовал избранию Василия.

Василию было трудно расширить свою деятельность, но круг его обязанностей стал обширнее. В ведении кесарийского епископа находились (кроме Каппадокии) епархии Галатии, Понта, Армении; везде происходили смуты, везде Православие колебалось. Василий не щадил сил: обзирал епархии, писал послания, старался везде отыскать себе усердных помощников. Брат его Григорий, назначенный епископом в Ниссу, другой брат Петр, Севастийский епископ, друг его Григорий – все они содействовали ему, сколько могли. Другие усердные пастыри Церкви соединяли свои силы, чтобы противодействовать успехам арианства, поддерживаемого Валентом. Василий обращался и к сочувствию западных братьев, описывая им бедственное состояние истинных христиан на Востоке.

«Вы, может быть, – писал он, – подвигнетесь на помощь Церквей восточных, ибо наши испытания тяжки и долговременны; вы же, возлюбленные о Христе братья, знаете, что совершенство закона состоит в любви. Троньтесь нашими бедствиями; не извиняйтесь домашними заботами; дело идет не об одной Церкви или двух: буря свирепствует от пределов Иллирии и до пустыни Фиваиды. Извращены догматы благочестия, изглажены уставы Церкви; страсть господствования преобладает, и предстояние церковное предлагается в награду за нечестие. Пастыри предают стадо Божие и расхищают милостыни нищих. Исчезла строгость правил; дана широкая свобода грешить... Не стало суда праведного; всякий ходит по желанию своего сердца... Стяжавшие власть через угождение человекам сделались рабами оказавших им милость. У некоторых и защита Православия обратилась в орудие взаимной брани; скрывая свою вражду, они дают ей вид поборничества по благочестию. Другие поощряют народ к взаимным ссорам, чтобы общими пороками скрывать свои. Поддерживается непримиримая брань. Этому смеются неверующие; колеблются маловерные...

¹⁶² Литургия Василия Великого совершается у нас десять раз в году: 1 января, в день его памяти, в пять воскресных дней Великого поста, в Великий Четверток и в Великую Субботу, в сочельники перед Рождеством Христовым и перед Богоявлением, а также в самые эти праздники, когда сочельники бывают в субботние или воскресные дни.

Умолкли уста благочестивых; развязан всякий хульный язык, осквернено святилище. Здравомыслящие убегают домов молитвенных как училищ нечестия и в пустынях со стенаниями и слезами воздевают руки к Господу, существу на Небесах».

Это послание, подписанное тридцатью двумя епископами, дает нам понятие о страданиях христиан на Востоке. Западные епископы оказали, впрочем, мало сочувствия; но все здравомыслящие христиане Востока тесно сблизились с Василием.

Валент, зная силу кесарийского епископа, очень желал привлечь его на свою сторону. Собираясь ехать в Кесарию, он предварительно поручил префекту Модесту, известному своей решительностью и жестокостью, расположить Василия к общению с арианами. Префект стал убеждать Василия.

– Для чего ты противишься государю, – говорил он ему, и один остаешься упорным? Для чего не держишься одной веры с царем?

Василий объяснил, что не может принять заблуждений ариан. Модест стал грозить ему изгнанием, лишением имущества, смертью.

– Если можешь, угрожай чем-нибудь другим, – возразил епископ. – Изгнания я не боюсь, ибо вся земля Господня; отнять имущество нельзя у того, кто ничего не имеет; смерть для меня благодетель: она соединит меня с Господом, для Которого живу и тружусь.

Величие Василия изумило префекта.

– Доселе никто так не говорил со мной, – сказал он.

– Вероятно, тебе не случалось говорить с епископом, – спокойно отвечал Василий.

Модест, убедившись, что угрозы бессильны, стал представлять Василию все выгоды, которые Церковь получит от его уступки.

– Подумай, – говорил он, – как важно для твоей паствы быть в общении с великим государем. А от тебя что требуется? Только чтобы ты согласился исключить из Символа слово «Единосущный».

– Конечно, – ответил Василий, – для государя весьма важно вступить в общение с Церковью, ибо важно спасение души; но допустить исключение из Символа хотя одного слова или изменить в нем что-либо, на это не соглашусь.

– Подумай до завтра, – сказал префект.

– Не нужно; завтра я таков же, как нынче.

Модест отпустил Василия и, когда прибыл царь, донес ему о неуспехе поручения. Были еще сделаны попытки склонить епископа, но все осталось тщетно. Ариане советовали прибегнуть к открытой силе, но Валент боялся раздражать всю область и не терял надежды убедить Василия. В день Богоявления, 6 января 375 г., он пошел в храм, желая принести дар в пользу Церкви, и был поражен величием и торжественностью службы, однако никто из диаконов, не имея на то разрешения епископа, не решился принять его пожертвование. Валент был так смущен, что едва не упал, если бы его не поддержали придворные. Тогда святитель Василий сделал знак принять приношение императора. Ему не удалось здесь поговорить с Василием, но в другой раз он имел с ним беседу в алтаре. И слова Василия, видимо, сильно подействовали на него: он оставил епископа в покое.

Впрочем, спустя некоторое время советы ариан превозмогли, и Валент отправил Василия в изгнание. Вдруг сын императора опасно занемог, и Валент, видя в этом Божью кару, поспешно отменил приговор и послал просить молитв епископа. Ребенок выздоровел. Валент уже не тревожил Василия; и гонение, сильное во всех областях, миновало Каппадокию.

Имя и влияние великого Афанасия, как мы видели, ограждало и Александрию от насилия ариан. Но едва Афанасий умер, как во всем Египте началось сильнейшее гонение. Александрийская Церковь избрала в преемники Афанасию благочестивого Петра, но ариане удалили его и прислали своего епископа, Лукия. Соединяясь с язычниками и иудеями, они силой

вторгались в церкви, производили в них злодеяния и грабежи, ссылали в заточение всех православных церковнослужителей.

Однако само гонение, как замечал Афанасий, было красноречивой проповедью против ариан и возбуждало к ним общую ненависть. При Валенте благовестование подвижников обратило к вере многих сарацин, живших близ пустыни, и царица их, Мавия, пожелала, чтобы был посвящен в епископы сарацинский инок Моисей. Он для этого прибыл в Александрию, но перед всем народом отказался принять рукоположение от арианина Лукия. «Я недостойн быть епископом, – говорил он, – но если уже Господь призывает меня к этому святому служению, то не хочу быть рукоположен тем, кто обагрён кровью святых». – «Не осуждай меня, не узнав сперва веры моей», – сказал Лукий. «Я знаю вашу веру, – отвечал Моисей, пастыри Церкви, томящиеся в заточении, осужденные на работы в рудниках, предаваемые огню, – вот свидетельства вашей веры».

Гонение не пощадило и пустынников. Многие, в том числе и оба Макария, были сосланы на дикий остров. Но их чудеса и поучения обратили и там много язычников. Слава их распространилась еще больше, и тогда гонители сочли выгоднее для себя возвратить великих старцев в безмолвные пустыни. Одна знатная и богатая римлянка по имени Мелания, посещавшая в это время пустыни, тоже подверглась гонениям. Она кормила ежедневно до пяти тысяч иноков, лишенных всяких средств, и последовала за изгнанными в Палестину. Ее хотели заключить в темницу, но остановились, узнав об ее богатстве и славном роде¹⁶³.

В некоторых местностях насилия ариан доводили население до такой степени истощения, что сами гонители приходили в ужас. Эдесский православный епископ был изгнан и заменен арианином, но народ отказался от общения с ним и стал собираться для молитвы в пустынных местах, под открытым небом. Валент повелел Модесту силой разогнать эти собрания и предавать смерти ослушников. Модест обнародовал это повеление, желая избежать строгих мер. Но собрания продолжались. Модест отправился с воинами, чтобы исполнить приказание царя, и на пути встретил женщину, которая поспешно шла на молитвенное собрание, ведя за руку ребенка. «Куда идешь? – закричал ей Модест. – Я никого не буду щадить; тебя и ребенка твоего там ожидает смерть!» – «Я это знаю, – отвечала женщина, – потому и спешу, чтобы с ребенком своим удостоиться мученической смерти». Модест уведомил царя об этом, умоляя его отменить распоряжение, потому что пришлось бы предать смерти почти все население. Валент смягчил указ, но изгнал около восьмидесяти церковнослужителей, не согласных на общение с арианами. На пути к изгнанию народ их встречал с почетом как исповедников, и ревность к истинной вере все больше воспламенялась.

К сожалению, арианские заблуждения распространились далеко. Задунайские готы начали еще с III века принимать христианскую веру от пленных, взятых ими на войне. В IV веке христианская вера сильно распространилась между готами. Около 360 года их епископ Ульфилла изобрел готскую азбуку и перевел на готский язык часть Священного Писания. Несколько мучеников положили жизнь за веру Христову в кровавых распрях между готскими князьями христианином фритигерном и язычником Афанарихом. Имена готских мучеников (Никиты, Саввы и других) славились в Церкви. Готская Церковь часто сообщалась с Церковью Каппадокийской и другими, несмотря на враждебные отношения готы к империи. При Валенте готы, теснимые с севера, прислали просить у императора разрешения

¹⁶³ Мелания Римляныня (388-439 гг.) – внучка Меланин (старшей, ♣ 410 г.); в ранней юности была выдана замуж за юношу из столь же знатного и славного рода, как и сама. Вопреки ее желанию вести целомудренную жизнь супруг желал иметь наследников их богатых владений. Однако их ребенок умер, и сама Мелания едва осталась жива. После этого супруг уступил настойчивым просьбам и отпустил ее в монастырь. Когда в 410 г. вестготы разграбили Рим, Мелания удалилась на Сицилию, затем поселилась в Нумидии, позднее жила в Иерусалиме, где основала монастырь. Церковь чтит ее память 31 декабря.

поселиться во Фракии. Среди посланных был епископ Ульфила. К сожалению, он заразился арианским лжеучением и после возвращения распространил ересь среди готов.

Готы действительно перешли Дунай, чтобы поселиться во Фракии, но притеснения от областных начальников и нарушение договоров вызвали сильное негодование, и вскоре вспыхнула война. Валент во главе большого войска пошел против готов.

Когда Валент отправился в поход, ему встретился святой отшельник по имени Исаакий. Он сказал ему: «Государь, перестань враждовать против Господа, отвержи церкви православные, и Бог благословит путь твой». Царь не обратил внимания на эти слова, а самого Исаакия приказал столкнуть на обочину дороги. Но на другой и на третий день отшельник, следуя за ним, приступал к нему с той же просьбой, грозя ему гневом Божиим. «Ты не одолеешь врагов, – говорил он, – но погибнешь огнем». Разгневанный царь велел заключить Исаакия в темницу, сам же продолжал путь.

Война была неудачной для Валента, но вести о ней не скоро доходили до Царьграда. Исаакия там держали в заточении и грозили ему смертью после возвращения императора. Но однажды отшельник сказал: «Он не возвратится; вот уже шесть дней как я слышал смрад от истлевших в огне костей его». Через некоторое время действительно узнали о кончине Валента. После сражения при Адрианополе раненый Валент хотел спастись бегством и с некоторыми воинами укрылся в малой хижине, стоявшей посреди поля. Готы подожгли ее, даже не подозревая, что в ней укрылся царь, который таким образом погиб после почти пятнадцатилетнего царствования (♣ 378). А святой Исаакий впоследствии стал настоятелем обители близ Царьграда и известен под именем св. Исаакия Далматского.

Гонение от ариан утихло после смерти Валента. Но кесарийский епископ недолго наслаждался миром. Труды, заботы, огорчения окончательно расстроили его здоровье, и без того всегда слабое. Последние годы ему были особенно тяжелы: ариане везде торжествовали, некоторые православные епископы колебались, другие, оказавшиеся твердыми в вере, претерпели изгнание; в том числе брат Василия, Григорий Нисский, и близкий ему друг, Евсевий Самосатский. Со своим другом Григорием он был разлучен. Григорий, назначенный Василием епископом маленького города Сасима, не мог управлять паствой, где господствовали ариане, и после смерти отца удалился в монастырь св. Феклы близ Селевкии. В Антиохийской Церкви продолжались смуты. Святой Мелетий был в изгнании. Василию становилось все труднее бороться против возрастающего зла. Отрадны ему были только вести с Запада, где Церковь благоденствовала, а свт. Амвросий Медиоланский с успехом отражал попытки ариан; Иероним Стридонский благотворно влиял на римское общество, а Мартин Турский распространял веру в Галлии. В 379 году святой епископ кесарийский скончался. Смерть его была всеобщим горем; рыдания заглушали церковное пение, больные старались прикоснуться к его телу в надежде получить исцеление. Вся Церковь оплакивала великого учителя, сильного убедительным словом, твердого и деятельного служителя истины.

Западный император Валентиниан умер за три года до смерти Валента, оставив наследниками престола двух сыновей: семнадцатилетнего Грациана¹⁶⁴ и четырехлетнего Валентиниана II. Грациан готовился было идти на помощь Валенту против готов, когда узнал о смерти восточного императора. Он не счел себя в *силах* управлять огромной империей и стал искать помощника. Выбор его пал на Феодосия, родом испанца, сына полководца, прославившегося воинскими подвигами в Британии и Африке. Молодой Феодосии сопровождал

---

¹⁶⁴ Грациан Флавий (359– 25.08.383) – римский император с 17 января 375 г., сын Валентиниана I, еще с 367 г. стал соправителем отца, а после смерти последнего принял в Трире управление западной частью империи. В 378–383 гг. по его инициативе шла борьба с алеманнами, сарматами и вестготами на Рейне и Дунае. После гибели своего дяди Валента Грациан провозгласил Феодосия императором Востока. Но еще более значительны были заслуги Грациана перед христианской Церковью.

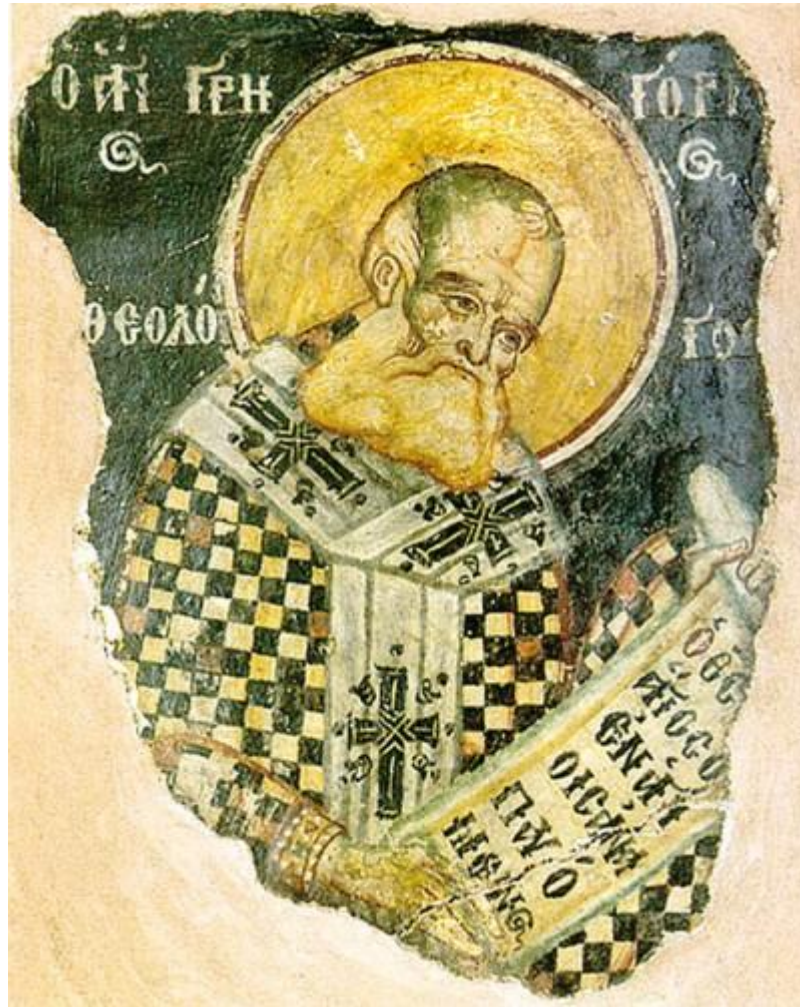
отца в походах, затем жил в своих поместьях в Испании, когда Грациан, призвав его, поручил ему управление восточной части империи. Нельзя было сделать лучшего выбора.

После смерти Валента изгнанные епископы были тотчас же возвращены. Большинство из них нашли в своих епархиях смятение, раздоры, паства была разделенной на православных и ариан. В Антиохии одни продолжали признавать епископом Мелетия, другие – Павлина. Запад и Римский епископ поддерживали Павлина. Оба епископа были люди благочестивые; Мелетий предложил Павлину управлять Церковью вместе, в духе любви и мира.

Но нигде зло не укоренилось так сильно, как в Константинополе. В течение почти сорока лет там были постоянно арианские епископы. И епископы, и гражданские власти во зло православным покровительствовали всяким лжеучениям. Всевозможные ереси разрешались свободно. И страсть к богословским спорам *объяла*, все население, на улицах ремесленники, лавочники спорили о Божественности Христа, об отношении Его к Богу Отцу, утверждали или отрицали Божественность Духа Святого. Богословские споры вызывали непримиримые распри. Казалось, все совершенно забыли, что сущность христианской мудрости состоит не в умении ловко спорить об отвлеченных предметах, которые превышают ум человека, а в вере, любви, смирении и милосердии.

Между тем как все лжеучения свободно излагались, никейское вероисповедание постоянно преследовалось. В Константинополе православные не имели ни одной церкви. Они иногда тайно собирались для богослужения в горах и лесах, где часто на них нападали враги. Но среди скорби гонений все были связаны взаимной любовью и исполнены горячей ревностью к вере. Как только гонение прекратилось со смертью Валента, они поспешили написать к Григорию Назианзскому, умоляя его прибыть в Константинополь и взять на свое попечение малочисленную православную Церковь. Григорий любил уединение, но Господь указывал ему путь, на котором он мог быть полезен. Он не считал себя вправе отказаться и, прибыв в столицу, остановился у родственников. В их доме скоро устроилась церковь, в которой Григорий стал совершать богослужение и проповедовать. Он назвал эту церковь «Анастасией», что значит «воскресение», надеясь, что тут воскреснет Православие.

Святитель Григорий Богослов. Дионисий и мастерская. Около 1502–1503 гг.

Еретики, разумеется, с самого начала были настроены враждебно, но они еще не знали всей силы Григория. Его убогий и смиренный вид, простота привычек и обхождения возбуждали их насмешки. Они его не опасались и всячески старались оскорбить. Встречая, осыпали ругательствами, иногда бросали камнями. Григорий переносил все спокойно, твердо уповая на Бога. Сначала немного слушателей посещало его бедную церковь, но после каждой его проповеди число их увеличивалось. Скоро малая церковь стала тесна. Никогда еще в Константинополе не слышалось такого могучего, убедительного слова. Язычники, еретики, равнодушные миряне, приходившие из любопытства послушать нового проповедника, были увлечены его красноречием. Когда же с кафедры Анастасии раздались его высокие беседы о богословии, то много самых отъявленных его противников пришло к убеждению о тщете арианской веры. Громкие восклицания часто прерывали его речь, и за ним навсегда утвердилось звание *Богослова*. Но эти успехи раздражали до такой степени его врагов, что жизнь великого проповедника подверглась опасности. Еретики старались возбудить против него народ, и однажды, в ночь на Пасху, когда Григорий совершал крещение новообращенных, они ворвались в его церковь с оружием и палками, стали ругаться над святыней и нанесли многим раны, в том числе и самому Григорию. На другой же день они потащили его на суд, как разбойника, но не достигли желаемого. Григорий возвратился оправданный; и с каждым днем его влияние возрастало и число слушателей умножалось. Он старался возбудить их к истинно христианской деятельности, внушая им взаимную любовь, отвлекать их от споров и распрей, столь противных духу христианского закона.

Между тем ему готовили удар. Григорий был доверчив и простодушен. Этим воспользовался один недостойный человек, Максим Циник¹⁶⁵, который сумел вкрасься в его доверие и, втайне действуя против него, достиг того, что был избран в епископы некоторыми христианами. Григорий, глубоко огорченный поступком Максима, пожелал удалиться, чтобы не стать причиной новых смут, но православные изгнали Максима и выразили единодушное желание иметь Григория архиепископом. Максим же нашел покровительство в Риме. В это время прибыл император Феодосий¹⁶⁶.

Феодосий, с детства воспитанный в христианском законе, принял незадолго до того крещение от епископа Солунского и издал указ, которым, признавая за истину Никейский Символ, объявлял еретиками всех, отвергавших его. В то же время он повелевал возвратить православным церкви, отнятые у них арианами. Арианский епископ Дамофил выехал из Константинополя, а Григория торжественно ввел в соборный храм сам император при криках православных: «Григорий епископ!» Эта торжественность была неприятна и тягостна смиренному Григорию, как видно из его же слов. Отраднее, он считал, победить противников кроткой силой истины, чем чувствовать себя под покровительством вооруженных воинов и защитой державной власти. Эта защита не нужна святой истине. Он шел неохотно, с поникшей головой, видел вокруг себя толпы ариан, недовольных, безмолвных, уступивших лишь силе. Само небо, казалось, не благоприветствовало торжеству; погода была пасмурна, небо покрыто тучами. Но едва Григорий вступил в святилище, как яркие лучи солнца блеснули из-за туч. Народ признал это счастливым предзнаменованием и громкими, радостными восклицаниями приветствовал епископа. Григорий, твердо веря силе самой истины, удерживал императора от строгих мер против еретиков. Но тем не менее ариане еще сильнее возненавидели его и даже покушались на его жизнь. Вот как это случилось. Григорий занемог, и в это время в его дом входили и знакомые, и незнакомые, желавшие знать о нем. Однажды вошел юноша, подкупленный арианами и, чтобы умертвить епископа. Он пришел в комнату, где больной беседовал с друзьями. Некоторое время слушал епископа и вдруг пал к его ногам, рыдая и умоляя о прощении. Друзья Григория отвели юношу в сторону и узнали все от кающегося. Григорий призвал его и сказал: «Господь да помилует и простит тебя, только обратись к Нему и служи Ему верно».

В сане архипастыря столицы Григорий хранил прежнюю простоту привычек и жил строгим подвижником. Многие ставили это ему в укор, потому что прежние епископы Царь-

---

¹⁶⁵ Максим был родом из Египта. Прибыв в Константинополь позже свт. Григория, он сразу привлек к себе внимание строгим образом жизни, длинной одеждой и именем философа, а также якобы пережитыми им и страданиями при гонении от ариан. Войдя в доверие к свт. Григорию, который даже публично как-то почтил Максима добрым словом, он решил сам себя поставить епископом. Максим склонил на свою сторону одного пресвитера Константинопольской Церкви, семерых египтян, нескольких епископов и даже самого патриарха Александрийского Петра, подкупил нескольких судей из Александрии. Ночью, когда больной Григорий лежал дома, они вошли в храм и начали посвящать Максима в епископы. Однако под утро собравшийся народ разогнал это нечестивое сборище, и они продолжили «рукоположение» в доме какого-то музыканта. Изгнанный Максим поспешил во Фракию, к Феодосию, надеясь с его помощью снискать Константинопольскую кафедру, но Феодосий с гневом прогнал его и велел удалиться из Константинополя. Поспешив в город, он затем удалил оттуда всех ариан, возвратив церкви столицы православным.

¹⁶⁶ Феодосий I Великий (11. 01. 374 17.01.395) римский император с 19 января 379 г. Наследовал престол после смерти Грациана, объединив по смерти Валентиниана II в своих руках Восток и Запад. В 382 г. заключил мир с вестготами и расселил их южнее нижнего течения Дуная. В 388 г. устранил узурпатора Магна Максима, который пытался свергнуть с престола Валентиниана II (поводом к узурпации послужило якобы покровительство арианами, которое оказывала в действительности мать императора Юстина, вторая жена Валентиниана I). В 394 г. Феодосий предпринял новый поход на Италию, свергнув узурпатора Евгения, возродившего язычество после убийства Валентиниана II, и наконец объединил в своих руках империю. Проводил активную религиозную политику, опираясь при этом на свт. Амвросия Медиоланского: в 391—392 гг. запретил языческие культы и жертвоприношения, гадания по внутренностям животных, были изданы законы против отступников от христианской веры, а также направленные к укреплению церковного благочиния. В 394 г. Феодосий запретил проводить Олимпийские игры, являвшиеся символом язычников Греции. Своих сыновей, Аркадия и Гонория, провозгласил соответственно в 383 и 393 гг. августами, что привело после смерти Феодосия к фактическому разделению империи на Восточную и Западную.

града жили роскошно. Но истинные христиане ценили такое достоинство, и все больше и больше привязывались к своему святому пастырю.

Церковь продолжала волноваться лжеучениями. Особенно распространилось лжеучение Македония, отвергавшего Божественность Духа Святого. Его последователей звали духоборцами. Феодосий решил созвать Вселенский Собор. В 381 году в Константинополь съехались около ста пятидесяти епископов с Востока. Собор открылся под председательством Мелетия Антиохийского, который, впрочем, вскоре скончался; тогда его место как председателя на Соборе занял Григорий. Он настаивал, чтобы преемником Мелетия в Антиохии был Павлин, уже признанный частью Антиохийской Церкви, но избрали Флавиана, и это стало причиной долгих смут. Западные Церкви считали епископом Павлина и общались только с ним, а восточные были за Флавиана.

Отцы Собора, пересмотрев Никейский Символ, положили изменить в нем некоторые выражения, чтобы придать ему больше ясности и определенности, и дополнили его некоторыми словами, в которых признается Божественность Духа Святого, *от Отца исходящего*, единство Святой Апостольской Церкви и чаяние воскресения мертвых. Впоследствии канонам Третьего Вселенского Собора было постановлено: никогда не изменять в Символе ни единого слова. Это свято соблюдает Православная Церковь, читая доселе Символ веры, как он был утвержден в 381 году на Втором Вселенском Соборе.

Канонами этого Собора, которых всего семь, были решены споры о переименовании еретиков, определены с большей точностью права епископов и главных митрополий, Константинопольская епархия уравнена с четырьмя большими митрополиями: Рима, Антиохии, Иерусалима и Александрии – и стала считаться второй после Рима, так как Константинополь был второй столицей и назывался Вторым Римом. Вошло в употребление называть «патриархами»¹⁶⁷ епископов этих городов, кроме Римского, за которым преимущественно осталось название «папы», употреблявшееся доселе без отличия и не означавшее никакого преимущества власти. Константинопольский Собор был признан Вселенским – как по важности его определений, так и потому, что весь Запад единодушно принял их.

---

¹⁶⁷ **Патриарх** – буквально, с греческого, «старший отец», «старейший» – лицо, начальствующее по правам старшинства в родовой или церковной иерархии. В библейской истории патриархами называют родоначальников еврейского племени: Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа. В те времена права старшего мужчины в семье и почитание его считались важнейшими. Такая семья называется поэтому «патриархальной». В последующие времена титул патриарха носил председатель синагоги – верховного религиозного, правящего и судебного органа иудеев. В новозаветной Церкви патриархами первоначально назывались епископы главенствующих провинций. В христианской истории таковых насчитывается пять: епископы Римский, Александрийский и Антиохийский (по определению Первого Вселенского Собора) и, дополнительно к ним, Константинопольский и Иерусалимский епископы (Халкидонский Собор 451 г.). Все пять патриархов признаются самостоятельными и равными между собой, тем не менее Римский папа и Константинопольский патриарх, как представляющие Церковь перед властями столиц Запада и Востока, играли в церковном управлении более важную роль. Притязания Рима на исключительное положение в иерархии в конечном итоге и привели к великому разделению Церквей на Западную (католическую) и Восточную (православную). В Русской Церкви патриаршество было установлено в 1589 году. Этот момент отмечает собой наступление полной самостоятельности и зрелости русского Православия, переход к нему исторического первенства от Константинополя, оказавшегося под исламским владычеством. В 1703 году царь Петр I упразднил патриаршество на Руси и поставил церковное управление в зависимость от государства. Вновь Русская Церковь вернулась к патриаршей власти только в 1917 году. По Уставу и церковным канонам патриарх избирается на Поместном Соборе, посредством тайного голосования, пожизненно. Патриаршество не означает еще одной степени посвящения, но административную должность и право между другими епископами иметь честь «первого среди равных». Патриаршее достоинство подчеркивается посредством особенных деталей архиерейского облачения: посоха, саккоса и др., а также особым титулом, в Русской Православной Церкви звучащим как «Святейший Патриарх Московский и всяя Руси».

Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.

Первая половина XVIII в. Монастырь Симонопетра

Еще во время заседаний некоторые епископы начали спорить о правильности назначения Григория. Григорий неохотно принял сан епископа и постоянно тосковал о тихой, уединенной жизни, так как имел слабое здоровье и часто болел. Ему еще не было шестидесяти лет, но святой ходил уже весь согбенный, его седая голова склонялась на грудь, а лицо запечатлело следы трудов, лишений, душевной борьбы. Только надежда быть полезным удерживала его в столице. Когда же по поводу его назначения возник ропот, то он сказал: «Пастыри Христовой Церкви! стыдно вам враждовать и спорить, когда вы других должны учить любви и миру. Прошу вас, устройте мирно дела Церкви; если я причина волнения, то, как пророка Иону, бросьте меня в море; и утихнет буря, которую не я воздвиг. Отнимите у меня престол, изгоните меня; я на все согласен и доволен удручен болезнью, чтобы жаждать тихой, спокойной жизни».

Затем он упросил и Феодосия отпустить его и после окончания Собора простился с паствой, которая глубоко скорбела о разлуке с ним. Вместо него избрали Нектария, человека благочестивого, но еще не принявшего Святого Крещения. Он крестился в соборной церкви и, облеченный в белые одежды новопросвещенного, был провозглашен епископом. Но его

избрание не обошлось без смут: Римская Церковь покровительствовала недостойному Максиму (Цинику) и не хотела Нектария. По этому поводу (и другим) некоторое время существовал разрыв между Востоком и Западом.

Менее трех лет продолжалось святительство Григория Богослова, но и в это время он убедительным словом и примером много сделал для паствы, которая так долго была волнута ересью. Его святую деятельность продолжил через шестнадцать лет величайший проповедник христианской Церкви Иоанн Златоуст.

Оставив Константинополь, Григорий прежде всего посетил Назианз, чтобы устроить там дела Церкви. В Кесарии произнес надгробное слово своему другу Василию и потом удалился в сельцо Арианз, место своего рождения. Из всего отцовского имения он сохранил лишь небольшой дом, окруженный густым, тенистым садом, через который протекал светлый ручей. В этом тихом убежище он провел последние восемь лет жизни. Часто ждали его на Соборы, но Григорий, слабый и больной, только письменно принимал участие в делах Церкви. Он вел жизнь самую строгую, подвижническую. Но молитва и занятия, с молодости любимые, услаждали его одинокую старость. Он любил в звучных стихах излагать воспоминание о прошедшей жизни: описывать и счастливое детство в родительском доме, и нежную дружбу с Василием, пустынные труды, скорби и немощи души среди бурь житейских. «Изнуренный болезнью, – писал он, – я в стихах находил отраду, как престарелый лебедь, пересказывающий сам себе звуки крыльев». Во всех его сочинениях проявляется нежное, любящее сердце, душа, озаренная благодатью свыше. Описывает ли он прелесть видимой природы, движения души, говорит ли о назначении человека, он пламенным сердцем возносится к Творцу и Подателю благ, посвящая Ему свое богатство – дар слова, которым он дорожил больше, чем богатствами и величием мира. Великий святитель отошел к Господу около 390 года, завещав бедным свое скудное имущество.

Он оставил много замечательных сочинений: писем, стихотворений, проповедей, возражений против лжеучений, толкований Писания¹⁶⁸.

---

¹⁶⁸ Григорий Богослов, Назианзин (329—389) – великий учитель и святитель Вселенской Церкви, благодаря которому учение о Святой Троице получило формы и понятия. Сущность его учения выражается формулой: Бог един по существу и троичен по ипостасям, а единство Лиц Троицы определяется словами: одно Божество, одна Сущность, одна природа, но вместе каждое Лицо имеет свои особенности: нерожденность Бога Отца, рожденность Бога Сына и ниспослание Бога Духа Святого. Святитель Григорий оставил богатое творческое наследие: 45 «Слов», около 240 писем и собрание стихотворений. Особенно важны «Пять слов о богословии» и давшие проповеднику имя Богослова, а также «Слово о поставлении епископов и о догмате Святой Троицы» и др. Они направлены против ариан и последователей Македония. Большая часть писем и стихотворений написаны святителем в последние годы жизни. Среди литературных произведений самое важное – автобиографическая поэма о его жизни.

Глава III

Церковь на Западе при Грациане и Валентиниане II

Между тем как на Востоке Церковь страдала от ариан, на Западе она благоденствовала. Валентиниан I оказывал усердие к христианской вере, не стесняя и не преследуя, впрочем, и язычников. Они могли свободно совершать обряды своего богопочитания; запрещены были только всякого рода заклинания. После Валентиниана I вступили на престол его сыновья: Грациан и Валентиниан II¹⁶⁹; последний был еще малым ребенком. Грациан поручил Восток Феодосию, а сам, живя в Милане, управлял западными областями. Он был воспитан в христианской вере и добросовестно старался, чтобы все его действия соответствовали законам Христовым, руководствовался советами великого Миланского епископа Амвросия.

Император Грациан

Амвросий родился около 340 года от отца-язычника, префекта Галлии и Испании; мать и сестра его были христианки. После смерти матери, Марцелина, сестра Амвросия, заменила ее двум малолетним братьям и воспитала их с любовью и заботливостью. Они получили блестящее образование, какое тогда давалось в богатых и знатных домах. В это время особенно уважалось красноречие: оно открывало путь к высшим должностям государства. Поэтому отец Амвросия посчитал счастливым предзнаменованием событие, случившееся в младенчестве сына. Однажды ребенок заснул под деревом, но вдруг рой пчел налетел на него: пчелы садились на его лицо, вползали в открытый ротик ребенка и выползали, не причиняя ему вреда. Отец запретил отгонять их, надеясь, что сын его будет сладкоречив и могуч

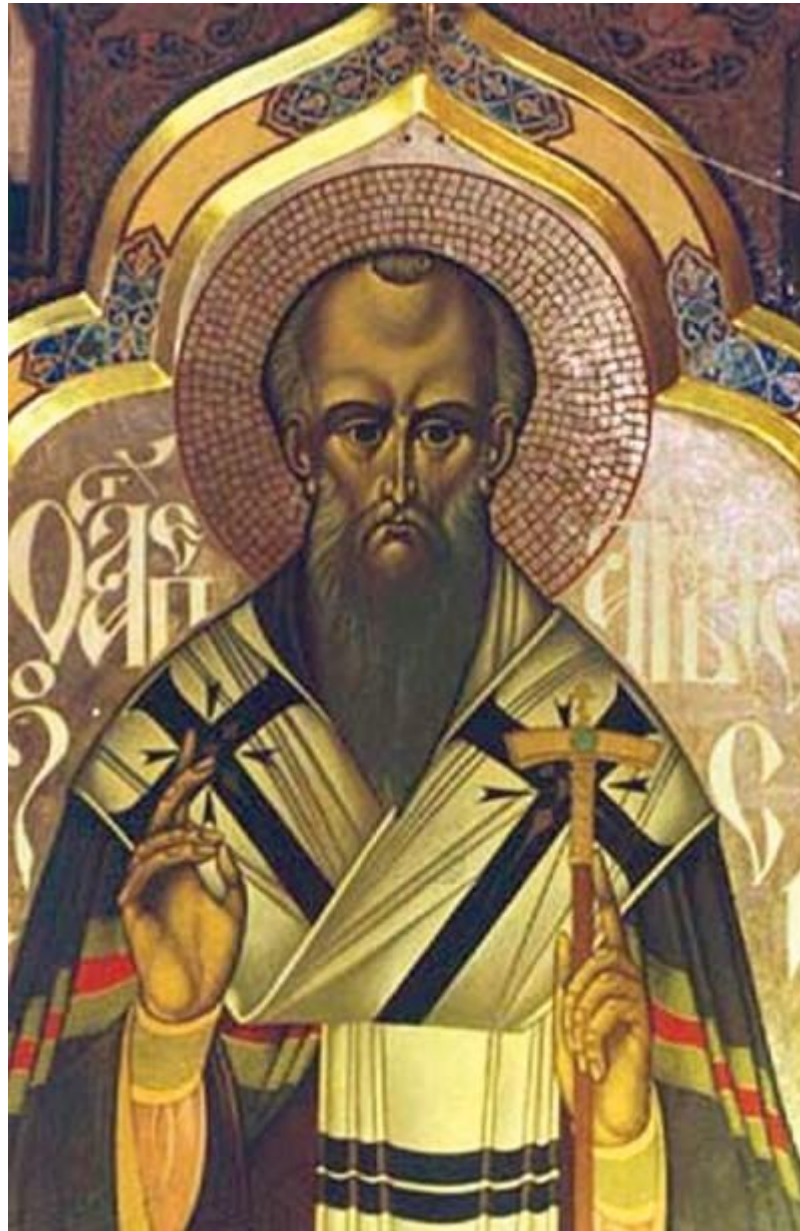
¹⁶⁹ Валентиниан II Флавий (2.07.371—15.05.392) – римский император с 22 ноября 375 г. Сын Валентиниана I и его второй жены Юстины, он под опекой сводного брата Грациана и своей матери, державшейся арианской ереси, правил из Медиолана Италией, Иллирией и Африкой. В 387 г. Валентиниан II вынужден был бежать в Фессалонику от узурпатора Максима, но, получив поддержку от Феодосия I, вернулся обратно. Подчиняясь во всем вероломному франкскому военачальнику Арбогасту (тайному язычнику), был им в конце концов и убит, однако в церковных делах во время своего недолгого правления находился под благотворным влиянием свт. Амвросия.

словом, так как пчелы оставили свой мед на его устах. Эти надежды, действительно, сбылись.

Амвросий готовился к гражданской деятельности и уже в 25 лет славился как самый красноречивый адвокат в Риме. Префект Проб счел его достойным занять одну из самых важных должностей и поручил ему управление Лигурийской областью. Проб был христианином и, убеждая Амвросия управлять с кротостью и справедливостью, сказал ему: «Управляй не как судья, как епископ». Амвросий прибыл в Милан, столицу своего округа, и вскоре заслужил всеобщую любовь.

Через некоторое время умер миланский епископ Авксентий, арианин, и надо было избрать ему преемника. В соборном храме, где собрались по такому случаю, шли горячие споры между православными и арианами. Амвросий прибыл в храм как префект, чтобы смотреть за порядком. Вдруг среди шума раздался детский голос: «Амвросий епископ!» Вслед за тем и весь народ воскликнул единодушно: «Пусть будет Амвросий епископом!» – и стал просить его принять это звание. Удивленный Амвросий отказывался, напомнив, что он еще даже не крещен, что он не готовился к такой должности и не способен учить и назидать других. Но народ не слушал возражений, а настаивал на своем. Восклицание ребенка казалось всем внушением свыше. Все были уверены, что Амвросий, заслуживший в звании префекта любовь и уважение всей области, будет и достойным епископом. Послали просить согласия императора, так как Амвросий занимал гражданскую должность. Между тем Амвросий делал все, чтобы отклонить от себя звание, которое страшило его. Он даже раз тайно ушел из Милана, но, пройдя целую ночь, поутру опять очутился у ворот города. Император утвердил выбор народа, и Амвросий должен был согласиться. Он принял Святое Крещение, в семь дней прошел все церковные степени и принял посвящение в епископы (в 374 году).

Святитель Амвросий Медиоланский. Ивановский Свято-Введенский женский монастырь

Ревностно и добросовестно исполнял он все обязанности, которые принял так неохотно. Все свое имущество Амвросий раздал бедным и, свободный от мирских забот, полностью отдался своему служению. Чувствуя, каким неудовлетворительным было его духовное образование, стал слушать наставления благочестивого пресвитера Симплициана, внимательно изучал творения великих отцов Востока: Василия, Григория, Кирилла Иерусалимского. Вскоре его красноречивые проповеди стали привлекать огромное число слушателей, которых он побуждал к христианской деятельности и старался отвлекать от ереси ариан. Арианами покровительствовал императрица Юстина, вторая жена Валентиниана I. Но, к счастью, Валентиниан I оказывал большое уважение Амвросию, а его сын, Грациан, любил его, как отца. Амвросий тоже нежно любил молодого императора и написал для него несколько книг, в частности о вере и Таинствах, и радовался добродетели и благочестию молодого императора.

Но усердие Грациана к христианской вере скоро вызвало негодование и опасения со стороны язычников. Языческая партия на Востоке вообще была слаба, но в Риме была

намного сильнее, потому что там язычество связывалось с воспоминанием о прежнем величии империи и со всем гражданским бытом. Приписывая христианской вере свои бедствия, римляне упорно держались древнего богопочитания. Христианские императоры, боясь оскорбить и без того недовольный Рим, лишь с крайней осторожностью прикасались к вековым учреждениям, уважаемым римлянами. Поэтому, хотя христианство и распространялось в Риме, язычество имело там довольно крепкие корни и могло казаться даже господствующей религией. В сенате стояли идолы и алтари богов; сенаторы при вступлении в звание должны были исполнить языческий обряд; жрецы совершали жертвоприношения в 330 языческих храмах. Язычеству делались и другие уступки: христианские императоры продолжали именоваться верховными первосвященниками (*pontifex maximus*) – звание, которое издревле давалось главе государства. После смерти их торжественно причисляли к богам.

В то время, о котором теперь идет речь, языческая партия в Риме имела во главе своей людей, уважаемых за твердость, независимость характера и за горячую преданность отчизне: Претекстата и Симмаха. Под их влиянием именитейшие граждане Рима, потомки древних патрициев, считали гражданским долгом всеми мерами поддерживать язычество и оказывать усердие к богам, которые якобы возвели Рим на высшую ступень славы и могущества, поэтому любое новое распоряжение в пользу христиан их глубоко оскорбляло. Грациан с каждым годом становился все более враждебным язычеству и предпринимал меры, на которые не решался ни один из его предшественников. Он отнял у капищ принадлежавшие им земли, отменил преимущества весталок – служительниц языческой богини Весты, пользовавшихся величайшим почетом в Риме. Наконец, и это было самым жестоким ударом для римлян, он велел вынести из сената статую Победы. Эта мера возбудила сильное волнение – статуя Победы служила для римлян эмблемой древней славы и величия империи, олицетворением самого Рима, могучего и славного. Весь Рим пришел в смятение. Решили послать к императору депутацию под предводительством известного оратора Симмаха, чтобы просить отменить повеление. Грациан отверг прошение под предлогом, что депутация не представляет интересов большинства сената. Язычники были глубоко оскорблены, но сделали еще одну попытку: отправили к императору жрецов, которые поднесли ему одежду верховного первосвященника. Грациан отверг и это, объявив, что языческая одежда неприлична христианину.

Эта твердость в вере лишила молодого императора престола и жизни. Язычники, потеряв всякую надежду склонить его на свою сторону, стали поддерживать военачальника Максима, который провозгласил себя императором. Грациан пошел на него войной, но был предательски убит в Лионе (в 383 году). На престоле остался его брат, Валентиниан II, под опекой матери Юстины. Галлия и Испания признали Максима, который собирался идти в Италию, чтобы и тут утвердить свое владычество. Императрица попросила Амвросия быть защитником юного Валентиниана и идти к Максиму, чтобы отговорить его от похода в Италию. Амвросий принял трудное поручение, явился в Трир к Максиму. Как бесстрашный и мужественный служитель Христа, Амвросий не стал скрывать своего негодования за убийство Грациана, отказался быть в церковном общении с Максимом, но все же достиг желаемого: Максим отложил намерение идти на Италию.

После возвращения в Милан Амвросию пришлось отражать новые нападки язычников. Надеясь найти в юном Валентиниане II больше уступчивости, чем в его брате, римские язычники отправили к нему прошение, в котором умоляли отменить указы Грациана, враждебные язычеству. Это прошение, написанное Симмахом, префектом Рима, было красноречиво, но отражало слабость язычества. Когда гонимые христиане подавали императорам апологии в пользу своего учения, они говорили с твердой верой в Того, Который есть и Путь, и Истина, и Жизнь, не заботясь о своих выгодах. Готовые отдать жизнь за веру, они старались только о распространении святой истины: в твердой вере *была* их *неодолимая сила*. Теперь язычеству

пришлось представлять апологии, но той силы в них не было, потому что сами язычники уже мало верили богам. Симмах, говоря от лица Рима, только умоляет императора пощадить традиции великого города, не нарушать его древних обычаев, оставить ему то богопочитание, которое помогло покорить мир, но не говорит о язычестве как об истине. Амвросий написал возражение, в котором твердо отстаивал указы Грациана. «Христианские сенаторы не могут восседать перед алтарем языческим, – говорит он, – никто не может служить двум господам... Император никого не оскорбляет, если Бога предпочитает всему». Валентиниан II отверг прошение язычников, и указы Грациана остались в силе.

Вскоре Амвросию пришлось бороться и с другими врагами. Юстина, мать императора, активно покровительствовала арианам, но при Грациане ее влияние было ничтожным. Однажды она добилась того, что в город Сирмиум был назначен арианский епископ, но Амвросий, прибыв туда, отменил назначение. С тех пор Юстина возненавидела Амвросия. И даже услуга, которую он оказал своим посольством к Максиму, не смягчила ее неприязни. Пользуясь своим влиянием на сына, она теперь еще ревностнее стала заботиться о выгодах ариан и уговорила императора потребовать от Амвросия уступить арианам одну из миланских церквей. Амвросий отвечал, что, если бы потребовали его собственного имущества, он бы охотно его отдал, но не может уступить того, что принадлежит Богу. После многих безуспешных переговоров воины по повелению императора силой заняли одну церковь для ариан. Народ взволновался и схватил одного арианского пресвитера, чтобы его убить. Об этом донесли Амвросию, который, не прервав богослужения, только послал диакона освободить арианина. Влияние святого епископа тотчас умирало народное волнение, но правительство заключило в темницу множество православных. Юстина продолжала действовать в пользу ариан, настраивая императора против Амвросия. Но епископ встречал угрозы и угрозы с той же спокойной, непоколебимой твердостью. «Достояние Божие не в моей власти, – говорил он, – нужна ли смерть моя – я готов; не окружу себя народом, не припаду к алтарям для спасения жизни; лучше умру за алтари». Однажды воины уже ворвались в храм, где он служил. Но вдруг, упав на колени, объявили, что пришли молиться, а не сражаться. Наконец Валентиниан II прекратил гонение, узники были отпущены, волнение утихло, и император не без досады говорил своим придворным, указывая на силу и влияние епископа: «Вы и меня готовы выдать Амвросию».

В следующем году, перед праздником Пасхи, требования Юстины отдать храм возобновились. К тому времени ее стараниями в Милан был призван арианский епископ и издан указ, разрешающий арианам совершать богослужение. Но Амвросий вновь отвечал твердым и решительным отказом. Народ опять взволновался, опасаясь за любимого епископа. Амвросий успокаивал его, умолял не прибегать к силе для защиты, напоминая, что молитва – единственное орудие христиан. Это было в торжественные дни Страстной недели. Народ толпился в храме, где служил епископ, и с восторгом и умилением слушал его поучения. Иногда вооруженные воины окружали церковь, однажды верным пришлось оставаться в церкви всю ночь. Такими мерами Юстина думала склонить Амвросия к уступке. Но молящиеся забывали об опасности, и епископ продолжал совершать богослужение с спокойной, благоговейной торжественностью. Чтобы облегчить молящимся долгое стояние, Амвросий в это время ввел в Миланской Церкви антифонное пение на два лика, уже давно бывшее в употреблении на Востоке. Пение его гимна во славу Святой Троицы смягчало скорбь православных. В это же время Господь открыл святому во сне место погребения двух святых мучеников – Гервасия и Протасия, пострадавших во времена гонений. Когда обрели мощи святых, то чудесные исцеления, совершавшиеся при них, еще больше воспламенили ревность христиан, усилили любовь народа к епископу. Наконец гонение прекратилось, и Амвросий запечатлел радость христиан в торжественной церковной песне «Тебе Бога хвалим».

Гонение прекратилось, впрочем, только оттого, что Максим вновь стал угрожать Италии. Устрашенный Валентиниан II опять прибег к помощи Амвросия, убедил его предпринять вторичное посольство к Максиму. Амвросий согласился, хотя успех был сомнительным. К тому же ему было крайне неприятно вступить в переговоры с Максимом после одного поступка, который привел в негодование всю Церковь. За несколько лет до этого в Испании появилась ересь присциллианистов – смесь гностицизма с манихейством. Присциллиан, основатель лжеучения, был человеком безнравственным, вел порочную жизнь и усердно распространял свое учение, которым заразились многие в Испании и в Южной Галлии. Некоторые епископы обвиняли его перед Максимом, и Максим, желая прослыть ревнителем истинной веры, осудил на смертную казнь Присциллиана и четырех его главных приверженцев. Это решение привело в ужас всех истинных христиан. Мартин, Турский епископ, уважаемый всей Галлией за святость жизни, умолял Максима отменить приговор. Он говорил, что достаточно отлучить от Церкви еретиков, но невозможно, чтобы гражданская власть казнила христиан за ложные убеждения. Усилия Мартина и других епископов остались тщетными, и в первый раз (384 г.) смертная казнь еретиков за веру Христову была инициирована гражданской властью. Она вызвала всеобщее негодование и способствовала усилению ереси, потому что приверженцы Присциллиана стали почитать его за мученика. Мартин Турский укорял Максима за поступок, не соответствующий духу христианской веры и оскорбляющий святую истину, которая не нуждается в помощи внешней силы. Амвросий, прибыв в Галлию, не захотел общаться с епископами, принявшими участие в осуждении еретиков, и выразил Максиму свое негодование.

Максим принял Амвросия не с прежней благосклонностью и упрекнул его за то, что несколько лет тому назад он удержал его от похода в Италию. Этот упрек был славой Амвросия, и он охотно принял его. Но на сей раз посольство не было успешным. Максим двинул свое войско на Италию. Валентиниан II с матерью бежали в Солунь, но Феодосии I вступился за молодого императора и победил Максима, который был убит своими воинами. Феодосии опять утвердил на престоле Валентиниана и помогал ему советами, убеждая его держаться истинной веры.

Амвросий приобретал все больше и больше влияния на народ. Его святая жизнь, ревность к службе Божией прославили его имя во всем христианском мире. Из дальних стран приходили, чтобы видеть его; многие обращались, услышав его убедительные поучения. Между прочим – и блаженный Августин, о котором мы расскажем далее. Амвросий написал много сочинений о христианской нравственности, пояснений Священного Писания, писем и поучений, устроил чин литургии и других служб, стараясь как можно больше сближаться с обрядами Востока. Он много изучал великих восточных отцов, и подражание им заметно в его сочинениях. Амвросий учредил несколько монастырей, а своей сестре, Марцелине, инокине, посвятил ряд книг об иночестве и девстве. Об этом он говорил так красноречиво, что некоторые матери запрещали своим дочерям слушать его проповеди, боясь, как бы он не привлек их к подвижнической жизни. Иночество же, сильно распространенное на Востоке, стало в эту пору развиваться и на Западе. Монастыри устроились в разных местах Италии, на островах Средиземного моря, в Испании и Галлии. Развитию подвижнической жизни способствовали также святые Мартин Турский, Павлин Нольский (Ноланский), Иероним Стридонский.

Мартин, уроженец Паннопии¹⁷⁰, в молодости служил воином в Галлии. Он тогда еще не был крещен, но в числе оглашенных готовился к Святому Крещению и отличался честностью, чистотой жизни и милосердием. О нем сохранилось следующее предание. Однажды в воротах города Амиенса ему встретился нищий, просящий милостыню. Мартин сам был

¹⁷⁰ Частично соответствует части современной Венгрии и Румынии.

беден и не имел денег, но, сняв плащ, он перерезал его пополам и дал половину нищему. В ту же ночь он увидел во сне Господа Иисуса во славе, окруженного Ангелами и облеченного в половину плаща, поданную нищему. Вскоре Мартин принял Святое Крещение и, оставив военную службу, стал учеником Илария Пуатьевского¹⁷¹. В течение всей жизни он бесстрашно защищал истинную веру от лжеучений. Строгая подвижническая жизнь полюбилась ему. Мартин искал уединения, но благочестие и чудеса прославили его имя по всей стране, и против воли он должен был согласиться стать епископом в городе Туре. Он, однако, оставался смиренным подвижником, усердно заботился об искоренении язычества в соседних областях, воспитал много благочестивых учеников, устроил несколько монастырей. Сульпиций Север, христианский историк, подробно описал жизнь и чудеса благочестивого епископа, которого знал лично¹⁷².

Еще замечательнее деятельность Иеронима. Он родился около 330 года в городе Стридоне (на границе Паннонии и Далмации)¹⁷³. Родители его, христиане, зажиточные сельские жители, послали своего сына учиться в Рим. Там Иероним сначала хранил благочестивые привычки детства, участвовал в молитвенных собраниях, с благоговением посещал гробницы мучеников. Но потом увлекся светской жизнью, увеселениями шумной, роскошной столицы. Однако так продолжалось недолго. Поняв суетность земных наслаждений, мучимый желанием знания и веры, Иероним оставил Рим. В Аквилее, а затем в Трире предался учению и уединенной молитве. Он принял крещение и отправился на Восток, чтобы изучать веру Христову и Священное Писание на местах библейских событий. Но свет Божественной мудрости еще не вполне озарил его душу.

Сочинения Цицерона и Платона имели для него больше прелести, чем боговдохновенное Писание, которое казалось ему грубым и непонятным. Это мучило его, и он с усилием и напряжением изучал священные книги. В Антиохии он занемог, и ему представилось, что он приведен к Престолу Судии живых и мертвых и слышит от Него вопрос: «Кто ты?» – «Я христианин», – с трепетом отвечал он. «Неправда, – возражает тот же строгий голос, – ты цидеронианец, а не христианин; где сокровище твое, там и сердце твое».

---

¹⁷¹ Иларий Пуатьеский (Пиктавийский) является великим учителем Западной Церкви. Родившись в богатой языческой семье и получив прекрасное образование, он обратился к христианству, главным образом под влиянием чтения Священного Писания. В 353 г. жители избрали его в епископы родного города Пуатье. Почти сразу же началась его борьба с арианами, практически не прекращавшаяся до его смерти в 367 г. Иларий неустанно проповедовал Никейский Символ и в ссылке в Фригии, и в родной епархии. Он составил особую галльскую литургию, которая была в употреблении в Галлии до времен Карла Великого, способствовал созданию латинской богословской терминологии, оставил толкования на Священное Писание, а его сочинения, направленные против ариан, вскрывают богоборческую сущность этой ереси. После смерти Илария стали почитать святым исповедником и чудотворцем, а папа Пий IX в 1851 г. канонизировал его.

¹⁷² Святой Мартин Турский (336 или 316—397) -родился в семье римского трибуна. Предпринял долгое путешествие из Италии на родину, но смог привести к вере только мать. Вел упорную борьбу с арианами. В 370 г. Мартин основал близ Пуатье первый на Западе правильно организованный монастырь Лигюже. Едва не насильно принявший епископскую власть, Мартин построил себе жилище на высокой скале на берегу Луары, где скоро возник монастырь Мармутье. В более позднее время он стал наиболее любимым святым меровингского государства. Канонизирован обеими Церквями. Православная Церковь чтит его память 12 октября.

¹⁷³ Далмации частично соответствует Югославия.

Альбрехт Дюрер.

Святой Иероним в келье. Резцовая гравюра на меди. 1514

Глубоко пораженный этим видением, Иероним удалился в дикую, суровую пустыню, и там, в уединении, молил Бога просветить его душу светом истины, даровать ему разумение священных книг. Трудна *была* ему отшельническая жизнь, и тяжелая внутренняя борьба совершалась в его душе. Его воображению в пленительном виде представлялись покинутые радости мира, воспоминания о роскошном Риме смущали его уединенную молитву и возбуждали в душе уснувшие страсти. Пустынный припадал к Спасителю с горячими слезами, изнурял себя постом и бдением, с напряжением трудился. И наконец свет воссиял в его душе, мир и тишина воцарились в ней. Пробыв довольно долго в уединении, Иероним посетил святые места отшельников Сирии и Палестины. В Антиохии принял звание пресвитера¹⁷⁴ и прибыл в Константинополь. Во время пребывания в Сирии он изучал еврейский язык, чтобы лучше понять Писание; в Константинополе с восторгом слушал свт. Григория Богослова и продолжал заниматься Писанием и другими учеными трудами: переводил беседы и толкования Оригена, историю Евсевия. В 382 году, после девяти лет, проведенных на Востоке, Иероним возвратился в Рим, богатый знанием и духовной мудростью. С ним прибыли и восточные епископы: Епифаний Кипрский, Павлин из Антиохии.

¹⁷⁴ Однако, приняв рукоположение, блаженный Иероним не считал себя достойным служить литургию. До самой своей смерти он ни разу не служил пресвитером в церкви.

Рим произвел на Иеронима тяжелое впечатление. Его поразила суетность духовенства и общества, мелочность стремлений, алчность клириков. Странную картину представлял собой в то время Рим. С одной стороны, язычество, как будто еще не тронутое в своей внешней обстановке, но утратившее жизненную силу, держалось лишь тем, что в сердцах лучших своих представителей связывалось с любовью к отечеству. С другой стороны, христианское духовенство, потеряв из виду главные основания учения Христова, заботилось о приобретении власти и богатства и как будто стремилось стать наследником прав и преимуществ, которые теряло язычество. Римский папа, пользовавшийся как епископ столицы уважением Церкви, старался на этом основании утвердить власть над Церквами Запада и сделаться «верховным первосвященником». Его богатство было огромным, а роскошь возбуждала укоризны даже у язычников. «Я сам бы сделался христианином, если бы мне за это дали звание Римского епископа», – говорил, шутя, язычник Претекстат. Звание епископа становилось целью корыстных устремлений. Истинные христиане со скорбью видели кровавую борьбу между двумя искателями папского престола: Дамасом и Урсином. Оба поддерживали свои притязания силой оружия. Более ста тридцати человек лишились жизни в этих распрях. Победа осталась за Дамасом. «Нисколько не удивительно, – замечает языческий историк Аммиан Маркеллин, описывая эти события, – что такая богатая цель возбуждает желание честолюбцев и делается предметом жестокой и упорной борьбы. Счастливый победитель может быть уверен, что будет обогащен дарами римских дам; что изящество его одеяния привлечет все взоры, когда он проедет по улицам Рима в богатой колеснице; что роскошь царской трапезы едва ли сравняется с роскошью, господствующей в доме римского епископа». Вот какие побуждения заставляли домогаться сана, который внушал благоговейный трепет таким святым мужам, как Афанасий, Василий, Амвросий! Правда, это писал языческий историк, может быть, склонный представить христиан в невыгодном свете, но он же воздает дань уважения областным епископам за их простоту и смиренномудрие. К тому же и другие свидетельства подтверждают правоту его слов.

Пример главы действовал и на римское духовенство: его алчность возбуждала всеобщее негодование. Духовные лица приобретали влияние на богатых женщин и, выманивая наследства и дары, производили семейные раздоры, скапливая себе огромное богатство. Валентиниан I указом запретил духовным лицам получать наследство лично для себя; их могла получать только Церковь. Эта мера возбудила, конечно, много ропота, но лучшие люди одобряли ее, и Иероним тоже. «Не жалею на указ, – говорил он, – и жалею только о том, что мы заслужили его». Он сильно обличал пороки и алчность клириков, с негодованием говорил и о высшем христианском обществе, которое являло мало христианских добродетелей и походило скорее на языческое своей суетностью и страстью к роскоши и увеселениям.

Действительно, высшее общество в Риме (как и в Константинополе) еще мало прониклось духом христианской веры. Оно словно лишь облеклось в ее внешность, храня, в сущности, много прежнего, что ясно выражалось в обычаях повседневной жизни и вызывало строгие укоризны христианских наставников, осуждавших, в особенности, тщеславие и страсть к роскоши. Богатые язычники, отправляясь в храм, сопровождаемые большим количеством рабов и прислужников, любили щеголять друг перед другом богатым убранством колесниц, роскошью одежды, числом зависевших от них прислужников. С той же гордой, но еще более неуместной пышностью отправлялись знатные христиане в церковь Христову. Богатые жены продолжали, как и прежде, тратить огромные деньги на свои наряды, отличавшиеся роскошью и изысканностью. Так, например, с некоторых пор вошло в обычай вышивать золотом на шелковых тканях разные изображения, заимствованные из истории или мифологии. Язычницы носили на своих платьях изображения богов, похождения Орфея, сцены игр и охоты; увы, христианки, не отказываясь от такой же дорогой прихоти, вышивали на своих одеждах сюжеты евангельских событий: исцеление расслабленного, умножение

хлебов и т. п. Проповедники и в Риме, и в Константинополе строго *обличали* эту суетность, старались внушить своим слушательницам, что лучше бы в жизни и в делах подражать примерам милосердия Христа, чем изображать их на своих одеяниях. Но весьма многие в христианском обществе ограничивались лишь внешним исповеданием христианской веры.

Но общество, признающее христианский закон, не может развиться полностью. Сила нравственного закона спасает его от конечной гибели. Всегда найдутся люди, хотя иногда и немногие, которые будут стараться следовать в жизни признаваемому ими закону, быть достойными членами той святой Церкви, к которой причисляют себя своим исповеданием. Их спасительный пример удерживает других на пути истины, возвращает к нему уклонившихся. Так было и в Риме. Из среды высшего общества, примыкавшего образом жизни к языческому, постепенно возникало другое, проникнутое духом христианской веры, стремившееся исполнять заповеди Христа о любви к ближним, о смиренном самоотвержении. Здесь встречаются имена и благочестивых жен. Когда еще Афанасий Великий был в Риме, его рассказы о восточных подвижниках и подвижницах возбудили ревность к высшим христианским подвигам у некоторых римских христианок. Одна молодая вдова, Маркелла, решила отказаться от светской жизни, чтобы посвятить себя служению Богу и ближним. Знатность, богатство, красота Маркеллы привлекали много женихов, но она не захотела вступать вторично в брак и осталась верна избранному ей образу жизни. Ее мать не одобряла намерения дочери удалиться от общества, и Маркелла осталась в Риме. Но среди суетного и изнеженного общества она вела строгую жизнь, изучала Священное Писание, беспрестанно молилась, тратила огромное богатство, помогая бедным и больным. Стараясь видеться с людьми благочестивыми, она радушно принимала у себя в доме пришельцев с Востока: Афанасия и Петра Александрийских, а позднее – Иеронима, Епифания, Павлина. Они помогали ей наставлениями и советами.

Пример Маркеллы оказался благотворным. Образовался кружок молодых жен, одушевленных верой и любовью к Господу. Это был цвет римского общества по знатности и богатству. Но, презирая эти преимущества, римлянки стремились лишь к тому, чтобы быть достойными звания христианок – высшего звания в мире. Это были Мелания, вдова префекта, с двадцати лет посвятившая себя Богу; богатая вдова Павла, наследница Гракхов и Сципионов, со своими дочерьми: Павлиной, Блезиллой (Блезникой) и Евстолией, и сестрой Азеллой; Фабиола, основательница первой в Риме больницы; Софрония, Юлиана и другие, имена которых известны нам из переписки Иеронима. Пришельцы с Востока были радушно приняты в этом дружеском кругу, и Иероним сделался наставником и руководителем благочестивых жен, являвших суетному и изнеженному Риму пример чистой добродетели и строгой, деятельной жизни. Он объяснял им Священное Писание, разделял их заботы о бедных и больных. Это стало для Иеронима отрадой среди неприятностей и огорчений, которые пришлось вытерпеть от духовенства, очень озлобленного против него. Только папа Дамас проявлял к нему расположение. По его совету Иероним стал писать объяснения на некоторые места Священного Писания и переводить Библию. Но Иероним недолго оставался в Риме и года через три возвратился на Восток, казавшийся ему более родным и близким по духовному настрою.

Джованни Беллини.

Святой Иероним в пустыне.

Вторая половина XV – начало XVI в.

Он опять обошел все священные места Палестины; в Александрии слушал ученого Дидима Слепца и наконец поселился в Вифлееме, в пещере, и полностью посвятил себя молитве и ученым трудам. Его главным занятием стал перевод Священного Писания. Известный до того латинский перевод, под названием италийский, был так искажен переписчиками, и в нем оказалось столько вставок и ошибок, что новый перевод стал просто необходим. Иероним принялся за это дело. Используя знание еврейского языка, труды Оригена и других исследователей Священного Писания, он работал несколько лет и составил перевод, которому на Западе отдали предпочтение¹⁷⁵.

Кроме того, он составлял толкования на Писание, изучал жизнь знаменитых мужей, был в постоянной переписке с друзьями в Риме, опровергал римских еретиков: Иовиниана и Вигилияция, которые выступали против иночества, против чествования икон и мощей. Иероним имел утешение увидеть и некоторых из своих духовных дочерей, привлеченных на Восток желанием поклониться святым местам и узнать жизнь подвижников.

---

¹⁷⁵ Под именем Вульгаты перевод Иеронима с некоторыми изменениями (впрочем, не лучшими) по определению Тридентского Собора принят во всеобщее употребление на Западе как подлинный текст Священного Писания.

Благочестивая Мелания¹⁷⁶ прибыла на Восток еще в царствование Валента, посещала нитрийских отшельников и вручала им богатые дары. Авве Памве она, между прочим, принесла 300 литр серебра. Отшельник, приняв дар, сказал своему ученику: «Употреби это на нужды братии в Ливии и на островах; они беднее нас». – «Господин мой, – сказала Мелания, – тут триста литр». Пустынный отвечал: «Дочь моя, мне этого не нужно знать; а Господь, взвесивший холмы и не отвергнувший и двух лепт вдовицы, знает вес твоего серебра». Застигнутая гонением в пустыне, Мелания в течение нескольких дней кормила до пяти тысяч иноков, потом последовала за изгнанными в Палестину, служила и помогала им. Поселившись в Иерусалиме, она основала женский монастырь, в котором трудилась 25 лет, щедро помогая церквям и бедным. Иероним был с ней в постоянной дружбе и помогал ей советами, равно, как и священник Руфин, итальянец из Аквилеи, живший в уединенной келье на Масличной горе. Между Руфином и Иеронимом, вначале очень дружными, возник спор по поводу толкований Оригена, и Мелания была для них примирительницей. Уже в глубокой старости святая подвижница поехала в Рим, чтобы увидеться с семейством. В ту пору Риму со всех сторон угрожали враги. Мелания своими рассказами о Востоке побудила многих последовать ее примеру. Ее сын Публикола и двадцатилетняя внучка Мелания¹⁷⁷ с мужем Пинианом, продав свои огромные поместья, предприняли путешествие на Восток, по дороге строя обители и щедро помогая нуждавшимся. Вскоре после прибытия в Иерусалим престарелая отшельница предала душу Богу, но ее внучка, Мелания, продолжала ее труды. Живя в келье на Масличной горе, она изучала Писание, молилась, ходила за больными и бедными. И она, и муж постоянно дружили с Иеронимом. Они основали несколько монастырей и скончались в бедности, раздав свое огромное богатство.

Павла тоже оставила пышный Рим ради Востока. Вместе с Иеронимом она посещала святых подвижников, вручала нуждавшимся богатые подаяния и наконец поселилась в Вифлееме, где основала монастырь. По дороге из Вифлеема в Иерусалим она построила странноприимные дома для богомольцев. Ее младшая дочь Евстолия, с тринадцати лет посвятившая себя Богу, находилась при ней. Обе они вели жизнь строгую, трудились и молились, ходили за больными, лишали себя даже необходимого, чтобы больше помогать другим, изучали Священное Писание под руководством Иеронима и не жалели о пышной, богатой жизни, которую покинули ради Господа. Павла знала наизусть почти все Писание и, чтобы лучше понимать слово Божие, выучилась еврейскому языку. Она часто писала в Рим, где оставила много друзей и замужних дочерей. К ним писал и Иероним, давая советы по воспитанию детей. Отшельники звали к себе своих римских друзей, красноречиво описывая им мир и тишину пустынных обителей. Павла скончалась в глубокой старости. *Господи, возлюбих красоту дома Твоего!* – были ее последние слова (ср.: Пс. 25, 8).

Между тем замужние дочери Павлы в Риме подавали пример истинно христианской жизни, как в семейной среде, так и в общественной. Их благочестие поддерживалось связью с матерью и блаженным наставником, в особенности – внимательным изучением слова Божия, единого источника истины. Вся их жизнь была посвящена добру, и пример действовал благотворно на всех окружавших. Мужья тоже стали ревностными служителями Бога.

Мы упоминали о Фабиоле. Эта знатная и богатая римлянка в ранней молодости вышла замуж за человека порочного, развелась с ним и еще при его жизни вступила во второй брак. Этот поступок мучил ее, и после смерти второго мужа она старалась искупить свою вину всенародным покаянием и жизнью, посвященной служению Богу и ближним. Одета в грубую и бедную одежду, она в притворе латеранского храма святого Иоанна перед целым Римом исповедала свои грехи и молила о прощении. Затем она продала свои обширные поместья

¹⁷⁶ Старшая, умерла в 410 г.

¹⁷⁷ Мелания Римляныня (младшая) (♣ 439 г.).

и построила первую в Риме больницу, где с самоотвержением ухаживала за больными, не тяготясь никаким трудом, сама перевязывала раны несчастных и всячески старалась облегчить их страдания. Желание поклониться святым местам привлекло и Фабиолу на Восток. Иероним, которого она знала в Риме и посетила в Вифлееме, с удивлением говорит о ее благотворительности и о ее знании Священного Писания. Возвратившись в Рим, она снова принялась за свои труды: при участии Паммахия, овдовевшего мужа второй дочери, Павлы, построила в Остии огромный странноприимный дом, выкупала пленных, посылала вспомоществования в отдаленные области Италии и умерла в бедности. Весь Рим толпился на похоронах богатой Фабиолы, обнищавшей ради Христа и наполнившей Италию своими благодеяниями.

Какой переворот в сознании совершила христианская вера! Какая огромная разница была между этими смиренными служительницами Христа, полными сострадания и милосердия, и гордыми римлянками-язычницами, которые с наслаждением смотрели на кровавые игры цирка, вели жизнь праздную, изнеженную, удивляя Рим своими пороками, необузданной страстью к роскоши, причудливостью затей, не зная на пути осуществления своих прихотей никаких преград! Христианская вера, согреть сердца любовью, указала женщинам, как можно достойно употреблять время и средства. Жены-христианки удивляли Рим благотворительностью, для которой тесен был Рим и которая изливалась обильным потоком во все края мира; строгостью жизни, посвященной деятельности, трудам, молитве.

Но у большинства римлян учение об отречении от земных благ не встречало сочувствия. Жизнь, посвященная труду и исполнению святых обязанностей, казалась им лишеной всякой прелести. Со страхом видели они успехи и силу нового учения, которое отнимало у язычества лучших людей. Римская чернь часто преследовала христианских проповедников угрозами и неистовыми криками; святые подвижники подвергались клевете и насмешкам; языческие писатели продолжали представлять христиан врагами просвещения. Злоба язычников была сильнее из-за того, что они внутренне сознавали слабость язычества, ясно видели его распад и как, напротив, христианство росло и крепло, призывая на свою сторону все духовные силы страны. Понятны сожаления язычников, то негодование, с которым они встречали всякое новое обращение их бывшего собрата в христианство. Такой взрыв негодования возбудило в язычниках и обращение Павлина Польского, его отречение от земного величия ради Христа.

Павлин, уроженец города Бордо, получил блистательное образование под руководством знаменитого языческого поэта Авзония. Знатный род, огромное богатство и личные достоинства открывали Павлину путь к высшим государственным должностям. Действительно, в двадцать лет он уже был сенатором и вскоре – правителем богатой Кампании. Много было у него друзей; поэзия, искусства услаждали его досуг, самые высшие почести ожидали его. Но влияние благочестивой жены, а также Амвросия Медиоланского и других христианских друзей склонило Павлина к принятию Святого Крещения. Он отдал все свое сердце Богу, а на 25-м году жизни отказался от своего сана, раздал большую часть имения бедным и удалился в Пиренейские горы для подвижнической жизни. Укоризны, насмешки, ругательства посыпались на Павлина со всех сторон от прежних друзей-язычников. Даже рабы, которым он даровал свободу, выражали ему презрение. Авзоний строго укорял его. Но как ни тяжело было испытание, оно не поколебало Павлина: он считал, что ничего не потерял, а все приобрел, посвятив себя служению Христу¹⁷⁸. Некоторое время спустя, приняв сан

¹⁷⁸ Однако новые духовные друзья Павлина восхищались его поступком. Им он отвечал, что, раздав все свое имение, еще ничего не сделал, подобно пловцу, который только снял одежды, но еще не переплыл реку. Потеряв единственное дитя, св. Павлин (353—431 гг.) предался строгому аскетизму и в 489 г. удалился в Испанию; с 409 г. являлся епископом Ноланским. Сохранилось 32 гимна и 50 писем святого. Мощи св. Павлина находятся в церкви св. Варфоломея в Риме, его память Православная Церковь чтит 23 января.

пресвитера, он поселился в бедном местечке Ноле в Кампании, близ мощей святого мученика Феликса, к памяти которого имел особенное уважение. Впоследствии его избрали в епископы. Павлин и его жена Терезия жили смиренно, в бедности, потому что все, что имели, раздавали нуждавшимся; но никогда сожаления о прежнем величии не смущали их покоя и счастья. Он составлял высокие гимны во славу Божию, украшал иконами созданные им церкви¹⁷⁹, переписывался с христианскими друзьями: Амвросием, Августином, Мартином Турским, родственницей Меланией. Любовь его к ближним дошла до того, что во время нашествия вандалов на Италию, истратив уже все, что имел на выкуп пленных, он себя самого продал в рабство, чтобы купить свободу для сына бедной вдовы, пришедшей просить его. Царь вандалов отпустил его вместе с многими другими пленными, уstraшенный бывшим ему видением, когда рядом с Престолом Господа он увидел и своего зеленщика, оказавшегося на самом деле епископом, пришедшим на Суд. Павлин мирно скончался в 431 году.

Язычество так и не смогло ничем отразить эту силу христианской веры. Если раньше оно имело на своей стороне внешнюю силу, то теперь и она изменила ему.

---

¹⁷⁹ Некоторые полагают, что Павлин Нольский первый ввел в употребление колокола для созыва верующих к богослужению; другие относят начало этого обычая к VII веку.

Глава IV

Церковь при Феодосии Великом

Христианская вера, все больше и больше распространяясь, вытесняла везде язычество. Указ Феодосия запретил на Востоке жертвоприношения. Во всех восточных областях разрушались капища, а вместо них строились христианские церкви¹⁸⁰. Обнаруживались обманы идольских жрецов, которые ради своих выгод прельщали суеверный народ разными хитростями, и язычники переставали им верить. В некоторых городах Сирии язычники, впрочем, встали на защиту своих богов и умертвили несколько христиан. Но вообще сопротивление было довольно слабым. Уже везде численность христиан превышала число язычников и постоянно увеличивалась. Только в Александрии произошли большие беспорядки по поводу низвержения капищ.

Александрийские язычники, раздраженные обличениями епископа Феофила¹⁸¹, схватили нескольких христиан, замучили их и предали смерти. Весь город пришел в волнение, на улицах происходили кровавые схватки. Наконец главные зачинщики мятежа затворились в храме Сераписа и, делая временами вылазки, брали в плен христиан, вынуждали их совершать языческие обряды, предавали истязаниям и казнили. Напрасны были все усилия гражданских властей, напрасно египетский префект с военным отрядом убеждал мятежников к покорности, угрожая им строгостью закона. Мятежники за стенами храма считали себя в безопасности и считали, что никто не решится употребить против них силу, потому что храм Сераписа был предметом благоговейного почитания для всего Египта. Действительно, префект не предпринял ничего, а дал знать о случившемся императору Феодосию.

Храм Сераписа – одно из самых обширных и самых богатых языческих зданий – стоял на высокой, искусственной горе и был окружен со всех сторон великолепными галереями и зданиями, где жили жрецы и другие служители богов. Сто мраморных ступеней вели к нему. Он, действительно, мог служить неприступной крепостью. Особенно же охраняло его от всякого враждебного посягательства суеверное благоговение всего Египта, и не только Египта. С поклонением богу Серапису соединялось обожествление реки Нила. Как известно, в знойном Египте почти не бывает дождей и весь годовой урожай края зависит от большего или меньшего разлива Нила, который в августе и сентябре затопляет всю низменную часть Египта и илом, оставшимся после разлива, придает почве плодородную силу. С незапамятных времен египтяне воздавали Нилу божеские почести, совершая в его честь торжественные обряды и жертвоприношения. Эта провинция снабжала хлебом часть Малой Азии и Константинополь, а потому неурожай там являлся всеобщим бедствием. Поэтому-то поклонение Серапису не ограничивалось одним Египтом, и в великолепном александрийском храме встречались и египтянин, боготворящий Нил в лице бога Сераписа, и грек, для которого тот же идол был олицетворением плодородной силы природы. Эти обряды в честь Нила долго сохранялись, несмотря на быстрое распространение христианской веры, и сравнительно недавно были запрещены Феодосием к крайнему неудовольствию язычников. Каков же был ужас язычников, когда пришел ответ императора на донесение египетского префекта! Феодосии писал, что не хочет мстить за смерть христиан, сподобившихся славной, мучени-

---

¹⁸⁰ Сохранился топографический каталог памятников, существовавших в Риме к началу правления Феодосия I. Отсюда видно, что только в этом городе было 152 языческих храма и 183 молельни, посвященные разным богам.

¹⁸¹ Поводом послужил следующий случай. В Александрии был один очень ветхий храм Бахуса, от которого не осталось ничего, кроме стен и кумиров. Епископ Александрии Феофил, ввиду умножившегося количества христиан, попросил Феодосия I отдать этот храм им. Император согласился, а Феофил повелел тогда вынести всех кумиров. Они имели вид не только соблазнительный, но и смешной, а потому епископ нарочно выставил их на всеобщее обозрение для назидания, дабы пристыдить язычников.

ческой кончины, но повелевает разрушить храм Сераписа, а статую – раздробить на куски для раздачи бедным.

Серапис. II в. н. э.

Этот указ вызвал негодование языческой партии, но делать было нечего. Сам префект во главе воинов должен был содействовать христианскому епископу в разрушении храма. В назначенный для этого день огромная толпа народа последовала за епископом и префектом, которые шли исполнить приговор царя. Осмотрели все тайные ходы, находившиеся под сводами храма, жилища жрецов, библиотеку, собранную Птолемеем, и наконец вошли в само святилище, где стояла колоссальная статуя Сераписа, предмет благоговения и страха в течение многих веков. Этот кумир был отлит из всех известных металлов: золота, серебра, меди, олова, чугуна, весь обложен драгоценными камнями; змей – символ вечности – обвивался вокруг него. Перед кумиром толпа остановилась, объята страхом, потому что у язычников существовало поверье: тот, кто дерзнет коснуться кумира Сераписа, будет немедленно поражен смертью, а затем и мир разрушится, и все стихии возвратятся в первобытный хаос. Долго никто не решался исполнить приказание императора и поднять руку на идола. Наконец один воин отважился ударить его молотом.

Язычники в безмолвном ужасе ожидали его казни. Но так как не последовало никакого проявления гнева со стороны Сераписа, то ободренный этим воин решился приставить лестницу, взобрался по ней на плечи идола и сильно ударил молотом по голове. Голова покатилась, послышался глухой шум. В ужасе ждали, что будет, но на смену ужасу пришел общий хохот, когда из статуи высыпало целое полчище крыс, которые, встревоженные в своем мирном убежище, теперь разбежались по храму. Тут уже все бросились на кумира. Каждый рубил чем попало, и так долго уважаемого идола разбили на мелкие части. Тем и кончилось поклонение Серапису¹⁸².

Язычники, однако, были в страхе и беспокойстве. «Что, – думали они, – если разгневанный бог захочет мстить за поругание святыни и Нил не разольется?» Настала пора, когда обыкновенно вода в Ниле начинает прибывать. Весь Египет был в тревожном ожидании. Вода не прибывала, и народ стал роптать. Египетский префект, боясь волнения, послал просить у императора позволение совершить установленный обряд в честь Нила, чтобы тем умилостивить разгневанного бога. Феодосии отвечал, что если урожай Египта зависит от языческого обряда и должен быть куплен неверностью Богу истинному, то лучше остаться без хлеба. Господь оправдал и наградил его твердую веру. Не успел еще ответ его дойти до Александрии, как Нил поднялся выше, чем когда-либо, и урожай был обильнейший. Это нанесло последний удар языческому суеверию.

Действуя решительно в пользу христианской веры на виду у всех, умел ли Феодосии одерживать самые трудные победы над собой? Умел ли приводить себя самого в послушание Христу и силой христианской веры смирять в себе порывы страстей? Некоторые события периода его царствования могут послужить ответом.

---

¹⁸² Храм был срыт до основания. На камнях фундамента нашли некие письмена, и христиане, знавшие иероглифы, прочитали бывшее там пророчество о плачевном состоянии язычества. Между язычниками всего Египта существовало предание, что их религия окончится, когда придет религия Креста.

Император Феодосии Великий

Из-за войны Феодосии увеличил налоги в некоторых областях. В Антиохии эта мера вызвала сильное недовольствие, которое усилилось тем, что сборщики податей поступали порой очень жестоко. Вспыхнул мятеж, и разъяренный народ бросился с угрозами к дому градоначальника, а оттуда – на площадь, чтобы низвергнуть статуи императора, умершей императрицы¹⁸³ и двух сыновей их, и с ругательствами волочил их по улицам. Войско усмирило мятеж; главные зачинщики были схвачены, другие рассеяны. За этим взрывом страстей последовали уныние и страх. Городские власти строго обошлись с захваченными мятежниками, а от царя все ожидали еще более строгих распоряжений, потому что знали, что он чрезвычайно раздражителен. Вся Антиохия была в страхе. Обратились к престарелому епископу Флавиану и умоляли его ехать в Константинополь, чтобы увещаниями постараться смягчить справедливый гнев царя.

---

¹⁸³ Супруга Феодосия I, Флацилла, умерла много раньше императора. Благочестивая женщина, пользовавшаяся искренней любовью своего царственного мужа, она постоянно поддерживала в его сердце святую ревность к вере, старательно охраняя от арианских искушений. Святитель Григорий Нисский в своем слове, сказанном при гробе Флациллы, назвал ее «столпом Церкви», «сокровищем бедных», «покровом несчастных», потому что везде была известна ее необыкновенная благотворительность и милосердие. Именно поэтому Феодосии глубоко оскорбился поступком антиохийцев не столько за себя и детей, сколько за умершую супругу.

Флацилла, жена Феодосия Великого

Святой старец предпринял путешествие. Но не скоро последовал ответ. Между тем жители Антиохии находились в самом ужасном, тревожном состоянии. В это время был в Антиохии священник, хотя и недавно посвященный, но уже успевший приобрести славу и влияние своим красноречием и святой жизнью, – знаменитый Иоанн Златоуст.

Флацилла, жена Феодосия Великого

Он один ободрял, утешал народ. Не извиняя преступления антиохийцев, старался возвысить их души над всяким земным страхом и внушить им то мужество и спокойствие, которые истинный христианин, твердо уповающий на Господа, должен сохранять во всех житейских событиях. Он напоминал им о едином Всесильном Утешителе, убеждал больше бояться преступления, чем наказания, потому что для христианина только одно страшно – гнев Божий, остальное же – ничто, даже сама смерть не страшна, потому что она – начало вечности. Он уговаривал народ стараться умиловить Господа раскаянием, исправлением жизни, исполнением Его святой воли. Народ толпился в церкви, где проповедовал Иоанн, площади, театры, цирки, обыкновенно привлекавшие суетных антиохийцев, *были* теперь пусты; только молитва и поучения Иоанна могли смягчить общую скорбь. По городу ходили страшные слухи. Рассказывали, что император в гневе решил истребить Антиохию с ее жителями и что уже близки воины, которым поручено исполнение приговора. Множество жителей бежало. Наконец приехали два царских сановника с поручением произвести строжайшее следствие и объявить, что Антиохия лишена преимуществ столицы. Началось следствие. Знатнейших граждан предали суду. Употреблялись страшные пытки, чтобы вынудить признания. Вопли, плач жен и матерей оглашали улицы. Иоанн беспрестанно являлся в суди-

лица, чтобы ободрять несчастных и молить судей об их пощаде. Иноки, жившие в окрестностях Антиохии, поспешили в город, лишь только услышали о бедствии. Они являлись в судилища и просили за виновных с мужеством людей, готовых идти на смерть за братьев. Наконец Иоанн и они убедили судей не совершать казней, пока не придет ответ от посольства Флавиана. «Низвергнутые статуи опять воздвигнуты, – говорили они, – но если вы предадите смерти образ Божий, кто же воскресит погибших и возвратит души телам?»¹⁸⁴

Между тем Флавиан прибыл в Константинополь. Царские сановники, встретившиеся ему на пути, подали ему мало надежды умиловить Феодосия, который был в страшном гневе. Но несмотря на это, святой старец не отчаивался, твердо уповая на помощь Божию. Явившись к императору, он вначале только безмолвием и слезами выражал свою скорбь о преступлении антиохийцев. Феодосии был тронут слезами святого епископа, однако выразил сильное негодование. Тогда Флавиан, признавая вину своих сограждан, стал просить царя о помиловании и прощении. Приближалась Пасха, и к этому времени по обычаю принято было отпускать нескольких узников. Незадолго до того Феодосии, разослав по областям указ, объявивший об этом, написал в нем: «О если бы я мог, как я возвращаю к свободе узников, воззвать и возвратить к жизни умерших!» Флавиан напомнил царю эти слова: «Антиохия умерла, – говорил он, – но скажи одно слово, и во тьме и скорби погребенный град воскреснет... Низвергли статуи твои; но ты можешь поставить другие, славнейшие тех. Если ты простишь оскорбивших тебя, тогда каждый в сердце своем воздвигнет тебе статую, которая будет драгоценнее золотой и серебряной, ибо будет украшена человеколюбием и милостью». Флавиан напомнил царю о Христе, молившемся за распинавших Его, напомнил ему и об обязанности, которую налагало на него звание христианина. «Теперь иудеи и язычники, целая вселенная обращают взоры на тебя, ожидая, каков будет приговор твой; если он будет человеколюбив и кроток, то они прославят Бога и скажут: вот какова сила христианской веры... Наконец, – заключил епископ, – я пришел к тебе не от одних антиохийцев, а послан от Господа нашего сказать тебе: *если отпустите людям согрешение их, отпустит и вам Отец ваш Небесный* (Ср.: Мф. 6, 14.). Другие посланники приносят золото или серебро или другие драгоценные дары; но я пришел к тебе, государь, с священнейшим законом, и умоляю тебя подражать Господу, Который, будучи ежедневно оскорбляем нами, не перестает подавать нам блага Свои».

Царь был тронут до глубины души. Заплавав, он сказал Флавиану: «Если Господь вселенной, для нас сошедший на землю, для нас принявший образ раба, ради нас пострадавший, умолял Отца о распинавших Его: *Отче, отпусти им, они не знают, что творят* (Ср.: Лк. 23, 34.), то могу ли я не простить тем, которые оскорбили меня, подобного им человека!»

Затем Феодосии написал антиохийцам, что предает забвению вину их; и с этим великодушным решением Флавиан возвратился к своей пастве. Но еще до его возвращения Антиохия была уже обрадована письмом, посланным с особым гонцом. В праздник Пасхи Иоанн объявил народу прощение царя, убеждая слушателей доказать свою благодарность добрыми делами и благочестивой жизнью.

Как мы видим из этого события, Феодосии был способен на самые великодушные подвиги. Но, к сожалению, крайняя раздражительность омрачала его высокие достоинства; не всегда умел он побеждать и удерживать порывы своего гнева. Года через три после рассказанного нами события вспыхнул мятеж в Фессалониках, и народ умертвил градоначальника и нескольких сановников, присланных царем. Феодосии в это время находился в Милане; известие о случившемся вызвало в нем страшный гнев. Епископу Амвросию удалось, однако же, укротить первые порывы гнева, и Феодосии обещал ему простить виновных. Но после

¹⁸⁴ Эти замечательные по силе духа и выражения мысли были высказаны Иоанном Златоустом в двадцати «Беседах к антиохийскому народу».

удаления Амвросия другие советчики превозмогли: приближенные царя так восстановили его против фессалоникийцев, что, нарушив свое обещание, он послал туда жестокий приговор. Жителей заманили в цирк под предлогом игр и по повелению императора воины утервили там без разбора от семи до пятнадцати тысяч человек (по разным данным), с женами и детьми. Весть об этом привела в ужас всех христиан. Амвросий, удаляясь на время из Милана, написал царю письмо, в котором, выразив в сильных словах негодование свое и всей Церкви, убеждал царя раскаяться и объявил ему, что не может совершать священных Таинств в присутствии человека, обagrившего себя кровью стольких невинных людей. Раскаяние пробудилось в душе Феодосия. Через некоторое время он, однако, пошел в соборный храм, но у дверей встретил его епископ и от имени Господа остановил его. Просьбы царя остались тщетны.

– Но и Давид согрешил, однако не лишился милости Божией, – говорил царь.

– Ты подражал Давиду в преступлении, – отвечал Амвросий, – подражай ему и в покаянии.

– Что же мне делать? – спросил Феодосии.

– То же, что должен делать каждый убийца; у Бога нет лицепрятия.

Царь удалился, и целых восемь месяцев не был допущен в церковь. Иногда поднималась в нем раздражительность при мысли об отлучении, но чаще – скорбь. В праздник Рождества Христова он со слезами говорил своему придворному Руфину: «Дом Божий открыт для нищих и рабов, но закрыт для меня!» Руфин взялся уговорить епископа, но нашел его неумолимым. «Государь властен отнять у меня жизнь, – говорил он, – но не властен переменить определений церковных». Наконец, взяв у императора обещание, что никакой смертный приговор не будет приведен в исполнение ранее тридцати дней, Амвросий допустил Феодосия в преддверие храма. Тут великий император стоял среди кающихся в смиренной одежде и, ударяя себя в грудь, со слезами повторял молитву кающегося Псалмопевца: *Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему... благословен еси Ты Господи... научи мя оправданиям Твоим!*¹⁸⁵ Народ плакал вместе с царем, который на всю жизнь сохранил память об этом событии и скорбь о своем преступлении. И современники, и отдаленное потомство достойно оценили величие епископа, бесстрашно уличившего того, кто нарушил христианский закон человеколюбия и справедливости, да и величие царя, признавшего над собой силу христианской истины и искренно и смиренно покаявшегося.

Пребывание Феодосия на Западе сдерживало попытки римских язычников. Они опять начали ходатайствовать о восстановлении алтаря Победы, но прошение их было снова отвергнуто. Феодосии имел сильное влияние на молодого Валентиниана II, убеждал его действовать в пользу христианской веры. Но государственные дела отозвали Феодосия на Восток, и, как только он удалился, на Западе началось волнение. Франкский начальник Арбогаст поднял знамя восстания и, утервив Валентиниана II (392), провозгласил императором ритора Евгения. Алтарь и статуя Победы в Риме были вновь восстановлены; во всех городах открылись языческие капища и стали совершаться жертвоприношения. Амвросий был вынужден оставить Милан и из Болоний писал Евгению строгие обличения, но Евгений не одумался. Феодосии решил идти на него войной¹⁸⁶. Приготовившись к этому делу молитвой и постом, он в 393 году перешел Альпы и близ Аквилеи встретил многочисленные войска

¹⁸⁵ См.: Пс. 118, 25, 68.

¹⁸⁶ Но прежде Феодосии желал узнать волю Божию относительно этого важного дела. Он послал евнуха Евтропия в Египет, в Фиванскую пустыню, к пустыннику Иоанну, который уже пятьдесят лет жил в своей тесной келье, неся подвиги монашеской жизни. Питаясь только зеленью, он пять дней проводил в молитве и бдении, а в субботу и воскресенье открывал окно кельи, давая ответы собравшемуся к нему народу, знавшему о даре прозорливости пустынника. Иоанн велел передать Феодосию, что правда на его стороне, и «хотя победа будет кровавая, но несомненная», а кроме того предсказал царю мирную кончину в Италии и воцарение его сыновей.

Евгения. Перед полками Феодосия неслась священная хоругвь Константина, Евгений, хотя и считался христианином, велел нести перед своей ратью изображение Геркулеса, думая этим угодить языческой партии, которая возлагала на него свои надежды. Начался бой, казалось, что победа склонялась на сторону Евгения. Самые опытные вожди Феодосия советовали ему отступить перед превосходящими силами неприятеля. «Как, – возразил Феодосии, – неужели хоругвь Креста отступит перед идолом Геркулеса?» – и с твердой надеждой на Бога продолжал битву. Вдруг поднялся сильный вихрь навстречу врагам, ослепляя их пылью и обращая назад их стрелы. Они пришли в смятение и наконец, бросив оружие, обратились в бегство. Победа осталась за Феодосием, Евгений был взят в плен, Арбогаст удавился, и Феодосии вступил в Рим самодержавным государем Востока и Запада. Он простил великодушно всем приверженцам Евгения, но язычеству был нанесен жестокий удар.

На Востоке уже обнародовали указ, строго запрещающий жертвоприношения и всякого рода заклинания. Этот указ теперь распространился и на Запад империи. Грациан, отняв у капищ принадлежавшие им земли, поставил жрецов в зависимость от правительства, от которого они получили содержание, но Феодосии объявил, что так как христианство – господствующая вера в империи, то он не считает себя вправе употреблять и малейшей части государственных доходов на поддержание язычества; и жрецы были лишены содержания. Так совершился великий шаг к искоренению язычества. Христианская вера держалась и распространялась вопреки всем человеческим усилиям, среди опасности, гонений, нищеты, потому что была от Бога и крепка внутренней силой истины. Но язычество быстро пало как учреждение, как только его последователям пришлось, в свою очередь, стать в ряды гонимых и лишиться выгод и власти. Жрецы рассеялись, капища опустели. Остались язычниками те, которые искренно верили богам (а таких было немного), и те, которые продолжали тайно извлекать выгоды из суеверия. Запрещенные обряды язычества, однако, еще долго совершались в разных частях Италии, Галлии и в других областях, медленно и постепенно искоренялись распространением иночества. Даже в Риме не решались в одночасье запретить разные празднества, связанные с язычеством. Это вызвало бы слишком сильное негодование в народе; на эти празднества отпускались деньги от правительства. Постепенно забывалось их первоначальное значение, и они слились с христианскими празднествами, внося, впрочем, в них и прежнюю суетность, и разные суеверия, которые нелегко искореняются из общественного сознания.

Действительно, легче всего было объявить указом, что христианская вера – господствующая в империи, легко было делать распоряжения против язычества и запретить языческие обряды; но куда труднее было искоренять язычество из сердца. Покровительство христианской вере приводило к тому, что многие притворялись христианами, не возродившись к новой жизни; многие, исповедуя Христа, в душе оставались язычниками. Христианское общество уже давно не являло прежних добродетелей, как это было в те времена, когда исповедание христианской веры являлось достаточным свидетельством искренности исповедовавшего, потому что навлекало на него жестокое гонение. Но признание христианского закона приводило к общему улучшению нравов, к усовершенствованию гражданского законодательства, к возвышению нравственного просвещения. Человечество должно было стремиться к осуществлению в жизни того нравственного закона, который оно признавало за истинный.

После краткого пребывания в Риме Феодосии отправился в Милан. Он некоторое время не решался приступить к Святым Тайнам из-за крови, пролитой в битве, хотя и в правом деле: таким искренним было в нем благоговейное отношение к Святым Таинствам Церкви. Тут он призвал к себе двух своих сыновей, Аркадия и Гонория, которых хотел благословить перед смертью, потому что чувствовал, что ему недолго оставалось жить. Действительно,

по предречению пустычника Иоанна, в 395 году последний великий римский император скончался на руках Амвросия, разделив царство между юными сыновьями.

В Феодосии I, прозванном Великим, мы видим всю силу христианской веры¹⁸⁷. При полной самодержавной власти что могло бы обуздать порывы его гнева и вспыльчивости, если бы он не признавал внутреннего нравственного закона и не покорялся бы силе христианской веры? Но мы видели, как она сдержала порыв его справедливого гнева против Антиохии и внушала ему милосердие и великодушие. В другом случае он в гнев совершает страшное преступление, но вскоре проявляет раскаяние и с полным смирением покоряется закону Церкви. В обычной жизни Феодосии был воздержан и целомудрен, не любил роскошь, но его щедрость к бедным изумляла современников, легко прощал он и личные обиды. Царь старался дать своим сыновьям христианское воспитание и выбрал им в наставники человека, известного ученостью и святой жизнью, Арсения. К сожалению, успехи юных князей не соответствовали ни желаниям отца, ни стараниям достойного наставника¹⁸⁸.

Жена Феодосия, императрица Флакилла (Флацилла), была истинной христианкой, исполненной смиренномудрия и благочестия. Она не только щедро помогала бедным, но и сама посещала их, ходила за больными. Некоторые находили это неуместным и внушали ей, что императрице достаточно помогать бедным деньгами, но недостойно ее звания самой трудиться. Флакилла отвечала им: «Прилично императорскому званию щедро помогать деньгами; но свои личные труды я даю Тому, Кто благоволил даровать мне это звание».

---

¹⁸⁷ Проявилось это, конечно, и в тех актах Феодосия Великого, которые касались церковного благочиния. День воскресный стал праздноваться в Римской империи со времен Константина, однако не так, как должно. Считаясь с мнением язычников, в этот день дозволялись зрелища, игры, театр. Феодосии положил такому времяпрепровождению конец. Кроме того, он предписал отстранить производство уголовных дел в дни Великого поста, так как «не должно судьям, – писал император, наказывать преступников в такое время, когда они сами ожидают прощения от Бога за грехи свои». А в день Святой Пасхи Феодосии повелел открывать все тюрьмы, чтобы и преступники могли участвовать в великом торжестве. Также император предоставил храмам право убежища, и потому дети Арбогаста и Евгения, после несчастной кончины их родителей, спаслись, прибежав в храм. Особым законом повелевалось чтить места Палестины, озаменованные Спасителем. Для охраны этих мест были выделены особого рода стражи. Почетом и уважением окружил император православное духовенство, освободив от пыток. Особые распоряжения царя касались запрета иудеям иметь рабов-христиан. Это было связано с тем, что иудеи часто специально стремились покупать православных пленников, чтобы затем их насильно обращать в свою веру и кощунствовать. Целый ряд законов касался нравственности. Феодосии повелел предавать смертной казни за противоестественные пороки, запретил браки между близкими родственниками, не разрешил принимать в диаконы вдов моложе 60 лет, вернув тем самым апостольской заповеди прежнюю силу. Обозревая в целом деятельность Феодосия Великого, ясно видно, что он сделал Церковь душою государства, распространив дух истинного христианства на все отрасли гражданской жизни. Тем самым положил основание тому длительному существованию империи, которое продолжалось века, даже вопреки видимым неустройствам.

¹⁸⁸ Аркадий Флавий (377-1.05.408) – император Восточной части Римской империи с 17 января 395 г., но еще в 383 г. был провозглашен августом и соправителем. Аркадий проявил себя слабым и малоспособным человеком, находившимся в постоянной зависимости своего корыстолюбивого и тщеславного окружения: сначала евнуха Евтропия, вельможи Руфина, а затем супруги Евдоксии (дочери полководца Франка Баута). Его правление ознаменовалось ожесточенными оборонительными сражениями с германцами и гуннами, а также гонениями на свт. Иоанна Златоуста, главным вдохновителем которых была Евдоксия. Гонорий Флавий (09.09.384-15.08.423) западно-римский император с января 395 г., с 393 г. был назначен августом и соправителем. До 408 г. Гонорий правил при опеке полководца Стилихона, которого велел убить, подозревая в измене, после чего вестготы под предводительством Алариха вторглись в Италию и разграбили Рим (410 г.) Гонорий не смог остановить продолжавшегося распада Западной Римской империи и нашествия вандалов, аланов, севеов, гуннов. Фактически оставил Британию и правил при постоянной опеке полководцев и министров.

Император Аркадий. 387–390 гг. Стамбул, Археологический музей

Святой епископ Амвросий скончался через два года после Феодосия. Заранее предупредив близкую кончину, он сказал друзьям: «Только до Пасхи пребуду с вами», – и, действительно, вскоре занемог. Весть о его болезни огорчила всю страну. Стиликон, правитель Италии при малолетнем Гонорий, умолял Амвросия, чтобы он испросил у Бога продолжения жизни. Епископ отвечал: «Я не так жил между вами, чтобы стыдиться жизни, но не боюсь умереть, ибо мы имеем доброго Владыку».

Последние дни жизни Амвросий провел в постоянной молитве, радостно ожидая своего отшествия к Господу. Некоторые из его приближенных были поражены сиянием, озарявшим его лицо. Он умер в ночь на Великую Субботу 397 года. Плач огласил улицы Милана в радостные дни Пасхи. Все теряли в нем любящего отца и мудрого наставника, и огромная толпа народа теснилась вокруг его останков, которые Господь прославил чудотворной силой.

Мы видели непоколебимую твердость Амвросия в его отношениях к Юстине, Максиму, Феодосию, его милосердие и кротость равнялись его твердости, щедрость к бедным не знала границ. Он раздал им все свое имение, продавал даже церковные украшения, чтобы выкупать пленных. «Церковь имеет золото, – говорил он, – не для того, чтобы сберечь его, но чтобы употреблять для блага людей». Богослужению Амвросий придавал не известную ранее на Западе торжественность. Он устроил чин как литургии, так и других служб. До настоящего времени Медиоланская литургия совершается по чину, установленному Амвросием, сближаясь несколько со службой Восточной Церкви. Амвросий оставил много назидательных сочинений: священных песен, толкований Писания, книг о христианской нравственности.

Глава V

Святой Иоанн Златоуст

Нашим читателям уже знакомо имя великого антиохийского пресвитера, Иоанна Златоуста¹⁸⁹.

Иоанн родился в Антиохии в 334 или 347 году, в богатой и знатной семье. Отец его, Секунд, занимал важную должность при войсках; мать Анфуса была для него тем, чем св. Нонна для свт. Григория Богослова. Овдовев на двадцатом году, она не захотела вступать во второй брак, а всецело посвятила себя сыну и малолетней дочери, которая умерла в младенчестве. Занялась воспитанием затем уже одного Иоанна, старалась дать ему обширное и прочное образование, особенно же основательно познакомить его со Священным Писанием, мудро управляла его имением. От матери Иоанн получил первые уроки христианского благочестия, и ничто впоследствии не могло изгладить их из души его: ни поучения языческих наставников, ни примеры товарищей, ни увлечения юности – так сильно было влияние матери на его воспитание, на развитие душевных сил, так прочны впечатления, полученные в детстве. Уже в юношеском возрасте Иоанн посещал языческие школы, где преподавались философия, красноречие, другие науки. Он был одним из лучших учеников знаменитого Ливания, красноречивого языческого оратора.

В то время Иоанн еще не был крещен. Хотя святые отцы Церкви возражали против обычая откладывать крещение до совершеннолетия, он был довольно распространен и держался отчасти на том, что принявшие крещение не могли уже посещать языческих школ. Сам Иоанн впоследствии порицал этот обычай и убеждал родителей не откладывать крещение младенцев, а с первых же дней посвящать их Богу и делать их участниками благодати, которую даровал нам Христос. Окончив образование, Иоанн поступил на гражданскую службу, изучал законоведение и в судах в качестве адвоката защищал вверенные ему дела. Служба сближала его с людьми светскими. Подражая товарищам, он посещал театры, зрелища, участвовал в светских увеселениях. Но эта жизнь скоро показалась ему суетной и пустой. Мирские почести не прельщали его. Он чувствовал, что только во Христе есть отрада и покой, свет и истина, стал тщательно изучать Писание, часто ходить в церковь. Святой Мелетий, в то время епископ в Антиохии, полюбил Иоанна и часто приглашал его к себе для духовной беседы. На двадцать восьмом году Иоанн принял от него Святое Крещение. С величайшим благоговением приступил он к Таинству, усыновлявшему его Богу; и с этих пор так строго наблюдал за собой, что никогда не употреблял клятвы, не позволял себе не только злословия, но и малейшей шутки над ближним. Все мысли и старания его были устремлены к тому, чтобы сделаться достойным высокого звания христианина. Ему хотелось оставить мир для пустынной жизни, но это намерение огорчило его мать. Пропливая горячие слезы, она перечисляла сыну все скорби раннего вдовства, все свои заботы о его воспитании и о сохранении

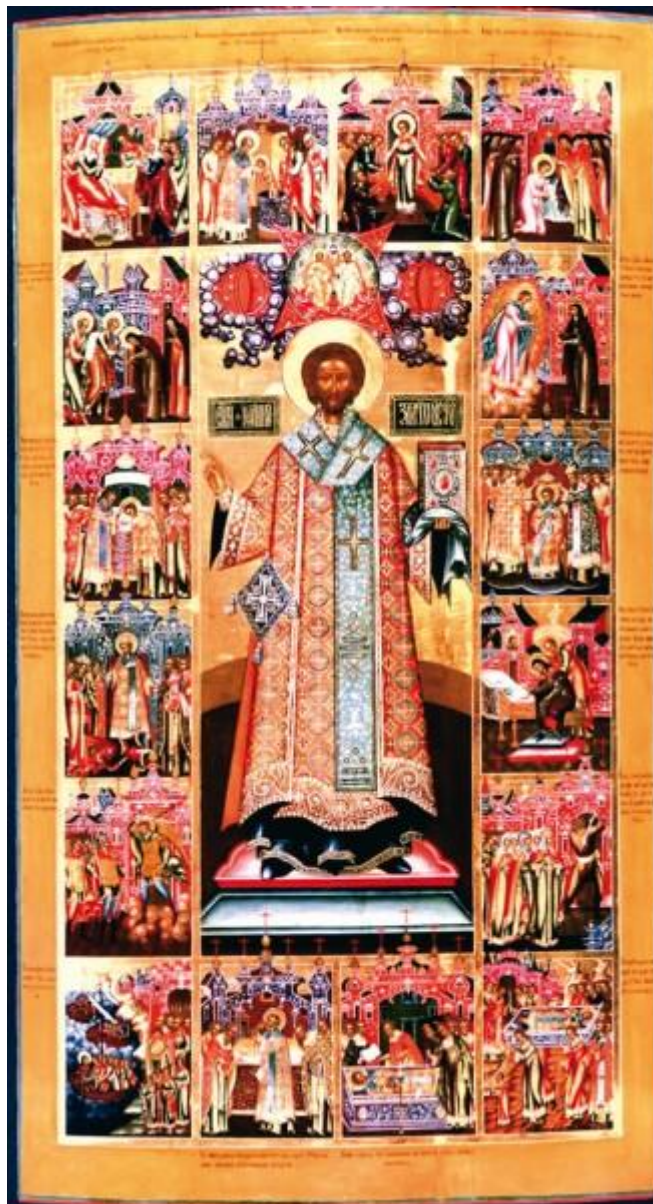
---

¹⁸⁹ Иоанн Златоуст – один из величайших отцов Церкви, образец доброго пастырства и светильник нравственной проповеди. Дар совестного рассуждения, без сомнения, является главным даром святителя Иоанна. Большинство трудов его являются письменным переложением проповедей, произнесенных за богослужением, которые народ мог часами с затаненным дыханием слушать, не расходясь по домам. Всего до нашего времени дошли 804 проповеди Иоанна Златоуста, хотя церковный историк Каллист упоминал более чем о тысяче записанных текстов. За свое емкое и образное слово, проникающее в сердце и пробуждающее раскаяние с желанием деятельной христианской жизни, святитель и приобрел от папства прозвище Златоуста. В то же время беседы святителя ценны не только своим проповедническим пафосом. В них обнаруживается глубокое богословское содержание, особенно в части, касающейся эсхатологии (учение о конце света и спасении), литургики, экклезиологии (богословия Церкви), сотериологии (богословия спасения), аскетики, учения о человеке и общественной добродетели. Классическими признаются также его толкования Писания. Составленные в форме бесед, они, помимо объяснения священного текста, содержат в себе параллели с жизнью христиан и практические замечания нравственного характера.

имущества. «За все прошу у тебя одной милости, – прибавила Анфуса, – не подвергай меня вторичному сиротству, не пробуждай в душе моей скорби, немного уснувшей; потерпи до моей смерти». Иоанн исполнил волю доброй матери и, оставшись при ней, в ее богатом доме вел строгую, подвижническую жизнь. Мелетий вскоре определил его чтецом в церковь.

У Иоанна было несколько товарищей, одушевленных, как и он, любовью к Богу. Они вместе трудились, стараясь преуспевать в доброты. Один из друзей, решивший вначале жить для одного Бога, потом возвратился в мир. Иоанн по этому случаю написал свое первое известное послание «К падшему». В этом сочинении уже видны те черты, которые так прославили его впоследствии: живое, увлекательное красноречие, изливающееся из сердца, полного любви; твердость и чистота нравственных правил.

В смиренном звании чтеца Иоанн приобрел такую славу, что его хотели видеть епископом в одном из ближайших городов, но он уклонился, не считая себя достойным. Избрали одного из его друзей, а он в превосходном сочинении «О священстве» выразил свои мысли о высоких обязанностях священнослужителя как совершителя Таинств и наставника.

Иоанн Златоуст с житием. Икона. XIX в. Палех

После смерти матери Иоанн исполнил давнишнее свое желание: продал имение, раздал деньги бедным, освободил рабов и стал иноком в одной из обителей близ Антиохии.

Он желал посвятить всю жизнь уединенной молитве, но его слава привлекала множество посетителей: кто приходил к нему за советом и наставлением, кто с надеждой исцелиться от недуга, потому что Господь даровал Иоанну чудотворную силу. Исцеляя больных, Иоанн призывал их к благочестивой жизни, к молитве; с глубоким знанием сердца подавал советы в соответствии с душевным состоянием каждого.

Рассказывают, что в монастыре было однажды Иоанну чудное видение. Ночью явились ему два мужа, озаренные необычайным светом: то были святые апостолы Иоанн и Петр.

– Я Иоанн, – сказал первый, – возлегший на персях Господа во время Тайной Вечери и оттуда почерпнувший Божественные откровения. Дает и тебе Бог увидеть глубину премудрости, да питаешь людей негибнущей пищей учения и да заграждаешь уста тех, которые превратно толкуют закон Бога нашего.

Петр, вручив Иоанну ключ, сказал ему:

– Дает тебе Бог ключ Церквей святых, да будет связан тот, кого свяжешь, и разрешен тот, кого разрешишь.

Упав ниц, Иоанн воскликнул в глубоком смирении:

– Кто я, чтобы дерзнул принять и понести такое служение; я человек грешный и ничтожный!

– Мужайся, крепись! – сказали апостолы. – Исполни повеленное тебе, не утай дара, данного тебе Богом на просвещение людей Его. Провозглашай смело слово Божие, помня, что Господь сказал: *не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец дать вам царство*. И ты не бойся, ибо Господь благоволит просветить тобою души многих. Ты много вытерпишь скорби и гонений правды ради; но перенеси все твердо и внидешь в наследие Божие.

Иоанн взял на себя еще более тяжкий труд, готовясь к служению, на которое указывал ему Господь. Он на время удалился из обители и в уединенной пещере укреплял свою душу постоянной молитвой, в борьбе с самим собой приобретая духовный опыт. Вдали от мирского шума, беседуя с Богом, созерцая красоту Его творения, душа Иоанна все больше и больше приближалась к источнику света и жизни.

Но подвижническая жизнь так расстроила здоровье Иоанна, что через несколько лет он был вынужден возвратиться в Антиохию, однако навсегда сохранил благодарное воспоминание о тихой иноческой жизни: во многих своих беседах он затем красноречиво описал спокойствие и тишину пустынных обителей, которых не достигает шум мирской суеты, где все думают лишь о том, как угодить Богу; а утвердив свои сердца и помышления на твердом камне заповедей Божиих, не возмущаются и не колеблются ни бурей страстей, ни суетою внешней жизни, а наслаждаются истинной свободой (потому что отдались Богу) – истинным богатством, потому что не желают ничего мирского. В то время в гражданском обществе были часты нападки на монастыри, якобы отнимавшие у мира лучших людей, но Иоанн настойчиво защищал иноческую жизнь.

Вскоре после его возвращения в Антиохию, свт. Мелетий посвятил его в диаконы; а в 385 году Флавиан, преемник Мелетия, возвел Иоанна в сан священника, не причислив к какой-либо конкретной церкви, а поручив ему проповедовать. Иоанн еще задолго до этого в книге «О священстве» начертал величественный образ истинного священника. Теперь он принял это звание со смущением и трепетом, но вместе с тем вполне уповая на помощь Господа, Который может облегчить всякий труд.

Независимо от трудностей, неизбежно связанных со званием проповедника, исполнение этих обязанностей было особенно трудным по многим причинам в Антиохии. Мы уже говорили о раздорах, которые так долго волновали Антиохийскую Церковь. В ней было одновременно три епископа, потому что евстафиане, мелетиане и павлиниане не хотели иметь между собой общения. После смерти Мелетия (♣ 381) многие, недовольные назначе-

нием Флавиана, продолжали считать епископом Павлина¹⁹⁰. Многочисленные еретики: ариане, евномей, последователи Савеллия, Павла Самосатского, Македония и разных гностических сект – старались распространять свои учения; язычники и евреи, высмеивая распри и разногласия христиан, хулили и поносили веру Христову. Беспреданно возникали горячие споры; множество христиан, увлекаясь суетными словопрениями в догматах, пренебрегали своими обязанностями. Другие, утомленные спорами, становились равнодушными ко всему. Многие, считаясь христианами, ограничились внешним соблюдением обрядов Церкви, а жили суетными увеселениями и самоугождениями. Зрелища привлекали и язычников, и христиан. Как трудна *была* доля проповедника в таком обществе! Иоанн глубоко скорбел о разделении христианского общества. Сравнивая современное ему состояние Церкви с духом Церкви первых времен, он с грустью говорил: «Тогда во всех была одна душа, было одно сердце. А ныне в одной душе не увидишь такого единомыслия, но везде великий раздор, нигде нет мира».

Иоанн, однако, не упал духом, имея Всесильного Помощника, к Которому обращался с полным упованием и Который благословлял его труды. Приняв звание священника, он решил посвятить новым обязанностям все силы ума и души, всю свою жизнь, и с любовью и горячим усердием принялся за дело, с отеческой заботливостью следил за душевным состоянием каждого из духовных своих чад, ободрял унывающего, поддерживал колеблющегося, наставлял, утешал, укорял, соединяя кротость с твердостью, горячую любовь и снисходительность с мудростью. Он старался отвлечь христиан от суетных словопрений, склонял их к христианской жизни и добрым делам, твердо отстаивая догматы от лжеучений. Еретики видели в нем строгого обличителя и кроткого наставника, всегда готового помочь тому, кто добросовестно искал истину. Иоанн проповедовал несколько раз в неделю; и с каждым днем его влияние усиливалось. Суетные антиохийцы, забывая любимые зрелища и увеселения, стали толпами приходить в церковь. Многие их тех, которые вначале шли из любопытства, были тронуты до глубины души могучим словом проповедника; многие, приведенные к живому сознанию своих грехов, рыдали, обливаясь слезами. Иногда речь проповедника прерывалась шумными изъявлениями восторга, но Иоанн не любил этого. «Что мне в рукоплесканиях и похвалах? – говорил он. – То мне похвала, если вы исправите жизнь вашу, обратитесь к Богу!»

Рассказывают, что однажды женщина из народа, слушая его, воскликнула: «Учитель духовный Иоанн, золотые уста! Учение твое глубоко, и слабый ум наш не все может постигнуть!» С этих пор Иоанн особенно старался излагать поучения свои в самых простых, общепонятных словах; в народе же сохранилось за ним прозвание Златоуста, под которым он и чувствуется Церковью.

В своих беседах Иоанн то объяснял Священное Писание, извлекая из этого источника поучения о ежедневных обязанностях христианина, то опирался на события общественной жизни, чтобы напоминать слушателям о законе Божиим, возвышая к Господу их сердца.

---

¹⁹⁰ Нестроения на антиохийской кафедре начались еще во времена Константина Великого, когда он по ложной клевете ариан удалил из Антиохии епископа Евстафия. Ариане, овладев кафедрой, поставили туда последовательно пять или шесть своих епископов. Православные в это время держались пресвитера Павлина и получили название евстафиан. Мелетия избрали по согласию ариан, но он очень скоро показал себя истинным православным епископом – и его оставили обе партии! Православные не могли простить ему поддержки ариан при избрании, а ариане – явного отхода от их еретического учения. Мелетий, однако, продолжал оставаться самим собой – благочестивым, кротким, приветливым, и это привлекло к нему часть паствы Павлина. Вместе с тем сторону Павлина (итальянца) держали все западные епископы, даже сам папа Дамас. Зато Мелетия, три раза изгонявшегося с кафедры арианами, поддерживали все восточные епископы. Но благодаря императору Феодосию мир в Антиохийской Церкви был водворен, потому что он открыто поддержал Мелетия и даже назначил его главой Второго Вселенского Собора. К несчастью, он вскоре умер. На его место Феодосий назначил благочестивого и достойного старца Флавиана, не зная о внутреннем уговоре Мелетия и Павлина, что последний займет его кафедру по смерти. Таким образом, раздор возобновился. Прекратила его скорая смерть Павлина, а император не замедлил расположить в пользу Флавиана и Западную Церковь.

Больше, чем любой другой проповедник, он жил одной жизнью со своей паствой, разделял все скорби и радости, на все отзывался словом, исполненным искреннего, горячего участия. Мы уже говорили о том, что он сделал для Антиохии в тяжкое время, следовавшее за мятежом, как он являлся на судилища, чтобы ходатайствовать за несчастных, как ободрял их напоминанием о милости Божьей, как старался возвысить их души над земным страхом, обращая их к Тому, Кто один может внушить непоколебимую силу и твердость духа. Иоанн был для антиохийцев отцом, утешителем и наставником, который умел подвигнуть слушателей на дела добра и милосердия. Он убеждал богатых помогать бедным, устраивал больницы и приюты для страждущих, восставал против роскоши и жизни праздной и суетной, которая удаляет душу от Бога, заботился о бедных, советовал, как воспитывать детей.

Иоанн пресвитерствовал в Антиохии двенадцать лет. В 397 году умер константинопольский архиепископ Нектарий, и Иоанн был призван занять его место. Зная любовь к нему антиохийцев, император Аркадий опасался, как бы это назначение не произвело волнения в народе, и велел Иоанну тайно уехать из Антиохии. В Константинополе приняли с восторгом проповедника, имя которого было известно всему Востоку. Но нашлись и недоброжелатели среди епископов и пресвитеров, собранных для рукоположения нового пастыря. Многие сами добивались сана архиепископа столицы. Александрийский епископ Феофил желал этого сана для одного преданного ему пресвитера. Он был человеком честолюбивым и лукавым и, конечно, знал, что в Иоанне не найдет послушного себе орудия, но за Иоанна стоял сильный при дворе любимец царя Евтропий, бывший прежде у трона Феодосия, но также имевший в характере лукавую хитрость. Феофил испугался его угроз и 26 февраля 398 г. сам рукоположил Иоанна, но с тех пор стал ему врагом.

Такое начало предвещало много неприятностей. И действительно, архиепископство в Константинополе стало для Иоанна трудным испытанием. Дел было чрезвычайно много, так как надзору константинопольского патриарха подлежали церкви нескольких областей. Но, посвятив все свои силы служению Богу, Иоанн не испугался трудностей и усердно принялся за исполнение новых обязанностей. К своему крайнему огорчению, он в духовенстве нашел мало достойных сподвижников; большинство было равнодушно к своим святым обязанностям, заражено любовью к земным благам, к роскоши и почестям. Добиваясь покровительства людей, сильных при дворе, священники потворствовали их порокам и поэтому не имели того нравственного влияния, которое могут и должны иметь пастыри душ. Исправление духовенства стало первой заботой епископа. Он старался наставлять и примером, и словами: из своего дома удалил всякую роскошь, употреблял все свои доходы на дела милосердия, хранил строгий пост, не искал милости сильных, не посещал вельмож, не звал их к себе, а был постоянно занят или делами паствы, или молитвой, или изучением Священного Писания. Его строгая, подвижническая жизнь не понравилась константинопольскому духовенству. Оно вознегодовало еще больше, когда Иоанн, вникнув во все дела Церкви, нашел, что церковные доходы употреблялись неправильно, иногда даже нечестно. Он удалил некоторых, сократил ненужные расходы и использовал много средств на помощь бедным и на сооружение больниц. Люди, отставленные Иоанном, *стали* его непримиримыми врагами.

Вскоре к ним присоединились и те из мирян, которые *были* недовольны его обличениями. Иоанн, как ревностный пастырь, в чью обязанность входит забота о спасении вверенных ему душ, в своих проповедях сильно порицал суетность, сребролюбие, тщеславие, жестокосердие, и его слова воспринимались как личное оскорбление людьми порочными. Но Иоанн не смущался ненавистью врагов и ревностно продолжал свое дело. Как и в Антиохии, его проповеди стали привлекать огромное число слушателей, и влияние возрастало с каждым днем.

В то время в Константинополе было еще много ариан, особенно среди готов, служивших в царских войсках. По указу Феодосия им запрещалось иметь храмы в самом городе,

они могли совершать свое богослужение за заставой. Зато они перед праздниками с вечера собирались на площадях и в портиках публичных зданий, распевая гимны, исполненные хвалы на Пресвятую Троицу. Пение продолжалось до самого утра и привлекало много народа. Тогда архиепископ устроил и для православных ночные бдения и крестные ходы вокруг церквей, с пением божественных песен. Впереди шествия несли серебряные кресты и зажженные свечи. Отсюда берет начало традиция крестных ходов. Православные перестали посещать собрания ариан, но однажды ариане, раздраженные успехом нововведения, напали на православных, некоторых убили. Император Аркадий после случившегося совсем запретил собрания ариан.

Вскоре после этого начальник готов, Гайна, стал просить Аркадия уступить арианам одну церковь в Константинополе. Царь был готов согласиться, потому что боялся, как бы Гайна не возмутил всех подвластных ему готов. Иоанн решительно отказался передать церковь Христову хулителям Его. Гайна тоже стал врагом Иоанна. Но впоследствии, при возмущении готов, когда их вождь требовал от императора казни двух консулов, Иоанн решил просить за них. Движимый горячей любовью к ближним, он без страха отправился в стан сурового гота, чтобы спасти осужденных. Гайна, тронутый мужеством епископа, принял его с почетом в своем шатре и поверг своих детей к его ногам, прося его благословения.

Отказавшись передать церковь арианам, Иоанн устроил в Константинополе церковь для готов, обратившихся к вере истинной. Тут богослужение совершалось на готском языке, и Иоанн сам часто проповедовал с помощью переводчика. Это послужило к обращению многих готов.

Распространение слова Божия было одной из главных забот Иоанна. Он послал проповедников в Персию, Финикию, к задунайским скифам, к славянским племенам, жившим во Фракии. «Ты первый воздвиг алтари у живущих в кибитках скифов», – писал к Златоусту кирский епископ Феодорит. Церковные писатели упоминают о проповеднике в гунно-славянских ордах Феотиме Скифском, который был епископом в городе Томе¹⁹¹. Его епархия простиралась от Черного моря до Дуная к Фракии¹⁹², и он усердно обходил всю соседнюю страну, проповедуя слово Божие славянским племенам. Как полагают, вера Христова в этой стране была известна с первых веков. Уже при Диоклетиане упоминается о христианских проповедниках в этом крае. Иоанн помогал благовестникам, заботился о переводе божественных служб и Писания, утешался успехом проповедания. «Что теперь учения философов? – говорил он. – Учение рыбарей и скинотворцев не только в Иудее, но и на языках варварских блистает светлее солнца. И скифы, и фракияне, и сарматы, и мавры, и инды, и живущие на крайних пределах вселенной, переведя глаголы их на свой язык, любознательствуют о том, что и во сне не представляли себе мудрые язычники».

Отрадно знать, что в этом святом деле принимали участие и женщины, посылая щедрые пособия благовестникам. Иоанн, когда прибыл в Константинополь, нашел тут нескольких благочестивых жен, посвятивших себя служению Богу и бедным. Он стал направлять их деятельность, помогая им советами и участием, и совокупными их трудами было облегчено много страданий. Известны имена Никореты, Пентадии, Прокулы, Вассианны и особенно Олимпиады. Овдовев в ранней молодости, Олимпиада отказалась вступить в брак с родственником царя. Это навлекло на нее гонение. Император отнял у нее имущество, под тем предлогом, что она его расточает, но потом возвратил его¹⁹³. Олимпиада приняла звание

---

¹⁹¹ Нынешней Кюстенджи.

¹⁹² Нынешней северо-восточной Болгарии.

¹⁹³ Лишившись права распоряжаться своим имуществом и находясь едва ли не под домашним арестом, Олимпиада написала письмо императору, где благодарила его за то, что он взял на себя обязанность управлять ее имениями и казной, тем самым лишив суетной славы благотворительницы. Аркадий был глубоко тронут кротким тоном письма и поражен разумностью рассуждений Олимпиады, после чего вернул ей все права владения, даровав свободу распоряжаться имуще-

диакониссы и посвятила и свои труды, и огромное богатство на пользу ближним. Иоанн Златоуст, лая ободрить ее в трудную минуту жизни, писал ей: «Ты от самой юности питала Христа, когда Он алкал; поила Его, когда Он жаждал, нагого одевала, странного ввела в дом свой, больного призрела, узника посетила. Не только дом твой открыт всякому нуждающемуся, но повсюду на земле и на море есть люди, испытавшие щедрость твою». Христианская вера внушала употреблять на общую пользу время и средства, которые людьми неверующими расточаются для самоугождения, а часто и во вред себе и ближним.

Между тем как заботами великого святителя слово Божие проникло в далекие страны, в Константинополе слушали его беседы, полные горячего, живого красноречия. Они сильно воздействовали на слушателей, толкая их к исправлению жизни и к делам милосердия. Чаще всего в своих проповедях Иоанн говорил о любви к ближним, укорял за их суетность и жестокосердие к бедным, людей сильных – за несправедливые поступки. Смелый обличитель пороков, он был в то же время и любящим отцом для своей паствы, со снисходительностью принимал кающихся, был доступен для каждого. «Обиженный у него ищет помощи, – писал современный ему историк, – подсудимый призывает его в защитники; голодный у него просит пищи, нищий одежды, иной обуви с ноги его. Плачущий у него ищет утешения, больной призора, странник пристанища; вдова льет у него слезы о своем сиротстве, должник поверяет ему скорбь свою; иной просит его быть примирителем домашних ссор». Все с доверием прибегали к святителю, и никогда доверие это не было обмануто. При множестве дел и забот Иоанн находил время на все. Он даже примирил Антиохийскую Церковь с Западом, который долго не признавал Флавиана.

Высокие добродетели Златоуста не смягчили, однако, ненависти его врагов, которые с досадой наблюдали за его возрастающим влиянием. Одним из самых яростных его врагов стал когда-то покровительствовавший Евтропий, любимец царя. Хотя Евтропий сам способствовал назначению Иоанна в епископы, он возненавидел пастыря, как только убедился, что не найдет в нем ни угодливости, ни потворства своим порокам. Иоанн смело укорял могучего любимца за его несправедливости, лихоимство, корыстолюбие, твердо защищал обижаемых им. В то время существовало при церкви «право убежища». Оно состояло в том, что если осужденный находил убежище в церкви, то был неприкосновенен до тех пор, пока дело его не было вновь рассмотрено. К этому часто прибегали лица, безвинно гонимые Евтропием, и Иоанн брал их под свою защиту. Но это еще сильнее раздражало Евтропия. Он добился того, что право убежища было ограничено законом. Не предвидел тогда Евтропий, что ожидало его самого. Вскоре сильный любимец лишился милости царя, и тогда со всех сторон явились обвинители, до тех пор молчавшие из-за страха. Евтропий был осужден на казнь. Преследуемый общей ненавистью, он бежал в константинопольский Софийский собор, и Иоанн разрешил ему находиться в алтаре. Вооруженные воины и разъяренный народ требовали выдачи Евтропия, но Иоанн, обратившись к народу, красноречиво обрисовал превратности земного величия и сумел вызвать в слушателях жалость к падшему временщику. «Положим, он обижал вас, – говорил Иоанн, – но теперь время не суда, а милости. Как произнесете вы слова: *остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим*¹⁹⁴, если сами так упорно требуете наказания должнику вашему?» Тронутые слушатели обратились в ходатаев за несчастного. Иоанн отправился к царю просить за него. Ему самому грозили изгнанием, смертью, но великодушный и мужественный святитель не выдал прибегнувшего к защите Церкви и с опасностью для жизни стоял за него. Через некоторое время Евтропий сдался, поверив, что его пощадят, но ходатайство епископа, к сожалению, не оказало должного действия на Аркадия, и Евтропий был казнен.

СТВОМ.

¹⁹⁴ Ср.: Мф. 6, 12

С каждым днем положение св. Иоанна становилось все трудней. После падения Евтропия императрица Евдоксия вполне завладела слабым Аркадием. Она была женщиной средбрюлюбивой и тщеславной. Чтобы обогатить свою казну, она не гнушалась никакими средствами, делала ложные доносы, забирая чужое имущество. Иоанну часто приходилось защищать обижаемых ею и ходатайствовать за них, что чрезвычайно оскорбляло Евдоксию. Она возненавидела Иоанна и не скрывала своих чувств.

Этим воспользовались враги Иоанна. Уверенные, что императрица поддержит их, они стали смелее действовать против него. По случаю беспорядков, возникших в Малой Азии, Иоанн объехал епархии и низложил нескольких епископов, которых уличил в злоупотреблениях властью. Низложенные епископы присоединились к врагам Иоанна, и со всех сторон поднялись на него самые разнообразные жалобы. Одни жаловались на его крайнюю строгость, другие обвиняли его в излишней снисходительности к преступникам. Вскоре у его врагов появилась возможность действовать решительно.

Несколько нитрийских иноков¹⁹⁵, безвинно преследуемых Феофилом Александрийским, прибыли в Константинополь, чтобы просить Златоуста защитить их. Иоанн не взялся разбирать их дела, потому что они принадлежали к чужой епархии, не зависящей от него, но написал Феофилу дружелюбное письмо, в котором просил его за них. Феофил обиделся или, может быть, испугался, потому что показания нитрийских иноков открывали много несправедливых его действий, за которые он мог подлежать суду. Но он знал положение дел в Константинополе, знал ненависть Евдоксии к Иоанну и потому счел удобным и даже безопасным явиться туда обвинителем Иоанна, которого давно ненавидел. Взяв с собой некоторых египетских епископов, на содействие которых мог рассчитывать, он прибыл в Константинополь и, не навестив патриарха, стал давать роскошные пиры всем влиятельным людям и вступать в переговоры с недоброжелателями Иоанна. Евдоксия втайне содействовала всему, что предпринималось против святителя. Ей донесли, будто в одной проповеди Иоанна были оскорбительные намеки на нее, и с тех пор ее злоба на него достигла крайних пределов. В селении, называемом Дубом, предместье Халкидона¹⁹⁶, враги Иоанна составили незаконный собор (403 г.) и представили 29 обвинительных пунктов против Иоанна. В сущности, эти обвинения были настоящим торжеством для святителя, потому что, сколько ни старались враги, они во всей его жизни не могли отыскать даже пятна, и обвинения были самые

---

¹⁹⁵ Речь идет о Долгих братьях. Так звались четверо нитрийских иноков, смолоду посвятивших себя Богу. Таким прозванием они были обязаны своему высокому росту, который еще более увеличивала их худоба вследствие сурового образа жизни и добровольных лишений. К началу V в. им было более 70 или 80 лет. Долгие братья составляли славу и честь нитрийских подвижников, и Феофил всеми средствами стремился привлечь их к епископству, чтобы посредством их прославить свою кафедру. Самый старший из братьев, Аммоний, скрывшись от посланных за ним, чтобы посвятить его в епископы, затем торжественно предъявил им свое отрезанное ухо, сказав, что увечный не может по правилам вступить в ряды клира. Третий брат, Евфимий, поспешно скрылся в Ливийской пустыне, также поступил четвертый брат, Евсевий, и лишь второй брат, Диоскор, разрешил посвятить себя в епископы печальной и безводной епархии Малый Гермополис, продолжая оставаться в прежнем своем убежище. И этих простосердечных и по-истине святых братьев Феофил обвинил в последовании Оригену. Сам Феофил, прекрасно зная философские и богословские системы, с легкостью создавал призраки ересей, обвиняя в них чем-то негодных ему людей, а потом расправляясь с ними любыми средствами, вплоть до казни. Случай с Долгими братьями был особый. В их скиту нашел себе убежище странноприимец Исидор, который раздосадовал корыстного Феофила тем, что утаил от него дар богатой матроны. Преследуя Исидора, известного всему Египту своей честностью и милосердием, Феофил прикрепил ярлык «оригенистов» как самому странноприимцу, так и Долгим братьям, а заодно подверг их всенародному наказанию, прилюдно избив. Вся Александрия, где они требовали справедливости, пришла в движение, так как Долгие братья считались совестью и честью не только нитрийских пустынь, но и Египта. Но этого Феофилу показалось мало, и, подкупив светские власти, он организовал карательную экспедицию по монастырям, в том числе и в Скит братьев, и сжег их келью. Почти триста монахов решились покинуть Египет и искать тишины и мира в Сирии. Долгие братья, как представители всех этих «мятежников», отправились между тем искать справедливость в Константинополь.

¹⁹⁶ Сам Халкидон, ныне Кадикей, маленькое селение в Турции, расположенный по другую сторону Константинопольского залива, составлял как бы предместье столицы, но считался отдельным городом и имел своего епископа, в то время державшего сторону врагов Иоанна.

пустые и ничтожные. Между прочим, ставилось ему, например, в вину, что он обедал один и не приглашал к себе гостей, но более всего упирали на оскорбительные слова, якобы произнесенные против императрицы. Беззаконный собор несколько раз призывал архиепископа к ответу, но Иоанн с невозмутимым спокойствием всякий раз отвечал, что он не может признать законность собора, в котором восседают, как судьи, его отъявленные враги, прибывшие в Царьград лишь для того, чтобы его осудить. Люди, посланные Иоанном, подверглись побоям и оскорблениям. Тщетно сорок епископов, оставшихся верными Иоанну, возражали против незаконных действий собора и против законности самого собора. Сила была на стороне врагов Иоанна. Они произнесли низложение архиепископа и его изгнание, а слабый император Аркадий под влиянием Евдоксии подтвердил приговор.

Когда это стало известно, народ пришел в волнение. Со всех концов Константинополя он устремился к соборному храму св. Софии и архиерейскому дому, соединенному с ним галереей, днем и ночью окружал их живой стеной, охраняя горячо любимого пастыря, единодушно высказывая желание: «Просим законного Собора; только настоящий Собор может судить епископа». Эти слова доходили и до царского дворца. То же самое говорил и Иоанн: «Лжесобор осудил меня; законный Собор должен рассудить между мною и обвинителями моими и оправдать меня здесь, в моей Церкви».

Так прошло два дня. Враги Иоанна и императрица Евдоксия приставали к Аркадию, убеждая его силой удалить патриарха, но он опасался народного волнения. В городе стали ходить самые тревожные слухи. Говорили уже не только об изгнании, но даже и о смертном приговоре. Народ, взволнованный такими слухами, наполнял церкви, молясь за Иоанна, или толпился на соборной площади, чтобы хоть издали увидеть его или услышать звук его голоса.

Среди общего смятения один Иоанн был спокоен. Горячая вера и полная покорность воле Божией возвышали его над всяким земным страхом и внушали ему равнодушие к превратностям судьбы. О себе он не беспокоился, но мысль о пастве тревожила его, и ей посвятил он эти последние дни. Он, то переходя из своего дома в соборный храм и обратно, утешал плачущих друзей и приверженцев, советами направляя их будущую деятельность, то в храме обращал ко всему народу горячие слова любви, увещания и наставления. Вечером второго дня произнес он в храме св. Софии слово, которое история сохранила: «Сильные волны, жестокая буря. Но я не боюсь потопления, ибо стою на камне. Пусть свирепствует море: оно не может сокрушить камня; пусть поднимаются волны: они не могут потопить корабля Иисусова. Скажите, чего мне бояться? Ужели смерти? *Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. Ужели ссылки? Господня земля, и исполнение ея. Ужели потери имения? Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него*¹⁹⁷. Я презираю страх мира сего и посмеиваюсь над его благами; не боюсь нищеты, не желаю богатства; не боюсь смерти и не желаю жизни, разве для вашего преуспевания. Я для того только касаюсь настоящих обстоятельств, возлюбленные, чтобы вас успокоить. Никто и ничто не может разлучить нас... Мы разделимся местом, но любовью останемся соединены; даже смерть не может разлучить нас: хотя умрет мое тело, но душа будет жива и никогда не забудет об этом народе... Не тревожьтесь настоящими событиями; в одном покажите мне любовь вашу – в непоколебимой вере. Я же имею залог Господа и не на свои силы полагаюсь. Я имею Его Писание; оно мне опора, оно мне крепость, оно мне спокойная пристань; слова в нем для меня щит и ограда. Какие слова? *Аз с вами есмь... до скончания века*¹⁹⁸. Христос со мной, кого мне бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильных – все это слабее паутины. Вы одни удерживаете меня своей любовью, но я всегда молюсь: да

¹⁹⁷ Флп. 1; 21. Пс. 23; 1. 1 Тим. 6; 7.

¹⁹⁸ Ср.: Мф. 28; 20.

будет воля Твоя, Господи! не как хочет тот или другой, но как Ты хочешь! Вот моя крепость, вот мой камень неподвижный, вот моя трость непоколебимая! Что Богу угодно, то да будет. Если Ему угодно оставить меня здесь, благодарю Его, взять отсюда – опять благодарю Его».

На следующий день, около полудня, один из придворных императора принес Иоанну повеление немедленно оставить город, прибавив, что при малейшем сопротивлении со стороны народа будет употреблена воинская сила. Тогда Иоанн решил удалиться тайно и вместе с приставленным к нему чиновником потаенным ходом вышел из дома и направился в отдаленную часть города, где скрывался в одном доме до наступления сумерек. Вечером он со своим провожатым вышел к пристани. Но по пути его узнали, и тотчас же по городу разнеслась весть, что архиепископа увозят. Толпа хлынула к морю, чтобы помешать его удалению, но Иоанн остановил народ. «Я обязан повиноваться императору, – сказал он, – и не желаю, чтобы хоть одна капля крови пролилась из-за меня». Он поспешно вступил на корабль, уже готовый принять его, и вскоре ночная темнота скрыла от взоров народа удалявшегося святителя.

Всю ночь Константинополь был в волнении. Дома бедных опустели, народ наполнял храмы, толпился на улицах и площадях, воссылая горячие моления о любимом пастыре, негодуя на врагов его и повторяя просьбу о созвании законного Собора.

Поутру смятение еще больше возросло. До сих пор Феофил не решался явиться в Константинополь, но после удаления Иоанна, рано поутру, он с толпой приверженцев вступил в столицу и начал было распорядиться в Церкви, как победитель в покоренной области: отменять распоряжения Иоанна, низлагать верных ему священнослужителей и замещать их своими единомышленниками, награждая их тем за действия против архиепископа. Народ в сильнейшем негодовании встал на охрану церквей, не пуская в них пришельцев или силой изгоняя их, нанося оскорбления епископам, которые участвовали в соборе. Когда сам Феофил захотел войти в кафедральный собор, он встретил сильное сопротивление. Сопровождавшие его александрийцы обнажили мечи, и у дверей храма, а затем и в самом храме завязался ожесточенный бой. Пролилась кровь; были раненые и убитые. Феофил в ужасе бежал и впоследствии, спасая свою жизнь от ярости народа, на утлой ладье отплыл из Константинополя.

Подобные кровопролитные схватки происходили и в других церквях. Вступили в дело солдаты, и язычники ликовали, видя распри христиан.

Ночь принесла с собой новые ужасы. Произошло сильное землетрясение. Подземные удары были особенно сильны около царского дворца и в самом дворце. Среди ночи императрица Евдоксия, в ужасе, в слезах, вбежала к императору. «Мы изгнали праведника, – воскликнула она, – и Господь за то карает нас. Надобно его немедленно возвратить, иначе мы все погибнем». Император, разумеется, согласился. Евдоксия сама написала Иоанну письмо, в котором, заверяя его, что она не виновата в его осуждении, именем Бога умоляла возвратиться.

Тотчас же был отправлен с этим письмом один из придворных. За первым посланным последовал второй, третий – так нетерпеливо ожидала испуганная императрица возвращения Иоанна. Народ узнал о случившемся, и вскоре весь Константинопольский залив покрылся лодками. Кто спешил навстречу святителю, кто ждал его на пристани, чтобы его приветствовать. К ночи лодки осветились факелами, по всему берегу зажглись огни, и архиепископ вернулся при радостных криках своей верной паствы.

Но он не захотел входить в город, пока не будет всенародно объявлена незаконность его осуждения, и остановился в одном из предместий. Императрица, узнав об этом, прислала просить его войти в столицу. Народ почти насильно ввел его в кафедральный собор, прося благословения и слова. Иоанн в храме св. Софии благословил свою паству, произнес хвалебное слово Богу и прочел письмо императрицы.

Конечно, Иоанн не мог считать законными постановления лжесобора и имел полное право продолжать свое святительское служение, но он желал, чтобы всенародно была открыта его правота, и потому тотчас после своего возвращения упросил императора Аркадия созвать в Константинополе церковный Собор, который рассмотрел бы действия собора Дуба. Ему хотелось, чтобы на этом новом Соборе присутствовали и прежние участники собора. Но при его возвращении они поспешили удалиться, боясь народной вражды; и лжесобор Дуба рассеялся, не закончив даже всех дел, которые подлежали рассмотрению.

Иоанн же между тем с прежней ревностью вел дела Церкви, учил, проповедовал, удалил несколько недостойных священнослужителей, с новой силой обличал пороки и уклонения от заповедей Христовых. Разумеется, никто из старых врагов не примирился с ним. Напротив, неудача их замыслов и его торжественное возвращение еще более озлобили их против святителя. Они только и ждали удобного случая, чтобы начать новые козни. Случай этот скоро представился.

Прошло месяца два после возвращения Иоанна. По настойчивому желанию тщеславной и властолюбивой Евдоксии в конце сентября 403 г. ей воздвигли серебряную статую на площади, перед собором св. Софии. При ее открытии на площади происходили шумные увеселения, носившие языческий характер. Иоанн просил правителя города положить конец бесчинству, оскорбляющему святыню храма, но его слова были тщетны. Более того, в них увидели оскорбление императрице. Ее гнев вновь вспылал. Шумные увеселения на площади не прекратились. Особенно в праздничные дни привлекали они много народа. Крики, громкие песни, звуки музыки долетали до храма, заглушая церковное чтение и пение. Иоанн тогда произнес в церкви сильную речь против зрелищ: «Опять Иродиада пляшет, опять Иродиада волнуется, опять требует главы Иоанна!» – говорил святитель. Императрице донесли, что в этой речи были слова, оскорбительные для нее.

Враги Златоуста теперь оживились новыми надеждами и употребили все усилия, чтобы окончательно погубить его. В это время рассылались грамоты, призывающие духовенство на предстоящий Собор. Была отправлена такая грамота и Феофилу Александрийскому, которого и все враги Иоанна убедительно просили прибыть. Он отказался, хорошо помня опасность, которой подвергся в Константинополе, но издали направлял все действия своих единомышленников, которым удалось так настроить императора Аркадия, что в праздник Рождества Христова император не захотел присутствовать при торжественном богослужении в соборном храме св. Софии, говоря, что не может быть в общении с епископом, низложенным собором Дуба.

Вскоре, в начале января 404 г., начались заседания Собора. Он был созван по желанию Златоуста, чтобы доказать незаконность действий собора Дуба, но его враги, руководимые Феофилом, постарались сделать из него новое орудие против святителя. Они, прежде всего, старались доказать, что Иоанн не имеет права считаться епископом после того, как был низложен собором Дуба, и что, нарушив это правило, не только он должен считаться отлученным от Церкви, но и все те, которые были в общении с ним, как с епископом.

Оказалось, что правило, на которое ссылались враги Иоанна, было постановлением арианского лжесобора, направленным против святого Афанасия Великого, когда еретики старались погубить этого твердого защитника христианской истины. Следовательно, на это постановление опираться было невозможно. Это доказали немногочисленные защитники Иоанна. Его враги были посрамлены, но не унывали и, наконец, за неимением других средств против святителя, убедили императора употребить силу.

Уже несколько месяцев длился Собор или, скорее, суд над святителем, который все это время продолжал спокойно исполнять свои обязанности. За него стояли сорок епископов из призванных на Собор. Приближался праздник Пасхи, который нигде в христианском мире не совершался с такой торжественностью, как в Царьграде, в соборном храме св. Софии. На

сей раз император Аркадий велел сказать святителю, чтобы он не являлся в собор. Между тем в Великую Субботу более трех тысяч человек, новообращенных, должны были принять святое крещение в храме св. Софии. Иоанн прибыл туда поутру. Началась священная служба, и уже шло Таинство крещения, как вдруг толпа вооруженных воинов с шумом ворвалась в храм и силой вывела из него архиепископа. Народ стал защищать его, многие были ранены и убиты. Разогнали новообращенных, готовящихся к крещению. Крики ужаса, звон оружия, плач женщин, стоны раненых и умирающих наполнили храм.

Иоанна отвели в его дом, а новообращенные бросились в загородные крещальни и даже бани, где, освятив молитвой воду, духовенство стало довершать прерванное Таинство Крещения. Но и туда вторглись воины. Многие из них были язычниками. Они совершали святотатства, расхищали церковные сосуды, в крещальнях кровь смешалась с освященной водой, испуганные жены и девы, готовящиеся к крещению, бежали в ужасе. Схватили многих церковнослужителей, приверженных Иоанну, и заключили их в темницы. Весь город был в смятении.

К ночи Константинополь опустел. Народ, чуждаясь церковей, где распоряжались враги святителя, собрался на равнине, за городом, для слушания торжественной пасхальной службы. Поутру император, выйдя за город, удивился при виде этих людей, облаченных в праздничные одеяния, и большей частью – в белые, как только что просветившиеся святым крещением. «Что ж то за люди?» – спросил он. «Это еретики, чуждающиеся Церкви», – ответили ему приближенные. «Так пусть их разгонят и захватят их начальников», – повелел император и удалился.

Началась расправа. Солдаты бросились на беззащитную, безоружную толпу, топтали ее конями, рубили мечами, грабили, что могли, оставив на равнине много раненых и убитых, увели многих священнослужителей и заключили их в темницы. Такое же насилие повторялось еще не раз.

Иоанна в архиерейском доме держали словно в заточении, между тем как Собор превращался все больше и больше в скопище его ожесточенных врагов. Они настаивали на том, чтобы признать все решения собора Дуба и объявить Иоанна лишенным не только священства, но и считать его отлученным от Церкви. Против этого возражали более сорока епископов из почти ста собравшихся.

Иоанн, убедившись, что нельзя ждать справедливости от епископов, находившихся под страхом или настроенных враждебно, решил сам изложить все дело Западной Церкви. Хотя епископы Востока и епископы Запада в это время не часто общались по церковным делам, но все-таки Церковь была одна, с одним Символом веры, одними церковными законами. Получив согласие единомышленников, Иоанн написал письма одинакового содержания епископам римскому, миланскому и аквилейскому, в которых изложил все случившееся в Константинополе, и отправил их с двумя диаконами константинопольского клира.

Между тем гонение на всех приверженцев Иоанна усиливалось, темницы наполнялись все новыми узниками. Одних эти меры устрашали, но в других возбуждали горячую ревность, и многие шли в темницы и на мучения, как на священный подвиг. Тюрьмы делались домами молитвы, и народ, чуждаясь церковей, в которых распоряжались гонители, славил и превозносил верность и мужество гонимых. Так закладывалась основа разделения верующих. Приверженцев Иоанна стали называть иоаннитами. Впоследствии они составили довольно сильную партию.

Враги Иоанна два раза покушались на его жизнь. И хотя виновные были схвачены, но избежали суда и наказания¹⁹⁹. Тогда народ устроил стражу вокруг архиерейского дома.

---

¹⁹⁹ Однажды утром около дворца, где содержался архиепископ, какой-то человек, прикинувшийся бесноватым, среди своих судорог, отвлекая внимание, высматривал, как удобнее проникнуть во дворец. Когда же его схватили, то при нем

Все это еще больше раздражало врагов святителя. Они настаивали на его удалении, но император колебался, вновь боясь навлечь на себя Божий гнев. Четверо из злейших врагов Иоанна успокоили императора, объявив ему, что берут все дело на свои души, и незадолго до праздника Пятидесятницы предъявили Златоусту приговор к изгнанию. Как и в первый раз, ему пришлось удалиться тайно. Он пожелал еще раз побывать в храме св. Софии и там проститься с верным ему духовенством и прочими друзьями. Народ, узнав, что святитель находится в храме, собрался на площади, ожидая, что он выйдет через главную дверь. Но святитель, простившись с духовенством, диаконисами, преподав им наставления и свое благословение, вышел через противоположную дверь и вместе с людьми, присланными за ним, направился к пристани.

Народ ждал долго. Наконец, подозревая неладное, некоторые поспешили к морю, но увидели уже удалявшийся корабль. Другие *стали* ломиться в храм, но их отгоняли воины. Опять произошло ужасное смятение. Взломали двери, народ хлынул в храм, опять засверкали мечи, опять стоны раненых и умирающих наполнили храм. Между тем поднялась страшная буря, а ночью в соборе св. Софии вспыхнул пожар, который разрушил храм, здание сената, богатые дома, окружающие площадь, и даже угрожал царскому дворцу. К утру от обширного храма уцелело небольшое помещение – домовая ризница епископа, где хранились значительные церковные драгоценности, оставшиеся неповрежденными²⁰⁰. Сгорел и сенат.

На следующий день весь город решал один вопрос: кто виновник пожара? Враги Иоанна, разумеется, тотчас же обвинили его приверженцев. Некоторые не постыдились даже назвать его самого. Иоанн только что оставил Халкидон и шел в Никею²⁰¹, когда его нагнали люди, посланные из Константинополя, сообщили ему о пожаре храма и арестовали двух епископов и несколько клириков, шедших вместе с ним в изгнание. Они были заподозрены в случившемся. Их отвели обратно в Константинополь, а святитель, один, с сопровождавшими его воинами, продолжал свой путь в Никею.

В Константинополе поспешили назначить ему в преемники восьмидесятилетнего старца Арзация, который действовал заодно с врагами Иоанна. Теперь шло строгое следствие по делу о пожаре. Сторонников Златоуста заключили в темницы, подвергли жестоким пыткам, а некоторых – даже смерти. Подозревались и благочестивые жены, уважаемые всем Константинополем диаконисы Олимпиада, Пентадия, Никорета и многие другие. Олимпиада, столько же известная благочестием, сколько знатностью рода и громадным богатством, которое она раздавала в помощь бедным и на пользу Церкви, *была* привлечена к следствию. Ей угрожали пытками, но она с невозмутимой твердостью духа отражала все обвинения. Но все же была осуждена на уплату денежного штрафа.

Златоуст между тем пришел в Никею. Всегда болезненный и слабый здоровьем, утомленный дорогой, он не столько заботился о себе, сколько о своих друзьях и духовных чадах.

обнаружили кинжал. Через несколько дней другой, ободренный безнаказанностью первого, в одежде раба или слуги твердой походкой направился к жилищу епископа якобы с намерением передать письмо лично. Но когда его остановили, он с кинжалом кинулся на стоявших рядом. По пути бегства он ранил семерых, которые вскоре скончались. Оказалось, что злодей (при нем нашли три кинжала) был слугой священника Ельпидия, одного из самых горячих врагов Златоуста в низшем духовенстве. Но что самое горькое, оба этих преступника остались без наказания. Одного отпустили, а второй исчез из тюрьмы, и это никого из властей не взволновало.

²⁰⁰ Именно это церковное имущество, якобы похищенное Иоанном Златоустом, и стало одним из пунктов подложного обвинения на соборе в Дубе. Поэтому сторонники епископа тут же потребовали присутствия властей города и при их свидетельстве составили опись имущества, один из экземпляров которой отослали в Рим. Сама сохранность этих ценностей посреди страшного пожара, когда расплавилась крыша сената и расплавленный свинец полился внутрь здания, дотла сгорела святая София, и все находившиеся там ценности и металлы, сплавившись вместе, представляли не поддающееся описанию зрелище, – будто бы послужила еще одним, представленным Провидением, доказательством невинности святителя.

²⁰¹ Ныне Изник (Турция).

Его заботило состояние Константинопольской Церкви, особенно после того, как он узнал, что преемником ему был назначен Арзаций, известный как человек неспособный. Иоанн предвидел смуты и раздоры, которые не замедлили явиться.

Недолго святитель отдыхал в Никее. Уже через месяц ему назначили более отдаленное и суровое место ссылки – Кукуз, маленький город в горах Армении. Много страданий и опасностей перенес святитель во время трудного семидесятидневного пути, но везде встречал проявления любви. Народ, пустынножители, духовенство встречали его, чтобы получить от него благословение, и со слезами восклицали: «Лучше бы солнце скрыло от нас лучи свои, чем умолкли бы уста Иоанна».

Кукуз был бедный, маленький город в дикой и бесплодной местности, постоянно подвергавшейся опустошительным набегам соседей-исаврийцев. Утомление от долгого путешествия, суровый климат, недостаток в самом необходимом окончательно расстроили здоровье Златоуста, и без того всегда слабое. Он всю зиму не вставал с одра болезни. Но если внешний человек в нем и изнемогал, то внутренний был, как и раньше, бодр и силен духом. Переписываясь с друзьями, он утешал их, уговаривал не поддаваться унынию и отчаянию, а, покорившись воле Божией, бодро трудиться во славу Бога и на благо Церкви. Он сам, будучи слабым и больным, подавал им пример. Некоторые из друзей посещали его, другие доставляли ему средства к щедрой благотворительности. Иоанн стал благодетелем всего края, помогал нуждавшимся, выкупал пленных, захваченных исаврийцами. С новой ревностью занялся делом, которое издавна было дорого ему, – благовествованием. Он общался с благовестниками, трудившимися на берегах Дуная, в Финикии и даже на границах Персии, посылал им пособия, наставлял. Все это дело, начавшееся уже давно под его наблюдением, теперь еще больше расширилось. Иоанн, слабый и больной, из места ссылки с живейшим участием следил за его развитием. Через год его перевели еще дальше на север Армении, в Арависсу. Но и туда, как и в Кукуз, приходили из отдаленных областей, чтобы видеть великого святителя, получить от него благословение и наставление. И слава о нем гремела по всей Армении. Его письма к друзьям дышат любовью и высокой христианской мудростью. Особенно замечательны письма к диаконисе Олимпиаде.

Никогда не являлся свт. Иоанн Златоуст в таком величии, как теперь. Ни ссылка, ни телесные страдания, никакие внешние невзгоды не могли победить его души, озаренной благодатью Божией, пламенеющей любовью и верой, и потому возвышавшейся над невзгодами. Он вполне искренно мог писать: «Одно только есть зло – это грех; одно благо – добродетель. Все прочее, как бы ни называлось, счастье ли или бедствие, – только дым, призрак и мечта».

В Константинополе следствие по пожару длилось довольно долго, но не открыло ничего, хотя многие жестоко пострадали. Несправедливость и насилие отозвались тяжкими последствиями. Мир Церкви был нарушен. Верующие разделились. Очень многие не захотели признать Арзация, утверждая, что так как постановления и собора Дуба, и последующего собора не могут считаться законными, то Иоанн не перестал быть законным пастырем Константинопольской Церкви. Признавшие Арзация считали так называемых иоаннитов раскольниками. Церковные и гражданские власти употребляли против них силу, заключали их в тюрьмы, предавали пыткам, разгоняли их молитвенные собрания, как скопища раскольников и еретиков. Под угрозами требовали от верующих, чтобы они в знак своей верности Церкви произносили анафему на Иоанна. Эти меры все сильнее раздражали население, и во всех областях распри и разделения волновали Церковь.

Святитель Иоанн Златоуст. Икона. Середина XVI в. Москва, Центральный музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева

Действия против Златоуста вызвали негодование на Западе. Император Гонорий писал своему брату Аркадию в защиту Иоанна, умоляя его восстановить мир в Церкви возвращением законного пастыря. Негодовали достойнейшие епископы Запада, считавшие Златоуста честью и славой христианской Церкви. Видя, что никакие письма и увещания не действуют на Аркадия, полностью находящегося под влиянием недостойных советников, епископы Италии, собравшись на совещание, решили, что Вселенский Собор – единственное средство восстановить в Церкви тишину и порядок. Пять епископов были отправлены на Восток с письмами к Аркадию от императора Гонория, от папы Иннокентия и миланского епископа. В этих письмах предлагалось обсудить условия будущего Собора, который рассмотрел бы все дело. Но как только эти посланные вошли во владения императора Аркадия, то сразу же подверглись всевозможным оскорблениям и даже заточению недалеко от Константинополя.

Это случилось уже после смерти императрицы Евдоксии, которая через три месяца после изгнания Иоанна Златоуста скончалась, в страшных муках родив мертвого младенца. Примерно в то же время многие из участвовавших в осуждении святителя были поражены кто болезнями, кто внезапной смертью. Разные бедствия постигли Восточную империю:

сильные землетрясения, необыкновенной величины град, опустошивший поля, грозы, заразные болезни. Народ видел в этих явлениях справедливую кару за гонения против праведника. Сам Аркадий, устрешенный бедствиями, прибежал к заступничеству уважаемых подвижников, которые в ответ увещевали его покаяться и исправить содеянное им зло. Между прочим, он писал знаменитому Нилу Синайскому, прося его своими молитвами отвлечь гнев Божий, тяготеющий над ним и над Константинополем. Преподобный отвечал ему: «Как дерзну я молиться о городе, который столькими прегрешениями навлек на себя справедливый гнев Божий, который изгнал блаженного Иоанна, столп Церкви, светило правды, трубу Господню? Ты изгнал его, не имея на то никакого повода, легкомысленно последовав советам людей, поврежденных в разуме; ты лишил верующих святых наставлений, которые они получали от него. Подумай об этом, познай согрешения свои и покайся».

Но Аркадий не покался и продолжал следовать советам лиц, ожесточенных против Иоанна. Любовь и уважение, оказываемые великому изгнаннику, заступничество за него западных епископов, даже сама его благотворительность – все это раздражало их. Они легко убедили императора сослать его в еще более отдаленную местность, на берег Черного моря, в Пифиунт²⁰². Вероятно, гонителям были при этом даны тайные внушения от врагов Иоанна, потому что повеление они привели в исполнение самым жестоким образом. Не обращая внимания на болезненное состояние святителя, его вели и в зной, и в проливной дождь, едва позволяя малейший отдых. Через три месяца достигли города Коман. Иоанн был в крайнем изнеможении. Ночью ему явился святой мученик Василиск, погребенный в церкви в Команах, и сказал: «Не унывай, брат Иоанн! Завтра будем вместе». На следующий день Иоанн напрасно просил своих стражей повременить в Команах, они повлекли его дальше, но вынуждены были возвратиться, потому что он не мог продолжать путь. Чувствуя близость смерти, попросил принести светлые одежды и, причастившись Святых Тайн, со словами «Слава Богу за все» кончил жизнь, всю преданную Господу. Это было 14 сентября 407 года. Все христиане, бывшие в городе и окрестностях, собрались для погребения великого святителя.

Нелегко было восстановить мир в Церкви. Иоанниты, не признавшие Арзация, долго не хотели признать и его преемника и составляли свои отдельные молитвенные собрания. Западные епископы также не имели общения с Церковью на Востоке с 407 по 415 г.

Второй преемник Златоуста, архиепископ Агтик, сделал шаг к примирению, внося имя Иоанна в диптихи, что было равносильно признанию его правоты. А через тридцать лет после смерти святителя патриарх Прокл²⁰³ убедил императора Феодосия Младшего перенести в Константинополь мощи святого страдальца. Это было сделано с великой торжественностью. Император выехал навстречу в Халкидон и, упав на землю, молил святителя простить родителям его, Аркадию и Евдоксии. Весь Константинопольский залив опять

²⁰² Нынешняя Пицунда в Абхазии.

²⁰³ Прокл, архиепископ Константинопольский (434—446), был одним из самых близких к Иоанну Златоусту лиц. В 429 г. он выступил с обличением Нестория и указал на еретический характер сочинений Феодора Мопсуетского. После епископа Прокла остались проповеди, напоминавшие, по свидетельству древних, отчасти проповеди Иоанна Златоуста, отчасти Василия Великого, «Слова» на праздники, «Послание к армянам о вере». Епископ Прокл являлся учеником и келейником свт. Иоанна. Проклу Господь открыл, как Иоанн писал свои знаменитые толкования на послания апостола Павла. Однажды глубокой ночью к епископу хотел обратиться за советом некий человек. Келейник, зная, что святой ночь проводит в трудах, не решился беспокоить его, однако заглянул в замочную скважину, чтобы удостовериться. Велико же было изумление Прокла, когда он за спиной епископа увидел благообразного старца, что-то говорящего ему на ухо. Так повторялось несколько ночей подряд. Келейник, зная, что никто не беспокоит ночами покой святителя, все же решился спросить, кто этот таинственный старец. Златоуст с удивлением ответил, что к нему никто не входил во время работы. Тогда Прокл, взглядевшись в икону апостола Павла, заметил явное сходство лица с тем старцем. Через это открытое келейнику явление апостола епископ уразумел, что его труд угоден Богу. Интересно, что в афонском Ватопедском монастыре хранится ковчег с главой святителя, на совершенно голых костях которой не сохранилось никакого кожного покрова или волоска, но совершенно невероятным образом уцелело, как живое, ухо. Считается, что именно им внимал Иоанн Златоуст толкованиям апостола.

покрылся освещенными ладьями, и народ с благоговейной радостью встретил останки великого пастыря. Торжество происходило 27 января 438 года и положило конец волнениям²⁰⁴.

Десница Иоанна Златоуста, хранящаяся в Филофеевском монастыре на Афоне

Едва ли когда-нибудь еще проповедник имел на своих слушателей такое сильное влияние, как Иоанн Златоуст. Каждое его слово, изливавшееся из души, полной любви и благоговения, имело неотразимую власть над людьми. Число его бесед – свыше восьмисот. В них заключаются толкования на многие книги Священного Писания: на книгу Бытия, на псалмы, пророчества, на Евангелия от Матфея и Иоанна и почти на все послания Павла. Кроме того, сохранилось много бесед, произнесенных по особенным случаям, как, например, на низвержение статуй в Антиохии, на праздники мучеников, против лжеучения и другие. Святому Иоанну Златоусту обязаны мы чином литургии, которая совершается почти во весь год. Из снисхождения к слабости человеческой он несколько сократил литургию свт. Василия Великого. За исключением некоторых молитв и тропарей, прибавленных впоследствии, литургия свт. Иоанна Златоуста совершается теперь так, как он ее установил²⁰⁵.

---

²⁰⁴ Десница Иоанна Златоуста хранится в Филофеевском монастыре на Афоне. Пальцы святителя сложены в троеперстие.

²⁰⁵ Далее мы укажем на дополнения, сделанные после него.

Иоанн Златоуст. Икона. Конец XIX в.

Православная Церковь чтит великого Вселенского учителя и совершает память его 13 сентября, 13 ноября; 27 января празднуется перенесение его мощей, а 30 января он опять вспоминается вместе с великими святителями Василием Кесарийским и Григорием Богословом.

Глава VI

Блаженный Августин

В конце IV века обратился к Христу язычник, который под именем блаженного Августина вошел в историю как один из великих учителей Западной Церкви. Он сам рассказывает о своем обращении в книге «Исповедь», раскрывая в ней свою внутреннюю жизнь, страдания и томление души, жаждущей истины и увлеченной страстями и заблуждениями, он повествует, какими дивными путями Господь вел его от тьмы к свету и помог понять и полюбить истину.

Августин родился в нумидийском городе Тагасте, в Африке, в 353 году²⁰⁶. Отец его был язычником, но мать, Моника, христианкой. Она являет нам чистейший образец христианской добродетели. В ранней молодости, выданная замуж за Патриция, человека безнравственного, вспыльчивого и раздражительного, она сумела внушить ему любовь и уважение своей кротостью и непоколебимой твердостью правил поведения. Не столько словами, сколько примером своей жизни обратила она наконец к Христу и мужа, а своих детей старалась воспитать для служения Богу. Много страданий и слез причинил ей старший из них, Августин, которого она, по его словам, вторично возродила к жизни молитвой и слезами, когда он блуждал во мраке неверия.

«С самого раннего детства, – пишет Августин, – слышал я о жизни вечной, дарованной нам смирением Сына Твоего, Господи, Которому угодно было снизить до нас. Вскоре после моего рождения мать моя, для которой Ты был единственной надеждой, начертала на челе моем знамение креста; дала мне вкусить таинственной соли Твоей»²⁰⁷.

Но за этим приготовлением к Святому Крещению не последовало совершения самого Таинства, которое в то время часто отлагалось до совершенного возраста. Августин убедительно просил крещения во время болезни, случившейся с ним в детстве, болезнь прошла, и крещение было отложено.

Родители послали Августина учиться в город Мадавр. Он быстро успевал в науках, однако попал под влияние товарищей и с шестнадцатилетнего возраста вел беспорядочную жизнь. Отец радовался успехам его в красноречии, а мать скорбела о пороках сына. Она не столько дорожила образованием его ума, сколько желала видеть в нем непорочность сердца, чистоту и твердость нравственных правил. Когда Августин на время возвратился из училища в родительский дом, то она с глубокой грустью заметила, что нет в нем ни теплой веры, ни твердых нравственных правил, которые могли бы удержать его от опасных увлечений. Она со страхом отпустила его в Карфаген, и сама после смерти мужа переселилась туда же, чтобы не разлучаться с любимым сыном. Но Августин долго был для нее только причиной горьких слез. Он вел грешную, развратную жизнь, давал полную волю своим страстям и наконец увлекся учением манихеев. Он поверил, что нашел истинную мудрость, которая успокаивала его совесть, извиняла разврат и пороки действием духа зла, против которого человек якобы бессилен. Его богохульные мнения о Господе внушали такой ужас несчастной матери, что она запретила ему жить в ее доме. Дни и ночи проводила она в слезах, умоляя Господа вернуть ей сына, которого она оплакивала, как умершего, потому что жизнь и спасение души его были для нее дороже всего, а она видела, что душа его в опасности. «Но и тогда с высоты небес рука Твоя простиралась ко мне, Господи! – восклицает Августин в своей «Исповеди». – Тебя тронули мольбы и слезы Твоей верной служительницы. Она оплакивала

---

²⁰⁶ Тагаст – ныне Сук-Ахрас в Алжире; по другим сведениям, блаж. Августин родился 13 ноября 354 г.

²⁰⁷ В Африке был обычай давать крещаемым вкушать соль, как символ Небесной премудрости, которую Христос открыл людям.

меня более, чем плачет мать над умершим ребенком своим, ибо видела меня мертвым для Тебя. Ты услышал ее, Господи! Ты не отринул слез ее, которые лились обильным потоком всякий раз, как она возносила к Тебе молитву свою. Не Ты ли, Господи, послал ей это успокоительное сновидение, после которого она снова позволила мне жить в ее доме и вкушать пищу за ее столом, чего она не допускала с тех пор, как я увлекся столь противными ей убеждениями!»

Сандро Боттичелли. Святой Августин в келье. 1490–1494. Флоренция, Галерея Уффици

Однажды Моника увидела во сне, что она стоит на длинной узкой черте и погружена в глубокую скорбь. Вдруг явился ей Ангел и с участием спросил, о чем она плачет. «Я плачу о гибели души сына», – отвечала она. «Успокойся, – сказал Ангел, – где ты стоишь, тут увидишь и его».

«Когда мать рассказала мне этот сон, – пишет Августин, – я старался объяснить его тем, что она примет мои убеждения, но она отвечала: "Нет, этого не может быть: он не сказал мне, что я стану там, где ты стоишь, но что ты станешь рядом со мной"».

Но эта радостная надежда еще не скоро должна была осуществиться. Целых девять лет Августин блуждал во мраке порока и лжи. Он уже закончил свое образование и сам стал преподавателем красноречия в Карфагене. Чтение Цицерона отвлекло его на время от суетных увеселений, возбудив в нем более высокие стремления к истине и мудрости. Он начал изучать Священное Писание, но величественная простота Писания была еще недоступна его уму, насыщенному ложным знанием, и манихейство сохраняло над ним свою власть. Моника

просила одного святого епископа поговорить с сыном, чтобы обратить его. «Еще не время, – отвечал он, – юноша слишком превозносится своим знанием; оставь его и молись о нем». Моника продолжала со слезами умолять епископа. «Успокойся, – сказал он ей, – продолжай только молиться: невозможно, чтобы погибло чадо стольких слез».

Против воли матери Августин поехал в Рим, где стал преподавать красноречие. Вскоре он опасно занемог. Но теперь не просил крещения, а, напротив, глумился над священным Таинством, потому что потерял уже всякую веру.

Но милосердный Господь не оставил его и неведомыми ему путями вел его к Себе. В Медиолане понадобился преподаватель красноречия; обратились к римскому префекту Симмаху, и он дал эту должность Августину.

В Медиолане Августина благосклонно принял святой епископ Амвросий, и он стал часто слушать проповеди святого, пленяясь красноречием, но нисколько не надеясь найти истины в Церкви Христовой. Душевное состояние Августина было самое мучительное. Близкое знакомство с мани хс я м и наконец убедило его, что их учение ложно. Суетные увеселения оставили в его душе чувство гнетущей тоски, но привычка к грешной жизни была еще сильна. Однако же святые истины Христовой веры, проповедуемые Амвросием, мало-помалу проникали в его душу, и через некоторое время он решил вписаться в число оглашенных. Мать его, не терпя разлуки с сыном, прибыла в Медиолан. Она обрадовалась, когда узнала, что он понял свои заблуждения, она верила несомненно, что он будет истинным христианином, и продолжала молиться о нем. Это случилось в то время, когда Амвросий проявлял в борьбе с арианами непоколебимую твердость. Моника познакомилась со святым епископом, слушала его поучения и советы, и он часто говорил ее сыну о счастье иметь такую мать.

В душе Августина шла трудная, утомительная борьба. То он ревностно изучал философов, надеясь найти у них истину, но видел только стремления к истине, неполную уверенность и неясные предположения, которые еще более колебали его. То христианское учение представлялось ему как единственный путь к свету и спасению, но в нем боролись страсти, привычки грешной жизни, которые ему жаль было оставить. «Спаси меня, Господи, но еще не теперь», – взывал он иногда из глубины души, терзаемой желанием истины и привязанностью к заблуждениям, не решаясь пока вполне отдаться тому Владыке, Который требует всего сердца, а не сердца, разделенного между Им и миром. Иногда приходил он за советом к Амвросию, но почти всегда находил епископа окруженным толпой. Два друга Августина, Ал и и и й и Небридий, его бывшие ученики в Карфагене, тоже, как он, мучились сомнениями и нерешимостью. Часто беседовали они вместе о душе, о будущей жизни, о суетности земных благ, мечтали жить для добродетели. Но ни один не имел достаточно силы веры и воли, чтобы отказаться от старых привычек и начать новую жизнь, согласную с правилами христианского учения.

Послания апостола Павла оказали сильное воздействие на Августина. Он стал изучать Писание под руководством старца Симплициана, того самого, который был наставником и св. Амвросия; и истина все больше и больше озаряла его, развеивая сомнения. «Слова Твои, Господи, глубоко проникли в сердце мое, – писал он, – со всех сторон я был как бы осаждаем Тобою; не было уже во мне сомнения насчет жизни вечной, хотя я видел ее только как бы сквозь тусклое стекло, гадательно; я уже понимал, что Ты – единый источник всего сущего; не осталось во мне другого желания, как утвердиться в Тебе... Но в том, что касается христианской жизни, я еще колебался; сердце мое не очистилось от старой закваски; я радовался, что обрел Спасителя, что знаю истинный путь, но не решался ступить на этот узкий путь».

Одно повествование Симплициана глубоко поразило Августина. В молодости своей Симплициан был очень дружен с знаменитым преподавателем словесности в Риме Викторин, который был язычником. До преклонных лет Викторин исполнял усердно все языче-

ские обряды, но стал из любви к науке читать Священное Писание. Оно сильно повлияло на него, и Викторин наконец убедился, что истина только в нем. Встречаясь с Симплицианом, он говорил ему: «Я в душе христианин». – «Не поверю этому и не стану считать тебя христианином, пока не войдешь с нами в Церковь Христову», – возражал Симплициан. «К чему? – отвечал Викторин. – Разве в стенах церкви заключается христианство?» Затем он продолжал часто уверять Симплициана, что он христианин, но отшучивался, когда тот предлагал ему идти в церковь. Он боялся насмешек и упреков приятелей, которые поклонялись идолам. Но, продолжая читать Писание и все больше и больше укрепляясь в вере, Викторин понял наконец, что великий грех – не сметь сознаться в своей вере и притворно поклоняться идолам, от которых он в душе уже отрекся. Однажды он вдруг сказал Симплициану: «Пойдем в церковь, я решил быть христианином». Обрадованный Симплициан тотчас же пошел с ним, и знаменитый преподаватель, записавшись в число оглашенных, стал со смирением слушать наставления. Все христиане радовались, язычники же осыпали Викторина насмешками.

Когда пришло время Викторину произнести исповедание своей веры перед принятием крещения, то пресвитеры предложили ему сделать это тайно, боясь, как бы его не смутило негодование друзей. Но Викторин захотел всенародно и во всеуслышание исповедать себя служителем Христовым. Впоследствии, когда вышел указ Юлиана, запрещавший христианам преподавать словесные науки, он оставил кафедру и сохранил верность Господу.

Слушая этот рассказ, Августин завидовал мужеству и решимости, которых в себе не находил. Он хотел служить Богу, но это желание, едва возникшее, не было достаточно сильным, чтобы победить страсти, привычки, привязанности, укоренившиеся в его сердце. Он чувствовал, что все это суетно, но его призывал Господь, Который один мог дать покой и отраду. Он слышал зов: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и освятит тебя Христос!» И на этот зов лениво отвечал: «Сейчас, еще одну минуту». Он медлил идти на призыв милосердного Отца Небесного, но Тот не оставлял его и настойчиво звал к Себе.

Однажды к Августину и Алипию пришел их соотечественник, Понтиан, христианин. Разговаривая с ними, он случайно взял книгу, лежавшую на столе, и с радостным изумлением увидел, что это Послания апостола Павла. Эту книгу он не ожидал увидеть у Августина. Он стал говорить о Господе, о силе веры, рассказал, как в Египте Антоний, услышав евангельское слово о добровольной нищете, тотчас же оставил все, чтобы совсем отдать себя Богу. Далее он стал говорить о множестве людей всех званий и состояний, которые, побежденные любовью к Христу, оставляют мир и, удаляясь в пустыни и монастыри, служат Господу молитвой, лишениями и трудами. Эти рассказы поразили обоих друзей. Они никогда еще не слышали о монастырях и подвижниках, хотя близ Милана уже существовала обитель, которой управлял Амвросий.

Августин был потрясен до глубины души. Когда Понтиан ушел, он встал и голосом, дрожащим от волнения, сказал Алипию: «Что мы делаем? Чего мы ждем? Невежды спешат и восхищают Царство Небесное; а мы, с суетным знанием нашим, утопаем в плоти и крови! Или стыдно нам следовать за ними, потому что они опередили нас? Не должны ли мы краснеть, что не имеем довольно мужества, чтобы идти за ними?» Августин говорил с увлечением; изменившийся голос, выражение лица – все указывало на его душевное волнение.

Он пошел в сад. Алипий последовал за ним. В душе Августина происходила борьба между горячим желанием отдаться Богу и привязанностью к миру. Он ненавидел себя за нерешимость отдаться Тому, к Кому призывали его все силы души. «Чтобы идти к Тебе, Господи, – думал он, – не нужно было ни колесниц, ни кораблей; нужна была только воля; но воля всецелая, твердая, не похожая на те болезненные и колеблющиеся порывы, которые в утомительной борьбе то возвышают душу к Небу, то влекут ее к земле».

Утомленный внутренней борьбой, Августин удалился от своего друга. Он чувствовал, что внутри у него поднимается буря, которая должна разразиться слезами; он упал на землю

и дал волю слезам. «Они лились потоками, и Ты, Господи, принял их как жертву, Тебе угодную, – пишет он. – Я взывал к Тебе: доколе, Господи, доколе гнев Твой на меня? Забудь неправды прежней жизни моей. Я чувствовал, что эти-то неправды гнетут меня, и повторял мысленно: "Когда же, Господи? завтра ли? послезавтра ли? почему не сейчас будет конец моему поношению?"

Пока я это повторял, рыдая и проливая горячие слезы, мне вдруг послышался певучий голос как бы ребенка или молодой девушки, повторяющий несколько раз: "Возьми читай! Возьми читай!" Я изменился в лице и стал припоминать, нет ли какой игры, в которой дети повторяют этот припев; но ничего подобного я не припомнил и пришел к заключению, что мне повелевается открыть Священное Писание и прочесть то, что представится моим глазам. Так, Антоний, как мне рассказывали, услышав в церкви слова: *Иди, продай имение и раздай нищим, и получишь сокровища на небеси* (Ср.: Мф. 19, 21.), – принял их как повеление Божие и тотчас же оставил все. Удерживая слезы мои, я встал и пошел к тому месту, где был Алипий и где я оставил книгу Посланий. Я взял ее, открыл и прочел глазами следующие слова: *Не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13, 13–14)».

Дальше он не стал читать, да и не нужно было. Сердце его озарилось светом и миром. Он рассказал Алипию все, что с ним было. Алипий взял открытую книгу, прочитал в ней дальше: *Немощного в вере принимайте* (Рим. 14, 1.) и, применив эти слова к себе, тотчас же, без колебаний и недоумений, твердо решил служить одному Богу.

Как описать радость Моники, когда она узнала, что молитва ее исполнилась и что любимый сын ее теперь стоит на том пути, на котором она так давно желала его видеть! Августин решил оставить кафедру и удалился с матерью и Алипием в загородный дом, где оба друга стали готовиться к Святому Крещению молитвой и чтением Писания. «Как рассказать все милости, оказанные мне здесь! – восклицает он, – все средства, которыми Господь исправлял меня, смягчал и воспитывал мое сердце!» Господь, радующийся как Отец возвращению к Нему заблудившегося сына, поддерживал его, помогал ему всей силой Своей, как бы выходя к нему навстречу, чтобы привести его к Себе. Августин обрадовал святого епископа Амвросия вестью о своем обращении и получил и от него советы по изучению Священного Писания. Чтение слова Божия, беседы о христианском законе составляли постоянное занятие и отраду жителей загородного дома. Моника помогала новообращенным. Сердцем, исполненным живой веры и любви, умом, издавна обращенным к Господу, понимала она то, что им было недоступно. «Нам казалось, – говорит Августин, – что не слабая женщина, а великий муж восседает между нами, и мы спрашивали, из какого Небесного источника текут ее слова».

На праздник Пасхи 386 или 387 года Августин, Алипий и молодой сын Августина, Адеодат, приняли Святое Крещение от Амвросия. Из глубины благодарной души воспели они торжественный гимн, только что перед тем сложенный Амвросием, – «Тебе Бога хвалим». Его в то время воспевали и крещаемый, и совершавший крещение.

Шеффер Ари. Блаженный Августин и его мать, Моника. 1855. Париж, Лувр

Вскоре после этого Августин с матерью пожелали возвратиться на родину, но благочестивая Моника не доехала до Африки. Казалось, она только ждала обращения сына, чтобы отойти к Господу, к Которому постоянно стремилась всеми чувствами и мыслями. Она могла теперь радостно умереть; она совершила свое дело: исторгла сына из омута страстей и безверия, дала Церкви верного служителя, показала христианским матерям, как сильны моления и слезы матери, как много может сделать слабая женщина, одушевленная верой и любовью.

В Остии, где путники остановились перед отплытием в Африку, мать и сын, оставшиеся наедине, долго беседовали о будущей вечной жизни, стараясь разгадать, каково будет блаженство, уготованное Господом для любящих Его. Души их, озаренные любовью и верой, как будто по временам постигали это чувство блаженства, перед которым ничтожны все радости земные. Тут Моника сказала: «Сын мой, теперь уже нет ничего, что бы удерживало меня в этом мире; не для чего мне в нем оставаться. До сих пор я для одного желала жить: чтобы видеть тебя истинным христианином. Господь исполнил молитву мою: Он дал мне видеть тебя совершенно преданным Его служению; для чего мне долее жить?»

Эти слова были предчувствием близкой кончины. Через пять дней Моника занемогла и после краткой болезни радостно отошла к Господу²⁰⁸. Перед кончиной она просила сына и бывших при ней, чтобы они не забывали поминать ее перед алтарем Всевышнего, когда раздается Агнец, омывший кровию Своей наш смертный приговор.

Возвратившись на родину, Августин продал свое имение и раздал деньги бедным, а сам стал иноком. Он провел три года в совершенном уединении и в строгих подвигах. Епископ Иппонский, Валерий, против его воли посвятил Августина в пресвитеры, а в 395 году его избрали во епископа Иппонского. В продолжение тридцати пяти лет он был самым дея-

²⁰⁸ Святая Моника (332– 387) умерла в Остии; в 1470 г. ее тело было перевезено в Рим.

тельным пастырем. В епископском сане блаженный жил строгим подвижником. Все, что имел, отдавал бедным, готов был положить жизнь за *овец своих*. Благодеяния Божий внушили ему глубочайшее смирение и горячую любовь. Он всегда сознавал, что человек грешен и бессилен и что только благодать Божия производит в нем и желание добра, и само добро. Это убеждение высказывал он во всех своих писаниях²⁰⁹: как в «Исповеди», так и в сочинениях, направленных против распространявшихся еретических мнений манихеев, донатистов и пелагиан.

---

²⁰⁹ Блаженный Августин является плодотвейшим духовным писателем и по праву считается одним из идейных вождей человечества: им написано 93 труда (в 232 книгах). Большая часть трудов блаженного Августина на русский язык не переведена. Православная Церковь чтит его память 15/28 июня.)

Глава VII

Ересь Пелагия. Падение Западной Римской империи

В конце IV века христианская вера, так долго гонимая, была наконец объявлена господствующей во всей Римской империи. Конечно, из этого еще не следует, что языческое общество вдруг стало христианским. Еще долго жили в нем языческие начала, прикрытые христианской внешностью; многие, будучи христианами по исповеданию, оставались язычниками по жизни, довольствуясь лишь участием в обрядах Церкви, но не стараясь жить по закону Христа. Много было еще суеверия, лицемерия и других пороков. Святые отцы Церкви упорно боролись против остатков язычества во всех его проявлениях, заботились о том, чтобы христианами жили согласно с их исповеданием, чтобы идолопоклонство побеждалось в них силой христианской веры, возрождающей к новой жизни. Они внушали христианам, что Господу надо поклоняться духом и истиной, что вера, принятая сердцем и умом, должна проявиться в деле. Они ревностно заботились о распространении просвещения. В беседах объясняли слово Божие, смысл церковных обрядов и священнодействий, при церквях и монастырях устраивали училища, раздавали списки Священного Писания. Иоанн Златоуст укорял тех, кто не имел у себя для домашнего чтения священной книги. Это доказывает, что приобрести ее было легко, особенно на Востоке. Епископы из своего клира готовили наставников и проповедников, храмы украшались изображениями, которые должны были напоминать и неграмотным священные события. Церкви, посвященные мученикам, обычно украшались живописью, повествующей об их жизни.

Просвещение стало в то время распространяться больше на Востоке, чем на Западе, куда христианская вера проникла позднее. В Италии до VI века христианство сосредоточивалось в городах, а в деревнях еще сохранялось язычество. На Востоке слово Божие трудами святых благовестников и подвижников проникло в самые отдаленные места, в самые дикие и суровые пустыни. Вместе с верой распространялась и грамотность. Святитель Иоанн Златоуст ревностно заботился о переводе Писания на различные наречия и о просвещении варварских племен; это святое дело усердно продолжалось и после его смерти²¹⁰. Церковь Востока посылала благовестников в отдаленные страны, святые подвижники бесстрашно селились среди варваров, благовествованием и примером благочестивой жизни обращая их к Христу. В пустынных кельях святые отшельники трудились над изучением слова Божия. Восток своей духовной деятельностью привлекал множество благочестивых мужей с Запада и таким образом в продолжение нескольких веков имел сильное влияние на церковную жизнь западных христиан.

Напряженная умственная деятельность на Востоке представляла, может быть, и некоторую опасность. Близкое соседство с древними языческими, мистическими по сути учениями создавало почву для возникновения различных лжеучений, которые иногда сотрясали всю Церковь, возбуждая печальные раздоры и смуты. Но ошибки и заблуждения неизбежны в свободном развитии человеческого мышления. Церковь же бдительно охраняла чистоту христианского учения. Всякое появление новой ереси призывало ее к уточнению и определению святой истины. Голосом Соборов формулировались догматы Церкви и осуждалось всякое отклонение от них. Когда Церковь вступала в пятый век своего существования, то главный догмат (о единственности и равночестности Сына Божия и Духа Святого с Богом

---

²¹⁰ Время ссылки свт. Иоанна Златоуста стало периодом проповеди Евангелия и возведения христианских церквей в тех местах, по которым проходили скорбные пути этого светильника Божия. Благодаря святителю благовестив Христово дошло до Финикии, Персии, Армении; Готская Церковь своим возрождением из руин арианства, в которое ее вверг император Валент, обязана Иоанну Златоусту.

Отцом) был ясно определен и выражен в Никео-Константинопольском Символе. Споры, возникавшие в V, VI и VII веках, касались преимущественно Боговоплощения Иисуса Христа и соединения в Нем Божественного естества с человеческим. Но вначале скажем о ереси Пелагия и споре об Оригене.

Спор об Оригене возник еще в конце IV века. Едва ли нужно говорить здесь о нем подробно, потому что в общей истории Церкви он не является важным. В то самое время, когда Иероним занимался в Вифлееме переводом Священного Писания, пользуясь при этом трудами Оригена, некоторые церковные писатели стали доказывать несостоятельность многих мнений великого александрийского учителя и требовать, чтобы они были осуждены Церковью. Завязался горячий спор, в котором и защитники, и противники Оригена отстаивали упорно свои мнения. Феофил Александрийский даже употреблял силу против некоторых иноков, заподозренных в приверженности Оригену²¹¹. Руфин, друг Иеронима, горячо защищал Оригена, справедливо доказывая, что многие мнения были ошибочно приписаны ему. Но Иероним, вовлеченный в спор, подал голос против Оригена. В Риме папа Анастасий отверг сочинения Оригена как еретические и запретил их читать, но Восток был справедливее к славному учителю и продолжал почитать его память, хотя некоторые мнения его и признали ошибочными.

Гораздо важнее был спор, возникший в начале V века из-за учения Пелагия²¹². Британский монах Пелагий и его товарищ Целестий утверждали, что благодать Божия не необходима для спасения, что человек может творить добро и спастись собственными силами, что нет первородного греха, и смерть есть закон природы, а не наказание за грехопадение. Это учение разрушало само основание христианской веры, потому что отвергало необходимость искупления рода человеческого смертью Сына Божия и представляло Иисуса Христа лишь законодателем, а не Спасителем. Но не сразу спорящие дошли до этих крайних выводов. Пелагий за строгую жизнь был уважаем и на Западе, и на Востоке. Он осторожно распространял свои мнения, умел ловко их отстаивать, употребляя двусмысленные выражения, которые затемняли их истинный смысл, и, таким образом, его мнения распространялись, не встречая вначале сильного противодействия. Но по мере того как они уяснялись, их стали разбирать на Соборах в Риме, Карфагене. Они были осуждены и на всем Востоке и встретили сильнейшего обличителя в Иппонском епископе, блаженном Августине.

С момента своего обращения Августин должен был постоянно противодействовать лжеучениям. В Италии он опровергал манихеев, так долго его увлекавших, в Африке призывал на совещания донатистов и ревностно, но безуспешно старался возвратить их в общение Церкви²¹³. На себе самом испытал он, как слаб человек, как легко уступает искушению зла.

²¹¹ Имеются в виду Долгие братья.

²¹² Пелагий по происхождению был кельтом (собственное имя – Морган), родился около 360 г., по одним данным, в Бретани, а по другим – в Шотландии, однако достоверные сведения о нем начинаются только со времени прибытия его в Италию, в начале V в. Здесь своими добрыми нравами, строгой монашеской жизнью он обратил на себя внимание и даже заслужил дружбу св. Павлина Ноланского. В Риме Пелагия поразила распушенность жизни как мирян, так и клириков, оправдывавшихся немощью человеческой природы. Пелагий выступил против этого, утверждая, что неодолимого греха нет: если он есть дело необходимости – то это не грех, а если дело воли – его можно избежать. Эти мысли он изложил в толкованиях на апостола Павла и в послании к Димитриаде. Не лишенный дипломатических навыков, Пелагий стремился избегать столкновения с Церковью, когда утверждал, что человек сам спасается, как и сам грешит. Эти его воззрения развили до крайности и прямых столкновений с церковным учением честолюбивый патриций Целестий. Со временем Пелагий приобрел доверие палестинских иноков, его благосклонно сначала принял Августин, но уже в 415 г. Иероним обвинил его в ереси. Соборы в Карфагене 416 и 418 гг. окончательно утвердили за пелагианами название еретиков, а Эфесский Собор 430 г. отнесся к этой ереси как к уже осужденной.

²¹³ Раскол донатистов чем-то сродни и русскому раскольниковству. Возникший на почве ревности по вере, не всегда разумной, еще во времена гонения Диоклетиана, он скоро нашел основание на почве личных интересов. Донатисты считали характерным признаком истинной Церкви личную непогрешимость ее служителей; Таинства, по их мнению, теряли свою святость, будучи совершены провинившимися священнослужителями. Император Константин на трех Соборах в Риме, Карфагене и Арле осудил вместе с Церковью донатистов как раскольников. Сам Донат был изгнан и умер в ссылке, а

Его утомительная борьба с самим собой, душевные страдания и чудесное обращение укоренили в нем осознание греховности человеческой природы, которую одна лишь благодать Божия может вести к добру. Гордые мнения Пелагия показали ему оскорблением Божества, и он восстал против него со всем жаром страстной души. Но, возражая Пелагию и заступаясь со святой ревностью за право благодати, он впал в противоположную крайность. Пелагий, приписывая все свободной воле человека, отвергал необходимость благодати Божией, Августин почти полностью отрицал свободу человека. Этим было положено начало заблуждению предестинатов, представлявших человека лишь мертвым орудием воли Господней, заранее предназначенным или к спасению, или к гибели, без воли, без свободы и, следовательно, без нравственной ответственности.

Ересь Пелагия долго волновала Церковь на Западе. Вопрос о свободе человеческой воли, об отношении этой свободы к благодати Божией возникал опять в разные времена и возбуждал горячие и продолжительные споры. Между предестинатами, отвергавшими свободу человека, и пелагианами, отвергавшими силу благодати, возникло промежуточное учение, полупелагианизм, старавшийся помирить эти две крайности. Главными представителями этого направления, сильно распространившегося в Южной Галлии, были инок Кассиан, Викентий Лиринейский и Гонорат Марсельский; пелагианизмом же заразились северные области Галлии и Британии. Против этого лжеучения выступили Проспер Аквитанец и епископ Герман Окзерский. Этот вопрос остался почти чуждым Востоку. Сильное влияние на дела церковные имели и исторические события.

Император Феодосий II Младший. 401–450 гг. н. э.

Начало V века застало на престоле двух сыновей Феодосия Великого, Аркадия на Востоке и Гонория на Западе. Оба были в равной степени не способны управлять империей в такое трудное время, когда ей со всех сторон угрожали сильные и многочисленные враги. Аркадий провел бесславную жизнь, находясь под влиянием недостойных любимцев, угнетавших и грабивших его подданных, между тем как готы и другие племена опустошали северные области империи. Ему наследовал (в 408 году) его восьмилетний сын, Феодосий Младший, под опекой префекта Анфимия. Вскоре шестнадцатилетняя сестра царя, Пульхерия, была призвана разделить престол с братом и показала себя достойной внучкой Феодосия Великого: она мудро управляла внутренними делами, а в сношениях с внешними вра-

---

Карфагенский Собор 411 г. окончательно осудил донатистов, хотя вплоть до покорения Африки сарацинами в VII в. они продолжали кое-где держаться. Церкви у донатистов были отобраны при Константине Великом; их поддержал лишь Юлиан Отступник, а затем вошли в силу старые запреты.

гами умела поддержать честь Восточной Римской империи. Имя ее чествуется и Церковью, и историей²¹⁴. Феодосий Младший²¹⁵, воспитанный под ее надзором, не проявил замечательных доблестей, но был добрым, благочестивым, уважал науки и просвещение. Изданным им собранием законов прежних императоров, известным под названием Феодосиева кодекса, облегчил задачи правосудия.

---

²¹⁴ Память благочестивой царевны Пульхерии (ок. 399—453) Церковь чтит 10/23 сентября. В отличие от брата, она унаследовала блестящие дарования своего деда. Редкие душевные качества она дополнила, получив прекрасное образование. Еще в молодых годах она, желая загладить все вины своих родителей, дала обет девства и сохранила его до конца. Умно направляя дела империи, она очень многое делала и для Церкви: большие средства Феодосии по просьбе царевны отправил на Святую Землю, и признательный иерусалимский архиепископ прислал в ответ часть мощей первомученика Стефана; по ее инициативе состоялся Ефесский Собор 431 г., осудивший ересь Нестория; в 438 г. в Константинополь с великим почетом были возвращены мощи свт. Иоанна Златоуста. После того как в 444 г. силу заимел евнух Хрисанф, хотя и неплохой полководец, но низкий человек, он сумел вселить в жену Феодосия Евдокию ревность к положению Пульхерии, а затем и рассорить императора с сестрой. Пульхерия удалилась в уединение, а дела в империи шли все хуже и хуже; лишь ее вмешательство спасло положение. Хрисанф был казнен. Феодосии, не выдержав тяжести раскрытых преступлений близких, вскоре скончался. Тогда Пульхерия избрала в соправители себе как императрице честного сенатора и полководца, вдовца Маркиана, обещавшего сохранять ее обет девства. При Пульхерии и Маркиане созван был Собор 451 г., осудивший евтихиан, построен Влахернский собор, обретенны мощи 40 Севастийских мучеников.

²¹⁵ Феодосий II (10.04.401 28.07.450) – восточно-римский император. Считается, что всю свою недолгую жизнь он был марионеткой в руках окружавших его. Однако первоначально влияния были явно благотворными – речь идет о его сестре Пульхерии. Не без ее влияния Феодосии посылал войска вести упорные и успешные бои с персам и армянами, а также гуннами, жившими тогда в бассейне Дуная. В 425 г. Константинополе был построен университет, а с 413 по 439 гг. город обнесли мощной стеной. Однако со временем влияние сестры начинает ослабевать, что крайне негативно отразилось на жизни императора.

Голова императора Феодосия II. Париж, Лувр

Феодосии вел успешную войну с Персией. Но положение империи становилось все труднее, и с 430 года Феодосии был принужден платить дань гуннам, которые тревожили его области частыми нападениями. Внутреннее управление страдало, потому что доверием царя злоупотреблял недостойный любимец его, Хрисанфий. После смерти Феодосия Пульхерия избрала себе в супруги и соправители сенатора Маркиана, который мужественно отстаивал достоинство империи. Когда царь гуннов Атила потребовал у него дань, Маркиан твердо отвечал: «У меня золото для друзей, железо для врагов», – и Атила, оставив в покое Восток, обратил свои силы на Запад. Наследники Маркиана тоже отстаивали империю, и блестящее царствование Юстиниана (527–565) напомнило миру древнюю славу римского оружия.

Куда бедственнее была судьба западной части империи. При слабом Гонории варвары беспрестанно нападали на Италию и соседние области. Мужественные вожди Стиликон и Аэций одни защищали империю, слабеющую с каждым днем. В первые годы V века Аларих, король вестготов, опустошив Северную Италию, осадил Милан, где жил император. Прибытие Стиликона спасло Гонория. Аларих был разбит Стиликоном на равнинах Поленты, и Рим в последний раз праздновал победу. В последний же раз видел Рим и кровавые игры в Колизее. Они были запрещены Константином, но постепенно вновь вошли в обычай. Несмотря на строгие порицания христианских проповедников, правительство не решалось лишить народ страстно любимой забавы, и несколько тысяч человек гибло ежедневно в стенах Колизея. Бесстрашный поступок одного инока положил конец этому жестокому обычаю, позорив-

шему христианский город. Торжествовали играми победу при Поленте. Вдруг восточный инок по имени Телемах, бывший в Риме, бесстрашно вступил на арену, чтобы остановить кровавый бой. Он заплатил жизнью за свой великодушный поступок. Народ в ярости забросал его камнями, но впоследствии почтил память Телемаха как мученика и принял без ропота указ Гонория, запрещающий кровавые игры (404).

Гонорий перенес столицу в Равенну, но варварские вожди готов и аланов Аларих и Радегаз продолжали опустошать области Италии. Стиликон новой блистательной победой заслужил наименование спасителя Италии. Но славный вождь имел завистников при дворе: обвиненный в измене, он был казнен, а через два месяца после его казни Аларих явился к стенам Рима. Изумление и негодование овладели гордыми римлянами при вести, что варвары дерзают угрожать вечному городу. Но опасность для отчизны не вызвала в них благородного мужества. Они излили свою месть на Серене, вдове Стиликона, обвинив и ее в предательстве, казнили по приговору сената. Затем римляне стали искать спасения не в силе оружия, не в молитве, а в исполнении языческих обрядов и в заклинаниях. Когда и это не помогло, когда начался голод в городе, окруженном со всех сторон врагами, сенат вступил в переговоры с Аларихом. Видя отчаянное положение римлян, Аларих предъявил чрезмерные требования. «Что же оставишь ты нам, царь, если таковы твои требования?» – говорили присланные от сената. «Жизнь», – отвечал гордый вождь. Переговоры, однако, привели к соглашению, и Аларих удалился, взяв с Рима огромный выкуп.

Но это было ненадолго. На следующий же год он был опять у стен Рима. Рим сдался и признал императором Аталла, назначенного Аларихом. Его признала и большая часть Италии, между тем как Гонорий (в стенах Равенны), забыв честь и достоинство своей державы, заботился лишь о личной безопасности. Аталл скоро навлек на себя гнев своего покровителя, и Аларих, в третий раз осадив Рим, вступил в 410 году в город победителем²¹⁶. Рим на этот раз не сопротивлялся.

Аларих исповедовал христианство, искаженное арианскими заблуждениями. Он повелел воинам щадить церкви и жизнь тех, кто найдет убежище в церквях, но город был отдан на разграбление варваров, которым помогали 40 000 освобожденных рабов. Готы сожгли множество зданий, разграбили пышные дворцы римских богачей, увели в плен и предали смерти огромное число римлян, но щадили церкви и церковное имущество. Рассказывают, что однажды воины в поисках добычи ворвались в дом одной диаконисы, у которой нашли золотые сосуды. Они хотели их взять, но, узнав, что они принадлежат церкви, тотчас известили о том Алариха. По его повелению сосуды были торжественно перенесены в храм при пении псалмов и под защитой воинов, которые благоговейно охраняли святыню от всякого посягательства. Все присоединившиеся к шествию находили безопасное убежище в храме, и вместе с христианами многие язычники воспользовались для спасения уважением варваров к христианской святыне.

Сколько бедствий, страданий перенес Рим в это ужасное время! Множество богатых римлян, потеряв все имущество, было продано в рабство. Иные нищими скитались в чужих странах. Те из римлян, которые сохранили еще поместья в других областях (в Африке, Испании, Кампании), спешили туда. Вскоре все соседние страны, а затем и отдаленные (Египет, Палестина, Малая Азия) приняли беглецов из Рима и услышали о разгроме вечного города. Эта весть потрясла вселенную. Старец Иероним писал из своей убогой вифлеемской келий: «Нет в этом мире ничего, что бы могло казаться долговечным: и время ничто, если бы мы не имели перед собой вечности. Все, что родилось, должно умереть, и что растет – состариться;

---

²¹⁶ Аларих (ок. 370-410) -король вестготов; первоначально являлся союзником Феодосия I, но затем добился у Аркадия самостоятельности, став наместником Иллирии; вытесненный из Иллирии, оказался в западной ее части. В качестве компенсации потребовал себе Галлию, а не получив и Галлии, Аларих вторгся в Рим.

и всякое дело рук человеческих должно погибнуть от руки времени. Но кто бы подумал, что и сам Рим, обогатившийся добычей вселенной, некогда падет и, быв матерью народов, сделается гробницей их; что поморья Африки и Востока наполнятся беглецами из развалин всемирной столицы и что даже убогий приют вифлеемский даст у себя пристанище богатейшим гражданам всей земли! О суета сует, и всяческая суета!»

Но христианам падение Рима внушало не одну лишь скорбь. Это было разительным доказательством бренности земного величия. Падение города, который считался вечным, который наполнил мир своей славой, направляло мысли и сердца к тому, что одно только вечно и непоколебимо. Блаженный Августин выразил это в превосходном творении «О граде Божием», насчитывающем 22 тома. Опровергнув вначале тех, которые считали христианскую веру причиной бедствий империи, он описывает падение Рима и бренному величию земного города противопоставляет вечность и незыблемость Града Небесного, Церкви Божией, Небесного Царства. Он убеждает христиан быть достойными гражданами того Града, который непоколебим вовеки и осенен неувядаемой славой.

Тяжело было видеть малодушие, с каким большинство римлян переносило свою судьбу. Бессмысленно обвиняя христианство во всех своих бедствиях, одни предавались отчаянию и неутешно скорбели о потере богатства; другие, сохранившие часть имущества, на чужбине по-прежнему искали лишь развлечений и забав. Равнодушные к бедствиям отчизны, они были печальным воплощением глубочайшего нравственного падения: малодушие и легкомысленность среди величайшего несчастья. Нельзя было без негодования видеть римских беглецов, толпившихся в карфагенских театрах и цирках. «Народы Востока и самые отдаленные племена оплакивают ваши бедствия, а вы что делаете? – восклицал с негодованием Августин. – Вы толпитесь у входа театров и ищете безнравственных забав. Вам не дорога честь отчизны; вы равнодушны к ней, лишь бы были упрочены за вами ваши суетные забавы. Вы развратились среди благоденствия и роскоши, и бедствие не вразумило вас. Для вас прошли даром уроки несчастья».

Иначе поступали истинные христиане. Покорные воле Божией, богатые верой и надеждами, которых ничто не могло отнять у них, они спокойно переносили потерю земных благ и превратности земного счастья. Мир удивлялся величию их духа, их твердости и той деятельной, неутомимой благотворительности, которую взаимная любовь внушала христианам. Сами лишенные почти всего, они употребляли остатки имущества и все свои силы на помощь ближним. Казалось, что они острее чувствовали бедствия ближних, чем собственные. Некоторые женщины показывали примеры самоотверженности. Лета, вдова императора Грациана, кормила весь Рим во время первой осады города. Прова, знатная и богатая римлянка, равнодушно смотрела на пожар своего пышного дворца и в Африке, где нашла убежище, употребляла остатки огромного богатства на выкуп пленных и на помощь всем бедным. Множество несчастных нашли гостеприимное убежище у палестинских подвижниц. Только в христианах видны были и гражданское мужество, и независимость духа. Многие епископы без страха защищали христиан, неустрашимостью, мудростью и добродетелями умели внушить уважение даже варварам.

Аттила

Империя быстро распадалась, теряла область за областью. Из Британии она была вынуждена отозвать войска, и Британия освободилась от ее владычества. Галлию у нее уже отвоевали готы, бургунды и франки; Испанию – аланы, свевы и наконец вестготы; в Германию непрерывно вливались разные готские и сарматские племена; Африкой завладел Гензерих, король вандалов. Прошло немногим более полувека после смерти Феодосия Великого, и Западная Римская империя, тогда еще столь обширная, теперь состояла из одной Италии, которой беспрестанно угрожали варвары. Ни Валентиниан III²¹⁷, наследник Гонория, ни преемники его, быстро сменявшие друг друга на престоле, не имели сил защитить империю. Они были рады купить данью удаление варваров; гордые римские императоры отдавали сестер и дочерей своих в замужество варварским вождям. В 452 году Аттила, прозванный «бичом народов», подошел к Риму. Ужас овладел городом, но на этот раз бедствие миновало его. Лев Великий, папа Римский, вышел навстречу Аттиле, умоляя его удалиться, и, к удивлению своих войск, Аттила отступил²¹⁸. Сохранилось предание, что ему в видении явились покровители Рима, святые апостолы Петр и Павел, и грозили смертью, если он не удалится.

---

²¹⁷ Валентиниан III (419–435) – западно-римский император с 23 октября 425 по 455 г. Был убит вскоре после того, как казнил своего последнего талантливый полководца.

²¹⁸ Аттила (ок. 434–453) – могущественный правитель, сумевший объединить под своей властью гуннов, остготов, герулов, аланов. Захватил и разграбил римские провинции на Балканах, вынудил Феодосия II платить дань, однако в 452 г. он подступил к воротам Рима, навстречу ему, по просьбе находившегося в сильнейшем душевном упадке Валентиниана III, вышел папа Лев I и сказал: «Аттила, ты покорил многие земли, но теперь покори себя – не трогай нашего города». Устрашенный этими словами, а также видением грозных мужей, стоявших за папой Львом, Аттила в раздумье повернул назад, а вскоре в его войсках началась эпидемия, и он снял осаду. Умер в своем лагере в Паннонии, в ночь свадьбы с Ильдекой (германкой); считают, что это была месть молодой жены за покорение ее народа. Вскоре после смерти Аттилы

Через три года после этого Гензерих осадил Рим. Опять папа Лев молил о пощаде, Гензерих обещал щадить жизнь граждан, но город предал грабежу. Его войска жгли и грабили город целых две недели. Все драгоценности римских богачей, добыча прежних побед, сокровища христианских церквей и золотые статуи языческих богов – все было перевезено на кораблях в Африку, где Гензерих утвердил свое владычество. Много знатных и богатых римлян стали рабами суровых победителей, и множество их опять было выкуплено благотворительностью христиан. В Карфагене епископ Деограциан продал церковные сокровища, чтобы помочь несчастным, превратил несколько церквей в больницы, куда помещал страдальцев.

Аттила

Но и сама Африка, находясь с 428 года под владычеством вандалов, терпела невыразимые бедствия. Вандалы овладели ею с помощью измены. Сам римский вождь Вонифатий призвал их. Кроме того, им помогали нумидийские мавры и донатисты, ожесточенные гонением. Во время осады Иппоны Гензерихом скончался блаженный Августин (430), моля Господа помочь несчастным жителям. Иппона была взята после долгой осады. Затем и Карфаген перешел во власть Гензериха, и страшные бедствия обрушились на несчастную Африку²¹⁹. К тяготе владычества присоединились гонения за веру. Гензерих был арианом и старался покорить всю страну своему вероисповеданию. Для этого он употреблял самые жестокие меры: пытки, казни, заточение, изгнание, отнятие имущества. Самые достойные епископы были лишены кафедр и сосланы в заточение в суровые пустыни или отправлены на тяжелые работы. Их кафедры отдавались арианам, которые во всем содействовали вандалам. Наследники Гензериха подражали ему, и Африка терпела все ужасы жестокого гонения в продолжение целого столетия – до тех пор пока полководец Юстиниана Велизарий не положил конец владычеству вандалов. Церковь Африки во время этого страшного гонения оказалась верной Богу. Самые страшные истязания переносились без ропота; слабые женщины предпочитали казнь отречению; святые изгнанники благовествовали слово Божие диким племенам Мавритании, и Господь иногда дивными знаменами помогал служителям Своим. Так,

---

его войско распалось.

²¹⁹ Гензерих (428-474) -вождь вандалов и аланов. В 429 г. он организовал свево-африканский поход части племени, продвинувшегося под руководством его брата до Южной Испании. Первоначально римский федерат, Гензерих после завоевания Карфагена в 439 г. основал суверенное государство, которое Западная Римская империя была вынуждена признать в 442 г., а Восточная – в 474 г. В 455 г. разграбил Рим, затем отвоевал те части Африки и острова Западного Средиземноморья, которые принадлежали Риму. В 468 г. государство Гензериха подверглось наступлению обеих частей Римской империи, но устояло, а соединенные войска вынуждены были удалиться.

например, несколько исповедников, лишенных языка по повелению жестокого короля Гензериха, продолжали громко исповедовать свою веру. Это необыкновенное событие засвидетельствовано очевидцами и вполне достоверно.

После того как Гензерих удалился из Рима, на престоле Западной империи побывало несколько восточных императоров. Но варварские вожди приобретали все больше силы, и в 476 году последний римский император, Ромул Августул, был свергнут Одоакром²²⁰, вождем герулов, который назвал себя царем народов, но и сам через несколько лет был лишен власти и жизни остготом Теодорихом (493).

К. Брюллов. Нашествие Гензериха на Рим. 1833–1836. ГТГ

И Одоакр, и Феодорик признавали верховное владычество восточного императора. Но на деле остготский король, покоритель *Италии*, победитель франков и алеманнов, был совершенно независим, и его тридцатитрехлетнее царствование было для *Италии* временем благоденствия и мира. В это время Боэций и Кассиодор старались распространять науки. Будучи необразованным и даже неграмотным, Теодорих уважал просвещение, закон и правду²²¹. Будучи арианином, он долго не преследовал православных и только под конец своего царствования омрачил свою славу гонением и несправедливыми казнями Боэция и Симмаха, которых подозревал в измене.

Восточные императоры делали безуспешные попытки освободить Запад от владычества варваров; но лишь в середине VI века Юстиниан добился этого. Он был родом славянин. Вступив на престол в 527 году, после своего дяди Юстина, успешно воевал на Востоке. С помощью полководцев Велизария и Нарсеса уничтожив владычество вандалов в Африке и Сицилии, он победил франков и алеманнов, пять раз отнимал Рим у готов и наконец утвердил свою власть в Италии (554). Затем в течение двухсот лет императоры Византии правили большей частью Италии через своего представителя, экзарха Равеннского. Рим с областью,

²²⁰ Одоакр (433–493) германский правитель Италии с 476 г.; воевал с вандалами, ругами, отвоевал Далмацию; в 489–490 гг. потерпел несколько поражений в Северной Италии и в течение трех лет был осажден Теодорихом в Равенне; после взятия города Одоакра убил сам Теодорих.

²²¹ Теодорих Великий (454—526) – король остготского государства. В детстве был в заложниках при дворе восточно-римского императора; в 471 г. основал свое государство, с 474 по 491 гг. по приказу восточно-римского императора Зенона (арианина) воевал с Одоакром, а затем основал в Италии относительно независимое от Византии государство остготов; проводил политику сближения всех варварских племен, для чего поручал разные отрасли управления различным племенам, но потерпел в этом неудачу. Похоронен Теодорих в Равенне, в двухъярусном купольном склепе, сохранившемся до наших дней.

Феррара, Анкона (город *близ* Адриатики), Неаполь и Калабрия, Равенна и острова Сицилия, Сардиния и Корсика признавали владычество восточного императора. Остальная часть Италии была в 570 году завоевана лангобардами.

Мавзолей Теодориха. VI в. Равенна

Конечно, императоры, озабоченные смутами на Востоке, не могли очень внимательно следить за делами в Италии. Их пред ставитель жил не в Риме, а в Равенне; в Риме между тем с каждым годом усиливалась новая власть, власть папы²²². На Востоке признанное равенство главных кафедр не допускало одного епископа властвовать над прочими, но на Западе никто не мог оспаривать первенства епископа Рима, древней столицы и единственной апостольской кафедры. В глазах православных христиан Рим был на Западе главным представителем и защитником истинного никейского вероисповедания. Для варваров имя Рима, всемирной столицы, имело еще более весомое значение, и римский епископ представлялся им духовной главой всего христианства. Племена, основавшие на развалинах Римской империи новые европейские государства, оказывали римскому папе великое уважение. Теодорих часто поручал папе управление Римом, и духовенство из Африки, Галлии, Испании обращалось к папе, чтобы получить от Теодориха защиту от варваров. Таким образом, папа представлялся заступником всего западного христианства. Его богатство уже было значительным и давало возможность оказывать щедрую помощь нуждающимся: во время голода, наводнения, других бедствий за помощью обращались к папе. Когда нападали варвары, он своей духовной силой укрощал ярость суровых победителей. Население Италии постепенно привыкло смотреть на папскую власть, как на единственную прочную власть в эти времена смут и переворотов, и от папы ожидать защиты и помощи. Мы увидим далее, как римские папы сумели воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами, чтобы усилить свое

²²² Папское Независимое государство, оформившись окончательно во времена Средневековья, просуществовало до 1870 г., когда его насильно присоединили к Италии. За это папа Пий IX (1846-1878) отлучил от Церкви королей Савойской династии.

значение и упрочить за собой земные выгоды и как постепенно духовная власть Рима утверждалась на развалинах утраченного им всемирного владычества.

Глава VIII

Ересь Нестория и Третий Вселенский Собор. Ересь Евтихия и Четвертый Собор. Пятый Вселенский Собор

Едва утихли на Западе споры о пелагианстве, как на Востоке началось сильное волнение по поводу лжеучения Нестория. Антиохийский пресвитер Несторий был избран в 428 году константинопольским патриархом. Его уважали за строгую жизнь, ученость и красноречие. Он проявлял великую ревность к искоренению всяких ересей. Произнося одну из своих первых проповедей, он обратился к царю со словами: «Дай мне страну, чистую от еретиков, а я дам тебе Царство Небесное; помоги мне искоренить ереси, а я помогу тебе против персов». Ариане и другие лжеучители подверглись строгим преследованиям от Нестория, малейшее отступление от церковных правил встречало в нем неумолимого обличителя.

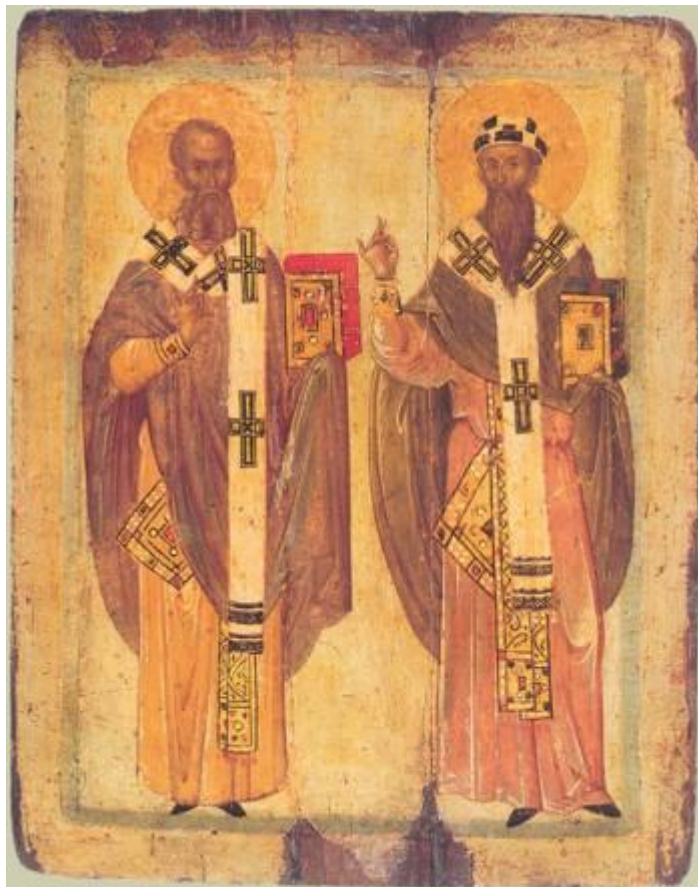
Однажды один пресвитер из патриаршего клира, произнося в церкви проповедь, высказал мнение, что Пресвятую Деву Марию неправильно именовать Богородицей. Слушатели удивились: все ожидали, что патриарх опровергнет это мнение, но он, напротив, через некоторое время подтвердил слова пресвитера и объяснил, что Пресвятую Деву следует называть не Богородицей, а Христородицей, потому что Она родила не Бога, а простого человека, с которым впоследствии соединилось Божество, за святость его жизни. Это богохульное мнение, уже осужденное Церковью в первых веках, возбудило всеобщее негодование. Пресвитер Прокл с жаром обличал неправомыслие Нестория, но Несторий продолжал отстаивать свое мнение. Один приверженный ему епископ дерзнул всенародно произнести проклятие на всех тех, кто именует Пресвятую Деву Богородицей. Негодование в народе все возрастало. Но Несторий, пользуясь благосклонностью царя и придворных, продолжал беспрепятственно проповедовать свое учение не только в Константинополе, но и распространял его в других отдаленных местах посредством написанных бесед, которые рассылал по церквам и монастырям.

Эти беседы дошли до Египта и произвели среди иноков такое волнение, что патриарх Александрийский Кирилл счел нужным принять меры к ограждению своей паствы от влияния лжеучения. В окружном послании к духовенству и к инокам он убедительно обличил ложность нового мнения, не называя, впрочем, Нестория, и написал ему письмо, в котором опровергал его мысли.

Святитель Кирилл, живший некоторое время в Нитрийской пустыне, был патриархом Александрийским с 412 года, после смерти своего дяди Феофила, того самого, который так враждовал против Златоуста²²³. Святительство Кирилла началось при трудных обстоятельствах. Новациане были сильны в Александрии и старались распространить свое учение. Кирилл изгнал их из Александрии, закрыл их храмы и отобрал у них церковную утварь. В то же самое время иудеи, ненавидевшие христиан, производили в городе смуты и буйства. Среди беспорядков, производимых ими, было убито много христиан. Кирилл изгнал и иудеев; но эти действия навлекли на него неудовольствие гражданских властей.

---

²²³ В 403 г. свт. Кирилл был вместе с Феофилом на соборе, осудившем свт. Иоанна Златоуста. Когда один из врагов Златоуста, Константинопольский епископ Атик, побуждаемый обстоятельствами и совестью, предложил Кириллу внести в церковные диптихи (помянник) имя свт. Иоанна, он отказался, будучи убежден в законности низложения Златоуста. Лишь в 418 г., благодаря убеждениям своего друга, прп. Исидора Пелусиота, влияние которого вообще смягчало суровый нрав Кирилла, он исполнил повеление Атика.

Святые Афанасий Великий и Кирилл Александрийский. Византия, начало XIV в. ГЭ

К довершению затруднений нитрийские монахи, думая, что патриарху грозит опасность, пришли в Александрию, чтобы защитить его. К ним присоединились параболаны – члены братства, очень многочисленного, издавна основанного в Александрии для хождения за больными и погребения умерших. Кирилл не сумел сдержать излишней ревности своих приверженцев, и между ними и гражданскими властями происходили иногда кровавые схватки. В одной из них некий нитрийский инок ранил префекта Ореста, бросив в него камень. Инок был замучен до смерти, но так как Кирилл не лишил его погребения, то сочли, что он покровительствует действиям своих приверженцев. Вслед за тем девица, по имени Гипатия, преподававшая философию в Александрии, была убита на улице. Гражданские власти приписали все эти события влиянию Кирилла и настроили против него императора.

Кирилл встал против Нестория, сильного покровительством царя и дружескими связями со многими епископами Востока. Несторий и его друзья были крайне недовольны письмом Кирилла и обвиняли его в желании производить смуты в Церкви. Кирилл отвечал, что ради мира и любви он готов жертвовать всем, только не истиной. «Споры начались не от моего письма, – писал он Несторию, – но от вредных сочинений, тобой или кем другим рассеянных повсюду. Эти сочинения произвели такое движение в Египте, что я был вынужден употребить такое средство, поэтому нет никакой причины тебе жаловаться на меня. Исправь свой образ мыслей, уничтожь соблазн, называй Святую Деву Богородицей – иначе будь уверен, что за веру Христову я готов терпеть все, узы и саму смерть».

Между тем в Константинополе волнение усиливалось. Все население, принимавшее горячее участие в вопросах веры, выражало негодование против мнений Нестория, но патриарх Несторий употреблял силу, чтобы удержать народ в общении с собой; своим противникам запрещал проповедовать; многих пресвитеров лишил духовного сана, обвинив их в ереси. Кирилл в письмах царю и его сестрам изложил истинное учение Церкви о воплоще-

нии Сына Божия, в то же время вступил в сношения с папой Целестином, убеждая его отстаивать истину.

Собор в Риме осудил Нестория и пригрозил низложить его, если тот не откажется от лжеучения. Это решение подтвердил Собор, созванный Кириллом в Александрии. Кирилл опять писал Несторию и от имени Собора отправил ему подробное изложение догмата Церкви, присовокупив двенадцать анафематизмов, то есть осуждение на двенадцать пунктов лжеучения. Несторий и его приверженцы опровергали анафематизмы и, в свою очередь, обвинили Кирилла в ереси. Спор ожесточался. Ни Римский Собор, ни Александрийский не могли решить дела окончательно, потому что ни римский епископ, ни александрийский не имели в Церкви первенствующей власти, и Феодосий II решил созвать Вселенский Собор в городе Ефесе²²⁴. Собор должен был открыться 7 июня 431 года в храме Пресвятой Богородицы.

Кирилл и много епископов прибыли в Ефес за несколько дней до назначенного срока. Прибыл и Несторий и, словно опасаясь за себя, выпросил у царя вооруженную стражу, которая день и ночь охраняла его жилище. Император прислал также гражданского сановника, которому велено было присутствовать на заседаниях Собора, не принимая участия в богословских прениях, но надзирая лишь за соблюдением внешнего порядка. Этот сановник держал сторону Нестория, равно как и многие из епископов. Весь Восток волновался, принимая живое участие в споре. Настал назначенный срок, но еще не прибыли ни уполномоченные от папы, ни патриарх Антиохийский Иоанн с сирийскими епископами. Знали, что патриарх и все сирийские епископы были за Нестория, и подозревали, что они медлили умышленно, для того, чтобы не участвовать в осуждении Нестория или чтобы иметь повод возражать против его осуждения, если оно будет произнесено. Прождали их шестнадцать дней, и наконец большинство епископов решило открыть Собор без них, под председательством Кирилла²²⁵. Три раза приглашали Нестория, но он отказывался, не признавая законности Собора при отсутствии некоторых епископов. Того мнения держались царский сановник и другие приверженцы Нестория. Но так как большинство было за открытие Собора, то заседания начались.

Прежде всего прочли вслух Никейский Символ веры как изложение истинного учения Церкви, а затем возражения Кирилла против Нестория и его сочинения. Все признали мнения Кирилла согласными с Никейским исповеданием, объяснение же Нестория – не согласным. Затем были прочитаны выписки из посланий великих отцов Церкви о воплощении Иисуса Христа, и Нестория единодушно осудили за неправильное учение и объявили лишенным епископства. Это определение было провозглашено всенародно и сообщено императору.

Через несколько дней прибыли антиохийский патриарх с сирийскими епископами, а затем и уполномоченные от папы. Последние признали законность решения Собора, но антиохийский патриарх с сирийскими епископами, не признав его, составили вместе с Несторием и его приверженцами отдельный собор, на котором объявили Кирилла еретиком и определили низложить его и ефесского епископа за незаконные действия; об учении Нестория умалчивалось. Это определение они послали императору как решение настоящего Вселенского Собора. Император не мог ясно понять всего дела, получая разноречивые известия. Кончилось тем, что он утвердил решения и той, и другой стороны, т. е. низложение и Нестория, и его противников, и велел взять их под стражу.

---

²²⁴ Именно в Ефесе Пресвятая Дева жила последние годы Своей жизни, поэтому царица Пульхерия и посоветовала открыть Собор там.

²²⁵ Всего приехало к тому моменту 198 епископов, 68 из которых были против начала его работы.

Когда константинопольский народ узнал о таком исходе дела, то выразил негодование. Целый сонм иноков, во главе которых был уважаемый подвижник, святой Далмат, отправился ко дворцу, чтобы просить царя вновь рассмотреть дело. Множество народа следовало за иноками. Царь обещал вызвать и выслушать уполномоченных от обеих сторон. Народ принял этот ответ с восклицаниями радости, и огромная толпа отправилась в церковь, воспевая 150-й псалом: *Хвалите Бога во святых Его!* Далмат прочел собравшемуся народу письмо, полученное им от Кирилла, с изложением всего дела, и в народе послышались крики: «Анафема Несторию!»

Царь действительно призвал по восемь епископов той и другой партии, и после внимательного исследования всего хода дела истина восторжествовала. Лжеучение Нестория было осуждено, и более двухсот епископов изъявили свое согласие с определениями Ефесского Вселенского Собора. Эти определения состояли из восьми правил. Одно из них запрещало составлять новый Символ веры и в чем-либо изменять Никейский. Догмат же Церкви о воплощении Сына Божия был выражен следующими словами: «Исповедуем, что Господь наш Иисус Христос есть Сын Божий, Бог совершенный и Человек совершенный, с душой разумной и телом; что Он прежде век рожден от Отца по Божеству, и в последние времена Он же Самый ради нас и ради нашего спасения рожден от Марии Девы по человечеству, так что совершилось единение двух естеств, ради которого единого Христа и единого Господа исповедуем».

Святитель Кирилл, возвратившись в Александрию, продолжал управлять Церковью до смерти своей в 444 году. Полный ревности к вере истинной, он заботился об искоренении в Египте остатков язычества и написал несколько замечательных сочинений. Ему приписывают составление молитвы Пресвятой Богородице «Богородице Дево, радуйся». Считают его также составителем чина часов для Великого пятка. Память его 9 июня. Несторий жил несколько лет в монастыре близ Антиохии. Но так как он не отрекался от своего лжеучения, то в 435 г. был сослан в пустынное место в Египте, где около 451 или 452 года скончался ужасной смертью. Некоторые историки утверждают, что язык его был изъеден червями.

Место Нестория занял старец Максимиан. Ему вскоре наследовал св. Прокл, ученик Иоанна Златоуста, тот самый, который с самого начала опровергал Нестория. Его святительство ознаменовалось перенесением мощей святого Иоанна Златоуста в Константинополь (438 г.) и удивительным событием, случившимся еще ранее, в 430 году. Страшное землетрясение привело в ужас весь народ. Христиане крестным ходом обходили город, моля Бога прекратить бедствие и со слезами восклицая: «Господи, помилуй!» Вдруг, во время молебствия, один отрок был поднят на воздух невидимой силой и, когда потом опустился на землю, рассказал, что видел лики Ангелов, воспевавших: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Как только это пение было повторено, то землетрясение прекратилось, и тогда же было положено употреблять эту священную песнь при богослужении.

После решения Собора споры, возбужденные Несторием, не прекратились. У него было много приверженцев, которые считали его безвинно осужденным и старались распространять учение Нестория. В доказательство его правоты они ссылались на сочинения мужей, очень уважаемых Церковью, таких, как недавно умерший Феодор, епископ Мопсуетский²²⁶, его ученик Феодорит Кирский²²⁷ и Ива, епископ Едесский. В их писаниях действи-

²²⁶ Феодор Мопсуетский (Мопсуетийский) родился ок. 350 г. в Антиохии и учился вместе с Иоанном Златоустом у знаменитого ритора Ливания; по примеру своего друга, Иоанна, тоже предался подвижничеству, но затем решил оставить уединение и жениться. Однако настойчивость Златоуста взяла верх, и Феодор вступает на стезю духовного учения и учительства. Много писал против ересей, в частности против Ария, Евномия, Апполинария. Его труды насчитывают многие десятки томов, однако до нас дошло весьма немногое. Последние 36 лет находился на епископской кафедре в Мопсуестии в Киликии. Умер в 428 г.

²²⁷ Феодорит Кирский (ок. 393 – ок. 457) также родился в Антиохии и был учеником Феодора Мопсуетского; рано поступил в монастырь, где был одним из самых образованных богословов V в.; воспитанный в глубоком уважении к подвижни-

тельно были мысли, близкие к лжеучению Нестория. Феодорит, один из самых уважаемых епископов Сирии, долго держал сторону Нестория и письменно возражал анафематизмам Кирилла, но потом сознал свои заблуждения, равно как и Ива Едесский, который когда-то в письме защищал Нестория. Приверженцы Нестория, выписав из сочинений этих святителей все то, что подтверждало их мнения, распространяли эти выписки, переводили на разные наречия, выдавая их за истинное учение Церкви. Тогда православные епископы, в том числе и Прокл Константинопольский, произнесли осуждение неправым мнениям, не называя по именам тех, кому они принадлежали, чтобы не нарушить мира. Но в Сирии волнения не утихали и вызвали наконец строгие меры со стороны начальства. Некоторые несториане были изгнаны за свои противозаконные поступки. Они нашли убежище в Персии, снискали расположение царя, уверив его, что православные враждебны ему, между тем как они, гонимые в империи, будут ему верными подданными. Пользуясь его покровительством, они открыли большое училище в Едессе и старались подготовить проповедников для распространения своего учения. Действительно, несторианство стало распространяться в Египте, Сирии, Индии, проникло даже в Татарию и в Китай. Варсума, один из самых ревностных несториан, жестоко преследовал православных христиан в Персии, предавал их казни, отнимал у них церкви и ставил в них несторианских епископов²²⁸. Впоследствии, усилившись, несториане поставили в Ктезифоне патриарха, которому дали наименование католикоса²²⁹.

Вскоре возникли и в Константинополе новые смуты. Благочестивые епископы, истинно желавшие блага и мира Церкви, боялись возбуждать богословские споры, столь опасные для христианской любви. Они знали, сколько эти споры возбуждают взаимной вражды, как часто служат предлогом для корыстных целей, орудием ненависти и честолюбия. Но, к сожалению, нашлись епископы, которые охотно возбуждали волнение именно для своих личных целей. Таков был преемник Кирилла Александрийского Диоскор. Гордый и властолюбивый, он с неприятием относился к первенству Константинопольской кафедры, хотя это первенство не давало никакой власти, и употреблял все средства, чтобы придать себе больше веса и значения. Представляясь ревностным защитником истины, он тщательно отыскивал малейшие следы ереси, беспрестанно возводил разные обвинения, осуждал то одного, то другого епископа, что производило новые смуты. Феодорит Кирский первый подвергся гонению от Диоскора, который оклеветал его перед царем и объявил ему анафему. Вскоре и другие действия Диоскора вызвали негодование всего христианского мира.

честву, он являл среди тогдашнего общества редкий пример христианского аскетизма и глубокого христианского умозрения. Смолоду Феодорит имел две наклонности: к уединению и к бедности. Последнее он осуществил полностью, потому что часть имения раздал, а другую употребил на украшение города Кира, где построил мост, урегулировав течение реки, выстроил собор, а также форум. Его заботами было обращено к истинной вере множество еретиков в Сирии. В 441 г. на незаконном соборе в Ефесе его, однако, низложили, но он нашел поддержку у папы Римского Льва. Честь Феодорита была восстановлена при императоре Маркиане, а Халкидонский Собор 451 г. принял его вновь как епископа, признав его христологическую формулу правильной.

²²⁸ Несториане есть в Персии и до сих пор, под именем «халдейских христиан». Это имя дано им, в частности, потому, что они живут в местности древней Халдеи, а частично оттого, что употребляют халдейское наречие. Несториане в Ост-Индии известны под именем *христиан-фоми-тов*, от Фомы Варсумы. Некоторые историки предполагают, впрочем, что это имя они носят в память апостола Фомы, первого благовестника в Индии.

²²⁹ Католикос (греч. «вселенский») у несториан появился в результате их собора 499 г., когда они полностью отделились от Вселенской Церкви.

Святитель Флавиан Константинопольский. Икона

В одном константинопольском монастыре был в то время архимандритом Евтихий, объявивший себя ревностным противником Нестория. Но, опровергая лжеучение Нестория, он сам впал в противоположную крайность и стал утверждать, что в Господе Иисусе Христе человеческое естество было совершенно поглощено Божеством и потому в Нем следует признавать только одно Божеское естество. Некоторые епископы обвинили Евтихия в ереси перед Флавианом, Константинопольским патриархом, преемником Прокла, и один из них потребовал, чтобы мнения Евтихия были подвергнуты рассмотрению на Поместном Соборе, который именно в это время происходил в Константинополе. Кроткому и миролюбивому Флавиану очень не хотелось поднимать спор. Он знал, как легко в таком отвлеченном вопросе придать всякому необдуманному выражению значение ереси. Боясь нарушить только что водворившийся мир, он всячески старался частным образом привести Евтихия к осознанию своего неправомыслия, но все было тщетно, и Собор должен был принять обвинения и призвать Евтихия к ответу. Евтихий несколько раз отказывался явиться. Флавиан посылал сказать ему, что ему нечего бояться, что в своих судьях он найдет снисходительность и кротость, что всякий человек подвержен заблуждению и не должен стыдиться сознаться в своих ошибках. Наконец по третьему зову Евтихий явился с вооруженной стражей. На вопросы епископов он отвечал двусмысленно, оказывал пренебрежение Флавиану, но был уличен в ереси и определением Собора лишен сана.

Но Евтихий не покорился этому решению и требовал пересмотра дела, писал ко многим епископам и, между прочим, к папе Льву Великому, обвиняя Флавиана в склонности к ереси Нестория. Папа узнал от Флавиана об истинном ходе дела и в письме изложил учение Церкви о соединении во Христе двух естеств: Божеского и человеческого. Это изложение осуждало мнения Евтихия, но Евтихий имел сильных покровителей. За него была импера-

трица Евдокия и любимец царя Феодосия II евнух Хрисанфий, ненавидевший Флавиана за то, что тот при посвящении своем не дал ему денег и на требования его отвечал, что деньги церковные должны быть употреблены лишь для нужд Церкви и для бедных. Евтихий нашел себе усердного союзника и в Диоскоре Александрийском, который был рад случаю встать против константинопольского патриарха.

Эти недостойные союзники обвинили Флавиана в ереси и убедили царя созвать собор в Ефесе. Этот собор 449 г. вошел в историю под названием «разбойничьего». Диоскор был назначен председателем, и участь Флавиана предрешилась. Имея в своем распоряжении вооруженных воинов, Диоскор привел около тысячи иноков, преданных ему, а в народе распространил слух, что Флавиан и его приверженцы разделяют единого Господа Иисуса Христа на двух, признав таким образом изложение учения Евтихия правым. Некоторые епископы изъявили желание, чтобы было прочтено письмо папы, но Диоскор этого не допустил и произнес низложение Флавиана, Феодорита Кирского, Домна Антиохийского как еретиков. Угрозами он заставлял епископов соглашаться с его решениями; некоторые были вынуждены ставить свою подпись заранее. Всякое слово Диоскора принималось его приверженцами с горячими одобрениями и вносилось в акты как определение Собора; возражения же не выслушивались и заглушались шумом и криком. Флавиан едва поднял голос, чтобы возражать против незаконного образа действий, как Диоскор призвал воинов. Они вошли с оружием, палками и цепями и вместе с иноками бросились на святого патриарха. Все громко кричали, что надо сжечь или рассечь надвое еретиков, которые дерзают разделять Христа. Патриарху Флавиану нанесли столько тяжких ран, что через три дня он скончался²³⁰. Диоскор произнес и над папой отлучение от Церкви. Среди шума и смятения кончился этот незаконный собор, справедливо клейменый названием «Ефесского разбоя».

Император, обманутый превратным изложением дела, подтвердил определения незаконного собора. Но со всех сторон поднялись возражения и негодования. Епископы жаловались на принуждение и насилие. Уполномоченные от папы, возвратившись с собора в Рим, рассказали там о незаконных действиях Диоскора. Папа Лев и множество восточных епископов убеждали Феодосия II созвать Вселенский Собор, но он внезапно скончался, и уже его сестра Пульхерия и ее супруг император Маркиан в 451 году созвали Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне.

Заседания Собора происходили в церкви св. мученицы Евфимии, при участии 630 епископов, в присутствии императора и императрицы. Председателем был патриарх Анатолий, преемник св. Флавиана. Ересь Евтихия была осуждена, Евтихий и Диоскор изгнаны; епископы вновь повторили осуждение ереси Нестория, и после прочтения письма папы Льва был изложен догмат, что «Иисус Христос есть истинный Бог и истинный Человек; по Божеству Он вечно рождается от Отца и во всем Ему подобен; по человечеству же Он во времени родился от Пресвятой Девы Богородицы и во всем подобен нам, кроме греха; по воплощению Он имеет одно лицо и два естества, соединенные в Нем неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно». Халкидонский собор подтвердил определения бывших прежде трех Вселенских Соборов и семи Поместных и равенство Константинопольской кафедры с Римской, которой она уступала только место. Всех изложенных правил было тридцать. В Соборе принимали участие и уполномоченные от папы.

Но и Халкидонский Вселенский Собор не прекратил смут. Последователи Евтихия, монофизиты, как их звали (это слово значит «однoестественники»), распространяли повсюду превратное мнение, будто Халкидонский Собор признал учение Нестория, и производили смуты и раздоры. Многочисленные приверженцы Диоскора приняли с ропотом нового патриарха Протерия и через некоторое время умертвили его. В Палестине и Сирии

²³⁰ Его память Православная и Католическая Церкви чтут 18 февраля.

евтихиане смущали и увлекали за собой множество народа. Пустынные обители волновались; не раз доходило до кровопролития между враждующими. Императрица Евдокия, вдова Феодосия, жившая в Иерусалиме, покровительствовала Евтихиейской ереси. Еретики изгнали иерусалимского патриарха Ювенала, поставили на его место инока Феодосия, который преследовал православных и старался распространить Евтихиейскую ересь.

Четвертый Вселенский собор. Фреска из Собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, V в.

Через тридцать лет после Халкидонского Собора император Зенон (правил с 474 по 491 гг.), желая примирить враждующие партии, повелел составить и издать так называемую «формулу соединения» (Енотик), в которой догматы четырех Вселенских Соборов подтверждались, но о двух естествах умалчивалось. Но эта мера не произвела желаемого действия; споры продолжались. Монофизиты разделились на множество разнообразных сект, враждующих и с православными, и между собой. Некоторые антиохийские патриархи были заражены ересью. Так, патриарх Петр Фулон утверждал, что не одно лицо Божества воплотилось и страдало, а вся Троица, поэтому к пению Трисвятого («Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный») прибавлял: «распныйся за ны». Его последователи составили особую секту, и много было по этому поводу печальных раздоров и даже кровавых схваток. Это учение приняла отчасти Армянская Церковь, не признававшая Халкидонского Собора. Император Анастасий тоже не признал этого Собора²³¹ и гонениями старался распространять свое мнение. Произошли несогласия между Восточной Церковью и Римской. Римский папа, осудив патриарха Акакия, вычеркнул из диптихов его имя.

Еретики утверждали, что не признают Халкидонского Собора потому, что им будто бы оправдана ересь Нестория, так как Собор не произнес осуждения мнениям Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, в которых было много сходного с учением Нестория. Это утверждали и несториане и считали себя оправданными Халкидонским Собором. Распри продолжались уже более ста лет, когда наконец император Юстиниан созвал в Константинополе Пятый Вселенский Собор в 553 году.

Для этого и папа Виталий был призван в Константинополь. Долго продолжались прения, споры и разногласия папы с восточными епископами. Его положение было затруднительным, потому что он опасался потерять свой престол за противодействие сильному и в

²³¹ Как и Зенон, император Анастасий I (правил в 491—518 гг.) был еретиком.

Италии, и на Востоке Юстиниану. С другой стороны, Церкви Армянская и многие в Италии не разделяли мнения Востока. Но наконец из убеждения ли или под страхом угроз и власти императора Виталий уступил. Собор из 165 епископов под председательством Константинопольского патриарха Евтихия, рассмотрев дело о «трех главах», или о трех учителях Сирской (Сирийской) Церкви, осудил Феодора Мопсуетского и те мнения Феодорита Кирского и Ивы, которые оказались сходными с лжеучением Нестория. Собор повторил осуждение Нестория и Евтихия, некоторых мнений Оригена и торжественно подтвердил постановления Халкидонского Собора. Папа Виталий, проживший по этому поводу целых семь лет в Константинополе и претерпевший заточение, был наконец отпущен в Рим после того, как выразил свое согласие с постановлениями Собора, но умер в пути. Его преемник, Пелагий, признал Пятый Собор, однако за это признание Церковь Африканская и Церкви в Аквилее, Милане, Равенне, Истрии, Венеции отделились от Римской Церкви. Этот раскол прекратился не ранее 698 года, когда Собор в Аквилее признал Пятый Вселенский Собор.

На Востоке смуты тоже не прекратились. Монофизиты продолжали производить волнения. В Египте из ненависти к империи они изгнали греческий язык из церковного употребления; в Персии, Сирии, Армении они помогали врагам империи. Впоследствии, при избранном ими епископе Иакове Барадея²³², они очень усилились и стали называться иаковитами. Другая часть их называлась феодосианами, от имени александрийского патриарха, который благоприятствовал им, а позднее коптами. Под этим названием они существуют и донныне. Бесчисленные секты монофизитов враждовали между собой и повторяли заблуждения, давно уже осужденные Церковью. Сам император Юстиниан, хотя и ревностный к истине, на время увлекся лжеучением одной из монофизитских сект, утверждавшей, что тело Христово было нетленно и не могло, следовательно, подвергаться страданию. По этому поводу подверглись гонению св. Евтихий Константинопольский и св. Анастасий, патриарх Антиохийский. Оба с мужественной твердостью защищали истину против Юстиниана, и Евтихий был сослан в заточение. Перед смертью Юстиниан познал свои заблуждения, раскаялся и поручил наследнику, Юстину, вернуть исповедника. Святой Анастасий был тоже изгнан по проискам врагов. Споры и смуты продолжались еще чрезвычайно долго. Возникали постоянно новые лжеучения. Из ереси монофизитов возникло впоследствии лжеучение монофелитов, и тот же спор о соединении двух естеств в лице Иисуса Христа был обсуждаем еще через 130 лет на Шестом Вселенском Соборе.

---

²³² Он получил этот сан благодаря настойчивым усилиям Феодоры, жены императора Юстиниана I.

Глава IX

Христианство в Персии, Армении и Иверии

Религиозные смуты, волновавшие Константинопольскую Церковь, тяжело отозвались на Востоке – в Персии и Армении.

После гонения на персидских христиан при Сапоре для них настало более спокойное время. В начале V века их положение улучшилось вследствие того, что один благочестивый месопотамский епископ, святой Маруфа, приобрел сильное влияние на персидского царя Издегерда, которого вылечил от тяжелой болезни. Издегерд прекратил преследование, позволил христианам строить церкви и свободно совершать богослужение. Но излишняя ревность одного епископа нарушила общее спокойствие. Авдий, епископ города Сузы, сжег капище, в котором персы поклонялись огню. Царь потребовал от епископа восстановления сожженного храма, но Авдий отказался, решив, что лучше умереть, чем возобновлять языческий храм: он был казнен. Разгневанный царь велел тогда разрушить христианские церкви, и вслед за тем началось гонение (418), которое с краткими промежутками продолжалось тридцать лет. Оно достигло крайней жестокости при наследнике Издегерда, Варане. Персидские волхвы (или маги) побуждали правительство и народ к самым жестоким действиям. Придумывались ужасные истязания: христиан заживо зарывали в землю, сдирали с них кожу, но они проявляли мужество и терпение, которые удивляли самих мучителей.

Между лицами, окружавшими царя и занимавшими при дворе важные должности, оказалось много христиан. От них потребовали отречения, но они предпочли смерть. Один из них, Гормиздас, говорил царю: «Какая тебе будет выгода, если я соглашусь на требование твое? Кто согласен отречься от Всемогущего Бога, Творца своего, тот будет ли надежным служителем земного царя?» Его лишили сана, имущества и послали пасти стада, думая тем самым склонить к отречению. Но Гормиздас остался верен Богу и был казнен. Диакона Вениамина после тяжелых мучений заключили в темницу. Ему предлагали жизнь и свободу при условии не проповедовать веры Христовой, но он отказался. «Моя обязанность – сообщать другим свет, который я получил, – отвечал он. – Евангелие произносит строгое осуждение тому, кто скрывал вверенный ему талант». И он скончался мучеником.

Христиане Восточной империи горячо сочувствовали страданиям своих братьев в Персии и старались оказать им всякую помощь. Спасавшиеся из Персии бегством находили приют и помощь в пределах Восточной империи. Варан, узнав об этом, велел усилить пограничную стражу, задерживать беглецов и стал требовать от императора Феодосия II выдачи всех тех, кто нашел убежище в его областях. Феодосий отказал, и началась война. Положение христиан стало еще хуже. Наконец, озлобление Варана против них было побеждено великодушным поступком епископа Акакия. Семь тысяч персов томились в плену. Епископ Амиды Акакий, собрав клир, предложил продать золотые церковные сосуды, чтобы прокормить и выкупить пленных, что и было сделано. Этот поступок чрезвычайно поразил Варана. Он понял, каков истинный дух той веры, которую он преследовал, велел прекратить гонение, призвал к себе Акакия и вскоре заключил мир с Феодосием. До своей смерти он оказывал покровительство христианам, но его наследник, Издегерд II, возобновил гонение.

Монастырь Дадиванк. Армения

Первый повод к этому подали волнения в Армении. Одна часть Армении находилась под владычеством персов, другая признавала власть восточных императоров. Как страна христианская, она была более предана империи, с которой находилась в постоянных сношениях по делам Церкви, так как и армянские епископы, называемые католикосами, долго принимали рукоположение от архиепископа Кесарийского. Персы старались противодействовать влиянию христиан, преследуя христианскую веру, сжигая греческие книги и стараясь убедить народ, что древнее богопочитание было лучше. Со своей стороны христиане усердно заботились о распространении и утверждении истинной веры. При мудром и благочестивом армянском царе Врамшапуге (392) начался золотой век просвещения Древней Армении. Армянский архиепископ Исаак и его друг Месроб посвятили переводу Св. Писания всю свою жизнь. Они составили армянскую азбуку (406), перевели Библию, завели множество школ и тем положили прочное основание образованию в Армении. Их заботами было переведено на армянский язык множество творений отцов Церкви, и из их училищ вышли люди замечательные по всем отраслям знания. Так, Моисей Хоренский, первый историк Армении, был одним из воспитанников Исаака и Месроба. Такая же благотворная деятельность продолжалась и при патриархе Иосифе, хотя уже к тому времени персы полностью овладели Арменией. Эти труды были не тщетны. В Армении пробудилась горячая ревность к вере, и когда Издегерд II стал жестоко преследовать христиан, то многие из них собрались в городе Ардашаде (450) и под председательством католикоса и епископов составили и подписали изложение веры, которое было подано правителям. Оно заканчивалось следующими словами: «От этой веры не могут отклонить нас никакая власть и никакая сила, ни Ангел с Небес, ни земной владыка, ни огонь, ни меч, ни страшнейшие истязания. Достояние наше – в ваших руках; располагайте им, как хотите, и если вы только не коснетесь веры нашей, то мы на земле не признаем другой власти, кроме вашей, точно так, как на Небесах не хотим иметь другого Бога, кроме Бога истинного. Если же станете иначе поступать, то знайте наше решение: тела наши в вашей власти, терзайте нас, мы все стерпим; мы покорно преклоним головы под ваши секиры; мы не лучше отцов наших, которые отдали за веру жизнь и достояние... Вера же наша не от человека, и нас нечего учить, как детей; мы неразрывно соединены с Богом, от Которого нас ничто и никто не разлучит, ни теперь, ни в будущем, ни во веки веков».

Действительно, все усилия персов уничтожить в Армении христианскую веру оказались тщетными, и гонение только вызвало народную войну и восторженную решимость жер-

твовать всем ради святой веры²³³. Множество христиан прославило Господа мученической смертью, в том числе и епископ Иосиф. Монастыри, храмы были разрушены. Красноречиво описали армянские историки бедствия христиан в Армении и Персии. Оплакивая прекращение династии католикосов из рода Григория Просветителя, Моисей Корейский восклицает: «Плачу о тебе, Церковь Армении, лишенная великолепия престола, великодушного пастыря и мудрого сподвижника. Жилища наши в развалинах, имущество в руках грабителей, вельможи в оковах и народ в угнетении; грады взяты, села преданы пламени и грабежу: везде голод, болезнь и смерть».

Подверглась разрушению и резиденция Эчмиадзинских патриархов. Когда миновало гонение, патриархи стали пребывать в новой столице Армении, Товине, недалеко от Арабата. К бедствиям, претерпеваемым Арменией от ее притеснителей, добавились вскоре внутренние смуты из-за вопросов веры.

Монастырь Дадиванк. Армения

С самого своего обращения Армения была в постоянных сношениях с Восточной Церковью, и главные епископы (католикосы) принимали рукоположение от архиепископа Кесарийского. Представители Армянской Церкви участвовали во Вселенских Соборах и подписывались под их постановлениями. Христианская церковь в Армении твердо держалась учения Православной Церкви. Но с тех пор как Армения подпала под власть персов (428), сношения с Константинополем затруднились и, наконец, были совершенно запрещены. Епископы перестали ездить в Кесарию для принятия рукоположения: на Халкидонском Соборе представители Армянской Церкви не присутствовали. Вскоре в Армении прошел слух, будто Халкидонский Собор, осудив и отвергнув ересь Евтихия, принял ересь Нестория. Эти слухи были тщательно распространяемы врагами Церкви. Узнать правду было трудно, так как сношения Армении с империей были прекращены, и это ложное мнение утвердилось. Действия императоров Зенона и Анастасия еще больше усилили в империи церковные смуты. Эти волнения отозвались и в соседних странах, в которых еретики распространяли свои ложные толкования. Дошло до того, что в Армении Поместный собор произнес анафему на учение, якобы одобренное Халкидонским Собором. Через сто лет опять и еще более решительно была произнесена анафема на Халкидонский Собор и на всех, принявших его постановле-

²³³ Персы, думая отторгнуть армян от Византии, по сути спровоцировали там восстание 451 г. Огромная людская масса под предводительством князя Вардана Мамикояна встретила персидское войско на Аварайской равнине. Армяне были рассеяны, но и персы отказались от идеи полного покорения.

ния. Таким образом из-за недоразумения и ложного толкования Армения отпала от Вселенского Православия.

Временами, когда это позволяли обстоятельства, Греческая Церковь делала попытки вернуть отпавших к истинному учению. Созывались Соборы. Некоторые епископы Армении признавали свои заблуждения, но другие отстаивали ложные мнения, уже освященные давностью времени. Происходили волнения, смуты, одна партия обвиняла другую в ереси, предавала анафеме. К церковному вопросу примешивались политические страсти, неприязнь греков и армян усиливала раздор. В 629 году собор в Товине под председательством католикоса, рассмотрев тщательно постановления Халкидонского Собора, признал его. Через тридцать лет после этого другой собор предал анафеме и Халкидонский и Товинский Соборы. Армения в это время уже была во власти аравитян, которые овладели ей в 630 году.

* * *

Обратим теперь внимание на другую страну, близкую к Армении, – Иверию (или Грузию).

Мы уже рассказывали о просвещении Иверии в начале IV века. До V века Иверская Церковь состояла в зависимости от антиохийского патриарха. Благочестивые цари Вакурий,

Митридат, Арчил, Вахтанг I Горчасал (♣ 502 г.)²³⁴ заботились о распространении веры, умножали число кафедр, старались искоренить остатки язычества, устраивали училища. Христианское просвещение в этой стране быстро достигло высокой степени. При училищах занимались переводом богослужебных книг с греческого языка на иверский (грузинский), и уже в первой половине V века, в царствование Арчила, по желанию царицы Сандухты был переведен на грузинский язык весь Новый Завет. Армянский ученый, Месроб, составивший армянскую азбуку, изобрел и грузинскую.

---

²³⁴ Царь Вахтанг I много сделал для объединения Грузии и уничтожения огнепоклонства; он совершил паломничество в Иерусалим и настоял у антиохийского патриарха, чтобы высшее духовенство в Грузии было национальным, а не присылалось из Византии, чем положил начало автокефалии Иверской Церкви. Был убит в бою.

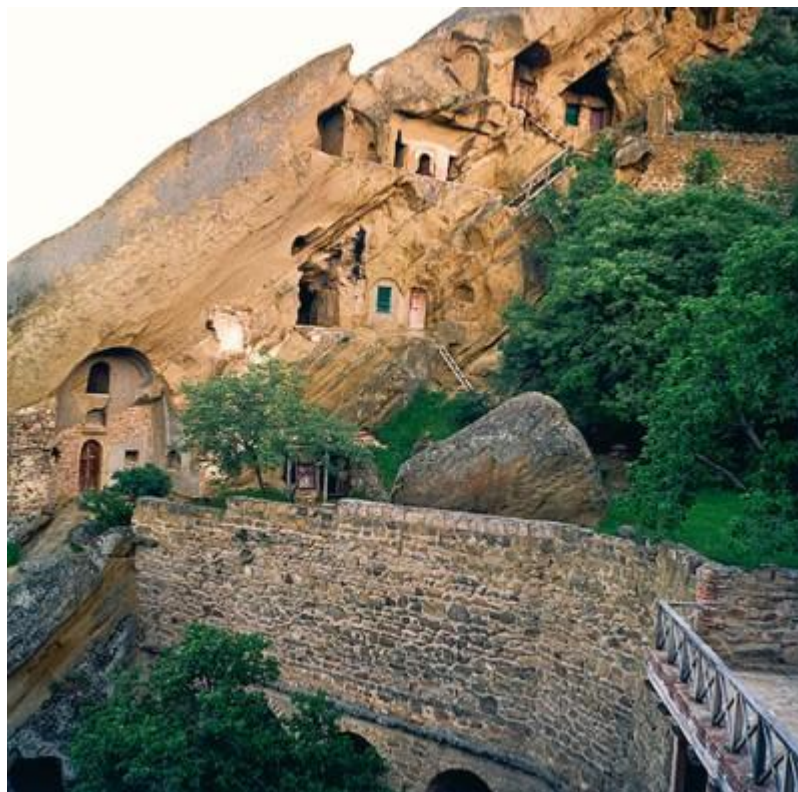
Грузинский царь Вахтанг I

Ревность к науке и к христианскому просвещению, так сильно пробудившаяся в эту пору в соседней Армении, одушевляла и иверцев. Иверский архиепископ Петр во второй половине V века усердно заботился о просвещении страны, умножал число школ, велел исправить богослужебные книги, искаженные переписчиками, и перевести много новых, посылал благовестников в соседние области: в Мингрелию, Имеретию, Кахетию, Колхиду и в другие кавказские области. Заботился о распространении веры и просвещения и царь Вахтанг I, основатель города Тифлиса (Тбилиси), сделавшегося с 499 года столицей грузинских царей. Новая столица была украшена богатыми церквами. Древнейший из храмов – Метехский, во имя Божией Матери. В Иверии вообще было много храмов, посвященных Богородице, потому что Она считалась покровительницей Иверской земли. Древнее предание гласит, что когда апостолы бросили жребий, кому куда идти благовествовать, то жребий Пресвятой Богородицы выпал на долю земли Иверской и Горы Афонской. Древняя столица Михет осталась митрополией архиепископов.

Давидо-Гареджийский мужской монастырь. VI в. Грузия

В конце же V или в начале VI века в Иверию из Сирии прибыли тринадцать святых подвижников, которых чтит Иверская Церковь²³⁵. Поселившись в пустынных местах, они просияли святостью и мудростью, собрали вокруг себя учеников, основали монастыри, обращали к Христу соседей. Некоторые из них пострадали за веру во время набегов персов, которые огнем и мечом опустошали несчастную Иверию, стараясь склонить христиан к огнепоклонству. Немало терпело государство и от своих соседей, которые, воюя между собой, мимоходом задевали и ее. То Иверию опустошали персы за дружеские отношения к Византии, то греки – за сношения с Персией. Проникали в Иверию и лжеучения, волновавшие соседние страны. В V веке один из ее архиепископов оказался склонным к арианской ереси и старался распространять свои заблуждения, но, уличенный в лжеучении, был отлучен от Церкви. Пытались проникнуть в Иверию и монофизитские споры, но духовенство и миряне твердо держались православного учения, и ересь монофизитов была предана анафеме иверским католикосом Кириаком. Со второй половины V века иверские архиепископы сделались независимыми от Восточной Церкви. Как и армянские архиепископы, они стали называться католикосами. Католикос собственно значит «соборный».

Давидо-Гареджийский мужской монастырь. Пещеры

Вера распространилась и в соседних областях: в Абхазии и Колхиде. Иногда эти области имели своего католикоса, не зависимого от иверского, но частично зависимого от Восточной Церкви. Отчасти это происходило потому, что о просвещении кавказских стран заботились императоры, в особенности же Юстиниан, который послал туда греческих священников и строил там церкви. Просветив верой кавказские народы, он заставил их отказаться от жестокого обращения с пленными. Но трудно было Христову веру распространять среди кавказских горцев, которые часто были отстранены от всякого сообщения с христианскими народами, подпадая под власть персов-огнепоклонников. Но и поныне в ущельях гор, на крутых скалах, в дремучих лесах Осетии, Абхазии, Сванетии видны развалины древних

²³⁵ Эти монахи прибыли по благословию св. Симеона Столпника.

церквей. Горцы оказывают уважение этим следам древней святыни и хранят память о некоторых христианских праздниках и великих святах.

Глава X

Святые подвижники и церковные писатели на Востоке и Западе

Различные ереси и расколы, конечно, сильно вредили распространению истинной веры: целые народы принимали от проповедников учения, зараженные ересью. Так, все готское племя, принявшее еще при Валенте арианство, твердо держалось этого искаженного вероисповедания. Готы, расселившиеся по всему Западу (ост- и вестготы, свевы, аланы, бургунды, вандалы), и лангобарды долго исповедовали арианское лжеучение. На Востоке арианство утратило свою силу, но зато ереси Нестория и Евтихия с их бесчисленными сектами отвлекали много христиан от истины.

Вместе с усилением и распространением лжеучений стало заметно и повреждение нравов: разврат усиливался, вражда и раздоры вытесняли христианскую любовь, суеверие заменяло истинную веру, и даже духовенство заразилось корыстолюбием и стремлением к мирским благам. Один из великих отцов Церкви, преп. Исидор Пелусиот²³⁶, писал: «Ныне звание священное сделалось средством к преобладанию; от смирения перешло к гордости, от воздержания к роскоши, от кроткого попечения о доме к самовластию. Одни дерзают продавать священство, другие покупать».

Только в монастырях и пустынных кельях еще сохранялась чистота христианского учения, развивались и сберегались для лучшего времени святые начала. В пустыню стремились самые высокие, самые светлые личности, которые не могли стерпеть разврата и не видели иной возможности бороться со злом и пороком. В пустыню бежали знатные и богатые сановники, изведавшие всю суету земного величия, ученые, знаменитые мудрецы, усвоившие всю глубину человеческого знания. Все свои богатства они приносили в жертву Христу и в тишине созерцательной жизни приобретали более прочные богатства: христианскую мудрость и смирение. Постоянная молитва, неустанное стремление души к Богу, изучение Писания укрепляли их духовные силы, пустынная жизнь оказывалась небесполезной и для мира. Из глубины пустынь мудрые слова подвижников руководили теми, которые среди мира увлекались страстями и сбивались с истинного пути. Из пустынь звучали слова примирения, советы, наставления, обличения неправды, и мир с благоговением внимал тем, которые ради Христа презрели величие и прелесть мира. Так, преп. Исидор, настоятель обители близ Пелузии в Египте²³⁷, постоянно следя за делами Церкви, написал из пустыни несколько тысяч писем. Обращенные к епископам, к правителям областей, к инокам, к императору, они содержат *обличения*, советы, наставления в вере и нравственности, опровергают ереси, неправильные толкования Священного Писания. Святая жизнь Исидора, его ум и всестороннее образование внушали к нему всеобщее уважение. До нас дошло более двух тысяч писем преподобного Исидора Пелусиота, замечательных как по высоте христианской мудрости, так и по красоте живого слога. Скончался святой около 436–440 гг.

---

²³⁶ Аскет Антиохийской Церкви, ученик свт. Иоанна Златоуста; в его сохранившихся письмах изложено толкование Св. Писания. Православная Церковь чтит память прп. Исидора 4 февраля.

²³⁷ Ныне вблизи этого места находится Порт-Саид, на берегу Суэцкого канала.

Святые Афанасий Афонский и Исидор Пелусиот. Фреска. Иерусалим, монастырь Креста

Одним из славных современников Исидора был прп. Арсений Великий, уроженец Рима. Как и Исидор, он родился в знатности и богатстве, но еще в ранней молодости презрел блага мира, вступил в духовное звание и совершенно предался молитве и учению. Император Феодосий Великий искал в то время наставника для своих сыновей, и ему указали на диакона Арсения, как на одного из самых ученых и благочестивых мужей Рима. Он убедил Арсения заняться воспитанием молодых князей и возвел его в звание сенатора, называл отцом императора и его детей. Роскошь окружала Арсения, множество слуг прислуживали ему, а его дворец сиял золотом, как и одежды. Но среди величия мира Арсений томился желанием подвижнической жизни и наконец на сороковом году жизни пришел в пустыню Скит²³⁸, где стал смиренным учеником Иоанна Колова²³⁹. Это был пустынный, известный твердостью духа и опытностью в духовной жизни. Когда сам Иоанн пришел в пустыню, то старец, к

²³⁸ Арсений Великий (354 – ок. 450 гг.), ревностно занимаясь воспитанием детей императора, понял, что его усилия тщетны, потому что Аркадий, не терпя строгости учителя, замыслил даже убить его; предупрежденный об этом, в 394 г. он тайно оставил дворец и удалился в Египетскую пустыню. Его житие было составлено Феодором Студитом. Скитаясь из одной пустыни в другую в поисках безмолвия, Арсений по временам возвращался в свою келью, но никто не мог постигнуть образа его жизни. Аркадий, став императором, написал письмо к преподобному, прося прощения за себя и за брата. На словах Арсений их простил, а от даров императора отказался. Когда однажды умер богатый родственник Арсения, завещав ему свое состояние, он сказал: «Я умер прежде него; как же он делает меня наследником имения своего?» Память св. Арсения Церковь чтит 8 мая.

²³⁹ «Колов» значит в переводе «увечный». Действительно, считается, что святой Иоанн был мал ростом, но велик духом и смирением. Именно он обратил к подвигу покаяния Таисию, которая вела безнравственный образ жизни (святая, преподобная; память ее 10 мая, умерла до 430 г.). Иоанн преставился около 430 г. в пустынной келье близ г. Колыгума (ныне г. Суэц). Его память Церковь чтит 9 ноября.

которому он поступил в ученики, воткнув в землю сухую палку, велел ему ежедневно поливать ее, пока она не принесет плода. Иоанн исполнял это приказание три года, и палка расцвела и принесла плод, который старец назвал плодом послушания. Иоанн вел и Арсения строгим путем отречения, и Арсений удивлял пустынников строгостью жизни и смирением. Он любил молчание, нищету, неохотно давал советы, но принимал наставления от людей самых простых и послушно выполнял повеления старших. Он постоянно молился и хранил память о смерти. Феофил, властолюбивый александрийский патриарх, умирая, воскликнул: «О, сколь блажен ты, авва Арсений, что всегда хранил в уме этот страшный час».

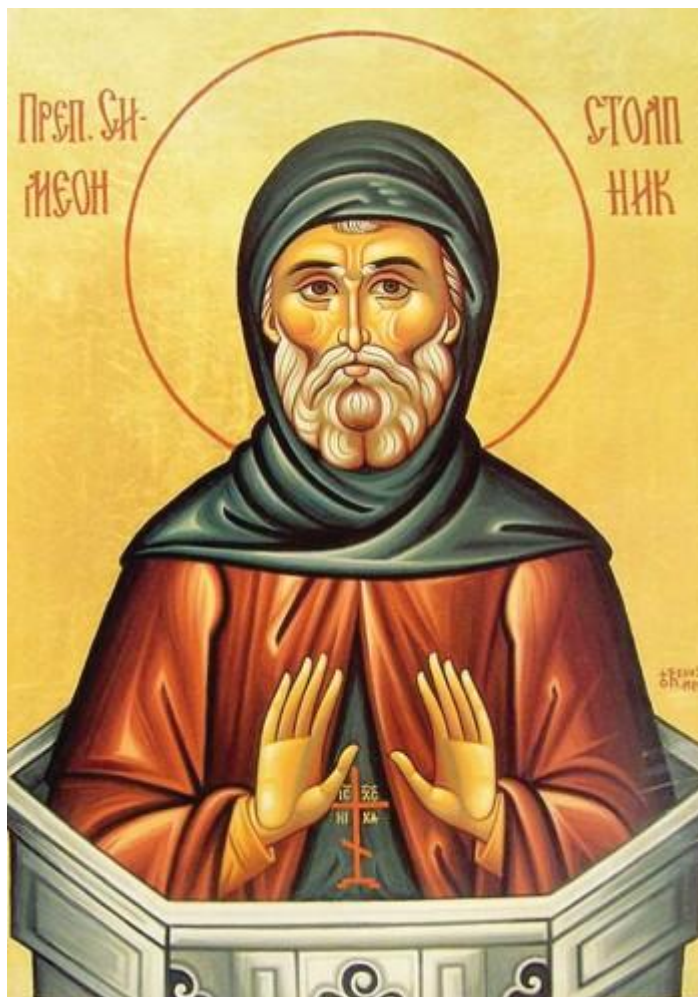

Преподобный Арсений Великий. Фреска. Монастырь Ставроникита. Св. гора Афон. Греция, XVI в.

В то же самое время жил преподобный Нил, в ранней молодости слушатель Иоанна Златоуста. Огромное богатство и знатность рода обеспечили ему блестящее положение при дворе. Уже в молодых годах он был константинопольским префектом, но, не стерпев разврата и суетности столицы, бросил мир и со своим молодым сыном Феодулом удалился в одну из синайских обителей, его жена с дочерью также отправились в одну из обителей. Тут он молился и изучал Писание, жил в тесной пещере, которую сам выкопал, питался лишь кореньями. Он оставил замечательные сочинения о духовной жизни и толкования на Священное Писание. Господь подверг пустытника тяжким испытаниям: сарацины, напав на Синайскую обитель, увели в плен его сына. Они собирались принести юношу в жертву звезде Венере, но емесский епископ выкупил его. Несчастный отец долго оплакивал своего сына как умершего и нашел его только спустя много лет. Сам Нил скончался ок. 450 г.

Египетские пустыни (Нитрийская, Скит и другие) сияли славой великих подвижников, преподобных Паисия Великого, Моисея, Пафнутия, Онуфрия Великого, Марка, прозванного аскетом из-за строгости жизни. Он написал много назидательных сочинений: «О тех, которые думают оправдаться делами», «О покаянии», «О крещении», «О различных степенях духовного совершенства». Разнообразны были подвиги святых отшельников. Иногда любовь к ближним вызывала их из глубины суровых пустынь, и они на время посещали города как наставники и проповедники. Так, например, Иоанн Колов, узнав, что одна знакомая благочестивая женщина, Таисия, из-за бедности стала вести распутную жизнь, поспешил в Александрию, чтобы, если можно, отвратить грешницу от такого пути. Он слезами и увещаниями достиг того, что в душе Таисии пробудилось раскаяние. Она решила оставить все и идти в пустыню. Господь принял ее жертву и послал ей внезапную мирную кончину. Другой подвижник по имени Серапион Синдонит посвятил всю свою жизнь спасению душ ближних. Он знал наизусть все Писание и ходил по городам и весям, проповедуя Божие слово. Однажды он продал себя язычнику-комедианту, в семье которого увидел нечто доброе, и обратил его и его жену к Богу. Потом поступил в служение к еретiku, обратил и его. Он не имел никакого имущества, кроме одной одежды и Евангелия. Наконец продал и это, чтобы помочь несчастному, которому грозили тюрьмой за долги. «Как решился ты отдать Евангелие свое?» – говорил ему один знакомый. «Я исполнил заповедь, которую оно ежедневно твердило мне», – отвечал подвижник.

В VI веке монофизитские лжеучения проникли в обители и египетские пустыни, и благочестие стало заметно оскудевать. Лжеучения еще больше распространились в Сирии, где большинство епископов было склонно к ереси Нестория. В этом обвинили и одного из замечательнейших епископов этой страны, блаженного Феодорита Кирского. Он действительно некоторое время отстаивал мнения Нестория, но потом осознал и оставил свои заблуждения. Деятельность же его как епископа принесла ему общее уважение. Он обратил к истине много язычников и еретиков, с отеческой любовью заботился о своей пастве, для пользы которой не раз подвергал свою жизнь опасности. Живя в крайней бедности, потому что раздал бедным все, что имел, он переносил с кротостью несправедливые гонения, благодаря Бога за то, что терпит их безвинно. Среди общей раздражительности, вызванной богословскими спорами, Феодорит умел постоянно хранить миролюбивое расположение духа и старался укрощать вражду и распри. Кирский пастырь был одним из самых просвещенных мужей своего века и кроме толкований на Священное Писание он оставил замечательные исторические сочинения: историю сирских подвижников и церковную историю с 322 по 450 годы. История этого периода была также описана церковными историками Сократом и Созоменом. События, следовавшие за этим временем, с середины V до конца VI века, описаны сирианином Евагрием.

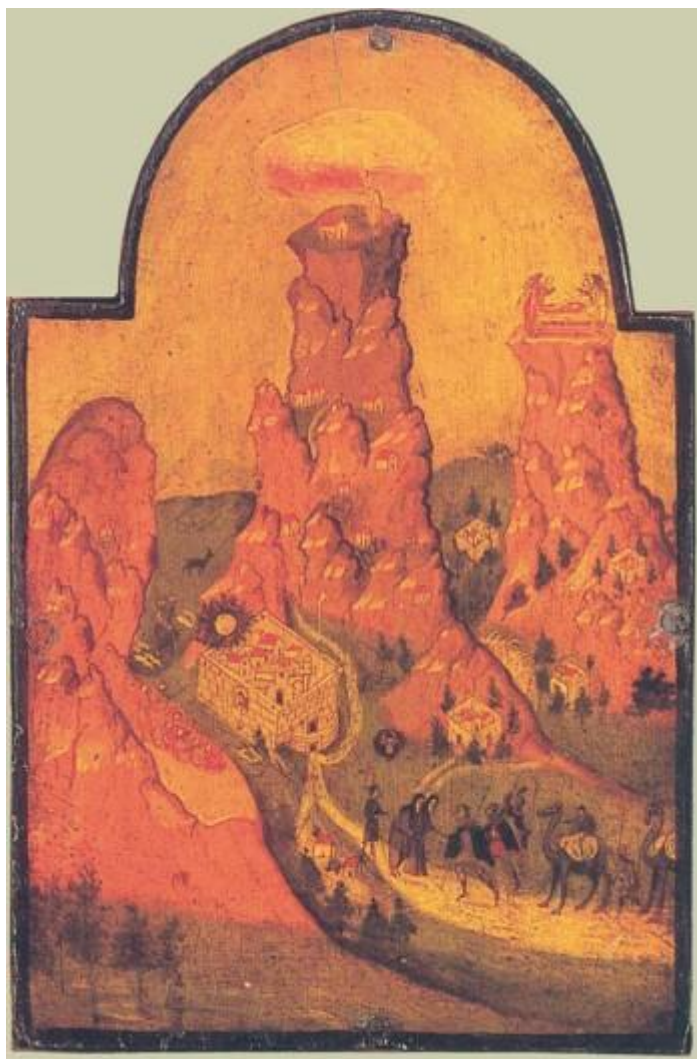
Преподобный Симеон Столпник. Икона

История Сирийской Церкви богата великими подвижниками. Особенно славен св. Симеон Столпник. Он родился в простом звании; с молодых лет дал обет служить Богу. Горя любовью к Христу, ежечасно вспоминая страдания Спасителя, он добровольно *налагал на себя* труды и лишения²⁴⁰. После многих различных подвигов взошел на высокий столп (скалу) и, стоя, проводил дни и ночи в молитве. Это было недалеко от Антиохии. Отцы-пустынники, опасаясь, не из тщеславия ли Симеон избрал такой род жизни, послали ему повеление сойти со столпа. Симеон тотчас же, без прекословия, исполнил это повеление, потому что считал, что послушание выше всякого добровольно избранного подвига. Тогда пустынники позволили ему остаться, убедившись в покорности его, что он действительно служит Богу. Симеон прожил так около сорока лет. Его слава привлекала множество посетителей. Иные пришли, чтобы послушать его назидательное слово, другие в надежде получить его молитвой исцеление от болезней. Язычники, обращенные его благовествованием, приносили идолов своих и разрушали их у подножия столпа; еретики осознавали свои заблуждения. Симеон принимал деятельное участие в делах Церкви при помощи посланий, которые читались с благоговением и гражданскими, и духовными властями. Он обратил к христианской вере много персов, аравитян, ливанитов, иверцев и скончался во второй половине V века, прославленный чудесами. Его примеру последовали его ученик Даниил Столпник,

²⁴⁰ Преподобный Симеон (356—459) родом был киликиец; до 18 лет он пас овец, а затем ушел в монастырь. Переселяясь затем из обители в обитель и ища суровых подвигов, в 429 г. он взошел на столп, на котором подвизался до конца дней, предаваясь непрестанной молитве. Некто, рассказывает св. Феодорит Кирский, решил подсчитать, сколько Симеон делает поклонов, но, досчитав до 1244, утомился, а святой все продолжал класть поклоны Господу.

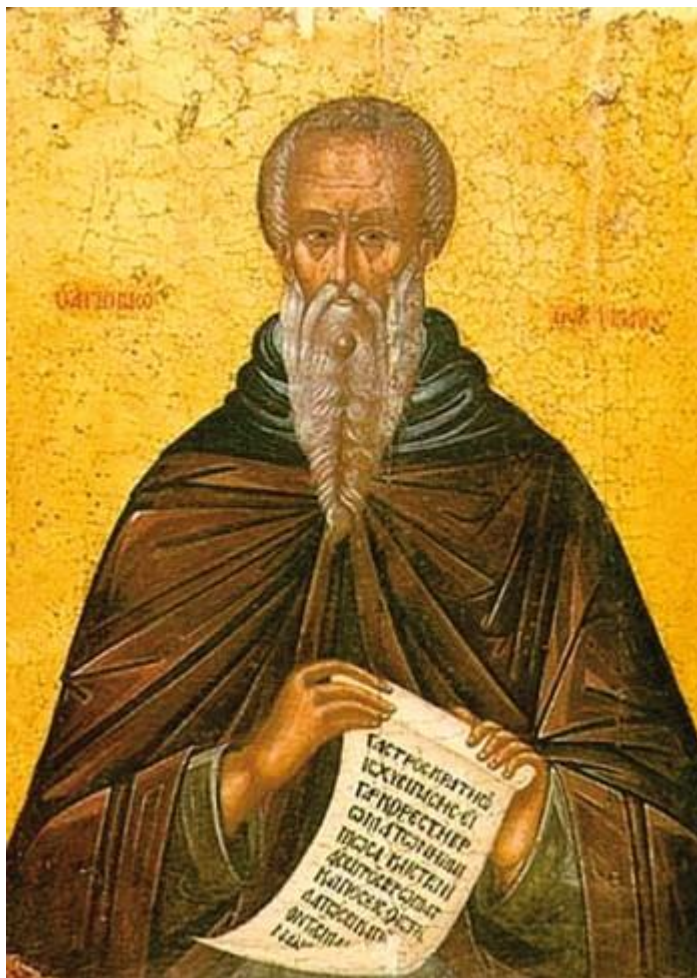
а позднее – Симеон Дивногорец, подвизавшийся на Дивной горе близ Антиохии. Сирские монастыри славились строгим подвижничеством, пока в них не проникли лжеучения. Одним из знаменитых монастырей была обитель, называемая Обителью неусыпающих, основанная св. Александром на берегах Евфрата. В ней день и ночь не умолкали славословия Господу.

Гора Синай. Крит, XVII в.

Обители в Сирии и Палестине часто подвергались нападениям сарацин, которые уводили в плен иноков и продавали их в рабство, нередко предавая мучениям и смерти. Этим бедствиям чаще подвергались синайские обители, славные благочестием своих иноков. Из синайских иноков наиболее известен Иоанн Синайский, или Лествичник, живший в VI веке. Он был игуменом Синайской обители и оставил замечательное сочинение «Лествица», в котором описывает степени духовного восхождения²⁴¹.

²⁴¹ Иоанн Лествичник – великий подвижник и учитель монашества, оставивший труд под названием «Лествица райская», в котором подробно раскрываются методы и последовательность внутренней аскетической работы, направленной на очищение и совершенствование души. Родился Иоанн около 525 года. В 16 лет поступил в Синайский монастырь, откуда впоследствии удалился в уединенную келью, а после – в пещеру у подножия горы Синай. Сорок лет подвижник прожил отшельником. Седьм старцем, в возрасте 75 лет он вернулся из уединения в обитель по просьбе общины и стал настоятелем, аввой горы Синай (отсюда другое его имя «Синаит»), Всего несколько лет Иоанн Лествичник оставался в общежитии, уча и направляя молодых собратьев по подвигу, а затем снова предпочел уединение, в котором и пребыл до конца жизни. Тем не менее сделанное им для укрепления монашеской традиции оказалось бесценным. Детальное знание глубин человеческого сознания и тонкостей сердечных расположений, обширный опыт избежания бесовских ловушек и заблуждений падшего разума, продвинул далеко вперед представления об аскетических возможностях, повел за собой новые поколения духовных ревнителей. Создавались «Лествица» и еще одно небольшое сочинение – «К пастырю» по просьбе Раифского

Преподобный Иоанн Лествичник. Икона

Фаранская Лавра тоже воспитала много благочестивых подвижников. Из нее вышел знаменитый Евфимий Великий, основатель палестинской Лавры, находившейся между Иерусалимом и Иерихоном. Святая жизнь Евфимия, его мудрость и чудотворная сила, дарованная ему Богом, привлекали к нему множество посетителей, и основанная им обитель вскоре сделалась одной из самых значительных во всей Палестине. Одно обстоятельство особенно способствовало к распространению ее славы. Во время войны с персами, когда христиане подвергались притеснениям, один персидский военачальник по имени Аспевет, жалея их, оказывал им покровительство. Но этим он навлек на себя гнев персидского царя и был вынужден оставить свою страну и искать убежище в империи. Император принял его благосклонно и поставил начальником над сарацинскими племенами, подвластными империи. У Аспевета тяжело заболел сын. Страдания юноши продолжались уже несколько лет, врачи не могли их облегчить, и несчастный отец терял всякую надежду, когда Бог чудным образом явил Свою милость. Однажды Теревон (так звали юношу) обратился с молитвой к Богу истинному. В ту же ночь ему во сне явился почтенный муж в одежде инок и сказал:

игумена Иоанна, близкого друга Лествичника. Весь путь иноческой жизни символически представлен здесь в виде непрерывного и многотрудного восхождения по «лестнице» духовного совершенства, возводящей подвижника в потерянный рай. Необычайная фундаментальность и стройность выделяют «Лествицу» среди прочих монашеских трактатов, придавая аскетике Иоанна характер строгой, приближающейся к научной, системы. Не случайно, этого сурового затворника и смиренника иногда называют Иоанном Схоластиком – за необыкновенную ученость писаний. В то же время, цель его сочинения – не теоретическая, а практическая: дать руководство в прохождении духовной жизни. Изложение чуждо риторической напыщенности, в нем автор придерживается афористической формы, умея в немногих словах выразить многое. Умер святой в 649 г. Память преподобного Иоанна Лествичника совершается 30 марта (12 апреля).

«Уверуешь ли в Бога истинного, если Он через меня пошлет тебе исцеление?» – «Уверую», – отвечал Теревон. «Так приезжай в палестинскую Лавру, где найдешь меня, Евфимия»²⁴². Теревон сообщил отцу о чудном сневидении, Аспевет повез сына в обитель преподобного Евфимия, и юноша действительно получил исцеление. Тогда Аспевет принял святое крещение вместе с семьей и другими сарацинами, значительно расширил обитель, а впоследствии и сам был настоятелем монастыря.

Один ученик преподобного Евфимия, Савва Каппадокианин, около 484 г. основал близ Иерусалима, в иссохшем русле Кедронского потока, большую Лавру, которая стала известна под названием Лавры Саввы Освященного²⁴³. Другой знаменитый подвижник, преподобный Феодосий Великий²⁴⁴, устроил между Иерусалимом и Вифлеемом общежительную Лавру. И Савва, и Феодосий твердо отстаивали истину против императора Анастасия, увлекшегося ересью, и ограждали свои обители от влияния лжеучения. Они уставами ввели в палестинские монастыри более строгий порядок, чем тот, который существовал до этого.

Савва был начальником над отшельническими обителями; Феодосий – основателем общежительных монастырей, или киновий.

Во всех этих обителях иноки вели самую строгую жизнь, посвященную молитве. В простые дни иноки Лавры св. Саввы молились по своим кельям, а накануне воскресных и праздничных дней и в сами эти дни собирались на общественное богослужение. Ночная служба накануне праздников продолжалась с вечера до утра. Савва построил в своей обители четыре храма, по числу народностей, к которым принадлежали братья, чтобы все могли слушать богослужение на понятном языке: греческом, сирском, армянском и коптском. В некоторых монастырях существовал обычай удаляться в самые суровые пустыни на все время Четыредесятницы, а иногда от середины января до Цветной (или Вербной) недели. В пустыне они питались лишь кореньями, плодами и проводили все время в уединенной молитве.

Один палестинский инок по имени Зосима во время такого странствования по пустыне однажды сподобился чудной встречи. В отдаленной суровой местности он нашел святую подвижницу, которая уже сорок лет жила одна в пустыне, стараясь молитвой, постом и раскаянием заглаживать грехи порочной юности. Она рассказала Зосиме всю свою жизнь: родилась в Александрии и с ранней молодости предалась разврату. Однажды встретились ей богомольцы, ехавшие в Иерусалим к празднику Воздвижения Креста. Она отправилась с ними, но в дверях церкви была удержана какой-то невидимой силой и никак не могла войти в храм. Тут она вдруг поняла, как грешна была ее жизнь. Раскаянье пробудилось в ее сердце, горячие слезы полились из очей. Перед образом Пречистой Богородицы, моля Ее о помощи, она дала обет оставить грешную жизнь и служить Господу. После этого она беспрепятственно вошла в церковь и приложилась к Честному Древу Креста Господня. Она услышала голос, повелевавший ей идти за Иордан. Приняв крещение, причастившись Святых Тайн, она ушла в Заиорданскую пустыню. Трудна была ее жизнь: ей пришлось выдержать тяжелую внутреннюю борьбу, знакомую подвижникам, бороться в себе воспоминания и сожаления о прежней жизни. Часто, томясь голодом и жаждой, палимая зноем, она переносилась мыслью к роскоши, которая окружала ее в Александрии, слова суетных песен приходили ей на ум, отвле-

---

²⁴² Память прп. Евфимия Церковь чтит 20 января.

²⁴³ Вплоть до V в. в монастыре служили приглашенные священники, чтобы между иноками не развился дух соперничества из-за получения сана иерея; однако со временем это стало неудобным. Одним из первых монахов-священников стал Савва Освященный (♣ 532), а в своей обители он долгое время был единственным священником. Савва составил едва ли не первый Устав для монашествующих, получивший название «Типик». Его память Церковь чтит 5 декабря.

²⁴⁴ Феодосий Великий (ок. 424-529), отправляясь в Иерусалим в поисках монашеской жизни, получил благословение Симона Столпника. По прошествии многих лет, основав уже собственную Лавру, он составил для нее Устав. Число киновитов доходило в Лавре преп. Феодосия до 700 человек. Даже спустя шесть столетий обитель больше походила на большой город. Память святого Церковь чтит 11 января.

кая от молитвы. Но подвижница неутомимо боролась с искушениями. Повергшись на землю, она со слезами и сокрушенным сердцем молила Господа помочь ей. И молитва ее была наконец услышана. После долгих лет страданий и тяжелой борьбы отшельница обрела покой. Смирилась в ней душевная буря, и она посвятила себя Господу. Рассказав все это Зосиме, она просила опять прийти на следующий год и принести ей Святые Дары. На следующий год Зосима исполнил желание святой отшельницы. Он увидел, как она перешла Иордан, ходя по воде, и причастил ее Святых Тайн. В тот же самый день подвижница перешла в лучшую жизнь. Придя еще через год, как она и просила, Зосима нашел ее умершей. Близ тела были начертаны на песке слова: «Отец Зосима, похорони здесь тело смиренной Марии, умершей 1 апреля; отдай прах праху». Это было, как полагают, в 522 г. Отшельница чествуется нашей Церковью под именем Марии Египетской 1 апреля.

Стремление к подвижнической жизни проявлялось и на Западе, но с меньшей силой, чем на Востоке. Православная Церковь глубоко чтит память преподобного Алексия, чело- века Божия, уроженца Рима. Он с юных лет, в день своей свадьбы, оставил отечество, семью, молодую супругу и огромное богатство, чтобы служить Богу в нищете и трудах. Прибыв в Едессу, он семнадцать лет жил при храме Богородицы, молясь и день и ночь, питаясь лишь подаянием. Голос с небес открыл в нем угодника Божия, и Алексей, убегая от мирской славы, опять возвратился в Рим, где, не признанный отцом, еще семнадцать лет жил вместе со слугами в роскошном отцовском дворце. Перед его смертью опять голос с неба возвестил о нем, но родители обрели своего сына уже умершим (♣ 411 г.). Его память чтится 17 марта. Император Гонорий, папа и весь римский народ поклонились телу подвижника, который предпочел смиренную службу Богу всем благам земным. Таким же путем самоотвержения и лишений шел в V веке преподобный Иоанн Кущник в Константинополе.

Мы уже говорили о том, что многие епископы Запада были приверженцами монашеской жизни. Блаженный Августин жил строгим иноком, а при своем доме устроил общество монашествующих, которые стали называться августинцами. Кассиан Римлянин (некоторые, впрочем, считают его уроженцем Херсонеса), получивший образование на Востоке, привез в Галлию обычаи восточных монастырей, которые он описал в своих книгах: «О постановлениях общежительных» и «Разговоры отцов». В Галлии устроилось много монастырей, особенно на юге, близ Марселя. Главным же ревнителем и преобразователем жизни на Западе считается преп. Венедикт Нурсийский.

Венедикт родился около 480 г. в г. Нурсии (современный итальянский город Норча) в знатной и богатой семье и получил образование в Риме. Но распущенная жизнь тогдашнего общества, его товарищей и учителей побудила Венедикта удалиться из города. Он поселился в пустыне Субиако, недалеко от Рима, и долго его убежище было известно только одному отшельнику, который делил с ним скудную пищу. Случайно пастухи открыли его пещеру, и слава о его строгой жизни проникла далеко за пределы обиталища Венедикта. Отшельник стал известен чудотворной силой и высокой христианской мудростью, и люди пошли к нему за советом и благословением. Иноки одного монастыря стали просить его быть у них настоятелем. Венедикт долго не соглашался, он предвидел, что его строгие правила не понравятся инокам, привыкшим к довольно распущенной жизни. Так и случилось. Когда он, приняв наконец начальство над монастырем, стал вводить более строгие порядки, то братья вознегодовали и один из них захотел даже отравить его. Тогда Венедикт опять удалился в пустыню и через некоторое время переселился в Южную Италию, в Кампанию. Там в некоторых местностях еще существовало идолопоклонство; на горе Касино, в роще, посвященной Аполлону, совершались жертвоприношения. Венедикт поселился тут и благовестованием вскоре обратил множество народа. Он срубил Аполлонову рощу и на том месте заложил монастырь, который под именем монастыря Монте-Касино сделался одним из значительнейших в Италии. Венедикт около 530 г. составил для иноков устав, который впоследствии был принят

в большинстве западных монастырей. Святой подвижник скончался в 543 году. Его сестра, Схоластика, инокиня, дала устав женским обителям.

Иноческая жизнь имела ревностного приверженца в лице папы Григория Великого Двоеслова, одного из замечательнейших святителей Рима. Родившись около 540 г., он происходил из знатной и богатой семьи, издавна славившейся благочестием²⁴⁵. Стремясь к подвижнической жизни, Григорий оставил высокое звание римского префекта, истратил большую часть имения на сооружение семи монастырей в разных местах Италии и сам постригся в одном из них. Но он вынужден был покинуть монастырское уединение: папа Пелагий послал его в Константинополь по делам Церкви, а после смерти Пелагия его единодушно избрали на место папы. Григорий боялся величия и власти. Он желал служить Богу смиренной подвижнической жизнью и старался отклонить от себя предложенный сан, писал императору Маврикию в Константинополь, прося его не утверждать избрание, скрывался некоторое время в горах. Но все было напрасно, и в 590 году он вступил на престол римского архипастыря. Это было трудное время для Италии: непрерывно вторгались варвары, опустошая ее области, заразные болезни, голод, землетрясения, наводнения довершали бедствия несчастного края. Но все страждущие находили в св. Григории отца и утешителя. Его милосердие не знало пределов: он раздавал бедным все свои доходы, терпя лишения, устраивал больницы, сам ходил за больными и личным примером призывал римское духовенство на такие же труды. Постоянно заботясь о распространении слова Божия, он старался дать образование проповедникам, часто произносил поучения, обратил множество лангобардов-ариан к вере истинной и своим влиянием умел укрощать жестокость этих суровых завоевателей Италии.

Делом, которое особенно прославило имя Григория, было обращение Англии. Рассказывают, что, еще будучи иноком, он однажды встретил на торжище пленных юношей, которых продавали в рабство. Он был поражен их красивой наружностью, спросил, откуда их привезли, не христиане ли они. Ему отвечали, что они англй, привезенные с далекого острова, и что они не знают Бога истинного. С этих пор мысль о благовествовании в Англии не оставляла его. Он хотел сам ехать туда проповедником, просил прислать ему в Рим молодых англичан, чтобы образовать из них благовестников. Наконец, став папой, воспользовался первым же благоприятным обстоятельством, чтобы осуществить свое давнишнее намерение.

Григорий, храня в сердце смирение, смотрел на свое звание, как на трудное служение Богу, именовал и считал себя служителем служителей Христовых. В это время константинопольский патриарх добился звания патриарха вселенского. Еще предшественник Григория, Пелагий, возбудил из-за этого спор и не захотел признать Поместного Собора, который утвердил за патриархом такое звание. Папа Григорий то же писал и патриарху Иоанну Постнику и указывал на опасность, которая может возникнуть для Церкви от преимущества одного из епископов. «Если тот, которого называют епископом вселенским, впадет в заблуждение, – писал он, – то, стало быть, вся Церковь ошибется с ним». Выражая это опа-

---

²⁴⁵ Эта семья, кроме Григория, явила миру и Церкви еще трех святых: его мать и две тетки. Пламенный ученик и последователь Венедикта Нурсийского, св. Григорий с огромным почтением относился к блаженным Августину и Иерониму, св. Амвросию Медиоланскому. Политические события времен жизни свт. Григория, многочисленные ереси, потрясавшие Восток, а также доходившие и до Запада, привели к тому, что он стремился всячески оградить и защитить вверенное ему «стадо словесных овец». Реально именно папа Григорий I сделал многое для последующего отделения Западной Церкви от Восточной. Не обостряя отношений и чувствуя известную оторванность восточных Церквей от Константинополя, Григорий берет их под свою защиту и опеку, для чего назначает своих викариев в Испанию, к франкам, в Иллирию, пытается регулировать отношения с донатистами в Африке; наконец, пользуясь неустойчивым положением на константинопольском троне императора Фоки, узурпировавшего власть, добивается от него признания положения папы Римского как «главы всех Церквей». Вместе с тем в области богословской мысли считается, что свт. Григорий упростил и вульгаризировал блаж. Августина, приблизив его к народным верованиям и представлениям. Церковь чтит память свт. Григория I Двоеслова 12 марта.

сение, папа, однако, неправильно трактовал значение звания «вселенский»: оно не давало никакой власти, как выражение почета, употреблялось и прежде в отношении епископов великих митрополий, в том числе и папы. Важно, что эти слова св. Григория осуждают позднейшие притязания римских пап, которые впоследствии присвоили себе и власть, и непогрешимость, опасную для Церкви.

Великий святитель усердно заботился о лучшем устройении церковного богослужения. Он давал уроки пения в основанной им певческой школе; его напев, употребляемый и сегодня, известен под именем пения Григорианского. Стараясь исправить римскую службу по образцу восточной, папа установил петь антифоны²⁴⁶, ввел в употребление литургию Преждеосвященных Даров в дни Четырдесятницы²⁴⁷, что уже существовало в некоторых восточных Церквях. Святитель Григорий скончался в 604 году, оставив несколько замечательных сочинений: «О Таинствах», «Правило пастырское», «Истолкования некоторых книг Библии», «Разговоры о жизни и чудесах италийских отцов». По этой последней книге, включающей беседы (или диалоги), Григорий назван Двоесловом.

Строгий и определенный порядок богослужения был в то время предметом общих забот. Многие местные церковные обычаи стали общим правилом. Так, например, обычай Антиохийской Церкви произносить Символ веры за каждой литургией был принят в VI веке как правило во всех Церквях. Ранее он читался только тогда, когда епископ оглашал готовящихся к крещению, но клир и народ испросили у Константинопольского патриарха Тимофея I (511–518) позволение петь Символ за каждой литургией. Чтение из жизни святых заменялись краткими песнями в честь празднуемого святого. Эти песни, содержавшие хвалу святому или краткое изложение прославляемого события, стали называться кондаками и тропарями. Творцом многих кондаков был Роман, прозванный Сладкопевцем. Он был пономарем при храме Богородицы в Константинополе. Полный смиренномудрия и пламенной любви к Господу, он проводил целые ночи в молитве, но был косязычен и плохо читал, и церковнослужители часто высмеивали его. Пречистая Богородица оказала ему Свою милость. Однажды, в ночь на Рождество Христово, Она во сне явилась Роману, подала свиток и велела принять его как снедь. Проснувшись, он почувствовал в сердце необыкновенную радость, а когда за утреней пришлось петь на амвоне, Роман запел сладким голосом вдохновенную песнь: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог»²⁴⁸. Все слушали с удивлением слова неизвестной им песни, и Роман поведал о бывшем ему видении. С этих пор не оставлял его чудный дар песнопения, он *слагал* вдохновенные кондаки на главные праздники Господни и Богородичные, на недели Великого поста и дни памяти святых. Он скончался около 536 г. Церковь чтит его память 7 октября.

Преподобный Авксентий, пустынный, тоже сложил много тропарей. Патриарх Анатолий в V веке сложил стихиры воскресные, праздничные в честь святых мучеников. Император Юстиниан, ревностно заботившийся о лучшем чине богослужения, написал церковную песнь Единородный Сыне и Слове Божий – в опровержение ересей Нестория и Евтихия.

²⁴⁶ **Антифон** в церковном богослужении попеременное пение двух хоров на правом и левом клиросе; первоначально антифонное пение появилось в Восточной Церкви, по преданию, еще от Игнатия Богоносца, откуда его заимствовал и впервые ввел в употребление Амвросий Медиоланский, а свт. Григорий сделал его обязательным.

²⁴⁷ **Литургия Преждеосвященных Даров** служится только в дни Великого поста: в среду и пятницу всех шести седмиц, а также в понедельник, вторник и четверг этих седмиц, если случится полиелей, и в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Отцы Церкви признали, что столь радостное священнодействие, как литургия Василия Великого или Иоанна Златоуста, неуместно в дни скорби и покаяния, а потому на Литургии Преждеосвященных Даров священнодействие Святые Дары, освященные прежде на воскресной литургии Василия Великого, и поются особые песнопения и молитвы. Однако к сегодняшнему дню полный чин литургии, составленный свт. Григорием, не сохранился.

²⁴⁸ Кондак Рождеству Христову.

Патриарх Иоанн Постник²⁴⁹ ввел обычаем петь Херувимскую песнь. Таким образом, богослужение становилось все более благолепным. Юстиниан построил много богатых храмов и, между прочим, великолепный храм Софийский²⁵⁰.

Иоанн Постник в 528 году собрал все государственные законы, касавшиеся Церкви, и правила Вселенских Соборов и издал Номоканон, или Кормчую книгу, употреблявшуюся при церковном суде.

К этому времени относится закрытие последних языческих школ, в которых преподавалась философия неоплатоников. Их влияние уже давно ослабло – с тех пор как усилились христианские школы. Когда Юстиниан велел закрыть языческие школы в Афинах, то последние преподаватели философии поехали в Персию, думая там распространить свое учение. Но их усилия оказались тщетны, и они возвратились. Однако их краткое пребывание на Востоке было не бесплодным для тех стран. Через них персы и другие восточные народы познакомились с философией Аристотеля, сочинения которого были переведены на восточные языки; несториане и монофизиты также заимствовали нечто из языческих философских систем.

Это время, впрочем, не благоприятствовало успехам просвещения: варвары опустошали и Восток и Запад, и только в иноческих обителях можно было заниматься наукой. Кроме перечисленных нами знаменитых мужей назовем еще стихотворца Аполлинария Сидония, бывшего впоследствии епископом Клермонтским, Проспера Аквитанца, папу Геласия (узнав, что манихеи в Риме, принимая Тело Христово, не принимали Крови, он предписал непременно преподносить Святое Таинство под обоими видами всем без исключения), африканских епископов Виталия и Фульгенция, Боэция, Кассиодора, бывшего первым сановником при Теодорихе и потом ставшего монахом в Калабрии и занимавшегося историческими трудами, Григория, епископа Турского, первого историка франков, пустычника Феодора Сикеота.

---

²⁴⁹ Иоанн IV Постник был Константинопольским патриархом с 12 апреля 582 г. до своей смерти 2 сентября 595 г. Сын небогатых родителей, резчик по дереву, он рано ощутил тягу к иночеству и отшельничеству, а вскоре стал известен и патриарху Евтихию, который и постриг Иоанна в монахи. Патриарх Иоанн III Схоластик сделал ревностного подвижника сакелларием (благочинного над всеми монастырями константинопольской епархии). На патриаршью кафедру Иоанна Постника возвели после его настойчивых отказов, но проявил он себя подлинно милостивым и ревностным пастырем, сострадательным к отступникам и еретикам, которых он приводил в лоно истинной Церкви собственным примером.

²⁵⁰ Церковь во имя святой Софии, премудрости Божией, построенная Константином I Великим, сгорела при императоре Аркадии, вскоре после изгнания Иоанна Златоуста. Возобновленная, она сгорела вновь в начале царствования Юстиниана, который опять выстроил ее с большим великолепием.

Император Юстиниан

Заметим, что со времени Юстиниана историки называют византийских императоров греческими²⁵¹. Греческий язык совершенно вытеснил латинский, который до того был еще языком правительства и в самом Константинополе. Все резче и резче стало обозначаться разделение между миром греческим – восточным и миром латинским – римским. По мере того как сношения между ними становились редкими, просвещение и церковная жизнь принимают совершенно разнородный характер. Самой замечательной чертой этой разницы было то, что на Востоке вся Церковь, то есть все верующие принимали горячее участие в церковной жизни как члены Церкви; между тем на Западе духовенство все больше и больше стремилось сосредоточить эту жизнь в себе: из религии делало себе орудие господства над народом, подданным Церкви, для которого вера становилась делом более внешним. Этот взгляд выражался между прочим в том, что Восточная Церковь, при обращении в христианство новых племен, усердно заботилась о том, чтобы они имели церковные книги и богослужение на понятном им языке, западные же проповедники везде вводили богослужение на латинском языке, непонятном народу.

²⁵¹ Знаменитый римский император Юстиниан (482—565) родился в маленьком иллирийском селении близ Скупи (ныне Скопье) в горной Македонии. Его родной дядя Юстин, будучи столь же простого происхождения, однако, возвысился до видного государственного чиновника, а затем был провозглашен и императором (518—527). Не имея собственных детей, он усыновил своего племянника Юстиниана и позаботился о его хорошем образовании. Юстиниан, с детства воспитанный в глубоком благочестии и истинной вере, попав в императорское окружение Анастасия I, еще до того, как его дядя стал императором, был поражен извращениями христианского вероучения при дворе еретика Анастасия. В последний год своего царствования Анастасий, воздвигнув гонение на православных царедворцев, посадил в темницу и Юстина с Юстинианом, но ночное видение и голос вразумили императора, и это спасло их жизнь. Юстиниан, вступив на престол в 527 г., своей главной задачей видел возрождение прежнего величия Римской империи, а основой его – единую православную веру. В ходе завоевательных походов Юстиниан покорил вандалов в Северной Африке (533–534), разбил Остготское королевство в Италии (535—555); варвары потеряли также значительную часть Испании. Ему удалось подчинить народы Балканского полуострова. Территория Византии увеличилась почти вдвое, ее границы стали приближаться к границам Римской империи. Она превратилась в могущественное государство Средиземноморья. Огромное внимание Юстиниан уделял богословским спорам и борьбе с ересями, причем главной целью здесь было единение власти и авторитета Церкви и императора. Юстиниан в Шестой новелле писал, что «есть два великих дара, которые Бог в Своем человеколюбии даровал свыше: священство и царство», а если и священство, и император безупречны в своих действиях, то создается «благотворная симфония» для всего человеческого рода, т.е. государство тогда будет прочным, считал император, когда оно будет нравственным. Эта его идея впоследствии стала источником многих его выдающихся деяний на пользу Церкви. Также им было развернуто грандиозное строительство: он перестроил весь Константинополь, заново отстроил храм Святой Софии. В 533 г. император созвал Пятый Вселенский Собор, который, однако, согласился на уступки монофизитам. К сожалению, супруга Юстиниана Феодора покровительствовала этой ереси. К концу жизни Юстиниан примкнул к евтихианам, которые проповедовали непричастность тела Господа страданиям и лишениям, однако перед самой смертью вернулся к истинной вере.

Храм Святой Софии в Константинополе. Современный вид

Между тем христианская вера продолжала распространяться. В V веке обратилось много иудеев на острове Крит. А случилось это так. Какой-то обманщик, который, выдавая себя за воскресшего Моисея, обещал ввести их в землю обетованную. Он собрал толпу народа на горе близ моря и велел всем бросаться в воду, обещая провести народ по морю, как по суку. Некоторые, поверив ему, утонули, другие захотели умертвить обманщика, но он скрылся. Тогда почти все они решили принять веру Христову. Но в Аравии иудеи под руководством одного омерита, называвшего себя сыном Моисея, жестоко преследовали христиан. При Юстиниане они, избрав себе царя в Самарии, страшным образом опустошали Палестину и совершали ужасные злодейства, но были усмирены строгими мерами. В VI веке христианство приняли племена, жившие близ Черного и Каспийского морей: ерулы, лазы, колхи, заны и другие.

Храм Святой Софии в Константинополе, обращенный в мечеть Фото начала XX в.

После Юстиниана состояние империи стало крайне трудным. Его наследники должны были постоянно отражать нападения аваров, гуннов и других племен, напавших на импе-

рию со всех сторон. Император Маврикий (правил с 582 по 602 г.), который восстановил на персидский престол изгнанного Хозроя II, вел неудачную войну с аvarами. Авары, взяв множество пленных, требовали за них огромный выкуп. Маврикий долго не соглашался, и каган (или хан аваров) предал смерти 12 тысяч пленных. Вскоре после этого вспыхнул в Константинополе мятеж. Маврикий, лишенный престола, вынужден был бежать. С сокрушением сердечным сознавая свои грехи, несчастный император молил Господа наказать его в этой жизни, а не в будущей, и кара была ужасной. На его место был провозглашен императором сотник Фока (602–610 гг.), человек зверской жестокости. Схватив Маврикия, он осудил его на казнь, но вначале велел умертвить на его глазах пятерых его сыновей. Тут несчастный Маврикий проявил истинно христианское величие. Покорный воле Господа, он не проорол ни слова ропота, а только молился, исповедуя правосудие Божие. И такова была в нем любовь к правде, что, когда кормилица его младшего сына захотела спасти младенца, заменив его собственным ребенком, Маврикий не допустил этого и обнаружил великодушный обман. После казни детей он сам положил голову под секиру. Это было в 602 году.

Храм Святой Софии в Константинополе

Глава XI

Начало христианской веры в Британии и Галлии

Британия, покоренная римлянами, еще в первые века христианства слышала благовествование слова Божия. Предание считает первыми проповедниками веры в Британии то святых апостола Петра, то Павла, то Аристовула и Иосифа Аримафейского. Многие предполагают, что затем с Востока прибыли новые благовестники. Это предположение подтверждается тем, что Британская Церковь долго хранила обычаи древнейших Малоазийских Церквей. Римляне несколько веков владели Британией, но никогда не могли покорить себе севера страны. В горах Валлиса, в лесах Каледонии (Северной Шотландии) и на острове Ерине, или Ибернии (нынешней Ирландии, называвшейся тоже и Новой Шотландией), жили первоначальные обитатели Британии, вытесненные с юга пришельцами: гаелами и Кимрами, больше известными под названием пиктов и скоттов. Они мужественно отстаивали свою независимость и часто тревожили своими набегами области, покоренные римлянами. Христианство почти не проникло к ним, а если и было проповедано, то утратилось и слилось с местной религией. Жрецы (или друиды) были главными правителями народа и поддерживали в нем воинственный дух и ненависть к чужому владычеству. Вольнолюбивые горцы с презрением смотрели на бриттов, покорных римской власти и римскому гражданскому порядку. В опустошительных набегах они разрушали города и везли и увозили с собой богатую добычу и множество пленных, которых частью продавали в рабство, частью использовали на полевых работах.

В первой половине V века горцы вместе с другими пленными захватили шестнадцатилетнего юношу, по имени Суккат (или Патрик)²⁵², и увели его в Ирландию. Патрик сделался рабом одного из вождей и почти шесть лет пас его стада. Он родился в южной части нынешней Шотландии, был сыном диакона и воспитан в христианском законе, но среди спокойствия домашней жизни был равнодушен к вере. В бедствии же вера его стала единственным утешением, и он беспрестанно возносился молитвой к Господу, Которого пламенно возлюбил. Он писал впоследствии: «Мне было шестнадцать лет, и я не думал о Боге, как бы не зная Его; но в чужой стране Господь открыл душу мою к святой вере; я вспомнил грехи свои и всем сердцем обратился к милосердному Богу, Который призрел меня в бедствии, сжалился над моей юностью и неопытностью, Который хранил и утешал меня, как отец сына». Это впечатление уже не изгладилось, а, напротив, крепло с каждым днем в душе Патрика, готовя будущего апостола Ирландии. Лет через шесть Патрик был освобожден, но потом опять попал в плен и был увезен в Галлию, где христиане его выкупили. Среди всех этих превратностей судьбы вера поддерживала его. После возвращения в отечество и семью Патрик решил оставить все, чтобы служить Богу, возвещая слово Божие стране, в которой жил невольником. Он опять посетил Галлию, где обозревал монастыри. Северная область Галлии (Арморика) уже тогда называлась Малой Британией или Бретанью – от британцев, переселившихся туда еще в III веке и перенесших с собой в чужой край и веру Христову, и родной язык. Вера свободно распространялась между туземцами, и Патрик мог много позаимствовать из учредившихся там монастырей.

Некоторые историки сообщают, что Патрик ездил в Рим, чтобы получить от папы благословение на проповедание в Ирландии, но это опровергается дальнейшими событиями. Это известие, почти несомненно, позднейший вымысел латинян, желавших подкрепить авторитетом древности притязания пап. Более чем через столетие после смерти Патрика

---

²⁵² Он родился между 370 и 380 гг.

папа Григорий I Двоеслов относится к Британии, как к стране, ему неизвестной. Да и власть папы в то время еще не достигла той степени, чтобы проповеднику в отдаленной стране нужно было обращаться к нему за благословением. Есть также предание, что будто еще до Патрика папа посылал в Ирландию проповедника *Палладия*, но о деятельности его не сохранилось ни малейшего известия. Деятельность же Патрика *была* в высшей степени плодотворна, и его справедливо считают просветителем Ирландии.

Знание наречия и обычаев страны очень помогло проповеднику, Бог благословил труды его, и в короткое время ему удалось обратить к истинной вере огромное число душ. Он собирал народ в открытом поле, в лесу и простыми словами рассказывал о жизни, чудесах и учении Спасителя, призывал всех к спасению и жизни вечной. Толпы слушателей становились с каждым днем многочисленнее, слова жизни озаряли и согревали сердца. Идолы низвергались, и строились христианские церкви. Жрецы возненавидели Патрика, видя успех его проповеди, которая отнимала у них прежнее влияние на народ. Не раз его жизнь была в опасности, но благовестник не боялся ничего, лишь бы преуспевало дело Божие. Чтобы упрочить успехи благовествования, он составил азбуку, выписал из Галлии книги Писания, основал несколько монастырей, чтобы в них учились наставники и проповедники. Он трудился неутомимо до самой смерти (около 460 года)²⁵³. Его святая деятельность *была* так плодотворна, что впоследствии, когда почти вся Британия утратила христианское просвещение под владычеством идолопоклонников, святые начала веры хранились и развивались лишь в Ирландии. Там, в монастырях, занимались наукой и изучением Священного Писания, много благовестников, в них воспитанных, озаряли светом истины всю Средне-Западную Европу: часть Галлии, Германии, Швейцарию, Голландию. Далекая Ирландия была известна под именем «Острова святых».

Около 420 года Рим, нуждаясь в войске для собственной защиты, вызвал из Британии свои легионы. Тогда британцам стало еще труднее защищаться от воинственных жителей севера, и они решили призвать к себе на помощь англосаксов с берегов Эльбы, смелых и предприимчивых мореплавателей, которые часто приставали к берегам Британии то для торговли, то для разбоя. Англосаксы под предводительством двух братьев, Генгиста и Горзы, высадились в Британии около середины V века, отразили северян, но за оказанную помощь выпросили себе несколько прибрежных округов и островов. Вскоре несчастные британцы убедились, что призвали к себе не союзников, а властителей. Англосаксы встали твердой ногой на чужую землю. К ним прибывали все новые и новые силы, и, уже не довольствуясь уступленными им землями, они настойчиво подвигались вперед, вытесняя туземцев, и основали несколько мелких королевств, связанных между собой союзом. Часть британцев покорилась их власти. Некоторые уехали в Арморик, где нашли родственное население. Многие искали убежище на севере, где общая ненависть к пришельцам примирила их с бывшими врагами. Воинственные горцы Северной Каледонии и Валлиса не захотели покориться чужой власти, как никогда не покорялись римским силам, и долго вели славную борьбу против пришельцев. Но силы их истощались в неравном бою. От Саксонского приморья прибывали на ладьях свежие дружины, и постепенно почти весь край перешел под власть англосаксов, кроме самой неприступной горной части Валлиса. Британия стала называться Англией – от названия одного из племен завоевателей.

Завоеватели были идолопоклонниками. Вражда покоренного племени к чужим властителям долго препятствовала распространению среди них христианской веры, да и в самих британцах она видимо оскудевала. С самого начала V века Британская Церковь заразилась ересью Пелагия. В горах севера христианская вера, отчужденная от общей церковной жизни, все больше и больше смешивалась с мифологическими преданиями каледонцев, поддер-

²⁵³ Католическая Церковь празднует память св. Патрика 17 марта.

живаемыми народными жрецами-друидами и певцами. Только неутомимая деятельность ирландцев поддерживала в стране духовную жизнь. Ревностные проповедники Ниниан, а позднее ирландец Колумба²⁵⁴ принесли слово Божие к пиктам каледонским; на прибрежных островах устроились монастыри наподобие ирландских. Среди них стал наиболее значительным монастырь, устроенный Колумбою на острове Ионе. Он сделался средоточием духовной деятельности местных благовестников; иноки занимались наукой и изучением слова Божия. Колумба, апостол каледонских пиктов, управлял всей Каледонской Церковью, соблюдая древние обычаи, сохранившиеся, по преданию, от Малоазийских Церквей. После его смерти ученики продолжали действовать в том же духе.

Из этих монастырей благовестники ходили на юг. Благовестник Вильфрид ходил из Валлиса в южные области, и часть англосаксов обратилась к истинной вере. Но вообще сближение между покоренным народом и победителями было невелико, и британское духовенство, поддерживая народную вражду, не делало почти ничего для распространения веры. Так продолжалось полтора столетия.

Между тем важные события совершались в соседней стране, Галлии, которая уже давно приняла христианскую веру. В ней было много монастырей; во всех главных городах находились епископы, которые пользовались значительной властью. В V веке римляне утратили свою власть в Галлии, и в страну нахлынули чуждые племена. Вестготы и бургунды овладели ее южными областями, саксонцы – частью северных, алеманны и франки делали беспрестанные набеги, британцы, покинувшие родину, заняли Арморику. Завоеватели значительнейшей части Галлии, бургунды и вестготы, были арианами, но не тревожили и не угнетали православных епископов, которые свободно правили Церковью и по делам церковным сносились с папой, значение которого особенно усилилось с тех пор, как большая часть западных областей перешла во власть ариан. Православные видели в нем единого сильного представителя Никейского вероисповедания на Западе, и власть его расширялась все больше и больше.

Хотя ариане и не угнетали православных, однако, духовенство в Галлии тяготилось их владычеством и потому воспользовалось первой возможностью избавиться от него. Казалось, что из всех завоевательных племен страшнее всех для Галлии должны были быть франки. Эти идолопоклонники отличались столько же храбростью в битвах, сколько свирепостью, коварством и безмерным корыстолюбием. Их набеги были опустошительными для края. Они не щадили ни старцев, ни жен, ни детей, жгли города и села, разоряли и грабили церкви. Совесть их не смущалась никаким преступлением. Однако же именно франки нашли себе в Галлии союзников в духовенстве, которое увидело возможность через них подавить еретиков и усилить свое значение.

В то время вождем франков был юноша из дома Меровингов, по имени Хлодвиг, властолюбивый и жестокий. Он был женат на христианке Клотильде, которая часто убеждала его оставить идолопоклонство и обратиться к Богу истинному, но слова ее были долго тщетны. Так же тщетными оставались и убеждения епископов, которые часто посещали лагерь франков. Однако Хлодвиг позволил крестить своего сына. Ребенок вскоре после того скончался, и это еще больше удалило короля от христианства. Но однажды, во время битвы с алеманнами при Тольбиаке, когда победа уже заметно клонилась на сторону его врагов, Хлодвиг дал обет креститься, если Бог Клотильды поможет ему. Победа осталась за ним, и он исполнил свое обещание. Реймский епископ Ремигий торжественно совершил над ним Святое Крещение (496); три тысячи человек из его дружины последовали примеру вождя.

---

²⁵⁴ Он пришел в северную Шотландию к скоттам с проповедью Евангелия около 563 г. Крестив одного шотландского князя вместе с семьей и народом, Колумба на одном из островов основал монастырь, ставший оплотом христианства в Шотландии.

Папу известили об обращении короля франков, который в знак сыновней покорности послал в Рим богатые дары²⁵⁵.

Король Хлодвиг. Династия Меровингов

Христианство, однако, нисколько не смягчило свирепых обычаев Хлодвиг и его дружины. Новый закон был принят без внутреннего убеждения, лишь из суеверия. К стыду франкского духовенства надо сказать, что оно мало старалось об его истинном обращении, просто уступило искушению приобрести власть и выгоды и ради этого пожертвовало своим нравственным влиянием и чистотой христианского учения, потворствуя порокам новообращенных. Духовенство, обрадованное обращением сильного вождя франков, что сулило ему много выгод, деятельно употребляло для того свое влияние на жителей края. С их помощью франки вскоре завладели почти всей Галлией. Епископы благословляли предприятия Хлодвиг, сопутствовали его войскам и после кровавых битв делили с ним добычу, получая от него обширные земли и сокровища, отнятые у арианских церквей. Таким образом, обе сто-

---

²⁵⁵ Константинопольский император Анастасий I в честь этого даровал Хлодвигу звание и знаки отличия консула, чего ни один варвар до этого не получал. Хлодвиг очень этим гордился. В 511 г. в Орлеане даже состоялся по его инициативе Поместный Собор.

роны находили выгоды в этом союзе: духовенство приобретало власть и богатства, Хлодвиг же прикрывал свое властолюбие и страшные злодеяния притворной ревностью к службе Божией; страдала только чистота христианского учения. Хлодвиг ходил войной на короля бургундов и овладел его землями. При этом его войска совершали ужасные злодеяния, убивали беззащитных, жгли села, грабили церкви. Но епископы называли это священной войной за веру истинную и убеждали короля бургундов оставить арианские заблуждения и обратиться к вере истинной. «Может ли быть вера истинная там, где столько свирепости и алчности?» – воскликнул побежденный вождь бургундов.

В другой раз, желая отнять у вестготов их области, Хлодвиг сказал своей дружине: «Не нравится мне, что эти готы, ариане, занимают лучшую часть Галлии; пойдем на них и с помощью Божией возьмем их земли, которые так хороши и плодородны». И вестготы были действительно побеждены с помощью епископов, которые вели тайные переговоры и побуждали народ к восстанию в пользу франков. Таким образом, шаг за шагом, почти вся Галлия была побеждена и стала называться Францией.

Церковь получила поместья в разных областях. Папа присылал тому епископу, которого считал достойнее других, омофор – как знак архиепископской власти над духовенством округа, но мало вмешивался в церковные дела.

Полное покорение страны совершилось уже при наследниках Хлодвига. Дольше всех других областей свою гражданскую и церковную независимость отстаивала Бретань. Она отказалась платить дань королю франков и признать над своей Церковью права Турского архиепископа, который от имени папы требовал себе покорности бретанского духовенства. До этого бретанцы твердо держались древних церковных преданий, привезенных из-за моря ревностными благовестниками, которые первыми распространили в их области веру Христову. Время празднования Пасхи, образ монашеской жизни и многие их обычаи были не сходны с обычаями остальной Галлии. Они ставили себе епископов, не советуясь ни с папой, ни с другими епископами. Требование Турского архиепископа удивило их, и они ответили отказом. Тот отлучил их от Церкви, но они остались к этому довольно равнодушны, не дорожа общением с теми, кого считали чуждыми пришельцами и союзниками своих врагов. Но несчастная область дорого поплатилась за свою любовь к независимости. Она постоянно опустошалась набегами франков. Епископы побуждали франкских вождей к войне с непокорным племенем как к святому делу; иноки и священники вооружались и на конях следовали за войсками, как бы освящая своим присутствием жестокие поступки победителей. Наконец и Бретань была покорена и приведена в послушание духовной власти Рима, но не ранее, чем в X веке.

Наследники Хлодвига были, как и он, христианами только по названию: кровавые летописи дома Меровингов представляют ужасную картину разврата и свирепости. Но, несмотря на это, папы, имея во франкских королях полезных союзников, относились к ним в высшей степени благосклонно, называя их «любимыми чадами своими», «старшими сынами Церкви». Каковы были вожди, такова и дружина. Грубые и необразованные франки почти уничтожили в стране даже следы того образования, которое существовало при римском владычестве. Грамота осталась в пренебрежении; война и грабеж считались главным делом жизни. Ради добычи франки разоряли гробницы, силой отбирали имущество у покоренных туземцев, в своих набегах на села уводили пленных и продавали их в рабство. Жизнь их была развратной, вера – суеверием. Подаянием в пользу церкви, сооружением монастыря, совершением какого-нибудь внешнего обряда искупали они преступления, потому что духовенство, мало проникнутое духом истинной веры, продолжало смотреть довольно равнодушно на кровавые поступки вероломства, измены и разврат новообращенных франков, требуя только наружной набожности, только покровительства служителям Церкви. Оно принимало участие в расправах князей, пользуясь ими для своих выгод, не заботилось о рас-

пространении просвещения, поддерживало выгодные для себя суеверия. Таким образом, однако, росло внешнее значение. Епископы принимали довольно деятельное участие в делах правления, угрозой отлучения от Церкви иногда покоряли своей власти самых строптивых вождей, но не имели на народ того благотворного нравственного влияния, которое могли бы приобрести, если бы меньше заботились о земных выгодах. Народ неохотно признавал слугителями Христа тех, которые являлись в союзе со свирепыми завоевателями, угнетали его и обогащались добычей. Таким образом, христианство во Франции долго имело характер внешней власти и не приносило столько благих плодов, как в других странах.

Нельзя, конечно, предполагать, чтобы оно оставалось вовсе без доброго влияния. Среди епископов были истинные слугители Христа, ревностные проповедники, которые с опасностью для жизни трудились над обращением язычников. Сила веры особенно была заметна в женщинах. Жены высших классов во Франции были в ту пору несравненно образованнее мужчин, более проникнуты духом христианской веры. Но лучшие из них удалялись от общественной жизни, полной грубого разврата, и в монастырях предавались молитве, подвигам милосердия, занимались наукой. Множество монастырей было основано женами и дочерьми франкских королей. Одним из замечательнейших был монастырь Корбий в Пикардии, основанный королевой Батильдой в VII веке.

Глава XII

Церковь в Британии. Борьба Римской Церкви со Старобританской

Прошло уже сто лет после обращения Хлодвига, когда папа Григорий I Двоеслов предпринял дело обращения англосаксов, которые к этому времени уже основали в Британии семь небольших королевств, известных под общим названием Гептархии. Все короли Гептархии были идолопоклонниками, но один из них, Этельберт, кентский король, женившись на франкской Берте, дал ей право иметь при себе епископа и свободно поклоняться Богу истинному в христианской церкви. Григорий решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством и отправил в Англию сорок бенедиктинских иноков для благовествования; во главе их был монах Августин. Папа дал ему письмо к королям²⁵⁶ и королеве франков, прося их оказать помощь проповедникам и дать переводчиков, знакомых с языком Англии. Проповедники, едва прибыв во Францию, хотели было возвратиться, потому что испугались трудностей и опасности, но увещания папы убедили их продолжать путь.

Святитель Григорий I Двоеслов

В 597 году римские благовестники пристали к берегам Англии и послали сказать кентскому королю, что приехали сообщить ему радостную весть и предложить Царство Вечное. Король позволил им жить на прибрежном острове и назначил день для совещания с ними. Он не решался принять их у себя во дворце, боясь их чар по тогдашнему суевию, и сам отправился к ним на остров, где совещание должно было происходить под открытым небом. Проповедники с торжественностью вышли к нему навстречу. Перед ними несли большой серебряный крест и изображение Спасителя. Они стали убеждать короля обратиться ко Христу, Богу истинному, обещая ему за то Царство Небесное и жизнь вечную.

Этельберт, выслушав их, отвечал: «Слова и обещания ваши хороши; но они новы для меня, и я никак не могу тотчас же оставить обычаи и веру, которые дороги и мне, и подданным моим. Но я верю, что вы приехали сюда с добрым намерением, и потому желаю, чтобы

²⁵⁶ Во Франции было два короля, потому что она была разделена на две части: Западную и Восточную (Невстрия и Австразия). К последней принадлежала часть нынешней Германии.

вам было хорошо. Я буду доставлять вам все необходимое и позволяю вам крестить тех, которые примут вашу веру».

Благовестники поселились в городе Кентербери, и вскоре их благочестивая жизнь внушила к ним общее уважение. Рассказывают, что они творили чудеса и молитвою исцеляли больных. Многие уверовали и принимали Святое Крещение. Вскоре крестился и король Этельберт. Он всенародно объявил себя христианином, но прибавил, что его пример не обязателен для его подданных и что всякий свободен исповедовать новую веру или прежнюю. Множество народа обратилось; в один день Августин окрестил до десяти тысяч человек. Богослужение совершалось в полуразвалившихся древних христианских церквях. Король дал благовестникам земли, и Августин известил папу об успехе дела и просил прислать помощников, «ибо, – писал он, – *жатвы много, а делателей мало*».

Григорий чрезвычайно обрадовался успеху дела, прислал Августину омофор, знак архиепископского сана, церковную утварь, богослужебные книги и нескольких помощников. В своем письме он убеждал Августина не гордиться успехом, а воздавать одному Богу славу и честь. Он предписывал проявить кротость и христианскую снисходительность к новообращенным и величайшую осторожность в отношении к древним обычаям страны, запрещал нарушать ради внешнего единства с Римом те местные обычаи, которые могли быть сохранены без вреда для веры.

Вскоре обратилось и соседнее королевство. Туда был послан один из благовестников и стал именоваться епископом Лондонским, по названию главного города. Григорий назначил двенадцать епископов, из которых главным должен быть епископ Йоркский, а Августину, архиепископу Кентерберийскому, представлялось первенство над всей Церковью Английской, которая признавалась подвластной Риму.

Но, устраивая такой порядок, как будто совсем забыли, что на Британских островах издавна существует христианская Церковь. Эта Старобританская (или Каледонская) Церковь, действительно мало заботившаяся о распространении веры среди англосаксонцев, имела многочисленных последователей среди старого кельтского населения, жившего на севере, в Камбрии (или Валлисе), в Ирландии и в нынешней Шотландии. Она обратила острова Гебриды и Оркней, в своих монастырях воспитывала юношество и подготовила много ревностных проповедников и ученых. Долго отчужденная от общей церковной жизни, эта Старобританская Церковь сохранила и развила в себе некоторые своеобразные обычаи. Например, праздновала Пасху по обычаю древних Малоазийских Церквей, давно уже оставленному даже на Востоке, не держалась общепринятого иерархического порядка. Значительнейшие монастыри, такие как Иона, Банкор и другие, составляли как бы религиозные общины, управляемые своими настоятелями или старейшими по особым правилам иноческой жизни. Настоятель монастыря Ионы, особенно уважаемый как преемник святого Колумбы, имел надзор и над всей Каледонской Церковью. Он вместе со своими монахами посвящал пресвитеров и определял благовестникам круг их обязанностей. Эта Церковь, национальная, независимая, имела огромное влияние на туземцев-христиан, а настоятели монастырей пользовались всеобщим уважением.

Можно предполагать, что деятельность Августина была бы успешнее и благотворнее, если бы он обратил должное внимание на старобританское духовенство и постарался бы действовать в союзе с ним, но он отнесся к нему гордо и надменно. Вообще римские посланники считали себя почти завоевателями края. Августин от имени папы послал британским епископам и инокам повеление признать его главой всей Английской Церкви и в то же время приглашал их на совещание. Это повеление крайне удивило британцев: они так давно были христианами, привыкли видеть Церковь свою независимой, управляемой собственными настоятелями, и никак не могли понять, почему им вдруг надо становиться в зависимость от чуждого им Рима. Настоятель Банкорского монастыря ответил Августину от имени

британского духовенства: «Мы всегда готовы оказывать братскую любовь и христианскую покорность всякому благочестивому христианину, всякому епископу и епископу Римскому, как и другому; но какой особенной покорности вы требуете от нас тому, кого вы называете папою или отцом отцов, мы этого не понимаем». Однако семь британских епископов и несколько иноков, преимущественно из Банкорского монастыря, решили идти на назначенное совещание. Древний летописец Англии рассказывает, что они спросили у одного уважаемого пустынника, как им действовать в отношении к Августину. Пустынник советовал покориться архиепископу, если он человек Божий.

– А как нам узнать, Божий ли он человек? – спросили они.

Пустынник отвечал:

– Если он по примеру Господа кроток и смиренномудр, если он, как ученик Господень, носит на себе иго Христа, то он и на вас не станет возлагать другого ига; тогда покоритесь ему.

Они опять спросили, по какому знаку им нужно будет судить о его смиренномудрии, и отшельник сказал, что если, когда они придут на совещание, Августин встанет, чтобы их приветствовать, то считать его человеком Божиим.

Когда британцы пришли на совещание, то Августин не встал, а повелительным тоном потребовал, чтобы они признали его главенство и под его руководством содействовали бы ему в обращении англосаксов. Оскорбленные и недовольные британцы отвечали, что не хотят входить ни в какие сношения с врагами, которые насильно отняли у них земли, пока они их не отдадут, и прибавили: «Что же касается до того, который не встал перед нами, когда он нам равный, то мы не согласимся признать его начальником». – «Если так, – возразил Августин, – если вы не хотите иметь мир с братьями, то будете иметь войну с врагами; если не хотите вместе со мной указывать путь жизни саксонцам, то они же будут для вас вестниками смерти».

На этом разошлись с чувством взаимной вражды. Угроза Августина сбылась. Спустя некоторое время один из королей англосаксонских, идолопоклонник Эдельфрид, внезапно напал со значительными силами на область, в которой находился Банкорский монастырь, победил горцев, собравшихся против него, разорил монастырь и умертвил до двухсот иноков. Новообращенные в римское духовенство видели в этом событии чудесное исполнение пророчества Августина. Но британцы были уверены, что сам Августин убедил врагов напасть на них. Еще сильнее разгорелось чувство взаимной ненависти между древней Британской Церковью и новой, Римской. Вместо того чтобы соединить свои усилия на общее благо, они действовали друг против друга. Римское духовенство считало древнюю Церковь еретической и так же ревностно старалось искоренить ее, как и обратить идолопоклонников. Британское же духовенство стало еще упорнее держаться древних обычаев, противопоставив свои предания, заимствованные от древних Малоазийских Церквей, от учеников апостола Иоанна, из постановлений апостола Петра, от имени которого говорили приверженцы Рима. Оно еще больше отчуждалось от общей церковной жизни и питало в сердцах британцев и воинственных горцев вместе с враждой против чуждых властителей глубокую ненависть к чуждой Церкви.

Быстрые успехи римских благовестников оказались непрочными. После смерти кроткого и благочестивого кентского короля Этельберга его сын возвратился к идолопоклонству. То же самое сделали и сыновья соседнего короля. Множество народа последовало примеру вождей. Проповедники подверглись гонениям. Некоторые из них, упав духом, удалились, но Лаврентий, преемник Августина, решил остаться и вскоре приобрел такое влияние на короля, что возвратил его Церкви. Другой проповедник, ревностный Паулин²⁵⁷, обратил

---

²⁵⁷ Или Паулин. Он особенно активно стал действовать с 604 г., после смерти Августина. В 627 г. Паулин положил

нортумберландского короля Эвдина с помощью его супруги, христианки. Эвдин, уверовав, собрал народное вече, или совет (Wittena-Ghemot), и, изложив перед ними причины своего обращения и главные истины новой веры, спросил мнение собрания. Большинство признало новый закон лучше старого. Один из вождей выразил свое мнение поэтическим сравнением.

– Царь, – сказал он, – иногда, в зимний день, ты пируешь со своими вождями в теплой комнате перед пылающим огнем; на дворе же вьюга, снег и дождь; вдруг в дверь влетела птичка, пронеслась быстро по комнате и тотчас же вылетела в другую дверь. Это мгновение для нее отрадно: она не чувствует ни холода, ни вьюги; но оно скоротечно: птичка пролетела быстро и опять терпит зимнюю стужу. Точно так же скоротечна жизнь человека на земле; также мгновенна в сравнении с тем временем, которое было прежде и будет после. Это время для нас темно и страшит нас неизвестностью. Если новая вера может сколько-нибудь уяснить нам то будущее время, то надо следовать ей.

Павлин, присутствовавший на совещании, изложил христианское вероисповедание, и совет, внимательно выслушав его, единодушно решил отказаться от прежних богов и принять новую веру. Сам верховный жрец вызвался истребить идолов, а Павлин обошел все королевство, крестя уверовавших.

Но непрочен был и этот успех. Эвдин погиб на войне против языческого короля Мерсии, Пенды. Христиане подверглись гонению, церкви были разорены, и на время язычество снова водворилось.

Успешнее римских посланников должны были действовать другие проповедники. Местное британское духовенство принялось теперь горячо за благовествование в англосаксонских королевствах, и начало этому благовестному делу положил молодой король Освальд. Этот юноша, брат убитого Эвдина, лишившись наследия, еще ребенком нашел убежище в монастыре Ионе и был воспитан иноками в любви к христианской вере. Достигнув зрелого возраста, он покорил себе Нортумберланд и сразу же пригласил проповедников из северных монастырей. Они охотно поехали, но несколько раз готовы были покинуть начатое дело: настолько трудно было склонить к вере Христовой сердца язычников. «Они так упорны, – говорил один из проповедников, возвратившись в Иону, – что надо совсем оставить надежду обратить их».

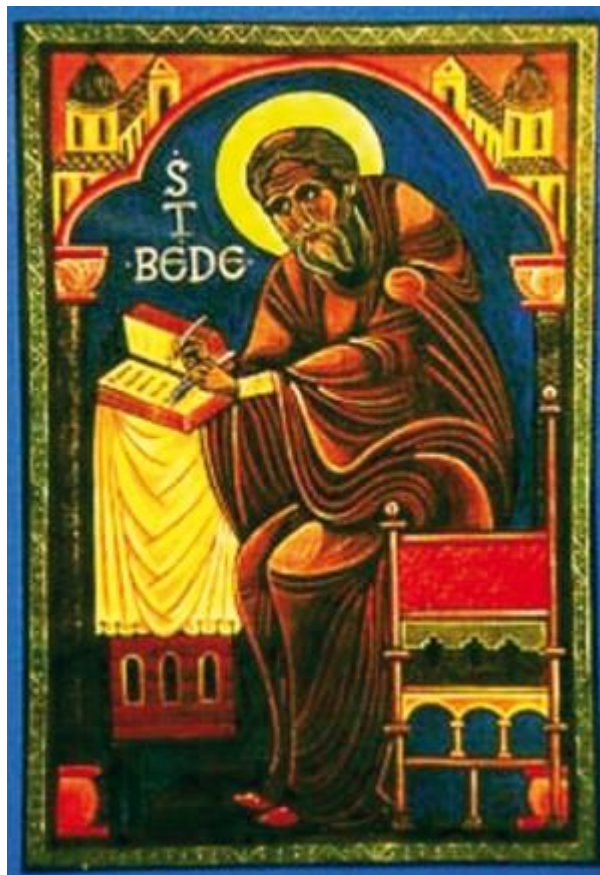
Эти слова глубоко поразили одного из бывших тут пресвитеров, Айдана. «Господи! – воскликнул он. – Могли ли бы они упорствовать, если бы была возвещена им Твоя любовь? Я пойду, я возвещу им имя кроткого Иисуса, Который не сокрушил трости надломленной». Потом, обратившись к проповеднику, Айдан сказал ему: «Брат, не слишком ли требователен был ты к начинающим? Надо было питать их молоком, пока они не окрепнут для более твердой пищи».

Старцы Ионы решили отправить в Нортумберланд самого Айдана. Посвятили его в епископы, и он скоро прибыл в королевство Освальда, который принял его с живейшей радостью. Айдан не знал туземного наречия, но сам король всюду сопровождал его, передавая его слова. Скоро весь край огласился живым словом спасения. Кротость Айдана привлекала к нему все сердца. Он и король трудились ревностно, неутомимо, с горячей любовью, и вскоре полный успех наградил их заботы: сердца суровых саксонцев были побеждены евангельской истиной, воздвиглись церкви и монастыри, и вера прочно водворилась в целой обширной области. Однако затем Освальд был убит на войне идолопоклонниками. Он предал душу Богу, молясь о спасении своего народа, который стал чтить память его как святого.

Из Нортумберланда проповедники ходили и в другие королевства, ревностно благовествуя, основывая церкви и монастыри и при этом соблюдая правила и обычаи древней Британской Церкви. Их деятельность еще больше усилилась, когда преемник Освальда, Освей,

присоединил к своей державе и другие королевства, куда им был открыт путь через его покровительство. Вера быстро распространилась.

Но их успехи вызывали негодование и зависть римских благовестников, которые, при всех своих усилиях, прочно утвердились только в одном из королевств Гептархии, в Кенте. С гневом наблюдали они за распространением и усилением Церкви, не зависимой от папской власти, и вели против нее упорную борьбу, представляя ее учение еретическим и осуждая все ее обычаи. Со своей стороны и британское духовенство не щадило римского. От такой взаимной вражды немало страдало дело веры. Британцы, раздраженные высокомерием и презрительным с ними обхождением римских пришельцев, *стали* еще упорнее держаться древних обычаев, как своих, смешивая церковное дело с чувством национальной независимости, опираясь на это чувство в народе. Народ же любил своих проповедников, близких к нему, и охотнее слушал их, чем чуждых, римских, тем более что первые отличались простотой и бескорыстием, между тем как римские благовестники охотно брали и часто даже выпрашивали дары и земли, говоря, впрочем, что просят не для себя, а для Господа, Который воздаст жертвователям лучшие богатства. Римское духовенство, не любимое народом, искало союза с королями и богатыми владельцами, обещая употребить в их пользу свою духовную силу. Папы писали к королям письма, в которых обещали и небесные, и земные блага тем, которые окажут покровительство Церкви и сыновнее послушание ее главе, папе. Они всячески старались склонить на свою сторону и высшее британское духовенство, соблазняя его богатством и властью. Такая борьба велась упорно в течение веков. Разгорались народные страсти, возникали распри в семьях, члены которых принадлежали к разным вероисповеданиям, кровь не раз лилась между враждовавшими. Рим употреблял то хитрость, то угрозы, соблазнял пышностью и властью своей, подкупал себе союзников мирскими выгодами и наконец одержал победу, хотя и не полную.

Беда Достопочтенный

Довольно подробные известия об этой вековой борьбе Старобританской Церкви с Римской сообщены первым летописцем Английской Церкви, Бедой Достопочтенным. Пресвитер и инок, он жил в VIII веке и был горячо предан Римской Церкви, уже утвердившейся к этому времени в Англии. Его безыскусственный рассказ, основанный на преданиях, сохранных в народной памяти, дает представление о способах, употребленных Римом, для подавления и вытеснения местной Церкви, подчинившейся ему. Эти подробности драгоценны, потому что вековая борьба против Рима оставила глубокие следы в Британской Церкви, впоследствии свергнувшей иго папы.

После смерти святого короля Освальда, в середине VII века, его владения перешли к его брату Освею, который, значительно расширив их, стал самым могущественным королем в Англии. Он оказывал покровительство проповедникам, распространявшим в его владениях веру Христову, но сам больше заботился о расширении своей державы и не боялся прибегать даже к злодеяниям для достижения этой цели. Так, он предательски умертвил соседнего короля, своего родственника, и овладел его королевством.

В это время римское духовенство утвердилось преимущественно в Кенте и с завистью смотрело на успехи британских благовестников в остальном крае. «Приобрести бы короля Освея, и великий шаг был бы сделан к покорению всей Англии», – думалось римским священникам. Вскоре появилась возможность и осуществить это. Освей следовал правилам Старобританской (или Каледонской) Церкви, но его жена принадлежала к римскому исповеданию. При ней жил во дворце и духовник ее. Таким образом, в самом царском семействе водворились различные обычаи двух враждебных Церквей. Между тем как король со своими приближенными уже праздновал Пасху по древнему исчислению Старобританской Церкви, королева и ее духовник еще хранили пост, и Пасха совершалась во дворце два раза. Были и другие, не сходные между собой обычаи, и каждая сторона их упорно отстаивала. Часто возникали споры, которые становились все ожесточеннее. При каждом случае королева и ее духовник отзывались с презрением об обычае Британской Церкви и старались возбудить в короле сомнения относительно чистоты ее учения.

Вскоре нашли они ревностного и сильного союзника. Молодой англичанин по имени Вильфрид, ловкий и умный, любимый королем, ездил в Рим и возвратился оттуда горячим приверженцем папы. Эта приверженность была в нем не бескорыстна. Он видел в Италии и Франции духовенство, пользующееся властью, богатством, участием в государственных делах. Ему были обещаны такие же выгоды, если удастся привести могучего короля Освея к послушанию Риму. Он ревностно взялся за дело. Постоянно возбуждая споры о вере, он отзывался о Британской Церкви как о еретической, превозносил власть и силу папы, представлял королю, что ему гораздо приличнее покориться в вопросах веры тому, кого признают главой самые могущественные государи всего мира, чем слушаться бедных британских пресвитеров, которые не имеют никакой власти. Указывалось и на выгоды, которые может доставить союз с папой. Успешнее всего Вильфрид использовал нравственное состояние короля. Освей был все же христианином, и его совесть тревожилась совершенными им преступлениями. Вильфрид старался еще больше возбудить в нем угрызения совести и страх вечного осуждения, а затем указывал на единственный якобы путь получить прощение.

«Только один папа, – внушал он, – имеет право и власть прощать такие преступления, потому что эта власть вручена ему Самим Богом. Может ли король надеяться на спасение, если станет поддерживать еретическую Церковь, не имеющую права на существование, а не будет признавать папы, которому Сам Господь дал власть вязать и разрешать, который, как наместник Петра, имеет в своих руках ключи Царства Небесного и может открыть это Царство только тем, которые покорны ему?»

Такие внушения, очень часто повторяемые, поколебали короля. К тому же и мирские выгоды тянули его к Риму. Он решил созвать на совещание британское духовенство, которое

с беспокойством следило за происками римской партии, взявшей большую силу при дворе. Совещание открылось в монастыре Стринсхоле.

– Почему, – сказал король, – не следовать бы нам всем одному закону, одному обычаю, так как мы надеемся на одно наследие небесное?

Британский епископ Кольман отвечал на это:

– Поставившие меня епископом научили меня следовать святому закону; они верные служители Божий, и не следует нам унижать их учение, потому что это есть учение Колумбы, блаженного апостола Иоанна и всех Церквей, которые были под его надзором.

– А наше учение и наш обычай, – возразил Вильфрид, – учение и обычай Рима, где проповедовали апостолы Петр и Павел. Этот закон признают и Галлия, и Италия, и весь мир; а вы одни, пикты и каледонцы, заброшенные на ничтожных островах, на краю света, дерзнете ли идти против всего мира? Что вы называете нам вашего Колумбу? Как бы свят он ни был, разве можно предпочесть его князю апостолов, тому, которому Сам Господь сказал: «Ты еси Петр, и тебе дам Я ключи Царства Небесного»?

Эти слова сильно подействовали на присутствовавших.

– Ты сам скажи мне, Кольман, – попросил король, – правда ли, что Господь сказал эти слова Петру?

– Правда, – отвечал Кольман.

– А нашему Колумбе была ли когда-нибудь дана такая власть? Можешь ли это доказать?

– Конечно, нет, – был ответ Кольмана.

– Следовательно, – возразил король, – мне лучше поклониться Петру, так как у него ключи Царства Небесного; иначе, когда я приду к дверям, – мне не отворят.

Победа оказалась на стороне Рима. Кольман и единомышленные с ним епископы и пресвитеры объявили, что не хотят изменить обычаям своим и признать над Церковью власть папы. Они ушли: кто в свои монастыри, кто в горы Валлиса и Северной Шотландии, храня в сердцах вражду к новым обычаям и к власти Рима, которая со дня на день больше распространялась.

Вильфрид за услуги, оказанные Риму, был возведен в сан епископа Нортумберланда и награжден обширными землями, отнятыми у древних монастырей. Он стал усердно вводить новые римские порядки, но своим высокомерием оскорблял подчиненное ему духовенство, а невероятной роскошью возбуждал всеобщее негодование. Не столько убеждениями, сколько наградами и дарами привлекалось духовенство к послушанию Риму. Таким образом посвящено было много недостойных епископов. Возникали споры, распри между искаателями епископских престолов. Сам Вильфрид, впоследствии обиженный тем, что после смерти архиепископа Кентерберийского, примаса Англии, занял это место не он, а ученый грек Феодор, присланный из Рима, встал в ряды недовольных, претерпел низложение и заключение в темницу. Но его деятельность еще не кончилась. Освобожденный из тюрьмы, он обратил и подчинил папе королевство Суссекс, до того еще остававшееся языческим, опять занял место епископа Йоркского, несколько раз ездил в Рим, проповедовал языческим фризам (в нынешней Голландии) и умер, снова отставленный от епископского звания, но сказочно богатый.

В VIII веке уже вся Англия признавала власть папы, и ее короли оказались покорными сынами Римского престола. Они часто посылали дары в Рим, установили подать в пользу папы, ходили богомольцами к мощам святого Петра. Но не так скоро признали власть папы на севере. Шаг за шагом подвигалась она, вытесняя все дальше на север своих упорнейших противников. В горах Северной Шотландии и Валлиса оказано было такое же сильное сопротивление христианскому влиянию Рима, какое некогда было оказано оружию Рима языческого. Старобританское духовенство, не подчинившееся папе, продолжало поддерживать в народе вражду к пришельцам и к их приверженцам, которых представляло предате-

лями веры. В беседах проповедников, в народных песнях клеймились позором небрежные «пастыри-наемники», предавшие овец своих «хищным римским волкам». Раздражение было до того сильным, что когда в конце VIII века один епископ решился праздновать Пасху в одно время с англичанами, то в народе произошло волнение, которое надо было усмирять силой. Одного из валлийских вождей, подозреваемого в склонности к римским обычаям, народ умертвил. Однако постепенно признавали главенство Рима и твердыни Старобританской Церкви: Иона, Банкор, другие знаменитые монастыри. Но так крепка была в них духовная жизнь, что, даже и признавая власть Рима, они не дали себя заковать в однообразные формы римской обрядности. В них осталось много прежнего: ревность к изучению Священного Писания, к благоговению. Некоторые иноки, до конца оставшиеся твердыми в своей привязанности к древним обычаям и ненависти к римскому исповеданию, оставили отечество и перенесли на германские земли свою ревностную деятельность.

Никогда не удалось Риму полностью победить дух независимости в Английской Церкви и совершенно подчинить ее себе. Во все времена ее истории поднимались громкие голоса против произвола и нововведений пап. Безбрачие духовенства было часто отвергаемо, горячее слово проповедников раскрывало народу истины веры. Предпринимались попытки переводить на народный язык Священное Писание, тогда как во всех странах, покорных Риму, обязательно было иметь Писание только на латинском языке.

Христианская вера оказала свое благотворное действие на Англию. В ранней истории этой страны мы встречаем больше примеров кротости, справедливости и любви к правде, чем во всякой другой в это суровое время. Многие короли стяжали себе славу добродетелью и святостью, покровительствовали науке. Королевы, оставив пышность двора, служили Господу в смиренности и нищете, оказывая помощь нуждавшимся и страдавшим.

Умственная деятельность, так рано пробужденная в ирландских монастырях, не могла быть сразу подавлена влиянием Рима. И в VII, и VIII веках, когда научное образование стояло на очень низкой ступени во всей Западной Европе, наукой усердно занимались в монастырях Англии, при которых почти везде открывались училища. Беда Достопочтенный, уже упоминавшийся нами летописец Английской Церкви, может считаться достойнейшим представителем того благочестиво-ученого направления, которое господствовало в среде английских иноков. Воспитанный в монастыре Вирмуте, он еще в молодые годы вступил в иночество, и вся его дальнейшая жизнь была посвящена молитве, ученым трудам и воспитанию юношества. Он преподавал в училище при монастыре Ярро. Зная языки греческий, латинский и еврейский, тщательно изучал Священное Писание и сделал первую на Западе попытку перевести слово Божие на английский язык. Он переводил Евангелие от св. Иоанна, когда его застигла предсмертная болезнь. Приветствуя радостно минуту своего отшествия к Господу, с хвалой Богу на устах, он скончался в 735 году, окруженный учениками. Ученики Беда продолжали трудиться по его примеру. Один из них, Эгберт, впоследствии епископ Йоркский, основал знаменитое Йоркское училище, из которого вышло много ученых и благочестивых мужей, трудившихся над распространением слова Божия и всякого полезного знания. Таков был, между прочим, знаменитый Алкуин, родившийся в самый год смерти Беда Достопочтенного.

Глава XIII

Церковь до девятого века в Средней Европе и в Испании

В некоторых областях Германии христианская вера начала распространяться очень рано. В III и IV веках уже были епископства в Прирейнском крае: в Кельне, Трире, Майнце, Спире, Страсбурге, Базеле. Распространялось христианство и в Придунайском крае, в области, которую римляне называли Норикой (часть нынешней Австрии и Баварии). Там города Фавиана, Пассау, Лореакум были главными средоточиями христианского просвещения. Но эта область, вместе с близкой ей Паннонией, постоянно опустошалась гуннами, а после смерти Атиллы – аланами, герулами, готами, вандалами. Варвары были или язычниками, или арианами, и христианство, едва укоренившееся, не устояло против их бурного натиска.

Но и в самые тяжкие времена нашествия варваров являлись ревностные христианские подвижники и благовестники. Особенно замечательна в V веке деятельность Северина в Придунайской области, Норике. Этот несчастный край был разорен варварами. Они опустошали поля, грабили и жгли города и веси, уводили за собою множество пленных, которых продавали в рабство. Ужас объял всех. Начальники, правившие областью от имени римского императора, устрешенные набегами варваров, искали безопасности в более укрепленной местности. Рим не присылал помощи, сам стоял на краю гибели. Да и все пути в Италию были уже заняты варварами. Народ, хотя и считавшийся христианским, имел самые смутные представления о вере, а в своих пастырях не находил ни наставников, ни утешителей; иные бежали, иные были убиты варварами, иные бездействовали. Жители края были доведены до самого отчаянного положения, терпя все ужасы войны, голода и полного безначалия. Вновь совершались недавно оставленные языческие обряды. Забыт был всякий нравственный закон. Чувство сострадания и любви уступило место чувству самосохранения: одни присоединялись к варварам, грабя вместе с ними, другие составляли шайки разбойников.

Монастырь Святого Петра (696 г.), один из старейших в Европе. Австрия, Зальцбург

В это тяжелое время появился на берегах Дуная, как посланник Божий, бедный странник, которого звали Северином. Ему было лет тридцать. Откуда он был родом, осталось неизвестным. Знали только, что некоторое время он вел на Востоке подвижническую жизнь;

речь и обращение доказывали, что он получил хорошее образование. Вскоре он стал утешителем для бедствующих. Не страшась опасности, терпеливо перенося труды и лишения, Северин обходил весь край, ободрял и утешал, старался восстановить в опустошенной области порядок и благоустройство. Призывая к молитве, к покаянию, проповедуя Христа и жизнь вечную, он сумел внушить богатым сострадание к бедным, унывающим – бодрость духа. Даже суровые варвары, видя его безграничное милосердие и мужественную твердость среди опасности, оказывали ему уважение. Пользуясь своим влиянием, он многих обратил к истине. Выпрашивал свободу пленным, иногда получал пособия, которые спешил раздать нуждавшимся. Все покорилося ему, и человек Божий сделался истинным начальником всей области, которая принимала его святую деятельность. В городах и весях он устраивал склады хлеба, одежды и всего необходимого. Таким было общее уважение к нему, что и варвары не дерзали трогать этих запасов, защищенных именем святого мужа. Равнодушный к собственным страданиям, Северин, казалось, чувствовал лишь страдания других. Часто в зимнюю стужу он ходил босой и едва защищаемый плохой одеждой по замерзшим водам Дуная, неся нуждавшимся пищу и одежду. Все несчастные обращались к нему с доверием. Жители Дунайского побережья звали его к себе, считая, что одно его присутствие защитит их от варваров. Иногда удалялся он в основанный им близ Фавианы (нынешней Вены) монастырь, чтобы в молитве и в уединении почерпнуть новые силы. Он воспитал много учеников, и, когда после тридцатилетней деятельности в Норике он предал свою душу Богу, все население края оплакивало в нем отца, наставника и утешителя. Останки его были торжественно перенесены в Южную Италию, когда удрученное новыми бедствиями, вновь разоренное варварами христианское население Норики решило перейти туда. Несчастливая область стала жертвой варваров, и в ней почти исчезли следы христианства.

Вся Средняя Европа подверглась опустошению, кое-где остались лишь слабые следы прежнего просвещения. Но и язычество не успело укорениться в этих краях, когда снова началось в VI веке благовествование святого Евангелия. Обращение германского племени франков оказало влияние и на другие германские племена, покоренные франками. Некоторые франкские епископы и пресвитеры ходили проповедовать в германские земли. Руперт, Эмеран Аквитанец, Авит Виенский и другие благовествовали среди баварцев, турингов и бургундов в VI веке. Пресвитер Гоар в Трирской области построил храм для обучения и раздачи милостыни. Германия обязана своим духовным просвещением больше всего ирландским инокам, которые в VI, VII и начале VIII веках обошли весь край, благовествуя слово Божие. Это было время самой живой духовной деятельности в ирландских монастырях. Туда отдавались на воспитание юноши из всех соседних стран, где они получали вместе с образованием горячую ревность к служению Христу распространением Его святого слова.

Одним из таких ревностных служителей Божиих был инок Фридолин, о котором сохранилось довольно мало сведений. Известно, что он трудился в горах Вогезских. Туда же прибыл в конце VI века и другой ирландец, инок Колумбан. С двенадцатью товарищами он поселился в бедной и дикой местности. Народ там был крайне грубым, не имел даже понятия о земледелии. Иноки, имея устав св. Бенедикта, стали возделывать землю и скоро внушили своей святой жизнью такое уважение к себе, что жители толпами приходили к ним за советами. Иноки охотно поучали их, объясняли им закон Божий и, хотя сами были бедны, помогали им. В устроенном ими монастыре стали принимать детей на воспитание и деятельно распространяли и слово Божие, и грамотность, и всякое полезное знание. Число иноков возрастало. Под управлением Колумбана образовались три монастыря, из которых самым значительным стал Люксельский. Этот успех вызвал зависть окрестных епископов и пресвитеров, которые не пользовались уважением народа. Они возненавидели Колумбана, который часто укорял их за то, что они, как наемники, пекутся о своих выгодах, а не как добрые пастыри о благе своих овец, и стали его преследовать. Колумбан следовал прави-

лам ирландских монастырей, соблюдал некоторые древние обычаи, отличавшиеся от римских, и не считал себя зависимым от папы. Духовенство восстановило против него гражданское начальство. Колумбан был вынужден удалиться к свевам (в нынешней Швейцарии). Шафгаузен, Цюрих, потом Брегенц услышали слово Божие от ревностных ирландцев. Подвергшись новым гонениям, Колумбан перешел в Италию, где основал близ Павии монастырь Боббио. Иноки этого монастыря усердно распространяли слово Божие в Северной Италии. Любимый ученик Колумбана, Галл, оставшись в Швейцарии, устроил близ Брегенца пустынножителство, известное под именем Сан-Гальского.

Бывший храм женского Иоанновского монастыря. VI–VII вв. Франция, Арль

Эти святые мужи воспитали много учеников, которые ревностно продолжали начатое дело. К ним постоянно прибывали из-за моря новые благовестники, особенно же после того, как на Британских островах Старобританская Церковь была подавлена силой Рима. Иноки, не подчинившиеся Риму, поспешили в другие страны, и трудами их святое благовествование распространилось в Швейцарии, Германии и отчасти Франции. Местности близ Дуная, Рейна, горы Вогезские, леса Шварцвальда приняли множество ирландских и английских подвижников. Основались монастыри, в которых обучалось юношество. Благовестники, всецело преданные службе Божией, внушали народу величайшее уважение: не принимая даров, они жили бедно, своим трудом, и неутомимо заботились о благе ближних, возвещая Евангелие и пробуждая к умственной деятельности. В местных народных преданиях хранятся имена первых благовестников: Колумбана, *Галла* и Магноальда, трудившихся во Франции, Швейцарии и частично в Италии; Трутберга и Зегберга – в Шварцвальде; Пирмина – в Эльзасе; Килиана, отдавшего в окрестностях Вюрцбурга жизнь за соблюдение заповедей, потому что запрещал вюрцбургскому князю вступить в брак со вдовой брата, за что и был убит по ее повелению. Об этих благовестниках сохранилось много сказаний, и в благодарной памяти народа они живут как святые и чудотворцы.

Вслед за проповедниками, державшимися старобританского исповедания, прибыли с Британских островов и другие, покорные Риму. Они неминуемо должны были столкнуться с первыми тружениками, и в Средней Европе повторилась борьба между Церковью Римской и началами Церкви, независимой от папской власти. Как и на Британских островах, победа осталась за теми, которые пользовались внешней силой.

С трудом водворялось христианство между фризами и батавами в нынешней Голландии и Бельгии. В первые века христианские проповедники мало посещали эти страны, а когда обращенные франки начали заботиться о распространении веры среди батавов и фри-

зов, то эти племена, ненавидевшие франков, неохотно принимали веру своих врагов, тем более что франкские правители в этом деле часто употребляли силу: они менее всего заботились о благе самих народов, стремясь утвердить свою власть над ними. Оттого вера не укоренялась прочно. Новообращенные при каждом успехе своего оружия оставляли Христов закон, подвергали гонениям христианских проповедников и возвращались к прежней вере. Но были и ревностные благовестники, которым святая истина стала дороже жизни. Таковым в начале VII века явился епископ Аманд, уроженец Нанта; его считают апостолом Бельгии. Вначале он проповедовал среди басков в Пиренеях, потом на берегах Дуная и наконец всю остальную жизнь посвятил Бельгии. Немало страдал он от язычников в окрестностях Гента, Люттиха и Местрихта. Умер в 679 г., а католики чтят его память 6 февраля.

Его дело продолжил с большим успехом другой франкский епископ, благочестивый Елигий. Еще в юности, будучи золотых дел мастером, он употреблял все заработанные деньги на дела христианского милосердия, выкупал пленных, помогал им, поучая закону Божию, строил церкви. Впоследствии был посвящен в епископы Нойона. Его епархия включала в себя местность, составляющую ныне Бельгию и северо-восточную часть Франции. Любимый королем Дагобертом, он употреблял свое влияние на благо народа и прославился ревностью к распространению веры, милосердием и благотворительностью.

Но при всех усилиях благовестников и правителей вера Христова распространялась медленно. В VII веке ирландец Ливии был убит идолопоклонниками, и немало трудов выпало на долю английских проповедников, которые в том же веке прибыли к фризам и батавам. Одним из первых стал Вильфрид, тот самый, который в Англии так успешно действовал в пользу папы; за ним последовали англичане Вигберт, Эгберт и Виллиброрд. Деятельность последнего явилась особенно значительной. Он был впоследствии епископом Утрехтским, посещал Данию и остров Гельголанд, проповедуя язычникам, от которых много пострадал. Но, как мы уже сказали, распространение веры находилось в зависимости от успеха оружия франков. В начале VIII века фризскому королю Ратботу удалось на время освободиться от власти франков. Увы, торжество его оружия было и торжеством язычества. Рассказывают, впрочем, что благочестивый епископ Вульфрам уговорил сурового язычника принять Святое Крещение. Но, уже вступив одной ногой в купель, тот вдруг спросил у епископа:

– А что предшественники мои, прежние короли фризов, на небесах или во аде?

– Конечно, во аде, потому что умерли без крещения, – отвечал епископ.

– Ну, так я хочу лучше быть во аде с славными предками моими, чем в раю с бедняками, – возразил Ратбот и вышел из купели.

Ратбот вскоре был опять побежден франками, и тогда снова усилились меры к распространению христианской веры, но больше через британских, чем франкских благовестников.

Во Франции христианское просвещение стояло на очень низкой ступени. Наследники Хлодвига были большей частью христианами только по названию. Преступления и развратная жизнь их, знакомые нам из повествования Григория Турского, говорили о том, что язычество не было побеждено в их сердцах силой истинной веры. Мало заботилось о чистоте веры и духовенство, соблазнявшееся мирскими выгодами. С момента принятия христианской веры при Хлодвиге епископы, помогавшие ему утвердить свою власть, принимали активное участие в делах государства. Так продолжалось и дальше. Епископы, единственные образованные люди в стране, управляли посольствами, иногда городами и областями, вели переговоры с чужими властителями, занимали должности при дворе. Все это удаляло их от исполнения прямых обязанностей. Епископов можно было видеть во дворцах, на войне, на охоте, на шумных и бесчинных пирах, но весьма редко в их епархиях. Почти никогда не являлись они наставниками и пастырями, и народ был оставлен на попечение низшего духовенства, крайне необразованного и угнетаемого духовными и светскими властями. Существовало правило, чтобы епископ, хотя бы однажды в год, объезжал свою епархию для обзора

церковных дел, для поучения народа и принятия жалоб и чтобы потом церковные дела обсуждались на духовных совещаниях, называемых синодами. Но даже это правило соблюдалось плохо, и синоды постепенно перестали созываться, потому что церковные дела стали обсуждаться на государственных совещаниях, где заседали епископы.

На ту среду, в которой вращались франкские епископы, став по сути вельможами и царедворцами, они не имели благотворного влияния, потому что сами заразились ее безнравственностью. Возлюбив богатство и власть, они нередко потакали порокам сильных мира сего ради выгод, часто жертвовали чистотой христианского учения. Алчность с самого начала легла темным пятном на франкское духовенство. От новообращенных требовалось лишь показное уважение к Церкви, чаще всего выражающееся одними дарами. Им внушалось, что пожертвованиями в Церковь можно загладить грехи и преступления. Варварские вожди, которых Церковь сама благословляла на войну и грабеж, щедро делились с ней своей добычей. Они охотно дарили Церкви поместья и сокровища, веря, по учению своих наставников, что таким образом можно купить и прощение прежних преступлений, и право совершать новые. Богатства текли так обильно в руки духовенства, что некоторые короли были вынуждены запрещать передачу имений Церкви мимо прямых наследников. Но и это распоряжение не имело желаемых последствий. Духовенство, довольно снисходительное к порокам и преступлениям, грозило проклятием и вечными мучениями тем, которые посягали на его имущество, оспаривали его права. Церковное имущество более всякого другого было защищено, потому что за ограбление церковного или монастырского имущества духовенство отлучало виновных от Церкви. Следствием всего этого был тот факт, что в конце VII века треть земель Галлии принадлежала церквям и монастырям, которые были свободны от всяких налогов и податей. Приходское духовенство, кроме того, имело право на десятинный сбор, и короли жаловались иногда, что Церковь сделала их нищими.

Склонность духовенства к мирским выгодам привела к тому, что Церковь оказалась поработанной мирской властью. Издавна право выбора лиц на церковные должности принадлежало приходу. Соборы по церковным делам должны были созываться епископами. Но франкские короли присвоили себе и эти права, а епископы, получавшие от них богатые поместья, не отстаивали прав Церкви. Опираясь на мирские власти, они и в своих епархиях распоряжались самовластно и произвольно, часто попирая церковные законы, собирая себе огромные богатства. Некоторые из них, при всей своей зависимости от королей, достигали большого влияния на государственные дела. При таком порядке сношения с папой по церковным делам почти полностью прекратились. Хотя на словах признавалось его главенство, но фактически Церковь Галлии была от него независима и управлялась произвольно королем и епископами.

Самовластно распоряжаясь делами Церкви, короли могли иногда налагать руку и на церковное имущество. Они продавали за большие деньги епископские места, а в начале VIII века нанесли решительный удар церковному богатству.

В это время королевская власть *была* в руках главного вельможи (или мэра). Мэр Карл Мартелл (714–741)²⁵⁸, известный своей победой над сарацинами, первый наложил руку на богатства духовенства. Затрудняясь возможностями награждать своих приверженцев землями, он стал давать их не в дар, а в пользование (так называемые бенефиции), обязав тем самым получившего землю поставлять и содержать определенное число воинов. Свободных земель оставалось уже немного. Карл Мартелл стал раздавать своим приверженцам епархии и монастыри, которые за это обязывались давать из церковного имущества бенефиции тем, на кого указывал Карл Мартелл. Его сыновья еще произвольнее распоряжались

---

²⁵⁸ Он родился около 688 г. и при последних Меровингах стал практически правителем франкского государства (с 715 г.). В 732 г. при Пуатье он разгромил арабов (сарацин), остановив их движение в Западную Европу.

церковным имуществом. Бесчинство в Церкви достигло высшей степени. Епархии и монастыри раздавались за воинские заслуги грубым, безграмотным воинам, которые, пользуясь доходами с них, нанимали епископов и священников. Церковные дела пришли в крайний упадок, потому что епископам некогда было ими заниматься. Нередко люди несвободного состояния вступали в духовное звание ради получения средств к жизни, и епископы благоприятствовали этому для того, чтобы иметь больше власти над подчиненными. Исчезло всякое уважение к духовному сану. Епископы почитались не за их звание, а за их богатство и влияние. Низшее духовенство, грубое, безграмотное, алчное, развратное, не могло внушать народу ни уважения, ни доверия. Богатые землевладельцы, строившие церкви при своих замках, часто назначали в них священниками своих рабов, которые были на положении самых последних слуг: служили за столом своих господ, работали на псарне. Такое духовенство не могло иметь благоприятного влияния на народ, не могло подтолкнуть его на путь христианского просвещения.

Карл Мартелл

В этих условиях появился человек, который смог оказать сильное влияние на развитие церковной жизни в германских и отчасти франкских землях: англичанин Винфрид, больше известный под своим иноческим именем Вонифатия (или Бонифатия).

Он родился в Англии около 672–675 гг. и, с ранней молодости вступив в иночество, стремился к деятельности благовестника. Вонифатий желал отправиться в Фризляндию, где уже трудилось много благовестников, но не вдруг получил на то дозволение: духовное начальство старалось удержать в Англии ревностного инока, полезного своими учеными трудами. Наконец он достиг желаемого и, оставив знаменитый монастырь Нутсель, отправился в 717 г. в Фризляндию. Но время не благоприятствовало для деятельности проповедников. Фризский король Ратбот достиг некоторых успехов в борьбе с Карлом Мартеллом и вследствие этого жестоко гнал веру своих врагов, разоряя церкви и монастыри и преследуя благовестников. Вонифатий был вынужден возвратиться в Англию, но через два года вновь

явился благовестником в Германию, испросив вначале в Риме благословение папы Григория, потому что был горячим приверженцем папы и везде действовал от имени Римского престола. Он проповедовал на берегах Саалы и Некара, в Тюрингене, Франконии и Гессене. Потом, узнав, что в Фризляндии обстоятельства изменились, он опять отправился туда, и три года помогал Утрехтскому епископу Виллиброрду, после чего возвратился к своей деятельности в Германии.

Святой мученик Вонифатий. Икона

Посетив вторично Рим, Вонифатий там торжественно присягнул в верности папе и получил от него вместе со званием епископа обещание покровительства, письма к мэру Карлу Мартеллу, к светским и духовным властям Германии. Но Вонифатий вскоре убедился, что от Карла Мартелла содействия ожидать нельзя, потому что он и его придворное духовенство, привыкшие распоряжаться самовластно делами Церкви, с неудовольствием видели вмешательство в эти дела папы через его уполномоченного. Вонифатий вновь обратился к Гессену, где рядом с возникавшей христианской Церковью язычество показывалось еще довольно сильным. Около Гейсмара стоял огромный вековой дуб, посвященный богу-громовержцу – предмет суеверного поклонения народа. Вонифатий срубил священное дерево. Объятые ужасом язычники ожидали, что божество отомстит дерзновенному. Но когда не последовало ничего, они убедились в бессилии своих мнимых богов, и множество народа согласилось принять крещение. Разрушенный дуб пошел на постройку малой церкви во имя св. апостола Петра. Так же успешно действовал Вонифатий и в Тюрингии.

Преемник Григория II, Григорий III, еще больше расширил права Вонифатия и круг его деятельности, предоставив ему вместе со званием архиепископа и примаса всей Германии право надзирать за Германской Церковью, учреждать епархии, избирать и низлагать епископов. Эти права Вонифатий считал для себя необходимыми. Твердо веривший в законность папской власти над Церковью, он при более близком знакомстве с состоянием Церкви в немецких и французских землях еще больше убедился в необходимости подчинить ее папе, что казалось ему единственным средством освободить Церковь от произвола светских

и духовных властей, упрочить в ней определенное благочиние и единство вероисповедания. Но дело было трудным. Почти везде Вонифатия встречали враждебно, власти противодействовали ему, недовольные дарованными ему правами, не признавали этих прав. Старо-британские проповедники, рассеянные по всей Германии, везде старались распространять учение, враждебное Риму. Некоторые монастыри, основанные давно, считали себя вполне независимыми от всякого начальства и неохотно подчинялись правилам, вводимым Вонифатием от имени Римского престола. Но Вонифатий своей твердостью и неутомимой деятельностью умел победить сопротивление. Вся его деятельность стала непрерывной борьбой: то с язычеством, то со светскими и духовными властями, то с проповедниками независимой Церкви. Он проповедовал, устраивал церкви, монастыри и епархии, назначая в них деятелей, преданных ему, действовавших в его духе²⁵⁹. В течение нескольких лет он основал епископства: Пассауское, Фрейзингейское и Регенсбургское в Баварии; Эрфуртское в Тюрингене, Вюрцбургское в Гессене; Ейхштатское в Баварском Пфальце. Из монастырей, устроенных им, самым значительным сделался впоследствии монастырь Фульда, вверенный Вонифатием своему любимому ученику, баварцу Штурму. Этот монастырь стал училищем высших наук. Ревностно заботился Вонифатий об образовании юношества, заводил училища, сам воспитал несколько юношей, которые впоследствии были его помощниками.

Из Англии Вонифатий выписывал книги для школ, утварь для церквей, вызывал иноков и инокинь во вновь устроенные им монастыри. Его письма папе и своему другу, епископу Даниилу Винчестерскому, содержат чрезвычайно любопытные сведения о состоянии Церкви в Средней Европе и о затруднениях, встречаемых ревностным благовестником.

При жизни Карла Мартелла, правившего Францией и частью Германии, Вонифатию трудно было достигнуть какого-нибудь успеха во франкских землях, но сыновья Карла оказались несколько сговорчивее: Карломан, правитель Австразии (восточной части Франкского королевства, с некоторыми областями нынешней Германии), и Пипин, правитель Невстрии (западной части Франции), допустили вмешательство Вонифатия в дела Франкской Церкви, в которой беспорядок достиг крайней степени. Вонифатию удалось восстановить синоды (соборные совещания) по церковным делам, которые уже не созывались восемьдесят лет. На первых же синодах были устранены некоторые вопиющие злоупотребления; низложены недостойные епископы, утверждены назначенные Вонифатием. Он сам был признан митрополитом Церкви Австразии, и наконец вся Франкская Церковь признала над собой полную власть папы. Как мы помним, эта власть давно признавалась на словах, но не на деле, и франкское духовенство под покровительством светской власти распоряжалось самовластно делами Церкви. Теперь, не без сопротивления, это признание было достигнуто. Три значительнейших епископа Франции: Руанский, Реймский и Сенекский, которым папа прислал омофоры (Pallium), долго не соглашались принять их, видя в этом признание своей зависимости от папы, и еще дольше не соглашались заплатить за них. Их сопротивление было наконец побеждено настойчивостью Вонифатия.

---

²⁵⁹ В 724 г. Вонифатий основывает первый монастырь в Ордруфе в Тюрингии, а через десять лет там образовалась новая церковная провинция Гессен-Тюрингская. В 732 г. папа Римский Григорий II возводит Вонифатия в сан архиепископа. С 732 г. проповедник начинает миссионерскую деятельность в Баварии, а затем, после смерти Карла Мартелла, когда его сын принял Вонифатия для общей реформы Франкской Церкви, он перебирается во Францию.

Святой мученик Вонифатий. Икона

Всего труднее для Вонифатия складывались отношения с многочисленными проповедниками, трудившимся в Германии до него. Почти все они принадлежали к независимой Старобританской Церкви. Вонифатий, вполне преданный папе и так ревностно старавшийся подчинить всю Церковь его главенству, непременно должен был относиться к ним враждебно. Их было очень много во всех областях Германии, и они приобрели огромное влияние, потому что трудились ревностно, бескорыстно, и вообще народ слушал их гораздо охотнее, чем тех проповедников, которые действовали заодно с властями и вводили христианскую веру при условии подчиненности папе. Проповедники Старобританской Церкви, огорченные победой римских начал, надеялись на торжество своего вероисповедания в германских землях. Они долго и упорно сопротивлялись Вонифатию, ненавидя тот государственный строй и порядок, который он вводил в Церковь, отвергали безбрачие духовенства, церковную иерархию, клеймили как суеверие множество римских обычаев. Некоторые из них, дойдя до крайности во вражде ко всему, что проповедовала Римская Церковь, всегда склонная к внешней обрядности, отвергали как зло всякий внешний обряд, а некоторые и сами, упорно и суеверно держась обычаев, которые давно уничтожила Церковь, проповедовали учение, очень близкое к ереси. Между ними и Вонифатием завязалась упорная борьба, но силы были неравны. Вонифатий имел силу и власть. Папы не только позволяли, но и повелевали ему действовать со всевозможной строгостью против «британских еретиков». Осуждаемые на церковных совещаниях, некоторые из них подверглись заточению и изгнанию, как, например, проповедники Адальберт, Климент и Виргилий. Но все должны были уступить силе Вонифатия, поддерживаемого не только Римом, куда он совершил уже третье путешествие, но и, в конце концов, всеми местными властями. Начала независимой Церкви были временно побеждены и в германских землях.

Вонифатий в конце своих сорокалетних трудов увидел Церковь устроенную, с твердыми правилами благочиния, подчиненную папскому престолу. Победено было сопротивление галликанских епископов, низложено старобританское исповедание. Надзирая за основанными им епископствами по всей Германии, Вонифатий сам долго не имел определенной епархии, и только перед кончиной был назначен архиепископом Майнца.

Примером образа жизни некоторых франкских епископов того времени могут стать предместники Вонифатия в этой епархии. В правление Карла Мартелла ее занимал один из полководцев, женатый, отец семейства. Этот полководец-архиепископ был убит на войне, и Карл Мартелл, желая оказать помощь осиротевшему семейству, передал епархию его старшему сыну Гевильлибу. Новый епископ, как и отец, был воином и на следующий же год отправился в поход. Горя желанием отомстить за смерть отца, он зазвал к себе на совещание того, от руки которого пал отец, и собственноручно предательски убил его. Такие поступки не были редкостью между тогдашними епископами. Вонифатий, однако, настоял на том, чтобы Гевильлиб был низложен.

Вонифатий испросил у нового папы Захарии право (обещанное ему еще Григорием III) при жизни избрать себе преемника и передать ему звание архиепископа Май и некоего и примаса Германии. Папа неохотно согласился на это, боясь, как бы обширная Германская Церковь во главе с примасом не сделалась впоследствии независимой, но отказать Вонифатию было невозможно. Он передал и звание, и свои права ученику и соотечественнику Лулле (754).

Чувствуя близость смерти, Вонифатий пожелал посвятить последние годы и последние силы тому делу, с которого начал – благовествованию языческим фризам. Их было еще много, несмотря на усилия благовестников. В сопровождении пятидесяти сотрудников, в большинстве своем иноков, старец спустился вниз по Рейну, переехал Зюйдерзе и раскинул шатры на берегу реки Дорны. Отсюда он обходил окрестную страну, призывая язычников к спасению через Иисуса Христа. Несколько тысяч людей крестились. Вонифатий возвратился к шатрам, повелев новообращенным в назначенный день прийти для совершения над ними миропомазания. В этот день, 5 июня 754 года, он рано поутру услышал шум приближавшейся толпы и радостно вышел ей навстречу, думая, что это его новообращенные чада. Но то была толпа вооруженных язычников, решивших отомстить благовестникам за поругание своих богов. Товарищи Вонифатия взяли было за оружие, но он остановил их. «Будьте тверды в Боге, тверды духом, – сказал он им, – уповайте на Господа; не бойтесь тех, которые могут убить тело». Подняв над головой святое Евангелие, старец спокойно принял смертельный удар и предал душу Богу. Ему было 78 лет. Его сотрудники тоже положили жизнь за веру. Останки Вонифатия были перенесены в его любимый Фульдский монастырь, а дело благовестия среди фризов успешно продолжал его ученик Григорий, присоединившийся к нему с 14-летнего возраста, полный горячей ревности к распространению веры.

О деятельности Вонифатия судят неоднозначно. Одни благоговеют перед ним как перед основателем Германской Церкви и считают его деятельность вполне благотворной. Другие укоряют за то, что он много способствовал усилению папской власти и, стремясь к внешнему благоустройству Церкви, подавил в ней много добрых начал, внесенных прежними проповедниками. Но все признают в нем искренность, бескорыстие и самоотвержение, все удивляются его непреклонной силе воли, широкому уму и полной преданности делу. Все это, конечно, дает ему право на звание апостола Германии, хотя, как мы видели, он не был первым благовестником в этих землях. Страшные беспорядки во Франкской Церкви, произвольное вмешательство в ее управление светских властей, упадок христианского просвещения, конечно, могли дать ему повод предполагать, что под управлением духовной власти Рима лучше сохранятся и разовьются те духовные начала, на которых основана Церковь. Вонифатий искренне и деятельно заботился о просвещении вверенных ему людей, об уничтожении беспорядков и злоупотреблений, вкравшихся в Церковь, успешно действовал против продажи должностей, небрежения духовенства к своим обязанностям. При глубоком уважении к Римскому престолу он смело говорил папе о злоупотреблениях, дозволяемых им. Но Рим уже вступил на ложный путь, стремясь к внешней силе.

С каждым годом деятельность Римской Церкви все больше и больше удалялась от истинно христианских начал: благовествование язычникам все больше и больше принимало характер покорения их папской власти. Признание папской власти было по-видимому путем к водворению христианской Церкви, но в сущности становилось главной целью, ради которой забывалось об истинном просвещении страны. Строились церкви, монастыри, и страна уже считалась христианской, хотя народ лишь на словах принимал крещение, слушал богослужение, очень мало зная о вере, особенно потому, что Римская Церковь не переводила на народный язык Священное Писание. Лишь немногие ревностные проповедники считали нужным знать язык страны и переводить для новообращенных самые необходимые молитвы. Таков был характер деятельности римских благовестников в течение VIII и IX веков, когда власть папы быстро возросла благодаря разным благоприятным условиям и на Западе, и на Востоке.

Ученик Вонифатия, Лулла, наследовал его права, но оказался меньше, чем учитель, преданным папскому престолу. Папы смотрели на него с недоверием, старались стеснить данные ему права. Впоследствии епархии Кельна, Зальцбурга, Пассау были уравнены в правах с Майнцем, хотя Майнц продолжал пользоваться наибольшим уважением.

Саксонцы отстаивали свою старую веру и свою независимость упорнее других немецких племен. Основу веры в них заложили английские благовестники, а первые из них, два Эгберта, положили за веру жизнь. Затем в продолжение многих лет франки старались покорить саксонцев и принудить их к принятию крещения, но напрасно. Вонифатий, часто доходивший до самых границ, ничего не мог сделать, и только в последние годы VIII века они обратились, если можно назвать обращением введение христианства силой меча. Это было уже во времена Карла Великого²⁶⁰, который упорно боролся с саксонцами. За его войсками шли священники и иноки, которые совершали крещение над побежденными, рубили их священные деревья и дубравы и ставили церкви. Но саксонцы ненавидели христианство как веру своих врагов, и всякий успех их воинственного вождя Витикинда имел последствием гонение на христианских благовестников. Разрушались церкви, убивались священники и восстанавливались идолы. Такие действия вызывали возмездие. Однажды Карл велел предать смертной казни четыре с половиной тысячи саксонцев. Наконец в последних годах VIII века, после тридцатилетней борьбы, саксонцы были окончательно побеждены. Их главные вожди приняли крещение, и по всему краю были разосланы священники и иноки. Выстроили много церквей, основали несколько епархий. Новообращенных обложили десятинной податью в пользу духовенства. Но многие еще довольно долго оставались втайне идолопоклонниками и, только называясь христианами, ничего не знали о новой вере. Карл издавал самые строгие законы, назначал смертную казнь тем, кто не соглашался принять крещение, кто, приняв его, совершал втайне языческие обряды, кто сжигал церкви. Такие меры свидетельствуют о неискренности обращения, что, конечно, вредило распространению истинной веры.

Карл Великий старался ввести христианство среди аваров, которых победил в Паннонии, и среди разных славянских племен, чьи земли граничили с немецкими, например среди хорутанов и моравов. Заботился об этом и Зальцбургский епископ Арно, но успеха было мало. Христианская вера, изложенная на непонятном народу языке, не утверждалась и не распространялась, хотя папы считали страну своей и христианской, как только основывали в ней церкви и епархии.

---

²⁶⁰ Карл Великий (768–814), основатель Римской средневековой империи; в 800 г. коронован в Риме папой Львом III императорской короной, что стало знаком его власти над всем Западом; ввел в церковное богослужение *Filioque*, сделавший Символ веры еретическим.

Нам остается сказать несколько слов о Церкви в Испании. Там с середины V века господствовали ариане-вестготы, но они не преследовали народ за Никейское вероисповедание и мало-помалу сами обращались. К концу VI века относят первый известный случай мученичества. Царевич Ерменгельд, воспитанный в арианстве, был обращен к истине увещаниями своей юной супруги и Севильского епископа Леандра. Но строгость отца, короля Леовигильда, и в особенности оскорбления, которым его супруга подверглась от свекрови, до того раздражали его, что он с оружием выступил против отца, но был побежден и заключен в темницу. Король предлагал ему прощение и свободу, если тот согласится отречься, но Ерменгельду вера стала дороже жизни. Он остался тверд в исповедании своем, терпеливо перенес страдания и заточение и в 586 г. умер мученической смертью. Память его совершается Православной Церковью 1 ноября. Вскоре после его смерти Рекаред, второй сын Леовигильда, наследовав отцу, обратился к истинной вере, и арианство пало в Испании (586).

В конце же VI века в Испании произошло событие, которое должно было иметь печальные последствия. Испанское духовенство, заразившееся духом властолюбия и нетерпимости, мало считалось с остальной Церковью, часто издавая против иноверцев кровавые законы, не соответствовавшие духу христианства, искало влияния на государственные дела. На соборе в Толедо оно решило самовольно сделать изменение в Символе веры, что было запрещено Третьим Вселенским Собором. Еще недавно, на Пятом Соборе, император Юстиниан очень настаивал, чтобы в Символе, вместо *Девы Марии*, значилось *Присподевы Марии*, но отцы Собора единодушно отвергли это предложение (сделав тем самым уступку несторианам), не считая себя вправе нарушить постановление Вселенского Собора. Между тем на Толедском соборе 589 г. испанские епископы, подражая недавно низложенному арианству, сделали несколько нововведений в богослужении. По образцу восточного обычая они ввели в употребление частое повторение славословия Пресвятой Троице, громогласное чтение Символа веры перед совершением Таинства Евхаристии; в укор арианам, думая тем возвысить достоинство Сына Божия, они прибавили в Символе, что Дух Святой исходит и от Сына (*filioque*). В это время смут и волнений, когда Церкви редко сносились между собой, на это событие не обратили должного внимания. Но оно позднее имело важные последствия.

Глава XIV

Бедствия Востока. Магомет. Ересь монофелитская и Шестой Вселенский Собор

Между тем как на Западе свет веры истинной озарял все новые страны, на Востоке христианство подвергалось опасности погибнуть совсем: со всех сторон появлялись сильные враги, а держава восточных императоров, покровителей Церкви, видимо слабела от внутренних и внешних невзгод.

Мы остановились на бедственной кончине императора Маврикия (602). Краткое царствование злодея Фоки подготовило для империи много новых бедствий. Его ненавидели в Константинополе, где его злодеяния возбуждали общее негодование. Константинопольский патриарх Кириак смело укорял его за убийство Маврикия. Фока возненавидел святителя и стал оказывать расположение римским епископам, Григорию и за ним Вонифатию III, которые писали ему льстивые письма. Вонифатий решил воспользоваться этим обстоятельством к возвышению своего престола и обратился к Фоке с просьбой объявить Римскую Церковь главой всех Церквей, обещая за это покорить ему всю Италию. Фока согласился, послал в Рим богатые дары, дал римскому епископу исключительное право именоваться «вселенским» и повелел считать Римскую Церковь «главой всех Церквей». Это постановление дало повод папам еще упорнее отстаивать свою власть над всеми епископами, но оно не было признано на Востоке, потому что только Собор, а не царь имел право издавать подобные постановления. Папы стали требовать повиновения от восточных Церквей и, недовольные их сопротивлением, поднимали мятежи. Папа Агафон требовал, чтобы все постановления Римской Церкви принимались за правила, утвержденные словами апостола Петра, но эти притязания встречали сильный отпор²⁶¹. Даже на Западе епископы Аквилейский, Истринский и Равеннский равняли себя с Римским.

Обрушилась на империю и новая беда: Хозрой, персидский царь, под предлогом мщения за убийство Маврикия объявил войну империи. Его успехи были быстрыми; вскоре большая часть Сирии перешла под его власть. Между тем Фоку свергли с престола и убили в 610 г., и на его место возвели Ираклия. Но война не прекратилась, потому что месть за Маврикия была только предлогом, а не причиной войны. Хозрой ненавидел христианскую веру и желал истребить ее. Он всенародно провозглашал, что согласится на мир лишь при условии, если христиане отрекутся от своей веры и дадут клятву поклоняться солнцу. Он завладел Палестиной, из Иерусалима, взятого приступом, увез Честный Крест Господень (614) и патриарха Захарию, покорил Египет, Ливию, почти всю Малую Азию. После долгой осады взял Халкидон и расположил войска на виду Константинополя.

Все это время христиане ужасно страдали. Хозрой преследовал их в покоренных областях. Иудеи, иноверцы, покровительствуемые им, давали полную волю своей ненависти к христианам и совершали страшные злодеяния. В Антиохии они предавали их жилища и самих верующих огню и мечу, в Палестине выкупили из плена до девяноста тысяч христиан и замучили их. Как всегда во времена тяжких бедствий, многие совершили подвиги твердости, милосердия и христианского самоотвержения: антиохийский патриарх Анастасий скончался на костре за веру; александрийский патриарх Иоанн Милостивый явился утешителем

---

²⁶¹ Папа Агафон был первым, кто решился на лжетолкования евангельских текстов. Дело в том, что незадолго до этого папа Гонорий (625—638) впал в монофелитскую ересь, и Агафон опасался, что грядущий VI Собор мог бы осудить Гонория, что опозорило бы Римскую кафедру. Поэтому разослал по всем Церквам горделивое послание, утверждавшее, что римские епископы никогда не погрешали и не могут погрешить. Собор в итоге признал Гонория еретиком, и Агафон вынужден был подписаться под этим определением, однако прецедент подобного поведения римских пап был уже дан.

всех страждущих. Он давал убежище несчастным, выкупал пленных, сам ходил за больными и ранеными, посылал щедрое пособие в Иерусалим на восстановление разрушенных храмов. Вся жизнь святого Иоанна *была* служением Богу и ближним; со дня своего посвящения в патриархи он выдавал ежедневное пособие семи с половиной тысячам бедных. Твердо надеясь на милость Божию, он не опасался истощения своей казны, и Господь оправдывал его упование. Персы завладели Александрией, и тогда святой патриарх отправился в свое отечество, на Кипр. Во время пути Ангел возвестил ему о близкой кончине: «Царь царей зовет тебя к Себе!» Патриарх радостно предал душу Богу²⁶².

Святитель Иоанн Милостивый. Икона

Между тем империя находилась уже почти на краю гибели. Большой частью ее областей завладели персы. С другой стороны, воинственное племя аваров, опустошив Паннонию, Фракию, Италию, угрожало Константинополю. Столица, лишенная обычных подвозов хлеба из Египта, терпела голод, казна была истощена долгой войной и внутренними беспорядками. Ираклий упал духом и, отчаиваясь в спасении, решил удалиться в Африку и бросить империю на произвол судьбы. Но этому недостойному решению воспротивился константинопольский патриарх Сергей I (610–638 гг.). Он напомнил Ираклию об обязанностях царя и в церкви святой Софии взял с него клятвенное обещание жить и умереть с теми, которых Господь поручил ему. Народ выказал готовность обороняться. Мужественная твердость патриарха и народа нашла отклик в душе Ираклия; в нем пробудилась бодрость духа, и после одиннадцати лет бесславного царствования он вдруг явил себя героем. Собрав последние силы, он смело перенес войну во владения неприятеля и рядом блистательных подвигов в

²⁶² Это случилось в 620 г., 12 ноября. Этот день является днем церковной памяти святителя.

шесть лет возвратил все утраченные области, сокрушил владычество персов, отбросил аваров за Дунай и восстановил величие и честь империи. Сам царь во главе своих полков сражался, как простой воин, и вместе с воинской славой стяжал и лучшую славу – милосердием к пленным, умеренностью и кротостью во время торжества побед. Хозрой спасался бегством, но был убит по повелению восставшего против него сына Сироя, который послал просить Ираклия о мире. Мир, славный для империи, был заключен, и Ираклия радостно и торжественно приняли в Константинополе как спасителя империи. По случаю счастливого окончания войны с персами и аварами в Царьграде Георгий Писида, диакон великой Церкви, составил благодарственную песнь Богоматери, которую впоследствии, вероятно в IX веке, определили читать на пятой неделе Великой Четырдесятницы, в субботу.

Другое торжество ознаменовало и следующий, 628 год. Иерусалиму был возвращен Честный Крест Господень, который с 614 года пребывал в Персии. Там его чудодейственная сила служила к распространению христианства. Возвращение Честного Древа Креста, патриарха Захарии и всех пленных христиан было одним из условий мира. Ираклий для этого торжества поехал в Иерусалим. Духовенство и народ вышли к нему навстречу, держа в руках пальмовые ветки и громко приветствуя его. Царь был облачен в порфиру; золотой венец сиял на его голове. Он захотел сам вернуть Иерусалиму его святыню и, приближаясь к городу, взял на рамена Честный Крест. Но тут совершилось чудесное событие: в воротах на Голгофе Крест был остановлен невидимой силой, и Ангел, явившись патриарху Захарии, сказал ему: «Не так нес Господь святой Крест сей». Патриарх сказал царю: «Государь, не в пышной одежде царской следует тебе нести Крест, который нас ради обнищавший Спаситель нес на плечах Своих в смирении и унижении». Ираклий тотчас же снял с себя венец и багряницу и в бедной одежде, с открытой головой, беспрепятственно внес святой Крест в Иерусалим. Патриарх поставил Крест на прежнее место при молитвенных восклицаниях всего народа.

Недолго империя наслаждалась миром. В то самое время, как Ираклий торжествовал победу над персами, маленький город на границе Сирии был ограблен сарацинами, которые погубили отряд, посланный против них. Событие не возбудило особенного внимания: Сирия и соседние страны привыкли издавна к опустошительным набегам сарацин. Но эта шайка *была* предвестницей других сил, которые потом покорили себе полмира, потому что состояла из последователей Магомета. Вскоре затем к Ираклию прибыло от Магомета посольство, убеждавшее его принять ислам. Так называлось новое учение.

Аравия, знойная страна, расположенная на полуострове между Персией и Сирией, была частично заселена потомками Измаила. Под различными названиями – измаильтян, агарян, аравитян и сарацин – они были страшны для всех окрестных стран. Над потомством Измаила исполнилось в точности библейское предсказание: *Руки его на всех и руки всех на него*²⁶³. Измаильтяне жили войной и грабежом; мужественно отражали они всякую попытку на их независимость и с дикой отвагой нападали на соседние народы, грабили города и деревни и делили между собой добычу. Их опустошительные набеги наводили ужас на пограничных жителей. Сарацины не щадили никого; ничто не могло укрыться от их алчности; даже бедные христианские подвижники, жившие лишь для Бога и не имевшие никаких земных богатств, подвергались часто их нападениям. Сарацины разоряли мирные обители и часто предавали смерти беззащитных, святых старцев. Трудно сказать, в чем именно состояла вера аравитян: отчасти сохранились между ними древние предания и обычаи евреев; многое было заимствовано от персидских магов, от древних халдеев, а с недавнего времени и некоторые правила христианской нравственности проникли к ним, частью через христианских подвижников, частью через несторианских проповедников. Они поклонялись небес-

²⁶³ См.: Быт. 16, 12.

ным светилам, имели особенное благоговение к древнему храму в Мекке, Каабе, основание которого приписывали Аврааму. В этом храме находилось до 360 идолов, а черный камень, будто упавший с неба, был предметом поклонения арабских пилигримов.

Около 570 года родился в Мекке, в уважаемом племени корейшитов, основатель новой веры, Магомет. Он в молодости сопровождал торговые караваны, а с 610 года стал выдавать себя за пророка, получившего якобы через Архангела Гавриила небесные откровения. Магомет был умен, хорош собой и красноречив, но неграмотен. От богатой жены он получил большое состояние, которым щедро помогал нуждавшимся, и вскоре приобрел довольно много учеников и последователей. «Бог един и Магомет пророк Его» – вот первоначальное основание его учения. Он, впрочем, говорил, что призван не основать, а восстановить веру Ноя, Авраама и других пророков, искаженную будто иудеями и христианами. Иисуса Христа он почитал за великого пророка. Магомет предлагал свое учение в кратких изречениях, которые, будучи после собраны воедино, составили книгу Алкорана (Корана). Он сохранил много иудейских обычаев и предписывал некоторые правила христианской нравственности: милостыню, посты, частую молитву; дозволял многоженство, обещал правоверным рай и вечные наслаждения и как к святому делу призывал их к распространению ислама и искоренению врагов Божиих, то есть христиан и идолопоклонников. Магомет подвергся преследованиям от властей и в 622 году вынужден был бежать из Мекки в Медину. Это бегство принято последователями его за начало их летосчисления, егиру (в современном написании хиджра. – *Прим. ред.*). В Медине Магомет нашел уже множество последователей. Он сумел внушить им безграничное доверие и горячую привязанность к себе, направить воинственный пыл аравитян к делу, которое представлял им делом священным; учил их презирать опасность и смерть, утверждал, что определенной каждому судьбы миновать нельзя. Вскоре он завладел Меккой, а потом и вся Аравия признала его учение и власть. В своем лице он соединял власть и духовную, и гражданскую.

Когда император Ираклий отверг предложение принять ислам, Магомет со значительными силами пошел на него войной. Он умер в 632 году, но войну продолжал его преемник, Абубекр, первый калиф (или наместник) пророка. Успехи Абубекра и его наследника, Омара, были так значительны, что за восемь лет Ираклий опять утратил почти все области, им же возвращенные. В Сирии, Египте, Палестине распространилось учение Магомета, и все эти страны признали власть калифа. В 637 году Омар осадил Иерусалим. Жители защищались четыре месяца с отчаянным мужеством, но вынуждены были сдаться. Святой патриарх Софроний вел переговоры и сдал город Омару при условии, чтобы были сохранены в целости Гроб Господень и христианские храмы. Это условие было соблюдено. На месте же, где стоял храм Соломона, Омар заложил мечеть (так называется молитвенный дом магометан).

В течение VII века калифы распространили свою власть на Персию, Армению, Каппадокию, Кипр, Родос и часть Африки, но потерпели неудачу, осаждая Константинополь, и вынуждены были платить дань Греческой империи. Это было при императоре Константине Погонате (668–685). Считая своей святой обязанностью распространение ислама, калифы после победы требовали от побежденных признания Магомета пророком, налагали на них дань, от которой освобождались лишь те, которые соглашались принять ислам. Часто подвергали христиан преследованиям и тяжким истязаниям, ругались над их верой, упрекали их в многобожии и идолопоклонстве, ссылаясь на то, что они поклоняются Святой Троице и чествуют иконы. Во многих странах христианство очень оскудело, а вместе с этим падало и просвещение: разрушались школы и библиотеки. Есть сведения, что калиф Омар, завладев Александрией, велел сжечь тамошнюю библиотеку, самую значительную в мире (638). «Если эти книги содержат то же, что Коран, то они не нужны, – говорил он, – если же другое, то они вредны». Рассказывают, что городские бани в течение шести месяцев топили

драгоценными рукописями Александрийской библиотеки, основанной Птолемеем почти за триста лет до Рождества Христова.

Мечеть Омара. Иерусалим

Преследуя христиан, победители в пику им оказывали покровительство еретическим сектам несториан и монофизитов в Египте, Сирии и Месопотамии. Хотя это покровительство не относилось к их вере, но еретики, ненавидевшие православных, которых называли общим именем мельхитов (исповедующих веру царя), оказались полезными союзниками и верными подданными магометан.

За все это время внешних невзгод не прекращались и внутренние смуты, возбуждаемые богословскими спорами. Еретические секты продолжали враждовать и между собой, и с православными. Император Ираклий вступил в спор и еще больше запутал его. Желая примирить монофизитов с православными, он по совету константинопольского патриарха Сергия издал повеление (630) признавать во Христе при двух естествах одну Божественную волю. Это произвело сильное волнение. Александрийский патриарх Кир, согласный с новым учением, подтвердил его на Поместном соборе, папа Гонорий тоже согласился, но иерусалимский патриарх Софроний, славный мудростью и ученостью, убедительно доказывал, что новые лжеучители, которые стали известны под именем монофелитов (единовольники), проповедуют то же, что и монофизиты, и на Соборе осудил это лжеучение. Ираклий прибег опять к очень неудачной мере. Он обнародовал изложение веры, которым повелевалось без всякого рассуждения и спора признавать одну волю во Христе. Споры не утихли, а усилились. Смелым и красноречивым противником монофелизма явился игумен Максим, очень уважаемый в Константинополе²⁶⁴. Он был знатного и богатого рода и в молодости занимал важную должность при дворе, потом вступил в монашество и посвятил себя молитве и ученым трудам.

---

²⁶⁴ Максим Исповедник (582—662) – учитель Церкви, самый сильный после Оригена христианский ум на Востоке; был секретарем императора Ираклия, но, когда тот издал указ, ставший истоком ереси, постригся в монахи. Борясь с ересью, Максим долго ездил по Египту, жил в Риме. После изгнания папы Мартина Максима схватили и в 655 г. судили за государственную измену; вместе с двумя учениками его подвергли урезанию языка и отсечению правой руки. Затем был сослан на Кавказ, где и скончался в крепости Шемари.

Преподобный Максим Исповедник. Икона

Внук Ираклия Констанций (641–668 гг.) следовал примеру своего деда и в 648 году обнародовал указ, известный под именем Образа веры, в котором запрещал рассуждать о спорном вопросе. Но споры не умолкали.

Начались по местам гонения против ослушников царского веления; епископы-монофелиты объезжали области, чтобы распространять свое учение, и вербовали себе приверженцев то увещаниями, то силой. Тогда Максим, оставив Константинополь, поехал в Италию и Африку, чтобы противодействовать успехам лжеучения. Он имел жаркие прения с монофелитами и нашел себе союзника в римском папе Мартине, который, созвав Собор в Латеране, предал анафеме новую ересь и указы, поддерживавшие ее.

Когда об этом узнал император, то послал в Рим людей, чтобы схватить Мартина. Папу привезли в Константинополь и, обвинив в вымышленном преступлении, били и мучили его и наконец отправили в заточение в Херсонес, где святой страдалец скончался, не изменив истине (♣ 653).

Такая же участь ожидала и Максима. Его с двумя учениками привезли в Константинополь и заключили в темницы, где они претерпели всякого рода страдания и лишения, но остались непреклонны. Тогда обвинили Максима в измене и послали его во Фракию в заточение. Максим переносил гонение с кротостью и твердостью духа истинного христианина. «Благодарю Бога, – восклицал он, – что страдаю за вымышленные преступления; да омоются этим вольные прегрешения мои». Через некоторое время Максима возвратили. Так как он пользовался всеобщим уважением, то приверженцам монофелитства было крайне желательно склонить его к общению с ними: это могло послужить к утверждению их учения. Употребляли всевозможные меры, чтобы выманить у него согласие: и увещания, и лесть, и

угрозы – но все осталось тщетно. Максим был непоколебим. Не сумев склонить его к соглашению, убеждали его, по крайней мере, молчать о вере своей.

– Молчать об истине то же, что отвергать ее, – отвечал он.

– Нам дела нет до твоих убеждений, – говорили ему, – в сердце веруй, чему хочешь, только молчи.

– Господь велит не одним сердцем, но и устами исповедать Его, – возразил Максим, – святой апостол говорит: *Сердцем веруется в правду: устами же исповедуется во спасение.*

Когда убедились, что увещания тщетны, прибегли к пыткам. Максим с твердостью перенес истязания. Его мучили, били, наконец отрезали ему язык и правую руку и вместе с учеником Анастасием, разделившим его страдания, отправили в скифскую страну. Его ученик умер дорогой, а св. Максим томился три года в заточении, терпя всевозможные лишения. Он скончался в 662 году. Церковь благоговейно чествует память преп. Максима Исповедника 21 января и 13 августа. Он оставил несколько сочинений, в которых выражаются твердая вера и горячая любовь к Богу и ближним.

Насилия и гонения, конечно, не привели к миру, и открылась необходимость решить вопрос Вселенским Собором. В 680 году, при императоре Константине Погонате, был созван Шестой Вселенский Собор, третий Константинопольский. В нем участвовали 170 отцов. После долгих прений было положено: «Признавать в Иисусе Христе без смешения и разделения две воли, сообразно двум естествам». По истечении одиннадцати лет Собор вновь открыл свои заседания в царских палатах, называемых Трулльскими. Возникла необходимость пересмотреть некоторые правила, касавшиеся церковного благочиния. Повторив осуждение монофелитов, и в том числе папы Гонория, Собор принял за церковный закон 85 Правил апостольских, Правила Вселенских Соборов и семи Поместных. Этот Собор называется Трулльским, а также Пято-Шестым, потому что был как бы дополнением Пятого и Шестого.

На Шестом Соборе участвовал как один из ревностных защитников истины св. Андрей Критский²⁶⁵, синкелл (домашний секретарь) иерусалимского патриарха. Впоследствии он был архиепископом на острове Крит и славился благочестием и усердием к вере. Ему Церковь обязана Великим канонам покаяния, который читается в первые четыре дня Великого поста и известен под его именем.

В начале VIII века император Филиппик (Филипп Вардан, 711–715) хотел опять восстановить монофелитство и, на незаконном соборе осудив Шестой Вселенский Собор, повелел удалить из храмов изображения святых отцов, участвовавших на нем. Это повеление произвело всеобщее негодование. В Риме вспыхнул мятеж, в Константинополе громко роптали, и Филиппик вскоре после этого лишился престола.

Монофелиты, не покорившиеся решению Шестого Вселенского Собора, собрались на горе Ливан, около монастыря Марона, одного из их епископов, и приняли название маронитов, под которым существуют и доныне.

* * *

В VIII веке сарацины расширили свои завоевания, покорили окончательно Африку, где очень скоро почти совсем сокрушили христианство, уже давно слабевшее от беспрестанных волнений донатистов, гонений вандалов и по другим причинам. Магометане налагали на побежденных дань, от которой можно было освободиться лишь принятием ислама. И уже к концу VIII века дань не взималась с Африки, потому что весь народ принял закон

---

²⁶⁵ Будучи родом из Дамаска, св. Андрей с 14 лет жил в монастыре св. Саввы близ Иерусалима. Известен как творец тропарей, многих Слов на Господские и Богородичные праздники. Умер в 720 или 726 г.

завоевателей. Страна Киприана Александрийского и блаженного Августина вместе с верой утратила и христианское просвещение. Дикость и невежество быстро распространились в областях, где некогда процветали вера и науки. Те, которые еще оставались христианами, хранили втайне свою веру. Впоследствии малое число африканских христиан, приняв некоторые обычаи магометан, стали называться мозарабами.

Из Африки сарацины распространили свою власть и на Испанию, находившуюся тогда под владычеством вестготов. Предательство одного готского вождя, Юлиана, помогло им. Юлиан, оскорбленный королем Родригом, сам призвал сарацин в Испанию и помог им завладеть краем. Были и другие условия, благоприятные для завоевателей: король не пользовался доверием подданных; народ, изнеженный и развращенный, был равнодушен к судьбе страны; духовенство заботилось лишь о власти и выгодах; многочисленные евреи, жившие в Испании, раздраженные жестокими гонениями, готовы были содействовать пришельцам. Испания покорилась бесславно, почти без сопротивления. Архиепископ Толедский и сыновья низложенного короля Витицы были в числе предателей и изменили гражданскому долгу. Король Родриг прибыл на поле битвы в богатой колеснице, в пурпуровой мантии и золотом венце, но вскоре искал спасения в бегстве и погиб в болотной грязи близ Гвадалквивира (711). Сарацины послали его голову в Дамаск. «Такова, – писал один из их историков, – судьба вождей, которые удаляются с поля битвы». Очень малое число населения Испании, не покорившееся сарацинам, отстаивало свою независимость в одной области Астурии под начальством Пелагия. Христиане получили от победителей право хранить свою веру и совершать богослужение, но за это должны были платить дань, и многие признали Магомета.

Завоеватели Испании мечтали покорить и соседнюю Францию. Они завладели некоторыми южными областями, но в 732 году в полях Пуатье потерпели поражение от Карла Мартелла, что и остановило на время их успехи на Западе. На Востоке они терпели неудачу лишь у стен Константинополя, который дважды осаждали без успеха, но Египет, Сирия, Палестина стали покорны власти калифов, живших в Дамаске. Быстро падало просвещение в странах, ранее славных своим образованием: калифы, даже те, которые не возбуждали явного гонения против христиан, преследовали христианское образование, думая тем достигнуть своей цели. Так, калиф Авдала под смертной казнью запрещал христианам учиться. Он думал этим пресечь их богослужение, которое совершалось по книгам. Впрочем, так было не везде. Впоследствии сами сарацины стали успешно заниматься науками. Так, в Испании кордовские калифы были покровителями искусства и науки.

Глава XV

Ересь иконоборческая и Седьмой Вселенский Собор

В то время как Церковь страдала от магометан, ее вдруг постигла новая беда – ересь иконоборчества, которая продолжалась почти сто лет.

Как мы уже видели, магометане укоряли христиан в идолопоклонстве: говорили, что они отпали от древнего благочестия – поклонения одному истинному Богу и стали поклоняться трем богам и боготворить идолов. Так называли они святые иконы²⁶⁶. Иудеи, радуясь всякому случаю оскорбить христиан, усердно повторяли это обвинение. Может быть, при упадке духовной жизни и образования икона, издавна бывшая предметом благоговейного поклонения для каждого христианина, и делалась иногда предметом обожания. Но против всякого суеверия, уклонения от истины всегда восставали святые отцы Церкви. Теперь же императоры решили уничтожить священный обряд властью и силой.

Император Лев Исаврянин (717–741), прославленный воинскими подвигами против магометан, возмечтал уничтожением икон очистить Церковь от суеверия и обратиться к христианству магометан и иудеев. Константинопольский патриарх, св. Герман (715–730), с которым царь советовался, объяснял ему истинное значение иконопочитания и наконец объявил, что ни царь, ни патриарх не имеют права изменять обычаи Церкви и что он, скорее, согласен умереть, чем содействовать незаконному делу. Царь не послушался возражений патриарха и в 728 году издал указ, запрещающий иметь иконы в церквях и в домах. Доблестный патриарх отказался от своего сана и, претерпев оскорбления, поношения, даже побои, был изгнан из Константинополя. Он скончался в изгнании, в глубокой старости, оставив несколько замечательных сочинений. На его место был назначен Анастасий, во всем покорный царю.

Император Лев Исавр

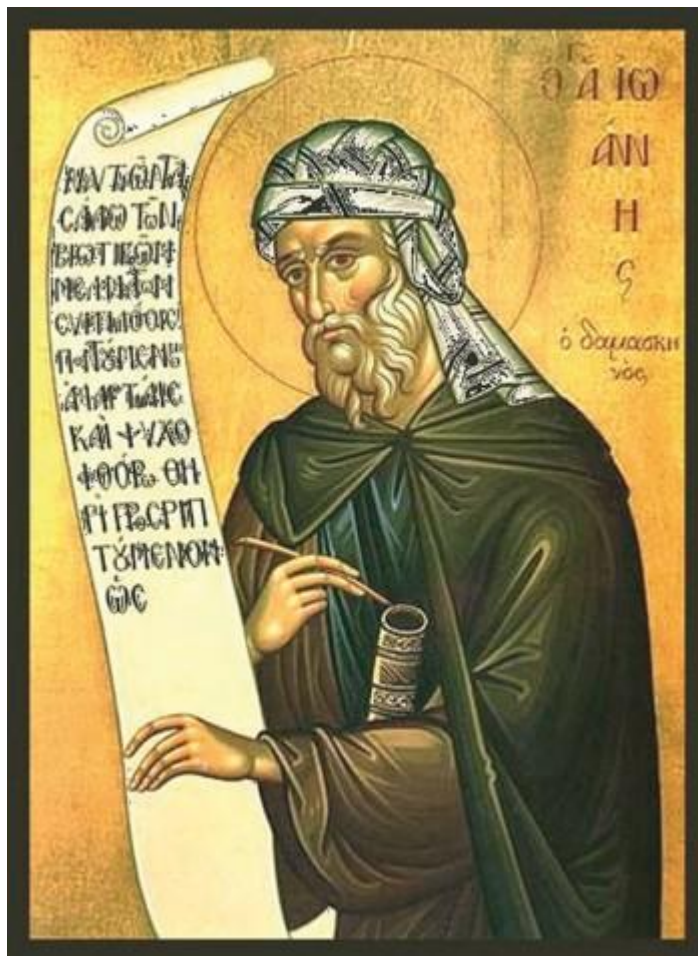
Вслед за указом царь повелел вынести из храма и домов иконы и сжечь их на торжище. Это произвело в народе негодование. Над воротами царского двора стояло еще со времен Константина Великого изображение Спасителя, которое теперь велено было уничтожить. Присланный от царя военный чиновник, приставив к стене лестницу, стал исполнять царское веление. Напрасно толпа, окружив его, со слезами умоляла не трогать святого изобраа-

²⁶⁶ **Икона** – это священное изображение, темой которого являются Господь Иисус Христос, Пречистая Дева Мария, другие библейские и евангельские лица или сюжеты, Бесплотные силы, святые и их жития. Назначение иконы – зримо олицетворять близость и участие в земной жизни Бога и Небесной Церкви. Обращаясь в молитве к иконам, христианин чтит тех, кто на них изображен. Целям молитвенной сосредоточенности и передачи духовного смысла служит особый изобразительный стиль иконописи, соединяющий в себе элементы реализма, символики и аскетического видения действительности. Благодаря этому икона выступает не просто религиозной картиной, но свидетельством веры и духовного опыта, окном в духовную реальность, пророчеством о будущем веке. По преданию, первую икону «Нерукотворенного Спаса» явил Церкви Сам Господь Иисус Христос. Едесский князь Авгарь Черный, больной проказой, просил Иисуса Христа через своего вельможу прийти к нему и исцелить, но Христос умыл лицо, отер его полотенцем (убрусом), и на последнем чудесно запечатлелся Его лик, который и исцелил Авгаря, когда тот приложил его к лицу.

жения, предмета благоговейного поклонения всего народа; воин вместо ответа ударил по нему молотом. Тогда испуганные женщины опрокинули лестницу; воин убился до смерти. Вспыхнул мятеж, который был усмирён лишь силой оружия. Множество людей подверглось смертной казни, но весь народ считал их мучениками за святую истину и чествовал их память. Царь, раздражённый сопротивлением, стал прибегать к самым строгим мерам: изгнание, лишение имущества, заточение, пытки и казни – все было употреблено против почитателей святых икон. Он повелевал разрушать училища, в которых наставники не принимали его мнения относительно икон, сжег в Константинополе вместе с огромной библиотекой и двенадцать библиотекарей за то, что один из них указал в рукописях мнения, противные иконоборству. Эти неистовые меры только воспламеняли страсти, ожесточали народ против правительства, и волнение росло с каждым днём.

Оно сообщалось и другим областям, куда достигали указы царские. Некоторые епископы из угодливости царю исполняли его повеления, везде возбуждавшие народное негодование. Но нашлись и такие епископы, которые с твердостью отстаивали древние обычаи и права Церкви. Папа Григорий II осудил в Риме иконоборческую ересь и написал царю письмо, в котором в резкой форме укорял его за эти поступки. Лев решил низложить папу, но римский народ встал за своего святителя. Волнение сообщилось всей Италии. Негодование было таким сильным, что народ во многих городах разрушил царские изображения и готов был провозгласить нового императора, идти войной на Исаврянина. Тогда папы Григорий II и Григорий III остановили сбор податей с итальянских подданных императора.

Преподобный Иоанн Дамаскин. Икона

На Востоке сильнейшим защитником иконопочитания был Иоанн Дамаскин^{267*}, славный во всем христианском мире благочестием, ученостью и красноречием. Получив с детства прекрасное образование от калабрийского инока Космы, которого его отец выкупил из плена, Иоанн стал впоследствии правителем города Дамаска и пользовался полным доверием калифа. Как только дошли до Дамаска вести о действиях императора против икон и их почитателей, то Иоанн написал к Константинопольской Церкви несколько посланий, в которых с силой и красноречием защищал право христиан изображать воплотившегося Христа и поклоняться изображениям Спасителя и Его святых, нисколько не впадая этим в идолопоклонство. Его послания произвели в Константинополе сильное действие и ободрили православных. Тогда император, чтобы отомстить Иоанну, оклеветал его перед калифом, послав тому подложное письмо, в котором Иоанн будто бы предлагал предать ему Дамаск. Калиф, поверив клевете, велел отрубить у Иоанна правую руку и лишил его сана. Чудесной помощью Пресвятой Богородицы отсеченная рука срослась. Невинность Иоанна обнаружилась, но он отклонил от себя почести, которые калиф предлагал ему, и, оставив Дамаск, провел остальную жизнь в строгом подвижничестве в Лавре святого Саввы²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Иоанн Дамаскин – знаменитый писатель и церковный поэт. Святой преподобный Иоанн Дамаскин родился в Сирии в конце VII VIII в. Он происходил из знатного рода Мансуров, в молодости служил при дворе халифа. Огромную пользу для Церкви принесли богословские работы св. Иоанна в защиту икон. В Византийской империи в это время свирепствовала иконоборческая ересь: иконы уничтожались, а почитатели их сурово преследовались. Будучи высокообразованным человеком и одаренным писателем, Иоанн Дамаскин очень убедительно писал в защиту православного почитания икон. Иконоборческий собор 754 года проклял имя Мансура, но Вселенский Собор 787 года прославил Иоанна Дамаскина как «глашатая истины». Впоследствии он написал дивную книгу «Источник знания», которая стала первым полным и последовательным изложением Православного богословия. Прежние образцы греческой богословской мысли содержали в себе многие важные положения, тем не менее им недоставало общей системы и связанности. Святой Иоанн Дамаскин, в совершенстве овладевший логическим методом Аристотеля, в этой книге привел все догматы и естественнонаучные представления в единый стройный порядок. Еще одной важнейшей заслугой св. Иоанна явилась его поэтическая и музыкальная деятельность. Ему принадлежит Богородичная хвалебная песнь «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь», воскресная победная песнь «Воскресение Христово видевшие», стихиры заупокойного канона. С поэзией Дамаскина тесно сливается и его музыкальная деятельность. Ему принадлежат первая церковная система нот и оформление большинства христианских песнопений в сборники Типикон и Октоих. Необычайная талантливость и глубина мысли святого дала ему имя Иоанна Златоуструйного. Умер в Иерусалиме около 780 года.

²⁶⁸ Туда он взял с собой икону Матери Божией (перед ней он молился об исцелении), привесив к ней серебряное изображение отрубленной кисти. Икона с тех пор называется «Троеручица».

Преподобный Иоанн Дамаскин. Фрагмент иконы. Конец XV в. Новгородский музей
Гонение на иконы еще больше усилилось при наследниках Льва Исаврянина. Его сын, Константин V Копроним, созвал в 754 году незаконный собор из единомышленников, которые осудили как идолопоклонство всякую честь, воздаваемую иконам, и сравнили почитателей икон с приверженцами Ария, Нестория и Евтихия.

Икона «Троеручица»

Как опасное суеверие преследовалось также и иночество, чествование Божией Матери и святых, поклонение святым мощам. На внутренних стенах церквей стирали изображения евангельских сюжетов и рисовали вместо них деревья, сцены охоты и т. п. Тридцатипятилетнее царствование Константина было для христиан страшным испытанием, казни и преследования не прекращались.

Икона «Троеручица»

Но православные знали, что лучше переносить всякого рода мучения, нежели не почитать Господа и святых Его в их изображениях. Множество христиан запечатлели веру свою мученической смертью. Святой Андрей Критский (его не нужно путать с епископом того же имени, сложившим Канон покаяния), отшельник, всеми уважаемый, был побит камнями за то, что смело обличал царя в неправомыслии и жестокости²⁶⁹. Святой Стефан Новый, игумен Авксентьева монастыря, был подвергнут пыткам и сослан в заточение, обитель его разорена, но ничто не могло победить его твердости, и святого казнили.

Но как всегда бывает в таких случаях, жестокое гонение только воспламеняло усердие верующих. Весь народ оказывал величайшее уважение гонимым епископам. Темницы узников, пострадавших за святые иконы, делались молитвенными домами, в которых народ толпился, прося благословения у страдальцев и отвращаясь от епископов-иконоборцев, которые за угодливость царю получали от него дары и почести. Иконы, изгоняемые из домов и храмов, были тем более чествуемы втайне. В честь Богоматери и святых раздавались высокие песни св. Иоанна Дамаск и па, Космы Маюмского, Германа и других, и все православные с радостью повторяли их. Между тем беспрестанные мятежи и волнения свидетельствовали о всеобщем неудовольствии. Много гонимых, оставив отечество свое, искали на Западе безопасности. Некоторые епископы входили в сношение с римским епископом, тогда очень усилившимся, и искали его покровительства. Римский епископ Стефан на Соборе в Латеране предал анафеме иконоборцев.

Лев IV Хазар (775–780), сын Копронима, следовал примеру отца и деда. Продолжались жестокие казни, разрушались монастыри; воины обыскивали дома, чтобы предавать огню скрываемые иконы; сжигали даже книги, в которых были изображения. Но Лев царствовал только пять лет, а его вдова, Ирина, приняв правление из-за малолетства сына, восстановила иконопочитание. Патриархом Константинопольским был тогда св. Павел IV (780–784), человек добрый, но слабый, который из малодушия во всем уступал императору-иконоборцу. Это мучило его совесть, и через некоторое время после смерти Льва он оставил патриарший сан и, удалившись в убогую келью, принял схиму²⁷⁰.

Тщетно Ирина умоляла его править Церковью. Он отвечал, что хочет посвятить жизнь уединенной молитве и покаянию, и указывал на Вселенский Собор как на единственное средство возратить мир Церкви, волнуемой иконоборчеством и распрей с Западом. По его совету избрали в патриархи Тарасия, гражданского сановника, известного твердостью духа и благочестием. Тарасий долго не соглашался, но наконец уступил общему желанию при условии, чтобы немедленно был созван Вселенский Собор. «Я вижу расторгнутую и разделенную Церковь Божию, – говорил он, – вижу распри между Востоком и Западом, обоюдную вражду вместо единства мира и любви». К восточным и западным епископам были немедленно разсланы письма с приглашением прибыть на Вселенский Собор в Константинополь. Однако в Константинополе партия иконоборцев пользовалась большой силой в войске; толпа воинов, окружив храм, в котором должны были происходить заседания, производила волнения и кричала, что не допустит внести в церковь идолов. Тогда решили, что Собор состоится в Никее. Там в 787 году открылся Седьмой Вселенский Собор под председательством Тарасия и при участии 367 епископов, среди которых находились и посланные от папы Адриана I (772–795).

Во все время иконоборчества церковные отношения между Римом и Константинополем были почти совсем прерваны. В это время на Западе очень усилилась власть папы. Папа

²⁶⁹ Преподобномученик (♣ 767), его память чтится Православной Церковью 17 октября.

²⁷⁰ Высшая степень монашества.

Адриан в ответе на приглашение Константинопольской Церкви обнаружил вполне свои притязания на главенство, которые, как и прежде, не признавались Востоком.

Собор, на основании Священного Писания и свидетельств из сочинений святых отцов, утвердил иконопочитание, выразив, что следует «чествовать святые иконы и оным кланяться не как Богу, а как Его и святых Его воспоминательному начертанию». Собор опроверг все пункты иконоборческой ереси. Определения Собора были сообщены всем Церквам. Римская Церковь приняла их вполне, но, несмотря на возрастающую власть папы, некоторые французские богословы и король Франции Карл Великий возражали и на Франкфуртском соборе отвергли некоторые пункты.

После краткого спокойствия иконоборческая ересь снова возникла на Востоке и опять много лет волновала Церковь. В это время беспрестанных смут и тревог внутреннее состояние Византийской империи было жалким. Трудно поверить, чтобы страна, просвещенная светом христианской веры, могла пасть так низко в нравственном отношении. Разврат, жестокость и суеверие господствовали при дворе и в народе; беспрестанно совершались самые ужасные злодеяния; церковные и гражданские законы нарушались; императоры увлекались ересью и, переступая границы своей власти, дерзали изменять постановления Церкви, силой поддерживали лжеучения и жестоко преследовали не согласившихся с их мнениями. Все это производило беспорядки и смятения. Империя волновалась, в разных местах вспыхивали мятежи, и искатели власти пользовались всеобщим неудовольствием, чтобы вербовать себе приверженцев для овладения престолом. Торжествующая партия жестоко мстила всем, противившимся ей, и кровь лилась из-за политических и религиозных смут.

Надо сказать, что в это тяжелое время в Церкви всегда находились святые мужи, которые с непоколебимой твердостью и высоким самоотвержением охраняли чистоту христианского учения. Однако жизнь этих святых служителей Господних стала непрерывной цепью страданий. Святой Феодор Студит (759–826), который смело обличал императора Константина IV (сына Ирины) за то, что, расторгнув свой брак с добродетельной супругой и оклеветав ее, он вступил в незаконную связь с близкой родственницей. Этот поступок царя служил пагубным примером всему двору. Патриарх Тарасий смело укорял царя, за что лишился его милости. Феодор же, который был в то время игуменом Саккудианского монастыря близ Константинополя, за обличение потерпел жестокие пытки и был сослан в заточение в Солунь (Фессалоники) вместе с десятью иноками. Возвращенный императрицей Ириной в 797 г. после смерти Константина, Феодор стал настоятелем Студийского монастыря. Вокруг него собралось более ста братьев, которыми Феодор мудро правил, он заботился о распространении просвещения, завел при монастыре училище для детей. Но его благочестивые труды были снова прерваны гонениями от императора Никифора, который придерживался ереси павликиан. Феодор опять подвергся заточению. Возвращенный наследником Никифора, он опять вытерпел гонения от императора Льва Армянина, который приложил все усилия, чтобы восстановить иконоборчество. Созвав собор из единомышленников, он в 814 году отменил определения Вселенского Собора и снова стал жестоко преследовать почитателей святых икон. Феодор смело говорил ему: «Государь, не нарушай мира Церкви! Апостол сказал, что Бог поставил в Церкви иных апостолами, других пророками, некоторых пастырями и учителями для созидания Церкви; но не упомянул о царях. Оставь Церковь пастырям и учителям. Когда не так, то поверь, что если бы сам Ангел с Неба стал требовать противное вере нашей, не послушаем и его». Увещания Феодора остались тщетны, гонение усиливалось, все православные были в скорби и унынии. Однажды в праздник Феодор совершил торжественно крестный ход с иконами вокруг монастыря, воспевая церковную песнь, сложенную Иоанном Дамаскином: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий!» Император, узнав об этом, велел предать святого истязаниям и сослать в дальний город, где его заключили в мрачную темницу.

Но Феодор и из темницы действовал в пользу Православия, переписывался с епископами, верными истине, учил, ободрял, утешал страдающих христиан. Силой духа поддерживал он патриарха, унывавшего среди смут. Неоднократно еще мучили его пытками, голодом, из одной темницы переводили в другую, более отдаленную, более мрачную. Святой исповедник переносил все терпеливо; силы духа не изменяли ему, хотя и слабели силы телесные. «Мне все равно, куда бы меня ни отослали, – говорил он. – Бог везде, Господня земля и исполнение ее; но где бы я ни был, не буду молчать, когда следует стоять за правду». Изгнание св. Феодора кончилось только со смертью Льва, тогда он был возвращен в Константинополь, однако Студийского монастыря он ему не вернул. Не стерпев разврата столицы, Феодор удалился в пустынное место, где скончался (826) на 68-м году с благодарственной молитвой на устах²⁷¹. Брат св. Феодора, Иосиф, епископ Солунский, также претерпел гонения за иконопочитание.

Гонение на почитателей икон свирепствовало еще около двадцати пяти лет: при Льве Армянине, Михаиле и Феофиле, – до 842 года. Разрушались монастыри и пустынные кельи, иноки предавались истязаниям; тому же подвергались и иконописцы. Тогда многие, гонимые на Востоке, нашли убежище в Италии, где ввели начала живописи. Множество православных искало спасение в бегстве, но не всегда могли укрыться от ярости гонителей, которые преследовали их и в чужих странах. Темницы были полны узников, придумывались неизвестные доселе истязания. Так, два брата, Феодор и Феофан, присланные к императору Льву от Иерусалимского патриарха для защиты истины, подверглись ужасным пыткам. Вина их состояла в том, что один из них писал поучения, другой составлял каноны в честь святых. Лев мучил их голодом в темнице, а Феофил велел на лицах их начертать железом бранные слова. Они говорили во время истязания: «Пиши, царь! Перед Страшным Судией прочтешь свое писание». Эти святые исповедники чествуются Церковью под названием «Начертанных». Инок Иосиф, родом из Сицилии, отправленный православными на Запад за помощью, был схвачен и долго томим в заключении, но в темнице он стал утешителем и наставником узников. После окончания иконоборческой ереси он поселился в Константинополе, где в высоких песнях восхвалял святых и стал известен под именем Иосифа Песнописца.

Святой патриарх Константинопольский Никифор I (806–815, ♣ 828) подвергся тяжким гонениям от императора Льва; св. патриарх Мефодий I (842–846) – от Михаила и Феофила. Мефодий после жестоких истязаний был сослан на отдаленный остров и там заключен в подземелье вместе с двумя разбойниками.

После смерти императора Феофила его вдова Феодора (842–855) прекратила гонение, возвратила из ссылки всех изгнанных, в том числе и св. Мефодия. Поместный Собор 842 года под его председательством восстановил иконопочитание, осудил иконоборческую ересь и установил праздник Торжества Православия, совершаемый и поныне в первый воскресный день Великого поста. Тем и кончилась эта ересь, которая в течение более ста лет терзала Церковь, губила вместе с иконами науку, искусство, просвещение, жестоко нарушала свободу совести. Было разрушено бесчисленное множество монастырей и сожжено немало драгоценных рукописей. Император Копроним, например, повелевал предавать огню все книги с изображениями.

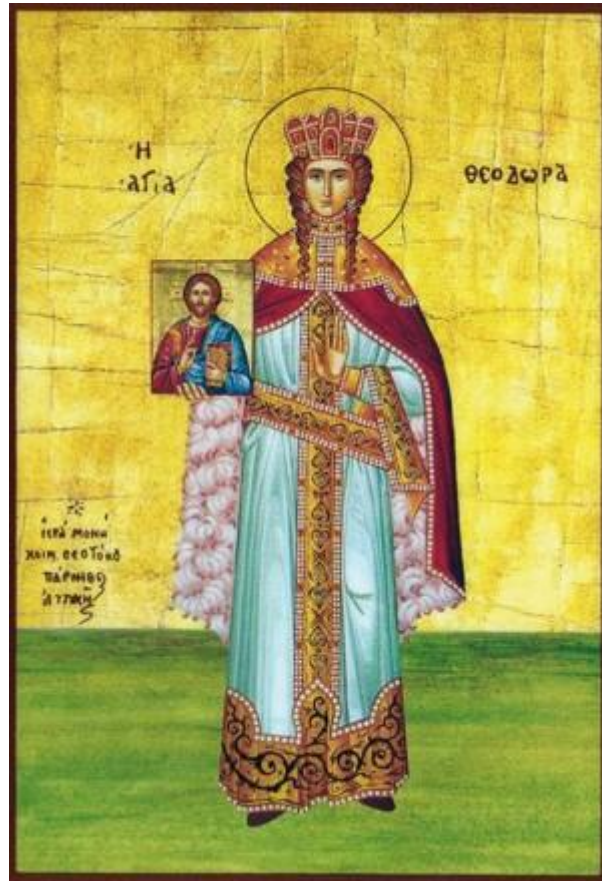
Замечательно, что именно в это время, когда чествование святых преследовалось как преступление, сложилась большая часть тех церковных песен, которые и ныне поются в Церкви во славу Пресвятой Богородицы и святых угодников Божиих. Одним из вдохновенных песнопевцев, чествуемых Церковью, был Иоанн Дамаскин, о котором мы упоминали как о ревнителе и защитнике иконопочитания. Презрев величие и почести, Иоанн сделался иноком в обители св. Саввы близ Иерусалима. Предание рассказывает, что когда он прибыл в

²⁷¹ Его память Православная Церковь чтит 26 января и 11 ноября.

обитель, то вначале ни один инок не решался принять его к себе в ученики, потому что всем известна была его слава. Наконец нашелся один старец, который согласился стать его наставником. Он налагал на своего великого ученика самые трудные послушания, труды, работы, но особенно испытывал его смиренномудрие тем, что запрещал ему всякую умственную деятельность. Иоанн же любил науку, любил слагать духовные песни. Он безропотно покорился заповеди старца, как ни тяжела была она ему. Но вот однажды встретил он инока, который глубоко скорбел о смерти брата. Несчастный со слезами умолял Иоанна смягчить его скорбь надгробной песней. Иоанн не утерпел, нарушил заповедь старца, и тут же сложил умиленные надгробные стихи, которые и доныне поются при погребении умерших: «Какая житейская сладость печали не причастна? Человецы, что всеу мятемся? Все человеческая суета». Старец, узнав об этом, изгнал Иоанна из своей кельи. Долго Иоанн плакал, умолял о прощении. Наконец старец в наказание велел ему очистить все нечистые места обители и только после исполнения этого согласился вновь принять его. В ту же ночь старцу явилась Богоматерь и повелела снять с Иоанна запрещение. С этих пор сладкими струями потекли дивные песнопения Иоанна во славу Господа, Богоматери и святых. Ему Церковь обязана торжественной пасхальной службой, канонами на главные праздники Господни и Богородичные, на Пятидесятницу, на память многих святых. Он составил Октоих, или Осмогласник, содержащий воскресные службы, разделенные на восемь гласов. Большая часть его священных песен и молитв была еще при жизни его принята в состав богослужения. Кроме песен Иоанн составил еще изложение Православной веры, диалектику, книгу о ересьях, красноречивые слова против порицателей святых икон. Из своей обители Иоанн опять являлся в Константинополь защитником святых икон во время гонений при Копрониме. С церковного амвона сам Копроним произнес на него анафему, но Иоанн продолжал бесстрашно осуждать ересь. Он скончался около 780 года.

Товарищ и воспитанник Иоанна, Косма, впоследствии епископ Маюмский, тоже сложил много церковных песен, исполненных высокой поэзии. Воспевали тогда славу святых и Герман Константинопольский, Феодор Студит и некоторые его ученики; Иосиф Песнописец, Феофан Сигрианский и Феофан Начертанный, Иосиф Солунский, инокиня Кассия, или Кассиана, и многие другие. И все это – в тяжелое время инокоборчества, под страхом пыток и смертной казни. В то же время патриарх Никифор писал историю Церкви от смерти Маврикия до 769 года.

Святая царица Феодора. Икона

К смутам от иконоборчества присоединялись еще и волнения, производимые павликианами. Трудно точно определить, в чем именно состояло их исповедание. Во-первых, потому что в писаниях их современников сохранилось довольно мало подробных известий о павликианах; во-вторых, потому, что эта ересь очень скоро сама распалась на множество различных толков. В некоторых пунктах их учение сходилось с учением гностических и манихейских сект. Они считали, что этот мир сотворен не верховным существом, отвергали Таинства и внешние обряды Церкви, не признавали церковной иерархии, не уважали ни одной ветхозаветной книги, принимая как слово Божие только книги новозаветные, да и то без Посланий ап. Петра. В объяснении Нового Завета они часто отступали от взгляда Церкви, придавая многим изречениям иносказательное значение. Не знают наверно, от кого они ведут имя свое: от одного ли из своих учителей или от ап. Павла, Посланиям которого выражали особенное уважение. Павликиане, гонимые и церковными, и гражданскими властями в империи, селились в пограничных областях, где входили в союз с сарацинами и другими врагами империи. Много их поселилось в Армении, где они успешно распространяли свое лжеучение и в то же время помогали врагам империи. Это навлекло на них жесточайшее гонение. При императрице Феодоре было истреблено до ста тысяч павликиан. Но гонения и жестокости возбуждали в них сильнейшую ревность к своей вере и вражду к Православию и к греческой империи, которую они и впоследствии тревожили частыми набегами. Пользуясь расположением сарацин, они построили город Табрик, в котором укрепились; а лжеучения их в VIII и IX веках очень распространились в соседних с ними областях.

Святая царица Феодора. Икона

Глава XVI

Развитие папской власти в девятом веке

Значение римского первосвященника сильно возросло в VII и в VIII веках признанием его главенства Англией и всей Средней Европой. Но особенно усилилось оно в IX веке. Условия тому благоприятствовали: иконоборческая ересь, которая мало коснулась Запада, ускорила разрыв между Востоком и Западом, давно назревавший.

Со времени падения Западной Римской империи византийские императоры считались верховными владыками Рима, и со времен Юстиниана действительно обладали большей частью Италии, которой управляли через своего представителя, экзарха равеннского. В Риме же имели наместника, подчиненного экзарху. Избрание пап утверждалось согласием императора. Когда в 554 году Велизарий взял Рим, папа Сильверий был изгнан и по воле византийского императора заменен Виталием. Восточные императоры иногда довольно сурово давали почувствовать папам свою власть. Но по мере того как смуты и беспорядки на Востоке усиливались, власть императора слабела в Италии. Борьба то с германскими и славянскими племенами, то с персами и магометанами отвлекала от Италии внимание и силы императоров. Им стало невозможно защищать своих итальянских подданных от нападения врагов. Врагам они не внушали страха, своим итальянским подданным не внушали доверия. Их слабостью воспользовались лангобарды. Они овладели некоторыми итальянскими областями, принадлежащими Византии, и постоянно держали в страхе всю Италию.

Насколько слабело значение отдаленных византийских императоров, настолько усиливалось в Италии значение римских епископов. Не имея собственно государственной власти, они имели все средства защищать народ и помогать ему в трудные минуты. Богатство их было значительным.

Они уже с V века владели обширной земельной собственностью. И надо сказать, что многие из них употребляли свои средства на нужды и пользу народа: кормили его во время голода, выкупали пленных, иногда содержали войско, защищавшее Рим от лангобардов, потому что нельзя было ждать помощи с Востока. Таким образом, Италия постепенно привыкала обращать свои взоры к папскому престолу и от него ожидать себе помощи и защиты. Действительная сила римских епископов постепенно заменяла призрачную власть византийских императоров. Средства и силы папы росли по мере распространения на Западе христианской веры. Вместе с тем росло и его духовное значение, так как все новообращенные народы изъявляли ему покорность как главе Церкви.

Понятно, что при таких обстоятельствах папам становилась тягостна даже тень зависимости от византийского императора. Но пока им не представлялась возможность отложиться от него, они продолжали изъявлять ему покорность и, защищая итальянские области против лангобардов, отстаивали права императора как верховного владыки Италии. Это было пока согласно и с их собственными выгодами, потому что власть лангобардов могла сделаться для них гораздо тяжелее, чем подданство отсутствующему императору. Они стали действовать с крайней осторожностью и выжидать удобного случая, чтобы без опасности для себя разорвать гражданскую связь с восточным императором.

Если гражданская связь с Востоком была тягостна, то связь церковная могла казаться еще тягостнее гордому Римскому первосвященнику, которому на Западе открывалась возможность стать главой, владыкой и законодателем Церкви. Не так, далеко не так, смотрел на него Восток. Верный древнему церковному Преданию, Восток никогда не видел в епископе Римском главы Церкви и постоянно отражал всякую его попытку присвоить себе не принадлежавшие ему права. Еще совсем недавно папа Гонорий был осужден Вселенским Собором как еретик, и тем было подтверждено, что церковное правление есть правление соборное

и не принадлежит одному лицу. Патриархи древних митрополий продолжали относиться к папе как равные к равному, уважая в нем только первенство чести. И ничто не изменялось в их отношениях к нему, хотя папа и чрезмерно усилился покорностью новообращенных народов Запада, а Восток был в бедственном положении, теснимый магометанами и волнуем бурей иконоборства. Новообращенные же народы Запада и вожди их верили вполне в вымышленные права папы и с сыновней покорностью преклонялись перед ним как перед наместником Христа и преемником князя апостолов (так папы начинали именовать апостола Петра). Во всем, что касалось Церкви, Восток представлял резкую противоположность Западу. Своим глубоким уважением к Преданию Церкви он стеснял свободу действий папы. Всякое нарушение постановлений Вселенских Соборов, всякое нововведение, несогласное с духом Церкви Христовой, всегда встречало на Востоке сильный отпор. Так, каждый член Церкви принимал живое участие во всем, что касалось Церкви. Ее предания, постановления были всем дороги, охранялись любовью и благоговением всей Церкви, то есть всех верующих. На Западе, новом в церковной жизни, скудном просвещением, папа мог надеяться на полную свободу в этом отношении. Ему представлялась полная власть издавать законы, отменять и изменять древние постановления. Народы, обращенные римскими проповедниками, научились смотреть на папу как на владыку и главу Церкви. Они воспитывались в мысли, что они не столько члены, сколько подданные Церкви; а Церковь, учили западные богословы, есть собственно духовенство, которое, стоя гораздо выше мирян, берет на себя попечение об их душах и потому вправе требовать от них безусловной покорности. Западное духовенство старалось все больше и больше проводить в жизнь такой взгляд, чтобы на нем основать свое преобладание над народами и из этого преобладания извлечь выгоды.

Все это было далеко от духа истинной христианской Церкви, а потому был неизбежен разрыв с Востоком, ибо именно Греческая Церковь при всех смутах, обуревающих ее, при всех уклонениях от истины отдельных личностей, увлеченных еретическими мнениями, верно хранила истину. Этот разрыв мог даже представляться желательным для пап, но требовалось, чтобы сам Восток дал повод и чтобы на Западе появилась сила, на которую папа мог бы надежно опереться. Все это в конце концов представилось.

В то время, когда владычество восточных императоров стало таким шатким в Италии, они вдобавок ко всему настроили против себя народ, покровительствуя ереси. Когда император Филиппик (Филипп Бардан, 711–715 гг.) прислал в Рим повеление удалить из Церкви изображения отцов Шестого Собора, то в Риме произошло волнение и народ объявил, что не хочет признавать еретика императором. Волнение еще больше усилилось, когда до Рима дошли указы Льва Исаврянина против икон. Вспыхнуло восстание, грозившее положить конец владычеству византийских императоров в Италии, где им принадлежали Равеннский экзархат, Римская область, Неаполь, Амальфи и Гаета с их округами, Апулия, Калабрия и Сицилия с соседними островами. Этим волнением хотел воспользоваться король лангобардов Люттиранд, но папа Григорий II, опасаясь больше власти лангобардов, чем власти Византии, усмирил народ и тем сохранил пока еще для Византии ее области. Но в письмах он резко укорял императора за его действия. На эти письма император отвечал столь же резко, и отношения между Римом и Константинополем стали очень враждебными. Еще резче, еще сильнее своего предшественника действовал папа Григорий III (731–741). Он созвал в Риме Собор и предал анафеме иконоборцев. Император грозил низложить его, но римский народ встал за своего епископа, низверг статуи императора и хотел идти войной на Константинополь. Папа удержал ярость народа, но позволил итальянским подданным императора не платить ему дани, как еретику. Лев послал флот в Адриатическое море, чтобы смирить непокорных, но флот его погиб от бури. Тогда он отомстил папе тем, что отделил Южную Италию и Иллирик вместе с епархиями Ахайи и Пелопоннеса от Римской митрополии, причислил их к округу Константинопольского патриарха и лишил папу доходов с богатых поместий,

дарованных некогда Римскому престолу Юстинианом и его преемниками. Это было крайне неприятно папе, но в то же время иконоборческие смуты содействовали усилению его духовного значения. Между тем как на Востоке духовенство было поставлено в тяжелую необходимость или угождать еретику-императору, или жертвовать жизнью, свободой и своим участием в церковных делах, папа в Риме мог почти безопасно стоять за истину, так как он не находился под непосредственной властью императора. Тогда уже не только на Западе, но и на Востоке стали обращаться к нему за помощью, видя в нем представителя и сильного защитника истинного учения Церкви.

Лангобарды, однако, отнимали у Византии город за городом и грозили Риму. Тогда папа решил обратиться за помощью к вождю франков.

В VIII веке короли Франции из дома Меровингов, наследники Хлодвига, мало походили на своего воинственного предка. Не являлись они на поле брани во главе войска, мало занимались делами правления, многие из них отличались и дегенеративностью и, нося лишь звание короля, предоставляли всю власть главному вельможе, палатному мэру, или майордому. Мэр Карл Мартелл, знаменитый победой над сарацинами, правил Францией мощной рукой и самовластно распоряжался даже делами и имуществом Церкви. Папа Григорий III обратился к нему, прося его помощи против лангобардов, и прислал ему ключи от гробницы св. Петра и звание римского патриция. Только византийский император, как владыка Рима, имел право давать это звание, но папа уже не считал нужным щадить его, надеясь найти себе опору в сильном вожде франков. Однако Карл Мартелл не захотел нарушить мира с лангобардами и стал вести с ними переговоры. Вскоре он умер, и в том же году (741) скончались и папа Григорий III, и Лев Исаврянин. Наследник Льва, Константин Копроним, еще сильнее, чем отец, отстаивал иконоборческую ересь, и отношения между Византией и Римом совсем прервались.

Преемник Григория II, Захария (741–752), умел жить мирно с лангобардским королем и даже получил от него в дар четыре города, отнятые у византийского императора. Это положило начало папским владениям в Италии. Особенно важной для папства стала услуга, которую папа Захария незадолго перед смертью оказал вождю франков. Сын Карла Мартелла Пипин наследовал власть и сан отца. Под его твердым правлением франки почти забыли, что у них есть законный король Хильдерик. Но Пипину захотелось к власти присоединить и королевский титул. Желая в глазах народа узаконить свой поступок благословением высшей духовной власти, он послал спросить у папы: не надлежит ли тому, кто имеет королевскую власть, носить и королевский титул? Папа Захария отвечал утвердительно. Он отрекся франков от присяги в верности законному королю, которого насильно заключили в монастырь, и повелел им признать царственным домом Каролингов, то есть наследников Карла Мартелла, которые стали вместо Меровингов именоваться старшими и любимыми сынами Церкви. Некоторые историки полагают, что помазание Пипина на царство совершал Вонифатий, апостол Германии.

Прошел год. В 752 году лангобарды опять грозили Риму; папа Стефан, тщетно обращаясь за помощью к византийскому императору, отправился сам во Францию просить помощи Пипина. Там в монастыре св. Дионисия близ Парижа он возложил на его главу королевский венец и получил от него обещание, что земли, которые удастся отнять у лангобардов, будут переданы римскому престолу. В 754 году Пипин действительно прибыл в Италию и во главе сильного войска осадил столицу лангобардов Павию. Король лангобардов обещал очистить экзархат и передать его папе. Но едва Пипин удалился, как лангобарды снова окружили Рим. Папа писал во Францию отчаянные письма и наконец отправил к Пипину письмо от имени самого апостола Петра, в котором будто бы сам апостол умолял своих любимых сынов франков спасти его город и достояние от разрушения и разграбления, обещая за помощь и небесные, и земные блага и грозя вечными мучениями в случае отказа. Пипин вторично пере-

шел Альпы, победил лангобардов, обложил их данью и, отняв у них области, составлявшие экзархат, торжественно подарил их святому Петру, или папе как его наместнику. Константин Копроним потребовал возвращения себе этих земель, то есть своего достоинства, но Пипин отвечал, что имеет полное право располагать тем, что отнял у врагов силой оружия; что проливал кровь своих воинов не за греков, а за апостола Петра и что не отнимет у апостола того, что подарил ему для отпущения грехов и спасения души. Византийский император должен был удовлетвориться таким ответом, потому что не имел возможности возвратить себе отторженные области, которые стали называться имуществом святого Петра, или церковной областью. Папа дал Пипину и его сыновьям знаки римского патрициата, смело присвоив себе права восточного императора, которого он мог уже не опасаться, опираясь на могущественное покровительство франкских королей.

Альбрехт Дюрер, ператор Карл Великий

Лангобарды были все еще опасными соседями, но сын Пипина, Карл Великий, окончательно сокрушил их владычество в Италии, сам принял звание короля лангобардов и при этом еще больше расширил владения римского престола. Папой был тогда Адриан I (772–795). Карл торжественно положил на гробницу св. Петра дарственную запись, закрепляющую за папским престолом владение Римской областью и некоторыми городами, принад-

лежавшими прежде Византии или лангобардам. Полагают, что в числе их были Болония, Феррара, Анкона, но достоверно не знают и до сих пор, что именно перечислено в дарственных грамотах как Пипина, так и Карла, потому что эти грамоты очень скоро оказались утраченными или скрытыми. Думают, так произошло не случайно, а при участии самих пап, которые пожелали придать этим актам другое значение, чем то, которое они действительно имели. Папы старались утвердить мнение, будто Пипином и Карлом не дарованы, а возвращены области и права, которыми римские епископы пользовались с самых давних времен. Они старались упрочить свое величие предъяснением давних вымышленных прав. Для этого была пущена в ход выдумка о дарственной грамоте императора Константина Великого. Уже Адриан в письме к Карлу упомянул об этой дарственной грамоте, которою Константин, в благодарность папе Сильвестру (от которого якобы принял крещение) уступал ему и его преемникам на папском престоле все свои права на Рим и на всю Италию, вследствие чего сам решился основать для себя новую столицу на Востоке.

Поверил ли этой басне Карл Великий или нет, только представленный ему пример Константина не побудил его уступить папе своих государственных прав на итальянские области, как не уступил их и Пипин. Папы получили только право пользоваться доходами с так называемой церковной области и принимать некоторое участие в назначениях на судебные должности. Но высший надзор за делами, собственно управление, был в руках наместников (*missi domini*), которых франкские короли держали в Риме и в других городах. Папы, как и другие подданные, должны были присягать в верности государю. Таким образом, папы сначала несколько не были полными владельцами и государями церковной области и только позднее достигли этого. Но в отношении к восточным императорам папы сделались с этих пор вполне независимыми. Они стали говорить смелее, опираясь на свое новое величие, и с каждым годом предъясняли все больше и больше притязаний на главенство во всей Церкви. Когда в 787 году папу Адриана I известили о созвании Седьмого Вселенского Собора, приглашая принять в нем участие, то он в своем ответе ясно выразил притязания на главенство, повелительно требовал возвращения Иллирика, укорял за назначение патриархом Тарасия и в назидание Востоку указывал на покорность франкского короля папскому престолу – покорность, якобы за которую Господь наградил его победами. Но, как и прежде, притязания эти не были признаны Востоком.

Умер Адриан. Его преемник Лев III (795–816) поспешил в верноподданническом письме к Карлу испросить покровительства сильного государя Франции, Германии и Италии. Это покровительство было для него тем более необходимо, что папский престол достался ему не без борьбы. Он имел против себя многочисленную партию, обвинявшую его в преступлениях, и скоро изведal ее силу. Во время церковного торжества вооруженные враги напали на него и нанесли ему жестокие раны. Он с трудом спас свою жизнь и, поспешно оставив Рим, отправился искать защиты у Карла, который был тогда в Германии, на сейме в Падерборне. Туда прибыли и обвинители его. Карл, выслушав их, взял сторону Льва, и отряд французских воинов снова возвел Льва на папский престол. Сам Карл вскоре за тем прибыл в Рим, чтобы окончательно обсудить дело. Епископы объявили, что наместник Петра не может подлежать суду. Довольствовались тем, что папа торжественно поклялся в своей невинности и в несправедливости возводимых на него обвинений. Карл осудил его врагов на изгнание и заточение.

Вскоре папа нашел возможность изъявить Карлу свою благодарность. Наступил праздник Рождества Христова 799 года, которым на сей раз начиналось и новое IX столетие. Карл присутствовал на обедне в храме св. Петра. Вдруг после окончания обедни папа подошел к королю, стоявшему против главного алтаря, и торжественно возложил ему на голову императорскую корону. Карл для виду был изумлен неожиданным поступком папы, но много достоверных свидетельств доказывают, что это вовсе не было неожиданностью, но заранее

условлено еще в Падерборне между королем и папой. Народ, наполнивший церковь, видя в действии папы внушение свыше, разразился громкими восклицаниями: «Да здравствует Карл, Богом венчанный император римский!» Карл был вполне доволен. Такое именно значение и желал он придать этому событию. Он, владыка всей Западной империи, принимал корону из рук папы как дар Божий, а папа действовал только как орудие Бога, по вдохновению свыше. Другое заключение из этого события папы вывели после, когда достигли большой власти и силы. Указывая на коронацию Карла, они утверждали, что папа, и только он один, имеет право давать и отнимать царский венец.

Карл Великий Бронза. IX в. Париж, Лувр

Глава XVII

Царствование Карла Великого. Изменение в Символе веры

С провозглашением Карла Великого римским императором христианский мир распался на две половины: империю Западную и империю Восточную, и с каждым днем обозначалось и резче определялось их внутреннее разделение. Гражданская и церковная жизнь пошла в двух империях совершенно различными путями, и Восточная Церковь и Церковь Западная были уже глубоко разделены внутренне, когда окончательно утвердился между ними видимый разрыв.

Битва Карла Великого с Балигантом

К западно-римскому императору перешло теперь право утверждать своим согласием избрание пап. Перешли вообще все права на Рим и Италию, которые еще так недавно принадлежали византийскому императору. Выиграли ли от этого папы? Сначала – вовсе нет. Напротив, эти права перешли в более твердые руки, и папы могли и не раз пожалеть о том, что променяли свою зависимость от восточного императора на такие же подданные отношения к императору западному, который гораздо больше давал им чувствовать свою власть; но власть и величие виделись им впереди. Величие пап не вдруг и даже не очень быстро достигало своего полного роста. Оно понижалось и поднималось сообразно с различными обстоятельствами. Дары Пипина и Карла Великого были как бы только зерном, из которого папская власть должна *была* развиваться постепенно при помощи различных благоприятных условий: умений и энергии некоторых пап, слабости или неспособности преемников Карла Великого.

При Карле Великом эта власть стояла на весьма низкой ступени. Хотя Карл и оказывал папе свое мощное покровительство, хотя и обогащал его дарами, но власть он удержал за собой. Даже его дары, его покровительство, столь нужное папе, ставили последнего в необходимость угождать государю или, по крайней мере, не слишком перечить ему, даже тогда, когда действия императора явно посягали на признанные права папы как главы Церкви²⁷². В этом отношении Карл не стеснялся. Мы видели, что и его предшественники распоряжались довольно самовластно делами церковными и что для галликанского духовенства власть папы была заслонена более близкой и более чувствительной для него властью короля.

Более чем когда-нибудь это было при Карле Великом, который входил во все богословские споры и решал их самовластно, не обращая внимания на мнения и возражения папы. Так, например, папа был вполне согласен с постановлениями VII Вселенского Собора, осудившего иконоборческую ересь, но когда он сообщил эти постановления Карлу, то Карл возражал на них в сочинении, составленном придворными духовными лицами, но якобы от имени Карла. В этом сочинении (*libri Carolini*) осуждаются иконоборцы, но еще больше – иконопочитатели, и почитание икон именуется идолопоклонством. Карл доставил это сочинение папе Адриану I (772–795) как свое возражение на постановления Второго Никейского Собора. Папа довольно слабо защищал постановления Церкви, но, не обратив на это внимания, Карл в 792 году созвал во Франкфурте собор, который отвергнул VII Собор, признанный Вселенским и Римом, и Востоком, и запретил почитание икон, дозволив иметь их только как украшение храмов.

Это было еще до торжественного коронавания Карла. Когда же Карл стал императором Западной Римской империи, то власть папы еще больше стеснилась. Карл считал себя Богом, поставленным во главе всего западного христианского мира. По его убеждению, его права и обязанности касались столько же Церкви, сколько и государства. Он первый слуга, преданный сын и – вместе с тем верховный покровитель Церкви, защитник ее от внешних врагов и охранитель чистоты ее учения. Он издавал законы касательно церковного благочиния, решал богословские споры, осуждал и преследовал еретиков. Одним словом, правил всеми церковными делами во всей своей обширной империи. Что же оставалось папе? Карл сам объяснил это ему. «Мне, – писал он папе Льву III, – предлежит, с Божией помощью, оружием защищать Святую Церковь от нападения язычников и опустошений неверными и укреплять ее внутри через признание католической веры. Вам, святой отец, предлежит, как Моисею, с поднятыми к небу руками укреплять вашей молитвой мое воинское служение». Действительно, ничего более не оставалось делать папе во все время правления Карла Великого, который царствовал еще четырнадцать лет после своего коронавания в Риме, и все это время было временем знаменательным в истории Западной Церкви, дух и направление которой ясно определились.

Император ревностно заботился о распространении веры и просвещения. Сам он получил плохое образование и только в зрелом возрасте выучился писать, но уважал науку и старался привлечь ко двору людей образованных. Нигде в это время просвещение не стояло так низко, как во Франции. Италия еще сохранила частные сношения с просвещенной Грецией. Науками занимались в Павии, Аквилении, Риме и других городах; Британские острова также славились своими училищами; в Германии были основаны училища трудами британ-

²⁷² Подобное поведение Карла, равно как и коронававшего его папы Льва III объяснялось еще следующим обстоятельством: вскоре после восшествия на папскую кафедру Льва обвинили в различных преступлениях и пороках (даже сам Карл, при вручении ему Львом ключей храма св. Петра, не постеснялся посоветовать понтифику вести себя прилично и благочестиво); против него возник заговор, и в 799 г. во время крестного хода Льва III стащили с коня, лишили облачения, побили и заключили в тюрьму. Бежав из заключения, папа умолял Карла защитить его и помочь вернуться на престол. В этих обстоятельствах Карл Великий собрал епископов, и понтифик пред всеми принес «очистительную клятву», словесно отрестившись от всего сотворенного им непотребства, а еще через несколько дней, в праздник Рождества 800 г., папа римский Лев III, преклонив колена пред Карлом, поклонился императору.

ских благовестников и Вонифатия. Но во Франции царило страшное невежество. И не могло быть иначе, когда епархии и монастыри раздавались безграмотным воинам и службы церковные совершались такими же безграмотными, наемными священнослужителями. Народ почти не имел понятия о христианском законе и был предан грубому суеверию. Высшие сановники не знали грамоты; из духовных лиц мало кто умел правильно писать. Карл с первых же лет своего царствования стал заботиться о распространении всякого полезного знания. Вызвал из Италии ученых греков и итальянцев, из Англии – воспитанников тамошних знаменитых училищ и всеми мерами поощрял их деятельность. Ученый лангобард, диакон Павел Варнефрид, Павлин Аквилейский, Феодульф, впоследствии епископ Орлеанский, знаменитый англичанин Алкуин оказались его ревностными сотрудниками в заботах о просвещении страны, особенно же последний. Ученик, а потом начальник Йоркского училища, Алкуин являлся одним из образованнейших мужей своего времени. Горячо, всей душой был он предан вере и науке. Что делалось лучшего для распространения христианского просвещения, делалось под влиянием Алкуина. Его трудами выправили латинский текст Священного Писания, основали множество школ, положили начало университетам в Париже и Павии. При императорском дворце было основано училище высших наук, где под надзором Алкуина воспитывались юноши из самых знатных семейств. Сам император учился у Алкуина, и его пример возбудил в его семействе и среди придворных великую ревность к образованию. Впоследствии Алкуин по слабости здоровья оставил двор и, сделавшись настоятелем обители св. Мартина в Туре, основал и там училище, которым ревностно занимался.

Алкуин, игумен Турский. Книжная миниатюра

Распространение Священного Писания было одной из главных забот Алкуина. Исправленный им список святой книги он подарил императору после его коронации как наилучший из всех даров. Он беспрестанно настаивал на необходимости знания и понимания слова Божия. «Без Священного Писания нет познания Божия, – писал он к одному епископу, – беда, если слепец водит слепца; оба впадут в яму. Старайтесь о том, чтобы слово Божие пребывало в вас обильно; да не иссякнет между вами источник истины». Когда при обращении саксов употребляли силу, Алкуин сильно порицал такой образ действий, писал к Карлу, к духовным лицам, сопровождавшим войска, умоляя, чтобы не употребляли иной силы, кроме силы Божиих слов и силы молитвы²⁷³. Но советов Алкуина не всегда слушались, хотя Карл и оказывал ему уважение и дружбу.

²⁷³ Карл Великий огнем и мечом завоевывал Саксонию 31 год. Сломав сопротивление, он приказал в Вердене обезглавить 4500 пленных топором, а половину населения переселить во Францию. После этого саксонский король Витикинд

По настоянию Алкуина Карл повелел устраивать школы при монастырях и соборных храмах, предписал, чтобы за каждым богослужением священник в проповеди объяснял народу закон Божий. Но так как между духовенством было еще мало людей, способных на это, то Карл поручил Павлу-диакону собрать проповеди и праздничные поучения древних отцов Церкви. В некоторых городах, в Меце, Суассоне, были основаны школы церковного пения и из Италии выписаны искусные певцы. Услышав в греческом посольском храме греческую службу в день Богоявления, Карл велел перевести на латинский язык греческие антифоны и, как полагают, ввел Октоих Дамаскина. К этому времени относится начало употребления органов в западных церквях. Первый орган был подарен Пипину греческим императором Константином Копронимом. Потом греческий же император Михаил подарил Карлу Великому орган, который был поставлен в Аахенском соборе и употреблялся при богослужении.

Карл входил во все вопросы, касающиеся Церкви. Церковные дела, равно как и государственные, рассматривались на сеймах, часто созываемых им в разных городах, при участии всех чинов государства; окончательное решение всякого вопроса принадлежало государю. Им было ограничено и определено число праздников в Галликанской Церкви, были отменены некоторые суеверные обычаи, изданы постановления, касающиеся церковного благочиния, осуждено, как мы уже сказали, почитание икон. Он же в 783 году повелел ввести в церковную хронологию летосчисление с Рождества Христова. До той поры считали года от сотворения мира, хотя еще в 556 году монах Дионисий Малый вычислил год Рождества Христова. Однако принятая в церковную хронологию христианская эра не вошла еще в общее употребление. Появилось в Испании и проникло во Францию лжеучение адопцианов, и Карл принял живейшее участие в обсуждении ереси и в преследовании еретиков. Это лжеучение было распространяемо епископами Феликсом Ургельским и Елипандом Толедским, которые учили, что Иисус Христос по человеческому естеству Своему есть только усыновленный Сын Божий. Папа осудил эту ересь как отголосок ереси Нестория, а Карл вызвал Феликса на Собор в Регенсбург, где Феликс отрекся от мнения, осужденного Церковью. Однако он был заточен в Риме, потом освобожден. Долго еще продолжались и устные, и письменные прения между Феликсом и богословами, жившими при дворе Карла. Ересь обсуждалась на Соборах во Франкфурте, в Аахене, и во всем этом император принимал живое участие как охранитель чистого учения Церкви против ереси.

Однако это участие заходило слишком далеко. Император не имел достаточно познаний в богословии. Случалось также, что политические расчеты имели влияние на его решения в вопросах церковных, как, например, в важном вопросе о Символе веры. Мы уже рассказали, что в конце VI века испанское духовенство, самовластно и не сносясь с остальной Церковью, сделало изменение в Символе веры, изложенном Вселенским Собором и принятом всей Церковью. К словам, что Дух Святой исходит от Отца, испанские епископы прибавили и «от Сына» (*filioque*), думая тем возвысить достоинство Сына Божия против учения ариан, которое только что было низложено в Испании. То же обстоятельство повторялось и при Карле. Учение адопцианов, которое было только иным названием арианства, унижало достоинство Иисуса Христа, представляя Его только по усыновлению Сыном Божиим. До сих пор Символ веры вовсе не произносился за литургией во Франции и Германии. Но постановление Франкфуртского собора повелело произносить Символ за литургией, а по воле Карла Символ был введен в измененном виде. Алкуин и некоторые другие богословы не одобряли сделанного изменения, хотя и разделяли мнение, выраженное им²⁷⁴. Несколько раз

принял крещение.

²⁷⁴ Алкуин еще в 798 г. писал лионским монахам: «Новых сект испанского заблуждения берегитесь со всем вниманием. Следуйте в вере святым отцам и соединяйтесь святейшим великодушным со Вселенской Церковью. ...Ив Символ Кафолической веры не вводите ничего нового».

этот вопрос обсуждался, и несколько лет новый обычай еще колебался, но Карл стоял твердо на своем. Он думал этим опровергнуть ересь. Сверх того, ему хотелось привлечь к себе испанское духовенство, что должно было ему облегчить покорение Испании. Позднее, когда у основателя Западной империи установилось некоторое соперничество с империей Восточной, он мог быть и не чужд желанию предъявить самостоятельность Запада в церковном вопросе и еще больше отделиться от Востока. Не имея достаточного богословского образования, он не понимал всей важности сделанного им шага.

Таким образом, вопреки мнению ученых богословов Франции и помимо папы, к которому и не обращались, измененный Символ стал входить в употребление в Церквях Франции и Германии, как он уже вошел в употребление в Испании. Несколько лет это оставалось неизвестно папе, пока сам Карл, поняв наконец, что сделал шаг довольно важный, не обратился к папе с просьбой освятить его поступок своим благословением. В то же самое время известие об изменении в Символе дошло до папы и другим путем. В одном иерусалимском монастыре латинские монахи пели измененный Символ и, укоряемые за то греческими иноками, обратились к папе Льву III и в оправдание свое сослались на обычай Франкской Церкви. Папа Лев велел сказать Карлу, что он не позволяет делать какое бы ни было изменение в Символе, так как это запрещено Ефесским Вселенским Собором. Более того, он потребовал, чтобы на время совсем перестали произносить Символ в Церквях Франции и Германии, надеясь, что таким образом нововведение забудется и что впоследствии можно будет опять ввести Символ в его настоящем виде. Карл не послушался папы. Лев III во свидетельство своего правоверия и для того, чтобы навсегда сохранить в целостности текст Никео-Константинопольского Символа, велел вырезать его по-гречески и по-латыни на серебряных досках и поставил эти доски в храме св. Петра. Но тем не менее нововведенный Символ утвердился во Франции и Германии, впоследствии проник в Италию, и уже близкие преемники Льва защищали осужденный им Символ против восточных богословов.

Карл Великий умер в 814 году, за год до смерти короновав на царство своего сына Людовика как преемника. Он оставлял ему огромную империю, в которую входили Франция, Германия до границ славянских земель, часть Испании и большая часть Италии. При всех своих заботах о христианском просвещении страны, при внимании к церковным вопросам, Карл Великий, однако, в частной жизни не отличался чистотой нравственности. Тем не менее Западная Церковь причислила его к лику святых, и к гробнице его во Аахен стекаются и богомольцы, почитающие в нем угодника Божия, и поклонники его исторического величия.

Глава XVIII

Папство при преемниках Карла Великого. Лжеисидоровы декреталии. Папа Николай. 814–816 гг

Огромная империя, созданная Карлом Великим, недолго пережила мощного своего основателя. Слабым преемникам Карла было не под силу править ею: множество вопросов подавали повод к спорам и недоразумениям, и более всех – вопрос о взаимных отношениях гражданской власти и власти духовной. Римские епископы, с одной стороны, возвеличенные дарами Карла, с другой – чувствовали себя оскорбленными его самовольными поступками в церковных вопросах и старались выработать себе положение совершенно самостоятельное и независимое: франкское духовенство считало себя не подлежащим власти римского престола и старалось быть независимым и от власти гражданской. Все это могло быть сдержано мощной волей Карла, но, когда его не стало, вспыхнула борьба.

Людовик Благочестивый

Старший сын и преемник Карла, император Людовик, прозванный Благочестивым, был гораздо более склонен к монашеской жизни, чем к царственным трудам. Постоянно окруженный иноками, он заботился о преобразовании монастырей, о распространении веры, но почти не занимался государственными делами, которые пришли в крайний упадок. При нем духовенство могло надеяться достигнуть своей цели: инок Венедикт Анианский, а после его смерти и настоятели Корвийского монастыря, Адальгард и Вала, приобрели на императора сильное влияние, и не только церковные дела, но и дела государственные были в руках духовенства. Оно чрезмерно усилилось и принимало деятельное участие в смутах и волнениях, не прекращавшихся во все время царствования Людовика. Однако, хотя слабость

императора предоставляла такое огромное влияние духовенству, оно не было предано ему. Когда три старших сына Людовика, недовольные тем, что он слишком богато наделил своего младшего сына, рожденного от второго брака, подняли оружие против отца, то их сторону держали и значительнейшие лица франкского духовенства, и папа Григорий IV (827–844). Обманутый ими, оставленный своим войском, несчастный Людовик был принужден сдать своему сыну Лотарю, подвергшись унижению и оскорблению. На сейме в Компьене (833) один из архиепископов, Агобард Лионский, как полагают, выступил обвинителем против Людовика и, рассмотрев все его действия, укорял императора в том, что он довел до страшного упадка империю, оставленную его отцом в цветущем состоянии. К укорительной речи Агобарда присоединили свои голоса и другие архиепископы. Старый император молча выслушал эти укоры и обвинения и наконец на коленях, перед алтарем, во всеуслышание принес покаяние, исповедуя свои грехи и ошибки своего правления. После этого Людовик сложил с себя оружие. Реймский архиепископ, облачив его в смиренную одежду кающегося, объявил, что он навсегда лишен права носить оружие и обязан посвятить остальную жизнь молитве и покаянию. Лотарь держал своего отца в заточении целый год, пока его не освободил второй сын и не возвел снова на престол. Но не спокойны были и последние годы царствования Людовика. Он умер в 840 году, удрученный скорбью. Тогда между его сыновьями разгорелась ожесточенная борьба за наследие. Сто тысяч человек пало в трехдневной битве при Фонтене. Наконец Вердунским договором 843 года огромная империя, созданная Карлом Великим, была раздроблена на три части. Лотарю, с титулом императора, достались Италия и так называемая Лотарингия; Людовику II – Германия; Карлу II Плешивому – Франция.

Но как ни слабы были эти преемники Карла Великого, в отношении к папам они довольно твердо отстаивали свои права и нисколько не были расположены уступить им свое верховное владычество в Италии и Риме. При этом папы постоянно старались занять независимое положение относительно императорского престола. Тяжелым и унижительным, как знак зависимости, казалось им обязательство ждать императорского согласия на свое избрание и своего утверждения на папском престоле. Они старались обойти это обязательство. Вступив на престол, то извинялись поспешностью избрания, то старались умиливать императора поднесением богатых даров. Но императоры крепко настаивали на этом своем праве, не уступая ничего. Они не раз посылали свои войска и своих уполномоченных в Италию, чтобы напомнить папам достоинство и силу императорского престола. Неоднократно подтверждалось, что папа считается законно поставленным только тогда, когда на избрание его получено согласие императора и когда он сам присягнул в верности императору. Людовик Благочестивый, между прочим, тоже отнял у римского народа право участия в избрании пап. Даже после Вердунского договора, когда императорская власть значительно ослабла разделением империи, и тогда Лотарь, недовольный тем, что папа Сергий занял престол, не дождавшись его согласия, отправил в Италию войско, которое опустошило Римскую область. Папа и римляне вынуждены были вновь присягнуть в верности императору. И вновь было повторено клятвенное обязательство не назначать папу без согласия императора.

Между тем как императоры с такой настойчивостью заявляли это право, римские епископы старались провести ту мысль, что венчание императоров должно непременно быть совершено папой. Карл Великий, как видно, был иного мнения: получив императорскую корону из рук папы как дар от Бога, он уже считал ее неотъемлемым достоянием и правом своего дома; и за год до смерти собственноручно короновал своего старшего сына. Но папы при первой же возможности повторяли венчание, как будто оно было неполно и недостаточно без их участия. Так, преемник Льва, Стефан V (816–817), никем не приглашенный, поехал в Реймс, чтобы возложить корону на главу Людовика, уже венчанного отцом и считавшегося императором целых три года. Когда с каким-то поручением отца сын Людовика

Лотарь прибыл в Рим, то папа Пасхалий воспользовался этим, чтобы короновать Лотаря, тоже ранее увенчанного отцом. Этим папы старались внушить понятие, яснее высказанное впоследствии, что наместнику Христа, преемнику св. Петра, дано Богом право располагать короной и что, следовательно, власть папы выше власти царской.

Латеранский дворец

В это же время шла борьба между папами и высшим духовенством и между высшим духовенством и гражданской властью. Некоторые архиепископы Италии не хотели признать свои епархии зависимыми от Рима. Архиепископы Миланский, Равеннский, Аквилейский считали, что у себя в епархиях они столь же самовластны и самостоятельны, как папа — в Римской области. Такие же притязания заявляли и значительнейшие архиепископы (или митрополиты) франкские. Они не терпели вмешательства папы в церковные дела своих округов. Когда во время споров Людовика Благочестивого с сыновьями прибыл во Францию папа Григорий IV, думая быть судьей и посредником между императором и его детьми, то архиепископы партии императора приняли его весьма дурно, не оказав ему никакого почета, называли его братом. Папа грозил им отлучением от Церкви; они отвечали ему тем же, и сверх того, грозили низложением с престола. В своих епархиях они распоряжались самовластно, созывали соборы, решали церковные дела, не сносясь с папой; сильно притесняли низшее духовенство. В отношении к королевской власти положение духовенства также было довольно неопределенно и шатко. Оно могло случайно, при слабых правителях, иметь сильное влияние на государственные дела, но между тем его права ничем не были обеспечены от посягательства мирской власти. Духовные лица, как владельцы земель, стояли в зависимости от правителей, которые действовали произвольно, то оказывая духовенству уважение, то грабя и угнетая его. Потому мы и видим постоянные стремления духовенства выяснить и определить свое положение и добиться независимости от светской власти. В IX веке, когда оно уже вкусило прелесть власти и влияния, эти стремления усилились. Оно искало не только независимости, но и преобладания, старалось поднять духовную власть выше светской, грубой силе противопоставить священное право. Эту мысль старались провести папы в своих отношениях с императорами и франкские митрополиты — с королями. До середины IX века, однако, взаимные отношения еще ясно не определились. Шла борьба, были колебания, но устремления духовенства все больше прояснялись. На свои новые притязания ему было необходимо предъявить давние права. И вот, около середины IX века появилось знаменитое подложное сочинение — Лжеисидоровы декреталии, в которых ясно и резко высказывались все притязания духовенства.

До сих пор на Западе в вопросах, касавшихся церковного права, руководствовались Собранием церковных канонов или прав, составленных в VI веке Дионисием Малым. К этим правилам по мере надобности присоединялись новые статьи сообразно с потребностями тех стран, в которых возникали. Так, было собрание церковных правил, составленное в Испании Исидором Севильским, очень уважаемым епископом, жившим еще в VII веке, другое – во Франции, но главное основание обоих сборников все-таки составляло собрание Дионисия. Но вот в 30-х годах IX века вдруг стало известно собрание церковных законов, грамот и писем, восходящих якобы к первым временам христианства, к епископу Клименту, ученику апостола Петра. Этими-то подложными декреталями поддерживались все те права и привилегии, которые папа и духовенство теперь желали себе присвоить. Собрание приписывалось Исидору Силованскому, как якобы более полное по сравнению с известным ранее, и поэтому оно известно под названием Лжеисидоровых декреталий. Сборник заключал, кроме законов, собранных Дионисием, около ста фальшивых грамот, написанных якобы разными папами, от первых римских епископов и до Григория II. К этому присовокуплялась и подложная дарственная грамота Константина, о которой мы уже упоминали.

Главная мысль, выраженная в декреталях, – о превосходстве духовенства над мирянами. Духовные лица – это любимые служители Христа, близкие и свои Богу. Они во всем выше мирян, которые называются плотскими и чадами греха. Духовенство – это Богом установленная власть, правители и судьи. И как душа выше тела, как мир духовный выше мира вещественного, так власть духовная превышает власть мирскую, гражданскую. На этом основании мирянин ни в коем случае не должен позволять себе осуждать кого-либо из духовенства. Есть, конечно, и недостойные священники и епископы, но не мирянину судить о них. Он должен переносить от них и несправедливости, и притеснения без ропота и сопротивления, потому что тогда это будет проявление воли Божией. Кто оскорбит духовное лицо, тот оскорбляет Самого Бога, потому что духовные – представители Самого Бога на земле. Суды над епископами до того затруднились, что становились почти невозможными. Епископ может быть судим только по свидетельству 72 лиц, пользующихся общим уважением, и тогда суд производится двенадцатью епископами и решение принадлежит только папе. Папа, как верховный глава Церкви, первая церковная власть, поставлен на высоту необычайную. Он всеобщий или, можно сказать, единственный епископ, от власти которого и прочие епископы заимствуют свою власть. Они – послушные орудия его воли, но без его воли ничего не могут сделать. Он один имеет право назначать и низлагать епископов и созывать Соборы; постановления, сделанные без его ведома и согласия, не имеют силы. Митрополит не имеет права суда над епископами своего округа, потому что он только первый между равными; одному папе принадлежит суд; и между ним и епископами стоят лишь одни его викарные (назначенные им) примасы для какой-нибудь страны. Они пользуются большими правами, чем все остальные епископы, как его уполномоченные и представители. Суду папы подлежат и короли, так как они – высшая власть в мире и за свои действия отвечают только перед Богом. Часто повторяется, что Сам Христос поставил Римскую Церковь главой всей христианской Церкви и что римскому престолу принадлежит верховный суд во всех спорных вопросах.

Где именно и кем были составлены лжедекреталях – это вопрос, еще не решенный. Одни называют составителем архиепископа Майнцкого, которому в то время император грозил низложением, почему для него могло быть желательным поставить себя вне суда гражданского; другие указывают на епископа Ротгада Суассонского, который, находясь в постоянной борьбе со своим митрополитом, мог желать променять его стеснительную для себя власть на власть более отдаленного папы. Но вообще не предполагают, чтобы лжедекреталях были составлены в Риме. Как бы то ни было, они так верно и ясно выражали все те воззрения и стремления, которые выработались в сознании тогдашнего духовенства, что тотчас же вступили в силу и были приняты беспрекословно. Действительно, папе они предоставляли

власть и силу, выше которых невозможно и представить. Духовенство, так часто страдавшее от произвола и несправедливости светских властителей, совершенно ограждалось от их власти, и права его, освященные силой апостольских постановлений, ставились вне всяких посягательств. Конечно, высшее духовенство теряло свои права над низшим, но ему было важнее всего встать в независимое положение в отношении к светской власти. Некоторые галликанские митрополиты впоследствии пробовали возражать, но им стало трудно оспаривать правила, которыми они сами уже воспользовались, когда это было для них выгодно. Многим франкским епископам показалось удобнее признать полную власть отдаленного от них папы, чем власть теснивших их митрополитов.

По всем этим причинам лжедекреталии признали тотчас же, и правила, высказанные в них, усердно распространялись всем духовенством. Ни одного возражения не поднялось против них при их появлении, хотя подложность была очевидна для всякого даже малообразованного человека. Эти декреталии были составлены крайне небрежно, с таким незнанием истории, что постоянно встречались самые грубые промахи. Так, например, в них приводятся письма папы Виктора к Феофилу Александрийскому, который жил двумя веками позже него. Папа Мильтиад, умерший в 314 году, упоминает о Никейском Соборе, бывшем в 325-м; при выписках из Писания первые папы пользуются переводом, появившимся в конце IV века; постоянно указывается на обычаи, приводятся наименования, не существовавшие в первых веках. Но, несмотря на явную подложность их, лжедекреталии внесли в церковный закон, и папы стали опираться на них как на Божественное право.

В то самое время, как лжедекреталии стали распространяться, папский престол занял папа Николай (858), вполне способный отстоять все те права, которые они предоставляли папам. И до него, со времен Адриана и Льва III²⁷⁵, все папы шли неуклонно к цели, которую они предназначали себе. Папа Николай превосходил их всех непреклонной силой воли и убеждения в правоте своих притязаний. Он первый венчался на папский престол. Император Людовик II, присутствовавший при этом, держал ему стремя при торжественном шествии, тем оказывая папе уважение как главе христианской Церкви. Такое же значение имело и коронование папы. Об упорядоченной государственной власти не было еще и помина, но гораздо большую власть считал за собой папа Николай. Его одушевляла мысль, что его надзору поручен весь христианский мир, что его суду, как высшей духовной власти и наместника Самого Христа, подлежит всякое нарушение законов нравственности, где бы и кем бы оно совершено ни было, всякое нарушение порядка и церковного благочиния. С этой мыслью вступил он на папский престол, эту мысль выражал во всех своих поступках. Его действительно высокие достоинства, твердость духа, деятельность, милосердие к нуждающимся внушали к нему в Риме чувство глубокого уважения и восторженной преданности. Но надо сказать, что между властителями, правившими раздробленной империей Карла Великого, не было ни одного, кто бы мог своей нравственной силой дать отпор чрезмерным притязаниям папы. В лжедекреталиях появился закон, оправдывавший все эти притязания и освящающий их давностью апостольского обычая. Таким образом, все обстоятельства представлялись вполне благоприятными.

С момента своего вступления на папский престол Николай занял в отношении к епископам положение повелительное. Равеннский архиепископ издавна считал себя не подчиненным римскому, и по этому поводу происходили не раз враждебные столкновения между Церквами Римской и Равеннской. Когда Николай вступил на папский престол, Равеннской Церковью правил архиепископ Иоанн, человек безнравственный, корыстолюбивый, во всех

---

²⁷⁵ Так как мы не считаем нужным рассказывать подробно историю пап, то мы не именуем их всех и не поместили в нашем повествовании довольно распространенного предания, будто между папой Львом IV и Венедиктом III, около 855 года, занимала папский престол женщина, известная в истории под именем паписы Иоанны. Это известие одними историками опровергается, другими утверждается.

отношениях недостойный своего сана. Слыша жалобы на него, Николай призвал его в Рим на суд, но Иоанн, не признававший над собой власти папы, не явился, а искал защиты у императора. Император Людовик II действительно заступился за него и отстаивал его перед папой, но совершенно тщетно. Николай отлучил от Церкви непокорного ему архиепископа, сам устроил в Равенне дела Церкви, отставил нескольких лиц, посвященных Иоанном, и, наконец, несмотря на заступничество императора, принудил бывшего архиепископа явиться в Рим с покаянием, а всех прочих равеннских клириков признать свою зависимость от папы и клятвенно обещаться не ставить епископов и не решать церковных дел, не сносясь с папой.

Упорнее и продолжительнее была борьба Николая с Гинкмаром Реймским. Архиепископ Реймский, самый уважаемый из галликанских митрополитов, привыкших относиться к Риму довольно независимо, был человеком властолюбивым, гордым и настойчивым. Во всех своих столкновениях со светскими властями он отстаивал права духовенства на основании Лжеисидоровых декреталий, ставя высокое значение и независимость духовных властей, но не так охотно признавал он лжедекреталии, когда они от него самого требовали покорности папе и лишали его власти над духовенством своего округа. Он не раз в таком случае намекал на их подложность и несостоятельность. В своем округе Гинкмар распоряжался вполне самовластно, созывал соборы, низлагал епископов. Один из епископов, низложенный им, Ротгад Суассонский, обжаловал его решение и апеллировал к папе. До сих пор подобного примера не было, так как галликанское духовенство ревниво охраняло свою независимость от папы, и потому этот поступок был чрезвычайно неприятен всему высшему духовенству. Недоволен был и король, что помимо него апеллировали к папе, отвергая его власть, и долго мешал поездке Ротгада в Рим. Но тем охотнее взялся за это дело Николай. Ему теперь представился удобный случай предъявить свое верховное право на управление всей Церковью, свою независимость в отношении к королевской власти и возможность сломить гордость галликанского высшего духовенства. Хотя Ротгад был виновен, и вообще являлся человеком, не заслуживающим уважения, он нашел в папе ревностного и твердого покровителя. Во всех своих письмах по этому делу, продолжавшемуся довольно долго, папа постоянно опирался на декреталии, объявляя с постыдной недобросовестностью, что эти декреталии издавна хранятся в римском архиве. Многие полагают, что они стали ему известны лишь через Ротгада, которого и считают их составителем. Собор, осудивший Ротгада, Николай I объявил несостоятельным, так как он был созван без участия папы. Ротгада оправдали и восстановили в епископстве в качестве папского легата.

Эта стало большой победой над гордым галликанским духовенством. Но другое дело, хотя и не кончившееся победой для Николая, выше всякого другого подняло нравственное значение папского престола. То была борьба папы Николая с королем лотарингским. Тут папа является защитником правого дела. Папская власть могла действительно казаться благотворной, когда она противопоставила грубой силе законы христианской нравственности и явилась защитницей справедливости и невинности, как и случилось в этом деле, самом выгодном для усиления значения и влияния папы. Борьба продолжалась почти во все время правления Николая I.

Лотарингский король Лотарь II, женатый на сестре бургундского короля Титберге, пожелал развестись с женой, чтобы вступить в брак со страстно любимой им Вальдрадой. Он не постыдился оклеветать свою жену, которая долго отстаивала свою невинность, но наконец вследствие дурного обращения с ней мужа, заточения и угроз согласилась на все, чего требовал от нее король: признала себя виновной, а брак свой – расторгнутым. Тогда король созвал собор (или синод) в Аахене, и все епископы с архиепископами Гюнтером Кельнским и Титгаудом Трирским, родственниками Вальдрады во главе, решили, что брак короля расторгнут и что он имеет право жениться вновь. Он поспешил жениться на Вальдраде и даже венчал ее королевой. Против незаконного решения Аахенского синода вос-

стал только архиепископ Гинкмар Реймский, требуя, чтобы дело было рассмотрено собором всего франкского духовенства. Лотарь тогда обратился к папе, прося его утвердить решение Аахенского собора или прислать своих легатов, чтобы дело было обсуждено вновь. Но к папе уже до этого обратилась с жалобой Титберга, и ему все было известно. Он прислал двух легатов. Лотарь созвал в Метц епископов, но только таких, которых его дары или угрозы заранее расположили к угодливости. Папские легаты были подкуплены, и синод в Метце подтвердил решение Аахенского синода. Архиепископы Понтер и Титгаут сами отправились в Рим, чтобы склонить папу на свою сторону. Но папа, рассмотрев дело на соборе в Риме, отверг решения предшествовавших Соборов, отлучил от Церкви своих легатов. Двух архиепископов отрешил от должностей, запретив им священнодействовать, и грозил тем же и всем епископам, принимавшим участие в синодах, если они не принесут покаяния перед апостольским престолом.

Это решение привело в смятение все лотарингское духовенство. В первый раз дерзал папа отставлять епископов в чужой стране, даже без участия светских и духовных властей той страны. Низложенные архиепископы обратились к императору Людовику II, представляя ему, что действия папы равно оскорбительны для достоинства царской власти, как и для достоинства духовенства. Им удалось так настроить его, что император, находившийся тогда в Италии, двинул войско в Рим, чтобы принудить папу отменить свое решение, и расположился станом вблизи храма св. Петра. Папа оставался тверд и невозмутимо спокоен, не готовил обороны, а только предписал пост и повелел народу молить Бога, да внушит Он императору добрый разум и должное уважение к апостолу Петру. Народ, преданный папе, собрался на общественную молитву. Длинная процессия, предводимая духовенством, с крестами и псалмопением, направилась к храму св. Петра. Воины императора напали на молящихся, ранили и убили несколько человек. Сам папа вынужден был искать безопасного убежища в храме. Весь город волновался и громко порицал действие императора. Случилось, что воин, опрокинувший крест во время боя, внезапно умер и император занемог. Все увидели в этом кару небесную, и испуганный Людовик поспешил помириться с папой.

Папа Римский Николай I

Но лотарингские епископы не согласились с таким окончанием дела. Двое из низложенных архиепископов, удаляясь из Рима, положили на гробницу апостола возражение против действий папы и вместе с другими обвиненными епископами писали окружные послания, призывая к участию в их деле всех франкских епископов, оскорбленных в их лице, объявили, что отказываются от церковного общения с папой, искали сближения с константинопольским патриархом, в то время тоже вовлеченным в борьбу с Николаем I. Один из низложенных архиепископов продолжал священнодействовать, несмотря на запрещения папы. Но среди всей этой бури, поднятой им, папа оставался непоколебим и спокоен, не уступая ничего. Напрасно власти светские и духовные умоляли его смягчить свой приговор. Он отлучил от Церкви архиепископа Гюнтера, и народ отстал от него. Общественное мнение было за папу; положение Лотаря становилось с каждым днем затруднительнее; братья убеждали его покориться требованиям папы, который продолжал защищать права Титберги. Наконец лотарингские епископы вынуждены были смиренно принести покаяние, и тогда папа даровал им прощение, строго укорив за небрежность в исполнении пастырских обязанностей и за их снисходительность и потворство порокам Лотаря. Сам Лотарь, оставленный родственниками, громко порицаемый, решился сделать шаг для примирения с папой. Он униженно просил прощения и сам собрался ехать в Рим, чтобы оправдаться, но Николай велел сказать ему, чтобы он и не думал являться к нему, пока не отпустит от себя Вальдраду и не признает Титбергу своей законной супругой, что иначе он его с честью принять не может. Далее он требовал, чтобы Вальдрада была прислана в Рим для совершения церковного покаяния. После некоторых колебаний Лотарь вынужден был покориться этим требованиям. В присутствии папского легата и своих высших сановников он принял Титбергу и клятвенно обязался оказывать ей почет как своей супруге и королеве. Вальдраду же отправил с легатом в Рим. Но тем дело не кончилось. Лотарь уступил необходимости и думал отделаться обманом. Вальдрада с пути в Рим была увезена по тайному распоряжению Лотаря, а с Титбергой он обращался так сурово, что несчастная решилась написать папе письмо, в котором сама, признавая свой брак расторгнутым, умоляла его признать брак короля с Вальдрадой, между тем как она поступит в монастырь. Но папа и на это не согласился. Он отвечал Титберге, что она своей слабостью готовит торжество лжи и пороку, которые могут стать опасным примером для всей страны, что она не должна уступать ни угрозам, ни силе, но до конца стоять за правду. Что если и умрет под бременем страданий, то ее смерть сравнится с мученической смертью за Самого Христа, за истину, что он никогда и ни в каком случае он не признает законным брак короля с Вальдрадой, а папа позволит ей, Титберге, вступить в монастырь, только если и супруг ее решится на то же самое. Лотарь не спешил исполнить требования папы, тем более что его положение стало благоприятнее. Он помирился с императором и с королем Франции, которые уже начали тревожиться чрезмерными притязаниями папы. Между тем папа Николай скончался в 867 году. Таким образом, начатое им дело не было окончено успешно, но самый ход его необычайно возвысил значение папского престола. Твердость и уверенность, с которыми папа предъявлял свои права на верховный суд во всех делах совести, упрочивали в глазах народа эти права за папским престолом. Преемникам Николая оставалось только поддерживать это высокое значение.

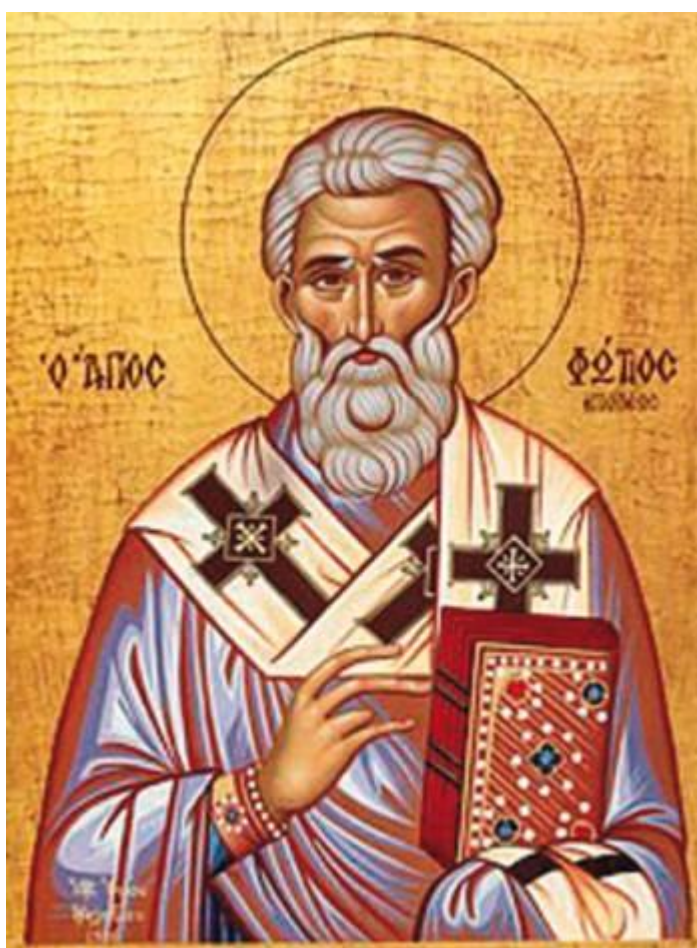
В то самое время, как шла борьба, описанная нами, началась и другая, еще гораздо более значительная по своим последствиям. Спор папы Николая с патриархом Фотием скоро превратился в спор между Западной Церковью и Восточной.

Глава XIX

Борьба патриарха Фотия с папой Николаем и его преемниками. 842–886 гг

Как бы ни возвысилось теперь значение пап, но Восток не признавал их главенства. Восточная Церковь, сильная древним преданием, постоянно отвергала притязания римских первосвященников, для которых главной целью устремлений стала задача – подчинить ее себе. Во второй половине IX века представились, видимо, удобные для этого обстоятельства. В Константинопольской Церкви, едва вздохнувшей от иконоборческой бури, возникли новые волнения, и враждовавшие партии сами предоставляли папе возможность вмешаться в их дела. Конечно, папа Николай с радостью воспользовался таким случаем, чтобы упрочить свои притязания на всемирное владычество.

Святитель Фотий, патриарх Константинопольский

В 842 году в Константинополе был возведен на трон малолетний император Михаил III, регентами при котором находились его мать, Феодора, и ее брат, кесарь Варда, человек умный и способный, но властолюбивый и безнравственный, который получил сильное влияние на молодого императора, угождая ему и потворствуя его порокам. Михаил, думая только о суетных удовольствиях, охотно предоставлял Варде бремя государственных забот, даже и тогда, когда вышел из-под опеки. Оба тяготились присутствием Феодоры: Варда потому, что желал править один, Михаил потому, что строгая Феодора мешала шумным и бесчинным увеселениям двора. Таким образом возникли при дворе две партии. За Феодору была боль-

шая часть духовенства, в особенности святой патриарх Игнатий (846–857), сын бывшего императора Михаила Курополата, глубоко уважаемый за святую жизнь. Варда потребовал от патриарха, чтобы он постриг в иночество Феодору и ее дочерей. Патриарх не согласился, он часто укорял Варду за его развратную жизнь и наконец в великий праздник в присутствии всего народа не допустил его к причащению Святых Тайн. Варда в гневе низложил Игнатия и отправил его в ссылку.

Надо было избрать нового патриарха. Канонические правила запрещали вмешательство гражданской власти в назначения на церковные должности, и еще недавно VII Вселенским Собором это запрещение было повторено, но правители Византии, имевшие в руках силу, мало стеснялись церковными правилами и произвольно низвергали и назначали патриархов, что, однако, всегда приводило к волнениям в народе. И теперь незаконное низложение всеми уважаемого Игнатия произвело много ропота и негодования. Игнатий хотя и изъявил согласие на отречение, но многие считали это согласие вынужденным. Варда видел необходимость избрать человека вполне достойного высокого сана патриарха. Только это могло бы хоть сколько-нибудь загладить его незаконный поступок, и выбор действительно пал на такого человека. Фотий, племянник бывшего патриарха Тарасия, сын и внук мучеников за Православие, был известен во всей империи своим умом, ученостью, преданностью Церкви. Он пользовался всеобщим уважением, занимал высокие государственные должности: был начальником царской гвардии, первым государственным секретарем и членом сената, возглавлял посольство, но среди шума придворной жизни он с пламенной любовью изучал науки и слово Божие. Не было науки, не знакомой ему. Он занимался и филологией, и философией, и медициной, и историей, и законоведением, и словесностью. Вокруг него, в его доме, собирались достойнейшие и ученейшие мужи Царьграда, глубоко уважавшие его. И таково было его влияние на ход образования, на весь ученый мир, что век, в котором он жил, и доселе называется в истории веком Фотия. Против такого выбора возражения были невозможны. Большая часть духовенства *была* предана Фотию, и на Соборе, в котором участвовали и приверженцы Игнатия, только пять голосов было против избрания Фотия в патриархи. Но сам он нисколько не желал предлагаемого ему сана и отвечал отказом. «И не испытав на самом деле, – писал он впоследствии, – я чувствовал себя недостойным архиерейской и пастырской должности; в то же время смущало меня ожидание неприятностей, ныне обуревающих мою душу. Я плакал, умолял, употреблял все меры, чтобы отклонить избрание, умоляя, чтобы пронесли мимо меня чашу многих и многообразных забот и искушений. Поэтому так я и упорствовал, когда влекли меня к принятию священного сана».

Нет повода сомневаться в искренности этих слов. Положение Фотия, высокое и независимое, давало ему досуг для любимых им занятий, а сан патриарха при таком правителе, как Варда, так незаконно поступившем с Игнатием, предоставлял лишь ряд забот и неприятностей. Фотий несколько раз повторял свой отказ и не ранее, чем через месяц после низложения Игнатия, уступил наконец усиленным просьбам императора, который в сопровождении духовных лиц приходил умолять его. В продолжение шести дней прошел он все церковные степени и был посвящен в патриархи.

Конечно, не раз пожалел Фотий, что согласился занять место, упраздненное насильственным и произвольным действием²⁷⁶. Ожидаемые неприятности обрушились на него со

²⁷⁶ Фотий – святой патриарх, дважды возглавлявший Константинопольскую Церковь в 858–867 и 877–886 годы; крупный писатель и ученый. Для Византии IX века, еще не оправившейся от разорения эпохи иконоборчества, появление этого талантливого и разностороннего иерарха приводит к заметному оживлению церковной деятельности, интереса к искусствам и классическому наследию. Личность Фотия знаменует начало византийского средневекового расцвета, известного под именем Палеологовского возрождения XII и XIII веков. Фотий, кроме того, становится символом противостояния Византийской Церкви папским притязаниям. Неоднократно Константинопольский двор в силу тех или иных политических мотивов склонялся принять унию с Римом. Патриарху Фотию в его церковно-политической программе удалось доказать гибельность для Византии данного шага. Крупнейшее из богословских сочинений Фотия – «Амфилохий». Это ученые

всех сторон. Игнатий, согласившийся вначале отречься от патриаршего сана, теперь настаивал на том, что он законный патриарх. Враги Варды держали его сторону, и часть духовенства не признавала Фотия. Варда употреблял силу, чтобы сломить упорство непокорных ему. Игнатий и его сторонники подверглись жестокому преследованиям; многие претерпели заточение, истязания, лишение имущества. Подобные действия вредили Фотию, хоть он и не был в них виновен, а, напротив, всячески старался удержать Варду и склонить его к кротости и снисходительности. При дворе бесчиние дошло до высшей степени: молодой император открыто глумился над Церковью и ее святыми обрядами, а его любимой забавой стало передразнивание с пьяными придворными священнодействий Церкви. При этих возмутительных забавах некоторые из его приближенных назывались епископами, а один из придворных сановников представлял патриарха. «Игнатий, – говорил Михаил, – есть патриарх Феодоры; Фотий – патриарх Барды; а Феоктист – мой». Фотий старался положить конец такому кощунству, но враги обвиняли его в потворстве порокам императора, и патриарх, поставленный недостойным Вардой, нес всю тяжесть действий и виновности своего покровителя.

Собор, созванный в Константинополе, произнес низложение Игнатия, основываясь на его отречении. Но это не поправило дела; волнение все росло. Как это случалось и прежде при соперничестве двух столиц христианского мира, недовольные Константинополем жаловались в Риме. Теперь, более чем когда-нибудь, низложенный Игнатий и его сторонники могли надеяться найти поддержку со стороны папы, так высоко поставившего звание Римского епископа и отстаивавшего независимость духовной власти от власти гражданской.

Фотий решил созвать Собор и просил папу принять участие в нем. Собор должен был решить кроме дела об Игнатии и некоторые другие церковные вопросы, оставшиеся нерешенными после иконоборческих смут. Император написал письмо папе Николаю; написал к нему и Фотий, извещая его о своем посвящении в патриархи, прося о его братском расположении и приглашая его принять участие в предполагаемом Соборе. Письмо было написано с тем чувством уважения, какое всегда оказывалось епископу Рима, древней, первой столицы империи, но не в том смысле захотел понять его Николай. Он отвечал крайне высокомерно, присваивая себе права главы Церкви и верховного судьи в церковных делах. Он выражал свое неудовольствие за то, что без его ведома и согласия, якобы вопреки церковным законам (такой закон значился только в вымышленных декреталях) был созван собор, низложивший Игнатия; за то, что в патриархи избран мирянин, – и наконец писал Фотию, что не может признать его, пока не исследует дела через своих легатов, которых присылал на Собор. В то же время он требовал возвращения Иллирика и доходов с областей, отнятых Львом Исаврянином.

Собор открылся в 861 году в присутствии более трехсот епископов, среди которых были и папские легаты, два епископа. Собор подтвердил низложение Игнатия и признал Фотия законным патриархом. Вместе с постановлениями Собора Фотий отправил папе Николаю письмо, в котором с утонченной вежливостью, но искусно и твердо отрицал все притязания, предъявленные папой. Нельзя ставить ему (Фотию) в укор, писал он, нарушение законов, неизвестных Церкви (тем намекая на подложные законы, на которых папа основывал свое право на главенство). Что же касается его избрания в патриархи из мирян, то этому было множество примеров в церковной истории на Востоке и на Западе. Впрочем, с первых времен христианства существовали в разных Церквях разные обычаи, что не мешало общению, пока эти различия не касались сущности догматов. И Римская Церковь не раз отступала в обычаях и обрядах от постановлений древней Апостольской Церкви. Причем, указывая

рассуждения по вопросам светской и церковной науки, толкования текстов Священного Писания и догматов. Немногие из сохранившихся проповедей характеризуют святителя Фотия как замечательного оратора. Патриарх Фотий почил в 891 году и почитается Церковью в лике святителей. Память отмечается 6 (19) февраля.

на эти отступления, он убеждал папу соблюдать и то древнее постановление, по которому не допускалось, чтобы епископ чужой страны или патриарх принимал и разбираал жалобы лиц, недовольных своим духовным начальством и не получивших от своего епископа доверительных грамот. На требование папой Иллирика не было ответа.

Папа Николай был, конечно, крайне недоволен. Он созвал собор в Риме, низложил своих легатов, как подкупленных Константинополем, объявил Игнатия законным патриархом, Фотию объявил анафему и грозил тем же и императору Михаилу III, если он не приведет в исполнение его постановлений. Но Михаил отвечал очень грубым письмом, в котором писал, что Фотий прав и что папу не признавали судьей в этом вопросе. Папа продолжал настаивать, но безуспешно.

Фотий между тем деятельно занялся церковными делами. Болгарский князь изъявил желание принять христианскую веру, и Фотий послал к нему проповедников и священников, письменно объяснил ему догматы веры и правила христианской жизни. К моравским князьям отправил учителей Константина и Мефодия, которые понесли в славянские земли слово Божие на славянском языке и тем положили в этих странах прочное основание христианскому просвещению; старался он привлечь и Армянскую Церковь к союзу с Православной Церковью. Однако болгарские дела повели к ускорению разрыва между Римом и Константинополем и вызвали против Фотия новые проклятия от римского епископа.

В то самое время, как греческие проповедники трудились в распространении христианства в Болгарии, тайные агенты папы внушали новообращенным сомнения в чистоте учения Восточной Церкви. Они говорили, что им проповедуется не истинное христианство, потому что истинная вера может быть распространяема только через посланных от папы, наместника апостолов и главы Церкви; что Таинства, совершаемые женатыми греческими священниками, недействительны. Волнуя таким образом новообращенных, они в то же время старались внушать и болгарскому князю, что зависимость Болгарии от Греции в церковном отношении может привести и к зависимости политической и что ему гораздо безопаснее войти в сношения с Римом, чем с Константинополем. В то же время император Людовик угрожал Болгарии. Болгарский князь, в тревоге и недоумении, решил просить помощи и совета у папы. Папа Николай написал письмо, в котором преподавал ему правила христианской нравственности, учил покорности Риму и, между тем, поспешил отправить в Болгарию епископа и священников, которые *стали* уничтожать все, что сделали греки. Они вновь помазывали крещенных св. миром, уверяя, что миропомазание, совершенное греческими священниками, недействительно; установили безбрачие духовенства, пост по субботам и другие нововведения латинской Церкви; вводили измененный Символ веры, восставали против употребления народного языка в богослужении и гнали греческих проповедников. Фотий, узнав об этом, окружным посланием известил Восток о делах папы в Болгарии и, указав подробно на все отступления Римской Церкви от древнего Православия и в догмате, и в обрядах, приглашал восточных патриархов и епископов на Собор в Константинополь. В 867 году Собор осудил нововведения Западной Церкви и определил низложить папу Николая. Около тысячи епископов подписали постановления Собора, и решено было просить содействия императора Людовика, тоже встревоженного властолюбивыми притязаниями папы Николая.

Святой равноапостольный князь Борис Болгарский

Эти действия Фотия, и в особенности обвинения Западной Церкви в отклонении от догматов Апостольской Церкви, раздосадовали папу. Мы видели, что нововведение в Символе было решительно осуждено одним из предшественников Николая, папой Львом III. Доски, поставленные им в храме св. Петра, свидетельствовали о справедливости слов Фотия. Но папа Николай не захотел в этом сознаться. Он написал галликанским епископам, чтобы они защищали новое учение, выраженное в Символе. Появилось действительно несколько сочинений в защиту мнения, выраженного словами «и от Сына»; самые замечательные из этих сочинений были написаны епископом Енеем Парижским и иноком Корвийского монастыря Ратрамном. С этих пор нововведение в Символе, которое было до того лишь частным мнением, утвердилось на Западе как догмат веры.

Между тем обстоятельства очень изменились. Папа Николай скончался в 867 году, и в тот же год был удален и Фотий. Василий Македонянин, любимец императора, умертвил его и занял престол. Фотий бесстрашно укорял цареубийцу, и Василий, лишив его сана и заключив в монастырь, возвратил Игнатия на Константинопольскую кафедру.

В Риме торжествовали по поводу низложения Фотия. Император Василий желал сближения с Западом, и потому папа мог надеяться, что ему во многом уступят. Преемник Нико-

лая, Адриан II, на соборе в Риме в присутствии посланных из Греции повторил анафему Фотию и убедил императора созвать в Константинополе Собор для суда над ним. Однако около двух лет собирали епископов, которые согласились бы осудить Фотия, но все-таки нашли их весьма малое число. Почти все духовенство было горячо предано патриарху, так твердо защищавшему независимость Церкви и чистоту ее учения, так ревностно исполнявшему свои обязанности. Но наконец Собор торжественно открылся в 869 году. Папа прислал двух легатов. Так как три восточных патриарха не прислали уполномоченных, то в виде уполномоченных от них выставили сарацинских поверенных, приезжавших для выкупа пленных. Вообще, действия этого собора стали позором для греков и торжеством латинян: признана была духовная власть папы над всей Церковью, а Фотий предан проклятию. Постановления Собора 869 года, который до сих пор латиняне называют восьмым вселенским, вместо чернил подписали евхаристической Кровию. Фотий, призванный на Собор как обвиненный, не признал законности его постановлений. На вопросы легатов он не отвечал, против их обвинений не возражал и поразил всех своим величием и достоинством. Некоторые епископы не побоялись и на Соборе с твердостью защищать действия Фотия, объявляя, что постановления Собора ничего не значат, когда они не согласованы с церковными законами; что посвящение Фотия законно и поступки его справедливы. Их низложили и предали анафеме так же, как и Фотия. Его же подвергли тяжкому заточению. Около месяца бывший патриарх был опасно болен, но к нему не допускали даже врача и прислуги; отняли у него книги. Семь лет провел Фотий в таком суровом заключении и явил величие и твердость духа, которых не отрицают даже и враги его. Все переносил он с невозмутимым спокойствием, не смущался анафемой, произнесенной над ним. «Анафема, – писал он одному другу, – произносимая проповедниками истины против нечестия – казнь страшная; но произнесенная врагами истины поражает только тех, кто произнес ее; а невинному вместо казни готовит неувыдаемую, нетленную славу». «Истинное божественное блаженство почерпается только из источника словес Божиих и занятия ими, – писал он. – О чем же мне должно заботиться, не обращая внимания на скорбь? О том, чтобы сохранить душу неприкосновенной и неповрежденной от стрел греха; и если какая из них поразит душу и даже нанесет ей язву, возбуждать к излечению раны и восстановлению здоровья. Все же прочее: слава и богатство, красота и сила, могущество и зрелость тела, и более их драгоценная сила слова – все это лишь призрачные представления».

Между тем и так называемый «восьмой вселенский собор» не восстановил мира между Римом и Константинополем. Во-первых, подписанные всеми присутствовавшими постановления Собора не достигли Рима. Они были украдены у легатов во время обратного пути. Многие винят в этом греков, якобы желавших уничтожить свидетельство их позорных уступок. Во-вторых, папе не уступили по делу о Болгарии. Болгары к этому времени убедились, что латиняне ищут над ними только преобладания, и снова обратились к грекам. Тщетно папа настаивал на своих правах относительно Болгарии. Патриарх Игнатий по просьбе присланных в Константинополь болгар посвятил для их страны епископа и отправил туда священников. Папа объявил и ему анафему, которую повторял и преемник Адриана Иоанн VIII. Но Василий, утвердившийся на престоле, теперь мало заботился о хороших отношениях с Римом. После семилетнего тяжкого заключения Фотий был опять призван ко двору; император, уважавший ученость, вверил ему воспитание своих детей. Первым желанием Фотия было примирение с Игнатием.

Прежние противники, увидевшись, пали друг другу в ноги и просили прощения один у другого. Самая искренняя дружба заменила прежнюю вражду. Когда Игнатия постигла предсмертная болезнь, Фотий навещал и утешал его. Фотию поручил он, умирая, своих близких и друзей.

После смерти Игнатия Фотий занял его место (879), и мудрый папа Иоанн VIII²⁷⁷, желавший мира с Византией, объявил в Риме недействительными все осуждения и анафемы, произнесенные на Фотия и на собор, созванный в Константинополе, послал своих легатов, которые должны были признать Фотия за законного патриарха при условии уступки Болгарии. Но Фотий, конечно, не ждал дозволения папы, чтобы считать себя законным патриархом. Под его председательством открылся многочисленный Собор, который отверг все постановления Собора 869 года, вновь повторил запрещение прибавлять что-либо к Никео-Константинопольскому Символу и подтвердил равенство прав Римской кафедры и Константинопольской. Все это подписали и папские легаты, надеясь своей уступчивостью достигнуть желаемого преобладания в Болгарии. Но Фотий не уступил и Болгарии. Тогда после возвращения легатов из Рима вновь посыпались проклятия на Фотия. Повторяли их и преемники Иоанна. Наконец врагам Фотия удалось возбудить против патриарха подозрения нового императора Льва, который низложил его.

Великий защитник Православия скончался в монастыре, под анафемой папы и в немилости у греческого императора, в 886 году.

Имя Фотия доселе ненавистно латинянам, которые даже именуют ересь Фотия греческое Православие, как будто Фотий ввел что-нибудь новое, а не защищал древние апостольские правила. Мы же произносим это имя с глубоким уважением, как имя защитника свободы Церкви от властолюбия пап, потому что на Западе истинное учение все больше омрачалось произвольными нововведениями. Разрыв между Римом и Константинополем определился резче; попытки к примирению оставались безуспешны, потому что уже совершились слишком важные отступления Рима от древнего Православия. Римская Церковь не хотела сознаться в них, а, напротив, отстаивая свои мнимые права, все больше и больше удалялась от истины и шла все дальше по ложному пути.

Поход Олега на Византию (907 г.). Миниатюра

Спор с Западной Церковью подал повод Фотию написать несколько догматических сочинений относительно вопросов, разделявших Церкви. Он написал книгу «Тайновод-

²⁷⁷ Ряд западных историков считали, что под этим именем на римском престоле восседала с 853 по 855 гг. женщина – папса Иоанна; именно этот факт имеет в виду хроника древнего Кентерберийского монастыря; более 60 историков на протяжении почти 500 лет считали существование папсы Иоанны полной реальностью. Но даже только предположение такого факта уже характеризует Римскую Церковь.

ство о Святом Духе»; в «Окружном послании» обличал произвольные нововведения Запада. Кроме того, сохранилось много его сочинений и в ином роде: против павликиан, «Библиотека», в которой критически рассмотрено до 286 сочинений, пояснения на Св. Писание, несколько проповедей и поучений, отличавшихся глубиной мысли и живым красноречием. Для нас замечательны три его «Слова» о нападении на Константинополь руссов, ведь последствием этого нашествия руссов на Константинополь было крещение киевских князей Аскольда и Дира и многих киевлян.

Глава XX

Взгляд на состояние Церкви и христианское просвещение в Средней Европе до X века.

Знаменитые богословы. Лжеучения. Монастыри

Стремления пап к всемирному владычеству, споры и распри, возникавшие по разным поводам, больше относятся к гражданской истории, чем церковной, если бы все это не имело такого влияния на развитие церковной жизни. С одной стороны, здесь видно желание более четкого понимания веры и христианской нравственности, а с другой, еще большее уклонение от них. Необходимо было рассказать подробно о событиях, которые постепенно привели к разрыву между Западной Церковью и Восточной.

Заботы Карла Великого о просвещении своей страны принесли плоды, и при его преемниках много ученых мужей, замечательных богословов, трудились над распространением науки, обучали юношество, готовили благовестников для дальних стран, заботились об улучшении нравов. Ко двору франкских правителей переселялись ученые мужи с Британских островов, опустошаемых набегами датчан, разрушавших церкви, монастыри и училища. Вследствие этого просвещение, стоявшее там до того времени на достаточно высоком уровне, постепенно приходило к концу VIII и первой половине IX века, в упадок. Зато франкский двор сделался главным средоточием наук на Западе. Из множества знаменитых лиц, живших в это время, можно назвать Валяфрида Страбона, ученого толкователя Писания; Агобарда Лионского, Клавдия Туринского, Иону Орлеанского, много писавших о церковном благочинии и церковных обрядах, Рабана Мавра, замечательнейшего из учеников Алкуина по учености и горячей ревности к распространению просвещения, инока Пасхазия Радберта, Ратрамна, Ремигия Окзерского, Сервата Лупа, Анастасия Библиотекаря, знакомившего Запад с творениями греческих писателей; наконец, Иоанна Скота Еригена, уроженца Шотландии или Ирландии, глубочайшего мыслителя своего времени. Но, не унижая достоинства всех этих замечательных мужей, надо сказать, что их сочинения оставались почти бесплодными для большинства: все ученые писали по-латыни, книги их вращались в достаточно тесном кругу ученых богословов, а для христианского просвещения народа делалось очень мало. Но уже и то было отрадно, что франкское духовенство, до тех пор принимавшее участие преимущественно в государственных делах, теперь стало заниматься богословскими и церковными вопросами.

Ватопеди – средневековый византийский монастырь. Мистра, юг полуострова Пелопоннес

Такая деятельность стала поощряться еще при Карле Великом, и в некоторых богословских вопросах галликанское духовенство с императором во главе оспаривало мнение и правила, признанные папой, стремилось решать церковные вопросы самостоятельно и независимо от Рима. Агобард Лионский настаивал на необходимости тщательного изучения Священного Писания, боролся против суеверных обычаев, вошедших в жизнь Церкви. Клавдий Туринский, выступая против внешней обрядности в церковном богослужении, отвергал законность власти папы. Уроженец Испании, он провел несколько лет при дворе Людовика Благочестивого, который назначил его епископом в Турин, желая этим назначением доказать свое право вмешательства не только в политические, но и в церковные дела покорной ему Италии. Клавдий навлек на себя неудовольствие папы, выступив против папской власти, а также неудовольствие и всей своей паствы тем, что велел удалить из церквей иконы, порицая поклонение святым и чествование мощей св. угодников Божиих. Поступки Клавдия и его сочинения, в которых он смеялся не только над суевериями и предрассудками, но и над обрядами и обычаями, освященными церковным преданием, возбудили негодование. Иона Орлеанский, шотландец Дунгаль и другие *писали* на них возражения, осуждая Клавдия как последователя еретика Феликса Ургельского. Позднее протестанты *стали* чествовать Клавдия Туринского как одного из предвестников Реформации.

Два богословских спора привлекли к участию всех ученейших мужей того времени. Они впервые возникли в IX веке, но потом часто возобновлялись, особенно во время Реформации – о Евхаристии и о предопределении. До того никаким собором не было ясно определено понятие о Евхаристии. Пасхазий Радберт, благочестивый инок Корвийского монастыря, уже известный трудами по толкованию Священного Писания, издал книгу «О Телe и Крови Господа», в которой утверждал, что в Евхаристии присутствует не вид Тела и Крови, но дей-

ствительно священнодействуется Тело, рожденное от Девы, распятое на Кресте и воскресшее из Гроба. Это возбудило возражения многих богословов Запада. Ратрамн Корвийский, Рабан Мавр, Иоанн Еригена оспаривали Пасхазия, объясняя, что в Евхаристии только вид или символ Тела и Крови Христа. Гинкмар Реймский и много других богословов разделяли мнение Пасхазия. Спор тянулся долго, вышло несколько сочинений по этому поводу, но Церковь своей властью не вмешалась в эти прения. Не последовало никакого решения, и ни одно из этих мнений не было осуждено. Два столетия спустя этот спор возобновил Беренгарий.

Иначе поступила церковная власть относительно другого спора. Некий Годешальк, сын саксонского графа, был с малых лет помещен в Фульдский монастырь, и родители за него дали обет, что он будет иноком. Достигнув зрелого возраста, он не почувствовал призвания к иноческой жизни, и собор в Майнце освободил его от обета, данного за него. Но против этого выступил настоятель Фульдского монастыря Рабан Мавр, и новый собор, отменив решение первого, дозволил Годешальку только перейти в другой монастырь, оставшись все-таки иноком. Тогда Годешальк начал изучать творения святых отцов, в особенности блаженного Августина. Один вопрос больше всего привлек его внимание – о предопределении. Основываясь на мнении Августина, который действительно очень ограничивает свободу человека, Годешальк пошел еще дальше и пришел к убеждению, что всякий человек заранее предопределен Богом или к вечному блаженству, или к вечному осуждению и что это предопределение ничем измениться не может. Это мнение дошло до Рабана Мавра, который в это время был уже архиепископом Майнцским. Он написал возражение и призвал Годешалька на собор в Майнц. Тот явился с изложением своего мнения. Оно было осуждено Собором как еретическое, а сам несчастный иннок отправлен к Гинкмару Реймскому, к округу которого принадлежал его монастырь. Новый собор под председательством Гинкмара осудил мнения Годешалька и потребовал, чтобы он отрекся от них, но тот не согласился. Его били до тех пор, пока он, сломленный страданием, не бросил в огонь составленное им изложение своей веры. Но и после этого его осудили на пожизненное заточение. В монастыре, где его содержали как преступника, Годешальк умолял, чтобы ему было дозволено судом Божиим доказать справедливость его мнений. Ему предлагали прощение, если он согласится вторично отречься, но он остался тверд. Поступки Гинкмара возбуждали негодование. Часть духовенства защищала Годешалька. Некоторые богословы, такие, как Ратрамн и Серват Луп, открыто защищали его мнения. Сам заключенный иннок обвинял Гинкмара в заблуждениях, искал покровительства папы. Несколько лет богословы препирались между собою о предопределении, а несчастный иннок пробыл в заточении двадцать один год, до самой смерти, и тело его было лишено христианского погребения.

Здесь мы упомянули в первый раз о суде Божиим. Этот обычай около того времени очень распространился в Средней Европе. К суду Божию прибегали обвиненные, как к высшему доказательству невинности и правоты. Были различные виды судов Божиих: с использованием холодной и горячей воды, огня, раскаленного железа, поединка и т. п. Испытание холодной водой состояло в том, что обвиненного бросали в реку. Если он шел ко дну, то его считали невинным и вынимали из воды, потому что считали, что вода не примет виновного. Это испытание употреблялось редко, как неточное. Чаще испытывали огнем, раскаленным железом, горячей водой. Обвиненный должен был из котла с кипящей водой вынуть положенное на дно кольцо или другой предмет, держать в руке раскаленное железо. Рука потом обвязывалась, и если через три дня не оставалось повреждения, то это считалось доказательством правоты. При поединках побежденный считался виновным. Вообще, в основании судов Божьих лежало стремление подвергнуть обвиняемого явной опасности, чтобы представить правосудию Бога заступиться за безвинного. Был даже суд Божий через Святое Причастие. Суды Божий состояли в ведении Церкви, обыкновенно происходили в церкви или на церковном дворе, в присутствии духовных лиц, которые особенными молитвами освящали

предметы, служившие для этого. Против судов Божьих многие восставали уже с X века, однако этот обычай продолжался очень долго.

Кроме так называемого суда Божия были и другие обычаи, в которых проявлялось суеверие и превратное понимание закона и обязанностей христианских. Так, например, довольно распространен был обычай гадания по Священному Писанию (*Sortes Sanctorum*). Книги Священного Писания клали в церкви или на гробницы прославленных святых и, наложив на себя пост, совершив молитву, раскрывали книгу, и первый попавшийся текст считался предсказанием будущего, указанием на разрешение заданного вопроса. Был обычай крещения колоколов. Путешествиям к святым местам приписывалась такая спасительная сила, что богомолье в Рим или какой-нибудь знаменитый монастырь считалось достаточным для искупления грехов и даже преступлений. Эти мнения, однако, вызывали и опровержения. Вообще, в ту пору некоторые просвещенные и благочестивые епископы довольно много заботились о чистоте веры, о распространении просвещения и Священного Писания. Но добрым и здравым понятиям приходилось бороться с общим в народе стремлением к суеверию, с небрежностью и грубостью большей части духовенства, которое, мало понимая сущность закона Христа, превратно толковало его народу, пользовалось для корыстных целей его невежеством и суеверием. Из-за этого укоренилось много суеверных обычаев, внешность стала заменять истинный смысл христианского правила или постановления; исполнение внешнего обряда – внутренний, молитвенный подвиг души.

Главный надзор над нравственностью народа в то время принадлежал, конечно, духовенству. Епископам вменялось в обязанность хотя бы раз в год объезжать свою епархию, чтобы удостовериться, известны ли народу правила христианской веры, и наставлять его. К этому же присоединяли и право суда над проступками, нарушающими законы христианской нравственности. Вот как происходили во Франкском государстве так называемые синоды. Епископ через своего архидиакона извещал о времени своего прибытия в какую-нибудь местность. К этому времени туда собирались все те, которые имели нужду в его правосудии. После прибытия епископ избирал из общества семь мужей, пользовавшихся уважением. Они давали клятвенное обещание, что скажут всю правду, и тогда задавали вопросы, которые нам сегодня могут дать представление о степени развития тогдашнего общества. Спрашивалось, например, не случилось ли в округе убийства, воровства, клятвопреступления; нет ли в округе колдуна, чародея, заклинателя; не творил ли кто-нибудь языческих треб у деревьев, источников и камней; не совершали ли пастухи или охотники заговор над хлебом, травами и тому подобного; не скрывали ли этих заговоров в древесных дуплах, не зарывали ли их на перекрестках с тем, чтобы предохранить скот от падежа; не уверяет ли о себе какая женщина, что она может волшебством или заклинанием превратить ненависть в любовь или любовь в ненависть; не имеет ли кто сношений с духом злым; не ел ли кто нечистого; не нарушал ли поста; не отлучался ли кто от обедни в праздник; не работал ли кто в праздник; не отказался ли от уплаты церковного сбора; не оказал ли пренебрежения к духовенству; не нарушил ли закона гостеприимства; заботятся ли восприемники о том, чтобы крестники их знали молитву Господню; не употребляет ли кто фальшивых весов и мер; не дает ли денег под рост, не пел ли кто близ церкви бесчинных песен; не разговаривал ли во время богослужения и т. д.

После опроса свидетелей начинался суд, и виновные подвергались наказаниям, большей частью телесным. Но эти наказания могли быть заменены и денежной пеней или исполнением церковной епитимий. Отсюда берет начало обычай выкупать грехи определенным денежным штрафом или числом молитв. Уже в VIII веке появилась книга епископа Галитгара Камбрейского, в которой определялась мера епитимий за каждый проступок. Но против такого чисто показного покаяния было много возражений. Шалонский собор запретил употребление «Пенитенциальных книг», как они назывались, объявив, что не количество

молить, а их искренность говорит об истинном покаянии, потому что сердца сокрушенного и смиренного не презрит Господь. Но так сильно было стремление к одному внешнему, так сказать, механическому исполнению церковных постановлений, что в X и XI веках этот обычай полностью утвердился и был признан Церковью. За каждый проступок определялось некоторое количество молитв и псалмов, мера лишений или добровольных истязаний. Вся система наказаний настолько упростилась, что согрешивший мог знать заранее, чем что заменялось. Например, год покаяния мог замениться прочтением тридцати псалмов или определенным количеством ударов, а тот, на которого Церковь возложила пятилетнее покаяние, мог заменить это прочтением всей Псалтири. Покаяние состояло в соблюдении поста, в ношении смиренной, простой одежды и т. п. Все это тоже могло заменяться совершением богомолья, уплатой определенной денежной пени. Постепенно некоторые стали заранее оплачивать будущие проступки, покупать безответственность. Так получила развитие система индульгенций.

Кто отказывался исполнить возложенное на него церковное покаяние, подвергался отлучению от Церкви. За самые тяжкие преступления – анафема, то есть запрещалось всякое участие в церковных службах и Таинствах. Человек оказывался как бы вне закона. Эта мера стала после страшным оружием в руках властолюбивого духовенства, потому что человека, оказавшегося вне закона, каждый мог безнаказанно обидеть или даже убить. К VIII и IX векам относится начало многих подобных обычаев и постановлений. К правилам, которые старались ввести в эту пору, надо причислить и безбрачие духовенства. Римская Церковь старалась внедрить это как церковный закон, и в 862 году было сделано такое постановление на Вормском соборе, но его не признали повсеместно на Западе, и даже в Италии до XI века служили женатые священнослужители.

Было сделано немало попыток к улучшению нравственного состояния франкского духовенства, которое своей алчностью, небрежностью в исполнении обязанностей и распущенностью часто возбуждало негодование. Такую попытку сделали еще около середины VIII века епископ Хродеганг Мецский, который убедил соборное духовенство жить под его надзором, соблюдая составленные им правила, довольно сходные с правилами монашеской жизни, но не столь строгие. Это было началом сообщества каноников, так как они подчинялись каноническим правилам. Живя в одном доме при соборном храме, под надзором епископа, каноники получали содержание от храма, имели общий стол, определенную одежду, в определенные часы собирались для общей молитвы, пения часов и слушания глав из Священного Писания или из канонического устава. Потому и все собрание называлось «капитулом» (от слова capit, глава). Хродеганг устроил такую жизнь только для клира своей соборной церкви, но уже в IX веке устав каноников, дополненный еще многими правилами, становится обязательным для клира всех соборных и некоторых приходских церквей Франции. Однако вскоре духовенство стало выражать неудовольствие. Многие тяготились строгостью устава, делали послабления. Каноники выхлопотали себе право пользоваться и независимо распоряжаться частью церковного имущества и, удаляясь постепенно от строгости первоначальных правил, составили что-то среднее между монашеством, мирянами и клиром. Позже они много занимались воспитанием юношества. Составлялись и женские общества канонис из дев и вдов, которые давали обет безбрачной жизни и, не оставляя своей семьи, подчинялись некоторым правилам монашеской жизни.

Преобразования требовались и для монастырей, которые, особенно во франкском государстве, чрезвычайно удалились от первоначальных правил строгости и простоты. В этом отчасти был виноват пагубный обычай раздавать монастыри в награду за услуги мирянам, воинам, знатным сановникам, которые, пользуясь доходами с монастырских земель, вовсе не заботились о том, соблюдается ли иноками монастырский устав, живут ли они благочестиво или развратно. Нередко случалось, что такой мирянин, владелец монастыря, проживал

в нем месяцами с семейством, друзьями и прислугой для того, чтобы охотиться на обширных монастырских землях, и обитель иноков превращалась в место шумных увеселений и пиршеств. Изгнанные же иноки, странствуя по окрестностям, жили подаянием. Таким образом, иночество пришло в крайний упадок.

Аббатство Фонтевро – один из самых известных средневековых монастырей

Его преобразование стало главной целью устремлений строгого Венедикта Анианского. Рожденный в знатном семействе Лангедока, молодой Витица служил воином при Карле Великом. В минуту крайней опасности он дал обет посвятить жизнь свою Богу и принял иночество с именем Венедикта. Стремясь к высшим подвигам иночества, он удивлял сподвижников строгостью жизни, изнуряя тело постом, бдением, добровольными истязаниями. Затем, увидев распушенность жизни иноков, Венедикт решил основать монастырь, который стал бы образцом. И действительно основал в отцовском поместье Анианский монастырь. Он подчинил иноков, собравшихся около него, уставу Венедикта Нурсийского, строго наблюдая за его исполнением, подавая пример самоотверженности, смирения и трудолюбия. Слава монастыря и его настоятеля распространилась далеко. Богатые дары и покровительство Карла Великого дали Венедикту возможность основать при монастыре училище высших наук, библиотеку, школу церковного пения. Обитель со временем сделалась одной из значительнейших во Франции. При сыне Карла Великого, Людовике Благочестивом, Венедикт достиг огромного влияния на все государственные и церковные дела; ничто не предпринималось без его совета и участия. Он убедил Людовика заняться преобразованием монастырей, и на государственном сейме в Аахене в 817 году, после совещания с настоятелями крупнейших обителей, было решено подчинить все франкские монастыри уставу Венедикта Нурсийского, несколько измененному Венедиктом Анианским. Ему же был поручен надзор над всеми иноческими обителями в государстве. Венедикт ревностно занялся возложенной на него обязанностью, объезжал все монастыри и наблюдал за исполнением устава, старался распространить просвещение между иноками, призывал их к строгой жизни, к труду и милосердию. Но как ни ревностно трудился Венедикт до самой смерти, усилий одного человека было явно недостаточно, чтобы искоренить все злоупотребления во франкских монастырях. Большинство из них после смерти Венедикта пришли к прежнему состоянию. До X века сохранялся обычай награждать монастырями заслуженных мирян. И в течение еще многих веков раздавались жалобы на упадок иноческой жизни, распушенность нравов, праздность и невежество иноков, что было предметом презрения и насмешек мирян.

Многие благочестивые мужи и после смерти Венедикта Анианского пытались восстановить в монастырях строгость и чистоту древнего благочестия.

Средневековый монастырь Византии

Некоторые монастыри имели особенное значение как училища: Сан-Галльское, монастырь Рейхенау – в Швейцарии; Лорш, Гиршау – близ Рейна; Фульд – в Баварии, Корвий – в Пикардии во Франции. Этот последний был еще замечателен тем, что из него вышло много ревностных благовестников. Корвийская обитель даже основала другую, с особенной целью благовествования язычникам. Карл Великий, покорив саксов, поместил несколько саксонских юношей в разные монастыри, и преимущественно в Корвийский монастырь, для того чтобы они, научившись христианскому закону, могли потом стать наставниками в своей стране. Особенно ревностно занялся образованием молодых саксонцев настоятель Корвийской обители Адальгард и, видя успех своих стараний, решил устроить монастырь в их отечестве. Нашлись достойные иноки, изъявившие желание переселиться вместе с саксонцами, воспитавшимися в Корвийской обители. Много терпели они лишений в дикой, бесплодной местности, которая едва могла прокормить их, и наконец основали на берегу Везера, в немецкой земле, монастырь, который стал называться Ново-Корвийским. Людовик Благочестивый оказывал ему помощь, надеясь, что через него откроется возможность благовествования в дальнем крае. При монастыре устроилась школа, в которой главным наставником стал ученик Пасхазия Радберта Ансхарий, будущий апостол Скандинавии. Его ревностная, неутомимая деятельность заслуживает особого внимания.

Глава XXI

Распространение христианской веры в скандинавских землях. Король Альфред в Англии. Гонение на христиан в Испании

Когда Карл Великий покорил саксов своей власти и Римской Церкви, то он решил покорить и другие племена, заселявшие восточную часть нынешней Германии. Балтийское побережье, берега Эльбы и Одера (нынешняя Прибалтика) были заселены разными славянскими племенами, а также немцами и датчанами. Между ними шла постоянно война. Карл Великий намеревался основать епископство в Гамбурге для распространения христианской веры среди окрестного населения, но не успел этого сделать. Однако он основал там Церковь, направил туда священника и тем положил начало благовествованию.

В царствование Людовика Благочестивого датский принц Гарольд, у которого родственник оспаривал престол, просил помощи у франков и с их помощью победил соперника. Вследствие установившихся дружеских отношений Людовик в 822 году отправил в Ютландию посольство, во главе которого были Еббо, архиепископ Реймский, и Галитгар, впоследствии епископ Камбрейский. Они старались расположить Гарольда к принятию христианской веры, но Гарольд, боясь возбудить неудовольствие в народе, не согласился принять крещения, однако и не мешал христианским епископам совершать крещение над уверовавшими. Послы пробыли у датчан недолго и, не достигнув большого успеха, возвратились на родину. Новые смуты, возникшие в Дании, заставили Гарольда снова просить помощи у Людовика. В 826 году сто судов привезли в Майнц, где находился император, короля Гарольда с семейством и огромным числом спутников, датчан и норманнов. Все они торжественно приняли Святое Крещение в присутствии императора и императрицы, которые стали восприемниками от купели датской королевской четы. Но едва ли можно предполагать в них убеждение в истине христианской веры, еще мало знакомой датчанам. Королю нужна была помощь императора, и все охотно приняли со Святым Крещением подарки, которыми наделил их ревностный к вере Людовик.

Гарольд изъявил желание, чтобы в его страну послали благовестников, и настоятель Корвийского монастыря, обсуждая это с императором, указал ему на молодого монаха Ансхария, как на человека способного и ревностного. Ансхарий, родом из окрестностей Амиенса, с самых ранних лет стремился посвятить свою жизнь Богу. Чудные сновидения указывали ему на блаженство небесное, таинственные голоса увещевали его оставить детские забавы и устремить мысли к горнему. Он рано принял иночество и переселился в Ново-Корвийский монастырь, весь посвятил себя молитве и преподаванию в тамошнем училище. Но эта деятельность не удовлетворяла его. Он стремился к иным трудам. Он слышал голос Господень, говоривший ему: «Иди и возвратись ко Мне, увенчанный венцом мученичества». Другой раз на вопрос: «Господи, что повелишь мне делать?» – он услышал в ответ: «Возвещай людям слово Божие». Благовествование язычникам сделалось целью всех его желаний.

Ансхарий, апостол Скандинавии

С живейшей радостью принял Ансхарий предложение отправиться благовестником в Данию. Из корвийских иноков нашелся ему один сотрудник, и оба отправились в путь. Дело оказалось трудным. Датский народ, крайне недовольный обращением короля, не являл никакого расположения к христианской вере; не было возможности проникнуть в глубь страны. Благовестники остановились в Южной Ютландии, в городе Гадеби, где основали христианскую школу. Ансхарий выкупал пленных детей и обучал их в надежде образовать из них благовестников и наставников, но и эта деятельность вскоре *была* прервана. Гарольд, побежденный соперником, вынужден был бежать, и благовестники вслед за ним оставили страну, где на них смотрели враждебно. Но Ансхария не покидала надежда продолжить начатое дело. Его спутник заболел и умер, он же ждал благоприятных обстоятельств, чтобы возвратиться к своей деятельности, а между тем искал возможности проникнуть в другую страну, в Швецию. Там неизвестно кем было проповедано Евангелие еще в начале VIII века, и один шведский принц, Скира, принял крещение. С тех пор христианство заглохло среди смут и волнений, но оставалась память о нем. И торговля, и война часто приводили шведов в соприкосновение с христианами. Шведские купцы прибыли в 829 году ко двору Людовика и просили христианских проповедников. Ансхарий с радостью отправился в путь. На пути он и его товарищ были ограблены морскими разбойниками, едва спасли жизнь, но достигли города Бирки, где их благосклонно принял король Бьорн и они нашли христианских военнопленных, которые с невыразимой радостью встретили единоверцев и приняли от них Святое Причастие. Дело благовествования пошло довольно успешно. Многие уверовали, и один из правителей страны, Геригар, приняв Святое Крещение, основал первую христианскую церковь.

Ансхарий пробыл полтора года в Швеции, трудясь неутомимо. Когда, возвратившись, он рассказал императору о ходе дела, то Людовик решил исполнить желание отца и устроил в Гамбурге епископство Нордальбингское, которое и поручил Ансхарию, посвященному в архиепископа Нордальбингии. (Так называлась немецкая земля за Эльбой, граничившая с датчанами, западная половина бывшей Турции с Гамбургом.) На содержание епископства дали доходы с одного монастыря в Фризляндии, но и при этом положение Ансхария было крайне трудное во всех отношениях. Его округ постоянно подвергался опустошительным набегам соседних племен, жизнь не раз оказывалась в опасности. Но ничто не утешало его, ничто не охлаждало его святой ревности. Всегда в трудах, терпя лишения, он являл кротость, терпение и мужество истинного служителя Божия, который живет не для себя, а для Бога. Надеясь на Его всемогущую помощь, он продолжал выкупать пленных отроков из немцев, норманнов и славян и обучать их вере Христовой, общаться с благовестниками, трудившимися в Дании и Швеции. Там дело колебалось: когда брали верх партии, враждебные христианству, то уверовавшие подвергались гонениям и опасности, и даже иногда благовестники оставляли край. Через несколько лет Ансхария постигло новое бедствие. Норманны, страшно опустошив край, сожгли Гамбург, церковь, школу и библиотеку, основанные им; сам Ансхарий едва спасся. «Господь дал, Господь и взял, да будет благословенно имя Его», — сказал он, как Иов, и удалился на время в поместье одной христианской вдовы в Пруссии. Оттуда он обзирал свой опустошенный округ, принося несчастным утешение веры, внушая им твердость духа и упование на Бога. Сам же терпел крайнюю нищету. Наследники Людовика отняли у Нордальбингской епархии доходы, которыми она содержалась, и Ансхарий был лишен средств к жизни. Его сотрудники упали духом и возвратились на родину, но он не оставил начатого дела и, надеясь на лучшие времена, продолжал трудиться один. Действительно, через некоторое время Гамбург и Бремен соединили в одну епархию, и ревностному архиепископу были вновь даны средства продолжать свою благотворную деятельность.

Со званием архиепископа Нордальбингии Ансхарий соединял и звание примаса всего северного края, имея надзор над Церковью в Дании и Швеции. Но уже в 837 году епископа Гауцберга, трудившегося в Швеции, оттуда изгнала партия, враждебная христианству. Несколько раз Ансхарий ездил в Данию и, пользуясь покровительством короля Ериха, построил церковь в городе Шлезвиге. Сам король не изъявил желания креститься, но многие уверовали. Успехи христианской веры вновь возбудили негодование языческой партии, вспыхнуло возмущение. Король, покровительствовавший Ансхарию, был свергнут с престола и вскоре затем убит (854). Отрок Эрик был провозглашен королем, и правивший за него Иарл Шлезвигский, ожесточенный враг христианства, поднял на христиан страшное гонение: многие были казнены, священники изгнаны, церковь заперта. Но правление жестокого врага христиан продолжалось недолго. В 856 году Ансхария пригласил в Данию сам король, и дело благовествования возобновилось.

Между тем и в Швеции, где в течение семи лет не было благовестников по причине гонения, слово Божие действовало своей сокровенной силой: многие из уверовавших оказывались истинными христианами, опасности и гонения не охладили их ревности к службе Божией. Среди них был Геригар: его твердость духа, добродетельная жизнь имели благотворное влияние на окружающих, и многие обращались, кто тайно, кто явно. Тесные взаимоотношения шведов и христиан способствовали распространению христианства; и поклонники Тора и Одина (главные скандинавские божества) начинали приходить к убеждению, что Бог христиан есть могучий и сильный помощник верующим в Него. На сходах они стали рассуждать о том, не признать ли Христа Богом и не воздавать ли Ему честь, как Тору и Одину. Случилось так, что однажды, когда враги угрожали Бирке и жители в страхе умоляли своих богов о спасении, Геригар посоветовал им призвать на помощь христианского Бога.

Они согласились и обещали в случае спасения хранить пост и дать подаяние бедным во имя Христа. Опасность миновала Бирку, и с этих пор слава Христа возросла в глазах поклонников Одина, многие стали чествовать Христа вместе с прочими богами.

Как только открылась к тому возможность, Ансхарий прибыл в Швецию, чтобы утвердить в вере обращенных и совершить крещение над вновь уверовавшими. В 852 году он предпринял туда новое путешествие. Король Эрик Датский, любивший его, писал королю Олафу Шведскому, что никогда не встречал он такого праведного и добродетельного человека, как Ансхарий, что просит и короля шведского дозволить ему устроить в его государстве христианскую церковь, потому что такой праведный человек может стараться только о том, что воистину хорошо и полезно. Олаф принял Ансхария благосклонно, но не обещал ему содействовать, боясь возбудить негодование в народе, который уже и без того был сильно взволнован успехами христианской веры. Многие ревнители древнего идолослужения на народных собраниях грозили гневом небесным отступникам от Тора и Одина, и волнение было таким сильным, что друзья Ансхария, опасаясь за его жизнь, умоляли его уехать. Но он готов был отдать и жизнь за святую веру. Король бросил жребий о том, допускать ли благовествование веры Христовой. Жребий выпал благоприятный для христианства; он позволял Ансхарию предложить вопрос на обсуждение народного веча. Ансхарий, приготовившись к делу постом и молитвой, благовествовал собранному народу христианскую веру. Поднялось сильное волнение, и, хотя многие отвергали предложенное, один уважаемый старец все же напомнил, что, судя по тому, что он слышал, тот Бог, о котором идет речь, Бог сильный и могучий, что Он уже многих избавил от опасности и на море, и на войне и что неразумно отвергать того, что может оказаться полезным. Слова старца убедили большинство собравшихся. Решено было не препятствовать распространению веры во Христа и дозволить христианам иметь церковь и совершать богослужение. Ансхарий принял это решение с радостью, как начало, обещающее благие плоды впоследствии. Король подарил ему место для основания церкви. Была заложена церковь, и один из любимых учеников Ансхария, Римберт, оставлен в Швеции священником. Ансхарий же возвратился в Бремен. Но до самой его смерти продолжалось ревностно дело благовествования.

Последние годы жизни Ансхарий провел в своем округе, трудясь по-прежнему, настаивая в истинной вере, утешая страждущих, выкупая пленных. Любя с молодости уединение, он устроил себе тесную келью, в которую иногда удалялся. Но редко доставался ему этот отдых в жизни. Слава о его святой жизни привлекала к нему посетителей. Издалека приносили к нему больных в надежде, что его молитва исцелит их. «Я не могу творить чудес, – говорил смиренный Ансхарий, когда славил его как чудотворца, – и прошу у Бога одного чуда, чтобы Он благодатью Своей сделал меня хорошим человеком». Не дано было Ансхарью положить жизнь в мученичестве за веру, но дано переносить труды и лишения. В течение тридцати четырех лет он неутомимо трудился во славу Божию. Великий апостол Скандинавии умер в 865 году.

Ансхарий

Преемником Ансхария стал его любимый ученик Римберт, описавший жизнь своего наставника, которому подражал в деятельности и самоотверженности. Он был двадцать три года архиепископом Нордальбингии и ревностно стремился распространять веру в Швеции и Дании. Но ни он, ни его преемник Уни не увидели ее полного торжества в этих странах. Еще больше столетия продолжалась упорная борьба между древним богопочитанием, крепко укоренившимся в народе, и новой верой. Норманны и датчане были грозой Европы. В губительных набегах на соседние страны они разоряли христианские церкви, убивали христиан. В Швеции и Дании христиане вновь подверглись гонениям. Но благое семя, брошенное Ансхарием и его учениками, не погибло совсем: оставалось несколько христиан, оставалась память о благовествовании слова Божия, и в конце X века оно возобновилось.

От наездов суровых датчан особенно пострадали в IX веке Британские острова. Они жгли церкви, монастыри и училища. Просвещение настолько упало, что в конце IX века едва можно было найти грамотных людей в стране, которая до тех пор славилась своими училищами. Множество ученых мужей переселилось во Францию. В 872 году вступил на престол Альфред Великий, о котором Англия хранит благодарную память, как о достойнейшем из своих королей. Он победил датчан и старался просветить свой народ. Будучи ревностным христианином, был глубоко убежден, что благотворно только то просвещение, которое зиждется на законе Божиим, что самое необходимое знание – знание слова Божия. Он вызывал отовсюду ученых и благочестивых мужей, сам учился у них, заводил школы, все свое время посвящал молитве, науке и государственным делам. Альфред видел, как быстро

Англия погружалась в невежество, и, приписывая это отчасти тому, что науки и богословие преподавались не на народном, а на латинском языке, особенно заботился о том, чтобы перевести на родной язык все необходимые учебные и духовные книги. Сам, выучившись латинскому языку, перевел на английский язык Псалтирь, некоторые сочинения Григория Двоеслова, «Историю Английской Церкви» Беда Достопочтенного. «Я помню, – писал он в предисловии к одной из книг, – что перед последними опустошениями церкви наши и монастыри были богаты книгами; но духовенство извлекало из них мало пользы, потому что не понимало их; предки же наши не переводили этих книг на народный язык, не воображая себе, чтобы мы когда-нибудь могли впасть в такое невежество». Постоянно заботясь об успехах просвещения, Альфред значительно расширил училище в Оксфорде, сделавшееся впоследствии знаменитым университетом; он утвердил в Англии суд присяжных. Этот доблестный, милосердный и мудрый король умер в 901 году. После него датчане опять начали опустошать край, и хотя просвещение развивалось с трудом, но заботы Альфреда не оставались бесплодными.

* * *

Большая часть Испании, как мы знаем, была в начале VIII века покорена магометанами. Нельзя сказать, чтобы они были жестокими гонителями христианской веры. Кордовские калифы, покровители наук и просвещения, не преследовали своих христианских подданных, и христианам в Испании было гораздо привольнее жить, чем их единоверцам на Востоке. Правда, они должны были ежемесячно вносить поголовную подать, но им позволялось строить церкви и монастыри, свободно совершать богослужение, спорные вопросы решать своим судом. Запрещалось, однако, только обращать магометан в христианскую веру и поносить Магомета; вместе и магометанам не разрешалось хулить Христа, но с той разницей, что злословивший Магомета подвергался смертной казни, а злословивший Христа – телесному наказанию. Установились довольно мирные отношения между христианами и их победителями. Многие христиане занимали важные должности в государстве; иноки и священники служили посредниками между магометанскими и христианскими правителями. Но вскоре в христианском обществе распространилось некоторое равнодушие к вере: состояние просвещения было тогда выше у арабов, нежели у христиан, и многие христиане охотно посещали процветающие арабские школы, пренебрегая знанием своего закона и отеческих писаний. Иных соблазняло желание стать в ряды господствующих, избавиться от уплаты подати, и много христиан довольно легко перешло в магометанство.

Карл фон Штойбен. Битва при Пуатье (732 г.)

Такие отступления от веры вызывали, конечно, негодование в ревностных христианах, подталкивая их, в укор отступникам и равнодушным, к громким, неосторожным заявлениям о своей вере. Это приводило к столкновениям между христианами и мусульманами, возбуждая фанатизм. Случалось, что приверженцы ислама со смехом и бранью встречали христианских иноков и священников; мусульманские дети бросали в них камнями; звон колоколов, призывающий верующих в христианские храмы, раздражал мусульман. Со своей стороны и ревностные христиане не могли без содрогания слышать, как с минаретов провозглашалось всенародно: «Нет Бога, кроме Бога единого, и Магомет пророк Его», и, совершая крестное знамение, иногда громко восклицали: «Не промолчи, Боже, и сокруши врагов Твоих!»

Такое состояние умов готовило взрыв. Христиане разделились на две партии. Одни, умеренные, находили, что следует благодарить Господа и за ту долю свободы, которой пользуются христиане под игом иноверных, воздерживаться от всего, что может раздражать магометан, не отказываться от государственных должностей и употреблять к сохранению добрых отношений все меры, которые совместимы с соблюдением христианского закона. Другая партия, крайних, клеймила позором такой образ действий, именуя его трусостью, малодушием и чуть ли не отступничеством. Они считали грехом даже малейшее участие в действиях магометанского правительства и священной обязанностью истинного христианина везде, при каждом удобном случае, открыто говорить о своей вере и о ненависти к магометанству. «Вы полухристиане, – говорил умеренным Альвар Кордовский, один из представителей крайних, – вы не дерзаете молиться в присутствии неверных; не дерзаете знаменоваться знамением креста; не дерзаете исповедовать Божество Христа; вы леопарды, принимающие все цвета. Денно и ночью поднимается с минаретов голос, хулящий Господа, ибо, славя Его, славят и лжепророка; и горе веку сему, столь бедному в мудрости Христовой, что не найдется никого, кто бы по повелению Божию вознес знамя Креста над горами и башнями Вавилона и принес бы Богу жертву вечернюю!»

Хотя и не совсем то, чего желал Альвар, но все же нашлось много готовых жертв. Первым, кто пал за имя Христа, был священник, принадлежавший к партии не крайних, а умеренных. Это случилось в 850 году. Перфект, священноинок в Кордове, вышел из монастыря для каких-то закупок. Встретившиеся ему магометане вступили с ним в беседу и стали спрашивать о вере христианской и о его мнении относительно Магомета. Он не согласился

отвечать на вторую часть вопроса, говоря, что не желает их оскорбить. Они настаивали, просили его говорить с ними откровенно, обещая не оскорбляться его словами и не преследовать его. Тогда перфект отвечал, что, конечно, считает Магомета за одного из лжепророков, о которых возвещал Христос. Магометане выслушали это с затаенной злобой, но отпустили его на этот раз, чтобы не нарушить своего обещания. Встретив его через некоторое время, они схватили инока и обвинили перед судом как хулителя Магомета. Перфекта заключили в темницу; и так как он не согласился отречься от своих слов, а, напротив, подтвердил их, смело исповедуя свою веру, то его казнили.

После этой смертной казни фанатизм магометан и ревность христиан к мученичеству возгорелись до крайней степени. Кордовский купец Иоанн, обвиненный в том, что поносил Магомета, претерпел жестокие истязания и смертную казнь; юноша по имени Исаак вслед затем сам явился в суд, притворившись, будто желает ближе узнать закон Магомета. Когда обрадованный этим судья стал объяснять ему, в чем он состоит, то Исаак стал называть Магомета лжецом и оболъстителем и тоже был приговорен к смертной казни. С каждым днем сильнее и сильнее разгоралась ревность к мученичеству. Юноши, молодые девы, старики шли объявлять о себе судьям; в мечети вдруг являлись христиане и громко поносили Магомета; из дальних монастырей, из пустынь и лесов приходили в город иноки и отшельники и, вслух ругая Магомета, слагали головы свои на плаху. Некоторые священники и миряне из партии умеренных старались удержать такое рвение, объясняя, что самовольное мученичество не есть подвиг, угодный Господу; что истинный христианин должен в смирении и терпении ожидать проявления воли Божией, не бросаясь в опасности, а в любви к ближним щадить и врагов; что в этом неудержимом рвении к мученичеству больше высокоумия, чем любви. Слова их были тщетны, а огромным влиянием пользовались священник Евлогий и его друг Павел Альвар Кордовский, ревнители мученичества, которые пламенными речами еще больше возбуждали христиан искать мученического подвига. Наконец сам калиф Абдаррахман II обратился к двум испанским митрополитам, архиепископу Севильскому и архиепископу Толедскому, и убедил их своей духовной властью запретить христианам раздражать магометан и искать смерти. Но и слова святителей не помогли. Казни продолжались. В мирные времена бывали браки между христианами и магометанами, причем иногда дети воспитывались в христианстве; теперь магометане постоянно приносили доносы на обращения в христианство. Так, одна девица Флора, рожденная от смешанного брака и воспитанная матерью в христианской вере, была теперь обвинена братом, ревностным мусульманином, в отпадении от магометанства. Истязания и угрозы не подействовали на нее: она осталась тверда в своем исповедании, но так как не хулила Магомета, то была отпущена. Через некоторое время, возбужденная партией крайних, сама явилась к судьям, понося лжепророка. Ее заключили в темницу и потом казнили.

Митрополит Толедский, видя, что слова его тщетны, велел заключить в темницу священников, возбуждавших в христианах ревность к мученичеству, в том числе, как одного из главных, Евлогия. В то же время митрополит Толедский говорил заточенным христианам, что их действия нарушают мир Церкви, что во множестве церквей нет пастырей, из-за чего христиане лишены утешения Таинств и богослужения; что если обязанность христианина пребывать твердым в исповедании своем, то не входит в его обязанности произвольно навлекать на себя опасность и смерть. Но из своего заключения писал, со своей стороны, и Евлогий тем же христианам, хваля их подвиг и воспламеняя их ревность к мученичеству. Упорная борьба между партией крайних и партией умеренных продолжалась долго. Наконец по настоянию того же калифа Абдаррахмана был созван Собор в Кордове и издано постановление, запрещающее христианам самовольно, без требования, являться к магометанским правителям для исповедания своей веры. Вскоре калиф Абдаррахман умер, а его преемник стал теснить христиан, лишал их занимаемых должностей; продолжались частые казни, потому

что ревность к мученичеству не ослабела, и Евлогий, избранный архиепископом Толедским, был душой крайней партии. Наконец и его самого в 859 году привели в суд. Магометанские власти сами желали спасти его, уважая святость его жизни и многостороннее образование, но Евлогий, воспламенявший в других ревность к мученичеству и сам искренно объятый той же ревностью, открыто поносил Магомета и сложил голову на плаху. Но это была одна из последних жертв гонения, которое вскоре утихло, и прежние отношения восстановились между победителями и побежденными. Известия об этом гонении сообщены Евлогием и Павлом Альваресом в двух книгах, исполненных восторженной хвалы мученикам.

Не вся Испания была, впрочем, во власти магометан. В городах Астурии доблестный Пелагий сумел отстоять независимость, а у Бискайского залива – его зять Альфонс Великий, который впоследствии соединил под свой скипетр и земли Пелагия, а затем отнял у магометан Галицию и часть Кастилии. Своей преданностью Церкви он заслужил прозвание Католического. Его внук, Альфонс II, прозванный Целомудренным, тоже одерживал победы над калифами. Он основал многие церкви и, между прочим, великолепный храм в Компостелле во имя св. апостола Иакова, мощи которого еще ранее были перенесены в Испанию (829) и которого Испания считает своим небесным покровителем. Наследники Альфонса продолжили борьбу с калифами, и в конце IX века уже значительная часть Испании была свободна от власти магометан. Церковью правили епископы, и во главе их – митрополиты в Севилье и Толедо, долго хранившие довольно независимые отношения с папой римским.

Коррардо Гвиаквинто. Сражение на Клавихо. Мадрид, музей Прадо

Глава XXII

ПРОСВЕЩЕНИЕ СЛАВЯН ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРОЙ. СВЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ И УЧЕНИКИ ИХ

С V и VI века имя славян все чаще и чаще встречается в истории. Некоторые племена заселили Иллирию, некоторые, освобожденные Атиллой от угнетавших немцев, расселились по территории нынешней Германии, Балтийскому поморью, по стране, лежавшей за Эльбой (или Лабой) (часть нынешней Прибалтики и Пруссии), в Придунайском крае от Баварии и Тироля до Черного моря. Много славян издавна поселилось в Греции и слилось с туземцами. Уже в VI веке императоры Юстин и Юстиниан, родом славяне, не считались пришельцами в империи. Императоры Ираклий и Маврикий призывали славян в некоторые греческие области, где население было почти истреблено моровой язвой. Так они заняли Фракию, Македонию, Фессалию, Пелопоннес и страну, лежавшую между Савой и Адриатикой, Иллирию и Далмацию.

Вначале мирные колонисты и данники, зависимые от империи, славяне становились для нее грозными и опасными соседями по мере того, как империя слабела. Уже в конце VII века болгары под предводительством Аспаруха основали самостоятельное, сильное княжество, тревожили северные области империи и не раз угрожали Константинополю. Пелопоннесом полностью овладели славяне, соединенные с аварами. Сербь и хорваты, занимавшие Иллирию, отложились от Византии и в начале IX века частично подпали под власть франков. В Паннонии, где Карл Великий сокрушил владычество авар, и по левому берегу Дуная в Богемии стало усиливаться славянское племя моравов и чехов. Все эти и другие славяне, жившие по Днепру, Бугу, Висле, Двине, Десне, Оке, Волге и на озере Ильмень, говорили на наречиях, сходных между собой, хотя они и расселились на огромном пространстве и мало сносились между собой.

О вере славян известно мало. Их вера и обычаи были неодинаковы у разных славянских племен; многое заимствовали они от соседних народов. Так, славяне Балтийского поморья, окруженные германскими и скандинавскими народами, долгое время поклонялись идолам. Было, конечно, и незначительное количество обращенных в христианство, как, например, при Ансхарий, но в целом их просвещение относится к более позднему времени. Южные и юго-западные славяне, проживавшие ближе к Греции, достаточно рано узнали веру Христову. О скифских епископах, живших при Дунае в городе Томе (нынешнем Кюстенджи), упоминается в первых веках христианства. В X веке Скифская епархия принадлежала к округу Константинопольского патриарха, а весь этот край по Дунаю был густо заселен славянами. Славяне областей Древней Греции легко приняли от греков их веру и обычаи. Сербь и хорваты, призванные Ираклием в Иллирик, еще в VII веке приняли крещение от римских священников и имели архиепископа вначале в Салоне, потом в Сплете (Spoleto). К западным славянам по временам приходили латинские миссионеры. Так, известно, что в 845 году в Регенсбурге крестились четырнадцать чешских вождей, и с этих пор Богемия (или Чехия) считалась за Регенсбургской епархией.

Немецкие племена, саксы и баварцы, неохотно покорившиеся Карлу Великому, звали себе славян на помощь против него, и Карл, чтобы покорить и тех, и других, старался обратить их в христианскую веру. Но это не имело успеха. Вера, распространявшаяся на чужом языке, используемая как орудие власти завоевателей, не привлекала славян. Двум братьям, Кириллу и Мефодию, суждено было стать для славян орудием воли Божией, призывать их к спасению и положить между ними начало самобытного, благотворного просвещения. Это относится ко второй половине IX века.

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий

Константин и Мефодий – родом из города Солуни, но греки ли они или славяне, достоверно не известно. В Македонии, где находится Солунь²⁷⁸, жило много славян, и поэтому славянский язык был там известен. Их отец, Лев, являлся одним из важных военных сановников города, имел семь человек детей. Мефодий был старшим, а Константин – младшим²⁷⁹. Когда Мефодий поступил на службу, его назначили правителем славянского княжества, как полагают, Струмской области, а Константин, который с самого детства проявлял удивительные способности и любовь к наукам, в возрасте около 15 лет, по просьбе воспитателя малолетнего императора Михаила III, был взят в Константинополь и воспитывался при дворе вместе с императором. О нем сохранилось предание, что еще ребенком он видел во сне семь дев, из которых избрал себе в спутницы жизни Софию, Божию премудрость. Константинопольский двор в то время отличался крайней развращенностью, но науки в столице процветали. Константин, с юности благочестивый, не увлекся опасными примерами и соблазнами, но усваивал себе все лучшее. Он брал уроки у знаменитого патриарха Фотия, изучал греческий, латинский и сирский языки, все известные тогда науки, и в особенности любил философию, считая ее высшей мудростью, помогающей человеку «жить достойно образа и подобия Творца своего». Пламенная любовь к Господу и к Его святому закону горела в душе молодого Константина. Он отверг брак с богатой невестой и почести, предложенные ему при дворе, желая всецело посвятить свою жизнь Богу. Некоторое время он исполнял должность библиотекаря, а потом тайно удалился и постригся в иноки. По настоятельной просьбе друзей согласился возвратиться в Константинополь и преподавать философию.

²⁷⁸ Ныне Салоники Греции.

²⁷⁹ Мефодий (в миру Михаил) родился до 820 г., а Кирилл (в миру Константин) – около 826–827 г.

Имя Константина Философа прославилось в столице. Однажды от эмира (или сарацинского князя) пришли к императору послы, которые поносили веру Христову. Император решил послать к ним ученого мужа для прения о вере, и выбор пал на Константина, которому было тогда 24 года. Он отправился в Багдад и, со славой исполнив свое поручение и вернувшись, поселился в монастыре на горе Олимп вместе со своим братом Мефодием, который уже давно был иноком.

В 858 году пришли к императору другие послы, от хазар, кавказского племени, кочевавшего в юго-восточной части нынешней России. Они говорили императору: «Нас смущают евреи и сарацины; хвалят они каждый свою веру; пришли же нам людей сведущих, которые бы сказали нам, которая вера лучшая». Опять обратились к Константину Философу, который охотно принял поручение идти к хазарам и убедил брата сопутствовать ему. Путь к хазарам лежал через Корсунь (Херсон), где вначале братья поселились²⁸⁰. Там они учились языку хазар и тщательно изучали еврейские книги, чтобы успешнее спорить с евреями и самаритянами, к которым они шли в хазарскую землю. Древнее предание говорит, что они тут встретились с одним русином (или славянином из русского края) и нашли переведенными на русский язык Евангелие и Псалтирь и что Константин выучил русский язык. Между тем сделали они и в Херсоне одно памятное дело. Тут скончался в изгнании, еще при Траяне, святой мученик Климент, ученик апостольский и римский епископ. Народ хранил предание, что в течение нескольких веков, в годовщину его смерти, море отступало от берегов и открывало верующим доступ к мощам святителя, утопленного в Черном море. Константин и Мефодий пожелали обрести святые мощи. По их просьбе херсонский епископ Георгий совершил торжественное молебствие около того места, где, как полагали, они находились. И действительно, при свете, внезапно воссиявшем с неба, святые мощи были обретенны. Большую их часть святые на обратном пути в Византию взяли с собой.

Выучившись языку хазар, Константин и Мефодий пошли в их землю и проповедовали там так успешно, что обратили к вере множество народа. Сам каган (или хан) принял Святое Крещение. Константин вступил в прения с учеными евреями, самаритянами и магометанами, красноречиво и мудро доказывал им превосходство истинной веры над их разнообразными учениями. Эти беседы и споры были записаны Мефодием. Каган, довольный, что обрел истинную веру, хотел наградить святых благовестников богатыми дарами, но они отказались, а просили освободить всех греков, находившихся в плену. После этого они пошли в обратный путь и по дороге благовествовали еще одному языческому племени, жившему близ Сурожского (или Азовского) моря.

С радостью и почетом приняли святых благовестников в Константинополе. Мефодий стал игуменом монастыря Полихрона; Константин, живя при церкви Святых апостолов, предавался молитве и учению. Но вскоре Господь Бог призвал их к новым трудам. В славянских народах стало проявляться желание узнать и принять истинную веру, и они обращались в Византию. Истинная вера давно начала проникать в Болгарию, бывшую в частых сношениях с империей. Уже в конце VIII века крестился в Константинополе один из болгарских вождей. Но после христианская вера стала гонима некоторыми из болгарских князей. Один из них, Маломир, казнил в начале IX столетия даже своего родного брата Баяна, не соглашавшегося отречься от христианской веры. Но Баян, умирая мученической смертью, предсказал близкое просвещение всей страны. При его внуке, Борисе (или Богорисе), один греческий пленный, Феодор Куфара, заботился о распространении веры, а сестра Бориса, бывшая в плену у греков, при обмене пленными возвратилась из Царьграда ревностной христианкой. Она старалась обратить своего брата, и Господь помог ей: голод и заразные болезни, свирепствовавшие в Болгарии, вдруг прекратились, как только обратились с молитвой к истинному Богу.

---

²⁸⁰ Близ нынешнего Севастополя; Кирилл и Мефодий прожили там полтора года.

Это расположило Бориса к вере Христовой, и он послал в Грецию просить наставников. Мефодий прибыл в Болгарию в 861 году. Некоторые летописцы рассказывают, что, будучи искусным живописцем, он изобразил на стене царского дома картину Страшного суда и, объяснив царю значение картины, окончательно убедил его принять христианство. Борис при крещении принял имя Михаила, в честь восприемника своего, византийского императора, и ревностно заботился об обращении своих подданных, которые сначала были недовольны тем, что он оставил веру отцов. Происходили смуты, но постепенно вера стала распространяться. Константинопольский патриарх Фотий письменно объяснял царю веру Христову, излагал правила Вселенских Соборов и отправил в Болгарию архиепископа и священников. Константин и Мефодий, посетив Болгарию по пути в другие страны, проповедовали там слово Божие на славянском языке.

Примерно в то же время и другие славяне пожелали христианского просвещения. Велико-Моравское княжество, возникшее после падения авар, считалось христианским. Его посещали латинские миссионеры. Зальцбургскому архиепископу было поручено обращение преимущественно славян, и у него по этому поводу было немало споров с архиепископом Пассауским, который считал этот край своим достоянием, и действительно основал для моравов и других придунайских народов епископства в Ольмюце, Нитре, Фавиане (Вене). В течение всей первой половины IX века два архиепископа спорят о том, к какому округу принадлежат славяне и кому, следовательно, получать с них подати. Для истинного же их обращения почти ничего не делалось. Богослужение на непонятном языке не привлекало народ, и никто не учил его христианскому закону.

Между тем Велико-Моравское княжество быстро росло под управлением славянских князей. Немецкие императоры, преемники Карла Великого, домогались господства над ним, но самый сильный из моравских князей, Ростислав (или Растиц), сумел отстоять свою независимость, и Велико-Моравское государство достигло высокой степени могущества, расширяясь от Эльбы до Карпат. Моравские и паннонские славяне пожелали принять веру Христову. Ростислав и Святополк, моравские князья, и Коцел, князь блатенский в Паннонии, в 862 году решили просить императора, чтобы он прислал им учителей. Их послы говорили: «Земля наша окрещена, и народ наш желает держаться христианского закона; но мы не имеем учителей, которые бы объяснили нам веру и святыя книги на нашем языке; итак, просим тебя, позаботься о нашем спасении и пришли нам епископа и учителя, ибо мы знаем, что от вас закон добрый исходит на другие страны». Император и патриарх обрадовались и, призвав солунских братьев, предложили им идти к славянам. Константин, хотя и был в то время болен, охотно согласился; желая упрочить святое дело, он тут же задумал перевести на славянские наречия слово Божие. «Эти народы имеют ли буквы?» – спросил он у императора. «Дед мой и отец искали их, но не нашли», – отвечал царь. «Как же быть? – сказал философ. – Проповедовать только устно все равно что писать на песке; а если я стану сочинять буквы, боюсь, как бы не назвали меня еретиком». – «Помолись Богу, Он вразумит тебя», – отвечал император.

Константин стал готовиться к святому делу молитвой и постом. Глубоко убежденный в необходимости письменности для лучшего познания веры, он стал трудиться над составлением славянской азбуки. Ему помогали Мефодий и некоторые ученики, назначенные сопутствовать ему. Как только азбука была готова, то Константин перевел на славянский язык отрывки из Евангелия и Апостола для дневных чтений. Некоторые летописцы сообщают, что первые слова, написанные на славянском языке, были начальные слова Евангелия от св. Иоанна: *Искони Слово, и Слово к Богу, и Бог Слово*. Этот великий труд радостно приветствовало все константинопольское духовенство. В присутствии императора был отслужен благодарственный молебен и в 863 году Константин, Мефодий и некоторые их ученики отправились в славянские земли, неся славянам бесценный дар – слово Божие на их родном

языке. Некоторые полагают, что перед своим отъездом Константин был посвящен в епископы. Император, отпуская его, дал ему следующее письмо к князю Ростиславу: «Бог, повелевающий всякому уразуметь истину, сотворил великое дело, явив письменна на нашем языке. Мы посылаем к тебе того самого честного мужа, через которого Господь явил сии письменна, философа благоверного и весьма книжного. Он несет тебе дар честнее всякого золота и камней драгоценных. Помогай ему утвердить вашу речь и взыщи Бога, не лентясь ни на какой подвиг; тогда и ты, приведя своих в Божий разум, восприимешь награду в сем веке и в будущем».

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий

Братья отправились в путь, как полагают, через Болгарию, где проповедовали. Они были радостно приняты князем и народом в моравском Велеграде и, обходя весь край, учили, проповедовали, объясняли слово Божие. Они обучали детей, устроили богослужение на славянском языке, трудились неутомимо и за короткое время перевели на славянский язык Псалтирь, Часослов, Служебник, чины Таинств, Октоих Дамаскина и Паремийник (или собрание чтений из Ветхого и Нового Завета).

Когда почти во всех странах Европы слово Божие оставалось чуждым народу, а богослужение совершалось везде на непонятном языке, в славянских землях народ родным словом призывался к познанию и уразумению животворящей истины. Святые учителя заботились о его просвещении, пробуждали в нем духовные и умственные силы, старались, чтобы он всецело проникся верой, не довольствуясь исполнением одного внешнего обряда. Сохранился древний список славянского Евангелия с предисловием, которое носит имя блаженного учителя Константина Философа. Из этого драгоценного памятника видно, как усердно он заботился о том, чтобы новообращенные всей душой, сердцем и умом, приняли слова спасения. «Услышьте, славяне все, – писал он, – слово, еже от Бога прииде, слово, еже кормит души человеческие, слово, еже крепит сердца и умы... Душа не имеет жизни, если словес Божиих не слышит; отверзите прилежно уму двери, оружие примите твердое, еже куют книги Господни; в буквах мудрость Христова является, которая души ваши укрепит... Поймите своим умом, да не ум имея неразумен, на чуждом языке слышите слово, как голос медной трубы звенящее. Без света нет радости оку видеть творение Божие; так и всякой душе бессловесной, не ведающей Божия закона... Душа безбуквенная – мертвая является в человеке. Всякая душа отпадает от жизни Божией, когда слова Божия не слышит».

Святые благовестники трудились более четырех лет, чтобы просветить народ и верой, и знанием, и труды их были не тщетны: множество народа уверовало. Побывали святые благовестники и в Паннонии (часть современной Венгрии), у князя Коцела, которого стали учить грамоте; затем он поручил Константину образование пятидесяти юношей. Слово Божие распространялось по всей стране. «И рады быша словени, слыша величие Божие на своем языке», – говорит летописец. Но крайне недовольны этим остались немецкие и латинские епископы, которые тоже бывали в Паннонии и Моравии, но почти безуспешно. Больше заботясь о своих выгодах и о распространении папской власти, чем об истинном просвещении народа, они не приобрели на него влияния. Богослужение совершали на чужом языке, Священное Писание не объясняли, требовали лишь формального обращения, а не соблюдения христианского закона. Так, например, дозволяли и многоженство, и языческие жертвоприношения. После прибытия солунских благовестников латинские епископы уже потеряли всякое влияние. Народ тотчас же оставил их и обратился к тем, которые наставляли его с такой мудростью и любовью. Это возбудило зависть латинян, и они всячески старались вредить Константину и Мефодию, называя их еретиками, арианами. Распространяли в народе мнение, что слово Божие следует читать лишь на тех трех языках, на которых была сделана надпись на Кресте, и что поступающий иначе – злой еретик. Наконец принесли на них жалобу папе Николаю.

Это было в то самое время, когда у папы шел спор с патриархом Фотием и когда Фотий обличал все его неправильные действия в Болгарии и все отступления Римской Церкви от древнего Православия. Властолюбивый папа Николай встревожился известием, что и в другой стране, бывшей до того под властью Рима, звучит славянская литургия, принесенная из Греции, и призвал в Рим славянских учителей. Константин и Мефодий не могли иметь и мысли признать главенство папы, как оно уже признавалось на Западе, но Церковь всегда уважала в папе первенство чести. К тому же только папа мог положить конец крамолам подвластных ему латинских епископов в Моравии. Братья отправились в путь, взяв с собой часть мощей св. Климента и священные книги, переведенные ими на славянский язык.

По пути святые благовестники проповедовали славянским племенам, населявшим Далмацию, а в Венеции имели горячие споры с латинскими иноками и священниками, которые говорили Константину: «Как же ты сотворил славянам книги и обучаешь их тому, чего не позволяли ни апостол, ни римский папа, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы знаем только три языка, на которых можно по книгам славить Бога: еврейский, еллинский и латинский». Философ отвечал им: «Не льется ли дождь от Бога на все? Солнце не сияет ли на весь мир? Не все ли мы дышим одним воздухом? Как не стыдитесь вы принимать только три языка, а прочим племенам велите быть слепыми и глухими! Бог, по-вашему, или немощен, что не может дать одним того, что дает другим, или завистлив, что не хочет? Нам известно, что многие народы умеют воздавать славу Богу, каждый на своем языке: армяне, персы, абазги, иверцы, готы, обры, козары, египтяне, сирияне и другие. Если не хотите уразуметь того, из Писания познайте волю Божию. Давид вопиет: *пойте Господе ви вся земля, пойте Господеви песнь нову*!»

Между тем папа Николай I скончался, а его преемник Адриан II, воодушевленный желанием мира с Востоком, принял благовестников с величайшим почетом. Когда он узнал, что они приближаются к Риму и несут с собой мощи святого Климента, то вышел к ним навстречу за город, сопровождаемый духовенством и множеством народа; все держали в руках зажженные свечи. Он с благоговением принял из их рук святые мощи и перенес их в церковь св. Климента, папы римского; а книги, переведенные на славянский язык, освятил на престоле древнейшей римской базилики святой Марии Большой.

Константин от своего имени и от имени брата составил «Исповедание веры», в котором, исповедуя догматы Никео-Константинопольского Символа, отвергал нововведение,

признанное Римом. Оно заключается следующими словами: «Так исповедую я свою веру с Мефодием, присным моим братом и помощником в службе Божией. В сей вере состоит спасение и упование, и ее предаем мы оба ученикам своим, да, тако веруя, спасутся». Папа остался доволен этим исповеданием веры, осудил тех, которые восставали против употребления славянского языка, и велел совершать Божественную службу частью на латинском, частью на славянском языке в храме святого апостола Петра и в храме св. Андрея Первозванного как первого благовестника в славянских землях. В то же время папа рукоположил Мефодия в пресвитеры и повелел двум своим епископам посвятить в пресвитеры и дьяконы некоторых учеников святых благовестников.

Но вскоре после прибытия в Рим Константин занемог. Непрерывные труды давно расстроили его здоровье. Он чувствовал, что ему недолго осталось жить, принял схиму с именем Кирилла и стал спокойно готовиться к смерти. Его болезнь продолжалась около двух месяцев. Праведный муж не боялся умереть. Только одна мысль тревожила его: как бы после него не остановилось начатое дело просвещения славян. Он убедительно молил брата не покидать этого святого дела. «Брат, – говорил он перед самой смертью, – мы с тобой были как дружная пара волов, воздвигавших одну ниву; и вот я падаю на бразды, рано окончив день свой. Знаю, ты возлюбил уединение на горе Олимп; но умоляю тебя, не оставляя дела нашего; ты им угодишь Богу». Потом Кирилл стал молиться о просвещенных им племенах, молил Господа сохранить Свое стадо в любви и единомыслии, избавить его от заблуждений, наставить его на благо и истину. Окончив молитву и благословив всех присутствовавших, блаженный учитель наш предал душу Богу на сорок третьем году жизни. Это было 14 февраля 869 года.

Папа и все римское духовенство совершили торжественно отпевание усопшего. Мефодий желал по завещанию матери перенести на родину тело любимого брата, но римское духовенство умоляло папу не допустить этого, и блаженный Кирилл был похоронен в церкви святого Климента, близ обретенных им мощей. Множество духовенства и народа сопровождало прах великого учителя славян до места его упокоения. Его мощи и поныне находятся в Риме, в древней церкви святого Климента.

Уже почти два года славяне были лишены своих учителей. Князь Коцел отправил в Рим послов, чтобы просить папу отпустить Мефодия. Адриан II отвечал: «Не тебе одному, но и всем тем славянским странам посылаю учителя от Бога и от святого апостола Петра».

Папе очень хотелось, чтобы обращение славян шло как бы от него, от Рима, а не от Греции. Отпуская Мефодия, Адриан писал к славянским князьям: «С радостью узнали мы, что Господь внушил вам, что не одной верой, но и добрыми делами следует служить Ему, ибо вера без дел мертва. Вы просили себе учителей, и император греческий, предупредив нас, послал к вам блаженного Константина Философа с братом. Теперь мы посылаем к вам обратно сына нашего Мефодия как мужа совершенного в разуме и правоверии, чтобы он учил вас при помощи церковных книг, переведенных, с Божией благодатью, на ваш язык Константином Философом. Если и кто другой возможет достойно и правоверно переложить священные книги на язык ваш, дабы вы удобнее могли познать заповеди Божий, то да будет сие свято и благословенно Богом и нами, и всей Кафолической Апостольской Церковью. Да сбудется слово Писания: *Яко восхвалят Бога еси языцы*, и еще: *Вси возглаголют языки различные величие Божие, якоже даст им Дух Святой отвецавати*. А если кто дерзнет отвращать вас от истины и осуждать книги и язык ваш, такого считайте лжеучителем». Однако папа требовал, чтобы при богослужении Евангелие читалось вначале по-латыни, а уже потом по-славянски, грозя церковным отлучением за нарушение этого повеления. Это могло предвещать будущие гонения. Мефодий был посвящен в епископы Паннонии.

Мефодий свято исполнил последнюю мольбу брата; вся его жизнь, все труды были отданы славянам. Он обучал юношей, трудился над переводом священных книг, назначал

священников из славян, заботясь пуще всего о том, чтобы церковные службы были понятны народу, и народ радовался, слушая слово Божие на родном языке; латинская служба, латинские священники были совсем оставлены. Но тем сильнее закипела злоба врагов Мефодия, особенно зальцбургского епископа, который до прибытия славянских учителей считал весь тот край своим достоянием и видел, что теперь с каждым днем уменьшается его влияние. Вскоре немецкие епископы приобрели силу и воспользовались ей.

Ростислав упорно отстаивал независимость Велико-Моравского княжества от немецкого императора, который всячески домогался преобладания над ним. Долго попытки императора оставались тщетными: соседние славяне, сербы и чехи помогали Ростиславу, но измена низложила его. Его племянник, Святополк, князь Нитры, вступил в тайный союз с немцами и выдал им Ростислава, которого немецкий император велел ослепить и заключить в монастырь на всю жизнь. Немцы стали господствовать в славянской земле; немецкие епископы призвали Мефодия к суду и грозили ему смертью. Мефодий с твердостью отстаивал свое право распространять слово Божие. «Но, впрочем, – говорил он, – творите вашу волю на мне; я не лучше многих, которые, говоря правду, претерпели мученическую смерть». Епископы достигли того, что Мефодий был заточен в Швабии.

Два года продолжалось его заточение, хотя сам папа неоднократно требовал, чтобы его освободили. Не совсем приятно было папе распространение славянской службы, но еще меньше мог он терпеть своеволие зальцбургского епископа, который распоряжался самовластно церковными делами в стране, признававшей папу. Наконец, уже преемник Адриана II, Иоанн VIII, грозя церковным отлучением непокорным епископам, запретил им священнодействовать, пока не освободят Мефодия. Только тогда святой благовестник вышел из тюрьмы.

К этому времени и политические дела в стране приняли другой оборот. Народ не терпел подданства немцам. Святополк, не получивший от своей измены ожидаемых выгод, вновь изменил, на этот раз немцам, и, встав во главе славян, вел против немцев кровавую войну, которая принесла краю независимость.

Как только моравы услышали о возвращении Мефодия в соседнюю область, Паннонию, то стали изгонять латинских священников и послали просить папу, чтобы он посвятил Мефодия в архиепископа Моравского, хотя он уже был епископом Паннонским. Папа исполнил их желание, призвал Мефодия в Рим, откуда он вернулся епископом Моравским.

Еще шире, еще благотворнее стала деятельность Мефодия. Славянское богослужение проникло за пределы Моравии и Паннонии. Чешский князь Боривой вступил в союз и родство со Святополком Моравским и вскоре принял крещение от Мефодия, вместе со своей супругой Людмилой. Много народа последовало примеру князя, и славянское богослужение стало раздаваться и в этой стране. Ученики Мефодия понесли слово Божие и в Польшу. При Висле, говорит древнее житие Мефодия, сидел языческий князь, ненавидевший христиан, но и там многие крестились.

Слово Божие быстро распространялось, все больше и больше привлекало славян. Многие оставляли Римскую Церковь и устремлялись к той, которая просвещала их сердца и умы святой истиной на родном языке.

* * *

В VIII веке Византия почти совсем утратила свое влияние на берегах Адриатики. Иллирские и далмацкие славяне перестали считать себя зависимыми от Греческой империи; хорваты и часть Каринтии подпали под власть франков. В церковном же отношении эта страна подчинялась Риму, от Рима получала священников и епископов; но, в сущности, мало знала о христианской вере. Однако и на нее повеяло животворным духом. Около середины

IX века хорваты свергли иго франков. Далмация²⁸¹, часто подвергавшаяся нападениям сарацин, получила помощь от греческого императора Василия Македонянина, который освободил Рагузу и Бар, осаждаемые арабами. Это подняло значение Греческой империи во всем Приадриатическом крае. В то же время пронеслась между иллирскими славянами весть, что их близкие единоплеменники совершают у себя Божественную службу на родном языке, на родном языке читают слово Божие, принесенное из Греции. Сами великие первоучители посетили этот край по пути в Рим и благовествовали далмацким славянам, и животворно было их слово. Древняя далмацкая летопись сохранила предание о посещении края славянскими первоучителями: «Была тогда великая радость, и христиане, употреблявшие латинский язык, сходили с гор и восхваляли имя Божие». В 878 году Далмация, отказавшись от подчинения папе, пристала к Восточной Церкви; то же сделали хорваты; сербы отправили послов в Константинополь просить себе священников. Тогда уже папа римский потерял всякую надежду на усиление своей власти в Болгарии. А новый славянский народ (русский), едва начинавший свое гражданское существование, получал христианское просвещение от Восточной Церкви.

Около 866 года появление россов под предводительством киевских князей Аскольда и Дира привело в ужас Константинополь. Русские, в отмщение за какую-то обиду, нанесенную в Константинополе киевским купцам, страшным образом опустошили окрестности и грозили самой столице. Народ в страхе молился; патриарх Фотий после совершения крестного хода и молебствия погрузил в море край ризы Богоматери, хранившейся во Влахернском храме, и внезапная буря рассеяла суда русских. Это бедствие было для них началом спасения. Пораженные таким свидетельством силы Божией, Аскольд и Дир после возвращения в Киев послали в Константинополь просить христианских наставников. Патриарх прислал в Киев греческого епископа, который еще более расположил князей к христианской вере. Но их дружина, услышав о чудесах, совершенных Господом, требовала чуда, чтобы уверовать. Предание говорит, что епископ, помолясь Богу, положил в огонь святое Евангелие, которое осталось невредимо. Тогда с князьями крестилось и много народа, и вера стала распространяться в Киеве. Русь стала считаться одной из епархий, принадлежавших к Константинопольскому церковному округу. При частых сношениях с Грецией и Болгарией, священные книги *стали* вскоре известны киевским христианам.

Все это, конечно, тревожило папу. Во второй половине IX века только что начала выявляться громадность славянского мира; некоторые славянские народы уже достигли высоты могущества, другие только начинали существование, но в основу их быта ложилась христианская вера, принятая не из Рима, не как мертвая буква, залог рабства Риму, а вера как живая сила, залог развития и духовной свободы. Папа видел, как целый мир образуется вблизи Рима, но не под его влиянием. И Рим стремился употребить всевозможные усилия, чтобы подчинить себе хоть часть этого громадного мира. До некоторой степени это удалось сделать.

Папа постоянно получал от немецких епископов жалобы на Мефодия, который, говорили они, отторгает Моравию от послушания римскому престолу, вводя в нее славянское богослужение и славянские книги. Папа то запрещал петь литургию на «варварском языке», как он выражался, то опять позволял это, боясь, как бы Моравия не пристала окончательно к округу Константинопольскому. Латинские епископы, больше чем когда-нибудь, старались распространить мнение, что грешно читать Писание на ином языке, кроме греческого, латинского и еврейского; и это нелепое мнение так называемых «триязычников», или «пилатни-

---

²⁸¹ Далмация – историческая область на территории бывшей Югославии; входила в Хорватское государство, в Венгрию. С XII по XV в. начался расцвет ее городов-коммун; затем часть ее захватили Венеция, Турция, была также частями под властью Австрии, Франции. Ныне ее территория поделена между Черногорией и Хорватией.

кав», распространялось, хотя и было осуждено папой. Они старались ввести в новообращенной стране измененный Символ, но Мефодий твердо стоял за Никео-Константинопольский Символ, и папа не мог осудить его. Он сам читал Символ неизменный и помнил, как эти перемены отразились на судьбе потерянной для него Болгарии. Все заставляло его щадить Мефодия и даже оказывать ему покровительство. Не видя успеха с этой стороны, епископы старались возбудить подозрения восточного императора, представляя Мефодия приверженцем Рима. Но и это не удалось: император, призвав святого, принял его с почетом, и патриарх воспользовался переведенными книгами. Мефодий опять возвратился, претерпев опасности на пути, но с прежней ревностью. Он продолжал переводить священные книги, которые не успел перевести его брат, и с помощью учеников своих довершил перевод Библии (кроме книг Маккавейских). На какие именно из славянских наречий были переведены святыи книги, о том еще спорят ученые. Более общее мнение заключается в том, что они были написаны на языке болгарских славян. Но надо помнить, что в IX веке, когда только что начиналась историческая жизнь славян, все славянские наречия были гораздо более сходны между собой. Свой великий труд Мефодий закончил в день св. мч. Димитрия Солунского, к памяти которого он имел особенное уважение, как уроженец Солуни, и совершил торжественно благодарственное моление.

Немецкие епископы, однако, все продолжали преследовать его. Они приобрели влияние на князя Святополка, потворствуя его порокам, между тем как Мефодий часто укорял его, требуя от него, как от христианина, соблюдения христианской нравственности. Особенно вкрался в доверие князя хитрый и безнравственный немец Вихинг. Через него он добился посвящения в епископа Нитранского и викарного епископа к Мефодию и был до конца злейшим врагом Мефодия, против которого сумел восстановить и папу, который предал его анафеме. Великий учитель славян переносил все личные оскорбления с христианской кротостью и продолжал трудиться неумолимо до самой смерти.

В 885 году, после шестнадцатилетнего святительства, Мефодий предал душу Богу²⁸². Он скончался в Велеграде, как полагают, выразив желание, чтобы после него был посвящен в архиепископы Горазд. Ему он поручил продолжать его труды. Но немецкие епископы только ждали смерти Мефодия, чтобы изгнать его учеников. «Прочь Горазда! – кричали они. – В нем живет Мефодий; нам надо Вихинга». Началось гонение на сотрудников и учеников Мефодия. Горазд, Климент, Наум, Ангеларий, Савва были в оковах заключены в темницы, их подвергли побоям, оскорблениям и потом отправили под стражей солдат разными путями из Моравии. Набрав силу, немцы с Вихингом во главе стали везде преследовать и запрещать славянское богослужение и уничтожать все, что сделали великие просветители славян. После смерти Мефодия в стране осталось до двухсот священников, им образованных, но за короткое время все они были изгнаны или отставлены. Это делалось без участия и почти без ведома Святополка, занятого тогда ожесточенной борьбой против немцев и мадьяров, суровых язычников, которых призвал в Моравию немецкий король Арнульф (впоследствии ставший императором), когда он потерял надежду подчинить ее себе собственными силами.

Пользуясь смутами и безначалием, немецкая партия правила церковными делами в Моравии, и почти четырнадцать лет не было в ней архиепископа. Зальцбургский епископ желал удержать всю страну под своим контролем. Только в 899 году по настоянию Моймира, наследника Святополка, папа посвятил архиепископа для Моравии, но борьба партий, смуты, гонения на народный обычай продолжались до самого падения Велико-Моравского ства, которое около 906 года слилось отчасти с новой державой венгров (или мадьяров), частью с усилившейся тогда Богемией (или Чехией).

²⁸² Православная Церковь чтит память святого равноапостольного Мефодия 6 апреля, св. равноап. Кирилла – 14 февраля, а обоих учителей вместе 11 мая.

У соседних чехов вера тоже распространилась среди бурь и невзгод. Там шла борьба между народной партией (немецкой) и язычеством. Внук Боривоя Вячеслав вступил на престол после смерти отца. Воспитанный своей бабкой Людмилой в правилах Восточной Церкви, он оказывал великую ревность к вере, но брат Вячеслава, Болеслав, был с матерью Драгомирой во главе языческой партии. Благочестивую Людмилу в 927 г. убили по повелению Драгомиры, а в 935 году Вячеслав пал от руки брата. Доныне чествуется память святых мучеников Вячеслава и Людмилы²⁸³. Болеслав смертью брата достиг княжеского престола и, мучимый совестью, впоследствии принял христианскую веру, но уже от латинских священников, которые стали преследовать славянское богослужение. Немцы начали править всеми церковными делами, папа на соборах запрещал употребление славянского языка. Но среди народа у чехов, как и в Моравии, долго хранилась память о богослужении на родном языке, от поколения к поколению передавались древние священные книги и предания родной старины, росла вражда к чужому немецкому обычаю.

Возвратимся теперь к ученикам Мефодия. Благие семена просвещения, посеянные великими первоучителями славян, не погибли среди гонений, но проросли в другой стране и принесли богатые плоды. То, что так часто повторялось в церковной истории, повторилось и здесь: слепая вражда не помешала делу Божию, изгнание благовестников послужило к более широкому распространению святой истины.

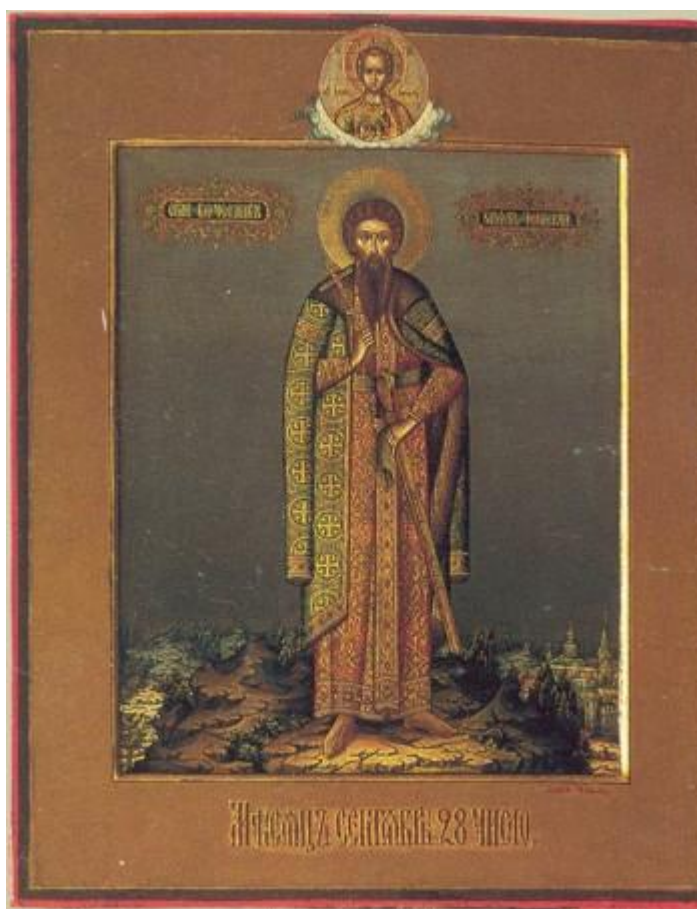
Святая княгиня Людмила Чешская

²⁸³ Память мц. Людмилы Церковь совершает 16 сентября, а память мч. Вячеслава чтится 4 марта; в 938 г. состоялось обретение и перенесение мощей князя Вячеслава.

Болгары скоро поняли, что папа ищет не пользы для их страны, а власти над ней, и решили сблизиться с Греческой Церковью. Они направили послов на Собор, созванный в Константинополе в 869 году при патриархе Игнатии. Послы спрашивали, к какому церковному округу принадлежит Болгария. «Когда вы завоевали страну, в которой теперь живете, каких священников имела она?» – спросили у них. «Мы нашли в ней греческих священников», – отвечали болгары. «Стало быть, страна ваша принадлежит к Константинопольской митрополии», – отвечали им. Тщетно папские легаты возражали против этого решения. Собор, уступивший им так много, не уступил Болгарии. Тогда и на патриарха Игнатия посыпались из Рима анафемы, как они сыпались прежде на Фотия. Но Игнатий, а за ним и Фотий продолжали начатое дело обращения болгар. В Болгарию были посланы архиепископ Теофилакт, священники, и обычаи Греческой Церкви утвердились в стране.

Христианская вера стала быстро распространяться с помощью священных книг, переведенных Кириллом и Мефодием, и при покровительстве царя Бориса.

Святой князь Вячеслав Чешский

Когда из Моравии были изгнаны ученики Мефодия, то Борис принял их с радостью, что способствовало просвещению болгар. Древние болгарские летописи восхваляют святого мужа, который через изобретение славянской азбуки открыл всем славянам понимание слова Божия: «Прежде славяне не имели книг, но чертами и нарезками считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нужде изображали римскими и греческими письменами славянскую речь, без устроения... и так они пробыли много лет. Потом же Человеколюбец Бог, устраивающий все и не оставляющий рода человеческого без разума, но всех к разуму приводящий и к спасению, помиловал народ славянский, послал ему св. Константина Философа, именуемого Кириллом, мужа праведного и любящего истину, и он сотворил славянам письмена».

Прибытие славянских благовестников, учеников Мефодия, было в Болгарии радостью для всех. При дворе, в домах вельмож принимали их как дорогих наставников, учились под их руководством славянской грамоте, слушали Священное Писание и жития святых угодников. В Болгарии было основано семь кафедральных соборов с епископскими кафедрами, множество училищ. Ученики Мефодия – Климент, Наум, Ангеларий, Савва, Горазд наставляли новообращенных, обходя болгарские города и села, переводя греческие книги, и Болгария сохранила о них благодарную память, славя их вместе с первоучителями под общим именем «сѣдемочисленников».

При младшем сыне царя Бориса, Симеоне, просвещение Болгарии поднялось достаточно высоко. Он получил блистательное образование в Константинополе, поэтому историки и называют его Полугреком. Симеон был горячо предан вере и науке. Он царствовал с 888 по 927 годы, расширив пределы своего государства. Его царствование было золотым веком болгарской письменности. Радуюсь успехам святых мужей, которые распространяли просвещение в Болгарии, он всячески покровительствовал им, и сам трудился вместе с ними, переводя на славянский язык отрывки из сочинений Иоанна Златоуста и другие книги.

Альфонс Муха. Болгарский царь Симеон. 1926–1928

Из учеников Мефодия известнее всех Климент, который был в Болгарии первым епископом из славян (в Величе). Ему приписывают составление азбуки, именуемой глаголицей, на основе азбуки, составленной св. Константином (Кириллом), кириллицы, то есть той, которую употребляем мы, русские.

Юго-западная часть Болгарии, Охридская область, больше остальных нуждалась в ревностных христианских наставниках. Вначале там трудился Горазд, а потом Климент посвятил себя Охридской области и оставался в ней до самой смерти. Описание его жизни и деятельности оставил нам один из его учеников: «Объезжая упомянутую страну, он проповедовал народу слово Божие, и имел в областях избранных учеников, числом до трех тысяч пятисот. Он пребывал по большей части с ними; и мы, которые всегда были с ним, видя и слыша все, что он говорил и делал, мы никогда не видели его праздным. Он обучал детей,

показывая одним значение букв, объясняя другим смысл писанного, иным образуя руку для письма; и даже ночью трудился он, предаваясь молитве, чтению, писанию книг; иногда он в одно время и сам писал и учил юношество. Из учеников своих он образовал чтецов, иподиаконов, диаконов, священников; до трехсот из них разослал он в разные области Болгарии. В образец поставил он себе великого Мефодия и, имея перед собою, как картину искусного живописца, жизнь и дела его, уподоблял им свои собственные поступки, ибо он с юных лет был спутником Мефодия и очевидцем всех его подвигов. Видя, что народ не постигал смысла Писаний и что даже многие священники болгарские не понимали греческих книг, так как они обучались только чтению их, а проповеданного слова на болгарском языке не существовало, он своими трудами разрушил стену невежества, затмевавшего болгар, и сделался новым Павлом для новых коринфян; на все праздники сочинил он простые, удобопонятные «Слова», и в них ты научишься тайнам веры, найдешь похвалы Пречистой Богородице при многократно совершаемых Церковью празднованиях Ей; найдешь повествования о чудесах Ее и похвалы Иоанну Крестителю, узнаешь об обретении главы его, о житии и деяниях пророков и апостолов, о подвигах мучеников. Хочешь ли узнать правила св. отцов? Найдешь их списанными по-болгарски премудрым Климентом. Словом, все церковные книги, коими прославляется Бог и святые Его и смиряются души, все это нам, болгарам, передал Климент. Когда Борис украсил Болгарию семью соборными церквами, то и Климент возжелал построить в Охриде собственный монастырь, а потом соорудить там еще другую церковь, где был впоследствии воздвигнут архиепископский престол. Видя Болгарию, покрытую одними дикими деревьями и лишенную садовых плодов, он перенес туда из греческой земли всякие плодоносные деревья и прививками облагородил дикие».

Скончался Климент в 916 году.

Такова благотворная деятельность достойных преемников первоучителей. Вера распространялась, а с ней и просвещение трудами учеников-сдьмочисленников. Среди ученых при царе Симеоне известны: Иоанн-экзарх, который перевел творения Иоанна Дамаскина; Константин-епископ, ознакомивший болгар с творениями Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Исидора Пелусиота; Феодор Дукс; священник Григорий; черноризец Храбр, который сообщает известия о начале христианства в славянских странах. Все славянские народы, и в том числе и русские, у которых в начале XI века при великих князьях Владимире и Ярославе вместе с верой распространилась и грамотность, получали книги из Болгарии. Обильным потоком разлились по славянским странам плоды трудов святых сдьмочисленников и их учеников. Время их деятельности было самым цветущим для болгарской письменности, которая после стала падать вместе с силой и славой Болгарии. Уже при Симеоне мадьяры явились грозой соседних стран. Призванные против болгар греческим императором Львом VI Мудрым, они овладели частью Болгарии. При преемнике Симеона Петре они еще больше теснили болгар. Между тем внутренние раздоры волновали страну, тем самым помогая ее врагам. А через сорок лет после смерти царя Симеона Болгария покорилась Византии.

Православная вера, конечно, удержалась в Болгарии. При царе Петре Болгарская Церковь стала даже независимой от Греческой, получив своего патриарха Дамиана; но это было не надолго. При том же Петре мы видим в Болгарии великого христианского подвижника, преподобного Иоанна Рыльского, с юных лет подвизавшегося в пустыне. Впоследствии, когда вокруг него стали селиться ученики, устроилась Рыльская обитель, святыня Болгарии. Но Иоанн Рыльский, пустынный и молитвенник, не стал деятельным просветителем народа, какими были сдьмочисленники. Просвещение заметно падало, а при упадке просвещения распространилась ересь павликиан. Один болгарский священник по имени Богомил сделался даже как бы вторым основателем этого лжеучения, которое стало сильно распространяться по всей стране и даже проникло в некоторые области соседней Сербии под именем ереси богомильской.

Кроме южных болгар была еще ветвь болгарского народа, поселившегося при Волге и Каме. Камские и волжские болгары находились в частых сношениях с Русью, вели обширную торговлю с Востоком и около 920 года приняли магометанство. До самого своего падения они относились враждебно к христианской вере.

Гонение на славянское богослужение продолжалось долго. Папы всеми средствами старались распространить власть Римской Церкви и возвратить себе утраченное, и часто это им удавалось. Хорватия и Далмация вновь подпали под власть Рима. В 925 году на соборе в Солуни, родине наших просветителей, была запрещена славянская литургия. То же запрещение повторено в Сплите, в Далмации, но, как видно, не совсем успешно, потому что столетие спустя папа Григорий VII дал князю далмацкому корону при условии, что тот уничтожит все народные обычаи. Родной язык в богослужении оставался дорог народу, и отказ в его законных требованиях, гонение внушали ему не любовь, а ненависть к латинскому христианству. Вступив уже раз на ложный путь, Римская Церковь должна была идти по нему иногда дальше, чем предполагалось вначале. Так, например, из небрежности к истинному просвещению новообращенных Священное Писание не переводилось, не вводилось богослужение на понятном языке. Постепенно употребление одного латинского языка как языка церковного делалось правилом, почти догматом, и это отстаивалось в качестве противовеса образу действия Восточной Церкви, признавалось латинянами за внешний признак единства.

С тех пор, как Россия заняла свое место в истории, римские папы посылали и туда своих проповедников: они старались склонить великого князя Владимира к послушанию Риму, но это им не удалось. Владимир принял крещение в Корсуни от греческого епископа в 988 году.

Глава XXIII

НАЧАЛО ЦЕРКВИ ХРИСТИАНСКОЙ В ПОЛЬШЕ, ВЕНГРИИ, СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ И В СТРАНАХ СКАНДИНАВСКИХ

Династия Каролингов прекратилась в Германии в 912 году, и Германией стали править герцоги Саксонские, которые старались покорить себе славянские народы, как некогда Карл Великий и его преемники. Лучшим средством к достижению такой цели казалось им распространение в этих странах христианской веры через своих миссионеров. Обращенные народы становились в некоторую зависимость от державы, обратившей их, получали от нее преданных ей епископов. Ту же цель преследовали и папы. Часто они не столько обращали, сколько приманивали к христианской вере языческих вождей обещанием разных выгод, и особенно обещанием королевского титула тому из вождей, который будет успешнее распространять христианство, конечно, римское, с папой во главе и с латинским языком в придачу. Христианство, принятое от Востока, при употреблении народного языка, преследовалось как опасная ересь и не меньше, чем язычество. Обещание королевского венца было великой приманкой, так как уже распространилось мнение, что во власти папы давать и отнимать короны. Получившие венец от папы признавались как законные короли всеми государями Запада. Даже болгарский царь Симеон, столь ревностный к вере, принятой из Греции, и его преемник Петр просили королевского титула у папы, который охотно исполнил их просьбу в надежде упрочить свое влияние в Болгарии. Эта надежда, однако, не сбылась.

Таким образом, вера, проповеданная с Запада, миссионерами ли немцами, миссионерами ли папы, одинаково несла народам подданство чуждой власти и потому принималась неохотно. Охотно ее принимали иногда вожди, соблазненные выгодами, но народ чуждался ее, не видя в ней света Божественной истины, а видя лишь орудие чуждой власти. Оттого происходили частые смуты, особенно там, где народ уже успел полюбить богослужение и Св. Писание на родном языке и где усвоил себе обряды и обычаи, теперь преследуемые новыми проповедниками. Так было и в славянских землях, получивших начало веры от святых первоучителей. К борьбе между римским и восточным христианством иногда примешивались и волнения, производимые язычниками. Проповедники, посланные императором, и проповедники, посланные папой, встречались враждебно вследствие их взаимных политических отношений, и это, конечно, не благоприятствовало успехам истинной веры.

В Богемии (или Чехии) после мученической кончины Вячеслава стал княжить Болеслав, его брат. Вначале язычник и гонитель христиан, он впоследствии, покорившись немецкому императору Отгону, принял христианскую веру и являл к ней великое усердие. Еще больше усердия являл Болеслав II, при котором Богемия достигла высокой степени могущества, овладев Моравией, некоторыми областями польскими, частью Галиции, потом отнятой у него русским князем Владимиром. Богемия считалась принадлежавшей к округу регенбургского епископа, но Болеслав получил от немецкого императора согласие на отделение ее от Регенбургской епархии и основал епископство в Праге (937), что было дозволено папой только при условии соблюдения в Чехии латинского обряда и изгнания славянского языка из богослужения. Явились ревностные приверженцы латинства в Богемии. Сестра Болеслава основала в Праге женский монастырь. Первым епископом Пражским был немец, саксонский князь Дитмар. Особенно же действовал в пользу латинства второй епископ Пражский, родом чех, Войтех, сын воеводы Славника, горячо преданный Риму. Он учился в Магдебурге и, приняв в иночестве имя Адальберга, был в 983 году возведен в сан епископа Пражского; ходил благовествовать в соседние земли, в Венгрию, Польшу. В чешском народе хранились

отчасти обычаи Восточной Церкви, славянские книги, любовь к славянскому богослужению, отчасти и языческие обычаи, еще не вытесненные недавним просвещением. Адальберг стал беспощадно преследовать и остатки язычества, и родной язык. Народ возненавидел его, и он вынужден был оставить Чехию. Удалившись в Рим, он вступил в бенедиктинский монастырь св. Алексия. Но через несколько лет, призванный Болеславом, он снова вернулся в Чехию и после безуспешных трудов опять удалился в Италию, где в Монте-Кассинском монастыре предался самому строгому подвижничеству. Движимый горячей ревностью к вере, он, однако, предпринял новые труды и пошел проповедовать языческим пруссам, у которых нашел мученическую смерть в 997 г. Польский король Болеслав купил останки святого мученика, которые были торжественно перенесены в город Гнезно. Большая часть Чехии вскоре после этого подпала под власть Болеслава Польского.

Адальберг. XV в.

В церковных делах Рим все больше и больше приобретал влияние, но в народе тайно хранились славянские книги, тем более любимые, что были преследуемы немцами. Однажды один из чешских князей, горец Ульрих, охотясь за зверями, нашел пещеру, в которой жил благочестивый пустынный монах Проконий, инок-бенедиктинец, уроженец богемского местечка Хотунь, который некогда учил в одной из пражских школ. Но желание уединенной жизни и гонения, которым Проконий подвергся за приверженность к славянским книгам, убедили его удалиться от мира. Когда князь Ульрих (1032) нашел его, пустынный монах уже давно жил в пещере. Князь был так тронут его благочестивыми речами, что взял его к себе в духовники, а на том месте, где он жил, при реке Сазаве, основал Еммаусский монастырь. В этом монастыре, где св. Проконий стал игуменом, следовали славянским обрядам, и он сде-

лался средоточием славянской духовной деятельности. Все окрестное население стекалось в храм, чтобы слушать понятное ему богослужение; переписывались славянские книги. Но это было крайне неприятно епископам, и после смерти Прокопия сазавские иноки подверглись жестокому гонению. Обвиняли их в ереси, происходившей будто от славянских книг. Многие удалились в Венгрию, но потом монастырь был восстановлен на прежних основаниях. Чешский король Вратислав просил (1078) у папы Григория VII разрешить для чехов употребление народного языка в богослужении, но папа отвечал, что слово Божие было бы унижено, если бы его передавали народу на языке, для него понятном; а папа Иннокентий III повелел по всей стране искоренять этот «безумный и дерзновенный обычай». Тогда начались новые гонения на Еммаусскую обитель: прибыли в нее латинские иноки и стали сжигать все славянские книги, которые только могли найти. Но еще и к XV веку уцелело несколько листов славянской рукописи св. Прокопия, почитавшихся как святыня, которые принесли императору Карлу IV.

История христианства в Польше тоже начинается именем Мефодия. Он посылал своих учеников проповедовать «языческому князю, сидевшему на Висле». Неизвестно, насколько было тогда успешно благовествование, но когда впоследствии пришли проповедники от папы, они нашли в Польше славянское богослужение и начали его преследовать. Вера стала быстро распространяться с тех пор, как в 966 году польский князь Мечислав женился на чешской княжне Дубравке (или Домбровке). Адальберг Пражский проповедовал в Польше. Папа Иоанн XIII прислал епископа и священников, которых вначале народ принял неохотно, чуждаясь благовестников, не знавших его языка. Но для обращения народа была употреблена сила, князю был обещан королевский титул, и дело пошло быстрее, особенно при преемнике Мечислава, польском короле Болеславе Храбром. Болеслав значительно расширил свои владения: епископства были основаны в Гнездне, Кракове, Познани. Кроме Адальберга Пражского, были и другие проповедники от папы, которых Болеслав принимал охотнее, чем проповедников от немецкого императора, находясь с ним в состоянии войны. Дочь Болеслава была замужем за Святополком, усыновленным племянником Владимира Киевского. Болеслав, помогая Святополку против Ярослава, вошел победителем в Киев и вывез оттуда огромное богатство, которое употребил на постройку и украшение церквей и монастырей в Польше. И Болеслав, и его преемники были верными и ревностными приверженцами папы.

Соседи Польши и Богемии угры (или мадьяры) в конце IX века основали сильное государство Венгерское, постоянно расширявшееся за счет новых завоеваний. Кочевавшие вначале между хазарами, на восток от Волги, и вытесненные оттуда набегами печенегов, угры устремились к Придунайскому краю, который они считали почти своим наследственным достоянием, так как им некогда владели родственные им племена, гунны и авары. Наш летописец Нестор сообщает, что они шли мимо Киева. Вскоре под покровительством Альмы и его сына Арпада, потомков Аттилы, как говорит предание, они заняли Придунайский край: Паннонию, Трансильванию, часть Болгарии. Сами христианские князья, враждующие между собой, помогли суровым мадьярам утвердиться по соседству: греческий император Лев IV звал их на болгар, немецкий король Арнульф – на моравов. Долго Европа проклинала имя Арнульфа, когда угры стали грозой Европы. Не только соседние страны, но и все немецкие области, Италия, Франция подвергались нашествию суровых угров, которые не щадили ничего, превращали в пустыни цветущие области, разрушали и грабили церкви и монастыри, унося добычу. Но страшные для всей остальной Европы, угры довольно мирно утвердились в Придунайском крае, где нашли между славянским населением остатки родственных им авар, уже слившихся со славянами, и не слышно было, чтобы население много терпело от их жестокости. Хотя Европа считала их злейшими врагами христианства, не известно также, чтобы они преследовали христиан в стране, которую нашли уже обращенной святыми первоучителями. Есть даже в древнем житии Мефодия известие, что угорский король

призвал его к себе. Друзья старались удержать епископа, боясь за его жизнь, но Мефодий бесстрашно отправился к королю, надеясь просветить его словами жизни. Суровый король принял Мефодия с почетом и просил его молить.

Около середины X века два мадьярских вождя, Буячу и Дюла (или Гюлай), приняли в Царьграде крещение и привезли оттуда священников и епископа, посвященного патриархом. Надо думать, что тот епископ и священники распространяли веру. Но это не мешало германским императорам, воевавшим с венграми, долго считать их язычниками и в договоры с ними включать требование, чтобы они приняли благовестников. Такой договор был заключен после битвы при Аугсбурге (855), когда венгры потерпели жестокое поражение от императора Отгона. Этим-то благовестников, навязанных им чуждой властью и с целью поработить их, венгры действительно принимали неохотно и при малейшей возможности изгоняли их, мстили немцам страшными опустошениями. Но ни немцы, ни папа не унывали и наконец достигли желаемого.

Один из вождей, крещенных в Константинополе, вскоре оставил веру Христову. Но в семье другого, Гюлая, она удержалась, и когда его дочь Шарлотта вышла замуж за венгерского воеводу Гейзу, то она обратила и своего мужа. К этому времени папские благовестники набрали силу. Один из них, Пильгрим, епископ Пассавский, действительно явил великую ревность о вере. Сын Гейзы Войка принял крещение уже от Адальберга Пражского и при крещении получил имя Стефан. Венгрия все усиливалась. Стефан вступил в брак с Гизелой, дочерью немецкого императора, получил от папы королевский титул и корону. Вступив таким образом в семью западных государей, Стефан стал преобразовывать свою страну и вводить в нее немецкие порядки. Римская Церковь укрепилась в стране, что не нравилось народу. Но при Стефане, которого любили и считали святым, это переносилось терпеливо. Когда же его не стало (1038) и когда его преемник Петр полностью признал над собой верховную власть немецкого императора, то народ сверг Петра с престола, а возвел двоюродного брата Стефана Андрея, укрывавшегося на Руси, женатого на дочери Ярослава Мудрого и исповедовавшего восточное Православие. Среди смут и языческая партия подняла голову, после чего партия немцев и латинян опять вошла в силу.

Среди благовестников, трудившихся для распространения веры в Венгрии, надо назвать Бруна, описавшего житие Войтехы (или Адальберга Пражского). Воодушевленный его примером, он из Монте-Кассинского монастыря отправился в Венгрию, в Польшу и оттуда около 1006 года на Русь. Там его дружелюбно принял великий князь Владимир и старался отвлечь от намерения идти к печенегам, рассказывая ему об опасности этого предприятия, но все же проводил до границы. Брун обратил до тридцати печенегов, навестил северные миссии, устроенные немецкими императорами для обращения скандинавов, пруссов и балтийских славян. Затем он отправился к суровым пруссам и увенчался мученической смертью на границе Руси и Литвы вместе с 18 товарищами.

* * *

Славянские племена, населявшие большую часть Германии, берега Балтийского и Немецкого моря, были очень многочисленны. Наиболее известны и сильны были вагры, ране, лютичи, оботриты (или бодричи), стодоряне, велеты, поморяне. Немцы всех их называли вандами, и издавна немецкие государи старались покорить их себе то силой оружия, то христианской проповедью. Но и то и другое долго оставалось тщетным. Воинственные славяне отражали набеги и немцев, и датчан и сами опустошали области своих врагов. Некоторые вместе с норманнами были грозой прибрежных стран, живя разбоем и грабежом; другие вели торговлю и основали богатые города, такие как Юлит, Щетин. В проповедуемой им

вере они видели только орудие порабощения и упорно отстаивали свое язычество вместе со своей независимостью.

Богочитание прибалтийских и немецких славян состояло, как и у других славян, в чествовании одного бога небесного, Сварога, и множества подвластных ему богов, владевших землей и видимой природой. Главным из таких богов был Святovit. В Арконе, на острове Рюген, стоял громадный идол Святovита, с четырьмя головами, и содержался в великой чести его белый конь, на котором, как верил народ, бог-воитель по ночам выезжал против врагов своей святыни. Балтийские славяне дошли до большей определенности в своем богочитании, чем все другие славянские племена, и имели касту жрецов, которые пользовались великими выгодами от жертвоприношений и сильным влиянием на народ. К главным своим святилищам в Арконе, Ретро, Радигоще стекались по временам представители разных племен, и жрецы, вещатели воли богов, воспаляли в них усердие к древней отеческой вере и ненависть к вере немцев.

Немецкие проповедники не унывали, и некоторые из них трудились усердно и бескорыстно в деле Божиим. Иноки Корвийского монастыря иногда посещали остров Рюген. Инок Бозо, даже выучил язык славян и для их обращения основал епископство Мерзебург, но успеха было мало. Император Оттон, больше других преуспевший в войне со славянами, окружил их целым рядом епископств, откуда должны были действовать миссионеры. На землях, заселенных славянами, он основал епископства Гавельберг, Ольденбург, Мейсен, Магдебург; ревностно трудился епископ Магдебургский Адальберг. Другой Адальберг, архиепископ Бременский, всю свою жизнь заботился об обращении славян или, скорее, о причислении их к христианской епархии, потому что мечтал о том, чтобы сделаться патриархом всего севера, и умножал число северных епархий, чтобы иметь свидетельство своей деятельности и достигнуть желаемого.

Но медленно и неохотно обращались славяне. И если временно покорялись чуждой власти и новой вере, то потом опять возвращались к прежнему идолослужению и опустошительными набегами на немецкие земли старались загладить свое отпадение от греческой веры. Так, например, один князь оботритов, или бодричей (в Мекленбурге), Мистивой, вступив в дружеские отношения с немцами, принял крещение. Но позднее он призвал в Ретро своих соотечественников и именем великих богов Святovита и Рацегаста воодушевлял их на бой с немцами. Северная Германия жестоко потерпела от нападения славян, разрушавших следы принятого ими христианства. Язычество опять победоносно водворилось, но через несколько лет Мистивой сам искренно возвратился к христианской вере и окончил жизнь, каясь в своем отступлении.

Внук Мистивоя, Годескальд, получил в Люнебурге христианское воспитание. Но, узнав, что немцы умертвили его отца, возымел желание отомстить врагам. Во главе язычников он опустошил Нордальбингию, окрестности Гамбурга и Голштинию: разрушал церкви, превращал в пустыни цветущие области. Но чувства христианина победили сурового язычника. Раскаяние заговорило в нем, и он с еще большей ревностью возвратился к вере Христовой. Основав сильное государство, он посвятил все свои труды обращению народа. Призывал благовестников, которым сам помогал, переводя молитвы на славянский язык, поучая народ, основал много церквей и монастырей в Любеке, Ольденбурге, Рацбурге, Ленцене, Мекленбурге. Но крайне недовольна была всем этим языческая партия, поддерживаемая жрецами: вспыхнул мятеж, и ревностный Годескальд увенчался мученической смертью в Ленцене в 1066 году. Много священников и христиан всякого звания разделило его участь. Престарелый Мекленбургский епископ Иоанн подвергся истязаниям, и в конце концов его принесли в жертву идолу Радегасту в Ретре. Все христиане подверглись жестокому гонению: церкви и монастыри разрушили, опустошена была вся окрестная страна, а восстановленное язычество господствовало до конца XII столетия вопреки всем усилиям нем-

цев. Современные писатели винят в этом алчность и жестокость немцев. «Славянские племена давно могли бы быть обращены в христианскую веру, – писал в XI веке летописец Адам Бременский, – если бы не препятствовало корыстолюбие немцев, умы которых более склонны к собиранию дани, нежели к обращению язычников. Не хотят видеть они, какую опасность на себя накликают своей жадностью, сначала поколебав корыстолюбием своим христианство в славянской земле, а потом жестокостью принудив подданных в восстанию и отстраняя для людей, которые охотно бы стали веровать, возможность обращения тем, что требуют все денег». Другой летописец, Гельмольд, говорит: «Одержав победу, славяне вооруженною рукою свергли иго рабства и с таким упорством духа стояли за свою свободу, что скорее решались умереть, нежели принять снова наименование христиан или платить дань начальникам саксов. Поистине, эту беду породило несчастное корыстолюбие саксов, которые, покуда были сильны и возвеличивались частыми победами, не хотели признать, что война в руке Божией и что от Него победа, а, напротив, такими налогами угнетали славянский народ, который удалось подчинить себе войной и договорами, что он горькой необходимостью принужден был сопротивляться Божию закону и подданству герцогам».

Памятник Адальбергу на Вацлавской площади. Прага

Благовествование в Пруссии началось в конце X века и было запечатлено мученической смертью многих благовестников, и среди них Адальберга Пражского, Бруна и его товарищей. После этого язычество было господствующей религией у пруссов целых два столетия!

* * *

В других северных странах: Дании, Швеции и Норвегии, – происходила также упорная борьба между христианством и древним богопочитанием. Как ни трудился Ансхарий, но язычество существовало еще целых полтора века после него, хотя и были частные обращения, хотя и ревностно трудились преемники Ансхария: Римберт, Уни. В IX и X веках всем прибрежным странам были страшны норманны, которые в разбойничьих набегах опустошали целые области и часто захватывали не только города, но и государства. Но, приходя в соприкосновение с христианскими народами, даже суровые норманны часто принимали христианство. Так, принял христианство Роллон, вождь норманнов, овладевший Французской областью, которая стала называться Нормандией. Конечно, в жизни, преданной суровым подвигам войны, норманны не имели ни времени, ни возможности узнать кроткого учения Спасителя, мало объясняемого им проповедниками, которые часто довольствовались наружным исповеданием. Но сами опасности и случайности их бурной жизни заставили их веровать в высшее существо, от которого зависит жизнь и смерть. И они мало-помалу приходили к убеждению, что Бог христиан и есть это высшее существо, что Он лучше спасает и охраняет служителей Своих, чем те боги, которым они доселе поклонялись и приносили жертвы. Затем, не отказываясь от прежних богов, они начинали присоединять к ним и Христа, пока наконец совершенно не убедились в ложности древнего богопочитания. Таков был ход распространения веры среди норманнов и в завоеванных ими землях.

Норманны

При Ансхарий и его преемниках только часть Дании просветилась истинной верой. В начале X века датский король Гурм преследовал христианство. Победив саксов и вступив в союз с язычниками-оботритами, он везде старался подавить новую веру. Иначе действовал его сын Гарольд Блатанд, воспитанный матерью в вере Христовой. Он, напротив, старался подавить язычество и распространить христианство, но такими же суровыми мерами, какие употреблял его отец. Это внушало народу ненависть к новой вере, происходили мятежи и смуты, и, наконец, сильная языческая партия, имея во главе сына Гарольда Свенона, достигла господства. Гарольд пал в битве 991 года, после пятидесятилетнего царствования, и вновь язычество восторжествовало, но не надолго. Датчане под предводительством короля Свенона завладели Англией, разрушили в ней церкви и монастыри, причем скончался мученической смертью достойный кентерберийский епископ Ельфег. Но и Свенон недолго пользовался плодами своей победы: он умер через месяц после своего восшествия на престол Англии, каюсь в отпадении своем от христианской веры, как утверждают историки. А его сын, Канут Великий, соединивший под свою власть Англию, Данию и Норвегию, до самой смерти (1035) заботился о распространении христианской веры.

* * *

Около того же времени вера Христова утвердилась и в Швеции. Король Олаф в начале XI века призывал из Англии благовестников, которые ревностно трудились. Но еще была сильна языческая партия, имевшая главный храм в Упсале. Король захотел разрушить этот храм, но язычники упростили его избрать для себя лучшую часть королевства и в ней распространять христианскую веру, строить храмы, но не мешать и им поклоняться своим богам в своей народной святыне. Король согласился и в западной части королевства основал в Скаре первое епископство, для которого призвал епископа-англичанина. При его преемнике христианская вера сильно распространилась, и успех ее мог бы быть еще большим, если бы не задерживало его властолюбие архиепископа Бременского Адальберга, который, мечтая о сане патриарха всего севера, требовал себе от Швеции покорности, что возбуждало в шведах дух независимости и усиливало языческую партию, отстаивавшую независимость вместе с древним богопочитанием. Уже названный нами летописец Адам Бременский замечает, что народ охотно слушал тех благовестников, которые сами отличались добродетельной жизнью, однако многих из новообращенных отталкивало явное корыстолюбие этих проповедников и небрежение об истинном благе новых чад Церкви.

В Норвегии принц Гакон в первой половине X века заботился о распространении христианской веры. Он воспитывался в Англии, при дворе благочестивого короля Ательстана и, избранный народом в короли норвежские, тотчас же после своего воцарения захотел подавить языческое богопочитание. Но взрыв всеобщего негодования встретил его первые попытки. И для того чтобы сохранить престол, он не только должен был таить свою веру, но даже согласиться принимать участие в народных языческих обрядах. Это тяготело над его совестью, и несколько раз он возобновлял свои попытки, но с той же неудачей. Он привлек очень немногих из своих близких к христианской вере, а потерял любовь подданных, которые видели, что он только притворно участвует в языческих обрядах. Вторжение врагов примирило короля и подданных, соединив их для защиты отечества. Будучи ранен в сражении, Гакон дал обет, если Бог сохранит ему жизнь, оставить царство и в христианской земле посвятить жизнь молитве и покаянию. Но он умер от полученной раны, и геройская кончина его в битве за отечество примирила с ним самых озлобленных его противников. Все его искренно оплакивали, и память о короле Гаконе Добром, как его называли, расположила многих в пользу веры, которую он исповедовал. Но языческая партия еще долго оставалась

сильной, и суровые меры, употребляемые некоторыми правителями для подавления язычества, только задержали распространение истины, ожесточая народ.

Такие же меры употреблял и датский король Гарольд, когда он в 967 году овладел Норвегией, но не надолго. Строгость его возбудила негодование народа, и этим негодованием воспользовался один из его вождей, Ярл Гакон, чтобы присвоить себе власть. Но как легко было в это время смут и брожения присвоить себе власть, так же трудно было удержать ее за собой, когда со всех сторон являлись смелые и предприимчивые норманнские вожди, искавшие какого-нибудь престола. Такой вождь скоро явился – Олаф Тригвезон, которого бурная и переменчивая судьба бросала в разные страны, то в Англию, то в Грецию, то на Русь (при Владимире), то в Северную Германию. Узнав христианскую веру и уверовав, что Бог христиан сильнее Тора и Одина, Олаф принял крещение и старался овладеть норвежским престолом в твердом намерении искоренить в Норвегии языческое богопочитание. Овладеть Норвегией было легко при общей ненависти к Ярлу Гакону, но ввести христианскую веру много труднее. Народному собранию Олаф объяснил, что он требует от подданных своих послушания, достойного людей свободных; что он предлагает им служить тому Богу Всемогущему, Которому он сам служит, Который Царь царей, Создатель неба и земли, Который по милости Своей служителей Своих соделывает братьями Единородного Сына Своего и сонаследниками Небесного Царства. Но убеждения остались тщетны, и Олаф стал разрушать капища и принуждать подданных своих к принятию крещения, однако его убили на войне против шведов и датчан.

Несколько лет Норвегия находилась под чуждой властью правителей, которые были довольно равнодушны к успехам веры: свое богопочитание свободно справляли и христиане, и язычники, и те, которые поклонялись вместе и Христу, и Одину, и Тору. Но в 1017 году Норвегией овладел другой Олаф, прозванный Толстым. Он привез с собой из Англии епископа и священников и стал употреблять решительные меры для насаждения христианства: пытки, казни, лишение имущества. Многие из страха принимали крещение, а втайне сохраняли прежнюю веру и соблюдали прежние обряды. По временам вдруг воспламенялась в народе ревность к древнему богопочитанию, вспыхивали волнения. Так, однажды во время страшного голода, который новообращенные сочли наказанием за свое отступление от отеческих богов, множество разрушенных капищ было восстановлено, и стали совершаться жертвоприношения в честь Одина. Извещенный об этом, Олаф объехал всю страну и, рассеяв сборища язычников, предал казни ослушников, а на местах, где были восстановлены капища, поставил церкви. Однажды, как рассказывают, застал он многочисленное сборище под предводительством вождя, очень уважаемого народом, Гудбравда. Он призывал народ к восстанию против Олафа, обещая помощь великого бога Тора. Громадный идол Тора, украшенный золотом и серебром, был принесен в собрание. С благоговением смотрели на него язычники, внимая словам Гудбравда. Прибыл и король Олаф со своими витязями. «Где сила Бога христиан? – говорил Гудбранд. – Где Он Сам, этот Бог, Которого никто никогда не видел? Вот мы, так имеем видимого бога, великого Тора, перед которым все должны трепетать!» – «Что грозите нам своим бездушным богом, которому предстоит жалкий конец? – сказал Олаф. – Поднимите глаза к небу, посмотрите, как наш великий Бог являет Себя в лучах света Своего». В это время лучи восходящего света прямо падали на идола. И когда, по словам Олафа, все подняли глаза к небу, Олаф сделал знак одному из бывших с ним, исполину ростом и силою, и тот, ударив идола, с одного размаха разбил и опрокинул его. Из разбитого идола выбежали и выползли разные гады: мыши, ящерицы, змеи. Народ, видя своего разрушенного идола, потерял в него веру.

Но народ не любил Олафа, и общее нерасположение к нему облегчило датскому королю Кнуду завоевание Норвегии. Олаф принужден был искать убежища на чужбине, жил довольно долго на Руси, при дворе Ярослава, а через несколько лет, оставив на Руси своего

сына Магнуса, вновь прибыл в свою страну, чтобы отнять ее у Кнуда. Его войско состояло из одних христиан, щиты и шлемы были озаменованы крестом. Бой был несчастлив для Олафа, который лишился жизни. Но народ стал впоследствии чтить его как святого и мученика, и когда его сын Магнус добился престола, то была основана церковь в честь св. Олафа, в которой поклонялись останкам короля, совершая память его.

Вера стала быстро распространяться во второй половине XI века. Постепенно прекращались разбойничьи набеги, которыми прославились датские и норманнские вожди, отважные викинги или морские короли, как называет их история. «Просвещенные христианством, – говорит летописец северных стран Адам Бременский, – они научились любить мир и довольствоваться малым».

Остров Исландия был в середине IX века под властью норманнов, которые, как говорит предание, уже тогда нашли на нем следы христианской веры, занесенной на дальний север ревностными ирландскими благовестниками.

Но вера гложала под владычеством разбойников-язычников. В середине X века один из этих норманнских разбойников, просвещенный истинной верой, положил начало новому благовествованию. Звали его Торвальдом. Еще будучи язычником, он был так сострадателен, что употреблял все добро, награбленное им, в помощь бедным и на выкуп пленных. Однажды он попал в Германию и там встретился с ревностным епископом Фридрихом, который наставил его к вере истинной. Торвальд, уверовав, пожелал просветить и свое отечество, убедил Фридриха отправиться с ним в Исландию. Но благовествование не имело успеха: язычники преследовали уверовавших, скальды (или народные певцы) поднимали на смех учение христиан. Однако совершавшиеся чудеса убедили некоторых в силе Божией, хотя большинство народа стояло за прежнее богопочитание, а потому первую христианскую Церковь сожгли. Торвальд был вынужден после многих неудачных попыток оставить остров. Впрочем, та же неудача постигла позже и Олафа Норвежского, который в конце X века тоже старался просветить исландцев. Уверовавшие, преследуемые соотечественниками, вынуждены были бежать и нашли приют в Норвегии. Уже через много лет двое из них в сопровождении священников возвратились благовестниками в свою страну. Около середины XI века было основано первое епископство в Скальгольме, и туземные священники, уважаемые всем населением, постепенно искореняли языческие обычаи, долго хранившиеся и среди новообращенных. В XII веке Адам Бременский отзываясь с великой похвалой об исландских христианах, о простоте их нравов, гостеприимстве и взаимной любви.

Другие северные острова – Оркады, Фера – тоже получили благовестников от ревностного Олафа Тригвезона. Но везде наблюдается повторение того же самого: применение силы со стороны первых проповедников и – раздражение народа, упорство его в язычестве, изгнание благовестников. Потом уже шло постепенное водворение учения Христова, действовавшего своей собственной силой в сердцах обращенных, привлекавшего и других. Из Норвегии же прибыли благовестники и на остров Гренланд, а в середине XI века туда был послан епископ от Бременского архиепископа Адальберга.

Глава XXIV

Папство в X и в XI веках

С распространением христианства на севере Европы папская власть расширилась. Но после папы Николая I, так высоко поднявшего значение папского престола, и после его преемников, Адриана II и Иоанна VIII, наступило время, позорное в истории папства. Около пятидесяти пап занимали римский престол в течение 150 лет, и почти все они были люди или малоспособные, или порочные, или просто преступники. Находясь в постоянной зависимости то от итальянских партий, споривших между собой, то от немецких императоров, они держались на престоле лишь силой чужого покровительства, низлагались и замещались по воле торжествующей партии. Но даже и теперь, при нравственном упадке, при слабости пап, самая идея папства росла и утверждалась. Все больше и больше укреплялось мнение, что за папским престолом – право всемирного суда, право распоряжаться коронами, права, дарованные будто бы Самим Христом апостолу Петру и его преемникам. Казалось даже, что чем ниже падали папы в нравственном и ином смысле, тем упорнее они отстаивали эти свои права – и потому, что тем более нуждались в силе Божественного, неоспоримого авторитета, чтобы покрыть им свою слабость. Для них уже более становилось необходимо, чтобы были признаны права, дарованные будто бы свыше и присущие римскому престолу независимо от личных качеств того, кто его занимал.

Все способствовало к усилению власти римского первосвященника: духовенство большей частью поддерживало его права, потому что само опиралось на те же права в своих спорах с гражданской властью; вожди и искатели престолов старались упрочить свои часто сомнительные притязания его благословением, которое покупали услугами и покорностью. Новообращенные воспитывались в представлениях о неоспоримости верховной власти римского первосвященника.

Конечно, изредка поднимались голоса против чрезмерных притязаний пап, особенно со стороны галликанского духовенства, неохотно признавшего власть Рима. Так, когда папа Адриан отлучил от Церкви французского короля Людовика Плешивого, то Гинкмар Реймский, тот самый, который спорил с Николаем I, в сильных выражениях отрицал притязание пап на всемирное владычество и указывал на подложность декреталий. Но сам король уступил папе, потому что желал быть императором и нуждался в поддержке папы. Хотя Гинкмар и некоторые другие епископы сильно возражали, папа с согласия короля Карла Плешивого назначил во Францию викарного епископа, который должен был по всем церковным делам сноситься с Римом, и покорность короля была действительно вновь награждена императорской короной. Еще ранее, венчая Карла этой короной, папа Иоанн VIII в 875 г. впервые во всеуслышание высказал, что по Божественному праву и по Божественному повелению папский престол дарует корону.

Но сам этот папский престол, присвоивший себе право распоряжаться коронами, надолго сделался игрушкой в руках партий, споривших между собой за власть в Италии. Герцоги Сполетский, Фриульский и Тосканский предъявляли притязания на корону, попеременно достигали власти, и вместе с ними возвышались и низводились их приверженцы. Влиянием торжествующей партии назначался папа и падал, когда счастье изменяло его покровителю. Страшные смуты волновали Рим. Случалось иногда, что одновременно было несколько пап; приверженцы одной партии жестоко мстили за временное торжество другой. Так, например, папа Стефан (VI или VII) велел вынуть из могилы труп своего предшественника, папы Формоза (891–896), с которым долго враждовал, облек его в папские ризы, подверг суду и, произнеся над ним проклятье, отсек три перста, а тело велел бросить в Тибр. Сам Стефан был умерщвлен народом. Партия герцогов Тосканских восторжествовала,

и тогда наступило для папства такое позорное время, что о нем со стыдом говорят самые горячие его приверженцы. Власть была в руках развратных женщин: Феодоры и ее дочерей Феодоры и Мароции, которые по своей воле располагали папским престолом, назначая на него кого хотели, и низводили, когда хотели, обогащаясь продажей церковных должностей. Были папы, которые властвовали четыре месяца, семь месяцев и кончали жизнь ядом или в заточении. Разврат, продажность, самые ужасные пороки и преступления господствовали при дворе римских первосвященников, которые могли удержаться на престоле только угодливостью и дарами бесстыдным женщинам. Такое позорное правление продолжалось более полувека (904–964). Папа Иоанн XII, сын Мароции, был возведен на папский престол восемнадцати лет от роду. Звали его вначале Октавианом, и он первый переменял свое имя, когда стал папой, что потом вошло в обычай. Еще больше, чем его предшественники, позорил он сан свой нечестивой, развратной жизнью. Теснимый итальянским королем Веренгарием, он призвал на помощь немецкого короля Оттона, который усмирил смуты и принял императорскую корону от рук недостойного Иоанна XII (962). Но лишь удалился Отгон, как папа изменил своему покровителю и вступил в союз с его врагами. Император внезапно возвратился, и папа, вооруженный, переплыл Тибр, чтобы спастись бегством. Император созвал в храме св. Петра собор для суда над папой, и сам держал его сторону против многочисленных обвинителей. «Он еще мальчик, – говорил он, – может исправиться». Но Иоанн не выказывал ни раскаяния, ни смирения. На собор не явился, а сам грозил отлучением, опираясь на свое «Божественное право». Между тем поднимались на него страшные обвинения, одно хуже другого: обвиняли его в разврате, в кощунстве над святыней; рассказывали, что на одном из своих бесчинных пиров в Ватикане он пил за здоровье сатаны, призывал языческих богов. Решено было низложить недостойного первосвященителя, и под влиянием императора был избран новый папа, Лев VIII (963–965); прежде он был мирянин.

Император Отгон. Книжная миниатюра

При этом Отгон вновь заявил о прежних притязаниях западных императоров на верховную власть в Риме и потребовал от римлян клятвенного обещания не ставить пап без согласия императора. Но император не мог долго оставаться в Риме, а после его удаления партии вновь *начали* свои происки. Мароции вновь удалось возвести на престол Иоанна, но не надолго, он был убит. Возведен был Венедикт V, но заточен в замке Св. Ангела возвратившимся императором, который вторично возвел Льва VIII.

И преемники Оттона высказывали те же притязания на право избрания папы и вообще признавали за собой те права, которые некогда присвоил себе Карл Великий. Но отвлекаемые

от Италии другими делами, они не могли всегда отстаивать силой свои притязания. Иногда они являлись в Рим карателями за нарушенную клятву, и тогда папа, поставленный без их согласия, платился за свое короткое величие суровым заточением или жестокими истязаниями. Так, например, архиепископ Иоанн Пиаченский, достигнувший папского сана без согласия на то Оттона III, не только претерпел заточение: ему выкололи глаза и отрезали язык.

Долго еще после Оттона I продолжались в Риме смуты и беспорядки, и папы быстро сменялись по воле партий. Папа Иоанн XIII был заточен императором; Венедикт VI умерщвлен мятежниками; Донус II умерщвлен, как полагают, своим преемником Вонифатием VI, домогавшимся власти, но внушившем к себе такую всеобщую ненависть, что вынужден был удалиться из Рима. Он уехал в Константинополь. Оттуда так щедро расточал деньги, закупая себе приверженцев, что сумел вновь занять престол. После его смерти народ долго не соглашался почтить его погребением.

Спор с Францией еще больше усилил смуты и вновь вызвал резкие суждения о папе и отрицание присвоенных им прав. Спор возник по следующему поводу. В 987 году во Франции угас дом Каролингов, и Гуго Капет был провозглашен королем и коронован в Реймсе. Но герцог Лотарингский предъявил свои притязания на престол. Его сторону держал архиепископ Реймский Арнульф. Давно уже во Франции как будто забыли о папе, не обращаясь к нему по церковным делам, но тут, когда возник спор о престоле, Капету хотелось иметь на своей стороне папу. И он вместе с преданными ему епископами написал папе Иоанну XV письмо, полное изъявлений покорности и уважения. Признавая вполне его верховные права как главы Церкви и извиняясь за то, что давно не обращались к нему по церковным делам, король и епископы просили папу признать Гуго Капета, низложить Арнульфа и назначить в Реймс другого архиепископа. Соперник Капета тоже обратился к папе за благословением. Папа, опасаясь и той, и другой партии, долго не давал никакого ответа. Тем временем Гуго Капет победил соперника и утвердился на престоле. Достигнув власти без помощи папы, он захотел решать без его участия и церковные дела, созвал собор, который низложил архиепископа, неугодного королю, и на упраздненное место назначил знаменитого тогда ученого Герберта. При этом высказывалось много резких суждений о папе. Галликанские епископы с Гербертом и орлеанским архиепископом во главе решительно отрицали притязания пап на всемирное владычество. «Неужели, – говорили они, – все законы и постановления Церкви могут быть нарушены и изменены произволом одного лица?» Указав на разврат и бесчинство, которые господствовали при последних папах, архиепископ Орлеанский воскликнул: «Неужели же таким чудовищам разврата, таким невеждам в законе Божиим должны быть подчинены все в мире священники – священники, отличающиеся и знанием, и чистотой, и безупречной жизнью? Кто он такой, восседающий в золоте и багрянице на возвышенном престоле? Если в нем нет любви и он насыщен одним знанием, то он антихрист, восседающий в храме Божиим; а если в нем нет ни любви, ни знания, то он в храме Божиим как немой идол; и вопрошать его все одно, что вопрошать камень. Не лучше ли обращаться за советом в другие страны, где много достойных епископов действительно просвещены знанием слова Божия, чем в Рим, где суд дается не по правде, а на вес золота?»

Папа, узнав о случившемся, объявил решения собора недействительными, запретил священнодействовать всем епископам, принимавшим в нем участие, и послал во Францию своего легата, чтобы вновь восстановить низложенного Арнульфа. Долго и резко отстаивал Герберт права и свободу Галликанской Церкви, писал духовным и гражданским властям письма, в которых опровергал притязания папы, совершал священнодействие вопреки запрещению. Но наконец и он должен был уступить. Так сильно было слово папы, что народ не захотел присутствовать при богослужении, совершаемом Гербертом, и его самого, до того всеми уважаемого, избегали как зачумленного. Он вынужден был уступить сан отставлен-

ному епископу. И сам французский король, боясь анафемы, помирился с папой, удовлетворив всем его требованиям.

Этот Герберт, наставник императора Отгона III, впоследствии сам стал папой под именем Сильвестра II (999-1003). Его правление продолжалось недолго, и не видно, был ли он на деле верен убеждениям, высказанным им до своего возвышения. Он первый обратил внимание на бедственное положение Палестины под игом неверных и от имени Иерусалима написал послание, убеждающее христиан ополчиться для освобождения Святой Земли.

После смерти Отгона III, который имел сильное влияние на избрание пап, итальянские партии вновь забрали власть. Опять на папском престоле является целый ряд недостойных лиц. Один из них, Иоанн XIX, вошел в соглашение с восточным императором, чтобы за деньги отказаться от притязаний папского престола на главенство и признать за Константинопольским патриархом те же права на Востоке, какими папа пользовался на Западе. Уже условились в цене, но дело огласилось, и общее негодование на Западе заставило прервать переговоры. Другой папа действительно продал папский престол. Это был Феофилакт, возведенный на престол в двенадцать лет от роду под именем Венедикта IX (1033–1048). Один из самых недостойных пап между столькими недостойными, он вел самую развратную жизнь, был изгнан из Рима, заменен другим папой, Сильвестром III, в 1044 году, вновь достиг власти с помощью императора Конрада. Но, видя, что ему трудно удержать свой сан, так как его все ненавидели и презирали, он решил его продать за значительную сумму. Нашелся покупатель, священник Иоанн Грациан, который и стал папой под именем Григория VI (1045). Но оказалось, что продавший престол захотел удержать за собой и престол, и деньги. Возникли смуты, потому что оказалось одновременно три папы, из которых каждый имел приверженцев: Венедикт, Сильвестр и Григорий. Император Генрих III во главе войска решил спор. Все папы были низложены, и под нажимом императора собор возвел на папский престол немца, епископа Бамбергского, под именем Климента II (1046–1047).

Прием у папы Римского

Вновь по требованию Генриха III была повторена столько раз данная и так часто нарушаемая клятва не избирать папы без согласия императора. И действительно, под влиянием немецкого императора были избраны и преемники Климента II: Лев IX, Виктор II, Стефан IX, Николай II. Это были, по крайней мере, люди честные, которые добросовестно старались улучшить нравственность духовенства. Началось преобразовательное движение, направленное, в особенности, к прекращению страшного зла, глубоко укоренившегося в Италии, — симонии. (Так называли продажность церковных должностей; название идет от Симона-волхва, который предлагал апостолу деньги за дары Святого Духа.)

Все усилия были теперь направлены на то, чтобы установить для духовенства более строгие правила нравственности и искоренить разврат, позоривший столицу западного христианства. Во главе преобразовательного движения стояли, кроме пап, кардинал Дамиани и инок Гильдебранд, который был главным двигателем всего. Одаренный силой воли, обширным умом, он и чистотой жизни приобрел всеобщее уважение и при последних папах правил всеми церковными делами. Искоренить позорную симонию, поднять нравственность духовенства было предметом его постоянных стараний. Хотя он вполне разделял мысли, выраженные в Лжеисидоровых декреталиях, однако считал, что духовенству дано от Бога преобладающее положение над мирянами, а потому оно должно отличаться от мирян и более высокой нравственностью, и строгостью жизни; вполне преданное своему высокому служению, оно не должно знать ни мирских забот, ни семейных радостей. Действуя строго против симонии, он столь же упорно отстаивал и необходимость безбрачия духовенства. На Западе брак был уже давно запрещен духовным лицам, но это запрещение постоянно повторялось, потому что постоянно нарушалось, и безбрачие духовенства еще не было делом утвердив-

шимся. Даже некоторые итальянские епископы, Туринский например, до той поры благопритствовали бракам подвластных им духовных лиц, считая, что женатому священнику легче, чем неженатому, сохранить чистую нравственность и подавать добрый пример прихожанам своим исполнением ежедневных обязанностей. Но вообще высшее духовенство несколько опасалось затрагивать этот вопрос, чтобы не огласилась еще больше безнравственность итальянского духовенства, и без того уже мало уважаемого народом. Но теперь строгая партия, во главе которой стояли Гильдебранд и Дамиани, стала действовать решительно. Установить безбрачие духовенства казалось ей одним из средств прекратить симонию, так как людям семейным трудно не заботиться о приобретении и выгодах. Браки духовенства стали преследовать как ересь и мирянам запрещалось присутствовать при богослужении, совершаемом женатым священником, принимать из рук его Святое Причастие. В некоторых местах из-за этого вспыхнули народные волнения.

Вмешательство гражданской власти в церковные дела тоже могло быть причиной симонии, так как церковные должности открыто продавались теми, кто ими располагал. Более того, это участие мирских властей никак не совмещалось с тем высоким независимым положением, которое декреталии предназначали духовенству. Гильдебранд желал, возвысив духовенство в нравственном отношении, совершенно изъять его из-под опеки мирских властей. Он желал, чтобы выборы на церковные должности совершались бы свободно самой Церковью (т. е. духовенством, по понятию о Церкви, установившемуся на Западе). Еще недавно римляне повторили обещание не избирать папу без участия императора, но влияние Гильдебранда было уже настолько сильным, что он сумел возбудить в папе Льве IX раскаяние в том, что он принял сан от мирской власти, и убедить папу вновь подвергнуться церковному выбору. Затем, под влиянием Гильдебранда, папа Николай II издал новое постановление об избрании папы, где говорилось о том, чтобы папа был избираем не народом и не высшими сановниками государства, а высшими сановниками Церкви, кардиналами²⁸⁴; избрание следовало потом только утвердить согласием прочего духовенства, народа и императора, «если», было прибавлено, «император от Римского престола принял власть свою». Позднее было закреплено постановлением, что папа не только избирается кардиналами, но и из среды кардиналов.

Таким образом, шаг за шагом, конечно, не без борьбы и не без остановок, папство подвигалось все ближе к тому идеалу величия и самостоятельности, который начертали Лжеисидоры декреталии. Это величие вполне закрепилось замечательнейшим из преемников Николая I Гильдебрандом, когда он стал папой под именем Григория VII (1073–1085).

---

²⁸⁴ Кардиналами назывались, еще со времен Григория I, главные священники и диаконы кафедральных храмов, которые надзирали за прочим духовенством. Но в XI веке так назывались викарные епископы, помощники папы, которые за него по понедельно совершали богослужение. Их было первоначально семь. Епископы Остии, Порто, св. Руфины, Альбы, Сабини, Тускулума, Пренесты. Первый из них посвящал папу. Постепенно число кардиналов увеличивалось, и они тоже разделялись по иерархическому принципу: на кардиналов, епископов, священников и диаконов. Они составляли как бы двор папы, и из них избирал он большей частью легатов, которым давал поручения в иные страны.

Глава XXV

Сношения Рима с Византией в X и XI веках. Михаил Керулларий

С тех пор как Фотий всенародно обличил отступления Рима от древней Апостольской Церкви, отношения между Восточной и Западной Церквами стали враждебными, а постоянные произвольные нововведения пап с каждым годом все резче обозначали разделение между ними. Не было еще явного, осознанного разрыва, но уже не было и единения. Латинское духовенство представляло греков еретиками, арианами, послушниками Самого Христа, Который будто дал высшую власть над всем миром римским папам в лице апостола Петра, вследствие чего папы уже считали всю вселенную своим законным достоянием и ставили свои решения выше соборных постановлений. Трудно было им указать, в чем состояла ересь греков, сохранивших неизменными постановления апостолов и Вселенских Соборов, но доказательства и не нужно было. Равнодушие или невежество Запада принимало мнения духовенства без рассуждений. Со своей стороны Константинопольские патриархи, охраняя свою паству от произвольных нововведений Запада, постоянно обличали всякое новое отступление Римской Церкви от догмата и древнего обряда. Они справедливо называли важными отступлениями изменение в Символе, составленном Вселенскими Соборами; употребление в Церкви непонятного языка, что так однозначно запрещает апостол Павел; властолюбивые притязания, столь противные духу Церкви Христовой. Патриархи Николай Хрисовер, Сисиний, Сергий уже после Фотия в резкой форме говорили о злоупотреблениях латинян. Имя папы перестало упоминаться в Восточной Церкви, и при новых обращениях в христианскую веру греческое духовенство тщательно старалось предохранить новопросвещаемых от нововведений и заблуждений латинян. В народе было к латинянам неприязненное чувство, и эта вражда усиливалась еще чувством презрения, которое, гордые своим просвещением, греки издавна *питали* к «темному» Западу.

Иногда делались попытки к примирению и сближению, но делались они императорами из политических соображений или в том случае, если император, недовольный патриархом, надеялся найти в папе больше снисходительности в делах совести. Но греческое духовенство очень хорошо понимало невозможность сближения иначе, как при условии признания главенства пап. А это означало бы пожертвовать чистотой христианского учения и признать законность всех произвольных нововведений.

Положение константинопольских патриархов было чрезвычайно трудным. История Византийской империи этого времени наполнена смутами. Престол достигался часто путем преступления, убийств, предательства. Императоры быстро сменялись в результате кровавых смут, производимых искателями власти, и нередко законы и постановления Церкви нарушались самым возмутительным образом. Похитители престола и нарушители закона старались иметь на своей стороне патриарха, чтобы его благословением освятить свои поступки. Если они встречали в нем строгого обличителя, то заточение и изгнание становились для патриарха наказанием за его христианское мужество. Или император грозил обратиться к папе, признать его верховные права и подчинить ему Восточную Церковь. Император мог быть уверен, что найдет полную угодливость в папе, которому прежде всего хотелось быть признанным Византией.

Император Лев VI перед Христом. Мозаика. 886–912. Храм Святой Софии в Константинополе

Такое случилось при императоре Льве VI Философе (или Мудром). В 910 году, не имея детей от трех браков, император решился на четвертый, запрещенный Церковью. Патриарх Николай Мистик (895–906; 911–925) еще и ранее не позволял этого брака, который, однако, был совершен одним из придворных священников. Патриарх, узнав о том, лишил священника сана, а императору запретил вход в храм. Напрасны были и просьбы, и угрозы императора, который тогда обратился в Рим к папе Сергию III. Папа, обрадованный надеждой, что его признает Восток, тотчас же прислал в Константинополь легатов, которые от его имени признали и благословили брак императора и произнесли низложение патриарха. Николая Мистика заточили в монастыре и заменили Евфимием II (906–911). Но народ стал волноваться. Многие не признавали нового патриарха, поставленного при участии римских легатов, и продолжали считать патриархом Николая. Когда после смерти Льва Николай был восстановлен, то папа Иоанн X вновь послал легатов в Константинополь. И с той же угодливостью новой власти римские легаты осудили прежнее постановление, признали Николая и решили, что четвертый брак не дозволяется. Но папа не получил от своей угодливости ожидаемых выгод, и отношения вновь прервались. В конце X века Николай Хрисовер (983–996) и его преемники Сисиний II и Сергей II опять обличали отступления Рима от апостольских преданий. В 1025 году император Василий II с патриархом Евстафием чуть не склонили папу Иоанна XIX отказаться за деньги от притязаний папского престола на главенство, о чем уже упоминалось. Около середины XI века между патриархом Михаилом Керулларием и папой Львом IX вновь обострились отношения, которые стали в высшей степени враждебными.

Южная Италия (Калабрия, Апулия, Сицилия и близлежащие острова) издревле называлась Великой Грецией по множеству греческих колоний и греческого населения. Епископы Сиракуз, Региума, Тавромении, Неаполя были большей частью греки. В богослужении употреблялся греческий язык и соблюдались обычаи и обряды Восточной Церкви²⁸⁵, хотя эта часть Италии, подвластная восточным императорам, как и вся Италия, и причислялась в древности в округу Римской митрополии. Но когда во время иконоборческой ереси папа освободил от присяги в верности итальянских подданных императора, то Лев Исаврянин отомстил ему тем, что отделил Южную Италию от Римской митрополии и причислил ее

²⁸⁵ Так, например, на Сицилии даже до X века сохранялся чин литургии св. Иакова, принятый от Востока.

к округу Константинопольского патриарха. Только пять латинских епархий в этой стране остались в ведении пап. Это-то и стало предметом споров между Римом и Константинополем. Папы настаивали на возвращении отнятой у них области, но тщетно. Они старались вернуть ее себе с помощью оружия западных императоров, особенно Отгонов, и старались распространить в этой области латинский язык и латинские обычаи. Тогда, со своей стороны, и византийские императоры, чтобы противодействовать этому, умножили число епархий в Южной Италии. В 968 году император Никифор Фока причислил к округу Константинопольского патриарха и последние пять епархий, оставшихся под ведением Рима, запретив в Калабрии и Апулии богослужение на латинском языке.

Но такая борьба была неравной: император был далек и отвлекаем от Италии другими заботами, а папа мог легко воспользоваться каждым обстоятельством для достижения своей цели. С середины X века Италия постоянно подвергалась набегам сарацин. При папе Льве IV они угрожали даже Риму; устрешенные римляне тогда нашли в папе твердого и мужественного защитника. Южная Италия особенно страдала от этих набегов. В Сицилии сарацины овладели несколькими городами. Епископы ездили в Константинополь умолять о помощи, которую император не всегда мог подать, а папы тем временем пользовались и своей силой, и смутами, и отсутствием епископов, чтобы утвердить в греко-итальянских областях свою власть и латинские обычаи. Стали теснить там греческий язык, старались ввести и безбрачие духовенства, и измененный Символ, и разные обряды, чуждые Восточной Церкви.

Около середины XI века правителем города Бар, столицы Апулии, от имени греческого императора был Аргир, полугрек, полуитальянец, который употреблял во зло доверие императора и, думая только о своих выгодах, услуживал притворно то грекам, то папе. Латинянин по вероисповеданию, он усердно благоприятствовал распространению латинских обычаев в вверенной ему области, потому что ненавидел греков, у которых был некоторое время в плену. В это время император Михаил Пафлагонянин послал на Сицилию одного из своих лучших полководцев Маниака для войны с сарацинами. Маниак нанял себе в помощь несколько сотен норманнов, выходцев из Северной Франции. Но измена и происки Аргира довели до того, что греческий полководец взбунтовался против императора, а норманны, усилившись, грозили Риму. Папа Лев IX лично повел против них войско и, побежденный, был взят ими в плен. Все это происходило между 1038 и 1054 годами. Византия потеряла Южную Италию, которой овладели норманны.

В это же время до константинопольского патриарха дошло, что в южно-итальянских областях, состоявших под его ведением, распространяются обычаи, чуждые Восточной Церкви: пост по субботам, совершение Евхаристии на опресноках вместо квасного хлеба, который с апостольских времен и до IX века всегда употреблялся и на Западе, и на Востоке, и некоторые другие. Патриарх Михаил Керулларий счел своей обязанностью обратить внимание на такое нарушение древних церковных обычаев и вместе с епископом Охридским Львом в 1053 году написал в Италию епископу Иоанну Транийскому письмо, в котором с кротостью и умеренностью указывал на неправильность нововведения и умолял епископов и священников Апулии «исправить себя и народ, и оставить принятые ими нововведения». Некоторые писатели утверждают, что в то же время патриарх велел закрыть несколько латинских монастырей, находившихся в Константинопольской епархии. Но это обвинение ничем не доказано.

Письмо патриарха к епископу попало в руки кардиналу Гумберту, человеку горячему и запальчивому, который счел это величайшим оскорблением для Римской Церкви и внушил папе, что патриарх распространяет страшные клеветы на папский престол. Вслед за тем Михаил Керулларий получил от имени папы письмо или, лучше сказать, целую статью, состоявшую из сорока одной главы, в опровержение его краткого письма. Впрочем, едва ли можно сказать «в опровержение».

Это в высшей степени странное послание не опровергало и не доказывало ничего, относительно вопросов, о которых писал Керулларий. Папа бранил высокомерие и бесстыдство греков, которые осмелились предположить, будто бы Отец Небесный не открыл князю апостолов, Петру, как и на чем совершать воспоминание страданий Христовых. (Все на Западе очень хорошо знали, что Евхаристия совершалась на квасном хлебе до IX века, и папа не мог не знать, что не от апостола Петра принят обычай совершать ее на опресноках.) Затем папа подробно перечислял преимущества и права, дарованные Христом апостолу Петру, и еще подробнее – преимущества, дарованные Константином папе Сильвестру и его преемникам. С постыдной недобросовестностью, если не с крайним незнанием истории, папа Лев IX (1049–1054) описывал, как на четвертый день после своего крещения Константин якобы даровал папе власть выше власти императорской, «ибо, – говорит он, – император почитал до крайности нелепым земному владычеству подчинить тех, кого Божественное величество поставило над небесным»; как император снял с себя диадему, чтобы надеть ее на главу Сильвестра; как даровал папе царскую свиту и клирикам его право ездить на лошадях с белыми чепраками и носить обувь, какую употребляют сенаторы; как уступил папе Рим, Италию и все провинции, страны и города западных областей; и как, наконец, эта грамота Константина была подтверждена и подписана на Первом Вселенском Никейском Соборе. Основав на таких сомнительных доказательствах непогрешимость Римского престола во всяком церковном вопросе, папа снова жестоко укорял гордых греков за то, что не оказывают должного уважения латинянам, самым близким и любезным ученикам Петра, за которых Господь «преимущественно» положил жизнь Свою на Кресте, – между тем как греки, прежние и нынешние, не что иное, как еретики. Это последнее обвинение папа основывал на словах апостола Павла к коринфянам: «Разумею то, что у вас говорят: я Павлов, я Аполлосов, я Кифин, а я Христов», не замечая, что эти слова гораздо более осуждают латинян, нежели греков.

На это странное послание патриарх отвечал учтиво и с братской любовью. Император Константин IX Мономах желал быть в мире с папой, надеясь через него склонить немецкого императора Генриха III к общей войне против сарацин и норманнов. И потому вместе с патриархом писал и император и просил Льва IX прислать в Константинополь послов для рассуждения о мире Церковью и войне против сарацин и норманнов. Письма патриарха и императора были переданы правителю Апулии Аргирю, который взялся доставить их Льву IX. Папа в это время находился в плену у норманнов, которые, хотя и оказывали ему почет, как главе Церкви, держали его, однако, в плену в Беневенте более восьми месяцев. И когда наконец отпустили его, то папа возвратился в Рим больной и скончался через несколько дней после возвращения, 19 апреля 1054 года. Получил ли он письма от патриарха и императора, сделал ли какое распоряжение, остается сомнительным, но месяца через два после кончины Льва IX прибыли в Константинополь послы от его имени. Это были кардинал Гумберт, Петр, епископ Амальфийский, и архидиакон Фридрих, канцлер Римской Церкви. Они принесли от папы к императору письмо, наполненное самой напыщенной лести и похвал Константинополю Мономаху, который не заслуживал их нисколько. В то же время папа старался восстановить императора против патриарха, обвиняя в неслыханном властолюбии, в желании подчинить себе патриархов Александрийского и Антиохийского и во «многих нестерпимых поступках». Легаты вели себя в Константинополе крайне надменно и во всеуслышание говорили, что пришли научить греков истинным догматам веры.

Принесли они письмо и к патриарху. Патриарх для совещания с ними созвал собор духовных лиц. Когда легаты прибыли на собор, они, не поклонившись патриарху, только подали ему письмо, исполненное укоризн. «До нас дошла молва о многих нестерпимых вещах, чинимых тобой, но до сих пор мы оставили их нерешенными, – писал между прочим папа, самовластно присваивая себе право суда над патриархом. – Далее, говорят, что

ты новокрещенный и не по порядку степеней церковных проторгся на высоту епископства. Побуждаемый непомерным честолюбием, ты стараешься отнять у патриархов Антиохийского и Александрийского принадлежавшие им права и подчинить их себе; величаешь себя патриархом вселенским – гнусное святотатство, проклятое самопроизволение; наконец, ты являешься клеветником Церкви Римской, а если какая нация на всем земном шаре по гордости в чемлибо не согласна с Римской Церковью, то такую нацию нельзя считать какой ни есть Церковью: ее должно почитать скопищем еретиков, соборищем раскольников, синагогою сатаны».

Патриарх, приняв письмо, заметил, что печать сомнительна, а прочитав его, выразил убеждение, что послание не от папы, а подложное. Это предполагать мог он не только по содержанию письма, но и по известиям, полученным им от Иоанна Транийского, которые дали ему повод думать, что письма, отправленные из Константинополя, вовсе не были доставлены папе, а удержаны Аргиром вместе с находившимися при них деньгами; и что все дело шло от Аргира, непримиримого врага греков и личного врага патриарха. Патриарх указал легатам место позади митрополитов; они обиделись и поспешно оставили собор. Затем патриарх уклонился от нового совещания с ними, ожидая, чтобы они доказали достоверность посольства и подлинность писем, принесенных ими. Между тем он обстоятельно описал весь ход дела восточным патриархам: Антиохийскому, Александрийскому и Иерусалимскому, прося их содействия в вопросе, касавшемся всей Церкви. В письмах он перечислял и все отступления Римской Церкви от древней. Положено было иметь по этому поводу состязания с легатами.

Но легаты не дождались этого состязания, не представили требуемого удостоверения, а решились самовластно, самым дерзким поступком, прервать всякие сношения с патриархом. 16 июля они в присутствии священнослужителей и народа во время богослужения положили на престол храма Св. Софии грамоту, в которой от имени папы, властью Святой Троицы, апостольского престола, Семи Соборов и всей Кафолической Церкви предавали анафеме Михаила со всеми его последователями и «защитниками его глупостей», как они выражались. В той грамоте единомышленники Михаила, «лжепатриарха, обеславленного злейшими преступлениями», равняются со всевозможными еретиками. Замечательно, между прочим, что обвиняются они в том, будто «исключили из Символа, что Дух Святой исходит и от Сына»²⁸⁶. Дяконы убеждали легатов, но напрасно, взять назад эту грамоту. Они вышли из храма и, отряхнув пыль с ног своих в свидетельство против греков, оставили Константинополь. Патриарх велел спрятать грамоту для того, чтобы она преждевременно не огласилась в народе.

Известили императора о случившемся и убеждали легатов возвратиться. Но полагают, что император втайне дал им знать, чтобы они не возвращались в Константинополь, где духовенство и народ были до крайности раздражены против них и жизнь их могла бы быть в опасности. Император был всем делом недоволен в высшей степени: он желал мира между Церквами и из политических соображений готов был и на некоторые уступки в церковных делах, к которым был равнодушен. Твердость и ревность патриарха были ему неприятны, но он боялся угодливостью Риму раздражать духовенство и народ, ненавидевших латинян. Оттого весь его образ действий в этом деле был довольно двусмысленным. Легаты остались им довольны. Во время своего пребывания в Константинополе они, живя в Студийском монастыре, имели прения с иноком студийским Никитой Пекторатой (Стифатом), написавшим книгу о заблуждениях латинян. Император, как рассказывает Гумберт, описавший пре-

---

²⁸⁶ Гумберт, хотя и был человеком начитанным, но его образование носило поверхностный характер. Однако он не мог не знать о том, что не Восточная Церковь сократила Символ, а Западная прибавила *filioque*, так как в 1053 г. в Бари был создан Собор, специально посвященный вопросу об исхождении Святого Духа.

бывание свое в Константинополе, велел сжечь книгу Пектораты против латинян. Теперь он велел наказывать переводчиков грамоты и обрушил свой гнев на Аргира.

Патриарх же через четыре дня после отъезда легатов созвал Собор для рассуждения о случившемся. В декрете Собора дело изложено следующим образом: «Нечестивые люди, от темного Запада исшедшие, пришли в наш благочестивый град, отколе источник православной веры излился на все концы мира, устремились на развращение здравого учения своими несообразными мнениями и поступили у нас так бесстыдно, что произнесли анафему на нас и на всех тех, кои не желают принимать их заблуждений. Они притворились, что присланы от папы; но по точном исследовании, оказалось, что пришли они сами от себя, склонившись на хитрость Аргира, и представили от имени папы письма подложные, ими самими сочиненные; составили против нас отлучительную грамоту и положили ее на престоле Св. Софии». Ниже было изложено (в переводе) содержание грамоты, подлинник которой сохранен в музее. Отлучительная грамота и ее составители были преданы анафеме.

Западные писатели жестоко укоряли патриарха Михаила Керуллария как нарушителя мира и виновника разрыва между Восточной Церковью и Западной. Одни, латиняне, конечно, винят его за непокорность папе, другие за то, что поднял великий шум из-за ничтожной будто разницы в обряде. Но разрыв между Восточной Церковью и Западной уже совершился изменением Символа, стремлениями Римской Церкви к земному величию, беспрепятственными произвольными нововведениями. Древнего единства давно уже фактически не существовало, а в этом деле Михаил Керулларий действовал умеренно и с желанием сохранить мир. Не мог он не обратить внимания на произвольное отступление от древнего обычая в епархии, состоявшей под его ведением. Замечание гранийскому епископу было сделано в духе братской любви и нисколько не вызывало той бури брани, которой якобы разразился папа Лев IX, если даже и признать, что первая статья и второе письмо были написаны им, что из уважения к нему трудно признать. Папа Лев IX был одним из немногих пап, достойных уважения. Трудно предположить, чтобы он мог написать подобные послания, и патриарх имел полное право думать, что и письма, и посольства шли не от него. Когда легаты, опять же от имени папы, предали анафеме патриарха и всех его единомышленников, то есть всю Восточную Церковь, то патриарх продолжал не признавать их за уполномоченных от папы и тем сохранил возможность мира между Церквями, ограничивая все дело спором между им, патриархом, и тремя лицами, позволившими себе дерзкий и безрассудный поступок. Как же винить его в разрыве?

И действительно, в то время никто не видел в этом событии разрыва между Церквями. В Риме ближайший преемник Льва IX, Виктор II, оставил все дело вовсе без внимания. А когда в 1057 году на папский престол вступил, под именем Стефана IX тот самый Фридрих, который был в Константинополе вместе с Гумбертом, то он тотчас же снарядил посольство в Царьград для совещания по делам Церкви. Но посланные, надолго задержанные непогодой, не достигли еще Константинополя, когда получили известие о кончине папы, и потому возвратились в Рим.

В Церкви Восточной еще долго хранили надежду на примирение. Петр Антиохийский, Феофилакт Болгарский, много писавший о спорных вопросах между греками и латинянами, признавали наибольшую важность только за изменением в Символе и надеялись, что мир может восстановиться, если только Римская Церковь согласится отвергнуть это нововведение. «Надо снисходительно и в духе мира смотреть на заблуждения братьев, еще мало образованных, мало знакомых с богословскими вопросами, – говорили они. – Язык их беден и не может с такой точностью и определительностью, как язык греческий, выразить все тонкости отвлеченного предмета». Но у латинян дело шло вовсе не о догмате. Мирская власть, мирское величие – вот что стояло для римского первосвященника выше всякого церковного

вопроса. Римская Церковь все больше и больше делалась царством от мира сего, и, только подчинившись ей, можно было иметь с ней мир.

Безрассудный поступок легатов произвел в народе сильнейшее раздражение. Еще живее *стала*, вражда к латинянам, которых греки *стали* звать «азимитами» (от *Azuma* – опреснок), между тем как они называли греков «ферментариями».

В конце XI века папа Урбан созвал в Бари Собор, на котором участвовало православное духовенство Италии. Рассуждали преимущественно об исхождении Святого Духа. Латинские писатели утверждают, что греки упорно возражали папе и даже заставили его молчать, что кентерберийский архиепископ Анзельм настолько ясно доказал грекам несправедливость их мнения, что они со стыдом умолкли; и тогда была произнесена анафема на всех, кто не признает этого догмата согласно с римским исповеданием.

Дело легатов и патриарха Михаила Керуллария осталось, вне Константинополя, мало-замеченным²⁸⁷. Оно стало общеизвестным с XVI века, когда ватиканский библиотекарь Бароний, занимаясь приведением в порядок библиотеки, нашел в ней письмо патриарха к епископу Транийскому и повествование Гумберта. С тех пор стали считать, что окончательный разрыв между Церквями совершился именно в 1054 году, хотя считается, что разрыв существовал и раньше.

---

²⁸⁷ Когда александрийский, антиохийский и иерусалимский патриархи получили послание Михаила Керуллария, они всецело присоединились к его заключениям и прекратили всякое поминовение римских пап в своих Церквях. Так завершен был великий раскол. А в Риме курия выразила невероятную радость, выслушав рассказ Гумберта о произошедшем. Однако великую озабоченность состоянием Церкви выразил антиохийский патриарх Петр, который в письме к Михаилу Керулларию указывает, что *Filioque*, конечно, нельзя оставить без внимания, а в остальном проявить милосердие: «Эти латиняне, в конце концов, являются нашими братьями, несмотря на всю их грубость, невежество и пристрастие к собственному мнению, что иногда сводит их с прямой дороги. Не следует требовать от этих варварских народов ту же щепетильность, которую мы требуем от нашей паствы, воспитанной в утонченных культурных условиях. Ценно уже то, латиняне правильно исповедуют догмат о Святой Троице и воплощении». Важно, что, хотя Россия, и как новокрещенная страна, и отдаленная территориально, как будто была далека от этих событий, уже в 1073 г. митрополит Георгий, затем св. Иоанн II, митрополит Никифор I, а также и св. Феодосии Печерский всячески предостерегали от всякого общения с Римом, указывая на него как на источник возможных бед для Русской Церкви.

Глава XXVI

Монашество на Западе и Востоке. Состояние просвещения. Общий обзор

Последние века, описанные нами, история справедливо называет «темными». Они были таковыми в отношении и просвещения, и христианской жизни, особенно на Западе. Властолюбивые стремления главных представителей Церкви, их заботы о мирских выгодах совершенно отвлекали их от настоящих обязанностей. В народе распространялись невежество и суеверие. Люди не имели Священного Писания на понятном языке, и вера, молитва, покаяние – все имело для них характер внешнего, принудительного закона, лишённого животворной силы. Научное образование стояло еще на низкой ступени, просвещение везде было скудным, мертвым, и труды ученых, разрабатывавших отвлеченные вопросы богословия и философии, оставались недоступными и бесполезными для большинства. Конечно, были и ревностные, истинно христианские пастыри, которые, глубоко скорбя об упадке христианской нравственности, старались просветить свою паству. Например, Раферий, веронский епископ, один из замечательнейших и чистейших людей X века. Он постоянно старался пояснить своей пастве истинные требования христианского закона и выступал против недостойных наставников, которые поощряли безнравственность, предоставляя согрешившим возможность загладить свои грехи совершением показного покаяния. Однако такое отношение к христианству к этому времени сильно укоренилось. При нравственной неразвитости народа и при невежестве и корыстолюбию духовенства легко было установить наружные правила покаяния, которые позволяли грешить, успокаивая грешника ложным упованием на силу совершенной им епитимьи. Уже к X веку установилась система, определяющая меру епитимий за каждый проступок, определяющая даже, чем заменить наложенную епитимью. Против этого постоянно и настойчиво боролся Раферий, но почти безуспешно. Он старался повысить нравственность духовенства и запрещал священникам своей епархии посещать кабаки, пьяными совершать богослужение, держать собак для охоты, являться в церковь, имея при себе оружие. Носить оружие вообще запрещалось духовенству, но это почти не соблюдалось, а епископы часто принимали непосредственное участие в войне. Сам папа Лев IX, как мы помним, вел войска против норманнов. Но когда он был взят в плен, то многие видели в этом наказание за нарушение церковного закона.

Другим замечательным епископом X века был Бруно Кельнский, брат императора Оттона I. Заботясь о преобразовании монастырей, о просвещении духовенства, сам с любовью занимаясь наукой, он вместе с тем принимал деятельное участие в государственных делах, везде сопровождая своего брата, подавал ему мудрые советы, имел на него самое благотворное влияние, чем заслужил от своих современников прозвание «миротворца» и «великого епископа». Они укоряли его только за излишнюю приверженность к философии, и в народе сохранилось предание, что Христос поэтому не захотел принять его в Царствие Небесное, но апостол Павел, который сам был философом, упросил за него Христа.

Известен был своим образованием Герберт, наставник императора Оттона, впоследствии ставший папой под именем Сильвестра II. Виллигис Майнцский, Бернгард Гильдесгеймский, Ратбот Трирский, Адальберг Майнцский отличались христианскими добродетелями, заботились о распространении просвещения.

Вообще Германия имела в это время больше достойных пастырей, чем Франция и Италия. То же самое надо сказать и о ее правителях. Между тем как папский двор являл картину самых ужасных пороков, и во Франции господствовали разврат и грубость – немецкие государи из Саксонского дома: Генрих Птицелов, Отгоны и другие – отличались чистой

нравственностью, заботились о распространении веры и просвещения. Отличались благотворительностью и благочестием супруга Оттона Едита, его мать Матильда, дочери Оттона II, которые закончили жизнь в монастыре.

Немецкий народ был также несколько больше, чем французский, знаком с христианской верой. Хотя Священное Писание и в Германии не разрешали переводить на родной язык, стихи и целые поэмы, составленные еще в IX веке, знакомили народ с евангельскими событиями. Одна из таких поэм, «Спаситель», замечательна искренностью и теплотой чувства; замечательны и евангельские стихи инока Отфрида.

В Англии правило несколько набожных, но слабых королей, на которых сильное влияние оказывали епископы. Среди них особенно известен Дунстан Кентерберийский, живший в X веке. Строгий подвижник, одаренный умом и силой воли, он в звании настоятеля Гластонберийского монастыря правил всеми делами государства при королях Эдмунде и Едредде. Разделяя идеи Лжеисидоровых декреталий, Дунстан ставил власть духовенства выше всякой другой, старался ввести в Англии безбрачие духовных лиц и самые строгие правила иночества. Но его строгость возбудила много негодования, он вынужден был на время удалиться из Англии, из которой изгнали и всех монахов-бенедиктинцев, а их монастыри разорили. Но новый король возвратил Дунстана из ссылки. Он был избран в епископы и вскоре занял сан архиепископа Кентерберийского. Тридцать лет, до самой смерти (988), правил он опять всеми делами государства: возвратил в Англию бенедиктинцев, управлял монастырями и духовенством со строгостью, доходившей до жестокости, но стяжал уважение мудростью и чистотой жизни.

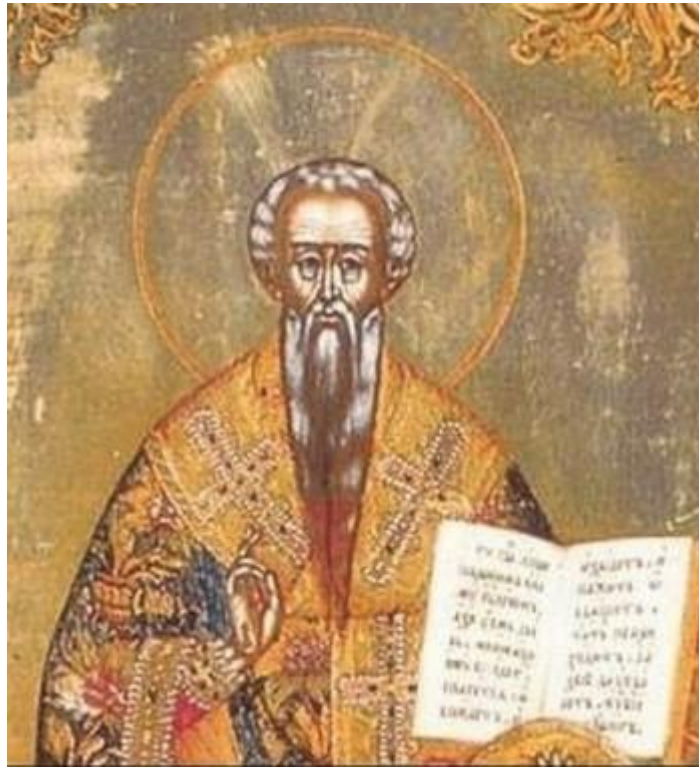
Преобразование монастырей продолжалось в течение всего X века и даже позднее заботой достойнейших пастырей. Однако монашеская жизнь была в упадке. Лучшие епископы и настоятели Германии и Франции старались ввести в монастырях более строгие правила, но их попытки оказывались малоуспешными. В X веке граф Верно Бургундский, вступив в иночество, старался восстановить строгое благочиние в некоторых обителях и наконец посвятил свои труды Ключонийской обители. Она стала образцовым монастырем, а при его преемнике Одоне достигла славы. Воспитывавшиеся в ней иноки становились настоятелями других обителей, в которых насаждали тот же дух благочестия и строгое благочиние, которыми отличалась Ключонийская обитель. Целый ряд достойных настоятелей упрочил ее славу, и ключонийский настоятель, имевший надзор за многими монастырями, пользовался первенством между всеми настоятелями монастырей Франции.

В том же X веке, когда во Франции ключонийские иноки старались восстановить строгость монашеской жизни, подобные стремления были и в Италии. Благочестивые мужи, негодовавшие на испорченность нравов и упадок христианской жизни, удалялись в безлюдные места, где старались подражать суровым подвигам древних пустынных монахов. Но недолго могли они жить в уединении: молва об их святой жизни привлекала к ним учеников, надеявшихся под их спасительным руководством избежать соблазнов грешного мира. Такое стремление было особенно сильным в самом конце X века. В городах, при дворе, между монахами процветали распущенность, в народе – невежество и суеверие вместо веры. Между тем распространилось мнение, что в конце века наступит светопреставление и Страшный Суд. Так трактовали слова Апокалипсиса о том, что древний змий связан на тысячу лет. В ожидании Страшного Суда многие оставляли все житейские дела, бросали торговлю, не засеивали полей, удалялись в пустыни и монастыри. Другие, отдав все свое имущество церквям и монастырям для спасения души и отпущения грехов, отправлялись в Иерусалим, чтобы там ожидать явления Христа, так как считали, что Страшному Суду надлежит быть в долине Иосафатской. Но страшный год миновал; тревожные опасения вновь заменились беззаботной жизнью и корыстными мирскими помыслами.

В это время в Италии просиял высокою святостью греческий инок Нил Калабрийский (910—1006). С самой юности желал он весь отдаться Богу и, одушевленный примерами великих подвижников Антония и Илариона, избрал строгую подвижническую жизнь. Но, привлеченные молвой о его святости и мудрости, толпы учеников стекались вокруг него. Он вынужден был отказаться от уединенных подвигов, стал основателем нескольких монастырей, написал устав. Со всех сторон приходили к нему за наставлением бедные и богатые, угнетенные и сильные. Нил назидал всех словами мудрости и любви, смело говорил правду сильным мира сего и напоминал им о законе Христовом. Так, укорял он императора Оттона III за жестокое обращение с архиепископом Иоанном Пиаченским, и император, сняв корону, со слезами умолял святого инока о прощении и благословении. Полный самоотвержения и горячей любви к ближним, Нил часто предпринимал далекие путешествия, чтобы своим заступничеством спасти от казни осужденного. Избавлял целые города от грозившей им жестокой участи. Его влияние было огромным. Святостью жизни прославился и один из его учеников, Варфоломей, настоятель Кристо-Ферратского монастыря. Другим великим подвижником и наставником иноков был Ромуальд, из рода герцогов Равеннских. Еще юношей оставил он мир и святостью жизни приобрел огромное влияние. Самые порочные люди страшались его, его слово избавляло угнетенных от насилия властей. Основав несколько обителей для многочисленных учеников, посетив Венгрию с целью благовестования, он кончил жизнь в обители, основанной им (1018) в Апеннинских горах, на поле Мальдоли (Campo Maldoli). Иноки этого монастыря стали называться камальдулами.

Несколько лет спустя вблизи Флоренции, в так называемой Тенистой долине (Villombrosa) итальянец Иоанн Гуальберт тоже основал обитель, которая отличалась строгостью благочиния. Обители камальдулов и Валломброза с древним Монте-Кассинским монастырем были самыми значительными в Италии.

В Южной Италии существовало много греческих монастырей, основанных в большинстве своем во времена иконоборчества, когда иноки, преследуемые на Востоке, вынуждены были искать приюта на чужбине. Южная Италия имела древние связи с Грецией, и изгнанники принесли в нее, в частности, традиции иконописи, запрещенной на Востоке, и строгие правила восточного монашества. В горах Калабрии поселилось тогда столько подвижников, образовалось столько монастырей и пустынных скитов, что Калабрию сравнивали с Древним Египтом. Греческие иноки отличались и более строгой жизнью, и более высоким образованием. Многие греческие подвижники родом из Италии почитаются Православной Церковью. С первых веков чтятся свв. Стефан, епископ Региумский, Панкратий Тавроменский, Маркиан Сиракузский, Никон, мученик Алфий, Григорий Агригентский, Лев Катанский (780). С X века известны святые Мефодий, который около 840 года стал Константинопольским патриархом, св. Иосиф Песнописец, Сицилианец, переселившийся в Пелопоннес и много пострадавший за иконопочитание от императора Феофила. При патриархах Игнатии и Фотий он занимал должность чтеца при Софийской церкви, составил церковные песни, которые и сейчас поются в Церкви. Известны были также своим образованием и сочинениями Марк, епископ Отрантский, Григорий и Феофан Керамеи, епископы Тавроменские, Петр Сицилийский.

Святитель Лев Катанский

На Востоке, колыбели монашества, иноческая жизнь и тогда стояла гораздо выше, чем на Западе, но число монастырей значительно уменьшилось, потому что многими странами, где некогда процветало иночество, теперь владели магометане. Некоторые подвижники, одушевленные ревностью к святой вере, не боялись селиться и среди враждебного им населения. Многие обращали неверующих к Христу, многие умирали мучениками за веру. В конце IX века прп. Феодор, Едесский Столпник, обратил к Христу багдадского калифа Мания и критиковал еретиков, живших в Сирии. Никон Армянин проповедовал покаяние в Армении и на острове Крит, где под владычеством магометан многие отпали от веры. В самом Константинополе и в его окрестностях монастыри славились и благочестием, и ученостью иноков. Но особенно в это время процветало иночество на Святой Афонской горе.

Святой Иосиф Песнописец

Полагают, что на Афонской горе подвижники были уже в первых веках христианства, но о них ничего не известно. В IX же веке, при Василии Македоняnine, пустынник Иоанн Колов основал на Афоне первый каменный монастырь, а инокам, в основном из славян, император подарил гору. Как известно, Македония, Пелопоннес и некоторые другие греческие области были в ту пору густо заселены славянами. Число иноков и подвижников возросло по мере того, как христианство распространялось среди славянских народов, но Святая Гора часто подвергалась набегам сарацин с острова Крит. Поэтому долго существовал только один монастырь, но много было отшельнических келий, в которых одинокие подвижники, посвятившие жизнь Богу, равнодушные к опасностям, угрожавшим их земной жизни, проводили дни и ночи в молитвах, трудах и лишениях. Они уповали на особенную защиту Пресвятой Богородицы, потому что хранилось предание, что когда св. апостолы бросили жребий о том, кому куда идти проповедовать, то Святая Богородица пожелала разделить их труды, и Ей на долю досталась Иверская земля и Афонская гора. Предание также гласило, что при Ее приближении пали идолы, стоявшие на горе. Одним из знаменитых отшельников X века был прп. Михаил Малеин, дядя императора Никифора, а его ученик, Афанасий, родом из Трапезунда, стал основателем Великой Лавры на Афоне. Пользуясь покровительством и дарами Никифора Фоки, которому он предсказал венец, а после – Иоанна Цимисхия, Афанасий основал обширную Лавру и подчинил иноков строгому общежительному уставу. Рядом с общежитием развилось и отшельничество, и число подвижников и монастырей быстро возросло. Уже в начале XI века существовали монастыри Ксиропотам, Ватопед, Есфигмен и некоторые другие. Вначале было семьсот иноков, постепенно их стало около 4 000. Святая гора, освобожденная от зависимости патриарху, находилась под особым покровительством императора.

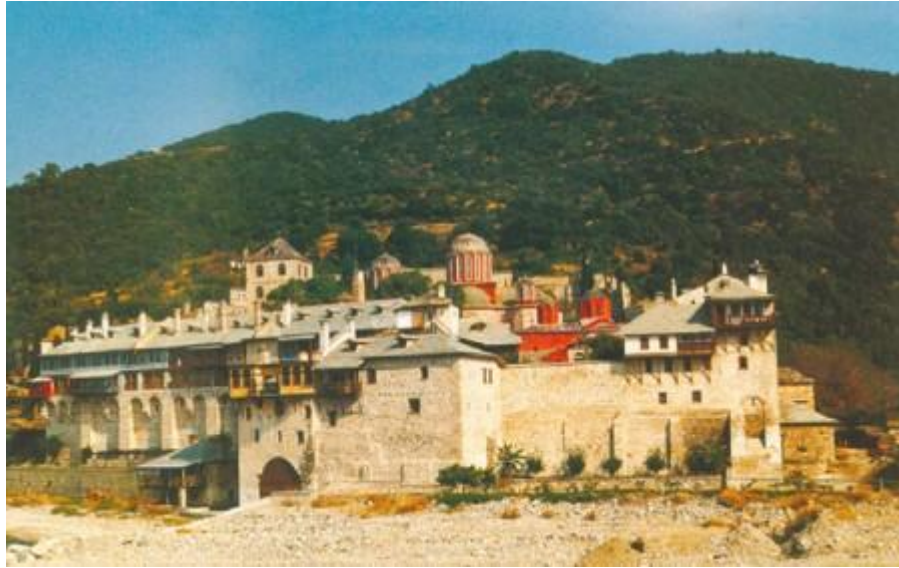

Вид Афонской горы

Монастырь Ивер

Монастырь Ксенофонт

Надо сказать, что внутреннее состояние Востока было далеко не отрадным, хотя христианское просвещение и научное образование стояли, конечно, гораздо выше, чем в то же время на Западе; но это еще ничего не значит. Константинопольский двор представлял из себя рассадник разврата, жестокости и порока; общественная жизнь шла все больше в разлад с законом Христовым, и заметно слабела умственная жизнь. Между патриархами, занимавшими Константинопольскую кафедру в это время, было, конечно, много мужей, вполне достойных уважения, которые самоотверженно и твердо исполняли свои обязанности, прочно стояли за права Церкви и правила Вселенских Соборов, смелым словом *обличали* всякое нарушение законов нравственности и церковного благочиния. Среди них Фотий и Игнатий Стафан, Антоний, Трифон, причисленные Церковью к лику святых; Николай Мистик, Полиевкт, который славился и чистой жизнью, и обширной ученостью, а за красноречие назывался вторым Златоустом. Патриархи Василий, Антоний Студит, Николай I Хрисоверг, Сисиний, Сергей тоже оставили после себя добрую память, как мужи добродетельные и твердые духом. Только один из константинопольских патриархов напоминает собой римских первосвященников того времени – Феофилакт, сын императора Романа. Возведенный отцом на патриарший престол в семнадцать лет от роду, да и то обманом, он вовсе не заботился о делах Церкви, занимался охотой и конскими бегами и умер в молодости после падения с лошади во время охоты.

Святая гора Афон. Монастырь св. Пантелеймона

Святая гора Афон. Монастырь св. Пантелеймона

Что касается научного образования, то оно стояло достаточно высоко. Во время иконоборческой ереси общий уровень образования понизился, но науки вновь стали процветать при Фотий и под покровительством императоров Василия Македонянина (867–911), Константина Багрянородного (911–917), которые сами занимались наукой и оставили исторические и богословские сочинения. Константинополь имел богатые книгохранилища, в монастырях иноки занимались учеными трудами, и императоры чествовали ученых мужей. Изучались сочинения древних языческих писателей, изъяснялось Священное Писание. При императорах Льве и Константине блаженный Симеон, прозванный Метафрастом (940), по древним источникам составил жизнеописание святых, а также много церковных песен и молитв, которые поныне употребляются при богослужении. Екумений, епископ Трики Фессалийской, пояснял Священное Писание; Симеон Новый Богослов (✠ 1032), инок Мамантовой обители, писал сочинения о духовной жизни; Евтихий Египтянин, Леонтий, Иосиф Генезий, Свида занимались историческими трудами. Около середины XI века ученый Михаил Пселл занимался словесностью и философией, оставил много сочинений, свидетельству-

ющих о его громадной учености. Но, конечно, все эти писатели IX, X и XI веков стоят достаточно низко по сравнению с цветущей порой христианского просвещения, когда изумительная глубина мысли и сила христианского воодушевления выражались в творениях свт. Василия Великого, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, а позднее – Иоанна Дамаскина. Вдохновение, творческую силу, глубину мысли можно встретить у позднейших византийских писателей. Но при всей обширной учености они не были достаточно самостоятельными, недостаток живого вдохновения многие из них старались восполнить мертвой, папыщенной риторикой. Это *была* словесность времен упадка: использовались богатства, накопленные веками, но мало прибавлялось своего; иссякла живая струя вдохновения. Выше других произведений по своим достоинствам можно поставить церковные песни, которые составлялись постоянно со времен иконоборчества. Многие из них дышат живым, искренним чувством любви, умиления, душевного сокрушения.

Тем не менее надо с живой благодарностью помянуть духовный подвиг, столь необходимый в эти века: среди внутренних бурь и волнений, в виду опасности, грозившей Византии со всех сторон, она сохранила в чистоте и целостности христианское учение. А для этого нужны были твердость убеждений и воли. В целом деятельность Востока, начиная с первых времен христианской Церкви, заслужила благодарность всех христианских народов. До IX века Восток уже утвердил догмат, выразил ясно и с максимальной точностью учение Церкви. Великие отцы Востока своими трудами облегчили всем следующим поколениям понимание святой истины и в бессмертных творениях оставили неиссякаемое сокровище христианской мудрости; восточные проповедники распространяли веру в самых отдаленных землях. Эти великие дела совершались среди постоянной борьбы против бесчисленных врагов. Византии всегда приходилось выдерживать первый, самый сильный напор всех варварских племен, которые потом сокрушали или опустошали другие государства Европы. И среди этой упорной, почти непрерывной внешней борьбы велась такая же непрерывная внутренняя борьба против лжеучений, извращающих истинный смысл христианского учения. Умственная жизнь была с самого начала сильна на Востоке; вопросы веры и Церкви были для всех вопросами жизни. Эта умственная деятельность, направленная на предметы отвлеченные, на богословские вопросы, должна была, естественно, во многих порождать отклонения от истины. И действительно постоянно появлялись всё новые учения, вступали в борьбу с учением и преданиями Церкви, вызывая тем самым необходимость более глубокого исследования, более точного определения догматов веры. Ревностные отцы Церкви и учителя истины, напрягая все духовные силы, отражали лжеучения и созидали науку богословия в щит и ограждение верующим. Соборы, голос Церкви, торжественно выражали ее верование, осуждая и обличая всякое отклонение от истины, и определения Соборов, как достояние всей Церкви, то есть всех верующих, охранялись общей любовью и общим благоговением.

К сожалению, к мирным победам Церкви гражданская власть присоединяла иногда и силу, в которой святая истина не нуждалась, и что всегда имело печальные последствия. Более того, это вызывало ожесточение против истины или неискренние обращения, печально отражалось и на государственных делах. Возникали смуты и волнения; еретики, гонимые гражданской властью, вступали в союз с врагами государства, как это делали несториане, монофизиты, павликиане. Гражданская власть, употребляя силу для утверждения истины, производила волнения. Но они были еще сильнее, когда сама власть поддерживала ересь, как это было при императорах-арианах и иконоборцах.

Никакой религиозный спор не вызвал стольких печальных последствий, как иконоборческая ересь, распространяемая с высоты престола и поддерживаемая силой. Она взволновала все государство, понизила в нем просвещение, вызвала недоверие и неуважение к власти, на фоне чего даже блестящие воинские подвиги императоров Исаврянинов не могли помирить с ними народ, глубоко оскорбленный их посягательством на свободу веры и на

дорогие ему священные предания. Наконец, она же помогла Италии отделиться от империи и усилила значение римского папы. Более века продолжалась эта борьба, что свидетельствует о силе сопротивления. И когда наконец восстановилось хоть какое-то спокойствие, то магометане стали теснить ее со всех сторон, подошли даже к столице, в подвластных им областях искореняя христианскую веру. В самой империи крайний беспорядок в престолонаследии производил страшные волнения, открывая путь к престолу всем искателям власти, которые добивались этого путем заговоров и преступлений. На Западе Римская Церковь усилилась на основах, противоположных основам Церкви Восточной. В этом была опасность православному Востоку, потому что она приманивала к себе не чистотой учения, о котором не было и речи, а соблазном выгод и земного величия. Победы Никифора Фоки и Цимисхия приостановили успехи сарацин, отняв у них Крит и Антиохию, но империя уже не могла надеяться на полное торжество. Магометане все больше теснили ее, и в народах Запада, подвластных Римской Церкви, она уже могла предвидеть будущих врагов. Только одним она могла купить их помощь – путем подчинения Восточной Церкви Римскому престолу, признав главенство папы. Византийские императоры знали это очень хорошо, и многие из них были готовы купить уступками, притворными или действительными, помощь Запада. Но православную веру ревниво охранял весь народ как свое самое дорогое достояние. Ни победы магометан, ни победы над ними не могли волновать его так, как волновал малейший шаг на пути к сближению с Римом, потому что все знали, что это сближение возможно лишь при одном условии – отдать папе на его произвол догматы Церкви, постановления Вселенских Соборов, вообще все, что с таким трудом, в напряженной борьбе выработала и уяснила церковная жизнь в течение веков.

С X века и до самого падения Константинополя Рим со своей внешней силой был для всего православного Востока постоянной приманкой, предлагая помощь в те минуты, когда тому грозила смертельная опасность.

Разделение Церкви имело печальные последствия и для Запада, и для Востока. Ничто не может заменить живое единство, завещанное Христом. *По тому узнают, что вы Мои ученики, если любовь будете иметь между собой*, – сказал Господь. Теперь же между двумя половинами христианского мира поселились вражда и недоверие. Церковная жизнь не могла больше развиваться с той же полнотой, как в первых веках, когда все христиане чувствовали себя братьями, членами одного великого целого. Рим все больше и больше уклонялся от предания древней Церкви. Быстро развивались и зрели горькие плоды этих уклонений от святой истины. Произвольные нововведения пап узаконивали всякое нововведение; злоупотребления церковной власти ради земных выгод вызывали частые возражения, посеяли сомнения в чистоте учения, которое проповедовал Рим. Он должен был прибегать к силе, чтобы создавать хотя бы видимость единства, когда уже утратилось то внутреннее единство, которое зиждется не на внешнем однообразии, а на внутреннем живом союзе христианской любви и смиренной покорности Божественному закону. Как необходимые последствия этого образа действий должно было явиться учение о непогрешимости папы, чтобы хоть его властью и именем удержать распадающееся единство, а также гонения против всякого проявления свободной мысли, запрещение мирянам читать Священное Писание. Все эти меры неминуемо должны были вызывать раздражение, расколы, распространять безверие.

И на Востоке духовная жизнь стала скудна и бедна. Все внимание, все силы сосредоточились на том, чтобы отстоять, охранить догматы и обряды Церкви от посягательств Рима. Появилась слепая приверженность к наружной обрядности; просвещение падало в странах, подвластных магометанам, умственная жизнь слабела. К тому же надо было напрягать все силы против внешних врагов. Но уже из рук дряхлевшей Византии новые народы приняли святое сокровище веры, приняли всецело, говоря словами апостола: *не как слово человеческое, но как слово Божие, которое и действует в верующих*. Византия дала новообращен-

ным народам Священное Писание, богослужение на их родном языке, учила их покоряться не произволу одного человека, как это делалось на Западе, а слову Божию и неизменным постановлениям Вселенских Соборов. Только на этих основаниях церковная жизнь могла развиваться у них свободно и плодотворно.

В ту пору, когда Византия довершала свой исторический подвиг, когда семь Вселенских Соборов ясно выразили учение Церкви, утвердили догмат и определили церковные обряды, как живое выражение церковного догмата приняла христианство и Россия, которая должна была стать самой могущественной из славянских держав и самой верной хранительницей вверенной ей истины. Христианская вера легла в основание всей ее народной жизни. Быть христианским народом стало ее главным стремлением. Это ясно выразил уже ее первый летописец. Перечисляя обычаи других народов, он говорит: «Мы же, христиане, един закон имамы: *елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся*».

Глава XXVII

Богослужение со времен апостольских. Таинства. Праздники. Обычаи

В нашем повествовании мы постоянно старались вместе с изложением событий церковной истории говорить и о церковных обрядах. Вселенскими Соборами было ясно выражено учение Святой Апостольской Церкви, и Русь приняла христианскую веру с богослужением и обрядами, вполне определившимися в течение девяти веков. Считаю необходимым рассказать и о развитии церковных служб и обрядов, начиная от времен апостольских и до середины XI века, указать, когда, по какому поводу они возникали, усложнялись, когда возникла разница между богослужением и обрядами Востока и Запада.

Основные черты апостольского богослужения сохранены в неизменном виде Святой Церковью, но каждый век вносил в церковные службы новые молитвы, новые песнопения, новые обряды. Эти нововведения вызывались постепенным развитием учения Церкви и всем ходом ее исторической жизни. То предстояла надобность уточнить для общего понимания догмат, вызвавший спор или извращенный еретиками, – и появлялось новое песнопение, выражающее учение Церкви, то возносилось благодарение и хвала Богу за вновь явленные милости, то воссылалось моление об отвращении угрожающего бедствия. Таким образом, богослужение усложнялось, становилось более торжественным и определенным по мере развития учения; историческая жизнь Церкви оставляла живой след в песнопениях и обрядах. Свидетельства давно минувших событий, но полных непреходящего значения, выражения чувств и мыслей братий, давно почивших, но живших одной с нами верой, как звенья связывают настоящее с прошлым, повествуя нам о вере, надеждах, скорбях и радостях Церкви от самого начала ее существования. Как часто, не поняв, не уяснив себе этих указаний, многие из нас остаются только безучастными зрителями священнодействий Церкви вместо того, чтобы быть истинными членами Церкви, живущими с ней одной жизнью.

После Вознесения Господня святые апостолы, по примеру Христа, посещали Иерусалимский храм, участвуя в богослужении, которое состояло в чтении и пояснении Св. Писания, в пении псалмов и других ветхозаветных песен, в совершении жертвоприношения. Установленными часами для богослужения были третий, шестой и девятый, что соответствует нашему седьмому, двенадцатому и третьему пополудни. Церковный день начинался вечером, согласно повествованию о сотворении мира: *И был вечер, и было утро, день первый.*

Но для апостолов это богослужение уже имело совсем иное значение, чем для не уверовавших иудеев: слушая Священное Писание, они знали, что уже осуществилось то, на что указывалось через преобразования и пророчества. Между тем как в храме продолжалось совершаться преобразовательное жертвоприношение, они знали, что истинная Жертва за грехи всего мира уже принесена на Голгофе. Третий, шестой и девятый час, издревле посвященные благодарственному воспоминанию о милостях, явленных Богом с самого сотворения мира, теперь освящались для них новыми воспоминаниями о Божественном Учителе и Спасителе. Они вспоминали, что в *третьем* часу дня Господь Иисус стоял перед Пилатом, окруженный врагами; что в этот же час по молитве прославленного уже Сына Своего Господь Бог излил на верующих Духа Святого, даровавшего им знание, мудрость и силу; что в *шестом* часу дня Господь был распят, *пригвоздив на Кресте Адамов грех*; что в *девятом* Он предал дух Свой Богу Отцу, возвестив с Креста, что *совершилось* искупление человеков. Обо всех этих событиях верующие могли вспоминать только между собой, а также могли совершать завещанную Господом Евхаристию (или Причащение Тела и Крови Христа). Они

собирались по домам для преломления хлеба, часто целые ночи посвящали молитве и первый час дня еще заставлял их *поющих Господу*.

Итак, рядом с древним, ветхозаветным богослужением возникало и утверждалось богослужение новозаветное. К Церкви Христовой присоединялись и язычники, для которых служба в Иерусалимском храме не имела значения. Апостолы, полагавшие сначала, что только последователи закона Моисея призваны к спасению через Христа, убеждались в том, что по милости Божией к спасению через веру во Христа призваны не одни иудеи, но и все народы. Наконец еще до окончания апостольского века пал Иерусалимский храм (в 70 г. по Р.Х.), и ветхозаветные жертвоприношения упразднились. Все указывало на то, что *ветхое прошло, теперь все новое*. К этому времени число христиан уже стало значительным, установились степени священства, был изложен чин священных служб и новых священнодействий, внушенных апостолам духом благодати, – чин христианских Таинств.

Из книг апостольских известно, что богослужение во времена апостольские отличалось продолжительностью, состояло из пения псалмов и священных песен, чтения и объяснения Св. Писания, совершения Евхаристии, молитв и благодарения. Конечно, в состав нового богослужения вошли песни, воспеваемые и в Иерусалимском храме, в которых вспоминались милости Бога к человеку с самого сотворения мира и ветхозаветные чудеса, являвшие силу и благодать Божию, песни, в которых выражались пророчества о Мессии и надежды на спасение. Ветхозаветные песни, воспеваемые в Иерусалимском храме, были преимущественно: хвалебная и благодарственная песнь Моисея после чудесного перехода через Чермное море: *Поим Господеви, славно бо прославися*; обличительная песнь Моисея, в которой по повелению Бога он указывал народу израильскому, какая постигнет его участь, если он забудет Бога истинного; благодарственная песнь Анны пророчицы, матери Самуиловой; песнь пророка Исаяи, к которой присоединялись и некоторые его пророчества о Мессии; песнь Ионы пророка, из глубины воззавшего к Господу и спасенного чудесным образом; молитвенная песнь пророка Аввакума, и песнь, которую воспели три отрока среди не опаляющего их пламени; иногда молитвы царей Езекии и Манассии. К этим ветхозаветным песням, полным для христиан глубокого, пророческого значения, христианское богослужение присоединяло новые радостные, торжественные песни, в которых изливались хвала и благодарение за новые милости, за исполненные обещания. Песнь Пресвятой Девы *Величит душа моя Господа*; песнь Ангелов *Слава в вышних Богу и на земли мир, к человекам благоволение*; песнь Симеона Богоприимца *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, яко видеста очи мои спасение Твое*; славословие Пресвятой Троице *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу* воспевались, конечно, в молитвенных собраниях первых христиан. Из сердец, исполненных любви, возносилась молитва, которую Сам Господь оставил ученикам Своим *Отче наш*, воссылались прошения и моления обо всем мире, кончавшиеся общим восклицанием *Господи помилуй*. Песнь Ангельская *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф* и Херувимская *Аллилуйя* тоже, как полагают, были обычны в богослужении с первых времен. Таким образом, христианское богослужение соединяло воспоминания о милостях, явленных Богом с самого начала мира, о надежде на спасение, дарованной Им, с воспоминаниями о событиях самого спасения. С развитием богослужения в течение веков определилась яснее мысль выразить в символических действиях и в песнопениях весь ход священной истории в главнейших ее событиях: сотворении мира и человека, падении человека и спасении его через добровольную смерть Христа, – мысль, составляющая сущность нашего богослужения.

В Посланиях и Деяниях так часто упоминается о единодушном пении верующих, что можно, конечно, предполагать существование множества песнопений, известных всем верным, но которые не дошли до нас. Некоторые ученые – исследователи христианской древности думают, что из таких духовных песен взяты следующие слова, приводимые в Посланиях: *Восстани спяй, и воскресни из мертвых; и освятит тебя Христос*.

Также и следующие: *Бог явился во плоти, оправдал Себя в духе, открылся Ангелам, проповедан между язычниками; принят с верою в мире; вознесен во славе.*

Из слов апостола мы знаем, что богослужение совершалось по определенному чину. Ученик апостолов св. Климент писал: «Все, что заповедал Господь, должно быть совершено по чину. Повелено совершать в известные времена приношения и службы, и совершать не без порядка». Два чина литургии известны от времен апостольских: литургия св. Иакова, долго сохранявшаяся в Иерусалиме и поныне совершаемая там в день его памяти, и литургия св. Марка, совершавшаяся в Александрии. Они не были изложены апостолами письменно, но древнее предание сохранило их под именами этих апостолов. Более того, Римская Церковь совершала литургию по чину, оставленному ей, как полагают, св. Климентом, а Миланская – по чину, оставленному св. Варнавой. Все эти литургии были в существенных своих чертах очень сходны между собой и состояли из приготовления к священному Таинству Евхаристии и из совершения Святого Таинства. В первой части литургии пелись псалмы и священные песни (по выбору предстоятеля), читалось Священное Писание, предлагалось поучение. Приближаясь к совершению Таинства, верующие молились обо всем мире, благодарили Господа за великие Его благодеяния. Освящение даров совершалось словами Самого Христа, молитвой о ниспослании Святого Духа «да силою Своей явит хлеб Телом и вино Кровью Христа» и благословением. Перед освятившейся жертвой верные опять возносили молитву Господню и потом причащались вначале Телом, потом Кровью Христа. После Причащения следовало благодарение. Заметим, что в первые времена литургией называлось всякое общественное богослужение. После это название присвоено только той священной службе, в которой совершается Евхаристия. Греческое слово Евхаристия по-гречески значит «благодарение».

Вначале литургия совершалась преимущественно вечером, по примеру Вечери Господней. За литургией следовала общая трапеза, называемая агапой, или вечерей любви. Все нужное для совершения Евхаристии и следовавшей за ней вечери любви приносили верующие. Божественная служба, чтения, поучения продолжались часто до поздней ночи. Когда начались гонения и ночные собрания были воспрещены, то христиане стали собираться на общественную молитву перед рассветом. При усилившихся гонениях ежедневные молитвенные собрания сделались невозможными. Стали собираться преимущественно в воскресенье, в день, посвященный воспоминанию о сотворении мира и о Воскресении Христовом. Когда могли, собирались также по субботам, средам и пятницам. Эти последние два дня были посвящены воспоминанию о страдании и смерти Христа, поэтому рано установился в эти дни пост как знак скорби, и они назывались днями стояния и поста.

Как дни, так и некоторые часы дня были посвящены особым воспоминаниям о событиях спасения, а третий, шестой и девятый час были преимущественно часами молитвы. Понятно, что и первый час дня посвящался Богу. Христиане благодарили Бога за то, что прошла ночь и явился день, и просили Его благословить предстоящую деятельность; перед сном они опять совершали молитву. Так постепенно установились службы вечерние, ночные и утренние, часто, однако, соединяемые вместе, потому что во времена гонений христиане собирались, когда могли и где могли, и потому часы молитв не могли быть строго соблюдаемы.

Мы имеем весьма мало сведений о богослужении и образе свершения Таинств в первых веках. Апологеты, писавшие в защиту гонимых и оклеветанных христиан, считали обязанностью не раскрывать перед язычниками образа совершения высоких Таинств христианской Церкви. Но так как во всех христианских Церквях свято соблюдались предания, принятые от апостолов, а общее благоговение охраняло эти предания, то мы смело можем предполагать, что когда гонения утихли и христиане получили право открыто совершать богослужение, то они стали совершать его согласно апостольским преданиям. Поэтому

очень важны сведения, содержащиеся в Постановлениях Апостольских, собрании правил и церковных законов, известных уже с начала IV века.

Святой Иустин Мученик описал воскресные собрания христиан: вначале читали поучения апостолов и пророков. «Когда перестанет чтец, – пишет Иустин, – предстоятель делает наставление и увещевает последовать тем превосходным примерам. Затем все встаем и совершаем молитву. Совершаем моление как о себе, так и о просвещенном (новокрещенном), и обо всех других повсюду находящихся, дабы мы достойны были познать истину и на деле быть добрыми исполнителями заповедей, дабы получить спасение. По окончании молитвы лобызаем друг друга лобзанием любви». «Потом к предстоятелю братия приносит хлеб и Чашу с водою и вином; он берет и возносит хвалу и славу Отцу всяческих именем Сына и Духа Святого; особенно же благодарит за то, что Он удостоил нас Своих даров и продолжает сие долго». «Предстоятель воссылает молитвы и благодарения со всею силою усердия; после того, как он совершает благодарение и молитвы, народ возглашает "аминь"». «Так называемые у нас диаконы каждому из присутствующих подают приобщаться хлеба, над которым совершено благодарение, и вина с водою, а отсутствующим относят на дом». «Мы приемлем сие не так, как простой хлеб, и не так, как простое питание... Мы научены и верим, что пища сия, над которою произнесено благодарение молитвою Слова Его, хотя, превращаясь в соки, питает нашу плоть и кровь, есть Плоть и Кровь воплотившегося Иисуса Христа».

Тертуллиан, немного позднее описывая молитвенные собрания христиан, соединенные с агапой (или вечерей любви), говорит: «Вечеря начинается молитвою к Богу; вкушают пищу, но не забывают, что и ночью надо быть на молитве; беседуют, но знают, что Господь слышит все. Когда умоют руки и зажгут свечи, каждому предлагается выйти и пропеть что-либо во славу Божию, из Священного ли Писания или что может от себя. В конце вечера также совершается молитва, которой и доканчивается вечеря, и все расходятся».

Вечери любви делались из приношений верующих, и все вкушали их вместе. Но язычники стали представлять эти скромные трапезы бесчинными пирами, на которых христиане якобы предаются распутству и вкушают тела и крови заколотого ими младенца. Тогда христиане в некоторых местностях решили отменить их, как не необходимые принадлежности богослужения. Уже в III веке вечера любви совершались почти только в дни поминовений мучеников. В эти дни, называемые «днями рождения» усопших в жизнь вечную, христиане собирались на гробницу мученика, совершали богослужение, читалось вслух повествование о славной кончине усопшего брата, и все верующие, возблагодарив Господа, даровавшего ему силу совершить свой подвиг, молили Бога, чтобы им была дана помощь свыше. Какой горячее и искреннее должна была быть эта молитва в страшные времена гонений и как чудесно исполнялась она, когда мученики силой веры побеждали враждебные им силы мира сего, умирали радостно, как торжествующие воины Христа! После молитвы все вместе вкушали пищу, вспоминая усопшего. Постепенно вошло в обычай между христианами таким образом совершать поминовение о своих близких и родных и в память усопшего оказывать помощь нуждавшимся. Отсюда берет свое начало обычай, сохранившийся у нас и до сегодняшних времен.

После того как прекратились вечера любви, верующие все-таки продолжали приносить в молитвенные собрания все нужное для литургии: хлеб, вино, елей, свечи. Хлеб приносили обыкновенный, квасный. Приношения эти делались в виде жертвы Богу, участия в совершаемом Таинстве и как знак общения с братьями, потому что принятое клиром приношение было как бы признанием церковного общения. От неверующих, от оглашенных или еще не принятых в число членов Церкви, от тяжко согрешивших и потому на время отлученных от Церкви Церковь не принимала приношений. Но приношения делались от имени умерших, и эти дары принимались Церковью, потому что Церковь, верующая в жизнь веч-

ную, загробную, не может считать усопших чад отлученными от общения с ней, а соединяя и живых, и умерших в общей любви, молит обо всех Подателя жизни и бессмертия. Каждый член Церкви дорожил правом участвовать своим приношением в общем богослужении, и потому приношения делались непринужденно, охотно. Имена жертвователей провозглашались диаконом для общей о них молитвы и вносились в так называемые диптихи. Это были два поминальных листа в таблицах: на одном вписывались имена живых, на другом имена усопших членов Церкви. Вносились в диптихи имена христиан и отсутствующих уважаемых епископов отдаленных городов и областей, с которыми местная Церковь сохраняла живое общение. Исключение имени из диптихов означало, что с ним прервано общение. Когда диакон возглашал имена вписанных в диптихах христиан, вознося о них молитвы, присутствующие (а впоследствии – клир от имени народа) отвечали: «И всех и вся».

Впоследствии приношения в Церковь стали заменяться денежными пожертвованиями, которые употреблялись на содержание церкви, церковнослужителей и бедных, призираемых Церковью. Христиане, связанные взаимной любовью, как истинные ученики Христа спешили подать помощь братьям, которых постигло какое-нибудь бедствие: голод, плен и т. п. Этот сбор вручался предстоятелю. О таких пожертвованиях, собираемых преимущественно в день воскресный, или недельный, упоминает уже апостол Павел. Отсюда берет свое начало церковный сбор.

В первые времена все верующие приобщались Святых Тайн за каждой литургией, побуждаемые к тому не холодным чувством обязанности, как это часто бывает теперь, но живым, горячим чувством любви, находящим высшую отраду в общении с Христом через причащение Тела и Крови Его. Но впоследствии, когда вера распространилась и когда в общество христиан вступили и люди равнодушные, преданные больше житейским заботам, верующие стали приобщаться гораздо реже. Тогда вошло в обычай пред самым окончанием литургии раздавать всем присутствующим части, оставшиеся от просфор, употребленных для совершения Таинств. Это стало называться «антидором», что значит «вместо даров». Это служит отчасти и воспоминанием о вечерах любви.

Во II веке св. Игнатий Богоносец ввел в Антиохийской Церкви антифонное, переменное или очередное, пение двумя хорами духовных стихов, заимствованных преимущественно из псалмов и пророчеств. Этот обычай стал скоро почти общим на Востоке, но духовные песни были не везде одни.

Одна из самых древних песен, употребляемых в церкви, это хвалебная песнь Ангелов, уже в том виде, как мы ее знаем теперь: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоя. Господи Царю Небесный, Боже Отче Вседержителю, Господи, Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святой Душе. Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отець, вземляй грех мира, помилуй нас; вземляй грехи мира, приими молитву нашу; седяя одесную Отца, помилуй нас. Яко Ты еси един Свят, Ты еси един Господь, Иисус Христос, в славу Бога Отца. Аминь.* Распространенная в таком виде, она была в употреблении вскоре после времен апостольских.

В III веке составляли много духовных песен святые Климент Александрийский, Непот, епископ Пентапольский. Апостольская Церковь, сильная внутренним, живым единством, не мешала некоторому разнообразию в образе совершения богослужения. В некоторых Церквах сохранялись вечера любви, когда они уже были отменены в других, выбор чтений зависел от предстоятелей Церкви; в одних Церквах пел весь народ, в других один только клир. Иногда, как сообщает Тертуллиан, в молитвенных собраниях некоторые из участвующих пели то, что внушало им вдохновение. Такой свободой могли легко злоупотреблять еретики, старавшиеся через духовные песни распространять свои неправильные мнения. Действительно, в III веке и позже еретики (в частности, Вардесан) составляли много духовных песен

и старались ввести их в употребление при молитвенных собраниях. Это побудило отцов Церкви обратить больше внимания на образ совершения богослужения. В III веке свт. Григорий Неокесарийский установил для своей паствы литургию. Неокесарийцы так уважали память великого чудотворца, что долго не принимали ничего, что не было бы составлено Григорием: «Ни действия священного, ни слова, ни какого-либо чина таинственного», – говорил позднее св. Василий Великий.

В IV веке, когда лжеучения Ария и других еретиков производили смуты, особенно заметны стали со стороны отцов и предстоятелей Церкви усиленные заботы о том, чтобы точнее и строже установить чин Божественных служб. Лаодикийский Собор 368 года издал о том несколько постановлений. Определил, между прочим, чтобы пел в церкви один клир. Но это мало соблюдалось, и еще долго после Лаодикийского Собора все присутствующие участвовали в пении и отвечали общими возгласиями на моления, произносимые священнослужителями.

В то самое время свт. Василий Великий изложил письменно чин литургии, несколько сократив ту, которая была до него в общем употреблении, но не изменив ее в главных чертах. Это доказывают и сведения о древней литургии, сохранившиеся в «Постановлениях апостольских», и описание древней иерусалимской литургии, которое оставил современник свт. Василия, свт. Кирилл Иерусалимский. Он в своих «Оглашениях» излагает чин совершения литургии и некоторых Таинств.

Литургия в это время состояла, как и теперь, из проскомидии (приношения), когда приготавливались Святые Дары; из литургии оглашенных, при которой присутствовали и не принявшие еще Святого Крещения, но готовившиеся к нему; и литургии верных, в которой участвовали только просвещенные Святым Крещением. При словах, произнесенных диаконом: «Оглашенные изыдите», оглашенные уходили из церкви, а верные готовились с усиленным вниманием и благоговением присутствовать при важнейшей части литургии, совершении Святого Таинства. Все моления и действия священнослужителей указывают на близость Таинства: верующим, готовившимся приступить к трапезе Господней и именовать Бога Отцем, напоминает о великой заповеди, данной Христом ученикам Своим.

«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа» – это возглашал священнослужитель, и на эти слова все отвечали, лобызая друг друга в знак взаимной любви, тем самым признавая, что только те, которые связаны воедино братской, христианской любовью, могут достойно исповедовать единого истинного Бога. При возгласе диакона: *Двери, двери* – обращалось особенное внимание на то, чтобы в собрание верных не вошел кто-нибудь из посторонних. Во времена гонений можно было опасаться, как бы кто не поведал о собрании христиан их врагам. Позднее, когда гонения прошли, этот возглас остался историческим свидетельством тяжкого времени гонения и всегдашним напоминанием христианам, что теперь они должны особенно собрать все свое внимание и изгнать из сердец всякую постороннюю праздную мысль. Вот как в IV веке свт. Кирилл излагал и объяснял то, что вслед за тем совершалось в церкви: «Иерей возглашает: *горе имеем сердца*; ибо действительно в оный страшный час должно иметь сердце, устремленное к Богу, а не долу прилепленным к земле и к земному. Поэтому иерей повелевает всем в оный час оставить житейские заботы, домашние попечения, и иметь сердце на Небе устремленным к Человеколюбцу Богу. Потом ответствуете: *Имамы ко Господу*, исповеданием сего соглашаясь с иерейским повелением. Никто же да не предстоит таким, чтобы устами говорить: *имамы ко Господу*, а мыслями иметь ум, прилепленный к житейским заботам.

Далее говорит иерей: *Благодарим Господа*; ибо подлинно должны мы благодарить Господа, что нас, которые были врагами, примирил с Собою и сподобил Духа сыноположения. На это говорите: *Достойно и праведно*; ибо, благодаря, мы совершаем достойное и праведное дело.

Потом иерей воспоминает о всем творении видимом и невидимом: об Ангелах, Архангелах, Силах, предстоящих Престолу Всевышнего и восклицающих: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф.

После того, освятив себя сими духовными песнями, молим человеколюбивого Бога, да ниспошлет Святого Духа на подлежащие Дары, да сотворит хлеб Телом Христовым, а вино Кровию Христовой. Ибо то, чего коснется Дух, конечно, освящается и предлагается²⁸⁸.

Потом, по совершении духовной Жертвы бескровного служения над умилоостивительною сею жертвою молим Бога об общем мире Церкви, о благосостоянии мира, о царях, о воинах и сподвижниках, о сущих в немощах, о труждающихся – одним словом, о требующих помощи молим все мы и приносим жертву сию.

После поминаем и прежде усопших, сперва патриархов, пророков, апостолов, чтобы Бог, по молитвам и ходатайству их принял наше прошение; а потом вспоминаем о прежде усопших святых отцах и епископах и вообще обо всех из нас прежде почивших – веруя, что великая польза будет душам, о которых приносится моление, когда предлагается Святая и страшная Жертва.

По окончании сего читаем ту молитву, которую Спаситель преподал ученикам Своим, с чистой совестью именуя Богом Отцем и произнося: *Отче наш, Иже еси на небесех*.

После сего иерей говорит: «Святая Святым». *Святая* – суть подлежащие Дары, приявшие наитие Духа Святого. *Святы* и вы, сподобившиеся Духа Святого.

На сие вы говорите: *Един Свят, един Господь, Иисус Христос*. Истинно един свят Тот, Кто по естеству свят; святы и мы, но не по естеству, а по причастию, подвигу и молитве.

После сего вы слышите певца, Божественной песнью призывающего вас к причащению Святых Тайн. Он говорит: *Вкусите и видите, яко благ Господь*.

После того приступай к Причащению сперва Тела, потом Крови Христа. Наконец, дождавшись молитвы, благодаря Бога, сподобившего тебя таких Тайн.

Излагая таким образом чин совершения Евхаристии, свт. Кирилл говорит, что это не новый, а древний обычай, и увещевает хранить это предание неискаженным. Не изменил его и свт. Василий, но ввел в литургию несколько новых молитв.

В Италии чин литургии установлен учениками апостолов. В Риме, как говорит предание, – святым Климентом, а в Милане – Варнавой. Он был очень схож с чином восточной литургии, но впоследствии подвергался многим изменениям и рано утратил первоначальное разделение на литургию оглашенных и литургию верных.

В то самое время как на Востоке точнее определялся чин богослужения и отцы Церкви старались оградить свои паствы от еретических учений, то же самое совершалось и на Западе, в Милане заботами великого святителя Амвросия. Он придал богослужению больше величественности, определил порядок песен из Св. Писания, заимствовал у Востока антифонное пение. Борьба Амвросия против ариан оставила живой след в богослужении Миланской Церкви. Когда ариане, сильные покровительством императрицы, старались распространить свои ложные мнения и овладеть миланскими храмами, Амвросий назидал народ поучениями и песнопениями. «Тогда, – пишет Августин, – постановлено было петь псалмы и гимны по клирам, по обыкновению восточному, дабы народ не ослабел под бременем скорби». Эти гимны большей частью составлял свт. Амвросий, выражая в них догматическое учение о Святой Троице. Они дышат высокой поэзией. После победы над арианами он воспел торжественную благодарственную песнь, отчасти заимствованную от гимна Богу свт. Григория Богослова: *Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем*. У нас она и поныне поется при благодарственных молебнах; на Западе – при литургии и при совершении крещения, при коронации королей и на соборах.

---

²⁸⁸ То есть претворяется.

В последующие века римские епископы многое изменили в своей литургии, особенно папы Геласий, Лев и Григорий Великий, и старались ввести эти изменения и в Миланскую Церковь. Но она, глубоко уважая память своего великого святителя, долго отстаивала чин литургии, введенный им, и до сих пор богослужение Миланской Церкви не совсем похоже на римское²⁸⁹.

В Галлии, где веру проповедали во II веке ученики Поликарпа Смирнского, установили чин восточной литургии. Она долго сохранялась в Лионе, и только в VII веке властью Рима были искоренены в Лионе греческие обычаи. Испанская литургия также долго хранила сходство с восточной литургией.

Апостольская литургия была очень продолжительна. Горячая вера и пламенная любовь к Господу, конечно, побуждали первых христиан посвящать Богу большую часть своего времени и в молитве находить высшее утешение. Но с течением времени эта ревность охладела. Многие жаловались на продолжительность службы, и уже Василий Великий нашел нужным сократить ее. Но она все равно казалась слишком длинной. Много времени занимало чтение из Ветхого Завета, которое следовало за первой ектеньей, а также поучение, которое произносилось сразу после чтения Евангелия, до выхода оглашенных из храма. Великий святитель Константинопольский Иоанн Златоуст скорбел об охлаждении христиан к молитве. Он часто призывал своих слушателей к чтению и внимательному изучению Священного Писания, к участию в Божественных службах. «Будем внимать чтению не в сии только два часа, – говорил он. – Дерево, насажденное при потоках вод, не два или три часа при водах, но каждый день, каждую ночь с ними, и потому одевается листьями, покрывается плодами». Многие уже тогда считали, что продолжительные молитвы нужны лишь монахам и лицам, посвятившим себя исключительно Богу. Но Иоанн Златоуст доказывал, что именно людям, занятым гражданской деятельностью, надо чаще искать руководства и силы в изучении слова Божия и в молитве. Однако, видя, что люди мало внимают чтению и тяготеют продолжительностью литургии, великий святитель снизошел к слабости христиан и решил сократить чин литургии Василия Великого. Чтение из Ветхого Завета осталось только при литургиях Великого поста и при вечерней службе. Несколько продолжительных молитв были заменены более краткими.

Нет необходимости описывать здесь чин литургии свт. Иоанна Златоуста, которая совершается у нас в течение года, кроме десяти дней, когда идет литургия свт. Василия Великого, и тех дней Четыредесятницы, когда совершается литургия Преждеосвященных Даров. Укажем лишь на те изменения и дополнения, которые введены уже после Иоанна Златоуста в литургии, известной под его именем.

Первое дополнение сделано вскоре после Иоанна Златоуста, при патриархе Прокле, когда было введено в богослужение Трисвятое пение: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас.*

При свт. Златоусте еще не везде произносили за литургией Символ веры, а читали его в церкви, когда готовили оглашенных к принятию крещения. Это было преимущественно в Великий пяток для готовившихся креститься в день Пасхи. Потом – в день Богоявления и в день Пятидесятницы. Но есть повод предполагать, что в Антиохии Символ произносили за каждой литургией. Когда умножились ереси, то отцы Церкви нашли нужным, чтобы перед Причащением Святых Тайн произносилось от имени всех верующих исповедание правой веры. Этот обычай был введен при константинопольском патриархе Тимофее между 510 и 517 годами. В одних Церквях читали, в других пели Символ. С Востока этот обычай перешел в Рим в конце VI века. Когда в Испании было низложено арианство, Толедский собор ввел в испанские церкви чтение Символа веры, но в измененном виде.

---

²⁸⁹ Речь идет о XIX веке.

В VI веке Церковь волновали еретики, отрицавшие одни Божественность Сына Божия, другие – Его человечность. Тогда император Юстиниан изложил исповедание Божества и человечества Иисуса Христа в молитве, которая тогда же в 536 году, вошла в состав литургии: *Единородный Сыне и Слове Божий, бессмертен Сый, и изволивый спасения нашего ради воплотиться от Святыя Богородицы и Присно девы Марии, непреложно вочеловечивыйся, распныйся же Христе Боже, смертью смерть поправый, един Сый Святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас.*

В то время, когда священнослужители принимали приношения и переносили их на престол, после ектений о верных, служба на время прерывалась, народ развлекался. Это подало повод патриарху Иоанну Схоластику (при Юстине Младшем, в 573 году) установить, чтобы в это время пелась на клиросе песнь, которая бы приготавливала верующих к близкому великому Таинству. Тогда же вошла в состав литургии песнь Херувимская *Иже Херувимы*, которая только в Великий четверг заменялась другой, *Вечери Твоея Тайныя*. Полагают, что патриарх был и составителем этих двух песен, если вторая не принадлежит Златоусту, на что есть тоже указание. В Великую субботу произносилась песнь *Да молчит всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом.*

В VII веке, при патриархе Сергии, введена в литургию песнь *Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи.*

В VIII веке св. Косьма Маюмский, совоспитанник св. Иоанна Дамаскина, сложил хвалебную песнь Богородице *Честнейшую Херувим*, и тогда эта песнь стала произноситься за литургией. Есть предание, что он сложил эту песнь в Великий пяток, в день, самый скорбный для Богородице, и что был обрадован явлением Самой Богородицы, Которая благосклонно приняла это излияние любви и благоговения. Другое предание говорит, что песнь эта, первоначально составленная Косьмою, *была* дополнена в том виде, как мы ее знаем теперь, Ангелом, явившимся одному святому подвижнику на горе Афонской уже в X веке.

Тропари, которые поются перед малым входом, принадлежат разным песнопевцам, жившим после Златоуста. В некоторых Церквях был в древности обычай читать за литургией или за утренней службой житие воспоминаемого в тот день святого. Постепенно он заменился пением кратких песен, составленных в прославление угодника Божия. Эти краткие песни, в которых выражалась или сущность праздника, или похвала святому, стали называться тропарями и кондаками, и принадлежат позднейшим песнопевцам. Из соединения нескольких таких кратких песен составились пространные песни, называемые канонами.

До свт. Иоанна Златоуста был обычай причащаться вначале Телом, потом Кровию Христа, принимая и то и другое из рук священника. Но некоторые стали злоупотреблять Святыми Дарами. Есть предание, что одна женщина, суеверно относясь к силе Таинства, стала употреблять для волхования святую частицу Тела Христова. Святой Иоанн Златоуст ввел обыкновение причащать мирян Святых Тайн под обоими видами вместе, лжицею. Младенцев с древности причащали одной Кровью. Остававшиеся после причащения освященные Дары хранились для причащения больных.

В 368 году Лаодикийский Собор постановил во время Великого поста, как времени скорби и сокрушения о грехах, не совершать полной литургии, кроме субботы и воскресенья. Но свт. Василий Великий сообщает, что такой обычай существовал с самой глубокой древности в Александрийской Церкви и что там, по преданию, принятому от святого евангелиста Марка, по средам и пятницам Великого поста совершалась литургия Преждеосвященных Даров. В конце VI или в начале VII века чин литургии Преждеосвященных Даров был письменно изложен свт. Григорием Двоесловом. В начале VII века упоминается о том, что во время поста поют *Да исправится молитва моя*. В 612 году постановили петь во время поста вместо Херувимской песни другую: *Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат. Се бо входит Царь славы. Се Жертва тайная совершена доприносится. Верою и любовью присту-*

тим, да причастницы жизни вечныя будем. Аллилуйя. Во всеобщее употребление литургия Преждеосвященных Даров была введена постановлением Шестого Вселенского Собора, в 680 году.

Прочие церковные службы также берут свое начало от первых веков, хотя, конечно, чин их совершения слагался и усложнялся постепенно, при участии святых отцов Церкви. Часы молитв вечерних, ночных, утренних и денных могли быть строго соблюдаемы уже только тогда, когда гонения прошли. Но уже в апостольских постановлениях мы читаем: «При наступлении вечера созывай, епископ, Церковь; и по произнесении вечернего, или светильничного, псалма диакон да провозглашает ектенью об оглашенных, бесноватых, просвещенных и кающихся». Там же упоминается, что на вечерне произносились: 140 псалом: *Господи возвах*; молитва: *Сподоби Господи* и песня Симеона Богоприимца. В 311 году священномученик Афиноген, готовясь к мученической смерти, воспел умилительную песнь, которая и поныне поется в вечернем богослужении и указывает на близкое явление света истинного, незаходящего: *Свете тихий святыя славы, безсмертнаго Отца Небесного, Святаго блаженного, Иисусе Христе! Пришедшие на запад солнца, виде вше свет вечерний, поем Отца, Сына, и Святаго Духа, Бога. Достоин еси во вся времена петь быти гласи преподобными, Сыне Божий, живот даяй, тем же мир Тя славит.* Эта песнь очень рано вошла в состав вечернего богослужения.

Об утренней службе мы читаем также в апостольских постановлениях: «Молитвы творите с утра, благодаря Господа, чтобы Он осветил вас, удалив ночь и приведя день». Во время всенощного и утреннего богослужения произносились псалмы. Какие именно, было определено очень рано, что мы видим из сочинений Афанасия Великого, Василия Великого и других отцов. Выбор псалмов и чтений из Священного Писания соответствовал тому символическому значению, которое священные службы удержали и поныне и которое с течением времени обозначалось все определеннее.

Православное богослужение, как известно, имеет основной мыслью изобразить весь ход священной истории в ее главнейших событиях: сотворение мира и человека, падение человека и его искупление через добровольную смерть Иисуса Христа. На эти события указывают и чтения, и песнопения, и символические действия в трех священных службах: вечерней службе, утренней и литургии. Каждая из этих служб включает еще по три службы: с вечерней совершается последование девятого часа и повечерие; с утренней службой полунощница и первый час; с литургией последование третьего и шестого часа.

С вечерни начинается ряд служб, так как церковный день считается с вечера. Открывается она последованием девятого часа, страшного и спасительного часа смерти Христа. Вечерня посвящена воспоминанию о первых событиях мира: о творении, о блаженстве первых человеков в раю, об их падении и о милостиво дарованной им надежде на спасение. Надежда высказывается песнями во славу Богоматери, песней Иисусу Христу *Свете тихий*; и уже молитва Симеона Богоприимца указывает на исполнение милостивого обещания. Повечерие включает в себе выражение покаяния и молитвенное прошение к Богу, чтобы Он оградил нас от всякого зла в предстоящую ночь.

В утренней службе, состоящей из полунощницы, утрени и последования первого часа, вспоминаются чтением из ветхозаветных книг те времена, когда Израиль томился в тяжком египетском рабстве, вздыхая о земле обетованной, – это образ всего человечества, томящегося в рабстве греха и ожидающего спасения. В шестопсалмии изливается скорбь, покаяние павшего человека и твердое упование его на обещанную ему милость. Уже в конце вечерней службы указывалось на новозаветные времена: как близок свет, который должен озарить людей, сидящих во тьме. Действительно, вот раздается песнь Ангелов, возвещающих миру великую радость: *Слава в вышних Богу и на земли мир*; вот торжественное восклицание: *Бог Господь и явился нам, благословен грядый во имя Господне!* Рассвет дня, так

часто заставлявший первых христиан на молитве, приветствуется радостным славословием: *Слава Тебе, показавшему нам свет, свет дня и свет великий, озаривший мир при появлении Солнца правды.*

Как Новый Завет относится к Ветхому, так литургия относится к прочим церковным службам. Все прочие службы – только приготовление к этой торжественной новозаветной службе, которая вся посвящена воспоминанию о Христе и о великом деле искупления человека. В священнейшем Таинстве Евхаристии воспроизводится образ всемирного голгофского жертвоприношения. И верующим под видом хлеба и вина преподаются само Тело и сама Кровь Христа – Тело, за них ломимое; Кровь, за них пролитая во оставление грехов.

С IV века в церковных службах мы уже видим этот символический характер. С этого же времени мы и имеем о них более подробные сведения. Из писаний святых мужей известно, какие пелись псалмы и молитвы. За ночной службой, кроме избранных псалмов, пели Псалтирь по порядку псалмов. Лаодикийский Собор постановил, чтобы пение псалмов одного за другим не было непрерывным, но чтобы по каждом псалме слушалось чтение. Так как Псалтирь не в один день вся была воспеваема в церковных собраниях, то разделялась на двадцать отделений, которые читались последовательно. Для того чтобы сосредоточить внимание слушателей, каждое отделение (получившее название кафизмы²⁹⁰, так как во время пения Псалтири стоял один певец, а прочие сидели) разделялось еще на три статьи. После каждой из них пелась хвала Пресвятой Троице, и тогда все вставали.

Вот как описывает утреннюю службу свт. *Василий* Великий: «Еще с ночи народ утренюет у нас в доме молитвы, совершая исповедание в слезах, трудах и сокрушении; наконец встает от молитвы и становится на псалмопение. Разделяясь на две стороны, он поет попеременно, чем вместе удерживается мысль при словах Божиих и способствуется обилию внимания и нерассеянности сердец. Затем один начинает петь, а прочие подпевать. Так, проведя ночь в разнообразии псалмопения и перемешивая оное молитвами, на рассвете, все вместе, как бы одними устами и одним сердцем, поют псалом исповедания, и каждый совершает свое покаяние».

Особенно продолжительным было ночное богослужение в монастырях. В Лавре св. Саввы накануне праздников оно продолжалось с вечера до утра. При таком продолжительном богослужении вошло в обычай совершать во время службы благословение хлеба, вина и елея, и это раздавалось молящимся для подкрепления сил. Пока они вкушали пищу, читались вслух деяния апостольские от Пасхи до Пятидесятницы. Хлебов обыкновенно благословлялось пять, в воспоминание пяти хлебов, которыми Господь чудесно насытил пять тысяч человек. Благословение хлебов совершалось обыкновенно после литии. «Лития» значит общественное, усердное моление. Она совершалась в притворе храма, напоминая моление как бы вне города или обители, возносимое к Богу об отвращении бедствий.

Все церковные службы постоянно обогащались и украшались новыми песнопениями и молитвами, составленными святыми отцами Церкви. Еретики также составляли много духовных песен, в которых выражали свои лжеучения, и, пользуясь тем, что в первые времена не был еще строго определен состав церковных служб, они вводили эти песни в общие молитвенные собрания, что заставило отцов Церкви обратить более строгое внимание на то, что пелось в молитвенных собраниях, и составлять духовные песни и молитвы, выражающие чистое учение Церкви. Таким образом почти все великие отцы оставили след в церковных песнопениях.

Святитель Афанасий Великий, очень заботившийся о чистоте учения Церкви, в своих книгах и письмах к разным лицам давал наставления о молитве и указывал, какие псалмы читать в какое время при богослужении. Он повелевает читать перед трапезой молитву Гос-

²⁹⁰ Кафизма – по-гречески «сидение».

подню «Отче наш», им составлена послеобеденная молитва: «Благословен Бог, милующий и питающий нас» и молитва: «Щедр и милостив Господь, пищу даяй боящимся Его».

Святому Василию Великому принадлежит множество молитв, в частности, *Возсияй в сердцах наших истинный свет; Господи Вседержителю; Тя благословим; Боже вечный, безначальный; Боже и Господи сил; Пошлай свет и идет; Благословен еси, Владыко Вседержителю*; молитва для готовящихся к Причастию. *Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, источниче жизни и бессмертия*. Он же ввел чин вечерни в день Пятидесятницы, установив, чтобы во время молитв, читаемых на окончании вечерни, преклоняли колена, в первый раз после Пасхи. Во всю Пятидесятницу, как время торжества и радости, издревле не совершали коленопреклонения – этого знака скорби и сокрушения. Не совершали коленопреклонения и в дни воскресные.

Святитель Григорий Богослов оставил великое множество духовных стихотворений, не вошедших, однако, в состав Божественных служб. Но из его вдохновенных бесед, в которых он с такой силой и красноречием излагает истинное учение Церкви, многое в церковные песнопения вошло потом. Так, из его слова на Рождество Христа – *Христос раждается, славите*, из слова на Пасху – *Пасха велия и священная*.

Святой Ефрем Сирий вытеснял своими высокими песнопениями еретические стихи гностиков, распространяемые ими в Сирии и Месопотамии. Вот что рассказывает его древний жизнеописатель: «Ефрем видел, сколько едессяне пленяются музыкой и пением, и положил отвлечь их от бесчестных песен; он собрал обетных дев и научил их песням и пению попеременному (по клирам). Песни сии заключали в себе высокие духовные мысли о Рождестве Христовом, Крещении, о посте, о всем устроении спасения во Христе, о страдании, о Воскресении, о Вознесении; к сим присоединялись и гимны мученикам, о покаянии, об умерших. По его распоряжению отроковицы обетные стекались в церковь в светлые Господские праздники, также в празднества мучеников и в воскресные дни. Он назначал им разные песни и учил попеременному пению, пока наконец весь город начал собираться к нему, и враги рассеялись».

Преподобному Ефрему Сирию риписывают до 12 тысяч составленных им духовных песен. Некоторые написаны против еретика Аерия, который учил, что не надо молиться за умерших, между тем как с самых древних времен Церковь возносила к Господу молитвы за умерших и совершала погребения их с псалмопением и торжеством. Из молитв прп. Ефрема наиболее известны его молитва Духу Святому *Господи, Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, умиловись и прости мне, недостойному рабу Твоему*, молитва Богородице; в особенности же умилительная молитва, которую слышим в дни Великого поста *Господи и Владыко живота моего*. Она очень скоро после прп. Ефрема вошла в употребление при великопостной службе и сопровождается поклонами.

Великий подвижник IV века прп. Макарий Египетский оставил молитвы утренние и вечерние, а также молитву к Ангелу Хранителю.

Из множества молитв, сложенных свт. Иоанном Златоустом, напомним следующие: *Господи, не лиши мене Небесных Твоих благ*, молитвы для готовящихся к Св. Причастию: *Господи Боже мой, вем, яко не смь достоин, ниже доволен, да внидеши под кров души моя, Верую, Господи, и исповедую*; благодарственные молитвы: *Благословен Бог, питающий меня от юности моя, Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Святый*.

В V веке, когда еретик Несторий смущал верующих, запрещая именовать Пресвятую Деву Богородицей, во славу Богородицы сложена песнь *Богородице, Дево, радуйся*. Полагают, что ее составителем был свт. Кирилл Александрийский, памятный своей борьбой против Нестория. Ему же приписывают чин Царских часов в Великий Пяток, впоследствии пересмотренный и дополненный св. Софронием Иерусалимским.

В конце V века и в VI веке св. Анатолий Иерусалимский, св. Роман Сладкопевец, подвижник Авксентий слоборческой ереси и страдалец за истину, Иоанн Дамаскин посвятил Господу свою жизнь и чудный дар песнопения. На тех местах, где совершились события нашего спасения, в Лавре св. Саввы он воспевал милости Бога, восхвалял Его величие в высоких песнопениях, неподражаемых силой живого воодушевления. Им составлена Пасхальная служба, радостная, торжественная, так живо изображающая чувства, внушаемые христианину великими и радостными событиями воскресения Христа и победы Его над смертью, антифоны и надгробные песни, поэтические тропари святым и праздничные каноны, хвалебные песни Богородице: *О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Многая множества моих, Богородице, прегрешений* и другие, называемые догматиками, потому что в них выражается догмат Церкви о воплощении Иисуса Христа в опровержение существовавших еще лжеучений несториан, монофизитов и монофелитов. Святой Иоанн Дамаскин почитается как один из величайших отцов и песнопевцев Церкви.

* * *

К этому времени церковные службы достигли полноты и определенности. В службе христианской Церкви воспоминания о милостях, явленных Богом Израилю, избранному народу, соединяются с воспоминаниями о событиях Нового Завета. Тем самым указывается на неразрывную живую связь, соединяющую ветхозаветную Церковь с Церковью новозаветной, верующих в грядущего Спасителя с верующими в Спасителя уже пришедшего и совершившего великое дело, на которое указывалось в Ветхом Завете через пророчества и прообразования. Эта неразрывная связь ясно выражается в песнопениях христианской Церкви, которая, приняв ветхозаветные песни, употребляемые при иудейском богослужении, слила их с хвалебными песнями новозаветными.

Обратим внимание на каноны. «Канон» называется собрание священных песен, правильно и по известному размеру соединенных в одно целое. Большая часть праздничных канонов принадлежит Дамаскину; некоторые были составлены ранее патриархом Анатолием; некоторые в одно время и позднее Космой Маюмским и другими песнопевцами. В своем полном составе канон состоит из девяти песен, из которых каждая заключает несколько кратких песен, называемых тропарями. Первый тропарь каждой песни называется ирмосом и отличается от следующих тем, что своим размером и напевом служит образцом для них. Тропари по своему составу, размеру и напеву, подчиняются ирмосу. Таков внешний состав канона. По содержанию же своему каждая из песен канона должна относиться к одной из следующих песен, взятых из Св. Писания.

1— я песнь относится к песни, воспетой Мариамью и Моисеем после перехода через Черное море: *Поим Господеви: славно бо прославися* (Исх. 15).

2— я песнь заимствуется из обличительной песни Моисея: *Вонми небо, и возглаголю, и да слышит земля глаголы уст моих* (Втор. 32). Эта песнь, как содержащая строгие укоры и обличения и призывающая к сокрушению и покаянию, опускается в праздничных канонах, но поется в канонах поста.

3— я песнь есть подражание хвалебной песни Анны Пророчицы: *Утвердися сердце мое в Господе, вознесся рог мой в Боге моем; расширишася уста моя на враги моя; возвеселихся о спасении Твоем* (1 Цар. 12).

4— я песнь заимствует свое содержание из песни пророка Аввакума, предвозвещавшей пришествие Сына Божия: *Господи, услышах слух Твой и убояхся* (Авв. 3).

5— я — из песни и пророчеств пророка Исаяи (Ис. 26).

6— я — из песни пророка Ионы: *Возопих в скорби моей к Господу Богу моему*. (Ион. 2).

7–я и 8–я песни канона черпают свое содержание из хвалебных песен трех отроков, оставшихся невредимыми в вавилонской печи: *Благословен еси Господи Боже отец наших, хвально и прославлено имя Твое во веки*, и: *Благословите вся дела Господня Господа, пойте и превозносите Его во веки* (Дан. 3).

Наконец, 9–я песнь имеет своим основанием содержание уже новозаветных песен: из славословия Пресвятой Девы *Величит душа моя Господа* и славословия Захария, отца Иоанна Крестителя.

Таким образом, вспоминая главнейшие события, в которых с начала мира выразились сила и благодать Господа, Церковь связует их в своих песнопениях с величайшим свидетельством милости Божией, с пришествием Спасителя, к Которому готовил весь Ветхий Завет. Некоторые каноны содержат в себе менее девяти или восьми песен, две или три. Тогда они называются двупеснец или трипеснец. Каждая из этих песен равным образом состоит из ирмоса и нескольких тропарей. Много канонов и служба Страстной седмицы принадлежат другу и воспитаннику Иоанна Дамаскина Косме Маюмскому.

Введение новых песнопений и дополнения к церковным службам привели к изменениям в круге годовых служб, к необходимости вновь пересмотреть и исправить церковный устав. Он иногда уже пересматривался и дополнялся новыми службами. Над ним трудились в IV веке Харитон Исповедник, потом преподобные Евфимий и Савва Освященный, патриарх Софроний. Святой Иоанн Дамаскин вновь пересмотрел устав, включив в него новые службы. Этот устав, впоследствии еще дополненный Феодором Студитом, а в VIII веке – Марком Отрантским, составляет книгу, известную теперь под именем Типикона, или церковного Устава.

Затем в Октоихе, или Осмогласнике, Дамаскин собрал службы на воскресные дни, начиная с вечерни субботней: каноны, стихиры, антифоны, которые поются по воскресеньям. Все было разделено на восемь гласов, или напевов. Каждый глас заключает службу одного воскресного дня. Октоих в теперешнем его виде дополнен после Дамаскина, и в него включены службы на прочие дни седмицы.

Иоанн Дамаскин, собрав местные месяцесловы, существовавшие до него, составил и общий месяцеслов всех святых. Но еще один важный труд сделал этот великий учитель. До него истины христианского учения не были приведены в систему и не имели научной формы. Борьба с еретиками и ревность к распространению истинного учения заставили святых отцов с первых же веков максимально точно исследовать и объяснять догматы веры. Но Иоанн Дамаскин, ученый богослов и глубокий мыслитель, первый собрал объяснения святых отцов на догматы Церкви и, сличив их с местами Священного Писания, со свидетельствами Вселенских Соборов, составил под именем «Точного изложения Православной веры» первую книгу, в которой богословие объясняется систематически, как наука.

После св. Иоанна Дамаскина о чине богослужения очень заботился прп. Феодор Студит, составивший много канонов и стихир на великопостную службу. Ему принадлежат канон Честному Кресту и служба на Неделю Крестопоклонную, канон в Неделю мясопустную и много песнопений в честь святых. Составляли церковные песни и другие студитские иноки.

Воспевала славу Господа и святых угодников Божиих инокиня Кассия (или Кассиана). Принадлежа к знатному семейству, молодая дева славилась красотой и образованием, и когда император Феофил задумал жениться, то она была в числе одиннадцати дев, из которых он должен был выбрать себе супругу. Рассказывают, что император, держа золотое яблоко в руке, прежде всего подошел к Кассии, дивясь ее красоте. «От жены произошло все злое», – сказал он. «От жены же произошло и все лучшее», – отвечала дева. Ответ не понравился императору, который прославился своим иконоборством, он отошел от нее и избрал другую девицу, ставшую императрицей Феодорой. Кассия впоследствии основала близ Констан-

тинополя монастырь и посвятила свою жизнь Богу. Сложенные ею стихиры дышат высоким поэтическим вдохновением, как, например, стихира на Рождество *Августу единоначальствующу на земли*, а в особенности же стихира, в которой и поныне в среду Страстной седмицы прославляется жена, излившая миро на ноги Спасителя: *Господи, яже во многия грехи впавшая жена*.

В IX веке, при патриархе Мефодий, после низложения иконоборческой ереси, был установлен чин Торжества Православия (840). Фотий положил освящать воду в начале каждого месяца. До тех пор существовал языческий обычай в начале каждого месяца зажигать костры и прыгать через огонь. Полагают, что чин малого освящения вод, совершаемый ныне при молебнах с водоосвящением, принадлежит патриарху Фотию. Освящение совершалось в Константинополе, преимущественно при храме Богородицы, где был источник целебной воды.

После IX века значительных дополнений к церковным службам уже не делалось, хотя было составлено еще несколько песнопений. Следует упомянуть о канонах и стихирах императора Льва VI Мудрого на Неделю ваий и другие праздники. Установились еще некоторые праздники, но главное, самое существенное, уже не изменялось.

Когда Русь приняла христианскую веру, то она с ней приняла и определившийся уже чин богослужения и святых Таинств, соблюдающийся и сейчас, точно изложенные догматы веры, объясненные Вселенскими Соборами и святыми отцами и приведенные в научную форму великим Дамаском и пом, в ограждение и назидание новообращенным. Труды отцов Церкви к этому времени были уже составлены богослужебные книги, заключающие в себе чин и порядок совершения церковных служб: Типикон, или церковный Устав; Служебник – руководство для священников и диаконов при отправлении вечерни, утрени и литургии; Октоих, Минея общая и Минея праздничная, содержащие службы, которые совершаются по месяцеслову в честь праздников и угодников Божиих. Эти последние службы были собраны патриархом Софронием, Иоанном Дамаскином и некоторыми позднейшими отцами IX века. Триодь Постная, содержащая последование служб, совершаемых в Великую Четырдесятницу и в недели пригласительные к посту, и Триодь Цветная, включающая службы от Воскресения Христова до Недели Всех Святых, составлены Космою Святоградцем, св. Андреем Критским, Иосифом и Феодором Студитами. Немного воследований (по-церковнославянски «порядок») включены в эти книги позднее IX века Никифором Каллистом и Григорием Паламою (XI в.); Ирмологий, собрание песен, взятых из канонов всех служб седмичных и годовых и расположенных по гласам или напевам, приписывается Феодору Студиту; Требник, содержащий чин исправления всех христианских треб, составлялся постепенно. Начало его восходит к Постановлениям Апостольским, а к IX веку он почти достиг всей полноты. Но и позднее делались в нем некоторые изменения и дополнения.

Самые ранние христианские писатели упоминают о чтении в молитвенных собраниях книг Ветхого и Нового Завета. Сначала, как можно предполагать, выбор чтений зависел от предстоятелей: пресвитеров или епископов, но постепенно чтение определялось сообразно с воспоминаемым временем или событием. Так, уже в IV веке Книга Бытия читалась в течение Четырдесятницы; книга Иова – на Страстной неделе; Деяния Апостольские – после Пасхи. Конечно, и чтения из Евангелия определялись по мере того, как устанавливались праздники в воспоминание священных событий. Уже с III века известны попытки разделения книг Нового Завета на главы. В V веке диакон Евфалий разделил их на отдельные стихи, для того чтобы облегчить чтение. Точно не известно, были ли они тогда разделены по зачалам, как мы их знаем теперь, но есть сведения, что Амвросий Медиоланский составил так называемый «Лекционарий», в котором обозначил начала и окончания чтений из Евангелия, Апостола и Пророков, согласно с древним обычаем. Указание чтений на каждую службу вошло в состав богослужебных книг, излагающих последование каждой службы.

«Псалтирь» была в IV веке разделена на кафизмы, и великие отцы Церкви Василий Кесарийский, Афанасий и Иоанн Златоуст часто указывают на то, какие псалмы в какое время читались. Псалтири с последованием служб, то, что у нас называется «Следованною псалтирю», не было между греческими богослужебными книгами. Потому и полагают, что она была составлена апостолами славян Кириллом и Мефодием, которые и перевели на славянский язык все известные тогда богослужебные книги.

Перечисление книг, составляющих Св. Писание, есть у писателей II и III века: Мелитона, Оригена, Евсевия и других. Карфагенский Собор 393 года окончательно определил, которые из книг Библии считать каноническими, а которые – нет. Переводы Писания появились рано: во II веке уже были переводы сирский, италийский (или латинский). В конце IV века новый латинский перевод сделал блаженный Иероним; известный под названием Вульгаты, он стал употребляться на всем Западе. Единственные на Западе попытки переводов на народное наречие были сделаны в Англии в VII веке Бедой Достопочтенным, который начал переводить Евангелие, и королем Альфредом, который в IX веке перевел Псалтирь. На Востоке же появлялись переводы Св. Писания на наречия всех народов Востока. Греческий текст рассматривался и исправлялся часто. Очень рано существовало Св. Писание на сирском, халдейском, эфиопском языках. Иоанн Златоуст и Феодорит Кирский свидетельствуют, что новообращенные племена, обитавшие близ Дуная и Черного моря, читали Писание на своих наречиях; вероятно, они имели в виду выбор чтений, входивших в состав богослужения. В IV веке Писание перевел на готский язык епископ Улфила; в начале V на армянский – Месроб, в середине или в конце того же века оно было переведено на грузинский язык. Копты, ливаниты читали Писание на своих наречиях. Трудami несториан и монофизитов Писание стало известно в Персии и в других странах; в IX веке его перевели на славянский язык.

* * *

Таинства совершались согласно преданию, сохранившемуся от времен апостольских. Подробное описание чина совершения крещения и миропомазания есть в «Оглашениях» Кирилла Иерусалимского, но некоторые молитвы, употребляемые при совершении Таинств, составили позднее свт. Василий Великий, свт. Иоанн Златоуст. Все действия в чине совершения Таинств имеют внутреннее, часто символическое значение, выражающее догмат или учение Церкви. Так, в крещении трехкратное погружение в купель новокрещаемого во имя Отца и Сына и Святого Духа изображает спогребение Иисусу Христу, посредством которого единственно мы и получаем упование, что мы воскреснем с Христом, так как апостол говорит: *Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения* (Рим. 6, 4–5). Крещение и следующее за ним миропомазание также имеют символическое значение. Помазание новокрещаемого елеем знаменует приготовление его к брани как воина Христова, которому предстоит борьба с плотью, миром и диаволом, – как прививку дикой ветви к доброй маслине, Иисусу Христу. Хождение с зажженными свечами вокруг купели знаменует хождение в свете обновленной жизни и вечность обручения христианской души Богу. Новокрещаемого именуют новым именем в знак того, что он начинает новую жизнь; постригают у него волосы на голове в знак того, что он отныне должен исполнять не свою волю, а волю Христа²⁹¹.

---

²⁹¹ В древности постригали рабов в знак того, что они с этого времени должны исполнять волю своего господина и поступают в его полное распоряжение.

Некоторые из символических действий при совершении Таинств в глубокой древности не везде были одни и те же. Так, например, в одних местностях давали новокрещенному вкушать мед и молоко в знак сладости даров духовных и возрождения к новой жизни. В Африке – соль, тем самым указывая на слова Христа (Мк. 9, 50); в Италии иногда вручали золотую монету, напоминая о вверенном ему таланте. Церковь не стесняла этого разнообразия во внешнем обряде, когда обряд не прикрывал или не выражал мысли, не согласной с ее учением. Но она крепко держалась основной мысли, выраженной действием. Так, например, погружение в купель выражало спогребение Христу и смерть ветхого человека с его грехами для возрождения к новой, чистой жизни, и Церковь лишь в случаях крайней необходимости позволяла отступление от этого обряда, т. е. крещение через окропление. Крещение чрез погружение было общим на Западе и Востоке до XIII века.

Вначале миропомазание, сообщение даров Святого Духа, следовало везде сразу же за крещением, возрождением к новой жизни. Но на Западе с V века вошло в обычай, чтобы епископ в определенное время объезжал свою епархию и совершал миропомазание и возложение рук над теми, которые уже приняли крещение от священника. Этот обычай утвердился в VIII или в IX веке на Западе повсеместно, там, где только епископ совершает миропомазание. Восток сохранил древний обычай совершать миропомазание сразу после крещения, и совершал его каждый священник, но миром, освященным епископом. После латиняне еще больше отступили от древнего обычая, приняв за правило совершать миропомазание только спустя несколько лет после крещения, над отроками, которые предварительно прошли испытание в знании Катехизиса (так называемая конфирмация). Случалось, что некоторым это Таинство не сообщалось вовсе.

Во внешних обрядах всех других Таинств видно то же символическое значение. Так, например, с глубокой древности Церковь употребляла при совершении Евхаристии квасный хлеб, а не опресноки. И не только потому, что такой хлеб употребил Христос при установлении Таинства Евхаристии, но и потому, что когда иудеи собирались для совершения Пасхи, то вкушали опресноки с горькими травами, и это было символом страдания и скорби. Наша же Пасха – Сам Христос, есть радость и жизнь. Некоторые иудействующие секты в первые времена употребляли опресноки. Поэтому Церковь смотрела на употребление опресноков при совершении Евхаристии как на обычай неправильный, имеющий иудейский характер, не придавая, впрочем, этому вопросу первостепенной важности.

Хлеб, называемый просфорой, для совершения Евхаристии делается двухсоставный. Тем самым выражается соединение двух естеств во Христе. Наверху печать изображает слова: «Иисус Христос победитель».

Исповедь (или покаяние) в первые три века совершалась всенародно. Христиане во всеуслышание исповедовали свои грехи, и предстоятель Церкви, данной ему властью, одних допускал к причащению Святых Тайн, а на других возлагал епитимью, более или менее продолжительную. Епитимья тоже совершалась публично. Кающиеся разделялись на четыре разряда. Первые, очень тяжко согрешившие, назывались «плачущими» и «бескровными». Им не позволялось войти даже в притвор церкви, а, стоя на церковном дворе под открытым небом, они просили входящих в храм молиться за них. Кающимся второго разряда, «послушающим», позволялось стоять в притворе храма и во время богослужения слушать чтение и поучение. «Припадающие» присутствовали при литургии до возгласа: «Оглашенные, изыдите», а потом, после окончания литургии, вне храма, преклонив колена перед настоятелем, получали от него благословение. Наконец, четвертые, «стоящие с верными», присутствовали при всей литургии, но не удостоивались Святого Причастия. После окончания литургии им подавали только освященную воду, что называлось агиасма – «святыня». Все кающиеся носили смиренную одежду, иногда остригали себе волосы, воздерживались от мирских удовольствий. Между литургией оглашенных и литургией верных Церковь возносила молитвы

о кающихся. После совершения епитимий кающиеся получали разрешение перед всей Церковью посредством разрешительной молитвы и возложения рук. В конце III века и в начале IV, из снисходительности к кающимся, открытая исповедь заменилась тайной. В конце VI века патриарх Иоанн Постник, как полагают, составил книгу, в которой определялась мера епитимий за прегрешения, но она не вошла во всеобщее употребление, и епитимий налагались на кающихся их духовниками по их усмотрению. На Западе эти «пенитенциальные книги», как они назывались, имели больше значения, и к VIII веку составились уже определенные правила для епитимий, часто заменявшейся денежной пеней. Епитимия, выражение покаяния и сокрушения, получила характер наказания, которое грешник несет для удовлетворения правосудия Божия. В X веке папа Лев III издал грамоты, разрешающие грехи, которые продавались при церквях. Епископы имели право отлучать от Церкви тяжко согрешивших и впавших в ересь. При развитии папской власти это право стало в руках пап страшным оружием и часто употреблялось в политических или корыстных целях.

Таинство священства имел право совершать только епископ. С апостольских времен известны три степени священства: епископ, пресвитер и диакон. Совершается оно через рукоположение – благословение, низводящее на избранного благодать Святого Духа. Рукоположение у нас называется «хиротонией» и совершается согласно с древним обычаем по апостольским постановлениям. Как и в других Таинствах, внешние обряды, соблюдаемые при этом, имеют символическое значение, равно как и одежды, употребляемые священнослужителями. На Западе вошло в VI веке в обычай, а в VII – в закон особенное пострижение волос священнослужителей. Это называлось тонзурой и считалось заимствованным от апостола Петра. Западные епископы носили кольцо в знак обручения Церкви. Постепенно на Западе утверждался обычай, а потом и закон безбрачия для лиц духовного звания, тогда как на Востоке требовалось лишь безбрачие епископов, да и то уже после VI века.

Таинства брака, елеосвящения совершались и совершаются поныне согласно с древним преданием апостольских времен, но с некоторыми молитвами, составленными позднее.

* * *

Из бесед святых отцов первых веков известно, что с самого начала христиане торжественно праздновали великие события спасения рода человеческого, но некоторые подробности в праздновании этих воспоминаний определились постепенно. Первым и самым торжественным праздником была издревле Пасха. Христиане приветствовали друг друга радостной вестью Воскресения Христова, обменивались в знак радости лобзанием любви. Есть предание, что одаривать друг друга красным яйцом есть обычай самый древний, принятый от Марии Магдалины, которая поднесла обычное яйцо императору Тиверии, возвестив ему о воскресении из мертвых Христа²⁹². Нравилось христианам и символическое значение яйца, носящего в себе зародыш жизни. С самых первых времен празднику Пасхи предшествовал пост в воспоминание страданий Христа. Но не везде пост был одинаково продолжителен, и не везде Пасха совершалась в одно время. О времени празднования Пасхи были разногласия между Востоком и Западом, и, хотя вопрос решился определением I Никейского Собора, осталось различие в соблюдении поста: на Востоке рано установился шестинедельный пост, и затем седмица Страстная; на Западе пост был менее продолжителен. Ночь на Пасху христиане проводили в молитве. При Константине весь город освещался восковыми столбами, в знак всеобщего торжества. С особенным радостным вдохновением св. отцы Цер-

---

²⁹² Император не поверил и сказал, что воскреснуть из мертвых так же невозможно, как изменить цвет этого яйца, которое он держал в руках. И вот на глазах у всех дар, принесенный Марией, вдруг действительно изменил цвет.

кви прославляли великое событие Воскресения Христова. Григорий Богослов писал: «Ныне спасение миру, видимому и невидимому. Христос восстал из мертвых: восстаньте с Ним и вы: Христос во славе Своей, восходите и вы; Христос из гроба, освобождайтесь от уз греха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается Новый. Пасха, Господня Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств!» Эти же слова вошли и в высокие песнопения Дамаскина.

Торжественно праздновали апостолы и первые христиане день Пятидесятницы как праздник в честь Святой Троицы и воспоминание сошествия Святого Духа на верующих. Преимущественно в этот день, а также в день Пасхи и в день Богоявления принимали крещение оглашенные.

Под общим именованием Богоявления соединялось в первых веках воспоминание о Рождестве Христовом, о Крещении Его, или явлении Его миру и явлении Троицы Святой, о поклонении волхвов, первом явлении Христа язычникам, о браке в Кане Галилейской и насыщении народа пятью хлебами, как явлению чудодейственной силы Христа. Только в IV веке на Востоке стали праздновать Рождество Христово и день Крещения как отдельные праздники. На Западе и поныне в день Крещения празднуется и поклонение волхвов.

Благовещение и Вознесение Господне тоже праздновались со времен апостольских. Есть «Беседы» Ефрема Сирина на праздник Преображения²⁹³ и на Рождество Богородицы. В IV веке царица Елена основала в Палестине храм в честь Рождества Богородицы. Полагают, что она построила храм и в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

На праздник Сретения есть беседы святых отцов III и IV веков. Но с особенной торжественностью стал он праздноваться со времен Юстиниана. Страшное землетрясение и моровая язва опустошили империю, и одному благочестивому мужу было откровение, что бедствия прекратятся, если будет установлено торжественное празднование Сретения. Тогда была составлена церковная песнь о прекращении бедствия, которая и поныне произносится в этот день.

Праздник Воздвижения Креста совершался сначала во второй день Пасхи, когда царица Елена обрела Животворящий Крест, но в VII веке, когда император Ираклий возвратил его из Персии, к первому торжеству присоединили воспоминание и второго события и тогда положили праздновать Воздвижение Креста 14 сентября, хранить в этот день пост в воспоминание крестной смерти Христа. Сверх того, в знак благодарности Господу тогда же определено воздерживаться от мясной пищи в течение всей недели, предшествующей Четыредесятнице.

На Успение Пресвятой Богородицы есть Беседы свв. Ефрема Сирина, Иеронима, Августина и других отцов IV и V веков. Первые известия о чудесном Успении²⁹⁴ Богоматери сообщает Мелитон Сардийский, живший в конце II века.

---

²⁹³ Преображение Господне – один из главнейших моментов в Евангелии, в котором Иисус Христос зримо предъявляет людям Свою Богочеловеческую природу, не скрываемую завесой смирения. Три ближайших ученика Петр, Иаков и Иоанн восходят за Господом на высокую гору Фавор для молитвы и видят лицо Его, сияющее, как солнце, а одежды – блестящие и белые, как снег. Перед Христом, пред Господом, предстают два величайших человека Ветхого Завета, Моисей и Илия. Это величественное явление дополняет внезапно звучащий, как гром, голос Всевышнего с неба: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте* (Мф. 17, 5). По объяснению отцов Церкви, это откровение было дано ближайшим ученикам для укрепления их в вере в предверии поношений, страданий и казни, которые должен будет претерпеть Христос в Иерусалиме. Кроме того, в своем последующем благовестии апостолы обращаются к Фаворским событиям как к основанию учения о новой земле и о новом человеке: *от величнейшей славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе* (2 Петр. 1, 17 18). Преображение это зримое олицетворение духовной зрелости и силы. Празднование его совершается Церковью в конце лета, 6 (19) августа. Этот день символически избран как день благословения нового урожая.

²⁹⁴ Успение Пресвятой Богородицы – букв. «засыпание». Такое название на славянском языке носит блаженная кончина Божией Матери. Обстоятельства этого не отражены в Писании и сохранены в устном предании. Разные источники древнего происхождения приводят в целом единое описание обстоятельств Успения. Известно, кроме того, что уже в IV веке праздник Успения отмечался повсеместно в церквях. Кончина Пресвятой Девы Марии была тихой и светлой. Матерь

Праздник торжественного Входа Господа в Иерусалим издревле совершался Церковью в тот же день, когда мы его празднуем и ныне, о чем свидетельствуют святители Афанасий Великий, Иоанн Златоуст и другие.

Празднование святым мученикам встречаем в первых веках христианства, когда ежегодно, в день славной их кончины, именуемый днем рождения их для жизни вечной, христиане собирались к их гробницам, вспоминали их подвиги и совершали литургию, заключающуюся вечерей любви. Во время гонений императоры повелевали, видимо, для устрашения и назидания, тщательно записывать образ страданий святых мучеников, допросы, которым они подвергались, что потом послужило источником к составлению их жизнеописания. Установилось множество праздников в честь мучеников. К ним присоединились и дни поминовения великих пастырей Церкви, пустынных подвижников, ветхозаветных святых. Каждая местность (весь город или обитель) праздновала с особой торжественностью память тех святых угодников, которые в том месте были похоронены. К местам погребения особенно чтимых святых стали приходить богомольцы даже из дальних городов и стран. Ходили также поклониться гробницам святых апостолов Петра и Павла в Риме, в Галлии особенно поклонялись гробу св. Мартина Турского. На Востоке больше всего посещали, конечно, святые палестинские места, освященные жизнью и страданиями Самого Христа.

Память угодников Божиих совершалась обыкновенно в дни их кончины. Рождество Иоанна Предтечи, этого близкого предвестника Спасителя, праздновалось повсеместно и считалось днем общей радости. На день Усекновения главы Предтечи есть беседы отцов уже IV века, и в этот день, в знак участия верующих в страданиях Крестителя, установлен был пост. Святого Иоанна Предтечу ученики погребли в Севастии Самарийской, и уже в III веке существовала церковь над его гробницей. Главу его, сокрытую в нечистом месте Иродиадой, нашла жена Хузы, домоправителя Ирода, и впоследствии благочестивые люди, уважавшие память Предтечи, с благоговением хранили честную главу его, которая при императоре Маркиане была торжественно перенесена в Константинополь, но вновь утрачена во время иконоборчества. Первое, второе и третье обретение честной главы Предтечи праздновалось Церковью уже ранее IX века.

* * *

Торжественно совершала Церковь и перенесение останков святых угодников. Так, в IV веке при Констанции были перенесены в Константинополь и положены в храме св. Апостолов тела святых апостолов Андрея, Луки и Тимофея. При Юлиане Отступнике антиохийские христиане торжественно перенесли тело св. епископа Вавилы. В V веке весь Константинополь встречал мощи свт. Иоанна Златоуста, перенесенные из Коман. День перенесения мощей святого угодника становился ежегодным праздником, совершаемым с особенной торжественностью в тех местностях, где возлагались святые останки. Ежегодно праздновались и дни освящения храмов, и дни, ознаменованные особенной милостью Божией, как дни победы, прекращения бедствий и т. п. Рано встречаются указания на празднования в честь святых Ангелов, которым стали воздвигаться храмы.

Совершая в определенные дни память св. угодников Божиих, Церковь издревле положила праздновать Всем Святым в первое воскресенье после праздника Сошествия Святого Духа. Тут выражается мысль, что всякая святость, всякая добродетель есть в человеке дей-

---

Божия была похоронена святыми апостолами в Гефсиманском саду. После апостол Фома, не успевший на погребение, нашел гробницу пустой. Мать Божия была взята Своим Божественным Сыном на Небо. Праздником Успения Пресвятой Богородицы завершается церковный год. Он отмечается 15 (28) августа и предваряется двухнедельным строгим постом. В богослужении этого дня выражается надежда на то, что после отшествия на Небо Пресвятая Дева станет Ходатаицей за христиан перед Своим Божественным Сыном.

ствие и плод Духа Святого, сообщающего слабому человеку силу и мудрость. «Беседа на праздник Всех Святых» встречается уже среди Бесед свт. Иоанна Златоуста. На Западе этот праздник установил в VII веке папа Вонифатий, который, получив в подарок от императора Фоки Пантеон, бывший храмом всех языческих богов, освятил его в память Богородицы и Всех Святых. В Константинополе храм в честь Всех Святых построил в IX веке император Лев Мудрый.

С IV века уже распространилось на Востоке сказание о Нерукотворенном Образе Спасителя, находившемся в Едессе, и слава этого образа, подаренного едесскому князю Авгарю Самим Христом, привлекала в город много богомольцев. С VIII века по местам стали совершать празднование этому образу, а в X веке императоры Константин Порфирородный и Роман Лакапин купили образ у владельцев Едессы, послав им двести пленных сарацин, 12 тысяч сребреников и обещав никогда не нападать на Едессу. 16 августа икону торжественно принесли в Константинополе и поставили в храме Премудрости Божией. С этой поры день перенесения Нерукотворного Образа стало праздником.

В начале этого же века установлен праздник Покрова Божией Матери. В царствование Льва VI Мудрого, когда Византии угрожали сарацины, один святой муж, Андрей Юродивый²⁹⁵, во время всенощной во Влахернском храме Богородицы, увидел на воздухе Богородицу, окруженную ликами Ангелов и святых, молящуюся о всем мире и покровом Своим осеняющую христиан. Это дивное явление Андрей показал ученику своему Епифанию, и вскоре после того патриарх и император положили праздновать память заступления Богородицы в 1 день октября, когда было это видение.

* * *

Константинополь, посвященный своим основателем Пресвятой Деве, имеет много храмов в честь Богородицы. Особенно славились Софийский храм, построенный вначале Константином I, и Одигитрийский (или Влахернский, близ Влахернского залива), построенный в V веке царевной Пульхерией. Понятно, что чествовавшие Пресвятую Деву и святых угодников Божиих с благоговением взирали и на некоторые предметы, особенно напоминавшие их: на им принадлежавшую одежду, на образы, напоминавшие их. В Константинополе с VI и VII веков были установлены празднества в дни чудесного обретения ризы и пояса Богородицы. Иконы Богородицы чествовались благоговейно, особенно же иконы, приписываемые апостолу и евангелисту Луке, которого древнее предание считает врачом и живописцем. Древнее предание гласило, что св. апостол Лука, написав несколько образов Пресвятой Девы, получил от Нее обетование, что через эти образы Ее благословение будет нисходить на верующих. Здесь берет начало почитание чудотворных икон, посвященных Богородице. Из таких икон особенно чествовалась так называемая «Одигитрия», что значит «Путеводительница». Она была поставлена в храме, выстроенном царевной Пульхерией, и получила свое название оттого, что слепые, приводимые к образу Богородицы, прозревали и не требовали больше проводников. Мореплаватели обычно помещали образ Богородицы на корме корабля. Слави-

---

²⁹⁵ Юродство ради Христа – один из путей христианской аскезы, состоящий в добровольном принятии подвижником вида простоватого или полоумного человека, совершающего странные, противоречащие общим приличиям поступки. Христа ради юродивые не имели жилищ и имущества, проводя жизнь в голоде и нищете; выходки и слова их вызывали в свой адрес насмешки и поношения окружающих. Так достигалась главная цель подвига – преодоление тщеславия и гордыни, смирение себя перед Богом и перед людьми. Юродивые ради Христа не знали своей выгоды и не имели нужды угождать сильным мира сего. В иносказательной форме они обличали зло и неправду, существующие между христианами, пророчествовали о предстоящих бедствиях, призывали общество к покаянию, помогали скорбящим. Подвиг юродства ради Христа был особенно распространен на Руси. В русской традиции на убогих, нищих, странников всегда смотрели как на «людей Божиих». Тем более юродство, как сознательное несение креста страданий и унижений, высоко чтилось православным народом.

лись также иконы Богоматери Лиддская (или Римская), Ефесская, Миасинская, Иерусалимская, Филермская и многие другие.

При распределении дней празднуемых святых соблюдался по возможности следующий знаменательный порядок. Перед Рождеством Христа вспоминались ветхозаветные патриархи и пророки, возвестившие о Христе. После Рождества Христа праздновалось первомученику Стефану, как первому свидетелю о Христе, пострадавшему за Него, и невинным младенцам. Затем следовали дни памяти и праздники апостолов и проповедников Евангелия, потом мучеников, исповедников, девственников.

Та же мысль освящать все дни священными воспоминаниями и, так сказать, ежегодно воспроизводить в стройном порядке весь ход священных событий выражается и в распределении дней недели. Первый день за воскресеньем посвящается Ангелам – как ближайшим к Престолу Всевышнего и вестникам воли Божией; второй – вторник – пророкам, и особенно величайшему из них, Иоанну Предтече, среда посвящена воспоминанию предания Господа на страдание и смерть, причем вспоминается и Приснодева Мария. В четверг вспоминаются святые апостолы, распространившие по всей вселенной учение Христово, и достойные преемники апостолов. (У нас преимущественно вспоминается между преемниками апостолов святитель Николай.) Пятница посвящена воспоминанию страданий и смерти Христа и поклонению Животворящему Кресту. В субботу чтутся все святые и усопшие в надежде жизни вечной. Таким образом службы всей седмицы готовят верующего к торжественному сретению воскресного дня, посвященного воспоминанию о совершившемся спасении и победе над смертью воскресением Христа. Весь год был разделен на четыре части, содержащие каждая три месяца и начинавшиеся постами. Со времени I Вселенского Собора новый год стал начинаться с 1 сентября.

* * *

О постах известно с самых первых веков. Христиане постились в среду и пятницу, в память о страданиях и смерти Христа. На Западе уже в III веке присоединили к этому еще и третий день, субботу, в память того, что в этот день Христос лежал во Гробе. Вообще, с самого начала между Востоком и Западом было разногласие относительно постов. Так, пост перед Пасхой был на Западе менее продолжителен, чем на Востоке, и соблюдался он там менее строго: дозволялось вкушать яйца и молоко. Но Церковь, в своем ненарушимом единстве не оскорблялась таким разнообразием обычаев, потому что они еще не выражали и не прикрывали еретической мысли. Но позднее, когда на Западе установились разные новые обычаи, не как результат развития местной церковной жизни, а вследствие произвола пап, возведенного в Божественное право, тогда Восточная Церковь отнеслась уже строже к нововведенным обычаям, истекавшим из ложной мысли.

Другие посты: перед Рождеством Христа, перед днем святых апостолов и перед Успением Богородицы, тоже установлены в первые четыре века. Поклонение Честному Кресту на 3-й и 4-й неделях Великого поста установлено, как полагают, в VIII веке, и святым Феодором Студитом была составлена служба в неделю Крестопоклонную.

* * *

Построение обширных и богатых христианских церквей началось преимущественно с IV века. Прежде, во времена гонений, христиане собирались на молитву, где могли: в домах, в которых особая комната освящалась для богослужения, в подземельях при гробницах мучеников. Во времена, свободные от гонений, иногда строились церкви, но они были не многочисленны и опять разрушались во времена гонений. Так случилось в Никомидии при Дио-

клетiane. Когда же Константин убедился в истине христианской веры, то он позаботился о том, чтобы основать великолепные христианские церкви в Палестине и во всех восточных его областях, в Риме и в новой столице. Некоторые языческие храмы обращались в христианские церкви, но это случалось редко, потому что языческие храмы не соответствовали потребностям христианского богослужения. Они большей частью были довольно тесными: в них стояли идолы богов, но все действия языческого богослужения происходили вне храмов, а так как при служении не полагалось чтения и поучений, то не было и нужды в крытом, обширном пространстве для слушателей, что стало необходимо при христианском богослужении. Потребностям христианского богослужения прекрасно соответствовали древние базилики, публичные, торговые и судебные залы продолговатой, четырехугольной формы, разделенные вдоль на три части двумя рядами колонн, так что среднее пространство между колоннами было вдвое шире боковых пространств. Некоторые базилики в Риме обратили в христианские храмы, другие храмы построили по архитектуре базилик, но так, что боковые стороны были короче среднего пространства, что придавало всему зданию форму креста. На восточном конце среднего длинного пространства устраивался алтарь, отделенный решетчатой перегородкой или завесой, с одним престолом. Вся та часть внутреннего пространства, где, собственно, и происходило богослужение, возвышалась над остальной частью. Вместо плоской крыши стали постепенно строить крыши в форме купола.

Монастырь св. Екатерины, Синай

Самые древние христианские храмы, обращенные из базилик или построенные по форме базилики, находятся в Риме: Латеранская базилика во имя св. Иоанна, которая *была* подарена римскому епископу Константином; Ватиканская базилика во имя св. Петра, построенная Константином на Ватиканской горе, месте, где согласно преданию, происходила мученическая смерть святого апостола. Стены христианского храма опирались на остатки цирка Нерона, в котором погибло множество христиан. Храм св. Петра, построенный Константином, стоял до XIV века. Затем базилика св. Павла за городом, построенная Феодосием, и св. Марии Большой, построенная папой Ливерием.

Монастырь св. Екатерины, Синай

Равенна, Аквилея славилась множеством богатых христианских церквей. В Константинополе великолепнейшим храмом был храм св. Софии, Премудрости Божией, построенный Константином и значительно расширенный Констанцием. После пожара, истребившего древний храм, Юстиниан построил новый, превышавший богатством и великолепием все храмы столицы.

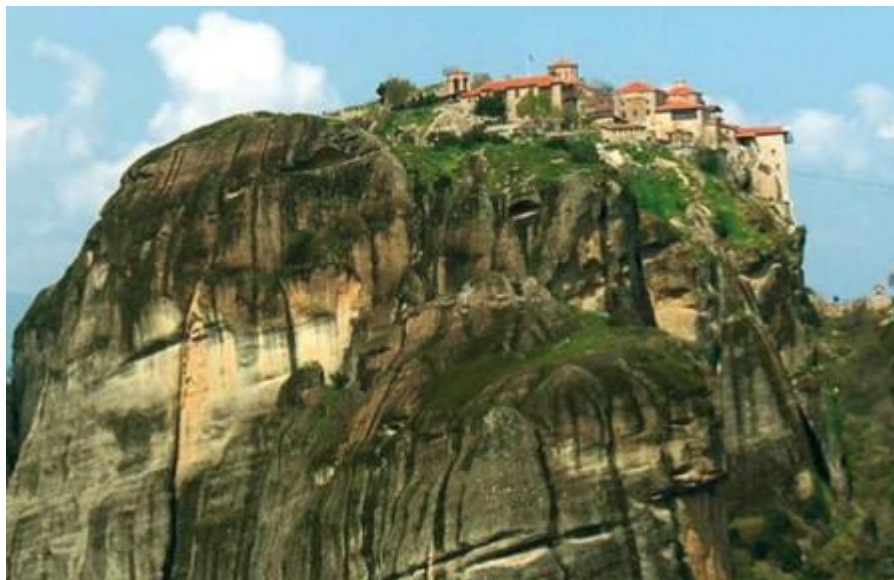
Сначала при церквях устраивались особые крещальни – круглые здания, середину которых занимал крещальный бассейн, окруженный рядом колонн, между которыми были завесы. Впоследствии, когда повсеместно распространился обычай крещения младенцев, отдельные крещальни перестали строить. Достаточно было заменить их купелью, которая стояла в самой церкви.

Пелопоннес

При обширных церквах иногда строились еще и помещения для церковной утвари, для церковных одежд и почти всегда – библиотеки. Кроме того, были дома для церковнослужителей, приюты для сирот и старцев, школы, странноприимные дома. Кладбище часто находилось тоже внутри церковного двора, обнесенного со всеми включающимися в нем зданиями каменной стеной.

Монастырь в Метеорах

В первых веках, когда христиане подвергались гонению, зов к богослужению происходил, вероятно, через устное возвешение особо посылаемыми вестниками. С IV века употреблялось ударение в деревянное или металлическое било, то есть в деревянные или металлические доски. Точно не известно, когда ввели в употребление для этого колокола²⁹⁶. Первое упоминание о них встречается на Западе, где они были изобретены в VI веке; во всеобщее церковное употребление входят они на Западе в VIII веке. Некоторые считают, что на Востоке утвердился обычай иметь колокола для зова к богослужению не ранее IX века. Тогда стали строить при церквах и колокольни. В VII и VIII веках встречаем на Западе обычай крещения колоколов, осужденный, впрочем, Западной Церковью: при особенных молитвах их омывали водой, помазывали елеем и, освятив призыванием Святой Троицы, давали им имена.

---

²⁹⁶ В православном богослужебном обиходе инструментальная музыка не применяется. Человеческий голос считается наиболее совершенным мелодическим орудием, созданным Самим Богом. Единственным музыкальным инструментом в православном храме является колокол. Устройство его заимствовано с Запада. Считается, что одним из первых его применил в своей церкви св. Павлин Нольский. В греческих церквях и монастырях для тех же целей использовалось «било» особого вида полоса металла, издающая звонкий хлопок при ударе. В православном храме колокольный звон применяется очень широко. Ударами в колокол принято не только созывать верующих на молитву, но и отмечать наиболее значительные моменты служб, проезд в храм архиерея, проводы в последний земной путь усопших. К числу православных традиций относится и благовест – колокольная полифония. На звоннице православного храма обычно располагается значительное число, иногда до 2–3 десятков, колоколов разных размеров. Один или несколько звонарей приводят в движение их. Отдельные колокольные партии при этом сливаются в единую мелодическую гармонию, пробуждающую в душе радостное, возвышенное настроение. Разнообразие применения обусловило широкое развитие на Руси колокольного дела. Техника литья колоколов с древности была освоена русскими мастерами. В России отливались самые большие колокола в мире. Величайший Царь-колокол, находящийся в Московском Кремле, выполнен в 1735 году и имеет вес свыше 200 тонн.

Сирийский монастырь

Древние отцы Церкви упоминают об одном престоле в церкви. Это сохранилось на Востоке, но на Западе с VIII века уже видим в церквях несколько престолов. Число их особенно умножилось с тех пор, как был введен странный обычай – тайная месса, – отчасти исходящий из употребления непонятного языка в богослужении. Богослужение на латинском языке, не знакомом народу, слушалось им без душевного участия. Присутствие при богослужении все больше и больше становилось исполнением только внешней обязанности, возлагаемой духовенством на мирян. Некоторые священники из корыстолюбия стали внушать мирянам, что особенно душеспасительно для них, если для каждого лица отслужится литургия. Непонятную литургию можно было и не слушать, присутствующие от этого ничего не теряли: и вот вошло в обычай, что на одном престоле в один и тот же день, или на нескольких престолах в одно и то же время, совершалось несколько литургий, или месс. Одну, главную, совершали громко, другие шепотом. В конце IX века, когда распространилось мнение о близкой кончине мира, обычай тайной мессы особенно укрепился.

Престолы делались каменные и покрывались золотом и серебром. Для походных церквей при войсках, при миссионерах брали вместо престола на Западе освященные, каменные плиты, на Востоке – антиминос, на престольную пелену, освященную епископом, в которую были вшиты частицы мощей святых.

При отделке новых богатых христианских храмов вошли в употребление мозаичные изображения. Стены храмов украшались изображениями ветхозаветных и новозаветных событий, между тем как в передней части храма ставились изображения Христа, Богородицы, новозаветных святых.

На Востоке в церкви сохранилось только одно пение и донныне. На Западе с IX века вошли в употребление органы.

Рано распространившимся обычаем было чтение Псалтири над усопшими. Император Юстиниан завел жилище для инокинь, в обязанность которых входило чтение Псалтири над покойниками. Почти все обряды, совершавшиеся при погребении умерших, употребляемые у нас, берут свое начало в глубокой древности. О возжжении, употреблении свечей при отпевании упоминают святые Афанасий Великий, Дионисий, Иоанн Златоуст. Зажженные свечи означали радость и покой перешедшего от мятежного мира в вечность и торжество победителя. Употребление колива (вареной пшеницы с медом) имеет символическое значе-

ние. Зерно, хранящее в себе зародыш жизни, есть символ нашей уверенности в воскресении наших тел (1 Кор. 15, 37–38). Чин погребения составлен Иоанном Дамаскином и Феофаном Начертанным, чьи каноны и стихиры при этом поются. В Правилах Апостольских сказано, что усопший издревле поминался в третий день, в память трехдневного Воскресения Христова, в девятый день после кончины – в честь девяти чинов Ангельских, чтобы душа усопшего была принята в мир Ангельский, блаженный. В сороковой – в память вознесшегося в сороковой день Господа, и по примеру израильтян, сорок дней оплакивавших смерть Моисея. Годовщина совершалась в память самого умершего. На Западе в IX веке в Клунийской обители установлен день общего поминовения усопших, когда молили Господа избавить их от чистилищного огня. Но понятие о чистилище, как о месте среднем между небом и адом, месте, где согрешившие страданиями искупали свои прегрешения, как догмат Церкви не было еще ясно выражено даже на Западе. Это было сделано позднее.

Именной указатель

- Аббан – см. Альбан Британский.
- Августа (♣ 305–313) – мученица, жена императора Максимиана.
- Августин блаженный (354; ♣ 430) – епископ Иппонийский, церковный писатель, учитель Вселенской Церкви.
- Августин (ум. 604) – римский проповедник в королевстве франков.
- Авраам (♣ ок. 2000 до Р.Х.) – ветхозаветный патриарх.
- Аврелий – см. Марк Аврелий. Агафия (♣ 251) – мученица.
- Агриппа – см. Ирод Агриппа.
- Адам Бременский (XII в.) – летописец Северных стран.
- Адальберг (Войцех) Пражский (ум. 997) – епископ, просветитель Пруссии, мученик.
- Адеодат (V в.) – сын блаженного Августина.
- Адриан II Элий (76–138) – римский император в 117–138 годах.
- Александр Александрийский (ум. 326) – патриарх Александрийский в 312–326 годах, обличитель ереси Ария.
- Александр Иерусалимский (♣ 250) – патриарх Иерусалимский в 212–250 годах, священномученик.
- Александр Север Марк Аврелий (208–235) – римский император в 222–235 годах.
- Алексий, человек Божий (♣ 411) – праведный.
- Алкуин Турский (ок. 735–804) – игумен, ученый и богослов, советник Карла Великого, защитник Православия и просветитель.
- Альбан Британский (VI–VII век) – аббат, мученик.
- Альфонс III Великий Католический (838–910/912) – король Астурии с 866 года.
- Альфред Великий (ок. 849–901) – король англосаксонского королевства Уэссекс с 871 года, а затем Англии, просветитель.
- Аманд Маастрихтский (ум. 679) – епископ, просветитель Бельгии.
- Амвросий Медиоланский (Миланский) (♣ 397) – святитель, духовный писатель и богослов.
- Аммон Великий (♣ ок. 350) – преподобный, Египетский пустынный.
- Аммоний Сакка (III в.) – александрийский ученый, защитник христианства.
- Анастасий I Флавий (VI век) – император Восточной Римской империи в 491–518 годах, монофизит.
- Анастасия Узорешительница (♣ ок. 304) – великомученица.
- Андрей Критский (♣ 720/726) – святитель, творец Великого покаянного канона.
- Ансхарий Гамбургский (ум. 865) – епископ, бенедиктинец, «апостол Скандинавии».
- Антоний Великий (♣ 356) – преподобный, Египетский пустынный, основатель пустынножительств.
- Аполлинарий Иерапольский (ум. после 180 года) – епископ Иераполя, духовный писатель, богослов и апологет христианства, известный своей «Апологией», адресованной императору Марку Аврелию; активно выступал против «фригийской ереси» Монтана.
- Апполос (Апеллий) Александриец (♣ I век) – апостол от 70, епископ Критский, Кесарийский, Смирнский.
- Аргир (Аргирос) (XI век) – правитель г. Бари в Апулии.
- Арзаций (Арсакий) – патриарх Константинопольский в 404–405 гг., наследовавший кафедру после изгнания свт. Иоанна Златоуста.
- Арий (ум. 336) – пресвитер Александрийский, ересиарх.

Аристей Александриец (III век до Р.Х.) – начальник стражи египетского царя Птолемея II Филадельфа.

Аристид (II век) – греческий христианский философ.

Аркадий Флавий (377–408) – первый император Восточной Римской империи в 395–408 годах, старший сын Феодосия Великого.

Арсений Великий (354–450) – преподобный, воспитатель будущего императора Аркадия, египетский пустынный.

Аскольд (?–882) – Киевский великий князь.

Аттик (V век) – патриарх Константинопольский в 406–425 гг., наследовавший кафедру после Арзакия.

Аттила (ок. 434–453) – вождь гуннов, остготов, герулов, аланов.

Афанасий Великий Александрийский (род. 293; ♣ 373) – святитель, патриарх Александрийский в 326–373 годах, учитель Вселенской Церкви.

Афинагор (II век) – греческий христианский философ.

Афиноген (♣ ок. 311) – священномученик, епископ Севастийский.

Афинодор (III век) – епископ Понтийский, брат святителя Григория Неокесарийского.

Бар-Кохба (Варкохеба) (ум. 135) – вождь восстания против римлян в Иудее в 132–135 годах.

Бароний (XVI век) – ватиканский библиотекарь.

Беда Достопочтенный (род. 672/673; ум. 735) – «отец английской истории» и летописец Английской Церкви.

Бенедикт (Венедикт) Нурсийский (ок. 480; ♣ 543) – епископ, преподобный.

Болеслав I Храбрый (967–1025) – польский князь с 992 года, король Польши с 1025 года.

Борис I (?–907) – болгарский князь в 852–889 годах, крестивший Болгарию в Православие в 864 г.

Боэций (Боэтий) (ок. 480–524) – христианин, духовный писатель, сенатор в правительстве короля Теодориха, арианина.

Бруно I Кельнский (ум. 965) – архиепископ.

Валент Флавий (328–378) – император-арианин Восточно-Римской империи в 364–378 годах.

Валентин (ум. ок. 160) – философ и мыслитель, известный ересиарх.

Валентиниан I Флавий (321–375) – римский император в 364–375 годах, защитник христианства.

Валентиниан II Флавий (371–392) – римский император в 383–392 годах.

Валентиниан III Флавий Плицид (419–455) – император Западно-Римской империи в 425–455 годах.

Валериан Публий Лициний (ок. 193 – после 260) – римский император в 253–259 годах.

Вардесан (ок. 154–225) – мыслитель, ересиарх II века, с учением которого впоследствии боролся преподобный Ефрем Сирийский.

Варкохеба – см. Бар-Кохба.

Варфоломей (I в.) – апостол от 12, священномученик, проповедовавший в Индии и Армении.

Василид (II век) – ересиарх II века, поклонник Аристотеля и проповедник «тайного учения» апостола Петра.

Василий Великий (род. 329, ♣ 379) – архиепископ Кесарии Каппадокийской, великий учитель и святитель Вселенской Церкви.

Василий Амасийский (♣ ок. 322) – епископ, священномученик.

Василий I Македонянин (ок. 835–886) – Византийский император с 867 года, основатель Македонской династии.

Вахтанг I Горгасал (?—502) – царь Иверии (Картли).

Венедикт Нурсийский – см. Бенедикт Нурсийский.

Венедикт Анианский (IX век) – епископ, основатель ордена бенедиктинцев.

Веспасиан Тит Флавий (9—79) – римский император с 69 года.

Виктор II – папа Римский в 1055–1058 годах.

Виллиброрд Утрехтский (ум. 739) – архиепископ, просветитель Голландии.

Вильфрид Йоркский Древний (ум. 709) – архиепископ.

Вонифатий (ок. 672/675—754) – епископ, «апостол Германии», просветитель Фризии и Саксонии.

Вонифатий (♣ 290) – мученик.

Вячеслав (♣ 935) – мученик, князь Чешский.

Галерий Гай Валерий Максимиан (250–311) – римский император с 305 года, зять и одновременно приемный сын императора Диоклетиана, гонитель христианства.

Галл Флавий (IV век) – сводный брат императора Юлиана Отступника.

Галлией Публий Лициний (218–268) – римский император с 253 года.

Гамалиил (♣ ок. 52) – фарисей, учитель иудейский, наставник в Законе Божиим апостола Павла, которым, по преданию, был и крещен; праведный.

Гарольд (IX век) – датский король.

Гензерих (428–477) – вождь вандалов и аланов, основавший государство в Северной Африке.

Георгий Писидийский (VII век) – диакон Константинопольской церкви.

Георгий Антиохийский (Писидийский) (♣ 813/820) – епископ, святитель, исповедник.

Георгий Победоносец (♣ 303) – великомученик.

Герман (♣ 740) – патриарх Константинопольский в 715–730 годах, исповедник.

Гильдебранд (Хильдебрант) – см. Григорий VII, папа Римский.

Годескальд (ум. 1066) – князь племени бодричей, просветитель Пруссии.

Годешальк (IX век) – инок Фульдского монастыря.

Гонорий Флавий (384–423) – император Западной Римской империи с 395 года, младший сын императора Феодосия Великого.

Грациан Флавий (359–383) – римский император с 375 года.

Григорий I Богослов (Назианзин) (ок. 328 – ок. 390) – патриарх Константинопольский в 381 году, великий учитель и святитель Вселенской Церкви.

Григорий Неокесарийский (♣ ок. 266–270) – епископ, святитель и чудотворец.

Григорий Нисский (♣ после 394) – епископ, святитель, брат свт. Василия Великого.

Григорий I Великий Двоеслов (ок. 540, ♣ 604) – папа Римский с 590 года.

Григорий II (♣ 731) – папа Римский с 715 года.

Григорий III (ум. 741) – папа Римский в 731–741 годах.

Григорий VII (Гильдебранд) (между 1015/1020—1085) – папа Римский в 1073–1085 годах.

Григорий Армянский Партев (Григор Просветитель) (ок. 257; ♣ ок. 335) – епископ, священномученик, просветитель Великой Армении, крестивший около 301 года царя Тиридата (Трдата), а затем и всю страну; в итоге Армения стала второй после Едессы государством, где Православие стало официально признанной религией.

Гуго Капет (ок. 940–996) – франкский король с 987 года, основатель династии Капетингов.

Дидим Слепец (310–395) – христиански богослов, возглавлял Александрийское огласительное училище, ученик Афанасия Великого.

Димитрий (III век) – Александрийский патриарх в 189–231 годах.

Димитрий Солунский (♣ ок. 306) – великомученик, проконсул.

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245–316) – римский император с 284 по 305 год.

Дионисий Ареопагит (♣ 96) – апостол от 70, первый Афинский епископ, священномученик.

Дионисий Александрийский (♣ 264/265) – Александрийский патриарх в 246–265 годах, исповедник.

Дир (?—882) – Киевский князь.

Дитмар (IX век) – первый Пражский епископ.

«Долгие братья» (IV век) – египетские подвижники из Фиваидской пустыни.

Домициан Тит Флавий (51–96) – римский император с 81 года.

Донат (III–IV век) – епископ Карфагенский, вдохновитель раскола донатистов.

Дунстан Кентерберийский (ум. 988) – архиепископ, бенедиктинец.

Евдокия Илиопольская (♣ ок. 160–170) – преподобномученица.

Евдоксия (ум. 407) – императрица, супруга императора Восточной Римской империи Аркадия.

Евлогий Испанский (ум. 859) – мученик.

Еводий (Евод) (♣ 66) – Антиохийский патриарх с 57 года, апостол от 70, священномученик.

Евсевий (IV век) – епископ Никомидийский, сторонник Ария.

Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил) (между 260/265–388/389) – епископ Кесарии Палестинской, церковный историк.

Евстафий Антиохийский (♣ 337) – патриарх Антиохии в 323–331 годах, исповедник, противник ариан.

Евтихий (VI век) – ересиарх.

Евфимий Великий (377; ♣ 473) – преподобный, палестинский подвижник.

Египзипп (II век) – первый историк Вселенской Церкви. Едесий (Эдессий) (IV век) – просветитель Абиссинии.

Екатерина (♣ ок. 305–313) – великомученица.

Елеазар (I век) – зилот, один из народных вождей во время Иудейской войны 66–73 годов.

Елеазар (III век до Р.Х.) – иудейский первосвященник.

Ерм (Ерма) (♣ I век) – апостол от 70, епископ Филиппопольский.

Ермингельд (♣ 586) – мученик, царевич Готфский.

Ефрем Сирий (♣ ок. 373–379) – преподобный, диакон, великий подвижник и пустынно-учитель Вселенской Церкви.

Захария (VII век) – патриарх Иерусалимский в 609–633 годах.

Зенон (V век) – император Восточной Римской империи в 474–491 годах.

Иаков Алфеев Младший (♣ I век) – апостол от 12, брат апостола и евангелиста Матфея, священномученик.

Иаков, брат Господень по плоти (♣ ок. 63) – апостол от 70, первый Иерусалимский патриарх, священномученик.

Иаков Зеведеев (♣ 44) – апостол от 12, брат апостола и евангелиста Иоанна Богослова, священномученик.

Иаков Низибийский (♣ 350) – епископ, преподобный.

Ива (VI век) – епископ Едесский.

Игнатий Богоносец (♣ 107) – епископ Антиохийский, священномученик.

Иеровоам (975–954 годы до Р.Х.) – первый царь десяти колен израильских.

Иероним Стридонский (ок. 340/350; ♣ 420) – блаженный, духовный писатель и ученый, автор наиболее употребительного перевода Библии на латынь.

Иларион Великий (♣ 371 /372) – преподобный, ученик Антония Великого.

Иларий Пиктавийский (Пуатьеский) (ум. 367) – епископ, просветитель.

Иннокентий I (V век) – папа Римский в 401 /402—417 годах. Иоанн Богослов (♣ между 97—117) – евангелист и апостол от 12.

Иоанн Гискала (I век) – зилот, один из предводителей во время Иудейской войны 66–73 годов.

Иоанн Дамаскин (♣ ок. 780) – преподобный, исповедник, церковный гимнограф и богослов.

Иоанн Златоуст (между 334 и 347; ♣ 407) – патриарх Константинопольский в 398–404 годах (с перерывом), великий учитель и святитель Вселенской Церкви.

Иоанн Колов (♣ ок. 430) – преподобный, отшельник.

Иоанн Лествичник (ок. 525; ♣ 649) – преподобный, игумен Синайский.

Иоанн Милостивый (♣ 620) – патриарх Александрийский, святитель.

Иоанн IV Постник (♣ 595) – патриарх Константинопольский в 582–595 годах, святитель.

Иоанн VIII (IX век) – папа Римский в 872–882 годах.

Иовиан Флавий (ок. 331–364) – римский император в 363–364 годах, прекратил гонение христианства.

Иоиль (♣ 800 г. до Р.Х.) – один из 12 «малых» пророков, жил, вероятно, во времена Иудейского царя Озии.

Иосиф (Иуст или Варсава) (♣ I век) – апостол от 70, епископ Елевферопольский, священномученик.

Иосиф Праведный (♣ I век) – Обручник Пресвятой Богородицы.

Ипполит Римский (♣ III век) – богослов, епископ Римский ок. 235 года, священномученик.

Ираклий (VII век) – император Восточной Римской империи в 610–641 годах.

Иринеи Лионский (ок. 130; ♣ 202) – епископ, богослов, священномученик.

Ирод Агриппа I (ок. 10 года до Р.Х. – ум. 44) – царь Иудейский с 38 года, внук Ирода I.

Исаакий Далматский (♣ 383) – преподобный, игумен Далматской обители, исповедник.

Исайя (♣ VIII век до Р.Х.) – великий ветхозаветный пророк.

Исидор Пелусиот (♣ ок. 436–440) – преподобный, игумен, ученик свт. Иоанна Златоуста.

Исидор Севильский (ум. 636) – архиепископ, церковный писатель и ученый.

Иуда Иаковлев, брат Господень по плоти (Леввей, Фадей) (♣ ок. 80) – апостол от 12, священномученик.

Иустин Философ (♣ 166) – мученик.

Калигула (Гай Цезарь Германик) (12–41) – римский император с 37 года.

Кандакия (I век) – эфиопская царица.

Карл Великий (742 или 768–814) – основатель так называемой «Римской империи Средневековья» (с 800 г.).

Карл Мартелл (688–741) – майордом из рода Каролингов, фактический правитель франкского государства при последних Меровингах с 715 года.

Карп Фиатирский (♣ ок. 251) – епископ Пергамский, священномученик.

Карпократ (II век) – ересиарх.

Кассия (IX век) – инокиня одного из Константинопольских монастырей, автор многих церковных песнопений и гимнов.

Киприан Карфагенский (♣ 258) – епископ, священномученик.

Кирилл Александрийский (♣ 444) – патриарх Александрийский с 412 года, святитель, учитель Вселенской Церкви.

Кирилл Иерусалимский (♣ 386) – патриарх Иерусалимский с 350 года, святитель.

Кирилл (Константин) Философ (826/827; ♣ 869) – преподобный, учитель Словенский, Моравский, равноапостольный.

Климент Александрийский (II–III век) – богослов.

Климент Охридский (♣ 916) – архиепископ Величкий (Болгарский), равноапостольный, просветитель Словенский.

Климент Римский (♣ 101) – епископ Римский с 91 по 100 год, апостол от 70, священномученик.

Кодрат Афинский (♣ 130) – апостол от 70, епископ Афинский и Магнезийский, священномученик.

Кодрат Никомидийский (♣ 303) – мученик.

Колумба Айонский (518/523—597) – епископ, ирландский проповедник, миссионер в Шотландии.

Колумбан (ок. 543–615) – ирландский монах и основатель монастырей в Галлии.

Констанс (Констант) Флавий Юлий (ок. 320–350) – римский император-соправитель (на западе) с 337 года, младший сын Константина I Великого.

Константин I Великий (272?; ♣ 337) – римский император-соправитель с 306 года, единовластный – с 323 года, равноапостольный.

Константин V (VI) Копроним (VIII век) – император Восточной Римской империи (Византии) в 741–775 годах, иконоборец.

Константин IX (X) Мономах (XI век) – император Восточной Римской империи (Византии) в 1042–1054 годах.

Константин Философ – см. Кирилл Философ.

Констанций Флавий Юлий (317–361) – римский император-соправитель (на востоке) с 337 года, с 352 года – единовластный правитель империи, сын императора Константина I Великого.

Констанций Хлор (ок. 250–306) – римский император-соправитель с 305 года, отец Константина I Великого.

Корнилий сотник (♣ I век) – апостол от 70, епископ Кесарии Палестинской, священномученик.

Косма Маиумский (Маюмский) (♣ ок. 787) – Святоградец, епископ, творец канонов.

Крисп (♣ I век) – начальник синагоги в Коринфе, апостол от 70, епископ Егинский.

Лаврентий Римский (♣ 258) – архидиакон, священномученик; святой Католической Церкви.

Лев III Исавр (VIII век) – император Восточной Римской империи (Византии) в 717–741 годах, иконоборец.

Лев IV Хазар (VIII век) – император Восточной Римской империи (Византии) в 775–780 годах, иконоборец.

Лев V Армянин (ум. 820) – император Восточной Римской империи (Византии) в 813–820 годах, иконоборец.

Лев VI Мудрый Философ (ум. 911) – император Восточной Римской империи (Византии) в 886–911 годах.

Лев Охридский (XI век) – архиепископ.

Лев III Римский Падерборн (ум. 816) – папа Римский в 795–816 годах.

Лев IX Римский (ум. 1054) – папа Римский в 1049–1054 годах.

Ливерий (Либерии) (♣ 366) – папа Римский в 352–366 годах, святитель, исповедник.

Ликий (Лициний) Валерий Лициниан (ок. 265–325) – римский император (на востоке) в 308–324 годах.

Лука (Лукий) (♣ I век) – апостол от 70 и евангелист, епископ Лаодикийский, священномученик.

Лукиан (♣ 312) – пресвитер Антиохийский, преподобномученик.

Людмила Чешская (♣ 927) – княгиня, мученица. Людовик Благочестивый (778–840) – император Священной Римской империи (Франков) с 814 года.

Маврикий – римский император в 582–602 годах. Магомет – см. Мухаммед.

Макарий Александрийский (♣ 394/395) – Новый, Градский, преподобный.

Македонии (IV век) – патриарх Константинопольский в 341–360 годах, назначенный императором Констанцием.

Макрина Каппадокийская (♣ 380) – Младшая, преподобная, сестра свт. Василия Великого.

Максентий (Максенций) Аврелий (ок. 280–312) – римский император-соправитель с 306 года, сын императора Максимиана Аврелия Валерия.

Максим Исповедник (ок. 582; ♣ 662) – преподобный, исповедник, богослов.

Максим Циник (IV век) – ариан, противник свт. Григория Богослова.

Максимиан Аврелий Валерий Геркулес (ок. 250–310) – римский император-соправитель (на западе) в 286–305 годах.

Максимин Дайя Валерий Галерий (IV век) – римский император-соправитель в 309–313 годах, правитель Сирии и Египта.

Мария Египетская (♣ 522) – преподобная, пустынножительница.

Мария (♣ I век) – жена-мироносица, мать апостола и евангелиста Марка (Иоанна).

Марк Аврелий Антонин (121–180) – римский император с 161 года.

Марк Арефусийский (♣ ок. 364) – епископ, священномученик. Маркелла (IV век) – подвижница, ученица блж. Иеронима Стридонского и свт. Павлина Ноланского. Маркион (II век) – ересиарх.

Мартин I (♣ 655) – папа Римский в 649–653 годах, исповедник.

Мартин Милостивый (316 или 336; ♣ ок. 400) – епископ Турский, святитель.

Матфий (♣ ок. 63) – сначала апостол от 70; избранный на место Иуды Искариотского, стал апостолом от 12, священномученик.

Мелания Римляныня Младшая (♣ 439) – преподобная, внучка Мелании Старшей.

Мелания Старшая Палестинская (♣ 410) – преподобная, палестинская подвижница.

Мелетий (♣ 381) – патриарх Антиохийский в 358–381 годах, святитель.

Мелетий Ликепольский (IV век) – епископ, сподвижник Ария. Мелитон Сардийский Ливийский (ум. ок. 194/195) – епископ.

Менандр (I век) – ересиарх, ученик Симона-волхва. Мефодий Моравский Словенский (ок. 820; ♣ 885) – преподобный, равноапостольный, архиепископ, брат Кирилла Философа. Мириан (IV век) – царь Иверии.

Михаил Керулларий (ок. 1000–1058) – патриарх Константинопольский в 1043–1058 годах.

Михаил III Пьяный (IX век) – византийский император в 855–867 годах.

Моисей Боговидец (♣ 1531 до Р.Х.) – пророк.

Моисей Мурин Ефиопский (♣ ок. 400) – преподобный, священномученик.

Моника (332–387) – мать блж. Августина Иппонийского.

Монтан (II век) – ересиарх, фригиец по происхождению.

Мухаммед (ок. 570–632) – основатель ислама, почитается как пророк; в 630–631 годах – глава первого мусульманского государства в Аравии.

Наркисс Иерусалимский (ум. ок. 213) – патриарх Иерусалимский около 196 года и в 212 году.

Никанор (♣ 34) – диакон первенствующей Церкви, апостол от 70, священномученик.

Никита Пекторат (Стифат) (сер. XI века) – монах Студийского монастыря, сторонник разрыва с Римской Церковью и патриарха Михаила Керуллария.

Никифор Каллист (Ксанфопул) (нач. XIV века) – византийский духовный писатель.

Николай (I век) – диакон первенствующей Церкви.

Николай Мир Ликийских Чудотворец (♣ ок. 345/351) – святитель, епископ.

Николай I Римский (ум. 867) – папа Римский в 858–867 годах.

Нил Новый Калабрийский (910—1005) – игумен из Калабрии. Нил Синайский Постник (♣ ок. 450) – преподобный, пустынный.

Нина (♣ 335) – просветительница Грузии, равноапостольная.

Нерсес Великий (IV–V век) – армянский святитель, продолживший проповедь христианства, начатую святым Григорием Просветителем.

Несторий (ум. ок. 451 /452) – ересиарх, Константинопольский патриарх в 428–431 годах.

Новат (III век) – карфагенский пресвитер, раскольник церковного единства.

Новациан (III век) – римский пресвитер, раскольник церковного единства.

Одоакр (433–493) – германский правитель в Италии, низложивший последнего римского императора Ромулуса-Августулю-са в 476 году и отославший знаки его императорского достоинства императору Зенону на восток; убит Теодорихом.

Олаф II Святой (ум. 1030) – норвежский король в 1015/1016– 1028 годах.

Олимпиада Константинопольская (ок. 470; ♣ 409) – диакониса Константинопольской Церкви, ученица свт. Иоанна Златоуста.

Омар I (581 или 591–644) – второй халиф Арабского халифата с 634 года, ближайший сподвижник Мухаммеда.

Ориген (ок. 185–253/254) – христианский философ и теолог из Александрии, воззрения которого в 543 году были осуждены как еретические.

Освальд Нортумбрийский (ум. 642) – английский король.

Освей (VII век) – английский король.

Оттон I (912–973) – германский король с 936 года, с 962 года – император «Священной Римской империи».

Павел (до обращения Савл) (♣ 67) – апостол от 70, святой первоверховный апостол и учитель Церкви.

Павел Альварес Кордовский (сер. IX века) – ревнитель христианства в Испании.

Павел I (♣ IV век) – патриарх Константинопольский в 340 году и в 347–350 годах; изгонялся арианами.

Павел IV Константинопольский (♣ 784) – патриарх Константинопольский в 780–784 годах, святитель.

Павел Фивейский (♣ 341) – преподобный, египетский отшельник.

Павла Вифлеемская (♣ 404) – игуменья, палестинская подвижница, основательница монастырей на Святой Земле.

Павлин Милостивый Ноланский (Нольский) (♣ 431) – епископ, духовный писатель, гимнограф.

Памфил Кесарийский (Палестинский) (♣ 307–309) – пресвитер, священномученик.

Папий Иерапольский (ум. после 120) – епископ.

Пармен (♣ I век) – апостол от 70, диакон первенствующей Церкви.

Патрик Ирландский (ок. 398 – ок. 461) – епископ, просветитель Ирландии.

Пафнутий Великий Фиваидский (♣ ок. 360) – епископ, исповедник.

Пахомий Великий Фиваидский (♣ ок. 348) – египетский пустынный, преподобный.

Пелагий (ок. 360 – ок. 418) – ересиарх, британский монах.

Пелагия Антиохийская (♣ 303) – дева, мученица.

Пелагия Палестинская, Елеонская (♣ 457) – преподобная, подвизавшаяся в мужском образе.

Петр (до призвания Симон, Кифа) (♣ 67) – первоверховный апостол от 12, священномученик.

Петр I Александрийский (♣ 311) – патриарх Александрийский в 300–311 годах, священномученик.

Пильгрим Пассавский (IX век) – епископ, крестивший Венгрию по латинскому образцу.

Пионий Смирнский (♣ 250) – пресвитер, священномученик.

Пипин Короткий (714–768) – майордом, франкский король с 751 года, основатель династии Каролингов.

Плотин (204–270) – греческий философ, основатель неоплатонизма.

Поликарп Смирнский (♣ 167) – епископ, священномученик.

Понтий Пилат (ум. 39) – прокуратор, римский наместник Иудеи в 26–36 годах.

Порфирий (ок. 233 – ок. 304) – ученик Плотина, представитель философии неоплатонизма, автор сочинения «Против христиан».

Прискилла (I век) – мученица, иудейка, обращенная в христианство апостолом Павлом, жена Акилы.

Прокл Константинопольский (♣ 446–447) – патриарх Константинопольский в 434–447 годах, святитель.

Прокопий Сазавский (ум. 1053) – аббат, просветитель Богемии и Чехии по латинскому образцу.

Прохор (♣ I век) – апостол от 70, диакон первенствующей Церкви, епископ Никомидийский, священномученик.

Птолемей II Филадельф (308–248 до Р.Х.) – царь, с 285 года, Египта из греческо-македонской династии Птолемеев.

Пульхерия (♣ 453) – благоверная царица, супруга императора Восточной Римской империи Маркиана (450–457) и сестра императора Феодосия II Младшего.

Раферий (X век) – епископ Веронский.

Римберт (сер. IX века) – первый шведский священник.

Ровоам (ок. 980 год до Р.Х.) – царь Иудейский, сын и преемник царя Соломона, при котором произошло разделение царства на Иудею и Израиль.

Роман Константинопольский Сладкопевец (♣ ок. 556) – диакон, творец канонов.

Савва Освященный (♣ 532) – игумен, преподобный.

Савл – см. Павел, первоверховный апостол.

Сапор (Шапур) I (?–272) – персидский царь с 241 года.

Сапор (Шапур) II (?–379) – персидский царь с 309 года.

Сатурнин (II век) – ересиарх, представитель сирийского гностицизма, учение которого впоследствии слилось с маркионитами.

Северин Норикумский (ум. 482) – просветитель Баварии и Австрии.

Септимий Север (146–211) – римский император с 193 года.

Серапион Антиохийский (III век) – патриарх Антиохийский в 202–236 годах, боролся с ересями.

Серапион Синдонит (♣ V век) – преподобный, египетский подвижник.

Сергий Павел (I век) – римский проконсул на Крите, принявший крещение от первоверховного апостола Павла.

- Сергий I (VII век) – патриарх Константинопольский в 610–638 годах.
- Симеон Богоприимец (♣ I век) – праведный, один из 72 толковников.
- Симеон Болгарский (864?—927) – болгарский князь с 893 года и царь – с 919 года.
- Симеон I (♣ 107) – апостол от 70, патриарх Иерусалимский в 62—107 годах, сын сродника Господня по плоти апостола Клеопы, священномученик.
- Симеон Метафраст (ум. ок. 940 или 976) – византийский государственный деятель и церковный писатель, святой Греческой Православной Церкви.
- Симеон Нигер Антиохийский (♣ I век) – апостол от 70.
- Симеон Столпник Антиохийский (356; ♣ 459) – преподобный, архимандрит.
- Симон-волхв (I век) – чернокнижник, хотевший за золото купить благодать Божию и наказанный за это кощунство первоверховным апостолом Петром.
- Симон Зилот (Кананит) (♣ I век) – апостол от 12, священномученик.
- Синклитикия Александрийская (♣ ок. 350) – преподобная, основательница женского монашества.
- Соломон (♣ ок. 928 до Р.Х.) – царь Иудейско-Израильского царства с 965 года до Р.Х., сын царя Давида.
- Сосфен (♣ I век) – апостол от 70, епископ Колофонский, бывший до крещения начальником синагоги в Коринфе.
- Софроний I Иерусалимский (♣ 638/644) – патриарх Иерусалимский в 634–644 годах, святитель.
- Спиридон Тримифунтский (♣ ок. 348) – святитель, чудотворец.
- Стефан (♣ 34) – апостол от 70, архидиакон первенствующей Церкви и первомученик.
- Стефан I Римский (♣ 257) – папа Римский в 253–257 годах, священномученик.
- Стефан (Иштван) I Святой (ок. 970—1038) – князь (с 997 года) и первый венгерский король – с 1000 года, ввел христианство по латинскому образцу в 997–998 годах.
- Тавифа Иопийская (♣ I век) – праведная дева.
- Таисия (♣ V век) – блаженная.
- Тарасий Константинопольский (♣ 806) – патриарх Константинопольский в 784–806 годах, святитель.
- Татиан (Тациан) (ум. ок. 175) – христианский писатель, по происхождению ассириец, начавший с апологетики христианства, но впоследствии обратившийся к гностицизму; составитель Четвероевангелия (Диатессарона), где было опущено родословие Иисуса Христа.
- Теодорих Великий (454–526) – король остготов (с 471 года); около 493 года основал независимое от византийского императора государство в Италии (близ Равенны).
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160—?) – карфагенский пресвитер, христианский богослов и апологет; впоследствии уклонился в ересь монтанизма.
- Тимофей (♣ ок. 96) – апостол от 70, епископ Ефесский, священномученик.
- Тимон (♣ I век) – апостол от 70, епископ Бострийский, диакон первенствующей Церкви, священномученик.
- Тит Флавий Веспасиан (39–81) – римский император с 79 года, сын и наследник Веспасиана.
- Траян Марк Ульпиций (53—117) – римский император с 98 года.
- Торвальд (сер. X века) – проповедник христианства в Исландии.
- Ульфила Готский (ок. 311 – ок. 381 /383) – епископ, ариан.
- Усфазан (Хусдазад) Селевкийский (♣ 344) – мученик.
- Фекла Иконийская Селевкийская (♣ I век) – первомученица, равноапостольная.
- Феликс Антоний (I век) – прокуратор, римский правитель Иудеи около 53 года.

Феодор Мопсуестийский (Мопсуестский) (ок. 350–428) – епископ, богослов; в молодые годы был близок к свт. Иоанну Златоусту; посмертно обвинен в несторианской ереси.

Феодор Начертанный (♣ 840) – преподобный, исповедник.

Феодор Освященный (♣ 368) – преподобный, игумен.

Феодор Стратилат Гераклийский (♣ 319) – великомученик.

Феодор Студит (759; ♣ 826) – игумен, преподобный, исповедник.

Феодор Тирон (♣ 306) – великомученик.

Феодора Греческая (500; ♣ 548) – правоверная царица, жена императора Юстиниана I.

Феодора Греческая (♣ ок. 867) – праведная царица (с 842 по 855 годы), восстановившая почитание икон, супруга императора-иконоборца Феофила.

Феодорит Киррский (ок. 393 – ок. 457) – епископ, христианский писатель, богослов; боролся против ересей Нестория и Евтихия.

Феодосии Великий Киновиарх (424; ♣ 529) – игумен, преподобный, палестинский подвижник, «общих житий начальник».

Феодосии I Великий (347–395) – римский император с 379 года, объединивший на короткое время всю Римскую империю; незадолго до смерти окончательно разделил империю на Западную (где правил его сын Гонорий) и Восточную (правил Аркадий); активно поддерживал христианство.

Феодосии II Младший (401–450) – император Восточной Римской империи с 408 года, сын императора Аркадия и внук Феодосия I.

Феодот Анкирский, корчемник (♣ 303) – мученик.

Феофан Начертанный Никейский, Константинопольский (♣ ок. 850) – епископ, преподобный, исповедник, творец канонов, брат Феодора Начертанного.

Феофил Александрийский (ум. 412) – патриарх Александрийский в 385–412 годах, гонитель свт. Иоанна Златоуста.

Феофил Антиохийский (ум. 188) – патриарх Антиохийский в 176–188 годах, исповедник, духовный писатель.

Феофил (ум. 842) – император-иконоборец Восточной Римской империи в 829–842.

Феофилакт Болгарский (нач. XII век) – архиепископ Охридский, духовный писатель.

Фест Порций (I век) – прокуратор Иудеи.

Филей Тмуитский, Египетский (ум. 307) – епископ, мученик. Филипп (♣ 81 /96) – апостол от 12, священномученик. Филипп (♣ I век) – апостол от 70, диакон первенствующей Церкви.

Филипп Марк Юлий Павел Араб (ок. 200–249) – римский император с 244 года, благосклонно относился к христианству.

Филон Александрийский (Филон Иудей) (ок. 20 до Р.Х. – 50) – религиозный мыслитель, представитель иудейского эллинизма.

Флавиан Антиохийский (V век) – патриарх Антиохийский в 381–404 годах, поборник Православия.

Флавиан I Константинопольский (♣ 449/450) – патриарх Константинопольский в 447–449 годах, исповедник.

Фока (ум. 610) – император Восточной Римской империи в 602–610 годах.

Фома (Дидим, Близнец) (♣ I век) – апостол от 12, священномученик.

Формоз (IX век) – папа Римский в 891–896 годах.

Фрументий Индийский (Ефиопский) (♣ ок. 380) – архиепископ Абиссинии, просветитель Ефиопии.

Хлодвиг I (465–511) – завоеватель Галлии, франкский король с 481 /482 годов, крестил салических франков по латинскому образцу около 497–498 годов.

Хозрой (Хосров) II Парвиз (?—628) – персидский царь из династии Сасанидов с 591 года.

Хродеганг Мецский (Франция) (ум. 766) – епископ, каноник.

Юлиан (Иулиан) Отступник Флавий Клавдий Юлий (332–363) – римский император в 361–363 годах, язычник и гонитель христианства.

Юстин I (ум. 527) – восточно-римский император в 518–527 годах.

Юстиниан I (482; ♣ 565) – благоверный, император Восточной Римской империи с 527 года.

Список рекомендуемой литературы

- Агафонов Николай, прот.* Иоанн Дамаскин. Исторический роман. М.: Изд. Сретенского монастыря. 2007.
- Василиадис Н.* Библия и археология. М.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2003.
- Владимир, митр. Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков патриарха Тюрка. М.: Изд. Московской Патриархии. 2002.
- Воейков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. Минск: Лучи Софии. 2000.
- Воробьевский Ю.* Прикровенная империя. М.: ФЛОРРИ-САМ. 2001.
- Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб.: Сатись, Держава. 2006.
- Давыдова С А.* Остров святого Православия. Русские паломники на Кипре. СПб.: Сатись, Держава. 2006.
- Дмитриевский Димитрий, прот.* История Православной христианской Церкви. М.: Руссшй Хронографъ. 2003.
- Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Минск: Харвест. 2005.
- Игумен Н.* Сокровенный Афон. М.: Даниловский благовестник. 2002.
- Иосиф Ватопедский, старец.* Афонские беседы. СПб. 2004.
- Климент (Капалин), архиеп. Калужский и Боровский.* В стране святых воспоминаний. Путешествие русских паломников в Египет. Калуга: Калужская духовная семинария. 2004.
- Лебедев А.П.* История Византии. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, ДАРЪ. 2005.
- Литвинова Е.М.* Крым: Православные святыни. Путеводитель. Симферополь: РуБин. 2004.
- Лопухин А.П.* Библейская история Ветхого Завета. Киев: Изд. имени свт. Льва, папы Римского. 2004.
- Николаев К.Н.* Экспансия Рима в Россию. Восточный обряд. Рим – Польша – Россия. М. 2005.
- Орлова О.В.* Крестный путь Иоанна Златоуста. М.: Адрес-Пресс. 2001.
- Святая диакониса. Святая Олимпиада и другие диаконисы древней Церкви. М. 2004.
- Словарь античности. Пер. с нем. М.: Эллис Лак, Прогресс. 1993.
- Талалай М.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М.: Паломник. 2003.
- Тальберг Н.Д., проф.* История христианской Церкви. Киев: Изд. имени свт. Льва, папы Римского. 2005.
- Толковая Библия. Комментарий на все книги Священного Писания/Под ред. А.П. Лопухина. В 2 тт. Минск: Харвест. 2004.
- Свт. Филарет, архиеп. Черниговский.* Жития святых, чтимых Православною Церковью. В 6 тт. М.: Изд. Сретенского монастыря. 2000.
- Флоровский Георгий, прот.* Византийские отцы V–VIII веков. Минск: Изд. Белорусского экзархата. 2006.
- Флоровский Георгий, прот.* Восточные отцы IV века. Минск: Изд. Белорусского экзархата. 2006.
- Христианский Египет. Сборник. М.: Лепта. 2005.
- Шургина М.* Вся православная Италия: от Милана до Сицилии. Путеводитель по монастырям и храмам. М.: Руссшй Хронографъ, Благо. 2007.